

■ Пирс Брендон ■

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1781–1997

*История империй —
история человеческих
страданий*

■ Пирс Брендон ■

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1781–1997

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
Б87

Piers Brendon
THE DECLINE AND FALL OF THE BRITISH EMPIRE
1781-1997

Перевод с английского М.В. Жуковой

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Печатается с разрешения издательства Jonathan Cape,
one of the Publishers in The Random House Group Ltd.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

*Оригинал-макет подготовлен издательством «Пилигрим»
(Санкт-Петербург)*

Подписано в печать 05.03.10. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 38,7. Тираж 3000 экз. Заказ № 572

Брендон, П.

**Б87 Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997 / Пирс
Брендон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 957, [3] с. : 24 ил.**

ISBN 978-5-17-065002-6(ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-03364-0 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Книга Пирса Брендона и по названию, и по содержанию перекликается с эпохальным трудом Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». И это не случайно: британцы, стремясь к завоеванию мира, всегда оглядывались на Древний Рим. Они нашли ключ к обретению истинного могущества на руинах Рима. Но там же следует искать и причины падения Британской империи.

Об этом и многом другом автор размышляет на страницах данной книги и рисует многоплановую картину упадка и разрушения Британской империи между 1781 и 1997 годом.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

© Piers Brendon, 2007
© Перевод. М.В. Жукова, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Вивьен, с любовью и благодарностью

Содержание

Список иллюстраций.....	7
От автора.....	9
Введение	13
Глава 1. «Мир, перевернутый вверх тормашками»	
Война за независимость в Америке и работорговля	23
Глава 2. «Английская казарма в Восточных морях»	
Индийская империя Британии	60
Глава 3. «Исключенные из катастрофической кастовой системы»	
Австралия, Канада и Новая Зеландия	98
Глава 4. «Останавливаться опасно, отступать губительно»	
Дальний Восток и Афганистан	139
Глава 5. «Священный гнев»	
Ирландский голод и индийский мятеж	165
Глава 6. «Благая Весть плывет над миром, но пулемет «Максим» стучит»	
К покорению Африки.....	191
Глава 7. «Великолепная империя под британским флагом»	
От Кейптауна до Каира.....	244
Глава 8. «Варвары шумят на границах»	
Англо-бурская война и империя в Индии	287
Глава 9. «Империя, справедливая или несправедливая»	
Фландрия, Ирак, полуостров Галлиполи и горная гряда Вими-Ридж	331
Глава 10. «Горящие надеждой освобождения»	
Ирландия и Ближний Восток	380
Глава 11. «Англичанам нравится представляться богами»	
Запад и Восток.....	429
Глава 12. «Белые объединяются с черными лишь в редких случаях»	
Кения и Судан.....	456

Глава 13. «Плетение нити индийской судьбы»	
Путь к независимости Индии.....	484
Глава 14. «Это конец Британской империи»	
Сингапур и Бирма	536
Глава 15. «Цель лейбористов – спасти империю»	
Цейлон и Малайя	564
Глава 16. «Золотая чаша, полная скорпионов»	
Святая Земля	591
Глава 17. «Уничтожение национальной воли»	
Вторжение в Суэц и эвакуация Адена	616
Глава 18. «Возрождающаяся Африка»	
Золотой Берег и Нигерия.....	651
Глава 19. «Ухуру – свобода»	
Кения и «мау-мау».....	693
Глава 20. «Вся родня»	
Родезия и Центральноафриканская Федерация.....	723
Глава 21. «Скалы и острова»	
Вест-Индия и Кипр	760
Глава 22. «Вся наша вчерашняя помпезность»	
Фолклендские острова и Гонконг.....	795
Библиография	832
Сокращения, использованные в примечаниях.....	843
Примечания	845

Список иллюстраций

Первый раздел

1. Миссионер с таитянскими обращенными (Корбис, хранилище картин). 2. Аболиционистский медальон Веджвуда (Уилберфорс-хаус, музей и художественная галерея города Гульль, Художественная галерея Бриджмана). 3. Имперский интерьер, 1890 г. (Гетти, хранилище фотографий). 4. Лорд и леди Керзон охотятся в Хайдарабаде, 1902 г. (Лондонская художественная галерея). 5. Армейская команда игроков в поло из Хайдарабада (Корбис). 6. Сэр Джеймс Григг въезжает в Симлу, 1938 г. (Корбис). 7. Вид на гавань Гонконга с горы Виктории (коллекция Джона Гиллелсона). 8. «Железный конь» Канадской Тихоокеанской железной дороги (Государственная библиотека Ванкувера, специальные коллекции). 9. Гравюра с изображением индийской железной дороги (Индийская художественная школа, частная коллекция / Художественная галерея Бриджмана). 10. Время чаепития на Цейлоне (Корбис). 11. Урожай чая на Цейлоне (Корбис). 12. Король Тибо и царица Супаялат в Бирме (Корбис). 13. Рождество в Бирме, 1885 г. (Корбис). 14. Шотландские войска рядом со Сфинксом, 1882 г. (Корбис). 15. Туристы на египетской пирамиде, 1938 г. (Корбис). 16. Почтовые марки империи (из частной коллекции).

Второй раздел

17. Офицеры и солдаты-сикхи, 1858 г. (Музей национальной армии, Лондон / Художественная галерея Бриджмана). 18. Лакхнау после восстания сипаев (Корбис). 19. Британский лагерь в Афганистане (Корбис). 20. Афганские стрелки на Хайберском перевале (Корбис). 21. Ирландские крестьяне в 1880-е гг. (Корбис). 22. Главпочтамт Дублина после Пасхального восстания (Корбис). 23. Колосс Родс (Гетти). 24. Исандлвана после битвы, 1879 г. (Музей национальной армии / Художественная галерея Бриджмана). 25. Золотоискатели в Де-Каапе, Южная Африка (Корбис). 26. Буры в Спион-Коп, 1900 г. (Корбис). 27. Обед во время осады Ледисмита (Попперфото). 28. Бухта у Галлиполи, где высадились солдаты из АНЗАК в 1915 г. (Корбис). 29. Индийский военный госпиталь, Брайтон (Корбис). 30. Японцы идут на Рангун, 1942 г. (Корбис). 31. Нигерийский сержант в Бирме, 1944 г. (Имперский

военный музей, Лондон, инд. номер IND3098). 32. Торговля идет вслед за флагом (этикетки из коллекции Роберта Оупи).

Третий раздел

33. Привлекательность империи (этикетки из коллекции Роберта Оупи). 34. Соляной марш Ганди, 1930 г. (Корбис). 35. Неру и Джинна, 1946 г. (Корбис). 36. Последний вице-король Индии вместе с вице-королевой (Корбис). 37. Беженцы после раздела Индии в 1947 г. (Корбис). 38. Еврейские беженцы прибывают в Хайфу, 1946 г. (Корбис). 39. Исход палестинских беженцев в сектор Газа (Корбис). 40. Столкновение британских войск с киприотами в Никосии, 1955 г. (Корбис). 41. Транспорт для перевозки войск «Эмпайр Кен» в Порт-Саиде, ноябрь 1956 г. (Гетти). 42. Задержание подозреваемых «мау-мау» в Кении, 1952 г. (Корбис). 43. Джомо Кениату провозглашают премьер-министром, 1963 г. (Корбис). 44. Королева Елизавета II во время путешествия по Нигерии, 1956 г. (Корбис). 45. Кваме Нкрума ведет Гану к независимости, 1957 г. (Корбис). 46. «Юнион Джек» спускают в Гонконге, 1997 г. (Оназия).

На форзаце в начале книги:

Карта мира, на которой показаны владения Британской империи в 1886 г. (© Королевское географическое общество, Лондон).

На форзаце в конце книги:

Карта мира, на которой отмечены морские торговые пути и владения Британской империи в 1927 г.

От автора

В этой книге говорится о пяти континентах и событиях, происходивших на протяжении более двухсот лет. На ее написание у меня ушло шесть лет. Соответственно, за это время я набрал много долгов.

Во-первых, я должен поблагодарить друзей и коллег из Черчилль-Колледжа Кембриджского университета, которые мне всячески помогали. Особенно я благодарен Аллену Пэквуду, директору Центрального архива Черчилля, а также бывшим и нынешним участникам его выдающейся команды — Натали Адамс, Луизе Кинг, Эндрю Рили и Катарине Томпсон. Доктор Дик Уайттакер обеспечивал меня необходимыми сведениями о Римской империи. Хайвел Джордж представил уникальный взгляд на послевоенную Британскую империю. Доктор Алан и Джуди Финдли организовали познавательную экскурсию по Министерству иностранных дел и по делам Содружества, в чем любезно помог их сын Мэттью. Леди Джулия Бойд поделилась воспоминаниями о кончине Британской империи, который наблюдала лично. После передачи власти в Гонконге 30 июня 1997 г. она стала свидетельницей того, как королевская яхта «Британия» с последним губернатором, принцем Уэльским и другими высокопоставленными лицами на борту скрылась во тьме, отправившись в последнее плавание.

Большую часть работы я проводил в университетской библиотеке Кембриджа, ни с чем не сравнимом источнике для любого историка. Хочу особо поблагодарить Рейчел Роу, Годфри Уоллера и Питера Медоуза, библиотекаря Библейского общества. И другие библиотекари и архивариусы прилагали массу усилий, чтобы облегчить мою работу. Я чувствую себя особо обязанным доктору Гарету Гриффиту, директору Музея Британской империи и стран Содружества, который предоставил в мое распоряжение комнату в Бристоле. Там же я смог проконсультироваться у Джо Даффи. Родерик Саддэби помогал мне в Имперском военном музее. Мне также оказал помощь Кевин Гринбанк в Центре по изучению Южной Азии в Кембридже.

Содействовали мне и в других странах. Доктор Сароджа Веттасингх, директор Национального архива Шри-Ланки, облегчила мне доступ к своим собраниям. Сьюзен Маллон приложила нема-

ло усилий, чтобы ознакомить меня с рукописными материалами в библиотеке Митчелла (Сидней).

В процессе исследований я посетил ряд бывших колониальных клубов — «Толлигунгу» в Калькутте, «Бангалор» и «Гонконг», а также ряд других, где меня очень хорошо приняли. Я особо благодарен Алану Окли, секретарю «Хай-Рейндж-Клуб» в Муннаре (штат Керала), и Стэнли Гунератне, секретарю «Хилл-Клуб» в Нувара Элиа. Он же любезно предоставил мне свои записи.

Меня консультировали многие люди, среди них Дэн Бёрт, профессор Мартин Донтон, доктор Ричард Дункан-Джонс, Билл Киркман, Гамини Мендис, профессор Джеймс Мюллер, Манус Нинан, Энтони Пембертон, Гарольд Розенбаум и доктор Калдер Уолтон. Сэр Кристофер Гам щедро поделился своими воспоминаниями о дипломатической службе и китайско-британских переговорах по поводу Гонконга. Сидни Болт с характерным для него юмором вспомнил о британском правлении в Индии в военное время, а также выступил с замечаниями по частям моей рукописи. Майкл Мёрфи сделал то же самое относительно разделов, посвященных Ирландии. Он украсил текст веселыми заметками и сносками на полях. Рекс Блумштейн изучил главу, посвященную Палестине, хотя едва ли мог себе позволить потратить на это время. Ричард Инграмс не только откопал захватывающий рассказ о колониальном Кипре, написанный Полом Футом вскоре после окончания школы, в которой обучались мы трое, но также отправил мне книги по данной теме. Это же сделал и Джереми Льюис, обладающий безошибочным литературным чутьем (он еще и взглянул на текст).

Остальные друзья помогали самыми различными способами. Это профессор Кристофер Эндрю, мой покойный литературный агент Эндрю Бест, о потере которого я очень сожалею, профессор Вик и Пэм Гатрелл, Тим Джил, Шарон Морис, профессор Ричард Овери и Джон Тайлер. Профессор Джеймс Мейолл позволял мне задавать ему вопросы во время долгих обедов.

Я наслаждался совместными обедами и с доктором Рональдом Ямом, ведущим британским специалистом по распаду империи. Ему я обязан гораздо большим, чем могу сказать. Он был моим руководителем во время учебы на последнем курсе в колледже Магдалины Кембриджского университета, в дальнейшем давал мне советы. Хотя в то время издавалась его собственная книга, он внимательно изучал каждое слово в моей. Его критика, исправления и предложения имеют огромную ценность. Стоит ли говорить, что, несмотря на всю его помощь, только я сам несу ответственность за все ошибки, которые остались в тексте.

Я получил разрешение на цитирование материалов из рукописных источников, которые перечислены в конце книги. Я хочу

особо поблагодарить представителей библиотеки Кембриджского университета, «Матесон энд Ко., Лтд.», «Кёртис Браун, Лтд.» (Лондон), действующих от имени наследников сэра Уинстона Черчилля (по защите авторских прав Уинстона С. Черчилля), а также мастера и участников совета Черчилль-Колледж Кембриджского университета. В последующие издания будут внесены исправления, если произошло непреднамеренное нарушение каких-либо авторских прав.

Как и всегда, я благодарен своему издателю Дэну Франклину, который заказал эту книгу, ждал ее с образцовым терпением и принял с большим энтузиазмом. От этого на душе становится тепло. Он обеспечил команду, которая сделала процесс издания легким и приятным. В группу входили Элла Оллфри, ведущий редактор, Ричард Коллинз, очень дотошный помощник редактора, Лили Ричардс, обладающая прекрасным воображением, которая без устали искала снимки, и Анна Кроун, которая прекрасно сделала обложку.

При подготовке книги ключевую роль сыграли еще два человека. Это мой друг, бывший издатель и литературный гуру Том Розенталь, который постоянно меня подбадривал и оказывал моральную поддержку. Хотя моя жена Вивьен была занята собственной книгой, «Дети Раджа», она бесконечно уделяла время моей, участвуя в большей мере в качестве равного сотрудника, а не помощницы. Она сыграла огромную роль в появлении этой работы. Я посвящаю книгу ей с любовью и благодарностью.

Введение

Название этой книги, которое эхом повторяет «Историю упадка и разрушения Римской империи», требует пояснения, а то и извинений. Оно было выбрано не ради моего желания посоперничать с Эдуардом Гиббоном. Но его работа очень глубоко связана с моей темой.

Эта глубина пока не исследована. Ни один историк в здравом уме не станет предлагать сравнить себя с Гиббоном. У его шедевра, написанного с изумительным умом и несравненным стилем, нет конкурентов. «История упадка» уже два века будоражит воображение читателей. Она выполнила уникальную функцию, это высокая башня литературной архитектуры. Как отмечал Карлайл, книга служит неким мостом между древним и современным мирами. Она «великолепно перекрывает мрачную и переполненную пропасть варварских веков»¹.

Как сказал автор в автобиографии, эта работа удовлетворила желание увеличить масштаб человеческого понимания. У нас короткая жизнь. Поэтому мы «тянемся вперед, за черту смерти, с теми надеждами, которые предлагают религия и философия. Мы заполняем молчащую пустоту, которая предшествует нашему рождению, связывая себя с авторами нашего существования. Кажется, что мы жили в наших предках»².

Однако работа Гиббона особо очаровала и впечатлила его соотечественников. Если каждый оглядывается назад, чтобы найти путь вперед, то британцы особо оглядывались на Рим. Их правители изучали древние языки и античную литературу. Многие представители элиты посещали достопримечательности, связанные с античностью. Они жили в свете Возрождения. Они погружались в потрясающую драму Гиббона (но игнорировали его предупреждение об опасности сравнения удаленных друг от друга эпох), осознавали поразительные аналогии между двумя державами, которые доминировали в своих мирах. «История упадка и разрушения» стала важным путеводителем для британцев, которые хотели планировать собственную имперскую траекторию. Они нашли ключ к пониманию Британской империи в руинах Рима.

Отчасти цель моей книги — оценка последствий такого колоссального разрушения. Оно объяснялось бесчисленными способами. Британские империалисты выкопали огромное количество разнообразных признаков и предзнаменований из многочислен-

ных пластов археологических раскопок. Вечный город был все-ленским, колоссальным, непонятным и двусмысленным в своем выражении. Он объединял галактику миров, некоторые из них были противоречивыми, другие — совместимыми друг с другом.

Имелся республиканский Рим — чистый, добродетельный, героический, город Горация, воспетый Макколеем, город Регулуса, героя Киплинга. С ним связан стоический Рим благородного Брута, добродетельного и справедливого Марка Аврелия, чьи «Размышления» сопровождали Сесила Родса во время путешествий по вельду. Был и имперский Рим — вооруженная деспотия, направленная на покорение и завоевания, использованная для оправдания «авторитарной политики»³ имперской Британии (Томас де Куинси хвалил мужественного Цезаря за подавление римской свободы). Есть Рим Антония, который господствовал над золотым веком цивилизации. Его «*Pax Romana*», «Римский мир», явно предшествовал «*Pax Britannica*». Вспоминается языческий Рим, чьи бессмертные музы способствовали расцвету культуры Запада. Но имелся и католический Рим, который Гиббон выставил на посмешище и осудил за соединение предрассудков, фанатизма и коррупции. Он подтвердил часть предвзятых мнений Британский протестантской империи, заметив: «Насильник папа Иоанн XII удерживал женщин-паломниц от посещения гробницы святого Петра, чтобы во время поклонения их не изнасиловал его преемник»⁴. Был монументальный Рим, который имитировался всегда, когда британские империалисты хотели воплотить власть в камне. Наконец, хотя этим ни в коем случае не заканчивается перечень, известно о декадентском Риме. Если такие эстеты, как Свинберн и Уайльд, могли прославлять его романтическое вырождение, суровые хранители более великой Британии, чьей целью была физически крепкая и выносливая нация⁵, рассматривали его, как предзнаменование расового вырождения и упадка империи.

Эти отдельные, но наложенные одно на другое лица Рима произвели впечатление и на Зигмунда Фрейда. Он представлял Рим моделью разума. Это город, в котором все сохранено, как мысли в подсознании. Новые структуры сосуществуют там со старыми. «В том месте, где стоит палаццо Каффарелли, снова будет стоять храм Юпитера Капитолийского — без сноса палаццо. Но не только в последней версии, как видели его римляне империи, но и в самой ранней, в которой все еще оставались архитектурные формы этрусков, а здание украшалось терракотовыми антефиксами. Там, где сейчас стоит Колизей, мы в то же самое время можем наслаждаться исчезнувшим золотым дворцом Нерона. На площади перед Пантеоном мы найдем не только сегодняшний Пантеон, который завещал нам Адриан. На том же месте окажется и изначаль-

ное здание, воздвигнутое Агриппой. На самом-то деле на том же участке земли находится церковь Санта-Мария-сопра-Минерва и древний храм, на фундаменте которого ее построили»⁶.

Фрейд остановился, сказав, что не может должным образом представить жизнь духа в художественных образах. Однако его видение Рима как духовной сущности великолепно, что наводит на размышления. Оно указывает на то, как римское прошлое влияет на настоящее и вливается в него, а также показывает: эта огромная метрополия может быть всем для людей. Рим являлся огромным палимпсестом человеческого существования — едва ли разборчивым, трудным для расшифровки, давно уже считающимся пророческим. Двойственность его посланий — определенное преимущество для тех, кто больше всего был заинтересован в уроках, которые можно получить из его истории.

Нет необходимости говорить, что британцы — не единственная нация, которая подтверждала свою национальную мифологию ссылками на Рим. Царь (это русская форма имени Цезаря) Иван Великий заявлял, что Москва — «третий Рим». Наполеон короновал себя в императоры золотым венком, сделанным по типу лаврового, а церемония была основана на описании коронации Карла Великого (она включала присутствие двенадцати девственниц, которых оказалось трудно найти в постреволюционном Париже). И Гитлер, и Муссолини использовали римскую модель, а нацисты заявляли, что Англия — это «современный Карфаген»⁷. Но кажется, что именно британцы, хозяева империи, гораздо большей, чем империя Траяна, имеют право претендовать на то, чтобы называться «духовными наследниками Рима»⁸.

Они постоянно отождествляли себя с имперскими предшественниками. Дж.А.Фроуд начал биографию Юлия Цезаря с заявления о том, что «англичане и римляне по сути похожи друг на друга»⁹. Лорд Брис сказал, что люди, завоевавшие Римскую империю, и британский «радж» одержали победу благодаря силе характера¹⁰.

В сравнительном исследовании Рима и Британии сэр Чарльз Лукас подтвердил: оба народа обладали «врожденной способностью править»¹¹.

Подобные открытые признания обычно делались для усиления уверенности британских империалистов. В действительности современная империя чаще всего изображалась, как шаг вперед по сравнению с древней, особенно — в вопросах свободы, неподкупности и науки. Гиббон высмеивал попытку императора Гелиогабала выяснить количество жителей Рима, сплетя «огромную паутину»¹².

Но, как будет показано ниже, не все контрасты оказывались в пользу Британии. Лорд Кромер признавал: Рим, правители которого часто оказывались из провинций за пределами Италии, был

гораздо более прогрессивным, чем любая нынешняя держава, ассимилирующая подчиненные народы. Несмотря на одобрение того вида расовой дискриминации, который сильно разрушал Британскую империю, Кромер признает, что его соотечественники оказались излишне привилегированными¹³.

Рим как предупреждал, так и учил. Индийские чиновники, которых беспокоили границы на северо-западе, обсуждали уроки римской политики в отношении провинций с У.Д.Арнольдом, преподавателем из Оксфорда: «Они опасались, что трагедия Римской империи, краины которой разрастались за счет центра, снова повторится»¹⁴. В статье о римских руинах автор викторианской эпохи из «Эдинбург Ревью» попытался представить, «сколько топографических названий Лондона будет восстановлено по фрагментам нашей собственной литературы, которая может существовать и через тысячу лет после появления некоторых строений»¹⁵.

Чтобы избежать упадка и разрушения собственной империи, некоторые британцы обдумывали вопрос завлечения Соединенных Штатов Америки в англо-саксонскую федерацию. Джон Уэст, язвительный историк из Тасмании, даже припомнил европейский призрак Рима. «Американская и Британская империя стоят на всех морях, — написал он в 1852 г. — Земли, покоренные Цезарем, открытые Колумбом и исследованные Куком, в настоящее время соединились. Они получили одну судьбу»¹⁶.

Они вместе могли бы доминировать в мире. Но Гиббон, хотя его и можно интерпретировать оптимистически, предпочел менее подозрительный прогноз. Когда вышел первый том его работы (в 1776 г.), американские колонии уже восстали, а Британская империя страдала от некоторых пороков, которые разрушили Рим — от роскоши, коррупции и чрезмерного расширения.

Несмотря на возрождение и расширение в следующие 150 лет, британцы продолжали находить у Гиббона (работа которого, завершающаяся Византией, охватывает тысячу лет) намеки на обреченность и закат своей империи. После того, как это случилось, иногда все равно продолжало долетать классическое эхо. Когда Гарольд Макмиллан посетил Индию в 1958 г., другой ученик Гиббона, премьер-министр Неру, сказал ему: «Интересно, а римляне когда-то возвращались назад, в Британию?»¹⁷

Такие размышления появляются в разнообразных формах на протяжении этой книги. Они обеспечивают многоплановость центральной темы — упадка и разрушения Британской империи между 1781 и 1997 гг.

Несмотря на долгое прощание Гиббона с Римской империей, может показаться парадоксальным и даже неправильным проследивать крах Британской империи от восстания тринадцати коло-

ний. Но победа Вашингтона при Йорктауне действительно стала сигналом катастрофы для метрополии, она послужила предзнаменованием будущих неудач и отступлений, а также подъема могущественной Американской империи.

Но восстановление Британии было драматичным, а продолжавшиеся победы на Востоке компенсировали разгром на Западе. Нельзя отрицать поразительный рост империи, которая, так или иначе, расширялась на протяжении викторианской эпохи и достигла своего территориального апогея между двумя мировыми войнами. Однако, как говорит Фернанд Бродель, подъем и крах великих держав можно понять только по прошествии времени. Требуется изучить огромный период. Не опускаясь до теологических заблуждений и ошибок, рассматривая свой предмет в обратном направлении, историки обнаружили смертельно опасное напряжение в Британской империи уже в 1820-е гг. Но, судя по всему, она была физически слабой с самого начала. И американские повстанцы это доказали.

Более того, империя с самого рождения несла в себе идеологическую бациллу, которая оказалась фатальной. Это «отеческая доктрина» Эдмунда Бёрка, который утверждал: колониальное правительство является опекуном. Именно так его и надо подавать подчиненным народам, чтобы они, в конце концов, получили свободу, положенную им по праву рождения.

Британская империя имела маленькую человеческую и географическую базу, удаленную от своих заморских владений. В конце XVIII века она по счастливой случайности приобрела промышленные, коммерческие и военно-морские преимущества, которые соперники в дальнейшем подорвали. Обладая такой ограниченной способностью к удержанию завоеванного, империя стремилась к заключению соглашений и находила местных коллаборационистов. Но господство империи по природе своей ослабляло их верность и преданность. Гиббон говорит об этом в самой первой из опубликованных фраз в «Эссе об изучении литературы» (благодаря ему, как говорил автор, он утратил «литературную девственность»)¹⁸. «История империй — это история человеческих страданий», — писал он.

Это так, ведь изначальное подчинение всегда происходит варварскими способами, а дальнейшая оккупация, как правило, подавляет. Имперским державам не достает законности. Правят они безответственно, полагаясь на оружие, дипломатию и пропаганду. Но никакие оправдания не могут избавить от инстинктивной враждебности к контролю со стороны иноземцев. Сам Гиббон выступал за свободу, в данном вопросе он добрался до сути: «Нельзя придумать более несправедливой и абсурдной конституции, чем та, которая обрекает

коренное население страны на постоянную зависимость и рабство при деспотичном доминировании чужестранцев»¹⁹.

Спротивление такому господству вызывало жестокие репрессии — например, те, на которые пошли британцы после восстания сипаев в Индии. Так укоренился антагонизм, от которого невозможно избавиться. Однако Британская империя была гораздо лучше других, что признавал даже Джордж Оруэлл. Это либеральная империя. Ее функционеры заявляли: преданность свободе является фундаментальной в их миссии несения цивилизации. Касательно этого Ллойд-Джордж заявил во время Всебританской имперской конференции в 1921 г., что эта империя уникальна: «Свобода является ее связующим принципом»²⁰.

Людам, находившимся под имперским ярмом, подобные подтверждения, судя по всему, казались примерами наглого британского лицемерия. Но это стало данью, которую порок платит добродетели. В XX веке британцы столкнулись с неблагоприятной обстановкой почти везде, они с неохотой применяли свои принципы на практике, выполняя роль государства-опекуна. После чего и пришлось предоставить своим «черным» и «коричневым» колониям независимость (чаще всего — в рамках Содружества), которую давно получили белые доминионы. Так Британская империя реализовала давно лелеемый идеал и стала тем, что «Таймс» в 1942 г. назвала «самоликвидирующимся концерном»²¹.

Задолго до того викторианцы начали надеяться, что «какой-то будущий Гиббон напишет историю Британской империи»²². Во всяком случае, даже не сделав этого, современные историки могут черпать вдохновение из его достижений, обучаясь на его методах.

Гиббон в первую очередь учит, что хронология — это логика истории. (Но он не чувствовал ничего, кроме презрения, к простым хроникерам, хотя благосклонно относился к рассказу, который полагается на «временной порядок, этот надежный пробный камень истины»)²³. Автор «Истории упадка» является образцом иронии и скептицизма. Гиббон остерегался и избегал универсальных систем. Он относился к философской истории, как и к рациональной теологии, считая ее «странным кентавром»²⁴.

Гиббон предлагал высокомерные нравственные и политические объяснения распада Римской империи. Не все они были состоятельными. Но его абстракции, включая абстрактность прозы, отражали возвышенное понимание конкретного, Великий гобелен Гиббона отличается своими нитями. Это театральное представление прошлого, полное характера и действия, и трагичного, и комичного. Оно проходит в богато украшенных декорациях. Именно в деталях собака зарыта. Если Вольтер проклинал детали (паразитов, которые убивают шедевры), то Гиббон видел вселенную

в песчинке, схватывал макрокосм в микрокосме. Его история — это созвездие блестящих частиц. Они часто осложняли рассказ, но он критиковал бесхитростных и туповатых историков, «которые, избегая деталей, избегали трудностей»²⁵.

Уолтер Бейджкот шутил, что Гиббон никогда не смог бы написать о Малой Азии, потому что всегда писал в мажорной (или, как говорят в Англии, в «большой») тональности. Это не так. Ведь автор получал удовольствие от мелочей и деталей, выступал за сохранение тривиальных вещей. «История упадка и разрушения» включает малоизвестную информацию обо всем — от шелка до мрамора, от каналов до мельниц, от русского осетра до болонской копченой колбасы, «которую, как говорят, делают из задницы»²⁶. Кроме всего прочего, автор уловил дух различных мест, в первую очередь, Рима в состоянии красноречивого разрушения. Гиббон представил резкие и обстоятельные описания. Автор живо передает цвет, тон и текстуру человеческой жизни на протяжении долгих лет, которые охватывает.

У меня такая же цель, но на более короткий период. Я попытался представить большую картину при помощи множества деталей, рассказав историю империи, изображая людей и их короткие жизни, места и события, упоминая важные перспективы и ключевые эпизоды. Моя сцена наполнена британскими имперскими действующими лицами — от Железного Герцога до Железной Леди. На этих страницах вы встретите политиков, губернаторов колоний и доминионов, чиновников, солдат, торговцев, исследователей, авантюристов, предпринимателей, старателей, миссионеров, героев и негодяев. Но список действующих лиц не ограничивается лицами вроде Палмерстона, Солсбери, Джозефа Чемберлена, Черчилля, Керзона, Китченера, Т.Э.Лоуренса, Ливингстона и Родса. Империя рассматривается и с точки зрения колоний, и с точки зрения колонизаторов. Поэтому должное внимание уделяется государственным деятелям из доминионов (таким, как Лорье и Хьюз), ирландским лидерам (Парнелл, де Валера), премьер-министрам белого меньшинства (Веленски и Ян Смит), многочисленным националистам из местного населения. Среди последних следует упомянуть Крюгера, Заглула, Насера, Ганди, Неру, Джинну, Бандеранаике, Ба Мау, Аун Сана, туанку Абдуллу Рахмана, Макариоса, Нкруму, Азикиве, Кениату и Мугабе. Эти герои появляются на фоне тех обстоятельств, в которых оказались, они могут быть как малозначительными, так и великими.

Я прослеживаю отклонения и переплетения жизни в империи. Некоторые из них рассматриваются с особой тщательностью и вниманием. Я говорю о том, что ели и пили строители империи, о том, какую одежду носили, какие дома строили, в какие клубы

вступали, какую борьбу вели, какие трофеи получали, какие юбилеи, торжественные приемы и выставки посещали. Я отмечаю их подстриженные усы и обрезанную крайнюю плоть, пристрастие к играм и работе, идеи, не свидетельствующие о высоком интеллектуальном уровне, благородство, присущее им странное смешение честности и лицемерия, озабоченность соблюдением протокола и престижем, расовые предрассудки и размах, с которым они жили в симбиозе со своими подопечными.

Места действия в различных частях империи крайне важны для этой книги. Они показывают, какое огромное количество материала в ней охвачено. В ней представлен растительный рай Вест-Индии, ужасно изуродованный рабовладением. Здесь же исследуются нетронутый, хаотичный и беспорядочный мир Австралии и идиллическая дикая природа Новой Зеландии, прошлой и будущей Британии в южном полушарии. Вы посетите джунгли Азии и Африки, которые стали играть такую большую роль в жизни и литературе империи. В книге оценивается влияние природы на человека. Особо рассматривается столкновение между топографией и технологиями — проход паровых железных левиафанов с гребными винтами по Суэцкому каналу, железная дорога, которая тянется по саваннам, горам, лесам и долинам, связывая участки земли размером с Канаду и Индию; станковый пулемет «Максима», при помощи которого «цивилизация» подчиняла «варварство». В книге исследуются города империи — Лондон, Дублин, Иерусалим, Оттава, Кингстон, Лагос, Найроби, Каир, Дели, Рангун, Сингапур и Гонконг. Противопоставляются дворцы, в которых живут белые, и трущобы для «цветного» населения.

Многу расшифровываются послания, переданные архитекторами империи. Они часто смешивались. Дом правительства в Мельбурне проектировался в Осборне, итальянский особняк королевы Виктории — на острове Уайт, а Дом правительства в Пуне, судя по всему, является смешением стиля эпохи Возрождения, романской и индуистской архитектуры²⁷. Однако Нью-Дели напоминал Рим, будучи бесспорным символом могущества. И его строительство было закончено как раз в то время, когда Британская империя в Индии вступала в последнюю стадию упадка. Такова ирония судьбы. Здесь я рассуждаю о статуях, мемориалах и зданиях всех видов, реликвиях и памятниках прошлого, а также руинах будущего.

На этом фоне разворачивается повествование, которое оказывается мостом между основанием республики в Америке и превращением ее в единственную супердержаву. (А в этом многие видят теперь ее собственный упадок). Присутствие США вездесуще и повсеместно, хотя иногда и не выражается словами. На самом деле, мне не хватит места, не говоря уж о знаниях, чтобы рассмот-

реть все аспекты истории Британской империи. Как и Гиббон, я был вынужден представить некоторые события вместе с другими. Например, развитие доминионов дается только набросками, и совсем не потому, что они так рано и так легко добились фактической независимости.

Текст несколько нагружен экономикой. Герои, к сожалению, по большей части, мужчины. Очень мало говорится о народных массах в колониях (они появляются в том, что странным образом именуется «частными исследованиями»). Недостаточно сказано об официальной точке зрения империи и функционировании Уайт-холла. Клерки беспрерывно и часто противоречиво говорили что-то другим клеркам. В любом случае, их рассуждения в более поздние времена умело вплетены в многочисленные тома незамеченных «Документов Британии, относящихся к концу империи». Я в основном полагаюсь на опубликованные источники, хотя во многие главы добавлен материал из рукописей. Однако оказалось возможным воспользоваться далеко не всеми архивными материалами, а лишь теми, которые оказались доступными. Несложно определить, что еще пропущено...

Естественно, я надеюсь, что об этой книге будут судить по тому, что в ней рассказывается. Здесь содержится много интересных эпизодов, хотя меньший упор делается на победы, а больший — на трагедиях и провалах, которые подорвали империю. Среди охватываемых тем — работорговля, опиумные войны, восстание сипаев в Индии, голод в Ирландии, англо-бурская война, полуостров Галлиполи и горная гряда Вими-ридж, поражение на Дальнем Востоке, борьба Ирландии и Индии за независимость, тяжелое положение на Ближнем Востоке, запутанная ситуация в Палестине, отступление из Суэца, восстание «мау-мау», бегство из Африки, имперский эпилог на Фолклендских островах и в Гонконге. Дела, которые сделали империю, и даже те, что поспособствовали ее потере, иногда представляются героическими и доблестными. Но я не уклоняюсь и от рассмотрения обратной стороны, изнанки предприятия, тем более, что в нездоровом неоимпериалистическом климате наших дней ее преуменьшают. Крах Рима имеет вечное значение. Точно такое же значение получают и упадок и разрушение (если использовать клише, от которого не уйти) величайшей империи, которую когда-либо видел мир. Кроме всего прочего, я попытался передать в этой книге огромное очарование саги об империи, имеющей исключительную важность.

Пирс Брендон,
Кембридж

Глава 1

«Мир перевернулся вверх тормашками»

Война за независимость в Америке. Работоторговля

Ясным днем 17 октября 1781 г., примерно в десять утра, одинокий юный барабанщик в красном мундире и поношенной медвежьей шапке взобрался на разрушенные земляные укрепления перед Йорктауном. Сигнал барабана стал призывом к переговорам.

Войска Джорджа Вашингтона находились в траншеях, которые, словно петель, окружали маленький порт, специализировавшийся по поставкам табака. Сторонники независимости видели барабанщика сквозь дым сражения. Но они не могли расслышать сигнал из-за грохота сотни орудий. Беспрерывно стреляли 25-фунтовые осадные пушки, которые разрушали укрепления, грохотали восьмидюймовые гаубицы, разрывавшие на части обороняющихся. Более легкие орудия расщепляли обшитые досками дома вдоль отвесного берега, который выходил на Чесапикский залив. Иногда ядра скакали по воде, словно плоские камешки.

Стреляли и тяжелые французские мортиры, а их двухсотфунтовые снаряды, черные бомбы, ясно различимые при дневном свете и становящиеся горящими метеорами после наступления темноты, заставляли сотрясаться весь полуостров.

Вскоре за спиной мальчика появился британский офицер, размахивающий белым носовым платком. Он принес сообщение от лорда Корнуоллиса, чья разбитая армия не имела возможности бежать. Предлагалось покончить с кровопролитием.

Огонь прекратился. Посыльному завязали глаза...

Начались переговоры о капитуляции британцев. Вашингтон оставался непреклонным в своей роли самого благородного республиканца из всех. Он нанес тяжелый удар по чести империи. 7 200 солдатам Корнуоллиса предстояло стать военнопленными. Им надлежало пройти со свернутыми флагами между рядов своих противников, которые выстроятся вдоль дороги из Йорктауна, идущей сквозь белые от хлопка поля. От англичан потребовали сложить оружие.

Это была «унизительная сцена»¹. За ней в мертвой тишине наблюдали американцы, одетые в потрепанную домотканую одежду, «почти босые»². Свидетелями стали и их французские союзники, воевавшие в безупречной белой форме и черных гетрах, надевшие

знаки отличия, по большей части носившие усы. Их шелковые знамена пастельных тонов украшали серебряные геральдические лилии.

Немецкие наемники короля Георга III маршировали ровным шагом, но британские «омары» (как их называли американцы)³ шли с гораздо меньшим достоинством. [Вероятно, прозвание связано с красным цветом британских мундиров. — Прим. ред.] Некоторые страдали от излишнего потребления рома (больше всего денег британская армия потратила во время войны именно на его закупку). Другие держались презрительно и надменно, третьи — с вызовом. Иные бросали тяжелые гладкие мушкеты, называвшиеся «Браун Бесс», словно хотели их разбить. [«Коричневая Бесс»; мушкеты появились на вооружении при Елизавете I, «доброй королеве Бесс». — *Прим. перев.*]

Полковник-лейтенант Эберкромби, который возглавлял единственную серьезную вылазку из Йорктауна, сломал свою шпагу в бессильной ярости. По словам одного американского свидетеля, британские офицеры вели себя, словно выпоротые школьники. «Некоторые кусали губы, другие их надували, третьи плакали»⁴. Эти люди пытались скрыть эмоции, закрыв лица круглыми шляпами с широкими полями.

Сам Корнуоллис остался в Йорктауне, заявив о плохом самочувствии. Возможно, он просто не мог видеть победы революции. А музыканты его взятой в плен армии исполняли «меланхолическую» мелодию на барабанах и дудках. Это была погребальная песня Британской империи в Америке. «Мир перевернулся вверх тормашками»⁵.

Старый Свет смотрел на победу Нового Света, как на зловещее изменение установленного порядка. Произошел мятеж детей против авторитета и власти родителей, притом — неподавленный. Это было первое в современной истории успешное восстание колониальных подданных против суверенной власти. Как могла толпа фермеров из тринадцати бедных придатков империи, где население составляли 2,5 миллиона человек, нанести поражение специально подготовленной мощной армии метрополии?!

Среди американцев не было единства, они проживали на малозаселенных и недостаточно обработанных землях вдоль восточного побережья, постепенно распределяясь по изолированным поселениям. Первопроходцы селились в нетронутой дикой местности. Против них выступали не только белые лоялисты (противники независимости), но и черные рабы, и «краснокожие» индейцы.

Новобранцы Вашингтона в духе демократической «вольности, когда не считаются с правилами» (по его собственному выражению)⁶, не желали подчиняться приказам без их обсуждения. Как

пожаловался один старший офицер, «тут все рядовые — генералы»⁷. Американские вспомогательные части до прихода французов были совершенно недисциплинированными. Народное ополчение состояло из солдат, обутых по-летнему, только-только от сохи. Как сообщал один свидетель, кавалерия набиралась из портных в круглых париках и аптекарей на старых клячах. Выглядели они, словно «стая уток в портупелях»⁸. Их время от времени поддерживали покрытые татуировками и одетые в оленьи шкуры, обосновавшиеся на западном фронтире. Из-за поясов у них торчали томагавки, волосы они мазали медвежьим жиром, носили шапки из шкуры енота.

Однако эта разношерстная толпа часто оказывалась действенной, особенно, во время ведения партизанской войны. После «выстрела, услышанного во всем мире»⁹, с которого начались военные действия в Лексингтоне в 1775 г., «красные мундиры» так живо отступали, что «слабые американцы едва ли за ними успевали», как язвительно выразился Бенджамин Франклин¹⁰. В других случаях британские генералы оказывались совершенно некомпетентными. «Джентльмен Джонни» Бергойн был не столько профессиональным солдатом, сколько драматургом-любителем. Когда ставили его пьесу «Кровавая баня Бостона», зрители вначале думали, что американский обстрел является частью шоу. А в 1777 г. театральная беспечность и беззаботность Бергойна привели к капитуляции британцев в Саратоге.

В отличие от него, Джордж Вашингтон, хотя и не являлся военным гением, оказался великим лидером. Этот высокий человек в узнаваемом мундире цвета буйволовой кожи держался величественно и с достоинством. У него было вытянутое бледное лицо, на котором выделялся большой нос, крупный рот и глаза стального серо-голубого цвета. Он даже внешне подходил на роль вождя. И эту роль он выполнял смело, благоразумно и осмотрительно.

Вашингтон был очень выдержанным и хладнокровным, безжалостным и целеустремленным, невероятно упорным. Он добивался малых побед и избегал больших потерь, откладывая поражение до тех пор, пока не удастся добиться победы.

До Йорктауна, после шести лет войны, этот исход все еще казался отдаленным, хотя американцы получили поддержку Испании и Голландии, а также Франции. Граф Чатем назвал этот исход «стервятником, маячившим над Британской империей»¹¹.

Штыки «красных мундиров» господствовали на поле брани, а Британия все еще правила морями. Генерал Клинтон железно держал Нью-Йорк. Оттуда он написал Корнуоллису в марте 1781 г.: «Недовольство в Коннектикуте усиливается. Если вкратце, сударь, создается впечатление, что не имеется особого желания нанести

смертельный удар восстанию. Необходимо должно подкрепление, а также постоянное превосходство на море для следующей кампании. Без этого любое предприятие, основанное на передвижениях по воде, наверняка окажется очень рискованным»¹².

Сам Корнуоллис покорял юг. Ему помогал полковник Бэнстр Тарлтон, который хвастался тем, что «убил больше мужчин и спал с большим количеством женщин, чем кто-либо». Ему следовало бы сказать «изнасиловал», как заметил драматург Шеридан, поскольку «насилие — это расслабление после убийства»¹³.

Войска Вашингтона едва ли восстановили силы после мучительной зимы в долине Фордж и Морристауне. Там, как написал один солдат, «было поразительно холодно, причем в такой степени, что даже я, который никогда не боялся старого Борея, на днях отморозил уши, и они теперь напоминают сосновую кору»¹⁴. Весной 1781 г. Вашингтон написал следующее: «Наши солдаты вскоре останутся голыми... Нам не во что их одеть... В наших госпиталях нет лекарств, нам нечем кормить больных. Все наши общественные работы прекратились, мы дошли до предела... Наше избавление должно произойти или сейчас, или никогда»¹⁵.

Оно началось с прибытием французских военных кораблей.

В августе Джордж Вашингтон узнал, что адмирал де Грасс плывет с флотом из двадцати восьми кораблей и везет с собой еще три тысячи солдат регулярной армии для усиления тех пяти тысяч, которыми командовал граф де Рошамбо.

Джордж Вашингтон ухватился за эту возможность. Соблюдая секретность, он ушел от Клинтона и повел свою армию на юг через Нью-Джерси. Когда командующий выяснил, что де Грасс добрался до Чесапикского залива, отрезав Корнуоллиса от помощи извне, то отказался от своей обычной сдержанности. Вашингтон прыгал по набережной в Честере, размахивая шляпой и носовым платком, он обнял прибывшего Рошамбо.

Молодой маркиз де Лафайет радовался еще сильнее, когда встретился с Вашингтоном в Уильямсбурге. «Он спрыгнул с лошади, обнял генерала и прижал к себе так крепко, как только мог, расцеловал его»¹⁶.

Новость стала тонизирующим средством для всей армии, она даже вылечила подагру генерала Штойбена. Все, за исключением британцев, верили, что Корнуоллису «никогда не выбраться»¹⁷. «Он у нас похож на созревающий пудинг, — писал генерал Видон. — Я сгораю от возбуждения. Клянусь великим богом войны, думаю, что мы все сможем повесить мечи на стену к концу года. Установится идеальный мир и безопасность!»¹⁸

Вашингтон лично обеспечил захлопывание «мышеловки»¹⁹. Он очень тщательно готовился, даже заплатил (французским золо-

том) войскам. Командующий осматривал оборонительные сооружения Йорктауна с открытой позиции: «Казалось, что снаряды летят кучно, будто град»²⁰. Взяв в руки кирку, будущий президент лично стал рубить землю для первой траншеи, потом поднес запал к первому оружию, начиная артподготовку.

Вашингтон стал быстро продвигаться вперед, его удивляла медлительность и вялость противника. Хотя Корнуоллис был несколько сумасбродным и рассеянным, но считался способным командующим. Он отличался храбростью, прекрасно разбирался в тактике, его обожали подчиненные, с которыми делил все трудности. Но он только застрелил голодающих лошадей и изгнал голодных рабов (многие из которых болели малярией, оспой и дизентерией). Кроме этого, Корнуоллис мало что сделал в Йорктауне. Это произошло оттого, что его армия могла быть спасена только в результате успешной акции военно-морского флота. Так британский командующий и заявил Клинтону.

Де Грасс видел отход британского флота после не имеющего решающего значения сражения 5 сентября, однако Вашингтон убедил его оставаться на чеку. К концу месяца Клинтон сообщил Корнуоллису: «Я делаю все, что в моих силах, чтобы спасти вас прямым ударом. У меня есть основания надеяться: возможно, мы достигнем цели к 12 октября, если ветер окажется благоприятным, и ничего непредвиденного не случится. По крайней мере, сегодня меня в этом уверял адмирал Грейвс»²¹.

Но Королевский Флот был не в состоянии прогнать французов, удерживавших Чесапикский залив.

Флотом неудачно командовал лорд Сэндвич, Первый Лорд Адмиралтейства. Как сетовал философ Дэвид Юм, адмирал провел несколько недель на рыбалке в Ньюбери, где «ловил форель вместе с двумя или тремя дамами легкого поведения... А в это время решалась судьба Британской империи, причем все зависело от него»²².

У Королевского ВМФ отсутствовало многое из необходимых вещей. Адмиралу Джеку Байрону в Вест-Индии пришлось «оснащать флот без средств оснащения, снабжать продовольствием без припасов, заполнять матросами, не имея людей»²³.

Суда пострадали и от менее очевидных недостатков. Например — в результате борьбы с червоточинами. Использовалась новая система покрытия днища деревянных судов медью. Это помогало избежать обрастания днища ракушками и водорослями, которые замедляли движение кораблей. Медное покрытие предохраняло и от корабельного червя-древоточца, который в тропических водах сильно разрушал дубовые кили. Но до того времени, как удалось найти техническое решение проблемы (это было сделано вовремя

для отражения французов в 1790-х гг.), происходила быстрая коррозия меди под железными креплениями. Это иногда приводило к внезапным трагедиям. Просто выстрелив из семидесяти четырех орудий во время операции против де Грасса, «Террибл» чуть не развалился на куски. На следующий день его пришлось затопить, открыв кингстоны и проделав отверстия в обшивке.

Поэтому на какое-то время Англия оказалась свергнутой с «трона Нептуна»²⁴.

Ситуация с военно-морским флотом определила и судьбу тринадцати колоний, и форму Британской империи. Если бы Корнуоллиса эвакуировали, то французы и даже американцы, может быть, и согласились бы на условия мира, предложенные Георгом III. Но при сложившемся положении дел, королевский премьер-министр лорд Норт высказал мнение почти всех британцев (за исключением самого упрямого монарха), когда воскликнул после новостей из Йорктауна: «О Боже! Все закончилось!» Он много раз повторял эти слова, размахивая руками и вышагивая по кабинету на Даунинг-стрит, «охваченный сильнейшим возбуждением и душевным страданием»²⁵.

Если рассматривать Йорктаун относительно других сражений, то он принес мелкое поражение. Но это поражение получило очень важное развитие. Оно угрожало привести к затмению «империи, в которой никогда не садится солнце»²⁶. Знаменитую фразу очевидно первым произнес сэр Джордж Маккартни в 1773 г. На протяжении многих лет она произносилась в различных вариациях, часто — с мрачным упором на последнюю стадию солнечной траектории. Лорд Шелбёрн, давний и яростный противник удерживания колоний, опасался, что их независимость положит конец величию империи. «Тогда можно будет сказать, что солнце Англии зашло»²⁷.

Когда он в первый раз комментировал разгром Корнуоллиса, то еще усилил этот образ. Шелбёрн сказал Парламенту, что король «проследил за тем, как его империя с пика поразительной славы и ослепительного величия полетела вниз — к позору и разрушению. Параллели этому в истории просто нет»²⁸.

* * *

Но на самом-то деле ветхое здание империи никогда не было надежно укреплено. С самого начала, когда англичане стали необдуманно и наудачу основывать колонии и устанавливать торговые посты за морями в XVI—XVII вв., бросался вызов власти, господству и влиянию метрополии. Очевидно, что поселенцы, торговцы,

завоеватели, раскольники, диссиденты, проповедники, охотники, исследователи, пираты, искатели сокровищ, преступники и все прочие, кто отправился за границу, жаждали независимости. Более того, они несли с собой зерно этой идеи. По крайней мере, эти люди лелеяли и ценили идеал «английской свободы»²⁹ не меньше, чем их оставшиеся дома родственники. И в защиту свободы они цитировали законы природы, Священное писание, древние прецеденты и современную философию (особенно, Джеймса Харрингтона, Джона Локка и Дэвида Юма). Они трудились ради этого, избирали собрания для контроля за финансовыми ресурсами и конкуренции с главным Парламентом в Лондоне.

Эти «маленькие Вестминстеры»³⁰ хотели управлять губернаторами колоний, к которым относились с пренебрежением и поносили, как хватких негодяев и разбойников. Среди последних имелись «бездельник и волокита, которому все время что-то нужно», или «толстая, громко лающая, дикая молодая собака»³¹. Там же отыскивались «отличный клоун» или тип, который «отличился в профессии сутенера»³². Плохое правление или полное отсутствие правления (так называемое «благотворное пренебрежение») американцы еще могли вынести. Но после 1765 г. убеждение в том, что они стали жертвами тирании, стало сильнее инстинктивной преданности и верности старой стране и ее королю, которого Томас Пейн в знаменитом памфлете «Здравый смысл» назвал «королевским Брутом Великобритании»³³.

Закон о гербовом сборе Бостон встретил приспущенными флагами и приглушенным звоном колоколов. Его рассматривали как меру политического давления, а не в качестве финансового бремени. «Никаких налогов без представительства» стало объединяющим призывом для американцев, намеренных пользоваться «правами англичан»³⁴.

Многие в Вестминстере согласились. Среди сторонников американцев были граф Чатем, Эдмунд Бёрк и Чарльз Джеймс Фокс, который появился в подобии американского военного мундира и поднял тост в честь сил Вашингтона – «нашей армии». Он же говорил о победе англичан, как об «ужасной новости»³⁵.

Квази-предательское поведение Фокса отражало его приверженность «традиции свободы»³⁶, которая привела к «окончательному провалу всего колониального проекта в Америке»³⁷. В дальнейшем слова «Империя и свобода» («*Imperium et libertas*») стали лозунгом британских империалистов и девизом «Лиги подснежников». [Сторонников консерватизма в конце XIX в. — *Прим. перев.*] Но как заметил У.Ю.Гладстон, фраза оказалась противоречивой в терминах. В крайнем случае, свобода была не в ладах с империей, которая максимально ее ослабляла.

Имелись и другие причины для ожидания упадка и разрушения империи. Как и закат солнца, это казалось естественным явлением. Крах считался частью процесса индивидуального и мирового загнивания, который рассматривался в качестве неизбежности со времен падения Вавилона (а возможно, и со момента падения Адама). Гесиод даже предположил, что когда мир станет старым, то и дети будут «рождаться с седеющими висками»³⁸.

Логика процесса подтвердилась повторяющейся и вновь возвращающейся метафорой взросления: Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс и многие другие говорили, что колонии — это «дети», которые по мере взросления могут ожидать отделения от королевства-родителя³⁹. В том же ключе французский экономист Тюрго сравнил колонии с фруктами, которые отделяются от дерева, когда созревают. Так и провинции отделялись от Рима. И Джозеф Эддисон, и Джеймс Томпсон сравнивали Древний Рим и современную Великобританию, противопоставляя их славу упадку Италии их времени.

Империи явно развивались, эволюционировали, активный новый рост сменял прогнившую старую ткань. Более того, епископ Беркли предсказал: «Империя выбирает своим курсом западное направление»⁴⁰. Она двинулась вперед, из коррумпированной Европы — в чистую и неиспорченную Америку. А там Томас Джефферсон использовал обратную версию причудливого образа, заявив, что путешествие на восток, от границы к побережью — это «эквивалент обзора развития человека от создания и младенчества до сегодняшнего дня»⁴¹.

Идея о том, что прогресс следует за колесницей Аполлона, звучал «со времен Горация до эпохи Горация Грили»⁴². И его трансатлантический курс был драматизирован в остроумной футуристической статье, опубликованной в «Ллойдс ивнинг пост» в 1774 г. Время действия — 1974 год. Персонажи — двое путешественников из «Американской империи», которые гуляют по руинам Лондона. А сами руины напоминали гравюры Пиранези с изображением римских развалин: пустые улицы, усыпанные мусором и обломками, единственная сломанная стена, оставшаяся от здания Парламента, вместо Уайт-холла — поле, где растет репа, Вестминстерское аббатство, превращенное в конюшню, судебные офисы Сити, ставшие грудой камней, «где правят бал ястребы и грачи». У собора Святого Павла обвалился купол, он стоит без крыши под открытым небом. Закатилось солнце величия Британии. Благодаря уходу купцов, ремесленников и рабочих, оно поднялось над «имперской Америкой»⁴³.

После потери тринадцати колоний британцы и в самом деле опасались, что их империя, несмотря на широту ее границ, уязвима из-за расширения Америки. Они с опаской и очарованием смотре-

ли на Великую Республику, видя в ней волну будущего. Хитроумный и проницательный сплетник Горацио Уолпол объявил: «Следующая эпоха Августа случится по другую сторону Атлантики». Составляя «гороскопы империй» в манере Руссо, он предсказал, что путешественники из Нового Света «станут посещать Англию и рассказывать потом о руинах собора Святого Павла»⁴⁴.

Но самым авторитетным предвестником краха империи был Эдвард Гиббон. Судя по его знаменитому рассказу, выдающийся историк решил создать «Историю упадка и разрушения Римской империи», когда он стоял среди руин Капитолия и слушал, как босоногие монахи поют во время вечерни около храма Юпитера. Никакие камни в истории не были красноречивее, чем камни Вечного Города. Они погружали в меланхолию и заставляли вспомнить о недолговечности имперской мощи и власти. Ни одна книга в большей мере не пропитана «духом места» («genius loci»). Здесь, на семи холмах около Тибра, находится могила римского величия. Палатинский холм, бывший центр Рима и империи, теперь превратился в запущенный участок, по которому в разных местах разбросаны оставшиеся колонны и разрушившиеся каменные строения. Монументальный Септизоний превратился в пустое кладбище, его камни возродились в стенах собора Святого Петра⁴⁵. Форум, где сенаторы принимали законы, а императоров делали богами, стал заполненным навозом «загоном для свиней и быков»⁴⁶. Колизей, где сражались гладиаторы, а христиан скармливали львам, в настоящее время сделался огромным остовом. Другие места древнего величия (храм Аполлона, бани Каракаллы, театр Марцелла, гробница Ромула) — лишь жалкие остатки того, что было. Несколько благородных строений сохранилось, некоторые из них полностью преобразованы — Пантеон, мавзолей Адриана, колонна Траяна, арка Константина. Но Гиббон, размышляя об исчезновении золотых дворцов, мраморных статуй, порфировых алтарей, бронзовых табличек, яшмовых мостовых и гранитных обелисков, предвидел окончательное уничтожение «всех монументов древности»⁴⁷. Никто не представил такого прогноза с подобной силой и величием.

Конечно, Гиббон говорил, что Европа к XVIII веку пошла по пути такого прогресса, который, вероятно, предохранит ее от катастрофы, подобной произошедшей с Римом. Арнольд Тойнби, хроникер циклического подъема и падения цивилизаций, часто изображал Гиббона как некоего Панглоса, который думал, что его век — это завершение истории. В одном невероятном сне Тойнби увидел Гиббона — «нескладного человека в ботинках с серебряными пряжками, бриджах до колена, парике и треуголке»⁴⁸. В таком виде он наблюдал за тем, как проклятые души улетают в ад перед

георгианской эпохой уравнивания сил. Но это несправедливые нападки на Гиббона, чья работа отражает магистральную широту видения.

Сам Гиббон предупреждал, что в будущем могут появиться враги, которые принесут разрушения и опустошение к границам Атлантики. «В конце концов, когда Пророк вдохнул душу фанатизма в тела давно презираемых арабов, они расширили свои завоевания от Индии до Испании»⁴⁹.

Если перейти ближе к делу, то Гиббон появился поразительно вовремя для человека, который, как утверждалось, считал, что наступил конец времен. Он опубликовал третий том своего великого произведения, где говорится о крахе Западной Римской империи, успев сделать это за несколько месяцев до Йорктауна (и вполне мог бы закончить работу, если бы не решил добавить эпилог, посвященный тысяче лет существования Византии). В книге много абзацев с намеками — Британская империя последует примеру Римской. Она слишком расширена, склонна к роскоши, ее атакуют варвары, она нанимает наемников...

Еще интереснее то, как Гиббон говорил о восстании против Рима жителей Ареморики, населявших территорию Бретани. «Имперские власти запретительными законами и неэффективным оружием действовали против восставших, которых сами же и побудили к мятежу», — писал он. В результате жители Ареморики достигли «состояния неорганизованной независимости», а римляне потеряли свободу, честь и достоинство, а заодно и империю⁵⁰.

Гиббон не мог удержаться от игры слов. Но это, судя по всему, представляет его истинную точку зрения на американский кризис. Таков тщеславный маленький историк с пухлыми щечками (которые одна слепая женщина буквально спутала с детской попкой), слабостью к красновато-коричневым бархатным костюмам и оранжевым жилеткам из канифаса, любивший покровительство не менее большинства джентльменов эпохи неоклассической литературы и искусства в Англии. В ответ на получение синекуры от лорда Норта он написал брошюру, в которой критикует требование колонистов о независимости, назвав мятеж «преступным предприятием»⁵¹. Это привело в негодование Горацио Уолпола, который назвал Гиббона «жрущим жаб»⁵². Фокс тут же заявил, что Гиббон, который описал коррупцию, погубившую Римскую империю, является примером коррупции, которая погубит Британскую империю.

Это сравнение стало обычным. Когда Гиббон вежливо отказался от приглашения поужинать с Бенджаминем Франклином в Париже, потому что не мог проводить время вместе с послом вражеской страны, американец, судя по всему, предложил предоставить та-

кому прекрасному автору материалы для описания заката и краха Британской империи⁵³.

Франклин помог дать империи новое значение — политические и территориальные владения, а не морская коммерческая держава. Но он считал, что структура ее столь же хрупка, как китайская ваза⁵⁴.

Британцы, которые с гордостью смотрели на себя, как на римлян более поздних времен, всегда осознавали хрупкость империи. Классическое образование так усиливало этот урок, что все проблемы и реверсы, с которыми сталкивалась держава, казалось, лишь предвещали разрушение и конечный распад, притом — по образцу Рима.

Йорктаун оказался особенно зловещим и предвещающим дурное. Ведь поражение произошло в то время, когда во всех частях империи появлялись трещины. Ее мощь подвергалась атакам на родине, другим владениям угрожали за границей. Активно выступали конституционные реформаторы. Только в предыдущем году антикатолические восстания привели к большим разрушениям в Лондоне за одну неделю, чем произойдут в Париже (за исключением сноса Бастилии) на протяжении всей Французской революции. Ирландию охватили волнения, ее народ начинал долгий марш к статусу самостоятельного государства. В Средиземном море стало небезопасно, Менорка и Гибралтар находились под осадой. В дальнейшем остров Менорка пал, а Гибралтар так близко подошел к падению, что его захват изображали на французской сцене и рисовали на веерах парижских дам. В Карибском море под флагом Британии останутся только Ямайка, Барбадос и Антигуа. Франция изгоняла Великобританию из ее фортов и торговых факторий в Африке. В Индии Хайдар Али, правитель Майсура, вторгся в Карнатаку, громил британские армии и жег деревни в пределах видимости Мадраса. Как писал один обозреватель, империя, «как кажется, рушится повсюду под своим собственным весом или уступает под натиском атак извне»⁵⁵.

Сам король Георг придерживался ранней версии «теории домино»: если Британия лишится тринадцати колоний, то «за ними должна последовать Вест-Индия». Тогда Ирландия вскоре станет самостоятельным государством, а империя исчезнет⁵⁶.

Многие разделяли его опасения, когда американцы нанесли столь тяжелые раны в самое сердце имперской политики. Последствия оказались травматическими — и непосредственные, и в долгосрочной перспективе. Йорктаун уничтожил министерство по делам Северных территорий, ликвидировав то, что доктор Джонсон назвал «кучей глупости»⁵⁷. В итоге король выбрал премьер-министром и Первым Лордом Казначейства Уильяма

Питта-младшего, который оставался у власти с 1783 по 1801 гг. Премьеру пришлось ратифицировать мирный договор, по которому Британская империя потеряла четверть свои белых подданных.

Питт заявил Палате Общин: во избежание дальнейшего урезания, оставшиеся части «расколотой империи» следует объединить «при помощи любви и взаимодействия»⁵⁸. Но такие связи казались слабыми и призрачными в свете американского опыта. Предпринятые меры для успокоения Ирландии (парламентская независимость, торговые концессии и аннулирование законов, направленных против католиков) усилили аппетит националистов, желавших полного самоуправления по трансатлантической модели. Канада, несмотря на попытки Британии снискать расположение и примирить большинство, которое составляло французское население, казалось, настроилась на отделение. А США уже горели желанием подобрать куски. Белое население Вест-Индии, хотя и зависело от метрополии в жизненно важных вопросах сахара и рабов, было «американским по связям и интересам», как заметил капитан Горацио Нельсон с одной базы в Карибском море в 1785 г. «Самые большие бунтовщики находились в Америке»⁵⁹.

Индию — «самый яркий драгоценный камень, который остался в короне Его Величества»⁶⁰, если процитировать метафору Фокса, в дальнейшем ставшую самым тупым клише в имперском лексиконе, нельзя было дальше разграблять, используя «величайшую тиранию, которая когда-либо имела место»⁶¹. После ликвидации торгового деспотизма «Ост-Индийской компании», Индостаном следовало управлять в интересах его народа. Этот идеал с мастерством Цицерона и изысканностью Джефферсона пропагандировал Эдмунд Бёрк, которого Гиббон назвал «самым красноречивым и рациональным безумцем, которого я когда-либо знал»⁶².

Но это был идеальный вариант, который мог бы нанести удар по основам британского владычества в Индии, выкинуть британских «раджей». Даже колония преступников в Новом Южном Уэльсе (первая флотилия прибыла в залив Ботани-Бей в 1788 г.) вскоре «произведет на свет новых Вашингтонов и Франклинов» для борьбы за освобождение от метрополии. Именно это в «Эдинбург Ревью» предсказал Сидни Смит. Он представил мрачно-комичный вариант будущей борьбы Великобритании за Антиподов:

«Бесконечное кровопролитие и сокровища закончатся, придется поддерживать налог на шкуры кенгуру. Верные депутаты Палаты общин и дальше будут голосовать за поддержку справедливой и необходимой войны, а Ньюгейтская тюрьма займет четверть мира, проявив героизм, достойный великих людей, которыми она изначально заполнялась»⁶³.

Если вкратце, то далее Смит предполагает: после побега американского тигра сомнительно, что Британия станет разводить и дальше колониальный «молодняк», который может вырасти в столь же диких и яростных зверей.

Британские сомнения усилились, когда американская торговля действительно расширилась после утраты тринадцати колоний. На самом деле поразительный рост коммерческой активности поставил под вопрос все имперское предприятие. Согласно доминирующей экономической теории того времени, цель колоний — поддержка метрополии сырьем и обеспечение рынка для производимых ею товаров. Все это делалось на эксклюзивной основе. Такая система меркантилизма приобрела законную силу в результате принятия навигационных законов, которые не допускали иностранные суда и способствовали продвижению судов империи. Гиббон назвал эти законы «Палладием Британии»⁶⁴. [Палладий — упавшее с неба в Трою изображение Афины Паллады, которое считалось залогом целостности этого города. — *Прим. перев.*]

Однако США, которые освободились от ограничений, играли все более возрастающую и жизненно важную роль в промышленной революции в метрополии. Например, они обеспечивали большую часть хлопка-сырца, что позволяло Британии стать «ткацкой фабрикой мира».

К 1790-м гг. Британия поставляла четыре пятых американского импорта и принимала половину экспорта США. Невероятный рост трансатлантического трафика подтвердил утверждения Адама Смита, которое он выдвигал в великолепном «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) с убедительными доводами.

Смит утверждал: протекционизм в целом менее прибылен, чем свободная торговля. Он заявлял, что колонии — это, скорее, причина слабости, а не силы Британии. Эти территории не давали налоговых поступлений, стоили крови и богатств, которые требовались для их защиты, уводили инвестиции от более полезных и выгодных внутренних каналов. На самом деле, колонии — это большой картель, учрежденный во имя блага коммерческих классов, империи покупателей. Такая империя подходила «стране, на правительство которой влияют владельцы магазинов». Власть могла бы сработать, если бы американцы отправляли депутатов Парламента в Вестминстер. Так они сумели бы на практике осуществить репрезентативный принцип, которого не хватало Риму, что и привело в итоге к его краху. И получили бы бонус от выигрыша «крупных призов на рулетке большой государственной лотереи британской политики» вместо «борьбы за малые призы в незначительной лотерее колониальной фракции»⁶⁵. При отсутствии имперского выборного собрания, говорил Смит,

старый монополистический порядок сменился «очевидной и простой системой естественной свободы»⁶⁶. Он хотел открытого рынка, на котором капитал и рабочая сила получают то, что им причитается, в качестве награды в результате действия конкуренции, которой не мешают. Смит назвал это «справедливой раздачей от невидимой руки».

Его «священное писание» распространялось, словно пожар. Оно стало базисом для нового мирового порядка.

Питт с почтением относился к работам Смита, экономист повлиял на его политику. Фокс отдал Адаму Смигу еще большие почести, цитируя «отличную книгу» Смита в Палате общин⁶⁷. Однако в частных беседах он признавался, что не читал этой работы, что никогда не сможет понять ее тему.

Почти невозможно переоценить влияние «Исследования о природе и причинах богатства народов». Вновь и вновь появлялись заявления о том, что Британии следует ограничиться коммерческим доминированием — самоокупаемым, гуманным и неподверженным восстаниям. Джереми Бентам, проповедник утилитаризма, подробно говорил об этом с характерной для него энергией, когда убеждал Францию отказаться от колоний: «Ведь у вас нет права ими управлять. Сами они предпочтут, чтобы вы ими не управляли, поскольку ваше правление противоречит их интересам. Вы ничего не получаете от управления ими, не сможете их удержать. Расходы на попытки их удержания окажутся губительными, а ваша конституция пострадает от этого. Ведь ваши принципы запрещают вам их удерживать. Поэтому вы сделаете благое дело для всего мира, расставшись с ними»⁶⁸.

Смит приобрел много сторонников, когда Великобритания стала «мастерской мира». Ширился интерес к свободной торговле. Но с момента появления книги она начала подрывать теоретические основы колониальной империи. И как раз в это время саму структуру империи сотряс американский катаклизм.

Конечно, Британская империя не развалилась, когда отсоединились тринадцать колоний.

Не оправдались и страхи таких пессимистов, как лорд Сэндвич: «Мы никогда больше не будем фигурировать в качестве ведущей державы в Европе, но окажемся счастливы, если сможем протянуть несколько лет презренного существования в виде коммерческого государства»⁶⁹.

На самом-то деле, американская война, которая в «Ежегодной хронике» на всем протяжении подавалась, как часть истории Европы, оказалась гораздо более разрушительной для Франции в краткосрочном плане. Ведь именно из-за нее Франция фактически обанкротилась.

Усилия Питта по консолидации позиции своей страны оказались весьма успешными. Войны против Франции между 1793 и 1815 гг. показали колоссальное увеличение мощи и владений Британии.

* * *

В метрополии реакция на американскую Войну за независимость ни в коей мере не была однозначной. Она варьировалась от либеральных до авторитарных мнений, отражая большую сложность событий. Революция стала как консервативной, так и радикальной. Она утвердила равенство мужчин, но игнорировала права женщин. Она была великодушной, но убийственной — особенно, по отношению к коренному населению Америки. Ничто в ней не кажется парадоксальнее того, что страна, сражавшаяся за свободу, являлась страной, где процветало рабство.

Многих американцев сильно беспокоило несоответствие между возвышенными идеалами Декларации независимости и жестокими реальностями «странного института». Когда об этом во Франции спросили Томаса Джефферсона, борца за свободу и рабовладельца, он смог только воскликнуть: «Какой же колоссально важной, насколько недоступной для понимания машиной является человек!»⁷⁰ Менее важные люди оказались и менее склонными к двойным стандартам. «Вы бы хоть покраснели, раз притворяетесь защитниками свободы!» — выкрикнул один человек, устраивая разнос «патриотам-пустышкам», которые наступали на «священные природные права африканцев»⁷¹. Говорили, что белая монополия на права означала: американские чернокожие получали меньшую защиту от властей, чем римские рабы — от императора.

Сам Адам Смит отмечал: «Когда вольноотпущенник Ведий Поллио в присутствии Августа приказал разрезать на куски и бросить в пруд на корм рыбам одного из рабов, который совершил небольшую промашку, император с негодованием приказал ему немедленно освободить не только этого раба, но и всех остальных, которые принадлежавших ему»⁷².

В вопросе рабства даже британцы могли претендовать на большую просвещенность, чем американцы. В то время, как на знаменах колонистов в военное время был написан знаменитый лозунг Патрика Генри «Свобода или смерть!», лорд Данмор одел своей «эфиопский полк» в форму, украшенную девизом «Свобода рабам!»⁷³ А когда британцы уходили, то освободили из рабства тридцать тысяч рабов — примерно 5 процентов черного населения колоний.

Как немедленно указали американцы, все это было наглým лицемерием. Британская Вест-Индия, полагавшаяся на рабский труд для заполнения больших торговых судов «мусковадо», коричневым сахаром, который удовлетворял пристрастие европейцев к сладкому, являлась самым ценным из всех владений империи. В 1763 г. правительство Георга III едва не обменяло всю Канаду на Гваделупу. Более того, Британия во многом несет ответственность за изначальное превращение афро-американцев в рабов. Она господствовала в работорговле, перевозя больше «черной слоновой кости» (так называли рабов), чем все остальные страны, вместе взятые.

В 1781 г. капитан английского корабля работорговцев «Сонг» совершил одно из худших зверств в анналах перевозки людей. Он направлялся из Западной Африки на Ямайку, на судне заканчивалась вода. Тогда он сбросил за борт 132 невольника, чтобы получить за них страховые выплаты. Если бы они умерли «по естественным причинам», он не смог бы этого сделать⁷⁴. И в то время это массовое убийство не вызвало никакого негодования. Когда страховщики обратились в суд (они его проиграли), последний решал исключительно вопрос права собственности. Главный судья Мэнсфилд заявил: хотя дело шокирующее, по закону убийство раба никак не отличается от убийства лошади.

Однако этот эпизод оказался укором для совести нации. Этот ужас запечатлен на памятной картине Тёрнера «Невольничий корабль». Он помог метрополии с новой силой желать убедить мир, что трон Британской империи учрежден в добродетели и справедливости⁷⁵.

Столкнувшись с республиканцами и демократами, королевству Георга III требовалось занять нравственно высокое положение. Британия обладала давно установленной социальной иерархией, законами, восходящими к Великой хартии вольностей, христианской формой правления, охватывающей мир. Она являлась страной, лучше всего подходившей для сохранения прав человека в эпоху Американской революции (и еще более — Французской).

Теперь для Британии пришло время показать: несмотря на ее большую заинтересованность и вклады в рабство и работорговлю, заявления Бёрка стоят больше, чем заявления Джефферсона. Ирландец выступил со знаменитым высказыванием: «Британской империей следует править на свободной основе, потому что она не даст править собой никаким другим образом»⁷⁶.

Конечно, правили ею без какой-либо программы, но в основе лежала «торговля человеческой кровью»⁷⁷. Как только Война за независимость в Америке закончилась, перевозка рабов и работорговля снова ожила. Ко времени ее отмены в 1807 г. в перевоз-

ках невольников была задействована половина британских кораблей, ходивших на дальние расстояния. Человеческие грузы, которые перевозили через Атлантику, являлись жизненно важным компонентом в коммерческой сети, которая раскинулась вокруг всей планеты. Английские капитаны платили за рабов не только произведенными дома товарами (тканями, оружием, металлическими изделиями, стеклом, бумагой), но и иностранными товарами — индийским шелком, французскими винами, виргинским табаком, золотом из Бразилии, раковинами каури с Мальдивских островов.

Более того, рабы в Вест-Индии (чье коренное население было практически уничтожено европейцами и их болезнями) производили сахар. А он до 1820-х гг. являлся крупнейшим предметом импорта Великобритании. В 1700 г. сахар считался пикантной роскошью, а к 1800 г. это вызывающее привыкание вещество превратилось в сладкую необходимость. На протяжении столетия его потребление увеличилось в пять раз, до почти двадцати фунтов на человека — в сравнении с двумя фунтами на человека во Франции.

Сахар являлся важным добавлением к импортируемому чаю, кофе и шоколаду, которые пили из импортируемого фарфора. Он изменил отношение к пудингам, превратив их из деликатесного блюда в десерт и оправдав их перевод в отдельное блюдо в конце трапезы. Горячие пудинги, холодные пудинги, паровые пудинги, выпечные пудинги, пироги, торты, кремы, желе, шарлотки, пудинги из хлеба и фруктов, фруктовые и ягодные пюре со взбитыми сливками, сладкие сырки со сливками и мороженое, молочные пудинги, жирные пудинги⁷⁸ — Джон Буль ел это все, при этом живот раздувался, а зубы портились. [Джон Буль («Джон-Бык») — типичный англичанин; юмористическое прозвание дано по имени простоватого фермера в памфлете Дж.Арбетнота. — *Прим. перев.*]

Сахар менял модели поведения и другими путями, сделав овсяную кашу более съедобной и прививая вкус к кондитерским изделиям. Он же давал энергию рабочим, а прибыль от продажи сладкого помогала подпитывать феноменальный экономический рост Великобритании.

И это не говоря о том, что промышленная революция очень сильно полагалась на рабство. Ливерпуль стал превосходящим все остальные портом работорговли, украсив памятник Нельсону фигурами африканцев в цепях, а городскую ратушу — «бюстами арапов и слонов»⁷⁹. Ведь он находился рядом с производственным сердцем Британии. А эксплуатация Вест-Индии при помощи работорговли давала «большое вливание ресурсов в британскую экономику»⁸⁰.

Трудно охватить размах того, что один бывший капитан рабовладельческого корабля, Джон Ньютон, назвал «позорным видом торговли»⁸¹. С XVI по XIX вв. примерно двенадцать миллионов африканцев (из которых примерно 20 процентов умерли в пути)⁸² насильственно перевезли в Америку. Эта была самая крупная недобровольная миграция в истории. Она способствовала становлению крупнейшей рабовладельческой империи со времен Рима.

За десять лет после Войны за независимость в Америке только одни британцы ежегодно перевозили почти сорок тысяч рабов в Вест-Индию. Там примерно четверть из числа депортированных людей умирали в течение полутора лет после прибытия. К концу века две тонны карибского сахара стоили столько же, сколько жизнь одного раба.

Каждая чайная ложка растворимого сахара имела привкус горького существования африканцев. Каждая рассыпанная белая крупинка становилась мерой смертности чернокожих. Более того, надсмотрщики признавались, что «убивают от 30 до 40 негров в год» для увеличения производительности сахара на примерно 30–40 хогсхедов. [Хогсхед — мера емкости, примерно 240 л. — *Прим. перев.*] Они же заявляли, что «производство приносило прибыль, более чем покрывавшую эти потери»⁸³.

Неудивительно, что художник Генри Фьюзели, когда ему восхищенно говорили о великолепных зданиях Ливерпуля, представил, как «кровь негров просачивается сквозь стыки между камнями»⁸⁴. Понятно, отчего доктор Джонсон объявил Ямайку «местом большого богатства и ужасающей дикости, логовом тиранов и тюрьмой рабов». Он поднимал тост за «следующее восстание негров в Вест-Индии»⁸⁵.

Естественно, ужасы работорговли подчеркивались теми, кто хотел ее уничтожить. И современные популярные мнения базируются на пропаганде XVIII века, хотя они усилены антирасистской риторикой уже XXI века. Перевозка негров из Африки в Америку, которую осуществляли английские корабли, ходившие по маршруту в форме треугольника, сравнивается с транспортировкой евреев в нацистские концентрационные лагеря. Однако современные ученые выступают против рассказов, «наполненных насилием и ужасами эксплуатации»⁸⁶. Они представляют работорговлю как «деловое предприятие, экономическое явление»⁸⁷. Ученые указывают, что рабы становились все более дорогим товаром, их покупали у опытных дилеров в хорошо организованных африканских государствах. В более поздние времена чернокожих перевозили через Атлантику на специально построенных для этой цели судах. Невольники стали стоить больше, поэтому, как правило, смертность среди них оказывалась ниже, чем у белого экипажа. (Как раз

с белыми матросами обращались грубо и жестоко). Во время каждого морского путешествия за рабами погибало от одной пятой до одной четверти из числа команды.

Несомненно, версия ученых разумна и логична. Но торговая статистика часто не учитывает нравственных аспектов. Если фокусироваться на стоимости рабов, а не на ценности людей, то получится сокрытие истинной цены этой торговли. А эту цену можно найти в каждой дьявольской детали...

Типичный корабль работорговца конца XVIII века был быстрым, обладал легким вооружением. Его днище было покрыто медью, имелась прямая парусная оснастка. Водоизмещение такого судно составляло примерно 200 тонн, длина — 68 футов, ширина — 24 фута (на траверзе), осадка — 12 футов.

Команда состояла примерно из сорока моряков, многие из них носили косички. Это были «белые рабы, похищенные в трущобах Ливерпуля и Бристоля», где стали жертвами крашенных девиц и грога⁸⁸. Они отправлялись в плавание к берегам Западной Африки, которое длилось несколько недель.

Работорговля шла от Сенегала до Анголы. Берег был поделен на сегменты с экзотическими названиями, которые вызывали в воображении видения Эльдorado. Они назывались «Рабский Берег», «Золотой Берег», «Берег Слоновой Кости» и «Зерновой Берег». С последнего экспортировали перец малагетту («райские зерна»). Но европейцы считали адом этот жаркий приморский район, лежащий на низменности и окруженный джунглями, болотами и саванной. О берег ударяли огромные волны, безопасных бухт оказалось недостаточно. Лишь иногда какие-то речушки вели в глубину материка.

То была незнакомая, чужеродная, дикая местность, наполненная запахом специй, криками животных и боем барабанов. «Это странные, привлекательные, наводящие на размышления дикие звуки, — утверждал Конрад. — Возможно, они обладали столь же глубоким значением, как перезвон колоколов в христианской стране»⁸⁹.

Среди первобытной растительности выделялись огромные деревья — мангровые, банановые, финиковые, там были пальмы, сосны, нависающие над водой, словно лес корабельных мачт.

Белые люди очень редко осмеливались заходить вглубь континента. До экспедиции Мунго Парка в 1793 г. географы Африканского Общества при попытке составить карту континента «во многом полагались на Геродота»⁹⁰.

Провалы в античных картах, если перефразировать знаменитый катрен Свифта, заполнялись воображением и слухами. Рассказывались ужасающие истории о яростных и диких племенах, которые

практиковали каннибализм и человеческие жертвоприношения, горкой выкладывая человеческие головы перед воротами деревни. Это напоминало пирамиды из ядер в арсенале. Несомненно, из-за того, что подобная практика когда-то являлись зерном на расистской мельнице, теперь о ней не услышишь, существует словно бы заговор молчания.

Современные историки утверждают, что жертвоприношения были относительно милосердны, ограничены в масштабах и выражали религиозное рвение или сыновнее почтение. Часто все происходило добровольно, а там, где проявлялось несомненное варварство, оно стало результатом контакта с европейцами.

Но на самом деле огромное и все увеличивающееся число африканцев ритуально приносили в жертву в таких местах, как Бенин и Дагомея⁹¹. Каждый подданный «воспитывался с мыслью, что его голова принадлежит царю»⁹².

Однако рассказы об Африке значительно преувеличивались и утрировались в процессе пересказа. Ведь в те времена такие наказания, как вырезание внутренностей и сожжение живьем, все еще не были исключены из свода британских законов. Человеческие жертвоприношения находились в центре внимания действующей церкви. Могила белого человека представлялась, как гекатомба чернокожего. Считалось, что Африка соответствует своему древнему воплощению — женщина, держащая рог изобилия и скорпиона.

Поэтому первые работоторговцы держались за берег, словно крабы. Они строили укрепленные торговые посты. Их защищали тяжелые орудия. Европейские поселения были оснащены специальными загонами для рабов. Например, англичане в Кейп-Кост-Касл (своей штаб-квартире на территории нынешней Ганы) выбили в скале огромную подземную тюрьму. Там могла «удобно размещаться тысяча чернокожих»⁹³.

Но такие форты были не только рассадниками коррупции и разврата. Они сделались инкубаторами заболеваний. Дизентерия, сонная болезнь, малярия и желтая лихорадка (известная и как «черная рвота») уносили невероятное количество людей. Белые умирали как мухи. Но, как и прочие строители империй, они относились к трагедии, словно к комедии — очень неподобающе, как полагал один шокированный путешественник. По его словам, они называли кладбище в Видахе «свинофермой»⁹⁴.

В 1830-е гг. шесть сменявших друг друга губернаторов Кристиансбург-Касл, принадлежавшего Дании и расположенного вблизи от Аккры, умерли за десять лет. Вопросы здравоохранения улучшились только в середине викторианской эпохи, хотя в 1894 г. Фредерик Лагард заметил выставленные в тюрьме

Кейп-Кост-Касл гробы, «приготовленные для несчастных белых людей, которые умирают в этой части света»⁹⁵.

Так что рабовладельческие суда из устьев рек Мерси и Северна маячили недалеко от дельты Нигера и Вольгты, а торговцы вели дела с береговыми сообществами. Их связи с районом Средиземноморья восходят к временам Римской империи, когда туда ходили караваны. Местный правитель мог оказаться и добродушным человеком — вроде того, которого встретил один моряк в Сьерра-Леоне. Это был толстый монарх, который сидел на берегу, «одетый в костюм из голубого шелка, украшенный серебристыми кружевами, в кружевной шляпе и мягкой рубашке, а также в ботинках и чулках»⁹⁶. Правителем мог оказаться царь ашанти с заточенными зубами и покрытыми шрамами щеками, восседавший на троне под бархатными зонтиками с латунными ручками, окруженный слугами с золотыми мечами, серебряными и золотыми тарелками, с табачными трубками. «И все это — под шелковыми флагами»⁹⁷.

Но африканские вожди были мастерами работорговли. Капитанам кораблей приходилось платить дань или им самим, или их представителям. Приходилось давать салют из семи орудий, выкатывать ром, «чтобы промочить горло», дарить подарки — шелковые плащи, кремневые ружья, браслеты, бренди, порох. Платилась таможенная пошлина с каждой сделки, чтобы все было правильно.

Те, кто заключал сделки, в которых люди официально фигурировали в качестве вещей, сами делались от этого бесчеловечными. (В хартии Королевской Африканской компании от 1672 г. рабы ставились в один ряд с такими товарами, как золото, слоновая кость и воск).

Британцы, занимавшиеся работорговлей, которую можно рассматривать, как непристойную, грязную или оскорбительную карикатуру на имперское предприятие в целом, убеждали себя: мол, африканцы являлись низшими по развитию существами⁹⁸. У них «не было души»⁹⁹, и они «во многом находились на одном уровне с животными»¹⁰⁰. Это были «тупые, необразованные, ленивые, хитрые, склонные к предательству, кровожадные и вороватые существа, которым нельзя доверять. К тому же, они еще и очень суеверны».

Африканцы представлялись «покрытыми вместо волос шерстью, напоминающей звериные шкуры. От них «мерзко и нездорово пахнет, и этот запах подходит для расы, находящейся в очень близком родстве с орангутангом»¹⁰¹. Даже их паразиты отличались от тех, которые встречались на телах европейцев. У чернокожих большие крупные вши вместо маленьких, типичных для белых.

Далее приводились следующие аргументы. Поскольку рабы — это недочеловеки, не достигшие человеческого уровня, то к ним можно относиться соответствующим образом. Однако африканские правители, которые участвовали в работорговле, испытывали шок от непристойного и скверного отношения своих европейских коллег. Перед покупкой белые обычно оценивали рабов, словно скот. Они ошупывали тела, смотрели зубы, заставляли попрыгать и потянуться, проверяли, не заражены ли потенциальные рабы сифилисом (как сказано в одном отчете, «осматривали половые органы и мужчин, и женщин самым тщательным образом»)¹⁰². Царь Конго считал это очень непристойным. Он хотел, чтобы один торговец, ради соблюдения приличий, делал это в укромном месте и не так демонстративно.

Многих рабов захватывали во время военных действий или похищали при набегах. Потом их переправляли на дальние расстояния караванами. Люди шли, скованные друг с другом. Часто их отрывали от родных и любимых, клеймили, потом обнаженными и в кандалах бросали в небольшие лодки, на которых доставляли на суда, идущие через Атлантику.

Некоторые предпринимали отчаянные попытки сбежать. Это влекло за собой какое-то наводящее на других ужас возмездие — торговцы могли «отрезать ноги и руки некоторых рабов, чтобы напугать остальных»¹⁰³. Большинство (в особенности дети) и так уже пребывали в страхе, а тут приходили в состояние «оцепенения и бесчувственности»¹⁰⁴ или испытывали физический шок. Эти люди никогда не выходили к морю. Они полагали, что их схватило племя каннибалов¹⁰⁵, ожидая, что последует жертвоприношение какому-то белому богу и съедение в качестве священной пищи.

Олауда Эквиано, один из немногих рабов, который описал пережитое им, был «подавлен ужасом, физической болью и душевными страданиями». Оказавшись на борту, он почувствовал, будто попал в тюрьму в мире злых духов. Этот юноша был готов отдать десять тысяч собственных миров, если бы владел ими, чтобы обменяться местами с самым последним рабом в своей собственной стране¹⁰⁶.

Эквиано повезло — он был очень молод, его постоянно мутило, поэтому юноша находился на палубе с командой. Большинство же рабов держали внизу, в трюмах, прикованными в несколько ярусов. Их набивали туда, словно сельдей в бочку, причем часто так тесно, что лежать они могли только на боку валиком. Судя по словам одного свидетеля, «им отводилось даже меньше места, чем человеку в гробу»¹⁰⁷.

Во время двухмесячного путешествия, особенно, если оно затягивалось из-за штормов или штилей, рабы вели жизнь, подоб-

ную агонии. Они задыхались в тесном помещении, «дышали отвратительным воздухом, катались в собственных испражнениях». Железные кандалы врезались им в плоть, их плохо кормили, начинались болезни. Худшим убийцей считалась дизентерия. Она распространялась из-за того, что еду подавали в общих ведрах, включая такие «деликатесы», как маис с густым соусом из пальмового масла, муки, воды и перца, а также вареные конские бобы. Предполагалось, что эти кушанья вызывают запор.

Иногда раб мог обнаружить, что прикован к разлагающемуся трупу. В конце концов, мертвеца выбрасывали акулам, постоянно сопровождавшим корабли работорговцев. При хорошей погоде предпринимались попытки вымыть нижние палубы, что делалось с использованием уксуса и лимонного сока. От запаха пытались избавиться при помощи горящей смолы и самородной серы, которые жгли на сковородках. Более того, рабам иногда давали ром и табак и заставляли выполнять физические упражнения на палубе. Но если они демонстрировали вялость или неповоротливость, применялась плеть — кошка-девятихвостка. Как отмечал один свидетель, «радость помучить другого человека — это естественная склонность тех, кто занимается такой недопустимой коммерцией»¹⁰⁸.

Не выдерживали даже самые «приличные» капитаны. Джон Ньютон, который в дальнейшем написал «Поразительную Грейс» и «Как сладко звучит имя Христа», совершенно спокойно относился к использованию тисков для больших пальцев. Но он осуждал «излишние вольности», разрешенные в отношении не законных в цепи рабынь (которые составляли примерно треть одной поставки).

Рабыни часто «становились жертвами грубой похоти белых дикарей»¹⁰⁹.

Меньшая часть судов представляла собой «наполовину сумасшедший дом, наполовину бордель»¹¹⁰. Там происходило жестокое насилие и пьяные оргии, достойные маркиза де Сада, чьи последователи находили рабовладельческое общество Вест-Индии «идеальным испытательным полигоном»¹¹¹.

Рабы часто сопротивлялись. Иногда они пытались отказаться от пищи, и тогда их кормили насильно. «Раскаленные докрасна угли клали на лопату и подносили близко к губам, чтобы опалить и обжечь их»¹¹². В одном плавании из восьми рабы устраивали мятеж. Почти всегда такие восстания зверски подавляли. Часто невольники перебирались через сети, которые свисали с боков судна для предотвращения самоубийств, после чего бросались за борт. Идя ко дну, они поднимали руки вверх, «словно радуясь, что вырвались»¹¹³.

Европейцы любили говорить, что африканцы не знают свободы, поэтому не могут ее любить. Но жизнь свидетельствует совсем о другом. По словам Оттобаха Кугоано, который сбежал в Англию и получил образование, «идеалы горят столь же ревностно и горячо в груди эфиопа, как и в груди любого другого жителя Земли»¹¹⁴. Одна женщина ела землю, прибывшую с грузом африканского ямса. Как казалось, она «радовалась возможности получить хоть что-то с родной земли».

Рабы были от боли из-за потери свободы¹¹⁵. Никто яснее не осознал, что рабство — это худшее из зол, поскольку порождает все остальные разновидности зла.

Ямайка, крупнейший поставщик сахара для Британии и рабовладельческое «депо», выглядела с моря, словно кусочек рая. Высокие красноватые горы на фоне сапфирового неба, окутанные легкой дымкой и покрытые густой зеленой растительностью, «выглядели, словно только что созданные»¹¹⁶. На языке араука «Ямайка» означает страну, богатую источниками. В каждой долине острова есть свой ручей, а в каждой расщелине — свой водопад.

Христофор Колумб назвал Ямайку «самым красивым островом из всех, которые он когда-либо видел в Индии»¹¹⁷.

Холмистая местность острова покрыта рощами гвоздичного перца и тамаринда (индийского финика), там растут кокосовые пальмы, пальмы сабаль, апельсиновые деревья, горная капуста. Как заметил один путешественник, они «перемешиваются с раскачивающимися плюмажами бамбука, тут и там виднеются топианамбуры, густые кусты олеандра, красным и малиновым цветом мерцают африканские розы, поднимаются живые зеленые изгороди из жасмина и виноградной лозы, заметны свисающие, словно маленькие факелы, пучки сирени, серебристо-белые и шелковистые листья портуландии... Все они вместе составляют разноцветное кружево. С Ямайкой в этом могут соперничать лишь немногие страны. И никто не в состоянии ее превзойти»¹¹⁸.

В прибрежных долинах возделывалось много сельскохозяйственных растений, но царем среди них считался сахарный тростник. По мнению путешественников, только что засаженное поле — «одно из самых великолепных зрелищ растительного мира»¹¹⁹. В гавани Кингстона, огромной и закрытой, могли бы встать на якорь все суда Королевского Флота. И сама казалась потрясающе живописной.

Город Кингстон представлял собой прямоугольник, его улицы поражали геометрической точностью. Зданий было около трех тысяч зданий. Многие из них, располагавшиеся на возвышенности, выглядели изящными, изысканными, построенными со вкусом

особняками из двух или трех этажей. Там имелись зеленые и белые веранды, а балкончики на нижних этажах защищали подъемные жалюзи, состоявшие из широких пластинок.

Но внешний облик обманчив...

Главный порт Ямайки окружали болота и лагуны. Климат там был настолько нездоровым, что европейские галеоны редко оставались в этих местах надолго. А если они оставались, то приходилось хоронить половину команды.

Другие плодородные области считались такими же пагубными. Пруды со стоячей водой отравляли воздух. Черными ночами появлялись жуки-светляки, начиналась тропическая какофония: «Громкое гудение, жужжание, чириканье, свист, хрипы бесчисленного количества рептилий и насекомых, которые только водятся на земле, в воздухе и воде»¹²⁰. Более того, остров подвержен ужасающим природным катаклизмам: грозам, большим пожарам, землетрясениям, оползням, ураганам, приливным волнам, извержениям вулканов. Колония оказалась такой негостеприимной, что многие белые хотели не только быстро обогатиться, но и быстро убраться оттуда. Как сказал один губернатор Ямайки, женщинам приходилось «выходить замуж и хоронить»¹²¹. А мужчинам — совершать набеги и поспешать.

Население Кингстона составляло 280 000 человек. Это были по большей части чернокожие, имелось некоторое количество мулатов. Город сделался ульем с яростной активностью населения. Рытвины на широких песчаных улицах заполнялись мусором, отрубями, навозом и всякой грязью. Скрипели повозки, которые тащили волы или лошади. На верфях, где ежедневно опорожнялись сливные баки города, рабы вручную сгружали и загружали ящики и узлы. Загорелые купцы в соломенных шляпах решали деловые вопросы с «донами, похожими на мавров, одетыми в льняные костюмы»¹²². И все они дымили сигарами. Потные плантаторы в квадратных синих мундирах с латунными пуговицами, в белых брюках и высоких сапогах, напоминающих ботфорты, ждали, когда смогут купить рабов.

После трудностей морского путешествия через Атлантику, африканцы, добравшиеся до Вест-Индии, выглядели похожими на тени, а не на людей¹²³. Большинство напоминали скелеты, многие оказывались больны, некоторые сходили с ума. Поэтому их готовили к выставлению на продажу — кормили, мыли, натирали пальмовым маслом, пока тела не начинали блестеть. Их успокаивали глотками спиртного и курительными трубками. Седые волосы сбрасывали или перекрашивали. Чтобы скрыть следы «кровавого поноса», некоторые корабельные врачи затыкали здание проходы рабов паклей, что вызывало ужасающую боль. Использовалась

смесь ржавчины, лимонного сока и пороха, чтобы скрыть внешние симптомы фрамбезии — тропического заболевания, связанного с поражением кожи.

После этого рабы снова подвергались унижительному осмотру. Их вновь продавали — иногда одному покупателю, иногда на аукционе или «в толкучке». Последний вариант представлял собой яростную схватку, во время которой покупатели хватали по фиксированной цене тех рабов, которых могли. Для африканцев это было подходящим знакомством с островом, получившим название «навозной кучи Вселенной»¹²⁴.

Количество белых было значительно меньше числа чернокожих на Ямайке — 20 000 против 200 000 человек. Белые боялись восстаний рабов, которые на Ямайке происходили гораздо чаще, чем где-либо еще. Поэтому по возможности африканцев разделяли с теми, кто говорил с ними на одном языке. Им давали новые имена, часто классические — например, Помпей, Цезарь, Купидон, Юнона. Это казалось насмешкой над рабским положением несчастных.

Затем они начинали жить в жестком режиме тяжелой работы и наказаний. Их будили до рассвета ударами по морским раковинам, которые служили гонгом, и ударами хлыстов. Затем группы полуголых рабов гнали на работу из хижин с соломенными крышами и стенами из прутьев. Делались перерывы на завтрак и обед. Трудиться приходилось до сумерек. Производство сахара было физически изматывающим и технически сложным делом — частично сельскохозяйственным, частично промышленным.

Рабов заставляли копать глинистую почву, затем сажать, удобрять, срезать и носить тростник. В течение сорока восьми часов после уборки урожая тростник следовало раздавить, после чего сок кипятили (на местной фабрике, где становилось жарко, словно в печи). Затем его требовалось очистить, охладить до кристаллов и распределить по хогсхедам.

Наблюдая за тем, как их «занятые делом рабы несут сокровища домой», часто под аккомпанемент нестройного хора и грубой мелодии, плантаторы называли Ямайку Утопией¹²⁵.

На самом-то деле рабы, которые совсем не были пассивными, часто предпринимали шаги для улучшения своей судьбы. Устанавливались новые отношения, они приобретали новые навыки, обрабатывали собственные сады, ходили на воскресный рынок в лучшей одежде из грубого полотна и даже ссужали деньги своим хозяевам. Но их положение было печальным, а число чернокожих постоянно уменьшалось. Оно могло возрасть только в результате нового импорта из Африки.

Дела ухудшились во время американской Войны за независимость. Она нарушила торговлю, остановила поставки зерна, риса, рыбы и мяса в Вест-Индию. Начался голод.

Предпринимались попытки изменить положение вещей — в основном, при помощи попыток выращивания «экономических растений»¹²⁶ из других стран — манго с Маврикия, хлебного дерева с Таити. Это были примеры ботанической эмиграции, распространения по империи различных сельхозкультур. Экспорт подобного рода стал одним из самых важных дел для страны, хотя при этом распространялись и паразиты.

И все же рабам, чтобы не умереть с голоду, приходилось есть «корни сахарного тростника, кошек, протухшую рыбу и даже рептилий и разлагающихся животных»¹²⁷. К концу XVIII в. 10 процентов рабского населения умерло от голода.

Но в это же самое время класс плантаторов жил более экстравагантно, чем когда-либо. По словам леди Наджент, жены губернатора Ямайки, «они ели, как обжоры, а пили, как морские свиньи»¹²⁸. Один не самый богатый землевладелец Томас Тистлвуд давал обед для пары друзей 22 августа 1786 г. Вот что там подавали: «Тушеная и жареная рыба, тушеные и вареные крабы, тарелка креветок, вареная баранья нога с каперсами, репа, брокколи, аспарагус, жареная утка, пудинг из манной крупы, сыр, арбуз, ананас, грейпфрут, пунш, бренди, джин, мадера, портер, эль»¹²⁹.

Тистлвуд отличался и сильной похотью. В его подробном дневнике рассказывается, как он ее удовлетворял, превратив свое поместье в частный бордель.

Использование тел африканок стало еще одной формой эксплуатации. Такая практика оказалась почти повсеместной. По словам одного современника, который относился к этому неодобрительно, плантаторы наслаждались «козлиными объятиями» своих рабынь, предпочитая их «чистому и законному блаженству» супружеской любви. Они привносили в мир множество «существ, рожденных в результате похоти».

Вероятно, смешение рас смягчало самые крайние жестокости империализма. Некоторые чернокожие женщины находили, что совокупление приводит к предоставлению вольной. Но ясно, что жестокость была неотъемлемой частью жизни в Вест-Индии. Часто она объясняется укоренившейся порочностью «самого низкого класса белых» — отпрысков связанных договором слуг, украденных «торговцами людьми» из Глазго, беженцев из тюрем и с виселицы на Тайберне, отбросов трех королевств¹³⁰.

Тистлвуд типичен в том, что мог высечь тех, с кем совершал прелюбодеяние. На самом деле его дневник — это показательный рассказ о порках.

Конечно, в то время часто применялись телесные наказания. «Красные мундиры» были известны как «кровавые спины». Британских моряков иногда приговаривали к «нескольким сотням ударов плеткой». Но в то время в американском военном флоте «пороли, по крайней мере, в два раза больше, чем в Королевском ВМФ»¹³¹.

Искусно сделанный классический памятник адмиралу Родни в честь «битвы святых», все еще стоит на площади в исторической части Кингстона. Адмирал, поддерживавший рабство, говорил, что «никогда не видел, чтобы какого-нибудь негра порол даже с половиной той силы, с какой секут английских школьников»¹³². Но по словам одного из исследователей Уильяма Уилберфорса, если бы английских рабочих наказывали, как рабов в Вест-Индии, то они бы получали от шести до семи миллионов ударов кнутов в год.

Наверняка Тистлвуд неустанно и безжалостно порол своих рабов, и к тому же использовал отвратительные приемы, только усиливающие жестокость. После порки одного беглого раба он «заставил Гектора испражниться ему в рот». Еще одного заковали в ножные кандалы, надели на руки наручники, натерли черной патокой и выставили «обнаженным на весь день для мух, а на ночь — для комаров»¹³³.

Наказания могли быть и более суровыми — разрезанные носы, отрезанные уши, кастрация. Восставших иногда ожидало аутодафе. Перед лицом такой казни африканцы с Золотого Берега демонстрировали особую храбрость — то, что древний римлянин считал бы величием духа. Один из них, которого приковали к столбу и сожгли живьем, «не издал ни стоны и смотрел, как его ноги превращаются в пепел, совершенно не дрогнув». Ему даже удалось бросить одну ветку из костра в лицо палача¹³⁴.

Но, возможно, наиболее мучительными были не физические пытки, а психологические травмы рабства. Рабов лишили человеческого отношения, индивидуальности, оторвали от семьи. Они находились в вечной ссылке, их чувства постоянно попирались. Страдали они от болезни, которая, судя по медицинскому отчету, подготовленному для Министерства по делам колоний в 1833 г., оказалась «уникальной в анналах медицины»¹³⁵.

В отличие от римских рабов, у чернокожих практически не имелось шанса обрести свободу. Их лишали надежды, которую Гиббон называл «лучшим утешением в наших неидеальных условиях»¹³⁶.

Многие впадали в отчаяние. Некоторые пытались заразиться болезнями вроде проказы, «чтобы избежать того положения, в которое попали»¹³⁷. Томас Тистлвуд увидел, как его раб Джимми поджигает кухню в нескольких местах, говоря, что если это жизнь, то ему все равно, будет он жить дальше или умрет»¹³⁸.

После американской Войны за независимость, которая привела к появлению такого количества ораторов, выступающих за свободу, в Британии работорговлю проклинали все больше. Ее жестокость вошла в предания.

Защитники работорговли пытались оправдаться в традиционных терминах. Они утверждали: «Это основа торговли, поддержка наших колоний, жизнь нашего флота и первопричина нашей национальной промышленности и богатства». А значит, отмена рабства приведет к потере Вест-Индии, краху Британской империи и развалу метрополии.

Депутат Парламента из числа противников отмены рабства выразился прямо: хотя работорговля и не является «дружественной» профессией, ею не является и работа мясника. «Однако телячья котлета — очень хорошая вещь»¹³⁹.

Но аргументы, основанные на чистом эгоизме и корысти, только возбуждали моралистов. Под все усиливающимся давлением с их стороны сторонники работорговли тоже пытались оправдаться с точки зрения этики: мол, рабство санкционировано Священным Писанием и классической цивилизацией. Прибыль и принцип являлись двумя сторонами одной монеты, как слон и замок на золотой гинее. Спасая африканцев от дикости и варварства, люди, занимающиеся перевозками, хотят, чтобы товар достиг рынка в первоклассном состоянии. Поэтому, естественно, они прилагают усилия к тому, чтобы путешествие через Атлантику «стало одним из самых счастливых этапов в жизни негра»¹⁴⁰. Но и владельцы хорошо относятся к своим рабам — называют их «неграми», «помощниками плантаторов», даже «рабочим классом»¹⁴¹. Хозяева проявляют родительскую благосклонность и доброту, чтобы добиться от рабов максимальных результатов. Условия их содержания улучшаются и могут служить предметом зависти «половины крестьян в Европе»¹⁴².

Хотя официальные заявления и возражения плантаторов были лицемерными, они не являлись полностью ложными для чернокожих и белых общин, как и повсюду в случае слуг и рабов. Имелась некая форма совместного существования, иногда становившаяся взаимовыгодной. Рабы и хозяева оказались «так тесно связаны и слились вместе», что один путешественник посчитал «почти невозможным их разделить»¹⁴³. Но протесты плантаторов во все большей степени тонули в криках самих рабов¹⁴⁴.

Это происходило из-за нравственной революции, которая случилась во второй половине XVIII века. Джон Ньютон явился ее воплощением. В 1760-е гг. его одолевали сомнения, но к 1780-м гг. Ньютона уже трясло от этого дьявольского предприятия. Он хотел стереть пятно, которое рабовладение «оставило на характере нашей нации»¹⁴⁵.

Ньютону удалось сделать Уильяма Уилберфорса сторонником отмены рабства. Мощные силы вели к переменам. Возможно, главной среди них стала возрожденная евангелистская церковь. Ее проповедники которой объявляли о спасительной силе религии сердца (чем вовлекаясь, по мнению многих умеренных англичан, в «заговор против здравого смысла»)¹⁴⁶.

Квакеры и баптисты были убеждены, что африканцы изначально являются грешниками, а их души готовы к спасению и искуплению грехов. Они давно выступали против работорговли. Но никто не имел большего влияния при разоблачении «изошренного злодейства», чем основатель методизма Джон Уэсли¹⁴⁷.

Работорговлю атаковали и французские философы. Вольтеровский Кандид заметил: когда у раба отрезают руку и ногу, это считается ценой, которую запрашивают за сахар, отправляемый в Европу. (Правда, Вольтер, олицетворение Просвещения, судя по всему, участвовал в работорговле и определенно согласился на то, чтобы один невольничий корабль назвали в его честь).

Романтики идеализировали «благородного дикаря». Патриотизм усиливал гуманизм по мере того, как национальное самосознание Британии кристаллизовалось вокруг идеала свободы.

В своем рассказе об отмене работорговли, за что он так доблестно боролся, Томас Кларксон цитировал поразительные стихи Ричарда Сэведжа. В них предсказывался крах римских масштабов, если Британская империя предаст свои принципы. Персонафикация Общественного Духа вызывает в воображении перспективу возмездия за все, что не является царством справедливости и хартией свободы. Поэт предупреждает:

Пусть ни один тиран не говорит,
Что ценность — добродетель и покой,
Что правит он законною рукой,
Ну, а на рабстве мир земной стоит!

Пусть древний Рим все страны покорил,
Вандалы все же победили Рим.
Хоть новый Рим к рабам неумолим,
Он гибель сам себе определил.

Ведь люди от рождения — не рабы.
Свободны были Африки сыны,
Но в вашем рабстве пребывать должны.
Себе готовьте крепкие гробы!

Ведь кровь за кровь прольется в некий час,
Мученья за мученья суждены,
И смерти будут все отомщены —
Имперское ярмо раздавит вас!¹⁴⁸

(Здесь и далее — стихи в переводе
Э.Дейнорова. — *Прим. ред.*)

Эти строки — чуть менее чем преждевременная погребальная песнь по Британской империи.

Кампания против работорговли, которая официально началась в 1787 г., когда было основано Общество по борьбе за отмену рабства, стала первым и самым долгим общественным движением в британской истории. Оно активизировалось после американской Войны за независимость, затем его стимулировало начало Великой французской революции.

Революция казалась победой исключительной важности, торжеством суверенного народа над наследственным деспотизмом. Она открыла для воображения новый мир — тысячелетие свободы и справедливости, во время которого будут реализованы самые невероятные мечты Просвещения. А если конкретнее, то французские революционеры осудили и разоблачили «аристократов кожи»¹⁴⁹, в 1794 г. отменив рабство.

По другую сторону Ла-Манша реформаторы предпринимали новые усилия. Отчеты, встречи, петиции, обращения, бойкоты сахара, речи в Парламенте и за его пределами помогали найти поддержку. Джосайя Веджвуд, который именовал себя «генералом Вселенной, изготавливающим вазы», выполнял работы в стиле неоклассицизма (он получал вдохновение от античных предметов, найденных во время раскопок Помпеи и Геркуланума). Веджвуд придумал самую известную форму пропаганды. Его собственная, строго управляемая рабочая сила производила тысячи керамических изделий с рельефным изображением из яшмы на белом фоне раба, закованного и стоящего на коленях. На вазах ставилась печать Общества по борьбе за отмену рабства, а по внешнему краю шла надпись: «Разве я не человек и не брат?»¹⁵⁰

Это разрывающее сердце обращение вместе с покорной позой чрезвычайно сильно действовало на всех британцев. Образ появлялся на брошах, браслетах, табакерках и других модных

предметах. Он же оказался на фарфоре массового производства, сопровождаемый простыми стихами, напоминающими пьющим чай, что «сахар омыт негритянскими слезами»¹⁵¹.

В конце концов, доктрина предоставления свободы с эхом революционной мантры «свобода, равенство, братство» фатально навредит вере Британии в свою империю. Никто не проповедовал эту доктрину с большим пылом, чем Уилберфорс, лидер аболиционистов («святых», как их прозвали в Парламенте). На самом деле он был очень консервативным и искренним филантропом. Уилберфорс очень хотел уничтожить пороки — особенно, среди людей, чей доход, как выразился Сидни Смит, не превышает 500 фунтов стерлингов в год¹⁵².

Уилберфорс с готовностью насаждал добродетель и нравственность среди низших классов. Он легко мог бы поддержать организацию, придуманную Уилки Коллинзом для язвительного высмеивания пуританского общественного порядка — «Общество по надзору за воскресными любовниками служанок британских леди»¹⁵³. В результате такие радикалы, как Уильям Хазлитт, считали Уилберфорса нравственно скользким: «Он приводит в порядок, он меняет, он парит на серебристых звуках своего волнообразного, гибкого, осторожно модулируемого голоса, пробираясь между небесами и землей»¹⁵⁴.

Друзья говорили об Уилберфорсе едва ли не как об ангеле — «существе с крыльями, летящим по воздуху»¹⁵⁵. Наверняка присущая ему комбинация прагматизма и великодушия, изысканный шарм и искреннее рвение очаровали премьер-министра.

Уильям Питт редко руководствовался эмоциями, даже после двух бутылок портвейна. Говорили, что одной из обязанностей министра финансов является удержание шляпы таким образом, чтобы Первый Лорд мог привести себя в порядок до произнесения речи.

Премьер-министр действительно держался очень холодно, отстраненно и непреклонно. Как шутили в то время, он был полностью тверд по отношению ко всем, за исключением женщин (чем намекали на его женоненавистничество или гомосексуальность). Особенно напряженной казалась его «большая, упрямая верхняя губа» (согласно описанию Георга III)¹⁵⁶. А вздернутый нос премьер-министра придавал ему высокомерный и презрительный вид.

Питт был известен своей неблагосклонностью к евангелизму. Впрочем, нелюбовь к энтузиазму или фанатизму типична для века неоклассической литературы и искусства в Англии. Но премьер поддался неистовому красноречию Уилберфорса. (О последнем Джеймс Босвелл высказался так: «Это креветка, которая могла говорить, как кит»).

Питт согласился с Уилберфорсом, что работорговля, которая превратила Африку в «опустошаемую и разоряемую пустыню», является проклятием человечества: «Это самое большое клеймо позора на нашей нации, которое когда-либо существовало»¹⁵⁷. Поэтому 2 апреля 1792 г. премьер призвал немедленно положить этому конец.

Фокс и прочие посчитали его речь, произнесенную во время заседания Палаты общин, которое продолжалось всю ночь, «одним из самых невероятных проявлений красноречия, когда-либо слышанных в Парламенте»¹⁵⁸. И ее эффективная концовка показала вдохновляющей. Питт сказал: современные африканцы не менее способны стать цивилизованными людьми, чем древние британцы, которых тоже продавали в рабство, которые тоже практиковали человеческие жертвоприношения. И на самом деле какой-нибудь римский сенатор мог бы посчитать британцев не-исправимыми варварами, «народом, которому никогда не суждено быть свободным, людьми, опущенными рукой природы ниже уровня человеческих существ». Теперь цивилизация может устранить рабство. Восстановление африканцев в ранге человеческих существ принесет свет на черный континент.

Судя по одному драматичному рассказу (но, возможно, это из области преданий), когда первые лучи солнца пронзили три закругленных сверху окна за креслом спикера, Питт поднял голову и процитировал Виргилия: «*Nos primus equis oriens afflavit anhelis*» («Первым нам добрую весть восход посылает»)¹⁵⁹. Это явно было провозглашением нового восхода для Африки.

Однако восход отложили. Палата общин соглашалась двигаться к отмене рабства только при помощи регулирования работорговли. Палата лордов оказалась еще более осторожной. Затем какая-либо реформа стала вообще невозможной: началась судьбоносная Великая французская революция, а «сильный ветер мира» начал мстительно дуть. То, что вначале показалось многим подданным Георга III просветительской атакой на самодержавие, галльской версией британской Славной революции, теперь разворачивало свои пиратские знамена. В 1792 г. произошла «сентябрьская резня». В январе 1793 г. Людовик XVI был казнен на гильотине. В следующем месяце началась война Британии с Францией.

Это была борьба против убеждений и против страны, ведь якобинцы оказались большевиками своей эпохи. Они угрожали миру политическими и социальными встрясками, красным террором и санкюлотами на конях. Ответ Британии был яростным. Особенную ярость выказывали те, чьи ранние иллюзии были разбиты.

«Я расскажу вам, что сделали французы, — написал Уильям Коупер, поэт и друг Джона Ньютона. — Они заставили меня опла-

кивать короля Франции, а я никогда не думал, что буду это делать. Они сделали так, что теперь меня тошнит от самого слова «свобода», хотя я никогда не думал, что так может быть. О, как я их презираю!.. Обезьяны со спартанским и римским характером, но без благородства и здравого смысла, которым те обладали»¹⁶⁰.

Отвращение усилилось после успешного восстания рабов в ценной сахарной колонии Сент-Доминик (переименованной в Гаити в 1804 г.) Восстание возглавлял Туссен Лувертюр, Спартак той эпохи.

Мирабо предупреждал: колонисты «спят у подножия Везувия»¹⁶¹. А когда извержение этого вулкана все же произошло, британские плантаторы в Вест-Индии быстро распространили рассказы о черном (но не о белом) терроре. Это было собрание ужасов ада: детей сажали на кол, жен насиловали на трупах мужей или отцов, и все это творилось среди оргии пыток: «У мадам Сежурне вырезали из живота младенца и на ее глазах скормили свиньям, а затем в окровавленную полость вставили голову мужа, после чего живот зашили»¹⁶².

Было легко поверить тем, кто винил в такой порочности и безнравственности дьявольский союз якобинцев и сторонников отмены рабства. Следовали призывы к безжалостному применению силы, чтобы предотвратить распространение мятежей.

В следующие несколько лет правительство Питта стало более агрессивным за границей, но более репрессивным внутри страны. Оно преследовало радикалов, ввело цензуру, отменило закон о неприкосновенности личности, подавляло профессиональные объединения, даже приравняло к борделям лекционные залы, где взимали плату за вход. Разговоры о правах человека стали равноценны государственной измене. Бестселлер Томаса Пейна под таким названием (книга была посвящена Джорджу Вашингтону) запретили. Автор книги, следует признать, сделал многое для провоцирования властей. Например, называл колеблющегося Георга III «его безумие». [В английском языке слова «His Madjesty» («его безумие») и «His Majesty» («его величество») звучат очень похоже. — *Прим. перев.*]¹⁶³ Пейна обвиняли в переписке с Сатаной, сожгли его чучело, после чего вынудили отправиться в ссылку.

Теперь сам король благосклонно относился к работорговле, хотя раньше шептал во время дневных приемов при дворе и утренних выходов: «Как там ваши чернокожие клиенты, мистер Уилберфорс?»¹⁶⁴

Интерес Питта к избавлению от работорговли снизился, хотя Уилберфорс и пытался его стимулировать, чтобы достойно провести отмену рабства. Он настаивал: отмену торговли невольниками следует отделить от тайных планов «сумасшедших пропо-

ведников свободы и равенства»¹⁶⁵. Как он же говорил Кларксону, любые ссылки на революционные идеалы приведут к краху общего дела¹⁶⁶.

Естественно, правительство Питта ставило на первое место свои проблемы — титанический конфликт с заново взбодрившейся и укрепившейся Францией. События, тянувшие на «Вторую Столетнюю войну»¹⁶⁷ между традиционными противниками, теперь приближались к кульминации. В основе своей это была борьба за власть, которая велась в глобальном масштабе. Но существовало и экономическое соперничество. И его Британия имела все шансы выиграть, так как была сильна с точки зрения финансов, торговли и промышленности. Однако в новую республику вдохнуло новый дух. Она оживлялась рвением и жаром, присущим членам секты, ожидающим наступления тысячелетнего царства Христа, и вдохновлялась примерами из античной истории. У Франции появились собственные претензии, подобные римским, с легионами и трибунами, символами и атрибутами власти и топорами, колоннами в честь побед и триумфальными арками, а также богатая классическая иконография, лучше всего представленная в «военно-патриотических эпических шедеврах»¹⁶⁸ Давида. Наполеон, первый консул, а затем император, даже приказал делать сливные трубы в Париже по типу римских. Британцы печально признавали, что эта компактная европейская империя гораздо больше походила на империю Августа, чем их собственные разбросанные по миру территории. Тем не менее королевство Георга III ответило на вызов возродившейся Франции собственным поразительным возрождением империи. Либеральные заботы, боязнь упадка, сомнения об обуздании колоний росли после Войны за независимость в Америке, а теперь их затмила Французская революция.

Вместо них появился боевой, даже драчливый национализм. Он слышался в лозунге, который выкрикивали толпы лоялистов: «Церковь и король». Названия эссе студентов последних курсов были столь же воинственно патриотичными — например, «Вероятный план Божественного Провидения в подчинении такой большей части Азии британскому владычеству»¹⁶⁹. На сатирических эстампах изображался Джон Буль, который пирует пудингом с изюмом и ростбифом в старой доброй Англии, а одетые в деревянные башмаки и фригийские колпаки санкюлоты ищут отбросы в заляпанных кровью канавах Парижа.

Вождь друидов у Коупера предсказывал: «другие римляне», потомки королевы Боадикки, поднимутся, чтобы властвовать над «странами, которых Цезарь никогда не знал»¹⁷⁰. Воинственная и агрессивная Британия, используя проверенную временем стратегию побуждения союзников сражаться в континентальной

Европе, одновременно использовала мощь военно-морского флота для нанесения поражения Франции за морями. Она ставила свои отметки или поднимала свой флаг по всему миру. Метрополия завоевала много территорий в Индии и меньшие территории (обошедшиеся дороже) в Вест-Индии. Она подавила Ирландию. Британцы подхватили куски голландской империи у мыса Доброй Надежды, на Цейлоне и Яве. Они наступали в Средиземном море, Индийском океане и на островах Антиподов. Британские миссионеры проникли в Тихий океан, а торговцы стучались в двери Китая и Южной Америки.

В 1792 г. у британцев было двадцать три колонии, а в 1816 г. — уже сорок три. В 1750 г. в империи проживало 12,5 миллионов человек. Семьдесят лет спустя — уже двести миллионов.

Если американская Война за независимость предзнаменовала закат Британской империи, то Великая французская революция послужила причиной ее подъему к новым высотам. Попытки Наполеона господствовать в Европе, как казалось, оправдывали еще более амбициозное расширение Британии. Мрачные предсказания Гиббона, говорившего о конечном крахе, не были забыты. Мало того, постоянно присутствовал страх, что метрополия слишком мала для поддержания мощного роста за морями, империю сравнивали с «дубом, посаженным в цветочном горшке»¹⁷¹.

Однако в тот момент господствующим стало новое настроение — желание милитаристской экспансии. «Ужасающий пример» Рима теперь цитировался, чтобы показать: «Гораздо труднее сохранять, чем приобретать. Выигранное может быть потеряно, а прекратить приобретать — это означает начать терять»¹⁷². Только в ходе борьбы можно избежать упадка империи. Только завоеваниями Британия могла соответствовать другим империям — Франции, Португалии, Голландии, России, Австрии, Османской империи, Китаю и даже Америке.

Конечно, над Америкой лишь начинался рассвет. Когда «собрание полубогов»¹⁷³ подписало конституцию в Филадельфии в 1787 г., Франклин объявил — он счастлив, что на спинке президентского кресла изображен восход, а не закат солнца. Вашингтон увидел «новое созвездие»¹⁷⁴, появляющееся в западном полушарии. А город, названный в его честь еще в тот момент, когда оставался «индейским болотом в дикой местности»¹⁷⁵, взял за образец Рим. Ведь он претендовал на роль «столицы мощной империи»¹⁷⁶. Но дело не в будущем величии Америки. Она рано дала Британии пример того, как разнообразные элементы могут соединяться в одну силу, а в одной конституции оказаться прямо противоположные принципы.

Естественно, британцы утверждали, что конкурирующие с ними империи были деспотичными, зато их собственные колонии ба-

зировались на принципах свободы. Как говорил Бёрк, правление теми, кто не может по какой-либо причине собою управлять — это опекунство. Оно должно «осуществляться ради их же блага»¹⁷⁷.

В конечном счете, эти нравственные обязательства подорвут империю, созданную и удерживаемую силой. Но пройдя суровые испытания в ходе войн с Францией Британия объединила и свою приверженность свободе, и жажду власти. Известным результатом стала отмена работорговли в 1807 г., через год после смерти Пита.

Ликвидации работорговли добилось «Министерство всех талантов». Парламентарии вдохновились гуманной риторикой Фокса и Уилберфорса. Они были убеждены: раз Наполеон снова ввел рабство, его отмена станет патриотическим актом. По различным причинам противники торговли невольниками верили: это больше не навредит экономически. Тем более, Америка тоже объявила работорговлю незаконной, ожидалось, что этому примеру последуют и другие страны.

Кроме всего прочего, отмена рабства была принята, поскольку она утвердила лидерство Британии в цивилизованном мире. Метрополия стала поборником добродетели и справедливости.

Так основной принцип свободы нации воплощался на практике. При этом реализовывалась идея имперского опекунства для улучшения обществ на местах¹⁷⁸. Более того, в тот же год ненадежное поселение Сьерра-Леоне было превращено в колонию для освобожденных рабов. Некоторые из них не хотели туда ехать, поэтому их приходилось заставлять становиться свободными. Как предполагал Руссо, свобода оказалась обязательной. Британия еще подчинит многие земли во имя ее.

Глава 2

«Английская казарма в восточных морях» Индийская империя Британии

Потеряв одну империю на Западе, Британия приобрела вторую на Востоке. Метрополия потерпела поражение на континенте, «обнаруженном» Христофором Колумбом, зато добились победы на субконтиненте, открытом Васко да Гамой.

Через одиннадцать лет после капитуляции Джорджу Вашингтону в Йорктауне, лорд Корнуоллис, ставший генерал-губернатором Индии, победил Типу-Султана в Серингапатаме. [Ныне — Шрирангапаттанам. — Прим. ред.] Для скромного графа и его возродившейся нации эта победа над их самым целеустремленным противником в царстве моголов означала необыкновенные перемены в судьбе. Она очень весело и широко праздновалась, в особенности в Калькутте. [(Ныне принят бенгальский вариант названия — Колката. — Прим. ред.) Весь город был великолепно освещен, как рассказывалось в «Калькутта газетт». Классические девизы и аллегорические мотивы передавали ощущение римского триумфа. Например, Дом правительства был задрапирован огромной «прозрачной картиной»¹, на которой изображалась Слава, играющая на трубе над бюстом Корнуоллиса. Там же сыновья Типу вручали Британии, поддерживаемой фигурой Геракла и стоящей на фоне Серингапатама, договор. Между прочим, это соглашение лишало их отца половины княжества Майсур.

Субконтинент Индостан был побежден одним ударом. Такой оказалась компенсация за потерю американских колоний. Она вдохновила британцев сделать большие приобретения в Азии.

В действительности, Индию подрывали на протяжении нескольких поколений. Ее убеждали, завлекали и втягивали в сотрудничество, не имея никакого централизованного плана. Зачастую это делалось по инициативе людей на местах. Такая работа радикально отличалась от строительства империи, которое применялось в Америке. Это стало новой моделью, подходившей для регионов, которые считались негостеприимными к европейским колонистам.

Британская власть в Индии больше основывалась на покорении и завоевании, а не на заселении и колонизации. Как и в случае Римской империи, британские «раджи» основывали господство на силе оружия. Как сказал лорд Брис, управление носило «пос-

тоянный милитаристский характер»². Атмосфера оказалась пропитанной порохом. Маленькая белая община стала гарнизоном, прекрасно осознававшим, что завоеванное мечом может оказаться и потерянным под мечом.

Весьма фантастической выглядит история «Ост-Индийской компании». Кто бы мог подумать в канун нового 1600 г., что королева начнет наступление на границы Империи моголов.

Империя являлась символом могущества, величия и великолепия. Двор был самопровозглашенным раем драгоценных камней, шелков, духов, одалисок, слоновой кости и павлиньих перьев. Английские гости чувствовали себя униженными такой роскошью. Когда «Джон-компани» (как ее прозвали) подарила императору Джахангиру (чье имя означает «покоритель мира»)³ карету, он приказал заменить все металлические части серебряными и золотыми.

Города моголов были больше и красивее Лондона и Парижа. Купцы оказались богаче банкиров из Гамбурга и Кадиса. Производители хлопка одевали большую часть Африки и Азии, а количество населения империи (сто миллионов человек) соответствовало числу европейцев. Слоновья кавалерия могла бы напугать Ганнибала, а артиллерия вызвала бы благоговейный трепет у Людовика XIV. Более того, XVII век стал золотым для искусства, поэзии, живописи и архитектуры моголов.

Во время правления Аурангзеба, падишаха с оттопыренным железным пальцем на руке, посвятившего свою жизнь конфликтам, великолепное имперское здание разрослось до предела. После его смерти в 1707 г. империя раздробилась.

Преемники Аурангзеба или занимались борьбой за власть, или, как презрительно выразился Маколей, «бесцельно прожигали жизнь, пожевывая бандж (гашиш), лаская наложниц и слушая шутов»⁴.

Внутренние восстания происходили в Уде, Майсуре и других местах. В это же время маратхи, союз воинственных кланов, базирующихся в Пуне,несли разрушения на огромные участки центральной части Индии, забираясь довольно далеко — вплоть до британского торгового поста в Калькутте.

Иностранные захватчики тоже нанесли урон. В 1739 г. персы разграбили Дели, в 1756 г. это проделали афганцы. Первые унесли золотой трон великих моголов и бриллиант «Кох-и-нор» («Гора Света»), а также трофеи на сумму в миллиард рупий. Вторые насиловали и убивали в невообразимых масштабах.

Британия и Франция, чьи враждебные действия затронули Индию, использовали беспорядки, обострив их. Они формировали союзы с местными правителями и все больше сражались за политические, а не только за коммерческие интересы. Эти цели слож-

но переплетались, поскольку, в соответствии с меркантильной традицией того времени, богатство являлось кристаллизованной властью.

Деньгами, полученными от торговли, платили местным войскам (сипаям), чтобы захватить территорию, которая давала налоговые поступления, а заодно и возможности для дальнейшего наращивания прибыли и завоеваний. У британцев это получалось лучше, чем у французов, поскольку у них были более талантливые военачальники и сильный военно-морской флот.

Несмотря на все свое имперское видение и дипломатическое мастерство, Франсуа Дюпле, французский губернатор, не отличался смелостью. Он избегал выстрелов, считая, что спокойствие необходимо для деятельности его ума. Зато Роберт Клайв, сильный, грубый и бесцеремонный чиновник, который появился, словно английский конкистадор, оказался человеком действия. В нем соединялись ужасающая энергия и самоубийственная смелость. Приступы активности Клайва становились такими яростными, что похоже, они стали причиной нервного расстройства. Он успокаивал себя опиумом.

Хотя Клайв не говорил ни на одном из индийских языков, он завоевал преданность сипаев при помощи безжалостного динамизма и гипнотической харизмы. Этот человек оказался мастером того, что сам однажды определил как «хитрость, сутяжничество, интриги, политика и еще Бог знает что»⁵.

В 1757 г. Клайв нанес поражение огромной армии союзника Франции по имени Сираджа-уд-Даула (что означает «светильник государства»), наваба (губернатора) Бенгалии, используя и взятки, и силу. Британцы посадили марионетку на трон Бенгалии и через четыре года подавили сопротивление французов.

Любопытно, что вскоре слово «наваб» превратилось в «набоб», и стало использоваться для описания британцев, которые сколотили состояние в Индии.

Клайв заявил, что стал соответствовать собственному девизу: «Primis in Indis» — «Первый в Индии». (Правда, один директор «Ост-Индийской компании» спросил, на самом ли деле отец Клайва являлся баронетом).

Претензии оказались преждевременными. Несмотря на убеждения и настоятельные просьбы Клайва, «Ост-Индийская компания» беспокоилась за торговлю, а не за империю. Как и британское правительство, компания не хотела взваливать на себя административное бремя управления Бенгалией. Этот отказ означал катастрофу для самой богатой провинции Индии — плодородной аллювиальной долины, омываемой Гангом и Брахмапутрой, которую моголы называли «раем на земле»⁶.

Поскольку «Ост-Индийская компания» обладала силой и властью, но отказывалась брать на себя ответственность, ее слуги могли действовать в качестве тиранов. Они всегда являлись «гибридами монстров»⁷, частными торговцами и публичными функционерами, а теперь еще и «нажирались награбленным и отнятым силой или обманом добром»⁸. Сам Клайв накопил несколько сотен тысяч фунтов стерлингов. Вдобавок он получал приличный ежегодный доход с земель, хотя и прославился тем, что поражался собственной умеренности.

Другие добывались шикарных подарков, получали огромные прибыли, поднимали и без того высокие налоги. Они делали состояния, сравнимые с богатствами крупных английских собственников или плантаторов в Вест-Индии. Британцы в Индии «перещеголяли римского губернатора, который за год или два выжимал из провинции средства на строительство мраморных дворцов и бань на берегу Кампании, начинал пить из янтарных чаш, пировать певчими птицами, выставлать армии гладиаторов и стада жирафов»⁹.

Богатство и роскошь изменили Калькутту, которую сам Клайв презрительно называл «Гоморрой коррупции». Она превратилась в город дворцов. Если снова процитировать Маколея, сотрудники компании подняли цены на все — от свежих яиц до прогнивших городов. Казалось, весь мир ослепила лавина золотых мухуров (монет «Ост-Индийской компании»). Деньги будто стряхивали с дерева, быстро наживая себе состояние в Индии. На Корсике молодой Наполеон Бонапарт мечтал отправиться в Индию и вернуться домой набобом. Бисмарк в молодости одолевали те же идеи, пока он не подумал: «В конце концов, какое зло мне причинили индусы?»¹⁰

Бенгалию обобрали до нитки. В 1765 г. ее народ поднялся на отчаянное восстание, которое в конечном счете только усилило власть компании через приобретение у императора моголов права на сбор налогов. Доходы с Индии (которые, возможно, достигли миллиарда фунтов стерлингов в период между битвами при Плессе и Ватерлоо) способствовали возрождению Британии, ускорив его. Как сказал граф Чатем, «это было нечто вроде подарка небес»¹¹.

Но в 1769–70 гг. Бенгалия превратилась в ад — там начался голод. Миллионы жителей умерли голодной смертью, некоторые даже вынужденно дошли до каннибализма.

Мор уничтожил треть населения, незахороненные трупы привлекали стервятников, шакалов и аллигаторов. Хотя некоторые усилия улучшения ситуации предпринимались, британские «грабители, обманщики и жулики»¹² продолжали кормиться от скелета Бенгалии. Кое-кто получал прибыль со скрытых запасов зерна.

Возможно, британцы стали такими бесчувственными из-за своей возможной судьбы. Примерно 60 процентов служащих компании умерли до того, как смогли добраться до Англии. Как гласила поговорка, «два муссона стоит человеческой жизни»¹³. Один набоб сказал Клайву, который попытался пресечь самые худшие нарушения, что сколачивая состояние с огромным риском, он не может даже подумать о том, чтобы в чем-то себе отказать¹⁴.

Губернатор Бомбея вполне потакал своим желаниям и, будучи «более своевольным и деспотичным, чем король Англии, мог получить столько денег, сколько хотел». Ведь все было в его власти. Так писал Фрэнсис Пембертон, амбициозный молодой служащий компании. По его оценкам, к 1770 г. губернатор «с его торговлей, интригами и всем остальным накапливал по 40 000 фунтов стерлингов ежегодно»¹⁵.

Однако жадность и ненасытность отдельных лиц в таком огромном масштабе подрывала саму торговлю «Ост-Индийской компании», угрожая ей банкротством. Началось давление с целью поставить гуманную и честную администрацию в Бенгалии. В 1773 г. Парламент принял закон о регулировании, чтобы компания оказалась под частичным контролем правительства. Новый генерал-губернатор Уоррен Гастингс получил задание создать порядок из хаоса.

Хотя над Гастингсом смеялись, называя клерком, сидящим на троне моголов, он оказался самым способным руководителем в Индии после Аурангзеба. Он восхищался индийской культурой, изучал языки фарси и урду, основал Азиатское общество Бенгалии. Он же создал мусульманский колледж (медресе) в Калькутте, чтобы «смягчить предрассудки, которые появляются из-за быстрого роста британских владений»¹⁶.

Гастингс поддерживал переводы индуистской классики, например, «Бхагават Гиты». Он считал, что эта книга останется жить, когда британская власть в Индии давно перестанет существовать¹⁷. Новый губернатор уважал индусов. Впрочем, в то время это было обычным делом. Англичане еще не стали стыдиться курить кальян, пить араку, жевать бетель, посещать танцы, отращивать усы, считать коров священными животными, носить индийскую одежду, красить пальцы хной, мыться, плескаясь в индийской манере, держать любовниц из местных женщин. (По крайней мере, имелся один случай обрезания, чтобы удовлетворить религиозные требования мусульманских женщин).

Более того, Гастингс полагал, что лучший способ управления Индией — назначить индийских чиновников и следовать индийским обычаям. «Управление, осуществляемое Британской империей в Индии, полно многочисленных радикальных и неизлечимых

недостатков», — говорил он. Во многом это объяснялось расстоянием, которое делало действенный контроль невозможным. Только система непрямого правления, через находчивых и умелых посредников, могла продлить то, что новый губернатор считал временными владениями Британии на субконтиненте: «Это оттянуло бы упадок, который раньше или позже должен с таким правлением покончить»¹⁸.

Однако в плане Гастингса имелся один фундаментальный недостаток — при этом рассеивалась власть. Единственным способом обеспечить хорошее правительство, надежную защиту, справедливый сбор налогов и беспристрастную систему правосудия казалось введение сильной центральной власти. Поэтому участие британцев в индийских делах увеличивалось вынужденно. И сам губернатор, высокий и худой человек с большим лбом, стался кем-то типа восточного деспота.

У него не было альтернативы из-за множества возникших трудностей. Губернатор получал лишь одни ненасытные запросы из дома. Пришлось терпеть затянувшееся противостояние на собственном совете, где его могли подавить большинством голосов. Гастингс сталкивался с некомпетентностью подчиненных в Бомбее и Мадрасе, с предательством хватких служащих «Джон-компани», которые, «чтобы получить одну рупию, продадут целую армию»¹⁹.

Губернатор столкнулся и с враждебностью мощных индийских государств, например, Майсура. Он знал, как стоит вопрос: или завоевываешь ты, или завоевывают тебя. А торговля компании зависела от победы. Поэтому для сохранения британских владений в Индии приходилось увеличивать их долю, полностью следуя такой тенденции.

Цепкость губернатора соответствовала смелости и дерзости Клайва. Но его методы были более жестокими. Гастингс попустился на убийство одного из махараджей. Он разорял богатые провинции. Тем местным правителям, которые могли себе это позволить, он даже давал в аренду свою армию сипаев, наиболее подготовленные войска во всей Индии, оснащенные кремневыми ружьями и штыками. Сипаи подчинялись приказам на английском языке, маршировали под барабаны и дудки вместо гонгов и труб, были одеты в голубые тюрбаны с кисточками, красные мундиры, белые брюки и сандалии.

Как говорили, Гастингс никогда «не простит врага» и «не бросит друга»²⁰. Наверняка он в полной мере использовал систему покровительства, сделав одного приятеля переводчиком с персидского для властей²¹, хотя тот не знал ни слова из этого языка. Губернатор скопил небольшое состояние (небольшое — по стандартам Клайва), отправив домой 70 000 фунтов стерлингов только бриллиантами.

Генерал-губернатор особенно баловал любимую вторую жену Мэриэнн (весьма жадную до богатства), которая одевалась как индийская принцесса²², украшала рыжевато-каштановые кудри драгоценными камнями и забавлялась, усаживая котят в миску, полную огромных жемчужин. У зверьков смешно расползались лапы, когда они пытались там встать.

Однако сам Гастингс избегал выставления богатства напоказ. Его трон был сделан из красного дерева, лучшей одеждой был простой коричневый сюртук, а дворец представлял собой скромный загородный дом в Алипоре (по слухам, там до сих пор гуляет его дух). У самого губернатора не имелось имперских претензий, но он укрепил Британскую империю в Индии.

Но по возвращении домой Гастингс стал жертвой перемены мнений. Методы кондотьера и нравственность набоба, которые привели к краху в Америке и разграблению в Индии, теперь были дискредитированы. Бывшего губернатора обвинили в плохом управлении и коррупции. Когда в 1788 г. начался эпический судебный процесс над ним в Палате лордов, казалось, что есть все основания для признания этого человека виновным. Как заметил Горацио Уолпол, «невинность не мостит свой путь бриллиантами, не добывает их у себя в поместье»²³.

Против бывшего генерал-губернатора выступили трое самых лучших ораторов того времени. Фокс обвинял Гастингса, как когда-то Цицерон — коррумпированного пропретора Верреса. Шеридан заявил, что ничего, сравнимого с криминальной деятельностью Гастингса, «нельзя найти ни в античной, ни в современной истории, ни на нужных страницах Тацита, посвященных соответствующим периодам, ни на блестящих страницах Гиббона»²⁴. Обличительная речь Бёрка подкреплялась мнением Гиббона о том, что восточная роскошь фатальна для империи. Он считал, что Гастингс преступил все рамки, будучи «главнокомандующим несправедливости и беззакония», пытавшим сирот и вдов, обедавшим так, чтобы создать голод. Его сердце «поражено гангреной до основания». Губернатор напоминал одновременно «паука из ада» и «жадного вампира, пожирающего мертвые тела».

Бёрк вложил всю свою страсть и воображение в обвинительную речь. Но его яд и злоба вызвали сочувствие к Гастингсу. Уильяма Купера шокировало мученичество человека, который «был более великим и которого боялись больше, чем самого великого могола»²⁵.

Кроме того, по мере усиления угрозы революционной Франции, достижения Гастингса казались более героическими, чем криминальными. Он, как утверждал его адвокат, сохранил Британскую империю в целостности в Индии, когда она «сотрясалась, билась в конвульсиях и разрывалась на куски в других частях земного шара»²⁶.

Возможно, жесткость была необходима, хотя оставалось неясным, насколько суровые меры применял Гастингс. Частично отсутствие информации объяснялось такими свидетелями, как его друг мистер «Мемори» Миддлтон. («Мемори» — «Память»; его прозвали так, поскольку он совершенно не хотел вспоминать ни одного факта или обстоятельства, которые, по его мнению, могли повредить его патрону)²⁷. Это был ранний случай организованной амнезии, которая так часто скрывала дискредитирующие эпизоды в истории Британской империи.

В 1795 г. Гастингса оправдали.

Новость о его победе вызвала радость в Калькутте. Но, хотя Гастингс и выиграл дело, спор-то он давно проиграл. По закону об Индии (от 1784 г.), разработанному Питтом, «Джон-компани» лишили политического контроля и передали власть британскому правительству. Закон запрещал дальнейшие завоевания в Индии и стал попыткой положить конец казнокрадству. От чиновников, находившихся на государственных должностях в Индии, требовали раскрытия размеров богатств, которые они привозили домой.

Суд над Гастингсом драматизировал вину Британии из-за подавления колоний, а также опасения нации, что она может быть коррумпирована методами и деньгами набобов. Чтобы ввести благородное и добродетельное правление, лорда Коруоллиса, которого считали невиновным за капитуляцию в Йорктауне, сделали генерал-губернатором в 1785 г., дав ему больше власти.

Генри Дандас, шотландский министр, известный как «Гарри Девятый», который, как говорили, держался за Питта так крепко, словно рак-балянус за устричную раковину, намеревался править Индией из Уайт-холла. Он возлагал все надежды на «спасение наших умирающих интересов в Азии. Там нет потерянных богатств, которые нужно восстанавливать, нет алчности, которую нужно удовлетворять, нет кучи нищих родственников, которых нужно обеспечивать — никакой команды голодных последователей, рты которых нужно насыщать»²⁸.

Корнуоллис оправдал ожидания, став консервативным реформатором, который надолго установил стандарты честности и неподкупности чиновников и других официальных лиц. Он отказался от схемы партнерства Гастингса и попытался реализовать идею опекунства Бёрка. Посему индусов сняли со всех правительственных должностей. Но при этом намекалось, что конечная цель британского владычества — это самоуправление. Губернатор подчинил правителей и правил в качестве законника. Это достижение сделало Корнуоллиса достойным прозвания «индийского Юстиниана»²⁹.

В этой роли губернатор явно привнес некий вид римского порядка в варварский хаос. Британцы во все большей и большей степени склонялись к тому, чтобы рассматривать индусов как нецивилизованных людей. Если раньше они, например, восхищались индуистскими храмами и мусульманскими гробницами, то теперь они проклинали эти «логова порока и святилища идолов». Такая перемена отразила рост агрессивного национализма и миссионерского рвения в 1790-е гг.

Даже либерал, ценящий культуру субконтинента (что было редкостью), ученый-востоковед сэр Уильям Джонс мог объявить: индийское население не способно принять гражданские свободы, поэтому следует им править при помощи абсолютной власти³⁰.

Это стало стандартным логическим обоснованием для британского владычества. Но сам Корнуоллис оказался в большей степени аристократом, чем автократом. Признавая, что его главная обязанность — это обеспечить политическую безопасность Бенгалии и сделать владение ею по возможности более прибыльным для «Ост-Индийской компании» и британской нации,³¹ он придерживался заповеди «ноблесс облидж» — «положение обязывает».

Губернатор полагал, что за индусами нужно присматривать и заботиться о них, как за отсталыми и коррумпированными людьми, мало на что способными, кроме мелких хитростей. Они слишком низко стоят в человеческой иерархии, чтобы вызывать уважение или занимать какие-то должности, кроме самых низших должностей. Но даже на этих должностях, как говорил Корнуоллис, «предпочтение следует отдавать переселенцам из Европы»³². Да, в 1793 г. он наградил индийских заминдаров (помещиков) постоянной властью, позволяющей взимать налоги с населения. Но это объяснялось тем, что генерал-губернатор оптимистично считал, будто это побудит их скорее ценить, а не обирать крестьян. (Последние подвергались прямому налоγοобложению на юге, где британцы надеялись превратить их в фермеров средней руки).

В этом, как и в других отеческих начинаниях, на которых настаивал Корнуоллис, проявлялась «великая цель нашего пребывания здесь — служить индийскому народу»³³. Но в той же мере следовало служить и британским интересам, как явствует из высказывания Корнуоллиса, выражавшего облегчение, когда дожди помогли избежать голода. «Как я понимаю, теперь нам не угрожает опасность потерять население и не получить доходы»³⁴.

Генерал-губернатор был ограниченным и тупым расистом, у которого отсутствовало воображение. Но он оказался честным, смелым, гуманным и справедливым человеком. Корнуоллис воплощал римский идеал справедливого и здравого отношения к делу, а также веру британцев в то, что характер значит больше, чем

интеллект. Этот человек установил принцип, который викторианцы сочтут священным: имперская власть включает нравственные обязанности.

Корнуоллис предпринял много мер — например, улучшение тюрем, реформирование монетной системы, уничтожение детского рабства. Все это улучшало условия жизни в Индии. Но, как правило, он сосредотачивался на улучшении жизни белой общины. Губернатор намеревался сделать британцев подходящими для правления «в стране, где их небольшая группа должна удерживать в подчинении миллионы». А это означало чистку «авгиевых конюшен» предыдущего режима, который новый руководитель клеймил, как «систему самой грязной мелкой работы»³⁵.

Реформы включали и перемену в господствующем мнении, что каждый человек, который приезжает бедным из Индии — дурак, а прибывающий с богатством — жулик и мошенник. Корнуоллис настаивал: «Вместо огромных случайных и дополнительных приработков, официальные лица должны получать большое жалование»³⁶.

Европейцам следовало жить скромно. Губернатор публично укорял офицеров за то, что те «предавались разрушительным и дорогим привычкам»³⁷. Он установил высокие стандарты нравственности и честности, отказывая в просьбах о покровительстве с любой стороны — и от Уоррена Гастингса, и от принца Уэльского. На ходатайство одного лорда с просьбой предоставить определенную должность генерал-губернатор язвительно ответил: «Здесь, милорд, мы имеем привычку подбирать человека для должности, а не должность для человека»³⁸.

Но даже Корнуоллис шел на разумные компромиссы, делая «маленькие одолжения» Уильяму Бёрку, кузену Эдмунда³⁹. Губернатор полагался на людей с сомнительным прошлым. Среди них был Чарльз Грант, который восхвалял великодушие Божье, которое дало ему силы получить богатство, пока он плевал на «отбросы индуистской морали» и по понятным причинам считался «лицемерным пресвитерианцем»⁴⁰.

Однако Корнуоллис преуспел в улучшении обстановки в британском обществе в Бенгалии, в чем потерпела серьезный провал «Ост-Индийская компания». Давно шла борьба против экстравагантности служащих компании в Индии, их показных колесниц с верховыми, сопровождающими экипаж, бегущих лакеев, немислимых обедов, сопровождаемых музыкой, с поглощением «Атлантических океанов красного вина»⁴¹. Осуждались излишества в одежде, которые заставили английских друзей одетого в шелка и покрытого блестками Уильяма Хики сказать, что тот выглядел, словно горнист Лорда-Мэра Сити⁴².

«Ост-Индийская компания» даже попыталась воспрепятствовать «процессу султанизации», установив регулирующие расходы правила. Их служащие успешно и с насмешкой обходили. Один из них сказал, что не считает запрет на золотое кружево «связующим»⁴³.

Это показывает, что лишь немногие из тех, кто работал на «Ост-Индийскую компанию», являвшуюся символом алчности, уважали ее. Когда директора выступили против того, чтобы друг Хики Боб Поттс брал с собой в Индию «проститутку из простолюдинок» (симпатичную возлюбленную Эмили), тот стал поносить их стандартным образом, как «торгующих сыром негодяев с Леденхолл-стрит»⁴⁴.

Корнуоллис управлял при помощи личного примера. Он мало пил и ел, хотя все больше толстел. Губернатор много работал, каждое утро ездил верхом, следуя рутине, «словно идеально работающие часы».

Этот человек жил по-спартански, аскетично, не любил пустых комплиментов. Он отказался от бриллиантовой звезды после нанесения поражения Типу-Султану, а также от любого другого подарка»⁴⁵. Губернатор очень высоко ценил чувство долга. Объясняя снятие с должности одного сборщика налогов, Корнуоллис писал: «Его нарушения при исполнении официальной службы носили такой характер, что я не мог его спасти, не демонстрируя пристрастности. А она уничтожила бы все уважение к моей власти... Моя обязанность — это роль сурового и строгого судьи»⁴⁶.

После смерти любимой жены Корнуоллиса в 1779 г. губернатор стал несколько меланхоличен. Ее похоронили по ее собственному странному желанию, посадив колючий кустарник прямо над сердцем. Казалось, высший британский представитель отрекся от мирских амбиций. Под его влиянием Калькутта начала меняться. Стали меньше пить и больше танцевать, поскольку теперь джентльмены часто могли вставать после обеда. Сократилось распространение азартных игр, дуэлей и бесчинств. Меньше людей стали совершать самоубийство. Даже игра в крикет стала лучше организована.

Коррупция (по официальным наблюдениям) так снизилась, что Дандас мог сказать Корнуоллису: «У нас никогда раньше не было правления в Индии, которое бы настолько идеально работало в унисон с принципами идеальной честности и целостности»⁴⁷.

Сам Корнуоллис был менее оптимистичен и охвачен надеждами. Он проинформировал Дандаса: «Едва ли можно найти человека, занимающего хоть какую-то относительно важную должность, которого бы не вынудили делать деньги таким образом, которого ему следует стыдиться»⁴⁸.

Однако явно наблюдались кое-какие улучшения. После снабжения продовольствием сил генерала Аберкромби в войне против Типу-Султана Френсис Пембертон поздравил себя с увеличением собственного благосостояния на 30 000 фунтов стерлингов. И совершил он это «самым честным образом. Военные комиссары, занимающиеся поставками в такую большую армию, получили бы в десять раз большей, чем такая сумма»⁴⁹.

Теперь молодые повесы, которые нацеливались заработать много денег в Индии, должны были грустно вздыхать: «Как жаль, как не повезло!» А раньше они поднимали тосты с совсем другим лозунгом: «По девушке и лаку в день!»⁵⁰ (Лак — 100 000 рупий, что примерно составляет 10 000 фунтов стерлингов).

Наиболее знаменитым представлением отеческого правления Корнуоллиса является картина Матера Брауна. На полотне изображено, как губернатор принимает сыновей Типу-Султана. Встреча произошла после успешной осады в 1792 г. Серингапатама, расположенного к северу от города Майсур.

Генерал-губернатор показан в окружении свиты из британских офицеров, он держит мальчиков за руки. Подростки доверчиво смотрят на него, а их индийские слуги спокойно соглашаются на взятие под стражу. Хотя Браун никогда не бывал в Индии, он очень старался воспроизвести сцену из восточных романов.

Но на этом большом полотне есть и правда. Корнуоллис искренне сожалел, что «сумасшедший варвар Типу заставил нас участвовать в войне». Генерал-губернатор вел боевые действия с необычной сдержанностью. Когда его собственные войска сожгли две деревни, он осудил «позорное насилие и возмутительные случаи», назвав их фатальными для надежд на успех и ведущие к тому, что имя британца навсегда покроется позором⁵¹.

Корнуоллис оставил Типу его трон. Это был акт примирения, который обидел и унизил его офицеров. Один из них запротестовал: «На такой скорости мы через лет двадцать все станем квакерами»⁵². Но если бы Типу низложили или убили, возразил генерал-губернатор, то пришлось бы или отдать его столицу маратхам (а это — опасное благодеяние), или посадить какую-то собственную жалкую марионетку. В этом случае нового правителя следовало бы поддерживать войсками «Ост-Индийской компании», которую бы грабили ее служащие⁵³.

Корнуоллис и в самом деле отнесся к молодым принцам с большой благосклонностью и добротой⁵⁴. Они прибыли в английский лагерь перед Серингапатамом, сидя в серебристых паланкинах на богато украшенных слонах. Их сопровождал почетный эскорт верблюжьей кавалерии, а также вакили (дипломатические представители) их отца и сотни пеших копьеносцев и знаменосцев с

зелеными исламскими флагами. Мальчики (которым было восемь и десять лет) оказались напуганными. Но когда эти экзотические одеты дети в белых муслиновых одеждах и красных тюрбанах, с рядами жемчуга на шеях, крупными рубиновыми и изумрудными украшениями, окруженными россыпью бриллиантов, Корнуоллис обнял их, словно они были его собственными сыновьями. Их лица сразу же наполнились радостью⁵⁵. Губернатор повел сыновей Типу за руки в свой шатер, где им вручили подарки — золотые часы, а также плоды бетельной пальмы и розовое масло.

Казалось, что это — лучший вариант британской отеческой заботы на практике. В одном из благоприятных комментариев к картине Брауна с изображением события, доблестного Корнуоллиса хвалят «за демонстрацию пленникам щедрости, которая была бы честью для самого яркого героя классической страницы античности»⁵⁶.

Но имперская икона Брауна, как и многие другие восхваления и прославления этого эпизода — это все же сказочный вид пропаганды. Художник обладал творческим воображением, детали его полотна создают определенные образы, концепция идеализирована, а британская сдержанность противопоставляется азиатским излишествах. При этом приукрашивается и лакируется тот факт, что Корнуоллис вымогал большие территориальные уступки, а также крупную финансовую компенсацию у Типу-Султана. Как сам генерал-губернатор сообщал королю Георгу, «сильная власть Типу очень значительно уменьшилась в результате войны, в которую мы были втянуты его неуправляемыми амбициями и насилием. Кажется маловероятным, что он сможет в ближайшие годы, а то и на протяжении долгого времени, существенно мешать британским владениям в Индии. Однако при выборе территорий, которые следует передать нам, моя главная цель — это фиксироваться на тех владениях, которые, согласно расчетам, лучше всего подходят для предоставления нам сильной оборонительной позиции против будущих атак какой-либо державы»⁵⁷.

Под личиной опекуинства Корнуоллис использовал принцев в качестве живого залога в безжалостной политической игре. В этом, как объявляли критики, состояла мошенническая суть империализма.

Обвинение в том, что империя — это система лицемерия, раздражало британцев. Ведь оно весьма приближалось к правде. В долгосрочном плане (что парадоксально) имелся единственный способ это опровергнуть — попытаться сделать империю системой щедрости. Конечная логика мифа, распространяемого Матером Брауном и ему подобными, состояла в том, что пребывание под опекой и несовершеннолетие наследников Типу когда-нибудь закончится. Они станут независимыми.

Но непосредственным результатом беспрецедентной крикливой рекламы поражения Типу, которого часто называли «современным Ганнибалом»⁵⁸, стала поддержка большей британской воинственности в Индии.

Европейские катаклизмы еще больше усилили эту воинственность. На протяжении следующих нескольких лет Великая французская революция сделалась, по словам Шелли, главной темой эпохи⁵⁹. Чтобы остановить распространение якобинства на Восток, британцы посчитали: в Индии следует поменьше демонстрировать бархатные перчатки, побольше применяя железный кулак. В противном случае, как писал капитан Джон Тейлор в Бомбее, «прощай власть, влияние и уважение. И, наконец, прощайте наши владения на Востоке. И не только маратхи и низам Хайдарабада будут ненавидеть нас и питать отвращение к нашей неспособности, самонадеянности и высокомерию. Тогда каждое государство в Индии от Тибетских гор до юга полуострова справедливо поднимется. Недовольство наших местных войск окажется способным отделить колонии Индии от Британской империи»⁶⁰.

Поэтому британские губернаторы, а особенно лорд Уэлсли (на этом этапе он все еще был графом Морнингтоном), старший брат будущего герцога Веллингтона, использовали якобинскую угрозу, которая в дальнейшем осложнилась наполеоновской угрозой. Ею они оправдывали наступление в Индию из Египта для возможного усиления британской власти.

Уэлсли, человек с олимпийскими претензиями и достойными Юпитера страстями, служил генерал-губернатором в период между 1797 и 1805 гг. При помощи своего брата Артура он покорил больше территорий в Индии, чем Бонапарт в Европе. Губернатор стал, по словам одного современника, Акбаром династии «Ост-Индийской компании»⁶¹.

На самом деле, Уэлсли правил большей частью Индии, чем какой-либо император моголов. И это уже само по себе вызывало беспокойство в штабе «Ост-Индийской компании» на Леденхалл-стрит. Один из директоров, Чарльз Грант, угрюмо заметил: «Именно тяжеловесность и неповоротливость империи моголов ускорили ее падение». Он считал, что «чем шире распространяется власть Британии в Индии, тем более уязвимой она становится»⁶².

В отличие от этой точки зрения Типу-Султан считал, что англичане завоевали полный контроль везде, куда «впивались когтями»⁶³. После поражения от Корнуоллиса Типу мечтал (и буквально, и метафорически) о «священной войне» (джихаде) ради мести. Он тоже искал союзников, с готовностью сделав попытку завязать дружеские отношения с давним противником Британии, и даже позволил Якобинскому клубу закрепиться в Серингапатаме.

Уэлсли признавал ненависть Типу, который, как он понимал, никогда не успокоится. Губернатор считал, что главной целью похода Наполеона в Египет, судя по всему, является «удовлетворение требования Типу-Султана о военной помощи в полном соответствии с его желаниями»⁶⁴. И он вознамерился заставить Типу отказаться от всех связей с Францией⁶⁵.

Пока Калькутта и Серингапаттам обменивались поразительно неискренними словами, Типу систематически демонизировали. Британцы представляли его как опасного радикала, симпатизирующего санкюлотам во Франции, а заодно и «друга республиканцев в Америке». Кроме того, правитель Майсура был «безжалостным дикарем»⁶⁶, притеснителем индусов, убийцей христиан. «Любые драконовские законы кажутся милостивыми в сравнении с его правлением, — писал один из обвинителей о своде законов Типу. — Его законы соединяли смертельные ужасы с хладнокровной иронией, грязные насмешки с извращенными увечьями, обезьяньи проделки с гнусностью чудовища»⁶⁷.

Наверняка Типу был способен на жестокость и фанатизм, особенно, против тех, кто отказывался принимать ислам. Как заявил один английский офицер, «я сам стал свидетелем варварского зрелища, неизвестного любой цивилизованной нации. Несчастных индусов вешали дюжинами на деревьях вдоль дороги»⁶⁸. Типу-Султан отличался смуглым цветом лица, горящими глазами и «кровожадностью». Он сделал многое, чтобы завоевать прозвище «Майсурский Тигр»⁶⁹, которое ему дали англичане.

Самому Типу очень нравилось это прозвище, он украшал свои дворцы и мебель, оружие и доспехи тигриными мотивами. Его собственный трон, восьмиугольное сиденье из подушек, покоился на спине огромного золотого тигра, значительно превышающего реальные размеры животного, там же имелись и тигриные головы с драгоценными камнями. Узкий проход в спальню Типу-Султана охраняли четыре живых тигра. Правитель часто говорил, что «предпочел бы прожить два дня, но как тигр, чем двести лет, но как овца»⁷⁰. (В дальнейшем такие же чувства выражал и Муссолини).

С точки зрения британцев, ничто лучше не показывало яростную натуру Типу, чем его самый знаменитый артефакт. Это был деревянный тигр, который при повороте ручки ревел, набрасываясь на европейского солдата, а последний поднимал руку и в отчаянии стонал. Этот чудовищный механизм в дальнейшем выставили в Лондоне (там, в Музее Виктории и Альберта, его можно посмотреть до сих пор). Вместе с другими образами, например, театральными версиями штурма Серингапатама⁷¹, он провозглашает зверство Типу и героический характер английской цивилизующей миссии.

Осуждение нравственности Типу-Султана звучало не очень убедительно из уст нации, которая так жестоко обходилась с осужденными и рабами. В любом случае, эти стрелы не попадали в цель. Если смотреть в контексте царствования на юге Индии, то Майсурский Тигр хотя и не стал ручным, но и полностью диким не являлся. Типу был умен, образован и сообразителен. Он владел библиотекой из двух тысяч томов (тщательно завернутых и упакованных в ящики для защиты от белых муравьев). Несомненно, чтение развивало его страсть к новизне.

Правителя в равной мере очаровывали и западные технологии, и восточная астрология; он носил золотые карманные часы и магический серебряный амулет. Его армию обучали французы, в некоторых отношениях она превосходила английскую. Артиллерия Типу-Султана была «и больше нашей, и была на более дальнее расстояние», как писал один английский офицер. Его артиллеристы отличались смелостью — «особенно, после приема какого-нибудь наркотика».

В целом, правитель представляется уважаемым и серьезным противником⁷². Он славился привередливостью и требовательностью. Типу-Султан всегда был гладко выбрит, смазывал подбородок миндальным маслом. Его мускулистое тело было склонно к полноте, но он отличался тонкими запястьями и лодыжками. Типу регулярно проходил массаж. Рядом с его тронем, сидя на котором, правитель смотрел в сторону Мекки, всегда клали тонкий белый платок, ставили черную эмалированную вазу с цветами и серебряную плевательницу.

Хотя даже дворовых слонов обучали почтительно кланяться ему, Типу одевался просто, ограничивал себя в еде (на завтрак ел электуарий (лекарственную кашку) из мозгов самцов ручных ласточек), проводил мало времени на женской половине. Он был хорошим охотником, несравненным наездником, храбрым солдатом, отличным стрелком⁷³. Им восхищались, его боялись. Подданные Типу-Султана, очевидно, не считали его тираном, фанатиком и изувером. Они оплакивали его смерть. Многие простерлись ниц перед похоронной процессией, выражая свое горе громким плачем и стенаниями⁷⁴. Даже разделенное на касты население Малабарского берега, где выращивались специи, судя по всему, предпочитало его правление, а не британское.

В Майсуре, на широкой равнине с плодородными землями для выращивания зерна, рисовыми полями и рощами кокосовых пальм, находились густонаселенные деревни, которые расцвели при правлении Типу. Он же ввел разведение шелкопрядов и шелководство.

Серингапатам, священный остров Вишну на реке Кавери, был «самым богатым, самым удобным и красивым местом, которым

в наши дни владел кто-либо из местных индийских князей»⁷⁵. Великолепные здания поднимались среди тропических фруктовых садов. Над крепостными валами форта возвышались украшенные резьбой или лепниной башни храмов и окаймленные разноцветными полосами минареты мечетей. На окруженной стенами территории стоял великолепный новый дворец Типу, украшенный зодиакальными созвездиями и стихотворными строками, подчеркивающими «божественное превосходство величественной личности правителя»⁷⁶. Столь же великолепными были цветочные арабески, украшающие тиковый интерьер Дауриа Даулат Баг — Паркового дворца, посвященного морским богатствам. Там находилась гигантская настенная роспись, прославляющая победу над британцами Хайдара Али, индийского Верцингеторига, в сражении за Поллилор. [Верцингеториг — знатный галл, избранный правителем Галлии; в 52 г. до н.э. он начал войну против Цезаря, но был побежден, взят в плен, а впоследствии казнен. — *Прим. перев.*]

Рядом с квадратным мавзолеем Хайдара с луковичными куполами, сводчатой галереей с колоннами из амфибола и дверьми из черного дерева и слоновой кости, стоял павильон Лал Баг — Рубиновый Сад. Особенно роскошным был огромный зал для приемов, оформленный в красных тонах и украшенный написанными золотом текстами из Корана. Крышу поддерживали колонны фантастической формы на черных мраморных пьедесталах.

Но британцев более всего поразили сокровища, которые размещались внутри этих зданий. Типу окружил себя изысканными работами, настоящими произведениями искусства — драгоценными камнями, которые могли служить талисманами, филигранным оружием, позолоченной мебелью, шелковыми коврами, тончайшим фарфором и таким тонким малабарским муслином, что он казался сотканным ветром⁷⁷, как выразился один европейский автор.

Поэтому Майсур оказался во всех смыслах ценным призом к моменту завершения британского вторжения. Это произошло 4 мая 1799 г. после второй и окончательной победы при Серингпатаме.

Как сказал генерал-губернатор, нанесение удара по Типу может «сэкономить кроры рупий и тысячи жизней», поскольку это не даст султану заключить союз с Францией, которая нацеливалась возродить свое древнее величие и славу⁷⁸ в Индии. Он подчеркивал скорее политические, а не финансовые успехи и прибыль.

Эта победа дала не только шестьдесят лаков рупий в виде дополнительных доходов, но и установила на самой прочной и постоянной основе британскую власть в Декане⁷⁹. Однако жажду трофеев едва ли можно переоценить, она составляла неотъемлемую сущность империи (и источник ненависти местного населения).

Слово «трофеи» (или выражение «награбленное добро»), которое используется в современном английском языке («loot») имеет индийское происхождение, но британцы вскоре его приняли. Имеется масса доказательств того, что большинство солдат рассматривали грабежи и мародерство в качестве законного приработка или считали привилегией (хотя и неявной). Их командиры подавали дурной пример. На самом деле, некоторые из величайших героев империи, удовлетворяли алчность и неумные аппетиты военными трофеями. Во время второй Афганской войны (1878—80 гг.) генерал Робертс «отправил девять верблюдов, груженных трофеями, еще до того, как назначили оценщиков»⁸⁰. После второго похода к ашанти (1895—96 гг.) майор Баден-Пауэлл унес золотые украшения, латунную чашу, которая предположительно использовалась для сбора крови во время человеческих жертвоприношений, а также шапку короля Премпеха. После сражения у Омдурмана (1898 г.) люди генерала Китченера прихватили неумытыми руками даже самые священные предметы, включая полумесяц с купола гробницы Махди (он теперь хранится в Музее королевских саперов в Чатеме), а также флерон из медных пластинок (сейчас он украшает башню замка Блэр, резиденцию герцога Атолла). Сам Китченер давал указания подчиненным сметать все, словно огонь: «Я хочу получить все мраморные ступени, мраморные плиты, железные решетки, зеркала и все прочее — двери, окна, любую мебель»⁸¹.

В хаосе, который последовал за захватом Серингапатама, жадность и ненасытность армии тоже не сдерживалась.

Солдаты разграбили сказочное логово Тигра. Они совершили набег на казначейство, оставив на полу рассыпанные золотые монеты. Они крали кольца, браслеты, ожерелья и бриллиантовые подвески, набивая ими карманы. Победители прошлись по почти всем зданиям. Трон Типу разбили, хотя пара лучших кусков в итоге нашла место в Виндзорском замке. Туда прибыла золотая райская птица феникс, которая сидела на балдахине, украшенном по краю жемчугами, и крупная золотая тигриная голова сдвигающимся языком и зубами из горного хрусталя. Говорили, что кто-то из «красных мундиров» застрелил Типу из-за драгоценного камня у него на тюрбане или золотой пряжки на красном шелковом поясе. Когда еще не успевшее остыть тело правителя нашли под грудой трупов, на его одежде не было никаких украшений — обнаружили только рубашка из тонкой белой ткани, брюки из индийского набивного коленкора и малиновый пояс вокруг талии⁸². Но с него еще можно было взять один последний сувенир — британский офицер достал перочинный ножик и отрезал половину усов султана.

Артур Уэлсли, который определил мародерство, как «то, на что можно наложить свою окровавленную руку и удержать»⁸³, остано-

вил разграбление поркой и повешением негодяев. Однако он обнаружил последующие примеры британского злодейства, которые «опозорили бы и список Ньюгейтской тюрьмы»⁸⁴. Среди них имелись случаи вымогательства путем пыток и даже убийства.

Однако официальные награды оказались достаточно большими. Армия получила призовые деньги в размере свыше миллиона фунтов стерлингов. Собственная доля полковника Уэлсли составила 4 000 фунтов. Тем временем жена генерал-губернатора убеждала его забрать львиную долю драгоценных камней Тигра. Однако тот с негодованием ответил: «Как это типично для вас! Я еще никогда не встречал женщину, которая бы не считала, что высокое общественное положение — это возможность воровать».

Вместо этого он отчеканил бронзовую медаль с изображением британского льва, побеждающего Майсурского Тигра. Но Уэлсли все же принял бриллиантовую звезду, сделанную из драгоценных камней Серингапатама, а также позволил украсить малиново-золотой трон генерал-губернатора в Калькутте частями трона Типу.

Ричард Уэлсли смог сделать и шаг вверх среди сословия пэров, но все же остался недоволен — ему присвоили ирландский титул, победителю предстояло стать «картофельным маркизом». Однако он добавил священную птицу феникс к своему гербу и взял девиз из «Энеиды»: «*Super Indos postulit Imperium*» («Он расширил империю и на Индию»)⁸⁵.

Ни один римский губернатор не отличался таким безудержным честолюбием, как Ричард Уэлсли, ни один индийский брахман так сильно не гордился своей кастой. Маркиз стал строить на фундаменте своей победы в Майсуре, где аннексировал часть территории, назначил марионеточного правителя и попытался ослабить сыновей Типу политически, побуждая их больше интересоваться наложницами.

Уэлсли намеревался установить единую верховную власть в Индии. Своей жене он хвастался: «Я буду грузить одно королевство на другое, победу на победу, доход на доход. Я накоплю славу, богатство и власть, буду набирать их до тех пор, пока даже мои амбициозные и алчные хозяева не попросят пощады»⁸⁶. Так маркиз хотел завершить «подъем незначительного торгового поселения до могущественной империи»⁸⁷.

Теперь его главным врагом стала конфедерация маратхов, которая представляла собой постоянную угрозу британской власти. Вражда началась не только из-за связей конфедерации с французами, но и, по мнению Уэлсли, из-за «предательского характера маратхов». Если перейти ближе к делу, то маратхи были опытными бойцами нерегулярной армии и прекрасными кавалеристами,

а их страна считалась «империей седла»⁸⁸. Но у британцев имелись преимущества — лучшая организация, дисциплина, оружие и репутация. А еще — гениальный полководец Артур Уэлсли, и командующий с несравненной доблестью⁸⁹ сэр Джерард (в дальнейшем — лорд) Лейк. Во время одного сражения под Лейком убили двух коней, а в шляпе и мундире оказалось шесть или семь дыр от стрельбы из мушкетов: «И он двадцать четыре часа не пил красного вина. Трудно поверить, что он выжил», — писал Уильям Хики⁹⁰.

Благодаря героизму и соответствующей ему дипломатии, которую обеспечивал квартет протезе Уэлсли (Томас Мунро, Джон Малькольм, Монстуарт Элфинстон и Чарльз Меткалф), британцы смогли разделять и властвовать. Они получили прямой и косвенный контроль над огромным регионом между Гангом и Джамной. Кроме того, англичане перевели падишаха моголов Алама «под защиту» властей Калькутты. Теперь правитель был слепым, потрепанным и старым, но все равно оставался «владыкой Вселенной». Как утверждал Уэлсли, французы могли бы использовать его имя «для оправдания вымогательства, насилия и захватов»⁹¹. Впрочем, это было именно то, о чем думал сам генерал-губернатор. «Эдинбург ревью» очень язвительно разложила по полочкам его «римскую политику»: «Участвовать во всех спорах; претендовать на земли одной стороны за помощь ей, захватывать земли другой стороны после нанесения ей поражения; привлекать союзников силой, следить, чтобы никто не грабил их (кроме нас самих); расквартировывать войска у наших соседей, платить им товарами наших соседей».

Далее в «Эдинбург ревью» говорится: Уэлсли мог представлять собственную агрессию в форме обороны, но предупреждение о том, что Наполеон идет по следам Александра становилось словно бы крик о том, что «великий турок дошел до Уайтчепел».

Статья завершалась мрачной мыслью: британцев, которых вовлекли в римские планы покорения за границей, никогда не будут встречать дома, как триумфаторов: «Этим зловещим трофеям, которые можно рассматривать, как пятна на британской репутации, нельзя позволить висеть в храмах, построенных британцами»⁹².

На самом деле британское правительство пыталось дать Уэлсли понять: военные успехи могут оправдать нарушение священного принципа — деньги «Ост-Индийской компании» нельзя направлять на военные нужды⁹³.

Лорд Кастлериг был назначен военным министром и министром по делам колоний (он возглавил министерство-гибрид, которое так называлось в период между 1801 и 1854 гг.; его обвиняли в том, что оно вело войны не только ради колоний, но и против них). Кастерлиг признал: британцы по необходимости прекратили быть

торговцами в Индии, превратившись во властелинов. Но предпочтительнее развивать территорию, которая уже была завоевана, чем покорять маратхи. Вместо обеспечения безопасности, о которой говорил Уэлсли, дальнейшие завоевания, по утверждению министра, привели бы к тому, что британским владениям пришлось бы столкнуться с еще более беспокойными соседями⁹⁴.

Но, как часто случалось в истории империи, местные власти оказались сильнее, чем центральное правительство. Частные предприятия расцветали во владениях, которыми управляла коммерческая компания в другой части света. Как пожаловался один министр, даже получение новостей из Средиземноморья напоминало получение посланий с Луны. В 1801 г. Уэлсли провел семь месяцев в Индии, не получив ни строчки настоящих сообщений из Англии⁹⁵.

Поэтому ни Даунинг-стрит, ни Леденхолл-стрит не могли остановить генерал-губернатора от того, чтобы шагать «по великолепной дороге к краху». Это был ограниченный и мелочный человек, претендовавший на величие, он отличался «поразительной несостоятельностью и неспособностью»⁹⁶, добавляя оскорбления к урону, тратя деньги «Ост-Индийской компании», словно воду, чтобы укрепиться с азиатской пышностью и великолепием»⁹⁷.

В плане слуг и экипажей Уэлсли был экстравагантен в превосходной степени⁹⁸. Он ездил по Калькутте в блестящей карете, в которую впрягали шесть лошадей. Губернатора сопровождали телохранители-драгуны и отряд верховых. По Гангу он плывал на сказочной яхте, флагманском корабле небольшой флотилии, а зелено-золотистые цвета кораблей резко контрастировали с ярко-красными одеждами команды.

Уэлсли начал строить загородный дом в Барракупоре, «виллу Цезарей»⁹⁹ в красивом окружении, с такими дополнительными постройками, как театр, эстрада для оркестра, птичник и зверинец. Однако самым расточительным проектом стал новый Дом правительства на Эспланаде-роуд, который выходил на майдан — расчищенный участок, который свободно простреливался артиллерией из Форт-Уильяма.

Маркиз снес старую официальную резиденцию генерал-губернатора, а также дом советов и шестнадцать частных особняков, некоторые из которых были недавно построены. На их месте он построил дворец, моделью для которого послужил Кедлестон-холл в Дербишире. Его выполнили в неоклассическом стиле. Дом правительства спроектировал Роберт Адамом, новым зданием очень восхищались. Однако доктор Джонсон высказался о нем язвительно, мол, особняк прекрасно подошел бы для городской ратуши.

Новый Дом правительства, который вскоре покрыли огромным куполом цвета меда, оказался слишком грандиозным для того, чтобы из него получился комфортабельный дом. Гости чувствовали себя, словно в тюрьме. Можно было потеряться, поскольку жилые апартаменты изолировали в четырех огромных крылах с колоннами. Здесь посетители сталкивались с большими свободными пространствами и роскошью без комфорта. В здании не имелось клозета, а еду всегда подавали холодной, потому что кухни находились в 200 ярдах.

Однако здание идеально подходило для того, чтобы служить штабом империи. Мраморный зал построен по типу римского атриума. Потолок поддерживали дорические колонны, покрытые блестящим белым чунамом (полированной штукатуркой из морских раковин). Пол выполнен из серого мрамора. Вдоль стен поставили бюсты дюжины императоров.

Над Мраморным находился танцевальный зал с колоннами таких же впечатляющих масштабов. Паркет сделали из отполированного тикового дерева, вдоль боковых стен установили огромные зеркала, все это освещалось многочисленными хрустальными люстрами¹⁰⁰. Неоклассическая архитектура подчеркивалась гербами, захваченным оружием, статуями львов и гипсовыми сфинксами. Двум сфинксам отрезали грудь, потому что один адъютант подумал, что «генерал-губернатора могут шокировать их формы»¹⁰¹. (То было серьезное заблуждение, поскольку Ричард Уэлсли был склонен к такому чудовищному промискуитету, что даже его брат Артур, которого самого на карикатуре изображали седлающим прямо стоящую пушку, хотел, чтобы его кастрировали).

Директора «Ост-Индийской компании» так далеко не заходили, но несравненное великолепие Дома правительства, который стоил 170 000 фунтов стерлингов, вызвало невыносимую боль на Леденхолл-стрит. Уэлсли заявлял, что здание необходимо для поддержания здоровья генерал-губернатора в тяжелом климате. Он действительно страдал от фурункулов и нарывов («ужасающая проказа»), а также от геморроя, жалуясь жене: «Я превратился в скелет — желтый, дрожащий, лишенный аппетита. Не могу спать, слишком слаб, чтобы два раза обойти комнату по кругу»¹⁰².

Но Уэлсли, без сомнения, согласился бы с известным оправданием роскоши Дома правительства, высказанным лордом Валиантом. Тот без труда соединил расовые предрассудки и социальный снобизм, придерживаясь стандартной точки зрения: восточные люди с презрением отнесутся к проявлениям «убогого меркантильного духа», но испытают благоговейный трепет и будут ослеплены театром власти. «Если вкратце, — заявил лорд, — то мне хотелось бы, чтобы Индией правили из дворца, а не маленькой

конторки, пусть лучше в этом воплотятся идеи князя, чем розничного торговца муслином и индиго»¹⁰³.

Уэлсли в еще большей степени презирал «торговцев сыром с Леденхолл-стрит», поскольку его никогда не стеснял малодушный страх быть великим (каковой предположительно мешал им)¹⁰⁴. Наоборот, губернатор предпринимал все усилия, чтобы поднять свой почти королевский статус. Он презрительно относился даже к самым могущественным из махараджей, называя низама Хайдарабада «высокопоставленным болтуном»¹⁰⁵. Британский глава Индии настаивал на том, чтобы местные властелины принимали его, как «бога-покровителя»¹⁰⁶, со всей возможной пышностью: жезлоносцы должны были нести золотые жезлы, а слонов украшали драгоценными камнями.

По словам Чарльза Меткалфа, Уэлсли вошел в город Лакхнау в таком великолепии, что после этого описание Гиббоном римского триумфа императора Аврелиана кажется «заходом нищего»¹⁰⁷. Губернатор полностью превзошел римлянина. А ведь во время триумфального шествия Аврелиана показывалось богатство Азии — двести экзотических животных, 1 600 гладиаторов, множество пленных варваров и взятая в плен царица Зенобия, которую заковали в золотые цепи. Она едва могла идти из-за веса бриллиантов.

Уэлсли давал аудиенции и торжественные приемы, чтобы «знатные господа Индостана могли прийти со всей своей варварской pompой и выразить почтение во дворце наместника короля»¹⁰⁸. В других случаях он исключал индусов из социальных функций (но и Корнуоллис не подпускал их к официальным должностям).

Губернатор держался полностью отстраненно. «Я шествую, словно королевский тигр, в великолепии и одиночестве», — писал он. Судя по всему, невидимой для него оставалась армия мажордомов, дворецких, лакеев, телохранителей, жезлоносцев с серебряными посохами, носильщиков, посыльных, слуг с опахалами и других помощников.

Генерал-губернатор избегал общества своих белых подданных. Они были «такими вульгарными, необразованными, грубыми, фамильярными и тупыми, что вызывали отвращение. Их невозможно вынести, в особенности дам, ни одна из которых даже не выглядит прилично». (Мысли о «прилично выглядящих женщинах» были частой жалобой в стране, где цветущие девушки быстро превращались в сухих «мэм-сахиб», называемых «крашеными трупами». Говорили, что в Калькутте они представляют собой «свору кошек, которые чахли на протяжении последних десяти лет».)¹⁰⁹

В любом случае Уэлсли считал себя обязанным следить «за соблюдением форм и церемоний, вводить государственность в общий вид учреждений и домов, исключать любое приближение к

фамильярности и применять власть с должной степенью суровости и энергичности»¹¹⁰. Губернатор суровым тоном утверждал законность. Он учредил колледж в Форт-Уильяме, чтобы обучать служащих «Ост-Индийской компании» их обязанностям. Уэлсли запретил конные бега по воскресеньям. Он отменил удобные белые сюртуки из хлопчатобумажной ткани в пользу официальных, какие носили в Англии. Их приходилось надевать в жару, когда обедающие мечтали, как Сидни Смит, «снять с себя кожу и сидеть в одних костях»¹¹¹.

Тщеславие и надменность Уэлсли проявлялись в нагло вздернутом сильном подбородке и ледяном взгляде голубых глаз. Он отдалил от себя всех, кроме своих помощников, которые превозносили и расхваливали его. Но, утверждая свое положение на вершине социальной иерархии, губернатор делал с британцами лишь то же самое, что те делали с индусами.

* * *

Растущее отдаление друг от друга двух обществ символизировалось разрывом между царским богатством белой Калькутты и ужасающими условиями так называемого «черного города». Большинство людей, которые впервые плыли верх по грязной быстрой реке Гугли, поражались величественному лесу мачт, достойному лондонского порта, сменяющим друг друга «элегантным домам, построенным в классическом стиле, в окружении роскошных плантаций». Гости восхищались красивым восьмиугольным фортотом, откуда раздавался барабанный бой. Над Форт-Уильямом реял флаг, он напоминал цитадель в Валансьене, построенную Вобаном — «правильной формы, великолепную и впечатляющую»¹¹².

Чауринги, главная улица, ведущая через майдан из Форта-Уильям, была «целой деревней дворцов»¹¹³. Большинство из них строились в палладианском стиле, с верандами, украшенными колоннами, крышами с балюстрадой, а также «портиками, куполами и красивыми воротами»¹¹⁴.

Во времени Уэлсли строения стали более впечатляющими, а когда в 1823 г. в Калькутту приехал епископ Гербер, она напомнила ему Санкт-Петербург.

Даже мертвые размещались со вкусом. Кладбище на Парк-стрит пользовалось таким спросом, что священнику из церкви Сент-Джон, который обслуживал захоронения, платили специальное пособие на паланкин в размере тридцати рупий в месяц.

Некрополь был необычным архитектурным скоплением. Его заполняли урны, обелиски, саркофаги, часовни с ионическими колоннами, мавзолеи, построенные по типу мусульманских гроб-

ниц, пирамиды, самая высокая из которых повторяла пирамиду претора Гая Цестия в Риме. («Этот величественный клин походил на пламя, трансформированное в мрамор», — сказал Шелли в «Адонисе». Пирамида затмевала английское кладбище, на котором лежал Китс. Памятник сильно привлекал романтиков. Тернер изобразил его в сумерках, иллюстрируя титульный лист книги «Жизнь и работы» Байрона).

Если суммировать все, то европейская Калькутта считалась «не только самым красивым городом в Азии, но одним из самых прекрасных в мире»¹¹⁵.

Тем не менее, как и другие британские анклавы, Калькутта была городом под осадой. Старуха с косой постоянно несла вахту, особенно — в жаркий сезон, когда на пушке в Форт-Уильяме можно было пожарить мясо, а люди скрывались под зонтиками даже от лучей полной луны.

Природа постоянно вторгалась в жизнь людей. По ночам тигры прогуливались за Чауринги, а днем часто оказывались достаточно смелыми, чтобы прыгать на лодки, курсировавшие недалеко от берега¹¹⁶. Шакалы, гиены, стервятники и бродячие собаки рыскали по улицам, хотя никто из них не мог сравниться по незапуганности с индийскими аистами, которые расхаживали с важным и надменным видом. Это были гигантские птицы, которые пожирали поразительное количество гниющих отходов, падали и мусора¹¹⁷. Они могли проглотить ногу теленка целиком, с копытом и железной подковой. Очистительная роль аистов была настолько жизненно важной, что кадетов из Форта-Уильям предупреждали: если кто-то нанесет птицам какой-то урон, это будет считаться серьезным правонарушением¹¹⁸.

Дом правительства обеспечивал аистам место для ночлега. Впрочем, он приютил обезьян, виверр, летучих собак, летучих мышей, ворон, соколов и стаи ярко-зеленых длиннохвостых попугаев. Некоторые из этих животных и птиц наводняли само здание.

В сезон муссонов к ним присоединялись лягушки, ящерицы, змеи, муравьи, пауки, комары, мотыльки, жуки и множество других летающих, жужжащих (и кусающих) насекомых. Их было столько, что они покрывали стены, будто образцы различных видов, представленные в музее. В Калькутте не было занавесок, в которых бы не спрятались скорпионы или многоножки. Над зеркалами устанавливали небольшие крыши, по форме напоминающие пагоды, свечи часто ставили в суповые тарелки, наполненные водой. И там тонули мириады насекомых.

Гости, чье воображение было заражено гипертрофией тропиков, жаловались на тараканов размером с мышь и на крыс, напоминающих маленьких слонов¹¹⁹.

Европейские общины были открыты для вторжения из царства животных. Они казалось еще более уязвимыми для налетов людей. Многие считали эти беды близнецами.

Сам Уэлсли говорил о возможных полчищах смуглых людей в белом муслине, наступающих из квартала, где проживали местные жители. Это считалось маловероятной возможностью, но о ней постоянно помнили. Такое напоминание давило психологически.

В отличие от строгого римского планирования города белых людей, которые изображались такими художниками, как Уильям Ходжес и Даниэл, «черный город» был хаотическим лабиринтом узких улиц без мостовых, кривых переулков в ямах и рывтинах, зловонных дворов. Время от времени на них попадались искусно построенные кирпичные дома, принадлежавшие землевладельцам, купцам или предпринимателям. Но по большей части «черный город» состоял из разлагающихся трущоб. Он представлял собой скопление полуразрушенных базаров, покрытых плесенью складов различных товаров, ветхих жилищ и хижин из глины, соломы и бамбука. Они ничем не были лучше ирландского домика или «самого грубого вигвама»¹²⁰.

«Черный город» окружали джунгли и болота, он фактически опирался о британскую столицу.

Город аборигенов сталкивался со столицей белых людей и другими путями. Уэлсли особенно беспокоила опасность заражения различными болезнями, а также пожары, которые могли перекинуться на английские дома из кварталов местных жителей. Атмосферу всего города отравляли коровники, бойни, цистерны со стоячей водой и открытые сливные трубы. Воняли костры, для которых использовался сухой навоз, по улицам разносились запахи специй, кокосового масла и перетопленного жидкого масла из молока буйволицы, которое обычно используется индусами при приготовлении пищи.

Религиозные процессии по Читпор-роуд привлекали такое количество индусов, что джентльмены-христиане, которые ехали среди них на повозках, лупили людей кнутами без разбора. В результате некоторые падали в канавы, а других давили ногами¹²¹.

Жители красивых вилл на Гарден-рич были вынуждены нанимать слугу, который постоянно дежурил, чтобы отталкивать плывущие трупы от берега и направлять их в основное русло Гугли. Там они перемещались вверх и вниз с приливом. Каждый день мимо одного места проплывало до ста тел, становившихся добычей для стервятников, которые садились на них, а также для бродячих собак, вытягивавших покойников на берег¹²².

Другие «неприятности» (таков английский эвфемизм для фекалий) были неизбежны¹²³.

Но если британская община не могла изолироваться топографически, она во все большей степени добивалась расовой сегрегации.

Расовый барьер присутствовал всегда, даже среди почитателей Востока. Например, сэр Уильям Джонс сравнил опыт «вынужденного прикосновения к чернокожему» с прикосновением к змее или южно-американскому угрю¹²⁴. Уильям Хики был вынужден преодолевать отвращение и ужас перед тем, как вступить в половую связь с чернокожей женщиной¹²⁵.

Но ко времени Уэлсли дискриминация на основании расовой принадлежности все в большей мере наделялась законным статусом. Небольшое количество знатных индусов продолжали «свободно вращаться в модных кругах Калькутты»¹²⁶. Несколько британцев считали, что индийская цивилизация не ниже и не уступает европейской, у них было много друзей среди местных жителей¹²⁷. Но большинство индусов, даже те, кто имитировал английские манеры и выступал соперником англичан в литературных достижениях, не попадали в общество белых. Их туда не пускали. Часто в виде оправдания называлась несовместимость их привычек и обычаев с европейскими. В частности, индийские «идеи и обычаи в отношении женщин должны навсегда исключить их тесную связь с правящей расой в доме и личной жизни»¹²⁸.

Однако по сути британцы пытались выделиться в качестве доминирующей расы, правящей касты. Это означало и отвержение полукровок, «этих одиноких человеческих существ»¹²⁹, как их называл один миссионер. В то время их называли индо-британцами или евразийцами (а в дальнейшем название сменилось на «англо-индусов»). Выдающиеся исключения допускались — например, командующий кавалерией Джеймс Скиннер. Но не было и мысли об ассимиляции по образцу Рима. Не стоял вопрос о том, что Ганг станет впадать в Темзу, как, судя по всему, сирийский Оронт затек в Тибр. В этом плане, как признает историк Р.Г.Коллингвуд, «британское владычество полностью отличалось от Римской империи»¹³⁰.

Как говорил лорд Валиант, межнациональное скрещивание может быть первым шагом в колонизации, создав союз между англичанами и местными жителями¹³¹. Однако оно будет губительным, если продолжится и дальше. В период регентства все больше людей соглашалось: результаты смешения рас следует изгонять из общества и подвергать остракизму. Но, как писал Джон Малькольм, они останутся полезными союзниками, поскольку «их гордость от причисления себя к европейцам окажется больше унижения в каждом случае презрительного отталкивания»¹³².

В некоторых отношениях правители стали напоминать тех, кем правили. Например, это касалось вопроса отращивания усов и

добавления карри в кушанья. Но к викторианской эпохе все, что могло стереть черты между расами, определенно считалось проклятием: «Самым большим ужасом для европейских дам было показаться похожими на местных, выглядеть, как профессиональные танцовщицы». Так писала одна англичанка, приехавшая в гости, объясняя, что именно это заставило их убрать наряды с золотым и серебряным шитьем¹³³.

Один французский обозреватель писал, что если француз среди индусов говорит «я — первый», то «англичанин, в тысячу раз более богатый и обладающий большей властью, говорит "я — единственный"»¹³⁴. Британцев нельзя обвинить в несправедливости или волевым подавлении. Но можно — «в глупой, угрюмой национальной гордости», как говорил епископ Гебер. «Мы исключаем местных жителей из нашего общества, и при разговоре с ними постоянно ведем себя грубо и надменно»¹³⁵.

Британское общество брало пример с Уэлсли, который даже к посланникам князей относился с оскорбительной надменностью и сдержанностью¹³⁶. Некоторых индусов пугало такое властное поведение. Гораздо большее количество людей оно отталкивало и восстанавливало против англичан. По словам одного английского путешественника, который считал жизненно необходимым примиряться с местным населением, «наши гордые, надменные и презрительные островитяне обычно прилагают усилия, чтобы их начали ненавидеть везде, куда они придут»¹³⁷.

Уэлсли вызывал враждебность уже почти у всех к тому времени, как его отозвали в 1805 г. Даже пожилой дружелюбный Корнуоллис, которого отправили спасать субконтинент ему на смену, обиделся на всю помпу, пышность и условности. Уильям Хики записал его знаменитую реакцию на ослепительную кавалькаду, которая приветствовала его в Калькутте при высадке.

«Корнуоллис (доверенному секретарю): Что это? Что? Что все это значит, Робинсон?

Робинсон: Сэр, маркиз Уэлсли прислал свои экипажи и помощников в виде дани уважения, чтобы они сопровождали вас в Дом правительства.

Корнуоллис: Это слишком! Это выходит за рамки приличия! Слишком много людей. Мне они не нужны, ни один из них не нужен. Я еще не лишился способности шевелить ногами, не так ли, Робинсон? Слава Богу, я все еще могу идти, и хожу очень хорошо, верно?! Мне не нужны два десятка экипажей, чтобы провезти меня четверть мили. Я просто не стану ими пользоваться»¹³⁸.

Губернатор отправился пешком и пришел в ужас от византийской пышности и великолепия дворца Уэлсли. За пару месяцев до смерти Корнуоллис попытался изменить жизнь властных кругов,

сделав ее менее хвастливой и нарочитой. Еще важнее то, что он настоял на изменении экспансионистской политики своего предшественника.

Корнуоллис сожалел о безумном желании покорять и побеждать, приказав отступить с почти всех территорий к западу от Джамны и осудив точку зрения, представляемую прежде всего генералом Лейком, что «система власти предпочтительнее системы примирения»¹³⁹.

Но на практике казалось, что военные власти склоняются к системе обострений...

В 1806 г. главнокомандующий армии Мадраса сэр Джон Крэдок навязал своим сипаям новые правила. К этим солдатам и в любом случае плохо относились и мало платили. Во имя элегантности и нарядности он приказал им стричь усы по военному образцу и обрезать бороды¹⁴⁰. Ведь в Англии пока что носили парики, а растительность на лице служила предметом насмешек. Кроме того, в метрополии считалось трагически уместным, что Георг III в своем безумии оставался небритым. Вдобавок сипаям приказали носить новые тюрбаны с кожаной кокардой, убрать все символы кастовости и серьги, пока они носят форму.

Это привело к мятежу в Веллоре, самой мощной крепости в Карнатаке. Восстание началось в том самом караульном помещении, построенном из гранита, где когда-то содержались сыновья Типу. Глубокой ночью хорошо организованные отряды сипаев атаковали спящий британский гарнизон, перебив сто солдат и офицеров. Британцы пришли в ужас: инструмент, который они создали для удержания власти на Индостане, теперь стал уничтожать их. В восьмидесяти милях оттуда, в Мадрасе, жители белой общины, как говорил губернатор лорд Уильям Бентинк, «на протяжении многих ночей ложились спать без уверенности, что завтра встанут живыми»¹⁴¹.

Полковник Джон Малькольм писал домой Уэсли: «Вы знаете, что я не паникер. Но на этот раз я впервые задрожал из-за Индии»¹⁴².

События в Веллоре стали самым серьезным вызовом британской власти в Индии между падением Калькутты в 1756 г. и восстанием сипаев в 1857 г. Мятеж быстро подавили. Но правительство долго и напряженно мучилось над тем, что вызвало, раздумывая, кого в том винить. Гражданские лица обвиняли военных. А тем пришлось признать: усы всегда считались священными в Индии¹⁴³.

Крэдок признал, что «реформа» обмундирования могла привести к опасению: следующей попыткой станет превращение сипаев в христиан¹⁴⁴. Наверняка самой большой ошибкой было оскорбление чувств индуистов и мусульман. Яростные и непримиримые

миссионеры прилагали к этому все усилия¹⁴⁵. Как выразился один индус, «вы, англичане, забрали всю страну, а теперь хотите, чтобы народ принял вашу религию»¹⁴⁶.

В любом случае, правительственная политика часто состояла в том, чтобы принять «систему универсальной толерантности, уступив местным обычаям и религиозным предрассудкам нескольких сект, которые составляют нашу местную армию»¹⁴⁷.

Это не помешало созданию епархии англиканской церкви в Калькутте в 1813 г. Она простиралась от острова Святой Елены до Сиднея, ее первый епископ, Томас Миддлтон, серьезным образом атаковал «идолопоклонничество»¹⁴⁸. Это не дало ему новообращенных. Но он получил живописную картину на мраморе в соборе Святого Петра, где был изображен благословляющим двух молодых индусов, которые стояли на коленях.

Восстание в Веллоре не предотвратило насмешек и пренебрежения к кастовым табу в 1857 г., а тогда результат оказался куда более ужасающим. Но в 1806 г. военные могли правдоподобно заявлять о том, что у восстания имелись гораздо более глубокие корни. На самом деле имелись доказательства заговора, в который были вовлечены сыновья Типу. И эти доказательства выставлялись напоказ над парапетными стенками с бойницами в Веллоре, когда восставшие подняли флаг Майсура. Красно-зеленое знамя с солнцем в центре и тигриными полосами не было эмблемой восстания. Оно сделалось иконой сторонников независимости, представляя собою то, что один из старших офицеров Крэддока назвал «этим непримиримым враждебным духом ненависти к европейскому владычеству»¹⁴⁹.

После официального расследования Бентинка и Крэддока отправили домой. Приказы последнего отменили, как посоветовал резидент в Хайдарабаде: «Следует путем примирения избежать ужасающего всеобщего восстания»¹⁵⁰.

Избитое выражение гласит, что Британия держала Индию за нить, которая может оборваться при любых неправильных расчетах. Колониальный порядок, в соответствии с которым индусам отказывали в экономических преимуществах и политическом продвижении, был очень непопулярен. Деревенские жители Бенгалии на самом деле приветствовали фанатичных и нетерпимых баптистских миссионеров (например, Уильяма Кэрри), поскольку они не походили на других европейцев. А те «были хуже тигров»¹⁵¹.

Груз, который нес на себе человек с коричневой кожей, давил на него, а его негодование было суммировано в песне носильщиков паланкина Джона Малькольма. Значение незатейливой песенки, когда он его выяснил, очень позабавило англичанина:

Жирный свинтус и большой,
Посмотри, вот он какой!
Хэй, хэй, хэй,
Потряси его скорей!
Нам его теперь нести,
Хорошенько растрясти!
Хэй, хэй, хэй,
Свина ты встряхни скорей!¹⁵²

Многие британцы относились к власти сорока тысяч европейцев над сорока миллионами индусов не просто как к сомнительной и рискованной, а как к немыслимой¹⁵³. Некоторые даже обнаруживали в этом элемент сверхъестественного.

Лорд Брис обычно иллюстрировал сверхъестественную власть британцев историей о тигре, который, сбежав из клетки в зоопарке Лахора, сопротивлялся всем попыткам заманить его назад, но вернулся, когда сторож самым серьезным образом предупредил его от имени британского правительства о необходимости соблюдения присяги¹⁵⁴.

Но всем, кроме самых доверчивых британцев, должно было прийти на ум другое окончание этой самодовольной сказки, гораздо менее счастливое. Все следовало закончить в красном цвете, в который окрасились бы зубы и когти. Например, Чарльз Меткалф считал, что внезапное восстание может быстро развеять впечатление британской неуязвимости, объединить всю Индию и положить конец превосходству белых. «Империи стареют, разлагаются и погибают, — писал он. — Британская индийская империя преждевременно достигла старости, для продления ее жизни следует действовать осторожно»¹⁵⁵.

Поэтому на протяжении свыше двух десятилетий после восстания в Веллоре британскими владениями по большей части управляли по формуле Уэлсли — с деспотизмом, разбавленным отеческой заботой. Правители совмещали старую безжалостность Уоррена Гастингса и новое чувство ответственности, введенное Корнуоллисом. Они попытались постепенно привить формулу Уэлсли, который говорил: «Индией нужно управлять не как империей, где нельзя сказать, что ею владеешь или даже смог изначально покорить и расширить. Управление ею следует рассматривать в качестве священного долга, а владение окажется постоянным»¹⁵⁶.

Это включало применяемые время от времени дикие репрессии (например, расстрел людей из орудий) и разнообразные ограничительные меры — например, контроль за индийской прессой, ограничение свободы передвижения и подчинение законов удобству

администрации. Управление включало и территориальное расширение — по большей части, за счет маратхов на севере и западе.

И снова официальный грабеж в форме налоговых поступлений оплатил покорение. Налогообложение, которое в то время давало 18 миллионов фунтов стерлингов в год (третью часть поступлений в самой Британии в мирное время), было гораздо важнее, чем торговля. Перед тем, как «Джон-компани» утратила свою торговую монополию в 1813 г., говорилось: Индия столь же ценна в виде торгового партнера Британии, как и Джерси.

Но «Ост-Индийская компания» уже находилась на пути создания того, что называли первой в мире «нарко-военной империей»¹⁵⁷. Она добилась этого через новую тройственную торговлю: индийский опиум, продаваемый в Китай, покрывал стоимость импорта чая в Британию. А последняя находила в Индии рынок сбыта для текстиля и других продуктов промышленной революции. Но треть затрат власти в Индии направлялась на военные нужды. И это давало Британии во владение свободный иностранный легион.

Индия в действительности сделалась «английской казармой в Восточных морях»¹⁵⁸. После победы Нельсона при Трафальгаре в 1805 г. на море полностью правил Королевский ВМФ. Правда, американские каперы обеспечили несколько неожиданностей.

А во время утверждения «*Rex Britannica*», столетия существования «Британского мира» после Ватерлоо, бизнес в Индии, о котором говорилось, как о «первой настоящей многонациональной производственной корпорации»¹⁵⁹, был справедливо оценено, как главное оружие войны Джона Булля. Но сила британского кита не должна скрывать силу принадлежавшего ему слона. В Индии имелась постоянная армия, которая была финансово независима от Парламента в Вестминстере. Она состояла из 200 000 человек — столько же составляли двадцать пять легионов, с которыми Марк Аврелий защищал всю Римскую империю.

Эта армия соответствовала большинству европейских регулярных армий того времени, в тридцать раз превышая силы, которые США собрали для борьбы с Британией в 1812 г. Правда, индийские войска составляли только одну треть от армии Наполеона, вторгшейся в том же году в Россию.

Несмотря на обеспокоенность из-за потери принадлежности к касте в случае путешествия за океан, сипаев впервые послали за границу (на Суматру) в 1789 г. В дальнейшем их отправляли на Молуккские острова (1795 г.), Египет (1800 г.), Макао (1808 г.), на Маврикий (1809 г.) и Яву (1811 г.) Они продолжали усиливать британскую военную мощь и во время двух мировых войн, пока Индия не добилась независимости.

Британцы были заняты титанической борьбой против французской империи. Естественно, они думали в терминах бронированного кулака — военной мощи и военного бюджета.

В любом случае, военная мощь казалась подходящей для страны, которая оказалась проклята от одного края до другого азиатским варварством, совершенно не подходя для самоопределения. Так выразился Джеймс Милл во влиятельной «Истории Индии» (1818 г.) Однако некоторые генерал-губернаторы предпочитали примирение принуждению, жалуя Индии то, что Гарриет Мартино называл «благословением нашего правления»¹⁶⁰.

Если эта лицемерная фраза не скрывает жестокости, эгоизма и неумения править, она не должна скрывать и справедливости, эффективности и благотворительности. Во многих смыслах британские «раджи» оказывались предпочтительнее индийских раджей. С этим соглашался как минимум один из индийских раджей — либерально настроенный богослов Рам Мохун Рой. Он даже надеялся, что «Индия на протяжении неограниченного периода времени будет наслаждаться союзом с Англией и преимуществами ее просвещенного правления»¹⁶¹. Но и он не давал британскому владычеству более полувека. Тот же самый период отводил и Томас Мунро, который, вроде бы, говорил и о постоянном поддержании власти в империи¹⁶².

Рой сходилась во мнении с многими ведущими британцами, которые открыто говорили: британское владычество не может быть вечным, долгом перед человечеством является подготовка Индии к самоуправлению¹⁶³.

Цивилизующая миссия Британии должна была оказаться конечной целью и дать позитивный результат. Поэтому Рой предпочитал сотрудничество с теми «дальновидными англичанами» (многие из которых на самом деле были шотландцами или ирландцами), которые развивали образование и различные институты в Индии, чтобы подготовить местных жителей к взятию управления собственной страной в свои руки¹⁶⁴.

Движение к самоуправлению в Индии нельзя будет остановить, как и самоуправление в Британии. Сам Рой с таким энтузиазмом поддерживал расширение особых прав Соединенного Королевства, что угрожал отказаться от своей клятвы верности империи, если Закон о реформе 1832 г. не примут. Даже когда британские владения разрастались как вооруженная автократия, микроскопический росток демократии и борьбы за свободу личности уже пробивался в рамках империи. Как пишет один современный ученый, империя «родилась с генетическими недостатками, которые ее похоронят»¹⁶⁵.

Каким бы ни оказалось будущее Индии, ее чрезвычайная важность в качестве азиатского довеска к Британии установилась к

концу наполеоновских войн. Довольно странно то, что Индостан при этом захватил британское воображение. Завсегдатаи лондонских клубов зевали во время рассказов об охоте на тигров и на кабанов с копьем. Индийская скука стала предметом шуток в английской жизни и литературе. Англичане не знали «о специальных уполномоченных и цистернах для воды, о стоящих с опахалами слугах, индийских полковниках и бренди, разбавленном водой». (Или их все это не волновало)¹⁶⁶. Говорили, что даже в Вестминстере результат дополнительных выборов в Фалмауте вызвал больше интереса, чем судьба «британского раджи». «Парламент презирает Индию, — писал Маунтстюрт Элфинстон, — он никогда не станет ссориться с министерством из-за нескольких миллионов черных мошенников, у которых нет права на голосование»¹⁶⁷.

С другой стороны, ценность принадлежащего империи гарнизона-государства оказалась несомненной. Индия являлась самым имперским элементом в случайном наборе разнообразных владений Джона Булля за океаном. Она стала империей внутри империи.

Страна великанов в рабстве у Лилипутии, Индостан подтверждал положение Британии в качестве мировой державы. Это давало уникальный престиж правящей нации. Индия обеспечивала рабочие места подготовленным должным образом молодым людям. В 1809 г. основали Хейлибери для их подготовки, хотя студенты считали колледж скорее фарсом в том, что касалось образования¹⁶⁸.

Поговорка, появившаяся в середине XVIII века и повторявшаяся на протяжении двухсот лет, гласит: потеря Индии фатально запятнает славу Англии. Это понизит ее статус до второсортной страны, до уровня Бельгии, как иногда говорилось. Такая потеря сделает Соединенное Королевство незначительным в глазах Европы и мира¹⁶⁹.

Опасения из-за потери Индии при внутреннем восстании или вторжении извне, либо в результате трусливого отказа от имперских обязанностей, все больше становились навязчивой идеей для британцев. В результате так называемая «оборона» британских владений стала вопросом строительства новых опорных пунктов и фортов, занятия удаленных бастионов и барбаканов. Критики вроде Джеймса Милла говорили: расширяя свою территорию, Британия просто приобретала новых врагов. Но желание охранять Индию сделалось огромной движущей силой. Казалось, оно может зайти очень далеко. Дизраэли скажет: те, кто постоянно твердил об угрозах Индии, смотрели только маломасштабные карты (что было неизбежно, поскольку пока не существовало карт Центральной Азии, выполненных в большом масштабе). Лорд Солсбе-

ри жаловался на военных, которые хотели «расквартироваться на Луне, чтобы защитить нас от Марса»¹⁷⁰.

Поэтому целью огромных шагов вперед, сделанных империей, когда борьба с Францией достигла высшей точки после потери американских колоний, была именно защита Индии — жизненно важного источника силы Британии. В ответ на часто повторяемую аксиому «Джон-компани» о том, что мыс Доброй Надежды — это «Гибралтар для Индии»¹⁷¹, Британия наконец-то аннексировала его у голландцев в 1806 г.

Средиземноморье стало еще одним ключевым путем, который следовало охранять, путем усиления и расширения за счет островов¹⁷². Мальта, которую Нельсон считал самым важным внешним форпостом Индии¹⁷³, была захвачена в 1800 г. К ней добавились Корфу, Ионические острова и Сицилия, которую ее временный диктатор, бывший губернатор Мадраса лорд Уильям Бентинк, мечтал сделать «королевой наших колоний»¹⁷⁴.

Влияние Королевского Флота распространялось на берега от Османской империи до Триполи, где генеральный консул Британии считался силой, стоящей за спиной паши. Торговля шла под прикрытием военных знамен, а Средиземное море фактически сделалось «*mare nostrum*» — «нашим морем» для Британии.

Соединенное Королевство правил и в Индийском океане, захватив французскую базу военно-морского флота на Маврикии (1810 г.) и голландский торговый пост на Цейлоне. Остров был окончательно подавлен к 1818 г. после ужасающе жестокой войны. Правитель Канди отправил одну группу пленных британцев назад в Коломбо с отрезанными ушами, носами, а также привязанными к шеем руками. На это зверство в полной мере ответили зверствами.

Основной ценностью на Цейлоне стала великолепная гавань Тринкомали, которая выглядела, как тропическое озеро Виндермере, обладая уникальным положением огромного центра восточной торговли, еще одного Гибралтара Индии и арсенала Востока»¹⁷⁵.

Другой гаванью, которая могла с ней сравниться и находилась в пределах досягаемости от Коромандельного берега, мог стать только Сингапур. Сэр Стэмфорд Раффлз, который сделал карьеру, поднявшись с должности мелкого служащего «Ост-Индийской компании» до хозяина Явы в 1811 г., быстро заметил уникальный потенциал Сингапура. Раффлз говорил о том, что он «кроток, словно девственница, но ненасытен в амбициях»¹⁷⁶. Его главной амбицией стало уничтожение империи голландцев на юго-восточном фланге Индии.

Раффлз утверждал (и не без оснований), что голландцы жестоки и коррумпированы, а расширение британского влияния служит

гуманным целям. Получилось, что сам основатель колонии оказался поразительно снисходителен и относился терпимо к племенным обычаям малайских племен, которые ни в коей мере не были гуманными. «Они неплохие люди, — писал он, — несмотря на то, что едят друг друга».

С очевидным наслаждением Раффлз сообщал, что аборигены иногда зажаривают человеческое мясо, а иногда едят сырым, и считают деликатесами эпикурейцев ладони и подошвы. Мозги жертв они помещали в бутылки в колдовских целях, а сам автор собирал коллекцию черепов людей, которых ели при нем¹⁷⁷.

Однако Раффлз рассматривал себя в качестве агента цивилизации. Он относился к своим подданным, как к членам семьи, главой которой являлся. Иногда он представлял себя феодалом-сюзереном: «Вожди — это мои бароны, а люди — их вассалы».

Однако после 1815 г. Британия договорилась с Голландией и вернула Яву. Одновременно, по финансовым соображениям, отступила и «Ост-Индийская компания». Раффлз пришел к выводу, что единственный способ не позволить голландцам вернуть свое прошлое превосходство — это приобрести Сингапур. Так он и поступил (при поддержке генерал-губернатора Индии лорда Минто) в 1819 г.

Раффлз считал, что маленькая рыбацкая деревня может стать перекрестком дорог в Азии и управлять морскими путями между Европой и Дальним Востоком. При этом откроется торговля в беспрецедентных масштабах. «Я не вижу причин, почему бы не одевать Китай из Англии», — объявил Раффлз¹⁷⁸.

Сингапур мог быть и огромным торговым складом, и портом, через который пойдет транзитная торговля, и политической опорой — «как Мальта на Западе»¹⁷⁹. Город стал ключевым звеном, соединенным с другими портами, например, с Пинангом и Малаккой. Он же сделался звеном цепи, защищающей Индию. Более того, дипломатические и торговые соглашения от Персидского залива до Южно-Китайского моря обеспечивали Индостан опорой, поддержкой и защитой в океанском масштабе.

Еще шире сделались установленные границы. Исследовательские путешествия капитана Джеймса Кука (1768–79 гг.) тоже являлись эксплуатацией и развитием успеха. Конечно, его географические и медицинские открытия (имеется в виду борьба с цингой) были великолепными достижениями. За это его изображали, как святого, вооруженного навигационными приборами. Кука приняли в члены Королевского научного общества — это была награда, эквивалентная римскому «гражданскому венку», как сказал президент Общества на презентации¹⁸⁰.

Но самой главной целью одиссей Кука стало опережение европейских и американских соперников Британии на Тихом океане

в стратегическом и торговом плане. Одним из результатов открытий стала гибель трех четвертей населения из-за европейских болезней. Более того, Австралия сделалась колонией для отправки преступников в 1788 г. Просто Америка тогда оказалась недоступной в качестве свалки для осужденных. По словам министра лорда Сиднея, отправка осужденных «будет средством предотвращения эмиграции наших европейских соседей в эту часть света. К ней станут относиться с огромным предубеждением из-за дел «Ост-Индийской компании»». А значит, осужденные послужат империи, удерживая французов, обходя по флангам голландцев, обеспечивая военно-морской флот провизией и усиливая «стратегические изолированные части вокруг Индии»¹⁸¹.

Иными словами, Британия была «больше заинтересована в контроле австралийских морей, чем австралийской земли»¹⁸². Правда, порт Сидней, названный в честь министра, ответственного за поселения, мог стать промежуточным пунктом на пути в Китай.

Даже Новый Свет призвали для усиления безопасности Индии. Мотивом Америки при объявлении войны в 1812 г. была защита ее торговых интересов и интересов флота против Королевского ВМФ, который блокировал наполеоновскую Европу. Но Британия защищала Канаду не только ради нее самой, но и чтобы сохранить славу и успех империи. В дальнейшем лорд Элгин сказал об угрозе Канаде с юга: «Пусть янки завладеют британской Северной Америкой и престижем превосходящего командования. Но кто может сказать, как скоро они могут спорить с вами по поводу Индийской империи и морей?»¹⁸³

Экспансия на север не интересовала американцев. Важнее считалось продвижение на запад и распространение своей власти до Тихого океана. Но война 1812 г. показала: США уже являются серьезной атлантической державой. А доктрина Монро, провозглашенная в 1823 г., не была просто предупреждением о том, что европейским странам следует держаться подальше от Северной и Южной Америки. Это заявление об имперских стремлениях США в двух полушариях.

Учитывая мощь Королевского Флота, британское правительство посчитало заявление президента Монро риторически высказанную дерзость. В любом случае Британия не собиралась колонизовать Латинскую Америку, она намеревалась только монополизировать ее торговлю. Как сказал министр иностранных дел Джордж Каннинг в 1824 г., «испанская Америка свободна. И если только мы печально не напортачим в наших делах, то она будет английской»¹⁸⁴.

Идея о том, что торговый прорыв может обеспечить политическое влияние без проблем и расходов имперской оккупации

и администрации, все больше степени привлекала лидеров первой индустриальной нации. Преимущества свободной торговли были уже очевидны в сближении Британии с США. На последние к 1840-м гг. приходилось 60 процентов британского экспорта (и 80 процентов эмигрантов).

Более того, Великая Республика со своими демократическими институтами и традициями борьбы за свободу личности, обеспечивала модель развития британских колоний и поселений. Если Индия могла ожидать самоуправления в течение столетия, Канада предвидела независимость через несколько десятилетий.

Если человечество действительно продвигается с востока на запад, как утверждал Торо, то и Австралия может в конце концов сбросить свои кандалы. Ее первые жители явно были уверены в себе. В 1803 г. британцы попытались устроить колонию для осужденных рядом с современным Мельбурном, около стратегического пролива Басса. Заключение и охранники терпели сильнейшую жару, словно в печи. К ней добавились полчища кусачих мух. Люди находились почти на грани голодной смерти и восстания. Маленькая община провела на голом берегу несколько месяцев, а потом отплыла в более гостеприимную Тасманию.

Однако именно в то время лейтенант Джеймс Туки представлял, как отверженные строят в Австралии империю. Эта империя превзойдет те, которые в тот период находились на подъеме, но затем им будет суждено прийти в упадок и развалиться: «Я предвижу, как второй Рим поднимается из сообщества бандитов. Я предвижу, как он устанавливает законы мира, как он превосходит других в оружии и искусстве, как смотрит сверху вниз с гордостью и превосходством на варварские нации северного полушария»¹⁸⁵.

Глава 3

«Исключенные из катастрофической кастовой системы» Австралия, Канада и Новая Зеландия

Через пятнадцать лет после основания в Австралии в 1788 г. поселения граждан, приговоренных к каторге за совершение преступлений, Джеймс Туки уже предавался своим имперским фантазиям. Сидни Смит тоже представлял могучее будущее для так называемой «Колонии обесчещенных». Он писал: «Может наступить время, когда какой-нибудь Тацит из Ботани-Бей расскажет о преступлениях императора, ведущего свой род от лондонского вора-карманника, или изобразит доблесть, с которой тот вел вперед своих новых голландцев в сердце Китая». [Новой Голландией изначально называлась Австралия, известное нам название официально принято только в 1817 г. Сидней в ту пору назывался Порт-Джексон, а Тасмания до 1853 г. — землей Ван Димена. Для удобства в этой книге используются современные наименования, хотя имеется и обозначение поселения Ботани-Бей. — *Прим. авт.*]

Оказалось, что первый губернатор Нового Южного Уэльса капитан Артур Филипп и в самом деле лелеял имперские мечты. Но «Ромул Южного полюса»¹, как причудливо назвал его Смит, не хотел, чтобы преступники закладывали основы империи.

Филипп был морским офицером, назначенным вести первый флот (или сосланный в Ботани-Бей, как говорили его недоброжелатели, поскольку он надоедал министрам, требуя повышения и продвижения по службе). Он считал, что осужденные обеспечат только мускульную силу для укрощения дикой местности. Они не будут рабами, говорил Филипп, поскольку не может быть рабства в свободной земле. Но осужденных следует отделять от гарнизона и свободных поселенцев, которые будут в дальнейшем эмигрировать в Австралию. Они должны строго соблюдать дисциплину и будут подвергаться суровым наказаниям.

Филиппа отличали худоба, большая лысина и отсутствующий передний зуб (это могло бы расположить к нему аборигенов, которые ритуально выбивали один из своих передних зубов). Он считался относительно доброжелательным и великодушным деспотом. Но этот человек предлагал передавать всех, кого посчитают виновным в убийстве или содомии, каннибалам Новой Зеландии: «И пусть они его едят»². В течение двух месяцев после прибытия он одобрил казнь юноши семнадцати лет за кражу чужого имущества

стоимостью в пять шиллингов. Ирландцу, который «неуважительно» протестовал, заявляя, что документы, в которых указана дата окончания его срока, остались в Англии, он назначил шестьсот ударов кнутом и кандалы на шесть месяцев³.

Филипп считал, что только путем сдерживания и принуждения его криминальная община из примерно 750 душ (среди них — около 190 женщин и 18 детей) может быть превращена в мотор империи.

Изначально прилагались кое-какие усилия, чтобы выбрать для перевозки осужденных, которые обладали навыками в различных областях английского производства⁴. Но от этой мысли отказались из-за количества каторжников. За решетками на Темзе содержалось такое количество убогих и лишенных всего представителей человеческой расы, что они угрожали превратить гниющие тюремные корпуса в чумные бараки — и фигурально, и буквально. Большинство осужденных, отправленных с первой флотилией, являлись молодыми рабочими, которые совершили мелкие преступления (как правило, кражи). Кое-кто из разряда «деревенщины» и еще меньшее количество «горожан» (если использовать их собственные прозвания) подходили на роль первопроходцев и первых поселенцев. Когда они отплыли вверх по побережью из Ботани-Бей, места, рекомендованного капитаном Куком, но признанного неподходящим, никто не представлял, что потребуется для организации колонии на островах Антиподов. Однако настроение у них улучшилось, когда вонючие транспорты с тремя мачтами, квадратными парусами, плоскими боками и низкой осадкой, набитые растениями, семенами и животными, словно множество Ноевых ковчегов, прошли сквозь «гранитные ворота» гавани Сиднея. Они отправились в синий «водный рай»⁵. Здесь, как сказал Филипп, среди лабиринта островов, мысов и заливов, находилась самая лучшая гавань в мире. Более того, она окружена лугами, скалами и лесами, среди которых летали зеленые длиннохвостые попугаи и розовые какаду. От этого открывающийся ландшафт казался завораживающим⁶.

Один моряк предался фантазиям и даже представил скалистые выступы в виде павильонов и дворцов. Он будто различал «восхитительные кресла, великолепные здания и грандиозные руины величественных строений»⁷. Но это был мираж блаженства и счастья. Ведь осужденным предстояло испытать на себе «худшие тяготы, чем любые из приключений вроде тех, что выпали на долю Робинзона Крузо, о котором я когда-то читал», как написал один из них⁸.

В бухте Сиднея, где выгрузка началась 27 января 1788 г., европейский порядок впервые отметился на природе Антиподов. Впервые после создания, как написал непримиримый военный прокурор Дэвид Коллинз, тишина была нарушена грубым звуком топоров.

Вековая тишина уступила «деловому гудению» новых владельцев земли⁹. Они расчищали почву, выгружали припасы и скот. Поселенцы начали сооружать лесопилку, кухню и кузницу, разбив лагерь. Для Филиппа воздвигли переносной парусиновый дом, который стоил 125 фунтов стерлингов, но все же протекал.

6 февраля осужденные женщины спустились на берег, а мужчинам выдали дополнительную порцию грога, чтобы это отпраздновать. Во время путешествия предпринимались усилия, чтобы держать мужчин и женщин по отдельности, поскольку корабли с каторжниками имели репутацию плавающих борделей. Но моряки придерживались георгианской точки зрения: недобровольное целомудрие ведет к подагре. Как утверждает один хроникер, на некоторых судах они не рисковали¹⁰.

Теперь, с совокупления проститутки и мошенника (как выразился один осужденный), началась первая попойка белых под созвездием Южного Креста. «Попойка, безудержное веселье и оргия» приобрела еще более разнузданный характер после того, как начался сильнейший шторм со вспышками молний, громом и дождем¹¹. Преступники сотрясали кулаками, угрожая природе и проклиная условия отбывания наказания. Несомненно, все это стало естественным выплеском эмоций. Но такое вызывающее поведение оказалось и зарождающимся вызовом имперской власти, первобытным криком свободы внутри континентальной темницы.

На следующий день все (за исключением девяти отсутствующих) собрались на опушке на официальное назначение губернатора. Развивались флаги, играл оркестр военных моряков, а Филиппа официально утвердили в качестве властителя восточной половины Австралии и прилегающих островов Тихого океана.

Должность давала огромную власть¹² без ограничений со стороны консультативного совета. Обращаясь к своим подопечным, губернатор пообещал награждать трудолюбие и добродетель, наказывать дерзость и пороки. Военные моряки сделали несколько залпов, подняли тосты, и Филипп пригласил старших офицеров на холодные закуски.

Осужденные, многие из которых страдали от цинги, оказались упрямыми и трудновоспитуемыми. Они не желали подчиняться дисциплине. «Несмотря на всю снисходительность губернатора, гуманность и внимание которого к ним и в море, и после нашего прибытия сюда, дает им право считать его своим лучшим другом, они в целом оставались группой огрубевших негодяев и подлецов», — писал лейтенант Дэвид Блэкбёрн¹³.

Некоторые пытались сбежать, отправляясь в дикую местность (ходили слухи, что Китай находится всего в 100 милях). Дру-

гие искали место на двух судах французского исследователя Лаперуза, который, к удивлению британцев, столкнулся с ними в Ботани-Бей. Третьи совершали преступления — от мелких краж до серийных убийств. Неисправимые негодяи, как называл их губернатор Филипп, часто спокойно смотрели на тяжелые наказания. Они демонстрировали шрамы от порки, как военные медали, а один преступник, осужденный на смертную казнь, поклялся всех рассмешить, «сыграв кое-какую шутку с палачом»¹⁴.

Настроение было мрачным, что хорошо выразил Уильям Коупер в письме Джону Ньютону: «Мы сожалеем о плохом управлении в Ботани-Бей, предвидя исход дела. Римляне вначале были бандитами, а если со временем они стали хозяевами мира, то не из-за того, что пили грог и позволяли себе все виды беспутства и оргий»¹⁵.

Казалось, что в Австралии никто не разделял светлого и радужного видения будущего, которое предрекал континенту Филипп — того, что колония сделается «империей Востока». Наоборот, большинство вскоре испытали крушение иллюзий. Так произошло с желчным и вспыльчивым командиром военно-морского флота Робертом Россом. Он сказал, что это худшая страна в мире, «такая отвратительная и мерзкая, что может вызывать только проклятия, омерзение и ругательства»¹⁶. Вместо того, чтобы предложить девственную взрыхленную землю, более плодородную, чем истощенные пашни Европы (на что надеялся автор одного лондонского журнала), континент оказался бесплодным, еды было мало¹⁷. Растительность выглядела редкой и жалкой. Эвкалипты гнили и искривлялись, об очень твердые деревья затуплялись топоры.

Местные жители носили кости в носах, мазали голые тела рыбьим жиром, а в грязные волосы вставляли собачьи клыки и клешни омаров. «По виду они относились к самому нижнему рангу среди человеческой расы»¹⁸. Животные оказались странными и причудливыми, реки текли не в ту сторону, с сезонами получалась полная неразбериха, и вся природа оказалась перевернута с ног на голову¹⁹.

Европейцы оказались чужеземцами в чужой земле. Они удивлялись цветам без запаха и птицам, которые не поют. Они поражались земле Сиднея, которая оказалась бронзового цвета. Здесь росли огромный мирт, мимоза и эвкалипт, но было мало подлеска. Очень хорошо всходили дикий сельдерей, шпинат, маис, финиковая пальма. Это казалось знакомым. Но целые семейства растений были совершенно неизвестными, не имели ботанических параллелей. Их отправили для классификации в Кью-Гарденс, ботанический сад в Лондоне²⁰.

Еще более странной была фауна — черные лебеди, летучие собаки, рыбы, которые ходили по земле. В Австралии имелись стран-

ные допотопные существа, которые не соответствовали никаким нормам. Коала не был медведем, это сумчатый ленивец. Эму оказался нелетающей птицей без мускульного желудка. Вомбат напоминал грызуна. Иглы на сумчатом муравьеде на самом деле оказались мехом, он откладывал яйца, как птица, вынашивая их в сумке. Самым примечательным среди этого невероятного звериного царства оказался утконос с телом крота и хвостом бобра, утиным клювом и перепончатыми лапами (на задних имелись когти и ядовитые шпоры), не говоря уже о двух пенисах (ни один из которых не использовался для мочеиспускания).

Конечно, настоящим чудом казались кенгуру. Все восхищались их скромной травоядностью и прыгучестью. Это животное делало прыжки на двадцать футов, носило в сумке детеныша размером с мышь, а его яички «располагались, противореча обычному природному порядку»²¹.

Для британцев, которые вскоре платили по шиллингу с человека, чтобы увидеть живого кенгуру, привезенного через океан и выставленного в клетке на Хеймаркет в Лондоне, это существо казалось типичным для аномалии, которую представляла собой Австралия. У людей в головах создавались фантастические, причудливые образы земли, которая его породила. Самого кенгуру характеризовали по-разному — от «божественной ошибки»²² до недостающего звена в огромной цепи развития.

В глазах многих европейцев аборигены едва ли отличались от диких животных. Капитан Кук считал местных жителей счастливыми, поскольку у них было все что требуется. Они были свободны от искусственных желаний цивилизации.

Мир аборигенов включал все, все казалось естественным, и поэтому когда «Индевор» водоизмещением 368 тонн зашел в Ботани-Бей в 1770 г., местные жители, плававшие на каноэ из коры деревьев, просто его проигнорировали. У них не вызвали любопытства и интереса белые поселенцы под руководством губернатора Филиппа. Последний прилагал большие усилия, чтобы с ними подружиться. Но этих охотников и собирателей совершенно не тронули льстивые речи и упрашивания, они оказались безразличны к подаркам и проявили равнодушие к одежде (хотя их позабавили шляпы).

Аборигенов беспокоило только одно — чтобы посетители ушли. Об этом свидетельствовали частые монотонные повторения слов — бы заклинания: «Варра, варра, варра»²³. Кук мог увидеть в этой упорной самодостаточности преданность благородных дикарей простой жизни. Поколение спустя капитан Уоткин Тренч с презрением говорил о философах, которые ставили природное состояние над цивилизованным.

Аборигены не наслаждались счастьем Елисейских полей. Они действительно деградировали из-за кошмарных и жестоких обстоятельств их короткой жизни. Однако парадоксально то, что эти люди все же нравились Тренчу. Он восхищался коренными австралийцами, их многочисленными добродетелями — в особенности, смелостью, человечностью и щедростью. В женщинах, часто становящихся жертвами мужской жестокости (хотя все аборигены приходили в ужас от чужеземного наказания — порки), Тренч видел невинность, мягкость и скромность. Более того, он признавал: атаки аборигенов на европейцев, как правило, являлись ответом на неспровоцированное насилие наиболее яростных каторжников.

Во всех этих наблюдениях есть доля правды. Но самый важный факт заключался в том, что белые фатально повлияли на черных. Они вторгались в священные места, на древние охотничьи и рыболовные угодья местных жителей, уничтожая все необходимое для их образа жизни. Они же заразили аборигенов оспой, которая убила примерно половину людей, живших на территории вокруг Сиднея. Оставшаяся община стала зависимой от поселенцев. А они использовали женщин в качестве проституток, заодно деморализовав мужчин. Иногда коренных австралийцев побуждали драться ради бочонка рома.

Если вкратце, то переселенцы начали атаку на окружающую среду и перевернули мир аборигенов вверх ногами. Ничто не деморализовало «дикарей» более эффективно, чем такая «цивилизация».

Европейское сообщество, которое держалось за край континента, словно бюрократ за свое кресло, само было счастливо выжить в первые несколько лет. Можно считать, что этим людям повезло. Они существовали «в нескольких сотнях лачуг, построенных из прутьев и грязи»²⁴.

Поселение очень медленно становилось самодостаточным в еде, несмотря на культивацию более плодородной земли в нескольких милях от побережья, в Парраматте. И однажды не пришли поставки из Англии. Нормы урезали, и еды осталось мало. Имелись соленая говядина и свинина, которая при приготовлении сжималась до крошечных кусочков. Также был рис, каждое зернышко которого становилось «движущей силой для людей, поселившихся на этой земле». К 1790 г., как отмечал Тренч, голод приближался гигантскими шагами²⁵.

Мужчины продавали свою арестантскую одежду, синие куртки из грубого домотканого сукна и черные штаны, чтобы купить хлеба. Они работали голыми, как аборигены. Женщины платили сексом за питание.

Некоторые осужденные умерли от голода. Приход второй флотилии в июне едва ли улучшил положение дел. После путешествия,

в сравнении с которым переход рабовладельческих судов через Атлантику казался милосердным²⁶, он высадил «груз» — осужденных, находившихся в ужасающем состоянии. В отличие от рабов, эти заключенные ничего не стоили при высадке. Поэтому владельцы и капитаны кораблей, которые их перевозили, не имели интереса «к сохранности груза». Наоборот, они рассчитали — мертвые прибыльнее живых. Выделенные на их долю припасы можно сберечь и продать по прибытии, как продемонстрировал капитан «Нептуна»²⁷. Он перевозил пятьсот осужденных, закованных в жесткие рабские кандалы, которые превращали в пытку любое движение. Капитан кормил их так скудно, что 170 человек умерли во время путешествия. Выжившие украли помои, предназначавшиеся для свиней, вынимали жевательный табак из ртов мертвых людей, которые лежали на палубе²⁸. Они скрывали то, что прикованы к трупам (пока это не выдавала вонь), чтобы получать дополнительный паек.

Некоторые из тех, кто пережил путешествие, умерли, когда их переправили на берег с плавучего «дьявольского острова». Остальные представляли собой живые скелеты, покрытые собственными испражнениями. На их головах, телах, одежде и в одеялах было полно грязи и вшей²⁹. Многие едва держались на ногах, и лишь единицы могли работать, чтобы оплатить свое существование.

Губернатор Филипп обвинил командующих второй флотилией в убийстве доверенных им людей³⁰. Губернатор опасался, что прибавление таких «беспомощных развалин», которые выжили, окажется невыносимым грузом для колонии.

Но к тому времени, когда в 1792 г. он вернулся домой, прибыла дополнительная помощь, начали всходить семена процветания. Несколько женщин, которые раньше не могли зачать по состоянию здоровья, родили детей. Все хвалили климат (но не плодородность земли), некоторым колонистам нравился экзотический ландшафт. Среди «мангровых проспектов» и живописных скал на пути в Парраматту, «на каждом повороте восхищенному наблюдателю представляется зрелище идиллической Аркадии или уютные домики в садах. Над головой самая гротескная листва давала тень, а прохладный ветерок нес различные приятные запахи... Вкратце можно сказать, что если бы преимущества равнялись благовидной и привлекательной окружающей обстановке, то эта страна едва ли уступала бы какой-то другой на земле»³¹.

Преимущества набирались медленно и неровно. Поставки продуктов питания еще двадцать лет оставались случайными, хотя эксплуатация природы и людей сделалась еще более жестокой и безжалостной. Если любая перспектива радовала, то поведение человека становилось все более порочным.

Преемники Филиппа не были такими видными личностями, как он. Они позволяли офицерам корпуса Нового Южного Уэльса использовать кнут. Это подразделение сменило морских пехотинцев, которые отказывались служить тюремными надзирателями. Оно состояло из солдат и «солдат удачи», которые были отбросами своей профессии. Среди них встречались самые жестокие и отвратительные типы. Как писал один из губернаторов, «они превосходили в подлости и всех видах позорного поведения самых отъявленных преступников»³².

Но эти люди получили законную власть. Им дали землю, а также семена, орудия труда и рабочих из осужденных. Тюремщиков побуждали и к занятию торговлей. Целью было развитие частного предпринимательства в интересах общества. В некоторой степени ожидаемое произошло. Но офицеры приобрели торговые права и основали монополии, что давало им огромные прибыли — иногда более 1 000 процентов. В частности, «Ромовый корпус», как его очень подходящее называли, контролировал трафик спиртного. На самом деле, офицеры превратили ром в валюту, платили галлонами и стимулировали неутолимую жажду богатства. Они усиливали то, что один губернатор назвал страстью к горячительным напиткам, которая господствовала среди всех сословий³³. Говорили, что общество «Антиподов» состоит из «тех, кто продает ром, и тех, кто его пьет»³⁴.

В 1808 г. офицеры даже организовали восстание против губернатора Уильяма Блая (выжившего во время более знаменитого восстания на «Баунти»; он был известен в Сиднее под прозвищем Калигула). Блай осуждал разрушительную монополию на ром.

В результате почти на два десятилетия корпус установил власть в Новом Южном Уэльсе, против которой губернаторы тщетно боролись. Военные формировали общество и командовали в нем. Высокое место в иерархии занимали свободные поселенцы, которые стали понемногу приезжать в 1790-е гг. Они получали побудительные мотивы — бесплатную землю и рабочую силу. На нижней ступеньке общества находились осужденные, которые, несмотря на добрые намерения Филиппа, фактически оставались рабами.

Однако существовали разные степени рабства. Если осужденного направляли на работу к поселенцу, то он мог попасть в хорошие руки. Но в девяносто девяти случаях из ста, как сообщала «Сидней газетт», наниматель оказывался или болваном, или деспотом, «ругающимся и оскорбляющим, использующим порку без видимой причиной... Заключенного могли забить до смерти. Его заставляли работать, как лошадь, а кормили, как хамелеона. Хозяин, хотя по закону и не имел бесконтрольной власти, все же обладал ею в достаточной мере, чтобы издеваться тысячей способов и при этом никак не возмещать ущерб»³⁵.

Более закаленных осужденных заковывали в двойные кандалы и кормили урезанным пайком. Их обычно сковывали общей цепью. При этом мужеложство становилось столь же неизбежным, как и жестокость.

К 1801 г. ирландцы составляли четверть осужденных, проживавших в Австралии. Их презирали, как бунтовщиков и лентяев, поэтому к таким каторжникам относились особенно сурово. Джозеф Холт, лидер восстания «Объединенных ирландцев» в Уиклоу в 1798 г., сравнивал гонителей его соотечественников с «тиграми в человеческом обличье, которые пытали и убивали людей, находившихся в их власти, руководствуясь только собственными капризами на этот момент». Как и других, осужденных за дополнительные преступления, или считавшихся очень буйными и подчиняющимися только смертельному страху, Холта отправили в одну из новых колоний. Эти поселения каторжников распространялись по южным морям, словно раковые клетки.

Остров Норфолк, расположенный в тысяче миль к востоку от Сиднея, когда-то называли овощным раем³⁶. Холт говорил о нем, как о «месте жительства дьяволов в человеческом обличье, отбросов Ботани-Бей, вдвойне проклятом острове».

Когда Холта доставили туда, комендантом служил майор Джозеф Фово, которого лидер ирландцев назвал жестоким и страшным человеком, «гораздо худшим, чем отпрыск патагонцев, которые едят человеческую плоть и пьют кровь»³⁷. Садистскую радость Фово доставляло сдирание кожи с живых людей. Он находил любой повод (а то и вообще никакого), чтобы назначить двести ударов кошкой (плетью-девятихвосткой). По словам одного палача, пятьдесят ударов делали спину наказуемого напоминающей бычью печень³⁸, а после двухсот ударов его лопатки выделялись, «как два отполированных рога цвета слоновой кости»³⁹.

Фово наслаждался и наказанием плетью женщин. Но он сокращал в два раза количество ударов (до двадцати пяти), если те соглашались на наказание в обнаженном виде. Женщин, пребывавших в заключении, проклинали за то, что они являются инструментами развращенности и морального разложения⁴⁰. Естественно, они оказались в круге первом тихоокеанского ада. Их покупали и продавали за ром, передавали из рук в руки, а с разрешения коменданта заставляли танцевать голыми в солдатских казармах.

Они были рабынями рабов...

Но система менее подходила для того, чтобы сломать дух осужденных. Чаше она вызвала яростное сопротивление. Бывали даже случаи неподчинения женщин. Наиболее печально известный произошел при губернаторе Тасмании сэре Джоне Франклине, в исправительном доме Хобарта. Когда преподобный Уильям Бед-

форд начал проповедь перед тремя сотнями женщин, они все развернулись, а потом одним движением подняли одежду, демонстрируя голые зады, и одновременно шлепнули по ним ладонями. Получился громкий и не очень музыкальный звук.

После этого показательного зрелища помощник губернатора расхохотался, а жена Франклина притворилась, что лишилась чувств. Сам губернатор воздел руки к небу и сделал вывод, что большинство осужденных женщин — «проститутки, в груди которых все искры стыда давно потухли»⁴¹.

Отношение к ним не улучшилось, а в результате «их часто опускали до уровня субсидируемых правительством шлюх, работающих по заданию».

Колония для осужденных (спутник Тасмании) в некотором роде представляла собой еще худшее чистилище, чем остров Норфолк. Так было при самом жестоком диктаторе, губернаторе сэре Джордже Артуре, предшественнике Франклина. Это был евангелист с гранитным лицом, который установил, как писал Роберт Хьюз, «самое большое приближение к тоталитарному обществу, которое когда-либо будет существовать в рамках Британской империи. Он усердно работал над тем, чтобы сделать перевозку болезненным наказанием, заставить осужденного ощутить, что его положение неприятное, униженное и деградированное»⁴².

Артур очень тщательно за всем следил и все контролировал, установив семь уровней наказаний. Пятым было заковывание в кандалы группами, скованными цепью. пытка продолжалась от заката до рассвета. Группы от двадцати до тридцати человек запирали в клетки, «в которых все одновременно не могли ни стоять прямо, ни сидеть»⁴³. Седьмым уровнем оказалась ссылка на адские аванпосты вроде гавани Макуари или Порт-Артура на Тасмании, которые охраняли злобные собаки.

Осужденные не останавливались ни перед чем, чтобы бежать. При этом некоторые доходили до убийств и каннибализма.

Более того, в период администрации Артура было подавлено последнее серьезное сопротивление тасманских аборигенов. К тому времени жертвы растущих расовых предрассудков против «подлых и низких дикарей» уничтожались, как паразиты. Иногда на них охотились, считая это спортом, трупы использовали для кормления собак. «У одного европейца была банка с ушами чернокожих, которых он уничтожил. У другого жила жена убитого чернокожего, которая носила на веревке на шее голову мужа, убитого во время защиты собственных пастбищ».

Все эти зверства против семи тысяч коренных жителей запротоколировал один чиновник из Хобарта. Он сделал вывод: «Вероятно, хорошо, что они по приказу Великого Распорядителя Событиями

уступили место белому человеку на Тасмании. Ведь было совершенно понятно, что они никогда не ассимилируются»⁴⁴. Очень редко вина человека так самодовольно приписывается воле Бога.

И наука вскоре станет соперничать с религией в поставке через эволюционные «законы» особого оправдания преступлений против рас, которые сочли «неподходящими для выживания». Сам Чарльз Дарвин, отмечая поток зла, который происходил, говорил: колония теперь наслаждается большим преимуществом свободы от местного населения⁴⁵.

Некоторые аборигены все же выжили на близлежащих островах. Однако миф об их полном уничтожении оказался полезным. Он давал окончательное решение неприятной проблемы. И эта же легенда поднимала ценность тасманийских черепов на рынке редких и антикварных вещей⁴⁶. В любом случае, то, что происходило на острове, оказалось «единственным настоящим геноцидом в английской колониальной истории»⁴⁷.

Геноцид подтвердило и то, что архипелаг около Австралии с особой системой наказаний оказался гораздо более диким, чем основное поселение в Новом Южном Уэльсе. Осужденные на смерть на острове Норфолк благодарили Бога, что будут избавлены от дальнейшей агонии. Иногда люди совершали убийство, чтобы их отправили в Сидней и уж точно повесили бы.

Отмечая этот факт в 1837 г., парламентская комиссия сэра Уильяма Молворта осудила всю систему транспортировки. Вместо этого была рекомендована свободная эмиграция. По словам Молворта, Британия вливала огромные и раздутые массы нравственных нечистот в чумные бараки континента-антипода: «Этот эпизод смердит в ноздрах человечества»⁴⁸. Исправительным домам предстояло теперь превратиться в колонию.

На самом-то деле трансформация уже шла некоторое время, возможно, с 1791 г. Тогда губернатор Филипп дал избранным осужденным гранты на землю, попросив британское правительство прислать нескольких честных и умных поселенцев⁴⁹. Перевод каторги в разряд колонии протолкнул вперед Лаклан Маккуори, который сменил Блая в 1810 г. и оставался губернатором до 1821 г.

Маккуори был простым шотландским солдатом с лицом, словно бы вырубленным шотландской хайлендерской саблей-клеймором. О себе он говорил, как о «неуклюжем деревенском мужике, хозяине джунглей»⁵⁰. Он служил в Америке, на Ямайке и в Индии, дважды сражался против Типу-Султана и получил после окончательной победы в Серингапатаме семнадцать колец с рубинами стоимостью в 1 300 фунтов стерлингов.

В Австралии Маккуори нашел общество, которое «едва выходило из инфантильной дебильности». Развитию колонии после

наполеоновских войн помешали беспрецедентно крупные ежегодные поставки из Ньюгейтской тюрьмы и других подобных учреждений⁵¹. Новый губернатор не сомневался, что преступников следует должным образом наказывать. В случае провокации он мог даже подвергнуть порке свободных поселенцев (что было нелегально).

Сидни Смит сожалел об «азиатских и сатрапских делах» Маккуори⁵². Другие осуждали «абсолютизм»⁵³, осложненный доверчивостью, раздражительностью и тщеславием. Губернатор хвалил Фово, был сердечен только с теми, кто с ним соглашался, называл своим именем бесконечное число природных и сотворенных руками человека объектов. Но Майкл Масси Робинсон, поэт из колонии, сам называвший себя выдающимся, именовал Маккуори «Августом, который превращал Сидней во второй Рим»⁵⁴.

Маккуори определенно пользовался своей властью, чтобы добиться существенных улучшений. Он создал полицию, построил дороги, здания для государственных учреждений, расширил поселения, исследовал новые территории и даже пытался защищать местных жителей. Под его эгидой начала расцветать торговля шерстью, количество овец быстро увеличилось. Экономике помогали киты и тюлени (за счет экологической ситуации, о чем говорили даже в те времена). Продуктов оказалось много, а если люди и ворчали из-за кислого мелко нарезанного мяса, им быстро напоминали о голодных годах, когда «многих кошек, которым не повезло, фактически отправляли в рот еще мяукающими».

Несмотря на ужасающие трущобы, Сидней становился достойной метрополией. На квадратной миле проживало десять тысяч человек. Город был полон красивых резиденций и модных магазинов, аккуратных домиков и больших складов. По широким улицам (еще не мощеным и не освещенным) прогуливались хорошо наряженные женщины. Рядом были осужденные, одетые кто во что горазд, часто — в лохмотьях. Тут же попадались и обнаженные аборигены, которых называли «сомнительными денди». Они носили брюки, повязав вокруг шеи.

Хотя Сидней еще ожидал строительства театра и библиотеки, в нем уже имелись церкви, школы и объекты бытового обслуживания, достойные английского провинциального города. Сама Америка не могла соответствовать такому прогрессу, как писал полный энтузиазма английский путешественник, который удивился, узнав про малое количество преступлений, совершаемых в Австралии⁵⁵.

Конечно, континент оставался грубой и суровой землей на фронтире. Это было место, где плодились беглые каторжники, бродяги, разбойники, лица без определенных занятий, перебива-

ющиеся случайными заработками, бездомные и всяческое отребье. Более того, они загрязнили весь Тихий океан.

Критики Австралии были искренни. Один назвал ее «неким родом нравственной клоаки, с деклассированными элементами, ворами, жестокостью и карманничеством»⁵⁶. Еще один упомянул о ее дочерях, как о «неряшливых и безвкусно одетых шлюхах», а сыновей счел «долговязыми, худыми, с бледными и одутловатыми лицами. Это сквернословящие подлецы, которые пьют ром перед завтраком, а живут, обманывая друг друга»⁵⁷.

Но Маккуори помог цивилизовать страну, приняв освобожденных осужденных в качестве полноценных граждан. Многие из этих получивших права были амбициозны, трудолюбивы и богаты. Губернатор назначил некоторых из их числа на официальные должности. Этот человек поддерживал всех обладающих достоинствами людей, которые были осуждены. Он пытался трансформировать провинцию «королевства Сатаны» (как назвал Австралию ревностный пастор Сэмюэль Марсден)⁵⁸ в respectable часть Британской империи.

Как говорили современники, только в полушарии, перевернутом с ног на голову, порок мог быть поднят на позиции добродетели. Свободные поселенцы, известные, как «чистые мериносы», приходили в ярость и негодовали из-за того, что к бывшим осужденным, на которых до сих пор оставались клейма, стали относиться, как к их ровне. Ничто на земле, по мнению Марсдена, не могло искупить их грех.

С этим соглашались многие современники Чарльза Диккенса, считая: транспортированный хитрец или мошенник скорее превратится в Мэгвича, чем в Микобера. (Абель Мэгвич — каторжник из романа Диккенса «Большие надежды», Микобер — персонаж романа «Дэвид Копперфильд». — *Прим. ред.*)

Британские министры тоже сомневались в политике, которая может уменьшить ужас транспортировки⁵⁹. Наказание, которое должно казаться хуже смерти, превращалось в новую лицензию на жизнь, как выразился один министр по делам колоний Эдвард Стэнли. Моралисты отмахивались от амбиций Маккуори, желавшего сделать Австралию Землей Обетованной. Они считали это мечтой. Но они же полагали кошмаром желание превратить континент в нормальную страну — проект, который поддерживали такие колониальные патриоты, как У.Ч.Уэнтворт. «Подумайте, из чего сделаны эти люди! — восклицал архиепископ Уотли из Дублина. — И кого последующие поколения будут проклинать за то, что подняли эту плесень на уровень общения с миром?»

Самого Маккуори нельзя винить: он был деспотом, а не демократом, идея австралийской независимости для него оказалась

полностью чужеродной. Однако никакие эмигранты не хотели свободы больше, чем осужденные. Поэтому губернатор Лахан Маккуори подбадривал их для максимального использования полученных прав после того, как с них снимали кандалы.

Так, экспортируя социальную проблему, Британия создавала проблему колониальную. Вскоре австралийское правонарушение уже казалось новой версией американского неповиновения. Уже в 1791 г. поселенцы, отбывшие наказание, провели собрание, чтобы бросить вызов власти губернатора Филиппа. К концу периода правления Маккуори австралийцы агитировали за суд присяжных, права англичан и отсутствие налогообложения без представительства. Ходили разговоры об австралийской Декларации независимости, даже войне за независимость, которую Соединенные Штаты Австралии поведут в Голубых горах.

Отмечая дух восстания янки (который усилился с прибытием большого количество политических заключенных — например, чартистов), верховный судья Баррон Филд предсказал: «Австралия закончит объявлением себя нацией флибустьеров и пиратов»⁶⁰.

Другие делали более оптимистические прогнозы: «Австралия Счастливая» поднимется, сменит находящиеся в упадке империи и добьется, как Рим, бессмертной славы.

Благоприятные обстоятельства, связанные с тем, что отбросы земли заложили фундамент Вечного Города, упоминались так часто, что стали клише и шуткой⁶¹. Однако к 1840 г., когда осужденных прекратили перевозить в Новый Южный Уэльс (хотя такая система продолжала существовать в Западной Австралии до 1868 г.), колонии расширились с плацдармов Сиднея, Брисбена, Хобарта, Мельбурна, Аделаиды и Перта. Очевидно, дело шло к самоуправлению. Это произошло очень быстро в 1850-е гг., когда обнаружили золото.

Первой реакцией губернатора Нового Южного Уэльса было желание скрыть месторождение — «иначе нам всем перережут глотки»⁶². Но тайну нельзя долго хранить, и осужденные вместе с полицейскими включились в гонку за золотом. Население Австралии утроилось за десять лет (до 1,1 миллиона). Золото помогало оплатить отдельные выборные собрания, которые учредили с одобрения Британии. Но создания федерации пришлось ждать до 1900 г.

Австралийцы очень сильно полагались на метрополию и оставались верными и преданными ей, хотя она располагалась невероятно далеко. Чарльз Лэмб говорил: написание писем на острова «антиподам» напоминало отправку посланий последующим поколениям⁶³.

Многие эмигранты, независимо от происхождения, хотели создать еще одну Британию, только в другом полушарии. Она имела

бы социальную иерархию, уважительно относилась к культуре и была бы политически подчинена. Она бы даже топографически имитировала Британию.

В этом пейзаже шиворот-навыворот Баррон Филд с радостью находил поселения, которые стали «такими английскими — известковые холмы, луга и ручьи на ровной местности. И никакого фона из эвкалиптов...»⁶⁴

Но многие другие австралийцы придерживались радикально отличной точки зрения на то, что подразумевает их бытие и исход. Поселенцы, отбывшие наказание, пытались отделаться от своего происхождения вместе с цепями. Но пока пятно осужденного было не стерто, оно означало страсть к свободе.

Большое количество свободных поселенцев, которые поддерживали крестовый поход за свободу в Британии в эпоху реформ, помогали создавать в Австралии «рай несогласия»⁶⁵. После того, как новые эмигранты высаживались, они становились убежденными республиканцами⁶⁶. Эти люди больше не называли джентльменов «мистер» и не касались рукой шляпы при встрече с дамами. По словам доктора Томаса Арнольда, директора школы Регби, они становились якобинцами в истинном смысле этого слова. Австралийцы творили «субкультуру оппозиции»⁶⁷, которая распространялась по миру Великой французской революцией, и была резюмирована в афоризме Виктора Гюго: «Je suis contre» («Я против») ⁶⁸.

К середине викторианской эпохи то ли континент, то ли остров приобретал то, чего у него до этого не было — особую историю, всестороннюю и подобную географию, определенное лицо. Его народ начинал поддерживать австралийский национализм, который, в конечном счете, отделился от имперского патриотизма. Австралийцы делали добродетель из упрямства и своенравия, даже из кровожадности, с нетерпением ожидая золотого века независимости.

* * *

Австралийцы находили этот переход к самоуправлению поразительно легким. Примерно схожий процесс происходил и у канадцев в то же самое время.

На протяжении британской колониальной истории, даже когда энтузиазм и стремление к расширению за морями находились на гребне волны, всегда имелось сильное встречное течение, которое угрожало разьесть ткань империи. В 1830-е гг., вместо того, чтобы держаться за колонии любой ценой, политическая элита в Вестминстере приходила к выводу, что они вполне могут покинуть гнездо. Предпочтительно, чтобы это произошло на более дружеских условиях, чем у южноамериканских птенцов Испании и

Португалии. Как в дальнейшем министр по делам колоний лорд Грей написал генерал-губернатору Канады, «в Палате общин и, с сожалением вынужден сказать, в высших сферах начинает господствовать мнение (которое я считаю совершенно ошибочным), будто у нас нет интереса к сохранению наших колоний. А значит, нам не нужно ничем жертвовать ради этой цели»⁶⁹.

Среди тех, кто разделял «ошибочное мнение», были и Пил, и Гладстон. Даже постоянный глава собственного департамента Грея сэр Джеймс Стивен считал отделение колоний и разумным, и неизбежным. Например, Канада будет «хорошей потерей, если мы расстанемся по-доброму и любезно»⁷⁰.

Ничто не символизировало лучше эти противоречивые чувства, которые требуют определенных объяснений, чем само Министерство по делам колоний. Оно находилось на Даунинг-стрит, 14. Это было большое, довольно грязное и ветхое кирпичное здание, построенное поверх старой сливной трубы в конце тупика, идущего от дома премьер-министра. Оно мало походило на центр государственных дел, скорее — на приличный жилой дом⁷¹.

Дом стал менее приличным в викторианскую эпоху, когда мебели было мало — имелись разнообразные шатающиеся стулья и покрытые бязью столы (ткань постоянно ветшала). На самом деле, от подвала, который был таким сырым, что оттуда два раза в день приходилось откачивать воду, до чердака (его чиновники незаконно использовали для игры в фэйвз), это ветхое здание оказалось ненадежным и даже опасным. (Оно было приговорено к сносу в 1839 г.)

Игроков в фэйвз обнаружили, поскольку дом с балконами сотрясаясь до основания. После этого они стали играть в дартс, делая стрелки из офисных карандашей, к которым клейкой лентой приклеивали иголки и добавляли веса при помощи сургуча.

В подвале хранили бумагу, чтобы здание не рухнуло. Но оно стояло и содрогалось от усилий, прилагаемых, чтобы стоять прямо. Герцог Ньюкасл надеялся: «Здание упадет (а я верю, что так и случится) ночью»⁷².

На самом деле, его разобрали в 1876 г. Персонал, который в 1862 г. составлял сорок восемь человек, работал только во второй половине дня. Служащих назначали в результате коррупции или взяточничества, с использованием служебного положения в корыстных или личных целях. Поэтому они рассматривали свои рабочие места, как некий вид собственности. Часто у клерков, работавших с конфиденциальной информацией, и даже у самых последних писарей не имелось базовой квалификации для выполнения своих задач. Одному из них дали месяц отпуска, чтобы тот попытался научиться писать⁷³.

Но в этом «сонном и скучном офисе» не требовалось прилагать много усилий⁷⁴. Один человек предложил пари, что в спокойный день он в одиночку сможет переделать все дела. Но никто не стал с ним спорить. Еще один чиновник, сэр Генри Тейлор, в дальнейшем вел официальную переписку из санатория для послебольничного долечивания в Бёрнмуте⁷⁵.

Гниение началось сверху. Министров по делам колоний стало трудно найти. Часто им было скучно или они оказывались некомпетентными (а иногда случалось и одно, и другое). Они редко долго оставались в департаменте. Сэр Джон Пакингтон с неохотой согласился на назначение в 1852 г. Это привело к непристойным шуткам после того, как он, судя по всему, выразил надежду, чтобы Виргинские острова, где бы они ни находились, располагались как можно дальше от острова Мэн. Его предшественник сэр Джордж Мюррей заявил Парламенту: «Я всегда предполагал до этого момента, что воздержание от какой-либо чрезмерной активности в отношении колоний — это, скорее, достоинство, чем недостаток».

Но, честно говоря, даже самый трудолюбивый министр по делам колоний едва ли мог выполнять свои обширные обязанности, несмотря на путешествия по земному шару, подобно Вечному Жиду, как выразился сэр Уильям Молсуорт в знаменитой филиппике. «Например, сегодня министр по делам колоний находится на Цейлоне. Он — финансовый и религиозный реформатор, продвигающий интересы кофейного плантатора и дискредитирующий поклонение зубам Будды и самому Будде. На следующий день он в Вест-Индии обучает экономике производства сахара, или в Земле Ван Димена пытается переделать злодеев и извергов, которых перевез в этот ад крошечный. Потом он попадает в Канаду, где обсуждает закон о компенсации убытков и войну рас. Затем ему придется отправиться на мыс Доброй Надежды, танцевать победный боевой танец с сэром Гарри Смитом и его подданными-кафрами, или в Новую Зеландию — в качестве незадачливого Ликурга, который попытается управиться с маори. Или же ему нужно плыть на Лабуан — копать уголь и воевать с пиратами, или строить на Маврикии укрепления против враждебного населения...»⁷⁶

Министерство по делам колоний спасли от полного хаоса лишь выдающиеся постоянные заместители министров, которых набралось немало.

Например, сэр Джеймс Стивен много сделал, чтобы сдвинуть с мест лиц, крепко держащихся за свои должности, и изменить официальную практику, сатирически изображенную Диккенсом в «министерстве многословия», или «департаменте околичностей».

Стивен был племянником Уилберфорса (и дедушкой Вирджинии Вульф) и являлся ревностным евангелистом. Как говорила

дочь Стивена, быть его ребенком значило воспитываться в большом соборе⁷⁷. Его сын Лесли, которого заместитель министра с неохотой поставил под удар искушений, грязи, нечестивости, богохульства и ненасытности (иными словами, отправил учиться в Итон)⁷⁸, называл отца живым «категорическим императивом»⁷⁹.

Стивен был невротически воздержан и умерен, на ленч ел бисквит и шерри, яйцо — на обед и ничего — на ужин. Он ненавидел мирское тщеславие, презирал колониальных губернаторов, «продавцов галантерейных товаров», которые были заняты «кителями и пуговицами, поклонами и всей прочей мишурой и показухой»⁸⁰.

Этот рыжеволосый чиновник отличался надменным выражением лица, высокими бровями и острым носом, а его губы были сжаты так, словно рот прорезали ножом⁸¹. Он часто появлялся порезанным, потому что даже бреясь, отказывался смотреть на себя в зеркало. Стивен отказывался от удовольствий, не ходил в театр и на балы. Обнаружив, что первая выкуренная сигара ему очень понравилась, он больше не выкурил ни одной.

Стивен был одиноким, умным, скромным и язвительным, трудился с неугасающим рвением, диктовал так быстро, что стенографистки за ним не поспевали. Он был многоречив с посетителями из колоний, скрывая сильную робость за бесконечным монологом. Закрыв голубые глаза, которые плохо видели, и сплетая длинные неловкие пальцы, этот человек обыкновенно говорил без остановок, затем поднимался, кланялся и благодарил визитеров за их «ценную информацию»⁸², после чего звонил в колокольчик, чтобы их проводили.

Джеймс Стивен был сам виновен в поведении, которое сам осуждал у Гладстона, «самого бедного и слабого из всех моих начальников с Даунинг-стрит», который «одаривал остротами и советами представителей колоний, относясь к ним, как к детям»⁸³. Но даже последующие атаки на Стивена, не говоря уже про его известные клички «мистер Сверхминистр», «Мистер Метрополия» и «Король Стивен», были отданием должного его доминированию. Раздумывая над оскорблениями, которые вылила на него «Таймс» (что было мучением для столь чувствительного человека, которого жена называла «человеком без кожи»⁸⁴, чиновник признавался в своем дневнике: Министерство по делам колоний на самом деле чуть больше, чем синоним для благородного Джеймса Стивена. Это промежуточное звено, место передышки для перелетных птиц перед дальнейшим полетом»⁸⁵.

Оба преемника Стивена, которые длительное время занимали ту же должность, соглашались с ним: «Судьба наших колоний — это независимость»⁸⁶. Причина была проста — самоуправление являлось естественным приложением к развитию. Но консенсус

Министерства по делам колоний отражал исключительно важную перемену в судьбе Джона Булля, который теперь мог оказаться в одиночестве, без заморских приложений. Став главной державой в мире после битв при Тафальгаре и Ватерлоо, Британия консолидировала свое положение мастерской мира. Это была первая и единственная промышленная страна, она достигла пика экономического превосходства примерно в 1860 г. Тогда британцы добывали две трети мирового угля и генерировали треть пара. Их фабрики производили треть всех выпускаемых товаров (половину производства металлических изделий и хлопчатобумажной ткани). Говорилось, что страна звенит, как огромная кузница, а звук ее ткацких фабрик напоминает гул Атлантики.

Треть торговых судов, бороздивших семь морей, ходили под флагом Соединенного Королевства. При их помощи осуществлялась пятая часть всей мировой торговли. Лондон являлся столицей невидимой финансовой империи, включавшей банковское дело, страхование, брокерство и инвестиции, что давало ему долю в почти каждой стране на Земле. Этому колоссу больше не требовалась защита в виде тарифных барьеров и колониальных монополий. Ему могла бы лучше служить свободная торговля.

Евангелие Адама Смита приобрело новых приверженцев, когда его стали проповедовать харизматичные радикалы из Манчестера Ричард Кобден и Джон Брайт. Они возглавили крестовый поход среднего класса против пошлин на импорт зерна в голодные сороковые годы. И одержали победу, когда правительство «тори» сэра Роберта Пила отменило законы о пшенице в 1846 г. (в это время в Ирландии как раз случился катастрофический голод).

Отмена привела к эпохе дешевых продуктов питания для масс населения. Кобден приветствовал эту перемену, как самое важное событие со времен пришествия Христа. Принцип неограниченной свободы предпринимательства был никак не меньше, чем «Божья дипломатия»⁸⁷.

Кобден считал, что реформы приведут к мировой реформе, принесут не только экономический прогресс и продвижение вперед, но и мир на Земле, и отношения доброй воли между людьми. Как и каждый отдельный человек, любая страна будет сотрудничать с другими через мировое разделение труда и гармонизировать конкурирующие интересы на открытом рынке. Свободная торговля станет действовать в мире нравственности, говорил этот экономист. «Она работает, как принцип гравитации во Вселенной — притягивая людей друг к другу и отталкивая в сторону антагонизм из-за расы, национальности и языка»⁸⁸.

А колонии, висющие тяжелым грузом реликвии старого принудительного и коррумпированного порядка, сбегут от планетарно-

го притяжения Британии. Они создадут собственные орбиты. Как считал Кобден и его последователи, владения пойдут путем Америки, которая в годы подъема забирала до четверти британского экспорта. Как сказал один свободный торговец, «мы получили в десять раз больше преимуществ от США после 1782 г., чем до того, причем без препятствий и помех»⁸⁹. Канада же, в отличие от США, стоила метрополии 2,36 миллионов фунтов в 1833—34 гг. Она висела постоянным грузом на британской государственной казне.

Конечно, в сравнении с китом США, Британская Северная Америка являлась мелкой рыбешкой — во всем, кроме географического пространства. К 1860 г. население США (тридцать один миллион человек) превысило население Соединенного Королевства (двадцать девять миллионов). В провинциях, которые сформируют Федерацию Канады, проживало 3,3 миллиона людей — меньше, чем в городе Лондон. Они брали 3 процента британского экспорта, а их собственное производство не стоило того, что производил один лишь остров Ямайка⁹⁰. Так называемая «прикрепленная» полиция Канады не могла сопротивляться вторжению и наступлению Америки — не более, чем рыба способна взобраться вверх по опоре для гороха, как написал один журналист из Канады⁹¹.

Единственным способом создать компактную и обороняемую границу, по ироничному мнению канадцев, могло стать протягивание на буксире островов Ньюфаундленд и Принца Эдуарда вверх по заливу Святого Лаврентия и затопление их в озере Онтарио.

Но стоило ли американцам вторгаться в эту воюющую дикую местность?⁹² Радикальный журналист Уильям Коббетт заметил, что если бы США захватили британскую Северную Америку, то это напоминало бы действия вора, который украл камень ради удовольствия носить его в своем кармане. По большей части земля Канады представляла собой замерзшую пустошь, заполненную чудовищными природными барьерами, которые отделяли одну белую общину от другой. А местные жители, в основном, болели, пили и подвергались эксплуатации.

Разбросанные аванпосты в Британской Колумбии, в прерии вокруг Гудзонова залива (куда письма могли приходиться раз в год) были фактически необитаемыми. Обедневшие приморские провинции представляли собой удаленные скопления леса, болот и скал. Их немногочисленные обитатели (чаще всего — шотландцы и ирландцы) полагались на рубку, распиловку и продажу леса, кораблестроение, рыбную ловлю и фермерство. Но они не получали импортируемой еды из штата Мэн.

Эти территории с неровной местностью и суровым климатом были, если снова процитировать прямо высказанное мнение Коббетта, отбросами Северной Америки: «Это — голова, голени, большие берцо-

вые кости и копыта той части мира. А США — это филейные части, хорошо покрытые мясом ребра и околопочечный жир»⁹³.

Нижняя Канада была окружена Канадским щитом — голой коркой магмы докембрийского периода, искаженной вулканическим огнем и надрезанной ледниками, покрывавшими северо-восточную часть континента. Французские поселенцы обустраивались на берегах реки Святого Лаврентия и ее притоков. Их фермы имели форму полос и тянулись назад от берега реки. Там можно было увидеть женщин, стирающих и отбивающих белье огромными деревянными молотками перед побеленными одноэтажными домиками с соломенными крышами. Такие строения встречались через каждую сотню ярдов вдоль берегов. Мужчины в домотканой одежде занимались сельским хозяйством, которое было малорентабельным и едва ли продвинулось вперед по сравнению со средневековой Нормандией. В самые худшие, 1830-е годы, время «латунных денег и деревянных башмаков»⁹⁴, многие дошли до того, что ели своих лошадей или покидали дома ради попрошайничества на хлеб.

Некоторая степень динамизма и процветания наблюдалась только на территории с умеренным климатом, на плодородном полумесяце вокруг озера Онтарио. Верхняя Канада разрослась в пять раз между 1830 и 1850 гг. Ее хорошо одетые фермеры являлись весьма независимыми и довольными людьми⁹⁵. У них было много еды, включая сахар с собственных кленов. Они ездили в фургонах с восьмью рессорами по улучшающимся городам — например, по Торонто, где в начале 1830-х гг. имелась только одна улица, покрытая гравием.

В те же годы деревянные дома сменились кирпичными. Они выглядели типично для англосаксонского стиля⁹⁶. Тем не менее лорд Дарем, который стал генерал-губернатором в 1838 г., противопоставлял отсталость британской провинции, на большей части которой не было дорог, почты, мельниц, школ или церквей, активности и прогрессу США⁹⁷.

Разница была очевидна любому, кто смотрел на различные берега реки Ниагара. Один берег выглядел сонным, застойным и инертным. Имелось несколько магазинчиков, одна или две таверны, а также природные причалы на границе колониальной тихой заводи. На другом берегу наблюдалась активность, словно в улье — работала промышленность, появлялись новые города, корабли, верфи, склады, дороги. Даже граница империи находилась в зачаточном состоянии. При посещении ее ядра вокруг Питтсбурга в 1835 г. Ричард Кобден предсказал: «Здесь когда-нибудь будет центр цивилизации, богатства и власти всего мира»⁹⁸. Но если Америка, как правило, занималась своими делами и никуда не лезла, то в

связи с канадскими провинциями постоянно возникали проблемы. Ими оказалось сложно управлять.

Основная проблема являлась костью в колониальной горле, которую нельзя ни выплюнуть, ни проглотить. Франко-канадцев, которые составляли 450 000 человек в 1837 г., нельзя было ассимилировать в Британскую империю, как, например, южноафриканских буров, которых они кое в чем напоминали. Отрезанные от Франции, они оказались еще больше изолированы в Канаде из-за национальности, религии и языка. Говорили эти люди на устаревшем французском периода эпохи Людовика XIV, а жили в культурном коконе, в состоянии постоянной враждебности или отчужденности от окружающего мира. У них не было шанса сбежать по большой дороге во внутренние районы. Но британцы не могли их «расфранцузить», как хотели того некоторые, особенно, в период наполеоновских войн. Ведь «старый враг прилагал все усилия, чтобы сделать мир французским»⁹⁹.

А когда канадская солидарность ослабла в 1820–30-е гг. в ответ на снижение американской угрозы, большой приток британских иммигрантов усилил ощущение самобытности и особенности французов. Их отличала смесь крестьянской традиции с буржуазными устремлениями. Большинство франко-канадцев были земледельцами, они платили со своей земли феодальные и церковные пошлины, причем столь же высокие, как при «старом режиме» в Европе. Лишь немногие, включая школьных учителей, могли расписаться.

Соседи-англосаксы считали их жалкими примитивными существами. Один британский офицер говорил в 1830-х гг. о канадских французах, как о самых жалких людях: «Они маленького роста, с бледным, землистым цветом лица, какие-то сморщенные. У них высокие скулы, они курят табак. Такой вид я объясняю существованием печек, которые топят на полную мощность и в жару, и в холода. Это действительно ужасно! Они лопочут на местном наречии, которое скверно уже само по себе. Голоса звучат резко и гнусаво, ничего худшего и вообразить себе невозможно»¹⁰⁰.

Но, как писал лорд Дарем, не стоило думать, будто французские канадцы «пользовались репрезентативными учреждениями на протяжении полувека и не приобрели никаких черт свободных людей»¹⁰¹.

Недовольство франко-канадцев, усиленное расовой ненавистью и трудностями жизни в сельской местности, в действительности стало продуктом разочарования нации. Эта болезнь и в самом деле заразила всю Британскую Северную Америку, где все провинции в большей или меньшей степени проявляли беспокойство, упрямство и нетерпение при назначенном короной губернатором.

Ирландский лидер либерального крыла Даниел О'Коннел назвал эту страну «миниатюрной Ирландией»¹⁰², отождествляя себя с лидером организации «Канадская Нация» Луи-Жозефом Папино¹⁰³. Эти юристы из среднего класса вдохновляли своих последователей райским видением национальной независимости, выраженным в зажигательных фразах. Если О'Коннел намеревался достичь самоуправления и автономии под британской короной без кровопролития, то Папино в большей мере склонялся к американской революционной традиции. Он стремился к демократическим институтам, осуждая Законодательный совет (выбранный, а не избранный, это некий колониальный эквивалент Палаты лордов) и именуя его «смердящим трупом»¹⁰⁴.

Папино разжигал французские республиканские настроения, продемонстрированные в приходе Контрекер, когда верующие вышли из церкви в виде протеста против приказа епископа Монреальского отпраздновать коронацию королевы Виктории. Лидер этой акции, торговец и политический радикал, провозгласил: «Больно петь «Те Деум» в честь королевы — проклятой шлюхи с раздвинутыми ногами»¹⁰⁵.

Если паства вела себя воинственно, то патриоты следовали за Папино так покорно, что были известны под прозвищем «баранов»¹⁰⁶.

Папино возглавлял кампанию франко-канадцев за самоопределение. Он шел от все более яростных и ожесточенных политических споров в Собрании к экономическому бойкоту (в стиле янки) британских товаров в сельской местности. Его приверженцы выступали против правительства, как называя себя «сынами свободы». Патриоты использовали знамена с американскими символами — звездами и орлами, а также с канадскими кленовыми листьями и сосновыми шишками. Был и французский триколор, и красные флаги со словом «Libert» («Свобода»).

Методы принуждения, например, увольнение губернатором должностных лиц и несанкционированный захват доходов, вызвали протесты и требования объявления независимости. Последовали сильные беспорядки, которые закончились вооруженным восстанием. Его вскоре подавили, хотя самому Папино удалось бежать в США, переодевшись крестьянином. История навесила на него клеймо «хвастуна в собрании и труса в поле»¹⁰⁷.

Ссылные франко-канадцы продолжали борьбу, вызывая еще больше конфликтов и усиление репрессий к северу от границы. Там «кроважидные» британские войска, как признал один из их офицеров в 1838 г., «сурово наказывали восставших, сжигая и грабя деревни»¹⁰⁸.

Словно для демонстрации необходимости примирения по всей Британской Северной Америке, французские патриоты взялись

за винтовки как раз в тот самый момент, когда в ультра-лояльной Верхней Канаде произошла миниатюрная революция. Она тоже была вызвана желанием большей демократии, поскольку губернатор не только эффективно правил от имени монарха, но и царствовал за счет выборного Собрания. Поэтому, как заметил писатель Голдвин Смит, канадские правительственные институты, теоретически смоделированные по типу британских, были «подобны китайской имитации парохода, которые точно повторяли оригинал во всем, кроме пара»¹⁰⁹.

Большинство канадцев хотели реформ. Но экстремисты искали, словно Грааль, самоуправление, «свободу от вредного и губительного доминирования метрополии». Эта фраза, которую в Лондоне произнес радикальный член Парламента Джозеф Юм, привела в негодование лоялистов объединенной империи, будучи опубликованной в Торонто. Но чтобы поднять толпу, она использовалась популистским лидером провинции Уильямом Лайоном Макензи, который говорил: «Наши беды и беды старых тринадцати колоний по существу одни и те же»¹¹⁰. Он стремился стать «канадским О'Коннелом».

Этот умный и проникательный идеалист, который из журналиста превратился в политика, стал мэром Торонто. Уже в этой роли Макензи придумал герб и девиз города («Предприимчивость, ум и целостность»). Он был и скандалистом, который с дикими глазами бросался в бой. Рост его едва ли дотягивал до пяти футов и выглядел он «очень похожим на бабуина».

Макензи казался слишком неустойчивым, странноватым, его поведение отличалось сумасбродством. К тому же, он был слишком фанатичным, чтобы вызывать доверие и внушать уверенность. Говорили, что «ему можно доверить жизнь, но не тайну»¹¹¹. По словам губернатора Верхней Канады, Макензи «лгал каждой клеткой своего тела»¹¹².

То, что такой подстрекатель и смутьян смог собрать на Юнг-стрит в Торонто сотни бунтовщиков, вооруженных охотничьими ружьями, пиками и дубинами, говорило о размерах недовольства в провинции. Полиция смогла разогнать их чуть ли не одним выстрелом картечью. Это показало, что сила Макензи представляла собой лишь чуть больше, чем просто толпу. Сам он быстро понесся к границе.

В любом случае, этот провалившийся переворот британцев, который добавился к неудавшейся революции французов, вызвал серьезное беспокойство в Лондоне. Лорд Бругхэм предполагал: все происходящее стоило вялому и апатичному министру по делам колоний лорду Гленалгу многих бессонных дней¹¹³.

Правительство лорда Мельбурна явно считало, что должно действовать, не допуская, чтобы Канада пошла путем США. Как писал

Мельбурн, дело было не в том, что отделение колонии от метрополии принесет материальные потери. Но его министерство едва ли переживет столь серьезный удар по чести Британии¹¹⁴.

Премьер-министр назначил лорда Дарема (доставлявшего проблемы соперника) генерал-губернатором Верхней и Нижней Канады. Дарем получил такую полную власть, что его называли диктатором¹¹⁵ и Великим Моголом¹¹⁶.

Другими прозвищами губернатора стали «Радикальный Джек» и министр-диссидент¹¹⁷. Он оказался более левым, чем его коллеги, хотя не заходил так далеко, чтобы поддерживать чартистов. Однако ему удалось одновременно быть политическим демократом и социальным автократом.

Дарем выступал за эгалитарную реформу и одновременно относился ко всем людям так, словно они стояли ниже его. Когда-то он был самым богатым простолудином в Англии, считая, что любой может «протянуть на 40 000 фунтов стерлингов в год»¹¹⁸. Этот человек сочетал в себе надменность и самодовольство при унаследованном богатстве. С приобретением титула появилась наглость. Он нападал на официантов и оскорблял министров с одинаковой яростью. Однажды доведенный до слез Грей запротестовал, что он «лучше будет работать в угольной шахте, чем подвергаться таким атакам». На что чернобровый Дарем пробормотал: «Может быть и хуже»¹¹⁹.

Мельбурн сказал, что не может быть мира, спокойствия и гармонии в том кабинете, к которому Дарем имеет отношение. Но, хотя новый канадский губернатор был тщеславным, властным и жестоким, он мог стать и умным, и проницательным, и очаровательным, и великодушным. Этот человек взял огромную свиту в Квебек и поспешно включил туда несколько печально известных распутников. (Один из них, Эдвард Гиббон Уэйкфилд, поборник колониальной эмиграции, сидел в тюрьме за похищение человека).

Дарем завоевал преданность всех участников своей свиты. Он прибыл с торжественностью и великолепием. Потребовалось несколько дней, чтобы разгрузить его багаж, который включал множество музыкальных инструментов. Как язвительно заметил Сидни Смит, их взяли для того, чтобы позволить Дарему заигрывать с канадцами¹²⁰.

Генерал-губернатор проследовал по Квебеку в настоящем генеральском мундире, украшенном серебряными галунами. Ехал он на белом боевом коне с длинным хвостом. Но, несмотря на последующие демонстрации гордости, соответствующие этому помпезному прибытию (Дарем выгнал всех других постояльцев из гостиницы «Кингстон», а до того не позволил взять на свой корабль даже почту), он добился поразительной популярности в

двух провинциях Канады. Более того, его отчет стал Великой Хартией Вольностей для этого британского владения¹²¹.

Но даже при этом служба Дарема генерал-губернатором оказалась провальной. Он продержался всего шесть месяцев, после чего дало результат характерное сочетание либерализма и автократии.

Губернатор хотел добиться примирения, поэтому объявил амнистию для всех восставших. Однако он намеревался подчеркнуть вину лидеров, которых присяжные скорее оправдали бы, а не приговорили к смертной казни, поэтому сослал их на Бермуды. Мельбурн отказался утвердить это справедливое, но незаконное решение, после чего Дарем тут же подал в отставку. До отъезда из Канады он издал прокламацию, фактически обвинив Министерство в предательстве. Губернатор сказал, что разбиты его надежды обеспечить объединенный народ свободной и ответственной властью, чтобы люди могли наслаждаться жизнью в большей степени¹²².

Дарем покинул Квебек до принятия его заявления об отставке. Он отбыл еще более пышно и церемонно, чем прибыл. В дикий холод, под небом, с которого вот-вот должен был пойти первый настоящий зимний снег, экс-губернатор медленно спускался в открытой карете с шато Сен-Луи к королевской верфи. Зрители собрались на грязных узких улочках, вдоль которых выстроились стражники. Люди прильнули к окнам высоких каменных домов. Они наблюдали за происходящим в мрачном молчании, иногда прерываемым приветственными криками. Когда суда для перевозки лесоматериалов тянули на буксире фрегат Дарема «Инконстант» вниз по реке Святого Лаврентия, из цитадели выстрелила пушка, дав прощальный салют. В сумерках, когда буксирный трос наконец-то обрубили, эхом отдавались звуки «Добрых старых времен». А сам Дарем, как заметил один свидетель, страдал и от язвы, которая закончилась его преждевременной смертью, и от горечи осознания того, что он возвращается в Англию униженным и разжалованным¹²³.

Но в 1839 г., за год до смерти, граф восстановил свою репутацию, опубликовав отчет под своим именем. Это был пронизательный и язвительный анализ трудностей управления Канадой вместе с предложениями по их разрешению. Они оказались такими универсальными по применению, что отчет Дарема стал учебником колониального развития под флагом Британии. Английские поселенцы чувствовали естественную гордость, поскольку являлись частью самой сильной, цивилизованной и славной империи. Но они чувствовали вполне понятное отвращение к попечительству и опекунству правителей в Вестминстере, которые отказывали им в должном праве голоса в отношении их собственных дел. Канадцы

противопоставляли эту ситуацию тому, что происходило в США, где люди стали хозяевами собственной судьбы. И другие народы на протяжении имперской истории озлоблялись из-за очевидного отказа в правах. Поэтому некоторые жители британской Северной Америки были готовы восстать против метрополии во имя верности и преданности. Эта преданность (предположительно — истинным принципам и настоящим интересам Британии) часто возбуждалась такими вещами, как «оранжевые домики», экспортированные из Ольстера и установленные на месте вигвамов ирокезов. По словам одного крайне консервативного и твердолобого лоялиста, которого цитировал Дарем, «Нижняя Канада должна быть английской, а если потребуется, то за счет того, что она не будет британской».

Решения этих проблем, предложенные Даремом, не были особенно оригинальными. Но если взять их в совокупности, то они являлись изобретательными. Это неплохая попытка совместить колониальную автономию с имперским единством. Чтобы ослабить французов он рекомендовал слияние Верхней и Нижней Канады. Экс-губернатор хотел связать зарождающуюся нацию кровью и железом — при помощи иммиграции из Британии, которой станет содействовать государство, а также межколониальных железных дорог.

Кроме того, он хотел сохранить трансатлантические симпатии через «настоящий союз сердец»¹²⁴. Этого можно было достигнуть, позволив канадцам самим править в своей стране. Лондон контролировал бы внешние связи, конституционные вопросы и администрацию общинных земель.

Дарем верил: Канада благодаря этому останется очень патриотичной частью Британской империи. Но критики считали, что все как раз наоборот, что отчет подготовил путь к полной независимости. Он якобы помог канадским предателям и их американским союзникам, которые уже «выгравировали имя лорда Дарема на лезвиях своих длинных охотничьих ножей, готовя вполне определенный результат деятельности “ответственного правительства”». Документ называли «руководством по предательству»¹²⁵.

На самом деле «лечебная политика»¹²⁶ Дарема, которую частично ввели в действие в 1840-е гг., помогла выковать канадскую преданность и верность. Она усилила колониальные связи, ослабив имперское ярмо. Правда, слияние Верхней и Нижней Канады (1840 г.) не рассеяло предубеждения и враждебность французов, оно просто вынудило французов к неохотному согласию. Однако объединение и ответственное правление, которые вводились постепенно и с большими трудностями, создали англо-французское сообщество по интересам. Один из премьер-министров, сэр Этьен

Таше, объявил: «Из самого последнего орудия в защиту английской власти в Америке выстрелил франко-канадец»¹²⁷. Важное значение имеет то, что он выразил солидарность перед лицом внешней угрозы, поскольку историю Канады (а на самом деле, и Британской империи) можно понять только в контексте существования США. Ничто не воплощало трехсторонние отношения лучше, чем медаль, отчеканенная в Верхней Канаде в 1813 г. На ней были изображены британский лев и канадский бобер, охраняющие Ниагару, которой угрожал американский орел.

Да, после конфликта, в память о котором отчеканили медаль, некоторые американцы строили планы против Канады. Возникли споры, в особенности во время Гражданской войны в Америке. Разжигались страхи, будто Дядя Сэм намеревается идти к «северному полюсу»¹²⁸. Джон Бульль время от времени кого-то себе подчинял. Когда Уильям Сьюард (в дальнейшем — госсекретарь Линкольна) сказал, что Британия никогда не осмелится сражаться за Канаду, герцог Ньюкасл ответил: «Не нужно делать такой ошибки. Под небом нет такого народа, от которого мы бы столько терпели, сколько от вас. И нет тех, кому бы мы делали такие же уступки. Вы можете забыть, что мы по большей части одной крови. Но мы-то этого забыть не можем. Однако если вы хоть раз коснетесь нашей чести, то скоро обнаружите, как вокруг ваших голов в Нью-Йорке и Бостоне падают кирпичи»¹²⁹.

Сьюард оставался в убеждении, которое он высказал во время покупки Аляски в 1867 г.: природа намеревалась сделать так, чтобы весь континент попал в магический круг американского союза¹³⁰. И этот политик намеревался «посадить британского льва в клетку на Тихоокеанском побережье»¹³¹.

Враждебных действий удалось избежать, но соперничество оказалось тотальным. Задолго до того, как Британская империя достигла расцвета, викторианцы признали: США — это молодая империя¹³², которой суждено превзойти Британскую. Как написал один лондонский журнал в год «Великой выставки» (1851 г., имеется в виду первая международная промышленная выставка в Лондоне), «в превосходстве США над Англией можно быть столь же уверенным, как в следующем солнечном затмении»¹³³.

Одним из способов отсрочки подъема Америки стало создание противовеса к северу от границы в форме Федерации Канады. Сам Дарем хотел союза провинций. И в середине столетия большинство британских политиков с этим согласились.

На самом деле федерация Онтарио, Квебека, Нью-Брансуика и Новой Шотландии, созданная в 1867 г. (другие провинции присоединились позднее) мало что сделала (если вообще что-то сделала) для улучшения канадской обороны. Как сказал будущий

премьер-министр Уилфрид Лорье, консолидация обеспечила примерно такую же защиту против США, как яичная скорлупа от пули.

Облеченный верховной властью остров-метрополия не хотел провоцировать Великую Республику и отверг название «Королевство Канада» в пользу термина «доминион» — страна стала первой в своем роде. Имперские лоялисты, особенно, в самой Канаде, убеждали себя — конфедерация усиливает и национальную, и имперскую мощь. Однако канадские политики мучились и тревожились из-за ситуации, в которой принимался закон о Британской Северной Америке. «К нему отнеслись, как к частному биллю, объединяющему два или три английских прихода»¹³⁴. Парламентский клерк быстро прочитал пункты, а депутаты Парламента гораздо больше заинтересовались налогами на собак.

Более того, бывший премьер-министр Новой Шотландии Джо-зеф Хоуи обнаружил: в Англии наблюдается почти всеобщее мнение, будто объединение провинций было легким способом от них отделаться. «Мол, чем скорее ответственность за их взаимоотношения с Республикой снимется с плеч Джона Булля, тем лучше»¹³⁵.

Британское мнение переменится по мере процветания конкурирующих держав. Доминионы станут во все большей мере казаться источником силы — возможно, их сочтут неотъемлемыми частями объединенной на федеративных началах империи, которая будет управлять миром.

Таковы были мечты. Реальность состояла в том, что Канада сделала гигантский шаг к независимости. Но лишь немногие канадцы хотели полного отделения от метрополии. Их столица Оттава сохранила атрибуты британской монархии, подражая торжественности одежд, церемоний, титулов и украшений. Но те, кто проталкивался сквозь этот ложный фронтон, находили самоуправляемую федеральную республику, сделанную по американской модели¹³⁶.

* * *

Когда казалось, что Канада намеревается покинуть Британскую империю, Новая Зеландия упала в ее объятия. В апреле 1839 г. на собрании «Новозеландской компании», которая была основана для продвижения дальнейшей колонизации Антиподов, говорили: солнце английской славы садится на западе только для того, чтобы снова подняться на юге. Лорд Дарем, который при этом присутствовал, яростно отрицал подобную мысль. Ведь в его отчете рекомендовалось самоуправление Канады, чтобы сделать ее связь с метрополией «нерушимой»¹³⁷. Дарем признавал: слава Британии

может затмеваться или уменьшаться на другой стороне Атлантики. Но экс-губернатор говорил, что сам он скорее предпочтет лишиться правой руки, чем увидеть, как корона теряет Британскую Северную Америку.

Эдвард Гиббон Уэйкфилд, промоутер «Новозеландской компании», соглашался с ним.

Уэйкфилд являлся дальним родственником историка Гиббона, в честь которого его и окрестили. Он презирал «жалкое уныние и подавленность тех, кто соглашается, что начался упадок и разрушение Англии»¹³⁸. Этот человек утверждал: власть Британии останется благодаря разумной, продуманной и систематичной колонизации, путем доставки, как в дальнейшем выразилась Флоренс Найтингейл, «безземельного человека на незаселенные людьми земли»¹³⁹. Никакое другое место не подходило лучше для высаживания маленьких Англий, чем плодородная и отличающаяся здоровым климатом Новая Зеландия.

Уэйкфилд, который был грубовато-добродушным, открытым и прямым, но бесцеремонным, умел хорошо выражать свои мысли и завоевал дружбу влиятельных сторонников. Лорд Дарем, который любил получать прибыль со своих благодеяний, особенно помог, расхваливая и рекламируя «Новозеландскую компанию». Ведь ее целью были «цивилизовать дикарей и приобрести отличное поле для британской промышленности»¹⁴⁰.

Несмотря на превалирующие антиколониальные чувства, пропаганда эмиграции, начатая Уэйкфилдом, была весьма привлекательной в эпоху социальных волнений, высокой безработицы и мальтузианских страхов перенаселения. Они оказались такими острыми, что Томас Карлайл, самый влиятельный толкователь социальных проблем своего времени, иронично предложил назначить «искоренителей приходов», снабженных емкостью с мышьяком. Впрочем, он настаивал, что беднякам, многие из которых предпочитали голодать, а не поступать в работные дома, где условия походили на рабовладение, следует искать спасения за границей.

Карлайл рисовал «целую свободную землю», которая только того и хочет, чтобы «чартисты бескартофельные ее засадили и снимали урожай». Их должны вести за собой в иерархическом духе Уэйкфилда «юристы, не ведущие дел, священнослужители, не получающие никаких сборов, ученые, не решающие никаких задач и получающие половину жалованья офицеры». Тогда поток мировой истории поможет Британской империи. Карлайл утверждал: «Римляне умерли, приходят англичане»¹⁴¹.

Правительство «вигов», которому помогало Министерство по делам колоний, вначале пыталось отклонить поток мировой ис-

тории от Новой Зеландии. Практически никто, кроме Дарема, не верил Уэйкфилду, который в равной мере казался и шарлатаном, и провидцем. «От его обмана не избавиться. Он напоминал птицелова, который постоянно растягивает сети. Он всегда правдоподобен, умеет внушать доверие, часто бывает убедительным, но никогда не говорил просто и прямо»¹⁴².

Джеймс Стивен отказывался иметь какие-то дела с Уэйкфилдом, преднамеренно вызывая его враждебность и выступая против его плана колонизации. Как он говорил, приобретение власти над Новой Зеландией неизбежно приведет к покорению и уничтожению коренных обитателей. Однако даже «мистер Метрополия» не мог остановить своих соотечественников, желающих отплыть в Новую Зеландию. Как заметил Мельбурн, Уэйкфилд и компания «немного сошли с ума, раз едут туда».

К 1839 г. не менее двух тысячи поселенцев обогнали Уэйкфилда. Казалось вероятным, что конфликт с маори, который всегда был свойственен для данной местности, приведет к еще одному геноциду аборигенов. Предупреждения в этом отношении были преувеличены. Но они усиливались ужасающими историями о пиррах каннибалов, почитанием мушкетов среди маори, распространении венерических и других болезней, торговле женщинами и покрытых татуировками головах.

Совость мучила британскую нацию как раз в тот момент, когда ее гуманистический импульс достиг апогея; особенно сильным стало желание уничтожить рабство в Вест-Индии и других регионах. Даже Мельбурн признавал, что следует что-то сделать: «Новая Зеландия представляла еще одно доказательство фатальной необходимости, которая шаг за шагом ведет по всему земному шару нацию, однажды начавшую колонизацию»¹⁴³. Очевидно, что только аннексия могла защитить местных жителей от белых и наоборот. Однако в данном случае оказалось почти невозможным примирить интересы рас.

Маори, полинезийцы, которые проделали путь по Тихому океану в Средние века, чтобы колонизовать Ао-Тео-Роа, землю Большого Белого Облака, были воинственными людьми. Абель Тасман обнаружил в месте, названном им Новой Зеландией в 1642 г., что недвусмысленная цель местных жителей — убить и съесть его, причем необязательно именно в таком порядке. Капитана Кука «приветствовали» в том же духе, хотя маори считали его моряков богами, их оружейную стрельбу ударами грома, а «Индевор» — китом с белыми плавниками.

Европейцы, которые установили слабый контакт с Новой Зеландией после 1769 г. через исследователей, торговцев, китоловов, охотников на тюленей и т.д., тоже плели фантастические леген-

ды вокруг маори. Лица аборигенов украшали синие татуировки, тела они раскрашивали красной охрой, также для украшений использовались белые перья бакланов и зеленые вулканические породы — порфирит и нефрит. Привлекали внимание томагавки, словно бы объявившиеся из периода неолита, ожерелья из человеческих зубов. Маори становились демонами в тысячах рассказов о южных морях — обнаженные гротескные фигуры на фоне экзотического ландшафта из горных пиков, невероятных фьордов, извергающихся вулканов, густых лесов, в которых ветви переплетаются друг с другом, ледяных потоков, покрытых травой долин.

На самом деле маори (количество которых, согласно оценке Кука, составляло 100 000 человек) были хорошо адаптированы к своей окружающей среде. Хотя им не хватало политической сплоченности и связей, имелись тесные и сплоченные роды, которые могли противостоять сильному вмешательству. У них не было письма, металла, скота и корыстолюбия. Зато у аборигенов имелся очень богатый устный фольклор. Они практиковали магические ритуалы с заклинаниями («каракия»), уважали авторитет вождей и жили с детства до старости, окруженные облаком «тапу» (или табу, священных предписаний).

Для удовлетворения потребностей аборигенами использовались деревянные лопаты, обсидиановые тесла, костяные крючки для ловли рыбы и копья с наконечниками, на которые были насажены острые хвосты ската. Более того, маори оказались умелыми торговцами, быстро выучили все хитрости европейцев и вдобавок придумали свои собственные.

Вначале они продавали лесоматериалы и лен, затем картофель и свинину, в дальнейшем — несколько видов зерновых (большая его часть экспортировалась в Новый Южный Уэльс). До трех тонн льна платили за старый мушкет — возможно с американским гербом, поставленным поверх клейма лондонского Тауэра (это означало, что мушкет, скорее всего, сдали в Йорктауне).

Вооружившись мушкетами, маори стали внушающими опасение воинами. Самым внушительным был Хонги, вождь племени нгапухи, у которого имелись наполеоновские замашки. Этот маори сражался в доспехах, врученных ему королем Георгом IV.

Аборигены привыкли к междоусобным конфликтам и проводили свою жизнь «в битвах, убийствах и кровавых зверствах самого ужасающего характера, которые смешивались с самым героическим самопожертвованием и рыцарской смелостью». Но стрельба оказалась более разрушительной лишь до тех пор, пока не было достигнуто равновесие сил в 1830 г. Маори даже вовлекли белых в свои враждебные действия. Племя нгатиава заставило капитана торгового брига «Родни» доставить боевой отряд на острова Чатем,

расположенные в четырехстах пятидесяти милях в Тихом океане. Большинство обитателей этих островов были убиты и съедены.

Но и сами маори часто становились жертвами первых европейских исследователей Новой Зеландии. Последние, по словам одного первопроходца, жили в полтора раза лучше, чем дикари, и были гораздо большими дикарями, чем местное население¹⁴⁴.

Самыми яростными из всех оказались сквернословящие, пропитанные ромом, отмеченные оспинами «рыцари гарпуна»¹⁴⁵. Многие из них приезжали из Америки, которая владела крупнейшим китобойным флотом в мире. Их работа была невероятно тяжелой, опасной и отвратительной. Они убивали копьями левиафанов, размером в двадцать пять раз превышающих слона. Из них извлекался жир для уличных фонарей, спермацет для свеч, китовый ус для корсетов и амбра (шедшая на вес золота) для парфюмерии. Их китобойные базы, на которых поработали маори и по бартеру меняли «Мессалин из аборигенов»¹⁴⁶, распространялись, словно неприличная болезнь по фьордам Новой Зеландии. Эти «миссионеры дьявола»¹⁴⁷ были виновны в том, что преподобный Сэмюэль Марсден, самопровозглашенный «маяк для благочестивых в австралийском борделе преступников»¹⁴⁸, назвал бессмысленной жестокостью, грабежами и убийствами местных жителей¹⁴⁹. В начале своей службы этот бичующий проповедник пришел к выводу: Новая Зеландия полностью поработана Князем Тьмы. Ее может спасти только Евангелие.

Марсден, судя по всему, действительно высоко ценил маори, которые, несмотря на свои языческие зверства, были «благородной расой»¹⁵⁰. Один современник с удивлением обнаружил его сидящим в их грязных хижинах, «вдыхая невыносимую вонь. Он смотрел на их мерзкие обычаи, держась так, словно находился в кругу самых элегантных людей Европы»¹⁵¹. Казалось, что даже их привычку есть человеческую плоть проповедник-миссионер интерпретировал, как какой-то сакральный ритуал.

Однако Марсден не разделял точку зрения многих колониальных чиновников о том, что прежний, чистый дикарь испорчен цивилизацией, что «воин, который съел человека во время квази-религиозного акта, гораздо более уважаем, чем местный житель, выросший в городе и получивший образование в миссии»¹⁵². Он был предан делу обращения маори в веру и начал этот процесс с проповеди зычным, громоподобным голосом, которую прочитал на открытом воздухе в Рождество 1814 г. Импровизированная кафедра была сделана из части каноэ, выбитого из ствола дерева. С него Марсден обращался к четыремстам слушателям, которые сидели в сени «Юнион Джека» и белого миссионерского флага с крестом, голубем и оливковой ветвью.

Марсден заявил: «Я несу вам добрую весть, которая обеспечит большую радость». И это только мгновенно послужило началом боевого танца, который обычно исполнялся перед сражением или после победы.

Вначале добрая весть не возымела действия. Местные жители упорно настаивали, что их собственный бог создал Новую Зеландию, поймав ее, словно рыбу, тремя крючками на дне моря. Им даже удалось превратить из христианина в язычника одного из мрачных евангелистов Марсдена, носивших черные одежды, преподобного Томаса Кендалла. Его разум был соvrащен очевидной величественностью и возвышенностью¹⁵³ религиозных идей аборигенов. Кроме того, «его низкие страсти возбудились от возможности смешения рас».

Но Марсден, вероятно, считал себя Моисеем этой новой «земли обетованной». Его ничто не останавливало. Неудачи не обескураживали проповедника и не приводили в уныние. Когда маори заснули во время службы, из которой они не поняли ни слова, он заявил, что никогда не видел паству, которая бы вела себя так дисциплинированно.

Однако стало ясно, что самый верный способ к сердцам аборигенов пролетает через коммерцию. То, что маори готовы покупать и продавать все, подтвердило мнение Марсдена о том, что они являются одним из десяти потерянных колен Израилевых¹⁵⁴. А торговля принесет за собой цивилизацию. И она позволит Марсдену накопить сокровища как на земле, так и на небе.

Этот священнослужитель когда-то был кузнецом. Его голову словно вырубили топором, его отличала бочкообразная грудь и довольно большой живот. Марсден не всегда отличался честностью, порядочностью и щепетильностью в своих делах. Он, вероятно, продавал маори мушкеты, возможно, даже ром. Во всяком случае, однажды миссионер купил мумифицированную человеческую голову, а этот товар был объявлен вне закона губернатором Нового Южного Уэльса в 1831 г., поскольку торговцы стали приобретать головы с красивыми татуировками, все еще прикрепленные к плечам, после чего поставки быстро возросли.

Миссионеры, следовавшие за Марсденом, которых он часто критиковал за ошибки и грехи, были столь же бедными, как и сам он когда-то. Сидни Смит сказал знаменитую фразу о том, что «если ремесленник набожен, то обязательно отправляется на Восток»¹⁵⁵. Это не было шуткой, потому что его слова эхом повторил вице-консул на Таити, заявивший: «Миссионеры в Тихом океане — это группа ремесленников, у которых в Англии нет хлеба»¹⁵⁶. Соответственно они вели бизнес с маори, чтобы кормить свои семьи, покупали землю за топоры и ткани, оружие и прог.

На самом деле, миссионеры, которых было почти сто человек в 1831 г. (примерно треть белого населения) являлись колонистами ради Христа. А маори, которые хотели приобрести все ценное, что иностранцы («пакеха») могли предложить, стали приверженцами «карго-культа».

Однако положение миссионера ни в коем случае не было однозначным. Она соединяла теократические претензии и склонность к эксплуатации с искренним желанием, чтобы «Слово Божье действительно было прославлено среди новозеландцев»¹⁵⁷.

Новозеландцы признавали смесь мотивов, но они понимали, что миссионеры имели склонность рассматривать их в качестве существ низшей расы¹⁵⁸, и подозревали: проповедников отправили «приручать маори так, как объезжают дикую лошадь»¹⁵⁹. Они полагали, что конечная цель этих иноземных Божьих людей — освятить и оправдать их уничтожение. Подарки от белых людей одновременно деморализовали и соблазняли. Железные топоры увеличили количество убийств, особенно, среди своих. (Правда, как-то трудно согласовать ужасающие отчеты о насилии в семье с точно такими же подробными описаниями счастливой семейной жизни маори, их веселого и жизнерадостного характера, упоминаниями о странной манере тереться носами вместо поцелуя)¹⁶⁰.

Одеяло, которые впитывали влагу, было менее здоровыми, чем традиционный льняной плащ. Это стало особенно очевидно, когда маори переместились из своих крепостей на вершинах гор в болотистые низменности, чтобы вести дела с европейцами. Дальнее расстояние помогало им меньше заражаться импортированными болезнями, которые оказались смертельными в других местах.

От картофеля у маори появились «выступающие животы».

Христианская мораль тоже подрывала и разрушала их образ жизни. Объявление вне закона полигамии разрушало престиж мужчин и обеспеченность, чувство безопасности и уверенности в будущем у женщин. Запрет на каннибализм привел к недостатку протеина в их меню, хотя на самом-то деле маори не любили соленую и неприятную европейскую плоть. Обычно вожди удовлетворялись одним левым глазом врагов, местом жительства души¹⁶¹. А если говорить серьезнее, то отмена таких основных верований, как «мана» и «тапу», ослабила основы их культуры.

Но, как отмечал Чарльз Дарвин во время посещения Новой Зеландии в 1835 г., «урок миссионера — это палочка волшебника». Наибольшее впечатление на него произвел детский рождественский праздник в доме преподобного мистера Уильямса. Он никогда не видел более приятной или более веселой компании — и это происходило в «стране каннибализма, убийств и всяческих жутких преступлений»¹⁶².

С какой-то невероятной скоростью такие евангелисты делились научными знаниями, техническими навыками и человеческими ценностями. Дарвин думал, что они — хорошие люди, работающие ради хорошей цели, и подозревал: «Те, кто оскорбляет и насмехается над миссионерами, не хотят, чтобы местные жители стали нравственными и умными существами»¹⁶³.

Маори, которых шокировали такие обычаи белых, как порка и вальс, быстро обучились грамоте по Священному Писанию. Возможно, они относились к Библии, как к талисману, хотя в последовавших войнах они использовали ее страницы для изготовления пыжей, прося миссионеров о новых поставках. Однако Новый Завет, который перевели в 1830-е гг., все же стал их первой книгой.

Нет оснований сомневаться в желании маори иметь Священное Писание, потому что они платили за него продуктами питания, пока еще не умели читать. Например, в Туманном заливе преподобный Сэмюэль Айронсайд принял шестьсот «корзин картошки и маиса» (каждая — по цене в шесть пенсов или более) в обмен на «хлеб жизни».

«Думаю, что никогда не забуду этот момент. Это была бы великолепная сцена для художника! Несколько сотен новозеландцев, которые когда-то были каннибалами, напрягали глаза и тянулись ко мне и куче книг, пока шла их раздача. Они смотрели так, словно готовы были поглотить эту грудку»¹⁶⁴.

Христиане-маори, количество которых измерялось тысячами в 1840-е гг. (хотя миссионеры заявляли о большем количестве обращенных, чем все население), выиграли от обращения в веру. Иногда они играли в конкурирующие вероисповедания друг с другом, а иногда у них появлялись собственные культы: один включал ритуальное поедание ящериц, другой — жертвоприношение англиканского священнослужителя... Но обычно аборигены попадали под покровительство тех, кто увел их от язычества.

Миссионеры сопротивлялись «пакеха», которые пытались обобрать их паству, а еще больше — тем, кто мог аборигенов убить. Но, служа Богу и одновременно мамоне, они часто были глубоко разрушительны для колониального предприятия. «Христианский империализм» часто оказывался противоречивым в терминах.

В любом случае, к концу 1830-х гг. новообращенные маори на Новой Зеландии, как и прихлебатели и фавориты Стивена в Министерстве по делам колоний, стали поддерживать аннексию этих островов Британией. Двойной целью миссионеров было утверждение власти над местными жителями и защита их от эксплуатации, поскольку только правильно назначенное и составленное правительство могло обеспечить законность и порядок. Решающим станет и его контроль за любыми передачами земли маори.

Чтобы упредить вмешательство государства, «Новозеландская компания», которой отказали в праве колонизовать страну, начала мошенническую операцию по отбору земель в мае 1839 г. «Берите всю землю, которую сможете, — подбадривал Уэйкфилд. — Вы будете обладателями земли, ваше положение станет надежным»¹⁶⁵. Его брат Уильям соответственно купил двадцать миллионов акров (почти треть всей страны) за товары, стоимость которых составляла менее 9 000 фунтов стерлингов, включая двенадцать кисточек для бритья и шестьдесят красных ночных колпаков. Он прекрасно знал: маори, которые относятся к людям не как к собственникам, а как к гостям на земле, не привыкли к любым земельным сделкам в соответствии с европейскими понятиями¹⁶⁶. Уильям Уэйкфилд понимал, что аборигены не осознают, какое количество поселенцев прибудет в результате организованной эмиграции, разрекламированной компанией, рассказывающей о дешевой земле в стране неограниченных мечтаний, гигантских овощей и огромных банановых садов¹⁶⁷.

Однако Министерство по делам колоний тоже умело играть в упреждающую игру. Оно назначило губернатором Новой Зеландии грубого и резкого моряка капитана Уильяма Хобсона. Он обычно упоминал о «Новозеландской компании» так, словно она состояла из мошенников и обманщиков¹⁶⁸.

Хобсону поручили получить согласие маори на установление британской суверенной власти. Он прибыл в январе 1840 г. При помощи миссионеров губернатор убедил примерно пятьсот вождей подписать Договор Вайтанги (Воды Плача). Так корона действительно присвоила Новую Зеландию, хотя ни одно соглашение в колониальной истории не было столь двусмысленным и неопределенным. По сути, британцы верили, что приобретают власть в обмен на цивилизацию и защиту, а особенно — защиту прав на землю местных жителей. Маори думали, что получают доступ к рогу изобилия белых, взамен давая туманное обещание о власти над собой. «Тень земли идет к королеве Виктории, — сделал оптимистичный вывод один вождь, — но ее суть остается с нами»¹⁶⁹.

Поскольку договаривающиеся стороны полагались скорее на добрую волю, а не на юридические точности, оказалось, что несмотря на некоторое раннее восстановление территории, в действительности все происходило наоборот. В основе Договора Вайтанги лежали два принципа — правление белых (изначально из Лондона, но как только станет возможным — из Окленда) и опекунов над местными жителями. Эти принципы оказалось невозможно примирить. С приходом большого количества поселенцев (между 1841 и 1861 гг. количество «пакеха» в Новой Зеландии выросло с 3 000

до 100 000 человек) усиливалось давление на Министерство по делам колоний, чтобы колонистам фактически дали землю.

«Новозеландская компания» распалила оппозицию Стивену на Даунинг-стрит, его воплощению в полушарии Антиподов (Хобсону) и их «парализующему влиянию» на колониальное предприятие¹⁷⁰. Постепенно компания лоббировала свою точку зрения. Стивен с горечью писал в своем дневнике: «Я ненавижу Новую Зеландию!»¹⁷¹

В 1846 г. Министерство по делам колоний признало: гарантии на землю, даваемые Договором Вайтанги, нельзя скрупулезно соблюдать, потому что это «препятствует разумной и спокойной колонизации»¹⁷². Один историк Новой Зеландии в 1890-е гг. объяснил ситуацию с жестокой простотой: «Миссионерам и чиновникам нельзя было позволить оставить плодородный архипелаг со здоровым климатом, размером превышающий Британию в собственности группы дикарей (не больше шестидесяти пяти тысяч в целом, как я полагаю), быстро уменьшающейся в числе»¹⁷³.

Такая жадность привела к стычкам в 1840-е гг. Антагонизм усилился в 1850-е гг., когда поселенцы получили провинциальную автономию под волевым губернаторством сэра Джорджа Грея. Один колонист заявил, что предпочтет, чтобы им правил «негр на месте, а не совет ангелов в Лондоне». Ведь первого-то можно обезглавить!¹⁷⁴

К этому времени количество белых превышало численность маори, и они приобрели примерно половину всей площади Новой Зеландии, платя по половине пенни за акр. Это был род римской оккупации страны, которая «во многом находилась в том же состоянии, в котором пребывала Британия, когда высадился Цезарь».

Более того, читатели Гиббона обнаружили: местные жители напоминают аттакотов, каннибалов из Каледонии, которым так нравился вкус человеческой плоти, что они атаковали пастухов, а не овец¹⁷⁵. Такие существа едва ли подходили для современного мира, и гибель маори казалась неизбежной и скорой. Один гуманист заметил: «Наш простой долг, как хороших и сочувствующих колонистов — поправить для них подушку умирающего»¹⁷⁶.

Но когда в 1860-е гг. началась война, маори показали, что ни в коей мере не отживают свой век — что угодно, только не это! Они защищались с мастерством Вобана и изобрели форму траншейной войны, которая могла бы кое-чему научить сэра Дугласа Хейга. Аборигены вполне соответствовали британским офицерам в качестве командования¹⁷⁷, нанеся серию унижительных ударов по противнику и заставив его отступать. В конце концов, местные войска не столько потерпели поражение, сколько были подавлены и деморализованы, столкнувшись с 18 000 британских солдат.

Британские войска отправили в ответ на преувеличенные отчеты об агрессии маори, которые передавал сэр Джордж Грей во время второго губернаторского срока. В нем жило яростное стремление опекать, поучать и вмешиваться, когда не просили. Губернатор Грей любил провоцировать дразнить гусей. Но Лондон негодовал из-за расходов, в особенности, когда поселенцы захватили новые участки территории у местных жителей. Поэтому войска оттянули (последние — в 1870 г.) А «пакеха» соединили свои местные правительства в централизованное государство, столицей которого стал Веллингтон. Его белые жители, самые английские из Джонов Буллей, которые считали свою страну сливками Британской империи¹⁷⁸, после отплытия британских легионов чувствовали, что их предали.

Многие новые новозеландцы лелеяли основополагающий миф, который с готовностью продвигал Эдвард Гиббон Уэйкфилд, миф о том, что их колония — это реинкарнация старой доброй Англии. Отдаленная во времени и пространстве от метрополии с темными сатанинскими фабриками (от которых зависела экономика Новой Зеландии, экспортировавшей шерсть), Британия на крайнем юге казалась сельскими Елисейскими Полями. Она привлекла «самый ценный класс эмигрантов со времен основания поселений «кавалеров» (роялистов) в Делавере и Вирджинии»¹⁷⁹. Среди них были знатные семьи, землевладельцы, опытные ремесленники разных профессий, богословы, купцы и торговцы с хорошей репутацией. Иногда попадались офицеры в отставке, «старые усы», ушедшие со службы в Индии¹⁸⁰.

Новая Зеландия, этнически однородная, социально хорошо упорядоченная и нравственно целостная, должна была отразить господствующую колониальную тенденцию к американизации¹⁸¹. Такое сопротивление отражено в неопубликованном письме одного стесненного в средствах британского иммигранта Джорджа Торнхилла, который комментировал «постоянную лавину герцогов», прибывавших в 1890 г.: «Люди здесь гордятся своей демократичностью. Но поражает, сколько усилий они прилагают, чтобы увидеть какого-нибудь дворянского отпрыска. Только вчера большая толпа ждала, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на графа Кинтора, который проезжал мимо на пути в Данидин»¹⁸².

Если выразиться кратко, то Новая Зеландия была «колонией джентльменов»¹⁸³. Но этот миф о создании, который связывал страну с ее родительницей, находящейся через океаны, одновременно отрицал любую связь с преступной «сестрой», отделенной всего лишь Тасмановым морем.

Однако легенда уравнивалась мощным контр-легендой.

В нем содержалось столько же (если не больше) правды. Он представлял Новую Зеландию, как «новую Британию»¹⁸⁴, страну будущего, а не прошлого. Несмотря на деревянные коробки домов¹⁸⁵, которые уродовали Крайстчерч, грубые строения Кентербери¹⁸⁶ и убогие и грязные лагеря золотодобытчиков в Отаго, здесь царил прогрессирующий рай. Большинство первопроходцев этих мест были шотландцами с прямой осанкой и ирландцами с твердыми кулаками. Другие напоминали «вариант англосаксонской расы из Кентукки»¹⁸⁷.

Все эти первопроходцы были эгалитаристами. Они враждебно относились к практике чаевых и плохо подходили для работы домашней прислуги. Это была колония людей, которые не считали ливрейного лакея необходимым атрибутом. «Они, как выпускники Оксфорда, не стали бы спасать тонущего человека только потому, что не были с ним представлены друг другу». Снобы там были не к месту, как «танцующая собака во время охоты на лис»¹⁸⁸.

Даже этническая гордость оказалась неприемлемой для тех, кто хотел, чтобы все было по-новому. Смесь крови белых людей и маори создаст прекрасный новый народ. Один сторонник смешения рас сделал вывод: «Каждый день становится все более вероятным, что когда-то провидческая надежда Гиббона будет реализована, и Юм южного полушария появится среди рас каннибалов Новой Зеландии»¹⁸⁹.

Сэмюэль Батлер, который читал «Упадок и разрушение» на пути в Новую Зеландию (особенно рекомендуя тома второй и третий для тех, кто собирается принять постриг), построил свой роман «Эдгин» на жизненных ситуациях этой южной Утопии. Автор сочувствовал молодым радикалам: «По прибытии они были так рады перспективе неограниченной и свободной жизни, открывавшейся перед ними, что чувствовали необходимым сделать какой-то жест презрения к условностям, которые оставили позади. Поэтому в первый вечер на берегу поселенцы развели огромный костер, бросили в него свои цилиндры и фракы. Они танцевали, выстроившись кольцом вокруг горящего огня»¹⁹⁰.

Понятно, что такие эмигранты (как и все колонисты, по словам сэра Джеймса Стивена, исключенные из кошмара кастовой системы)¹⁹¹ стремились, чтобы Новую Зеландию признали отдельной страной. Однако парадоксально то, что они еще больше негодовали, когда Британия оставила их в одиночестве сражаться с маори.

Бегство имперских орлов стало важным и зловещим событием, которое, судя по всему, предвещало болезнь британского льва. Рифмоплет Мартин Таппер в неповторимой манере создал идею возмужалой и сильной Новой Зеландии, которая преуспеет в мире, перевернутом вверх тормашками.

Даже если в ужасную Книгу Судьбы
Альбион наш суровый записан давно,
Оксфорд с Лондоном выживут после борьбы,
Здесь, на юге, увянуть им не суждено!¹⁹²

Знаменитая фантазия Маколея о каком-то будущем путешественнике из Новой Зеландии, который «встанет на сломанном пролете Лондонского моста, чтобы нарисовать руины собора Святого Павла»¹⁹³, впервые опробованная во время посещения Рима в подражание Гиббону¹⁹⁴, так часто повторялся, что стал предметом пародий. Когда из-за землетрясения в 1855 г. пострадал Веллингтон, одна австралийская газета представила лондонца-кокни, глядящего на его руины.

Позитивист Фредерик Гаррисон предложил особенно искусную вариацию темы Маколея. Он выступал за создание британской Помпеи, подземного города под Скиддау или Стоунхенджем, чтобы сохранить сокровища и мелочи жизни из каждой области. Эта капсула для потомков содержала бы картины, фотографии, инструменты, энциклопедии, промышленные товары, железнодорожные атласы Брэдшоу, альманахи Уайтакера и переписку мистера Гладстона (для которой потребовался бы целый сейф). Все это приведет в транс путешественника из Новой Зеландии, который тысячелетие спустя «припаркует свой электрический воздушный шар на последнем сломанном пролете Лондонского моста»¹⁹⁵.

Видя рассвет сияющей и блестящей судьбы, новозеландцы, как белые поселенцы в других британских владениях, говорили о Декларации независимости. Они даже раздумывали об обратиться о присоединении к более энергичной цивилизации США.

Британия середины викторианской эпохи приняла идею самоликвидирующейся империи. Когда колонисты стали настаивать на «независимости по форме и названию, что уже имелось в реальности», как риторически сказал сэр Джеймс Стивен, встал вопрос: «Есть ли среди нас человек, который выстрелит хоть из одной пушки... Да нет, не из пушки... Кто сумеет просто чиркнуть одной спичкой, чтобы этому противостоять?!»¹⁹⁶

Глава 4

«Останавливаться опасно, отступать губительно» Дальний Восток и Афганистан

В сентябре 1839 г. сэр Джеймс Стивен отметил, что «последние шесть месяцев живет, словно в торнадо»¹. Он не только пытался создать британскую Новую Зеландию, хотя на его взгляд это было не лучшим решением, но и боролся со штормами в других местах империи. Аден был аннексирован в январе, а Синд стал протекторатом в феврале. Проблемы начинались в Гибралтаре, на Мальте, Ионических островах, в Капской колонии, на Цейлоне и Ямайке, в Канаде и Австралии. Война угрожала в Бирме, имелись опасения столкновения с Францией в Персидском заливе.

Эти опасности осложнялась кризисом в Леванте, который являлся результатом восстания Египта против Османской империи, теперь ставшей «больным Европы».

Более того, два конфликта уже разгорелись. Британия была задействована в первых стычках Опиумной войны против Китая, целью которой являлось открытие самого густонаселенного рынка на Земле. Началась и Первая Афганская война. Ее целью было не давать ходу русскому медведю и держать в страхе гималайские племена.

Как было сказано в одной статье в «Эйша мэгэзин», «чувствуется, что безопасность нашей империи будет безвозвратно поставлена под угрозу, когда бы мы ни оказались вынуждены, как Римская империя в период заката, откупаться от варваров на нашей границе»².

Оборона неизбежно означала атаку. По странному парадоксу, в первой половине царствования королевы Виктории, во время самого низкого уровня энтузиазма по отношению к колониям и зависимым территориям, произошли, как выразился один из ее подданных, самые большие шаги вперед в завоеваниях со времен Юлия Цезаря³. В этот период Британская империя увеличивалась в среднем на 100 000 квадратных миль в год. Это почти тот же уровень экспансии, что и в конце XIX века, который обычно считается золотым веком территориальных захватов.

Да, политика движения вперед ни в коей мере не была последовательной. Британская империя завоевывалась (а в дальнейшем и была потеряна) случайно, наудачу, необдуманно и по кускам.

Случались серьезные отступления назад и проблемы — например, восстание сипаев в Индии. Они казались предвестниками краха империи. Более того, наблюдатели, расположившиеся в удачных местах, считали, что процесс укрупнения поддерживать невозможно, он нежелателен. Сам Стивен писал в 1843 г.: «Мы необдуманно увеличиваем и рассредоточиваем нашу колониальную империю во всех направлениях, создаем потребность в военно-морских и сухопутных силах, которую невозможно удовлетворить, кроме как ослабив эти силы там, где их присутствие наиболее необходимо».

Но, несмотря на всю проницательность этого анализа, начинала существовать огромная и разнородная империя, подобной которой мир никогда не видел. В сравнении с этим разношерстным запутанным узором, Рим плел бесшовную паутину.

Британская империя представляла собой такую мешанину, что некоторые авторитеты заявляют, будто на самом деле она никогда не существовала. Она приобреталась в результате завоеваний, заселения, уступок и другими способами, разнообразие которых приводит в замешательство.

Бомбей являлся частью королевского приданого, Фритаун купила группа британских филантропов, большую часть Гонконга отдали в аренду, Кипр держали по лицензии, Новые Гебриды являлись частью англо-французского «кондоминиума». В империи не было юридической последовательности: англичане несли с собой свои законы в колонии, где поселялись. Однако римско-голландское право сохранилось в Капской колонии, на Цейлоне и в Британской Гвиане. Вариации французского права превалировали в Нижней Канаде, на Сент-Люсии, Маврикии и Сейшелах. На Тринидаде действовало испанское право, на Гельголанде — датское, на Мальте — мальтийский кодекс, а Кипр держался за старое турецкое право (даже после того, как Стамбул его изменил).

Не наблюдалось и юридической беспристрастности. Естественно, «все люди равны перед законом». Но, один министр по делам колоний писал, не покраснев: «Ошибочно предполагать, что вы можете относиться к китайцам так, словно это англичане»⁴.

Министерство по делам колоний не имело монополии на власть в империи. Его решения в любой момент могли отменить Адмиралтейство, Военное министерство, Министерство по делам Индии, Министерство торговли, Министерство иностранных дел и казначейство. Последний из этих департаментов часто получал решающее слово, хотя его усилия по навязыванию «жесткой экономики» не всегда оказывались успешными. Когда казначейство фактически попыталось урезать количество выделяемой Министерству по делам колонии бумаги, то получило находчивый ответ,

который положил конец попыткам: «Ни один джентльмен не будет писать другому на половине листа бумаги»⁵.

На практике оказывалось, что человек на месте более могуществен, чем его теоретические начальники дома. Даже говорили, что империю не столько толкают из центра, сколько вытягивают с краев. Ведь имелась масса случаев, когда «собака метрополии махала своим колониальным хвостом»⁶. Особенно оголтелый пример имел место в 1848 г., когда полностью по собственной инициативе полубезумный сэр Гарри Смит аннексировал «британскую Кафрарию», большой регион к югу от Драконовых гор, поставил ногу на шею местного правителя и провозгласил: «Я — ваш верховный вождь, а кафры — мои собаки!»⁷ Чтобы подчеркнуть свое заявление, он взорвал фургон со взрывчаткой перед глазами двух тысяч аборигенов.

Местные администрации иногда были такими же эксцентричными, как и губернаторы. Различными путями Канада, Австралия и Новая Зеландия фактически управляли своими делами. «Ост-Индийская компания» номинально правила Индостаном и удерживала экономическое влияние между мысом Доброй Надежды и мысом Горн. Как сказал Маколей, это было «самое странное из всех правительств, но оно оказалось придуманным для самой странной из всех империй»⁸.

В Индии имелось около 560 удельных княжеств. Их раджам часто «давали советы» британские резиденты. А у подчиненных округов имелись дополнительные обязанности. Например, Бомбей осуществлял надзор за Аденом и британским представительством в Занзибаре. Бенгалия держала власть от Пешавара до Рангуна. Другие получившие патенты компании тоже получали владения и подвластные сферы на Борнео, в Нигерии и Родезии.

«Колонии короны», полученные в результате войны, договора или оккупации (например, Британская Гвиана, Тринидад, Фолкленды, Мальта, Капская колония и Цейлон), более или менее деспотично управлялись британским губернатором. Протектораты (Золотой Берег, Уганда, Восточная Африка и разнообразные острова в Тихом океане) представляли собой промежуточную стадию между альянсом и суверенитетом. Правда, даже Министерство по делам колоний «точно не знало, что это означает»⁹. На островах Тристан-да-Кунья, хотя ими правили миссионеры, вообще не имелось никакой формальной администрации.

Благодаря своей торговой и военно-морской мощи Британия получила еще более туманную власть над государствами-сателлитами в Южной Америке, Азии и других местах. Средиземное море, как отмечалось выше, фактически было британским озером. С 1814 по 1846 гг. генеральный консул в Триполи, полковник

Ганмер Уоррингтон, являлся «во всех смыслах министром иностранных дел паши»¹⁰. Лорда Стратфорда де Редклиффа называли «великий элчи» (посол) при дворе султана в Константинополе. Он обладал почти деспотической властью между 1841 и 1857 гг., устанавливая свои собственные законы и имея собственного тюремщика¹¹.

Даже США были втянуты в орбиту Великобритании в XIX веке. «Мы представляем собой часть (и большую часть) Великобритании, которой, как кажется ясным, суждено править этой планетой», — писала «Нью-Йорк таймс»¹².

Хотя некоторые историки говорили о призрачной связи с зависимыми государствами, как о «неформальной империи»¹³ Британии, она в меньшей мере представляла собой ядро власти, чем сферу влияния. Ее сила варьировалась в зависимости от обстоятельств. Часто Великобритания имела лишь фантомную гегемонию.

Более существенными становились прямые формы контроля, навязываемые потеющими консулами на Нигере, наследными белыми раджами Саравака или капитанами военно-морского флота, который командовал островом Вознесения. (Остров Адмиралтейство называло как корабль — «каменный фрегат»)¹⁴. Если вкратце, то это была империя аномалий.

Однако это была империя. Она признавала верховенство британской короны и Парламента в Вестминстера. И ее целью было продвижение истинных интересов страны, над которой, по выражению лорда Палмерстона, никогда не заходит солнце.

Британия была, по сути, заинтересована в политических преимуществах и коммерческой выгоде. А это, в свою очередь, увеличивало силу и рост. Сила и богатство были основой, базой империи. Но мировая сеть оказалась очень непрочной. Британцы часто предполагали: если порвется одно звено, то может разойтись и вся ткань. Соответственно, строители империи всегда были склонны к продвижению вперед. Они страстно желали поставить бастион здесь, отщипнуть плацдарм там, захватить инициативу где-то еще. Как сэр Чарльз Меткалф, они эхом повторяли афоризм Клайва: «Останавливаться опасно, отступать губительно»¹⁵.

Конечно, они имели многочисленные возвышенные оправдания имперской экспансии. Христианство и цивилизация следовали за «Юнион Джеком», поскольку в долгом марше за улучшение мира Британия была определенно выбрана на лидирующую позицию. «Блэквудс мэгэзин» испытывал благоговейный трепет от несравненной грандиозности имперского положения страны в 1843 г. Верилось, что «Британии суждено по воле Всемогущего стать инструментом для проведения в жизнь высоких и чистых скрытых замыслов в отношении человечества»¹⁶.

Да, циники вроде сэра Уильяма Моулсмита говорили: люди, заявляющие о продвижении гуманности за счет варварства, обычно имеют в виду «снаряды и картечь, сожжение и разрушение городов на местах и общую бойню их обитателей»¹⁷. Но, хотя такая критика иногда попадала в точку, лишь очень немногие сомневались, что судьба страны связана с проповедью прогресса. Даже радикалы, враждебно настроенные к империализму (например, Кобден и Голдвин Смит), не хотели разбирать империю на части. А политики, которые сожалели обо всем беспокойстве, проблемах и стоимости, считали: это необходимо для величия Великобритании.

«Существенная потеря колоний уменьшила бы нашу значимость в мире, — говорил лорд Джон Рассел. — И стервятники скоро соберутся бы, чтобы отобрать у нас другие части нашей империи, оскорбить нас. А этого мы не сможем вынести»¹⁸.

Совершенно не терпел оскорблений лорд Палмерстон, крупнейший поборник агрессивной зарубежной политики в первую половину викторианской эпохи. Разделяя взгляды Маколея в том, что «торговать с цивилизованными людьми бесконечно более прибыльно, чем править дикарями»¹⁹, Палмерстон считал: важнее развивать торговлю, а не приобретать территорию. Но иногда одно дело включало другое. И как бы там ни было, он руководствовался одним безупречным мотивом: «Интересы Англии — это Полярная звезда»²⁰.

Палмерстон, щеголь периода Регентства, который доминировал в большинстве правительств раннего периода викторианской эпохи, оставаясь премьер-министром большую часть времени до своей смерти в 1865 г., в молодости имел кличку «лорд Купидон». Это было отданием должного его любвеобильной натуре. Правда, Палмерстон не всегда мог оставаться в рамках приличий. В 1837 г. он попытался совратить (возможно, даже изнасиловать) одну из фрейлин в Виндзорском замке. Из-за этого у него начались серьезные проблемы с девственной королевой. Монархиня не одобряла и тот своевольный и властный способ, которым Палмерстон вел международные дела.

Он был знатной особой из «вигов», склонялся к популизму, негодовал из-за монаршего вмешательства, восстановил против себя принца Альберта и посоветовал монархине ограничить международную корреспонденцию семейными сплетнями. Палмерстон столь же резко обходился со своими коллегами по кабинету, которые часто приходили в ужас от яростности его высказываний, от опрометчивости и необдуманности его поведения. В роли премьер-министра лорд Мельбурн начинал многие предложения в своих письмах министру иностранных дел словами: «Ради Бога, не надо...»²¹

Однако британскому электорату нравилась резкая манера обращения «лорда Пемзы» с чужестранными монархами и влиятельными лицами. Среди других он оскорбил папу, который так хвалил светское правление, что, как предполагал Палмерстон, «не стал бы открывать ворота Рая, пока не сможет устроить какой-то маленький ад на земле»²².

Кроме того, Палмерстон оскорблял людей, позволяя военным оркестрам играть в парках по воскресеньям. Священнослужители жаловались, что он «относится к небесам, как к иностранной державе»²³.

Палмерстон был неизлечимо фривольным, но и чрезвычайно трудолюбивым, и неистово патриотичным. «Панч» писал, что он никогда не спит, хотя иногда «кладет голову на заряженную пушку»²⁴.

Эдвард Булвер-Литтон, автор «Последних дней Помпеи», говорил о Палмерстоне, как об «испорченном ребенке мамы Англии»²⁵. Когда у него бывает вспышка раздражения, он бьет всю посуду, а мама с гордостью говорит о его характере.

Палмерстон был бойким, лихим, щегольским, жизнерадостным, веселым и оптимистичным, сочетал в себе патрицианское презрение к шумным народным протестам и ругани с беспутной склонностью к игре на создание общественного мнения. Он олицетворял «человека с зонтиком на верху омнибуса». Премьер добавлял, что общественное мнение «обладает большей силой, чем бросок кавалерии или грохот артиллерии»²⁶.

Палмерстону никогда не аплодировали громче, чем когда он заставил Грецию выплатить компенсацию иберийскому еврею Дону Пацифико, который претендовал на британское гражданство, поскольку родился в Гибралтаре, за ущерб, нанесенный его собственности в Афинах во время антисемитских выступлений. Завершая бравадную парламентскую защиту своей дипломатии канонерок в 1850 г., Палмерстон выступил с памятным заявлением о том, что «как римлянин в старые времена оставался свободным от унижения, когда мог сказать «я — римский гражданин», так и британский подданный, в какой стране он бы ни находился, должен чувствовать уверенность: внимательный глаз и сильная рука Англии защитят его от несправедливости и зла»²⁷.

Менее известна эффектная концовка речи Маколея в Палате общин, которая прозвучала раньше речи Палмерстона на целое десятилетие. Он тоже прославлял достижения своей страны в том, что «имя англичанина стало столь же уважаемым, как когда-то было имя римского гражданина»²⁸.

Маколей в то время являлся военным министром, он пытался оправдать политику Великобритании в отношении Китая. Это

привело к Опиумной войне (1839—42 гг.), характерному примеру драчливости и неуживчивости Палмерстона. В результате она дала небольшую прибавку территории и большой прирост влияния Британской империи.

Целью войны, по словам оппозиции, была защита британских дельцов, занимающихся незаконной торговлей наркотиками. Это деморализовало бесчисленное количество китайцев. В ответе Маколею молодой У.Ю.Гладстон сказал: Англию уважали из-за ее флага, который всегда реял над делом справедливости, но война за оборону этого «позорного контрабандного трафика» покрыла всю страну позором²⁹. Он даже предположил: поскольку у китайцев не было оружия, способного изгнать врагов, они вполне могут пойти на отравление британских колодцев.

Палмерстон использовал это неуместное замечание в своей собственной речи, добавив: задачей его страны не является сохранение «нравственности китайцев, которые склонны покупать то, что другие люди склонны продавать им»³⁰. Но правильно сохранять законный бизнес и законную собственность британских купцов в Кантоне.

Расширение торговли, как считал министр иностранных дел, было равноценно продвижению цивилизации. С точки зрения Пекина все обстояло как раз наоборот. Это был спорный вопрос между незрелой Британской империей и древней Поднебесной империей. Большая ирония заключалась в сердце их долгой борьбы: каждая империя считала другую полностью варварской.

Китай, где Конфуций учил философии, когда Рим еще был деревней, где порох изобрели, когда в Европе еще было средневековье, где Хубилай-хан царствовал над крупнейшей империей из когда-либо виденных, когда Эдуард I сражался с разьединенным королевством, теперь казался британцам безнадежно отсталым. Им восхищались на Западе в период Просвещения, когда на пике была мода на китайские безделушки. Но в дальнейшем его предали презрению за континентальную замкнутость, так называемую ментальность Великой Стены.

Срединное царство отвергало все попытки завязывания отношений Британией после первой дипломатической миссии, возглавляемой лордом Макартни в 1793 г. В отчетах этого знаменитого посольства китайцы представлены, как очень вежливые и гостеприимные деревенщины, которые плюют на ковер и открыто ищут на теле паразитов, коих затем со вкусом съедают. Они не смогли осознать ценность английских подарков, врученных учтивому и обходительному, но безжалостному восьмидесятилетнему императору Цян Луну. Карету никогда не использовали, потому что Сын Неба не мог сидеть ниже своего кучера. От механичес-

кого планетария отмахнулись, как от глупой игрушки, карту мира отвергли на основании того, что Китай там изображен слишком маленьким и не в середине. [Картографические претензии оказывались почти такими же обычными, как расовые. В центре Средиземноморья Рим был главой мира. Средневековые христиане, чьи географические карты геометрически имели форму буквы «Т» внутри «О», ставили Иерусалим в центре мира. Британия стала гордиться своим положением с 1767 г. Тогда «Морской альманах» установил Гринвич первым меридианом долготы. Это получило международную ратификацию в 1884 г. Имперские картографы, пользуясь меркаторской проекцией, увеличивали размеры Соединенного Королевства. В 1944 г. американцы призвали к тому, чтобы их карты отражали новое распределение сил, поставив США географически в центр мира. — *Прим. авт.*]

«Непроницаемые жители Поднебесной»³¹ были невыносимо покровительственны по отношению к большеносым, краснолицым и одетым в обтягивающие одежды «варварам». Макартни и лорд Амхёрст, который последовал за ним в Запретный Город в 1816 г., явно не знали, как себя вести, потому что отказывались низко кланяться его императорскому величеству. Такие неотесанные посетители не могли понять: Срединное царство, которое властвовало от Каспийского моря до архипелага Рюкю, от озера Байкал до Бенгальского и Сиамского заливов, было «единственной цивилизацией под небом»³². [Географические упоминания о Байкале и Каспии — это видение исключительно автора книги. — *Прим. ред.*]

Взаимное непонимание усилило межрасовое презрение. Британцы испытывали отвращение к китайскому меню, которое включало змей, черепах, собак, кошек, летучих мышей, только что родившихся крыс (это блюдо называлось «медовые глазки») и сырые обезьяньи мозги. Но они сочли, что китайцы с готовностью станут покупать твид. Китайцы думали, что британцы выглядят, словно дьяволы, воняют, как трупы и, вероятно, имеют перепончатые ступни. Они также считали, что запрет на экспорт ревеня из Кантона может заставить Англию остановиться в развитии через эпидемию запоров.

Кантон был единственным морским путем в самодостаточную и высокомерную вселенную императора Дао Гуана. Иностранцам даже не позволяли заходить в сам город. Их приравнивали к купцам, которые пытались вести дела в Лондоне, только ограничивали им свободу передвижений в Ваппине (Гуанчжоу)³³. Там они оказывались фактически в тюрьме — на маленькой и приземистой фабрике, напоминающей гетто, между гранитными стенами Кантона и Жемчужной рекой (Чжуцзяном).

Этот широкий водный путь столь же активно использовался, как и Темза под Лондонским мостом. Чжуцзян был «водным миром»³⁴ сампанов, крытых соломой, быстроходных шхун, плавучих домов с овальными крышами, яликов парикмахеров, лихтеров с бочкообразными корпусами, баржей мандаринов, украшенных флагами, а также красно-черных джонок с одной мачтой и сплетенным из циновки парусом, с полуразвалившимися ютовыми надстройками, деревянными якорями, оснасткой из ротанга и огромными глазами, нарисованными на носу. (Последнее делалось для отпугивания морских змей).

На сорокамильном пути из Кантона к морю река петляла среди серых глинистых ровных участков, заливаемых при приливе и обнажаемых при отливе, мимо зеленых рисовых полей, разделяясь на лабиринт мелких каналов. Один из первых рукавов назывался «Лоб-Лоб-Крик», по нему в роскошно украшенных «цветочных лодках» скользили одетые в шелка проститутки, чтобы удовлетворять похоть³⁵ иностранных моряков. За этими сделками следили мандарины, которые брали обычную часть прибыли.

В нескольких милях вниз по течению, недалеко от острова Вампо, стояли у причала большие торговые суда. Среди них можно было увидеть плоскодонные, водоизмещением в тысячу тонн, принадлежащие «Ост-Индийской компании». Их украшали флаги с черно-белыми клетками и красно-белыми полосами, которые реяли среди леса мачт, стоек, подпорок и перекладин. С этих судов выгружали хлопок, шерсть, олово, свинец и серебро, а также часы, украшенные драгоценными камнями музыкальные шкатулки и другие редкие вещи и безделушки с часами, которые называли «синг-сонг».

Но основной поток судов шел между укрепленными защитными полосами, известными, как «Челюсти Тигра», а затем выливался в широкую дельту, охраняемую португальским анклавом Макао и скалистым часовым Гонконгом. Британские купцы оказывались словно бы засаженными в бутылку в единственном порту Кантоне, с жарким малярийным летом и влажными ревматическими зимами. Они подвергались ограничениям, вымогательствам и унижениям, постоянно имели разногласия и не ладили со своими хозяевами. Местные жители плевались, гикали, свистели, а также жестами ясно показывали, что они презирают, смеются над ними и ненавидят «заморских чертей» («фан Ки»).

Дела ухудшились, когда «Ост-Индийская компания» лишилась монополии на торговлю с Китаем в 1834 г. Частные торговцы сражались с муссонами на быстрых новых трехмачтовых клиперах, которые считались лучшими судами в мире³⁶. Они начали перевозить беспрецедентные количества опиума из Индии.

Обычно капитаны не хотели сами заниматься контрабандой. Поэтому недалеко от китайского берега они переправляли ящики из мангового дерева (к 1840 г. — сорок тысяч, и в каждом из них было по сорок коричневых брусков опиума размером с человеческую голову) на узкие обтекаемые суда, известные под названиями «взлетающие драконы» или «быстрые крабы»³⁷. На них было по три мачты, в также пятьдесят или шестьдесят весел. Они передвигались быстро, несмотря на тяжелое вооружение и железные сетки, спроектированные для защиты от пушечных ядер. Поговаривали, будто у них есть «приклеенные крылья»³⁸. Экипажи состояли их жителей Кантона, живущих в лодках, которых называли «паразиты на земле, настоящие драконы на воде»³⁹.

Китайцы платили британцам за опиум серебром, тем же самым металлом, которым сами британцы платили китайцам за их собственный «наркотик», вызывающий сильное привыкание — чай. Он стал «жизненной необходимостью»⁴⁰ в Британии, где ежегодно потреблялось тридцать миллионов фунтов чая на сумму свыше 2 миллионов фунтов стерлингов.

Поэтому весы для драгоценных металлов, которые сильно крепились в сторону Китая до 1830-х гг., теперь склонялись в пользу Британии. По словам одного памфлетиста того времени, это позволяло Индии «увеличить в десять раз потребление британских товаров, поддерживать огромное здание британской власти на Востоке и, путем операций по обмену и переводу денег за чай и другие китайские продукты, вливать огромную прибыль в британское казначейство. В результате британская нация ежегодно получала шесть миллионов»⁴¹.

Чайные пошлины составляли десятую часть национального дохода, достаточную для финансирования половины Королевского ВМФ. Сами британцы в виде стимулятора использовали черный чай «конгоу», в то время как китайцы травились маком.

Опиум, известный, как снотворное, египтянам, грекам и римлянам, имел много свойств. Он мог действовать, как болеутоляющее, успокоительное, афродизиак, продлевал эрекцию и эякуляцию. Опиум возбуждал воображение тех, кто, подобно Томасу де Куинси, погружался в «пропасть божественной радости»⁴².

Британцы, которые позволяли свободную продажу опиума дома, явно не относились к наркотику серьезно. Они утверждали, что жалобы Пекина на его разлагающее и развращающее действие являются ложными и скрывают страхи перед усилением британской мощи и потерями китайского серебра — «идола их истинного поклонения»⁴³. Англичане одобрительно сравнивали действие опиума на китайцев с действием джина на своих соотечественников. Некоторые даже заявляли: «Опий осуществлял важную миссию успо-

коения китайца и погружения его во временное забытие». Человек забывал о зле, которое его окружало, о проблемах, которые ему досаждали. Наркотик «вводил в заблуждение его душу при помощи видений Рая, где бегают жареные щенки и крысы; где можно есть птиц прямо из гнезд, а у всех женщин маленькие ступни»⁴⁴.

Это обман и ложь. Бёрк справедливо осуждал торговлю опиумом, которую называл «контрабандной авантюрой», а также «большим позором для британцев в Индии»⁴⁵. А доктор Арнольд из Регби сказал: навязывание наркотика Китаю было «национальным грехом самого большого из возможных размаха»⁴⁶.

Обычно опиум давал ужасающие последствия для потребителей. Они страдали от расстройства пищеварения, истощения, крайней худобы, вялости и апатии. Кожа становилась бледной и землистой, зубы чернели, мозг затуманивался. Под конец наркоманы превращались в «ходячие скелеты»⁴⁷.

Более того, от зависимости было не избавиться без «извиваний всем телом, пульсирующей боли, учащенного сердцебиения и чувства разбитости всего тела». Это испытал де Куинси⁴⁸.

Император Дао Гуан (Божественная Правота) опасался, что его царство обеднеет, а подданные отупеют от наркотика. К опиуму пристрастились старшие дворцовые евнухи, а также целые подразделения армии, которые оказались неспособными к войне. Вся администрация Поднебесной развращалась и разлагалась, поскольку мандарины, если сами и не становились наркоманами, получали такую большую долю, что по сути являлись сообщниками наркоторговцев.

Свыше столетия императоры пытались покончить с курением опиума. В 1839 г. Дао Гуан отправил специального уполномоченного, Линь Цзэсюя, в Кантон, чтобы решить эту проблему раз и навсегда. Линь был невысоким человеком плотного телосложения, обладателем густых черных усов и длинной тонкой бородки. Он объявил о своих намерениях в письме (не переданном) королеве Виктории. «Порок распространился далеко и широко, — писал он, — и мы намерены навсегда покончить с этим вредоносным наркотиком». В качестве признания сверхчеловеческой силы Сына Неба королева была должна немедленно запретить производство опиума во всей Британской империи⁴⁹.

Вслед за этим посланием Линь казнил многих китайских наркоманов и устроил осаду торговых фабрик в Кантоне. Он заставил «заморских чертей», включая «дьяволов под цветистым американским флагом», сдать двадцать тысяч ящиков опиума на сумму 2 миллиона фунтов стерлингов. Свыше трети этого груза принадлежало ведущей британской фирме «Жардин, Матесон энд Ко». Так называемую «иностранную грязь» растворили в известняковых карьерах.

Купцы бежали в Макао, где во время празднования дня рождения королевы один из них стрелял из орудий, повредил китайский военный корабль и «создал великие впечатления»⁵⁰. Они даже удрали в Гонконг, но восстановление трафика опиума вызвало еще большие неприятности в дельте Жемчужной речи. Кульминацией стали два столкновения между фрегатом Королевского ВМФ, оснащенный 28 пушками, и джонками китайского военного флота, несколько из которых были потоплены.

Линь сообщил о славной победе императору. Палмерстон смог убедить Парламент: несмотря на морализаторство Гладстона, честь Британии поставлена на карту в защите свободной торговли. Он отверг мысль о том, что это имеет какое-то отношение к защите «подлого и незаконного трафика»⁵¹ наркотиков.

Историки склонны соглашаться, что опиум скорее был благоприятной возможностью, а не причиной войны. Однако Палмерстон был неискренним и изворотливым в аргументах и экстравагантным в требованиях компенсации для британских дилеров, занимавшихся наркотиками. Они бесконечно лоббировали свои интересы и были уверены⁵² в его молчаливом согласии, несмотря на осторожный рефрен: «Мои уши открыты, но мои губы запечатаны»⁵³.

Палмерстон прекрасно знал, что победа в борьбе за свободную торговлю увеличит трафик опиума, который составлял 40 процентов индийского экспорта и являлся «крупнейшим бизнесом того времени с каким-либо одним товаром»⁵⁴. На самом деле, торговля этим товаром, которую он убеждал китайцев легализовать, помогла оплатить войну. Она оказалась демонстрацией подавляющего технологического превосходства Британии. А Китай встретился со своей «Немезидой».

Это был колесный пароход с железными лопастями гребного колеса — первый, который обогнул мыс Доброй Надежды. Плавание оказалось эпическим. «Немезида» выпускала снаряды и гранаты. Хотя за плоское дно цеплялось больше крабов и прочих морских тварей, чем насчитывалось крепко держащихся за свои места сотрудников в Министерстве по делам колоний, это 630-тонное судно могло проташить на буксире военные корабли вверх по рекам и устроить хаос внутри Поднебесной.

Уполномоченный Линь сказал, что «дьявольский корабль с колесом» использует «языки пламени для работы машин, он идет очень быстро»⁵⁵. Некоторые его соотечественники думали, что судно движется благодаря работе ветряных мельниц или его тянут волю. Китайцы и в самом деле спроектировали колесные суда, которые двигались благодаря работникам, сидящим внутри корпуса и давящим на педали. Во всем остальном они полагались

на магические заклинания, жуткие маски, луки и стрелы, древние мушкеты с фитильным замком, заржавевшие пушки и обезьяны с привязанным к спинам фейерверком. Предполагалось, что после забрасывания их на британские суда обезьяны взорвут на них пороховые склады.

Поэтому британцы неизбежно одержали серию сокрушительных побед. Когда в Нанкине в 1842 г. подписывали договор, они смогли получить огромное возмещение убытков, включая компенсацию за уничтоженный опиум, коммерческие привилегии в пяти портах, в том числе — в Кантоне и Шанхае. Они также получили власть над Гонконгом.

После некоторых колебаний и возбужденных дискуссий правительство в Лондоне решило, что этот голый остров стоит сохранить в качестве исключения из обычных правил. Как сказал Джеймс Стивен, его оккупировали «не с видом на колонизацию, а по дипломатическим, коммерческим и военным причинам»⁵⁶.

Губернатор Гонконга оказывался в хорошем месте для наблюдения и для проникновения в Китай. Гавань делала остров военно-морской базой, уступающей только Сингапуру. Уже в 1842 г. вокруг него строились дороги шириной шестьдесят футов. Множились дома, магазины, бордели, игорные дома и опиумные притоны. Работал огромный китайский базар. Несмотря на тайфуны, пожары и малярию, такие смертоносные, что красивый жилой район Счастливой Долины вскоре превратился в кладбище⁵⁷, новая колония короны сразу же превзошла Макао. Оттуда владельцы магазинов бежали в Гонконг, словно крысы из разрушающегося дома⁵⁸.

Гонконг обещал стать «вторым после Калькутты важнейшим коммерческим городом с этой стороны от мыса Доброй Надежды»⁵⁹. «Панч» предсказывал, что его купцы вскоре «оденут императора Китая в рубашку из Манчестера, а при дворе будет есть ножами и вилками из Шеффилда».

Наркоторговля тоже следовала за флагом. Первым внушительным каменным зданием в Гонконге стало здание опиумного склада «Жардин, Матесон энд Ко». В течение десятилетия весь остров превратился в «некий склад для опиумной торговли»⁶⁰. Она оставалась незаконной с точки зрения Китая, что доставляло тайное удовольствие Александру Матесону. Он сказал своему поставщику из Бомбея сэру Джамсетджи Джиджибхою, что законная конкуренция урезала бы прибыли от трафика: «Чем больше ей сопутствует трудностей, тем лучше для вас и для нас. Мы всегда найдем пути и способы вести ее, несмотря на все препятствия»⁶¹.

Первый губернатор Гонконга сэр Генри Поттингер поощрял стратегию этих беспринципных тайпанов («великих менеджеров»). В дальнейшем Матесон писал: «Поттингер опубликовал

яростную прокламацию против контрабанды. Но я считаю, что, как и китайские указы, она ничего не значит и предназначена только для назидания или скорее удовлетворения святош [то есть евангелистов] в Англии. Сэр Генри никогда не собирался так действовать и, несомненно, сам считает это хорошей шуткой. Однако пропаганда удержит многие группы от спекуляции наркотиком, что пока хорошо»⁶².

Но от начала до конца роль Гонконга покрывалась официальным лицемерием. Британцы любили говорить, что колония — это «выигрышная позиция, с которой англосаксонская раса выполняет свою божественную миссию по продвижению европейской цивилизации на Восток». Иногда духовные и светские усилия были удобно связаны, им придавалась дополнительная пышность и величие ссылками на Рим. На латунной табличке, прикрепленной к закладному камню собора Сент-Джон говорилось: он «заложен губернатором сэром Джоном Дэвисом, славящимся достоинством проконсулов, в пятый день мартовских ид в десятый год правления королевы Виктории, 1847 г. н.э.»⁶³

Некоторые люди думали, что, приобретая Гонконг, Великобритания сделала зарубку «на Китае, как лесник делает на дереве, помечая его, чтобы срубить, когда будет удобно»⁶⁴. Однако свержение Сына Неба с Трона Дракона и привлечение масс китайцев на службу Британии стало вечной фантазией викторианцев. Ведь если бы желтые помощники усилили коричневых, то белая империя стала бы править миром.

Поэтому провидцы-империалисты, включая Киплинга, призывали к покорению Китая. Несомненно, он представлялся подходящим для этого. Поднебесная империя явно находилась в состоянии постоянного упадка — с упадочническим руководством, отживающей свой век бюрократией и застойной культурой. Китай страдал от перенаселения, ужасной системы крупного землевладения и идеологии крупных землевладельцев, а также от зарождающегося банкротства. Его мучили природные катастрофы — например, разливы Желтой реки (Хуанхэ), «печали Китая». Его раздирали смертельные конвульсии вроде Тайпинского восстания (1850—64 гг.), во время которого погибло больше людей, чем в Первую Мировую войну.

Однако Палмерсон хотел эксплуатировать Китай не для того, чтобы ускорить его крах, который, как он считал, ни в коем случае не является неизбежным. Привычка отождествлять древнюю монархию со «старым деревом, или старым человеком», как говорил премьер, это «неправильное использование метафор». Думать, что страна начнет увядать и умрет, как организм, — это «совершенно не философская ошибка»⁶⁵.

Китай мог показаться дальневосточным эквивалентом Турции, «больным человеком Азии». Но на самом деле это было государство, которое можно механически обновить. Торговые связи восстановят и улучшат Маньчжурскую империю, от этого выиграет и Британия. Однако китайцы упорно не желали сотрудничать, а Палмерстон надеялся заставить их увидеть разумность при помощи того, что называл «*argumentum Baculinum*» — аргументом палки⁶⁶.

Он получил свой шанс в 1856 г., когда власти Кантона захватили зарегистрированную в Великобритании лорчу (джонку) под названием «Эрроу» «среди бела дня, на заполненной якорной стоянке»⁶⁷. Они отправили в заключение ее китайскую команду.

Вероятно, матросы были контрабандистами или пиратами. Но их арест вызвал характерную вспышку воинственности у премьер-министра, от которого теперь слишком легко отмахивались, называя «старым размалеванным клоуном» со вставными зубами и крашеными усами. «Наглый варвар, держащий в руках власть в Кантоне, осквернил британский флаг, нарушил договор, предложил награды за головы британских подданных в этой части Китая и планировал их уничтожение убийством, покушениями и ядом»⁶⁸.

Последовали спорадические военные действия (которые прекратились из-за восстания сипаев в Индии). В 1860 г. в Пекин отправили военную экспедицию. Она включала французские силы и ее даже поддержали предположительно нейтральные американцы. Хотя США критиковали британский империализм, они агрессивно воспользовались открытой дверью Китая.

При помощи новых заряжающихся с казенной части орудий дверь сбили с петель. Китайцы оказали сильное сопротивление, которое было вознаграждено соответствующей кровавой бойней. Женщин насиловали, мужчин ритуально унижали. Их длинные косы отрезали и заставляли низко кланяться. Когда солдаты императора стали пытаться и убили пленных, британцы ответили сожжением летнего дворца. Его разрушение напомнило одному французскому офицеру «разграбление Рима»⁶⁹.

Несомненно, белые солдаты устроили оргию грабежей, достойную вестготов или гуннов. Но летний дворец (или Сад Идеальной Яркости) на самом деле в меньшей мере напоминал Рим, чем Версаль. Это был памятник не Королю-Солнцу, но брату Солнца — восточному божеству, которое затмевало всех других монархов на земле. Это был любимый дворец императора в парке, окруженном пятью милями гранита. Там находилась тысяча мостов, а здание словно бы провозглашало величие. Парк казался раем из декоративных каменных гор и водопадов, террас и храмов, кедровых рощ и озер, в которых цвели лотосы, украшенных драгоценными

камнями павильонов и золотых пагод. Эта была художественная галерея, фантастический театр, «имперский музей»⁷⁰. Виктор Гюго говорил о летнем дворце, как об одном из чудес света: «Постройте мечту из мрамора, яшмы, бронзы и фарфора; постройте ее драгоценными камнями; сделайте ее убежищем, гаремом, цитаделью; заполните богами и чудовищами; постройте лаком, эмалью, позолотите, украсьте, добавьте сады и пруды, фонтаны, из которых бьет вода и пена, лебедей, ибисов и павлинов. Сделайте ослепительную пещеру человеческого воображения...»⁷¹

Похоже, вид этой пещеры Аладдина привел войска в неистовство.

Как писал полковник Гарнет Уолсли, их души и тела «поглотила одна цель, и это был грабеж, грабеж...»⁷² Они прошли потоком сквозь массивные красные ворота, которые охраняли гигантские желтые львы (нетронутые, поскольку никто не осознал, что они сделаны из золота).

Солдаты отбросили в сторону нескольких евнухов, оставленных императором Сянь Феном, который сбежал в Джехол. Они ворвались в зал для аудиенций с мраморным полом, прошли по лабиринту дворов, наполненных маленькими сосенками, сказочными гротами, журчащими ручейками, зигзагообразными мостами и пахучими цветниками, и бросились в сокровищницы. И вышли оттуда, груженные жемчугами, рубинами, сапфирами, шелками, сатином и мехами. Грабители унесли все: слоновую кость, экраны из полированных кораллов, соболя накидки, филигранные ожерелья, золотые часы, хрустальные люстры, вазы, украшенные красным железняком и сердоликом, серебряные синг-сонги (на считывалось четыре тысячи музыкальных шкатулок) и бесценные предметы искусства всех сортов.

Личные покои императора оголили. Французы действовали бессистемно, просто предаваясь грабежу, англичане же оказались более методичны (и забрали в процессе некоторые из подарков Макартни, про которые китайцы забыли, включая планетарий). Они даже украли собак-пекинесов, священных для царствующих особ. Одну из них позже подарили королеве Виктории, она назвала ее Лути, что можно перевести как «Награбленное».

«Заморские черти» не ограничились грабежом. Они громили мебель, срывали со стен картины, выбрасывали зеркала из окон, стреляли по бронзовым единорогам, дурачились в императорских желтых одеждах, пририсовывали усы бесценным статуям. Гиббон писал о падении Константинополя: «Час грабежа более продуктивен, чем труд многих лет...»⁷³

Но глава британской миссии лорд Элгин, который руководил грабежом из Зала Неподкупности, решил, что он может наказать

Сянь Фена лично только сожжением летнего дворца. Отец Элгина грабил Парфенон и увез оттуда мрамор, а новость об осквернении дворца сыном вызвала большое негодование в Европе. Для Виктора Гюго и других претензии британцев на то, что они являются знаменосцами цивилизации, рассеялись с дымом летнего дворца. [Несмотря на разрушения, большая часть дворца сохранилась. Но китайцы разграбили то, что осталось. А камни, как в случае Колизея, были использованы для других проектов. В дальнейшем попытки реставрации привели к новым разрушениям, как и в Риме. Последней стадией падения летнего дворца стало его возрождение коммунистами под названием «Парк руин Яньмин Юаня». — Прим. авт.]

Гигантский погребальный костер, который покрыл Пекин пеленой пепла и стал предвестником краха Поднебесной империи, только утвердил подданных Сянь Фена в их мнении о варварах. Однако, как показывает вся их история, китайцы являются мастерами в умиротворении и ассимиляции захватчиков-варваров. Поэтому они достигли соглашения, открыли внутреннюю часть своей страны для иностранцев, легализовали торговлю опиумом и разрешили дипломатам из-за границы селиться в Пекине.

Дракон лег рядом со львом. «Мы можем аннексировать империю, если у нас будет настроение заняться второй Индией»⁷⁴, — писал Элгин задумчиво.

Но одной Индии оказалось достаточно. Палмерстон не хотел ничего, кроме стабильно и коммерчески устраивающей англичан Маньчжурской империи. Таким образом, как предлагал Александр Матесон, действительно получалось, что «Китай будет для нас еще одной Индией, но огромные гражданские и военные расходы на последнюю будут сэкономлены»⁷⁵.

Было достаточно, что «жестоким татарам» преподали урок, хотя он мог бы оказаться еще более действенным, как думал премьер-министр, если бы сожгли еще один дворец. Однако Палмерстон был «вполне очарован»⁷⁶ устроенным Элгином пожаром. По мнению премьера, это был не акт вандализма, а еще одна «показательная взбучка»⁷⁷, демонстрация мощи для всего мира, какую Рим устроил в Карфагене.

Так Джон Буль установил контроль над третьей частью человечества, которую с удовольствием называл «Джон Китаец». Гонконг пока еще не представлял большой ценности. Теперь он стал безопаснее из-за приобретения Цзюлуна, но его крошечное белое население оставалось уязвимым для тысяч китайцев, мигрировавших с материковой части. Многие из них были пиратами, объявленными вне закона лицами, гангстерами из триад и контрабандистами, занимающимися опиумом.

Город Виктория, разбросанный вдоль побережья среди опасного амфитеатра возвышенностей, оставался тихой заводью. Один разочарованный британский чиновник сравнил зеленые возвышенности острова с «сыром стилтон, покрытым плесенью», а скалистые вершины холмов с другой стороны водораздела «казались неграми, страдающими проказой»⁷⁸.

Даже Александр Матесон утратил веру в Гонконг, как колонию. «Он только значительно увеличивает наши расходы, нисколько не добавляя размера нашему бизнесу». Он думал, что остров может иметь какую-то ценность в качестве военной базы. Но как коммерческий центр, он менее прибылен, чем порты, открытые по договору для внешней торговли — особенно, эти «великие базы»⁷⁹, Кантон и Шанхай.

Там небольшие международные общины, включавшие французов, американцев и представителей других наций, которые наслаждались экстерриториальными преимуществами, завоеванными Британией, существовали в странном, искусственном, квази-колониальном состоянии.

Шанхай вскоре перегнал Кантон, став самым важным из этих гибридных поселений. Экспатрианты не теряли времени, создавая обычные аксессуары империи: клубы, церкви, масонские ложи, ипподромы, теннисные корты и общественные сады.

«Шанхайцы» могли собой гордиться. Их окружало множество слуг, которых они часто пинали или били руками. Многие обзавелись китайскими любовницами. Богатым источником англоязычных девушек была Епархиальная школа для местных девочек в Гонконге.

«Шанхайцы» любили поесть. Они обычно «начинали обед с густого супа и стаканчика шерри. Затем следовали одна или две закуски с шампанским; потом говядина, баранина, птица или бекон, еще шампанское или пиво. За этим — рис, приправленный карри, и ветчина. Потом шла дичь, за ней — пудинг, печенье, желе, жидкий заварной крем или бланманже и снова шампанское. Затем — сыр и салат, хлеб с маслом и стакан портвейна. Дальше (во многих случаях) — апельсины, финики, изюм и орехи с двумя или тремя стаканчиками сухого кларета или какого-то другого вина»⁸⁰.

Те, кто выдерживал эту диету, обычно пытались сохранить здоровье при помощи активных физических упражнений. Многие врачи прописывали езду верхом. Поэтому «шанхайцы» яростно скакали галопом по сельской местности и, как писал один английский дипломат, жертвовали «своими носами ради печени»⁸¹.

Китайцев возмущало такое поведение и даже само присутствие властных захватчиков. Те, кто когда-то платил дань и нес дары, теперь стали торговцами, получающими прибыль. Новые имперс-

кие рекруты прислушивались к традиционному совету «соблюдать субботу и брать все, на что можно наложить руку»⁸².

Ксенофобия была эндемической с двух сторон. «Заморские черти» жили «в хроническом состоянии мелкой войны с местными»⁸³.

Британские консулы старались сохранить мир. Им помогали компрадоры, менялы, агенты, вербующие солдат и матросов обманным путем, клерки со знанием англо-китайского гибридного языка. (Слово, которое стали использовать для обозначения этого языка, означало «бизнес». Например, епископа очаровательно называли «небесный бизнесмен № 1»)⁸⁴. Но было трудно подавить ярость китайцев — например, из-за английского и американского бизнеса по транспортировке чернорабочих за моря (это явно напоминало работорговлю). Более того, представители Британии были обязаны опиумным дилерам за перевозку их почты, обналичивание их чеков и оказание других услуг. Наркотик коррумпировал и развращал всех, кого касался, включая консулов, чья зарплата субсидировалась правительством Индии в ответ на услуги по трафику.

Но, пользуясь слабостью Китая, британцы обычно перехватывали инициативу и редко теряли лицо. Они продолжали продавать опиум до Гаагской конвенции (недолгое время — и после нее), которая запретила его экспорт в 1912 г. Однако лорд Крюэ, который предполагал, что «индийский наркотик отличается от китайского, как марго 75-го года от австралийского кларета», не мог «избежать нечестивых сожалений о том, что трафик обречен»⁸⁵.

Британцы даже проникли в собственную администрацию императора. Например, в морской таможенной службе суперинтендентом с 1863 по 1906 гг. служил сэр Роберт Харт, который стал «главной финансовой опорой китайского правительства»⁸⁶. Харт был и диктатором, и дипломатом. Он очень тщательно работал, хотя жил роскошно, даже держал в Пекине собственный оркестр. В конце концов, у него у него появились другие обязанности — от надзора за маяками до контроля за почтами. Столь же мастерски в 1920-е гг. трудился британский генеральный консул сэр Сидни Бартон, который стал «практически самодержцем Шанхая»⁸⁷.

Но такие паразитические микроколонии, как и порты, открытые по договору для внешней торговли, мало повлияли на обширный край Китая. Британцы поселились на спящем гиганте, и тот, проснувшись, стряхнул их с себя. После падения маньчжуров в начале XX века, националистический Китай зашевелился и начал разминать мышцы. Хотя его сотрясали внутренние беспорядки, он воспользовался тем, что восточные технологии догоняют западные, а Британская империя была слишком растянута в период

между двумя мировыми войнами, чтобы поддерживать престиж силой.

Конечно, капиталистическая колония Гонконг прожила дольше, чем такие порты. Это случилось благодаря симбиотическим взаимоотношениям, которые она установила с коммунистической материковой частью. Но китайцам не требовался Карл Маркс, чтобы сказать: империализм основан на эксплуатации. Как Рим, который, по словам Сенеки, «брал дань со всего британского»⁸⁸, так и сама Британия безжалостно воспользовалась Китаем. Опиумная война, разграбление летнего дворца и «неравные договоры» не оставили у китайцев сомнений в истинной природе западного империалистического предприятия. Избавление от кровопийц стало только вопросом времени.

* * *

Это стремление эхом отдавалось везде, где карта мира была раскрашена красным цветом — от новых завоеваний до старейшей колонии, от Кабула Киплинга до Дублина Диккенса. Даже в то время, когда Британии, мировой державе, никто не смел бросить вызов, империя не продвигалась вперед и не оставалась в том же состоянии без кровопролитного регресса, препятствий и неудач того или иного рода.

Викторианцы с беспокойством подвергали их тщательному изучению, искали признаки слабости в настоящем и симптомы краха в будущем. Они находили много подобного в двух крупнейших катастрофах 1840-х гг. Военное поражение в Афганистане привело к сомнениям в энергии, силе характера и мужестве имперской расы, оно подорвало британский престиж по всему Индостану. Это было знаком надежды для восставших индийцев. Сильный голод в Ирландии вскрыл пустоту пропаганды о благословенном британском правлении и распространил неукротимую ненависть и враждебность к империи. Она ширилась на приливе эмиграции по всему миру, а в особенности — в США.

Первая Афганская война (1838—42 гг.) стала первым шагом в «большой игре»⁸⁹, которая длилась более века. Ставки оказались высокими — контроль над северо-западной границей Индии. От ее надежности и безопасности, как сказал лорд Керзон, зависела «власть над миром»⁹⁰.

Россия была главным противником в этом грубоватом соперничестве, а царь Николай I, реакционный «жандарм Европы», казалось, желал навсегда остаться в Центральной Азии. Он вел

дипломатические интриги с пуштунами и персами, осуществлял военное давление от Кавказа до Персидского залива.

В Индию можно было вторгнуться только с севера, и британцы начали опасаться, что царь окажется еще одним Александром Македонским. Приближение казаков казалось еще более угрожающим, поскольку верность сипаев оставалась сомнительной. Более того, на карте Гималаи едва ли выглядели мощнейшим природным крепостным валом Земли.

Когда лорд Элленборо, который сменил лорда Окленда на посту генерал-губернатора Индии в 1842 г., прочитал панический отчет о возможном пути вторжения от реки Оксу до Инда, то воскликнул: «Это не только осуществимо практически, но и будет легко, если только мы не решим действовать как азиатская держава»⁹¹.

Палмерстон хотел того же. И Мельбурн согласился с ним: «Афганистан должен быть наш или принадлежать России»⁹².

Поэтому правительство стало проталкивать план Окленда по замене эмира Кабула Доста Мухаммеда на марионеточного правителя — шаха Суджу. Десантный отряд добился этой цели в 1839 г. Но британцы, не говоря про последующих захватчиков, игнорировали предупреждение герцога Веллингтона о том, что когда в Афганистане заканчиваются военные трудности, начинаются трудности настоящие.

Как заметил писатель Альфред Лайалл, Афганистан, подобно Армении, оказавшейся между империями Парфии и Рима, научился сталкивать одного сильного соседа с другим в постоянном сопротивлении иностранному владычеству.

Вскоре стало очевидно: шах Суджа, «упрямый, гордый, упорствующий в заблуждениях человек», мог выжить только в круге из британских штыков. Так оккупационная армия стала общим врагом афганских племен, которые при отсутствии чужеземного противника тратили энергию на борьбу друг с другом.

«Мы и наш король очень не нравимся этой стране, — писал один английский младший офицер. — Мы не являемся тиранами в достаточной степени, чтобы нас боялись. Но мы мало сделали, чтобы нас уважала полуварварская страна»⁹³. Ее народ был, как в дальнейшем объявил один шотландский офицер, «расой тигров»⁹⁴.

Теперь афганцы выслеживали свою добычу в лабиринте узких грязных улочек, по обеим сторонам которых стояли глинобитные дома с плоскими крышами. Таков был Кабул. Каждый мужчина из его шестидесяти тысяч обитателей имел «меч и шит, кинжал, пистолет или мушкет»⁹⁵.

Они оскорбляли британцев, нападали и даже убивали иностранных неверных. Самой известной жертвой стал британский посланник сэр Уильям Макнотон. Его убили во время переговоров с

мстительным сыном Доста Мухаммеда Акбар-ханом. Лицо последнего во время совершения преступления исказилось «самой дьявольской яростью»⁹⁶.

Части разрубленного тела Макнотона пронесли по улицам, а туловище вывесили на крюке для мясных туш на большом базаре.

Однако британский гарнизон, офицеры которого развлекались, рыбачили, играли в крикет, бегали за афганскими женщинами и прыгали на лошадях через стену военного городка вместо укрепления своих позиций и поиска припасов, не нанеся ответный удар. Под командованием генерала Уильяма Элфинстоуна, больного некомпетентного человека, который в последний раз видел, как стреляют в бою, при Ватерлоо, произошло самое ужасающее отступление в британской военной истории.

6 января 1842 г. колонна из 4 500 солдат (по большей части, сипаев) и 12 000 маркитантов начала девятистомильный марш по горам. Их целью был Джелалабад, который удерживал генерал Сейл в «солдатском духе английского джентльмена» (столь же гордом, как благородный дух древнего римлянина, если верить словам «Таймс»)⁹⁷. Глубокий снег мешал продвижению подразделения Элфинстоуна, как и огромное количество имущества. Одному полку потребовалось два верблюда для транспортировки запаса сигар из Кабула, а британские младшие офицеры, у которых бывало до сорока слуг на человека, скорее оставили бы свои шпаги и пистолеты, чем отправились бы без «дорожных несессеров, духов, виндзорского мыла и одеколона»⁹⁸.

Это была движущаяся добыча, и афганцы бросились на нее, словно волки на отару овец. Они зарезали отставших солдат, угнали выючных животных, разграбили повозки, в которые запрягали волов. В сумерках первого дня фургон Элфинстоуна проехал только шесть миль, а его арьергард все еще покидал лагерь, который афганцы сожгли дотла.

В жуткий холод в ту ночь некоторые сипаи, вставшие лагерем на открытом воздухе, жгли в кострах свои головные уборы и снаряжение. Другие проснулись сильно обмороженными, ноги некоторых солдат напоминали обожженные бревна. Одна англичанка видела, как «мужчины снимали сапоги и целые ступни вместе с ними»⁹⁹.

Везде гибли самые слабые. «Стрельба противника снова началась с восходом солнца, — записал капитан Уильям Андерсон в неопубликованном дневнике. — Наши люди ужасно перепутались, я никогда такого не видел. Слуги и маркитанты ходили по лагерю во все стороны, а офицеры прилагали массу усилий, чтобы прекратить этот хаос»¹⁰⁰.

К тому времени колонна Элфинстоуна с трудом добралась до пятимильного перевала Курд-Кабул, узкого и опасного. Свер-

ху неся ледяной поток, который пришлось пересекать двадцать восемь раз. Люди ужасно замерзли и проголодались. Пойманные «в челюсти этого ужасного ущелья»¹⁰¹, они оказались легкими целями для стрелков, устроившихся на скалах на высоте. Те были вооружены фитильными длинноствольными ружьями, которые оказались более точными и имели больший радиус действия, чем английские мушкеты. Из них по противнику лился разрушительный огонь.

Ущелье оказалось забито трупами. Элфинстоун попытался откупиться, и Акбар-хан действительно взял в заложники нескольких британцев — раненых офицеров, женщин и детей. Но местные вожди сказали, что не хотят золота, «их не могло удовлетворить ничего, кроме крови».

Среди оставшихся белых, как писал Андерсон, «теперь воцарилось отчаяние с обычными крайностями, пассивностью и неистовством»¹⁰².

Афганцы забаррикадировали следующий крупный перевал и убили оставшихся британцев. До безопасного места добрался один европеец, помощник хирурга Уильям Бридон. Это произошло 13 января. Он был ранен несколько раз, а афганский нож срезал кусочек кости его черепа. Как заявил Бридон, все было бы хуже, если бы «у меня в пилотке не лежал кусок “Блэквудс мэгэзин”»¹⁰³. Когда его умирающий пони принес свою заляпанную кровью ношу к стенам Джелалабада, гарнизон содрогнулся.

Бридон изображен на знаменитой картине леди Элизабет Батлер, которая нарисовала эту сцену. Он является ярким образом империи в экстремальных обстоятельствах. Выживший выглядел, словно посланник смерти¹⁰⁴.

Новость Бридона шокировала британцев не меньше, чем победа парфян при Каррах изумила римлян «на самом пике их власти»¹⁰⁵. Казалось, что содрогается сам фундамент Британской империи.

Отсталые афганцы были ни дисциплинированными, ни объединенными. Однако они «полностью подавили мощные силы цивилизованных людей»¹⁰⁶.

Они нанесли, если процитировать сам «Блэквудс мэгэзин», «почти неисправимое повреждение британской нации, почти нестираемое пятно на британский характер»¹⁰⁷.

Кое-кто не чувствовал беспокойства, других успокаивала классическая аналогия. Доктор Арнольд говорил: теперь будет так, как когда римляне потерпели поражение в Испании, «на следующий год выйдет другой консул и новые легионы»¹⁰⁸.

Маколей тоже сохранял уверенность, хотя, учитывая миллионы мусульман в империи, признавал: «Большой успех мусульман не может не зажечь искру и не повлиять на инстинктивное взаимо-

понимание и симпатии исламистов от Марокко до Коромандельского берега»¹⁰⁹.

Герцог Веллингтон был непоколебим, хотя думал: «Сердце каждого мусульманина от Пекина до Константинополя» будет вибрировать при мысли о европейских женщинах в руках Акбар-хана (который на самом деле хорошо относился к пленным). Однако Веллингтон говорил о потере великой империи, а для ее спасения от разрушения и позора советовал отступить из гималайской дикой местности.

Британия понесла большие финансовые и человеческие потери и ушла с «крыши мира». Лорд Элленборо признал реставрацию правления Дост Мухаммеда (Шаха Суджу убили) и провозгласил: индийская администрация удовлетворена «границами, которые, похоже, природа установила для империи»¹¹⁰.

Однако Британия не могла уйти, оказавшись державой, потерпевшей жестокое поражение, и Элленборо санкционировал короткую карательную экспедицию в Кабул. Она спасла британских пленников, уничтожила великолепный базар со сводчатыми галереями, где выставлялось изуродованное тело Макнотона, грабила в поразительных масштабах и совершила множество ужасных убийств¹¹¹.

На самом деле эти «лицензированные наемные убийцы»¹¹², как назвал британских солдат будущий фельдмаршал Невилл Чемберлен, устроили довольно большую ответную бойню, чтобы восстановить свою честь в настоящем, обеспечив враждебность в будущем.

Но Элленборо не был удовлетворен демонстрацией силы. Он попытался стереть унижение афганцами демонстрацией помпезности. Генерал-губернатор представлял себя Аурангзебом, причем настолько ярко, что Веллингтон посчитал: ему следует сидеть на троне в смиренной рубашке¹¹³.

В Ферозепоре Элленборо праздновал возвращение армии из Афганистана, устроив грандиозное пышное зрелище, которое было придумано специально для восточного воображения. Считалось, что людей там особенно впечатляют такие проявления могущества. Над этим много смеялись на Западе, во многом оттого, что все пошло не так, как планировалось. «Войска должны были пройти под триумфальной аркой и между двумя рядами позолоченных и почтительно кланяющихся слонов. Но арка оказалась безвкусной и шаталась, а слонов плохо подготовили, они забыли поклониться и убежали»¹¹⁴.

Столь же неумелым и абсурдным оказалось возвращение Элленборо в храм Сомнате ворот из сандалового дерева, которые предположительно унесли афганцы восемьсот лет назад. Его на-

пыщенное и высокопарное заявление об их восстановлении оскорбило мусульман. А индуисты считали ворота, которые оказались сделанными из сосновой древесины, «загрязненными» в стране ислама.

Однако Элленборо отличал не только «наполеоновский стиль»¹¹⁵, но и соответствующие территориальные замашки.

После того, как его отбросили назад в горах, он решил наступать по равнинам. В этом предприятии, как заметил один критик, губернатор напоминал «смутьяна, которому поддали на улице, а он после этого идет домой бить жену в отместку»¹¹⁶. Но Элленборо считал: британская власть в Индии в настоящее время находится в постоянной опасности¹¹⁷. Ее можно сохранить только агрессивными мерами. Поэтому в 1843 г. он отправил генерала сэра Чарльза Напьера вверх по реке Инд — дороге жизни северо-западного региона и яремной вене богатой и независимой провинции Синд.

Напьер представлял собой архетипичного яркого и вычурного героя империи, напоминавшего Николсона, Гордона, Т.Э.Лоуренса, Уингейта, Тесиджера. Он был благороден и великодушен, эксцентричен, раздражителен, аскетичен, имел садистские наклонности.

Напьер был тщеславным, словно павлин, но смелым, как лев. «Его нос походил на клюв орла, а борода — на бороду кашмирского козла». Его, от головы под тропическим шлемом до стоп в сапогах со шпорами, покрывали шрамы после многочисленных приключений. Шрамы были от пуль и штыков, сабель и шрапнели.

Он любил женщин и лошадей. Его любимый боевой конь Ред Ровер делил с ним шатер во время кампаний в жарком климате, он же стоял рядом со смертным одром генерала.

Напьер не уважал никого, он открыто поносил и чернил директоров «Ост-Индийской компании» на Леденхед-стрит¹¹⁸, «богобоязненных негодяев, которые заполнили Индию созвездием ослов». Генерал отмахивался от лорда Рипона, назвав его идиотом¹¹⁹. В дальнейшем он поругался с лордом Дэлхауси, который сравнил Напьера с виноградником на вулкане: «Он был бы веселым и добродушным, если бы в нем постоянно не горело пламя и не взрывало все, что было в нем хорошего»¹²⁰.

Однако Напьер уважал Веллингтона и восхищался Элленборо. Последний поддерживал его пиратские склонности. Так что у генерала не имелось никаких иллюзий относительно новых полномочий. В дневнике он признавался: «У нас нет права захватывать Синд. Но мы это сделаем, что будет очень прибыльным, полезным и гуманным примером низости и подлости»¹²¹.

Напьер полагал, что британцы принесут больше добра и меньше зла народу, чем его нынешние правители-эмиры. «Не то что

мы когда-то делали добро из «великодушия» или «щедрости». Мы просто можем выжать больше денег из богатых жителей Синда, чем из бедных! И если перекрытие плотиной Инда и утопление всех жителей Синда даст нам больше денег, то мы должны соответствующим образом перекрыть Инд плотиной»¹²².

Напьер преуспел, хотя шансы были совсем не в его пользу. Все случилось благодаря дисциплине, хитрости, яростности и чистой вере в то, что таинственная сила управляет его судьбой¹²³. Представляя себя еще одним Моисеем в пустыне, он поставил во главе верблюжьей кавалерии слона, к которому днем был прикреплен флаг, а ночью — фонарь. Но знаменитое остроумное заявление Напьера на латыни «*Ressavi*» («Я согрешил») выражало суть дела (хотя выражение было апокрифическим и появилось в «Панче» в виде шутки)¹²⁴. Как подтвердил майор Джеймс Оутрэм, который тогда служил в его подчинении, приобретение Синда являлось явным грабежом¹²⁵.

В «Эдинбург ревью» согласились с этим. Британцы вели себя, как завоеватели, нацеленные на основание «империи, более надежной, чем империя Цезарей». Но они заложили такую ненависть, что воины племен с радостью присоединялись к штандартам лютого нового захватчика — «ради того, чтобы от нас избавиться»¹²⁶.

Однако захват Синда был частью диалектического процесса, часто (хотя без неизбежности) повторявшегося в имперской истории. Поражение от «местных жителей» вызывало воинственный ответ британцев, что в свою очередь сеяло семена дальнейших разногласий и конечного отчуждения.

Глава 5

«Священный гнев»

Ирландский голод и индийский мятеж

Процесс отчуждения шел на протяжении веков и гораздо ближе к дому. Ирландия, которая, по иронии судьбы, поставляла четверть офицеров в британскую армию (включая самого Напьера) и половину войск белых в Индии, являлась первой настоящей колонией Англии. В нее вторгся Генрих II, ее покорил Генрих VIII, «заселила» Елизавета, «засеивал» Яков I, опустошал Кромвель, а громил Вильгельм Оранский.

Каждое ирландское восстание каралось новыми английскими репрессиями. Экономическая эксплуатация еще больше осложняла и ухудшала отношения между двумя народами, причем в такой мере, что Дин Свифт советовал своим соотечественникам жечь все, поступающее из Англии, кроме угля. Более того, после Реформации Ирландия мучилась и разрывалась от взаимной ненависти господствующих протестантов (часть территории вокруг Дублина находилась под английской юрисдикцией, а их шотландский гарнизон находился в Ольстере) и большинства из католиков. Им пришлось подчиняться уголовному кодексу, разработанному, чтобы постоянно держать их в подчиненном положении. Поэтому ирландское сопротивление являлось не только выражением патриотизма. Это было во многих смыслах делом веры.

Американская и Французская революции обострили националистические устремления. Англия пошла на уступки — самоуправление и религиозная терпимость. Но в 1798 г. в Ирландии произошло радикальное крестьянское восстание при поддержке французов. Решением Питта стало жестокое подавление, за которым последовала попытка ассимиляции. Акт об унии (1800 г.) включил Ирландию в Соединенное Королевство Великобритании. Вопрос о правах католиков (предложенная награда за то, что ирландцы жертвовали своей юридической независимостью) и отправка депутатов Парламента в Вестминстер были отложены до 1829 г. Но для освободителя Даниела О'Коннелла и большинства его соотечественников это стало не больше, чем шагом к цели — покончить с саксонской тиранией над кельтами. Как признавал «Экономист», англичане относились к ирландцам не как к части империи, а как к «покоренному племени». Соответственно ирлан-

дец просто существовал в настоящем, в то время как жил в прошлом и будущем. «Его воображение наполнено тем, чем была Ирландия, и тем, чем она может стать. И вам нужно только коснуться этих тем, прошлого и будущего, чтобы зажечь его сознание, заставить издать крик, который может рваться к небесам — призыв о расторжении унии между Британией и Ирландией»¹.

Более душераздирающие крики рвались к небесам после 1845 г., когда ирландцы мучились от голода, чумы и исхода в библейских масштабах. В этом заключалось написанное кровавыми буквами доказательство того, что Ирландия должна стать хозяйкой своей судьбы.

Даже в нормальные годы Ирландия находилась на грани голода. К 1845 г. ее население увеличилось до восьми миллионов человек. Давление на землю соответственно возросло. Многие семьи, обложенные непомерно высокой платой землевладельцами (треть которых отсутствовала, среди них — Палмерстон), выжили на крошечных участках в половину акра или меньше. В основном, они выращивали картофель, который иногда составлял единственное блюдо в их рационе — достаточно здоровое, чтобы ирландские солдаты были значительно выше английских². Но имелась ужасающая нехватка продуктов, три месяца перед сбором каждого нового урожая треть населения голодала.

Посетители диких западных провинций, Манстера и Коннахта, где больше всего полагались на картофель, приходили в ужас от нужды, грязи и запустения. По прибытии их осаждали толпы нищих, все — на последних стадиях отчаяния. Все они громко просили: «Госпожа, не купите ли вы молитвы умирающей женщины — дешево!»³

На удалении от побережья прибывшие встречали множество людей в лохмотьях, говоривших на гаэльском языке — урожай, готовый для серпа голода⁴.

Семьи жили в пустых домиках без окон вместе со скотом, который им принадлежал. Изгнанные из домов жильцы и лишенные владений скваттеры ютились в норах, на болотах или в канавах на торфяниках. Многие из них никогда не видели дерева и не узнавали денежную купюру.

Англичане, отличавшиеся обостренной чувствительностью, сравнивали ирландских крестьян с «белыми неграми»⁵, «приматами»⁶ и «человекообразными шимпанзе»⁷. Один француз воскликнул: «Я видел индуса в лесу и негра, закованного в железные кандалы. Я считал, жалея их, оказавшихся в трудном положении, что повидал самый низ человеческого несчастья и мучений. Но я не представлял степени бедности, которую можно увидеть в Ирландии»⁸.

Некоторые части острова, особенно, более развитый восток, страдали меньше. Но в самом Дублине имелись трущобы — например, Либертиз. В сравнении с ними другие улицы бедняков и ночлежки казались просто целебными: «Вход во дворы очень узкий, он походит на большую заслонку на зловонной канализационной трубе, проходящей над поверхностью земли. Как правило, зеленый противный слизистый пар просачивается из переполненного сточного колодца или выгребной ямы. Сквозь него вынужден идти посетитель»⁹.

Большая часть канализации и сточных вод города сливалась прямо в реку Лиффи, которая была источником «инфекций и заражения»¹⁰ (хотя предполагалось, что ее черная вода обладает «чудесными качествами»¹¹ и делает портер «Гиннес» таким крепким).

По словам Уильяма Коббетта, английские свиньи «жили в более подходящих условиях, их гораздо лучше кормили, их кожа была гораздо чище, чем у тысяч и тысяч людей во втором городе империи». Но Дублин с широкими георгианскими улицами и гармоничными площадями в стиле неоклассицизма представлял собой красивую метрополию. Как признавал Коббетт, «как почти любая другая метрополия в мире»¹².

Одним из самых прекрасных строений, доминирующим на вымощенной набережной, было серое каменное здание таможни, построенное на зыбком грунте Джеймсом Гандоном. Его задача оказалась бы легче, если бы не советы местных жителей, которые, как он сардонически заметил, давались свободно и бесплатно. Оно имело купол, портик, наверху — огромную статую богини торговли, а также было украшено другими символическими мотивами и аллегорическими фигурами, среди них — обнимающиеся Великобритания и Иберия. Заметнее всех был Нептун, изгоняющий Голод и Отчаяние.

Эта живописная картина полностью подтвердилась в 1845 г., когда грибок *Phytophthora infestans* превратил четверть урожая картофеля в вонючую черную слизь. Страдания сразу же обострились, особенно — на западе острова. Их немного ослабили меры, принятые правительством: общественные работы, контроль над ценами и импорт кукурузы, которая оказалась жесткой, как камень, и несъедобной. Ее прозвали «самородной серой Пила»¹³.

Однако после того, как Пил разделил партию «тори», отменив законы о зерновых, которые облагали пошлиной иностранное зерно, министры «вигов», возглавляемые лордом Джоном Расселом, стали еще больше склоняться к свободной торговле. Когда в 1846 г. опять случился неурожай картофеля (на этот раз — полный), Британия полагалась на панацею Адама Смита — частное предпринимательство и рыночные силы. Поэтому пока крестьяне

голодали, корабли, полные ирландского зерна, отплывали в Англию, которая отправила обратно не продукты питания, а войска, чтобы успокоить протестующих.

«Ирландцы должны сами о себе позаботиться», — считал сэр Чарльз Тревелиян, чиновник из казначейства, ответственный за решение вопроса катастрофы. Что-то вроде пособия нарушит принцип самодостаточности. Люди должны полагаться сами на себя, а благотворительные подачки — это «нечто подобное раковой опухоли на нравственном здоровье и физическом процветании народа»¹⁴.

Однако Англия предоставила совсем неподходящее облегчение, хотя даже это было слишком много для лондонской «Таймс». Газета яростно выступала против и говорила об опасности умиротворения и деморализации «ирландца Пэдди», проповедуя бескомпромиссное «евангелие» невмешательства государства в экономику. «Со своей стороны мы рассматриваем болезнь картофеля, как благословение. Когда кельты однажды перестанут быть картофелефагами, то должны будут стать плотоядными. Когда они распробуют мясо, у них появится желание его есть, а с этим желанием появится и готовность на него зарабатывать. С нею придет постоянство, регулярность и настойчивость, если только развитию этих качеств не помешает слепота ирландского патриотизма, близорукое безразличие к мелочным землевладельцам или непродуманная безрассудность и опрометчивость благотворительности правительства»¹⁵.

Тем временем осенью и зимой 1846 г. Ирландию охватил голод.

От гор Донегола до озер Керри опустели деревни. Работные дома переполнились, во много раз увеличилось количество выселений, возросла преступность. Голодающие люди считали транспортировку освобождением, а тюрьму отдыхом и облегчением, некоторые даже пытались «ворваться в тюрьму»¹⁶. От болот Мейо до гор Корка сельская местность была заполнена тучами оборванцев, которые искали ежевику, капустные листья, крапиву, кору. Даже суровый инспектор от правительства «пришел в уныние от силы и размаха страданий, которые увидел, особенно — среди женщин и маленьких детей».

В аббатстве Клер в канун Рождества он видел их толпы «рассредоточившиеся по полям турнепса, словно стая голодных ворон. Они поглощали сырой турнепс, матери были наполовину раздеты, дрожали на снегу, вскрикивали в отчаянии, в то время как их дети кричали от голода»¹⁷.

Затем пришли отчеты о массовой смертности. Лачуги Слиго были заполнены больными, умирающими и мертвыми. Обочины дорог в Лимерике были «усыпаны разлагающимися трупами, час-

тично зелеными от съеденного шавеля, частично синими от холеры и дизентерии»¹⁸.

В деревнях западного Корка население превратилось в «оголодавшие и жуткие скелеты»¹⁹, обнаженные взрослые зарывались в грязную солому, как обреченные животные, у детей отсыхали конечности, а лица напоминали лица преждевременно постаревших людей. В Клере мертвых хоронили в общих могилах без «савана или гроба»²⁰.

В Роскоммоне семь трупов нашли в живой изгороди, наполовину съеденных собаками. В мае 1849 г. пятьдесят семь «несчастливых бедняков» в холерном госпитале в Парсонстауне «сделали последний вздох в один день»²¹.

Ужасы распространялись неровно. Романист Энтони Троллоп, который пересек страну в разных направлениях, как охотник на лис и почтовый инспектор, не видел никаких не захороненных тел. Он заявлял, что смерти от «абсолютного голода были немногочисленны»²².

Правда, примерно 90 процентов смертей произошли по причине последовавшей болезни, в основном — от тифа (известного в Америке, как «ирландская лихорадка») ²³. Но если брать общую смертность в пропорции к населению, то «Великий голод» в Ирландии был одним из самых убийственных в истории.

К 1851 г., когда этот холокост закончился, вероятно, умерли около одного миллиона человек, а еще полтора миллиона эмигрировали.

Боль и муки ссылки отражаются в названиях, которые получили места посадки на суда: причал в Киллалое называли «Стеной плача», а бухту в Корке — «Гавань слез». Но для многих бегство оказалось небезопасным, потому что они забрали с собой свою болезнь. Они умирали в Ливерпуле, который стал известен как «чумной город»²⁴. Они умирали на трансатлантических «судах-гробах», где смертность часто оказывалась выше, чем на рабовладельческих кораблях или на тех, которые перевозили осужденных.

Люди находили свои могилы и во враждебном Новом Свете. На острове Гросс в заливе Святого Лаврентия эти эмигранты содержались в карантине в ужасающих условиях. Там стоит памятник трагическим потерям. Это высокий гранитный кельтский крест, воздвигнутый в 1909 г. Древним орденом ирландцев в Америке и посвященный тысячам людей, которые умерли от лихорадки «на этом острове, бежав от законов иностранных тиранов и искусственно созданного голода»²⁵. Здесь, на эбонитовой табличке на гаэльском (надписи на английском и французском гораздо мягче) записан миф без прикрас. С тех пор он вдохновлял ирландский национализм. Лидеры движения, например, Джон Митчелл,

выдвигали обвинения в том, что ирландцев «тщательно, осторожно, расчетливо и мирно убивало английское правительство». Голод был, по словам Чарльза Гавана Даффи, «ужасающим убийством массы людей»²⁶. В своей стране и за границей, даже сегодня, по словам Конора Круза О'Брайена, некоторые ирландцы приравнивают этот «созданный человеком голод»²⁷ к истреблению евреев нацистами.

Когда историк обращается к Ирландии, как писал Маколей, замисливая образы у римского поэта, «он ступает на тонкий слой пепла, под которым все еще остается раскаленная докрасна лава»²⁸.

Однако следует сказать, при всем уважении к авторитетам, что Великий голод не был актом «колониального геноцида»²⁹. Он не был создан специально. Это была природная трагедия, которая стала более смертоносной от хронической бедности ирландских крестьян, живущих натуральным хозяйством. Кроме того, ограничивая вмешательство правительства до минимума, английские политики и чиновники отвечали в соответствии с общепринятой экономической мудростью того времени.

Тревелиян не был чудовищем, глухим к горю и неспособным на жалость, когда санкционировал экспорт зерна из голодающих провинций. С другой стороны, он оказался безжалостным идеологом.

Он был суровым евангелистом и ревностным политическим радикалом, готовым пойти на ужасающие жертвы на алтарь того, что считал благоприятным историческим процессом. По мнению Тревелияна, голод являлся «прямым ударом мудрого и милостивого Провидения»³⁰ (очевидно, действовавшего по мальтузианскому принципу), чтобы цивилизовать ирландцев.

Однако Тревелиян не являлся бессильной жертвой монолитной ортодоксальности. Многие современники отдавали предпочтение вмешательству государства, проклиная принцип невмешательства, если он означал «свободу умереть от голода»³¹. Другие указывали на позорное несоответствие трат огромных сумм на продвижение опиумной торговли или на покорение Синда, выплату 20 миллионов фунтов стерлингов для компенсации плантаторам Вест-Индии за освобождение их рабов. С другой стороны, выделили всего 8 миллионов фунтов стерлингов (половину — в виде займов) на возрождение Ирландии.

Даже те, кто был задействован в проведении правительственной политики, осуждали философию, которая стояла за ней. Один опытный комиссар, занимавшийся законом о бедных, критиковал теорию, утверждавшую: «Человек, который позволяет отчаявшимся ирландцам умереть от нехватки еды, говорит, что действует в соответствии с системой природы... Но я считаю, что

частью системы природы является наше сочувствие им и помощь им»³².

Значит (что расходится с некоторыми заявлениями), Тревельяна и его политических руководителей нельзя оправдать, считая рабами догмы. Ни в коем случае не является анахронизмом утверждение, что, несмотря на трудности, включающие финансовый кризис в стране и недостаток продуктов питания по всей Европе, они могли (и им следовало) сделать гораздо больше, чтобы помочь Ирландии, когда той крайне требовалась помощь.

Правда заключается в том, что Джон Булль мало сочувствовал Пэдди. Англичане мало занимались благотворительностью, зато обвиняли ирландцев в неблагодарности. Они любили винить в голоде ирландскую слабость, нерадивость, лень и безответственность, утверждая, что истинная причина гниения картофеля — католицизм («папизм») ³³. Один американский путешественник слышал, как английские аристократы говорят об ирландцах, как о «компании низких, вульгарных, ленивых уродов, которые предпочитают попрошайничество работе, а грязь чистоте». Он сделал вывод, что закон природы — «ненависть к тем, кого мы подавляем и угнетаем» ³⁴.

Ирландцы понимали враждебность и лезли на рожон. Но голод, который привел к восстанию в 1848 г., обеспечил и несерьезность бунта. Это было не больше, чем столкновение на небольшом участке земли, отведенном под капусту. Подобные Дон-Кихоту лидеры движения «Молодая Ирландия» (например, Уильям Смит О'Брайен, носивший зеленый мундир) не могли поднять крестьян, слишком сломленных для того, чтобы пытаться «раздавить или нанести сокрушительный удар кровавой старой Британской империи» ³⁵.

Зато британское правительство, которое начали беспокоить чартисты в Лондоне и революционеры в континентальной Европе, наполнили Дублин таким количеством войск и орудий, что здание таможни пришлось использовать под казарму и арсенал. Однако ирландцы подняли зеленый флаг в виде противостояния «Юнион Джеку» и сохранили традицию политического насилия, проявлений которой будет легион.

Но революционные организации вроде фениев (основанного в Нью-Йорке в 1857 г. Ирландского республиканского братства) или отколовшиеся от них группы не столь сильной террористической направленности (например, Неуязвимые), находили значительную поддержку в Ирландии, как и в Европе. Но очень малое количество викторианских сторонников самоуправления и автономии Ирландии требовали полного отделения от Британии, предпочитая какой-то вид статуса доминиона.

Однако кровь жертв голода стала катализатором националистического движения. Его распространение в таких масштабах продемонстрировало: ирландцы в Вестминстере не были, как выразился Джон Митчелл, «патрициями из имперского сената». Это «пленники, которых тянут привязанными к колесам колесницы во время имперского триумфа победителей в столице врага».

Священный гнев, который испытывали ирландцы от ужаса и опустошения, охвативших их страну, распространился по миру вслед за национальными диаспорами. К 1860 г. 300 000 ирландцев жили в Канаде, 250 000 — в Австралии, а в следующие десять лет миллион человек отправился в США. Дома и в империи ирландцы, которые являлись католиками, обычно считались занимающимися подрывной деятельностью с разрушительным и губительным влиянием. Но в подвалах Бостона, трущобах Нью-Йорка и жилищах Чикаго обозленность на англичан стала безудержной. История голода, которая разрасталась по мере пересказов, вызывала ненависть и ужас, как говорил Митчелл: «И ни одному американскому гражданину не приходилось после этого удивляться, когда он слышал, как ирландцы в Америке яростно ругали Британскую империю».

Митчелл предсказывал: империя будет похоронена. Но пока «страстное желание статуса самостоятельного ирландского государства»³⁶ все еще оставалось незрелым.

Британские политики отмечали ту же перспективу, хотя, конечно, с другой точки зрения. Они стонали из-за ненависти к Англии, которая распространялась за границей. И опасались, что Ирландия вместе с другими угнетенными нациями станет Немезидой для империи³⁷.

* * *

Пока Ирландии предлагали обходиться своими силами, Британия все больше и больше вмешивалась в дела Индии — по столь же благородным причинам, но с соответственно печальными результатами. К 1830-м гг., когда дома в Англии активно проводились реформы, многие белые (среди них, по иронии судьбы, был сам Чарльз Тревельян) стремились распространить преимущества европейской цивилизации на Индостан. Эти преимущества часто внушались с помощью утилитаристских и евангелистских учений. Они хотели основать «британское величие на индийском счастье»³⁸, заменить истинной религией «грязь и разврат» языческого идолопоклонничества, которое «в виде объектов поклонения включает быка, павлина, обезьяну и прочих»³⁹.

Лорд Уильям Бентинк, который служил генерал-губернатором с 1828 по 1835 гг., хотя его обвиняли в восстании в Веллоре, возглавлял это движение по несению западных ценностей. Он запретил обычай сати — самосожжение вдовы на погребальном костре вместе с телом мужа, на которые иногда приходили посмотреть европейцы, как на зрелище, подобное схваткам животных, которые для них иногда устраивали раджи. Он боролся с убийствами путешественников, их ритуальным удушением после ограбления. Британцы считали этих разбойников-душителers «национальным братством убийц»⁴⁰.

Бентинк атаковал коррупцию и способствовал распространению «полезных знаний»⁴¹. Он реформировал юридическую систему и отменил порку сипаев, хотя это не коснулось белых солдат. Губернатор инициировал создание паровой службы на Ганге и ввел общественные работы, спланировав строительство канализационных систем, дорог, мостов, ирригационных систем и т.д.

Он даже взорвал и расплавил огромную пушку моголов в Агре ради металла. Ходили слухи (неправильные), будто он предлагал продать куски мрамора из Тадж-Махала. В то время, когда дешевая ткань из Ланкашира уничтожала ручное ткачество в Бенгалии и заменяла муслин из Дакки, которую раньше называли «индийским Манчестером»⁴², Бентинк занимался первой хлопкопрядильной фабрикой. Она вскоре стала продавать по пониженной цене английскую продукцию.

Генерал-губернатор был высоким человеком с орлиным носом, отличался хладнокровием и считал Индостан большим поместьем, которое следует улучшить. Но этого могло добиться только обладающее всей полнотой власти правительство, обеспечивающее необходимую безопасность собственности и людям. «Это гражданская свобода, — говорил Бентинк. — Политическая свобода выгонит нас из Индии»⁴³.

Подводя итог в своем обычном сжатом стиле, Маколей писал: Бентинк «вплеснул в восточный деспотизм дух британской свободы»⁴⁴. Как предполагает этот парадокс, генерал-губернатор, который всегда оставался либеральным консерватором, был непоследователен. Как и других людей Запада, его испортил Восток. Дом правительства находился в «королевском и азиатском» состоянии, но одевался Бентинк, как квакер из Пенсильвании⁴⁵. Когда англичане видели, как он с зонтиком под мышкой направляется за город, то «громко говорили о разложении империи и конце света»⁴⁶.

Они испытывали еще большее возмущение, когда губернатор приглашал высокопоставленных «местных джентльменов» на пиры, достойные моголов. Но он импортировал пикули из Лон-

дона, печенье из Парижа, а между подачей блюд его оркестр играл Моцарта и Россини.

Бентинк путешествовал с эскортом из трехсот слонов в манере шаха Джахана. На его собственном животном была широкая красно-золотая попона, а серебряный паланкин полировали коровьим навозом. Но генерал-губернатор игнорировал зверинец, основанный Уэлсли. Некоторые считали, что его упадок означает упадок империи⁴⁷. Британцы собирали диких животных, как указывалось в проспектах Лондонского зоологического общества. Это было преднамеренной имитацией Рима периода высшего расцвета⁴⁸.

В эклектицизме Бентинка не было ничего необычного. Но как бы западники не были уверены в превосходстве своей расы, религии и культуры, многим было трудно сопротивляться влиянию Востока. Наиболее очевидные прелести — кальян, профессиональные танцовщицы, восточные костюмы (за исключением пижамы) и индийские наложницы («спящие словари») оказались менее приемлемы для сагибов, чем ранее были для набобов. Теперь всех, кто демонстрировал признаки «похожести на местных», начинали презирать. Один лейтенант жаловался: «27 лет в этой стране сделали командующего настоящим негром в мыслях и привычках»⁴⁹.

Тем не менее самый предубежденный новичок вскоре приобретал вкус к индийской еде, в особенности — к карри, жаркому из риса, рыбы и карри кеджери и густому острому супу с пряностями.

Вездесущие индийские слуги часто прививали своим хозяевам восточные привычки. Они их мыли, расчесывали и одевали и, как говорили, только не разжевывали им пищу. Более того, слуги имели склонность вести хозяйство своих нанимателей в индийском ритме, «ставя отношения с колониальной властью с ног на голову»⁵⁰.

Британцы научились у индусов привычкам к умыванию, их прачки все время были заняты работой. Целые поколения, возвращаясь домой, испытывали отвращение от «немытости кожи и одежды англичан»⁵¹. Сари когда-то рекомендовали как восточные тоги. Но, хотя английские женщины придерживались фасонов Пиккадилли, на них влияли и местные. Гонория Лоуренс «чувствовала себя очень неуютно в присутствии местных жителей, будучи с непокрытой головой»⁵².

Белые женщины теперь часто наблюдали за торжественными приемами (на которых их мужчины снимали обувь) из-за экрана, защищенные, словно обитательницы зенаны от взглядов чужих мужчин.

Также обычаи страны отражал рост «движения усатых»⁵³. Некоторые британские офицеры начали отращивать усы во время

Наполеоновских войн. Похоже, они по большей части делали это, имитируя самодовольных пижонов-французов, а те придерживались испанской точки зрения: святоша — это решительный человек⁵⁴. Очевидно, их усы были «необходимыми аксессуарами Террора»⁵⁵.

Мода стала обязательной в Индии, где бороды считались священными, а усы являлись символом мужественности и мужской силы. Индийцы смотрели на чистые лица англичан с удивлением и презрением, считая их не мужественными, кастрированными бритвой. Поэтому в 1831 г. 16-й уланский полк радостно приветствовал приказ, разрешающий носить усы.

Но битва за эти «воинственные аксессуары»⁵⁶ еще не была выиграна. В 1843 г. «большие усы»⁵⁷ Джеймса Эбботта вызывали поднятие бровей, несмотря на его доблестные подвиги в качестве политика и офицера на северо-западной границе. Такие щетинистые длинные усы, подкрученные вверх, которые носили «вульгарные умники»⁵⁸, все еще считали чужеродными пристрастиями. А когда лорд Дэлхауси в роли генерал-губернатора с пренебрежением высказался о «волосяном украшении» в 1849 г., усы слетали, словно листья в октябре⁵⁹.

Но они вскоре снова появились, когда такие печатные органы, как «Навал энд милитари газетт» и «Агра мессенджер» провели соответствующую кампанию. В 1854 г. усы сделали обязательными для европейских солдат бомбейской армии «Ост-Индийской компании». Их с энтузиазмом приняли и в других местах. Например, Королевские Дурбинские рейнджеры сразу же прекратили брить верхнюю губу, а «Меркьюри» сделала им комплимент в связи с улучшившимся внешним видом. Несмотря на дальнейшую оппозицию, мода стала фетишем и военным искусством.

Усы религиозно культивировали и подвергали суровой дисциплине, введенной указами королевы. Их расчесывали и помадили. Фолликулы смазывали запатентованными растворами для лучшего роста волос, например «Эрс формула», «Эллиотс тоник лосьон» и «Олдриджес балм оф Колумбия». Роскошных фигурных стрижек добивались при помощи железных щипцов для завивки. Во время и после Крымской войны парикмахеры рекламировали различные образцы у себя в окнах — к примеру, «реглан» и «кардиган». Последний был «удивительным вариантом, который попеременно то расширялся, то сужался»⁶⁰.

Усы подстригали и обрабатывали, пока они либо не начинали закругляться, как сабли, либо не ощетинивались, словно штыки. Кончики смазывали воском и приподнимали вверх, чтобы стояли.

Имитируя военных, гражданские лица тоже начали покрывать растительностью верхнюю губу. Фридрих Энгельс высмеивал

англо-ирландских аристократов с «огромными усами под колоссальными рисскими носами»⁶¹. К 1890-м гг. мужественная бахрома «стала признаком каждого успешного щеголя и донжуана»⁶².

По различным причинам моряки и священники игнорировали моду, но ее ревностно охранял бомонд. Господа эдуардианских времен осуждали слуг, которые, словно обезьяны, копировали «модные стрижки» своих хозяев⁶³. Нельзя было разрешать ничего, что обесценило бы этот отличительный знак военных, который достиг апофеоза в усах лорда Китченера, напоминавших перекрещивающиеся ятаганы. Они достигли статуса иконы, помещенные на знаменитый постер, призывавший новобранцев во время Первой Мировой войны. Так усы стали эмблемой империи, грубо говоря, имеющей общую границу с Индией, но по большей части позаимствованную оттуда. Так римляне взяли привычку носить штаны у варваров.

Но крошечная британская каста, сама по себе временная, официальная и разделенная на строгую иерархию, становилась все более и более расистской в 1830-е гг. Как отмечал один французский обозреватель, англичанин появлялся перед местными только «каким-то образом находясь выше и имея более роскошный вид. А если кто-то из местных обращался к нему не «ваше высочество», ему преподавался очень суровый урок по манерам»⁶⁴.

Домашних слуг регулярно били, и высокий статус не защищал от насилия со стороны белых в других местах. Любого индуса мог ударить ногой «помощник плантатора или заместитель подрядчика на железной дороге, дорогу перед которым он случайно пересек»⁶⁵.

Дела ухудшились после восстания сипаев. Американский путешественник в Индии был «поражен, увидев, как все кланяются нам на улице». Он же отмечал: «Богатый местный житель недавно едва избежал удара плетки»⁶⁶. Этот человек не остановил свою карету, чтобы уступить место британскому офицеру, который ехал по той же дороге.

Генерал Баден-Пауэлл внес улучшения в принятые правила, утверждая: «Обычно негры кажутся мне раболепствующими негодьями. Когда вы едете или идете пешком по середине дороги, каждая повозка, телега или карета должна остановиться и уйти с вашего пути, а каждый местный житель, проходя мимо вас, должен отдать честь. Если он идет под зонтиком, то должен его опустить, если он едет на лошади, то должен спрыгнуть на землю и салютовать. Более того, им следует делать то, что вы им скажете. Если вы на дороге встречаете человека и приказываете ему почистить вам ботинки, ему придется это сделать»⁶⁷.

Основатель международного движения бойскаутов, у которого всегда наготове было бессмысленное клише, оправдывал этот

обычай. Он считал: до того, как человек сможет править, он должен научиться подчиняться. На самом деле, лишь немного могло вдохновить индусов на страстное желание самоуправления в большей мере, чем такие публичные утверждения расового превосходства.

Сам Генри Лоуренс, которого стали почитать как имперского солдата-святого, сравнимого с Горацием, относился к людям с коричневой кожей с преднамеренным высокомерием. Они оставляли обувь у него перед шатром, много раз повторяли «салям, сагиб», и оставались стоять, пока он «сидел без кителя, жилетки или куртки; ноги его свешивались через ручку кресла, а ступни могли лежать на столе».

Более того, его жена Гонория напоминала ему, что он едва ли когда-то обращался к индусу без «оскорбительного эпитета, даже когда не злился»⁶⁸. А Лоуренс часто злился, тревожа даже друзей своим взрывным характером. Он чем-то напоминал бочку с порохом.

Последователи Лоуренса были еще грубее в попытке установить «христианскую цивилизацию на землях, где идолопоклонничество часто заменяет храм, коррупция — суд, а тирания — трон»⁶⁹. Многократно используемая дубинка Джона Ламсдена стала тотемом полка, ее повесили на двери и отдавали ей честь.

Огромная пропасть, установившаяся между европейцами и местными жителями, расширялась безжалостно. Эмили Иден, сестра лорда Окленда, едва могла найти сравнение, чтобы проиллюстрировать разницу между ними: «Слон и Чанс [ее собака], собор Святого Павла и кукольный домик, семьи Джерси и Пембрук, бриллиант и плохой кремль, королева Аделаида и О'Коннелл, Лондон и Калькутта не более отличны и едва ли питают большую антипатию друг к другу, чем эти два класса. Я не вижу, как предрассудки могут когда-нибудь исчезнуть, но не представляю, чтобы это оказалось очень желательно»⁷⁰.

Еще более поразительным является отчуждение от Индии Томаса Бабингтона Маколей. Погруженный с головой в классику и уверенный в том, что Британия являлась современным воплощением прогресса, он совсем не смог оценить этот новый мир. Однако его реакция оказалась сколь конструктивной, столь и поучительной — как и надлежало этой блестящей «книге в штанах», этому «лепечущему языку», чьи «временные вспышки тишины» делали его речь «идеально восхитительной»⁷¹. Это был гениальный историк, единственный британский соперник Гиббона.

Маколей говорил, что Индия привлекает европейцев, как горы — тигров: «Они терпят неприятный климат ради того, что могут получить».

Сам он приехал на Индостан, будучи законным членом совета генерал-губернатора, чтобы разбогатеть. За четыре года Маколей накопил 20 000 фунтов стерлингов, что дало ему независимость и возможность писать. Он нашел землю варваров иногда смехотворной, иногда отталкивающей, но всегда экзотической. Вид местного лодочника, полностью хладнокровного, хотя не имеющего из одежды практически ничего, кроме желтой шапочки с козырьком, который ступил на борт, чтобы высадить его в Мадрасе, чуть не заставил Маколей «умереть со смеху». Он проплыл по волнам, напоминающим огромные рулоны зеленого шелка, и его очень поразила сцена на берегу. «На берегу не было видно ничего, кроме смуглых людей с белыми тюрбанами и в свободных одеждах. Даже деревья не наши, сам запах воздуха напоминает об оранжерее. Архитектура столь же странная, как растительность»⁷².

Еще более странным, с точки зрения Маколей, был дворец раджи в Майсуре: огромное, будто воздушное строение, похожее на набор антикварных вещей с драгоценными камнями, со всевозможными украшениями и показной пышностью.

Гротескные (а иногда и похабные) образы тоже, как заметил Маколей, иногда становились предметами поклонения: «После того, как я увидел одежду его величества и коня его величества, мне продемонстрировали благосклонность и показали богов его величества. Они очень соответствовали остальному в его доме. Главным божеством оказался толстяк с животом, как у Дэниела Ламберта, головой слона и хоботом, дюжиной рук и змеиным хвостом»⁷³.

Возможно, Маколей отнесся бы к Индии с меньшим пренебрежением, если бы его словарь санскрита не упал за борт. Он так и не выучил этот язык.

Как сказал сэр Уильям Джонс, этот язык «идеальнее греческого, богаче латинского, более изысканный и утонченный, чем оба»⁷⁴. Он не походит на португальский, который можно выучить за время двухнедельного путешествия из Мадраса в Калькутту.

Джонс, приземистый, коренастый, неуклюжий и нескладный человек, которого в Кембридже звали «Зверем», соединял интеллект и воображение. Его разум, который, казалось, выпирает из лба, был поразительно вместительным. Он мог читать со скоростью переверачивания страниц и помнил все — и весь «Потерянный рай», и уличные песни, один раз слышанные в детстве.

Джонс был пылким романтиком. Однажды ему пришлось свернуть на боковую улочку, чтобы не сталкиваться с другими пешеходами, потому что он рыдал над «Илиадой»: «Жалел Ахилла, которому пришлось срезать волосы, жалел Приама, катающегося по земле во дворе своего дома; других существ, созданных воображением старого создателя баллад, который умер почти три тысячи

лет назад». Он мог бы с той же страстностью ответить на богатство восточных легенд, фольклор и литературу, которые уже тогда начинали видеть свет. Но погруженный в богатства европейской культуры и начиная писать «Баллады Древнего Рима» (эпос, более посвященный республиканской добродетели, а не имперской мощи), Джонс не позволил им произвести впечатление на свою душу и разум.

Однако Маколей приспособился к Индии лучше большинства. Он нашел Калькутту, климат которой подходил только насекомым и гробовщикам, менее удушающей, чем Палата общин. Пришлось научиться есть завтрак из яиц, манго, пирожков с бекасами и часто горячего бифштекса. Этот человек по возможности избегал официальных обедов и ужинов, где должен был сидеть рядом с дамой самого высокого ранга — «другими словами, самой старой, самой страшной и самой гордой женщиной в компании». Разговоры там были «ужасающей чушью, пустой болтовней».

Маколей приспособился к быстрому ухудшению своего окружения: «Сталь ржавеет, бритвы тупеют, нитки гниют, одежда разваливается на части, книги покрываются плесенью и вываливаются из обложек, штукатурка трескается, древесина отсыревает, ковры протираются и распадаются на нити»⁷⁵. Такое разложение было типичным для Индии с точки зрения Маколея. Оно являлось противоположностью надежности и твердости британской цивилизации.

Как и Бентинк, который считал Маколея чудом, он верил, что Индостан можно спасти только в одном случае — «если смоделировать его по английскому типу»⁷⁶. Поэтому он выступал за свободу прессы и равенство перед законом. В частности, как утверждалось в его знаменитых протоколах, этот человек верил, что индусам следует получать западное образование и учить английский язык.

Не нужно говорить, что его предположение о превосходстве европейского обучения получило резкое осуждение — не в меньшей мере потому, что было выражено в очень резких и язвительных выражениях. Хотя Маколея учили верить в Голиафа и Мафусаила, в землю, по которой текли молоко и мед, он с пренебрежением относился к индийской истории, где было много «королей ростом в тридцать футов, которые правили тридцать тысяч лет, а география состояла из морей патоки и морей сливочного масла»⁷⁷.

Но его конечная цель не раскрывалась. Маколей стремился подготовить индусов к независимости и научить их принимать европейские институты управления. Так британская цивилизация одержала бы победу, даже когда ее власть исчезнет. Ведь цивилизация Древнего Рима пережила уход кесарей.

Британская империя была империей убеждений и мнений. Консерваторы вроде лорда Элленборо выступали против рас-

пространения западного образования как раз потому, что оно подрывало британское правление. Но Маколей объявил: «Конец правления будет днем самой большой гордости в английской истории». (При условии, что его соотечественники оставят империю, неподверженную разложению — «нерушимую империю нашего искусства и нашей морали, нашей литературы и наших законов»)⁷⁸.

Это стало бы наследием, которое были готовы принять многие индийские националисты. Более того, они ценили английский, как, так сказать, «лингва-франка», общепринятый язык Индостана, ставший (в основном, благодаря Америке) латынью современного мира. Английский сделался языком освобождения.

Стремление к реформированию Индии по европейскому типу продолжалось до 1857 г. Скорость менялась, как и последствия. Вестернизация, которая в итоге породила либеральный национализм, изначально привела к консервативной революции.

Конечно, все не было так просто. Индийское восстание сипаев оказалось смесью военного мятежа, политического переворота, религиозной войны, крестьянского бунта и расовых беспорядков. Это была реакция на все обиды — некоторые из них были давними, другие — непосредственными.

С 1813 г., когда пустили христианских миссионеров, британцы казались нацеленными на обращение Индии в свою веру. С этим была связана атака на местные обычаи вроде сати, которую наиболее мощно проводил генерал Напьер. Он обещал действовать в соответствии с обычаями его собственной страны: «Когда мужчины сжигают женщин живьем, мы их вешаем»⁷⁹.

Многие индусы считали «большие двигатели социальных улучшений», поборником которых являлся лорд Дэлхауси, — железные дороги, общую почтовую службу, электрический телеграф⁸⁰ — атаками на кастовую систему.

Каста сегрегировала людей, а эти инструменты ада сводили их вместе. Деревенские жители считали, что локомотивы «движутся при помощи силы демонов, пытающихся сбежать из железной коробки», в которую их засадили чужестранцы⁸¹.

Маркиз Дэлхауси, самый умелый генерал-губернатор (1848—56) после Уэлсли, расправлялся с оппозицией с патрицианским высокомерием и надменностью. Он реформировал систему налогообложения, убрав откупщиков и признав их «трутнями на земле»⁸². Маркиз пытался улучшить судьбу женщин. Он закончил покорение Пенджаба, золотой «земли пяти рек», гордо добавив «четыре миллиона подданных Британской империи и вставив исторический драгоценный камень императоров-моголов [бриллиант «Кох-и-нор»] в корону собственного монарха».

Дэлхауси захватил Нижнюю Бирму, чтобы «обеспечить нашу власть в Индии». Он аннексировал княжества на Индостане, когда правитель не оставлял после себя прямого наследника, насмехаясь над индийской традицией усыновления. Среди изюминок, которые губернатор вытянул из этого «рождественского пирога»⁸³, были Джайпур, Удайпур, Нагпур и Оуд.

Более того, Дэлхауси не обращал внимания на предупреждение Напьера о том, что сипаи на грани восстания. У них была плохая дисциплина, низкая оплата, ужасающие условия проживания и неудобная западная форма. Белые офицеры часто называли их «ниггерами» или «суарами» (свиньями). Генерал Энсон, который стал главнокомандующим в 1856 г., никогда не смотрел на индийского часового так, «чтобы не отвернуться в отвращении».

В том же году сипаев стали принудительно отправлять за границу (ранее это делалось добровольно), если им так прикажут. Но даже пересечение «черной воды» нарушало их кастовое положение (обычно высокое). Еще более ужасным для индуистов и мусульман был жир, который использовался для смазывания патронов новых английских винтовок Энфилда (ими заменили мушкеты «Браун Бесс» в 1857 г.) Британцы глупо и неуместно использовали и коровий, и свиной жир.

Командование армии сразу же отозвало «оскорбительные» патроны (которые никогда так и не выпускали массово). Зато теперь сипаи видели нечистоту везде. В первые месяцы 1857 г., во время столетней годовщины победы Клайва при Плесси, ходили и другие слухи, среди них — пророчества о том, что правление продлится всего сто лет. Столь же зловещим было появление чапати — маленьких серых сухих хлебцев, которые люди распространяли по северным провинциям по причинам, которые так и остались тайной.

Высокопоставленные фигуры, планировавшие подрывную деятельность и ниспровержение существующей власти в Индии, а особенно Нана-Сахиб, усыновленный ребенок низложенного правителя маратхи, воодушевлялись из-за неудач Британии во время Крымской войны. Хотя британские офицеры вращались в основном только в своем обществе, некоторые из них почувствовали, что грядет широкомасштабное восстание. В Амбале 5 мая лейтенант Мартино написал: «Я слышу стон урагана, но не могу сказать, каким образом, когда и куда он ударит»⁸⁴.

Он ударил по большой военной базе в Мееруте, в сорока милях к северу от Дели. Случилось это даже раньше, чем неделю спустя. Там восемьдесят пять стрелков 3-го полка легкой кавалерии, которых предали военному трибуналу за отказ принимать патроны, собрали на пыльном плацу в удушающе жаркий день под свинцо-

вым небом. С них показательно сорвали форму, связали и повели к тюрьме, где им предстояло отбыть десятилетнее заключение. Некоторые из солдат плакали, другие ругались.

Несмотря на дальнейшие предупреждения, британцы оказались совершенно неподготовлены, когда на рассвете следующего дня три полка отказались подчиняться. Сипаи убили примерно пятьдесят офицеров и других чужестранцев, включая женщин и детей, жгли и грабили что попало. Затем они пошли на Дели, вскоре захватив древнюю столицу и современный арсенал Индии.

Его потеря могла оказаться фатальной для правления. Ведь, как писал один миссионер, «наша империя здесь существовала в большей степени на мнении, которое сложилось у людей о нашей силе, чем на нашей силе». А теперь местные жители получили побудительный мотив «подняться с целью убить каждого европейца»⁸⁵.

Это произошло в Дели. Восставшие провозгласили Бахадур-Шаха, восьмидесятилетнего наследника моголов, человека с крючковатым носом и белой бородой, императором Индии.

Бахадур-Шах оказался лидером без шанса на успех. Он был поэтом и мистиком (который верил, что может превратиться в комара), жил среди роскоши, грязи и убожества Красного форта в Дели, возбуждаясь при помощи обнаженных танцовщиц и опиума, обогащенного раздавленным жемчугом, рубинами и кораллами.

Тем не менее, похоже, что он вступил в заговор с восставшими и определенно стал для них важной фигурой. Бахадур-Шах был воплощением и олицетворением упадка, а также живым символом прошлого, которое они хотели восстановить. Поэтому «дьявольский ветер»⁸⁶ прошел по северу Индии, вниз по коричневому Гангу и голубой Джамне, по огромной территории от Пенджаба, через Рохилканд, Оуд и Бихар в Бенгалию. По словам лорда Каннинга, сменившего Дэлхауси на посту генерал-губернатора, восстание сипаев было «скорее национальной войной, чем местным мятежом»⁸⁷.

От Лахора до Калькутты британское общество охватила паника. Оно всегда оставалось белой пеной на коричневом приливе, находилось в опасности быть снесенным собирающимся штормом. Но, видя бегство европейцев из столицы по майдану к Форту-Уильям и на кораблях по Хугли, один свидетель вспомнил эвакуацию Геркуланума после извержения Везувия.

Пока более крупные сообщества сосредоточились на обороне, маленькие разбежались и рассыпались, часто — с ужасающими последствиями. Опыт Марии Милл, о котором она рассказывает в трогательных неопубликованных записках, был типичным. Ее

муж, майор артиллерии, погиб в Файзабаде. А она убежала в сельскую местность с тремя детьми. Слуги их покинули, они терпели жару, жажду, голод, болезни, усталость и невыразимые муки. Время от времени смелые жители деревень, сочувствуя, помогали им, даже обеспечили кормилицу маленькому мальчику. Один раз сочувствующий раджа предоставил англичанам убежище в коровнике с другими беженцами — тремя женами сержантов и их детьми. Миссис Милл нашла это смешанным благословением: «Я очень боялась, что результатом скопления такого количества людей могут стать болезни, не говоря про нехватку воздуха, должной пищи и необходимости находиться вместе с этими женщинами, речь которых иногда было ужасно слушать. Нельзя назвать это самым меньшим из моих несчастий, поскольку меня шокировало то, что и моим детям придется это слушать».

Она не могла кормить ребенка грудью, и он умер в пути. А когда миссис Милл добралась до Калькутты после четырехмесячного путешествия, то родила дочь, которая тоже умерла.

Миссис Милл и двое ее старших детей обязаны своим выживанием удаче. Они оказывались окружены «яростной группой отчаявшихся мужчин, которые, судя по всему, были готовы нас убить без каких-либо угрызений совести»⁸⁸. Однако несмотря на очевидную нелюбовь сипаев, многие британские командующие настаивали, что их полки верны, отказываясь их разоружать. По всей стране они платили за эту веру жизнью.

Однако повстанцы не смогли превратить восстание в войну за независимость. У них не было объединенного командования, ясной стратегии и почти не имелось винтовок Энфилда. Их отвлекали осады Канпура, Лакхнау и Агры. Поддержка населения всегда ограничивалась только севером, и даже там — только местами. К ним присоединились некоторые раджи или образованные люди.

Многие из их соотечественников боролись против повстанцев — в частности, тридцать тысяч сипаев. Восставшим пришлось выступать против сильных контингентов сикхов, пенджабской кавалерии, одетой в красные тюрбаны, украшенные золотом, синие туники, малиновые камербанды, светло-желтые брюки и высокие сапоги. Против них были и гуркхи, доблестная гималайская пехота в зеленых шерстяных кителях (которые они отказывались снимать при температуре, иногда превышавшей 140 градусов по Фаренгейту) и черных головных уборах из камвольной ткани. (О них говорилось, как об ужасающем компромиссе между легким тюрбаном и гленгарри — шапочкой шотландского горца).

Используя пароходы и электрический телеграф, британцы смогли призвать свежие белые войска — некоторые из-за границы, другие — с крымским опытом. Они включали Шотландский

Хайлендерский полк — с волынками, в красных мундирах, шляпах с плюмажем и в юбках. Их считали то женщинами, то евнухами, то демонами, любящими поживиться «черными младенцами под соусом карри»⁸⁹.

Определенно, шотландцы представляли устрашающее зрелище. Генерал Хавелок один раз сделал им комплимент за сдерживание огня, пока «не увидите цвет усов противника»⁹⁰.

Восставшие не получили поддержки от Дост Мухаммеда из Афганистана, зато Герберт Эдвардс нанял людей с северо-западной границы: «Все бродяги и праздношатающиеся, которым было нечем заняться, все профессиональные грабители, все агрессивные ученики из мечетей, у которых руки чесались от фанатизма, нашли рынок для своих сабель»⁹¹.

Сэр Джон Лоуренс, который сменил своего брата Генри на посту хозяина Пенджаба, подавил мятеж, предоставив свободу действий своим непримиримым и безжалостным христианским солдатам. Самым знаменитым из них был генерал Джон Николсон, угрюмый и замкнутый гигант, отличавшийся нечеловеческой смелостью. У него был свой метод убивать тигров. Он ездил вокруг тигра на коне, снова и снова, пока у животного не начинала кружиться голова, а потом убивал его холодной сталью. Некоторые аборигены из племен фактически поклонялись Николсону. Но когда их поклонение начало мешать ему жить, он приказал их высечь.

У него была густая черная борода и блестящие серые глаза. Николсон обладал гипнотическим влиянием на всех, с кем встречался. Он подавил проявления неповиновения в Пенджабе и пронесся по его желтовато-коричневым равнинам, как воплощение мести⁹². Знаком его появления были трупы, свисавшие с только что построенных виселиц.

Другие британские командующие тоже убивали. В Аллахабаде полковник Джеймс Нейлл, превосходя ревностность своих соотечественников, казнил шесть тысяч человек — больше, чем было убито с его собственной стороны во время всего восстания. Он уничтожил столько деревень во время марша к Канпуру, что его офицеры начали протестовать: «Если Нейлл лишит страну населения, то не сможет получать припасы для своих людей»⁹³.

В июне измотанные защитники этого пыльного города сдались, когда Нана-Сахиб, возглавлявший восставших, пообещал им безопасный спуск вниз по Гангу. Вместо этого англичан перебили, когда они садились в лодки.

В следующем месяце, когда свежие силы приблизились к Канпуру, по приказу Нана-Сахиба выживших буквально зарезали. Изуродованные тела 197 женщин и детей, некоторые из которых все еще дышали, сбросили в колодец. Это преступление, к которому

добавились другие истории зверств (причем во многих происходили изнасилования, а почти все жертвы оказывались случайными), привели в ярость британцев.

До того некоторые офицеры выражали отвращение к репрессиям. «Это повешение вызывает тошноту, — сказал капитан Кэмпбелл своей жене. — Я не чувствую удовольствия, которое, как кажется, сейчас ощущают некоторые при виде мертвых повстанцев. Они же Божьи существа»⁹⁴. Но убийство так называемых «ангелов Альбиона»⁹⁵ вызвало ужас во всем мире. Многие совершали паломничество к местам убийств. Один офицер нашел «кровь на стенах, отметки от сабель и пуль, валяющиеся вокруг локоны волос и ботиночки маленького ребенка»⁹⁶.

Такие рассказы, вероятно, вызывали тупую ярость и жажду отмщения. Капитан Гарнет Уолсли дал клятву, которую «давали большинство солдат — кровь за кровь, которую они пролили в Канпуре. Но не капля за каплю, а бочки и бочки мерзости, которая течет в венах этих ниггеров, за каждую каплю крови». Там Нейлл порол восставших и подозреваемых, заставлял их слизывать кровь с пола скотобойни до того, как их вешали. Перед тем, как «станцевать хорнпайп»⁹⁷, или получить «канпурский обед»⁹⁸ (штык в живот), многих «Пандис» [это жаргонное название восставших сипаев происходит от часто встречающейся фамилии брахманов в Бенгалии, Панде] радостно или небрежно пытали. Их оскверняли свиной и говядиной. Им говорили, что их трупы скормят собакам, чтобы души не знали успокоения⁹⁹.

Многие священнослужители в ярости оправдывали все происходящее. Они и их соотечественники частично делали это, поскольку восставшие разрушили миф о неуязвимости британцев, а последствия этого нельзя было просчитать. Как писал один британский купец в Калькутте, «случись еще один Канпур, и я твердо уверен, что нас погонят в море или убьют, и тогда Индия будет потеряна для англичан»¹⁰⁰.

Но патологическая враждебность изначально вдохновлялась тем, что казалось адским переворотом космического порядка. Как писал военный корреспондент «Таймс» Уильям Говард Рассел, «бойни в Канпуре особенно усугублялись тем, что были делом подчиненной расы — чернокожих, которые осмелились пролить кровь своих хозяев»¹⁰¹.

У себя в стране британцы объявляли восставших животными и варварами, которые не заслуживают снисхождения. Каннинг говорил: господствующие чувства по дикости и яростности можно сравнить с тем, что «выражала газета американского рабовладельческого государства»¹⁰². Однако получилось так, что они эхом отозвались в Бостоне и Нью-Йорке.

Победные и хвалебные песни ненависти заставили замолчать такие организации, как Общество защиты аборигенов. Англичане радовались кровавым сообщениям о массовом расстреле восставших из пушек — наказании, которое долгое время считалось «прекрасным примером нравственной силы»¹⁰³. Один человек писал: «Я отчасти ощущаю страсть римского императора, желавшего, чтобы у нации была только одна шея, которую можно уничтожить одним ударом»¹⁰⁴.

Мартин Тапер хотел покрыть Индию «рощами виселиц»¹⁰⁵, Джон Тенниэл выдал победную карикатуру под названием «Месть британского льва бенгальскому тигру»¹⁰⁶. Лондонцы фактически смеялись и дразнили тигра в зоопарке — во многом так, как их потомки станут пинать такс во время Первой Мировой войны.

Даже Маколей опустил до истерии: «Я не могу видеть, как животное или птица страдает от боли, но смог бы, не мигая, смотреть, как пытаются Нана-Сахиба»¹⁰⁷.

Историка удивляли его эмоции. Он признавал, что садизм ушибен и вреден для характера, вспоминал испытанный ужас после прочтения о том, как Фульвий убил весь сенат Капуи во время Второй пунической войны. Но автор говорит: он не расстроится, услышав, что весь гарнизон в Дели постигла та же судьба.

Многие британцы ожидали, что столицу моголов «возьмут, словно понюшку табака»¹⁰⁸. Но город с глубоким сухим рвом, толстыми красными стенами и мощными зелеными бастионами оказался хорошо защищенным. Как писал один британский офицер, «Панди были исключительно мужественными и сражались, словно дьяволы»¹⁰⁹. Более того, из-за мощного гласиса, осадные 24-фунтовые орудия, которые тянули слоны, могли делать пробоины только в верхней части укреплений. Они не сумели превратить Дели в то, что военные умы называли «Панди-мониумом».

Поэтому штурм города, который начался 14 сентября, превратился в кровавую бойню. Атаку возглавлял Николсон, он получил смертельное ранение у Лахорских ворот. Последовало долгое и яростное сражение на узких улочках, в окруженных стенами садах, белых особняках, мечетях под куполами и рощах кипарисов. Британское наступление остановилось, когда солдаты напились украденным алкоголем. Отмечалось, что их союзники-сикхи «пили ром, как истинные христиане»¹¹⁰. Даже когда люди были трезвы, некоторые из них вели себя очень трусливо, — писал один офицер. — Они регулярно пугались»¹¹¹.

Но пятая часть всех задействованных войск погибла, как и тысячи гражданских лиц. Бойня шокировала даже такого закаленного молодого младшего офицера, как Фредерик Робертс, который сообщал, что вошел в фактически в город мертвых: «Мы зашли

в тишине и произвольно говорили шепотом, словно опасались побеспокоить эти жуткие останки людей. Картины, с которыми мы сталкивались, были ужасными и тошнотворными в крайней степени. В одном месте собака грызла непокрытую конечность, в другом наше приближение побеспокоило стервятника на мерзком пиру, но он так нажрался, что не мог взлететь, поэтому ускорился на безопасное расстояние. Во многих случаях положения тел были поразительно жизненными. Некоторые лежали с поднятыми вверх руками, словно призывали кого-то. На самом деле вся сцена получилась странно жуткой и кошмарной, не поддающейся описанию. Казалось, наши лошади чувствовали ужас всего, как и мы, потому что тряслись и фыркали в явном страхе. Атмосфера оказалась невыразимо отвратительной»¹¹².

Лейтенант Уильям Ходсон усилил ужас, убив трех сыновей Бахадур-Шаха, которые сдались вместе с отцом у гробницы Хумаюна. С принцев вначале сорвали роскошные одежды, а в дальнейшем капитан Уильямс «отправил своей жене все кольца и украшения, которые нашли на сыновьях короля, когда их застрелили»¹¹³.

Город разграбили с той же безжалостностью, найдя много спрятанных сокровищ. Как и обычно, королева Виктория (которая осуждала нехристианский дух мести), получила несколько ценных предметов, включая крохотную корону императора с драгоценными камнями, а также позолоченные стулья. Как писал Герберт Эдвардс, каждый человек привез домой достаточно трофеев, чтобы сделать «Крезом». Это «напоминало возвращение крестоносцев»¹¹⁴.

Захват Дели предвещал поражение восстания, хотя «белый террор» продолжался и после окончательного освобождения Лакхнау (где мучеником стал Генри Лоуренс) в 1858 г. Во время трудной кампании по уничтожению последних очагов сопротивления в Центральной Индии британцы «совершали все виды зверств». Как признавал майор Пембертон Кэмпбелл, «наши люди были очень дикими, относились к этим несчастным, как к паразитам. Некоторые специально носили с собой веревки, чтобы на них вешать, делая это с большим удовольствием». Иные приказывали подозреваемым восставшим бежать, «а когда они удалялись на 20 ярдов, стреляли по ним, как по зайцам во время облавы»¹¹⁵.

Британская мстительность поддерживалась подавляющим ощущением предательства. Офицеров убивали их подчиненные, семьи ножами в спину убивали личные слуги. Но обвинения в государственной измене и крики о предательстве едва ли когда-то являлись логичными. Не подходило и слово «неподчинение», которое помогало оправдать огромную зачистку.

Радикалы вроде Джона Брайта и Чарльза Дилка указывали: у британцев не было права рассчитывать на верность и преданность в стране, захваченной и удерживаемой силой, управляемой в интересах завоевателей, чужеродных по убеждениям, вероисповеданию, цвету кожи и культуре. Можно доказать, что они сами, как вассалы императора моголов, были повстанцами. Более того, мстительность должна была углубить и обострить расовую ненависть, а в долгосрочном плане — подорвать правление. «Так и Сарматия пала не оплакиваемой, без преступления, — размышлял Уильям Говард Рассел, обдумывая насилие своих соотечественников, совершенное по отношению к Индостану, — а мы можем пасть не оплакиваемыми, но со многими преступлениями»¹¹⁶.

Каннинг попытался избежать разрушений при помощи политики, из-за чего получил враждебную кличку «Акт милосердия». Он стал первым вице-королем Индии, и был менее мягким и снисходительным, чем говорил. Он предпринял суровые меры для усиления британской безопасности.

Однако Каннинг сожалел о ежедневном использовании термина «ниггеры» в газетах, говоря: «Плохим днем для нас будет тот, когда слово пропишется в Индии»¹¹⁷. Однако он не мог остановить рост расовых предрассудков.

Британское правительство, которое сменило «Ост-Индийскую компанию», тоже поддерживало политику умиротворения после восстания сипаев. Эта катастрофа, которая отмечала эпоху в истории Британской империи, вероятно, была вызвана либеральными реформами Бентинка и Дэлхауси. Поэтому новый упор будет делаться скорее на консолидации, а не на улучшении, скорее на удержании Индостана, а не на подготовке его к сбрасыванию иностранного ярма. Индией теперь будут править в соответствии с канонами консерватизма.

Поэтому христианское проповедование Евангелия не поощрялось. Индийские обычаи уважали. Аннексии прекратились. Бахадур-Шаха низложили, но индийские раджи стали львами под троном королевы Виктории. К заминдарам и талукдарам стали относиться, как к местному дворянству¹¹⁸. Опираясь на них, каста решительных, настойчивых, честных, умелых британских чиновников будет править над низшей расой и не допустит анархии...

Однако после восстания имелись противоречия в сердце британской администрации. В некотором роде британцы отвергали то, что один индийский журнал назвал «азиатской стационарностью»¹¹⁹. Как выразился сэр Джеймс Фитцджеральд Стивен (сын заместителя министра по делам колоний), они хотели сделать свою индийскую империю «колыбелью перемен, сравнимых с теми, которые сформировали нерушимое наследие человечеству от

Римской империи»¹²⁰. Например, продолжали продвигать западные технологии и прогрессивное образование. Как в дальнейшем Киплинг написал про своих соотечественников,

Мертвыми землю они покрывают в бою,
Но, лишь успеют орудия их замолчать,
Быстро проявят о мире заботу свою,
Чтобы детей ради блага живых обучать...¹²¹

Да, образование больше не развивалось в ассимилирующем духе Маколея и Чарльза Тревельяна, который радовался, что молодые индусы, которых обучают английской литературе, «станут в большей мере англичанами, чем индусами. Так провинциалы из Римской империи становились в большей степени римлянами, чем галлами или итальянцами»¹²².

Но образованная элита, оснащенная современными идеями, должна была бросить вызов отеческому правлению, особенно в тот момент, когда его поддерживали самые реакционные элементы в индийском обществе. В отличие от умеренных и мягких индусов, занятые наукой и усердные индусы будут представлять серьезную угрозу превосходству белых и культурному смешению рас. Они начнут подрывную политическую деятельность и стремиться к ниспровержению власти белых. В Европейском клубе и офисах ни одного индуса не обливали грязью и не поносили больше, чем «холеного бабу» — англоизированного индуса¹²³.

Тем временем люди всех сортов и уровней жизни продолжали искать признаки того, что дни британского правления сочтены. Одно яркое предзнаменование появилось в Калькутте 1 ноября 1858 г. во время церемонии, на которой отмечалась передача власти в Индии от «Ост-Индийской компании» британской короне. Это включало заявление (которое читали по всей Индии) с обещанием уважения к национальным обычаям и религии. Сама королева Виктория сделала его более примиренческим в попытке «покрыть покрывалом грустное и кровавое прошлое»¹²⁴. Пресса хвалила эту попытку, а «Инглишмен», газета, выходящая в Калькутте, осуждала непримиримых, которые издавали «злой и глупый призыв: Индия для англичан»¹²⁵.

Когда спустилась тьма, столицу ярко осветили. Эспланада-роуд, Чауринги-роуд и Окленд-гарденс превратились в ослепительные созвездия. Очертания Дома правительства, городской ратуши, некоторых памятников и бирманской пагоды, а также все здания общественного назначения высвечивались цветными масляными и газовыми фонарями. Корабли на реке, «в особенности, военные, включили красивые огни. Их держали сотни веселых матросов на

удалении одного ярда, или длины руки от своих белых мундиров. От этого сцена казалось экзотической, словно происходящей в сказочной земле»¹²⁶.

Кульминацией вечера стал колоссальный фейерверк, который стоил 30 000 рупий. Его устроили перед огромной толпой на майдане, которая с нетерпением ожидала этого события. Но когда зажгли небольшие ракеты, петарды, огненные колеса, бенгальские огни, римские свечи, змей и рога изобилия, все вышло из-под контроля. Тысячи ракет «внезапно взорвались сами по себе». Искры подожгли огромное деревянное здание, представлявшее гору Везувий, которое было заполнено горючей смесью, приготовленной для взрыва. Ручной вулкан превратился в дикий ад, сжигающий и взрывающий окрестности, словно восстание сипаев. Огонь перекинулся на огромный транспарант с изображением королевы Виктории — икону, которая не предназначалась для сжигания. Как писал один британец-свидетель, она «сгорела, словно чучело, которое показательно предают казни».

Это зажигательное зрелище доставило удовольствие «неверным местным жителям, которые радостно кричали и, как казалось, разглядели в нем знак»¹²⁷.

Глава 6

«Благая Весть плывет над миром, но пулемет «Максим» стучит» К покорению Африки

Призрак восстания сипаев преследовал британцев везде — от дворца до трущоб. Он сформировал характер их империи странными и противоречивыми путями. В частности, правление в Индии стало одновременно и более суровым, и более мягким. Это был тип управления, который индийские националисты называли «сахарный нож»¹ — острый, но сладкий, сила, делаемая приятной. Если использовать мысли Теодора Рузвельта, то Джон Буль мягко стелил, да жестко было спать.

Если воспользоваться выражением Киплинга, то британец носил кастет под лайковыми перчатками.

Сама королева Виктория начала поддерживать эту двойную стратегию имперского правления и даже воплощать ее. Одним из ее главных принципов было никогда не отдавать то, что у нее есть, даже если это столь же тяжело удерживать, как Афганистан. И она становилась более воинственной с возрастом. «Если мы хотим удерживать наше положение первоклассной державы, — сказала королева Дизраэли с характерными для нее ударениями, — то мы должны, в случае нашей Индийской империи и крупных колоний, быть готовыми к атакам и войнам, в одном или другом месте НЕПРЕРЫВНО»².

С другой стороны, королева лелеяла свою квази-мистическую связь с подданными, особенно — с индусами. Например, когда красивого молодого сикха махараджу Дулипа Сингха отправили в ссылку в Англию, она сделала из него что-то вроде домашнего любимца, организовала написание его портрета «нашим дорогим Уинтерхалтером» и убеждала его носить теплое шерстяное нижнее белье. (Две особы королевской крови разделяли страсть к индийским камням; у королевы было три портмоне, заполненных ими. Но Дулип Сингх не смог ей простить получение бриллианта «Кох-и-нор», этого высшего знака власти, который он когда-то носил у себя на рукаве. В дальнейшем он дал ей кличку «Миссис Старая Преступница»)³.

После восстания сипаев королева продолжала требовать примирения на Индостане.

Она стремилась к высшей власти, которая была вырвана из слабых рук Бахадур-Шаха, и в 1876 г. стала императрицей Индии.

Новый титул, подразумевающий одновременно деспотизм и кратковременность, был изначально непопулярен дома. Гладстон осудил его, назвав «театральной ошибкой и напыщенностью»⁴. Бенджамин Дизраэли, премьер-министр из партии «тори», был счастлив потешить тщеславие своей монархини. Однако он публично заявлял: имперский стиль понравится индийским раджам, чьи предки занимали свои троны, «когда Англия являлась римской провинцией»⁵.

Дизраэли был неисправимым романтиком и чувствовал, что имидж монархии может завоевать верность вассалов империи, что поможет избежать ее распада. Как показывают его романы, он тоже размышлял на руинах Капитолия, и «образ Рима, как державы, которая распадалась и пала, преследует даже освещенное солнцем царство грез»⁶.

Верность короне могла поддержать Британскую империю, поскольку это была эмоциональная связь, более сильная, чем клятва верности, с дрожью данная Цезарям, или федеральная связь, соединяющая штаты Америки. Не менее важно то, что она скрывала истинную природу имперских отношений. Как средство правления, если перефразировать лорда Солсбери, надувательство лучше бамбуковой трости. Королевский культ с его ритуалами и претенциозностью, знаками и регалиями, салютами из множества орудий и сложной табелью о рангах, должен был очаровать сословие раджей. А заодно он скрывал даже от образованных индусов тот «обнаженный меч, на который мы полагаемся на самом деле»⁷, если вспомнить выражение Солсбери

Имперская корона определенно стала символом объединения миллионов британских подданных, разделенных вероисповеданием, цветом кожи, расой, национальностью и пространством.

Это не произошло по случайности. Огромные усилия предпринимались, чтобы сделать монархиню фетишем империи. Ее прославляли в молитвах, гимнах, церемониях и тостах. Ее величество приветствовали на парадах, фестивалях, пышных зрелищах и процессиях. Проводились праздники со всеми видами театральных представлений, от ослепительной пиротехники до патентованных музыкальных групп, которые шумно исполняли «Боже, храни королеву!», когда она садилась.

Проводились торжественные приемы, например, в Дели, где отмечали принятие Закона о королевских титулах. О торжествах с пренебрежением отозвался художник Вэл Принсеп, назвав «гигантским цирком», наполненным мишурой, украшениями и вывертами, «превосходящими Кристалл-палас по идиотизму»⁸.

«Хантли энд Палмер» производили печенье «Правящая монархиня», украшенное коронами из абрикосового джема. День рождения королевы, 24 мая, стал Днем империи в 1904 г. Он отмечался церковными службами, салютом, дневными и вечерними приемами. Имя «Виктория» стало географически вездесущим, несмотря на возникающее время от времени беспокойство о том, что королева будет оскорблена ассоциацией с такими дикими местами, как Африка. Им называли горы, озера, реки, водопады, гавани, пляжи, провинции, районы, города, гостиницы, больницы, железнодорожные станции, ботанические сады, даже кладбища. Также в честь монархини именовали несколько видов ткани, большую лилию, сливу, карету, голубя, медаль и небесное тело. Лицо королевы попадалось везде, появляясь не только на портретах, фотографиях, рекламе и витражах, но и на марках, монетах, значках, табличках, фарфоре, даже на презервативах. Многие за границей клялись, что видели ее живьем.

Некоторых, несомненно, вдохновляла полуаллегорическая картина, которая вывешивалась в школьных классах, под названием «Драгоценный камень в ее короне». Ее описание Пол Скотт дал в своем знаменитом романе «Квартет Раджа». Королева представлялась сидящей на золотом троне под малиновым балдахином. Над ней парили ангелы, а в нижней части ей несли сияющую дань, которую она принимала.

На других мог произвести впечатление большой портрет королевы, выставленный в одном из наиболее известных борделей Бомбея.

Люди в отдаленных частях Британских островов терли пальцами ее образ на золотых соферах, чтобы не заболеть. Индусы кланялись ее изображению и жертвовали козлов перед ее образом (хотя козлов также жертвовали Юридическому комитету Тайного совета). Епископ Уэллдон из Калькутты не мог понять, почему королева Виктория привлекает местных жителей больше, чем Иисус Христос.

В Африке Большую Белую Мать тоже боготворили и поклонялись ей. Генри Мортон Стэнли почитал ее, а Джон Ханнинг Спек в своих снах путал монархиню со своей настоящей матерью.

Народности банту испытывали такое же уважение к Виктории, как «к своим усопшим вождям»⁹. Один царь басуто сказал королеве: «Моя страна — это ваше одеяло, а мои люди — вши на нем»¹⁰.

Зулу называли джин «слезами королевы»¹¹. После того, как брасса атаковали «Королевскую Нигерскую компанию» в Акассе в 1895 г., они написали принцу Уэльскому, что им теперь «на самом деле очень-очень жаль — особенно, из-за того, что убили и съели часть ее сотрудников». Они отдавались «на милость доброй ста-

рой королевы, самой доброй, любящей и сочувствующей старой мамы»¹².

Да, те немногие африканцы, которые действительно встречались с монархиней, испытывали разочарование, обнаружив, что она такого маленького роста и полная. Но искусство добавляло ей роста. Скульптуры королевы в более чем реальную величину занимали лучшие места в каждом имперском городе — от Акры до Аделаиды, от Торонто до Калькутты. В Калькутте лорд Керзон в дальнейшем спроектировал Викторианский мемориал, чтобы усилить «подавляющее и непреодолимое воздействие», которое королева-императрица оказывала на «воображение азиатов»¹³.

Изображения монархини в мраморе и бронзе были «столь же необходимы для гражданского самоуважения, как и конные фигуры римлян в античные времена»¹⁴.

Они не всегда льстили. Статуя напротив Лейнстер-хауса в Дублине известна по прозвищу «мечь Ирландии».

Но даже после смерти королева Виктория оставалась иконой. Когда восставшие сломали палец ее статуи в Амритсаре перед бойней в 1919 г., кто-то из толпы помог избежать дальнейшего ущерба, крикнув: «Не надо ее крушить! Она была хорошей королевой»¹⁵.

Один армейский офицер, который собирал ополчение в Ассаме во время Второй Мировой войны, обнаружил, что его переводчик убедительно говорит: «Британцы из той же нации, что и великая королева... И поэтому Япония обязательно будет побеждена»¹⁶.

После войны, во время которой японцы украли несколько королевских статуй из Гонконга, единственно заново восстановленной оказалась королева Виктория. (Хотя раньше те, кто отправлялся на вечеринку, часто совершали святотатство: кто-то надевал соломенную шляпу или цилиндр ей на корону)¹⁷.

Уже в XX веке черные жители Барбадоса почитали ее, «как хорошую королеву, потому что она нас освободила»¹⁸. В 1950-е гг. вожди Ньясаленда сожалели, что «королева Виктория не приехала сама, чтобы заключить договор»¹⁹.

Однако некоторые викторианцы описались: по мере расцвета демократии мистика монархии может уменьшиться. Они прилагали все усилия, чтобы не допустить потерю веры. По всей империи дети учили историю, как последовательность английских королей и королев. Но в Нигерии сэр Фредерик Лугард не рекомендовал школам рассказывать о Стюартах, поскольку это может породить неуважение к власти²⁰.

Во время торжественного приема в честь коронации Эдуарда VII в Дели лорд Керзон запретил петь «Вперед, солдаты-христиане!» Ведь что там были строки:

Мирская власть недолговечна,
И троны могут прахом стать...

Напряжение империализма после восстания сипаев, которое многие рассматривали, как «вызов самому христианству»²¹, вероятно, лучше всего показано в этой пародии на популярный гимн:

Вперед, солдаты-христиане,
Вперед, в языческие земли!
Пусть вам молитвенник поможет,
Но и винтовка не молчит.
Ведь надо принести известья,
О том, как нам вести торговлю.
Благая Весть плывет над миром,
Но пулемет «Максим» стучит...²²

Но пулемет системы «Максим» не был запатентован до 1884 г. Однако его предшественник, «Гатлинг», использовался во время Гражданской войны в Америке. Несмотря на печально известную склонность к заеданию и перебоям в работе, он побывал и в некоторых британских колониальных конфликтах. Как и другие инструменты, спроектированные, чтобы придавать научную эффективность смерти (например, гильотина и отравляющий газ), «Гатлинг» считался «гуманным» приспособлением. Его изобретатель, в честь которого и названо оружие, считал: если один солдат сможет выстрелить сто раз, то армии станут меньше, а жертв на поле брани тоже окажется меньше.

Конечно, на практике это орудие стало первой серьезной попыткой механизировать массовое убийство. Пулемет косил людей, а в сравнении с мушкетом был тем же, что жатвенная машина Маккормика по отношению к серпу. Он оказался особенно эффективен против ассагаев зулусов, копий ашанти и пик дервишей. [Дервиш означает «нищий» на персидском. В широком смысле, это член исламского религиозного братства. Викторинанцы применяли этот термин к воинственным суданским мусульманам. Так он и используется в данной книге. — Прим. авт.] И он оказывался еще лучше, если, как писала «Таймс», британскому генералу везло и удавалось «поймать большую толпу дикарей на открытой местности».

Хотя этой газете очень нравилось, когда ашанти заставляли «немного послушать музыку Гатлинга», «Таймс» считала оптовое убийство менее желательным, чем «заставлять группу дикарей регулярно драпать»²³.

Сесил Родс был более жестоким и безжалостным. Рассказывая, как воины матабеле «оставляли толстый слой трупов на земле», он счастливо заметил: «Никаких потерь с “Максимом”»²⁴.

И новые винтовки, заряжавшиеся с казенной части и разработанные в 1860-е гг., являлись большим шагом вперед по сравнению с кремневыми ружьями «Браун Бесс», даже большим, чем такое ружье в сравнении с луком и стрелами. Они давали имперским войскам подавляющее преимущество в «малых войнах» времен правления королевы Виктории.

Эти войны велись так часто, что антиимпериалисты осуждали выражение «*Rex Britannica*», как «гротескного монстра лицемерия»²⁵. В 1869 г. британская армия начала использовать мощные и точные «Мартини-Генри». Правда, их отдача, подобная пинку мула, приводила к окровавленным носам и синякам на плечах у солдат.

Это оружие, которое могло делать шесть выстрелов в минуту и эффективно стрелять на тысячу ярдов, превратило колониальные сражения в охоту. Солдаты фактически называли местное население «дичью», а Роберт Баден-Пауэлл думал, что преследование этих «смеющихся черных дьяволов» матабеле являлось лучшим спортом в мире.

Преследование получалось еще более возбуждающим оттого, что у «дичи» тоже имелось стрелковое оружие, хотя обычно это были выброшенные европейцами стволы или дешевые кремневые ружья широкого назначения, известные под названием «газовые трубы Бирмингема».

Сам Баден-Пауэлл был ранен в бедро каменной пулей, покрытой свинцом, выпущенной из мушкета матабеле с большим стволом. От нее остался... синяк.

Строители империи, которые имели такое превосходство в вооружении, оказывались более склонны добиваться целей путем принуждения, а не искать дружбы и расположения. Африканцами, если снова процитировать Баден-Пауэлла, нужно «править железной рукой в бархатной перчатке». А если не поймут ее силу, «надо снять перчатку»²⁶.

Железо, а в дальнейшем сталь являлось движущей силой и опорой империализма. Массовое производство стало возможно благодаря изобретению Бессемера — конвертерного способа переплавки чугуна в сталь (1850) и разработке мартеновских печей в 1860-е гг.

Производя эти металлы в гигантских масштабах, британцы считали себя «титанами технологий»²⁷. Именно технология увеличила их власть над огромными регионами мира — особенно, в то время, когда крупные конкуренты боролись с внутренними проблема-

ми (например, Германия объединялась, а Америка столкнулась с гражданской войной).

Коммерчески это давало британцам железную хватку и несравненную возможность дотянуться до самых удаленных мест. Они экспортировали столовые приборы в Тимбукту, металлические дома (известные, как «железные котлы») — в Мельбурн и Кимберли, литейные цеха — в Чили, казармы — в Крым. Они выковали новое средне-викторианское Монтевидео: «Свыше сорока миль железных труб, со всеми железными деталями, оборудованием, подвижными составами железных дорог, трамвайных путей, газопроводы и водопроводы были английскими. Английской была и железная арматура для строительства домов и магазинов, а также двух просторных рынков»²⁸.

Они отправляли за границу готовые для монтажа секции или блоки железных маяков, таможенных постов, гостиниц с верандами и церковей с колокольнями (известные, как «дешевые храмы»). Британия обеспечивала переносные правительственные резиденции от Симлы до Фернандо-По. О последней сэр Ричард Бертон говорил: «Это гроб из рифленого железа, морг, обшитый панелями, в котором раз в год бывает мертвый консул»²⁹.

Технология обработки металлов увеличила и военно-морскую мощь Британии. «Железные цыплята Пикока»³⁰, как прозвали канонерские лодки в честь их поборника-романиста из «Ост-Индийской компании», доказали свою ценность в Китае. Они открыли другие континенты (в особенности, Африку) для британцев. Это не помешало Королевскому ВМФ, который мало чему научился после Трафальгарского сражения (если вообще чему-то научился) заявить в 1851 г., что «железо, как кажется, неприменимо к военным кораблям»³¹.

В 1859 г. Королевский ВМФ спустил на воду трехпалубный деревянный линкор, названный «Виктория», хотя признавали, что он — последний в своем роде и ходит при помощи пара.

«Королевские почтовые линии» почти тем же способом препятствовали использованию железа, настаивая до 1855 г., что у них должны быть деревянные суда. Но с середины 1830-х гг., когда доктор Дионисий Ларднер предложил съесть корабль, который сможет пересечь Атлантику только на собственном пару (как сделал «Сириус» в 1838 г.) и до 1880-х, когда пароходы обогнали парусные суда по тоннажу, революция продвигалась медленно.

Однако «Британия», построенная «Исамбард Кингдом Брунел» в 1843 г., оказалась неотразимым образцом силы и скорости. Корабль сделали из железа, а гребной винт работал на пару, генерируемом топливом — каменным углем. «Уголь, хранившийся миллион лет солнечный свет, — это великолепный агент, — писал

один энтузиаст викторианской эпохи. — Свобода зажигает огонь, а христианская цивилизация — это двигатель, который ведет за собой весь мир»³².

Очевидно, это было выполнением плана Провидения (по мнению Уильяма Бакланда, профессора минерологии из Оксфорда), которое мудро разместило запасы угля и железа вместе (рядом с Бирмингемом), чтобы сделать Англию богатейшей страной на земле.

Левиафаны, построенные на принципах «Британии», обеспечивали царствование страны на волнах, что еще сильнее подкреплялось накапливанием гаваней и угольных портов по всему миру. Они укрепляли и власть в империи на суше. В 1830 г. судну «Ост-Индийской компании» могло потребоваться от пяти до восьми месяцев для того, чтобы добраться до Бомбея. Это было такое длинное морское путешествие, что казалось, будто «секунды превращаются в столетия»³³. К 1869 г., когда Суэцкий канал в два раза сократил морское расстояние между Лондоном и Бомбеем, пароходы «Пенинсьюлар энд Ориентал Лайн» смогли совершать путешествия за четыре недели. Это дало возможность Великобритании быстро отреагировать в случае еще одного восстания.

Британские правительства не смогли утвердить территориальные интересы в канале. Они долго мучились из-за этого провала. Они долго выступали против гигантского проекта Фердинанда де Лессепса, который осуществлялся на французские деньги и силами египетских рабочих. Обычный путь из Великобритании в Индию вокруг мыса Доброй Надежды стал ошибочным и чрезмерно растянутым. Кроме того, Суэц стал источником соперничества между двумя великими державами. Палмерстон отмахнулся от канала, как от «розыгрыша»³⁴, а «Панч» высмеивал его — «невозможную траншею»³⁵. Их соотечественники сделали вывод, что проект такой же практичный, как полет на Луну на воздушном шаре, а потраченные на него деньги уйдут, словно вода в песок.

Но ценность стала очевидной по завершении строительства канала длиной девяносто восемь миль. Тогда это было крупнейшим в мире инженерным достижением, включающим выкапывание почти 100 миллионов кубических футов земли. Этого было бы достаточно, чтобы пятьдесят раз завалить Елисейские поля до вершин деревьев. Более того, его триумфальное открытие французской императрицей Евгенией стало унижением Великобритании, где королева Виктория открывала Холборнский виадук.

Флотилия судов, возглавляемая «Л'Эгль» («Орлм»), прошла короткий путь из Европы в Азию. Была проведена пышная церемония и развлечения в стиле «арабских ночей», во время которых Африку объявили «островом». Религиозные лидеры разных конфессий благословляли канал — путь к процветанию. Наконец в

Порт-Саиде начался фейерверк, причем такой, что «чуть не уничтожил город»³⁶.

Если взять все вместе, инаугурация оказалась самым зрелищным событием, который видел регион с тех пор, как Моисей прошел по суше среди Красного моря. Сам канал захватил воображение современников. Это было современное чудо света, более грандиозное, чем пирамиды. Оно стимулировало путешественников к новым достижениям, от вымышленного кругосветного путешествия Жюль Верна до реального Томаса Кука. Канал побудил к строительству новых морских путей, включая Панамский канал. Очевидно, он даже вдохновил к «открытию» каналов на Марсе.

Однако с точки зрения Лондона, открытие Суэцкого канала выглядело, как еще одна наполеоновская экспедиция на Ближний Восток, а значит — угроза Индии. Поэтому, когда банкротство Измаила, хедива (правителя) Египта заставило его продать акции компании, владеющей каналом (это случилось в 1875 г.), их тут же схватил Дизраэли. Он написал королеве Виктории знаменитую фразу: «Он — ваш, мадам»³⁷.

Покупка превозносилась, как блестящее достижение и подвиг. Английская пресса «объединилась в победном крике, словно был покорен целый мир»³⁸.

Британия теперь явно имела большую долю в том, что обещало стать крупнейшей коммерческой артерией в мире, яремной веной империи. Порт-Саид являлся, как писал один современник, «нашим нексусом — нашим нервным центром, где встречались пути нашей империи»³⁹.

Но от одного конца до другого канал фактически находился во власти Египта, хотя номинально подчинялся Турции. Поэтому Британия, опасаясь стратегического вызова, стала все больше беспокоиться из-за земли фараонов и того, что викторианцы называли «черным континентом». Газеты повторяли: «Египет — для англичан»⁴⁰.

На самом-то деле Египет, похоже, мало интересовал Дизраэли. Он сослался на страну один раз во время дискуссии с одним финансовым инспектором Ивлином Барингом. Дизраэли тогда спросил, много ли пеликанов живет на берегах Нила.

Однако Гладстон справедливо считал, что акции канала приведут к колонизации Британией других частей Африки, притом — во имя обороны. Другие, более дальновидные люди, предсказывали: навязчивая национальная идея, связанная с этим уязвимым водным путем, окажется губительной для британских интересов. Джон Буль помешался на «Суэце-убийце!»⁴¹

Тем временем морская связь с Индией была такой же крепкой, как железные корпуса судов Королевского ВМФ и стальные рель-

сы, которые связывали друг с другом участки земли в империи. Викторианцы часто сравнивали железные дороги с римскими дорогами, главной целью которых, как говорил Гиббон, было «ускорить марш легионов»⁴².

Это особенно относилось к Индии. Здесь железные дороги, хотя и строились ради прибыли и иногда были плохо спланированы, имели важнейшее стратегическое значение⁴³. Они предназначались, как писал лорд Дэлхауси, для того, чтобы избежать «постоянного риска» вражеской атаки и позволить крошечному британскому гарнизону «перенестись в любую данную точку, где требуется применение силы». От узкой колеи отказались в пользу широкой, потому что узкая не позволяла двум лошадям кавалерии перемешаться рядом друг с другом. «В Индии не должно строиться ни одной дороги, по которой нельзя провезти пушку Армстронга», — говорилось тогда⁴⁴.

Мосты и туннели оснащались орудийными башнями с бойницами и амбразурами. В военных городках и лагерях имелись отдельные посты, многие из них укреплялись, чтобы выдержать осаду⁴⁵. Самыми зрелищными по всеобщему признанию стали возносящиеся ввысь храмы огнедышащей «железной коровы»⁴⁶, или «соборы пара» — фантастический вокзал Виктории в Бомбее, с куполами и шпилями, горгульями и розовыми окнами, мраморными колоннами и мозаичными полами. Но в целом после восстания сипаев железнодорожные станции стали для британцев тем же, что дворы замков: «Большие каменные башни и центральные, наилучшим образом укрепленные части замков были тем же для норманнов»⁴⁷.

Здание из красного кирпича в Лахоре напоминало средневековый замок, оснащенный башнями, бойницами для стрел, спускающимися решетками и подъемным мостом. Вокзал Чарбах в Лакхнау соединял форт, арсенал и казармы. Так происходило везде; к пассажирам относились, как к пленным.

Железнодорожная сеть Индии являлась крупнейшим и самым дорогим проектом колониальной эпохи. Использовались рельсы, шпалы, гвозди, штыри, открытые товарные платформы, пассажирские вагоны, локомотивы и даже уголь, доставляемые из Англии. Выигрывали британские инвесторы и производители за счет индийских налогоплательщиков и производителей. В 1860-е гг. Британия тратила по 600 тонн материалов (целый корабль) на каждую милю заверченной дороги. Между 1850 и 1947 гг. проложили более 40 000 миль.

Это были героические подвиги ограждения насыпью, прокладки туннелей и мостов. Например, чтобы перебросить мост через Инд у Суккура, потребовалось 3 300 тонн «неуклюже спроектиро-

ванных стальных конструкций»⁴⁸, которые соединяли вместе многочисленными балками, распорками, стойками, узлами и всевозможными крепежными приспособлениями.

К 1890-м гг. шотландский инженер мог заявлять: Англия наштамповала «больше монументов крепким материалам» на зависимых территориях, чем любая страна в истории, не исключая древний Рим⁴⁹.

Конечно, многие люди разделяли ненависть Блейка к «темным сатанинским мельницам» Англии и принимали точку зрения Раскина, который осуждал «железистый характер» эпохи⁵⁰. Другие указывали: построенный железнодорожный путь не особо поможет при решении вопроса голода. Фактически он позволял купцам транспортировать зерно из районов, пострадавших от засухи и находящихся под угрозой восстания, в центральные склады для хранения⁵¹.

Но империалисты раздувались от гордости от всего железнодорожного предприятия. Киплинг говорил: «Если британец хочет похвастаться и воздействовать на кого-то (а временами этот долг на него возлагается), то он должен бросить миру вызов, чтобы они попытались соответствовать нашим достижениям при строительстве железных дорог»⁵².

Достижения были глобальными по масштабам. К 1914 г. британские инвесторы владели 113 железными дорогами в двадцати девяти странах. Это давало их правительству не прямое влияние от Аргентины до Мозамбика, от Китая до Перу. Железо и пар объединяли огромные доминионы, например, Канаду, про которую была сказана знаменитая фраза: «Железная дорога в поисках государства»⁵³.

И из-за способности Великобритании сконцентрировать власть в покоренных колониях, она могла успокоить викторианские страхи насчет того, что «каждое расширение империи уменьшает ее стабильность и ускоряет разрушение»⁵⁴.

Центральный аргумент Дж.Р.Сили в широко читаемой книге «Экспансия Англии» (1881) состоял в том, что современная технология может спасти Британию от судьбы Рима. Он утверждал: не только пароходы и железные дороги, но и электрический телеграф (который сыграл жизненно важную роль в поражении сипаев), а также подводный кабель (который достиг Индии в 1870 г. и позволил Великобритании управлять новостями) закрепят связи и расширят границы империи. Если ее оживить этой сетью вен, нервов и тканей, то империя может вырасти в размере, но при этом не перерастить свою силу. Метрополия может осуществлять контроль, хотя, в отличие от Рима, она не является географическим сердцем империи.

Сили тревожил подъем таких супердержав, как Америка и России, которые подчеркивали малые размеры Британских островов. Но пар и электричество делали возможным, по его оптимистической оценке, «реализовать старую утопию более великой Британии»⁵⁵.

Могли помочь и другие научные достижения и шаги в развитии. Успехи в медицине дали европейцам лучший шанс на выживание в тропиках. Наиболее эффективным стало лечение и предупреждение малярии при помощи хинина, или «хинной корки»⁵⁶, получаемой с хинного дерева. Его семена ботаники из «Кью-Гарнедс» перенесли с Ямайки на Цейлон.

Взрывчатые вещества формировали чужестранные пейзажи, а колючая проволока укрощала их. В строительстве империи различными путями помогало все — консервированные продукты, телескопы, шведские спички, «волшебные фонари» (проекционные аппараты). Механическое переплетение книг, производство бумаги и печатные станки давали возможность колонизовать местные умы. Фотокамера, «карандаш солнца»⁵⁷, запечатлевала образы империи по всему миру. Фотографии тщательно отбирали, обрезали (иногда даже ретушировали), придумывали заголовки, чтобы показать подданных в подходящем для империи свете, будь то командующие в тропических шлемах или отсталые аборигены в бусах.

Многие из этих сцен демонстрировали, как цивилизация покоряет варварство. Помещенные в рамки и развешенные по стенам, они являлись фотографическим эквивалентом чучел животных — трофеев, которые свидетельствовали о мастерстве белых охотников в покорении дикой местности.

Фотографии прославляли стрельбу всех видов. Один фанатик этого вида искусства, полковник У.У.Хупер, даже сфотографировал бирманских воров во время расстрела британской командой, отряженной для этого. Он несколько раз откладывал казнь, пока готовил аппарат, чтобы захватить отношение и выражения лиц пленных в тот момент, когда по ним ударят пули⁵⁸.

Но даже самая бесчувственная и грубая демонстрация британской мощи не могла скрыть тот факт, что у нее нет монополии на технику и технологию. Другие нации тоже имели в них долю. Индусы делали бомбы, зулусы использовали современные ружья, дровиши приобретали артиллерию. Националисты всех сортов путешествовали поездом, включая Ганди (несмотря на его ненависть к современным машинам).

Большинство жителей колоний радовались научному прогрессу, точно также, как древние британцы принимали бани, акведуки и гипocaustы Рима. [Гипocaust — отопительная система под полом

или в стене, использовавшаяся в Древнем Риме. — *Прим. перев.]* Тацит писал, что покоренная раса называла такие новшества «цивилизацией», хотя на самом деле они были признаком порабощения.

Однако со временем технические новшества дали средства для освобождения от Британской империи. Они не только изменили баланс сил, но и трансформировали характер эпохи. Как сказал Карл Маркс, локомотив был двигателем как социальной, так и промышленной революции в британских колониях. Дышащий паром экспресс и его механические когорты опоясали мир с такой скоростью, что быстро растворили секреты своей магии. На самом деле Британская империя обеспечила средства, которые помогли врагам с ней покончить.

О таком результате все-таки думали (хотя — как о туманной перспективе) в середине викторианского периода. Тогда большинство британцев все еще считали, что обязанность их страны — развивать колониальные «общества до самого раннего из возможных периода взросления — социального, политического и коммерческого, довести их всеми доступными средствами до состояния государства-«родителя», до самоуправления и, в конце концов — до независимости»⁵⁹.

Однако технологический подъем увеличил и гордость, и мощь Британии. Казалось, он давал блестящие доказательства превосходства и исключительности англо-саксонской расы. Когда Мэри Кингсли вернулась после исследования Западной Африки, то у нее возникло желание обнять «первую великолепную машину», которую она увидела, потому что это было «проявлением превосходства моей расы»⁶⁰.

Неизбежный вывод заключался в том, что народы с малым количеством механических достижений являются низшими. Ирония в том, что в то самое время, когда Дарвин в своем исследовании «О происхождении видов путем естественного отбора» (1859) учил современников, что гомо сапиенс развивался, антропологи утверждали: «Устойчивые и постоянные различия в умственных и физических возможностях между расами можно научно продемонстрировать»⁶¹.

Фактически они мало что делали, кроме кодификации расовых предрассудков, которые набирались с XVIII века и усилились во время восстания сипаев. Например, в своей книге «Место негра в природе» (1863) Джон Хант утверждал: кроме примитивных знаний о металлургии, у африканцев нет «искусства». Они ментально пассивны и нравственно неразвиты, а также «наглы, неосторожны, чувственны, тираничны, имеют хищную натуру, угрюмы, шумливы и общительны».

Для поддержания этих потерявших новизну противоречивых стереотипов Хант представил объемное психологическое описание негра. Он говорил, что маленький мозг негра имеет «дымчатый оттенок», а необычно большой пенис «по форме похож на грудной сосок», что отождествляет его с «племенем обезьян»⁶².

Подобные утверждения оспаривались. Врач из Западной Африки Дж.А.Б.Хортон, атаковал серьезные ошибки и ложные теории антропологов в «Мести африканской расы» (1868). Утверждая, что африканцы на протяжении веков были изолированы от цивилизующего влияния, он благосклонно сравнил их прогресс с развитием древних британцев после высадки Юлия Цезаря. В частности, Хортон вспомнил, что Цицерон советовал своему другу Аттику не покупать рабов в Британии, потому что эти плохо одетые варвары — «самые уродливые и самые глупые существа, которые не могут обучиться музыке и другим достижениям»⁶³.

Однако мнение Ханта оставалось очень убедительным для всех, кто с ним соглашался. Казалось, что в лучшем случае чернокожий мог быть слугой, если не фактическим рабом. Рабство, как писал автор из Алабамы для лондонского журнала по антропологии, — это «нормальное состояние негра, самое выгодное для него»⁶⁴. В худшем случае он и ему подобные обречены.

Сама теория эволюции, которую быстро приняли в 1860-е гг., как казалось, поддерживала этот вывод. Альфред Рассел Уоллес, который вместе с Дарвином формулировал теорию, говорил: «Борьба за жизнь приведет к неизбежному уничтожению всех невысокоразвитых и умственно недоразвитых народов, с которыми европейцы вступают в контакт»⁶⁵.

Популярный защитник того, что стало называться «социал-дарвинизмом», Герберт Спенсер, утверждал: избавление от слабых является «благоприятной, хотя и жесткой дисциплиной»⁶⁶. Ей следует подвергнуть общество ради его же блага.

Его точку зрения эхом повторяли от Квинсленда до Флориды. В 1883 г. один колониальный губернатор сказал Гладстону, что слышал, как жители Квинсленда, «культурные, воспитанные и благородные, очень человеческие и добрые по отношению к другим белым, говорили не только о всеобщей резне (не всегда понимая несправедливость этого), но и об убийстве отдельных местных жителей. Говорили они об этом так, как о спорте или о необходимости убить какое-то животное, доставляющее беспокойство»⁶⁷.

Встретив одного южанина из США, который любил охотиться на индейцев племени семинолов с английскими кровавыми гончими («Так им и надо, этим дряням, сэр!»), сэр Чарльз Дилке объявил: «Постепенное уничтожение низших рас — это не только закон природы, но и благословение для человечества»⁶⁸.

Автор-исследователь Уинвуд Рид высказывался еще более прямо: «Закон убийства — это закон роста»⁶⁹. Рид завершил свою книгу «Дикая Африка» (1864), побуждая читателей хладнокровно и спокойно смотреть на благодатное уничтожение местных жителей, рисуя идиллическое белое будущее для черной колонии: «Когда кокни из Тимбукту будут иметь рестораны на открытом воздухе в оазисах Сахары, когда гостиницы и дорожные указатели появятся у истоков Нила, когда станет модно отправляться кататься на яхте по озерам Большого Плато, когда знатные господа, строящие дома в Центральной Африке, будут иметь собственные парки со слонами и бассейны с гиппопотамами, молодые дамы, сидя на складных табуретках под пальмами, станут со слезами на глазах читать «Последнего негра», а Нигер делается столь же романтичным, как Рейн»⁷⁰.

Поэтому агрессивный империализм оправдывался на основании того, что работал в эволюционном направлении. Но некоторые антропологи не признавали аксиому «колонизировать и искоренять — синонимы». Они осуждали «жажду крови, которая, как кажется, таинственным образом начинает мучить цивилизованного человека, когда он сталкивается с менее развитыми племенами»⁷¹.

Многие другие викторианцы полностью отвергали постулаты и дарвинизма, и социал-дарвинизма. Как и Дизраэли, они предпочитали верить, что люди — это не вставшие на задние лапы обезьяны, а падшие ангелы. Или, как геолог Чарльз Лайелл, находя аргументы Дарвина убедительными, они колебались и «не могли пойти до конца — до орангутанга»⁷².

Еще меньше им хотелось принимать то, что биологический прогресс зависит от безжалостного механизма естественного отбора. Даже если и зависит, говорили они, то нравственные принципы остаются такими же, и высший долг человека — любить соседа, как себя самого. Как и Г.Х.Гексли, они делали вывод: в «космическом процессе»⁷³ нет ничего этического. Ему следует противостоять, а не помогать. Только таким образом миссия Англии может быть цивилизованной, как и цивилизующей. Поэтому гуманистический подход Уилберфорса и Веджвуда выжил и в более суровые времена. В конечном счете, философия расизма, на которой базировались более агрессивные формы империализма, не могла быть оправдана даже среди ученых. Как сардонически заметил Уинвуд Рид, когда президент Антропологического общества сказал собранию членов Британской ассоциации по распространению научных знаний, что они более интеллектуально развиты, чем негры, его слушатели «попытались доказать обратное шипением»⁷⁴.

Но в годы после восстания сипаев «сахарный нож» Британии стал острее. Железный кулак империи наносил более сильные

удары. Печально известное событие произошло в 1865 г., когда на Ямайке случилось маломасштабное восстание. Бывшие рабы из Морант-бей, бедные и безработные, хотели земли и свободы. Они убили два десятка белых. По словам «Таймс», чернокожие разочаровались в цивилизующих результатах освобождения из рабства и возвратились к варварству: «Как и древние галлы, рубившие консулов, черная толпа стреляла в здание суда, наслаждаясь кровью и еще более дикими оскорблениями выживших. На протяжении многих дней они воплощали пьяную мечту о господстве негров и порабощении белых. Это была Африка, до того спавшая, но теперь прорвавшаяся в их натурах... Они хотели уничтожить тех, кто их освободил»⁷⁵.

Губернатор Эдвард Эйр помнил о восстании сипаев в Индии и опасался общей бойни. Поэтому он объявил военное положение. Затем губернатор повесил и высек много сотен чернокожих, сжег свыше тысячи домов. Он также обвинил баптистского проповедника Г.У.Гордона, считая его ответственным за восстание, и добился его казни. Это было сделано по принципу: «Хотя он может быть и не виновен, это все равно пойдет ему на пользу»⁷⁶. Так сказал Т.Х.Гексли, который объявлял, что не является негрофилом, но считает это худшим случаем политического убийства со времени судьи Джеффриса.

В Англии споры из-за действий Эйра «накалились добела». Викторианцы, включая самых известных, разделились на враждующие лагеря. Каждый подкреплял свои аргументы римскими аналогами. Говорили, что апологеты губернатора, например, «обучены по классическим моделям»⁷⁷ и знают только жестокие методы действий Рима. Защиту возглавлял Карлайл, который называл Эйра «смелым, мягким, великодушным и светлым человеком, которого бы я сделал диктатором Ямайки на следующие двадцать пять лет»⁷⁸.

Упреждая язык фашизма, Карлайл считал: в такой роли Эйр сможет дисциплинировать «ленивого черного «джентльмена» с бутылкой рома в руке, безштанного, глупого и самодовольного, вокруг которого самый богатый регион на земле возвращается к джунглям»⁷⁹.

Джон Стюарт Милл возглавлял оппозицию. Философ не добился обвинения и вынесения приговора губернатору, однако Эйра отозвали, и Ямайка оказалась под прямым управлением в качестве колонии короны.

Это важный ранний пример того, как белые поселенцы были обузданы имперской властью. За свои труды Милл получил множество оскорбительных писем — от «грубых шуток, слов и рисунков до угрозы убийства»⁸⁰.

Весь эпизод показал, как выразился один современник, что ненависть к неграм, которая возникла на протяжении жизни всего одного поколения, «теперь странно характерна для почти всех англосаксов, за исключением профессиональных или сектантских филантропов»⁸¹.

В болоте расовых предрассудков росло физическое давление и использование силы для подавления беспорядков. «Мы слишком нежны по отношению к нашим дикарям, — сказал Теннисон Гладстону. — Негры — это тигры, негры — это тигры»⁸².

Предрассудки породили высокомерие и надменность тех, кто жил на Британских островах, как писал Голдвин Смит. А это было неудачно для людей империи, поскольку предотвращало и мешало «не только слиянию, но и сочувствию и даже общению с подчиненными расами». В то время как римляне находились плечом к плечу с людьми со всех уголков известного мира, британцы сторонились «менее развитых народностей». В то время как латинский поэт Клавдиан утверждал, что «мы все — один народ»⁸³, Смит говорил: разрыв между расами «теперь зияет больше, чем когда-либо»⁸⁴.

* * *

Многие викторианские исследователи, предвестники империи, которые прокладывали новые пути сквозь джунгли, через горы и пустыни, расширяли проем. Они «не считали голого дикаря человеком и братом»⁸⁵ и не собирались к нему относиться, как к таковому. Наоборот их усилия по покорению коренного населения были такими же жестокими и безжалостными, как и борьба по покорению природы.

Но белые первопроходцы все до одного являлись бродягами и индивидуалистами. Не все были конкистадорами, хотя даже самые мягкие из них оказывали разрушительный эффект на местные культуры, плохо подготовленные и оснащенные для противостояния европейскому вторжению.

Более того, открытия не обязательно проводились с учетом покорения. Те, кто заполнял пустующие места на картах того времени, часто оказывались флибустьерами, спортсменами, торговцами, миссионерами, искателями золота или славы. Однако расширение географических границ открывало новые сферы влияния, где через какое-то время могли закрепиться Евангелие, рынок и флаг.

Королевское географическое общество, основанное в 1830 г., стало «фактически рукой имперского государства»⁸⁶. Когда «Америка будет заполнена», писал Генри Мортон Стэнли, появится

много англо-саксонских «Хенгистов и Хорса»⁸⁷, готовых пойти по их следу в Африку. [Хенгист и Хорса — два брата из Германии, исследователи, состоявшие на службе английского короля. — *Прим. перев.*] Шотландский исследователь Джозеф Томпсон хотел, чтобы в его эпитафии было написано о том, как он «столбил черный континент»⁸⁸. Дэвид Ливингстон верил, что Британия может вывести Африку в золотой век.

Исследования определенно открывали новые поля для европейского воображения, широко распахивая, как выразился Райдер Хаггард, «ворота из слоновой кости и жемчуга, которые ведут в благословенное царство романтики».

Романтика тоже формировала реальность. Когда Хаггард писал «Копи царя Соломона» (1885), он использовал описание африканских пейзажей Томпсона. Роман, в свою очередь, обеспечил британское Министерство иностранных дел древним языком, который показался подходящим для общения с монархом матабеле Лобенгулой.

Как и многие авторы, действие романов которых происходило в отдаленных уголках и на границах империи, Хаггард верил «в божественное право великого цивилизующего народа — то есть в божественную миссию»⁸⁹.

Лучшие авторы были менее в том уверены. Классическое воплощение Африки Джозефа Конрада в «Сердце тьмы» (1899) в высокой степени амбивалентно. С одной стороны там описан зеленый кошмар, который населен черными варварами, нуждающимися в белой цивилизации. С другой стороны, Конрад показывает хрупкость цивилизации и утверждает: империализм — это по большей части «просто воровство с насилием, усугубленное убийством в огромном масштабе». Важно то, что он начинает рассказ с поразительного изображения строителей империи, которые столкнулись со смертью и деморализацией в чужой и непонятной пустоши. «Высаживаешься в болоте, проходишь сквозь леса, и в каком-то удаленном от моря, находящемся в глубине страны порту чувствуешь дикость, абсолютную дикость, всю эту таинственную жизнь дикой местности. Она шевелится в лесу, в джунглях, в сердцах диких людей».

Однако Конрад говорит здесь не о викторианских исследователях на Конго, а о римских легионерах на Темзе. Этот набросок покорения Британии является двусмысленной прелюдией к ужасу, который разворачивается в Центральной Африке. Он подтверждает и силу, и быстротечность империи.

Конрад, который редко позволял своим предрассудкам сузить перспективы, рассматривал первопроходцев империи под необычным углом. Он писал, что фермы и дома Кента вскоре опустеют, «если множество таинственных негров, вооруженных всеми

видами вызывающего страх оружия, внезапно начнут путешествовать по дороге между Дилом и Грейвсендом, ловить деревенских жителей справа и слева, чтобы те тащили за них тяжелые грузы»⁹⁰. Это было яркое видение последствий исследований Африки того времени.

Такой условный образ мышления был непонятен и неприемлем для Сэмюэля Уайта Бейкера. Он являлся типичным исследователем, который в 1864 г. обнаружил озеро Альберта — «море ртути» в высокой саванне, один из гигантских резервуаров, питавших Египет.

Бейкер унаследовал богатство, которое его семья заработала на сахарных плантациях. Соответственно, он был жесток в попытках властвовать над природой и «местными». Внешне этот человек напоминал медведя, отличался грубыми резкими манерами, был угрюм и неприветлив, носил густую черную бороду, и в первую очередь являлся охотником и любителем приключений. Никто больше до такой степени не любил убивать дичь. (Разве что Джон Ханнинг Спек, который открыл озеро Виктория и любил есть нерожденных детенышей беременных животных, которых убивал). Никто не знал лучше, как добывать рыбу, кожу крокодила и игуаны, как отхлестать капитана судна за лень, избавиться от лихорадки при помощи картофельного виски, жить на вареной голове гиппопотама (которая, если подать ее с нарезанным луком, солью и стручковым кайенским перцем, «полностью затмевает мясистые части туши»), и оставаться чистым в дикой местности при помощи портативной «ванны, этой эмблемы цивилизации»⁹¹.

В 1850-е гг. Бейкер пытался нести цивилизацию на Цейлон. Он основал экспериментальную деревню в горах, сам стал помещиком, завез английских ремесленников и рабочих, выписал растения и животных, среди них — племенную даремскую корову и свору английских гончих. После многих неудач поселение стало процветать, и Бейкер сделал вывод, что Цейлон, несмотря на заразно сонное и апатичное колониальное правительство и бородастых местных жителей в юбках, являлся «раем Востока»⁹².

В 1860-е гг. он нацелился завоевать истоки Нила для Англии. Он этого добился, по крайней мере, частично и метафорично, после ужасающего путешествия на юг из Хартума. Бейкер прошел Сад — самое огромное в мире болото, возникшее в результате ничем не сдерживаемого трансконтинентального течения Нила. Оно было полно тростников, папируса и гниющей растительности, являлось Саргассовым морем пустоши. Там жило множество крокодилов, гиппопотамов и комаров. Это была илистая и вязкая, кишащая всякими вредоносными тварями и растениями нездоровая земля эпидемий и смерти.

Бейкер и его красивая жена, венгерка-блондинка, перенесли болезни. Они встретили каннибалов и боролись с неподчинением и побегами своих носильщиков. Их обобрали арабские работорговцы и ограбили аборигены из племени буньоро. Бейкер негодовал из-за унижений, которые они понесли от «этих всемогущих негров»⁹³, которых он считал еще более звероподобными и тупыми, чем обезьян, и менее благородными, чем собак. Он считал, что попытка обратить их в христианство обречена на провал. «Вы можете с таким же успехом попытаться превратить смолу в снег, как убирать темное пятно язычества»⁹⁴.

Но какие-то шаги вперед сделать было можно, как показывал его опыт на Цейлоне. Это происходило благодаря торговле и колонизации. Британия была «естественным колонизатором мира», как писал Бейкер, уникально подготовленным для того, чтобы «вырвать из полной дикости и варварства эти огромные куски земной поверхности, которые пропадали зря с момента создания»⁹⁵.

Однако какой-то намек на сомнения закрадывался в его модель нации, чей штандарт «возвышался на опорных пунктах вселенной». Ведь сами британцы тоже когда-то находились на первобытном уровне и были друидами. Не может ли Судьба постановить, что «как мы поднялись из пыли, так и вернемся в пыль»?⁹⁶

Ричард Бертон, который открыл озеро Танганьика (вместе со Спеком) в 1858 г., меньше верил в усилия европейцев по улучшению судьбы африканцев. Он очень скептически относился к их способности к улучшению и усовершенствованию, и, как другие мизантропы, не мог найти причин для оправдания цинизма. Например, когда Королевский ВМФ вернул невольников, получивших свободу, в Сьерра-Леоне, они проявили склонность поработать друг друга.

Кампания по прекращению работорговли увеличила количество человеческих жертвоприношений у ашанти. В Занзибаре многих из освобожденных с арабских каботажных судов дау отправляли на Сейшельские острова для работы на основе кабальных договоров. А это была судьба похуже рабства.

Бертон также скептически относился к ценности христианских миссий, которые подрывали племенную систему, основанную на фетишах, колдовстве, полигамии и божественном происхождении вождей. Он считал, что ислам лучше подходит для нужд африканцев, которых неизбежно деморализовало «общение с белыми людьми»⁹⁷.

По вопросу одежды туземного населения Бертон был убежденным санкюлотом. Брюки стали определяющим предметом в дебатах между викторианцами, которые хотели цивилизовать аф-

риканцев, и теми, кто предпочитал культурное невмешательство (как правило, с целью «удерживать местных внизу»).

Миссионеров особенно шокировала «ужасающая обнаженность»⁹⁸ африканцев. Дэвид Ливингстон убеждал их, что вместо более официальной одежды им следует носить «наряды из травы»⁹⁹. Это забавляло африканцев.

Конечно, было бы идеально, если бы их нагота оказалась прикрыта при помощи ткацких станков Ланкашира. Портновский империализм подавлял языческую порочность. Африканцы должны были быть не только «прилично одеты», заявляла «Дейли телеграф», но англичанам следует использовать власть, чтобы они «не вернулись к своим старым ужасающим привычкам»¹⁰⁰.

Романтики спорили, заявляя, что «потомки Хама» — это дети природы. Они по сути своей невинны, хорошо адаптированы к тропическим условиям и не стеснены искусственными условностями. «Наблюдается тенденция рассматривать местных жителей, выделяя особо привлекательный черты, — писала в дальнейшем Элспет Хакси. — А европейская одежда — это бумажные пакеты и апельсиновая корка»¹⁰¹.

Более того, утверждали консерваторы, костюм белого человека даровал чернокожему мысли о его положении. Маори в европейской одежде выглядели, словно снобы.

Об этом сообщал Бертон. Сам он, в особенности среди африканок, достигших брачного возраста, всегда прилагал усилия, чтобы найти место в круге раздетых. Ничто не должно скрывать или менять характер этих «красивых домашних животных»¹⁰².

Что касается мужчин, «квази-гориллоподобность настоящего негра» должна быть очевидна, если использовать фразу, которую он любил повторять, «от макушки до мошонки»¹⁰³. (Бертон негодовал, когда ханжи и блюстители нравов добились того, чтобы у первых чучел горилл, выставленных в Лондоне, убрали пенисы. Это был абсурд на уровне африканского обычая есть их мозг в качестве афродизиака. Возможно, он посчитал очень правильным то, что первая живая горилла, которую привезли в Лондон и назвали Мистером Понго, повернулась спиной к Чарльзу Дарвину).

В любом случае Бертон считал, что Африка, место «затуманенной нищеты днем и оживленной грязи ночью»¹⁰⁴, не может принять прогресс. Определенно к континенту в лучшем случае относились, как к огромному зоопарку, и сохраняли, и управляли тоже как зоопарком.

Сам Бертон напоминал людям пойманного в клетку черного леопарда. У него было мускулистое тело, бочкообразная грудь и, как писал Уилфрид Скавен Блант, «самое зловещее выражение лица, которое я когда-либо видел, мрачное, жестокое, опасное, а глаза

напоминали глаза дикого животного»¹⁰⁵. Он любил хвастаться, что погрязал во всех пороках и совершил все возможные преступления.

К рассказам о его путешествиях добавлялись все новые и новые детали. Высмеивая их, одна аргентинская газета сообщила, что Бертон отправился на исследование пампасов, вооруженный пушкой и торпедами. Однако он определенно отличался яростностью натуры, и его подвиги соответствовали его кличке «Хулиган Дик».

В Оксфорде Бертон уже прекрасно владел шпагой и бросил вызов еще одному студенту последнего курса. Он хотел дуэли из-за того, что тот посмеялся над его усами (которые в дальнейшем стали самыми длинными в то время и свисали, словно у моржа).

В Индии, где он снискал благосклонность такого же демонического генерала Чарльза Напьера, Бертон катался на аллигаторах, заволакивал змей и стал лучшим лингвистом в армии. В конце концов, он освоил более двух дюжин языков и много диалектов, даже попытался освоить язык обезьян, «обучаясь» у цирковых животных, которых поселил дома. Одевшись мусульманином и сделав обрезание, Бертон совершил запрещенное паломничество к святым местам Мекки. Его знание Востока стало настолько всеобъемлющим, что «он смог стать восточным человеком»¹⁰⁶.

Бертон был ненасытно любопытным, изучал гипноз, мистицизм, спиритуализм, каннибализм и эротизм. Его важное этнологическое исследование оскорбляло прямотой в раскрытии сексуальных аспектов, а опубликованный полностью перевод «Арабских ночей» включал рассуждения о «зонах Сотадеса», этих знойных и страстных регионах земли, где процветает сексуальность и содомия. [Сотадес — греческий поэт, который писал гомоэротические стихи. Зоны Сотадеса — районы, где особенно распространена педерастия. — *Прим. перев.*]

Это оказалось «популярным и заразным»¹⁰⁷.

Бертон отличался мстительностью, имел склонность к саморазрушению и провел большую часть жизни во вражде. Самый яростный из конфликтов произошел с другим исследователем, Спеком, который обогнал его в 1858 г., обнаружив основной исток Нила.

По иронии судьбы, Бертон, наименее дипломатичный из всех людей, был награжден за свои исследования консульской службой. Его отправляли на такие аванпосты, как Фернандо-По, он вел себя, словно «посаженный в клетку ястреб» и сравнивал себя с «Прометеем, у которого демон отчаяния клюет сердце».

Бертон признавал, что необычайно хорошо наделен присущей англичанам «эксцентричностью, странностями, любимыми коньками, причудами и экстравагантностями»¹⁰⁸. Он во все большей

мере потворствовал злобным предрассудкам, касавшимся большинства человеческой расы, евреев, американцев, ирландцев и т.д.

Хотя он редко бывал последовательным, больше всего ядовитости Бертон оставлял для африканцев. Как и в случае восточных людей, ими должен управлять страх. Единственной формой правления для них был «деспотизм с железной рукой и львиным сердцем»¹⁰⁹.

Однако Бертон не одобрял тиранические методы, используемые в Африке Генри Муртоном Стэнли. «Он стреляет негров, словно это обезьяны»¹¹⁰, — жаловался искатель приключений.

Последний биограф Стэнли отрицал это, указывая: его герой был в меньшей степени расистом, чем Бертон, и менее запятнан кровью, чем Бейкер, и имел склонность «преувеличивать количество потерь»¹¹¹ ради журналистского эффекта.

Сообщения Стэнли определенно нанесли серьезный ущерб его репутации. Он рассказывал об актах насилия с бездушием и безразличностью, что делало их вдвойне отвратительными и мерзкими. Этот путешественник хвалил «добродетельность хорошего кнута», который заставлял ленивых носильщиков «снова работать, а иногда и очень усиленно»¹¹². Кроме того, сожжение деревень враждебно настроенных племен поразительно «успокаивающее влияло на их нервы»¹¹³.

Либералы в Англии негодовали. «Сатердей ревью» протестовала, утверждая: Стэнли занимается «всеобщим, необоснованным и бессмысленным убийством». Еще хуже то, что этот журналист из янки, который «воевал, как Наполеон», используя ружья дальнего радиуса действия и разрывные пули против испуганных дикарей, при этом он поднимал и британский, и американский флаги¹¹⁴.

Конечно, Стэнли был только натурализованным американцем. Как настаивали многие его враги, он начал жизнь, как незаконнорожденный из Уэльса, его воспитывали в работном доме в Сент-Асафе. Но он всегда избегал публичного признания «жуткого клейма из-за отсутствия родителей и унижительного положения»¹¹⁵.

В возрасте семнадцати лет, в 1858 г., он сбежал, чтобы вести бродячую жизнь на другом краю Атлантики, а во время Гражданской войны в Америке успел послужить по обе стороны. После этого он стал бродячим репортером и в итоге нашел работу в самом «желтом» из всех «желтых» изданий Нью-Йорка, в «Геральд». Ее владелец Джеймс Гордон Беннетт-младший был самым ярким зверем в газетных джунглях и оценил тигриные качества, которые сделали Стэнли самым великим из всех исследователей Африки.

Молодой репортер не отличался привлекательностью. Он был плотного телосложения, уродливым и неотесанным. Но Стэнли создавал «впечатление подавляющей и сконцентрированной силы», а его глаза, «озера серого огня, как казалось, жгли и заставляли сжиматься все, на что он обращал внимание»¹¹⁶.

Перед тем, как отправить Стэнли в путешествие, которое принесет ему славу, Беннетт приказал ему осветить еще одно британское предприятие в Африке. Оно стало идеальной иллюстрацией того, как могли быть использованы техника и технология для реализации все более агрессивных амбиций империалистов середины викторианской эпохи.

В 1868 году генерал сэра Роберт Напьер, закаленный ветеран многих войн, был отправлен для вторжения в Эфиопию. Целью его экспедиции являлось спасение примерно шестидесяти пленников-европейцев, лишенных свободы императором Теодоросом. Но кампания стала и парадом силы. Она планировалась для поддержания британского престижа в Африке, укрепления правления в Индии и демонстрации возможным соперникам в других местах, что власть метрополии простирается далеко за моря, а правит она не только на волнах.

Америка начала отстраиваться заново после капитуляции Ли в Аппоматтоксе. Германия двигалась к объединению после того, как Пруссия Бисмарка нанесла поражение Австрии в Садове (1866 г.) Франция Наполеона III, которая только что приобрела часть Китая, казалась готовой для эксплуатации Суэцкого канала.

В это время подданным королевы Виктории болезненно напоминали об «эфемерной природе британского превосходства за морями»¹¹⁷. Беспокойство об упадке как в экономической, так и в политической сфере стало главной причиной британского участия в схватке за Африку. Для нее авантюра в Абиссинии служила репетицией. Однако непосредственной причиной миссии Напьера стал повторяемый крик «Я — римский гражданин», издаваемый общественностью из-за незавидного положения белых пленных в руках «жуткого варвара»¹¹⁸.

Эта характеристика появилась не просто из-за предрассудков. Ведь Теодорос, который прошел к трону по крови, являлся эфиопским Калигулой. Он жестоко и своенравно правил изолированным царством, где люди (как сказал Гиббон) «спали почти тысячу лет, забыв о мире, который забыл о них»¹¹⁹.

И в самом деле, мало что изменилось с тех пор, как Август увел свои легионы. Эфиопы носили белые хлопчатобумажные шаммы (тоги), мазали волосы прогорклым сливочным маслом, пили теджж (мед) и ели сырое мясо, вырезанное у живого скота. Трупы свисали с деревьев, служивших виселицами, люди жили в хижинах

конической формы цвета навоза (тукулах). Имелось много нищих с отрубленными конечностями или изуродованных каким-то другим образом.

Гражданская война являлась частью эфиопской жизни в той же мере, как и ослепительно яркая атмосфера, великолепные горизонты и первобытная дикость. Но в некотором смысле Теодорос мог считаться прогрессивным правителем. Он выступал против рабства, защищал коптскую веру и обращался к другим христианским государствам.

Министерство иностранных дел Великобритании не ответило на его письмо королеве Виктории, которая ранее послала ему пару серебряных пистолетов. И именно то, что он не получил ответа, привело к захвату заложников.

Император попытался модернизировать свое феодальное хозяйство, оснастил своих людей мушкетами и мортирами, обучал их военному делу в европейской манере, даже платил им. На озере Тана он построил большой макет колесного парохода из папируса, «с парой колес, приделанных по бокам, которые поворачивались при помощи ручки, прикрепленной к обычному жернову»¹²⁰. «Пароход» затонул.

Тем временем Напьер собрал внушительную армаду для поставок своей армии, которая состояла из 13 000 человек (по большей части, индусов) и 50 000 маркитантов, а также 18 000 мулов, 17 000 верблюдов и 44 слонов. Такое войско признал бы и Ганнибал. Но эту армию поддерживала техника, которая поразила бы Ганнибала.

Напьер был инженером. Он не только освободил Лакхнау, но и радикально перестроил город, чтобы сделать его более пригодным к обороне в случае еще одного восстания. Его Эфиопская кампания являлась промышленным предприятием. В Зуле на Красном море он создал гавань, полностью оснащенную изготовленными заводским способом и собранными в секции или блоки перед монтажом на месте маяками и железнодорожными рельсами вдоль причалов.

На берегу вырос новый город с железнодорожными путями и локомотивами, телеграфными линиями, арсеналом, складами медицинских и других товаров, метеорологической аппаратурой, оборудованием для производства льда, трубчатыми колодцами Нортонa, насосными установками Бастьера, конденсаторами для опреснения соленой воды и резервуарами для ее хранения.

Все это помогло Напьеру справиться со своим главным противником — географией. Эфиопия — это природная крепость, горное плато, которое охраняется густыми зарослями можжевельника, дуба, тамариска, акации, платана. Это хаос из расщелин, крутых откосов, уступов и каньонов, беспорядочный набор базальтовых

пиков и гранитных желобов, напоминающий превратившееся в стекло штормовое море. Саперам приходилось взрывать скалы и расчищать тропы на внушительной высоте — например, на «дьявольской лестнице»¹²¹. Большую часть пути длиной в 400 миль колонна Напьера, растянувшаяся на семь миль, наступала, выстроившись в затылок друг другу, по одному человеку в ряд. Строй напоминал огромного питона, пробирающегося по опасным ущельям и через заваленные валунами крутые вершины. Солнце блесело на его «чешуе». Люди были одеты в форму разного цвета, а на головах красовались то малиновые фуражки, то серебряные шлемы, то красные фески. Мелькали белые тюрбаны, зеленые легкие чалмы или накидки, обернутые вокруг шляп и свисающие сзади для защиты от солнца. Как презрительно заметил Стэнли, «один молодой лорд надел лайковые перчатки и зеленое женское покрывало на голову»¹²². (Британские офицеры ответили на презрение Стэнли той же монетой, считая его вопящим грубияном, невежей и хамом. Они дали ему кличку Джефферсон Брик в честь нахального и дерзкого военного корреспондента из романа Диккенса «Мартин Чезлвит»).

В разреженном холодном воздухе войско продвигалось медленно. Падали градины величиной со стеклянные шарики. Крики верблюдов пугали мулов, которые иногда обращались в паническое бегство. На животных был дополнительный груз — бутылки кларета и портера. «Люди напивались и оставались лежать по всему пути, не было конца отбившимся от войска». Один получил «50 ударов кнутом, и спина у него представляла жалкое зрелище»¹²³.

В конце концов, 10 апреля 1868 г. Напьер встретил орду эфиопов под вулканическим опорным пунктом Теодороса — Магдалой. Когда кричащие одетые в красное воины бросились на захватчиков, во время ужасающей грозы, результатом стало не сражение, а бойня. Стэнли воскликнул: «Что могли сделать фитильные ружья и копья против изрыгающих снаряды пушек, против буквальной стены огня, выпускающей пули по сто на одну противника?!»

Британская армия едва ли пострадала сама, но перебила семьсот эфиопов. Теодорос застрелился из одного из серебряных пистолетов королевы Виктории. Британские войска освободили пленных. Перед тем, как сжечь дворец, они разграбили его, экспромтом захватив императорские сокровища в аде кромешном. Среди них оказались золотые короны и митры, украшенные драгоценными камнями кресты и кубки, «меховая одежда; военные накидки из шкур льва, леопарда и волка; седла, великолепно украшенные филигранным золотом и серебром; многочисленные щиты, покрытые серебряными пластинами; зонтики роскошных оттенков, украшенные со всем варварским великолепием, которое только

мог создать гений Беджемдэра и Гондэра; мечи и клейморы; рапиры, кривые турецкие и индийские сабли, ятаганы и испанские клинки; кинжалы из Персии, Дамаска, с Инда, в ножнах из малинового сафьяна и пурпурного бархата, украшенных золотыми пуговицами»¹²⁴.

Королева Виктория получила свою обычную долю трофеев, включая бесценные иллюминированные религиозные рукописи и «корону Теодороса»¹²⁵. Дизраэли объявил, что штандарт святого Георгия реет над горами Расселас.

Возможно, победа оправдала потраченные 9 миллионов фунтов стерлингов. Один министр из партии «тори» сказал, что Магдала для Британии была тем же, что Садова для Пруссии. Кстати, поражение Италии при Адове в 1896 г. серьезно подорвало европейский престиж, сохранив Эфиопию в качестве последнего бастиона Африки против колониального правления. Там было доказано, что чернокожие тоже способны выиграть «инженерную войну»¹²⁶.

Как и политики, британский народ получил известие от победы Напьера благодаря «Геральд» из Нью-Йорка. После разрушения Магдалы Стэнли понесся назад в Суэц (отягощенный только куском окровавленного мундира Теодороса — сувениром для матери) и сорвал свой куш, просто дав взятку главному телеграфисту, чтобы тот первыми отправлял его депеши.

Беннетт наградил Стэнли, велел ему найти Ливингстона. Шотландский миссионер и исследователь, которого широкая общественность считала нравственным сюзереном Африки и «величайшим из героев Англии»¹²⁷, не видел белого человека с 1866 г. Если Стэнли его отыскал бы, это дало бы ему сенсацию столетия.

Стэнли начал с Занзибара, островных ворот в Восточную Африку. Это был разрушенный рай с голубой лагуной, заполненной экзотическими судами. Это остров, поросший буйными зелеными джунглями, источающий аромат гвоздичных деревьев. На морском побережье стояли особняки, «побеленные, как склепы». Имелись и шумные трущобы, «мерзко пахнущая масса близко стоящих домиков, в которых бедняки и рабы согнаны вместе, как свиньи»¹²⁸.

Стэнли собрал мощный и хорошо оснащенный караван. Затем он пошел на запад, прокладывая новую дорогу по третьей части континента. Это было адское путешествие сквозь леса, болота и саванну. Периодически нападали воинственные племена, восставали слуги, то и дело мучила лихорадка, кусали насекомые. Эти укусы приводили к нагноениям, абсцессам и гнойным язвам. «Фатальная Африка! — писал в дальнейшем Стэнли. — Ужасающая жара, миазмы, поднимающиеся с земли, неприятные пары, окутывающие каждую тропу, гигантские тростники и стебли травы, которые душат путешественника, безумная ярость местных

жителей, охраняющих каждый вход и выход, невыразимо жалкая жизнь на диком континенте, полное отсутствие какого-либо комфорта, горечь, которая каждый день выливается на голову белого человека в этой черной земле»¹²⁹.

В конце концов 10 ноября 1871 г. караван Стэнли — люди в длинных одеждах и тюрбанах — добрался до борющегося за выживание маленького порта Уджиджи на озере Танганьика. Здесь он встретился с тем, кого искал, и произнес бессмертные слова: «Доктор Ливингстон, как я предполагаю?»

Это была абсурдно высокопарная формула, над которой часто смеялись другие. О ней всегда сожалел Стэнли, который произнес эти слова из «трусости и ложной гордости»¹³⁰, чтобы не получить ожидаемого отпора. Но вместо вспыльчивой и раздражительной персоны, которую ожидал встретить журналист, он повстречал добродушного отца.

Ливингстон родился и вырос в полной людей единственной комнате дома под Глазго. Его в десять лет (в 1823 г.) отправили трудиться на ткацкую фабрику. В молодости он пережил много трудностей, соответствующих тем, через которые прошил его гость.

Теперь Ливингстон был в ужасающем положении, его тело представляло «просто набор звенящих костей»¹³¹, ему отчаянно требовалась помощь Стэнли.

Они вполне понравились друг другу и испытали сочувствие. Стэнли выпалил новости — Суэцкий канал, Тихоокеанская железная дорога, трансатлантический кабель, армии Бисмарка вокруг Парижа, изгнанник Наполеон III...

При этом репортер изучал слушателя. Он обратил внимание на усталое лицо, обрамленное бородой, пронзительные карие глаза, редкие зубы, про которые сам Ливингстон говорил, что они делают его улыбку похожей на ухмылку гиппопотама.

Стэнли отметил тяжелую походку Ливингстона, который сутулился, его хороший аппетит, одежду — консульскую синюю фуражку с потускневшей золотой окантовкой, камзол с красными рукавами и серые твидовые брюки. Вскоре журналист понял: миссионер обладает жестким характером, ему не свойственно прощать. Его отличал острый ум, как у Карлайла, который часто бывал невыносимым. Особенно язвительно Ливингстон говорил о масонах Глазго, которые хотели принять его в свои ряды, потому что членство в их ордене принесло бы ему много пользы в Африке.

Однако Стэнли сделал вывод, что Ливингстон был «христианским джентльменом», почти ангелом, насколько позволяло упадническое состояние человечества. Журналист противопоставлял обычную (хотя и не постоянную) мягкость Ливингстона по отношению к африканцам своей собственной инстинктивной неис-

товости. Он даже записал вердикт своего слуги: доктор — «очень хороший человек», в то время как их американский хозяин — «резкий — и горячий, как огонь»¹³².

Несмотря на эпические путешествия, методы Ливингстона не позволили ему далеко продвинуться в Африке. Он добился обращения в веру только одного человека (который в дальнейшем от нее отказался). Его паства язвительно относилась к проповедям и демонстрировала это во время пения псалмов — они шумели, словно быки. Его медикаменты от всех болезней, которые включали таблетки под названием «возбудители Ливингстона»¹³³, едва ли оказались лучше, чем лекарства местных колдунов и шаманов.

Во время исследований, которые оказались убийственными испытанием для его молодой семьи, он сам явно проявил римскую стойкость, которой восхищался Стэнли. Но Ливингстон исследовал удивительно малое количество территории и допустил серьезные ошибки — например, попытался проплыть по Замбези в 1858 г. Эта река, которую он назвал «Божьей дорогой»¹³⁴ к торговому раю внутренних областей, блокировалась водопадами и порогами. Там свирепствовала смертоносная лихорадка.

Ливингстон винил пароход — «ужасающе жалкое судно» с двигателем, «вероятно, предназначенным для помола кофе». Он заявлял (что абсурдно): через «речные пороги»¹³⁵ можно пройти при приливе.

Ливингстон рассорился с другими членами экспедиции, совету сомневающимся принимать слабительное. Один из участников экспедиции бросил экземпляр вдохновляющей, но уводящей в сторону от действительности книги Ливингстона «Путешествия миссионера» (1857) в бурную, грязную, покрытую водорослями Замбези, воскликнув: «Так пусть погибнет все ложное во мне и других!»¹³⁶

Колонизаторские амбиции Ливингстона в нагорье Ширы, к югу от озера Ньяса, тоже столкнулись с преградами, их не удалось провести в жизнь. Он спрашивал у министра иностранных дел: «Является ли частью моих обязанностей завладение новыми открытиями от имени ее величества?» Ответ лорда Джона Рассела оказался более холодным, чем обычно: «Нет»¹³⁷.

Тем не менее, как глашатай спасения Африки, Ливингстон не имел равных. Никто не драматизировал работу по несению света континенту с такой возвышенностью и убежденностью. Это был не просто вопрос несения Слова Божьего. Он писал, что наравне с Евангелием Африку спасет торговля. «Сказочные ткани с ткацких фабрик Манчестера для местных жителей будут столь же удивительны и прекрасны, как шелковые одежды Востока — для «наших неотесанных предков»¹³⁸.

Ливингстон верил, что флаг последует за торговлей. Если вкратце, то тут появлялось еще одно триединство — христианство, коммерция и колонизация.

Это стало главным вопросом викторианской эпохи, новым символом веры. При повторении это заклинание, как сказал Джозеф Томпсон, скрывало то, что европейское благодушие к Африке — «чуть лучше, чем явное проклятие»¹³⁹. Но с точки зрения Ливингстона высшим достоинством этого тройственного альянса являлось то, что он мог избавить Африку от величайшего зла — рабства.

Сам Стэнли видел, как работорговцы рыскают по земле, словно саранча, а потом уводят пленных в таких тяжелых цепях, что они подошли бы и для слонов. Кроваво-красное знамя султана Занзибара развевалось во главе их караванов.

Стэнли помог Ливингстону составить красноречивый призыв с целью подавления трафика. Они ссылались на достижения президента Линкольна (в честь которого Ливингстон назвал озеро) и объявили: освобождение Африки от этого бича гораздо важнее, чем обнаружение всех истоков Нила.

Послание было адресовано Беннетту, и он довел его до внимания широкой общественности. Некоторые скептически отнеслись к тому, что Диккенс в «Холодном доме» называл «телескопической филантропией»¹⁴⁰ — хорошая работа в Борриобула-Га, которой соответствует пренебрежение дома.

Они отмахнулись от Ливингстона, как от сумасшедшего некрофила, у которого «несчастный обнаженный разум запачкан мелом и красной охрой шотландской теологии, а вокруг него висит прохудившаяся и оборванная ткань образования»¹⁴¹.

Ливингстон усиливал это впечатление навязчивыми идеями, а затем и самоубийственными странствиями, которые предпринял, распрощавшись со Стэнли в марте 1872 г. Его он теперь воспринимал, словно сына. Но в своем знаменитом рассказе о встрече с Ливингстоном Стэнли его канонизировал.

Смерть доктора на коленях при молитве в 1873 г. поставила его, как выразился Сэмюэль Бейкер, в ряды «благородной армии мучеников, которые посвятили свои жизни священной цели свободы»¹⁴². Возвращение забальзамированного тела Ливингстона благодаря героическим усилиям его африканских слуг Абдуллы Суси и Джеймса Чумы, посчитали сверхъестественным. Для прощания его в окружении пальмовых листьев и линий выставили на Савил-роу в зале заседаний Королевского географического общества. А во время его похорон в Вестминстерском аббатстве в трауре пребывала вся страна.

Казалось, Ливингстон лелеял и хранил весь идеализм колониального предприятия, все благородство целей, все евангелистское

рвание. Как написала «Бритиш куортерли ревью», «его смерть завешала работу по исследованию и цивилизации Африки, как священное наследие его стране... Жизнь, которую Ливингстон отдал за спасение Африки, — это великая жизнь, залог и пророчество спасения и искупления грехов»¹⁴³.

Он в еще большей степени вдохновлял викторианцев благодаря своим «Последним журналам», где были тщательно заменены или выброшены нежелательные места.

Некоторые последовали за Ливингстоном для выполнения той же миссии. Немногие стали мучениками, среди них Джеймс Ханнингтон, епископ Восточной и Экваториальной Африки. Вот его «Последние журналы» которого не были выхолощены, он рассказывал, как «от души сек» своих носильщиков¹⁴⁴. От него почти ничего не осталось — только «череп без нижней челюсти, подошвы сапог, резиновая грелка и крышка от армейского походного ящика с кухонными и столовыми принадлежностями»¹⁴⁵.

Многие миссионеры продвигали империю королевы Виктории, а также проповедовали царство Христа. В доме пастора в Блантире, в поселении в нагорье Ширы, названном в честь места рождения Ливингстона, работало несколько швейных машинок. Они шили «Юнион Джеки» для подарков местным вождям. Большинство британцев возбуждали его слова о работорговле, которые включили в эпитафию в аббатстве, призывая «щедрое благословение Небес всем, кто поможет вылечить эту открытую рану мира»¹⁴⁶.

Однако видение Ливингстоном империи как гуманитарного крестового похода оказалось трудно примирить с тем, что продемонстрировал Стэнли. Это стало жестокой авантюрой.

Несмотря на почитание Ливингстона, который советовал ему относиться к африканцу, как «к полностью джентльмену»¹⁴⁷, Стэнли был убежден: миру требуются как хозяева, так и благотворительность. Поэтому (по крайней мере, по его словам) он превратил исследования в некий вид военных действий.

Когда в 1874 г. Стэнли отправился на свою самую смелую одиссею, путешествие по девственной середине Африки вдоль центрального водного пути, он установил военную дисциплину среди своих людей, сек их, скреплял цепями (а потом даже и вешал) по собственному произволу.

Стэнли вооружил их ружьями Снайдера, заряжавшимися с казенной части, что позволило его маленькому флоту во время спуска по Конго пройти сквозь строй племен, проживающих на берегах. Аборигены, судя по всему, принимали его последователей за работорговцев или налетчиков, а Стэнли редко пытался разубедить их в этом. Сила действовала быстрее дипломатии.

В любом случае, атаки с пирог «мясников-каннибалов» с перьями попугаев в волосах, браслетами из слоновой кости на руках и ядовитыми стрелами в руках, стимулировали его жажду крови. «Их дикая злоба и ненависть» убедили Стэнли: несмотря на привлекательность Экваториальной Африки, он шел по «убийственному миру»¹⁴⁸.

Скользя вниз по течению, мимо пахучих островов и свежих берегов, он видел очаровывающую панораму из тиковых деревьев, трехгранных тополей и воздушных пальм, «кустов и мангровых деревьев с многочисленными корнями. Они цвели у края воды, тут и там на низком покрытом травой берегу, откуда крокодил прыгает в коричневую глубину, а фырчащий и внимательный бегемот ревет. Его рев эхом отдается между высокими берегами, покрытыми деревьями, и этот звук усиливается вдвое. Ужас — это скалы, камни и пороги, ревушие, ужасающие пороги, где дико несется вода. Ты словно внезапно попадаешь в шторм, который превращает поверхность реки в кошмар. Но были еще и дикари, которые орали и выли у нас за спиной, желая получить нас на мясо».

Среди деревьев пели птицы, кричали бабуины, трубили слоны, а насекомые, как казалось, призывали к войне. Гудение несметного множества moskitov «звучало для нас, наполовину проснувшихся, как шум наступающих дикарей»¹⁴⁹.

После эпического финального броска Стэнли добрался до Атлантики со 108 последователями. Он начинал экспедицию с 228 (некоторые из них дезертировали). Все три его белых компаньона умерли.

Стэнли доказал, что озеро Танганьика является истоком Конго, но не Нила. Он лишил Африку основной тайны, рассеял чудеса, избавил ее от единорогов и мифических чудовищ с телом льва, хвостом скорпиона и головой человека. Так Колумб очистил Атлантику от кракенов и морских змеев.

Стэнли отправил Офир и царство пресвитера Иоанна в сказочный мир. Он развеял легенды о том, что эфиопы пируют с богами и о битвах на рассвете между пигмеями и журавлями. Он стал главным среди «покорителей истины»¹⁵⁰, как Конрад назвал исследователей, которые и открывали неизвестные пейзажи, и плели героические мифы вокруг себя.

Но Стэнли оказался переходным звеном между золотым веком исследований и железным веком эксплуатации. Он установил достаточно подробностей физической географии, чтобы привлечь картографию политическую. Сам же исследователь являлся борником нового империализма, когда европейские державы смело проводили новые линии на карте. Они закрашивали области, которые окружали, красным (Великобритания), пурпурным

(Франция), коричневым (Германия), зеленым (Португалия) или желтым (Бельгия).

Разделение не происходило сразу же, поскольку большинство государственных деятелей опасались, что стоимость перевесит преимущества. Больше всего горел желанием поделить Африку бельгийский король Леопольд. Он нанял Стэнли, который завоевал африканское прозвание «Ломающий скалы»¹⁵¹, чтобы помочь построить то, что стало самым кровавым колониальным анклавом в истории. Территория получила издевательское название «Свободное Государство Конго». Конечно, в действительности это был «вампи́р, нацеленный высосать страну до конца»¹⁵², место действия для «Сердца тьмы»¹⁵³.

Британские территории в Африке тоже были завоеваны и управлялись по принципам, которые первым, судя по всему, применил Стэнли. Но их оживляющий дух неизменно являлся духом Ливингстона, чья жизнь послужила проповедью о долге «высшей расы... поднять более деградированные части человеческой семьи»¹⁵⁴.

Два человека, которых соответственно изображают, как злого гения и святого покровителя империи, не были полностью противоположными и несовместимыми. Но они удачно соединили жизненно важные конфликтные элементы имперского предприятия. В долгосрочном плане ружье Снайдера не гармонировало и даже противоречило Библии.

Править Британской империей железным прутом означало уничтожить ее цивилизующую миссию. Если вкратце, то империю подорвали ее собственные внутренние противоречия.

* * *

После того, как правление королевы Виктории перевалило на вторую половину, наблюдалось противоречие между продолжающимся нежеланием Британии приобретать зависимые территории за рубежом и ее увеличивающейся колониальной экспансией. Сменяющие друг друга правительства эхом повторяли точку зрения сэра Джеймса Стивена: даже если бы, например, можно было забрать всю Африку, то это оказалось бы бесполезным или не имеющим ценности приобретением. Политики скептически относились к рассказам исследователей, создававшим видения африканских богатств, которые могли бы ослепить и царицу Савскую.

До открытия полезных ископаемых Африка явно могла мало что предложить, кроме пальмового масла, рабов и слоновой кости. А к 1870 г. охотники убили большую часть слонов за пределами обитания мухи цеце, чтобы обеспечить бивни для изготовления вееров,

клавиш рояля, столовых приборов, браслетов, скульптур, шахматных фигур, бильярдных шаров, распятий, искусственных зубов и фаллоимитаторов.

В 1884 г. «Эдинбург ревью» объявила: «Ни один рациональный английский государственный деятель не хочет расширять территориальные границы империи. Мы прекрасно знаем, что приобретение новых территорий не только несет с собой увеличение власти и богатства, но и добавляет обязанности, которые мы должны исполнять, бремя, которое и так уже слишком давит на силу нашего правительства»¹⁵⁵.

С другой стороны, Британия наслаждалась первостепенным положением в Африке, достигнутым благодаря Королевскому ВМФ. Иногда она отвечала на вызовы: вначале — от буров на юге, потом — от французов и немцев к северу.

Имелись и другие причины для интервенции, которые признавали сами либералы. Правительство Гладстона аннексировало Басутоленд в 1868 г. для защиты от буров, а Западный Грикваленд в 1871 г. — для контроля за только что обнаруженными алмазными копиями.

Дизраэли на посту премьер-министра с 1874 по 1880 гг. проводил подобную же имперскую политику. Он тоже не хотел захватывать дорогие обузы, особенно — в тропиках. Премьер пришел в ярость, когда «важные и надменные губернаторы»¹⁵⁶ втянули Британию в войны с зулусами и афганцами.

Однако Дизраэли увеличивал империю, если таким образом мог усилить британское величие. Более того, он иногда отвечал на местные обстоятельства — например, на беспорядки среди местных жителей, которые угрожали британским купцам, миссионерам или поселенцам. Так в 1874 г. он расширил британскую власть в Малайе и взял контроль над Фиджи.

Королева Виктория пришла в ужас от перспективы пустить каннибалов в империю, но Дизраэли заверил ее: «Все эти жители Фиджи — методисты»¹⁵⁷.

Неугомонный и суетливый министр по делам колоний лорд Карнарвон, известный под прозвищем «Болтун», думал применить доктрину Монро к большей части Африки. Однако он удовлетворился, сделав Золотой Берег протекторатом (в 1874 г.) и аннексировав Трансвааль (в 1877 г.)

В 1878 г. Британия заняла Кипр. В следующем году она заставила султана сместить транжиру-хедива Измаила, который отправился в ссылку на собственной яхте со 150 000 фунтов стерлингов золотом на ближайшие нужды, тридцатью сундуками драгоценных камней, двадцатью двумя лучшими обеденными сервизами из дворца Абдина и семьюдесятью самыми красивыми наложни-

цами из гарема. В конце концов, он умер также экстравагантно, как жил, попытавшись выпить две бутылки шампанского одним глотком.

В то время Британия установила (вместе с Францией в качестве младшего партнера) двойной контроль над финансами Египта. Риторика имперского расширения оставалась приглушенной, даже среди тори, но работа по строительству империи шла быстро.

Она ускорилась в то самое время, когда, как казалось, Британии угрожала опасность утратить экономическое превосходство. Иностранная конкуренция росла с 1860-х гг., но с началом «Великой депрессии» в 1873 г. стало ясно: Франция, Германия и США догоняют Британию. Если первая промышленная страна производила почти треть выпускаемых в мире товаров в 1870 г., то этот показатель упал до четверти и даже менее через десять лет. К 1913 г. доля Британии составляла всего 14 процентов. Почему?

Некоторые историки винят глубоко укоренившуюся культурную болезнь, вызванную микробом аристократических замашек. В разделенной на классы и одержимой идеей классовости Британии руководители промышленности и торговые князья стремились не победить аристократию, а присоединиться к ней.

Такой аргумент приводят историки.

Те промышленники и торговцы отправляли своих сыновей в закрытые частные привилегированные средние учебные заведения, где мальчики приобретали качества джентльменов и строителей империи, учились «играть в игру», презирать «торговлю»¹⁵⁸ и ценить латинский и греческий языки выше точных и естественных наук. Естественным наукам обучали в привилегированной школе в Регби. Но — в гардеробе городской ратуши, в ста ярдах от школы.

Т.Х.Гексли обнаружил, что студент выпускного курса Оксфорда может получить высшие оценки, «не слышав о том, что Земля вращается вокруг Солнца»¹⁵⁹. Когда в 1914 г. началась война, секретарь Комитета по защите империи, получивший образование в Регби, читал Гиббона, чей рассказ о защите Константинополя в VIII веке подсказал ему идею о воссоздании «греческого огня»¹⁶⁰ в форме огнеметов. Но Германия уже давно экспериментировала с «фламменверфер» и первой использовала его в качестве элемента неожиданности под Верденом в 1915 г.

Если говорить вкратце, то классическое образование ослабляло предпринимательство и усиливало снобизм, препятствующий успешному развитию промышленности.

Однако это соблазнительное объяснение нельзя признать полностью удовлетворительным. Многие представители элиты подпадались «романтике техники и технологий»¹⁶¹. Взгляд на мир и

восприятие жизни изнеженными и избалованными патрициями ни в коем случае не исключали их приземленную и безжалостную сущность суровых бизнесменов, как часто жаловались викторианцы. А.С.Бенсон, воспитатель из Итона, говорил, что у частных привилегированных школ есть вульгарная цель — «прославление эгоизма и своекорыстия»¹⁶². Когда Том Браун закончил Регби и поступил в университет, то выяснил: «Поклонение золотому тельцу было поистине угрожающим и ярым в Оксфорде»¹⁶³.

Дело в том, что в конечном счете скорее экономические, а не социальные силы привели к утрате Британией своей позиции мирового цеха. Великобритания много инвестировала в традиционные виды промышленности, а конкуренты неизбежно по максимуму использовали новые технологии и изобретения. Например, химическая промышленность Германии ушла так далеко вперед, что в 1914 г. британская армия обнаружила: вся краска для формы цвета хаки поступает из Штутгарта. И электростанции Германии вскоре затмили электростанции Британии, где изначально предполагалось: «У каждого прихода должна быть своя собственная электростанция»¹⁶⁴.

Америка оказалась еще более динамичной, массово производила пишущие машинки «Ремингтон», швейные машинки «Зингер» и цилиндровые замки Йеля. Она первой стала изготавливать автоматически работающую технику. Остров, который вручную создавал паровые двигатели, должен был отстать от континента, который производил автомобили на сборочных линиях.

Американская экономика обогнала британскую в период между 1870 г. (когда они примерно соответствовали по размерам) и 1914 г. (когда экономика Америки стала почти втрое больше).

Правда, упадок Британии оказался и относительным, и довольно медленным. Британский капитализм оставался стойким и инновационным, ему помогали хорошие показатели в кораблестроении и текстильной промышленности.

Еще более жизненно важными являлись финансовые услуги и инвестиции за рубежом. За полстолетия до Первой Мировой войны Британия поставляла две пятых всего экспортируемого капитала. Ее невидимая империя тянулась вокруг мира, отражаясь в названиях банков, как заметил один министр финансов: «Имеется Англо-австрийский банк, Англо-итальянский банк, Англо-египетский банк. Есть Англо-шведский банк, есть Лондонский и Гамбургский континентальный банк, Лондонско-бразильский банк, банк Лондона, Буэнос-Айреса и Ла-Платы, даже банк Лондона и Южной Америки»¹⁶⁵. Что касается Имперского банка Персии, то это была компания, зарегистрированная в Лондоне.

Поэтому, если брать абсолютные величины, то Джон Буль процветал. Но это мало утешало британцев, привыкших к превосходству, для которого требовалось прилагать мало усилий.

Предсказания экономического краха усиливали признаки заката империи. Как Генри Джеймс написал одному американскому приятелю в 1877 г., «закат Англии кажется мне потрясающим и даже почти вдохновляющим зрелищем. И если Британская империя еще раз сократится до этого напыщенного маленького острова, процесс станет величайшей драмой в истории!»¹⁶⁶ По мнению все увеличивавшегося числа подданных королевы Виктории в последние два десятилетия ее царствования, защита империи, консолидация и даже экспансия были необходимы, чтобы не допустить упадка. Империя должна усиливать мощь, чтобы компенсировать относительное уменьшение богатств. Она должна подниматься, чтобы избежать упадка.

Мистер Гладстон не придерживался таких взглядов, хотя имел характерное двойственное отношение к вопросу. В отличие от Дизраэли, который обнаружил возможность сделать платформу из королевской власти, империи и патернализма, а на ее основе обращаться к увеличившемуся электорату, лидер либералов выступал за мир, сокращение расходов и реформы.

Это не означало, как заявлял Дизраэли в знаменитой речи в Кристалл-паласе в 1872 г., что «великий старец» предпочитал дезинтеграцию империи. Наоборот, Гладстон, находясь на посту премьер-министра, неизбежно удерживал территории (например, Фиджи и Кипр), приобретение которых он осуждал, пока находился в оппозиции. На самом деле, он порой был готов усиливать суверенитет Британии — в особенности, для защиты «прав дикаря, как мы его называем»¹⁶⁷.

Более того, Гладстон в дальнейшем стал «активным агрессором»¹⁶⁸ в Египте, обеспокоенный важными экономическими интересами Англии (а возможно, вспомнив о том, что 37 процентов его личных акций составляют египетские, которые очень сильно поднялись в цене после британской оккупации).

Но Гладстон, в отличие от своих оппонентов, верил в совершенную добродетель самоуправления. Он предпочитал как можно раньше покончить с «обучением» Британией зависимых народов. «Великий старец» с большим подозрением относился к империи, опасаясь, что Великобритания, как и Рим, будет коррумпирована, удерживая власть в Азии. Он не мог ничего сказать в пользу Индии, кроме того, что она является конечным пунктом для туристов.

Он же предсказывал ужасающие последствия, если метрополия расширит свои ставки в Суэце: «Наша первая площадка в Египте,

будь то полученная в результате кражи или покупки, почти точно будет зародышем Североафриканской империи. Она станет расти и расти, пока еще одна Виктория и еще один Альберт, как будут называться озера-источники Белого Нила, не окажутся в наших границах. Тогда мы наконец-то пожмем руки через экватор Наталю и Кейптауну, и это — не говоря о Трансваале и Оранжевой реке на юге, о поглощении Абиссинии или Занзибара на нашем пути на дорожные расходы»¹⁶⁹.

Критики отмахивались от этих прогнозов, как от «миража в пустыне»¹⁷⁰. Но даже лорд Дерби, министр иностранных дел при Дизраэли, который подал в отставку в 1878 г., говорил о политике своего шефа так: «Оккупировать, укрепить, захватить и хвастаться»¹⁷¹.

Гладстон избавлялся от типичных для «тори» размахиваний флагами и барабанного боя с рвением человека, который в молодости задумывался, стать ли ему архиепископом Кентерберийским или премьер-министром. Антиимперская риторика, которая шла из глубин его личности, никогда не была более яркой и блестящей, чем во время кампании, которая принесла либералам победу во время выборов 1880 г. Во время агитационной поездки по своему округу Мидлотиан, «народный Уильям» ораторствовал, словно проповедник, рассказывающий об адском огне. Он осуждал агрессию, преследующую ложные фантомы славы¹⁷², проклинал завоевания, поддерживаемые духом ура-патриотизма и шовинизма, который радикальный журналист У.Т.Стед определил, как «империализм, пропитанный джином»¹⁷³.

Гладстон назвал Афганскую войну преступлением против Бога. Он атаковал аннексию Трансвааля, яростно бранил «политику лишения других прав, на которые мы сам претендуем»¹⁷⁴.

Он критиковал привычку Дизраэли использовать римские аналогии, как направляющие в британской политике, а особенно — лозунг «*Imperium et libertas*» («Империя и свобода»). Как говорил «великий старец», у римлян это означало «Свобода нам, империя — для остального человечества»¹⁷⁵.

Дизраэли считал Гладстона опьяненным своим же избыточным многословием, а королева Виктория грозила скорее отречься от престола, чем позволить этому «полоумному смутьяну» снова стать премьер-министром. Но она не могла ни остановить его приход, ни предсказать результат. По иронии судьбы, крестовый поход Гладстона за международную справедливость и подорвал нравственные основы империи, и оправдал ее расширение на Египет.

По общему признанию, «великий старец» пытался избежать этой кабалы. Вначале он даже сочувствовал националистическому восстанию полковника Ахмеда Араби в 1881 г., которое само

по себе привело к такому восторгу в Каире, что незнакомые люди обнимались друг с другом на улицах. Восстание было направлено против коррумпированной элиты Османской империи, против бессовестных чиновников англо-французского двойного контроля, которые руководили слабым новым правителем страны хедивом Тевфиком, против примерно девяноста тысяч «иностранных авантюристов»¹⁷⁶, финансистов, предпринимателей и концессионеров, защищенных привилегиями и не подверженных налогообложению. Они выжимали все что могли из местного населения. «Египет для египтян!» — повторял Гладстон, защитник народов, подавляемых «отвратительными турками»¹⁷⁷.

Но в июне 1882 г. беспорядки начались в Александрии, они привели к смерти пятидесяти европейцев. В Вестминстере, как писал один империалист-либерал, «наша сторона очень хочет кого-нибудь убить. Они не знают, кого»¹⁷⁸.

Месяц спустя броненосцы адмирала Бокампа Сеймура, известного по прозвищу «Океанская Волна»¹⁷⁹, обстреляли Александрию. Это был процветающий порт, где проживало 250 000 человек. Город известен своим экзотическим космополитизмом. Гавань заполняли пароходы с гребными винтами из Ливерпуля, колесные пароходы из Марселя, двухмачтовые шхуны из Генуи, шебеки с удлиненными носами из Барселоны, тартаны с латинскими (треугольными) парусами из Константинополя, белые легкие каики из Лимасола, фелюги обтекаемой формы из Каира. Сам город, по словам сэра Чарльза Дилке, превосходил «Кёльн запахами, Бенарес — вредителями, Саратогу — азартными играми, а сам Париж — пороками»¹⁸⁰.

Обстрел нанес значительный урон жизни и процветанию, особенно — в модном консульском районе. Но, как можно было заранее предсказать, он оказался неэффективным против фортов¹⁸¹. Об этом следовало помнить Джеки Фишеру, линкор которого «Инфлексибл» обстреливал их из 16-дюймовых орудий. Он не первый раз оказался в Дарданеллах.

Удар не привел и к подавлению Араби. Представители Британии в Каире сообщили в Лондон, что Араби и его приверженцы представляют собой «группу фанатиков-поджигателей, которые сожгли бы биржу, если бы им представился такой шанс. Им уже удалось снизить цену ценных бумаг»¹⁸².

Агрессивные империалисты в кабинете Гладстона услышали, что Египет погружается в анархию, а это могло навредить британским кредиторам и инвесторам. Среди них был недавно ставший шовинистом Джозеф Чемберлен и магнат из «вигов» лорд Хартингтон. Энергия последнего еще больше впечатляла после того, как он показал, что политическое искусство вызывает у него сонливость.

Он зевал во время своей первой речи, потом ему приснилось, что он обращается к коллегам. Хартингтон проснулся и выяснил, что так оно и есть.

Лорд Хартингтон уже требовал использования силы в Ирландии, а тут вместе с союзниками настоял, чтобы Британия заполнила вакуум, оставленный ослабленной Турцией на востоке Средиземноморья. В Египте ей следовало восстановить политическую стабильность, обеспечить неподкупность и честность в финансовых вопросах и закрепиться в Суэцком канале.

Поэтому Гладстон, как и другие до и после него, начал войну во имя мира.

Генерал сэр Гарнет Уолсли был отправлен в Египет с сорока тысячами солдат. Он прибыл на театр боевых действий в синем мундире, коричневых сапогах, перчатках с крагами, тропическом шлеме и больших дымчатых очках. Несмотря на это, у него все равно покраснел нос в климате, «более жарком, чем печь Навуходоносора»¹⁸³. Генеральский нос превратился «наполовину в грибовидный нарост, наполовину — в цветную капусту».

Уолсли ничто не пугало, и он обещал жене раздобыть кончик носа Араби. После чего добавил: «Цезарь уверен в своем будущем»¹⁸⁴.

Хотя некоторые из офицеров считали его «снобом», занимающимся только продвижением себя самого¹⁸⁵, уверенность была оправданной. Уолсли обладал одновременно хитростью, отвагой и скоростью. Благодаря этому он провел блестящую серию маневров. Они достигли высшей точки 13 сентября 1882 г., когда опасный ночной переход через пустыню привел войска к укрепленной позиции Араби в Тель-эль-Кебире. Операция чуть не закончилась провалом из-за неожиданного появления большой кометы, которую один из штабных офицеров, Уильям Батлер, описал, как «огненный веник, отправленный, чтобы смести звезды от подходов к солнцу»¹⁸⁶.

Несмотря на этот «ложный рассвет», Уолсли изумил и разгромил плохо подготовленное ополчение Араби. Многих раненых застрелили на поле брани. Британские войска быстро оккупировали Каир. Как самодовольно отметил их командующий, это была самая чистая маленькая война, которую когда-либо вела британская армия.

Однако, как опасались многие британцы, ее конец станет адской неразберихой. Как сказал лорд Раэдолф Черчилль (в речи, которую его внук радостно перепечатал уже в отношении Энтони Идена после вторжения в Суэц в 1956 г.), британский народ систематически обманывали. Его заставляли думать, будто Араби возглавил восстание военных. Но стало ясно: «Он является лидером

нации, выразителем печалей нации, а военное восстание — это отчаянная борьба народа»¹⁸⁷.

Египетский национализм нельзя победить надолго. Хотя Араби только отправили в ссылку (Гладстон хотел, чтобы его казнили после справедливого суда), он «веками будет жить в народе. Египтяне никогда не станут снова вашими покорными слугами»¹⁸⁸.

Поэтому, как предсказывал генерал Чарльз Гордон, усиленно критиковавший империализм в типично проникательном и напряженном письме сэру Сэмюэлю Бейкеру, «жаль, что наше правительство всегда идет против свободы народов... Агитаторы — это плоды существующих семян, разве Парнелл не представляет националистические чувства ирландцев? Эти вещи не случайны, это восстания народов. Я думаю, те же вещи просматриваются здесь у басуто. Они только притворяются, что Мусафа сопротивляется, в то время как вся нация его поддерживает. Представьте себя в теле египтянина — свой энергичный ум, отвагу. Вас удовлетворило бы спокойствие? Вы бы молчали? Нет, Вы чувствовали бы гораздо большую горечь, чем Араби, и Вы это знаете. Какое право мы имеем делать себя опекунами Египта, когда наше нищее министерство просит выделить 397 000 фунтов на годовые зарплаты? Люди не хотят нас»¹⁸⁹.

Бейкер не соглашался с этим. Но генерал сэр Уильям Батлер, став начальником штаба Уолсли, разделял радикальные взгляды Гордона. По словам Батлера, небеса предупреждали насчет высокомерия в Тель-эль-Кебуре. Он считал комету зловещим предзнаменованием будущих британских просчетов и фатальных конфликтов в тени пирамид. Ведь Египет «всегда играл странную роль в судьбе империй»¹⁹⁰.

Гладстон хотел отпустить египтян, но позволил британцам остаться. Он оказался перед неприятным выбором, страстно желая предоставить независимость земле, по которой протекает Нил, но одновременно дать ей стабильное, честное и дружественное правительство. Однако, как указал сэр Ивлин Баринг, отход и реформа являлись взаимоисключающими. Поэтому в 1883 г. сам Баринг был назначен генеральным консулом и представителем Британии в Египте.

Гладстон снова и снова повторял: британская оккупация является временной. Он верил в то, во что хотел верить. «Великий старец» мог убедить большинство людей в большинстве вещей, как сказал его коллега У.Э.Форстер, а себя самого — убедить в чем угодно. Другие обращали внимание на его восхитительную способность импровизировать с убеждениями, и бесцеремонно играть с собственным интеллектом. Историк того времени Уильям Леки гово-

рил: «Гладстон был честным человеком с нечестным разумом, как кардинал Ньюман»¹⁹¹. Но премьер-министр столкнулся с серьезными трудностями, высвобождая британцев из Египта, что можно сравнить с трудностями высвобождения Египта у Судана.

Даже сами жители считали эту огромную выжженную солнцем пустошь с чахлыми кустарниками, песком, глинистым сланцем и камнями, неприятной вселенской шуткой, если судить по арабской поговорке: «Когда Господь создавал Судан, Он смеялся».

Но Египет, который завоевал эту территорию в 1820-е гг., ценил ее, как источник престижа, воды и рабов. Парадоксально, что хедив Измаил назначил и Сэмюэля Бейкера, и Чарльза Гордона губернаторами в 1870-е гг., чтобы искоренить работорговлю. Но Измаил стремился этим только завоевать международное уважение. Будучи сам крупным рабовладельцем, он мало сделал для содействия их усилиям.

Их работа стала легендарной. Правление Бейкера напоминало «атаку под Балаклавой. Оно было великолепно, но едва ли это можно было назвать правлением»¹⁹².

Гордон характерно кусал руку, которая его кормила. «Я нахожусь в состоянии войны почти со всеми в Каире, — писал он, — а мой герб — чертополох»¹⁹³.

Однако Гордон показал себя блестящим лидером нерегулярных войск. Он отличился во время подавления Тайпинского восстания в Китае, где «всегда победоносная армия» правительства постоянно терпела поражения и больше напоминала неорганизованную толпу. Так было, пока он не взял руководство на себя.

В Сахаре Гордон обычно появлялся, словно мираж после удивительных маршей на верблюдах. Это был невысокий мужчина под зонтиком, одетый в расшитую золотом маршальскую форму. Его красная феска контрастировала со «стальными»¹⁹⁴ пронзительными гипнотизирующими глазами, которые не различали цвета. «Я стреляю, но я не вешаю, — писал он. — Так быстрее»¹⁹⁵.

Но Гордон не мог уничтожить работорговлю, как не мог поест в пустыне любимых устриц или утолить жажду, залив Нил себе в глотку (а также вылечить лихорадку при помощи настойки Уэробурга, несмотря на ее способность «заставить потеть мешок с опилками»)¹⁹⁶. На самом деле он добавил беспорядков и неразберихи в регионе, который никогда не успокаивался. Один английский путешественник говорил: «Контроль над Суданом следует мерить длиной палаша Чарли Гордона»¹⁹⁷.

Когда он убрал палаш в ножны, притеснения в Египте усилились. В 1881 г. появился самопровозглашенный мессия, известный как Махди. Он возглавил священную войну против неверных и иностранцев, наводнивших его землю.

Гордон сочувствовал восставшим, поскольку, как он говорил, никакому народу не понравится, что им правят чужестранцы, отличные по национальности и вере. Гладстон с ним согласился, объявив: суданцы «справедливо борются за свободу»¹⁹⁸.

Поэтому, когда дервиши Махди уничтожили египетскую армию под командованием генерала Хикса в 1883 г., «великий старец» решил, что Египет должен уйти из Судана. Казалось, что для отвода гарнизона никто не подходит лучше, чем генерал Гордон, несмотря на его репутацию эксцентрика.

Это назначение шумно рекламировал и расхваливал У.Т.Стед, редактор «Пэлл-Мэлл газетт». Он был таким же эксцентриком, как и сам Гордон. Известно, что Сед интересовался девственницами (причем так сильно, что его прозвали «Бедстед» (намекая на «постель Стеда») и говорили, что у него вместо пота выходит сперма). Гордон, хотя и демонстрировал целомудрие, любил мальчиков-беспризорников, которых мыл в корыте для питья лошадей в Грейвсенде.

Эти люди разделяли многие теологические взгляды о точном местонахождении райского сада, например. (Его генерал нашел на Сейшельских островах. Связано это было с поразительной схожестью между зрелыми плодами гигантских пальм и женскими наружными гениталиями, и с не меньшей схожестью плодов хлебного дерева и полового органа Адама).

Поддержка Гордона со стороны «Пэлл-Мэлл газетт» могла оказаться решающей. Сед явно являлся одним из первых журналистов, которые оценили возможности имперских кампаний для увеличения тиражей. Сам он с обычной скромностью заявлял, что «двигает империю вперед»¹⁹⁹.

Но Сед очень сильно ошибся насчет Гордона, чьи телеграммы вскоре убедили министров и чиновников в Лондоне, что он «сошел с ума»²⁰⁰, является «христианским лунатиком»²⁰¹. В Каире сэр Ивлин Баринг, его официальный начальник, пришел к такому же выводу. Он заявил: «Человек, который обычно советуется с пророком Исаией, столкнувшись с трудностями, едва ли станет подчиняться чьим-либо приказам»²⁰². Вместо того, чтобы подчиняться приказам (а особенно — поспешным и неточным), которые он получал, Гордон решил защищать Хартум и разбить Махди. Так он обеспечил пребывание британцев в Египте на семьдесят лет.

Гордон с комичной беззаботностью признавал, что является непоследовательным и никому не подчиняется: «Я знаю, что если бы был начальником, то никогда не нанял бы себя самого, потому что я неисправим»²⁰³. Тем не менее его приветствовали в Хартуме, как «спасителя Судана»²⁰⁴, он пировал, вкушая индейку и запивая светлым элем. Гордон устроил костер из записей сборщиков

налогов и инструментов пыток, а затем принялся за укрепление города, население которого составляло пятьдесят тысяч человек. Это был лабиринт из глинобитных хижин, которые цеплялись за «слоновий хобот» — кусок земли между Белым и Голубым Нилом.

Даже карикатура Литтона Страчи, на которой генерал изображен, как опьяненный Богом шарлатан с Библией в одной руке и бутылкой бренди в другой, не могла скрыть смелость и рыцарский характер. Уолсли говорил, что он сам «недостойн даже чистить пояс Гордона»²⁰⁵.

Когда дервиши окружили город и стали давить, Гордон использовал все свои резервы. Он устраивал мощные вылазки, превратил пароходы в военные корабли, на которых, словно оспины, остались следы от пуль. Воняло от судов, словно от баржей.

Гордон печатал собственные деньги. Он подбадривал дезертиров, давал каждому по доллару и показывал им их «черные измазанные лица» в зеркале. Генерал вдохновлял защитников харизматичным взглядом. Говорили, что его голос звенит, словно золотой бирманский колокол. Его личность, как казалось, светила красотой божественности.

Гордон соответствовал Махди в претензиях на божественную поддержку своих целей. Христианский генерал говорил, что является всего лишь стамеской в руках Плотника. Он нашел и светскую поддержку, общаясь с прессой. Франк Пауэр, корреспондент «Таймс» в Хартуме, отправлял домой телеграммы, которые разожгли народное воображение и помогли сделать империализм главной темой его газеты на протяжении полувека.

К весне 1884 г. правительство столкнулось с растущим давлением. Требовали помочь Гордону, а это вызывало раздражение Гладстона. Он считал, что непокорный генерал, джинн из бутылки, пытается заставить Британию аннексировать Судан.

Премьер-министр сопротивлялся, используя свое несравненное умение затягивать дела и увиливать. Он заявлял, что Гордон не окружен, просто вокруг него находятся вражеские силы.

Почитатели генерала проводили массовые митинги, молились, собирали средства и даже предлагали отправить частную армию из охотников на крупную дичь, финансируемую баронессой Бурдетт-Коутс. Они заодно шипели на «великого старца» на улицах и отправляли ему белые перья на открытках, известных как «примулы Гладстона».

Судя по памфлету под названием «История упадка и разрушения Британской империи», якобы написанному Эдвардом Гиббоном из Окленда в 1984 г., «фатальная лень и инертность» Гладстона начали «закат того, что когда-то было сливками наций». (Другими причинами загнивания являлись восстание сипаев, европейская

агрессия, освобождение Ирландии Америкой, сдержанность и умеренность, спиритуализм, Армия спасения, прекращение порки в армии, полная выработка угольных шахт, а также ледниковый период, вызванный изменением течения Гольфстрима. Поэтому древний центр империи стал местом проживания белых медведей. А сам «новый Гиббон» получил вдохновение на написание элегии, размышляя на руинах собора Святого Павла и «сломанной арке Лондонского моста»²⁰⁶.

В конце концов, чтобы вернуться из футуристической фантазии, королева Виктория и лорд Хартингтон запротестовали, а премьер-министр капитулировал. Он согласился отправить «экспедицию для спасения Гордона», которую неизбежно возглавил Уолсли. Тот, ради кого это затевалось, оглядывал пустыню из подзорной трубы стоимостью 5 фунтов стерлингов, которую установил на крыше своего дворца в Хартуме. Он отверг название экспедиции, ведь ее целью должно быть не его спасение, а «спасение нашей национальной чести»²⁰⁷.

Это эхом повторяли на родине, потому что люди думали именно так. Суданская кампания стала одним из эпосов империи — очень трогательным, поскольку закончилась трагедией. Как и обычно, подготовка Уолсли была тщательной. Но обстоятельства сложились так, что дело обернулось против него. Было построено восемьсот открытых судов, которые называли «китобойными», для транспортировки 15 000 его солдат вверх по Нилу. Они оказались крепкими и маневренными в руках канадских проводников-лодочников и аборигенов Западной Африки, которых наняли, чтобы ими управлять. Но их выступление из Ассиута отложили, потому что полный, пьющий шипучие напитки, красный как рак начальник штаба генерал сэр Редверс Буллер не заказал достаточно угля для пароходов, которые тащили их на буксире вверх по реке. Пороги тоже оказались серьезным препятствием, хотя суда были достаточно легкими, чтобы их переправили волоком вокруг самых сложных из них.

Как говорили, иногда суда везли членов экспедиции, а иногда члены экспедиции несли суда. Уолсли обустроил базу под тентами у Вади-Хальфы, которая стала известна среди солдат, как «кровавая половина пути».

«Солдаты, моряки, чернокожие и желтокожие, лошади, верблюды, паровые двигатели, начальники отделов, кучи еды и фуража, корреспонденты газет, больные, арабы и генералы. Казалось, все они собраны вместе, словно на товарной станции какого-то Лондонского вокзала. Пару батальонов пехоты, Военное министерство, значительную часть арсенала Вулвича хорошо потрясли, соединили вместе, а потом бросили вперед в пустыню»²⁰⁸.

Там было так жарко и насекомые так мучили, что Уолсли посчитал, будто Вади-Хальфа дает представление о том, что такое Гадес.

Как только стало возможным, он отправил вперед головной отряд «войск на верблюдах». Зрелище впечатляло. Люди были в белых шлемах, красных джемперах из саржи, брюках цвета охры и синих обмотках для ног. Но английские солдаты, которые относились к коню, как к джентльмену, смотрели на верблюда, словно на кабана — «дьявольского коня»²⁰⁹. Более того, верблюды — угрюмые, упрямые и непокорные животные, издающие странные стоны и жуткие запахи. Они оказались кем угодно, но только не неразрушимыми кораблями пустыни.

Похоже, наездники воспринимали эту метафору буквально. Они относились к этим животным, как к двигателям, и использовали паклю, чтобы законопатить или просто заткнуть дыры в их шкуре, оставленные плохо подогнанными седлами. Размеры этих ран доходили до размера кулака, и они заполнялись червями.

Многие верблюды погибли. Снайперы и разведчики дервишей тоже сдерживали авангард Уолсли, когда он с трудом продвигался вперед по пустыне к югу от Корти, чтобы не идти по большой петле Нила.

Самая кровавая атака произошла в Абу-Клее. Там масса дервишей бросилась на британский строй и убила девять офицеров и шестьдесят пять рядовых перед тем, как атаку отбили.

Киплинг восхвалял смелость британцев в своей неподражаемой манере, одновременно восхищаясь и выражая снисходительность:

Этот тост в честь тебя,
Негр курчавый, наш враг из суданцев.
Ты — отсталый, неграмотный,
Но первоклассный боец.
Этот тост в честь тебя,
Негр курчавый, разбивший британцев,
Можешь голову вверх задираТЬ,
Бесподобный храбрец...²¹⁰

В результате неудач и отсрочек люди Уолсли добрались до Хартума только 28 января 1885 г., через два дня после того, как силы Махди одержали победу над изголодавшимся гарнизоном и убили Гордона.

Как он погиб, так никогда и не удалось выяснить точно. Однако кажется вероятным, что Гордон погиб, сражаясь. Викторианцы предпочитали представлять его одиноким героем в красном мун-

дире, который с презрением и пренебрежением смотрел на своих врагов-дикарей как раз перед тем, как они разрубили его на куски. Именно так он изображен на знаменитой картине Джорджа Джоя.

Но трагическая новость не заставила сэра Ивлина Баринга отложить планируемый бал-маскарад. Он выразил свое мнение о соотечественниках: «Ни один христианский мученик, привязанный к столбу или брошенный животным в Древнем Риме, никогда не встречал смерть с большей беззаботностью, чем генерал Гордон»²¹¹.

Британия погрузилась в печаль. Это было массовым явлением. Вместо празднования стоял плач. Отношение выражалось в отдавании салюта, надгробных песнях, мемориалах, статуях, поэмах, посвященных воину Господню, жизнь которого была славой Англии, а смерть — гордостью Англии.

Начиная от королевы Виктории и до самых низших слоев люди винили Гладстона в ужасающем ударе по престижу империи, который эхом будет отдаваться на протяжении многих лет. «Великий старец» превратился в «убийцу Гордона». В своем дневнике Уолсли записал: премьер-министр не мог, «хотя и был склонен к самообману, скрыть от себя тот факт, что именно он непосредственно несет ответственность за падение Хартума и все кровопролитие, к которому оно привело»²¹². Уолсли повернул бюст «убийцы Гордона», который у него стоял, лицом к стене, а заодно научил свою собаку рычать при упоминании фамилии «Гладстон».

Сама королева выражала недовольство премьер-министром, который, казалось, был обязан отомстить за смерть Гордона. Однако то, что он посчитал ниспосланным провидением вторжением русских в Афганистан, дало Гладстону оправдание, которое требовалось, чтобы отступить из Судана. В конце концов, кровь Гордона стала зерном повторного завоевания этой страны. Тем временем легенда о его жертве была вплетена в имперскую шпалеру красными и золотыми нитями. Его дух повлиял на воинственные настроения Британии в конце викторианской эпохи.

По иронии судьбы, его старый враг, сэр Ивлин Баринг, высокий, апатичный и бесстрастный усатый генеральный консул, стал одним из тех, кто получил империалистическое наследство Гордона.

Баринг, ранее повеса и распутник, а также либерал, смог обеспечить медленное и хитрое включение Египта в империю. Его диалектические упражнения и уловки оказались достойны Гладстона. По одной оценке, Британия шестьдесят шесть раз официально объявляла о намерении покинуть Египет в течение четырех десятилетий после 1882 г. И никто не повторял их с такой звон-

кой искренностью, как генеральный консул. Но его желание уйти было таким же настойчивым, как молитва святого Августина о целомудрии. Каким-то образом все аргументы Баринга оказывались на стороне долгосрочной оккупации.

Главное, что Египет следовало удерживать и защищать от дервишей. Далее, как утверждал Баринг, британская власть «необходима для прогресса и продвижения упорядоченных реформ» в стране, которой плохо управляли в течение шестидесяти столетий. Конечно, говорил он, Египтом должны править египтяне — если бы не непреодолимые трудности с определением того, кто есть египтяне. Их страна наполнена сборной солянкой из арабов, коптов, бедуинов, турков, сирийцев, нубийцев, черкесов, евреев, греков, мальтийцев, бывших жителей Леванта, «чей этнологический статус не поддается диагнозу, а также полукровками всех мастей»²¹³.

Баринг подчеркивал стратегическое преимущество перемещения британского центра тяжести на Ближнем Востоке из Константинополя в Каир.

Лорд Солсбери, который сменил Гладстона на посту премьер-министра в 1885 г., мог сожалеть о том, что жадная Британия сняла пробу «из котлов с мясом в Египте, не желая от них отказываться». Но Баринг убедил его ценить эти «котлы с мясом».

Финансовые и коммерческие преимущества были огромными. Капитализация каирской биржи поднялась с 7 миллионов фунтов стерлингов в 1890 г. до 100 миллионов фунтов в 1901 г. Великобритания поставляла почти половину египетского импорта и забирала четыре пятых его экспорта (особенно — хлопок).

Суэцкий канал становился все более важным, будучи жизненно необходимой коммуникацией империи. Изобилие товаров шло по нему на британских кораблях: зерно из Пенджаба, хлопок с Декана, джут из Бенгалии, индиго из Бихара, рис из Бирмы, чай из Ассама и Цейлона, финики из Месопотамии, олово из Малайи, конопля с Филиппин, сахар с Фиджи и Явы, замороженное мясо из Австралии.

Египет оказался чем угодно, но не бременем²¹⁴.

Так Баринг стал хозяином того, что один из его подчиненных, Альфред Милнер, назвал «скрытым протекторатом»²¹⁵. Или, как выразился Киплинг, «это страна, которая не страна, а длинная полоса огорода для выращивания овощей на продажу, номинально находящаяся под властью правительства, которое не правительство, а разрозненная сатрапия полумертвой империи, контролируемой лицемерно державой, которая не держава, а представитель»²¹⁶.

Хедив оставался фигурой, теоретически подчиненной турецкому султану. Но на практике он даже не мог уехать из Каира без

разрешения Британии, на него полностью надели узду²¹⁷. Другими прозвищами резкого, замкнутого и необщительного генерального консула стали «Повелитель» и «Ивлин Первый». Он жил роскошно и смотрел на подданных, как на непослушных детей, погрязших по лжи. Баринг считал, что египтянин столь же интеллектуально удален от европейца, как обитатель Сатурна²¹⁸.

Баринг не зашел так далеко, как будущий посол в Турции, сэр Николас О'Коннор, который сказал жене: «Восточные люди физически и умственно определенно отличаются от нас. У них более низкая организация нервной системы, как у грибов или рыб»²¹⁹.

Но генеральный консул очень четко выражался в плане того, что жители долины Нила должны долго оставаться в подчиненном состоянии. Однако британские головы могут направлять египетские руки, чтобы приносили пользу, а британские руки способны обеспечить необходимую дисциплину.

Отношение Баринга скорее походило на идеи римского префекта, а не фараона. По словам одного подчиненного, он «был пропитан героическим духом античности: открыто признанной жаждой славы, пренебрежением к незначительному, верой в силу и власть, восхищением достижениями, презрением к слабости, будь то у отдельных людей или наций. В понимании вещей он, по сути, был римлянином. Его отношение во время кризиса явно вдохновлялось тем, что он считал подходящим для проконсула». Баринг был «римлянином даже в отдыхе»²²⁰, занимался физическими упражнениями ровно по два часа в день, чтобы иметь здоровый дух в здоровом теле.

Все остальное время он являлся властью за тронем, как британский резидент в индийском княжестве. Как писал лорд Солсбери, было важно, что «позиция Баринга, как управляющего, не подчеркивалась слишком явно»²²¹. Поэтому он не отдавал приказов, а советовал, но эти советы требовалось принимать. Он правил при помощи уловок и ухищрений, хотя его ежегодные отчеты, как говорил Уилфрид Скавен Блант, были оформлены в стиле первой главы Книги Бытия.

Скрытая автократия имела и отрицательные стороны. Она вела к цинизму и отчуждению на земле Нила, где ни одна политическая шарада не могла скрыть важность хедивов, беев, пашей, мудилов (губернаторов провинций), шейхов, эфенди и бимбашей, не говоря уже о верности пяти миллионов феллахов. Более того, для британских критиков эта египетское лицедейство символизировало надувательство и притворство в сердце империи. Империализм был преступлением, который не смеет назвать свое имя, как сказал экономист Дж.А.Гобсон. Вместо этого он использовал то, что Раскин называл «замаскированными словами» —

например, «ректификация границы» или «эmissар цивилизации». По мнению Гобсона, этот тип лицемерных речей хуже лжи. Платон называл это «ложью в душе» (которая сама не знает, что она ложь)²²².

Глубоко укоренившееся лицемерие было главной целью «выдающихся викторианцев». В последнем эссе книги с таким названием Литтон Страчи использует недостатки характера Гордона для того, чтобы подорвать и эпоху, и империю. Он делает вывод с сатирическим выпадом по поводу британской победы над преемником Махди в Омдурмане в 1898 г. Она дала еще большие преимущества казуистическому генеральному консулу: «Все закончилось очень счастливо — славной бойней двадцати тысяч арабов, большими прибавлениями к Британской империи и шагом к пэрству сэра Ивлина Баринга»²²³.

Лорд Кромер, если использовать его новый титул, правил в Египте до 1907 г. Он сделался еще более надменным и стал сильнее страдать от подагры. Его главным делом была модернизация земли, в которой, как сказал Киплинг, «время стояло неподвижно с эпохи Птолемеев»²²⁴.

Кромер соглашался с тем, что реформа по европейскому типу может идти только до определенных пределов, поскольку невозможно сделать «западный шелковый кошелек из уха восточной коровы»²²⁵. Однако он вел страну к процветанию, снизил налоги, улучшил административную и юридическую системы, избавился от тирании ременной плети и неоплачиваемого принудительного труда.

Кромер заявлял, что усилил «безвольных солдат-феллахов»²²⁶ британскими офицерами и сержантами, которые чудесным образом (если снова процитировать Киплинга) «так муштровали чернокожего, что он становился белым, заставляя сражаться даже мумию»²²⁷.

Однако достижения генерального консула были неоднородными. Он гордился обширными ирригационными работами, которые почти удвоили засеваемую площадь в период его пребывания у власти. Но они добавили работы феллахам, истощали землю, распространяли в Египте болезни, которые передаются с водой — малярию, бильгарцию. Как с неохотой признавал Кромер, они заодно давали «скандальную прибыль»²²⁸ иностранным финансистам вроде сэра Эрнеста Касселя (чьим главным деловым партнером оказался лорд Ревелстоук, брат Кромера).

Генеральный консул демонстративно улучшал египетское образование. Но английских учителей не нанимали, если они знали хоть слово на арабском. И сами учителя не испытывали сочувствия и симпатий к своим подопечным. Египетского школьника счита-

ли «попугаем, не отличавшимся умом, неисправимым в неточностях, безнадежно глупым в нечестности. В юношеском возрасте он начнет увлекаться кофе, гашишем и любовницами»²²⁹. Став взрослым, такой юноша сделается англоизированным арабом — полезным в качестве клерка, опасным в качестве националиста. Ему любой ценой нельзя позволять подняться.

Типичный британец говорил: «У египтянина нет ума». «Ни один человек с темным цветом кожи не может так точно симитировать воротнички англичан; но в плане интеллектуальных способностей это — не белый человек»²³⁰.

В своей основе патернализм Кромера вступал в противоречие с египетским национализмом. Это наиболее явно проявилось в 1906 г., когда несколько жителей деревни Деншавай жестоко наказали за участие в фатальной драке с британскими офицерами. Их приговоры осудили как в Британии, так и в Египте, а особенно после того, как Кромер получил орден «За выдающиеся заслуги» как раз в тот день, когда четырех жителей деревни повесили.

Это была египетская версия ирландского противостояния. Блант заявлял, что эпизод сделал «больше для сотрясения Британской империи на Востоке, чем что-либо, происходившее на протяжении многих лет»²³¹.

Однако уже в 1889 г. говорили, что Египет модернизируется так быстро, что «телефонный провод проходит почти до уха Сфинкса». Одним из признаков прогресса являлся туристический бум, которому способствовал Томас Кук, «кассир билетной кассы империи». Его агентство путешествий являлось крупнейшим британским бизнесом в Египте.

Ранее путешественники были вынуждены мириться с гостиницами, полными блох и тараканов. В судах, ходивших по Нилу, жило множество крыс и скорпионов. Теперь они стали наслаждаться роскошным караван-сараями, особенно — отелем «Шефердс» в Каире, где имелись лифты, электрический свет и роскошное убранство, о котором говорилось, что оно «эдвардианское, XVIII династии».

Пароходы Кука, миниатюрный британский флот, который правил в грязных водах Нила, были такими роскошными, что «затмевали баржу Клеопатры из полированного золота»²³². Имелись даже респектабельные бордели. (Те, которые находились рядом с «Шефердсом», принадлежали коптскому патриарху).

К 1891 г., как отмечает один англичанин, Каир напоминал английский город, в котором остались восточные достопримечательности, «во многом подобно тому, как владелец загородного дома сохраняет заповедник с дичью или олений парк для собственного развлечения»²³³.

Но живописность имела свои границы. Определенно путешественников очаровывали минареты и мечети, чьи купола поднимались, словно «огромные позолоченные и бирюзовые пузыри» над пальмами и крышами домов. Их очаровывали мавританские арки и решетки, ковровые базары и рынки специй, уличные сцены, наполненные «персонажами арабских ночей»²³⁴, ослепляла изобильная природа и калейдоскоп красок в долине Нила.

Однако европейцы приходили в ужас от грязи, нищеты, убожества и суматохи, которые царили в Египте. Им докучали торговцы, усиленно предлагающие свои товары, а также сутенеры и убогие нищие, которые жалобно просили бакшиш. Они видели проституток с татуировками и рабов, которые пережили бастонаду, истощенных собак, жестокое обращение с мулами, заваленные мусором трущобы и тучи мух. Они замечали, как бедуины в накидках цвета индиго и феллахи в синих рубашках «живут в грязи и нищете, с которой не могут даже сравниться Индия и Китай»²³⁵.

Однако еще более шокирующим был контраст между современным упадком и поразительными реликвиями первой великой цивилизации. Викторианцы жили в тени романтиков, и у них вызывали благоговейный трепет руины Мемфиса и Фив, великолепие пирамид Гизы и роскошь храмов Луксора. Когда-то Каир считался «матерью мира»²³⁶, а теперь был словно покрыт пеплом, казался «погребенным в лаве, и как Помпеи, только что откопан»²³⁷.

По мнению одной путешественницы, Амелии Эдвардс, зал с колоннами в Карнаке, известный древним, как «лес вечности», являлся «самой благородной архитектурной работой из когда-либо спроектированных и созданных человеческой рукой»²³⁸. Но египтяне, которые когда-то создавали гигантов из твердой скалы, теперь стали «нацией рабов».

Флоренс Найтингейл считала, что «для британской гордости хорошо» сравнивать титаническое прошлое с нынешней деградацией. Она задумывалась, не превратятся ли англичане «снова в пиктов, как египтяне превратились в арабов»²³⁹. Возможно, какое-то нарушение природного или божественного закона приведет к краху.

В любом случае Египет представлял «мemento мори» для имперского величия и напоминал останки классического Рима. Он создавал образ проходящей славы так ярко, как переливчатые зкаты солнца над Нилом.

Кромер не любил думать об упадке Британии, но признавал, что она не может бесконечно править Египтом. Никакие преимущества, которые он или его преемники дадут жителям, не остановят человека в тюрбане или феске от желания ухода человека в тропическом шлеме или цилиндре.

Кромер завершил свой двухтомный труд, апологию своего правления под названием «Современный Египет» (1908), цитируя опыт римского императора Феодосия. Последний обнаружил: «Даже самый мудрый и самый гуманный из принцев, если он другой национальности, соблюдает другие обычаи, исповедует другую религию, никогда не сможет завоевать сердца людей»²⁴⁰. Он повторил это мнение в книге, сравнивая Римскую и Британскую империи, которые особенно походили друг на друга в том, что выбивались из колеи проконсулами, выступавшими за экспансию, и местным обслуживающим персоналом. Одновременно они находились в поиске «границ, которые можно защитить»²⁴¹.

Да, Кромер настаивал, что Британии следует сохранить Индию в обозримом будущем, поскольку только ее правление дает единство среди религиозного, расового и лингвистического разнообразия. Но, как говорил он, обутый в стоптанные ботинки англосакс всегда стремится к двум имперским идеалам, являющимся взаиморазрушительными — «идеалу хорошего правительства, которое означает продолжение его собственного превосходства, и идеалу самоуправления, который означает полный или частичный отказ от своего главенствующего положения»²⁴².

Но это противоречие едва ли могло пойти на пользу империи. А приобретение Гладстоном Египта, которое обидело Францию и оскорбило Германию, помогло ускорить международную схватку за другие африканские территории.

Джон Булль получит львиную долю. Но то, что европейские соперники смогли бросить вызов в Африке, означало: имперский подъем Великобритании находился под угрозой.

Глава 7

«Великолепная империя под британским флагом» От Кейптауна до Каира

Со времени Американской и Французской революций, когда Королевский ВМФ стал править в мировом океане, Британия рассматривала мыс Доброй Надежды, как барбакан Африки — некий навес, обороняющий подъемный мост. Голубоватые гранитные стены Столовых гор — первый крепостной вал огромного эскарпа, который поднимается гигантскими ступенями к сухому вельду и снежным хребтам Драконовых гор.

Мыс защищал морской путь в Индию, Австралию и на Дальний Восток. Он был захвачен у голландцев во время Наполеоновских войн, до 1815 г. оставаясь стратегическим и коммерческим опорным пунктом. Для укрепления Капской колонии правительство Ливерпуля помогло эмиграции пяти тысяч поселенцев в 1820 г. Они сходили на прибрежный песок в заливе Алгоа с палатками, орудиями труда и коробками.

Это была разношерстная группа, в которую входили несколько элегантных горожан, чуть больше уважаемых фермеров и торговцев. Большинство составляли бледные ремесленники, рабочие с обветренными лицами, а также нищие и оборванцы, которых взяли из работного дома.

Все они составляли ядро еще одной британской колонии, хотя ее развитие оставалось проблематичным. Это происходило не потому, что африканцы значительно превышали британцев количественно, а из-за того, что вновь прибывшие составляли только одну восьмую от европейского населения Южной Африки.

Остальные были бурами (фермерами), потомками голландских пионеров, прибывших в XVII—XVIII вв. Они постепенно продвигались на восток, вдоль зеленой прибрежной долины. Буры сражались за владение землей, деморализовали готтентотов при помощи бренди и оспы, убивали бушменов, словно змей, охотились на имеющуюся в изобилии дичь, организовывали небольшие поселения и разбросанные по территории фермы. Многие африканеры были номадами — «переселенцами в фургонах». К ним относились кальвинисты, которые усаживали свои семьи в фургоны, запряженные волами, и шли за своими стадами.

Буры полагались на свои ружья и Библии, ели билтонг (вяленую говядину) и боккемс (соленую рыбу), сами шили одежду из звери-

ных шкур и являлись самодостаточными во всем, кроме боеприпасов. На самом деле, их образ жизни мало отличался от образа готтентотского.

Готтентоты существовали в симбиозе со своим скотом и мазались его жиром и кишками. Буры мазали тела жиром, чтобы отгонять блох, а полы покрывали коровьим навозом, чтобы отгонять других паразитов. Они спали все вместе под накидками из звериных шкур, подобно африканцам в своих краях. Мужчины вступали в свободные отношения с «рабынями и женщинами готтентотов». Так буры создали новую цветную расу (одна группа стала называться «бастарды»), одновременно настаивая на чистоте и превосходстве собственной.

Буры были очень жестоки к другим. Первая британская реформа состояла в отмене пыток и колесования. Однако, как выяснили новые правители, самым непокорным и не поддающимся воздействию сообществом на континенте являлось белое племя Южной Африки.

Британцы верили в превосходство белых, но не на тех условиях, которые удовлетворили бы африканеров. Они позволяли приток миссионеров и продвигали идею гуманизма, отвергали голландское уголовное право, сделали английский официальным языком и дали ограниченные права африканцам. Наконец в 1833 г. империя освободила рабов, которых в Капской колонии насчитывалось почти сорок тысяч. Но компенсацию выплачивали только в Лондоне.

Атака на то, что буры считали естественным порядком, привела к миграции тысяч из них через Оранжевую реку. Эту одиссею в дальнейшем драматизировали и назвали Великим Переселением. «Воортрекеры», естественно, утверждали, что цель их марша — завоевать свободу, а не поддерживать зависимость. На самом деле, сбрасывая британское ярмо, они заявляли, что действуют «по божественному импульсу»¹.

Великое Переселение было исходом нескольких избранных людей в поисках «земли обетованной», так оно представлялось в бурской мифологии. Это была достаточно сильная вера, чтобы связать вместе бедных, разрозненных, вздорных и задиристых «воортрекеров» во время долгого путешествия в глубину континента.

Это было путешествие во времени, поскольку они пытались созидать свое будущее, оставаясь в прошлом. Буры объединились против банту, волны которых катились на юг на протяжении жизни нескольких поколений. Африканеры проклинали их и называли кафрами (это близко к термину, которым арабы называют неверных), били и убивали их, как амаликитян. Никто из банту не был более грозным или устрашающим, чем зулусы, которых пре-

вратил в мощную военную машину их яростный правитель Чака. Он муштровал своих босоногих воинов на ковре из колючего терновника, казня любого, кто лишь поморщился.

Однако наступление буров было безжалостным, как позднее написал один британский офицер: «Ясно одно — белый человек хотел заполучить землю чернокожего. Вначале он получил разрешение у чернокожего пасти свой скот, затем пришел, чтобы построить лачугу, затем дом. Затем прибыли новые буры. Потом, как рассказали нам зулусы, белые не стали напоминать жаб, которые прыгают и прыгают, пока не запрыгнут в середину дома»².

На сочных пастбищах Наталья с обеих сторон устраивались боины. Но зулусы, вооруженные ассегаями и прикрывавшиеся щитами из воловьих шкур, не могли произвести большого впечатления, чем выставленные кругами для обороны фургоны из воловьих шкур, связанные друг с другом. Обороняли их буры с ружьями.

Тысячи африканцев падали перед этими лагерями, окруженными повозками. Черные тела «напоминали кучи тыкв на богатой земле»³. Британцы хотели установить мир и запереть буров на территории, окруженной сушей. Они аннексировали Наталь в 1843 г.

Затем британцы пошли дальше — к Ваалю и Тугеле. Буры отступали через Драконовы горы. Казалось, что там они не представляют никакой угрозы (кроме как своим чернокожим соседям, чьих детей они воровали и порабощали в качестве «учеников»)⁴.

Были подписаны соглашения, которые давали бурам право жить, как они хотят, в Оранжевом Свободном Государстве и Трансваале. В самой Капской колонии в 1853 г. появилось выборное собрание. Избирательное право давали деньги, а не расовая принадлежность.

Британцы сконцентрировались на поглощении и эксплуатации того, что они получили. От этой политики больше всего пострадали коса, которые проживали на территории, ставшей британской Кафрарией (она располагалась к северо-востоку от реки Грейт-Фиш). Африканцы видели, как теряют независимость, как их культура разрушается, труд эксплуатируется. Они стали приверженцами тысячелетнего культа, проповедуемого их колдунами. В 1856—57 гг., ожидая получить национальное спасение при помощи огромной жертвы, они убили свой скот. После этого не имеющего параллелей массового убийства, акта общего отчаяния⁵, десятки тысяч коса погибли голодной смертью.

Казалось, что беспорядочности и замешательству местных жителей соответствует отсталость буров, но британские министры сделали вывод, что Южная Африка должна развиваться скорее по типу Канады, а не Индии. Другими словами, это должна быть не военная администрация с белым гарнизоном, который подчиня-

ется приказам из Лондона, а «конфедеративный и самоуправляемый доминион».

Неизбежно, что доминировать в нем будут буры, как написал Дж.А. Фроуд, эмиссар министра по делам колоний Дизраэли, лорда Карнарвона, поскольку они доминируют в парламенте Капской колонии. Но он считал, что эти косматые и грубые фермеры, которые за два столетия превратились «в нечто типа патагонцев, если судить по размерам», решат остаться под британским флагом.

Он делал вывод, что есть только одно условие. Им необходимо позволить «распространить на всю страну более суровую систему местного правления, которая великолепно показала себя в Оранжевом Свободном Государстве»⁶.

Жертвование интересами чернокожих ради единства белых определенно являлось привлекательным. Но британские либералы выступили против попытки стирания африканцев с лица земли⁷. А консерваторы-буры с негодованием выступили против вторжений британцев. Они особенно возмущались из-за потери богатой алмазами голубой земли вокруг Кимберли, на которую могла справедливо претендовать Оранжевая Республика.

Еще более неприятным, раздражающим и унижительным событием стала аннексия Трансвааля в 1877 г., когда он был слишком слаб, чтобы сопротивляться давлению британцев. Бурская республика находилась на грани банкротства. В казне насчитывалось 12 шиллингов и 6 пенсов, и она была вынуждена платить своему министру почт марками. Более того, Трансвааль осаждали враждебно настроенные банту.

Сэр Теофил Шепстоун, министр внутренних дел Наталя, отправился в Преторию, малоразвитую приграничную деревню, окруженную древними скалистыми горами и новыми эвкалиптовыми и олеандровыми лесами. Он шел во главе двадцати пяти тысяч служащих конной полиции Наталя, одетых в синие мундиры и с остроконечными шлемами на головах. В день рождения королевы Виктории (24 мая) самый молодой офицер штаба Шепстоуна, Райдер Хаггард, впервые поднял британский флаг над Трансваалем. На рыночной площади, где скот пасся под дубами, а в крикет играли между крытой соломой церковью и крытым соломой Парламентом (Фолксраадом), на них угрюмо смотрели буры.

Но бурам требовалась британская защита, особенно, против зулусов, которых Хаггард назвал «африканскими римлянами»⁸.

Новый британский верховный комиссар в Кейптауне, сэр Бартл Фрер, был нацелен защищать буров и добиться от них подчинения. Как он информировал королеву Викторию, они являются очень интересными и очень примитивными людьми, которых

можно «сделать верными подданными Вашего Величества, как франко-канадцев»⁹.

Это было подходящее, но глупое и абсурдное сравнение, поскольку оба сообщества яростно сопротивлялись ассимиляции. Более того, политика Фрера имела один фундаментальный недостаток. Шепстоун добился неохотного согласия африканеров, но не их верности, поскольку их республика находилась в опасности. После того, как Фрер сдержал обещание обеспечить Трансвааль надежными границами, у буров не оставалось поводов находиться под властью короны.

Фрер допустил еще один просчет, навязывая скорее свою собственную политику, а не политику своих начальников. Это привело его бурную общественную жизнь к бесславному завершению. Он был способным, энергичным, культурным, педантичным до самых кончиков своих очень ухоженных усов. Кроме того, он отличился в Индии.

Фрер знал несколько языков (выучил на пути на Индостан арабский в достаточной мере, чтобы изъясняться во время путешествий по Египту)¹⁰ Он выбрал строгую отеческую линию поведения «при общении с варварами»¹¹.

В качестве губернатора Бомбея Фрер приобрел незыблемую веру в собственные суждения. В Кейптауне его раздувало от самоуверенности. Он изгнал нежелающих сотрудничать с ним пастырей и заслужил кличку, которую дал Уолсли — «Сэр Бутылка Пива».

На самом деле Уолсли испытывал смешанные чувства по отношению к Фреру, считая, что он «выбрал для себя великую карьеру завоеваний, которая должна закончиться в великолепной африканской империи под британским флагом... Я с большим восхищением отношусь к Фреру, который под елейной внешностью Пекснифа и с манерами пожилой дамы имеет сердце мужчины». [Пексниф — персонаж из романа Диккенса «Мартин Чазлвит». — *Прим. перев.*]¹² В любом случае, новый верховный комиссар был достаточно смел, чтобы игнорировать нового министра по делам колоний сэра Майкла Хикс Бича, который сказал ему в ноябре 1878 г.: «Нам сейчас совершенно не нужна война с зулу-сами»¹³.

Фрер настоял, что король Кетевайо, племянник Чаки, является «агрессивным деспотом», а история его правления «написана кровью»¹⁴. Не ставя в известность Бича и не получив его одобрения, верховный комиссар издал ультиматум, требуя разоружения зулусов.

Раздражительный и вспыльчивый министр по делам колоний пожаловался, что не может контролировать Фрера без телеграфа (подводный кабель довели до Кейптауна только в декабре 1879 г.)

Вероятно, он не смог бы контролировать его, даже если бы такой кабель был.

Поэтому британская армия выступила из Питермарицбурга в белых шлемах и красных мундирах (либо в синей форме и жестких соломенных шляпах). Колониальные солдаты были в шляпах с широкими мягкими опущенными полями. В состав войска входили девять тысяч африканских призывников, составлявших примерно половину всего подразделения.

Скрипели колеса, свистели плети, а оркестр играл «Я оставляю тебя в печали, Энни». Именно эта мелодия звучала, когда войска Конфедерации отправлялись для участия в Гражданской войне в Америке.

Сборное подразделение генерала лорда Челмсфорда, которое наступало тремя длинными колоннами, поднимая огромное облако пыли, продвигалось вперед ужасающе медленно. Зулусы могли передвигаться в три раза быстрее британской пехоты, прозван англичан «вьючными волами»¹⁵. И в самом деле, потребовалось 27 000 настоящих волов, чтобы тянуть 2 500 фургонов и повозок с припасами. Это сильно мешало Челмсфорду, и он нашел, что разбивание лагеря каждый вечер, как советовали лидеры буров вроде Пола Крюгера, отнимает слишком много времени.

Другие старшие офицеры считали, что генерал не подходит даже для того, чтобы быть капралом. Он верил в неуязвимость британской огневой мощи, его беспокоило только то, что зулусы могут избежать генерального сражения. Лорд Челмсфорд даже разделил свою центральную колонну. С половиной подчиненных он преследовал отдельные боевые отряды по высокому плато, по траве, кустам и среди валунов, которые перемежались оврагами и возвышенностями. Остальных генерал оставил в открытом лагере под скалой, внешне напоминающей сфинкса и названной Исандлвана.

Здесь 22 января 1879 г. двадцать тысяч воинов, которые прятались холодной влажной ночью в ближайшей долине, провели основную атаку. Эти бойцы держались только на нюхательном табаке, который хранили в бутылочных тыквах. Тыквы они носили на проколотых мочках ушей.

Фрер назвал зулусов «гладиаторами, уничтожающими людей и сохраняющими celibat»¹⁶, но они возбуждались не от отсутствия секса, а только из-за необходимости защищать свою землю, крали и скот.

Воины понеслись вперед, словно темная волна по серо-зеленому вельду. Если смотреть с удаления, как сказал один солдат, то войско зулусов было «черным, как Ад, и густым, как трава»¹⁷.

Вскоре стало можно рассмотреть детали. Зулусы были крупными мужчинами, в среднем крупнее своих британских противников.

В зависимости от ранга и отряда, они носили красные перья или белые перья страусов, вставленные в головные уборы из шкуры выдры или леопарда. Уши закрывали куски зеленой шкуры обезьян, на шеях висели ожерелья с оберегами, обернутые змеиной шкурой или кожей ящериц. Белые бычьи или воловьи хвосты окружали их шеи, запястья, колени и руки. На них были меховые юбки или накидки с кисточками.

Зулусы неслись вперед большими шагами и шипели, словно мамы. Они били ассагаями по черным или белым щитам и безудержно стреляли из мушкетов.

Гораздо более смертоносными оказались залпы из «Мартини-Генри». Их тяжелые пули 45 калибра «прорезали дороги»¹⁸ среди рядов атакующей толпы. Но зулусы применили свою обычную бычью тактику: основной удар принимала «грудь» их войска, а два «рога» окружали врага.

Через несколько минут они смогли использовать проемы в британских рядах и недостаток боеприпасов. Сражение распалось на разрозненные стычки, борьба шла врукопашную. Штыки использовали против «иклва» — острых, словно бритва, клинков, которые получили название, напоминающее звук, который они производили, когда их вытаскивали из человеческого тела.

Некоторым солдатам Челмсфорда удалось сбежать. Но в спускающейся тьме, вызванной частичным солнечным затмением, зулусы «вымыли свои копья» в крови более семисот европейцев и почти пятисот африканцев. Они вспороли им животы, чтобы выпустить души, которые в противном случае стали бы преследовать убийц. Не менее 1 500 зулусов тоже лишились жизни, поэтому победа оказалась пирровой. «В живот нашего народа воткнули ассагай! — кричал Кетевайо. — Не хватает слез, чтобы оплакивать мертвых»¹⁹.

Челмсфорд был менее красноречив, хотя говорили, что он находился в ужасающем настроении²⁰ после поражения. Дизраэли был подавлен, хотя и выразил неохотное восхищение зулусами, которые не только нанесли поражение британским генералам, но и обратили в свою веру британских епископов. Он ссылался на Джона Коленсо из Наталя, известного, как «Пять» из-за неортодоксальных взглядов на Пятикнижие, которые он принял в результате настойчивых вопросов зулусов.

Правительство Дизраэли публично осудило Фрера, которого вскоре заново призвали на службу. Британские газеты выразили ужас из-за худшего разгрома британской армии «дикарями» после отступления из Кабула. Однако бурам Исандлвана придала мужества, показывая, что британский боевой дух находится на спаде, а империя — в упадке.

Британцы частично отомстили в Роркес-Дрифте, хотя одиннадцать Крестов Виктории, полученных за оборону, были вручены не просто за доблесть, но и ради пропаганды.

После последующих отступлений, необузданных убийств и грабежей с обеих сторон, британцы стали более организованно сражаться с противником. В июле 1879 г. зулусы, чьи предложения о мире проигнорировали, потерпели сокрушительное поражение в Улунди.

Уолсли, который сменил Челмсфорда, тогда разделил царство Кетевайо на тринадцать отдельных княжеств, номинально подчиненных британскому резиденту. Это привело к гражданской войне и дезинтеграции власти зулусов. Самого Кетевайо посадили в тюрьму в замке Кейптауна, где он оделся в западные одежды вместо леопардовых шкур и ожерелий из львиных когтей. (Ожерелье в виде приза забрал сам Уолсли. Каждый коготь отдельно вставили в оправу, сделали гравировку, и Уолсли отправил их влиятельным дамам в Британии).

Но даже в сером фланелевом костюме Кетейвао продолжал «выглядеть царственно»²¹. Очевидно, он пытался сохранить свои царские prerogatives и предложил пятьдесят голов скота за красивую жену нового верховного комиссара сэра Геркулеса Робинсона. Говорили, что это предложение «и непристойно, и, вероятно, недостаточно»²².

Через некоторое время Кетевайо посетил Англию, где его чествовала общественность, принимала королева Виктория и приветствовал мистер Гладстон, который предложил ему остановиться у него дома на Харли-стрит.

В отличие от зулусского царя, Пол Крюгер, который вскоре станет президентом Трансвааля, вынужден был остановиться в отеле «Албермарль». Здесь он выглядел несоответствующе, более походил на царя зулусов из-за пышных усов, мешковатых штанов, черной шляпы и короткого баптистского сюртука, от которого резко пахло табаком из Магализберга. (Крюгер постоянно курил трубку).

Кетевайо получил разрешение вернуться в земли зулусов (и вскоре умер). А Крюгер не получил свободы для Трансвааля. Хикс Бич не желал отказываться от чего-либо, на что британский лев «уже поставил лапу»²³.

Гладстон, чье правительство резко разделилось по другим вопросам (особенно, относительно использования силы для подавления беспорядков в Ирландии), отказался от своих ранних заявлений по поводу аннексии, которую так яростно осуждал. Его поколебало предупреждение Уолсли о том, что буры неспособны на самоуправление, а независимый Трансвааль может рухнуть: «Это

изменит соответствующие позиции, занятые белым человеком и местным населением в целом по всей Африке. Такой результат может оказаться фатальным для британских интересов».

Уолсли пытался примирить буров с их колониальной судьбой, подавить банту. Он же обещал построить железную дорогу.

Но Уолсли был непреклонен в вопросе суверенитета. Он объявил, что Вааль может потечь в другую сторону, а солнце прекратить сиять, и только после этого будет спущен «Юнион Джек». Фрер также говорил, что британский флаг продолжит реять над землей, на что лидер буров Пит Жубер ответил: «Над землей — возможно. Над людьми — никогда»²⁴.

Таким образом, буры были убеждены, что должны использовать силу. Они подняли собственное знамя с зеленой вертикальной полосой у древка и тремя горизонтальными полосами (красной, белой и синей). Первые выстрелы прозвучали в декабре 1880 г.

Британцы ожидали быстрой победы и смотрели на буров, как на трусливых крестьян, которые немногим лучше, чем дикари. Но «нация охотников на оленей»²⁵ боролась за определенную цель. Сэр Роберт Герберт, заместитель министра по делам колоний, признавал: «Эта цель стимулирует их голландскую храбрость»²⁶.

А красные мундиры, подчиняясь «догматическому учению плаца у казармы»²⁷, где муштра со штыком ставилась выше меткости, не могли соответствовать этим «горным дьяволам»²⁸. Преемник Уолсли генерал сэр Джордж Колли потерпел два поражения, которые последовали быстро, одно за другим. В Лондоне Военное министерство жалобно спрашивало, сколько продлится конфликт, на что Министерство по делам колоний остроумно отвечало, что не обладает даром предвидения.

Колли был уверен, что может покончить с бурами, захватив Маджубу, вулканическую вершину, которая выходила на ключевую позицию буров в Лаингс-Нек (название переводилось с языка зулусов как «Голубиная Гора»). Оказавшись на вершине и увидев, как вражеские костры мигают внизу под ним, Колли воскликнул: «Мы могли бы оставаться здесь вечно»²⁹. Однако он не доставил наверх пулеметы «Гатлинг», а также не приказал копать траншеи по краю вершины в форме блюда.

Буры решили атаковать. Примерно 180 добровольцев поползли вверх по крутым склонам, поросшим кустарником и покрытым валунами. Они умело использовали прикрития и направляли смертоносный огонь на защитников. А когда они штурмовали высоты, то застрелили Колли в лоб. Они также убили, ранили или взяли в плен 284 человека из 350, едва ли пострадав сами. (Заодно буры забрали все, что только можно, вплоть до ботинок Колли).

Маджубу стали называть «Бурским Бункером».

Это скорее была стычка, а не битва. Но она осложнила жизнь Гладстона, добавившись к Ирландии и другим испытаниям. Он вздохнул у себя в дневнике: «Это рука Провидения?»³⁰

Правда это или нет, но случившееся убедило его, что ему следовало доверять своей интуиции и искать примирения с Трансваалем. Маджуба стимулировала африканерский национализм, а голландцы из Капской колонии, казалось, были готовы бороться за общие цели вместе с неотесанными кузенами с севера.

Так «великий старец» показал то, что никто не ожидал. Он отвергал призывы к мести, терпел обвинения в капитуляции, глотал пилюли унижения, но освободил Трансвааль. Вначале буры получили частичную независимость, а в ответ на согласие стабилизировать свои границы — полное самоуправление в 1884 г. Но Британия, оставив банту на милость буров, все еще претендовала на «власть сюзерена» над республикой. Это был туманный и оспариваемый термин, намекавший, что Лондон сохраняет контроль над международными делами Претории. На самом деле он был придуман, чтобы скрыть потерю власти Великобританией и признание Гладстоном правоты президента Оранжевой Республики Бранда, когда тот сказал: «Вы не можете править над людьми при помощи штыков»³¹.

На самом деле буров, скорее всего, оставили бы в покое, если бы «железный канцлер» Германии внезапно не изменил свое мнение относительно колоний. Бисмарк всегда считал, что они являются дорогой роскошью для бедной Германии, «как шелка и соболя польского знатного господина, у которого нет рубашки, чтобы под ними носить»³². Но теперь, по причине подъема национального престижа и требований экономической защиты, канцлер решил поискать место под солнцем.

В 1884 г., воспользовавшись замешательством и смятением «великого старца» после Египта, Бисмарк установил протекторат над Юго-Западной Африкой. Вначале британцы не беспокоились. Они хотели прибыльные рынки, а не более дорогие территории, считая, что Бисмарк может отправляться в эту «стерильную песчаную дыру».

Если Германия станет колонизирующей державой, объявил Гладстон, «то я могу только сказать: “Бог ей в помощь”»³³.

Однако германская оккупация дала Трансваалю возможный западный выход к морю через Бечуаналенд. Этот голый регион, включающий пустыню Калахари, являлся «дорогой миссионеров»³⁴ на север, по которой один раз прошел Ливингстон, а также «Суэцким каналом» Капской колонии. Последняя хотела свободно расширяться к Замбези.

Как писал секретарь Гладстона, буры Трансвааля были уже «невероятно грубы и вели себя по-хамски», поддерживали опасных

приграничных разбойников и «пробирались в Бечуаналенд»³⁵. Поэтому в 1885 г. Гладстон еще раз использовал силу. Он получил поддержку самого способного министра, «радикала Джо» Чемберлена, который теперь становился «джингоистом Джо» — отчасти потому, что отказывался «подставлять другую щеку»³⁶ Бисмарку, а тем более — Крюгеру.

Генерал сэр Чарльз Уоррен отправился на север с небольшим подразделением (его транспортировка была за внушительную плату организована теми самыми приграничными разбойниками, которые являлись причиной проблем) и аннексировал Бечуаналенд для короны. Это приобретение являлось классическим опытом оборонительного и неохотного империализма — расширялась территория, куда простирались владения Великобритании, и одновременно использовалось слишком много ресурсов, которые доходили до предела.

Год спустя открытие золотой жилы в Уитватерсрэнде, причем такой богатой, что она затмила даже алмазные копи Кимберли, трансформировало положение Трансвааля. Внезапно республика Крюгера из нуждающейся тихой деревенской заводи превратилась в Эльдorado. Йоханнесбург появился, словно гриб на голом плато, где даже из муравейников сыпалась желтая пыль. Разработки и добыча превратили этот поселок из палаток, бараков и временок, прорезанный шрамами раскопок и сточных канав, используемых как отхожие места, в «крупнейший игорный ад на земле», раздутый салунами и борделями.

В течение десяти лет этот центр крупнейшей золотой лихорадки в истории стал самым большим городом в Южной Африке, хотя до появления железной дороги в 1892 г. каждый гвоздь, доску и кирпич приходилось доставлять в фургонах, которые тащили волы.

К концу века свыше четверти мирового золота добывалось на рудниках Йоханнесбурга. Металл изменил равновесие сил на половине континента, поскольку к 1889 г. доход Трансвааля (1,5 миллиона фунтов стерлингов) соответствовал доходу Капской колонии. В результате, как сказал один из политиков Кейптауна, Джон Х.Мерриман, «с идеей Британской империи в Южной Африке покончено, а идея Соединенных Штатов Южной Африки под дружественной защитой, а возможно, какой-то пока неопределенной связи с Великобританией занимает ее место»³⁷.

Президент Крюгер не собирался принимать ничего, кроме неограниченной независимости. Он использовал новое богатство Трансвааля для строительства железной дороги через Португальскую Восточную Африку к морю, к заливу Делагоа, а также зондировал почву насчет немецкой помощи, чтобы бросить вызов британскому главенству.

Однако позиция Крюгера была подорвана притоком иностранцев, многие из которых оказались британцами. Это были неуправляемые и неотесанные люди. Журналистка «Таймс» Флора Шоу сказала, что ни один человек из дюжины не знал разницы между словами «violin» (скрипка) и «vegetable» (овощ).

Они также были очень разнообразными, как отмечает писательница Олив Шрейнер: «Слуга в вашем доме может оказаться кафром, ваша прачка — полукровкой, мясник — венгром, булочник — англичанином, чистильщик обуви — немцем. Овощи и фрукты вы можете покупать у индуса, уголь у китайца за углом, бакалейщиком окажется русский еврей, а ваш лучший друг — американцем». Основная масса проституток, известных, как «континентальные женщины»³⁸, прибывала из Парижа и Чикаго.

Президент рассматривал Йоханнесбург, как Город Долины, несящий зло в себе самом, но считал его еще и скрытым злом. Он называл иностранцев стервятниками и обрезал их политические крылья, чтобы сохранить бурский контроль над республикой. Но нельзя было остановить Британию от дальнейшего огораживания Трансвааля. Более того, Крюгер встретил своего двойника — защитника агрессивного империализма и колосса алмазных копей Сесила Родса.

Крюгер сравнивал себя с волом, а Родса — с беговым конем, надеясь, что сила победит скорость. Президент и в самом деле был мощной фигурой — грубоватый, неприветливый, угрюмый, некрасивый, упрямый и жестокий. В молодости он мог поднять на плечах грузный фургон. Когда большую часть его левого большого пальца оторвало взрывом, обрубок загноился и началась гангрена, он сам отрезал его складным ножом и вытянул яд, опуская руку в живот только что убитого козла.

Крюгер относился к эпохе Великого Переселения, в котором участвовал мальчиком. Будучи президентом, он носил архаичную форму — цилиндр, фрак, зеленый пояс и бакенбарды. Хотя он мог впадать в звериную ярость, этот человек обычно играл сельского жителя, в равной мере выдавая народные мудрости и плевки. Он придерживался положений Ветхого Завета и однажды заверял моряка, обошедшего вокруг света, Джошуа Склокума, что земля плоская.

В отличие от него Родс хотел, если будет возможно, аннексировать и планеты. Он определенно верил, что «мы — первая раса в мире, и чем большую часть мира мы заселим, тем лучше для человеческой расы». Сесил Родс мечтал, чтобы «Юнион Джек» развеивался над всеми «нецивилизованными» территориями, включая Палестину, Японию, Южную Америку и Африку от Кейптауна до Каира. Он даже представлял возврат Соединенных Штатов Аме-

рики и таким образом обеспечение глобального мира «на вечные времена»³⁹.

В то время, когда британцы начинали строить особые трансатлантические отношения, чтобы компенсировать относительный упадок своей страны, он был готов к «аннексии империи по отношению к Американской республике, если это обеспечит союз народов, говорящих на английском языке»⁴⁰.

С его точки зрения экспансия за границу помогла бы избежать революции дома. Родс скорее читал Гиббона, а не Библию. Он всегда был готов припомнить римский прецедент. В тайне этот человек даже платил бедным ученым за перевод оригиналов тех произведений, которые использовал историк, собрав их в двухстах томах в сафьяновом переплете, добавив к ним биографии римских императоров.

Родс считал, что сам он физически напоминает Тита, а умственно Адриана. Его любимой цитатой была: «Всегда помни, что ты римлянин»⁴¹. «Родс был римлянином в большей степени, чем какой-либо англичанин когда-либо, — сказал про него писатель Эмиль Людвиг. — Это выдающийся романтик, гений колонизации, империалист до грани безумия»⁴².

Родс расслаблялся в поношенной твидовой или фланелевой одежде, которую любил носить. Обычно он садился на ступени своего низкого белого особняка с остроконечной крышей, именовавшегося «Большая Житница». Дом располагался под пиком Дьявола Столовых гор. При ярком лунном свете и говорил о величии Рима. (В доме имелась огромная ванна в римском стиле, выдолбленная из единого куска гранита, в которую, заполнив ее холодной водой, владелец опускался каждый день).

Пока Крюгер, чья республика покоилась на золоте, являлся пророком выживания буров, Родс, который стал королем алмазов, являлся ясновидящим британской экспансии. Освальд Шпенглер, автор «Упадка запада» (1918 г. считал его современным Цезарем, «первым человеком новой эпохи»⁴³.

Сесил Родс родился в 1853 г. Он был сыном викария епископа Стортфорда. Уже в юности Родс предложил основать тайное общество по типу иезуитского для продвижения расширения Британии. Он был высоким человеком благородной внешности, со светлыми волосами, голубыми глазами, с ямочкой на подбородке и слабыми легкими.

Родс приехал в Южную Африку поправить здоровье и нашел богатство, достаточно большое для удовлетворения даже его амбиций. С его точки зрения алмазы были просто кристаллизованной властью.

1. Миссионер с таитянскими обращенными

Миссионеры одновременно и поддерживали, и подрывали империю. Они распространяли не только Евангелие. Жители островов Тихого океана называли туберкулез «кристиано» — «болезнью христиан».

2. Аболиционистский медальон Веджвуда

В 1780-е гг. стало модно выступать против работорговли. На этом медальоне из яшмы выгравирован знаменитый вопрос: «Разве я не человек и не брат?»

3. Имперский интерьер, 1890 г.

В Индии и других местах британские клубы и бунгало украшались охотничьими трофеями. Они прославляли храбрый дух правящей в империи расы.

4. Лорд и леди Керзон охотятся в Хайдарабаде, 1902 г.

Охота на тигров считалась королевским спортом в Индии. Фотографии, подобные этой (она сделана в Хайдарабаде, когда лорд Керзон являлся вице-королем Индии), считались символами имперской власти.

5. Армейская команда игроков в поло из Хайдарабада

Как показано на этой ранней фотографии, спорт способен преодолевать расовые границы. Спортивная этика стала одним из самых важных частей наследия Британской империи.

6. Место жительства мелких, но чванливых чиновников

Сэр Джеймс Григг, министр финансов в совете вице-короля Индии, со вкусом въезжает в Симлу (1938 г.)

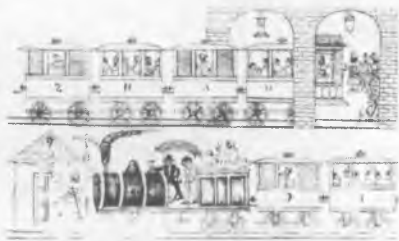
7. Вид на гавань Гонконга с горы Виктории в примерно 1878 г.

Через несколько лет после захвата Гонконга британцами он превратился в процветающий порт, через который шла транзитная торговля. Процветание, как правило, обеспечивалось торговлей опиумом.

8. «Железный конь» Канадской Тихоокеанской железной дороги

Пассажирский поезд Канадской Тихоокеанской железной дороги идет по мосту Каньон-Крик в Скалистых горах. В дальнейшем опоры были уничтожены огнем. Однако железная дорога объединила нацию.

9. Гравюра с изображением индийской железной дороги

Дороги в британских владениях в Индии, как и римские дороги, имели военное значение. Но индусы быстро воспользовались их преимуществами (хотя некоторые все еще верили, что локомотивы — это обузданные адские чудовища).

10. Время чаепития на Цейлоне

Британцы, жившие в конце викторианской эпохи, наслаждались гораздо более высоким уровнем жизни на аванпостах империи, чем на родине.

11. Урожай чая на Цейлоне

Мешки с чаем с помощью шкива переправляют для сушки на одной из плантаций сэра Томаса Липтона на Цейлоне. Местных рабочих заставляли очень много трудиться, мало платили и плохо относились.

12. Король Тибо и царица Супаялат в Бирме

Несмотря на попытки модернизировать Бирму, британцы нанесли королю поражение и отправили в ссылку в 1885 г. Снимок короля Тибо в типичной обстановке сделан придворным фотографом-французом.

13. Рождество в Бирме, 1885 г.

Вооруженные солдаты Гемпширского полка на рождественской службе перед бирманским монастырем. Буддийские монахи возглавляли национальное сопротивление.

14. Шотландцы на земле фараонов, 1882 г.

После победы генерала Уолсли над египетскими войсками в битве при Тель-эль-Кебire, шотландские солдаты позируют рядом со Сфинксом.

Его использовали и во время тренировок в стрельбе по целям.

15. На крыше мира, 1938 г.

Британские туристы устаивают своим присутствием последнее оставшееся древнее чудо света. Но Египет, который считался таким ценным владением империи, служил и предупреждением об ее упадке.

16. Почта империи

На марках рекламировалась широта и разнообразие Британской империи. Никто не собирал их с такой жадностью, как король-император Георг V.

Вернувшись после запоздалого обучения в Оксфорде, за которое было заплачено его первой разведкой месторождения, Родс провел много часов, глядя на огромный рудник с открытой горной выработкой в Кимберли. Это была самая крупная яма в мире, сделанная человеком. Ее выбили в потухшем вулкане, который скрывал изобилие алмазов у себя в жерле. Она составляла двенадцать акров площади, а спуск шел на несколько сотен футов.

В яме находились тысячи обнаженных африканцев, наполнявших голубой глиной железные ведра вместимостью в одну тонну. Их вытаскивали на поверхность на тросах, которые пересекались над кратером, словно паутина «гигантского паука»⁴⁴ или «струны какой-то чудесной арфы»⁴⁵.

Когда Родса спросили, о чем он задумался, он ответил, что рассчитывает «власть, которую эта голубая глина даст человеку, получившему контроль надо всем этим»⁴⁶.

В полной мере используя свой «серебряный» язык, личный шарм, способность очаровывать и всю технику от упрашивания, лести и обмана до откровенных взяток, Родс консолидировал конкурирующие компании в реальную монополию «Де Бирс».

Последним крупным предпринимателем, который сопротивлялся объединению, стал Барни Барнато — действительно очень крепкий орешек. Когда позднее одна аристократка пригласила его, чтобы он взглянул на ее шляпку во вкусе Ватто, то Барнато решил, что она имеет в виду какую-то часть тела. Но после восемнадцати часов лстивых речей Родса, в четыре часа утра Барнато сказал: «Вы на самом деле хотите создать империю. Ну, наверное, я должен вам сдаться»⁴⁷.

Через два года, в 1890 г., Родс заявил: «Богатство «Де Бирс» равняется четверти богатства всей Капской колонии»⁴⁸. Но его интересовали только имперские дивиденды, и он соответственно обирал компанию. Это вызвало гневные, но неэффективные протесты у капиталистов, которые его поддерживали. Они больше хотели прибыли, а не власть, чем противоречили тезису Дж.А.Гобсона и других о том, что финансы «управляют двигателем империи»⁴⁹.

Сам лорд Ротшильд, который говорил, что история «Де Бирс» — «просто сказка», не мог остановить Родса от использования компании для оплаты «мечты его жизни».

Ротшильд считал Родса «авантюристом»⁵⁰. Можно не сомневаться, что Родс часто бывал безжалостным, иногда — безрассудным и беспечным.

Родс был сентиментальным циником, мягким, словно Грации, но жестким, как богиня Судьбы. Он верил, что цель оправдывает средства, филантропы заслуживают 5 процентов, а каждый человек имеет свою цену.

Он манипулировал политиками, пэрами и премьер-министрами, предлагал решить вопрос Судана с Махди и урегулировать дело с папой⁵¹ в отношении Ирландии. В стремлении оккупировать землю, которая станет носить его имя, Родс, как говорили, мог даже «найти средства для урегулирования с мухой цеце»⁵².

Его первым крупным делом в качестве политика Капской колонии было связано с Яном Хофмейером, защитником фермеров и лидером Лиги африканеров. Он поддерживал имперское предприятие Родса к северу от Лимпопо в ответ на рекламу Родсом дорогого хлеба, дешевого бренди и африканских рабов.

В 1888 г. Родс заплатил оружием за права на разработки королю Лобенгуле, чью подагру доверенное лицо Родса, доктор Леандер Старр Джеймсон, лечил инъекциями морфия. Когда епископ Блумфонтейна запротестовал из-за коварства вооружения матабеле, его заставили замолчать при помощи пожертвования его миссии. Родс сказал одному другу, что епископ покался.

В результате смутного и даже фиктивного соглашения с Лобенгулой, Родс смог обеспечить королевский патент (то есть документ, содержащий согласие царствующей особы на создание корпорации) для своей британской «Южноафриканской компании» (ее совет директоров состоял из продажных функционеров и мутных аристократов) для разработки минеральных ресурсов к северу от Трансвааля.

В 1890 г., поддерживая геологоразведочные работы с целью обнаружения золота, которое будет превосходить открытое в Рэнде, он отправил колонну первопроходцев из Кимберли в Машоналенд. Она представляла собой смешанную группу от пэров до пролетариев-люмпенов. Ее провожал генерал Метуэн, который велел отряду идти к Сибутси. Однако генерал небрежно признался: «Я не знаю, кто или что такое Сибутси, человек или гора»⁵³.

Первопроходцы ехали в 117 фургонах, которые тащили волы. В фургонах лежали фонарики и пулеметы «Максим». Они медленно пробирались по вельду, сквозь густые кустарники, мимо огромных баобабов, через высохшие и занесенные песком русла рек, шли вверх по каменистому плату Шона. Это было вторжение, замаскированное под исследовательскую экспедицию. Оно стало частным предприятием.

Вскоре территория охвата расширилась за Замбези. Это стало возможным после благословения британского правительства, которое надеялось получить власть без ответственности или затрат.

Родс стал премьер-министром Капской колонии в 1890 г. и намеревался сформировать большую политическую конфедерацию — Британской Союз Южной Африки, тянущийся от мыса Доброй Надежды до бельгийского Конго. Он так агрессивно дви-

гался в Мозамбик, что Министерство иностранных дел решило, что Родс предлагает войну с Португалией. Он сделал Джеймсона главой Матабелеленда, а врач быстро «скосил» поселение Лобенгулы в 1893 г. Когда на места крааля Лобенгулы в Булавайо вырос город компании, гостиницу называли «Максим»⁵⁴.

Крюгер, который отказался присоединиться даже к таможенному союзу и проклинал Родса, как «одного из самых беспринципных типов, которые когда-либо существовали»⁵⁵, оставался камнем преткновения. Родс, окруживший Трансвааль с севера, теперь нацеливался разрушить его изнутри, используя чужестранцев в качестве своего троянского коня. К 1895 г. они количественно превышали буров (среди которых насчитывалось 15 000 взрослых мужчин) в пропорции четыре к одному. Иностранцы платили девять десятых налогов в Трансваале, однако им отказывали в праве на голосование.

Имелись и другие поводы для недовольства. Например, Крюгер пытался призвать иноземцев для ведения войны против Багананвы, который спрятался в пещерах. Буры взорвали их при помощи динамита. Это была не только «расточительная и нелепая растрата»⁵⁶ контролируемых государством взрывчатых веществ, которые требовались для добычи золота, но и угроза поставке рабочей силы хозяевам Рэнда.

Родс давно считал, что «землекопы никогда не потерпят чисто бурское правительство»⁵⁷. Поэтому, подгоняемый вперед «врожденным автократизмом»⁵⁸, он планировал военный переворот в целях свержения режима Крюгера. Он действовал при молчаливом попустительстве министра по делам колоний Джозефа Чемберлена, который покинул Гладстона из-за политики предоставления самоуправления Ирландии. Теперь Чемберлен являлся самым твердым и решительным строителем империи в кабинете Солсбери.

Родс придумал такое зрелищное фиаско, что оно угрожало подорвать все имперское предприятие.

Сам Чемберлен предупреждал, что «фиаско будет ужасающим». Но он заставлял Родса поторопиться (из-за грядущего диспута Великобритании с США по Венесуэле)⁵⁹ и верил, что «Наполеон Южной Африки»⁶⁰ будет соответствовать своему известному прозвищу.

На самом деле заговор был хуже преступления, это была серия ошибок, вдохновленных личной и имперской гордостью и высокомерием.

Родс менял график. Восстание откладывалось из-за недели конных бегов в Йоханнесбурге. Предпринимались вялые попытки не дать ему состояться в последний момент. Он посвятил в тайну слишком много людей. Сэр Геркулес Робинсон «знал и не хотел, чтобы ему это говорили». Знала и лондонская «Таймс», которая

просила Родса не начинать действия в субботу, поскольку газета не выходила по воскресеньям.

Колосс доверил командование вторжением Джеймсону, самому безрассудному из дружков, которого он обожал (но, очевидно, с целомудренной страстью). «Доктор Джим», игрок в покер, который презрительно относился к офицерам регулярной армии, как машинам, появившимся из смеси красной тесьмы для скрепления юридических документов с сургучом, был уверен: он сможет нанести поражение бурам с подразделением из пятисот человек, вооруженных кнутами.

Подготовка, которую он провел в декабре 1895 г., отражала это хвастовство. Частная армия Джеймсона состояла в основном из «бесшабашного полка»⁶¹ конной полиции Машоналенда. Солдаты носили серую форму, много пили, дрались, были плохо подготовлены и оснащены. Планируемое восстание иностранцев в Йоханнесбурге, как сказал Родс, «погасло, не успев разгореться, словно отсыревшая петарда».

«Доктор Джим», несмотря ни на что, продвигался вперед, хотя не был готов к долгому переходу, поскольку страдал от обострения геморроя. После короткой кровавой стычки в двадцати милях от Йоханнесбурга он сдался бурам, которые преследовали его на всем пути от границы Бечуаналенда. Как написал один из подчиненных Джеймсона, «нас просто поймали, как крыс в капкан, а через некоторое время весь доблестный маленький отряд повели к Крюгерсдорпу»⁶².

Крюгер обладал не только большим ростом, но и хитростью с коварством. Перед атакой на Джеймсона он сказал: «Черепaxe нужно дать время, чтобы высунула голову, перед тем, как ее отрубашь»⁶³. Теперь он был доволен нравственным и политическим урожаем победы, продемонстрировав милость к восставшим.

Однако щедрость Крюгера была сведена на нет поспешностью и импульсивностью кайзера. Император только что провозгласил Германию мировой империей и 3 января 1896 г. отправил телеграмму, поздравляя Крюгера с удержанием независимости Трансвааля без призыва на помощь дружественных держав.

Британская общественность отреагировала взрывом ксенофобии, а правительство отправило военно-морскую эскадру в залив Делагоа. Это побудило Германию на строительство военного флота.

Уилфрид Скейвен Блант сожалел о фуроре: «Гангрена колониального бесчинства заражает нас, а привычка подавлять свободу в слабых странах ставит в опасность нашу собственную»⁶⁴.

Но пресса сделала Джеймсона национальным рыцарем. В Лондоне его приветствовал оркестр, который играл «Смотрите, вот идет герой-завоеватель». В честь него писали гимны, и не только

неумелый придворный поэт Альфред Остин, но и Киплинг. Последний, судя по всему, основал «Если» на характере Джеймсона и называл его «самым благородным римлянином из них всех»⁶⁵.

Джеймсон провел недолгое время в тюрьме Холлоуэй в Лондоне, а потом занял почетное место в национальном пантеоне в музее мадам Тюссо.

Хотя Родс был вынужден подать в отставку с поста премьер-министра Капской колонии, он избежал неприятностей, кроме порицания и осуждения. Этот человек был слишком силен, чтобы помещать его в тюрьму. Как сказала Олив Шрейнер, Родс — слишком крупный, чтобы пройти в ворота Ада.

На самом деле Родса вскоре стали называть «Авраамом Линкольном Южной Африки»⁶⁶. «Когда он стоит на мысе Доброй Надежды, — писал Марк Твен, — его тень падает на Замбези». Он был единственной «особой не королевской крови, прибытие которой в Лондон могло соперничать с вниманием, которое привлекает к себе солнечное затмение»⁶⁷.

Возбуждение было таким, что Чемберлен, который не принимал Джеймсона и ругал «вояк-любителей»⁶⁸, смог скрыть свою вовлеченность в дело. Родс помог ему, спрятав телеграммы, которые показывали, что министр по делам колоний погряз «по самую шею»⁶⁹ в заговоре.

Джеймсон «играл преданно, обманув комиссию»⁷⁰, занимавшуюся расследованием. В результате он и получил знаменитое прозвище — «Выставленный для торжественного прощания в Вестминстере»⁷¹.

Предательство, осложненное лицемерием, вызвало негодование у буров и помогло объединить их против британцев. Крюгер сказал, что они наказали собак, позволив хозяевам уйти. Он начал импортировать оружие в больших объемах, в том числе — тысячи винтовок «Маузер» из Германии, которая разделяла его враждебное отношение к британцам.

В «Мировом кризисе» Уинстон Черчилль датирует «рост сильного антагонизма за границей»⁷² периодом набега Джеймсона. Этот бесславный эпизод стал прелюдией к англо-бурской войне и предвестником Первой Мировой войны. Первая из упомянутых войн нанесла урон Британской империи, а вторая оказалась почти фатальной.

* * *

Борьба за тропическую Африку являлась выражением европейского соперничества. Северная и Южная Африка имели очевидную ценность. Но середина континента, как казалось, едва ли

соответствует стоимости завоевания. До 1914 г. ее ежегодная торговля с Великобританией составляла всего 14 миллионов фунтов стерлингов.

Министр иностранных дел Британии сказал французскому послу в 1895 г., что эти огромные площади — всего лишь «бесплодные пустыни или места, где не может жить белый человек, слабо заселенные разбросанными на большие расстояния племенами, которые нельзя заставить работать»⁷³.

Такой точки зрения также придерживался маркиз Солсбери, который был премьер-министром большую часть времени в период с 1885 по 1902 г. Он шутил, что европейцы торгуются из-за кусков Центральной Африки, названия которых они не могут ни произвести, ни найти на карте.

Однако эти удаленные регионы стали полезной нагрузкой в международном балансе сил. Они поддерживали политическую позицию Британии, когда ее политическая слабость становилась ощутимой, помогали сохранить равновесие, от которого больше всего получал Джон Буль.

Солсбери, будучи премьер-министром, добавил два с половиной миллиона квадратных миль к Британской империи. Он рассматривал раздел Африки в качестве средства сохранения мира в Европе. Поскольку между 1870 и 1914 гг. не было никакой крупной войны, можно утверждать: такая политика преуспела, враждебность между странами была направлена в имперские каналы, а европейский яд ушел в болота, пески и джунгли тропической Африки.

С другой стороны, колонии стали таким фокусом антагонизма (особенно, после оккупации Великобританией Египта), что часто усиливали европейское напряжение. Франция искала мести в Сахаре за утерянные провинции Эльзас и Лотарингию. Она же пыталась соперничать с морским соседом, захватив Мадагаскар, «нашу собственную Австралию»⁷⁴. Германия больше не могла расширяться дома, но бросала вызов и сталкивалась с Британией за границей, где только могла. Она приобрела территорию, в три раза превышающую Рейх — от Камеруна до Восточной Африки.

И менее сильные державы пытались доказать, что они более великие, предъявляя претензии и столбя участки в центре континента. Италия страстно желала создания Африканской империи «в духе имитации, лишь снобизма ради»⁷⁵. Бельгийский король Леопольд тоже хотел продемонстрировать силу своего народа и поднять престиж страны. Уже в 1861 г. он выгравировал на пресс-папье, сделанном из парфенонского мрамора, девиз: «Надо сделать из Бельгии империю»⁷⁶.

Сами британцы резко отреагировали на европейский вызов в Африке. В 1884 г. Солсбери заметил: общественность не обращает

внимания на дела империи, если только «не поднимается какой-то поразительный вопрос, вызывающий их интерес или вызывающий к гуманности»⁷⁷. Но на следующий год возбуждение из-за Гордона и Африки дошло до лихорадочного, заставив Фредерика Харрисона отречься всей душой от «кодекса пиратского патриотизма»⁷⁸.

К 1890 г. в ответ на наступление чужестранцев стало возможным говорить о «требовании общественности расширить нашу империю в Центральную Африку»⁷⁹.

Размахивание флагами и битье в барабаны так усилилось, что в 1893 г. Гладстон смог воскликнуть: «Джингоизм сильнее, чем когда-либо. Это больше не военная лихорадка, а земельный голод»⁸⁰.

Настроение нации было неустойчивым и странным. Она наиболее яростно реагировала на ближайшие проблемы — например, на автономию Ирландии. Но британцы могли отреагировать и на небольшое восстание в Бузай-Гумбазе. Хотя Министерству иностранных дел пришлось отправлять телеграмму в Индию, чтобы выяснить, где находится это место (на самом деле оно оказалось в Афганистане, недалеко от границы), министр иностранных дел заявил: «Бузай-Гумбаз — это Гибралтар Гиндукуша»⁸¹.

Люди признавали, что отдаленная стычка может привести к пожару у них на пороге. И они особенно боялись, что «сея драконовы зубы в Африке, мы можем собрать самый кровавый урожай из вооруженных людей в Европе»⁸².

Солсбери пытался избежать этой катастрофы, самым серьезным образом проводя расчеты того, где находятся истинные интересы Британии. Хотя он был таким же рьяным сторонником «высокой церкви», как и Гладстон, Солсбери не отличался имперским идеализмом, свойственным «великому старцу». (В Хатфилде, королевской резиденции, инициалы Гладстона (ГОМ) расшифровывали по-другому — «Единственная Ошибка Господа»)⁸³.

Солсбери был толстокожим, близоруким, несговорчивым, своенравным и строптивым реакционером, известным по прозвищу «Буйвол». Он цинично относился к высокопарным оправданиям империи, как и ко всем схемам политических улучшений.

Солсбери был неизменно скептичен и иногда груб, а то и непристойно шутил по поводу филантропических предприятий вроде организованной эмиграции «бедствующих швей». Их совратили на борту корабля, направлявшегося к мысу Доброй Надежды, там передали заботам церкви, а в дальнейшем они стали известны, как «женщины епископа»⁸⁴.

Солсбери осуждал миссионеров — «вульгарных радикалов». Он отвергал выражения вроде «наступление цивилизации», считая их обманом и надувательством. «Если бы наши предки беспокоились

лись о правах других народов, — объявлял премьер, — то никогда бы не получилось Британской империи»⁸⁵. Ее целью было не распространение добра и света, а увеличение богатства и силы Великобритании. Эксплуатация включала расчеты: «поскольку необходимо пустить кровь Индии, но кровопускание должно делаться разумно и рассудительно»⁸⁶. Правление Великобритании должно насаждаться убеждением, если возможно, но силой, если необходимо. Пряник обычно более эффективен, чем кнут, считал Солсбери. Ведь большинство колониальных народов легко вести за собой, они неспособны к самоуправлению. Он объявлял: ирландцы не более подходят для самоуправления, чем готтентоты. Для правления не подходили и такие лидеры, как Крюгер — «неандерталец во фраке»⁸⁷.

На деле главной функцией чужеземных монархов и государств, судя по всему, было обеспечение развлечений в Хатфилде. Ничто не давало Солсбери большего удовольствия, чем услышать о том, как чрезмерно любящий своих жен турецкий султан наградил одну из них орденом Целомудрия (третьей степени), или о том, как болеющий император Эфиопии, которому врачи скармливали страницы Библии, умер, когда ел Книгу Царств.

Однако Солсбери боялся восстания или мятежа в империи, как и бунта на родине. Этот неуклюжий, неповоротливый, косматый человек страдал от «нервных расстройств»⁸⁸, которые накатывали на него волнами даже во сне. Один раз его нашли гуляющим во сне перед открытым окном второго этажа. Премьер готовился отражать революционно настроенную толпу.

В статье под названием «Дезинтеграция» он рассуждал об опасности потери «больших ветвей или частей нашей империи»⁸⁹, например, Ирландии, Египта и Индии. Солсбери предупреждал: в других местах белые поселенцы очень склонны к «презрению к неграм», и через какое-то время местные народы восстанут. Это восстание может оказаться успешным. Они не будут просто «проверять наши пушки Армстронга»⁹⁰.

Так что Солсбери не хотел, чтобы Британию засасывало в тропическую Африку, разве что для противостояния другим великим державам или для поддержки и подкрепления ключевых позиций империи на севере и юге. Даже здесь он опасался расточительных губернаторов колоний, которые хотели аннексировать места с названиями, «которые невозможно запомнить»⁹¹, или амбициозных генералов с маломасштабными картами и большими аппетитами к завоеваниям.

Самым упорным из борцов за Африку, по мнению Солсбери, был Гарри Джонсон. Он начал карьеру как художник, исследователь, филолог и натуралист, потом стал свободным агентом имперской

экспансии. Это был яркий маленький авантюрист, обладавший редким умом и способностями. Всегда в его делах присутствовало какое-то шарлатанство. Он отправлял в Министерство иностранных дел объемные отчеты о своих приключениях, которые вполне мог бы написать Райдер Хаггард или Г.А. Генри. Например, в Калабаре, он говорил о совещании с «неисправимыми каннибалами»: «Почти у меня над головой, с почернивших от дыма балок дома свисала копченая человеческая ветчина. Примерно сто черепов стояли вокруг, таким ужасающим бордюром в верхней части глиняных стен... Старый вождь подарил мне ожерелье из человеческих костяшек пальцев, которое снял с собственной шеи».

Однако Солсбери забавляли подобные вещи. Он пригласил Джонсона в Хартфилд, где консул в свою очередь наслаждался шарадами — леди Гвендолин Сесил (дочь маркиза) с огромными накладными усами играла лорда Рэндолфа Черчилля (отца Уинстона).

Солсбери не убедили благородные планы Джонсона по эксплуатации тропической Африки по типу Индии, или об отношении к ней, как к Новому Свету — современному эквиваленту того, чем Америка была для Европы в XVI веке. Но он отдавал предпочтение консолидации британских интересов и использовал Джонсона для ограничения португальских претензий — в частности, путем заключения договоров с местными правителями на нагорье Ширы и установление протектората над Ньясалендом (современный Малави) в 1890 г. Родс заплатил за это предприятие, хотя у Джонсона, назначенного британским комиссаром по Южной и Центральной Африке в 1891 г., взаимоотношения с ним были бурными.

Они согласились насчет окрашивания карты Африки в красный цвет, и во время своей первой встречи не спали всю ночь, обсуждая проект. Оба договорились и насчет методов. Джонсона совершенно не беспокоило сожжение деревень местных жителей, конфискация зерна и скота и отправка на битву под белым зонтиком, который никогда не закрывался. Его соломенная шляпа была обвязана белой, желтой и черной лентами. Этот триколор повторял специально разработанную форму новых подразделений сикхов и символизировал его веру в то, что Африкой будут управлять европейцы, развивать ее станут индусы, а работать придется африканцам.

Однако Джонсон с негодованием отнесся к безжалостному использованию власти Родсом при помощи финансовых ресурсов: «Я могу кричать и писать яростные статьи, но вы двигаетесь дальше с вашими армиями и вашим золотом столь же быстро, величественно, неумолимо наступая. Так слон продвигается сквозь кустарник»⁹².

В 1894 г., когда требования Родса относительно земли и прав на минеральные ресурсы стали чрезмерными, Джонстон убедил британское казначейство (чьих функционеров, напоминающих Скружда, он хотел гонять из комнаты в комнату и держать на кончике штыка), заменить грант (28 000 фунтов стерлингов на 1895–96 гг.) на дотации британской «Южноафриканской компании».

В целом колонизация Ньясаленда стала характерным имперским предприятием. Премьер-министр хотел противостоять европейским соперникам и предоставил свободу действий дилетанту-строителю империи. Последнего субсидировала частная компания и поддерживало маленькое имперское военное подразделение. Он имел договоренности с вождями племен и деревенскими старостами, зависимыми от англичан.

Непродуманную организацию дел в конце концов поставили на официальную основу. Сам Джонсон оптимистично подходил к процессу, но опасался, что белый деспотизм не может долго оставаться благожелательным и щедрым. Поэтому придет время, когда негр, «человек с человеческими правами», несмотря на свое существование, почти напоминающее обезьянье, «поднимется и выгонит нас» с территории, которая изначально принадлежала ему⁹³.

В других местах в Африке, на континенте, «созданном, чтобы быть грузом для Министерства иностранных дел», по мнению Солсбери, коммерческие компании побуждали брать на себя обязанности колонизации. От этих обязательств отказывались последующие британские правительства.

В 1886 г. «Королевская Нигерская компания» сэра Джорджа Голди получила патент на управление огромными внутренними районами к северу от дельты. Экономическое преимущество всегда считалось важным фактором, который учитывался. Никто не придерживался намеченного плана с большей жестокостью, чем Голди, чей ум напоминал счетную машину. Интеллекту соответствовал и его характер. Сам он сравнивал себя со «складом пороха».

Голди был таким худым, что казался на грани истощения. Он мог впадать в дикую ярость, не шел на компромиссы, был неуступчивым в своем рационализме. Этот человек покинул Англию, чтобы избежать звона церковных колоколов.

Голди отличался «быстротой и резкостью движений, нервозностью. Нос его напоминал клюв орла, а голубые глаза смотрели пронзительно»⁹⁴. В Лондоне он снимал комнату недалеко от Стренда. Внутри был установлен внутри пулемет «Гатлинг», а хозяин обучался его работе, а нацеливая оружие на другую сторону Темзы.

На Нигере Голди объединял концерны соперников и конкурентов (включая французов), исключил африканских посредников и установил эффективную монополию, на которую не имел полномочий. Он обменивал стрелковое оружие и «огненную воду» на пальмовое масло, которое используется в мыле. Это оказалось прибыльным для эффективно действующей компании, «свободной от хаоса и пустословия»⁹⁵.

Но Голди, как и Родс, нацеливался на империю.

Именно здесь новые компании отличались от старых, которые ставили торговлю выше флага. Таким образом они привлекали радикальные атаки на «маклерский империализм»⁹⁶. Голди не обращал внимания на торговые интересы, представляя британское владение, которое тянулось от Нигера до Нила. Он шел на север сквозь густые тропические леса язычников йоруба и ибо, в покрытую кустарником саванну мусульман фулани и хауса. В исламских государствах находились красные города, окруженные стенами, процветающие мечети, заполненные базары, хорошо обработанные поля, грамотные муллы, ученые юристы, купцы-космополиты, ремесленники, работающие с кожей и металлом, кавалерия, будто сошедшая со страниц средневековых романов. Воины в тюрбанах цвета индиго и кольчугах ездили на пони с длинными хвостами и серебряными уздечками, вышитыми попонами, на двулучных седлах, с огромными латунными и железными стремянами в форме месяца. Они галопом неслись в битву, «размахивая мечами или копьями в воздухе, белые одежды развевались на ветру.. Их вдохновлял бой маленьких барабанов и низко звучащих рогов»⁹⁷.

Конечно, такие бойцы не могли соответствовать «Шнайдерам», не говоря уж о «Максимах». Но целью Голди скорее была дипломатия, а не завоевание. Поэтому он пытался убедить местных правителей подписать договоры о передаче юрисдикции взамен на защиту. Соглашения часто оказывались фальшивыми, а защита представлялась туманной. Британцы полагались на водный транспорт. На земле белых всегда оставалось мало. Дошло до того, что эмир Контагары утверждал, будто европейцы — это вид рыб, и они умрут, если будут находиться на удалении от Нигера.

Самым действенным агентом Голди был Фредерик Лугард — армейский офицер, которого обманули в Индии. Однако он завоевал признание и прославился в Восточной Африке. Здесь, после пиратства в Ньясаленде, Лугард выполнял важную работу для другого частного концерна. Это была «Имперская британская восточно-африканская компания» сэра Уильяма Маккиннона. Она получила патент в 1888 г. на защиту позиций Великобритании на территории, которая затем станет Кенией и Угандой.

Маккиннон был судоходным магнатом, преданным делу филантропом. Он хотел распространять цивилизацию в Африке. Но, хотя у него было золотое сердце, ему не доставало железной воли Голди. Вскоре его «компания с одной лошадей»⁹⁸ (термин лорда Роузбери) рухнула. Торговли было очень мало, она взяла на себя слишком много обязательств — в частности, относительно истоков Нила. Там соперником являлась Германия. В 1890 г. Солсбери откупился от кайзера, отказавшись от «красного коридора» Кейптаун-Каир и уступив Гельголанд. У.Т.Стед сожалел о передаче этого незаселенного острова, в то время как «русские знатные господа в старые времена расплачивались за карточные долги поместьями, населенными крепостными»⁹⁹.

Франция жаловалась на пренебрежительное отношение к ее правам в Занзибаре (который теперь стал британским протекторатом). Премьер-министр беззаботно ответил: они с Бисмарком привыкли сжимать султана, словно резиновую куклу¹⁰⁰.

Давление французов продолжалось, и боязнь Франции стала «главной движущей силой британской политики в Африке»¹⁰¹.

Лугард в некоторой степени установил контроль над Угандой, которую разрывали гражданские и религиозные войны. Католики выступали против протестантов, а мусульмане — против одних и других. Для захвата и обеспечения безопасности верховий Нила Солсбери передал Франции территорию от Алжира до Тимбукту. Он редко мог сопротивляться неблагоразумию и неосторожности — особенно, если это вызывало унижения и огорчения по другую сторону Ла-Манша. Премьер говорил об этом приобретении в Сахаре, как о «легкой земле»¹⁰².

Лугард помог обеспечить переход власти к правительству от компании в Уганде, которая стала британским протекторатом в 1894 г. Далее он противостоял вызову французов на территории, которая вскоре станет Нигерией.

Голди отказался следовать примеру Родса и отверг название «Голдезия». С небольшим и плохо подготовленным подразделением, на языке которого Лугард не говорил, он пошел на северо-запад, в землю борну. Он обеспечил договора с правителями, которые опасались, что подписанные бумаги могут быть использованы для наведения на них злых чар.

Лугард вылечился от лихорадки, «принимая по 10 гранул антипирина и 13 миль пешком под раскаленным солнцем». Он отбивал атаки враждебно настроенных воинов, которые стреляли отравленными стрелами. Одна стрела с железным наконечником вошла Лугарду в голову на четверть дюйма. Его охотник вытащил ее, поставив ногу на голову хозяину для должного упора.

Командир отряда глотал всяческие отвратительные противоядия. В духе легендарного британского строителя империи, чьи раны болели, только когда он смеялся, этот офицер продолжал выкрикивать приказы. Неудивительно, что Гарри Джонсон назвал его Клайвом из Уганды и Уорреном Гастингсом из Нигерии.

Лугард был невысоким мужчиной с большими усами, который исповедовал «женское»¹⁰³ отвращение к насилию, хотя один раз сломал палец, избив индийского торговца. Он едва не выбил глаз дерзкому слуге в интересах поддержания престижа белых.

Однако Лугард обладал гуманными инстинктами и, как правило, осуществлял командование благодаря силе личности. На самом деле у него никогда не было в распоряжении более нескольких британцев, и он принял метод передачи обязанностей Голди. Это триумфально сработало во время войны «Нигерской компании» против народностей ньюпа и илорин в 1897 г. Делу помогли «Максимы», сигнальные ракеты, фонари, консервы и колючая проволока.

На Голди действия чернокожих рекрутов произвели такое впечатление, что он рекомендовал использовать Западную Африку, а не Индию, где сквозь преданность просачивался национализм, для обеспечения «резервуара военной силы»¹⁰⁴. Его могла бы задействовать империя для приостановки своего упадка.

Парадоксально, что дальнейшие вторжения французов убедили Джозефа Чемберлена, первого крупного политика, чьей миссией стало развитие огромных колониальных поместий страны, что Великобритания не должна больше управлять Нигерией по доверенности. Поэтому патент компании был отозван в 1899 г. Корона взяла себе права за 850 000 фунтов стерлингов.

Голди протестовал, что империя покупает большую провинцию «за чечевичную похлебку»¹⁰⁵. Он сравнивал правительство с разбойником с большой дороги, который не только грабит жертву, но и забирает у нее одежду.

Однако сам Лугард стал верховным комиссаром Северной Нигерии в 1900 г. Он все еще был предан Голди. (Правда, их дружба сошла на нет после 1902 г., когда Лугард женился на журналистке Флоре Шоу, у которой была любовь с Голди). Он отточил свои методы, рекрутируя местных вождей — «коллорабационистов» колониализма¹⁰⁶. Этот термин в дальнейшем использовали африканские националисты, а сам Лугард рассматривал «двойной мандат» в качестве квинтэссенции имперской мудрости, что и понятно. Он же записал классическое оправдание: «Римский империализм заложил основы современной цивилизации и повел диких варваров с наших островов по пути прогресса. Поэтому сегодня в Африке мы платим долг и несем в погруженные во мрак

места на Земле, в жилища варварства и жестокости, факел культуры и прогресса. Одновременно мы заботимся о материальных нуждах нашей собственной цивилизации... Британское правление способствовало счастью и благополучию первобытных народов. Мы удерживаем эти страны, поскольку наша раса обладает талантом и склонностью к колонизации, торговле и управлению».

На самом деле система Лугарда, которая редко делала что-то, кроме царапанья поверхности жизни в районе Нигера, была обречена из-за самодовольного консерватизма. Он не смог понять логику прогресса, который расхваливал, тем более образования, которое поддерживал. А оно давало вестернизированных африканцев, которые «добьются успеха, понравятся массам и поведут их к независимости по руинам племенного строя».

Более того, не прямое правление работало только временно там, где определенные местные власти уже существовали. Дело обстояло не так среди отдельных княжеств йоруба и автономных жителей лесов ибо на юге. Из сильных богатых эмиров среди предположительно зрелых и сильных рас севера получались хорошие и эффективно действующие государственные чиновники. Но с британской поддержкой они становились большими тиранами, чем когда-либо.

Собственные склонности к диктаторству Лугарда сдерживались из-за необходимости передавать полномочия. Но он часто пребывал в мрачном настроении. Верховный комиссар думал, что образование не только меняет взгляды и ментальность, но и портит физическое здоровье африканца, делает его более плодовитым и склонным к болезням, вероятно, «возникшим из-за воспитания среди очень ограниченного класса, а также к принятию европейских одежд»¹⁰⁷.

Лугард без конца бубнил одно и то же о неисправимых и укоренившихся пороках «первобытных людей». Их никогда нельзя будет убрать «негрофильской политикой раболепствования»¹⁰⁸.

Вместо этого Лугард пытался навязать порядок кнутом, палками и позорными столбами. Заодно он устраивал карательные экспедиции, которые солдаты, как кажется, воспринимали в виде лицензии на распутство и убийство. «Бычок» Крозье, который в дальнейшем стал генералом, рассказывает в мемуарах, как один молодой офицер, его товарищ по фамилии Беллами, унес несовершеннолетнюю дочь вождя сокото. Но британский резидент, «такой отличный парень», замял скандал, опасаясь того, что «эти поющие псалмы из метрополии» могли бы из этого раздуть. Он же «придумал новый стишок», который вызывал смех в офицерской столовой:

Дочь Маллама родом из сокото
Долго проживала без заботы,
Если бы не офицер Беллами...
Результаты знаете вы сами.

Крозье записал, что британские офицеры были склонны «приканчивать раненых спортивными ружьями» и отрезать конечности мертвых ради ручных и ножных браслетов. «Сильный удар с плеча, еще один-два удара — и все сделано»¹⁰⁹. В качестве начинающего секретаря от либералов в Министерстве по делам колоний в 1906 г., Уинстон Черчилль с иронией комментировал так называемую «пацификацию» Лугардом севера Нигерии: «Все предприятие будет неправильно представлено лицами, незнакомыми с имперской терминологией, как убийство местных жителей и кража их земель»¹¹⁰.

Лорд Солсбери скорее позабавился бы, чем был бы шокирован этим замечанием, поскольку считал: живущим нациям судьбой предначертано занять место умирающих. Но его министр по делам колоний Джозеф Чемберлен, хотя и был жестким и резким, словно винты, которые он когда-то производил, более позитивно взглянул на имперское предприятие. Его целью было распространение цивилизации и коммерции за границей, чтобы увеличивалось процветание и проводились социальные реформы на родине.

Как и Родс, Чемберлен верил, что империализм — это «вопрос хлеба с маслом»¹¹¹. Обеспечивая рынки, сырье и выходы для излишков населения, колонии уменьшают трудности и вынуждают жаловаться из социализма в Британии.

Никто не продвигал коммерческое дело империи с большей энергией и блеском, чем Чемберлен. Это стало переделанной версией радикального евангелия, которое он проповедовал и практиковал, будучи мэром Бирмингема в 1870-е гг. Такая деятельность привлекла соответствующие недоброжелательные замечания и нелестные отзывы. «Панч» едко шутил: «Чем больше расширяется империя, тем больше контрактов у Чемберлена»¹¹². И эту шутку запомнили надолго.

Либерал Джон Морли говорил об империализме Чемберлена, как об «убийстве людей, потому что это хорошо для торговли»¹¹³.

Другие смотрели на Чемберлена, как на политического Люцифера, они заявляли, что чувствуют запах серы при любом упоминании его имени. Однако «тори» были рады получить в союзники государственного деятеля, который, как сказал Уинстон Черчилль, делает погоду. Кузен Бланта Джордж Уиндем ценил его, как «великолепный образец смелого, нещепетильного интригана,

какого никогда не видела наша политика»¹¹⁴. Племянник Солсбери Артур Бальфур особенно восхищался Чемберленом, когда тот «пускал кровь, прижатый спиной к стене; тогда его плохой вкус был менее заметен»¹¹⁵.

Утонченные личности относились к Чемберлену с пренебрежением. Его вульгарное происхождение плохо скрывали модные костюмы, пошитые хорошим портным, а также монокль и орхидея. Г.Г.Эсквит, будущий премьер-министр, говорил, что у него манеры кондуктора дилижанса, а язык — барочника. Беатрис Поттер (в дальнейшем Уэбб), которая была влюблена в Чемберлена, отмечала после посещения его дома, что «там все сделано с большим вкусом, но это плохой вкус»¹¹⁶.

Вульгарность чувствовалась и в его ничего не выражающем лице, в прилизанных черных волосах, длинном носе, которым он будто что-то вынюхивал. Солсбери прозвал своего министра по делам колоний «кокни»¹¹⁷. На самом деле, между Хатфилд-хаусом и городской ратушей Бирмингема наблюдался «терпеливый, тонкий антагонизм»¹¹⁸. Но несгибаемый и крайне консервативный аристократ эксплуатировал уникальную общественную привлекательность и притягательную силу прогрессивного трибуна. Он использовал личность Чемберлена, похожего на Свенгали. [Свенгали — зловещий гипнотизер, герой романа «Трильби» Джорджа дю Морье. — *Прим. перев.*] Об этом очень живописно говорил Лугард, заявляя: «Когда Чемберлен прищуривается за очками, ты чувствуешь, будто тебя сейчас тщательно исследуют до самого костного мозга»¹¹⁹.

Солсбери пытался не дать ему доминировать в правительстве. Это не всегда было возможно. Например, в конце 1895 г. Чемберлен взял на себя подавление ашанти и намеревался застолбить внутренние районы Золотого Берега. Операция была быстрой и бескровной. Результатом стали скромные трофеи для победителей, среди которых оказался Баден-Пауэлл, а также ссылка короля Премпеха. Последний в конце концов вернулся и стал президентом местной ассоциации бойскаутов. Это оправдало газетное прозвище Чемберлена («Джозеф Африканский») и его прозвище в Министерстве по делам колоний, где он заменил свечи электрическим светом — Хозяин. По словам Солсбери, Чемберлен «хочет идти войной на все державы мира, он не думает ни о чем, кроме империализма»¹²⁰.

Вскоре после этого Уилфрид Скейвен Блант выступил с подобным обвинением с другой точки зрения, отметив: за шесть месяцев Великобритания поссорилась с Китаем, Турцией, Бельгией, Ашанти, Францией, Венесуэлой, Германией и США. Это рекордное достижение, которое, как он надеялся, разрушит империю,

ставшую «огромным двигателем зла для слабых рас, существующих в настоящее время в мире»¹²¹.

Имперский характер, особенно, в отношении расового шовинизма, коммерческой жадности и ненасытности, а также стратегической агрессии, никогда не был более яростным. В Африке британская враждебность все еще в основном направлялась против французов. Их планы на жизненно важные египетские коммуникации и главный водный путь, Нил, были хорошо известны. Имелись опасения, что они могут разрушить землю Нила, построив дамбу в Фашоде. Это была параноидальная фантазия, поскольку на протяжении многих миль от того места не имелось камней. Тем не менее, когда Италия потерпела поражение в Адове в 1896 г., а эфиопы, казалось, были готовы поддержать Францию в Экваториальной Африке, британское правительство решило заново завоевать Судан, отомстив за Гордона. Этим был бы навсегда сохранен Египет.

К Уганде проложили два железнодорожных пути: один с востока, второй — с севера. Железная дорога из Момбасы стала известна европейцам, как «сумасшедшая линия», африканцы называли ее «железной змеей». Она пересекала пустыни, горы, долины, каньоны, леса и болота по 600-мильной трассе к озеру Виктория. Иногда местность оказывалась такой болотистой, что поезд качало, будто корабль в штормовом море: «Жидкая грязь взлетала вверх на десять футов с каждой стороны, из-под спальных вагонов разлеталась в стороны, словно из цистерны для поливки улиц»¹²². Железнодорожные мосты на пути называли в честь Солсбери, Чемберлена и Девоншира.

Как написал Гарри Джонсон, дорога «вбила клин Индии в Восточную Африку шириной в две мили». Тридцать тысяч рабочих с Индостана при помощи сотен клерков, чертежников, конструкторов, механиков, землемеров, инспекторов и полицейских, принесли язык своей земли, а также индийские монеты, одежду, уголовный кодекс и почтовую систему на пустоши, которые до этого населяли «местные дикари или дикие звери»¹²³.

Тем временем в южном направлении, через Сахару от Вади-Хальфы, генерал Китченер (египетский сардар, главнокомандующий) с римской точностью вел свою однокорейную железную дорогу к Хартуму со скоростью километр в день. Она была такой же ширины, как и южноафриканские ветки Родса.

Китченер так сэкономил деньги, что использовал дерево с виселиц для дервишей для строительства шпал. Сардар был властным, надменным и нетерпеливым, он заставлял подчиненных работать при температурах, когда лопались термометры. Когда не удалось найти инженера, он повел локомотивы (самые лучшие из которых

были куплены в Америке — к огорчению британских патриотов), разогнав их на скорости, превышающей разрешенные двадцать пять миль в час.

Китченер воевал с «заклепками и паровыми затворами»¹²⁴. По словам Уинстона Черчилля, будучи амбициозным младшим офицером, оказался участником Хартумской экспедиции, попав туда против воли сардара, «победа — это красивый яркий цветок. Транспортировка — это ствол, без которого цветок никогда не зацветет»¹²⁵.

Речную войну выиграли на железной дороге.

Горацио Герберт Китченер был самым безжалостным техником империи. И это не говоря о том, что он являлся легендарной «Суданской Машиной», металлическим титаном, который «редко открывал рот, разве только для того, чтобы отдать приказ о казни».

Он обладал любовью к прекрасному. Китченер собирал керамику, хотя не хотел за нее платить. Он обладал «женской чувствительностью к атмосфере»¹²⁶. Сардар мог снискать расположение и втереться в доверие к великим: «Лорд Кромер — прекрасный человек, в подчинении которого отлично служить»¹²⁷.

Китченер завоевал восхищение Уолсли, который восторгался его «мужеством, энергией и умелым руководством»¹²⁸. Он был в прекрасных шаловливых отношениях с симпатичными молодыми людьми из своего штаба. Более того, после победы, как говорили, сардар мог пробыть вполне нормальным человеком целую четверть часа.

Но Китченер не обладал большим воображением и мог похвастаться еще меньшим образованием. Письма он писал безграмотно, а порой их вообще было невозможно прочитать. Даже в 1916 г. он никогда не слышал про Уордсворта. Сардар относился к солдатам, как к простым винтикам военной машины. На самом деле, «никогда не видели, чтобы он обращался или даже заметил рядового»¹²⁹. Однако сложно сказать, что он замечал вообще своими фарфорово-голубыми глазами, которые странно горели между выступающим вперед лбом и красными, словно кирпичи, щеками. Китченер шурился так, что это приводило людей в замешательство и лишало самообладания.

По отношению к большинству офицеров Китченер был непреклонен, невежлив и просто груб. Говорили, что они выглядят, словно животные, на которых ведется охота.

Он доверял такому малому количеству из них, что едва ли мог передавать какие-то полномочия. В Северной Африке Китченер действовал, как собственный начальник штаба, писал телеграммы по массе образцов, которые хранил у себя в шлеме. В дальнейшем, в Индии, он приказал вбить документы военного отдела в

папье-маше и использовать для лепнины на потолке его нового обеденного зала.

Он «глубоко презирал всех солдат, кроме себя самого»¹³⁰ (что позволило Артуру Бальфуру хорошо думать об его уме, но не характере). Китченер редко вдохновлял на верность и преданность. Генерал Хантер, его правая рука в Судане, писал: «Теперь я добрался до самого дна Китченера. Это не человек, у него нет сердца. У него случаются эксцентрические и странные вспышки щедрости, особенно, когда он терпит поражение. Это тщеславный эгоист, самоуверенный, имеющий массу гордости и амбиций. Он ожидает всего и узурпирует все, но ничего не дает. Он представляет собой смесь лисы, еврея и змеи и, как и все задиры, становится голубем, если его прижать»¹³¹.

Несмотря на цитирование этого описания, самый последний биограф Китченера приходит к поразительно благоприятному вердикту о своем герое.

Однако вес доказательств от современников Китченера, свидетельствует против него. Черчилль говорил, что он может быть военачальником, но никогда не будет джентльменом. Френсис Янгхасбанд считал его «грубияном и пустым местом»¹³². Т.Э.Лоуренс полагал: «Он нечестен по обычным мужским сводам правил»¹³³. Лорд Эшер, который вероятно знал, что Китченера видели жульничающим на бильярде в Балморале, сделал вывод, что он переступит через труп лучшего друга¹³⁴. Киплинг называл его «откормленным фараоном в шпорах» и ненавидел его «мясницкое высокомерие»¹³⁵.

Это мерзким образом проявилось, когда Китченер в пятницу, 2 сентября 1898 г., встретил в Омдурмане отряд халифа, наряженный в белые бурнусы. С нечеловеческой смелостью «группа шоколадно-смуглых людей на верблюдах кремового цвета»¹³⁶ бросилась в атаку на винтовки, «Максимы» и артиллерию Китченера. Их всех порубили, словно солому. Был один момент, когда Китченер даже стал кричать: «Прекратите огонь! Прекратите огонь! Прекратите огонь! О, какая ужасная потеря боеприпасов!»¹³⁷

Погибло меньше пятидесяти британцев и египтян, но насчитывалось 11 000 трупов дервишей. Возможно, это была пятая часть армии халифа. Они покрывали поле брани, «равно распределившись по акрам и акрам земли»¹³⁸. Еще хуже то, что многих раненых или пристрелили, или оставили умирать.

Уинстон Черчилль осудил эту «бесчеловечную бойню»¹³⁹, а гуманисты в Англии осудили империю, которую создали и которой управляют с такой жестокостью. Британцы в Африке, как римляне в Британии (согласно словам Тацита) сотворили дикость, назвав это миром. (В Бербере, словно в подтверждение аналогии, Кит-

ченер устроил что-то типа «римского триумфа»¹⁴⁰, выехав перед побежденным и избитым кнутом эмиром, который был закован в кандалы).

Но адъютант Китченера и сын Солсбери, лорд Эдвард Сесил, говорил за многих, когда объявил: сочувствие дервишам, «животным» — это вздор¹⁴¹.

Военные корреспонденты считали, что Омдурман заслуживает квази-божественного наказания. «Вонь от этой гнусности поднималась к небу для оправдания нашей мести»¹⁴².

От суровой критики и осуждения королевы, которая взывала к добродетельности и богоугодным поступкам, отмахнуться было сложнее. Она сама получила большую часть трофеев Омдурмана¹⁴³, но была шокирована, услышав, что сардар снес гробницу религиозного лидера Махди с помощью снарядов, сбросив кости в Нил. Китченер объяснил эти акты осквернения попытками выжечь националистический культ и избавиться от его магического воздействия. Но его еще больше ругали за его план сделать питейную чашу из черепа Махди. (Позднее генерал Реджинальд Уингейт проделал это с черепом халифа, но более осмотрительно, не привлекая такого внимания)¹⁴⁴.

Черчилль не поверил заявлению Китченера о том, что тот отправил череп Махди назад для захоронения в Судан в канистре из-под керосина. Он сказал, что в канистре могло находиться все, что угодно, возможно бутерброды с ветчиной.

Однако Китченер не получил ничего, кроме похвал, после тактичного решения вопроса с майором Жаном-Батистом Маршаном. Героический переход последнего из Конго для предъявления претензий своей страны на Ниле привел к тому, что Франция и Англия оказались на грани войны.

Признано, что у Китченера имелись канонерские лодки и штыки, а у Маршана — только велосипед с толстыми шинами и флаг. Даже древко флага треснуло, когда он пытался установить его в Фашоде. Во время вежливой конфронтации с Китченером Маршан был «полностью изолирован на местности, где встречались лишь обломки камней, среди которых живут скорпионы»¹⁴⁵.

Зато Китченер мог поддерживать связь с Лондоном по телеграфному кабелю, который проходил по дну Нила.

Франция потерпела неизбежное поражение в том, о чем Блант говорил, как о «стычке между двумя разбойниками с большой дороги из-за захваченного кошелька»¹⁴⁶. Маршан отступил, а Судан стал англо-египетским кондоминиумом. Так была добавлена еще одна аномалия к региону и империи. Однако имел значение британский контроль, который не обеспечивался средствами осторожной дипломатии. Он достигался, если процитировать ха-

ракторный для Черчилля вывод, через самый значимый триумф, которого когда-либо добивались оружием науки над варварством.

Так получилось, что Черчилль испытывал странно смешанные чувства относительно победы. Он испытывал возбуждение оттого, что принял участие в последней крупной кавалерийской атаке британской армии. Но имелось и разочарование, поскольку 21-й уланский полк не понес достаточного количества потерь, чтобы битва считалась по-настоящему исторической.

Черчилль радовался, что цивилизация наступает на варварство, но оправдывал использование пуль «дум-дум». Он говорил, что сдающиеся в плен дервиши не имеют права на милосердие и снисхождение¹⁴⁷, но обвинял Китченера в том, что тот призывал свои войска «смотреть на врагов, как на паразитов, недостойных того, чтобы жить»¹⁴⁸.

Важнее то, что Черчилль тоже испытывал двойственное отношение к самой империи в то время, когда она стала «позитивной интоксикацией»¹⁴⁹. Сражение при Омдурмане не только стало мстью за Гордона. Оно санкционировало борьбу Британии за тропическую Африку, но и обеспечило сказочный финал бриллиантовому юбилею королевы Виктории (шестьдесят лет на троне) в 1897 г.

В тот год Черчилль, закончив чтение Гиббона и Уинвуда Рида, а также поучаствовав в сражениях на северо-западной границе, вдохновился и пропитался странной смесью долгосрочного исторического фатализма и краткосрочного эволюционного оптимизма. Он полагал, что цивилизации обречены на упадок, а имперская энтропия неизбежна. По пути домой Черчилль остановился у Капитолия в Риме и погрузился в мрачные размышления Гиббона об упадке и разрушении Британской империи.

Но вернувшись в Индию, где он увлекся Маколеем, Черчилль размышлял о будущих путешественниках, посещающих Индостан и не обнаруживающих ничего, что могло бы напомнить им о британском правлении, кроме «нескольких кусков камня и железа»¹⁵⁰.

С другой стороны, Черчилль верил, что «мощь — это форма приспособленности и подготовленности»¹⁵¹, и сильные выиграют в борьбе за выживание. Он изменил рукопись своей первой книги, настаивая на превосходстве белых в Индии: «Престиж доминирующей расы позволяет им поддерживать свое превосходство над местными войсками»¹⁵².

Публично Черчилль не высказывал свои личные сомнения. Более того, он бил в имперский барабан в духе директора привилегированной школы Харроу (там он и учился) Дж. Э. С. Уэллдона. Последний послужил прототипом для «размахивавшего флагом героя

с трясущимся желеобразным животом»¹⁵³ у Кипплинга в «Сталки и Ко».

В первой политической речи, которую Черчилль произнес через месяц после юбилея, он сурово осуждал «каркающих пессимистов», которые предрекали: Британскую империю, которая сейчас находится на пике славы и мощи, ждет упадок, как в случае Рима. Он говорил: «Следует не слушать ложь их мерзкого карканья и показать нашими действиями, что энергия и жизненная сила нашей расы никак не пострадала, и мы нацелены поддерживать империю, которую унаследовали у наших отцов, как англичане. [Аплодисменты]. Наш флаг будет высоко реять над морем, наш голос услышат советы Европы, нашу монархию поддержит любовь подданных, и мы продолжим следовать курсом, отмеченным для нас очень мудрой рукой, выполняя нашу миссию несения мира, цивилизации и хорошего управления в самые дальние края земли. [Продолжительные аплодисменты]»¹⁵⁴.

Эта литания была известна и фактически стала банальностью. Но последний и самый громогласный из «вигов» обычно добавлял к имперской теме уникальное красноречие — особенно, во время Второй Мировой войны. Черчилль создал образ прошлой славы и будущей победы Британии, имперского подъема на огромную освещенную солнцем вершину. Ему самому, как он считал, ниспослано Провидением оказаться в авангарде. В самый мрачный час, который пережила империя, реалисты вполне могли смотреть на подобные речи, как на чуть более чем вдохновляющее словоизвержение.

По иронии судьбы, его первая речь стала примером риторического вдохновения и озарения. Но вера в очевидную судьбу империи, как и у многих британцев в конце царствования королевы Виктории, была далека от надежности.

* * *

Однако годы между бриллиантовым юбилеем (шестидесяти лет на троне) королевы Виктории и снятием осады Мафекинга стали, вероятно, временем самой рьяной преданности империи, которая когда-либо наблюдалась в Британии. Все нации имеют склонность думать, что они рождены на небесах. Но британцы того времени склонялись считать себя миропомазанными в качестве имперской расы.

Некоторые подтверждали, что они буквально являются избранными людьми. Британские евреи заявляли, что происходят от десяти потерянных племен, зачатых Авраамом. Другие (это было особенно распространено среди буржуазии) принимали иудейс-

кую практику обрезания, чтобы улучшить здоровье и «мужскую силу будущих хранителей империи»¹⁵⁵. А колючие усы дополняли избавление от крайней плоти.

Однако независимо от того, были они стрижены или бриты, поздние викторианцы чувствовали себя уникально одаренными своим Создателем, который наделил их гениальностью для управления низшими расами. Последних Киплинг ставил в один ряд с не-евреями, вечными аутсайдерами, в то время как инсайдеры вроде учеников частных привилегированных школ, выигрывали и от естественного отбора, и от небесного распределения. «Бог сделал так, что правильный молодой человек из британского среднего класса в вопросах твердости характера, силы воли, ума и сострадания превзойдет всех других молодых людей», — сказал Киплинг¹⁵⁶.

Британцы являлись преторианской гвардией мира. Они унаследовали землю, им принадлежало царство небесное. Империя более чем в четыре раза превышала Римскую, сравнения с которой теперь обычно имели целью усилить уверенность в Британии. Обсуждая «Крах Римской империи и его уроки для нас», историк Томас Ходжкин сделал вывод: Британская империя выживет благодаря «врожденному чувству справедливости и честной игры»¹⁵⁷.

Еще один историк, сэр Альфред Лайалл, вспоминал, как святой Августин, смотря из Божественного Города на все еще огромные владения Рима, делал вывод: расширение такой империей своего правления над нецивилизованными нациями «кажется плохим людям счастьем и удачей, а хорошим людям — необходимостью»¹⁵⁸.

Получение огромных территорий Великобританией (одиннадцать миллионов квадратных миль, на которых проживало четыреста миллионов человек) было санкционировано всемогущим Господом. Лорд Роузбери, который недолгое время был премьер-министром от либералов в середине 1890-х гг. и поддерживал веселое настроение, напевая «Правь, Британия!», характерно считал: «Империя гуманна. Но она не является созданием человека в полной мере, и даже самые беззаботные и циничные должны увидеть Божественный перст»¹⁵⁹.

Это было очевидно в работе десяти тысяч миссионеров за рубежом. Масонство, эта повсеместная черта колониальной сцены, помогло (среди других вещей) придать мистическое единство Великобритании. Этим же занимались новые органы печати — например, «Дейли мейл», для которой экспансия Англии была светской религией. Еще больше для пробуждения имперских чувств сделало словно бы новое открытие королевской власти на праздновании шестидесятилетия царствования королевы Виктории.

Конечно, королевские праздники проводились и раньше, и все признавали, что первым пунктом имперского патриотизма является верность монарху. Тем не менее, как замечал У.Т. Стед, в 1897 г., британцы все еще с возбуждением обнаруживали то, что уже знали. Так герой Мольера обнаружил, что всю жизнь говорил прозой, не осознавая того.

Юбилей больше всего напоминал опыт принятия веры во время возрождения евангелизма. Стед писал: «Неконтролируемый взрыв сильных эмоций, который наблюдается, когда бедный, потерянный, заслуживающий ада грешник вытягивает вперед руку веры и хватает совершенную руку Христа, и за одно мгновение переходит от смерти к жизни... Это ближайшая аналогия, которую можно привести для объяснения ранее неизвестного духа возбуждения, радости и невыразимой благодарности, пик которой пришелся на юбилей»¹⁶⁰.

Другие говорили столь же пророчески и решительно. «Дейли мейл» посчитала очень уместным то, что королева молится в соборе Святого Павла, потому что он — единственное существо, более великое, чем она сама. Марк Твен нашел количество народа, марширующего 22 июня, неописуемым, «зрелищем для «кодака», а не для пера». Но оно дало ему «некое аллегорическое представление о том, каким будет конец света»¹⁶¹.

Делалось все для усиления торжественности «одного из самых блестящих пышных зрелищ в истории»¹⁶². Биограф Чемберлена, цитируя Гиббона, сравнивал юбилей королевы со светскими играми в Риме. Они «ослепляли многих»¹⁶³ своим великолепием и вдохновляли на почтение и благоговейный трепет, как любое «великое зрелище, которое старшие никогда не видели раньше, а младшие никогда не увидят снова»¹⁶⁴.

Четверть миллиона фунтов стерлингов было потрачено на украшение Лондона, как надлежало столице империи. Улицы обвесили гирляндами, баннерами и знаменами. Здания украшали огромными вензелями королевы Виктории, многие из них были выполнены из металла и цветного стекла. Было множество патриотических и имперских лозунгов, которые часто использовали производители для рекламы продукции. Например, они звучали в рекламе «Боврила», «Горчицы Кольмана», «Фруктовой соли Эно» и «Пузырящегося тоника Уилсона». Банк Англии, который доминировал на форуме, часто называемом «сердце империи»¹⁶⁵, вывесил светящийся лозунг: «Она трудилась на благо своего народа»¹⁶⁶. Электричество помогало газу в отбрасывании сияния на имперскую монархию во время того, что «Таймс» назвала первым панбританским праздником. Перед тем, как отправиться в собор Святого Павла, королева Виктория нажала на кнопку, телеграфи-

руя послание империи: «От всего сердца благодарю мой любимый народ, пусть его благословит Господь!»¹⁶⁷

Одиннадцать премьеров колоний участвовали в процессии. Присутствовали и украшенные драгоценными камнями сатрапы империи, а больше всех сияли индийские махараджи, которые иллюстрировали афоризм Киплинга о том, что их создало Провидение, чтобы предложить человечеству зрелище.

Еще более впечатляющим был набор военной мощи. Примерно 46 000 солдат, самое большое подразделение из когда-либо собиравшихся в столице, промаршировали под стук копыт, звон снаряжения, громкую музыку оркестров и бесконечный топот сапог. Это не был просто знакомый набор красных мундиров и золотых грудных ремней, белых перьев и блестящий копий, серебряных литавр и латунных военно-морских орудий. Это была группа людей империи, объединенных общими интересами. Наиболее живописно их говорил о них знаменитый автор «Дейли мейл» Дж.В.Стивенс: «Стройные, крепкие, хорошо сложенные канадцы, длинноногие, светлокожие австралийцы — все едины со своими конями. Гигантские большеглазые маори расслабленно сидят в седле и странно отклоняются назад. Загорелые южноафриканцы, сикхи с прямой осанкой, маленькие гибкие малайцы, китайцы в белых мисках, перевернутых у них на головах, улыбающиеся хауса, такие черные, что кажется, будто их кожа отсвечивает серебром на солнце.... Там были люди с белой, желтой, коричневой и черной кожей, всех цветов и оттенков, со всех континентов, представители всех рас и национальностей, говорящие на всех языках. И все они были готовы сражаться с оружием в руках за Британскую империю и британскую королеву. Они все подходили и подходили, их становилось все больше и больше — новые типажи, новые королевства каждую пару ярдов, целый антропологический музей, живая газета Британской империи. С ними прибыли их английские офицеры, которым они подчиняются и за которыми следуют, словно дети... И вы начинаете понимать, как никогда раньше, что означает империя»¹⁶⁸.

Однако, по словам Марка Твена, именно королеву Викторию британская «публика рассматривала, как саму Британскую империю»¹⁶⁹.

Она была скромно одета в черное муаровое платье, расшитое серебром. На голове ее была шляпка, украшенная белыми страусовыми перьями. Шесть миль пути королева ехала в открытом ландо, в который были запряжены восемь лошадей кремового цвета. В тот серый день ее приветствовали в экстазе.

«Приветственные крики были оглушительными, — написала она в своем дневнике. — Казалось, что все лица наполнены настоящей радостью»¹⁷⁰.

Служба проходила перед собором Святого Павла из-за люмбаго у королевы. Церковь даровала божественное благословение земной монархине. Епископ лондонский Манделл Кейгтон, известный, как «Вызывающий Восхищение», в роскошных одеждах, с епископским посохом и митрой, объявил: имперская судьба нации была задумана и осознана во время царствования Виктории.

По словам одного свидетеля, королева «заметно изменилась перед глазами подданных».

Множество других событий, связанных с юбилеем, подтвердили апофеоз. Наиболее впечатлял и вызывал благоговейный трепет военно-морской парад. Более 160 военных кораблей выстроились в три линии, растянувшись почти на тридцать миль. Это убедило даже французских наблюдателей, что британцы полностью затмили Римскую империю. Несравненная армада означала «особый указ Вечности, которая повелела им править над морем»¹⁷¹.

Однако бриллиантовый юбилей, который принимал мириады форм в отдаленных местах, не получил всеобщего признания даже среди лидеров британского общества. Мистер Гладстон, маленький англичанин до кончиков пальцев, проигнорировал мероприятия и выступал против «духа джингоизма под именем империализма»¹⁷². В частных беседах он заявлял, что лучшим способом для королевы отпраздновать шестьдесят лет на троне было бы отречение от престола. Радикальный депутат Парламента Генри Лабушер рекомендовал превратить Букингемский дворец в дом для падших женщин. Лорд Солсбери признавал, что массам требуется цирк, как и хлеб. Но он находил этот цирк вульгарным и абсурдным, от фальшивости посвящения в рыцари тех, кто ничего не знает ни о кавалерии, ни о рыцарстве, до театра регалий, который казался обреченным на то, чтобы стать фарсом.

Его прогнозы по этому поводу оказались точными. Во время процессий толпа шикала и освистывала полицейских с Кипра, которые были в фесках, решив, что это турки. Лорд-мэр потерял шляпу, когда его конь сорвался с места галопом вместе с ним. Полковник лорд Дандоналд из телохранителей ехал за экипажем монархини на своенравной кобыле, и постоянно повторял: «Спокойно, старушка! Тпру, старая!»¹⁷³ Королева вначале подумала, что эти реплики относятся к ней.

Премьер-министр смеялся над страстью к звездам и орденам, которая была особенно сильной у сановников из колоний. Все премьер-министры стали членами Тайного совета, имеющими право носить форму, которая делала человека чем-то средним между «форейтором и шутом»¹⁷⁴. Солсбери почти столь же едко высказался о королевском ритуале, как и Фредерик Харрисон, который смотрел на него, как на «спиртной напиток с примесью

наркотиков»¹⁷⁵. Он считал, что действо напоминает римский «лектистерний», «божью трапезу», умиротворяющий пир для образов богов. Или же это может напомнить о битве дикарями в гонги и тамтамы, чтобы отогнать солнечное затмение.

На самом деле празднование шестидесятилетия царствования королевы Виктории было фанфарами, придуманными не просто для подъема имперского духа, но и для успокаивания национальных страхов о конце «британского века»¹⁷⁶. Начался рев заверений, хотя царствование Британии в международных джунглях все больше ставилось под угрозу. То был парад объединения, которому бросили вызов в Дублине те, кто вышел на марш с черными флагами, лозунгами об автономии Ирландии и гробом с надписью «Британская империя», который сбросили в Лиффи. Триумф, который выдал тревогу и предчувствие беды, означал слабость и вызвал беспокойство. Киплинг, которого восхитил военно-морской парад, считал, что праздничный ликующий Лондон напоминает «невыразимый словами Тофет, Ад»¹⁷⁷, и классически предупреждал о нынешней гордости и будущем крахе:

Уходит, уходит весь флот наш победный,
В туман позовет его даль.
И гаснет созвездье огней корабельных,
На дюнах оставив печаль.
Не так ли, не так ли вчерашний наш праздник
Ушел, растворился, забыт.
Над камнем руин Ниневии и Тира
Молчание мрачно стоит¹⁷⁸.

Тема «последнего песнопения» снова и снова повторялась по мере того, как рост империи не давал «промышленного упадка»¹⁷⁹. Великобританию сравнивали с Римом. Тот жадно поглощал покоренные территории, находящиеся вдали, брал дань с провинций, восточные предметы роскоши и чужестранную пшеницу. А Катон тщетно бушевал из-за разрушения и разрыва экономической ткани империи, получив за свои труды прозвание «Маленький Итальянец»¹⁸⁰.

По иронии судьбы, даже главный трубач «Дейли мейл» на юбилее заметил «в публичном счастье латентную причину разложения и коррупции». Стивенс в июле 1897 г. писал в «Блэквудс мэгэзин» под псевдонимом «Новый Гиббон», с некоторым шегольством копировал стиль историка и объявил: Великобритания слишком полагается на «воинскую добродетель подданных варваров». Имперская раса теряет свою силу под «морально разлагающим влиянием промышленной цивилизации» и чисто коммерчес-

кого духа. Вульгарность пьет жизненную силу. Охота, стрельба и рыбная ловля, спорт, в котором человек мерялся силами с природой, уступают «плебейским выражениям простой грубой силы и ловкости» — катанию на велосипеде и игре в теннис.

Еще более деморализующим является посещение зрелищ. Наблюдение за игрой в футбол или крикет, «ленивый отдых, который любовно называется национальным», — все это остановило рост людей. Появляется хилое и тшедушное племя, которое потерпит поражение при первом же кризисе. Оно глухо к шуму приближающегося землетрясения, слепо к перспективе краха империи. Тем не менее, делает вывод Стивенс, «заката уже достигли, и это не изменить. Крах грянет все более уверенно»¹⁸¹.

Если дипломатическая изоляция Великобритании казалась скорее опасной и гибельной, чем великолепной, многое из происходящего на международной сцене подтверждало мрачное настроение Стивенса. На протяжении двадцати лет или около того нация тревожно пыталась усилить защиту империи. Множились оборонительные структуры — например, Королевский институт по делам колоний (1868 г.), Лига честной торговли (1881 г.) и Лига имперской федерации (1884 г.) Их пропагандисты вроде Джорджа Паркина («лоточника империи»)¹⁸² провозглашали суверенным противоядием распаду.

Другие искали способы поддержать экономическое положение Британии при помощи таможенного союза. Третьи формировали общества, способствующие эмиграции в империю. Молодежь собирали в организации — например, «Юношеские бригады» (1883 г.), «Церковные бригады мальчиков» (1891 г.) и «Бригады еврейских мальчиков» (1895 г.) Последние имели целью «англизировать сыновей гетто — сутулых и с узкой грудью»¹⁸³.

Все находили вдохновение в военно-патриотической литературе типа «Собственная газета мальчиков», которая стала выходить в 1879 г. В 1884 г. Стед начал первую серию запугиваний в связи с хрупкостью железных стен империи. Предпринимались усилия по улучшению и расширению Королевского ВМФ, который принял «стандарт двух держав» (сделался способным противостоять любой паре противников) в 1889 г. Однако скорость технологического наступления помогала Германии, Франции, Америке и Японии, у которых не было таких масс устаревающих левиафанов.

Адмиралтейство медленно отказывалось от оружия, заряжаемого с дульной части, с большим трудом принимало серую краску, строило подводные лодки и проектировало скорее корабли типа «Дреднота», а не «Виктории». Королевский ВМФ все еще оглядывался назад, на эпоху Нельсона. Как сказал адмирал Фишер, он вполне мог с тем же успехом оглядываться и на Ноя: «Британская империя

плывет на Королевском ВМФ»¹⁸⁴. Поэтому во время праздничного апогея некоторые обозреватели предсказывали, что Великобритания «вот-вот опустится до положения второсортной державы»¹⁸⁵.

Испытания и проблемы, с которыми Британия сталкивалась на суше, казались еще более острыми. Ирландия угрожала проделать дыру в сердце империи. Россия и Япония вели «схватку за Китай», где другие державы тоже обеспечили плацдармы, что было плохо для Великобритании. Франция продолжала давление в Северной Африке. Лондон был вынужден пойти на уступки Берлину в вопросе Самоа, хотя ни одна сторона не посчитала сделку стоящей штампов. Джон Буль чувствовал себя обязанным уступить Дяде Сэму на Аляске и в других местах.

Конечно, несмотря на традиции свободы, восходящие к 1776 г., Америка имела все задатки стать конкурентом империи по крайней мере после обнародования доктрины Монро. Она смотрела далеко на запад, а также на север и юг. Коммодор Роберт Шуфельдт, например, «открывший» Корею в 1882 г., как коммодор Перри ранее открыл Японию, объявил цветистым слогом: «Тихий океан — это океанская невеста Америки. Китай, Япония и Корея с бесчисленным количеством островов, которые на них висят, словно ожерелья, — это подружки невесты. Калифорния — это ложе новобрачных, брачная спальня, куда будет доставлено все богатство Востока, чтобы отпраздновать бракосочетание. Позвольте нам, как американцам, определять, пока это в нашей власти, что ни один торговый конкурент или вражеский флаг не сможет безнаказанно реять над широкими просторами Тихого океана»¹⁸⁶.

Победа США в войне с Испанией в 1898 г. и аннексия ее колоний (Гуама, Пуэрто-Рико и Филиппин) означали не просто укрепление Америки, но и ослабление Великобритании.

Это отражалось во многих обращениях из Старого Света к Новому Свету об укреплении трансатлантических связей, англо-саксонском альянсе, коалиции народов, говорящих на английском языке.

Киплинг, который теперь закрепился, как выдающийся поэт империи, побуждал американцев «взвалить на себя бремя белого человека»¹⁸⁷. Эндрю Карнеги выступал за расовый патриотизм. Чемберлен хотел, чтобы «флаг Америки и флаг Британии реяли вместе»¹⁸⁸.

Это и происходило во многих случаях. Например, во время парада лорд-мэра в 1898 г. два флага реяли на плоту в форме корабля, представляющего морскую державу. Там же были написаны девизы, например, «Голос крови не заглушить»¹⁸⁹. На палубе стояла фигура, представляющая Британию, которая протягивает руку дружбы «Колумбии».

Лондонцы радостно приветствовали это зрелище. С обеих сторон океана люди предсказывали англо-американское царствование глобального мира, изобилия, справедливости и прогресса.

Однако в США многие вспоминали традиции свободы, восходящие к Джефферсону. Всегда требовалось играть какую-то роль, в конечном счете, возможно доминирующую в отношениях между Великобританией и Америкой.

Но ситуация сильно испортилась из-за жестокого покорения Филиппин. Марк Твен говорил, что этот колониальный конфликт привел к смерти примерно 220 000 филиппинцев, «стал пятном на чести Америки и очернил ее лицо перед всем миром». Генри Адамс признавался: «Зеленую в кровати в полночь, если думаю об ужасе годовой войны». Члены Антиимпериалистической лиги пародировали Киплинга:

Неси это гордое Бремя —
Чтоб жадность свою ублажить;
Чтоб «ниггеров» ради прогресса
Скорее земли лишить.
Суровым будь с племенами
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей¹⁹⁰.

Голдвин Смит осуждал предполагаемое «партнерство» Америки «с британским джингоизмом». За этим стоял новый дух силы в мире, примером которого теперь было посещение женщинами бойцовых поединков. Но, как он говорил, современные империалисты тоже имитировали Рим. Они стремились построить новую цивилизацию, одновременно подавляя нации, чтобы создать «центральный деспотизм».

Смит цитировал классическое предостережение Гиббона: «Нет ничего более противного природе и разуму, чем удерживать в подчинении удаленные страны и иностранные народы против их склонностей и интересов».

Это вечная правда об империи.

Однако тем временем, поскольку Америка навязывала свою волю в Азии силой, она едва ли могла возражать против того, что Британия делала это же в Африке. Протесты из-за запугивания и грубого обращения с бурами в США были приглушенными. Как говорил Смит, это происходило из-за того, что «нас душит кровь филиппинцев»¹⁹¹.

Глава 8

«Варвары шумят на границах»

Англо-бурская война и империя в Индии

Англо-бурская война отравила конец жизни королевы Виктории и лишила имперский блеск позолоты во время царствования ее сына. Несмотря на вспышки джингоизма на родине и выражения преданности и верности в доминионах, наблюдалось широко распространенное беспокойство. Давиду, как казалось, предназначено сразиться с Голиафом, белым пришлось воевать друг с другом в вельде.

Все свидетельствовало о том, что конфликт спровоцировали британцы. Африканеры рассматривали его в качестве кровавого «последнего акта великой драмы века несправедливости»¹. «Веком несправедливости» назвал свою брошюру Ян Смэтц. Она была написана в канун начала военных действий в сентябре 1899 г. Автор осуждал растянувшуюся попытку британцев задавить свободу буров.

Более того, казалось, что война была источником всех несчастий и бедствий. Политики вроде Дэвида Ллойд-Джорджа, журналисты из окружения У.Т.Стеда и экономисты, например, Дж.А.Хобсон, обвиняли свое правительство в том, что оно обращается к оружию из-за вожделения золота. Они говорили, что цель британской администрации — монополизировать рудники, обеспечить дешевый труд чернокожих для владельцев и обогатить тех, кто их финансировал.

Ряд критиков зашел еще дальше, некоторые высказывались просто гнусно. Например, Генри Хиндман, который обычно носил шелковую шляпу и фрак, учился в Итоне, но, судя по всему, ставший социалистом «из озлобленности на весь мир, поскольку его не включили в число одиннадцати человек, составлявших команду Кембриджа в игре в крикет»². Он рассматривал войну как часть заговора для насаждения «англо-иудейской империи в Африке». Выиграли бы от этого рэндлорды. [Рэндлорды — владельцы рэндов, так в Южной Африке именуют горные хребты, но в данном случае имелась в виду земля, крупнейший в мире золото-урановый бассейн. — *Прим. перев.*] Хиндман высмеивал их, проявлял неуважение, называл Хоггенхаймерами, а также утверждал, что их столицей будет «Еврееханнесбург»³.

Если причина войны казалась позорной, ее ход стал явно ужасающим и трагичным. Армия империи состояла из 250 000 человек, она была раздута при помощи контингентов из Канады, Австралии и Новой Зеландии. Но ей потребовалось почти три года, чтобы справиться с колонией фермеров, население которой, как с укором заметил Ллойд-Джордж, не превышало население Флинтшира или Денбигшира.

За это время буры нанесли своим противникам серию таких унижительных поражений, что лорд Солсбери задумывался, не смогли бы завоевать больший успех армии краснокожих индейцев⁴.

Для нанесения поражения бурам британцы использовали против невинных гражданских лиц то, что лидер либералов сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман назвал «варварскими методами»⁵.

Южноафриканский конфликт действительно стал самой большой катастрофой империи после потери американских колоний.

Но война не являлась кульминацией сотни лет медленной агрессии, как заявил Сметц в своем «боевом кличе». Она не стала результатом и капиталистического (а еще в меньшей степени, еврейского) заговора. Конечно, многие из тех, кто имел долю в рудниках и железных дорогах (эти интересы пострадали из-за новой ветки к заливу Делагоа), хотели модернизировать Трансвааль. В частности, они намеревались создать хорошо налаженную, организованную в соответствии с современными требованиями дешевую экономику. Но добиться этого было маловероятно при «средневековой расовой олигархии»⁶, которую возглавлял президент «из палеолита»⁷.

Поэтому акционеры настаивали на исправлении ошибок и устранении несправедливости по отношению к ойтландерам (иностранцам), надеясь, что Британская Южная Африка поглотит бургские республики. Однако историки-марксисты неправильно заявляют, будто «мотивом и движущей силой англо-бургской войны было золото»⁸. Некоторые инвесторы и дельцы, занимавшиеся золотом, выучив урок набега Джеймсона, заняли выжидательную позицию. Другие предпочитали мир и прибыль с Крюгером.

Более того, Солсбери и Чемберлен, как и новый верховный комиссар Южной Африки сэр Альфред Милнер, в первую очередь беспокоились из-за политической и стратегической мощи. Они считали, что необходим контроль над всей Южной Африкой, потому что без этого Британия потеряет ключевую военно-морскую базу в Саймонстауне. База находилась на одном из самых важных в мире торговых путей и, как выразилось Военное министерство, окажется невозможно «создать Гибралтар из полуострова с мысом Доброй Надежды»⁹.

Милнер оказался «британским расовым патриотом»¹⁰ со страстью к имперской консолидации. Он был наполовину немцем. Этот человек проявил абсолютную беспринципность.

Милнер рос в бедной, но благородной семье, завоевал почти все возможные призы в Оксфорде, а подготовился к жизни губернатора колонии или доминиона, работая барристером, журналистом и гражданским служащим. Перед тем, как стать начальником Управления налоговых сборов, Милнер управлял финансами Египта. Этот чиновник казался моделью умеренности, «безопасным и надежным человеком с разумом независимого депутата британского Парламента»¹¹.

Но под полным чувства собственного достоинства экстерьером скрывалась пылкая и страстная натура.

Милнер был высок и широк в плечах, с узким лицом, с усами, серыми, глубоко посаженными глазами, обаятельной улыбкой. В дальнейшем, при работе с ним, Чемберлен сожалел, что забыл совет, данный кем-то даме, на которой загорелась одежда: «Оставьте как можно более спокойной»¹².

В Лондоне Милнер содержал тайную любовницу, с которой ездил на велосипедные прогулки. Помогая в кампаниях «Пэлл-Мэлл газетт» в защиту чего-либо или походе против чего-либо, он обычно восклицал: «Как забавно!»¹³

В Кейптауне Милнер продвигал имперские интересы в «духе Торквемады — безжалостно, непреклонно, фанатично»¹⁴. Он выучил голландский язык, что позволило ему всесторонне и тщательно разобраться с позицией африканеров. Он уведомил лидеров буров о том, что предстоит война¹⁵. Он же сказал Чемберлену, что должность верховного комиссара — это боевой пост¹⁶.

Милнер помог убедить министра по делам колоний в том, что богатый полезными ископаемыми Трансвааль (возможно, при помощи Германии или даже Франции) будет представлять угрозу для британского господства в Южной Африке. Из-за маленьких размеров бурских республик этот страх может показаться абсурдным. Но империи склонны страдать от парадоксальной формы паранойи. Беспокойство по поводу уязвимости увеличивается в пропорции к их размерам. Как точно заметил Стед, чем более похожим на волка становился Джон Булл, тем больше он беспокоился из-за того, что «люди могут принять его за овцу»¹⁷.

Однако после набега Джеймсона Трансвааль «покупал оружие и боеприпасы в достаточной мере, чтобы перестрелять все армии Европы»¹⁸. И ответ Крюгера на вопрос, почему ему требуется такой арсенал, едва ли успокаивал: «О, кафры, кафры и подобные им типы!»¹⁹

В самом конце последнего года мира Уильям Батлер, ставший командующим британскими войсками в Южной Африке, увидел еще одно угрожающее предзнаменование на небе. Он стал свидетелем полного затмения луны, которая, как казалось, «была накрыта окровавленной скатертью». Она отбрасывала такой жуткий свет, что земля выглядела, словно кладбище ночью²⁰.

Но в 1899 г. Милнеру, которого некоторые рассматривали, как покрытого броней Бартла Фрера, а другие — как карманного Бисмарка, — не требовалась никакая астральная помощь. Он и без нее запланировал курс на агрессию. Его тактика состояла в использовании китландеров для получения контроля над Трансваалем — или через получение ими голосов избирателей, или при помощи силы. Во время совещания в Блумфонтейне в июне, которое один из чиновников Милнера сравнил с «пустой болтовней с непокорным вождем», Крюгер понял их намерения. Со слезами на глазах он воскликнул: «Вы хотите нашу страну»²¹.

Премьер-министр и министр по делам колоний предпочли бы, чтобы президент капитулировал. Но как сказал Солсбери, они были вынуждены столкнуться с Крюгером на «нравственном поле», умело подготовленном Милнером и джингоистами, которые его поддерживали²². Однако верховный комиссар, который делал для начала войны больше чем кто-либо, был просто впереди своих политических хозяев на родине. Чемберлен, который хотел получить убедительный «казус белли», формальный повод к началу войны, одобрил его зажигательное донесение с утверждением о том, что к ойтландерам относятся, словно к рабам. Солсбери дал знать Милнеру, что «главное — дать хорошо понять в Африке, что боссы — мы, а не голландцы»²³.

Однако Солсбери и Чемберлен беспокоились, что драчливость Милнера оскорбит общественное мнение на родине. Поэтому, когда президент Трансвааля, признавая, что военных действий не избежать, выпустил ультиматум в октябре 1899 г., британский премьер-министр был рад, что освобожден от задачи объяснять своему народу, почему Британия вступает в войну. Но, позволив Британии представить себя жертвой агрессии, Крюгер пожертвовал постоянным пропагандистским преимуществом ради временного военного преимущества.

Бурский план кампании, согласно формулировке Яна Смэтца, состоял в мобилизации нации (две бурские республики могли собрать 45 000 вооруженных бюргеров), чтобы ворваться в Наталь до прибытия британского подкрепления. Смэтц, который последовательно был юристом, солдатом и государственным деятелем, сказал Крюгеру: «Страну ждет ужасающая кровавая баня, из которой наши люди выйдут или изможденными и поредевшими, став

дровосеками и водоносами для ненавистной нации, или победителями, основателями республики африкандеров, тянущейся от Столовых гор до Замбии»²⁴.

Он надеялся на победу при помощи иностранцев и деморализации британцев. Однако буры после триумфальных наступлений, в результате которых британские гарнизоны оказались под осадой в Мафекинге, Кимберли и Ледисмите, вскоре были вынуждены перейти к обороне.

Верховное командование буров, возглавляемое Петрусом Жубером, проявляло осторожность. Только один военачальник обладал какими-то реальными знаниями военного дела, да и он получил их у Карлайла, прочитав о жизни Фридриха Великого. Но все равно противники оказались еще более неумелыми и неприспособленными, причем в такой степени, что среди буров ходили анекдоты о смертной казни за убийство кем-либо из них британского генерала. Милнер сожалел об очевидной неуязвимости большинства старших офицеров для вражеских пуль.

Такая галерея военного гротеска оказалась непроницаемой для исторической реабилитации. Имелся глупый и медлительный Буллер с телегами, в которые были впряжены волы, с домашним скарбом, включая оснащенную всем необходимым кухню и железную ванну. Имелся бледный и страшный, словно мертвец, Гатакр (известный, как «Прогнутая Спина»). Он изматывал своих солдат горячими страстными обращениями и хозяйственными работами. Имелся Уоррен со стеклянным глазом, который считал, что его людей следует «представить»²⁵ противнику перед тем, как разрешать сражаться. Был страдающий бессонницей Харт, чьи фатальные маневры отражали, как сказал один младший офицер «неугомонность, суету и беспокойство впавшего в детство старого дурака»²⁶.

Леопольд Эмери в «Истории войны в Южной Африки в “Таймс”» заявил: ничто не удивляло более, чем презрение, которое военачальники буров демонстрировали по отношению к своим противникам, кроме того факта, что почти всегда оно было оправдано.

Эмери винил в том продвижение по служебной лестнице офицеров, которые выступали на парадах, а дешевые награды завоевали, стреляя по плохо вооруженным дикарям²⁷. Теперь они отправили на бойню собственные войска. Эти офицеры полностью недооценивали смертоносность современного стрелкового оружия, которое было так решительно продемонстрировано при Маджубе и Омдурмане. Ужасающей ошибкой стало и непризнание изменившегося характера ведения военных действий. Эта опрометчивость не предвещала ничего хорошего при любой сильной проверке имперской мощи.

Ни одно сражение не продемонстрировали с большим драматизмом военные недостатки Британии, чем третье поражение во время «черной недели» в декабре 1899 г. Оно случилось в Коленсо, который представлял собой хижины из рифленого железа, сгрудившиеся вокруг железнодорожной станции. Поселок располагался в двенадцати милях к югу от осажденного Ледисмита. Эта омерзительное и грязное селение служило жалким памятником епископу, в честь которого было названо, но местоположение оказалось очень важным. Река Тугера огибала его петлей, словно серебристая змея, ползущая вниз с Драконовых гор, которые казались пурпурными на удалении. С севера и запада на Коленсо выходил полукруг холмиков медного цвета диаметром в шесть миль. Они поднимались рядами, напоминая сиденья в амфитеатре. Низина к югу состояла из открытого вельда, который катился вниз к реке зелено-коричневыми волнами.

На эту арену, следуя за железнодорожной веткой к Ледисмиту, вышла армия сэра Редверса Буллера. Солдаты были одеты в форму цвета хаки и покрыты мелкой серой пылью до пояса. Армия состояла из 18 000 человек. Это оказалось самое мощное подразделение, которое Британия выставила в поле после Крымской войны. Оно состояло из пехоты, кавалерии, орудий, фургонов с впряженными волами, походных кухонь, медицинских повозок, которые тянули мулы, маркитантов и проститутки всех сортов.

Войска жаждали славы. Они были полностью уверены в своем доблестном, хотя и неразговорчивом военачальнике, чьи лидерские качества Гладстон ставил выше качеств Иисуса. Их радовали и веселили шуточные названия различных подразделений — «Пираты Бетюна», «Легкие грабители империи» и (поскольку в Южной Африке легкая кавалерия украшала головные уборы петушиными перьями) «Чистильщики труб»²⁸.

Тем временем буры, которых насчитывалось примерно пять тысяч человек — усатых мужчин в поношенной одежде под командованием одного из лучших молодых военачальников, Луи Боты, оставались молчаливыми и невидимыми на укрепленной позиции на другой стороне Тугелы. Река с крутыми берегами стала их рвом. Гребни, покрытые кустарником, служили бурам парашютами. Каменистая земля скрывала траншеи и артиллерийские позиции.

На самом деле Бота преобразил высоты Коленсо, превратив Колизей в Капитолий. Он правильно ожидал, что противник этого не поймет и попытается устроить зрелищное выступление гладиаторов. Буллер оставался верен сам себе и не стал зондировать линии буров, а также не провел никакой серьезной фланговой атаки. Он приказал начать артподготовку с дальнего расстояния. Но

оглушительные залпы ничего не дали, кроме вздымания облаков красной пыли с зелеными парами лиддита.

Затем последовала фронтальная атака.

Она оказалась фатальной с самого начала, поскольку 12-фунтовые орудия полковника Лонга зашли слишком далеко перед пехотой. Они стали идеальными целями для бургских стрелков. Кроме того, артиллеристы прекрасно освещались жарким солнцем в безветренное утро. Когда маузеры открыли огонь, создалось впечатление, будто «кто-то нажал на кнопку и включил миллион электрических лампочек»²⁹. Стоял треск и грохот, и мириады языков пламени вырвались из траншей. Пули буров летели «ровными линиями, как телеграфные провода»³⁰.

Из-за использования бездымных патронов стрелков было сложно заметить. Они разорвали в клочья британских артиллеристов и лошадей. Буры серьезно наказали ирландскую бригаду Харта, которая шла вперед плотными рядами с привинченными штыками. Ирландцы не смогли найти брод и оказались на островке земли, образуемом рекой и ее слепым рукавом. Бросок Буллера направо, который мог бы ему дать выигрышную позицию, позволяющую вести анфиладный огонь по оплоту буров, тоже не дал результата. До полудня, не желая допускать дальнейшую бойню, он отступил, оставив десять орудий празднующему победу Боте. Буры понесли 29 потерь, из них 7 человек убитыми. Британцы потеряли 143 человека убитыми и 1 002 — ранеными.

Сравнивая поражение дервишей на Ниле с победой африканцев на Тугеле, генерал Литтлтон сказал: «В первом случае 50 000 фанатиков неслись по открытой местности к верной смерти, не обращая внимания на отсутствие прикрытия. Но в Коленсо я за целый день не увидел ни одного бура, пока сражение не закончилось. В этом случае жертвами стали наши люди»³¹.

Враги империи радовались. Когда было объявлено, что сливки британской армии отправились в Южную Африку, американский художник Джеймс Макнейл Уистлер ответил: «Взбитые сливки...»³²

Но на родине ужасающие результаты «черной недели» вызвали «истерическое беспокойство»³³. В первый день 1900 г. один язвительный комментатор предупреждал, что если не будут проведены радикальные военные реформы, «историку будущего придется суммировать причины упадка и разрушения Британской империи тремя вескими словами — самоубийство по глупости»³⁴.

Если судить по действиям сэра Редверса Буллера после этого кровавого поражения, то можно сказать, что это — слишком суровый вердикт. Он сразу же телеграфировал в Лондон, чтобы сказать: селение Коленсо неуязвимо для чего-либо, кроме блокады.

Генерал отправил сообщение с помощью гелиографа в Ледисмит, советуя сэру Джорджу Уайту «сжечь шифры, уничтожить орудия, расстрелять боеприпасы и договориться о лучших из возможных условий»³⁵.

Это были трагические свидетельства, но говорившие не о потере солдатского мужества, а об отсутствии военной разведки. Буллеру не хватало стимула, поскольку его энергию поглощал его аппетит. Как сказал Уильям Батлер, Коленсо было проиграно на тренировочных полях Олдершота, где Буллер, судя по всему, «регулировал движения своей бригады, руководствуясь тем, в каком направлении отправились повозки с закусками в начале столкновения»³⁶.

Поэтому у Уайта флаг остался поднятым, а Буллера сняли с должности главнокомандующего. Но генерала оставили для продолжения доблестных передвижений вдоль Тугелы — в Спирит-Коп и Ваал-Кранц, благодаря чему он заработал кличку «Сэр Обратный Ход».

Фельдмаршал лорд Робертс вместе с Китченером в должности начальника штаба и большим подкреплением, среди которого оказалось много добровольцев из доминиона, отправился в путь для его замены. По мнению Уолсли, Робертс был «забавным, маленьким, сомнительным шоуменом»³⁷. Но этот франтоватый и проворный «Бобс» стал национальным спасителем. Несмотря на шок от потери единственного сына в Коленсо, он действовал решительно для использования в своих интересах оборонительной стратегии буров.

Робертс наступал от мыса Доброй Надежды, обошел буров по флангу с сорока тысячами человек и сотней орудий. Это был ужасающий марш, сопровождавшийся неожиданными атаками, песчаными бурями, дождем, холодом, голодом, брюшным тифом, тучами мух и невероятной вонью от разлагающихся трупов лошадей, мулов и волов. Как писал Киплинг,

Вол, тянувший фургон, живой,
Семь центнеров волочит за собой.
Но дохлый вол, однако же, сильней:
Весь лагерь сдвинет тушею своей³⁸.

Несмотря на безнадежно дезорганизованную транспортную систему, колесницу войны Робертса было не остановить.

Вначале он освободил Кимберли, где Родс, охраняя свои активы, пытался сохранять спокойствие, раздумывая о том, «что старые римские императоры чувствовали, когда (как часто случалось) их легионы рассеивались»³⁹.

Затем Робертс поймал в капкан четыре тысячи буров под командованием Пита Кронже в Паардебурге. Китченер пытался разбить их лагерь, окруженный повозками, завоевав репутацию «самого талантливого убийцы (собственных людей), которого породила война»⁴⁰. Но Робертс вынудил африканеров к капитуляции, что стало поворотным пунктом конфликта.

Буллер освободил Ледисмит. Буры надеялись, что он станет еще одним Йорктауном. Его защитники жили на супе типа «Боврила», который называли «Чеврил». [«Боврил» — мясной экстракт для бульона. — *Прим. перев.*] Его варили из конины, и он так вонял лошадьми, что говорили, будто этот суп лягается. Защитники были «худыми и изможденными и напоминали трупы»⁴¹.

Робертс зашел в Блумфонтейн, падение которого праздновалось за обедом, на котором Киплинг предложил тост в честь президента Крюгера, «научившего Британскую империю ее обязанностям»⁴².

Среди других проявлений радости был буклет под названием «Возбуждающий опыт первой британской женщины, освобожденной лордом Робертсом».

17 мая 1900 г. освободили Мафекинг. Осада этого пыльного железнодорожного узла в вельде была возведена в героический эпос, отчасти — благодаря смелым «кафрграммам» полковника Баден-Пауэлла: «Все хорошо. Четыре часа бомбардировки. Убита одна собака»⁴³.

Когда новость об освобождении Мафекинга достигла Англии, размахивающие флагами толпы праздновали это событие дико и энергично, и в английском языке даже появилось новое слово, описывающее подобные празднования — «mafficking».

В Лондоне и других местах «улицы были заблокированы кричащими, поющими, веселыми толпами, состоящими из горожан обоого пола и всех классов. Казалось, что все эти люди буквально сошли с ума от радости»⁴⁴.

На самом деле Мафекингу не угрожала большая опасность (хотя при режиме Баден-Пауэлла семьсот африканцев умерли от голода), его стратегическая важность преувеличивалась. В дальнейшем Китченер любил объяснять: «Город удерживали, потому что Военное министерство считало, что он является ближайшим морским портом к Претории»⁴⁵.

Но общественность требовала катарсиса в форме карнавала. Это не была «оргия бесчинства»⁴⁶, организованная джингоистами из прессы, проповедниками, артистами и уличными ораторами. Правда, все несомненно внесли свой вклад в военную лихорадку в последующие дни. То был спонтанный ответ на добрые вести после отчаяния «черной недели», провозглашение имперского триумфа и предвкушение окончательной победы.

Очевидно, Робертс достиг этого, когда занял Преторию в июне. Однако, несмотря на крупномасштабную капитуляцию, радость оказалась преждевременной. Борьба просто вошла в новую и более смертоносную фазу.

Буры начали партизанскую кампанию в надежде использовать свою несравненную мобильность и тщетно ожидая использования глубоких международных симпатий к их целям. Разбросанные подразделения конной пехоты атаковали британские аванпосты, устраивали засады на колонны, грабили конвои и портили железнодорожные ветки. Они проводили крупные атаки на Капскую колонию, которая разрывалась между верностью короне и кровным братством с бурами, по большей части оставаясь пассивной. Этими диверсионными группами руководили гениальные командующие типа Коса де ла Рея, Джексона Каменной Стены, мастера сопротивления, и Христиана Девета. Тактика последнего — безжалостно бей и удирай — вызвала восхищение у самих британцев.

Один из тех, кто его преследовал, Уолтер Гиннес (в дальнейшем лорд Мойн), писал в июне: «Это напоминает поимку руты при помощи щипцов... Я считаю, что война в Оранжевой республике пока еще едва ли началась. Девет гораздо умнее, чем наши военачальники. Он сражается только в том случае, когда может нанести нам урон и не пострадать сам. Когда газеты пишут, что буры «сбежали», они выражают тот факт, что у противника достаточно здравого смысла, чтобы убраться после того, как цель достигнута... Если мы только не сожжем все фермы в стране (а Европа это едва ли потерпит), то такое положение вещей будет продолжаться бесконечно»⁴⁷.

Робертс был менее проницательным. Он не оправдал свою репутацию терпимого и снисходительного человека, начав такую яростную политику выжженной земли, что казалось, она нацелена полностью уничтожить сопротивление. (Однако на самом деле сопротивление усилилось).

После осеннего побега Крюгера в Голландию, «Бобс» вернулся в Англию, убежденный, что Китченер быстро покончит с так называемыми «упрямцами». Это было общее мнение, которое только что использовал Солсбери для получения «тори» еще одного срока у власти во время так называемых «выборов-хаки».

Но Китченеру мешал тот факт, что «буры непохожи на суданцев, которые останавливались, чтобы провести честное сражение. Африканеры всегда сбегают на своих маленьких пони».

Он безжалостно охотился на них, реквизируя лошадей санитарной службы, нанял пять тысяч так называемых «буров-Иуд», вооружил тридцать тысяч африканцев для участия в том, что считалось войной белых людей. Китченер изводил собственные подразделения почти как силы врага, заслужив кличку «К. из Ада»⁴⁸.

Будущий министр построил цепь блокгаузов, которых в итоге оказалось восемь тысяч. Они были соединены колючей проволокой. Но бурам обычно удавалось прорваться сквозь этот кордон и бежать. Партизаны растворялись на местности, как и бывало во все века. Иногда африканеры были бойцами, иногда фермерами — рыбой, которая плавает в море населения. С полного одобрения Солсбери, который предпочитал клеймить непокорных буров, Китченер пытался осушить море.

Он не являлся законченным ревнителем строгой военной дисциплины, а скорее походил на диктатора в зародыше, уничтожив тридцать тысяч ферм и дюжины деревень. Китченер сжигал посевы и рубил деревья, убивал и конфисковал скот. Британцы не только лишали буров еды и жилья, но и угнали 160 000 их жен и детей в пятьдесят концентрационных лагерей, организованных вдоль путей, проложенных Робертсом. Очевидно, лагеря не являлись повторением тех, которые на Кубе создал «генерал-мясник» Уэйлер. Здесь 28 000 человек (по большей части — дети) умерли от болезней и недоедания, вызванных условиями, которые оказались почти столь же плохи, как в отдельных лагерях для африканцев. Там смертность, вероятно, была еще выше.

Тогда и позднее предпринимались попытки для оправдания лагерей или, по крайней мере, для смягчения их ужасов. Говорили, что концлагеря — военная необходимость. Женщин этого народа тоже следовало подавлять. По словам Фрэнка, брата Родса, «когда мы приближались к фермам, женщины прыгали в кровать с винтовками маузер. Станный выбор, но это факт»⁴⁹.

В любом случае, некоторые женщины и дети буров жили хуже дома, чем в лагерях. Они еще больше пострадали бы в вельде.

Санитарные условия в британских казармах и военных госпиталях оказались столь же плохими. Буры были их худшими врагами, лечились лекарствами «кафров» вроде собачьей крови и конского навоза, но британцы делали все возможное, чтобы им помочь. В «Таймс» Флора Шоу даже радовалась при виде «счастливых лиц тысяч детей, которые собираются вокруг школ и походных кухонь, где раздают суп»⁵⁰.

Тем не менее, несмотря на все особые заступничества, имелись и более уродливые пятна на репутации империи, чем эти лагеря. В них власти считали матрасы, свечи и мыло роскошью. Семьи «упрямцев» получали меньше еды, чем семьи «поднявших руки вверх» (буров, которые сдались). Дети выглядели, словно «маленькие старички и старушки»⁵¹.

В целом одна шестая часть бурского населения умерла в местах, которые британцы называли «убежищами». (Стед опровергал это заявление — «высшую степень наглого лицемерия»)⁵².

Имелись и другие обвинения в преднамеренном геноциде, запланированной бойне невинных. Они были неправильными. Однако Ллойд-Джордж правдоподобно обвинил правительство Солсбери в ведении того, что по сути являлось «политикой истребления»: «Она разбудит сильные эмоции в человеческих сердцах, направленные против британского правления в Африке»⁵³.

Эмили Хобхаус, занимавшаяся общественной работой и проводившая расследование в лагерях, также говорила о «войне на истребление»⁵⁴. Благодаря ей и другим подвижникам условия улучшились. Но конфликт в целом стал более яростным. Зверства, репрессии и казни происходили с обеих сторон. Африканцы иногда были виновными, но обычно становились жертвами, поскольку буры «смотрели на кафров с крайним презрением и относились к ним, словно к собакам»⁵⁵.

Рыцарства и благородства было очень мало. Когда пол танцевального зала в резиденции в Блумфонтейне потерял должный вид, британские офицеры продавали старые доски пола за 1 шиллинг 6 дюймов штуку лишенным свободы бурским женщинам на гробы для их детей.

Правила ведения войны свободно нарушались. Даже Конан Дойл признавал: британцы стреляли пулями «дум-дум», которые «никогда не предназначались для использования против белых народов»⁵⁶.

Милосердия было очень мало. Ирландцы насаживали на вертел⁵⁷ других ирландцев, которые сражались против них.

Рассказывали об одном ирландце, который служил в полке, не бравшем пленных: «Бур поднял руки вверх и умолял о пощаде, сказав, что он — всего лишь полевой знаменосец. Ирландец ответил, что для него нет разницы, пусть он даже будет всем проклятым полевым оркестром одновременно, но все равно получит то, что заслужил»⁵⁸.

В целом это не была «последняя из войн джентльменов»⁵⁹, тем более не последняя (по словам Черчилля) война, приносящая удовольствие, или (согласно вердикту Г.К. Честертона) «очень веселая война».

Конфликт больше походил на тотальную войну. Киплинг называл его «парадом перед Армагеддоном»⁶⁰.

По иронии судьбы, никто так не хотел ее закончить, как самый непримиримый противник буров — сам лорд Китченер. В отличие от него Милнер, который негодовал из-за «варварского» отношения к бурам, требовал их безоговорочной капитуляции. Он презирал «абсолютно автократическую» манеру Китченера, негодовал из-за его «преступных»⁶¹ методов и отвергал попытки найти компромисс. Но кроме высылки половины населения в другую

часть света (о чем он подумывал), этот военачальник ничего не мог предложить для окончания военных действий.

Лучшим шансом было искать мир и примирение, в результате чего буры потеряли бы свою независимость, но получали бы место в Британской империи и господство над чернокожими. Это могло оказаться приемлемым для изможденных бюргеров, которых изматывали и африканцы. Повстанцев беспокоили семьи в лагерях и в вельде, огромная нехватка лошадей, боеприпасов, питания и одежды. Многие были вынуждены носить одежду, сшитую из мешков, одеял, занавесок и скатертей, а также из шкур оленя, леопарда, обезьяны или овцы. Тех, кто надевал украденную британскую форму, стреляли на месте. Комментируя потрепанный вид и ужасающее состояние своего подразделения, сам де ла Рей признавал, что люди дошли до горького конца.

Условия заключения мира разрабатывались в большом шатре в Вереенигинге, небольшом городке к югу от Йоханнесбурга. Это произошло в мае 1902 г., сразу же после кончины Родса. (Его последние слова стали знаменитыми: «Сколько еще нужно сделать, как мало сделано!»⁶² Но циники спрашивали, что он надеялся получить, умирая на этом этапе, и предполагали, что на самом деле он сказал: «Так много убили, так мало осталось, чтобы убивать!»

Было достигнуто соглашение, что буры станут подданными нового короля Эдуарда VII, а вскоре, как канадцы и австралийцы, обретут самоуправление. Они также получают амнистию и 3 миллиона фунтов стерлингов на восстановление своей разгромленной территории.

Милнер хотел поторговаться, но Чемберлен это пресек, указав: война стоила миллион фунтов стерлингов в неделю. Вопрос о предоставлении африканцам права на голосование был отложен до тех пор, пока Трансвааль и Оранжевая республика не получат независимость.

Чемберлен обещал «не покупать позорный мир» за счет «цветного населения»⁶³, но Милнер в частной беседе отмечал: «Чтобы выиграть игру в Южной Африке, вам нужно лишь абсолютно пожертвовать “ниггером”»⁶⁴.

Но британские либералы пытались защищать «африканские интересы»⁶⁵. Однако африканцы оказались первыми жертвами урегулирования вопроса в Вереенигинге, поскольку подверглись системе сегрегации, которая в конце концов трансформировалась в полный апартеид.

Больше всего выиграл Китченер. Парламент дал ему грант в размере 50 000 фунтов стерлингов, которые он тут же инвестировал в «золотые» акции. Будущий министр вернулся в Англию с триумфом, привезя с собой массу трофеев, включая статуи Крюге-

ра и других лидеров буров в реальную величину, которые забрал с площадей в Блумфонтейне и Претории. Китченер планировал поставить их в своем парке, но Министерство по делам колоний заставило его послать их назад, в Южную Африку.

В течение следующих нескольких лет самые ценные памятники англо-бурской войны распространились по всей Британии. Например, в Эксетере появилась конная статуя Буллера с надписью «Он спас Наталь».

Примерно девятьсот монументов, предвестники эпидемии памяти, которая началась после 1918 г., были воздвигнуты в честь двадцати тысяч патриотов, которые отдали жизни, обороняя страну, империю и цивилизацию. Лапидарные надписи, судя по всему, выражали общую точку зрения в доминионах. Там многие верили: кровь мучеников англо-бурской войны была зерном и колониальной государственности, и имперской консолидации.

В те времена это, бесспорно, являлось противоречием в терминах. В Великобритании победу приветствовали, как отмщение просвещенных британцев бурскому мракобесию. Даже радикальное Фабианское общество приветствовало результат этой «совершенно несправедливой, но совершенно необходимой»⁶⁶ войны, приняв «экстра-ультра-гипер-империалистический»⁶⁷ манифест Бернарда Шоу. В нем объявлялось, что Британская империя является наибольшим приближением к мировому правительству, ей следует управлять отсталыми обществами в интересах прогресса.

Это была классическая идея, которая с подходящими вариациями имела (и до сих пор имеет) своих сторонников в США. Несмотря на широко распространенное сочувствие американцев к бурам, которое частично разделял Теодор Рузвельт (а полностью — его кузен Франклин), президент полностью верил в англо-саксонскую цивилизующую миссию и считал «пользой для человечества то, что на английском языке говорят к югу от Замбези»⁶⁸.

Рузвельт считал буров такими же средневековыми, как и испанцев, в борьбе против которых Джон Буль оказал Дяде Сэму тепло оцененную моральную поддержку в 1898 г. Поэтому, учитывая американские деловые и стратегические интересы, он ответил взаимностью, даже тайно предоставив детективов из агентства Пинкертон, чтобы выяснить информацию о сотрудничестве ирландцев и буров.

Другие великие державы, хотя их население в подавляющем большинстве негодовало из-за того, что лев терзал шпрингбока (антилопу-прыгуна), сопротивлялись искушению вмешаться. Это было безоговорочное отдавание должного силе Британии, которая действительно возросла — отчасти, благодаря дальнейшей импер-

ской интеграции в вопросах обороны и торговли. Несмотря на худшие поражения в крупнейшей войне, которую вела страна после Ватерлоо, как объявила «Нэшнл ревью», «ни один иностранец не мог описать Британскую империю, как колосса на глиняных ногах»⁶⁹.

Однако образ Колосса был осквернен бурской кровью. Концентрационные лагеря шокировали мир, намекая на нравственную гибель империи. Решив, что «небеса были против нас», сам Черчилль на короткое время «потерял веру в империю»⁷⁰ во время «этой отвратительной войны — несчастливой и полной дурных предзнаменований в начале, бесславной в своем ходе, жестокой и ужасной в конце»⁷¹.

Но вред характеру империи, как бастиону свободы и честной игры, оказался длительным. Нацистская Германия оправдывала свои концентрационные лагеря, называя их британским изобретением.

Южноафриканские лагеря оставили несмываемое наследие горечи. Они наполнили национализм африканеров ненавистью, как великое переселение наполнило гордостью. Подавление «врезалось в самую душу бурского народа»⁷², который во все большей степени склонялся к отождествлению себя с детьми Израиля, очистившимися страданиями, словно огнем⁷³.

Воспоминания о лагерях мешали примирению на протяжении нескольких поколений после того, как Британия предоставила двум республикам независимость и в 1910 г. сформировала Южноафриканский Союз.

В других доминионах, где часть очевидно спонтанного энтузиазма к войне являлась продуктом пропаганды, вера в империю пошатнулась. Сообщества поселенцев за рубежом были всегда склонны думать, что она основана на эксплуатации. И ничто в большей мере это не подтверждало, чем послевоенное санкционирование Милнером труда китайцев в Рэнде на основе кабальных договоров. Его широко клеймили, называя рабством. Казалось, Милнер подтверждал: южноафриканский конфликт был «колоссальным обманом», придуманным «жаждущими крови культиваторами денег». Эти действия оказались далеки от обороны империи, «это была война эксплуататоров, война за дешевую рабочую силу»⁷⁴.

Колониальное отчуждение питалось подозрениями в британской жадности. Когда Чемберлен обратился к доминионам за помощью в защите империи в 1902 г., они увидели не «усталого Титана», шатающегося под «слишком большим весом своей судьбы», если использовать метафору, которую он позаимствовал у Мэтью Арнольда, а «Фальстафа, который нажрался так, что не может все это переварить»⁷⁵.

На самом деле, южноафриканский конфликт был последней крупной войной Британии за имперскую экспансию. Он представил унижительные доказательства физической немощи и моральной порочности и низости. Казалось, британская армия олицетворяет национальный упадок, который стал навязчивой идеей эдвардианской эпохи. Патриоты вроде Артура Конан Дойла сожалели, что солдаты этой армии оказались менее энергичными и мужественными, чем их противники и даже союзники из колоний. Ирландские националисты, например, Джеймс Коннолли, радовались, что буры «проткнули пузырь боевой репутации Англии», чем и обеспечили «начало конца»⁷⁶ Британской империи.

Гниение можно было увидеть везде. Предпринимались усилия по поддержке и укреплению здания. Главной заботой стала безопасность и крепость железных стен Великобритании. Пока доки распирало от архаичных судов, «кучи устаревшего хлама скупца»⁷⁷, могла ли страна пережить «морское Коленсо»⁷⁸

Наиболее настоятельно с такими предупреждениями выступал демонический адмирал Джеки Фишер. Он говорил о потере главенства в море, на котором стояла Британская империя. Союз с Японией (1902 г.) снял давление на Дальнем Востоке, а новое сближение с США сделало это же в Карибском море.

Фишер увеличивал силу флота ближе к дому, строя большие корабли типа «Корейджес» («Отважный»), «Фьюриос» («Яростный») и «Глориос» («Славный»), которые его офицеры прозвали «Возмутительный», «Подложный» и «Буйный».

Но иностранные армады беспощадно росли, особенно — по другую сторону Северного моря. До Первой Мировой войны было обычным делом то, что «мы находимся в положении имперского Рима, когда варвары шумели на границах»⁷⁹.

Артур Бальфур, приятный эстет, который сменил своего дядю лорда Солсбери на посту премьер-министра в 1902 г., без труда признал упадок, когда его увидел. Это была одна из самых мощных и действенных «сил, которые молча готовят судьбу империй»⁸⁰. Он предпринял несколько укрепляющих мер, реформируя систему образования, заключив дружеское соглашение с Францией и основав постоянный Комитет по обороне империи для сравнения и решения военных вопросов на научной основе.

Джозеф Чемберлен увидел «признаки разложения»⁸¹ в когда-то славной британской торговле, сравнимые с трещинами на стенах церкви Сан-Марко с отдельно стоящей звонницей в Венеции, которая только что обрушилась и превратилась в руины. В 1903 г. он попытался снизить беспокойство из-за дальнейшего продвижения вперед коммерческих конкурентов, о чем рассказывалось в

популярных книгах «Сделано в Германии» (1896 г.) и «Американские захватчики» (1901 г.)

Чемберлен начал кампанию по созданию тарифных барьеров. Он надеялся, что экономическая защита пойдет рука об руку с имперским федерализмом. В результате страна не желала отказываться от свободной торговли, а доминионы не хотели отбросить независимость. Но англо-бурская война, которая оказалась такой ужасающей для положения Британии в мире, способствовала росту самосознания тех, кто жил в лагерях, окруженных повозками.

Правительства нацеливались на улучшения социальной защиты и увеличение национальной эффективности. «Я вижу мало славы в империи, которая может править на волнах, но не умеет спускать воду в туалете», — сказал Уинстон Черчилль⁸². Он в годы после победы либералов в 1906 г. помогал заложить основы «государства всеобщего благоденствия».

Киплинг считал, что урок, который преподала война, заключается в том, что дуракам во фланелевых костюмах у калитки, а также грязным олухам около мишени, следует научиться стрелять и ездить верхом.

Робертс выступал за всеобщую воинскую повинность.

Лига Виктории организовала женскую имперскую пропаганду. В 1906 г. была сформирована Молодежная имперская лига. Через два года Баден-Пауэлл основал движение бойскаутов, чтобы превратить «бледных и сутулых жалких типов с узкой грудью»⁸³, которые курили, бездельничали, напивались и практиковали мастурбацию, ничтожеств и тупиц, приведших к падению Римскую империю, в здоровую главенствующую расу.

Многие романисты того времени центральной темой сделали страх вторжения. «Дейли мейл» из номера в номер печатала один такой роман, в котором немецкая армия прокладывает путь через Англию. Целью стало желание увеличить тиражи газеты в определенных городах (в нескольких из них мужественные бойскауты из романа спасали страну). Например, смелый отказ «янычаров империи» маршировать мимо победоносного кайзера в «Когда пришел Вильгельм» (1914) Саки, уничтожил престиж завоевателя.

В попытке омолодить и восстановить страну при помощи детско-юношеской литературы присутствовал элемент фарса. К этому добавлялась незрелая личность Баден-Пауэлла и юношеский язык. Но он был типичным для своего времени в том, что сильно сомневался насчет продления превосходства имперской нации.

Это неизбежно рассматривалось, как ключевой элемент британского величия. Как сказал Г.К.Честертон, «в конечном счете, весь прогресс, вся империя, вся эффективность зависят оттого, какую расу мы вырастим»⁸⁴.

Это был основной символ веры империалистов типа Джозефа Чемберлена: «Я верю в эту расу, самую великую правящую расу из всех, которые видел мир. Эта англо-саксонская раса — такая гордая, цепкая, самоуверенная и целеустремленная. Раса, которую не могут испортить ни климат, ни перемены, неизбежно будет доминирующей силой будущей истории и всеобщей цивилизации»⁸⁵.

Но расовый упадок проявлялся во многом. Иные пытались от него избавиться, придумывая эмиграцию нищих, расовую гигиену (то есть контроль за рождаемостью), трудовые колонии для бродяг, стерилизацию непригодных для продолжения рода. Евгеника стала модной, Беатрис Уэбб даже раздумывала насчет полигамии, поскольку это открывало перспективы «научного разведения людей»⁸⁶.

Но в целом в настроениях людей господствовал пессимизм. Публиковались книги под названиями «Что следует сделать Англии для своего спасения?» и «Продержится ли Англии до конца столетия?». В 1905 г. появился новый трактат под названием «Упадок и разрушение Британской империи». Утверждалось, что это перевод текста, написанного для просвещения японских школьников в 2005 г., а иероглифы псевдонима автора расшифровывались «Ради блага расы»⁸⁷. В брошюре использовался текст Гиббона, много внимания уделялось симптомам болезни, общим для Британии и Рима. Например, автор сравнивал принятие британской армией более легкой винтовки с отказом римских легионов от тяжелого короткого меча. Крах Британской империи создатель текста приписывал и физическому, и нравственному упадку.

* * *

Сохранение мифа о превосходстве британской расы в Индии было столь важно, что, несмотря на просьбы Китченера, никого из сипаев не отправили на мыс Доброй Надежды. Правительство в Лондоне опасалось: если солдаты с коричневой кожей нанесут поражение белым на Черном континенте, то могут осмелеть и попытаться провести еще одно восстание — уже на Индостане.

Недоверие было заразным, словно малярия. После восстания сипаев на самом деле очень серьезно заявлялось: «Нам вполне может пойти на пользу, если мы повторим римскую политику, которая ревностно исключала использование в покоренных провинциях солдат, рожденных в этих местах». Советовали сформировать индийский гарнизон из «готтентотов, кафров, негров и т.д.»⁸⁸

Поэтому сипаи сражались с участниками Боксерского (Ихэтуаньского) восстания в Китае, но не с диверсантами-бурами в Южной Африке. Многие индусы негодовали из-за этого клеветничес-

кого обвинения или оскорбительного намека на неверность. Они искренне хотели победы империи. Но презируемые «англизированные индусы» часто радовались и успехам буров. Военственные националисты, например, Бала Гангадар Тилак, который цитировал изречение патанов о том, что британское правление стало «наградой, данной британцам Аллахом, сидящим на стволе пушки», отмечал, насколько они уязвимы для «партизанской войны»⁸⁹. Двойственность индийской позиции воплощалась в худошавом молодом радикальном юристе по имени Мохандес Ганди, который был известен в Южной Африке, как «адвокат кули»⁹⁰.

Ганди, что означает «бакалейщик» на его родном языке гуджрати, был сыном старшего министра (девана) в маленьком княжестве Порбандар. В возрасте тринадцати лет в 1882 г. его женили на маленькой девочке, выбранной для него отцом. В дальнейшем он стажировался во «Внутреннем Храме» в Лондоне, где приобрел взгляды, типичные для метрополии.

Ганди брал уроки балльных танцев и одевался, словно денди. Один раз его видели на Пиккадилли в шелковом цилиндре, накрахмаленном воротничке, галстукe, окрашенном во все цвета радуги, шелковой рубашке, визитке, с брюками в полоску, сшитых на заказ ботинках и коротких гетрах. В руках он держал перчатки и трость с серебряным набалдашником.

Нескладный маленький Ганди стал символом встречи Востока с Западом. Он впитывал индуистский трансцендентализм из таких классических произведений, как «Бхагавадгита», но ассимилировал идеалы «викторианского джентльмена»⁹¹ из изучения права в Англии. Перекинуть мост через пропасть ему помогали такие мудрецы, как Толстой, Раскин и Торо, которые оказали на него очень сильное влияние.

Более того, Ганди участвовал в эклектических движениях вроде распространения теософии и вегетарианства. Он очень много читал и мало ел, в отношении еды у него имелся определенный заскок. Например, когда его сын был на грани смерти, больше всего он боялся, что врач даст ему говяжий бульон. В конце концов Ганди заявил, что его еда должна стоить не больше трех ан в день. [Ана — мелкая монета в Индии, 1/16 рупии. — *Прим. перев.*]

Поскольку ничто так не осложняет жизнь, как поиск простоты, это ограничение создавало необычные проблемы и требовало затрат. Например, Ганди отказывался от коровьего молока, поскольку оно способствовало похотливости и вожделению, и пил только молоко «самой невинной» козы⁹².

Ганди был не только аскетом в еде, но и странствующим проповедником. Он постепенно уменьшал количество одежды, пока не достиг состояния санкюлота. Его знаменитое едкое замечание

состояло в том, что европейцы «носят плюс четыре одежды, а я предпочитаю минус четыре»⁹³. Как и Эдвард Карпентер, который «проповедовал евангелие спасения сандалиями» на основании того, что ботинки — это «кожаные гробы»⁹⁴, Ганди научился сам изготавливать сандалии. Он даже подарил пару (сделанную на Ферме Толстого, утопической общине недалеко от Йоханнесбурга, которую он основал в 1910 г.) генералу Сметцу.

В целом взрослый Ганди был смесью восточного мистика и западного безумца, скромным садху и умным адвокатом, ясновидящим и революционером.

В Южной Африке в 1890-е гг. он все еще развивал свои идеи и оттачивал тактику. Ганди почувствовал груз дискриминации, когда прибыл в Дурбан. Его толкали и пинали служащие железной дороги и полицейские, а один раз сильно избили. Вскоре этот юрист занял лидирующую позицию в сопротивлении расовым законам Наталя, где индусы количественно превышали европейцев.

Про европейцев Ганди говорил, что они «хотят опустить нас до уровня необразованного кафра». Когда началась война, он сочувствовал смелым патриархальным бурам. Но как подданный империи, адвокат поддерживал британцев и надеялся, что его соотечественники получат политическую награду за свою верность.

На самом деле Ганди помог сформировать Индийский санитарный корпус. Он сам служил в нем, носил форму цвета хаки, повязку с красным крестом на рукаве и усы. В Спион-Копе Ганди попал под обстрел, за что получил медаль. Когда умерла королева Виктория, он возглавлял процессию индийских плакальщиков в Дурбане и телеграфировал королевской семье соболезнования сообщества, «оплакивающего потерю империей величайшей и самой любимой монархини на земле»⁹⁵.

Но к индусам Южной Африке не просто не стали лучше относиться после войны, они столкнулись с препятствиями и худшими ограничениями в правах — просто потому, что у них коричневая кожа⁹⁶. Например, в Трансваале, бурские законы об обязательной паспортизации, которые Милнер ранее осуждал как порочную манифестацию крюгеризма, стали вводиться с новой силой.

Ганди шокировало и лицемерие, и несправедливость. Он сам выступал за бедность, целомудрие и гражданское неповиновение, вел активную кампанию за права индусов путем пассивного сопротивления. Он называл ее «сатьяграха» — «сила души». Это смесь крестьянского пацифизма и индуистского отсутствия насилия.

Ганди вдохновлял своих соотечественников за границей и заново оживил националистическое движение в своей стране. Корни этого движения уходили в восстание сипаев и даже более ранний период.

После 1857 г. британцы в Индии сами были вынуждены выбирать из двух зол, Востока и Запада. Чтобы поддерживать стабильность, они чувствовали себя обязанными управлять в манере восточных деспотов и при помощи меча, полностью поддерживая старый порядок. Колонизаторы выражали скептицизм по поводу улучшения доли местных подданных. Такой прогресс «полностью противоречил всем восточным идеям».

«Еще две тысячи лет их не изменят, — объявил сэр Уильям Дэнисон, губернатор Мадраса. — Они не сделают белого человека из индуса»⁹⁷.

Независимость могла являться целью, но многие британцы считали, что ее можно достигнуть (если вообще можно) только после болезненно медленных реформ.

Лорд Элджин, который сменил Каннинга на посту вице-короля Индии в 1861 г., едва ли мог желать изменить условия проживания людей, к которым относился «не как к собакам, потому что в таком случае им можно свистнуть и погладить, а как к машинам, с которыми нельзя никак общаться или испытывать сочувствие»⁹⁸.

Элджин, который, как утверждали, говорил банальности, очень требовательно выступал за политику постепенного осуществления социальных преобразований. «Мы должны, по крайней мере, какое-то время, ходить дорогами, проложенными другими, — сказал он. — Нужно выровнять маленькую ямку здесь, убрать немного грязи там, а если вкратце — ограничиться работой мусорщика. Она очень скромная, а отчасти — довольно неприятная»⁹⁹.

С другой стороны, просвещенные викторианцы едва ли могли отрицать, что хорошее управление было разумным основанием британской администрации. «Улучшение санитарных условий, образование, больницы, дороги, мосты, навигация, — повторял лорд Майо, который стал вице-королем после сэра Джона Лоуренса в 1869 г. — Мы пытаемся за полстолетия сделать то, что в других странах заняло жизнь нации»¹⁰⁰.

Конечная цель этого продвижения вперед была неизбежна, во многом потому, что в 1867 г. Британия сама перекрыла Ниагару (как выразился Карлайл), сделав решительный шаг к демократии. Как сказал лорд Рипон (в дальнейшем — вице-король Индии), целью Британии должна стать помощь Индии в приобретении «большой доли в управлении собственными делами»¹⁰¹.

Не нужно говорить, что политика не всегда укладывается в нужные рамки. Водораздел в стиле Киплинга между Востоком и Западом слишком упрощен. Как и Ганди, британские правители

свободно использовали традиции, которые им подходили. Более того, и консервативные, и либеральные вице-короли Индии помогли росту индийского национализма.

Это частично происходило потому, что британцы, несмотря на провозглашаемый талант к управлению, правили Индией плохо. Если судить по мифу, наверху находилось Великое Декоративное Украшение, которое было способным, усердным, рачительным и высоконравственным, словно «Сын Неба».

Под ним располагалась тысяча индийских государственных служащих, которых иногда сравнивали со стражей Плутона¹⁰². Это была специально подготовленная элита, в состав которой боги добавили золото. Но, несмотря на благородные намерения, результаты оказались удручающими. Например, сэр Джон Лоуренс был верным патерналистом, который подчеркивал в беседе с Майо, по прибытии последнего в Калькутту, важность доброго отношения к местным жителям. Но когда сам он выскочил из кареты, то тут же отодрал за уши медлительного конюха.

Сам Майо, крепкий и здоровый мужчина из партии «тори», обещал Индии «эпоху улучшений»¹⁰³ и усиленно пытался этого добиться. Он воспользовался советом Флоренс Найтингейл, которая гордилась тем, что является «губернаторшей губернатора Индии»¹⁰⁴.

Лорд Майо организовывал общественные работы типа строительства портов, железных дорог, каналов и ирригационных систем. Он подбадривал своих одиноких подчиненных, которые трудились на жаре, среди пыли и болезней, установить «незапятнанный, сильный и справедливый режим»¹⁰⁵.

Каждый год Майо проезжал тысячи миль по сельской местности, чтобы лично возглавлять «великолепную работу по управлению низшей расой»¹⁰⁶. Он преодолевал большие расстояния, сидя в седле, снашивая штаны. Вице-король задумывался, почему никто не делает ему комплиментов, как тот, что один раз адресовали много ездившему в седле Джорджу Каннингу: «При любых обстоятельствах, сэр, но особенно сейчас, я бы скорее стал собственником вашей головы, чем задницы»¹⁰⁷.

Тем не менее переписка Майо, большая часть которой не была опубликована, свидетельствует о том, что он невольно руководил неразберихой на Индостане.

Вторжение государства было минимальным, поскольку Лондон инструктировал его «не заниматься бесполезными делами, снизить налоги и увеличить расходы»¹⁰⁸. Даже во время всплеск голода, от которых Индия страдала между 1860 и 1908 гг., и стоивших по крайней мере тридцать миллионов жизней, людьми жертвовали ради экономики.

В дальнейшем лорд Керзон подтверждал: голод в Индии привлёк не больше внимания в Британии, чем порыв ветра на озёрце Серпантин в Гайд-парке. В округах Бомбей, Бенгалия и Мадрас, которые (к огорчению Майо) неизменно создавали препятствия для найма индусов, яростная ревность и разделённая власть парализовали управление. Британские гражданские служащие (зачастую — любители охоты на кабанов и джина, закончившие частные привилегированные школы), были невероятно далеки от своих подданных. Они «смотрели на Индию, как на дойную корову»¹⁰⁹. Там было столько военных, которые приехали за синекурами, инспекторов, которым нечего было инспектировать, офицеров рабочих подразделений, не имевших никаких обязанностей, которые можно выполнять, что армия стала посмешищем¹¹⁰.

Департамент общественных работ являлся олицетворением злодея и преступности, а первые буквы названия департамента («PWD») расшифровывались, как «Грабеж без Опасности».

Майо негодовал из-за использования английской древесины для телеграфных столбов, «установленных в одном из лучших лесов в Индии»¹¹¹. Неофициальное европейское сообщество, которое быстро росло после восстания сипаев, «совершенно не волновала страна. Они приехали сюда вытянуть столько денег из «чёрных», сколько смогут»¹¹².

Этой амбиции по большей части способствовала британская политика. Надежды на улучшение, которые могли оставаться у вице-короля, были жестоко подавлены в 1872 г. Когда Майо инспектировал колонию для осуждённых на Андаманских островах, на него совершил покушение один из заключённых.

Тело Майо в гробу, весившем две тонны, принимали в Калькутте с помпой и страстностью. Процессия прошла в молчании. Не было слышно никаких звуков, кроме поскрипывания повозки, стука копыт и шагов эскорта, в который входили моряки огромного роста в белых мундирах. Из Форта-Уильям стреляли из салютных пушек с интервалом в одну минуту. Залпы начались и с кораблей, выстроившихся в ряд на две мили в Хугли. Флаги на них были наполовину приспущены, а реи болтались и пришли в полный беспорядок. Царило «возбуждение, атмосфера была наполовину наэлектризованной». Каждое лицо белого выглядело «мрачным, как смерть». Казалось, каждое европейское сердце наполнено убийственной яростью, которой люди не испытывали со времени восстания сипаев. Фитцджеральд Стивен писал своей матери: «Когда лорда Майо закололи, думаю, что каждый человек в стране чувствовал, что его тоже в большей или меньшей степени ударили ножом»¹¹³.

Майо особенно стремился покончить с состоянием «хронической анархии»¹¹⁴, господствовавшим в Джайпуре, Удайпуре, Алваре и ряде других квази-независимых местных государств, которые занимали четверть полуострова. Он жаловался, что в этих княжествах коррупция и интриги процветают, как и во времена великих моголов.

К другому социальному злу там также можно было добавить большее количество случаев убийства новорожденных девочек.

В отличие от Майо, лорд Литтон, который служил вице-королем с 1876 по 1880 гг., искал примирения с теми, кого считал великой, наследственной индийской аристократией. Он думал, что чиновники не правы, считая, будто «мы можем удержать Индию тем, что они называют хорошим управлением». Новый вице-король верил в князей. Конечно, им следовало дать реальную власть, но, к счастью, «на них очень легко оказывать влияние, они чувствительны и подвержены влиянию символов»¹¹⁵. В частности их можно очаровать магией императрицы Индии и привязать к трону феодальными связями, золотыми медалями, шелковыми знаменами, салютом из многих орудий и всеми атрибутами королевской власти и величия.

Литтон был мелким поэтом и крупным попугаем, которого самого ослепляли украшенные драгоценными камнями видения Востока — роскошные дворцы, парады слонов, королевская охота на тигров и «изумруды, от которых у вас слезятся глаза»¹¹⁶. Но эта картина уже стала романтическим анахронизмом. Не все махараджи думали только о танцовщицах и пони для игры в поло. Некоторые были поразительно прогрессивными, причем в такой мере, что британцы их сдерживали. Более того, влияние князей на предположительно инертное крестьянство оказалось более ограниченным, чем представлял Литтон. В стране, где говорят на почти двухстах языках и шестистах диалектах, как сказал политик-парс Дадабхай Наороджи, англичане создавали «сильные национальные связи». Образованные представители среднего класса становились «естественными лидерами масс»¹¹⁷.

Несомненно, Литтон имел об этом какое-то представление, поскольку ворчал о том, что «англизированные индусы» учатся призывать народ к восстанию и вести антиправительственную агитацию. И он еще больше нацелился обеспечить верность индийских князей королеве Виктории на Имперском собрании в 1876 г.

Оно проходило в палаточном городке на 84 000 человек, который построили в долине с глинистым красноземом. Долину очистили от сотни деревень, начиная прямо за хребтом, который занимали британские силы во время осады Дели. В центре располагался парусиновый шатер вице-короля в Индии, освещаемый газовыми лампами.

Внимание присутствовавших на этом пышном зрелище фокусировалось на возвышении высотой в восемьдесят футов — малиновом храме, украшенном (Локвудом Кипплингом, отцом Редьярда) таким количеством блесток и мишуры, что он выглядел, словно огромный рождественский торт. Там имелись боевые топоры, серебряные щиты, золотые императорские короны, гирлянды и красного и белого сатина, расшитые позолоченными лилиями, и многочисленные шелковые штандарты, украшенные геральдикой. Это было смешение стилей, напоминающее дом предков Литтона — Небуорт.

Как Литтон заявил Дизраэли, декоративные детали были столь же важны, как и внутренности, по которым «прорицатели делали предсказания, двигающие армиями и влияющие на князей»¹¹⁸.

Проводилась изысканная и сложная церемония, на которой британские офицеры шутили вслух об отрезании ушей ярко одетых махараджей из-за бриллиантов в них. Вице-король в Индии, маленький человек в синих бархатных одеждах, отделанных по краям мехом горноста, с накидкой, украшенной блестящими звездами и золотыми кисточками, представил придуманный им герб — самый бесполезный из всех гербов, по словам Гиббона. Зачитали прокламацию, протрубили в трубы, выстрелили из пушек. От этого с места сорвались слоны и, как холодно отмечает Вэл Принсеп, «убили нескольких местных жителей»¹¹⁹.

Тем временем свыше пяти миллионов человек умирали от самого ужасного голода, разразившегося в стране. Литтона критиковали за эту публичную демонстрацию великолепия в подобное время и изображали на карикатурах в виде Нерона, играющего на цитре, пока горит Рим. Возможно, он представлял себя скорее императором Диоклетианом, который считал: «Выставление на показ великолепия и роскоши покорит воображение толп»¹²⁰.

В любом случае он нисколько не смутился. Плохое питание и недоедание было фактом жизни в Индии. Свыше одной пятой жителей Бенгалии «не знали ощущения полного желудка, кроме как в сезон манго»¹²¹. А почти голые¹²² крестьяне с горящих долин Декана мало что ели, кроме проса, приправленного красным перцем.

По мере того, как голод становился сильнее, приводя к ужасающим сценам, от которых у свидетелей кровь стыла в венах, Литтон осуждал «гуманистические истерики»¹²³. Вместо этого он относился к голоду, как официальному секрету, предписав строгую экономию в плане государственной помощи. Вице-король хотел, чтобы цены на зерно оставались высокими, способствуя импорту. Он не понимал, что люди скорее умирают от бедности, чем от недостатка продукции.

Несмотря на недавно проведенную операцию по излечению от геморроя, из-за чего ему было трудно сидеть на троне вице-короля, Литтон и в самом деле проинспектировал наиболее пострадавшую область вокруг Мадраса. Но он нашел, что лагеря по оказанию помощи «полны толстых, ленивых, вполне способных работать нищих»¹²⁴.

Вице-король четко заявил о своих приоритетах, когда губернатор Бомбея сказал, что не может приехать на торжественный прием в Дели, поскольку занят решением проблемы продовольственного кризиса. Литтон безапелляционно вызвал его, не допуская отказа и настаивая, что «провал Собрания будет более ужасным для постоянных интересов империи, чем двадцать вспышек голода»¹²⁵.

Такое консервативное безразличие и беззаботность не только ведут к революции, но и ускоряют гибель империй. На самом деле в 1877 г. на большой территории прошли протесты, начались зерновые бунты. Несмотря на болезненные воспоминания о терроре после восстания сипаев, произошел даже заговор маратхи «относительно уничтожения британской власти в Индии путем вооруженного восстания»¹²⁶.

Но Литтон оставался потакающим своим желаниям сеньором, позирующим, словно бородатый представитель богемы. Он писал эротические стихи и бездельничал целыми вечерами, флиртуя с красивыми женщинами, время от времени используя свое положение, чтобы продвинуть их мужей по службе.

Вице-король заставлял людей ждать на солнцепоке, пока докуривал сигару. Одевался он в бархатные домашние куртки, яркие галстуки, брюки клеш, носил ботинки с квадратными носами, выставлял на показ яркие драгоценности. Литтон был склонен к истерикам и депрессиям, которые едва могли снять его французский шеф-повар, итальянский кондитер и немецкий оркестр.

Хотя Литтон в такой степени якшался с индийскими вождями, что это правление стало известно, как «Черный Радж», его политика отторгала появляющийся средний класс. Он пытался создать двухъярусную государственную службу, в результате исключить индусов с верхних уровней, утверждая, что расовое разделение — это основа позиции Великобритании, державы-завоевателя.

Министерство по делам Индии предпочитало систему, которая позволяла небольшой группе местных жителей присоединиться к рядам «небожителей», но санкционировало другие дискриминационные акты. Литтон снял пошлины с импортируемых товаров из хлопка, чем в еще большей степени пожертвовал индийскими производителями в пользу ланкаширских. Он же ввел закон о местной прессе (1878 г.), сделанный на основе ирландского права, чтобы не допускать критики в не-английских газетах.

Как в дальнейшем указывал Джавахарлал Неру, слово «местный», использовавшееся в названии закона, происходило от латинского «vepa», что означает раб, рожденный в доме хозяина. Литтон одновременно назначил комиссара, чтобы кормить журналистов официальной информацией, а при необходимости — подкупать деньгами секретной службы. Наконец, вице-король бросил Индию в кровавую, дорогую и ненужную войну.

Дизраэли и Солсбери, у которых вызывала нетерпение политика «мастерской бездеятельности», подстрекали его к отстаиванию британской власти в Афганистане. Планировалось урезать и положить конец предполагаемым амбициям России.

Но этого для Литтона было недостаточно. Он считал, что его соотечественники «быстро теряют имперский инстинкт», демократизованные демократией, лелеемой «этим деформированным и недоразвитым отпрыском постоянного прелюбодеяния — нынешней британской Конституцией»¹²⁷. «На самом деле, — восклицал вице-король, — кажется, что над Англией висит рок, причем с такой неизбежностью, как рок дома Пелопа»¹²⁸. [Пелоп в детстве был заколот отцом и подан в качестве угощения богам, но Юпитер воскресил мальчика. В дальнейшем он стал царем Элиды, отцом Атрея, дедом Агамемнона и Менелая. — *Прим. перев.*]

Поэтому Литтон стал более агрессивным, что позволяли данные ему инструкции. Он пытался навязать нежелательную дипломатическую миссию эмиру Шерали, сыну бывшего врага Британии Доста Мухаммеда. В кабинете министров Солсбери объявил, что вице-король пытается диктовать внешнюю политику правительству, и если его не остановить, это приведет к трагедии. Однако отказ эмира принять британского посланника нанес удар по престижу Великобритании, который стало нельзя проигнорировать. Поэтому Литтон приказал начать вторжение в Афганистан. Его целью было не аннексировать страну, в которой не имелось «ничего, кроме камней и негодяев»¹²⁹, а наказать ее и укрепиться там.

Вице-король был атеистом, страдающим суевериями. Он проводил много свободного времени, «надувая воздушные шары, которые выпускал с равными интервалами, и по их быстрому или медленному подъему судил об удаче или неудаче своей армии»¹³⁰.

Вначале она добилась успеха, и британский посол сэра Луи Каванари, тут же прибыл в Кабул. Но в сентябре 1879 г. его и его штаб перебили. Это многие предсказывали, но все равно случившееся шокировало, как Исандлвана.

Конфликт возобновился, и сэра Фредерик Робертс оказался столь же победоносным в бою, как и яростным в репрессиях. По словам одного из его генералов, он хладнокровно застрелил по меньшей мере шесть человек и повесил еще несколько дюжин, некоторых

из них — в капюшонах из свиной кожи, «за то, что боролись против нас»¹³¹.

Литтон сказал Фитцджеральду Стивену, что поддержит Робертса во всем: «Тем не менее, между нами, я думаю, что некоторые из его арестов и казней были политическими ошибками»¹³². Однако Робертс позволил британцам выпутаться и через некоторое время ослабить напряженность в Афганистане, хотя мир оказался беспокойным и ненадежным.

Тем временем почти все проклинали Литтона. Гладстон негодовал из-за несмыслимой вины ненужного конфликта. Герцог Аргилл, ранее занимавший пост министр по делам Индии, пришел в такую ярость, что (как образно выразился Литтон), «сам себя поджег от корней волос». На самом Индостане вице-короля обвиняли в том, что добавил войну к голоду. Если учитывать все, то он значительно обострил различия между белыми правителями и образованными индусами, которые в 1857 г. в целом отождествляли себя с британским правлением, а к концу столетия в целом ему противостояли.

Враждебность еще более усилилась после 1880 г., хотя преемник лорд Рипон был либералом, придерживающимся взглядов Гладстона. Он управлял Индией с беспрецедентным сочувствием.

Рипон был благородным, великодушным и многоречивым сыном самого незначительного премьер-министра Британии лорда Годрича. Он считал жизненно важным «сделать образованных местных жителей друзьями, а не врагами нашего правления»¹³³. Поэтому вице-король в некоторой степени ввел самоуправление, которое обеспечивало индусов средствами политического самовыражения. Признавалось, что оно ограничено.

Ивлин Баринг говорил, что это предохранительный клапан для «англизированных индусов», которых быстро заткнут, если те станут выступать по какой-то теме, более важной, чем дороги и канализация. Но Рипон смотрел на это, как этап на пути к независимости. Посему он убрал цензуру, отменив закон Литтона о местной прессе. Он вступал против иностранных авантюристов — например, отказывался аннексировать Верхнюю Бирму (правда, эта задача была лишь отложена).

Другие реформы были сорваны. Продолжалось традиционное зло. Индийские полицейские, у которых иногда было «больше усов, чем мозгов» (!)¹³⁴, продолжали использовать пытки с попустительства своих британских начальников.

У Рипона не хватало сил и возможностей сделать так, как он хочет, в особенности в самом громком и скандальном деле своего правления. Это была попытка позволить индийским судьям судить европейцев, что им недавно запретили в нарушение при-

нца, утверждавшегося Маколеем и его коллегами («закон слеп к цвету кожи»).

Закон стал известен, как «билль Илберта». Он назван в честь юриста, члена Совета при вице-короле. Предложение привело в негодование почти все британское сообщество. Особенно распалились двадцать тысяч европейцев, не занимавших официальных должностей — торговцы, инженеры, хлопководы, плантаторы и т.д. Они являлись низшими кастами в белой иерархии, а поэтому поддерживали свой статус, утверждая свою власть над индусами — часто грубо, иногда жестоко. Один плантатор, занимавшийся разведением чая, советовал Уилфриду Скейвену Бланту бить местных жителей сильно, но все-таки не очень сильно, поскольку «они способны без преувеличения умереть назло вам»¹³⁵.

Противники билля провели яростную кампанию. Шум их первого большой протестного собрания, проводившегося в городской ратуше Калькутты 28 февраля 1883 г., долетал до Дома правительства. Они утверждали, что эта вредоносная мера разрушит все основы британского правления в Индии. Среди других вещей они использовали самые мрачные и жуткие страхи своих соотечественников, объявляя, что неисправимо коррумпированные индийские судьи будут злоупотреблять своей властью, заполнят свои гаремы цветом английских женщин.

Рипон и Илберт были объявлены предателями расы. Киплинг, который в качестве начинающего репортера непреднамеренно одобрял политику правительства, был изгнан из клуба в Лахоре. Он быстро изменил позицию, отразив европейскую паранойю в гротескном описании городской индийской толпы — «человеческого зверинца»: «Морды собак, свиней, хорьков и козлов, еще более ужасные из-за того, что приставлены к человеческим телам и освещены человеческим умом... Все они создают у зрителя впечатление диких животных, которых удерживают от убийства и насилия, и раздражаются из-за этого сдерживания»¹³⁶.

Расовые страсти угрожали закипеть и вылиться в «восстание белых»¹³⁷. Поэтому Рипон отказался от билля. Однако индусы уважали его больше, чем кого-либо из вице-королей, а когда он уезжал в 1884 г., салютовали ему хорошо спланированными демонстрациями. Амритсар осыпал его розовыми лепестками. Калькутта сияла иллюминацией в его честь. Бомбей, украшенный не только «знаменами и лентами, флажками, выпелами, девизами и гирляндами»¹³⁸, но и жемчугом и бриллиантами, устроил ему триумф.

Однако теперь многие из хорошо образованных индусов считали, что дружба между расами стала невозможной. Британцы показали свое истинное лицо. Они преподали урок и в организованной

агитации. Индийский Национальный Конгресс поднялся из пепла билля Илберта.

Ничто лучше не раскрывает изначальную слабость этой националистической ассоциации, состоявшей в основном из индийских юристов и журналистов, чем тот факт, что ведущим в ней был шотландец. Аллан Октавиан Юм, сын радикального депутата Парламента, являлся высокопоставленным чиновником, чье отеческое правление пользовалось популярностью в северо-западных провинциях. Он даже придумал оригинальное усовершенствование виселицы, чтобы облегчить страдания. Говорили, что люди молятся, чтобы их судил Юм, а если их найдут виновными, чтобы он же их вешал.

Его карьера преждевременно закончилась — отчасти из-за настойчивых предупреждений о том, что судьба империи зависит от включения большего количества индусов в правительство. Это была скромная цель Конгресса, который впервые собрался в 1885 г. и надеялся быть «зачатком национального парламента»¹³⁹. Но у него не имелось широко распространенной организации, существенных фондов, он не являлся общественно привлекательным. Поэтому фактически Конгресс не добился развития идеи. В Индии Юм с длинными свисающими усами, словно бивни моржа, ссылаясь на индийских коллег, как на своих детей¹⁴⁰. Он-то и оживил призрак революции. В Британии Наороджи и другие агенты заигрывали со сторонниками самоуправления Ирландии под руководством Чарльза Парнелла и советовались с английскими антиимпериалистами — например, с Блантом. Последний убеждал индийских националистов «испугать и добиться всего от англичан путем принуждения дать им права белых»¹⁴¹.

Блант давал плохой совет на то время, поскольку тогда достижение целей путем принуждения было британской прерогативой. Это на дороге в Мандалей продемонстрировал преемник Рипона лорд Дуфферин. В двух более ранних войнах Британия довела Бирму до состояния очень бедной и нестабильной страны. У нее отрезали береговую линию и лишили ее плодородной дельты Иравади, что подняло цены на основные продукты питания — рис, рыбу и креветочную пасту (нгапи). Теперь, в 1885 г., лорд Рэндолф Черчилль, министр по делам Индии, забеспокоился из-за наступления французов в Индокитае и беспорядка в сократившемся королевстве владыки Тибо. Поэтому в своем «легком, веселом и беспечном стиле»¹⁴² он одобрил покорение Верхней Бирмы.

Генерал Прендергаст наступал с ружьями и брошюрой с бирманскими фразами, «трудолюбиво составленной джентльменом, не знающим языка»¹⁴³. В результате одной битвы удалось добиться капитуляции, что открыло дорогу к золотым пагодам и тиковым

лакированным павильонам Мандалея. Тибо, который любил играть в крикет и являлся «господином всех вождей, носящих зонтики»¹⁴⁴, доставили на повозке, в которую были впряжены волы, к пароходу, стоявшему на Иравади. Ехал король среди плачущих подданных, ему предстояло на этом пароходе отправиться в ссылку. Его дворец стал фортом имени Дуфферина, а главные тронные залы превратились с гарнизонную часовню и клуб Верхней Бирмы.

В первую ночь оккупации пьяные британские солдаты сожгли королевскую сокровищницу, где находились генеалогические древа потомственной аристократии, написанные на оплетенных золотом пальмовых листьях, обернутых в шелковые ткани. Через несколько дней почитаемый белый слон, которого содержали во дворце, сдох. Индийские солдаты вытащили его тушу через не приметные западные ворота. Трон Тибо, предположительно расположенный в центре вселенной, перевезли в музей в Калькутте, аи королева Виктория получила набор его драгоценностей, включая ожерелье с бриллиантовым павлином и золотую расческу, а также его лучшую корону¹⁴⁵.

Считая, что упрямые бирманцы не обеспечат поддающихся влиянию и сговорчивых марионеточных правителей, Дуфферин уничтожил старую схему управления и установил полностью чужеродную административную систему в стране, включив ее в сферу индийской администрации.

Это и другие оскорбления и унижения привели к долгой и яростной партизанской войне против захватчиков, которую вели принцы, крестьяне, разбойники и даже буддийские монахи. Целью британской «пацификации» было установление террора. Он включал порку, сожжение деревень, разграбление пагод, общие казни и наем представителей племени каренов, которые были христианами, для охоты за головами буддийских монахов.

Ничто не могло быть лучше рассчитано для закрепления ненависти бирманцев к имперской власти. «Ни одна труба, подстрекающая к мятежу, не влияет так яростно на население, как крики женщин в деревнях, оплакивающих братьев и мужей, убитых не в сражении, а ради демонстрации силы и суровости завоевателя, занятого установлением своей власти», — писал один свидетель¹⁴⁶.

Индийский Национальный Конгресс не желал сталкиваться с таким же испытанием, он придерживался конституционного пути. Но вялый и ленивый Дуфферин, который вначале симпатизировал этой партии, теперь почувствовал тревогу. Ему сообщили, что Юм стремится стать индийским Парнеллом, и он его проклял (частично справедливо), называя тщеславным и лживым эксцентриком.

Дуфферин распустил Конгресс (с еще большими основаниями), как представительство «микроскопического меньшинства», добавив необоснованное заявление о том, что британская администрация является защитницей «безгласных миллионов»¹⁴⁷. Британцы действительно пошли на уступки — в частности, расширили участие местных жителей в провинциальном управлении. Они даже сделали жесты благотворительности — например, позволили индийским игрокам в крикет пользоваться эспланадой в Бомбее, ранее отведенной только для европейских игроков в поло. Они надеялись, что игра в крикет и проведение межнациональных матчей способствует крепости Британской империи. Но когда группа парсов победила команду из Англии в 1890 г., «мычащая, многоцветная толпа» праздновала свою победу, как писал один белый наблюдатель. Они бегали взад и вперед, «что-то тараторя, болтая и бормоча, пытаясь отогнать злых духов»¹⁴⁸.

Такие проявления обеспечивали также проведение британцами своей традиционной политики использования «готовых трещин и разрывов»¹⁴⁹ внутри индийского общества. Они говорили, что Конгресс не станет выступать от имени нации, потому что нет никакой нации. Есть только мозаика конкурирующих друг с другом рас, религий, каст, обычаев, языков и манускриптов. Индия была (если процитировать Уинстона Черчилля) «не более объединенной страной, чем экватор»¹⁵⁰.

Сам Конгресс проиллюстрировал это заявление, разделившись из-за глубочайшего раскола между индуистами и мусульманами. Его единству также угрожали такие спорные вопросы, как детские браки. В 1891 г. вице-король Индии предложил поднять брачный возраст после того, как одиннадцатилетняя жена умерла в результате вступления в половые отношения со взрослым мужем. Реформа была проведена во имя западного просвещения (хотя до 1929 г. возраст, позволяющий девушкам вступать в брак в Великобритании, составлял двенадцать лет). Это вызвало яростную реакцию деятелей возрождающегося индуизма под руководством читпавана («очищенного огнем») брахмана Б.Г.Тилака. Чтобы удержать его в своих рядах, Конгресс тянул время и лавировал, пытаясь сфокусировать внимание на общеиндийских целях. Такая цель появилась после 1895 г. Ее обеспечили столь серьезные вспышки чумы и голода, что значительно уменьшили количество населения.

Националисты, которые делали политический капитал на том, что они называли «постоянным выкачиванием богатств» с субконтинента в Соединенное Королевство, правдоподобно утверждали: «Индия истекает кровью, и это может привести к гибели»¹⁵¹. Поэтому Конгресс стал сильнее, и на некоторое время в нем было

два конкурирующих лидера — революционер, зачинщик и смутьян Тилак и сторонник социальных реформ Гопал Кришна Гокхале.

Тилак вдохновлял многочисленных последователей-индуистов, вспоминая о прошлой славе Индии, которая воплощалась в правителе-маратхи Шиваджи. Ему нравилось насилие, использованное Шиваджи. Сам он был связан с покушением на одного высокопоставленного британского чиновника во время празднования 60-летия царствования королевы Виктории в 1897 г.

В отличие от него, Гокхале был либеральным гуманистом, который использовал западные традиции, представлявшие собой особую привлекательность для образованной молодежи Бенгалии. Некоторые из этих молодых людей стали такими диссидентами, что ели мясо, пили пиво и приветствовали злобную богиню Кали словами: «Доброе утро, мадам!»¹⁵² У большинства была страсть к свободе, которая стимулировалась изучением классической литературы и языков. Как сказал писатель Нирад Чоудри, «казалось, мы чувствовали на наших плечах вес невидимой тоги»¹⁵³.

Ганди сравнивал Тилака с турбулентным, таинственным океаном, а Гокхале — со спокойным, заманчивым и привлекательным Гангом. В нем самом они сливались, формируя единый поток от пересекающихся течений индийского национализма.

Ганди обладал «уникальной способностью» соединять привлекательность Тилака для масс с нравственным примером Гокхале¹⁵⁴.

* * *

Тем временем самый активный, трудолюбивый, амбициозный и хвастливый из всех вице-королей Индии, лорд Керзон из Кедлстона, попытался убить Конгресс добротой. Он вознамерился дать Индии лучшее правительство из всех, которые у нее когда-либо были.

Индостан возбуждал воображение Керзона с тех пор, как еще мальчиком в Итоне, он услышал, как Фитцджеральд Стивен рассказывает о владении Британией восточной колонией, «более густонаселенной, более поразительной и более полезной, чем Рим».

Обращение Стивена было полно «банальностей из школьных учебников»¹⁵⁵, как заявлял Керзон с характерным для него высокомерием. Но благодаря ему у него возникло видение Индии — оси имперской славы и талисмана британского величия. Поэтому он готовился к исторической роли в британском правлении.

Керзон отлично учился в Оксфорде. Он женился на американской наследнице, много путешествовал по Востоку. Вначале путешественник арендовал у театрального костюмера множество иностранных декораций, большие золотые эполеты, огромные сапоги-«веллингтоны» со шпорами и гигантский кривой меч.

Керзон выпустил много работ и сделался главным парламентским авторитетом по Азии.

Молодой Джордж Натаниэль Керзон, который, как говорили, имеет привычки младшего члена королевской семьи без типичных для них неспособностей, дал ясно понять: ему самой судьбой предначертано сесть на трон вице-короля в Индии. Трон очень удачно размещался в Доме правительства, спроектированном по типу его собственного родового имения.

Над ним посмеивались, называя «самым высшим лицом», «Герогом пятым», «Божьим дворецким». Но величественные манеры были для этого аристократа такими же важными, как воздух, который он вдыхал. Помпа оказалась естественной для него средой, а помпезность — инстинктивным образом жизни, хотя иногда он прокалывал и то, и другое копиями грубости или непристойности.

Лорд Бивербрук не мог понять, как Керзон одновременно может быть и остроумным, и скучным. Будущий вице-король вел себя с «лакированной самоуверенностью»¹⁵⁶, а то и откровенной наглостью. В конце жизни, когда бой Биг-Бена мешал ему отдыхать, Керзон пытался добиться отключения часов.

Он осознавал ответственность Великобритании перед миром и воплощал «старое римское качество — значимость»¹⁵⁷. Он постоянно писал, никогда не останавливаясь, чтобы подумать, и как-то раз послал жене письмо на ста страницах. Керзон говорил высокопарно, напыщенно, хотя (как заметил один друг) его слова всегда были слишком большими для его мыслей.

«Он говорил словами Гиббона, — утверждал лорд Дабернон, — а отдавал приказы языком, который не опозорил бы Цицерона, обращающегося к римскому Сенату.. “Горничная, широко раскройте оконные створки”, “Лакей, добавьте топлива в огонь”»¹⁵⁸.

Когда он стал вице-королем в Индии в 1899 г., как раз перед своим сороковым днем рождения, Керзон одинаково повелительно и властно вел себя со всеми индусами, независимо от их ранга. Он относился к принцам, как к группе необразованных и неуправляемых школьников, которых нужно дисциплинировать ради их же блага. Они же должны были испытывать благоговейный трепет от утверждения им власти.

В качестве эпиграфа для своей книги «Британское правительство в Индии» Керзон выбрал обращение, которое использовал еще один покоритель Дели, Тамерлан, к турецкому преемнику римских императоров в Константинополе. В цитате Гиббона оно звучит следующим образом: «Разве вы не знаете, что крупнейшая часть Азии подчиняется нашему оружию и нашим законам? Что наши неуязвимые силы простираются от одного моря до другого?

Что земные монархи выстраиваются в очередь перед нашими воротами? И что мы заставили саму фортуна наблюдать за процветанием нашей империи?»¹⁵⁹

Но, хотя Керзон являлся теневым монархом того, что, как он надеялся, станет тысячелетним правлением, вице-король сохранял сомнения Гиббона насчет того, продержится ли это самое правление хотя бы сто лет.

Керзон признавал рост национального самосознания, которое «никогда не сможет полностью смириться с чужеземным правлением». Он повторял банальность о том, что индусы скорее предпочтут свое собственное плохое правление хорошему британскому. И лорд нацелился «отложить давно желаемый день предоставления свободы», отказав Конгрессу в том, чего тот страстно желал. Это была «больная мозоль, которой можно не дать никогда зажить, раздражая ее»¹⁶⁰.

Если напряженная работа была критерием, то администрация Керзона соответствовала его возвышенным стремлениям. Его существование в роли вице-короля представляло собой «бесконечный тайфун долга»¹⁶¹. Если перефразировать «Таймс», он пристрастился к правлению так, как другие к выпивке¹⁶².

Керзон неустанно и напряженно трудился (и постоянно жалел себя и жаловался), чтобы в некоторой степени обеспечить Индию правосудием, реформами и общественным благосостоянием. Вице-король фактически реконструировал правление, развивая торговлю, улучшая коммуникации, проводя ирригационные меры, избавляя людей от голода, распространяя образование, усиливая оборону, увеличивая безопасность и эффективность в целом.

Керзон стал столь же непопулярен в белом сообществе, как Рипон (и изначально был популярен у индусов). Дело в том, что он осуждал случаи расового насилия со стороны британских солдат и гражданских лиц. Вице-король выступал против эксплуатации Индии «в стиле Шейлока»¹⁶³, писал в Уайт-холл так, словно был правителем иностранной державы. Он восстановил Тадж-Махал и другие памятники, нацеливаясь построить, по его выражению, золотой мост между «Востоком и Западом», который не снесут даже бурные потоки времени.

В Калькутте Керзон стал инициатором строительства собственной версии Тадж-Махала в форме мемориала Виктории — белой мраморной Валгаллы британско-индийских героев (некоторые из которых были одеты в тоги) с королевой в центре. Он проектировался, чтобы обессмертить британское правление. Как и сады на северной оконечности майдана, который Керзон перепроектировал в форме «Юнион Джека», мемориал предназначался для стимуляции имперского патриотизма.

Но с этой задачей Керзон не мог справиться — во многом потому, что пытался править в одиночестве. Он не мог делегировать власть, тратил энергию на мелочи: сам вел счета при ведении домашнего хозяйства, критиковал пунктуацию и одежду подчиненных, жаловался на голубиный помет в Государственной библиотеке Калькутты и состояние львиной клетки в зоопарке. Вице-король запретил работу европейских барменш и официанток в Индии, чтобы они не подрывали престиж белых. Он организовывал все детали зала и торжественного приема в Дели в 1903 г. в честь коронации короля Эдуарда — «ширину дорожки, образец резьбы, цвет штукатурки»¹⁶⁴, вплоть до продажи индийских артефактов через агентство Томаса Кука. Этот экстравагантный торжественный праздник стал известен, как «Керзонация»¹⁶⁵ и являлся еще одной попыткой ослепить предположительно поддающиеся влиянию массы. Образованные индусы посчитали его «управлением через развлечения»¹⁶⁶.

Лично и политически Керзон одновременно являлся непреклонным и снисходительным. Его чисто выбритое лицо казалось высеченной скульптором маской патриция. Он физически держался отчужденно, холодно и замкнуто — отчасти из-за необходимости носить стальной корсет из-за болей в спине. (У него был искривлен позвоночник, и Гарольд Николсон говорил, что вице-король двигался так, словно нес собственный паланкин).

Керзон держался столь же отстраненно и в социальном плане (повторяя манеру Уэлсли). После восстания сипаев олимпийский характер британского правления лучше всего символизировался регулярными летними миграциями правительства в деревню Симла в Гималаях. Эта прохладная «Капуя в горах»¹⁶⁷, как ее называл Керзон, стала более доступной в его время благодаря строительству узкоколейной железнодорожной ветки из Калки. Она стоила свыше 1 миллиона фунтов стерлингов и была поразительным инженерным достижением, включая две мили виадуков и 107 туннелей. Путь всего за шесть часов преодолевал пытящий паровоз, который Р.А. Батлер окрестил «маленьким большим поездом»¹⁶⁸.

Однако летняя столица Индии была также далека, как и опасна — группа вилл, отдаленно напоминающих Танбридж-Уэллс, стояла на краю склона. Создавалось впечатление, что они вот-вот сорвутся. «Немыслимая даль» — таков был вердикт архитектора Эдвина Лутьенса о ветхой станции с оловянной крышей, стоявшей на горе. Он высказал предположение, что ее могли бы построить умные обезьяны, которых «следует пристрелить, если они снова попробуют сделать что-то подобное»¹⁶⁹.

Керзон ценил здоровый климат и бодрящий воздух. У него разыгрывалось воображение, когда он смотрел на покрытые снегом вершины. Вице-король считал, что англичанам следует на них взо-

браться и стать «первой расой покорителей гор в мире»¹⁷⁰. Но он согласился бы с Литтлтоном в том, что Симла — это «просто бивуак»¹⁷¹.

Керзон смотрел сверху вниз на общество того, что всегда было «очень веселым и светским местом, полным скандалистов и сплетников, от которых происходит много зла»¹⁷². Он с презрением относился к пасторальным вольностям маленьких оловянных божков (и богинь), которые будто бы поселились в Аркадии. На века все это запечатлел Киплинг — стрельба из лука и заточка топоров, крокет и теннис, катание на коньках и рисование, стипль-чез и показ спортивных игр, любительская драматургия и маскарады, игра в шарады и фанты, пикники, которые становились экзотическими из-за запаха гималайского кедра и рододендрона, а также вкуса земляники и свежего лимонного шербета.

Керзон с презрением отнесся к мебели из «Мейплз» в мрачном новом особняке вице-короля на Обсерватотри-хилл. [«Мейплз» — большой мебельный магазин в Лондоне. — *Прим. перев.*] Правда, король Георг V, царь Николай II и Жорж Клеменсо числились среди мировой знати, которая не побрезговала обставить свои дворцы мебелью с Тоттенхем-Корт-роуд. Здание, в котором каждое крыльцо служило пародией на те, что строились в феодальных замках, с псевдо-феодальными башенками, на самом деле оказалось поразительно уродливым. По мнению будущей супруги вице-короля, оно подходило только для того, чтобы служить лечебным заведением для алкоголиков или сумасшедшим домом.

Керзон сравнивал банкеты в резиденции с обедом в комнате экономки в присутствии дворецкого и горничной. Он предпочитал удаляться в роскошный палаточный лагерь, разбитый среди чудесного горного пейзажа, оказавшийся самым высоким из всех имперских бельведеров. Оттуда он поддерживал связь с администрацией при помощи гелиографа в течение дня и при помощи фонарика — ночью.

Отношение Керзона «сверху вниз» оскорбляло европейцев в Индии, которые были привычны к такому строгому протоколу, что он поражал даже принца Уэльского Эдуарда (будущего Эдуарда VIII) и приводил в ярость индусов. Вице-король утверждал, что ни один местный житель не подходит для того, чтобы занять место в его Исполнительном совете.

«Главный жрец Азии» высказывал предположение, что истина — это западная концепция. Реакционер голубой крови предпочитал в Индии себе подобных. Казалось, он душил образованную буржуазию, увеличивая правительственный контроль за университетами. Керзон беспокоился из-за наступления России, сравнивая ее с ледником. (Но она сама вскоре потерпит поражение от Японии, и от этой победы все восточные сердца начнут биться быстрее).

Вице-король вовлек Индию в еще одну ненужную войну. На этот раз целью стал Тибет, предположительно подпадающий под влияние России. Керзон отправил военную миссию полковника Франсиса Янгхасбенда в Лхасу по ничтожному поводу — из-за атаки тибетских войск на непальских яках на границу¹⁷³.

Хуже всего то, что в 1905 г. Керзон отделил провинцию Бенгалия, не посоветовавшись с ее населением, составлявшим восемьдесят миллионов человек. Создание мусульманского востока и контролируемого индусами запада было удобным с административной точки зрения, но политически провоцирующим. Это являлось вопиющим примером политики «разделяй и властвуй», еще более неприятным из-за такой успешности. В 1906 г. Керзон помог создать Мусульманскую лигу, участники которой заявляли, что представляют «страну в стране». Это заявление было частично признано предоставлением отдельных избирательных округов.

Через пятьдесят лет после восстания сипаев Лига разделила Национальный Конгресс между умеренным большинством Горкхале и злобными диссидентами Тилака.

Они организовали огромные демонстрации, а также попытались провести общенациональный бойкот всего британского. Однако пришлось отказаться от изначального плана покрыть городскую ратушу Калькутты черной тканью в виде траура из-за разделения. Выяснилось, что единственная ткань, которой можно воспользоваться, изготовлена в Англии.

Более того, увеличилось количество террористических актов. Тилак призывал Кали, заляпанную пятнами крови богиню смерти и разрушения, обладательницу острых клыков.

В отличие от него, Гокхале выступал за мирные формы протеста. Он убеждал индусов покупать свадеши (произведенные дома товары), чем рекламировал сварадж (самоуправление), которое теперь стало официальной политикой Конгресса.

В следующие несколько лет экспорт британского хлопка в Индию снизился на четверть, а пошитая дома одежда стала символом национализма. Керзон, поливаемый грязью (о нем говорилось как о вводящем в заблуждение, жестоком, страшном человеке), был поражен взрывами и шумом. Вскоре после этого он пришел в ужас от того, что его сбросили с трона в результате беспринципной интриги нового главнокомандующего лорда Китченера. О последнем он говорил, как о «сплаве массы всепоглощающей энергии и пылающих амбиций»¹⁷⁴.

Отплывая на пароходе из Индии, Керзон держал на мачте флаг вице-короля, пока не достиг Суэца. Но ему пришлось до конца выпить чашу разочарования. Ни один вице-король никогда не смотрел на свою миссию в таком возвышенном свете. «Священ-

ность Индии преследует меня, как страсть, — повторял он. — Для меня послание выбито в граните, на скале рока: наша работа правильная, и она продолжится»¹⁷⁵.

Но ни один другой вице-король не пробудил такой дух национального восстания. С поразительной скоростью он превратил все дело Керзона в пыль.

Ответ либерального правительства на кризис на Индостане оказался консервативным. Это удивительно, поскольку Джон Морли, который стал министром по делам Индии в декабре 1905 г., являлся старомодным радикалом. Он был свободомыслящим учеником Милла и биографом Гладстона, которого почитал как героя. Говорили, что если он писал одну заглавную букву G, то имел в виду Гладстона, зато слово «бог» писал с маленькой буквы.

«Честный Джон» оказался и наследником Кобдена, разделяя его убеждения по поводу конечной бессмысленности британского правления в Индии и добавлял к тому мнение своих современников о том, что «старая Англия исчерпала себя во всех смыслах»¹⁷⁶. Более того, он был гуру Гокхале и других прогрессивных участников Конгресса.

Но, придя к власти, Морли напоминал им «Ариэля в рабской зависимости от Сикораксы»¹⁷⁷. [Имеется в виду «Буря» Шекспира: колдунья Сикоракса заключила Ариэля в расколотое дерево, откуда его освободил Просперо. — *Прим. перев.*] Он уступил бюрократическому аппарату, а еще большие препятствия возникли из-за необходимости работать с преемником Керзона лордом Минто. Новый вице-король Индии был страстным наездником и охотником, его прозвали «мистер Катающийся». Говорили, что его указы не простираются дальше конюшен. Но Минто сопротивлялся позитивным акциям, считая, что «многие скачки были выиграны, давая коню отдохнуть перед галопом»¹⁷⁸.

Сам Морли остановился перед первым барьером, отказываясь отменить разделение Бенгалии. Он игнорировал Конгресс, когда тот провозгласил, что день освобождения Индии, предсказанный Маколеем, приближается. А если Англия его предоставит, то «ее название продолжит сиять с не тускнеющей славой, даже в тот момент, когда новозеландец будет сидеть на разрушенных арках Вестминстерского моста»¹⁷⁹.

Морли был нерешительным автократом. Он частично согласился с эдвардианской максимой о том, что «демократия не может удержать империю»¹⁸⁰.

Морли пребывал в крайнем возбуждении и смятении, и был несчастлив, разрываясь между собственными либеральными инстинктами и суровыми потребностями британской администрации в Индии. Он беспокоился из-за «прилива недовольства»¹⁸¹,

поднимавшегося в США против британского деспотизма, однако одобрительно сравнивал себя с Кромвелем.

Все говорили, что Морли — идеальный джентльмен (кроме лорда Розбери, который считал его «идеальной леди»)¹⁸², но он колебался между высокими принципами и острой практикой. Поэтому либеральная политика по отношению к Индии перед Первой Мировой войной лучше всего суммируется в тройственной формуле: репрессии, концессии, обработка.

Во-первых, полиция и войска подавляли насилие и разбирались с гражданскими беспорядками по всему субконтиненту. В июле 1908 г. Тилак был арестован, ему предъявили обвинение в подстрекательстве к мятежу, поскольку он перевозносил и расхваливал бомбу, как «вид колдовства, заговор (мантру), амулет»¹⁸³.

Его судил суд присяжных, среди которых не было ни одного индуса, приговорив к шести годам заключения в тюрьме в Мандалее. Это привело к большому количеству бунтов и забастовок.

Пресса контролировалась, хотя Морли говорил об этом средстве, как о «таблетке против землетрясения»¹⁸⁴. Кроме того, один был введен в состав Исполнительного совета при вице-короле (где его оскорбил Китченер).

Во-вторых, представители индусов появились в Законодательных советах — особенно, в провинциях. Это скорее стало мерой примирения, чем серьезным шагом к репрезентативному правительству. Однако многие в Конгрессе интерпретировали его именно так.

Определенно это было движением вперед по сравнению со всем, что представлял Керзон. имелось какое-то оправдание для того, чтобы считать: «Морли на самом деле сделал шаг вперед»¹⁸⁵. Говорилось даже, что он перешел Рубикон¹⁸⁶.

Однако сам Морли сообщил Гокхале, что независимая Индия была просто мечтой¹⁸⁷. Лорд Крюэ, который возглавил Министерство по делам Индии в 1910 г., сказал это самое преемнику Минто, лорду Хардинджу, когда заново объединял Бенгалию. Крюэ хотел «рассеять иллюзию, будто кто-то из нас работает ради самоуправления Индии в конечном счете. Это пустая мечта, если только не революционный проект»¹⁸⁸.

В-третьих, британцы устроили великолепный праздник в 1911 г. в честь коронации Георга V, единственного правившего короля-императора, который посещал Индию. Все было преднамеренно спланировано, чтобы затмить усилия Литтона и Керзона. В окрестностях Дели построили палаточный лагерь, на который ушло десять квадратных миль парусины. В нем должны были разместиться четверть миллиона человек. Это стало местом для «уникального, великолепного и роскошного праздника, — заметил

один свидетель. — Ничего подобного ему в мире раньше, вероятно, никогда не видели»¹⁸⁹.

Кульминацией стал выход короля с королевой. Перед ними шли слуги с веерами из павлиньих перьев и хвостов яков, а также с позолоченными булавами. По бокам следовали сановники в роскошных одеждах, позади — десять индийских пажей, которые несли тяжелые пурпурные шлейфы.

Процессия проследовала в павильон с золотым куполом, установленный в огромном амфитеатре. Церемония оказалась изысканной и сложной. Король с королевой заняли места на высоко стоящих серебряных тронах. Там монарх в новой короне (невольный подарок народа Индии, стоивший 60 000 фунтов стерлингов), принимал клятвы верности от блестящего созвездия князей.

По мнению британской прессы, ничто не было лучше рассчитано на получение преданности восточных людей, чем этот апофеоз имперской королевской власти. Американские газеты оказались более скептичны, различив в экстравагантности праздника попытку компенсировать усиление уязвимости британского правления. Как замечает современный ученый, «имперская пропаганда росла по мере упадка Великобритании»¹⁹⁰.

Правда, посещение королевской семьей праздника привело к многочисленным овациям и демонстрации верности. В Калькутте, как записал один свидетель, люди бросались к королевской карете, окружали ее и «делали то, чего никогда не делает индус из Бенгалии — почтительно кланялись до земли, посыпали головы пылью, а женщины издавали гортанный звук, который всегда издают только в храме»¹⁹¹.

Но критики тоже шумели. Они говорили, что праздник оскорбил бедность, а фrivольность и легкомыслие уменьшили достоинство. Сам Крюэ признавал: приоритет был отдан салюту, который, как казалось, ужасно очаровывал короля. И это придало атмосферу легкомыслия визиту¹⁹².

Во время самого празднования возникли неожиданные осложнения и неприятности. Когда Гаеквар из Бароды не выразил почтения в соответствии с установленными правилами этикета, Хардиндж укорил его за шокирующее отсутствие уважения. После этого «неверный и тщеславный осел», как писал один конюший, «сжался и пополз»¹⁹³.

Более того, хотя новости об обратном присоединении Бенгалии радовали индусов, мусульмане приходили от этого в ужас и соперничали с ними в насилии. Сам вице-король получил серьезное ранение во время бомбовой атаки, когда торжественно въезжал в Дели на слоне в 1912 г. Он продемонстрировал впечатляющее присутствие духа и хладнокровие, приказал процессии продол-

жать следование. Но шлем наместника слетел. А его жена настаивала: «Ты не можешь никуда выходить в Индии без пробкового шлема»¹⁹⁴.

Когда его заместитель, выступая в роли вице-короля, непреднамеренно надел шлем задом наперед, официальные лица говорили, что неожиданный подъем в должности вскружил ему голову. [В английском языке выражение «вскружить голову» дословно звучит, как «повернуть голову». — *Прим. перев.*]

Хардиндж чувствовал необходимость во все большей боевой готовности по мере роста давления националистов. В Великобритании их поддерживали некоторые чудаки и фракции, которые, как он говорил, не понимают: Индия представляет собой очень прибыльное поле для инвестиций. Она сделалась крупнейшим рынком экспорта Британии, ядром ее экономики, а также опорой империи.

Создавалось впечатление, что даже Министерство по делам Индии при Крюэ склонялось к компромиссу, показывая, что не состоит из одних «кроважанных и жестоких бюрократов»¹⁹⁵. К ярости вице-короля Министерство заставило его принять Гокхале как члена Королевской комиссии по общественному обслуживанию. Публично Хардиндж, казалось, сочувствовал и симпатизировал Конгрессу, но фактически рассматривал Гокхале как «самого опасного врага британского правления в этой стране»¹⁹⁶.

На самом деле этот враг все еще работал в Южной Африке. Там Ганди так поднимал вопрос о бедах Индии, что к 1914 г. они стали фокусом националистической борьбы на Индостане. Крюэ неправильно писал фамилию Ганди и говорил о нем, как о «честном, прямом, благородном человеке, но, несомненно, фанатике»¹⁹⁷.

Ганди убедил Гокхале помочь ему в Южной Африке. Даже Хардиндж протестовал против плохого отношения к индусам в этом регионе. На самом деле они были рабами империи, и их труд эксплуатировался от Малайи до Фиджи, от Восточной Африки до Вест-Индии.

Успех кампании Ганди (которая освободила его соотечественников от различных ограничений в правах, но не дала им права на голосование) помог ему закрепиться, как наследнику Гокхале. В канун Первой Мировой войны он покинул Южную Африку, чтобы отправиться на встречу со своей судьбой в Индии.

Там британцы только что начали тщетную попытку запечатлеть свою власть в камне, тике, мраморе и бронзе. В дополнение к другим объявлениям короля на празднике о том, что столица переедет из Калькутты в Дели, они начали строить новый город.

Древние стены Дели окружали остатки семи предыдущих городов, заключая в себе имперскую традицию. Как сказал Крюэ, она

сравнима с традициями Константинополя или Рима. Нью-Дели должен был затмить резиденции Акбара и Аурангзеба, он смотрел бы на реликвии индийских династий, потерянных в туманах времен.

Очарованная этой величественной панорамой прошлого, исследовательница Гертруда Белл воскликнула: «Пейзаж, сделанный из империй, поражает воображение»¹⁹⁸.

Конечно, новый город должен был символизировать вечное превосходство британского правления. Архитекторы сэр Эдвард Лютенс и сэр Герберт Бейкер проектировали его по классическим западным образцам, хотя и с индийскими, буддийскими и могольскими чертами — например, водными садами с фонтанами в виде цветов лотоса, решетчатыми створчатыми дверьми и расширенными свесами над окнами для обеспечения тени. Так что Нью-Дели должен был представлять упорядоченный контраст с путаницей старого Дели, стать каплей римской дисциплины среди восточного упадка.

Это был пример иерархии и геометрии. Судя по расположению каждого здания относительно резиденции вице-короля, которая венчала Райзина-хилл, можно было определить точный статус его обитателей. В Нью-Дели были широкие аллеи, впечатляющие фасады, триумфальные арки и бульвары для процессий. Как заметил один комментатор, такой город представлял собой подходящее место для постоянного проведения праздников.

Величественность проявлялась во всем, вплоть до мелочей. Например, резиденция вице-короля была дворцом, превзошедшим Версаль. Ее фасад был сделан из красного и кремового песчаника, добытого в карьерах, которые использовали еще при моголах. Полы и стены блестели от разноцветного мрамора, подобного тому, который украшал Тадж-Махал. «Бунгало» состояло из 285 комнат и было таким огромным, что слуги катались по коридорам подземного этажа на велосипеде. Однако Лютенс спроектировал стулья, мебель для детских комнат, изысканные каминные, кессоны потолка и дверные ручки в форме лежащих львов в имперской короне.

Не все в новом городе пошло по плану. Комитеты увиливали от прямых ответов, выискивали недостатки, придирались, расходы урезали (хотя в итоге они достигли 10 миллионов фунтов стерлингов). Лютенс жаловался, что сражается с «сумасшедшим домом»¹⁹⁹ — еще более сумасшедшим, чем в свое время Эдвард Лир²⁰⁰.

Внутренняя отделка заставила архитектора утверждать: «Инду-сов следует отправить в рабство и совсем не давать им прав человека»²⁰¹. Даже самые большие снобы вроде леди Григг, которая

не считала индусов людьми, испытали смущение, когда все улицы «назвали в честь нас» — Виктория-роуд, Фримен-террас, а также «в честь Уиллингдона и Керзона». Она считала Нью-Дели «триумфом самовлюбленности»²⁰².

Недовольные чиновники называли свои дома «печами булочника». А сэр Герберт обустроил Раджпат под таким острым углом, что те, кто приближался к резиденции вице-короля, на какое-то время частично теряли его из вида. Лютьенс сказал, что нашел свое Бейкерлоо, и эта фраза стала известной. [По аналогии с Ватерлоо. — *Прим. перев.*]

Однако Нью-Дели стал самым грандиозным памятником из когда-либо воздвигавшихся в честь Британской империи. Начиная от резиденции вице-короля, здания с огромным медным куполом, сделанным по типу пантеона Адриана, до колонны Джайпура, столпа в честь победы, вдохновленной колонной императора Траяна, это был образ власти. От проспектов, вдоль которых сидели британские львы, до не звонящих каменных колоколов, предназначенных для противостояния индийскому поверью, будто колокола предзнаменуют конец династий, этот город стал метафорой прочной силы.

Лютьенс графически изобразил свою цель в 1914 г., когда предложил сделать надпись на резиденции вице-короля: «Правь ими и подними их навсегда».

Было очень большой иронией судьбы, что вся концепция формулировалась в то время, когда империя стояла на краю Армагеддона. Более того, когда Нью-Дели рос в течение следующих двух десятилетий, имперский идеал, который он представлял, все больше отмирал, словно выполнял предсказание Керзона о том, что город стает «позолоченным фантомом»²⁰³ правления.

Администратор сэр Монтегю Батлер, помня об индийском пророчестве (тот, кто построит город в Дели, потеряет его) и понимая, что ничто не может противостоять накатывающимся волнам национализма, называл Нью-Дели «руинами»²⁰⁴. «Тигр» Клеменсо, который посетил Индию, чтобы пострелять тигров после войны, сказал, что это будут самые прекрасные руины из всех.

По ошибке Георг V заложил первый камень новой столицы на кладбище. Официальная инаугурация города два десятилетия спустя — в 1931 г., когда Ганди (к отвращению Черчилля) поднялся по ступеням дома вице-короля, чтобы на равных вести переговоры с представителем короля-императора — в меньшей мере напоминала фанфары, чем реквием. Один свидетель говорил о ней, как о «похоронах нашей Британской империи»²⁰⁵.

Глава 9

«Империя, справедливая или несправедливая» Фландрия, Ирак, полуостров Галлиполи и горная гряда Вими-Ридж

Раджпат в Нью-Дели, как Уайт-холл в Лондоне, вскоре станет местом еще более горьких напоминаний о смерти. Получилось так, что Лютьенс спроектировал и Индийские ворота, на которых значились имена семидесяти тысяч индусов, погибших во время Первой Мировой войны, и Кенотаф, «почтительный салют империи, оплакивающей миллион погибших»¹.

Два монумента поразительно отличаются друг от друга. Огромная красная арка, на которой выгравированы солнца с отходящими лучами, а наверху стоит полукруглая чаша для горящего факела во время годовщин, похожа на вскрик, вопль, восклицание. Пустая белая гробница на коническом каменном пилоне, воплощение такой возвышенной простоты, что кажется, будто ее верх указывает в бесконечность — это многоточие. Кенотаф предполагает, что Лондон в меньшей мере являлся имперским городом, чем Нью-Дели. Англо-индийская архитектура подтверждала деспотизм, а британская столица воплощала свободу.

По общему признанию, слабая муниципальная администрация и высокие цены на недвижимость сдерживали всеобъемлющее развитие Лондона. Это же можно сказать про закоренелый консерватизм. «Избавиться от скопления транспорта на Гайд-Парк-корнер? — восклицал Дизраэли, обращаясь к специальному уполномоченному по строительным работам. — Ну, мой дорогой, так вы уничтожите одну из достопримечательностей Лондона!»²

Город всегда сопротивлялся значительной реконструкции, которая трансформировала Вену при Франце Иосифе I, «хауссманнизации», уничтожившей компактные революционные предместья Парижа времен Наполеона III. Лондонский Ист-Энд остался, по словам одной местной газеты, «гнусным, зловонным, неисправным местом сброса нежелательных элементов, помойным ведром, забытым чердаком, вонючим и удушающим заброшенным подвалом, от которого мурашки бегут по коже»³.

Вест-Энд тоже не подчинялся дисциплине. Несмотря на возможности, которые давало завершение строительства набереж-

ной Темзы в 1870 г., и строительство Молла перед Первой Мировой войной, спонсируемые государством планы по созданию по-настоящему имперской столицы метрополии ни во что не вылились. Отсрочки оказались повальными.

Скульптор Томас Торникрофт начал конную статую Боадикки в середине викторианской эпохи, используя в качестве моделей лошадей из конюшен принца Альберта (они были гораздо больше, чем пони, которых впрягали в колесницу королевы-воительницы). Но живописное произведение не нашло постоянного дома рядом с Вестминстерским мостом, пока англо-бурская война не заставила разгореться «древний огонь британской доблести и патриотизма»⁴.

Разнообразие оказалось повсеместным. На самом деле, как заявил весьма авторитетный человек, Лондон королевы Виктории стал свидетелем уникального «обилия, даже анархии в распространении и разрастании стилей, материалов, строительной техники, цветов, очертаний, этических и интеллектуальных отражений времени». Это было «глубокое осмысление энергии и ценностей свободных людей»⁵.

Однако происходили частичные попытки сделать город достойным превосходства и исключительности, которые суммируются в романе Г.Уэллса «Тоно Бенге» (1909): «Самый богатый город в мире, самый большой порт, крупнейший производственный город, имперский город — центр цивилизации, сердце мира!»⁶

Чтобы заслужить такие восторженно-хвалебные отзывы, Лондону приходилось имитировать Рим (Париж обычно считался наследником Афин). Так, в 1843 г. колонна Нельсона проектировалась на основании колонны в храме Марса. В середине века новые правительственные строения Уайт-холла отражали имперскую славу, особенно — здание Министерства иностранных дел в стиле неоклассицизма. Его проект был предметом знаменитого спора между архитектором сэром Джорджем Гилбертом Скоттом, поборником готики, и лордом Палмерстоном, который отрицал и предложенный им «монастырь», и компромисс из «смешения стилей». Палмерстон отклонил и просьбы о по-настоящему «местном» стиле, утверждая: «Настоящая архитектура аборигенов этой страны — это глинобитные хижины и плетеные вигвамы»⁷.

Посему он получил «национальный дворец» в итальянском стиле⁸, полный мраморных балюстрад, майолики, бронзовых медальонов, мозаичных дорожек, люстр из позолоченной бронзы, коринфских колонн и статуй героев империи, типа Клайва, одетого в римские одежды. Здание было четырехугольным, там имелась огромная парадная лестница со статуями предыдущих министров по бокам, позолоченный купол с солнцем в центре и даже алле-

горические фрески, сделанные венецианским кармином и синим кобальтом. Они аллегорически отражали расширение и триумф Британской империи⁹. (Казалось, что на одной из них изображалось изнасилование).

Там имелись огромные помещения, например, Зал Локарно (как он был назван в 1925 г.) с цилиндрическим сводом. В иных из них эхо звучало, будто в пещерах. (Подозревали, что это акустическая месть Скотта бюрократам).

Новое здание Министерства по делам колоний тоже украсили — например, изображениями континентов, их исследователей и губернаторов колоний. Министерство по делам Индии обзавелось аллегорическими образами рек, городов и жителей субконтинента. Оно могло похвастаться огромным залом для проведения торжественных мероприятий с гранитными колоннами и лестницей Муз. Лестница вела к восьмиугольному залу под стеклянной крышей, украшенному многочисленными богинями и херувимами, представляющими римские добродетели. В помещениях находилась мебель набобов, двери из красного дерева и мраморный камин с изображением Британии, получающей богатства Азии. Все это было взято из штаба «Ост-Индийской компании» на Леденхолл-стрит вместе с персидскими миниатюрами, украденными из Красного форта.

Молл, «вымощенная» изнутри деревом после ее завершения в 1904 г., обеспечивала «публичную ось империализма». Это был огромный просцениум, где устраивались пышные зрелища для представления суверенного института империи. Каждое крыло этого театра под открытым небом следовало должным образом улучшить. У Букингемского дворца появился фасад в стиле Возрождения. Арку Адмиралтейства, «по сути римское сооружение»¹⁰, украсили фигурами, представляющими Артиллерию и Флот. Герои империи, например, капитан Кук, заняли должные места. Конечно, не обошлось и без покойной монархини.

Однако сам мемориал Виктории, на котором колонии представлены херувимами с национальными эмблемами, странно молчал об империи. Правда, водная чаша проектировалась, чтобы сообщать о морском фундаменте Британии.

Индия в идее мемориала не отражалась никак. Там имелся собственный (а скорее, Керзонов) памятник императрице в Калькутте. Известность получили статуи Храбрости, Постоянства и Материнства, а также Правосудия и Истины. «Таймс» сожалела, что они традиционно представлены в ангельской форме, поскольку, как сказал Т.Х.Хаксли, ангел являлся «морфологическим чудовищем»¹¹.

Скульптор с большим одобрением относился к королевской добродетели, чем к имперским победам. В отличие от высокопар-

ного памятника Виктору Эммануилу в тогдашнем Риме, мемориал Виктории не стал ни «национальным гимном в мраморе», ни «алтарем Отечества»¹².

На самом деле мемориал Виктории являлся выражением эклектицизма, как и сам Лондон. Столица была в меньшей степени имперским городом, поскольку стала чем-то большим, чем имперский город. Как и Вашингтон, который планировался в соответствии с канонами древнего Рима, хотя и ценил демократические структуры, Лондон — это мегаполис разнообразия.

В сравнении с Римом Цезарей, он был скудно украшен трофеями империи. Столица демонстрировала поразительно мало признаков связи с заморскими владениями Британии, которые многие до тех пор считали скорее бременем, чем активами. Однако, как отмечал Генри Джеймс в начале «Золотой чаши» (1904 г.), если кто-то хочет ощущения имперского города, которому мир платит дань, то его можно найти в современных видах Темзы, а не Тибра.

Такие сравнения стали обычным делом. Призрак имперского Рима преследовал Лондон — иногда как полный надежд дух единства, иногда в виде дурного предзнаменования распада.

Например, Фестиваль империи, который проводился в Кристалл-паласе в мае 1911 г., оказался самой изысканной попыткой из всего, что было направлено на усиление слабых связей, удерживающих вместе раскинувшуюся по всему миру британскую семью.

Праздник открывал Георг V. Это стало первым публичным мероприятием, где он появился в качестве короля. Его восторженно приветствовали. Встреча включала церемониальные приветствия воинов-маори, о которых «Илластрейтид Лондон ньюс» упомянула, как о «первобытных обитателях Новой Зеландии»¹³.

Возвели свыше трехсот зданий для представления каждой части империи. Их заполнили экспонатами и связали электрической железной дорогой, которая проходила «только по красному». [Намек на карту Британии и ее владений. — *Прим. перев.*]¹⁴

Среди строений были копии в две трети истинных размеров зданий Парламента в Оттаве, Мельбурне, Веллингтоне, Кейптауне, Сент-Джоне на Ньюфаундленде. Имелись и сельские сцены — от сахарной плантации на Ямайке до малайской деревни на сваях, от рыбных мест Ньюфаундленда до алмазных копей Южной Африки, от Голубых гор до Гималаев.

Ничто не могло быть лучше рассчитано для пропаганды и усиления эмиграции. Реклама чрезмерно и незаслуженно расхваливала то, что «Стандард оф Эмпайр» назвала «одним из самых важных шагов современности — исход из Отечества в заморские владения»¹⁵.

Более того, имелось сорок исторических живописных картин — от встречи Стэнли с Ливингстоном до прибытия римского императора в храм Дианы на красно-золотой колеснице, которую тянули четыре белых коня.

Однако вся эта пышная пропаганда скрывала истинное беспокойство об относительном упадке мировых позиций Великобритании. Тревогу вызывала и слабость имперской консолидации — оправданной, судя по всему, тем, что первые Игры Британской империи, проводимые в рамках Фестиваля, ограничились доминионами.

По словам Уинстона Черчилля, люди боялись, что империя к тому времени так расшаталась, что «один яростный удар заставит ее с грохотом развалиться и навсегда ослабит»¹⁶. Беспокойство проявлялось даже в стихах того времени:

Трусы боятся ее семимильных шагов,
Каркают: «Есть у империй предел!..»
Пусть нации, в зависти заходясь,
Клянут свой нищий удел.
Но шире, мощнее, прекрасней растет
Древо империи той,
Где справедливость отныне навек
Стала главной чертой¹⁷.

Организаторы Фестиваля прилагали особые усилия для противопоставления альтернативных имперских моделей (например, Тюдоров) римской. Они нацелились избежать «любого намека на неизбежность упадка и краха»¹⁸.

* * *

Вначале казалось, что Первая Мировая война — трагический кульминационный пункт европейского соперничества. Ее уже давно рассматривали как вероятную, но невозможную (по выражению Бергсона).

Думалось, что война снимет угрозу краха империи. Но, по общему признанию, баланс сил был в пользу противника. Германия с армией, созданной на основе закона о воинской повинности, которая в 1913 г. насчитывала 660 000 человек, в вопросах военной мощи значительно превосходила Британию. Бисмарк язвительно заметил, что если британская армия вторгнется в Рейх, то он отправит полицию ее арестовывать.

Кайзер с таким же презрением относился к Британским экспедиционным силам, состоявшим из 160 000 человек. Более того, он предполагал, что трудности Великобритании дадут возможность

диссидентам в империи поднять знамя восстания. Но, к удивлению самого британского правительства, которое объявило войну 4 августа 1914 г. от имени всех подданных короля (не советуясь с ними), националистические лидеры сразу же собрались вокруг общего флага. Революционер Тилак поклялся в незыблемой верности делу Британии, а пацифист Ганди собирал новобранцев для армии, куда Индия в итоге поставила полтора миллиона человек.

Хотя закон о самоуправлении Ирландии не вступил в силу до окончания войны, ирландский лидер Джон Редмонд обещал объединенный фронт против общего врага. Он даже предложил сформировать отдельную армию из своих соотечественников.

Китченер, новый военный министр, отверг эту идею, но 160 000 ирландских добровольцев пополнили ряды двухмиллионной армии англичан, которые потоком стекались под знамена. Бывший премьер-министр Канады сэр Уилфрид Лорье, несмотря на давнюю борьбу за автономию, поддержал правительство сэра Роберта Бордена в 1914 г. Он объявил: «Когда Британия находится в состоянии войны, то и мы находимся в состоянии войны»¹⁹.

После первоначального всплеска энтузиазма франко-канадцы помогали меньше. Однако 30 000 человек записались в армию вместе с 600 000 британскими североамериканцами.

Австралия и Новая Зеландия повторили формулу Лорье. Южная Африка, единственная среди доминионов, стала свидетельницей восстания против участия в войне. Буры сражались с бурами, а премьер-министр Бота нанес поражение восставшему генералу де Вету. И доминион дал свыше 135 000 солдат.

Новобранцы поступали со всех частей империи и из-за ее пределов: маори и жители Фиджи, обитатели Вест-Индии и Фолклендских островов, различных приграничных территорий, патапы, китайские кули, африканские аскари, голландские фермеры с мыса Доброй Надежды и шотландские пастухи из Патагонии. Далай-лама даже предложил тысячу солдат из Тибета.

Патриоты испытывали возбуждение от этого международного потока под знамена империи. Джулиан Гренфелл, «золотой мальчик потерянного поколения», говорил, что это усилило его веру в старый флаг и отечество, в тяжелые бригады, оборону из последних сил и во всю имперскую идею.

Жизненно важным стал вклад заморских территорий деньгами, боеприпасами и сырьем. Имперский меч, опущенный на весы войны, вполне мог изменить равновесие. Он, вероятно, увел от поражения в 1917 г. и наверняка помог обеспечить победу в следующем году.

Эта победа вместе с новыми территориями, которые Британия получила после нее, казалось, исполнила мечту об объединенной

империи. Джон Бьюхан, участник «детского сада» Милнера (группы молодых учеников и последователей) лирически писал на эту тему: «Война показала те великолепные вещи, к которым создатели империи стремились и о которых молились — союз, основанный не на статутах и официальности, а на вечных простых вещах и человеческом духе»²⁰.

С другой стороны, мировая война привела к необратимым переменам в политическом климате. Она ускорила крах Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. Черчилль жаловался на «дождь империй, падающий из воздуха»²¹.

И этот развал оказал глубоко разрушительное влияние на Британскую империю. Если выразиться просто, то страна-мать перенесла жуткую потерю крови и богатств. Примерно 725 000 британцев были убиты (это 9 процентов мужчин в возрасте до сорока пяти лет), 1,7 миллиона получили ранения. Молодые офицеры понесли еще большие потери, 30 000 пожертвовали жизнью. Они стали потерянными поколением строителей империи.

Война обошлась в 9 миллиардов фунтов стерлингов, что увеличило национальный долг Британии в четырнадцать раз. Из-за этого будущие траты на империю пришлось жестко ужать. Дальнейшие сокращения объяснялись потерянными рынками и прибылью конкурентов — Японии и США.

Ужасающее количество потерь повлияло на колониальную (и внутреннюю) уверенность в британском лидерстве — в частности, из-за того, что Центральные державы оказались «по крайней мере, на треть лучше в массовой бойне, чем союзники»²².

Доминионы пострадали пропорционально своему населению — практически, столь же сильно, как Британия. В результате их народы чувствовали большую гордость за свой национальный вклад в победу, а их премьер-министры приобрели большее влияние на имперскую внешнюю политику. По словам сварливого и драчливого австралийского премьер-министра Билли Хьюза, в Римской империи имелся только один Цезарь, зато в Британской империи их много!²³

Военные неудачи, например, на полуострове Галлиполи и в Месопотамии, подрывали престиж. А от него, как выразился Морис Хэнки, секретарь Комитета по обороне империи, зависела Восточная империя Британии²⁴.

Пасхальное восстание в Ирландии и большевистская революция в России вдохновили независимые движения по всей Европе. Военные цели союзников, в особенности, провозглашенные гордым и великодушным американским президентом Вудро Вильсоном, привлекали еще большее количество людей. Когда Вильсон проповедовал идеалы свободы, демократии и патриотизма, те, кто

страдал под имперским ярмом, приветствовали его, считая спасителем. Мирный договор рассматривался как ужасающее предательство. Арабы, которых Т.Э.Лоуренс подбадривал «строить священный дворец мечты их национальных чувств»²⁵, просто поменяли одну имперскую державу на другую, с добавлением унижения от наличия христианских сюзеренов и еврейского родины в Палестине. Индия испытывала горькое разочарование от того, что за свой огромный вклад не получила справедливого вознаграждения. Ведь Декларация Монтегю в 1917 г. обещала «постепенное создание правительства, способного нести ответственность»²⁶. В Африке конфликт вызвал широко распространившийся раскол. Как писал сэр Гарри Джонстон, он стал «началом восстания против главенства белого человека»²⁷.

Если вкратце, то Первая Мировая война, как и все крупные события, имела сложные и противоречивые последствия. Она скрепила «красную нить родства»²⁸ между метрополией и доминионами. Однако Канада в некотором смысле действительно родилась, как гласит житейская мудрость, среди бойни на горной гряде Вими-Ридж²⁹. Австралия и Новая Зеландия выковывали свою индивидуальность во время суровых испытаний на полуострове Галлиполи. Повсюду конфликт одновременно усиливал имперскую солидарность и стимулировал надежды на самоопределение. Кастовый дух индийских войск пережил катастрофу на Ипре. Но по мере того, как борьба продолжалась, чужеземные придатки Британии, как и придатки Рима, о которых говорил Гиббон, научились презирать ее манеры имитировать мастерство, «при помощи которого она поддерживала свое увядающее величие»³⁰.

Несмотря на отступничество Ирландии, война увеличила объем Британской империи, добавив два миллиона квадратных миль и примерно тринадцать миллионов подданных (по большей части — в Африке и на Ближнем Востоке). Конечно, новые колонии назывались подмандатными территориями. Это отражало высоконравственный тон, принятый миротворцами, и дурную славу, которая прилагалась к империалистической аннексии. Пока эти территории не будут готовы к независимости, их планировали удерживать под опекой от имени Лиги Наций, что преподносилось как священный долг. Но их окрасили красным цветом на карте. Казалось, что они составляют часть империи, которая достигла своего географического апогея между двумя мировыми войнами, став более внушительной, чем когда-либо. Однако с подъемом фашизма и приходом Великой депрессии эти территории все больше представлялись грузом, а не преимуществом для самой Британии. Многие почувствовали: империя стала пресыщенным гигантом, страдающим подагрой конечностей. Сам размер уменьшал и выкачивал ее силу.

Некоторые цитировали максиму, приписываемую Наполеону: «великие империи умирают от несварения желудка»³¹. Другие вспоминали знаменитый вывод Гиббона: «Упадок Рима был естественным и неизбежным результатом чрезмерного величия. После того, как время или случайность убрали искусственные опоры, великолепная ткань порвалась под давлением собственного веса»³².

* * *

26 сентября 1914 г. процессия судов вошла в гавань Марселя при шумном приветствии, включая сирены, салют из орудий и музыку медных духовых оркестров, которые представляли бесконечные версии «Марсельезы». Конвой доставил первые 138 000 индусов, которые прибыли для поддержки шаткого Западного фронта. Их собирали среди представителей народностей, которые британцы считали «воинственными» — пенджабцы, белуджи, африди, сикхи, джаты, догры, гуркхи, патаны, гарвалы. Прибыли и контингенты из княжеств, правители которых сделали большой вклад в дело Британии, давая наличные, драгоценные камни, лошадей, верблюдов, а также подарив плавучий госпиталь под названием «Лоялти». Хотя сэру Пертабу Сингху, регенту Джодпура, было семьдесят лет, он лично пошел на действительную военную службу, словно чтобы подтвердить мнение Хардинга о том, что «князь — «белый человек» среди индусов»³³.

Примерно через месяц после высадки на берег батальоны Лахорской дивизии отправились на передовую. Как раз тогда захватчики-немцы, отброшенные назад от реки Марны, попытались обойти по флангам союзников во Фландрии. В той низкой прибрежной долине, перерезаемой канавами, стоками и каналами, усыпанной фермами и рощами, индийцы стали свидетелями последнего этапа маневренной войны. Удар почти уничтожил Британские экспедиционные силы.

Индусы стали участниками первой битвы на Ипре, тошнотворного предвкушения позиционной войны в траншеях. Их смелость была очевидна с самого начала. Отбивая атаку противника, сипай Усман-Хан оставался на своем посту, хотя дважды был ранен из винтовки. Он лишь тогда позволил унести себя в тыл, когда осколки снаряда оторвали большие куски плоти от его ног.

Вскоре индийские подразделения участвовали в контратаке против колючей проволоки и пулеметов. К 1 декабря потери в их рядах составили 133 британских и 95 индийских офицеров и 4 735 солдат и сержантов. Несмотря на шок, многие сипаи испытывали возбуждение от участия в большом европейском «тамаша» («зрелище»)³⁴. На них произвели впечатление западные чудеса вроде

«летающих стальных птиц»³⁵, они думали, что Европа со своими знаниями, богатством и красотой живет в «первом Золотом веке».

Индийцы гордились своим воинским духом. Как писал один из них, смерть в битве «для нас, людей из касты раджпутов — это открытая дверь в Рай».

Казалось, что все патаны «действительно наслаждались войной»³⁶ на всем ее протяжении. Гуркхи тоже продемонстрировали наслаждение от участия в схватке с врагом — они точили свои мечи-кхукри в поезде на пути в Калькутту «под впечатлением, что вот-вот встретятся с врагом»³⁷. Во Франции один солдат из этой народности демонстрировал в качестве трофея «лицо немца — не голову, а просто лицо, чисто отрезанное»³⁸.

Если судить по письмам сипаев, то там был настоящий и крепкий имперский патриотизм. Один индийский офицер считал «великой честью то, что нам предоставляется возможность показать нашу верность нашему великому императору, жертвуя нашими телами»³⁹.

Однако индийские войска были совершенно не подготовлены боине, которая происходила на Западном фронте. События пробирали до костей, выворачивали наизнанку и разрушали душу. Индийцы относились фактически к приграничным полицейским силам — пехоте, которую обучали штыковой атаке в стиле, знакомом Веллингтону, кавалерии, вооруженной саблями и копьями. Две индийские дивизии (Лахорская и Меерутская) не имели современного оснащения. Они снимали колючую проволоку с заборов, окружающих фермы, делали гранаты из пустых консервных банок из-под варенья, использовали лошадей для перевозки 13-фунтовых артиллерийских орудий и импровизировали с «минометами» из дерева и рифленого железа. Индийские солдаты терпели дождь и снег в хлопчатобумажной форме цвета хаки, предназначенной для тропиков. Они привыкли к змеям, скорпионам и комарам и пришли в ужас от множества вшей, которые кусают «хуже, чем пуля из винтовки»⁴⁰.

В полных воды траншеях, где находились одновременно живые и мертвые, нарушались все табу, и индийцы постоянно ритуально загрязнялись. «Части человеческих существ»⁴¹ были везде, обеспечивая пир для миллионов огромных крыс, которые бегали по всему, даже по лицу генерала сэра Джеймса Уилкокса, командующего индийскими дивизиями, когда он спал в землянке: «Я подпрыгнул, словно по мне выстрелили, и в результате ударился головой о деревянную подпорку»⁴².

И ничто не могло сравниться с самим объемом бойни. Один стрелок из числа гарвалов писал: «Когда мы добрались до их траншей, мы использовали штыки и кхукри. Кровь лилась такими по-

токами, что мы не могли узнать лиц друг друга; вся земля была покрыта кровью. Лежали горы человеческих голов, некоторые солдаты лишились ног, другие были разрезаны на две части, некоторые остались без кистей рук, другие — без глаз»⁴³.

Немцы отвечали убийственным огнем, превращая Нев-Шапель в «печь»⁴⁴, а Ло — в ад. Индийские войска сжимались под ливнем металла, как «нищие в сезон муссонов»⁴⁵. Когда использовали отравляющий газ, некоторые поддались панике и с криками побежали прочь. «Мы приехали в ад!» — орали они⁴⁶. «Это не война, — писал один пенджабец, знакомый с пророчествами эпоса «Махабхарата». — Это конец света»⁴⁷.

Моральный дух все время слабел — началась эпидемия нанесения ран самим себе, по большей части — в левую руку. Моральный дух сипаев упал больше, чем у других, поскольку их не отправляли домой в отпуск. Раненых перевозили в Брайтон-Павильон, который превратили в госпиталь для индусов, несмотря на их беспокойство о «возможной встрече» с британскими женщинами⁴⁸. Здесь, по разным отчетам, за ними или ухаживали, как за цветами, или относились, как к осужденным.

По мере удлинения списков жертв, множилось количество дезертиров. Хотя старшие офицеры в подчинении генерала Уилкокса были некомпетентны даже по обычным стандартам штабных офицеров, смерть такого количества младших британских офицеров подорвала волю индусов к сопротивлению. Более того, индийские офицеры не имели престижа для обеспечения эффективного командования. Это положение дел было вызвано расовыми предубеждениями, но винили в нем расовую неполноценность. «Индус просто не готов и не способен вести своих людей против европейцев, — писал Уилкокс. — Он может возглавить атаку или прикрыть отступление, но если ему требуется думать, он терпит крах»⁴⁹.

Однако сипаи много думали о том, что их используют в качестве пушечного мяса для защиты империи, которая покорила их собственный народ. И такие мысли способствовали недовольству, нарушениям дисциплины и даже отказом подчиняться и мятежами людей, чьи горизонты расширились благодаря европейскому опыту. Один сипай сказал британскому офицеру: «Если бы немцы объединились с нами, афридами, то мы могли бы разбить весь мир»⁵⁰. Другие отправляли домой бунтарские и подстрекательские письма. Иногда они были написаны шифром, чтобы обойти цензора — например, пули называли «дождем», а индийские войска «черным перцем». Иногда в этих посланиях содержались похабные оскорбления: англичан называли «сала». [«Сала» означает «зять» (муж сестры), но имеется в виду «тот, кто спит с сестрой». — *Прим. авт.*]

Ганди надеялся, что свобода Индии возникнет на полях брани во Франции, которые он помог заполнить «неукротимой армией сторонников автономии»⁵¹. Но это был процесс зарождения и прорастания, а не революции. Кровь сипаев стала зерном независимости. Ничто, кроме пожертвования империей властью на Индостане, не могло компенсировать гибель множества людей на Западном фронте. Британцы будут давать так мало и так медленно, как только получится. Но они рассматривали уступки в качестве цены за сотрудничество, если не за верность и преданность. Когда Лахорскую и Меерутскую дивизии оттянули из Фландрии в 1915 г., солдат не отправили домой, «опасаясь беспорядков»⁵².

Индийские войска требовались и в других местах, и они служили на многих театрах военных действий — полуострове Галлиполи, в Салониках, в различных частях Африки и Ближнего Востока. Их основным местом действия стала Месопотамия. Здесь почти 700 000 сипаев сражались с турками, хотя османский халиф, которого мусульмане считали тенью Аллаха на земле, объявил джихад против врагов-неверных. Но дезертирство, вдохновленное исламской верой, оказалось менее фатальным, чем поражения, вызванные британским неумением.

Для обеспечения поставок нефти из Месопотамии было достаточно удерживать регион вокруг Басры — грязного речного порта, про который один английский офицер сказал: «Этот город находится в шестидесяти милях вверх по мировому заднему проходу»⁵³. В дельте Тигра и Евфрата была такая влажность, что «казалось, будто сам воздух потеет»⁵⁴. Но в сравнении с раскаленной, словно печь, северной пустыней, это зеленое место рядом с Персидским заливом, с виноградниками, гранатовыми и фиговыми деревьями вполне могло считаться (что и заявлялось согласно религиозной традиции) райским садом. Особенно привлекательными оказались миллионы финиковых пальм с бороздками в форме ромбов на стволах, золотыми гроздьями фруктов и зелеными ветвями с листьями, шелестящими на легком ветру.

Однако минареты Багдада послужили искушением, которому нельзя противостоять. И генерал Чарльз Таунсенд, шутник, играющий на банджо (он слыл полной противоположностью Гордона или Баден-Пауэлла) приказал наступать в дикую местность. Генерал хвастался, что ни одна гончая не могла бы преследовать турков более упорно. Однако его подразделения были слабыми и плохо оснащенными. Медицинская служба не выдерживала никакой критики, а большая часть амуниции оказалась помеченной клеймом: «Сделано в США. Только для учений»⁵⁵. После пирровой победы у Ктесифона Тауншенд вынужден был отступить к грязному маленькому городку Эль-Кут, состоящему из глинобитных хижин.

Город огибала река Тигр. Там Таусенд позволил себя окружить. Попытки его освободить при поддержке переоснащенных Лахорской и Меерутской дивизий были отбиты с большими потерями.

Поэтому 29 апреля 1916 г. Таунсенд, измотанный жарой, вонью, болезнями, наводнениями и голодом, не говоря уже про множество вшей, от которых земля становилась черной, и туч мух, которые кусали, словно бульдоги, капитулировал. Его гарнизон выдержал самую долгую осаду в британской истории (147 дней) и потерпел большее поражение, чем Корнуоллис при Йорктауне.

Но впереди ждало худшее. Турки забрали у пленных большую часть имущества, включая бутылки с водой и сапоги. Затем они погнали солдат (отделенных от офицеров) на север, через пустыню, подталкивая штыками и дубинками. Отстающих насиловали или убивали. Многие другие умерли от голода, жажды и болезней до того, как добрались до Багдада. Там оставшихся заставили маршировать, словно легион оборванцев и пугал. Пленных высмеивало местное население. Но их пожалел американский консул, который пришел им на помощь ценой своей жизни. Когда несчастные, шатаясь, двигались к Анатолии, их подвергли тому, что один рядовой назвал «расширенной бойней»⁵⁶.

Пленных отрядили на работу на железной дороге, разбив на группы, скованные общей цепью. Они подвергались дальнейшим жестокостям. До конца войны дожили всего 837 человек из 2 592 британцев, которых взяли в плен в Эль-Куте, из 10 486 индусов выжили 7 423 человека. К сипаям, в особенности мусульманам, относились менее жестоко. Они лучше переносили плен, чем британцы, чья уверенность в себе сильно пострадала. Пострадал и их престиж — отражение силы, которая была, если процитировать мантру, неустанно повторяемую индийскими брахманами, скальным основанием правления.

Националисты воспользовались моментом, чтобы потребовать, в ответ на щедрые пожертвования Индии, «бесценного благословения» свободы⁵⁷. Они использовали растущее недовольство людей. Два года войны подняли стоимость продуктов питания почти на треть, а фураж экспортировался на Ближний Восток, пока Декан голодал. Как сказал один индийский лидер, война перевела часы на пятьдесят лет вперед⁵⁸. Она уменьшила терпение и ускорила ожидания.

Время стало очень подходящим для распространения доктрины независимости, особенно после взятия правительством на себя чрезвычайных полномочий для ведения войны. Одним из наиболее сильных проповедников стала Анни Бесант, которая теперь заканчивала свое странное паломничество. Путь привел ее от англиканства через атеизм, социализм и нео-мальтузианство (то есть

борьбу с рождаемостью) к индийскому национализму. Она соединила его с преданностью теософии и движению бойскаутов.

Анна Бесант носила зеленый тюрбан, пурпурный шарф и сари цвета хаки с изумрудными краями, а в дальнейшем дала клятву верности перед Баден-Пауэллом. В 1916 г. она сформировала Лигу борцов за автономию и объявила себя «индийским гонгом, будящим всех спящих, чтобы они могли потрудиться за свою родину»⁵⁹. Тилак, который снова встал у руля Конгресса после смерти Гокхале, а также Мохаммед Али Джинна, суровый юрист, который недавно стал президентом Мусульманской лиги, не нуждались в таких призывах. В Лакхнау они заключили пакт, чтобы бороться за самоуправление конституционными средствами.

Мусульманская позиция сохранялась в отдельных выборных округах, и Джинна объявил, что «земля обетованная находится в поле зрения»⁶⁰.

На следующий год Британия казалась готовой отпустить его людей. Но затем в России началась революция, потерпевшая в ноябре поражение, а в Индии звучали заявления Безантина о «пробуждении Азии»⁶¹. Поэтому индийских лидеров пригласили посетить Имперскую военную конференцию.

Индийским солдатам стали присваивать офицерские должности в Королевских войсках, только армия проявляла осторожность и следила, чтобы офицеры с коричневой кожей не командовали белыми. И новый министр по делам Индии, Эдвин Монтегю, выступил с исключительно важным заявлением о том, что на Индостане будут постепенно развиваться институты самоуправления. Он и наместник короля лорд Челмсфорд (сын командующего в битве у Исандлваны) выполнили обязательство в 1918 г., предложив систему, известную как двоевластие. В широком смысле это означало передачу контроля над вопросами здравоохранения, образования, сельского хозяйства и общественными работами индийским провинциальным властям, одновременно оставив немногим более представительное центральное правительство ответственным за международную политику, вопросы безопасности и налогообложения.

Но программа вызвала раздражение у консервативных британцев. Они проклинали эту «паутину, появившуюся из мозга доктринера-педанта»⁶². Индусы ругали ее, как неудовлетворительную промежуточную меру. Но она принесла им достаточно автономии, чтобы прозвучал «похоронный звон по британскому правлению»⁶³. Джинна, «до зубов вооруженный диалектикой, сделал фарш из программы, а Монтегю частным образом признавал возмутительным, что такой умный «человек не имеет возможности управлять делами своей страны».

Продолжалась яростная агитация, а заодно и расовая антипатия. Корреспонденту «Таймс» не понравился Бомбей, поскольку там «полно индусов»⁶⁴. Монтегю оказался в щекотливой ситуации, но согласился помочь Челмсфорду подавить восстание. Поэтому в 1919 г. был принят Закон Роулатта, в соответствии с которым обвиняемые в подстрекательстве к бунту или мятежу могли быть арестованы без ордера на арест. Судили их без присяжных.

Это вызвало бурю негодования. Джинна осудил закон, назвав его указом «Звездной палаты» (высшего Королевского суда, ликвидированного во время буржуазной революции), который нарушал «принципы, ради которых Британия участвовала в войне»⁶⁵.

Джинна подал в отставку из Законодательного совета. Ганди организовал кампанию пассивного сопротивления несправедливым законам, начав с хартала — всеобщей забастовки. Подобная стратегия была подсказана ему во сне. Гражданское неповиновение оказалось гораздо более эффективной формой сопротивления, чем что-либо из того, что представлял Джинна. Благодаря своей кампании Махатма («великая душа»), как его теперь называли, стал известен всей стране и получил уникальное место в руководстве Конгресса. Челмсфорд написал Монтегю: «Боже мой, как, черт побери, мешают эти праведные фанатики!»⁶⁶

Восстание против Закона Роулатта было в особенности яростным в Пенджабе, занятой войсками провинции Индии, которая теперь извивалось в железной хватке негибачего и крайне консервативного губернатора провинции сэра Майкла О'Двайера. Он санкционировал арест двух лидеров оппозиции в Амритсаре (название города означает «Нектар Бессмертия»), священном месте для сикхов. Это вызвало мятеж, который привел к убийствам, грабежам и поджогам. Белые стали бояться еще одного восстания сипаев и дали индусам «кое-какие оправдания для их веры в то, что с британским правлением покончено»⁶⁷.

После такой «демонстрации «силы души» Ганди»⁶⁸, как саркастически выразился О'Двайер, британцы считали необходимым принять суровые меры. Один полковник выступал за использование самолетов для бомбардировки толп. Эту тактику использовали кое-где в Пенджабе. В Амритсар для восстановления порядка отправили «фыркающего огнем генерала»⁶⁹, как называли Реджинальда («Рекса») Дизра.

Это был ревнитель строгой дисциплины, солдафон старой школы, с коротко подстриженными седыми волосами, красным лицом и голубыми глазами (в дальнейшем «Дейли мейл» назвала их добрыми)⁷⁰. Его вспыльчивость усиливалась постоянной болью от ран, полученных на охоте. Генерал пытался снимать боль аспири-

ном, бренди и сигаретами, а иногда обматывал голову мокрыми полотенцами.

Диэр устроил демонстрацию силы в Амритсаре. В сопровождении солдат и бронемашин он ездил по улицам, по обеим сторонам творились разрушения, а вокруг кипело негодование. Генерал запретил дальнейшие собрания под угрозой немедленного разгона, а в случае необходимости обещал введение военного положения.

Прокламацию повторили на следующий день, 13 апреля 1919 г. Но это было воскресенье, на которое выпал религиозный праздник. Когда солнце осветило Амритсар, пробившись сквозь свинцовые тучи, многие пришли помолиться в Золотой храм и искупаться в священном озере. Другие отправились на ярмарку лошадей и скота, и ко второй половине дня примерно 15 000 человек собрались на ограниченном стенами пространстве рядом с храмом, известном, как Джалианвала-Баг. Хотя он называется садом, на самом деле это двор площадью в пять акров выжженной земли. По нему бегали бездомные собаки и грязные буйволы. Там росло несколько деревьев, имелся колодец, святилище и сцена, с которой политический лидер обращался к толпе, большая часть которой дремала, болтала, играла в карты и кости.

К закату Диэр зашел в один из узких входов в Баг с отрядом из девяноста гуркхов и белуджей, вооруженных винтовками. Он выстроил роту на небольшом возвышении и отдал приказ стрелять без предупреждения. Солдаты стреляли как хотели, постоянно опустошая магазины и перезаряжая оружие.

Джалианвала-Баг превратился в ад крошечный, залитый кровью. Толпа носилась взад и вперед, как животные, на которых охотятся. Люди кричали, падали, умирали. Генерал направлял стрельбу туда, где толпа была гуще всего — в узкие переулки, которые являлись единственными путями отхода. Вскоре они уже были забиты трупами.

Через десять минут, во время которых было сделано 1 650 выстрелов, боеприпасы стали заканчиваться, Диэр приказал прекратить стрельбу и ушел. Он ничего не сделал для 1 500 раненых. Судя по официальным данным, генерал оставил после себя 379 убитых, многие из которых были детьми. «Это был акт милосердия, хотя и жуткий, и они должны быть мне благодарны за то, что я это сделал», — сказал он в дальнейшем. Диэр заявлял, что эта бойня спасла Пенджаб от еще худшей судьбы, и добавлял: «Я полагал, что выполняю очень хорошее дело»⁷¹.

Диэр не был удовлетворен выполнением хороших дел в таких масштабах и решил наказать тех, кто виноват в беспорядках изначально. Он применял различные меры: комендантский час, отключение света, экспроприацию, пытки, произвольные аресты и су-

дебные процессы, которые проводились в камере, где обвиняемым коллективно выносился приговор на основании ложных улик.

Вскоре правительство проявило снисходительность, объявило амнистию или смягчило наказание большинству признанных виновными. Но это произошло уже после того, как восемнадцать человек публично повесили, а сотни высекли.

Диэр использовал ряд ритуальных унижений в отношении жителей Амритсара. Он приказал им встречать низкими поклонами белых офицеров, заставлял юристов выполнять работу кули и, что стало самым печально известным, потребовал от прохожих ползти на животе по засыпанному потрохами и отходами переулку, на котором избили одну европейскую женщину и оставили умирать.

О'Двайер это прекратил, но во всем остальном поддержал Диэра. Он пытался скрыть новости о бойне и ее последствиях. Челмсфорд слабо попустительствовал происходящему в интересах усиления власти. Его пугало и мнение белых в Индии. Оно оказалось таким безумным и ярым, что судья из Лахора Малькольм Дарлинг чувствовал смущение и скованность, собираясь писать сестре на французском языке о преступлении Диэра против человечества⁷². Когда Дарлинг осудил бойню в клубе, то другие участники сказали, что его следует отдать под трибунал.

На самом деле, некоторые соглашались с тем, что Амритсар фатально подточил этническую опору британского правления, подорвал великолепную самоуверенность англичан в Индии, которые привыкли вести себя, как отмечал Э.М.Форстер, словно бы являлись частью оккупационной армии.

Малькольм Дарлинг, друг Форстера, который считал, что предоставление независимости тремстам миллионам неграмотных станет безрассудной ошибкой, все же сказал романисту вскоре после бойни: «Самоуправление висит в воздухе, и теперь остался один путь — дать им его»⁷³.

Монтегю тщетно пытался восстановить высокие нравственные устои и назначил официальное расследование, которое должным образом осудило Диэра. В 1920 г. Палата общин подтвердила это заключение. Черчилль, который в то время был военным министром, заявил: Диэр более не будет занимать воинских должностей. Он же произнес памятную фразу: «Наведение страха — такое лекарство неизвестно британской фармакопее»⁷⁴.

Монтегю считал, что британская администрация может поддаться лишь доброй волей. Цитируя Гиббона, радикальный депутат Парламента Джосайя Веджвуд сказал: Британская империя не должна быть жесткой копией Римской: «Вместо этого ей следует приглашать все ее народы стать гражданами на равных условиях с нами».

Такие мягкие мнения не успокоили разгневанных индусов и вызвали жесткую парламентскую оппозицию. Особенно озлобленными и опасными были критики, которые ассоциировали примирение в Индии с уступками в Ирландии. Но дебаты окрасились и расовыми предрассудками. В самой Палате общин «тори» устроили поразительную демонстрацию антисемитизма, высмеивая и освистывая Монтегю, речь которого (по их мнению) была «еврейской по тону, крикам и жестам»⁷⁵. «Таймс» позже заявила, что он, будучи евреем, пропитан «ментальными идиомами Востока»⁷⁶. «Морнинг пост» считала, что не Диэр, а Монтегю должен находиться на скамье подсудимых. Она же выпустила серией брошюр «Протоколы сионских мудрецов» — печально известную подделку, в которой описывается еврейский заговор с целью власти над миром.

Более того, Палата общин защищала и оправдала Диэра. Когда индийский лорд Сингх выступил против него, один из членов Палаты лордов, редко присутствующий на ее заседаниях, вполне разборчиво пробормотал: «Если они все такие же, как он, то чем больше их убьют, тем лучше»⁷⁷.

Свыше 26 000 фунтов стерлингов было собрано для Диэра в виде пожертвований общественности. Ему подарили украшенный драгоценными камнями меч с выгравированной надписью «Спаситель Пенджаба». Когда он умер в 1927 г., у Кенотафа возлагали цветы.

Если Диэр спас Пенджаб, который успокоился под железным кулаком, то он существенно ослабил власть Британии на Индостане в целом. Индусы рассматривали его, как часть британского правления. Молодой Джавахарлал Неру пришел к этой точке зрения к концу 1919 г., когда случайно оказался в ночном поезде из Лахора вместе с генералом и несколькими членами его штаба. Неру шокировала пижама Диэра с ярко-красными полосами, в которой тот ходил по вокзалу в Дели. Но еще больше шокировало хвастовство, которое Неру случайно услышал. Диэр заявлял: «Джалианвала-Баг преподаст чертовым коричневым урок!»⁷⁸

Соотечественники Диэра, судя по сочувствию к нему, явно разделяли это мнение. Неру сделал вывод, что Амритсар не был отдельным случаем, как считал Черчилль. Бойня — типичный пример жестокой и безнравственной природы империализма, которая «въелась в душу британских высших классов»⁷⁹.

Рабиндранат Тагор, поэт и лауреат Нобелевской премии, использовал подобный язык, заявляя: английские души были отравлены властью, которой они пользовались в Индии, а Амритсар «убедительно доказал, что наше истинное спасение — в наших собственных руках»⁸⁰.

Отец Джавахарлала, Мотилал Неру, согласился с этим. На собрании Конгресса, который осудил «дьявольские деяния» Диэра, он холодно заметил: «Репрессии и террор никогда еще не убивали жизнь нации»⁸¹. Но его кровь кипела, когда Мотилал слышал, как британские политики ответили на официальный отчет о бойне. Ему хотелось «устроить скандал и поддать жару этим негодьям»⁸².

Ганди, который всегда стремился избежать насилия, отреагировал более осторожно. Он не стал сразу же превращать Конгресс в массовую партию и не мог поддержать ни народный протест, ни индуистско-мусульманское единство.

Но и Ганди воспользовался волной гнева из-за Амритсара, который «разбил традицию верности» британскому правлению⁸³ — такой степени, что генерал лорд Ролинсон, назначенный в 1920 г., считал, что станет последним главнокомандующим в Индии.

Ганди объявил, что необходимо менять систему, которая породила Диэра. Он выступал за свадеши (за все отечественное) столь же настойчиво, как за сварадж, говоря: прялка («чаркха», которую он предлагал поместить на флаг Индии) — это способ спасения. Он даже убедил семью Неру сжечь западную одежду. Джавахарлал удовлетворился отказом от шелкового белья, но его беспокоило то, как он будет ходить в носках свадеши.

Махатма потерял веру в добрую волю Британии, отказался от своих медалей и объявил, что грешно сотрудничать с сатанинским правительством. Он сам отбросил страх и вдохновлял на акты неподчинения людей всех каст и разных уровней жизни. Гокхале говорил: «Ганди способен сделать героев из глины»⁸⁴. Среди прочего он организовал бойкоты визита принца Уэльского в 1921 г., которые оказались весьма эффективными, несмотря на взятки правительства в виде бесплатной еды и катания на слонах. Хотя чиновники и солдаты предупреждали будущего герцога Виндзора, что Индия «больше не является местом для белого человека»⁸⁵, он считал, что только сумасшедший может поверить, будто «самый яркий драгоценный камень» в британской короне будет потерян в течение его жизни⁸⁶. Ганди, очевидно, был святым безумцем. Он заявлял, что Плесси заложил основы Британской империи, а Амритсар их сотряс.

* * *

Полуостров Галлиполи тоже их сотряс, судя по легенде, рожденной под созвездием Южного Креста. Согласно этой легенде, когда Австралийско-новозеландский армейский корпус (АНЗАК) участвовал в атаке, целью которой было выбить Турцию из войны в 1915 г., конвульсии, которые принесли разорение и разрушили полуостров, покачнули и заставили затрястись империю. Антиподы

восстали против британского правления, которое принесло столько вреда их товарищам. Как говорили, независимость выпрыгнула полностью вооруженной из касок солдат АНЗАК.

Это была искушающая идея. Особенно она нравилась радикально настроенным австралийцам, которые давно выражали антагонизм к «британскому вампиру» и «союзным шакалам»⁸⁷. [«Союзные шакалы» звучат очень схоже с «Юнион Джек» — флаг Британии. — *Прим. перев.*]

С конца Викторианской эпохи сиднейский «Бюллетень», который и придумал эти фразы, являлся главным средством выражения враждебности. Он лелеял и подпитывал яростные антибританские настроения в хижине овцевода и палатке золотоискателя, рядом с устьем реки и под деревом. Его розовую обложку видели даже в Новой Зеландии.

«Бюллетень» распространил новый унизительный термин «Помми» («Pommy»), который представлял собой игру слов «pomograpate» и «immigrant» («гранат» и «иммигрант»). [Само слово означает англичанина-иммигранта, недавно поселившегося в Австралии. — *Прим. перев.*]

«Бюллетень» выражал презрение высокомерию и надменности Джона Булля, его покровительственным манерам, его любви к оборкам и золотым кружевам, его «воинскому духу», который оказался странным и подозрительным⁸⁸. В новом Австралийском Содружестве, где местные бренды вроде чая «Билли», бренди «Бумеранг» и эвкалиптового масла «Динго» оказались очень популярны, «Бюллетень» яростно нападал на «австралийский подхалимаж»⁸⁹, возмущаясь теми, кто пресмыкается. Он стимулировал растущее, но все равно часто скрытое отторжение от «ослабевшей, изнеженной, пришедшей в упадок, обедневшей и охваченной кастовой системой Англии»⁹⁰.

«Бюллетень» прославлял белую Австралию, проклиная Британскую империю — «империю ниггеров, которой управляют евреи»⁹¹. Он продвигал и другие популистские идеи, среди них — демократию и равенство, республиканство и социализм. Этот журнал поднимал кочевника из малонаселенной местности, веселого свагмена (человека, чье добро помещается в скатке) и даже непокорного и дерзкого лесного жителя в шляпе из съедобных видов пальмы, до статуса героя фольклора. В честь их всех, прославив их на века, написали гимн Эндрю «Банджо» Паттерсон и Генри Лоусон:

Сквозь столетья бок о бок пройдут
Римлянин и протестант.
Никого никогда господином не счесть —
Это гордых талант⁹².

Идеал дружбы и товарищества возник во время работы групп каторжан, скованных одной цепью. В конце концов, он вылился в дух национальной солидарности, который достиг своего апофеоза на полуострове Галлиполи.

Это, по крайней мере, центральный догмат легенды об АНЗАК. Ее в то время распространяла пропаганда, а в дальнейшем поддержал официальный военный историк Австралии Чарльз Бин, главный автор гиперболы Галлиполи. Это был худой невысокий мужчина, в очках, с голубыми глазами и ярко-рыжими волосами, благодаря которым он получил кличку «Капитан Морковка».

Бин был свидетелем кампании на полуострове Галлиполи, находясь на передовой, и очень восхищался «диггерами», которые там сражались. Он разделял лирическое мнение Джона Мейсфилда о том, что эти бронзовые гиганты, которые «выглядели, словно короли из старинных поэм»⁹³, представляли собой самую прекрасную группу молодых людей в мире. Они умерли так, как жили, не имея на земле никакого господина, никому ничего не должны.

Бин приписывал энергию и жизненную силу англо-саксонским предкам и всеобъемлющему влиянию фронта, которое проникло в души городских людей, составлявших основную часть австралийского имперского подразделения. Он объяснял их рыцарство, как продукт дикой местности, где «мужчина всегда и любой ценой должен поддерживать товарища». В результате они и проявляли непревзойденный героизм⁹⁴.

Бин сделал вывод, что благодаря смелости и самопожертвованию простых австралийцев «страна узнала себя»⁹⁵. Многие новозеландцы верили, что по тем же признакам их собственная страна обнаружила свою уникальную историю.

С самого начала снайперы-журналисты пробивали дыры в этой легенде, а в дальнейшем большие академические орудия пытались разнести его на куски. Чарльза Бина посчитали «блестящим создателем мифа»⁹⁶, история которого, несмотря на все достоинства, гуманность и целостность, представляла АНЗАК в розовом цвете. Часто она была смягчающей, иногда уклончивой, драматизировала доблесть и облагораживала страдания. Бин утрировал «живой и беззаботный эгалитаризм офицеров-диггеров»⁹⁷, который, судя по всему, способствовал находчивости и командной работе, которой не могли соответствовать воспитанные в трущобах «Томми» под командованием джентльменов и франтов в моноклях и с усами.

Невозможно было поддержать аргументы Бина о том, что военная виртуозность — это естественный продукт «открытого общества»⁹⁸. Ведь немецкие солдаты, сформированные гораздо более иерархичным государством, чем Британия, по общему мнению, являлись лучшими в мире.

Более того, легко показать, что до, во время и после войны большинство австралийцев и новозеландцев были преданы империи. Они гордились общей кровью и культурой, ценили политические связи, коммерческие и военные контакты, которые объединяли их с метрополией. Австралийцы повторяли слова Теннисона: «Одна жизнь, один флаг, один флот, один трон» (таков был девиз Имперской федеративной лиги, еще не оскверненный схожим нацистским лозунгом).

Эти люди верили, что империя имеет единую судьбу. Образцом патриота империи был австралийский журналист Джей Адей, который отметил, что на статuae Боадикки работы Торнкрофта начертаны знаменитые строки Коупера:

Тем, что Цезарь никогда не знал,
Гордо твой потомок будет править.

Заморский потомок Боадикки, как писал Адей, «это, возможно, не англичанин. Но он более велик. Это человек империи, один из детей тихого и медленного времени, который вернулся в вечном цикле, чтобы поклониться у этого святилища. Оно принадлежит ему».

Поклонение означало клятву верности. В случае войны, как сказал либеральный премьер-министр Альфред Дикин, девизом Австралии будет: «Империя, всеми правдами и неправдами». Когда его преемник, лейборист Эндрю Фишер, сказал У.Т.Стеду в 1911 г., что если Британия вовлечет Австралию в несправедливую войну, «мы будем вынуждены спустить британский флаг»⁹⁹, ему пришлось взять свои слова обратно и извиниться за сказанное.

Так что в 1914 г. Антиподы с готовностью ответили на призыв Британии. Добровольцы бросились под знамена. Они же снова сделали это в 1939 г. Тогда вновь проснулся дух полуострова Галлиполи. Он вдохновлял на верность империи и в Австралии, и в Новой Зеландии, которые являлись, по мнению людей вроде Билли Хьюза, в той же степени частью Британии, как Миддлсекс.

Сколько правды в плодородной мифологии АНЗАК? Как авторы конфликтных точек зрения о полуострове Галлиполи учитывали доказательства?

С самого начала все предприятие было имперской трагедией. Оно было лишено воображения, амбициозно, готовилось поспешно и несло в себе клеймо (которое не спутаешь ни с чем иным) поборника империи — первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля. Он пришел в ужас, увидев, что солдаты союзников «жуют колючую проволоку» во Фландрии.

В качестве альтернативы мертвой точке на западе, Черчилль придумал восточную экспедицию, гомерическую по героизму и наполеоновскую по размаху. Первый лорд предложил захватить

бухту Золотой Рог, объединить Балканы, объединить силы с Россией и обойти по флангу Центральные державы в континентальном масштабе. Вначале он настаивал, что только одни корабли могут прорваться через Дарданеллы — древний Геллеспонт, пролив, ведущий к городу, основанному Константином в месте соединения Европы и Азии, «вечному памятнику славе его царствования»¹⁰⁰. С характерным для него упрямством Черчилль даже смог убедить сомневающихся адмиралов поддержать план. Джеки Фишер, первый морской лорд, в дальнейшем жаловался, что Уинстон «отравил его вредными испарениями».

Но мины потопили несколько линкоров. А обстрел с них фортов полуострова Галлиполи только предупредил турок о намерениях союзников.

Однако Китченер согласился отправить британские и индийские войска, а также АНЗАК. Для командования ими он назначил генерала сэра Йена Гамильтона, смелого паладина многих конфликтов. Пуля буров повредила ему левую кисть на горе Маджуба.

Гамильтон был необычно прогрессивным и умел хорошо выражать свои мысли, стремился к литературной славе, Китченер однажды назвал его «чертовым поэтом»¹⁰¹.

Так что именно Гамильтону пришлось оценить испытания Ксеркса, который на короткое время пересек Геллеспонт, страдания и невзгоды Агамемнона, который провел «десять долгих лет, пытаясь взять Трою»¹⁰².

Но командующий испытывал благоговейный трепет перед своим шефом с глазами цвета базилика, посему не потребовал достаточного количества ресурсов для проведения крупнейшего амфибийного вторжения в истории. Вместо жесткого руководства сражением он оплакивал незавидное положение своих солдат в зажигательных и витиеватых пассажах. После смерти Руперта Брука на пути на полуостров Галлиполи, Гамильтон написал: «Бог начал небесную весеннюю чистку, и наша звезда должна быть ярко натерта кровью самых смелых и самых лучших из нас»¹⁰³.

Гамильтон недооценил противника, не применял никакой новой тактики, выступал с предложениями вместо отдания приказов, оставаясь в море — и буквально, и метафорически.

Солдаты АНЗАК, чей первый конвой причалил в Александрии в декабре 1914 г., познакомились с британским верховным командованием во время учений в Египте. Генерал Годли инструктировал новозеландцев, заявляя: египтяне относятся к расам, более низким по человеческой шкале, чем маори, а малейшая фамильярность с ними породит презрение¹⁰⁴.

Новозеландцы оказались более послушными и легко поддающимися обработке, чем австралийцы. Последние отказались отда-

вать честь высокомерным и надменным штабным офицерам и так зависали в значных местах Египта, что, судя по всему, превратили Каир в «мюзик-холл дьявола»¹⁰⁵. Тренировка АНЗАК по большей части состояла из долгих маршей в пустыне. Это могло подготовить их к еще одной битве в вельде, а не к окопной войне. Дальнейшие игры в войну солдаты рассматривали, как «чистый фарс и оскорбление нашего интеллекта»¹⁰⁶.

Система безопасности работала так плохо, что письма адресовались «Константинопольскому экспедиционному корпусу», а «Эджипшиан газетт» услужливо подтвердила: это и есть их место назначения. На одном транспорте была сделана надпись мелом: «В Константинополь и в гарем»¹⁰⁷.

Рано утром 25 апреля 1915 г., запутавшись из-за сильного течения в Эгейском море и темной береговой линии, корабли Королевского ВМФ доставили солдат АНЗАК не в то место, в которое требовалось. Они оказались на мысе с западной части, у суженного участка полуострова Галлиполи, названного «Дьявольский Плевок».

Части 3-й бригады были одеты в форму цвета хаки с оттенком горохового супа (латунные пуговицы и значки с изображением восходящего солнца окислились и стали черными). Они имели при себе зеленые тканые вещмешки, поясные сумки и ремни, а также широкополые фетровые шляпы. Солдаты задерживали дыхание, когда набитые дозорные катера скользили сквозь бархатную ночь по сатиновому морю. Не было видно ничего, кроме блестящих глаз и вспышек фосфоресцирующего свечения у носа катеров.

Но турки не спали. Когда катера уткнулись носами в гальку, начался сильнейший обстрел. Погибло так много австралийцев, пытавшихся высадиться на берег, что, «глядя на дно, можно было увидеть ковер из мертвых людей».

Выжившие столкнулись с линией утесов, которую не ожидали увидеть. Они пробирались вверх под градом свинца, размахивая штыками, охваченные дикой яростью¹⁰⁸ и оружием, будто безумные¹⁰⁹. Когда стало рассветать, первые подразделения АНЗАК переправились через первую гряду и разогнали две роты турок, с которыми столкнулись. Этот подвиг, по словам преподобного У.Х.Фитчетта, автора книги «Дела, которые завоевали империю», превзошел по смелости достижение войск Веллингтона в Ватерлоо.

Затем подразделения оказались в лабиринте, о котором не имели ни малейшего представления. Ни офицерские карты времен Крымской войны, ни путеводители, купленные в Египте для их дополнения, не давали точной картины местности. А она, казалось, пережила эпилептический припадок. Это было какое-то неровное нагромождение остроконечных возвышенностей и кри-

вых долин, которые крест-накрест пересекали отроги гор, острые, словно бритва, и овраги, края которых напоминали ножи. Все это покрывали густые заросли колючего кустарника.

Таким оказался пейзаж, который, как можно было вообразить, придуман природой специально для ведения обороны. И турки в полной мере им воспользовались. Ими умело командовал генерал Лиман фон Сандерс. Германия настолько доминировала над своим турецким союзником, что шутники язвительно говорили: «Дойчланд юбер Аллах» («Германия превыше Аллаха») ¹¹⁰.

Генерал Мустафа Кемаль, который продолжал модернизировать Турцию, соединял эффективность с безжалостностью. 25 апреля он сказал знаменитую фразу, обращаясь к подчиненным: «Я не ожидаю от вас атаки, я приказываю вам умереть» ¹¹¹. Поэтому турки держались на возвышенности и удерживали АНЗАК на треугольнике площадью 400 акров. Земля на нем была искорежена, а высшая точка располагалась всего в миле от моря.

Через несколько часов британский командующий генерал Уильям Бердвуд подумывал о высадке. Ведь не имевшие боевого опыта солдаты АНЗАК испытали не просто триумфальное крещение огнем. Как писал один британский официальный историк, «опасное количество солдат без командиров» вскоре начало покидать передовую, искать продукты питания, питье и отдых. Иногда они помогали раненым товарищам ¹¹². Независимо оттого, были ли это отставшие или «уклонисты», их пренебрежение своими обязанностями быстро подорвало миф (который уже широко распространился) о том, что «войска АНЗАК показали себя великолепно, когда шансы оказались поразительно неравными» ¹¹³.

Бердвуд явно опасался фиаско ¹¹⁴. Но сэр Йен Гамильтон считал, что лучше сопротивляться, чем быть порезанными на пляже, как бегущие персы при Марафоне. Он сказал солдатам АНЗАК, чтобы те рыли окопы, поскольку от этого зависит их жизнь.

За ночь вторжение превратилось в осаду. Гамильтона переправили на восток Средиземноморья на судне под названием корабль его величества «Форсайт», он приготовился к турецкой охоте, переделанной версии колониального конфликта. Вместо этого получилось карманное издание позиционной войны во Фландрии.

В первую неделю АНЗАК понес 8 100 потерь, 2 300 человек было убито. Когда яростная борьба за позицию пошла на спад, молодые солдаты, которые ожидали, что война будет напоминать игру в регби, выучили мрачные правила войны на истощение. Их, словно душем, поливало шрапнелью, которая приземлялось «так густо, как изюм в пудинге» ¹¹⁵. Над ними разлетались фугасные снаряды, причем вой был таким настойчивым, что кукушки в ответ на него изменили свое пение.

По солдатам АНЗАК стреляли снайперы, их истощали, ослабляли, подрывали, изматывали, к ним незаметно подкрадывались по траншеям. Пули летели так густо, что оголяли кусты, мины превращали окопы в кладбища. Внезапная смерть в таком масштабе казалась еще более несообразной и неуместной среди фантастической и причудливой красоты полуострова Галлиполи. Там парили облака ярко окрашенных бабочек, пели жаворонки, пахло диким тимьяном, ковры из фуксий покрывали землю, из сапфирового моря поднимались скалы стального серого цвета, словно левиафаны. Можно было наблюдать золотые рассветы над полями Трои, малиновые закаты над островом Самотраки с покрытыми снегом вершинами.

Во время боев произошли совершенно жуткие вещи. После прямого попадания по землянке дантиста весь склон одной горы был усыпан искусственными зубами. Один труп стоял, прислонившись к скале на берегу, который защищал АНЗАК. Он так обманул снайперов, что они окружили его голову «серебристым нимбом из свинца»¹¹⁶.

Пляж постоянно служил мишенью. Он был узким, как полоса для крикета, и так набит мулами, людьми, амуницией и припасами, что напоминал «гигантское кораблекрушение»¹¹⁷. Бивуаки стояли неровными рядами на скалах. Но эти «индивидуальные бомбоубежища» давали скорее психологическую защиту. Зачастую они превращались в преждевременные могилы.

Австралийцы, даже в большей степени, чем новозеландцы, были деморализованы грязью и монотонностью жизни в траншеях. Они ненавидели грязь, вшей и червей, которые плодились из-за множества трупов. Солдаты жаловались на жажду, которую утоляли «чаем из мух», на голод, который утоляло «жаркое из мух»¹¹⁸. В результате получались проблемы с желудком, которые иногда называли «галлипольским галопом». Людей душила вонь смерти, которая была почти ощутимой, как сказал Комптон Макензи, и «холодной и влажной на ощупь, как мембрана крыла летучей мыши»¹¹⁹.

Было много случаев дезертирства, нанесения увечий самим себе, «трусости и предательства». Сам Чарльз Бин в частной беседе признавал: «В нашем подразделении больше негодяев и подлецов, чем других»¹²⁰. По мнению одного британского полковника, Джорджа Напьера Джонстона, чей неопубликованный дневник недавно всплыл, у всех солдат АНЗАК отсутствовала стойкость и выносливость. Он объяснял это изобилием, хорошей жизнью и расовым вырождением. «Новозеландцы и австралийцы плохо держатся. Они заболевают сотнями, что во многом объясняется желанием сбежать. Я считаю, что это характерно для прибывших с

заморских территорий войск. Когда шоу только начиналось и им требовалось оправдать все то хвастовство, которым они прославились, солдаты АНЗАК показали себя хорошо. Но требуются гораздо более стойкие и выносливые люди, чтобы месяц за месяцем держаться на одной и той же еде, жить в траншеях в жару, в пыли, с мухами, дизентерией и диареей. Но это нужно делать: именно в этом одна раса показывает свое превосходство над другими».

Дневник Джонстона полон подобных порицаний и осуждений. Он ругал «отсутствие дисциплины, расточительные привычки и плохое поведение» солдат АНЗАК. Полковник приходил в ужас оттого, что они обыскивали мертвых товарищей и забирали у них деньги и другие ценности. «Австралийцы – самые большие преступники в этом плане. Они очень бесчувственные». Несмотря на все это, он считал служащих АНЗАК лучшими солдатами, которые имеются у союзников: «Их»будет очень сложно победить при прямом нападении, и они обладают несравненным мужеством под огнем»¹²¹.

Солдаты ежедневно демонстрировали это на пляже, где стоял их корпус. Там было установлено правило: «Никто не должен обращать внимание на стрельбу, даже поворачивать голову». Правда, разрешалось делать паузу, когда большой снаряд приземлялся, при этом называть его ублюдком.

Один британский офицер с Западного фронта считал: такое пренебрежение к потоку шрапнели было абсолютными сумасшествием. Но, по словам Чарльза Бина, австралийцы, которые пропорционально общему количеству потеряли больше людей, чем какой-либо другой контингент союзников, считали подобное отношение «естественным выражением уважения человека к самому себе»¹²².

Таким же был и самый знаменитый подвиг АНЗАК: солдаты купались среди летящего металла и гниющей плоти. Море было заполненодохлыми мулами, которые плавали на спинах, а их ноги иногда принимали за перископы подводных лодок. Инстинктивное взаимопонимание и симпатии людей способствовали непочтительности представителей Антиподов даже по отношению к Бердвуду. «Пригнись, старый дурак», – закричал один солдат, когда над водой засвистел снаряд¹²³. Глядя на огромный живот генерала, еще один воскликнул: «О, дорогой друг, с которым мы давали клятву кровью, ты на самом деле побывал среди бисквитов»¹²⁴.

Подобная фамильярность вызвала бы «апоплексический удар в Олдершоте»¹²⁵. Но Бердвуд воспринимал это в порядке вещей, пытаясь установить хороший контакт, заискивал и подлизывался к представителям АНЗАК, надеясь сформировать из них отдельную армию, которой он сам будет командовать. Генерал, что суровая

армейская дисциплина может помешать личной инициативе отдельных людей и взаимопомощи, которая давала такие выдающиеся результаты на поле брани.

Крики «бис» часто повторялись, поскольку Гамильтон, который хотел оправдать свои оптимистичные коммюнике, пытался найти выход из тупика на нескольких плацдармах союзников, выбитых с флангов и оконечности полуострова Галлиполи. Например, британцы зацепились на мысе Геллес жуткой ценой — трупы покрывали берег, как выброшенный на берег косяк рыбы, а в пятидесяти ярдах от берега море было покрыто красными пятнами крови. Здесь 8 марта 1915 г. австралийским войскам приказали провести фронтальную атаку на турецкие траншеи. Один британский майор описывал их атаку с риторическим вдохновением, которое в конце концов разрушила Первая Мировая война: «Вражеский обстрел перешел на них и сконцентрировался. Это был ад. С ревом строчили пулеметы, изрыгали языки пламени, рвали на части, хороня людей заживо. Их потрошили, внутренности вываливать наружу. Одежда загоралась, плоть шипела и обгорала до того, как горящую одежду успевали сорвать или затоптать огонь. Но что из того? Да ничего! Они походили на дьяволов из ада, только больше и горячее. Ничто не могло их остановить. Они были как дома в этом адском огне, и они ласкали его в ответ, когда он лизал и ласкал их. Они смеялись над ним, они пели на протяжении всего этого времени. Их мужество было титаническим. Они были не людьми, а богами, приведенными в ярость демонами. Мы видели, как они падали десятками. Но что из того? Ни на одну секунду огромная линия не дрогнула и не сломалась»¹²⁶.

Позднее, но в том же месяце сами турки продемонстрировали бесполезность этой тактики. Когда они пошли штурмом, АНЗАК расстреливал их тысячами, говоря, что это лучше, чем охота на кенгуру-валлаби. Однако Гамильтон и его генералы, иногда подстрекаемые офицерами АНЗАК, продолжали такие же атаки. Последствия неизбежно оказывались ужасающими, но австралийцы принимали их в порядке вещей. Во время одного пробега по ничейной земле, покрытой маками, представитель Кентерберийского батальона представил игроков в регби из Крайстчерч-парка, «которые здесь играют в игру под названием жизнь с винтовками и штыками в виде оружия. А целью является свобода»¹²⁷.

Подвиги, поразительные мужество и смелость стали обычным делом. Люди, у которых отрывало одну руку, бросали гранаты другой. Один рядовой, когда его уносили с передовой с оторванной половиной лица, пытался петь «Типперэри». Еще один обратился к врачам после того, как несколько месяцев терпел боль, и сказал, что у него небольшая проблема. Оказалось, что у него дизентерия,

сломана рука, две пути в бедре и пулевые ранения в живот. Увидев группу раненых, некоторые из которых были жутко изуродованы, а другие просто умирали, но все «не падали духом и держались молодцом», Гамильтон написал: «Во всем великолепии душа просвечивает среди темных теней несчастья и превратностей судьбы»¹²⁸.

Этот пример духовного подъема казался во все большей степени глупым и бессмысленным солдатам, получившим медицинские услуги, которые придавали окопной войне еще больший ужас. Их разочарование суммировалось в обмене фразами между транспортным судном, которое доставляло свежие войска и плавучим госпиталем, который забирал раненых с полуострова Галлиполи.

Когда плавучий госпиталь проходил мимо, новые парни временно прокричали: «Мы упали духом?» После паузы над водой прозвучал один хриплый голос: «С вами этого очень скоро случится!»¹²⁹

Для АНЗАК (и других солдат) полуостров Галлиполи казался гигантской мясорубкой. А те, кто пропускал их сквозь нее, не скрывали своей готовности купить победу высокой ценой искореженной плоти и сломанных костей. Несмотря на все жизнерадостные заявления британских командующих, многие из них думали: принятие тяжелых потерь являлось проверкой воинской жизнеспособности. «Потери? — воскликнул генерал Хантер-Уэстон с горящими глазами, ошетилившимися усами и дрожащим орлиным носом. — Какое мне дело до потерь?»¹³⁰

Когда солдаты АНЗАК сказали еще одному старшему британскому офицеру, что не могут хоронить разлагающиеся трупы перед своими траншеями, потому что при такой попытке погибли люди, он шокировал их ответом: «А что такое несколько человек?»¹³¹

Такая небрежность по отношению к человеческим жизням осложняла постоянные провалы британского верховного командования на полуострове Галлиполи. Австралийцы шутили, что штабные офицеры, планирующие военную свалку в своем штабе на греческом острове, получают по три планки на ленты воинских орденов — «за путаницу, тупость и хаос»¹³². Врачи, которые становились свидетелями ненужных страданий и смертей, вызванных никуда негодной организацией медицинской службы, оказались еще менее снисходительными и терпимыми. Один писал, что генералов, которые за это отвечали, следует запереть в «больнице для умалишенных»¹³³.

Никто не сделал больше для предания гласности плохой работы британцев, чем Кейт Мердок, порывистый, дерзкий, амбициозный австралийский журналист. О нем Морис Ханки сказал, как о «жутком подлеце»¹³⁴. Его откровения стали сенсацией из-за жесткой цензуры, установленной на полуострове Галлиполи офицера-

ми разведки вроде полковника Тиррелла. Последний считал, что правильно организованному правительству «не нужны военные корреспонденты», но оно должно говорить людям что-то ведущее к победе, будь то правда или ложь¹³⁵.

Мердок совершил удивительный подвиг, значительно преувеличив виновность британской руководящей верхушки. Его сын Руперт, медиамагнат, продолжал заявлять: подняв этот вопрос, его отец «вытащил наших ребят с полуострова Галлиполи»¹³⁶. На самом деле их эвакуировали, поскольку почти все (за исключением Уинстона Черчилля) летом и осенью 1915 г. пришли к выводу, что кампания была, по словам лорда Кромера, «колоссальной ошибкой»¹³⁷.

Как кажется, едва ли лучше была всеохватывающая стратегия. Даже если бы союзники триумфально зашли в Константинополь, у них имелся лишь малый шанс (или его не было вообще) на занятие Европы с тыла — сама Германия победила на востоке и проиграла на западе. Как сказал один ветеран Дарданелл, война порождает два вида путаницы: обычную военную неразбериху и сложную неразрешимую путаницу¹³⁸.

Во всех отношениях, кроме последнего оттягивания войск, которое производилось тайно и быстро в конце года, полуостров Галлиполи оказался вторым вариантом. Кампания стоила жизни 21 255 британцам, 10 000 французам, 8 709 австралийцам и 2 701 новозеландцам. Несмотря на всю крикливую рекламу о вкладе АНЗАК, нельзя проигнорировать то, что они играли второстепенную роль на периферийном поле конфликта.

Также ясно, что войну не выиграли славным провалом во второстепенном шоу. Победа пришла благодаря успеху, достигнутому невообразимой ценой на основном театре военных действий. Муки и испытания, которые выдержали солдаты АНЗАК на полуострове Галлиполи, несравнимы с их растянувшейся агонией во Франции, где австрало-новозеландцев погибло в шесть раз больше. Один час сражения при Позьере подверг их большему стрессу, чем вся Галлипольская кампания¹³⁹, как в дальнейшем признал Чарльз Бин. Однако в то время он заявлял общественности, что они прошли сквозь немецкий заградительный огонь, «как вы пройдете сквозь летний дождь»¹⁴⁰.

Лейтенант Алек Раус, газетчик в гражданской жизни, который погиб в 1916 г., ярко рассказал о кровавой бойне при Позьере: торнадо из взрывающихся снарядов, дикая стрельба и неразбериха на ничейной земле, шок оттого, что ты живым похоронен среди трупов на разных стадиях разложения. «Я видел сильных людей, которые прошли через полуостров Галлиполи, плачущих и дрожащих от лихорадки, — писал Раус, — людей, которые никогда раньше ничего не боялись»¹⁴¹.

Благодаря этому цепенящему, ошеломляющему и оглушающему опыту представители АНЗАК стали еще более циничными по отношению к своим британским командующим. Когда снаряды взрывались везде вокруг него, один капрал написал: «Я видел здесь такие вещи, от которых имена чертовых военных аристократов будут вонять вечно»¹⁴².

Бердвуд вызывал особый гнев и ярость, занимаясь разглагольствованиями о готовности АНЗАК бить немцев, а затем отправлял их на новые самоубийственные задания. Утратившие все иллюзии выжившие объявили, что их товарищей «убили» из-за «некомпетентности, черствости и личного тщеславия высокопоставленных лиц во власти»¹⁴³. Такие точки зрения, повторяемые и оттачиваемые, действовали, словно медленно действующий яд, попавший в сердце имперских отношений.

Хотя Билли Хьюз был пылким лоялистом империи, он не обеспечил никакого противоядия. Хьюз способствовал разделению мнений австралийцев и собственной Лейбористской партии в вопросе призыва на военную службу.

Уильям Моррис Хьюз был гиперактивным, страдал диспепсией и жил практически на чае, тостах и томатном соусе. Он напоминал сморщенного гнома. Художнику-портретисту, который заявил, что попытается справедливо его показать, Хьюз ответил: «Я не хочу справедливости, я хочу милости»¹⁴⁴.

Но дух воина оживлял это маленькое тело. Когда он посетил АНЗАК во Франции, солдаты шутили, что Австралия прислала своего последнего мужчину. Однако, как отмечал генерал Бердвуд, Хьюз «отдавал приказы, словно центурион»¹⁴⁵. «Маленький диггер», как его прозвали, пробился наверх из скромной уэльской семьи благодаря работе в профсоюзе на сиднейских верфях. Он называл всех «братьями», но добился премьерства (1915–23 гг.) благодаря деспотической воле, прекрасному уму, хитрости и коварству, достойному Макиавелли.

Хьюз обладал яростностью и способностью к обличительным речам. Он выдавал оскорбления резким металлическим голосом, ошеломлял и шокировал своих врагов, один из которых, как сказал премьер, «отказался от лучших ресурсов политического убийства и обратился к дубинке каннибала»¹⁴⁶. Как и Ллойд-Джордж, которого он кое в чем напоминал, Хьюз пожертвовал своими радикальными принципами, положив их на алтарь бога войны. Он репрессировал несогласных, навязал цензуру и продвигал ксенофобию. Поэтому австралийцы отказались от немецкого пива и сосисок. Они изменили ряд названий — например, Немецкая бухта стала Имперским доком, а гора Бисмарка была переименована в гору Китченера (как и Берлин в Онтарио).

Хьюз настаивал, что Австралия — белая Австралия — может быть свободной, только если является частью победоносной Британской империи. Поэтому она должна мобилизовать всех доступных мужчин. Те, кто выступал против призыва на военную службу (профсоюзные деятели, ирландские католики, пришедшие в ярость после казни британцами лидеров дублинского Пасхального восстания, и большинство австралийцев, сражающихся во Франции) говорили: он хочет послать своих соотечественников за море, чтобы импортировать дешевую азиатскую рабочую силу. Они победили на двух референдумах по этому вопросу (в 1916 и 1917 гг.), с лозунгом, который являлся по-настоящему губительным для имперской солидарности: «Ставьте Австралию первой!»

Парадоксально, что Хьюз делал именно это в советах империи и союзников. Он оставался лидером национальной коалиции у себя на родине, несмотря на двойное поражение, при этом получил признание за границей. Премьер стал таким агрессивным империалистом, что его речи звучали, будто у оратора из отдельного и не совсем дружественного государства или у пророка из малонаселенного района, словно глас вопиющего в пустыне. Он относился с пренебрежением к британским генералам и настаивал: метрополия должна относиться к Австралии, как к союзнику, а не помощнику или придатку. Он требовал доктрину Монро для Тихого океана и установил новые дипломатические связи с США, предупреждая: в следующей войне Япония может перейти на другую сторону. После Первой Мировой Хьюз получил независимое представительство для Австралии (как и другие доминионы) на Парижской мирной конференции.

Здесь он высмеял хвастовство, пустословие и разглагольствования утопических миротворцев вроде Вудро Вильсона, назвав его «рожденным на небесах»¹⁴⁷. (Его самого президент США прозвал «опасным шалопаем и распространителем заразы»)¹⁴⁸.

Хьюз пытался получить большую компенсацию от Германии и навязать англо-саксонский контроль над колониями на Тихом океане. Он получил австралийский мандат над германской Новой Гвинеей. Однако когда Вильсон спросил, будет ли у местных жителей доступ к миссионерам, Хьюз заверил его, что будет, поскольку при нынешнем положении вещей «у несчастных аборигенов... недостаточно еды»¹⁴⁹.

Но распределение дальневосточных трофеев стало яблоком раздора между Хьюзом и Ллойд-Джорджем, который считал себя обязанным выполнить британские обязательства перед Японией. В конце концов, два премьер-министра стали оскорблять друг друга на валлийском языке. Вероятно, это была очень странная

перебранка, поскольку Хьюз, судя по всему, плохо говорил на этом языке и умело манипулировал своим слуховым аппаратом («электрической ушной трубой»), чтобы отрезать замечания, которые не хотел слышать. Но Ллойд-Джордж закипел и заявил, что не позволит на себя давить «какому-то проклятому маленькому валлийцу»¹⁵⁰.

Хьюз столь же резко высказался по поводу Лиги Наций. При поддержке сэра Роберта Масси, премьер-министра Новой Зеландии, он помог аннулировать предложение Японии о включении в Устав положения, направленного на расовое равенство. Хьюз заявил, что он скорее появится голым в кабаре «Фоли-Берже», чем на него согласится.

Но, отрицая претензии, основанные на участии в войне Японии, он продвигал претензии Австралии, чьи шестьдесят тысяч погибших давали ей право войти в семью наций на равных основаниях. Кроме того, в следующее десятилетие белые доминионы добились формального равенства и автономии в рамках империи. Благодаря отваге и доблести АНЗАК, как заявил Хьюз, австралийцы «надели тогу зрелости»¹⁵¹.

Они не сразу и не полностью сбросили наследие периода опеки и обучения. Еще на протяжении жизни одного поколения австралийцы, а в еще большей степени новозеландцы, держались за детские повадки матери-метрополии, особенно — в сфере международной политики. На самом деле, в 1975 г., когда генерал-губернатор вытеснил премьер-министра, романист Патрик Уайт смог пожаловаться, что его «предположительно современная страна все еще, к сожалению, является колониальным овечьим пастбищем»¹⁵².

Во многих смыслах полуостров Галлиполи усилил верность империи в годы между двумя мировыми войнами. Иконография военных мемориалов Антиподов особенно красноречива. Многие отдавали должное жертвоприношениям империи, которые включали и национальные приношения. Так что классические обелиски превосходили количественно статуи диггера, лавровые венки встречались чаще, чем листья папоротника, а надписи показывали, что «независимые австралийцы все еще остаются британцами»¹⁵³.

Еще более пылкими в этом плане оказались новозеландцы, тоже считавшие себя британцами. На мемориале на Бруклин-хилл, выходящем на Веллингтон, имелась типичная надпись: «Родина призвала, и они пришли»¹⁵⁴. И День АНЗАК отмечался, как самый священный праздник Австралии, но — в контексте большой Великобритании. В Виктории, в первую годовщину высадки на полуострове Галлиполи, архиепископом (и не меньше) было объявле-

но: Австралия, изначально отдаленное поселение в южных морях, теперь стала «настоящей частью империи»¹⁵⁵.

С другой стороны, миф об АНЗАК содержал достаточно правды и силы, чтобы генерировать чисто националистические эмоции, а особенно, среди радикалов. Стало обычным делом объявлять: Австралия родилась заново на полуострове Галлиполи, новая нация была создана в духе жертвования и восстановлена кровью мучеников. Говорили, что Новая Зеландия испытала благословенное рождение, обнаружила независимый характер и получила непреодолимый импульс, толкающий ее к национальному самосознанию. Ее народ повзрослел, новозеландцев стали называть «киви». По словам одного священника-методиста, «средний человек не является империалистом, потому что к Новой Зеландии относились не как к партнеру, а как к ребенку»¹⁵⁶.

Два доминиона в полушарии Антиподов теперь имели свои собственные военные традиции. Они получили самоуважение, которое соответствовало пренебрежению и презрению (иногда — с примесью горечи), которые многие испытывали по отношению к британскому правлению. У них были герои, чья доблесть заслуживала прославления не в заголовках, а в гексаметрах, как сказал Комптон Макензи. Они имели на своем счету военные подвиги и достижения, которые не всегда должным образом оценивались метрополией. Самое странное отдание долга (морякам австралийского корабля его величества «Сидней», который потопил немецкий крейсер «Эмден»), принадлежит перу империалистического рифмоплета сэра Генри Ньюболта:

Сердца их были горячи,
А песни — как у кенгуру¹⁵⁷.

Австралия и Новая Зеландия могли все больше противопоставлять собственный прогресс британскому упадку. Они сравнивали достижения АНЗАК, довольных и уверенных в своей инициации, с чахлыми, вялыми и робкими «Томми», с их снобистскими, беспечными, равнодушными офицерами. Так «антиподы» приняли точку зрения Бина о том, что их экспедиционный корпус обладал «единством духа, почти невозможным при более феодальных традициях»¹⁵⁸. Они видели в метрополии распространяющийся воздух упадка. Зерно отчуждения было посеяно и росло, а сила Великобритании уменьшалась. К концу 1920-х гг. сам Билли Хьюз считал: великолепное сияние, которое Британская империя отбрасывала на землю, отражало не полуденное величие, а исчезающие краски заката. Не он один думал, что «США самой судьбой предназначено взять на себя гегемонию в завтрашнем мире»¹⁵⁹.

За подъемом Американской империи с особым беспокойством следили в Канаде. Между конфедерацией 1867 г. и началом Первой Мировой войны ее население едва ли удвоилось и дошло до восьми миллионов человек. Но к 1914 г. США могли похвастаться почти ста миллионами граждан. Более того, после Гражданской войны американцы отправились на запад так быстро, что менее чем через три десятилетия молодой историк Фредерик Джексон Тёрнер смог объявить о конце золотого века экспансии от моря к сияющему морю.

Но могла ли великая республика, которая теперь была готова стать имперской державой, открыть новую границу на севере? Многие американцы продолжали думать обо всем регионе выше сорок девятой параллели (когда они вообще о нем думали), как о покрытой льдами дикой местности. В 1869 г. правительство Оттавы купило большой центральный тракт, известный, как Земля Руперта, у компании «Гудзонов залив» всего за 300 000 фунтов стерлингов (плюс дополнительная территория). Канада казалась трупом в саване из снега. Не имелось смысла ее захватывать, как сказал один командующий американской армии, поскольку «Нью-Йорк стоит сотни Канад»¹⁶⁰.

С другой стороны, пустота и огромность «великой одинокой земли», как назвал ее протеже Уолсли Уильям Батлер в 1872 г. (его фраза стала знаменитой), обладала безграничным потенциалом. Природные богатства Канады могли затмить сокровища Юкона. Леса затеняли землю, а их вырубка обещала не только дать огромную прибыль, но и более теплый климат. (Эту ненаучную идею проводил в жизнь Эдвард Гиббон, который утверждал: в Германии, которая находится на той же широте, что и Канада, климат стал более умеренным¹⁶¹ со времен Римской империи из-за уничтожения полога из деревьев).

В Канаде имелись океаны травы, которая позволяла жить огромным стадам бизонов. Теперь их быстро уничтожали вместе с равнинными индейцами, жившими с природой в симбиозе. Для Батлера и других казалось «невозможным, что волна жизни, которая катится так непрестанно в Америку, оставит незанятым этот огромный плодородный тракт»¹⁶².

Канадцы, отвергавшие связи с Францией, время от времени ставили на обсуждение вопрос об англо-саксонском воссоединении и объединении Северной Америки. Иногда казалось, что Дядя Сэм хочет протянуть костлявую руку к Северному полюсу. То, что янки «с синими животами», которые нанесли поражение Конфедера-

ции 11 южных штатов, могут положить глаз на Конфедерацию на севере, стало наиболее вероятно перед завершением строительства трансконтинентальной железной дороги в 1885 г. Северо-западная конная полиция Канады в красных мундирах была единственным символическим средством устрашения.

Открытие американской ветки сразу же к югу от границы, как сообщил комитет американского Сената в 1869 г., окончательно решит судьбу «британских владений к западу от девяносто первого меридиана. Они станут настолько американизированы в интересах и чувствах, что фактически окажутся отрезанными от нового доминиона». После этого аннексия станет только вопросом времени¹⁶³.

Поэтому Канадская Тихоокеанская железная дорога оказалась гораздо важнее, чем гигантское коммерческое предприятие и изумительный инженерный подвиг. Это была первая линия обороны, упражнение в строительстве нации, попытка связать вместе все британские территории в Северной Америке «железными сухожилиями»¹⁶⁴.

Премьер-министр сэр Джон Макдональд (консерватор) провел инаугурацию проекта в 1871 г., специально для обеспечения вхождения Британской Колумбии в Конфедерацию. Пятьдесят тысяч жителей этой удаленной западной колонии оставались отрезанными за мощной баррикадой в виде Скалистых гор и, как хвастались голодные американцы, зажаты между Аляской и Айдахо¹⁶⁵.

Макдональд был ярким человеком. Он отличался вычурностью, носил трость с серебряным набалдашником и пальто с меховым воротником. Говорил этот политик, как шотландский помещик, а пил — как чернорабочий с железной дороги. Премьер обещал жителям Британской Колумбии стальную железную дорогу в Оттаву к 1883 г. Ввиду огромных финансовых и географических препятствий, это больше напоминало алкогольный бред, чем национальную мечту.

Слишком скоро на железной дороге начались проблемы. Ее то начинали строить, то прекращали работу, возникали кризисы с наличными, споры, скандалы и отсрочки. Например, в 1873 г. сам Макдональд лишился должности на пять лет, когда всплыли украденные документы о том, что компания, претендовавшая на строительство железной дороги, внесла щедрый вклад в предвыборную кампанию его партии.

Работа по-настоящему пошла только с 1881 года, когда новый консорциум назначил управляющим Уильяма ван Хорна.

Ван Хорн родился в Иллинойсе, в бревенчатой хижине. Он был обязан своим продвижением вверх энергии, способностям и грубой силой. Внешне он напоминал короля Эдуарда VII, а по харак-

теру был «первоклассным тираном»¹⁶⁶. Его скипетром служила сигара длиной в один фут, а глаза кобальтового цвета, казалось, пронзали подчиненных, словно бурильный молоток.

Никто больше не мог бы так блестяще командовать двадцатитысячной армией рабочих, возниц, погонщиков мулов, кузнецов, лесорубов, плотников, мостостроителей, инженеров, землемеров, поваров, клерков, связистов, проводников, телеграфистов и ремесленников всех сортов, которые требовались для того, чтобы опоясать трассой континент. Среди этих «человеческих отбросов», как писал один из подчиненных ван Хорна, попадались «худшие головорезы и воры, которых когда-либо можно встретить»¹⁶⁷. Они были особенно склонны к беспорядкам и буйству, когда незаконно торгующие люди продавали им виски. Этот напиток представлял собой «смесь скверного джина, крепкого дешевого виски, стрихнина, старого ржаного виски и Божьего проклятия»¹⁶⁸.

Однако наступление легионов ван Хорна сравнивали с маршем генерала Шермана к морю. Дисциплина и целеустремленность во многом объяснялись мастерством и опытом лиц, надзирающих у него за строительством, а также начальников групп, многие из которых были американцами. Большая часть капитала, которая удерживала проект на ходу, тоже поступала из США и Великобритании. Последняя поставила и большую часть рельс. Так что национальная дорога жизни Канады обязана своим существованием международному участию.

Эта ирония судьбы ничего не значила, когда Канадская Тихоокеанская железная дорога начала титаническую борьбу с силами природы. Первым огромным барьером стал сам Канадский щит (плато). Это докембрийский щит из гнейса и гранита, который тянется вниз к бурным берегам озера Верхнее. Самая древняя броня земли, эта твердая, серая, неровная скала представила ван Хорну «200 миль инженерных неосуществимостей». На протяжении многих месяцев его люди взрывали скалы, прокладывая путь сквозь это плато. Они использовали по три тонны динамита в день, что привело ко многим несчастным случаям с летальным исходом.

Потом строители столкнулись с 300 милями торфяных болот, которые охраняли стены черных мух и комаров. На их фоне (по словам Батлера) индийские насекомые казались кроткими и милостивыми. Эту болотистую местность называли или «болотным озером», или «жидкой торфяной почвой». Оно пожирало локомотивы одним глотком, могло бы сожрать и всю Канадскую Тихоокеанскую железную дорогу целиком. Болото поглотило горы гравия и балласта, все равно оставаясь топким и вязким. В результате железнодорожная линия могла или качаться, или вовсе затонуть.

Потом шла прерия — засушливое пространство, усыпанное белыми костями бизонов. Канадскую Тихоокеанскую железную дорогу направили по менее плодородной южной территории, вероятно, чтобы отражать конкурентов выше и ниже границы. Каждую палку, доску, шпалу и телеграфный столб требовалось доставлять из Виннипега в эту 850-мильную степь вдоль насыпной дороги, созданной в результате выкапывания десяти миллионов кубических ярдов земли. То же самое относилось к каждому рельсу, штырю, гвоздю и всей провизии. Подобная операция по материально-техническому снабжению должна была поставить в тупик любого генерала. Но организация сборки линии заставляла стальные рельсы катиться на запад на скорости почти три с половиной мили в день. Ее продвижение напоминало отцу Альберту Лакомбу «полет дикий гусей, пересекающих небо»¹⁶⁹.

Индейцы племени «черноногих», которым читал проповеди этот католик в черных одеждах, принимавший деятельное участие в жизни общины, считали, что за Горами Садящегося Солнца¹⁷⁰ находится рай. Ван Хорн мог бы согласиться, когда пытался побыстрее пробить путь сквозь огромную скалистую горную цепь — до того, как Канадскую Тихоокеанскую железную дорогу поглотило банкротство. Эта трасса через перевалы Лягающейся Лошади и Роджерса петляла, словно змея. Она опасно проходила над пропастями, ее пытались задушить ледяные джунгли. Температура падала ниже минус 30 градусов, когда металл обжигал плоть, а кипящий чай замерзал, пока его пили. Рельсы, уложенные в таких условиях, расширялись и вздымались, когда теплело.

Иногда работа останавливалась из-за лесных пожаров. Порой путь оказывался похороненным под тридцатью футами снега. Лавины весом в миллион тонн с грохотом летели вниз на скорости сто миль в час, превращая дешевые опоры мостов и деревянные виадуки в щепки.

Многие рабочие погибли во время последнего рывка, включая непропорциональное количество китайцев. Говорят, что за каждый фут железной дороги, построенной сквозь каньон Фрэзера, заплачено жизнью одного кули. Это сильное преувеличение, поскольку количество китайцев никто не считал, а их смерти тоже не считали.

А затем в Крейгеллахи был воздвигнут памятный знак: «Здесь 7 ноября 1885 года простой железный гвоздь соединил Восток и Запад»¹⁷¹.

Эта надпись установлена в честь политического достижения, которое соответствовало грандиозным усилиям людей. Подвиг Макдональда по созданию нации через строительство железной дороги стоит в одном ряду с достижениями Бисмарка, Кавура и Гранта.

Это не означает, что Канадская Тихоокеанская железная дорога была чем-либо, кроме коммерческого проекта. Строительство начали, чтобы сделать деньги, как признавал ван Хорн, «и более ни для какой другой цели под солнцем»¹⁷².

Трасса начала приносить огромную прибыль после завершения линии. Канадская Тихоокеанская железная дорога безжалостно использовала предоставленные правительством двадцать пять миллионов акров. Были построены дополнительные ветки, отходящие от основной. Она породила многообразные роскошные паромы и гостиницы, напоминающие средневековые замки и французские шато. Дорога продвигала туризм в «Канадских Альпах», убеждая покупателей посмотреть этот мир до того, как увидят следующий¹⁷³.

Однако главным результатом экономического успеха железной дороги стало заселение прерий. К 1911 г. по Канадской Тихоокеанской железной дороге прибыло 1,3 миллиона жителей, что не могло быть достигнуто при помощи скрипящих повозок спряженными волами, при сборке которых использовались не дорогие гвозди, а куски бизоньих шкур, которыми скреплялись доски. Новые поселения разрастались рядом с дорогой, по которой бегал «железный конь».

Вначале строились поселки из бараков и временок, которые, судя по всему, «сооружались по планам, подготовленным колониями ондатр»¹⁷⁴. Вскоре они увеличились в размерах и стали более достойными для проживания людей. Виннипег, который привлек Канадскую Тихоокеанскую железную дорогу концессиями (по сути, являвшимися взятками), процветал благодаря буму на зерно эдвардианских времен. Он напоминал «огромный гриб, появившийся ночью из прерии»¹⁷⁵.

Реджайна стала столицей Саскачевана. Это «совершенно глупое название»¹⁷⁶, выбранное женой генерал-губернатора леди Лорной (дочерью королевы Виктории). Оно заменило грубое название Пайл-О'Боунс.

В 1885 г. Калгари был улицей из лачуг. «Город растет, когда ты за ним наблюдаешь», — писал о нем английский посетитель в 1910 г., отметив: Канадская Тихоокеанская железная дорога может предоставить готовые фермы подходящим британским поселенцам¹⁷⁷.

Ванкувер, который предоставил Канадской Тихоокеанской железной дороге 6 458 акров в центре будущего города, процветал, будучи западным конечным пунктом.

Создавая, связывая и развивая подобные центры, Канадская Тихоокеанская железная дорога реализовывала видение Макдональда — трансформацию доминиона из географического понятия в «одну великую объединенную страну с большой торговлей между провинциями и общим интересом»¹⁷⁸.

Правда, премьер-министр, как и большинство его соотечественников, рассматривал трансконтинентальную связь как «имперскую магистраль». Эта дорога была «вся в красном цвете», соединяя метрополию с островами Антиподов¹⁷⁹.

Однако чем дальше Канада продвигалась к цели, статусу полностью самостоятельного государства, тем более она отклонялась от линии империи. Сам Макдональд, хотя всегда почитал корону и отдавал честь «Юнион Джеку», ставил Канаду на первое место, когда дело дошло до помощи в спасении генерала Гордона и установке национального тарифного барьера. Имперская федерация была обманчивой надеждой и недостижимой целью рядом с канадской федерацией, выкованной кровью и железом.

Конечно, федерация ни в коей мере не была завершенной. Наблюдались острые региональные различия. Только в 1949 г. Ньюфаундленд, старейшая колония Великобритании, стал последней провинцией Канады. Более того, иммиграция усиливала разнообразие доминиона, делая его больше похожим на Южную Африку, чем на Австралию или Новую Зеландию, где белое население почти все было британского происхождения.

В 1870 г. четверть населения Канады говорила с ирландским акцентом. Как сказал Уильям Батлер, несмотря на репутацию «Изумрудного острова» в плане отсутствия промышленности, Ирландия производила нации. Среди последующих поселенцев были исландцы, евреи и менониты с Украины, говорящие на немецком языке. Их количество в дальнейшем увеличилось благодаря скандинавам и переселенцам Восточной Европы, многие из которых бежали от кнута казаков и ярма Габсбургов. Англо-саксонские критики характеризовали их, как «отбросы Старого Света»¹⁸⁰. Но «крепкий и решительный крестьянин в овчинном тулупе»¹⁸¹, если использовать фразу канадского министра иностранных дел, доказал свою ценность, став первопроходцем. Дикий холод, хижина из дерна и костер из торфа не являлись для него ужасом. Он и ему подобные были привычны к тяжелому, изнурительному труду. Духоборы (русские христиане-неконформисты), у которых не было лошадей, спокойно впрягали в плуг своих женщин.

Многие из миллионов британцев, которые перебрались в Канаду в течение десятилетия перед Первой Мировой войной, казались слабыми и жалкими в сравнении с ними. На фермах, которые располагались в месте, рекламируемом, как «Последний лучший Запад», на воротах часто висели объявления: «Англичане не требуются». Некоторые из тех, кто не мог найти работу, перебирались в растущие канадские городские трущобы и становились «грузом для общества, получающим пособие»¹⁸². На них постоянно тратились общественные деньги. Метрополия оказалась униженной.

Выдающиеся люди времен короля Эдуарда, от генерала Баден-Пауэлла до генерала Бута (основателя Армии спасения), организовывали тренировочные программы для подготовки «испытывающих лишения и отчаявшихся» людей из британских городов. Предполагалось, что эти поселенцы смогут работать, возделывая девственные прерии¹⁸³. Таков был практичный империализм, предназначенный для усиления Канады — участницы расширенной британской семьи. Несомненно, сей труд имел некоторый эффект. Вероятно, он помогал усилить у канадцев самоощущение энергии и жизнеспособности «новых британцев», закаленных границей и климатом¹⁸⁴.

Но идея оказалась натянутой версией фольклора островов Антиподов о спасительной силе дикой природы. Она заключалась в том, что упадок процветает на теплом юге, а длинные зимние ночи способствуют плодovitости во всем. Как сказал Джозеф Хау, «большие, полные жизненных сил, здоровые семьи появляются из пуховых постелей, в которых Мороз Красный Нос заставляет людей лежать близко друг к другу»¹⁸⁵.

Канадцы отождествлялись с «выносливыми и закаленными дельтами севера» у Гиббона, со здоровыми обитателями лесной глуши вроде тевтонских кимбров, которые «ради развлечения часто съезжали со снежных гор на своих широких щитах»¹⁸⁶.

Однако перемещенные британцы, попрошавшиеся с феодализмом в Старом Свете, неизбежно стремились к идеальной независимости в Новом¹⁸⁷. Более того, прибытие такого количества чужестранцев, почти все из которых были протестантами и стали частью англоговорящего общества, расширяло большой национальный раскол. Франко-канадцы, которые сами считали себя потомками неотесанных северных галлов, чувствовали угрозу от этого притока. Несмотря на высокую рождаемость, эмиграция сокращала их количественно, этот народ стал составлять чуть больше четверти всего населения. В результате они стали еще более яростно бороться за политическое и культурное выживание. Существование франко-канадцев зависело от сопротивления интеграции Канады как единой страны.

Уилфрид Лорье, красивый юрист с вьющимися волосами, который в 1896 г. стал первым франко-канадцем, ставшим премьер-министром страны, искал единства в разнообразии. «Моя цель — консолидировать Федерацию и сделать так, чтобы наш народ, давно отделившийся друг от друга, постепенно стал нацией, — писал он. — Это самый главный вопрос. Все остальное вторично по отношению к этой идее»¹⁸⁸.

Чтобы реализовать эту идею, Лорье должен был совершить что-то вроде подвига канатоходца, достойного Блондина, про-

шедшего над Ниагарой. Он оживил Либеральную партию, одновременно успокаивая католических епископов из Квебека, которые все еще хотели проклясть ее, словно вельзевулово семя.

Премьер выражал гордость империей, но одновременно вежливо пресекал попытки британцев централизовать Канаду ради ее автономии. В 1897 г. он сорвал попытку Чемберлена учредить постоянный Имперский совет, приняв вместо него проводимые периодически Имперские конференции.

Но Лорье сыграл важную роль в «Бриллиантовой» процессии по поводу празднования 60-летия царствования королевы Виктории. Он был одет в треугольную шляпу с поднятыми полями, отделанную золотой тесьмой тунику и белые шелковые чулки члена Тайного совета. Премьер получил семиконечную звезду гран-командора ордена Святого Михаила и Святого Георгия.

На родине антиимпериалисты жаловались, что британские титулы подрывают колониальную добродетель. Но хотя сэр Уилфрид был очарован блеском ранга, это его не соблазнило и не обольстило. Он не демонстрировал энтузиазма и желания помогать Великобритании во время англо-бурской войны, хотя верил, что дело империи — правое. Он оказался столь искусно уклончивым при вкладе в имперскую защиту, что Чемберлен заявил: лучше иметь дело с откровенным и прямом хамом и скотиной. Доктор Джеймсон сказал, что Лорье — это «чертов учитель танцев», который «испортил все шоу»¹⁸⁹.

Вопрос о том, следует ли канадцам готовиться проливать кровь за корону, разделил доминион до основания. Люди британского происхождения, по словам Киплинга, обладали «определенной грубой верой в империю, в которой они, естественно, считают себя пупом земли»¹⁹⁰. Многие из них считали: англо-бурская война дает возможность усилить пуповину верности, которая все еще привязывала землю-дитя к метрополии-матери. Отправление канадского контингента для сражения на вельде стало бы шагом к политической зрелости, к укреплению моральной силы Федерации, выковыванию национального характера и мобилизации нового духа патриотизма. По словам самых пылких джингоистов, этот дух лучше всего выражался в лозунге оранжистов: «Одна раса, один флаг, один трон». Некоторые требовали одного языка и одной веры, утверждая права большинства в Канаде столь же яростно, как они утверждали права меньшинства в Ирландии.

Оранжисты были сильны, так как имели девятьсот лож только в Онтарио и помогали навязать скучный пуританизм, который делал возможным, как гласит старая шутка, провести неделю в Торонто за одно воскресенье.

Чтобы противостоять такому сектантству британо-канадцев, франко-канадцы часто выражали готовность сражаться за империю. Это давало лучшую возможность сохранения двойственности доминиона и защиты их индивидуальности. Но англо-бурская война оказалась для них жестоким зрелищем: Британия пыталась силой навязать послушание другому маленькому народу. Никто не выразил негодование Квебека более красноречиво, чем Анри Бурасса, фанатик и энтузиаст, похожий на своего деда-революционера Жана-Луи Папино. Он ругал «военное безумие, которое является средством захвата и удержания иностранной территории»¹⁹¹, объявляя: патриотизм такого рода — это последнее прибежище негодяев.

Лорье должен был найти компромисс, который смягчит и устроит, хотя может и не удовлетворить все сообщества. Он сделал это, санкционировав отправку в Южную Африку канадского подразделения добровольцев. Как премьер-министр сказал Бурасса, он таким образом избежал «раскола населения этой страны по расовому признаку. Ничего более серьезного никогда не случится в Канаде»¹⁹².

Лорье максимально использовал достижения канадцев в этом конфликте, объявив, что на западе появилась новая держава. Но она не была достаточно сильной, чтобы встать на действительно независимый курс под руководством Лорье, который отвергал и империализм, и антиимпериализм, держа перед собой «в качестве огненного столба ночью и столба дыма днем политику истинного канадизма»¹⁹³.

Премьер делал осторожные шаги. Канада взяла на себя всю оборону своей страны, и в 1909 г. учредила Министерство иностранных дел, которое расположилось над маленькой парикмахерской в Оттаве. Страна неуютно зависала между своим растущим американским соседом и увядающей европейской матерью. Она вела переговоры о заключении противоречивого торгового соглашения с США и искала приемлемый способ усилить британскую военную мощь.

В конце концов, несмотря на усилия Лорье, Канаду затянуло в вихрь милитаризма. Это имело парадоксальные последствия. Первая Мировая война все же разделила канадцев. Сам Лорье, который памятно объявил в 1914 г., что все его соотечественники «готовы, да, готовы»¹⁹⁴, к 1917 г. поддерживал ожесточенную франко-канадскую кампанию против призыва на военную службу.

Однако война помогла создать нацию, объединенную в своем стремлении сбросить последние остатки британской опеки. Это был народ, готовый и желающий обменять свое подчиненное место в старой империи на равное членство в молодом Содружестве.

В начале августа 1914 г. вся Канада радовалась перспективе смертельной схватки с Германией. На улицах Монреаля и Квебека, а также Ванкувера, Виннипега и Торонто эхом раздавались звуки «Марсельезы» и «Правь, Британия!» Там развевались яркие знамена и проходили парады. В провинции Квебек прелаты и пресса поддерживали войну, за исключением одной «Ля верите», которая предупреждала: главным врагом Франции является не Германия, а масонство.

Но Бурасса вскоре сменил собственную пластинку, как и большинства других франко-канадцев. Они сосредоточились на внутренних проблемах и врагах, вначале отговаривали от поступления на службу в армию, где в качестве языка командования использовался только английский, а в дальнейшем оказали яростное сопротивление призыву на военную службу.

Конфликт разбудил атавистические страсти. Ирландские католики, верные канадцы, которые хотели отделить себя от франкоговорящих «хулиганов», с готовностью ответили на лозунг (благословенный их епископами): «Присоединяйтесь к «Баффс» и охотьтесь на немцев»¹⁹⁵. [«Баффс» — Королевский Восточно-Кентский полк. — *Прим. перев.*]

Французская Канада не могла ассимилироваться, приспособиться или успокоиться. Националистическая оппозиция англо-саксонскому империализму во всех его формах еще более усугубилась. «Они везде вешают триколор, — с негодованием писал один английский гость, — даже на почтамте Его Величества!»¹⁹⁶ В Онтарио «фон Бурассу»¹⁹⁷ ругали, называя предателем. Никто не сделал больше для процветания ксенофобии, чем Сэм Хьюз, министр, ответственный за ополчение, в консервативном правительстве сэра Роберта Бордена. Он как-то объяснил вспышку оспы в Монреале превалированием католицизма.

Хьюз был большим задирой, грязно ругался и обращался к новобранцам с речами, о которых говорилось, как о «наборе вздора, криков, хвастовства и бахвальства»¹⁹⁸. Более того, этот чиновник оказался некомпетентным, коррумпированным, а возможно — до какой-то степени сумасшедшим. Его программы подготовки подошли бы для комической оперы. Он настаивал (до 1915 г.), что жены должны давать письменное разрешение мужьям на отъезд. Хьюз отдавал контракты приятелям, которые производили дефектное оснащение — например, винтовки Росса, которые постоянно заклинивало. Зато министр пытался поднять свой авторитет, назначив трех генералов на одну и ту же должность, нарушив принцип Ллойд-Джорджа, гласящий: хотя один генерал может быть и не лучше другого, «один генерал — это лучше, чем два»¹⁹⁹.

В 1916 г. Борден отправил Хьюза в отставку, поскольку номера, которые тот выкидывал, стали неприемлемыми, поскольку силы доминиона становились все более профессиональными. Как и австралийцев с новозеландцами, канадцев считали солдатами по природе. Предполагалось, что они инстинктивно агрессивные, окрепшие и закаленные в дикой местности, их вдохновляет дух демократизма.

В этом мифе имелася доля правды. Майор Эдисон Линн из морской пехоты писал: «Я уверен, что у Наполеона в зените власти не было солдат лучше наших»²⁰⁰. Но только четверть канадцев можно было классифицировать как жителей лесной глуши. В боях погибло много самых крепких и стойких. Командира 8-го канадского пехотного батальона восемь раз заваливало землей в Фестуберте после взрывов снарядов «Джек Джонсон». Он потерял 250 своих подчиненных во время «бессмысленной атаки». Этот человек писал домой: «Сейчас со мной все в порядке, но я боюсь, что у меня будет нервный срыв, кажется, что я становлюсь все более дерганным... Если меня отправят назад в Англию за то, что выкладывал в углу солому, на которой мог бы спать крокодил, не удивляйтесь»²⁰¹.

И снова, как австралийцы с новозеландцами, канадцы были вынуждены научиться современному ведению войны через испытания и ошибки, «в кровавой бане путаницы и неправильных напутствий»²⁰².

Самая жуткая бойня случилась на Сомме. Незабываемым стал первый день сражения, 1 июля 1916 г., когда британцы потеряли шестьдесят тысяч человек (убили почти каждого третьего из них). Многих застрелили в строю, когда солдаты шли с винтовками и шестидесятифунтовыми вещмешками на дула немецких пулеметов.

За сорок пять минут первый батальон Ньюфаундлендского полка лишился 684 человек из 752. Такого процента потерь «не было ни у какого другого подразделения за время войны»²⁰³.

Сами канадцы потеряли свыше 24 000 человек в последующие месяцы войны на истощение. Они, естественно, разочаровались в британских генералах. Главнокомандующий сэр Дуглас Хейг, например, считал: каждый шаг в его плане битвы на Сомме делался с божественной помощью. Но он отнесся с пренебрежением к канадцам и поносил их, когда они отступили: «Люди со странным оснащением, потрепанным видом и бородами. Не все являются целеустремленными бойцами»²⁰⁴.

Сэр Хьюберт Гуг пытался привить Пятой армии «жажду крови». Он заявил своему штабу: «Я хочу расстрелять двух офицеров»²⁰⁵.

В Третьей армии «Бык» Алленби даже потребовал подчинения от мертвых, как-то пожаловавшись, что на трупе форма не по уставу. Он иногда пугал живых подчиненных, чтобы им стало физически

плохо. Один циничный капитан сказал: «Лучшее зрелище, которое я когда-либо видел на Сомме — это два бригадных генерала, которые лежали мертвыми в одной воронке из-под снаряда»²⁰⁶.

В дальнейшем власти сделали одно исправление в инструкциях для британской пехоты. Они вычеркнули требование «приближаться к противнику, чего бы это ни стоило»²⁰⁷.

К 1917 г. четыре канадские дивизии, которые теперь впервые сражались вместе, приобрели опыт, чтобы добиться своей исторической победы у горной гряды Вими с малыми потерями. Это сражение, несмотря на все значение, которое ему в дальнейшем приписывалось, на самом деле являлось просто частью британского отвлекающего маневра. Следовало помочь крупному французскому наступлению против «линии Гинденбурга». Но оно произошло в крайне важный момент, через три дня после того, как США вступили в войну и за неделю до того, как Ленин прибыл на Финляндский вокзал в Петрограде.

Поскольку американцам требовалось много месяцев на мобилизацию, а поражение России быстро высвободило 1,5 миллиона немцев для сражения на Западном фронте, положение союзников оказалось очень опасным. Более того, горная гряда Вими-Ридж была важна, поскольку доминировала над равниной Фландрии. Как сказал один обозреватель, с ее верха, достигавшего 450 футов, «можно было увидеть больше военных действий, чем с любого другого места во Франции»²⁰⁸.

Горная гряда представляла собой крепость, которая могла очень долго стоять. «Если смотреть снаружи, то это только большая гора, — писал майор Линн. — Но она полна галерей и камер, как поле полно кротов». Он отмечал: Тацит рассказывал, как германцы, сражаясь против Рима, «строили убежища в мелу». Так они поступали и теперь²⁰⁹. Горная гряда была прорезана траншеями, туннелями, глубокими бункерами, бетонными долговременными огневыми сооружениями и замаскированными пулеметными гнездами. Все это защищалось поясами колючей проволоки шириной в сорок ярдов. Гряда стала немецким Гибралтаром. Для ее захвата канадцы разработали тактику, которая, в конечном счете, помогла выиграть битву.

Они изучали французские методы и тренировались на копии поля брани, подготовленном на основании данных разведки и фотографий с воздуха, полученных дорогой ценой. Канадцы собрали большое количество припасов, и продуктов питания, и амуниции, построили двадцать пять миль новой дороги, двадцать миль трамвайных путей и четыре мили туннелей для транспортировки людей, оснащения и припасов на фронт. Он был связан с тылом восьмьюдесятью семью милями телефонного кабеля.

Они организовали обстрел общим весом 50 000 тонн, который разбил немецкие укрепления, обрезал проволоку и уничтожил большую часть скрытых германских батарей, точное месторасположение которых было определено с помощью новой звукоулавливающей аппаратуры. На рассвете второго дня Пасхи, в понедельник, взрывы мин слышались над оглушительным ревом почти тысячи орудий. Темную гряду окутало разноцветным дымом. Затем, когда канадцы перебрались через вершину, она осветилась золотым дождем. Это немцы выпускали осветительные ракеты янтарного цвета, которые взрывались и рассыпались на множество искр и звезд. Так они хотели привлечь поддержку собственной артиллерии.

Армия доминиона не тащила никаких тяжелых вещмешков или даже шинелей, и, несмотря на снег, продвигалась вперед на сто ярдов каждые три минуты. На канадцев катился огневой вал. Снаряды разрывали землю перед ними, словно гигантский трал. Тяжелые пулеметные пули ложились так густо, что превращали куски колючей проволоки в единые куски металла. Под этим «куполом из свинца»²¹⁰, «единым потолком звука», петляющие и пригибающиеся канадцы, казалось, исполняли какой-то сумасшедший жуткий танец²¹¹.

Они перебрались через первую траншею противника, даже не поняв, что это траншея. Обнаружился лишь хаос воронок. Канадцы неслись сквозь сильные порывы ветра, под дождем со снегом, через полосы огня. Атакующие искали прикрытия и проникали маленькими специализированными группами, каждый солдат был сам себе генералом. Они бомбили окопы и землянки, брали серых, оглушенных и ничего не соображающих пленных и обходили по флангам немецкие опорные пункты. Оттуда защитники выползали после того, как прошла первая волна. Но столько канадцев получили пули в спину, что вода в воронках из-под снарядов покраснела от крови.

Однако атакующие, понимая, что у них все получилось «поразительно и прекрасно»²¹², радовались и испытывали восторг от незнакомого чувства победы. Казалось, что даже раненые пребывают в эйфории. Один солдат, которому отстрелили обе ноги, пытался тащить себя вперед при помощи винтовки: «Можно было подумать, что он сидит в каноэ и пытается грести винтовкой, будто веслом»²¹³.

Через два часа первые канадцы поднялись на гребень горной гряды Вими-Ридж, потом за ними последовали бригады поддержки. В середине утра сами небеса засветились, словно бы праздная их триумф, потому что внезапно небо очистилось и солнце осветило разгромленную местность, утыканную воронками, словно оспи-

нами. Группы солдат стояли, наслаждаясь панорамой, офицеры размахивали своими тросточками, а противник тем временем подал сигнал к отступлению.

Возбуждение казалось осязаемым. «На несколько минут артиллерийский огонь почти прекратился с обеих сторон. Наступила полная тишина, словно мы все попали в какую-то страну чудес, — писал один из свидетелей. — Казалось, что сама битва затаила дыхание»²¹⁴.

После передышки канадцы закрепились на гряде с помощью новых газометов Ливенса, которые могли выстреливать пятидесятифунтовыми барабанами с ипритом на расстояние до полумили. Но танки были очень громоздкими, а кавалерия слишком уязвимой, чтобы добиться прорыва. В долине Арраса немцы снова укрепились, опять положение показалось безвыходным. Однако во время атаки было захвачено больше орудий, пленных и территории, чем во время любого другого британского наступления на Западном фронте. Канадские добровольцы — старатели из Клондайка, скотоводы из Альберты, фермеры, выращивающие пшеницу в Саскачеване, магазинные клерки из Манитобы, бизнесмены из Онтарио, разнорабочие из Квебека, лесорубы, сталепрокатчики и рыбаки из приморских провинций, — показали себя равными любым солдатам, сражавшимся за союзников. На самом деле, как говорил Ллойд-Джордж, оставшуюся часть войны они использовали, как «штурмовые войска, чтобы возглавить атаку в одном великом сражении за другим»²¹⁵.

Они оставались вместе (несмотря на попытки Хейга использовать канадский корпус по частям) под командованием канадца — сэра Артура Кури. Он был неуклюжим, нескладным и некрасивым, а также не пользовался популярностью. Однажды он приветствовал выживших из пострадавшего подразделения словами: «Вот такими я люблю вас видеть — все в грязи и крови»²¹⁶.

Но Кури бережно относился к их жизням и вел к успеху. Канадские достижения превратили Бордена из удаленного вспомогательного лица, который полагался на газеты для получения информации о войне, в полноценного союзника, имеющего место в имперской военном кабинете. Этот орган признал принцип, который Борден сформулировал в 1917 г.: доминионы являлись «автономными нациями имперского Содружества». Это крайне важная перемена в статусе и названии отражала путь, на который встала Канада, как и другие доминионы — «путь полностью самостоятельного государства»²¹⁷.

Клише Бордена повторялось во многих формах, потому что суммировало общую точку зрения. Уже в 1915 г. канадцы могли слышать «новую песню рождения в честь своей страны, наполняю-

шую небо»²¹⁸. Через год кузен Бурассы, капитан Толбот Папино, осудил его за его антиимпериалистические взгляды и сказал: «Истинный националист почувствовал бы, что в агонии потерь в Бельгии и Франции Канада испытывает родовые муки рождения единой нации»²¹⁹.

Одна англичанка, посетившая Оттаву, обратила внимание на презрение, испытываемое местными жителями к «этим ужасным янки», которых интересовала только прибыль от войны. Она сделала вывод, что «канадцы более духовны и, как к большинству из нас, духовность приходит к ним через страдания»²²⁰.

Художник А.Дж.Джексон сказал в 1919 г.: «Мы больше не робкие и униженные жители колоний. Мы создали армии...»²²¹

Так Канада утвердилась во время процесса установления мира. Гибель каждого десятого из ее армии дала шестьдесят тысяч причин, объясняющих, почему аргументы Бордена должны победить.

Канада стала суверенным членом Лиги Наций, что поддержал Борден, хотя и считал абсолютно непрактичным²²². Страна стала самостоятельно вести свою международную политику — в частности, отказалась помогать в дальнейшей конфронтации с Турцией в 1922 г., несмотря на обращение Ллойд-Джорджа.

Поскольку Великобритания из-за войны обеднела, Канада стала стремиться к более тесному сотрудничеству с США, которые покупали в десять раз больше ее экспорта, чем метрополия.

Потрясение в самых важных аспектах стало «модернизирующим опытом»²²³. Канада отказалась от наследственных титулов для своих граждан, стремилась определять свою судьбу как дома, так и за рубежом. Эта попытка осложнялась, но и стимулировалась французским компонентом.

Мемориалы доминиона принявшим славную гибель наиболее красноречиво говорили о том, что стало ее войной за независимость. На горной гряде Вими стоят два больших столба, сделанных из мрамора, добытого в карьере в Далмации. Этот же мрамор использовал император Диоклетиан для строительства одного из своих дворцов. Столбы символизировали Францию и Канаду, союзников по оружию, партнеров в печали и равных по статусу. Монумент в Оттаве — двадцать два бронзовых солдата. Эта группа спроектирована как воплощение нации, проходящей под триумфальной аркой. Монумент представляет смерть, поглощаемую победой, индивидуальную жертву, которая дала искупление и освободила весь народ.

Глава 10

«Горящие надеждой освобождения» Ирландия и Ближний Восток

Основной военный мемориал Дублина резко контрастировал с канадскими монументами и стал символом национальной амнезии. Изначально памятник 49 400 ирландцам, убитым во время Первой Мировой войны, должен был строиться на площади Меррион в центре города. Но в 1923 г. правительство недавно появившегося Свободного Ирландского Государства отвергло это место. Иначе памятник стал бы слишком ярким напоминанием о войне, которая велась за Британскую империю.

В конце концов, был выбран участок в Айлендбридж, на западной окраине столицы, между зоопарком и тюрьмой Килмайнхэм. Это двадцать пять акров на южном берегу Лиффи – реки, которая вполне могла бы стать Летой.

Сэр Эдвин Лютенс проектировал мемориальный парк. В нем установили высокий кельтский жертвенный крест и памятный камень, который, как говорили, «выглядит, словно прилавок в магазине»¹. На камне была сделана надпись, слова выбирал Киплинг: «Их имена будут жить вечно».

Крест и камень стояли среди фонтанов, открытых беседок, увитых ползучими растениями, вручную вырезанных из известняка павильонов. Но, хотя Британский легион проводил церемонии в честь Дня перемирия, положившего конец Первой Мировой войне, женщины (часть из которых были вдовами, живущими на пенсию, выплачиваемую Джоном Буллем) продавали маки, а ветераны пели «Боже, храни короля!» и в Дублине, и в Белфасте, ирландские националисты хотели предать Первую Мировую войну забвению.

После завершения Айлендбриджа в 1938 г., он не удостоился никакого официального открытия. Премьер-министр Имон де Валера отказался разрешать подъем государственного флага Соединенного Королевства, парад полковых штандартов или любую другую «демонстрацию, которая может оскорбить национальные чувства»².

В дальнейшем мемориалу позволили прийти в упадок. Беседки гнили. Розовые сады чахли и высыхали. Вандалы грабили павильоны, громили фонтаны и уродовалиobelisks. Если Канада поч-

тительно поддерживала свой колоссальный алтарь на «освященной земле»³ Вими, то Айлендбридж пережил забвение, доходящее до осквернения.

К другим военным памятникам в Свободном Государстве тоже относились с пренебрежением. Один из них в центре Слиго заменили бронзовой статуей У.Б.Йейтса. Памятник у главного входа на вокзал Коннолли в Дублине был отправлен в забвение на платформу номер 4. «Давайте забудем» — вот какой лозунг больше всего подходил для мемориальных досок в двадцати шести из тридцати двух ирландских графств. Приверженцы зеленого флага не хотели никаких воспоминаний о жертвах своих соотечественников ненужной и ошибочной войне. Вместо этого они хотели вспоминать ужасающие сцены, рожденные Пасхальным восстанием в 1916 г., славную борьбу за национальное освобождение и ирландские достижения в пробивании самой большой бреши в обороне Британской империи после Йорктауна.

Все страны вырезают какие-то моменты из истории и придают ей форму, чтобы она соответствовала текущим требованиям. Однако новое ирландское государство изуродовало свое прошлое. Это было понятно в виду настоятельной необходимости создать нечто отдельное, стереть клеймо второго острова Джона Булля, вырвать ирландцев у короны. Более того, вычеркнуть эпизод ирландского участия в Первой Мировой войне оказалось легко, придумав сагу об английском владычестве и конце того, что в Декларации независимости республиканцев 1919 г. названо «долгими веками безжалостной тирании»⁴.

Само по себе это описание игнорирует прогресс, происходивший полвека после голода. В два раза увеличилось количество школ, было построено 3 500 миль железных дорог, развивались службы здравоохранения и социального обеспечения, наблюдались улучшения в жилищном строительстве и обеспечении жильем, делались важные шаги в экономике, увеличивались возможности обогащения на аванпостах Британской империи.

Но ничто из этого не имело большого значения, поскольку оставались унижительные обиды и недовольство — особенно, из-за земли, образования и религии. Британские правительства пытались решить эти проблемы, помогая мелким фермерам, санкционируя школы с учащимися одного вероисповедания и отделяя ирландскую протестантскую церковь от государства.

Однако такие уступки не могли удовлетворить Ирландию. Проблема была не в том, что как только Гладстон находил ответ на ирландский вопрос, то ирландцы тут же меняли вопрос. Вопрос-то как раз оставался всегда одним и тем же — как избавиться от унии? Навязчивой идеей для ирландцев стала невыносимая трагедия

утерянной свободы. Это было зло, которое отравляло каждую проблему и заражало любое решение.

За границей, а особенно в городских гетто Америки, где у жителей текла «зеленая кровь», это порождало «ожесточенный национализм» с лозунгами: «Купи динамит!», «Боже, освободи Ирландию!»⁵ На Британских островах проблема тревожила не только революционеров из тайных обществ (фениев), но и политиков, сторонников гомруля («Home Rule», самоуправления) в Вестминстере. Последние хотели, по словам Гладстона, промаршировать «через грабеж к расчленению империи»⁶.

Конечно, после голода большинство ирландских семей были заняты борьбой за выживание. Многие все еще жили в сильной нищете. Иные, которые не отчаялись полностью, эмигрировали. И Англия это одобряла. «Ирландия кипит, — писала «Сатурдей Ревью», — и пена течет через Атлантику»⁷.

Но американцы ирландского происхождения смотрели на экономическую ссылку, как на политическое изгнание. Многие беженцы были земледельцами, чьи маленькие участки земли, где выращивался картофель, объединили в большие пастбища. Овцы съедали людей. Четверть Ирландии, пять миллионов акров, сменили хозяина в годы после голода. И новые владельцы заработали репутацию «жадных вампиров» и «коронованных вурдалаков»⁸, которые получали дьявольское удовольствие от того, что драли с арендаторов непомерную плату и выселяли их.

Но лишь немногие соответствовали этому описанию. На самом деле 150 000 фермеров-арендаторов, занимающих тридцать или более акров (в целом три четверти сельскохозяйственных земель в стране), наслаждались скромным процветанием до упадка конца 1870-х гг. Они формировали основу появляющегося среднего класса, который искал парламентских решений проблем своего острова. Но Ирландская партия в Вестминстере, которую возглавлял Айзек Батт, и кампания за ограниченное самоуправление в имперских рамках, оказались неэффективными. Столь же неэффективными были и фении, которые в 1867 г. выставили пики против винтовок Энфилда и мало получили в плане трансатлантической помощи, кроме нескольких дюжин ирландо-американцев, которые прибыли на корабле под названием «Эринс Хоуп» («Ирландская Надежда»).

Восстание фениев было плохо организовано, не имело надежды на успех и оказалось быстро подавленным. На земле, где Христос и Цезарь были закадычными друзьями, как выразился Джеймс Джойс, его тут же предали анафеме и проклинали. Римский католический епископ Керри призывал на головы его руководителей «самые страшные проклятия, желая всяческих напастей и по-

гибели». Он же объявил, что вечность не будет слишком долгим сроком для их наказания, а «Ад окажется для них недостаточно жарким»⁹. Земной судьбой революционеров становились либо виселица, либо тюремное заключение.

Казалось, что все это подтверждает афоризм одного конституционного националиста, Дж.П.Кёррана, о том, что ирландцы — плохие подданные, но еще худшие бунтовщики. Однако эти бунтовщики сохранили традицию силового решения вопроса, завладели воображением соотечественников и вдохновили на новые подвиги для решения ирландской проблемы. Гладстон, который считал, что в соединении Ирландии с Америкой или Канадой заключается только опасность для империи, восстановил привилегии англиканской церкви и уменьшил права землевладельцев. Чарльз Стюарт Парнелл, которые защищал фениев в Палате общин и стал «главой» Ирландской партии в 1880 г., пытался поддерживать равновесие между революционными и конституционными силами. В духе Джеймса Финтана Лалора, бунтовщика 1848 г., который считал, что голод растворил связи в обществе, Парнелл не гнушался насилия в земельном вопросе, как средства получения самоуправления. «Если бы завтра у нас появились фермеры, владельцы земли, — говорил он, — то мы недолго оставались бы без ирландского Парламента»¹⁰.

Только Парнелл обладал гением для создания альянса, который, по словам одного восхищенного им биографа, «привел бы Ирландию в пределы видимости земли обетованной»¹¹.

Парнелл стал полной противоположностью добродушному и мягкому Батту с его благородной внешностью. Глава Ирландской партии был холоден, не шел на компромиссы и походил на тигра. Как говорил сам Батт как раз перед тем, как Парнелл вошел в Парламент в возрасте двадцати девяти лет в 1875 г., «саксы найдут его неприятным покупателем, хотя это — симпатичный парень».

Сами фении признавали, что Парнелл — «человек для борьбы с англичанами; он был очень похож на них, столь же холодный, бессердечный, жесткий, неумолимый и непреклонный»¹².

Он родился в семье жизнерадостного сквайра в Уиклоу, ходил в школу в Англии, говорил с английским акцентом и научился ненавидеть англичан еще на коленях у матери, рожденной в Америке. Парнелл особенно ненавидел их претензии на превосходство, которое давалось без особых усилий. Его высокомерие стало очевидно в колледже Магдалины Кембриджского университета, прославленного скорее социальными, а не интеллектуальными различиями выпускников. Здесь Парнелл отказался вступать в Гребной клуб, что привело к ссорам и «закончилось дракой»¹³.

Однако в отличие от мифа он, судя по всему, очень хорошо прижился в колледже. Несмотря на то, что посещал Парнелл его с

перерывами, он получил некоторое образование, хотя один соратник в дальнейшем заявлял: единственной книгой, которую когда-либо читал глава Ирландской партии, была «Лошадь» Уильяма Юэтта.

Другие студенты устроили в его честь прощальную пьянку, когда Парнелла временно исключили из университета за шумную ссору и драку с торговцем, продававшим органические удобрения.

Именно непоколебимость и твердая решимость Парнелла сражаться с англичанами в Палате Общин сделали его таким внушительным лидером. Хладнокровие и смелость лидера затмевали очевидные политические дефекты — например, недоступность и нечеткость в выражении мыслей. Мешали и его нелюбовь к похоронам, и зловещая пропаганда национализма. Но еще хуже оказалось то, что Парнелл испытывал суеверное отвращение к зеленому цвету.

Более того, он постоянно рисковал раскрытием его тайной связи с Кэтрин О'Ши, хотя его, как ни странно, не беспокоили опасности. Когда капитан О'Ши пригрозил ему дуэлью, поскольку нашел портмоне политика в доме жены в Элтаме, Парнелл только спросил, что капитан сделал с его вещами. Его холодная сдержанность едва ли скрывала натянутые нервы и бурлящие страсти, которые были сродни, как говорили некоторые, сумасшествию, встречавшемуся среди членов его семьи.

Но еще больше, чем авантюризм и безжалостные обструкции в законодательном органе, на людей его родной земли производило впечатление его «великолепное молчание»¹⁴, поскольку, как сказал один фений, все агитаторы говорили. Таинственность Парнелла, «подобного сфинксу»¹⁵, получалась у него естественно. Он предпочитал размахивать чеками в воздухе, чтобы таким образом высушить чернила, а не оставить образец своей подписи на промокательной бумаге.

Но непроницаемость позволяла ему сохранить двойственную суть политической позиции. Он отказывался определяться: несмотря на публичный протестантизм и агностицизм в частном порядке, Парнелл искал расположения римских католиков. Он был крайне хитер и изворотлив. Занимаясь прелюбодеянием, он иногда брал псевдоним «мистер Фокс» («господин Лис»). Однако он вел себя с автократической уверенностью, а его коней звали Президент и Диктатор.

Парнелл был бледен, носил бороду и держался величественно, а суровый взгляд его карих глаз с рыжеватым отливом, казалось, действовал гипнотически. Это был мечтатель и провидец, которого характеризовали метафорами, выражающими негибкость и несокрушимость (например, называли «человеком из бронзы»¹⁶, куском гранита, «оплавленным сталью»)¹⁷.

И он был пророком, чья атака на целостность Британской империи вдохновила на приветствия, достойные монарха. Как и освободителя Дэниэла О'Коннелла, его называли «некоронованным королем Ирландии»¹⁸.

Он получил этот титул в то время, когда многие ирландцы теряли права на землю. Сельскохозяйственные проблемы усилились в конце 1870-х гг. в результате поступления дешевых продуктов из Америки и плохих урожаев зерна в Ирландии. Увеличилось число выселений с земли. Возросло количество поджогов, убийств и других видов сельского террора. «Капитан Лунный Свет» и его приспешники из Ирландской земельной лиги портили скот и издевались над людьми, прибывая доски гвоздями к спинам¹⁹.

Парнелл использовал жизненно важный вопрос о земле, за которую, как ему говорили, арендаторы были готовы отправиться в ад. Он получил поддержку фениев вроде Майкла Дэвитта, которые высвободились из «смирительной рубашки непреклонности»²⁰ и вели кампанию за возвращение земли, как средства передачи Ирландии ирландцам. Как президент Земельной ассоциации, организованной Дэвитта в помощь мелким фермерам, Парнелл призывал к сопротивлению высокой арендной плате и выселениям. Он говорил: те, кто занимает собственность, с которой были выселены предыдущие арендаторы, не должен быть расстрелян. Просто его следует избегать как прокаженного, морально отлучать и изгонять, как капитана Бойкота, в честь которого и был назван процесс.

Однако Парнелл говорил с такой неистовостью, а в его поведении была такая угроза, что он удовлетворил всех, за исключением самых фанатичных националистов. Этот лидер сформировал массовое движение людей, которые с неудовольствием признавали: «Отсутствие единства было первичным проклятием нашей страны»²¹.

Когда голод и преступления парализовали запад острова, новое либеральное правительство (избранное в 1880 г.) начало уголовное преследование Парнелла и его коллег в Дублине за организацию заговора с целью порождения неприязни и враждебности среди подданных ее величества. Предсказуемого обвинительного приговора не получилось. Старшина присяжных развеселил суд, заявив: «Мы едины в том, что не можем согласиться»²².

Тогда Гладсон соединил использование силы с умиротворением и примирением. Он аннулировал «Хабеас Корпус» (английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности), чему яростно сопротивлялась все более дисциплинирующаяся партия Парнелла в Палате общин. Премьер принял Закон о земле, который дал арендаторам многое из того, что они давно хотели — фиксированный срок аренды, справедливую арендную плату и свободную продажу.

Парнелл играл по-крупному, и продолжал обструкцию. В октябре 1881 г. его закрыли в тюрьме Килмайнхэм, мрачном круглом здании с помещением для зрителя в центре, построенном из стекла, железа и гранита. «Там дисциплина поддерживалась с четкостью часового механизма в притупляющей ум тишине»²³.

Так Парнелл стал мучеником и сверхъестественным существом — испытывавшие благоговейный трепет крестьяне отметили, что его заключение в тюрьму совпало с самым худшим штормом за полстолетия.

Заключение в тюрьму способствовало популярности Парнелла в Ирландии. Так будет и со многими другими лидерами в борьбе за национальную независимость по всей империи. Это завоевало ценную поддержку в США, откуда ему пошли доллары. Как печально говорил романист Джордж Мур, их собирали «кормилицы и слуги ирландского происхождения в трактирах. Эти люди держали в руках судьбу Британской империи, как готы и вестготы держали судьбы римлян»²⁴.

Гладстон наверняка почувствовал себя обязанным вести переговоры с Парнеллом, следуя образцу британского поведения по отношению к Ирландии, известному, как «тумаки и пятаки», кнут и пряник²⁵.

Они достигли неофициального соглашения, которое было названо Килмайнхэмским договором, что вводило в заблуждение. «Тори» осудили пакт, намекая на государственную измену. В соответствии с этим договором Великий Старец должен был покрыть задолженности арендаторов по арендной плате, а освобожденный вождь — использовать свое влияние для остановки земельной войны.

Однако 6 мая 1882 г. террористическая группа, вышедшая из партии и называвшая себя «неуязвимыми», убила главного уполномоченного по делам Ирландии лорда Фредерика Кавендиша, а также еще одного высокопоставленного чиновника. Это произошло в пределах видимости белых ионических колонн дворца наместника короля в Феникс-парке. Убийства были совершены длинными хирургическими ножами.

Все это вызвало ужас по всему Соединенному Королевству. Самый громкий призыв к мести прозвучал с площади Принтинг-хаус (где находилась «Таймс»).

Газета не только пыталась «навесить это адское преступление на ирландский народ»²⁶, но и предлагала перебить ирландское население в Англии. (Это обвинение Гладстон посчитал дьявольским).

Даже Парнелл, который всегда держался холодно и отстраненно, был потрясен этим преступлением. Он предложил уйти в отставку и, «побелевший и очевидно испуганный», сказал сэру Чарльзу Дилку, что удар был направлен против него²⁷.

На самом деле теракт не являлся личной угрозой, хотя Парнелл предпринял меры предосторожности и стал носить револьвер в кармане пальто. Но произошла атака на его политику. Теперь лидер сильно склонялся в направлении конституционного урегулирования. Хотя Гладстону пришлось использовать силовые методы после убийств в Феникс-парке, он двигался к той же цели. Это оказалось реализацией давнего мнения о том, что «Англия в долгу перед Ирландией в вопросе справедливости»²⁸.

Великий Старец был пропитан духом великодушия и щедрости, более сильным, чем его склонность к казуистике. На протяжении многих лет сочувствовал маленьким нациям, сражающимся за свое освобождение. В последнее время Гладстон признавал, что у унии нет моральной силы. Он стремился «сделать самого униженного ирландца управляющим».

Такая идея не нравилась лорду Солсбери²⁹. К 1885 г. Гладстон столкнулся с группой ирландцев, объединенных общими интересами в Парламенте (который теперь формировался на основе более широкого избирательного права), и нацией, чью взрывоопасность (доходящая до террористических актов в Англии) не могла успокоить и королевская магия. Когда принц Уэльский Эдуард посетил Ирландию, в некоторых районах его приветствовали черными знаменами, на которых было написано: «Мы не потерпим никакого принца, кроме Чарли»³⁰.

Какое-то время Великий Старец, который тоже хотел найти вопрос, способный объединить фракции в Либеральной партии, кое-что держал в секрете. А ирландский вождь начал устанавливать связь с «тори». Но когда всплыло, что Гладстон поддерживает гомруль, как единственное средство успокоения Ирландии, Парнелл заключил крепкий союз с либералами.

Первый закон Гладстона о гомруле (1886 г.) вызвал волнения в протестантском Ольстере. Он привел таких «вигов», как лорд Хардингтон, и либеральных империалистов (Джозеф Чемберлен и др.) в объятия «тори», не позволив получить большинство в Палате общин. Однако тот факт, что великая британская партия признала вескость и обоснованность национальных стремлений Ирландии, имел огромное значение. Это показывало, что не только уния обречена, но и дни империи сочтены. Все происходило не потому, что Гладстон предлагал (в чем обвинил его лорд Рэндольф Черчилль) воткнуть «нож в сердце Британской империи»³¹. Великий Старец ставил целью укрепить империю на основе согласия. Но это подразумевало и вариант несогласия. Если Ирландия уйдет, всегда предупреждали строители империи, то едва ли можно будет сохранить Индию, поскольку Индия являлась «большей Ирландией»³².

Консервативная и Юнионистская партия, которая теперь пришли к власти на два десятилетия (с либеральной интерлюдией между 1892 и 1895 гг.) были нацелены предотвратить эту катастрофу. «Ирландию следует удержать, как и Индию, любой ценой, — объявил лорд Солсбери. — Если возможно — путем убеждения; если нет — силой»³³.

В 1887 г. Солсбери отправил своего племянника Артура Бальфура управлять Ирландией по этим принципам, как главного уполномоченного по делам Ирландии. Почти все осуждали такое назначение, но не из-за вопиющего nepотизма, а потому, что Бальфур казался совершенно неподходящим для этой должности. Отправлять такого вялого и томного сибарита в беспорядочную и запутанную ирландскую политику казалось, как заметил его задушевный друг Керзон, «бросанием хромой утки в сборище злых котов»³⁴.

Но Бальфур разделял патрицианское презрение дяди к ирландцам, считая их не более готовыми к самоуправлению, чем индусы или готтентоты. Было что-то извращенное в людях, которые голодали на болотах и в горах, когда могли эмигрировать или выращивать чечевицу, менее подверженную заражению, чем картофель. Ирландцев следовало дисциплинировать. В противном случае, как предупреждала «Эдинбург ревью», колонии потеряют уважение к метрополии, а на англичан «перестанут смотреть, как на доминантную нацию»³⁵.

Однако Бальфур обещал быть справедливым и твердым. «Я буду таким же безжалостным, как Кромвель в принуждении подчиняться закону, — объявил он. — Но в то же самое время я буду таким же радикалом, как любой реформатор при заглаживании обид»³⁶.

Поэтому Бальфур поддержал землевладельцев, подавил «план кампании» (забастовки из-за арендной платы), который отверг сам Парнелл.

Главный уполномоченный по делам Ирландии оплатил пробивных людей для бейлифов из секретных служебных фондов. Он поддержал полицию, когда она расстреляла бунтовщиков в Митчелстауне в сентябре 1887 г. Бальфур сопротивлялся улучшению условий содержания в тюрьмах, которые должны были убивать политических заключенных с плохим здоровьем, и частным образом жаловался, что имеется «какая-то таинственная связь между больными легкими и ирландским патриотизмом»³⁷.

Ирландские члены Парламента сравнивали «кровавого» Бальфура с римским императором Гелиогабалом, «который имел привычку восстанавливать растраченную энергию в ванне с детской кровью»³⁸. Он оставался спокойным и безразличным к оскорблениям, насмешкам и уколам при встрече и отвечал на угрозы небрежным покручиванием пенсне.

На какое-то время его репрессии, хотя они ни в коей мере не соответствовали по суровости тем, которые проводил Кромвель, смогли утихомирить Ирландию. Но долгосрочным эффектом стало усиление кельтской ненависти к саксам, причем она была такой сильной, как писал Джордж Мур, «как ярость хорька, когда он сжимает зубы на шее крысы»³⁹.

Панацеи Бальфура, даже с помощью восстановления экономики, мало что сделали для улучшения отношений между расами. Да, он продолжал процесс помощи арендаторам в покупке их владений, что через какое-то время должно было решить земельную проблему. Но при этом ставилось столько условий, что процесс стал известен, как «Загадка мистера Бальфура». Большинство других его реформ оказались еще менее успешными. Его проект Католического университета провалился. Он потерял средства на западе и не смог достаточно инвестировать на востоке. Ему не ставили в заслугу легкие железные дороги, которые сопровождались тяжелыми наказаниями. Наконец, как и другие британские империалисты, он никогда не понимал, что административные панацеи никогда не вылечат болезни покоренной нации. Ни копей в случае использования силы, ни припарка в случае примирения никогда не вытянут яд из ирландской политики. Могло подойти только лекарство Парнелла, хотя оно никогда должным образом не учитывало Ольстер. К 1889 году ирландский вождь считал, что он может вскоре добиться самоуправления, поскольку его престиж достиг зенита, когда выяснилось, что «Таймс» использовала поддельные письма для втягивания его в дело об убийствах в Феникс-парке. Но на следующий год он получил удар. Его порочная связь с Катериной О'Шеа, которая осложняла ему жизнь на протяжении десяти лет, раскрылась, когда ее корыстный муж назвал его соответчиком в деле о расторжении брака. Парнелл хотел жениться на своей любовнице, не стал защищаться, и поэтому был соответствующим образом очернен. Но он пытался удержать лидерство, и таким образом от него отделились приверженцы высоких моральных принципов, Ирландская партия разделилась, и это серьезно повредило движению за самоуправление.

Через год Парнелл умер, оставив Ирландии горькое наследство из разочарования и разделения. Некоторые говорили, что он пал, как Люцифер, другие, что был распят на кресте, как Христос. Каким бы ни был вердикт, смерть некоронованного короля стала ключевым эпизодом в истории страны. Йейтс оплакивал его, представляя Парнелла направляющим Ирландию из могилы:

Память о нем —
Словно огненный столп,
Во мраке святящий нам...⁴⁰

Джеймс Джойс выразился о потере еще более трогательно, сравнивая себя с преданным Цезарем. И он тоже играл с идеей о том, что «дух» Парнелла «может подняться, словно Феникс из пламени»⁴¹, и освободить свою родную землю от «жестокой империи»⁴². Это был привлекательный образ, потому что Парнелл воплощал надежду, давал уверенность и делал независимость Ирландии неугасимым вопросом.

Более того, он на самом деле вскоре поднялся — в виде обелиска высотой пятьдесят семь футов. Памятник стоит на площади О'Коннелла, он появился там незадолго до начала Первой Мировой войны. Возможно, из-за того, что он будил «какую-то инстинктивную память о древних фаллических культах»⁴³ или казался отдаaniem долга мужской силе, которая так привлекла миссис О'Ши, дублинцы использовали снова «парнелл», как разговорное название пениса. Почтенных граждан, приходивших к этому святилищу, привлекал не фаллический символизм, а лапидарная надпись — самое знаменитое выражение Парнелла. Оно вдохновляло врагов Британской империи по всему миру: «Ни один человек не имеет права устанавливать рамки развития народа».

Нация изменила курс после смерти Парнелла и стала маршировать под бой другого барабана. На его похороны собралась толпа в 150 000 человек, в ней привлекали внимание эмблемы восстания — низкие фетровые шляпы с широкими полями. Шляпы получили своеобразное название, которое можно перевести как «бдительность». Их носили ведущие фении, которые утверждали: конституционный метод достижения освобождения столь же безжизненен, как труп, теперь лежащий на кладбище Гласневин под небом, наполненным «странным светом и огнями», которые отражали наэлектризованные и бурные чувства прощающихся⁴⁴.

Ирландские депутаты Парламента в замешательстве и смятении не могли оживить конституционный метод. В 1893 г. Палата Лордов похоронила второй билль Гладстона о самоуправлении 419 голосами против 41. Ирландская парламентская партия сумела объединиться только в 1900 г. Но она никогда не восстановила былой сплоченности под руководством способного и дружелюбного Джона Редмонда, который скорее напоминал Батта, а не Парнелла.

Тем временем «тори» продвигали самопомощь и самоусовершенствование и продолжали расширять крестьянскую собственность. Они приняли технику, которая станет во все большей мере использоваться в попытке сохранить целостность империи, предоставив Ирландии большую степень местного самоуправления. Это сбросило протестантское доминирующее влияние и, по словам Редмонда, «привело к социальной революции»⁴⁵.

Хотя такие уступки никогда не могли удовлетворить стремления подчиненных народов, ирландцы опасались, что англичанам, возможно, удастся убить гомруль добротой. Поэтому они бросили вызов конструктивному юнионизму при помощи культурного национализма. Это была кампания с целью показать, что Ирландия — светоч мира, зато Англия остается в раннем средневековье. Поэтому именно Ирландия обладает исторической цивилизацией, которая дает ей право быть хозяйкой собственной судьбы.

Такова оказалась попытка отполировать до блеска героические мифы, в частности — о Кухулине Храбром, который пролил кровь за свою родину. Приукрашивались многочисленные басни, придуманные ирландскими бардами и монахами, «двумя орденами, — как писал Гиббон, — которые в равной степени использовали привилегию художественного вымысла»⁴⁶. Образ карикатурного, бедного, необразованного, жестокого, слабого, ленивого и бесполезного ирландца менялся на совсем иного героя — чистого, духовного, энергичного, сильного и обладающего воображением ирландского кельта. Многие организации помогли создать этот идеал, который стал губительным и разрушительным для империи.

Ирландская атлетическая ассоциация была основана в 1884 г. для продвижения национальных видов спорта — в особенности, ирландского травяного хоккея и газельского футбола. Она стала «центральным столпом ирландского национализма»⁴⁷. Две тысячи игроков в травяной хоккей пришли на похороны Парнелла. Вместе со своими товарищами они выступали против английских видов спорта — например, крикета, целью которого, как сказал У.Г.Грейс, было «связать вместе различные части Британской империи»⁴⁸.

Национальное литературное общество, учрежденное в 1892 г., являлось одним из многих выражений расцвета ирландской литературы конца века. У.Б.Йейтс (который помог учредить национальный театр) стал главным его гением.

Удушение ирландского голоса после голода осложняло задачу писателей-националистов, поскольку большинство из них получили образование на английском языке. Но Газельская лига, сформированная в 1893 г., посвятила себя возрождению национального языка, поскольку, как сказал Джордж Мур, «душа Ирландии полностью и безоговорочно сосредоточена в нем». Мур высмеивал многие аспекты культурного возрождения, в которых участвовал сам — в частности, вдохновленное сагой видение Йейтса о таинственных крестьянах, его оккультные предрассудки, как Магического Студента Золотого Рассвета, сказочные фантазии этого верховного жреца кельтских сумерек.

Мур не боялся плохо говорить о друидах, предполагать, что «сплетни были дублинским фольклором», или смеяться над Дугласом Хайдом, президентом Гаэльской лиги, который выпускал ирландскую речь, «как пену с портера»⁴⁹ через опущенные вниз рыжевато-коричневые усы. (Они напоминали покинутое птичье гнездо). На самом деле, по словам ректора Тринити-колледж в Дублине, он говорил только на «обезьяньем ирландском»⁵⁰.

Но Хайд, хотя и являлся серьезным писателем, представлял собой хорошую мишень для нападок и насмешек. По словам Шона О'Кейси, он говорил на «осторожном голубином ворковании» и помогал с поклонением ночным богам вроде «Вечного Чистого Болония»⁵¹. Его восстание против британского портняжного империализма оказалось особенно смешным. Он убеждал ирландских женщин шить бриджи до колен (кельтский эквивалент дхоти Ганди) для своих мужчин, а его призывным кличем был «снимайте брюки»⁵².

Спорным остается вопрос, насколько эффективно рассеянное и многословное культурное движение «белых воротничков» породило агрессивное национальное самосознание. Но антибританские чувства явно были очень сильны во время Англо-бурской войны, когда силам империи в Южной Африке противостояло «примерно столько же здоровых мужчин, сколько можно найти в провинции Коннахт»⁵³.

Лига много сделала для распространения «гаэльских идей равенства и демократии»⁵⁴. И номинальный лидер Пасхального восстания Патрик Пирс принял вывод, что история признает Гаэльскую лигу, как «самое революционное влияние, которое когда-либо появлялось в Ирландии»⁵⁵.

Пирс был директором школы и поэтом. Он чтит рыцарей из прошлого Ирландии и нынешних крестьян, намереваясь читать историю в обратном порядке. Будущий лидер соответственно интерпретировал свое желание продвигать целостность ирландского народа, как преднамеренное обучение и подготовку к борьбе за завоевание независимости нации. На самом деле он поздно стал сторонником применения силовых методов, поскольку благоприятные условия для их использования материализовались медленно.

Артур Гриффит, вспыльчивый и раздражительный полемист, основал партию Шин Фейн («Мы сами») в 1905 г., чтобы воспитывать в ирландцах уверенность в себе, в своих силах, а также отказаться от сотрудничества с Англией. Но партия вскоре зачахла.

Более эффективным оказался воинствующий тред-юнионизм, возглавляемый Джеймсом Ларкиным, яростными синдикалистом. Он носил темную широкополую шляпу (которую, если верить предположениям, он никогда не снимал, потому что она скрывала

третий глаз Антихриста в середине лба). Второй профсоюзный лидер, Джеймс Коннолли, был интеллектуалом, который находил, что ему легче объяснить социалистические принципы ирландцам, чем объяснить социалистам, что значит быть ирландцем.

Используя социальные условия, которые делали Дублин еще более нездоровым, чем Калькутта, они организовали волну забастовок, локаутов и беспорядков. Однако к 1911 г., когда либеральное правительство Г.Г.Эсквита ограничило законодательное вето Палаты лордов, перспектива получения самоуправления конституционными мерами казалась реальной перспективой.

Но возможности для Ирландии — это затруднения для Англии. Теперь последней требовалось разбираться с протестантским обществом в Ольстере, которое проклиняло гомруль, как римское правление. Оно собиралось под знаменами лоялистов («оранжистов») и готовилось сопротивляться любой ценой. Более того, резкий и бесцеремонный новый консервативный лидер Эндрю Бонар Лоу сыграл «оранжевой» картой. Он обязался поддерживать Ольстер всеми необходимыми средствами, а не соглашаться на то, что он считал мошеннической парламентской сделкой между Эсквитом и Редмондом.

Хотя Лоу родился в Канаде, он происходил из пресвитерианской ольстерской семьи. Этот политик внимательно прислушивался к тому, что Луи Макнейс называл «вуду «оранжевых» оркестров»⁵⁶ и считал, что «ирландские католики являются низшей расой»⁵⁷.

Во вторник пасхальной недели 1912 г., стоя на платформе в Белфасте, на площадке Балморал, где обычно проводились шоу, Лоу находился вместе с членами Парламента из партии «тори», церковнослужителями и другими сановниками. Перед ними располагалось то, что предположительно являлось крупнейшим «Юнион Джеком» из когда-либо изготовленных.

Лоу сказал многочисленным жителям Ольстера: «Вы держите пропуск в империю»⁵⁸.

Поэтому, когда билль о гомруле Эсквита начал свой путь по Парламенту, жители Ольстера, чьим некоронованным королем являлся харизматичный сэр Эдвард Карсон, первыми ступили на курс, которым последуют другие находящиеся под угрозой меньшинства в империи. Они пригрозили восстанием ради верности и планировали государственную измену во имя короля. Ольстерцы давали торжественные обещания, мобилизовались, проводили учения и вооружались.

Казалось, «добровольцы» Ольстера напугали правительство (хотя Уинстон Черчилль, сказав, что есть вещи «хуже кровопролития»⁵⁹, открыто заявлял о своей готовности бомбардировать Белфаст). Военный министр полностью капитулировал перед так

называемыми «мятежниками на рыбацких лодках». Эти пятьдесят восемь офицеров британской армии получили от него заверение, что не будет никакого использования военной силы в Ольстере.

Южные националисты не могли сделать ничего другого, кроме как ответить своим железным кулаком. Ирландские «добровольцы» собирались тысячами, к ним добавилась крошечная армия горожан. Ее созвал Коннолли. Это была пролетарская преторианская гвардия в фетровых шляпах с широкими мягкими опущенными полями и в темно-зеленой форме. Служили они под синим знаменем, украшенным плугом и звездами.

Ирландские «добровольцы» тоже оснастились оружием, ввезенным контрабандным путем. В канун Первой Мировой войны партийные лидеры в Лондоне зашли в тупик относительно проблемы Ольстера и того, что казалось единственным осуществимым и подходящим решением — отделения. Как Парнелл и Редмонд, Патрик Пирс недооценивал непримиримость и непреклонность протестантского севера. Он думал, что вооружившись, ирландцы оставят сектантскую борьбу, чтобы сражаться за национальное освобождение. Они будут продвигать Ирландию, более не разделенную и не управляемую извне, к «судьбе более славной, чем судьба Рима»⁶⁰.

Пирс испытывал мало сомнений и колебаний относительно того, что может включать освободительная борьба: «Мы можем допустить ошибки в начале и застрелить не тех людей; но кровопролитие — это очищение и священное дело, а нация, которая считает это конечным ужасом, утратила мужество. Есть много вещей, более ужасных, чем кровопролитие; и одна из них — это рабство».

Он хотел и даже горел желанием пролить собственную кровь, чтобы спасти свой народ. Как заметил Йейтс, Пирс был опасным человеком, у него кружилась голова от самопожертвования.

Первая Мировая война показала Пирсу собственный крестный путь на Голгофу. Его вдохновляли примеры миллионов людей, которые жертвовали жизнью ради своих стран, и в духе фашистских патриотов вроде Габриеля д'Аннунцио, он повторял: «Старому сердцу земли требовалось согреться красным вином полей брани». Любой, кто так думал, как сказал Джеймс Коннолли, был «полным идиотом»⁶¹.

Он сам ставил целью разжечь искру социальной революции, считая, что осаждаемая Британская империя теперь уникально уязвима. «Ирландия, — объявил Коннолли, — находилась в положении ребенка, способного воткнуть булавку в сердце гиганта»⁶².

Однако в начале 1916 г., во время тайной встречи с лидерами возрожденного Ирландского республиканского братства, которые проникли в ряды «добровольцев», планируя переворот, Коннолли уступил головокружительной риторике Пирса. Он сделал вывод,

что свободы может добиться «только организация не менее мощная, чем красный прилив войны на ирландской земле»⁶³. Другие разделяли это видение ситуации, спешили за Пирсом, чтобы, как заметил Шон О'Кейси, прийти на «рандеву со смертью»⁶⁴. Но большинство надеялись, что маленькая группа восставших разворошит угли массовой ненависти к Англии, и превратив ее в пожар. Пирс называл это «священной страстью»⁶⁵.

Хотя процветание увеличивалось, и не было очевидного недовольства, через два года войны предзнаменования показались благоприятными. Гомруль был приостановлен на время войны, и казалось, будто англичане помогают жителям Ольстера искалечить Ирландию. Многие националисты негодовали из-за поддержки Редмондом участия Великобритании в войне. Жители Дублина с презрением и пренебрежением относились к плакатам, призывающим новобранцев для защиты прав малых наций, и поток добровольцев вскоре превратился в тонкий ручеек. «Идти служить? — сказал один молодой человек. — Мне идти записываться? Война идет!»⁶⁶

Поэтому маячила всеобщая воинская обязанность, которую станут оспаривать ирландцы. Однако Пирс и его последователи ничего не делали, чтобы подготовить нацию к действию. Закаленные заговорщики вроде Шона Макдермотта и Тома Кларка опасались английского меча меньше, чем ирландского языка. Они планировали Пасхальное восстание в такой тайне, что даже Ион Макнейл, командир небольшого подразделения «добровольцев», которое не было под контролем Редмонда, оказался обманут. Когда он обнаружил обман, то отменил приказы.

Восстание казалось безнадежным, в особенности после захвата немецкого корабля «Ауд» с двадцатью тысячами винтовок, а также ареста направленного в Германию сэра Роджера Кейсмента.

Были и другие срывы и путаница. Это фактически ограничило восстание Дублином, отсрочило его до понедельника пасхальной недели, ограничило количество повстанцев до 1 600 человек. Самого Макнейла забавляла текущая путаница и смятение, это мог ощутить только профессор истории. Он не мог решить, поддерживать восстание в форме или гражданской одежде. Но оно закончилось до того, как он определился.

Коннолли и Пирс оставались невозмутимыми и не теряли спокойствия из-за хаоса. «Нас убьют», — сказал Коннолли. Но без кровопролития, с чем согласился Пирс, не может быть освобождения.

Поэтому солнечным утром в понедельник после Пасхи, когда ирландские «добровольцы» и солдаты Армии горожан собрались в Зале Свободы, штабе Коннолли, Пирс проигнорировал смущающую мольбу сестры, которую она выкрикивала резким голосом:

«Иди домой, Пат, оставь всю эту глупость!»⁶⁷ Вместо этого он пошел со своими людьми.

Различные подразделения отправились захватывать ключевые точки города. Некоторые ехали на электрическом трамвае, оплатив проезд. Рота Пирса напоминала потерянный легион. Некоторые «добровольцы» были в гражданской одежде с желтыми повязками на левых рукавах. Другие несли пики, кувалды и кузнечные молоты, а также нагрудные патронташи и ранцы-рюкзаки для провизии, которые крепились на ремнях и веревках. У них имелось разнообразное оружие — маузеры, дробовики, спортивные винтовки, винтовки Мартина-Генри, Энфилда, пики и изготовленные дома бомбы.

Однако повстанцы быстро заняли Главпочтамт, который теперь находится на улице, носящей имя О'Коннелла.

Главпочтамт представлял собой массивное здание из гранита с колоннами, построенное в 1818 г. и недавно обновленное. Оно стало командным центром. На крыше установили триколор (оранжевый, белый и зеленый) движения «Молодая Ирландия», а также огромный зеленый флаг с надписью белыми буквами «Ирландская Республика». Это не остановило британских офицеров, которые время от времени заходили купить марки.

Восставшие захватили и ряд других крупных зданий, включая помещение Организации по опеке над бездомными, Союз южного Дублина, фабрику Джекоба по производству бисквитов, хирургический колледж, прядильные фабрики Боланда, городскую ратушу и гостиницу «Имperiал». Они были должным образом укреплены. Сам Дублинский замок мог быть взят, если бы кто-то знал, как слабо он удерживается. Первым погибшим среди восставших стал актер Шон Коннолли, который убил первого полицейского при входе в Верхний двор замка — у ворот в стиле барокко, где наверху стоит статуя богини Правосудия (дублинцы цинично отмечали, что она смотрит в противоположную от города сторону).

Перед Главпочтамтом Пирс провозгласил Ирландскую Республику. Он утвердил право Ирландии на национальное самоопределение от имени Бога и поколений мертвых борцов за свободу. Пирс объявил, что эгалитарную республику поддерживают «дети Ирландии, находящиеся в изгнании в Америке, а также доблестные союзники в Европе»⁶⁸ (это было провокационной и образной ссылкой на Германию).

Последовали немногочисленные жалкие приветственные крики. Но зрители, потрепанные мужчины в разбитой обуви, женщины в шaliaх и платьях с заплатами, босые дети в рванье, доставшемся от старших, были поставлены в тупик и по большей части настроены враждебно. Некоторые кричали: «Дерьмо! Вши! Лаю-

шие собаки!»⁶⁹ Другие упирались в баррикады, но «противника» отгонял один из «добровольцев», бывший их по голове женским зонтиком.

Когда рота уланов галопом проскакала по улице О'Коннелла, и ее отправили назад ружейными выстрелами из Главпочтамта, толпа выразила сочувствие лошадям. Британская кавалерийская атака против хорошо охраняемого здания, как сказал Коннолли, означала, что «у Ирландии все еще остается большая надежда»⁷⁰.

Бодрость, жизнерадостность и смелость Коннолли сделали больше, чем что-либо другое, для оживления сопротивления. Молодой смутьян Майкл Коллинз, в прошлом — почтовый клерк, сказал: «Я последовал бы за ним и через Ад»⁷¹.

Но круглоголовый Коннолли, обладатель большого живота и кривых ног, не был стратегом. Он уверенно заявлял: тяжелые орудия не будут использоваться, поскольку капиталистическое правительство никогда не станет разрушать свою столицу. Поэтому, вместо того, чтобы повторять партизанские методы буров, восставшие пытались удерживать разбросанные в разных частях города опорные пункты. Это сделало их легко поражаемыми целями для превосходящей огневой мощи, которую без колебаний использовали британцы после того, как прошел начальный шок. Они ввели войска в замок и призвали подкрепления, которые участвовали в ряде яростных уличных стычек. Например, на мосту Муант-стрит наступающая змея в форме цвета хаки подверглась кровавой атаке, которую провела группа республиканских стрелков. Однако по большей части британцы отмечали вражеские анклавы к югу от Лиффи и заставляли восставших не поднимать головы снайперским огнем с высотных зданий — например, с таможни.

Это не остановило широко распространившиеся грабежи. В один момент дублинские «вши из трущоб»⁷², как их называл один герой из «Плуг и звезды», разбросали на камнях улицы О'Коннелла ненужные крахмальные воротнички рубашек, которые украли из универмага «Клерис». Но грабители исчезли, когда британцы с оружием стали пробиваться к Главпочтамту, используя пулеметы и артиллерию. Канонерская лодка «Хелга» стреляла с реки, сокрушая «Зал Свободы, это гнездо подстрекательства к бунту»⁷³.

К среде кордон стал плотнее, и обороняющиеся в Главпочтамте уже охлаждали винтовки при помощи масла из банок с сардинами. В других местах напряжение сказывалось на даже самых стойких «добровольцах». Во время одного ночного налета де Валера так устал от нервного истощения, что заснул в железнодорожном вагоне на станции Уэстленд-Роу. Он проснулся в окружении нимф, херувимов и ангелов, решил, что умер и попал на небеса. На самом деле он оказался в королевском вагоне, оформленном в небесном

стиле (в дальнейшем, будучи президентом Ирландии, он использовал его).

В четверг зажигательные снаряды и трассирующие пули создали огненную бурю напротив Главпочтамта, на улице О'Коннелла. Она охватила гостиницу «Империял» и Дублинскую хлебную компанию. Зеркальные стекла в окнах универмага «Клерис» расплавились, а аптека Хойта превратилась в бушующий ад. Жар был таким сильным, что груды угля, использовавшиеся для баррикадирования окон Главпочтамта, загорелись, а вода, которой покрытые сажей восставшие поливали уголь, только шипела, превращаясь в пар. На удалении языки пламени поднимались так высоко, что «небеса казались огромным рубином, свисающим с Божьего уха»⁷⁴.

Внутри почтового редута чахоточный поэт Джозеф Планкетт, который все еще оставался безупречно одетым, со шпорами, саблей и драгоценными камнями на пальцах, радовался: «Это случилось впервые после Москвы! Впервые столица горит после 1812 года!»⁷⁵

Но после того, как загорелась крыша Главпочтамта, повстанцы поняли, что поражение близко. Коннолли получил тяжелое ранение в левую лодыжку, теперь в центр сцены вышел Пирс. Он был маленького роста, гордым и сдержанным, страдал легким косоглазием своих голубых глаз, и не был великим командиром. У него имелась офицерская шпага, но он едва ли мог разрезать ею буханку хлеба.

Пирс запретил использовать разрывные пули. Он был предан матери-церкви, матери Ирландии и собственной матери (в честь которой написал трогательную поэму в камере, куда был отправлен). Он ненавидел вид страданий и согласился с ними покончить. Поэтому во второй половине дня в субботу Пирс в фетровой шляпе с широкими мягкими полями и в длинном пальто, надетом поверх тонкой серо-зеленой формы, пошел сквозь «арену трагедии»⁷⁶, которая напоминала, по словам одного свидетеля, огромный разгромленный римский амфитеатр.

Пирс безоговорочно капитулировал. Он обладал магнетизмом, но отталкивал, являясь Савонаролой ирландского освободительного движения. Теперь, зная, что будет расстрелян, поэт надеялся стать спасителем нации.

Вначале это казалось маловероятным. Когда восставших вели сквозь толпу, дублинцы ругались, плевались, бросали в них гнилые овощи и кричали: «Штыками их! Штыками!»⁷⁷ Люди злились из-за разрушения их города, центр которого теперь, как говорили, превратился в руины в большей степени, чем Ипр, пострадавший от войны⁷⁸.

Жители оплакивали мертвых — 300 горожан, а также 70 восставших и 130 британских бойцов. Среди большого количества слухов и рассуждений слышалось и некоторое сочувствие к повстанцам. Но если Пасхальное восстание являлось пропагандой из ствола оружия, то оно, очевидно, дало осечку. Если это был уличный театр, то у большинства зрителей представление вызвало отвращение.

Однако через несколько недель ситуация полностью изменилась. Хотя британцы рассматривали восстание, как удар ножом в спину, бессмысленно нанесенный во время падения Кута, они принизили его значение, считая обычным бунтом. Поэтому ответные меры, сами по себе суровые, но мягкие по стандартам Кромвеля, взявшего Дрогеду, или штурма Амритсара, казались в метрополии справедливыми. Однако ирландцы считали их жестокими и дикими. Они испытали еще большее ожесточение, когда выяснилось, что британцы убили пять гражданских лиц во время самого восстания. Один из убитых оказался пацифистом Фрэнсисом Шихи-Шкеффингтоном, осудившим восстание — благородную ошибку⁷⁹.

Но генерал сэр Джон Максвелл, который ввел военное положение, считал, что не может показывать слабость — в частности, потому, что Китченер посоветовал ему расстреливать каждого десятого из арестованных⁸⁰. Он сказал Эсквиту: «Из-за серьезности восстания и его связи с немецкими интригами и пропагандой, в виду больших человеческих потерь и потери собственности, посчитал необходимым наложить самые суровые наказания на известных организаторов этого омерзительного мятежа»⁸¹.

Почти две тысячи подозреваемых диссидентов были помещены в тюрьмы и задержаны. Военные трибуналы, которые проводились тайно, приговорили девяносто человек к смертной казни. Приведение в исполнение большинства приговоров оказалось отсрочено. Один или два человека по счастливой случайности избежали этой судьбы (де Валера — возможно, из-за предполагаемого американского гражданства, а графиня Маркиевич — из-за того, что была женщиной; британцы осуждали казнь немцами медсестры Кавелл). Но между 3 и 12 мая 1916 г. пятнадцать восставших расстреляли, среди них — Пирса, Коннолли, Планкетта, Кларка и Макдермотта. Как неизбежно случалось в имперской истории, британские репрессии привели к фатальной реакции.

Самый страстный парламентский протест исходил от Джона Диллона, доверенного коллеги Редмонда, который обвинил безумное правительство в «выпуске рек крови»⁸². Американцы тоже негодовали и сравнивали убийство военнопленных с немецкими ужасами. Посол Великобритании в Вашингтоне писал домой: «Ирландский вопрос отравляет наши отношения с США»⁸³.

Некоторые люди вроде епископа Лимерика противопоставляли жестокость по отношению к повстанцам «Кровавой Пасхи» и милосердие в отношении к участникам набегов Джеймсона. Бернард Шоу сказал: наказания Максвелла напоминали расправы лорда Кромера с неуправляемыми деревенскими жителями в Деншавай. Но политика слепого возмездия британским властям «превратила безрассудную авантюру в героический эпизод в борьбе за ирландскую свободу; ничего более глупого и безумного не могли придумать даже самые худшие враги Англии»⁸⁴.

Повешение сэра Роджера Кейсмента в августе вызвало еще большую ярость, поскольку это была месть, подаваемая холодной. Более того, он прославился как гуманист, настроенный против колониализма, осуждавший, например, бельгийское правление в Конго — «тиранию, которую невозможно представить, разве что только ирландским умом, видевшим ужасы, которые ежедневно осуществлялись на этой земле»⁸⁵.

Поэтому его дискредитировали недостойными методами. Отрывки из дневника Кейсмента, в которых говорилось о гомосексуальных пристрастиях, частным образом показали влиятельным людям в Англии (например, архиепископу Кентерберийскому и американскому послу).

В большей части Ирландии произошел знакомый христианский парадокс — участники Пасхального восстания одержали победу через провал. Бывшие парии завоевали короны мучеников. «Плюмажем дроги похоронные украсят ваши короли. Повстанцев души непокорные — в лучах божественной любви...» — пели ирландцы в то время⁸⁶. Йейтс написал о влиянии шестнадцати жертв:

Кто может нам сказать о том,
Что должно, а что нет,
Когда погибли лучшие
Из тех, что видел свет?!⁸⁷

Ирландцам пришлось вынести худшую гражданскую борьбу перед тем, как исполнилась мечта Коннолли, и связь с «разбойничьей империей»⁸⁸ оказалась разорвана. Однако в Пасху 1916 г. они нанесли очень важный удар, который, как сказал Ленин, имел «в сто раз большее политическое значение, чем удар такой же силы в Азии или в Африке»⁸⁹. Это был удар в сердце империи, и он вдохновил националистов везде, а особенно — в Индии и Египте. Как в дальнейшем заявил Ганди, ирландцы не только купили свободу кровью, которую взяли, но и галлонами крови, которые с готовностью отдали⁹⁰.

Вначале казалось, что восстание заново оживило движение за гомруль. Но оно снова потерпело неудачу, разбившись о скалу Ольстера. Лоялисты там (и на юге) противопоставляли благородные жертвы ирландцев на Сомме убийственной государственной измене в Дублине. Однако важные персоны в Англии снова настаивали, что не должно быть никакой капитуляции. Апатичный и мечтательный Бальфур зашел так далеко, что повторял мрачное предупреждение сэра Рандольфа Черчилля: «Ольстер скорее будет сражаться, а не подчиниться правлению националистов. И Ольстер будет прав»⁹¹.

Поэтому Редмонд и его последователи стали казаться еще более неуместными и ненужными, а в конечном счете от восстания выиграла партия Шин Фейн. Это произошло не потому, что Гриффит в нем не участвовал (хотя и предлагал), а оттого что британцы винили его партию. Она одна отождествлялась с целью полной независимости.

Военное положение способствовало притоку новобранцев, и зараженный крысами лагерь для интернированных ирландских задержанных в Фронгохе в Уэльсе был очень точно назван «Университетом революции»⁹². В июле 1917 г. Шин Фейн добилась поразительной победы, когда де Валера, открыто говоривший о своем «желании, чтобы Британскую империю разорвало на куски»⁹³, выиграл дополнительные выборы в Ист-Клере.

Де Валера был высоким человеком. Он носил очки, держался холодно, выглядел суровым. Об этом бывшем учителе математики Йейтс говорил, как о живом аргументе, но не живом человеке⁹⁴.

На самом деле он был так занят делом национализма, что во время дискуссии с лидером Ольстера сэром Джеймсом Крейгом де Валера потребовалось полчаса, чтобы дойти до эпохи Брайана Бору, а когда он вел переговоры с Ллойд-Джорджем, то казалось, что его интересует беседа об Оливере Кромвеле. Однако на этом раннем этапе де Валера нечетко определился насчет того, как «поднимать республику на руинах Британской империи»⁹⁵. И тут сами британцы пришли ему на помощь. Они приняли крутые меры против мелких случаев подстрекательства к мятежу — например, учений, ношения формы, насвистывания националистических песен, зелено-черных траурных значков Шин Фейн⁹⁶.

В сентябре 1917 г. объявивший голодовку «доброволец» Томас Аш умер в результате насильственного кормления в тюрьме Маунтджой. Это вызвало похоронную процессию, которая стала живой картиной национального вызова. Над могилой дали залп. Как сказал Майкл Коллинс, таково было единственное правильное отдание долга мертвому фению.

Шин Фейн выиграла и от очевидного намерения Великобритании ввести в Ирландии всеобщую воинскую повинность. Партия отреагировала, словно на объявление войны, после чего де Валера и ряд его коллег были арестованы. Последовали дальнейшие карательные меры — например, воскресный запрет на газельские игры, который массово нарушался.

Майкл Коллинз, который избежал ареста, предпочитал винтовки клюшкам для ирландского травяного хоккея. Он объявил: яростное сопротивление станет единственной альтернативой остающемуся «вассальному государству Джона Булля»⁹⁷. Поэтому, находясь в бегах, он организовал «добровольцев» в то, что к середине 1919 г. стало, с изначально молчаливого согласия, а потом и при поддержке Шин Фейн, Ирландской республиканской армией.

В отношениях двух организаций всегда наблюдалась двойственность, еще более осложнявшаяся преданностью на местах и личным соперничеством. Сам Коллинз был веселым, красивым, отчаянным, смелым и дерзким, а также безжалостным, тщеславным и одержимым мыслью об убийстве. Он в равной степени привлекал к себе почитателей его, как героя, и ненавистников. Де Валера, которого называли «Длинный», не доверял Коллинзу (прозванному «Большой», но, в основном, из-за его претензий, а не размеров). Они не ладили ни лично, ни политически, ни тактически. Глаза Коллинза становились янтарными от ярости и он выдавал залпы гневных, гротескных и похабных ругательств. Де Валера был неизменно спокоен и вежлив.

Рассказывая о роли католической иерархии в ирландской истории, Коллинз закончил речь криком «Уничтожьте их!» Когда же де Валера посетил собрание священнослужителей, один епископ сказал, что «на них будто спустился Дух Святой»⁹⁸.

Коллинз был нерегулярным борцом редкого мастерства. Де Валера «не возражал против убийства, только если оно организовано»⁹⁹, хотя предпочитал полагаться на результаты голосования, а не на винтовки.

Во время послевоенных всеобщих выборов, основанных на новом широком праве на голосование, он получил демократическое подтверждение: Шин Фейн взяла 73 из 105 мест и фактически аннулировала партию гомруля. Бойкотируя Вестминстер, двадцать семь участников Шин Фейн, которые все еще оставались на свободе, встретились в дублинском Мэншн-хаус 21 января 1919 г., чтобы сформировать ирландский Парламент. Это не казалось исключительно важным собранием, поскольку лорд-мэр в тот день приветствовал возвращение домой четырехсот дублинских фузилеров, которые находились в плену, и резиденция вся была завешана британскими флагами. Джеймс Коннолли назвал этот флаг

«передником мясника»¹⁰⁰. Но Парламент начал с того места, на котором закончилось восстание, сразу же выпустив Декларацию независимости и объявив ирландцев свободными людьми.

В тот же день «добровольцы» застрелили двух полицейских в графстве Типперери — первых, кого они убили после восстания. С этого начался процесс террора, целью которого было сделать Ирландию неуправляемой.

Коллинз и его бойцы ускорили темп. Будучи лидером, де Валера за ними последовал. Когда британцы нанести ответный удар, Шин Фейн вначале поддерживала, а потом и организовала дальнейшие атаки на Королевское ирландское полицейское управление. Партию тут же объявили вне закона, Ллойд-Джордж осудил как преступления то, что Коллинс считал военными действиями.

Де Валера предпринял другие инициативы. Он способствовал развитию альтернативной системы администрации с собственными судами и системой налогообложения, которая к 1920 г. сменила британское правление во многих областях. Он же попытался получить поддержку в США у президента Вудро Вильсона, покровителя прав малых наций. «В мосте через Атлантику, который должна воздвигнуть англо-американская добрая воля, Ирландия станет замковым камнем в его центральной арке».

Но Вильсон, несостоявшийся пресвитерианский проповедник, не сочувствовал Шин Фейн. Он отказался, как сказал один священник из Чикаго, «снимать несчастную Ирландию с креста, на котором она висела на протяжении семи долгих столетий»¹⁰¹.

Более того, де Валера восемнадцать месяцев отсутствовал, находясь в США, и это позволило Коллинзу ускорить яростный цикл негодования и ответных мер. С особым рвением проходили столкновения «зеленых» с «оранжистами». Когда Ллойд-Джордж попытался найти компромисс в 1920 г. при помощи сложного закона об управлении Ирландией, шесть северо-восточных графств в Ольстере получили собственный Парламент, который в конце концов разместился в Стормонте. Это сделало разделение установленным фактом.

Но Шин Фейн отвергала право Британии вмешиваться в ирландские дела и не принимала никакой парламент на юге, кроме ирландского Парламента. Его полномочия и авторитет вскоре усилились благодаря еще одним выборам.

Однако к осени 1920 г. уже бушевала и широко распространялась партизанская война. Ирландская республиканская армия пыталась вырваться из империи, которая наносила ответные удары. Как сказал Уинстон Черчилль, нанеся поражение немцам, Британская империя не станет сдаваться «жалкой банде трусливых наемных убийц, подобных людям-леопардам из Западной

Африки»¹⁰². Вместе с коллегой, пламенным оратором и драчуном лордом Биркенхедом, который проклинал Ирландию («чумное место подстрекательства к мятежу в сердце империи»), он настаивал на «использовании силы для подавления беспорядков в полной мере»¹⁰³.

Поэтому правительство усилило своей контингент из сорока тысяч человек полицейских и солдат подразделением, известным благодаря черным головным уборам и форме цвета хаки, как «черные и смуглые» — английские карательные отряды. Многие из этих наемников вместе со вспомогательным офицерским корпусом закалились и ожесточились в траншеях. Но у них не было должной подготовки для полицейской работы.

Солдаты выяснили, что их новые противники убивают внезапно, причем не отличаются сдержанностью, а действуют немедленно. Но поскольку солдаты Ирландской республиканской армии носили гражданскую одежду, их было не отличить от мирных жителей. Поэтому английские каратели мстили всему населению. Когда Ирландская республиканская армия сожгла казармы Королевского ирландского полицейского управления («блокгаузы имперского правления в Ирландии») ¹⁰⁴, карательные отряды поджигали фабрики, фермы и дома, разрушали, грабили и вынуждали людей прятаться в живых изгородях, лесозащитных полосах и стогах сена.

Летучие колонны Ирландской республиканской армии устраивали засады на грузовики, которые использовали английские каратели, а те отвечали ночными налетами и произвольными арестами. Обе стороны использовали запугивание, ИРА расстреливала коллаборационистов и брила головы женщинам, которые предположительно связывались с солдатами. Карательные отряды пытали и казнили подозреваемых перед их семьями. Два трупа людей, заколотых штыками, обнаруженные после особенно варварской атаки на Балбригган в графстве Дублин, «выглядели так, словно их убили не человеческие существа, а звери»¹⁰⁵.

Комментируя распространение и быстрый рост зверств, один доброволец из английских карательных отрядов писал: «На самом деле в этой братоубийственной войне страдало мирное, гражданское население»¹⁰⁶.

Страдали и материальные ценности Ирландии. Погожим майским днем 1921 г. большое подразделение Ирландской республиканской армии, находящееся на действительной службе и действующее от имени самого де Валера, провело дорогостоящую атаку на местное подразделение британского правительства в здании таможни в Дублине. Толпа в страхе и молчании наблюдала за сценой, кульминацией которой стал пожар и обрушение массивного

медного купола. Джон Диллон в отчаянии писал: «Самое красивое здание в Ирландии объято огнем и окутано ужасными клубами черного дыма... Оно преднамеренно разрушено молодежью Ирландии во время последнего и высшего выражения идеализма и патриотизма»¹⁰⁷.

Такая партизанская армия не могла надеяться на военную победу, но обладала определенными преимуществами над государством, следующим либеральным принципам и сдерживаемым демократическим давлением. Имперские власти могли применять насильственные методы, брать заложников, устанавливать комендантский час, вводить в выборочных областях военное положение и вешать террористов. Но для него оказалось невозможным остановить убийства, как хотел Ллойд-Джордж. Из уважения к общественному мнению у себя в стране и за рубежом, Британия не могла использовать свою силу в полной мере, организовать, как предлагал лорд Френч, концентрационные лагеря. Было нельзя расстреливать противника «по списку», как рекомендовал фельдмаршал сэр Генри Уилсон (убитый по приказу Коллинза в 1922 г.)¹⁰⁸ Британия не стала расстреливать с воздуха из пулемета собрания Шин Фейн, как предлагал Черчилль.

Правительство колебалось и проявляло нерешительность в плане ответных мер, одновременно и защищая репрессии, и отрицая, что они происходили. Оно утверждало, как говорил лорд Хью Сесил, что «нет ничего похожего на репрессии, но они сделали много хорошего»¹⁰⁹.

Тем временем смерть ирландцев, объявивших голодовку, оказалась более сильной и веской пропагандой, чем британские заявления о том, что они сами участвуют в смертельной схватке за империю. В американской прессе новость о том, что Теренс Максвини, республиканский лорд-мэр Корка, умер в Брикстонской тюрьме после голодовки в течение семидесяти четырех дней, затмила сообщения о президентских выборах. Более того, уважаемые лондонцы выстроились вдоль дороги, по которой следовали похоронные дроги, покрытые республиканским триколором.

Такие события мучили совесть британцев. Это же можно сказать и о лживых отрицаниях Вестминстером вторжений и налетов сил короны — например, об утверждении, что «жители Корка сами сожгли свой город»¹¹⁰.

На самом деле военные действия были спорадическими, а общее количество погибших достигало не более 1 500 человек. В среднем в британской армии во время Первой Мировой войны столько же солдат гибло в день. Но «Айриш таймс» подвела итог общей точки зрения на конфликт: «По всей стране течет кровь. Если это не остановить, и не остановить в ближайшее время, то все перспекти-

вы политического урегулирования и материального процветания пойдут прахом, и наши дети унаследуют дикую местность»¹¹¹.

В Англии наблюдалось отвращение общественности, выступавшей против увеличения использования «бесчестных методов» для защиты империи. Протесты слышались от Оттавы до Дели, от Кейптауна до Сиднея, от Рима до Вашингтона. Американская обеспокоенность вызвала особую тревогу у Ллойд-Джорджа и Черчилля. Писатель Филипп Гиббс был поражен всеобщим «удивлением и негодованием из-за того, что Англия, защитница малых народов, друг свободы, выступавшая за самоопределение народов, принимает прусскую политику в Ирландии после войны. Ведь, в конце концов, сотни тысяч ирландцев сражались за империю»¹¹².

«Кровавый» Бальфур сам хотел «покончить с этим нарастающим, омерзительным, неблагородным и низким конфликтом»¹¹³. Во время визита в Белфаст в июне 1921 г. Георг V говорил о примирении и мире среди всех своих подданных.

К удивлению Коллинза, силы бойцов которого были на исходе, британское правительство сделало резкий поворот на сто восемьдесят градусов. Учитывая предупреждение фельдмаршала Уилсона о том, что потребуется гораздо большая военная сила для разгрома Ирландской республиканской армии, Ллойд-Джордж вместо этого предложил переговоры. В июле было достигнуто перемирие. Сам де Валера участвовал в изначальных переговорах, устроенных премьер-министром перед огромной картой мира, на которой империя была отмечена красным цветом.

Конфронтация закончилась крахом. Как сказал Уэльский Чародей, спор с этим католическим консервативным националистом напоминал попытку сбора ртути вилкой. Ирландский вождь явно изучал Макиавелли, но был последователем Христа. Поняв, что компромисса не избежать, он вернулся в Ирландию и отправил группу в Лондон. Ее возглавили Коллинз и Гриффит. Последовали несколько месяцев жестких споров, кульминацией которых стала угроза возобновить войну. Поэтому 6 декабря 1921 г. обе стороны договорились об условиях.

Коллинз правильно предсказал, что подписал собственный смертный приговор. Частично это произошло оттого, что делегация Шин Фейн приняла раздел Ирландии, хотя ожидала, что комиссия по определению границ сократит Ольстер так, что он не сможет выжить сам по себе. Но главным аргументом против Коллинза и его коллег было то, что договор не предоставил республике — то, что один ирландский писатель назвал «мистическим, истерическим, невротическим объектом поклонения»¹¹⁴. Вместо этого новое Ирландское Свободное Государство осталось в рамках Британской империи и дало клятву верности королю.

Те, кто был на британской стороне и работал по урегулированию вопроса, считали «англо-ирландское примирение чудом, возрождением нации, спасением Содружества»¹¹⁵. Это термин генерала Смэтца, который только что был официально принят. Твердокаменные и негибкие говорили, что трусливая капитуляция Англии перед орудиями и бомбами обрекла империю на крах.

После ожесточенных дебатов в ирландском Парламенте договор был ратифицирован с перевесом в несколько голосов. Сам де Валера выступил против него, но Гриффит сформировал временное правительство.

Вопрос разделил Ирландскую республиканскую армию, а также и Шин Фейн. В 1922–23 гг. ирландцы сражались друг с другом в гражданской войне, которая оказалась более яростной, чем конфликт с Англией. Коллинза застрелили, он стал жертвой собственной организации. Однако его аргумент оказался важнейшим. Договор исполнил мечту Парнелла о конце унии. Он дал новому государству некоторую степень независимости — статус доминиона по канадской модели. Это позволило эволюцию республики, как ее представлял Пирс. «Соглашение дало не конечную свободу, к которой стремятся все нации, — сказал Коллинз, — а свободу ее достичь»¹¹⁶.

Де Валера жил, чтобы воспользоваться преимуществами полученной свободы, формируя как прошлое, так и будущее нации. Как премьер-министр Ирландии, он открыл мемориал мученикам Пасхального восстания у Главпочтамта Дублина, который считали более священной землей, чем Айлендбридж. Основа памятника была сделана из коннемарского мрамора. На ней выбили прокламацию 1916 г., а представлял он смерть Кухулина, древнего газльского героя, который символизировал «бесстрашие, смелость, прочность и постоянство нашего народа»¹¹⁷.

Два года спустя, в 1937 г., де Валера ввел новую конституцию для Ирландского Свободного Государства, которая отвергала корону. Это было политическое отступничество с точки зрения империалистов вроде Уинстона Черчилля, который стал называть страну «дьявольской Ирландией»¹¹⁸. Но конституция стала самым важным шагом к разрыву последних связей с Британской империей. Ирландия освободилась от применения власти метрополии и помогла своим примером освободить другие государства.

* * *

Британцы пытались подавить одно националистическое восстание (в Ирландии) и одновременно пытались лелеять, развивать и поощрять другое (на Ближнем Востоке). Турки нанесли союзникам

сокрушительные удары на полуострове Галлиполи и у Эль-Кута. В начале 1916 г. они были готовы ударить через Синайский полуостров по Суэцкому каналу.

Поэтому Великобритания подбадривала и стимулировала арабов к восстанию против хозяев из Османской империи. Номинальным лидером восстания, которое началось в Хиджазе, скалистой провинции, граничащей с Красным морем, стал шариф Хусейн из Мекки — яростный местный правитель, предками которого были и Мухаммад, и Адам. (Он любил рассказывать о своей генеалогии). Последовавшая кампания стала имперским эпосом, сияла восточной романтикой среди мрака Армагеддона, а посему и была раздута в западной прессе. Ее герой, Лоуренс Аравийский, сам создал свою легенду и благодаря искусству, и благодаря действиям.

Книга Т.Э.Лоуренса «Семь столпов мудрости» (1926 г.) — это огромная, сложная, богато сотканная и красиво сложенная сага об арабском восстании, в лидерах которого он зажег «огонь энтузиазма, который подожжет всю пустыню»¹¹⁹.

Все еще неясно, насколько великолепный рассказ Лоуренса обязан его воображению. Ведь даже почитатели утверждали, что ему верить нельзя. Бернард Шоу отмечал: Лоуренс не является «монстром достоверности»¹²⁰. Джон Бьюхан говорил: «Он был первоклассным стрелком»¹²¹. Обри Герберт считал его «странным гномом, наполовину скотиной и хамом, но тронутым гениальностью»¹²².

Даже генерал Алленби считал Лоуренса блестящим позером. Определенно, автор «Семи столпов» говорил о себе, как о мудром воине, арабском рыцаре, придерживающемся стоической философии. В отрывках скромно-веселой, беспечной и лихой прозы он появляется в образе кондотьера, возглавляющего головорезов, которые «перерезали глотки по моему приказу».

Лоуренс изобразил себя и в роли аскета в дикой местности, который обходится без еды и питья, отказывается от «негигиеничного удовольствия» секса и при помощи разума управляет своим телом. Он добавил слои парадоксов к автопортрету и признал, что был человеком с множеством масок.

Это человек, испытывавший непреодолимое влечение к актерству, современный Гамлет (с небольшой примесью эльфа или злого духа-проказника), который всегда смотрел на собственные представления «из-за кулис критики»¹²³. Он страстно желал занять центр исторической сцены, но мог только пятиться в свет прожекторов. Лоуренс любил славу, но избегал публичности. Нарочито анонимный, он скрывался за яркими, бросающимися в глаза жестами и показными откровениями.

Лоуренс был невысоким худощавым блондином, любил демонстративно одеваться в белые шелковые свободные одежды, типич-

ные для шарифа, наслаждался тем, как арабы отворачиваются от его голубых глаз, которые смотрели на них, словно небо, светящееся в глазницах пустого черепа. Он представлял себя как искателя приключений, но с изъянами — мучимого гордостью, угрызениями совести, сомнениями и деградацией.

Но в книге, как и в его карьере, представление и лицедейство затеняет лживость. Различные сообщения о его приключениях не соответствуют друг другу. Лоуренс признавался в раздувании «скучных маленьких инцидентов» в захватывающие эскапады, признавал, что «попал в тюрьму лжи»¹²⁴.

Он был сторонником династии Хашимитов, но неверно представил эмира Фейсала, робкого и ненадежного третьего сына Хусейна, в качестве Саладина арабских сил. Знаменитый рассказ Лоуренса о взятии в плен, пытках и изнасиловании турками, судя по всему, является садо-мазохистской фантазией.

Такой обман привел к тому, что строгие критики объявили его шарлатаном и ругали за шарады. Один из них назвал Лоуренса «нашим содомским святым», все известное о котором — правда, за исключением фактов¹²⁵. Другой проклинал его «Семь столпов», как «коррупционную работу», которая превратила политическую оппозицию, состоящую из жаждущих трофеев воинов племен, в национальное восстание¹²⁶.

Хотя шериф Хусейн провозгласил себя «царем арабской нации»¹²⁷, арабская нация являлась миражом. Не было никакого политического, географического или даже лингвистического четко-го определения. Это скопление, куча культур.

Ислам разделился на секты. Образованные городские арабы, которых британцы (включая Лоуренса) имели склонность презирать, как англоизированных туземцев Ближнего Востока, не обеспечивали единства. Кочевые кланы пустыни существовали для того, чтобы сражаться и осуществлять набеги. Хотя Лоуренс жаловался на «скотскую жизнь среди арабов»¹²⁸, он идеализировал бедуина, как Пирс идеализировал крестьян. Но аборигены оказались капризными, хотя и преданными. Они страстно желали «плотского рая»¹²⁹, полного банкетов, драгоценных камней и гурий, обещанных пророком Мухаммадом и предлагаемых халифом Османской империи. Однако они жаждали и золотых соколов, которые Лоуренс распределял с такой кавалерской щедростью. Без них, вместе с британскими кораблями, самолетами, бронемашинами, взрывчаткой, оружием и поставками, арабское восстание развалилось бы на части. Но на самом-то деле турки считали арабские атаки булавочными уколами в сравнении ударами кузнечного молота британцев¹³⁰.

Однако налеты партизан на железные дороги и массовые атаки на изолированные гарнизоны заставили турок сконцентрировать-

ся на обороне. Это помогло генералу Алленби в продвижении через Палестину. Современная армия присоединилась к феодальному хозяину, который, как говорил Лоуренс, наступал с варварским великолепием: «Фейсал впереди в белом. Шараф — справа от него, в красном головном уборе, в тунике и плаще, окрашенных хной. Я сам — еще правее, в белом и красном. За нами — три знамени из пурпурного шелка, с золотыми пиками, за ними три барабанщика выбивают марш, а за ними дикая подпрыгивающая масса из 1 200 верблюдов. Это телохранители,двигающиеся в таком тесном строю, который только возможен, они одеты в наряды всех возможных цветов. Сбруя на верблюдах тоже разнообразна по цвету, такая же яркая. Вся толпа поет в полную силу своих голосов военную песнь в честь Фейсала и его семьи! Это выглядит, словно река из верблюдов, поскольку мы заполнили вادي до самых берегов и текли по нему, словно ручей, растянувшийся на четверть мили»¹³¹.

Сами арабы были поражены воинской силой, которую смогли собрать. Лоуренс сообщил о замечании шейха племени ховейда разбойничьего вида, которого звали Ауда Абу-Тайи: «На Эль-Веджх движется не армия, а целый мир». Другой участник событий ответил: «Да, мы больше не арабы, а нация»¹³².

Хотя марш на Эль-Веджх, как и многие другие маневры Фейсала, потерпел фиаско, в какой-то степени арабская солидарность действительно появилась в результате борьбы против турок. Британцы даже объявили, что это война за независимость. Такие заверения мало что значили, по словам лорда Грея, министра иностранных дел: ведь арабское государство было «воздушным замком, который никогда не материализуется»¹³³.

Было более разумно рассматривать, какие преимущества сами британцы могли получить от распада Османской империи. Они давно поддерживали больную Европу, чтобы не подпустить к себе и не дать ходу «русскому медведю», а теперь нацелились убить его и разделить наследство. Возможно, их вдохновлял рассказ Гиббона о разделе трофеев после Первого крестового похода, на основании которого «латиняне царствовали за Евфратом»¹³⁴.

Британцы определенно строили планы прибрать к рукам ключевые территории на пути в Индию, чтобы править ими в большей или меньшей степени прямо, в соответствии с обстоятельствами. Официальные лица, от самого Лоуренса до сэра Реджинальда Уингейта, который управлял вначале Суданом, а потом Египтом, хотели создать «федерацию полунезависимых арабских государств, которые считают Британию своим патроном и защитником»¹³⁵.

Однако было невозможно игнорировать исторические интересы Франции в этом регионе. Поэтому в 1916 г. было заключено согла-

шение Сайкс -- Пико (названное в честь двух дипломатов, которые его подписали). Этим договором арабские территории тайно разрезались на сферы влияния. Себе англичане и французы передали страны «плодородного полумесяца». Франция должна была контролировать Сирию, британцы — Месопотамию и юг Палестины. Арабы оставались с пустыней, по размерам — почти с Индию.

Лоуренс, британский строитель империи с «почти мистическим рвением к решению арабского вопроса»¹³⁶, посчитал это предательством тех, кого сам побуждал сражаться. Он был раздвоенной личностью с раздвоенной верностью, поэтому его преследовало чувство вины: «Я был почти главным негодяем в нашей банде»¹³⁷. Однако начиная с детства незаконно рожденного ребенка, двойственность была главным измерением существования автора «Семи столпов». Поэтому он потворствовал интригам, сообщив о соглашении Фейсалу, после чего наслаждался двойной жизнью.

В 1917 г. союзники добавили новые нити в паутину двусмысленности, которая плелась вокруг арабов. Кровавая бойня и мятеж на Западном фронте, большевистская революция в России и неограниченная война подводных лодок в Атлантике привели к тому, что победа Германии стала казаться возможной до мобилизации в Америке. Поэтому Ллойд-Джордж посчитал: «Евреи могут оказать нам больше помощи, чем арабы»¹³⁸. Из-за русских погромов евреи по всему миру склонялись к Центральным силам. Удовлетворив сионистские стремления к возвращению детей Израилевых в землю обетованную, союзники надеялись получить их поддержку. Многие британские лидеры, воспитанные на Библии, сочувственно слушали рассказ Хаима Вейцмана о «трагедии еврейской бездомности»¹³⁹. Вейцман предположительно являлся ревизором «мирового сионизма», сочетал «почти женский шарм... со звериной смертоносностью атаки»¹⁴⁰. Поэтому про-сионистски настроенные члены британского правительства сделали вывод, что теперь пришло время исправить историческую несправедливость. Но проглотив миф о проникающей и распространяющейся силе международного еврейства, они также возбуждались из-за более зловещих идей. Например, Артур Бальфур принял часть «антисемитских постулатов» Косимы Вагнер, которой в дальнейшем восхищался Гитлер. Хотя Бальфур признавал, что у западной цивилизации есть долг перед евреями, который она никогда не сможет заплатить, он хотел уменьшить или полностью избавить общество не-евреев от «вековых несчастий»¹⁴¹, которые вызывало чужеродное присутствие евреев в этом обществе. Многие евреи подозревали, что предлагаемое убежище являлось прелюдией к их обязательной репатриации, и Бальфур — не единственный, кто считал, что «не имеющих корней космополитов»¹⁴² лучше всего размес-

тить на земле Израиля. Однако любая подобная инициатива могла привести к бойне — убийству 85 000 евреев Палестины турками, как они убили миллион армян. Эдвин Монтегю написал убедительную и проницательную работу под названием «Антисемитизм нынешнего правительства». Его возражения игнорировались, как и возражения лорда Керзона, который говорил, что претензии евреев на Палестину слабее в смысле исторической подоплеки, чем претензии Англии на части Франции.

9 ноября 1917 г., в день большевистского переворота в Петрограде, Декларация Бальфура была доведена до сведения общественности. [9 ноября — дата на совести автора. — *Прим. ред.*] В соответствии с ней у британского правительства появлялось обязательство «устроить в Палестине национальный дом для еврейского народа... Следует четко понимать, что не будет делаться ничего, что может привести к нарушению гражданских и религиозных прав существующих нееврейских сообществ»¹⁴³.

Никто не знал, как можно совместить эти несовместимые цели. Но Бальфур, который преувеличивал пропагандистское влияние Декларации в России и Америке, вскоре добавил к ней блеска. Сионизм, как он говорил, «восходит корнями к вековым традициям. Его нынешние потребности и будущие надежды имеют гораздо более глубокое значение, чем желания и предрассудки 700 000 арабов, которые теперь населяют эту древнюю землю». Поскольку Великобритания освободила их от турецкой тирании, они не станут возражать против того, чтобы «небольшой кусок» отрезали от того, что теперь считается арабскими территориями¹⁴⁴.

Это оказалось трагической ошибкой и просчетом. Таким же просчетом оказалось мнение, что еврейское поселение будет подчиняться британским колониальным властям. Но это мнение разделяли американские евреи, которые таким образом отделялись от сионизма, а также британские лидеры.

Правительство в Лондоне считало, что еврейская Палестина, которую оно контролировало, оправдана на основе безупречного довода самоопределения. Она станет охранять Суэц от французов, занявших уменьшившуюся в размерах Сирию. Еврейские территории могли бы обеспечить британское главенство, которому бросали вызов силы местного национализма во всем регионе. Палестина была краеугольным камнем Ближнего Востока, поэтому, по мнению Министерства иностранных дел, считалась жизненно важной «для безопасности и благополучия Британской империи»¹⁴⁵. Вместо того, чтобы полагаться на вероломных арабов, которые были только мастерами грабежа, саботажа и убийства, как писал Ричард Мейнерцхаген во влиятельном меморандуме, Великобритании следует разместить в Святой Земле гарнизон верных

евреев: «Они доказали свои боевые качества после римской оккупации Иерусалима»¹⁴⁶.

Британская антипатия к арабам росла по мере того, как Алленби готовился начать самое зрелищное наступление за всю войну. Он завоевал свое прозвище («Бык») во Франции по большей части благодаря своему натиску и оглушительным воплям. На Ближнем Востоке этот полководец нашел массу места, чтобы атаковать и бодаться.

В 1917 г. Алленби стал первым христианским солдатом, который захватил Иерусалим после крестоносцев. Он вошел в город во время Маккавейского праздника Ханука. Эти достижения оскорбили мусульман, но другими праздновались. Например, впервые за время войны звонили колокола Вестминстерского аббатства.

В 1918 г. Алленби планировал нанести окончательное поражение Османской империи, используя арабские силы на своем правом фланге. Хотя Лоуренс, один из офицеров союзников, которые сражались с ними плечом к плечу, представлял собой вдохновляющий пример храбрости и наступательного порыва, арабы все равно быстро отступили и дезертировали. Однако в серии смелых вылазок они отрезали коммуникации турок по железной дороге с Мединой. Это была трасса через пески, которую бедуины считали промышленным оскорблением своему пасторальному существованию.

Военно-воздушные силы союзников были ключом к этим успехам. На арабов особое впечатление произвел огромный бомбардировщик «Хэндли-Пейдж», который они считали жеребцом, породившим британские истребители гораздо меньшего размера.

Еще более волнующим оказался прорыв наземных сил Алленби. Среди них были британцы, австралийцы, новозеландцы и индийская кавалерия, а также французские и еврейские подразделения, части из британской Вест-Индии. Они атаковали в сентябре, ошеломив и окружив противника со всех сторон. Кавалеристам даже удалось атаковать турецких и немецких пулеметчиков. Они тучами наступали через возвышенности Иудеи и через город Назарет, заставив генерала фон Сандерса бежать в пижаме. Союзники скакали по долине Армагеддона и мимо Галилейского моря.

К востоку от реки Иордан арабские силы пошли на Дамаск. Они совершали зверства и с дикой жестокостью разбирались с потрепанными турецкими колонами. Лоуренс в «Семи столпах» или приукрашивал это, или объяснял реакцию на века тирании. Солдаты из АНЗАК, которые сами совершали военные преступления против враждебно настроенных арабов («расы, которую они презирали»), сравнивали своих местных союзников с шакалами и стервятниками, которые жадно питаются падалью на этой «древней и пропитанной кровью земле»¹⁴⁷.

В надежде, что Фейсал может «лишить французов всей надежды на Сирию»¹⁴⁸, Лоуренс побуждал его добратся до Дамаска раньше Алленби. Он подчеркивал магический характер старейшего заселенного города мира, где халифы из династии Омейядов правили империей, протянувшейся от Индии до Атлантики. Здесь сражался Авраам, здесь строил Траян, здесь лежит Саладин.

Дамаск с белыми минаретами и позолоченными куполами, с дворами с фонтанами и караван-сараями, украшенными фигурными решетками, пальмовыми рощами и садами с гранатовыми деревьями, на удалении напоминал «жемчужину в пляшущем солнечном свете»¹⁴⁹. При более близком рассмотрении становились видны многочисленные узкие улочки, заполненные мусором и падалью, по ним бегали голодные собаки. Все было таким обветшалым, что иногда трамвайные пути почти на фут возвышались над уровнем земли.

Однако «королевский город Леванта»¹⁵⁰ для арабов стал сияющим военным трофеем. Поэтому Лоуренс был оскорблен, когда первым в Дамаск вошел Австралийский третий легкий конный полк. Жители посыпали солдат конфетти и опрыскивали розовой водой, целовали стремяна и «впадали в истерику в своих проявлениях радости»¹⁵¹.

Лоуренс заявлял, что бедуины раньше австралийцев проникли в город. Он говорил, что приветствие жителей Дамаска на самом деле было таким бурным из-за появления основного подразделения Фейсала — сотен покрытых пылью людей на верблюдах и пони, которые скакали и стреляли из винтовок в воздух так быстро, как удавалось опорожнять магазины. Сам командир не мог подавить их жажду крови и трофеев, поэтому и пришлось призывать австралийские войска для восстановления порядка. Но арабы, и гражданские и военные, радовались из-за того, что удалось сбросить ярмо Османской империи: «Все загорелось надеждой освобождения и национальной независимости»¹⁵².

В последнюю неделю войны британцы и французы разожгли огонь надежды еще одним бумажным обещанием. Они объявили, что народы Оттоманской империи могут свободно учреждать национальные правительства. Ллойд Джордж ставил целью дискредитацию большевистской пропаганды, таким образом подтверждая двенадцатый из четырнадцати пунктов Вудро Вильсона. Им также двигала интуитивная ненависть к туркам, «человеческой раковой опухоли, ползущей агонии плоти на землях, которыми они плохо управляли, обрекая на гниение все нити жизни»¹⁵³. Теперь казалось, что у наций, освобожденных из-под правления Оттоманской империи, имеется возможность саморазвития, которой ничто не угрожает, и это освобождение приводило к почти рели-

гиозному пылу по всему региону. Одного раненого курда в Багдаде нашли в госпитале с этим обещанием, переведенным на форзацах Корана, и «как талисман привязанными в руке»¹⁵⁴. Тем не менее принятие пункта Вильсона добавляло к путанице британских обещаний на Среднем Востоке. Более того, министры типа Керзона и Милнера, которых ободряли победы в Леванте и на Кавказе, а также в Европе, теперь нацеливались основать новую империю между Египтом и Индией — затягивая золотую нить своекорыстных интересов, что делало невозможным распутать весь клубок. К счастью для Ллойд Джорджа, мирная конференция в Версале перерезала этот гордиев узел.

Система мандатов была придумана, чтобы позволить победившим державам удерживать колонии проигравших от имени Лиги Наций. Американцы приняли точку зрения Берка на мандаты, как на «священное доверие от имени цивилизации»¹⁵⁵. Британцы рассматривали их в качестве метода прикрытия жестокости завоевания «при помощи покрывала нравственности»¹⁵⁶. Например, Керзон считал: «Британское влияние на арабском Ближнем Востоке должно как можно более держаться в тени и осторожно прикрываться фасадом самоопределения»¹⁵⁷.

Поэтому мандаты являлись продолжением империализма, но другими способами. Однако это более смягченный, «извиняющийся» и сладкоречивый тип империализма, разбавленный идеалами Вильсона и Ленина. Как писал сэр Марк Сайкс (прославившийся соглашением Сайкс — Пико) в 1918 г., «имперская аннексия, военный триумф, престиж, бремя белого человека вычеркнуты из популярного политического словаря»¹⁵⁸.

Однако арабы иначе представляли эвфемизм, переводя слово «мандат» как «суверенная власть». От Средиземного моря до Персидского залива они негодовали и выступали против чужеземного вторжения. Таким образом Франция получила мандат над Сирией, вытеснив Фейсала, которого ранее провозгласили королем, и столкнулась с продолжительным восстанием. Великобритания теперь правила более чем над половиной мусульман мира. Она получила мандаты над Палестиной и Месопотамией, где оправданное ощущение предательства тоже привело к проблемам. Арабы особенно сопротивлялись европейскому господству после Первой Мировой войны. Гертруда Белл, бесстрашная путешественница по пустыне, которая работала на британский верховный комиссариат в Багдаде, отмечала: Запад потерял все доверие среди иракцев. Они естественно выступали против цивилизации, которая, как она говорила, ушла назад в варварство во время конфликта — «конец Римской империи является очень близкой исторической параллелью»¹⁵⁹.

Хотя иногда в конце войны британцев одолевали сомнения, и они разделялись во мнениях, имелись основания чувствовать уверенность. «Мы — победители, — объявил король Георг V, — мы наверху»¹⁶⁰.

Керзон выразил те же чувства более торжественно. Опуская занавес в одной из самых колоссальных и значимых драм в истории и провозглашая восход золотого века, он объявил: «"Юнион Джек" никогда еще не реял над более мощной и объединенной империей... Никогда еще наш голос так много не значил в советах наций или в определении будущих судеб человечества»¹⁶¹.

Как решили британцы на месте, судьба дельты Тигра и Евфрата будет похожа на судьбу дельты Нила. Месопотамия станет скрытым протекторатом с дополнительным преимуществом — там, судя по всему, нет необходимости разделять, чтобы властвовать. Три миллиона жителей Ирака, если называть страну арабским националистическим названием, едва ли можно считать нацией. Это путаница племен¹⁶², множество различных владений шейхов.

Ирак имел «пористые» границы, дороги были или пыльными, или грязными, а социальная структура — такой запутанной, что британцы восстановили ее по собственному образу. Просто городских эфенди посчитали коррумпированной аристократией, шейхов — верными джентри, а представителей племен и феллахов — крепкими фермерами.

Половина мусульман были суннитами, сохранявшими верность Мекке, вторая половина — шиитами, которые смотрели в сторону Персии. 700 000 курдов жили на гористом севере. Это яростный индоевропейский народ, носящий мешковатую одежду, цветные болеро и нагрудные патронташи. Они сопротивлялись всем попыткам ассимиляции.

Разнообразие усиливали другие сообщества — евреи и ассирийцы, сабеи, чьей религиозной обязанностью было жить рядом с бегущей водой, зелиды, которые поклоняются Сатане...

Один английский путешественник оценил космополитскую путаницу через разнообразие головных уборов: «Фески, пробковые шлемы, тюрбаны, соломенные шляпы, ермолки, тубетейки, арабские платки, опоясанные жгутом, удлиненные фетровые подобию деревянного ящика для угля, которые носили курды, цилиндры без полей «бахтияр», черные каракулевые шапки севера»¹⁶³. Но под этим разнообразием головных уборов иракские умы концентрировались на образе и факте того, что их контролируют неверные.

Исполняющий обязанности гражданского комиссара в Багдаде сэр Арнольд Уилсон решил вставить страну в «стальные рамки» британского чиновничества и бюрократизма¹⁶⁴. Его авторитет поддерживался мошенническим «плебисцитом», а власть прояв-

лялась в регулярном сборе налогов. Этот режим становился все более диктаторским»¹⁶⁵.

Привыкший к турецкой гибкости и воспламененный сирийскими призывами «объединения ислама и прав арабской расы»¹⁶⁶, Ирак восстал. К лету 1920 г. племенная кавалерия, размахивая флагами, что означало джихад, громила большую часть хозяйств. Самому Багдаду угрожали, он укрепил свою цитадель. Уилсон, который перелетал с места на места, пытаясь проводить бомбардировки, а заодно и британские чиновники сделали вывод: восстание вызвано «новым вином» национализма, бродящим в «старых мехах» империализма¹⁶⁷. По сути оно стало результатом попытки создать унитарное государство из таких различных элементов, что их можно соединить вместе только при помощи силы.

Шокированный взрывом ярости генерал сэр Аймлер Холдейн призвал подкрепление и побуждал своих солдат «быть такими же грубыми, как терка для мускатных орехов». Они жгли деревни, уничтожали посевы, резали скот, убили девять тысяч человек и без суда казнили зачинщиков. В течение трех месяцев Холдейн подавил восстание. Он разоружил десятки тысяч воинов племен, заставив их, как он выразился, «пройти под Кадине-Форкс»¹⁶⁸. [Ссылка на битву за узкий проход в южных Апеннинах, т.е. пройти по узкому ущелью под нависающими скалами. — *Прим. перев.*]

Поскольку унижение, судя по всему, должно было вызвать озлобление и негодование и усилить националистические чувства еще больше, британское правительство стало выступать за сотрудничество. Уилсона сменили на сэра Перси Кокса — человека с продолговатым лицом, известного способностью молчать на дюжине языков¹⁶⁹. Арабы называли его «Коккус», а соотечественники считали «политиком, имеющим талант справляться с неверными и буйными африканскими варварами»¹⁷⁰.

Задачей Кокса было трансформировать «фасад существующей администрации с британского на арабский»¹⁷¹. Он сделал это, учредив новый Государственный совет и заменив сотни имперских функционеров на иракских. По приказу Уинстона Черчилля, который, будучи министром по делам колоний, слушал советы Лоуренса, Кокс тоже смог «обеспечить ранний выбор» Фейсала королем Ирака в 1921 г.¹⁷² В теории это был народный монарх, провозглашенный на референдуме, где получил 96 процентов голосов. Но на самом деле Фейсал оказался марионеткой, навязанной стране и выбранным в результате подтасовки результатов голосования в диктаторских масштабах.

Типичными оказались действия одного арабского префекта из района Киркук. Вначале он организовал петицию в поддержку кандидатуры Фейсала, а затем до него дошел слух, что британцы

изменили мнение. Поэтому он обеспечил петицию против Фейсала со всеми подписями, а начальству представил обе.

По крайней мере, король из династии Хашимитов выглядел как король. Несмотря на время от времени демонстрируемую ненависть к имперским державам (во время мирной конференции они с Лоуренсом пролетели над Парижем, сбрасывая подушки вместо бомб), Фейсал держался с королевским достоинством. Он был худым, бородатым, имел орлиный нос, любил говорить половицами, например, «каждый считает своих вшей газелями»¹⁷³. Американский госсекретарь Роберт Лансинг писал: «Казалось, от его голоса исходит запах благовоний и ладана, и все предполагает наличие ярких диванов, зеленых тюбанов и блеска золота и драгоценных камней»¹⁷⁴.

Гертруда Белл была ослеплена внешностью короля: его белым одеждами, украшенными по краям золотом, тончайшим черным плащом поверх них, белым развевающимся головным платком и серебряным опоясывающим обручем, его удерживающим. Но за экзотической внешностью Фейсал оставался скользким клиентом. Как и другие клиенты, неуверенные в том, где им будет лучше всего, он интриговал со своими подданными и лицемерил с патронами. В результате ему никто не верил.

Гертруда Белл, обычно милая, как розы вокруг ее красивой маленькой виллы (известной под названием «Замок целомудрия») рядом с Тигром, сказала Фейсалу, что не верит ни одному его слову¹⁷⁵.

Тем временем государство угрожало развалиться от внутренней вражды и внешнего давления. По большей части давление исходило от возрождающейся Турции. Ллойд-Джордж предлагал передать Ирак (и Палестину) Америке. Черчилль пришел в ярость от промедления и оттягивания подписания Фейсалом договора о союзе, который подтвердил бы главенствующее положение Британии в Ираке. Министр по делам колоний спросил, есть ли у короля жены, которые могли бы его утихомирить, после чего пригрозил свержением: «Он будет долго искать третий трон»¹⁷⁶. При помощи дальнейших угроз и маневров верховный комиссар Кокс заставил принять договор в 1922 г. Роль Фейсала, как теневого монарха была подтверждена, а Кокс, как писал Керзон, сделал себя «королем Персидского залива»¹⁷⁷.

Страны Персидского залива обычно полагались на оружие и золото, но Кокс и его преемники с трудом правили в Ираке, где им самим все же пришлось уйти на задний план. У британцев осталась существенная власть, но формально пришлось предоставить независимость. Однако в 1920-е гг. метрополия еще сражалась за свою позицию. Это делалось ради престижа (недолговечного то-

вара), и нефти, большие месторождения которой были к тому времени обнаружены.

Британцы хотели не подпускать к нефти и держать в страхе турок и большевиков. Они нацеливались изменить «нравственную дегенерацию» иракских горожан, что выражалось в их пристрастии к «определенным, недостойным упоминания видам спорта, которыми иракцы занимаются в помещениях»¹⁷⁸. Этого следовало достигнуть через образование, организованные игры и движение бойскаутов.

Британцы также ценили Ирак и в качестве этапного пункта или промежуточного аэродрома для Королевских ВВС. На конференции 1921 г., которую Черчилль проводил в Каире для утверждения своей политики в отношении Ближнего Востока, его в первую очередь волновало сокращение имперских расходов.

Черчилль очень верил в самолеты. Они стали рассматриваться в качестве дешевого, эффективного и современного метода колониального контроля. Авиация могла доставить фугасы, которые остановят Ирак от распада на части. Двадцатифунтовые бомбы, сбрасываемые с летящих на малых высотах со скоростью 114 миль в час с бипланов «Де Хавилланд» (состоявших из продольного каркаса, зафиксированных колес и открытой кабины), должны были заставить бедных жителей пустыни платить налоги.

Во всем предприятии было что-то сюрреалистическое. Пока офицер спецслужб Джон Глубб наслаждался гостеприимством жителей племен, которые были чуть лучше нищих, он «чистосердечно сказал им, что готовит карту для использования при бомбежке, и что сам будет в ведущем самолете»¹⁷⁹.

Кажется, что на большинство современников наибольшее впечатление оказала техническая виртуозность контроля с воздуха, чем его моральные недостатки. Королевские ВВС продемонстрировали бомбежку «местных деревень»¹⁸⁰ в Багдаде и на авиашоу в Хендоне (Лондон). Правда, во время авиационных демонстраций не был показан разрушительный эффект попадания зажигательных бомб на тростниковые хижины арабов, проживающих на болотах.

Уинстон Черчилль «выступал за использование отравляющего газа против нецивилизованных племен»¹⁸¹. Но «воздушные репрессии» часто использовались в качестве удобной альтернативы наземному администрированию. Королевские ВВС частным образом признали: «Мы полагаемся на страх в более или менее суровой форме»¹⁸².

В Вестминстере депутаты Парламента левого крыла выступали против этого «типичного для немцев и варварского метода ведения войны против невооруженных людей»¹⁸³. Бомбы явно помо-

гали углубить ненависть иракцев к чужестранной власти, и эта ненависть должна была сконцентрировать оппозицию и найти выражение в терроризме.

Несмотря на фракционное соперничество и министерскую путаницу, типичную для царствования Фейсала, Ирак продолжал выступать за некоторую степень национального суверенитета. Лейбористское правительство Рамси Макдональда предоставило его договором от 1930 г., который вступил в силу через два года, когда Ирак оказался в Лиге Наций. Великобритания сохранила контроль над обороной и некоторыми вопросами администрации на четверть столетия, но олигархия Фейсала получала гораздо больший вес в стране. Ираку было далеко до свободы, но он значительно ослабил имперскую хватку.

* * *

Подобный процесс шел и в Египте, где послевоенное восстание также стало катализатором, который ускорил номинальную независимость. «В котле варилось ведьминское зелье, — сказал лорд Милнер, — с тех самых пор, как ушел Кромер»¹⁸⁴.

Точки кипения оно достигло в 1914 г., когда британцы сорвали покров с протектората Кромера. Они отказались признавать главенство Османской империи, сменили хедива султаном и открыто включили Египет в Британскую империю.

Из-за нарушения всех обещаний отпустить египтян, Британии пришлось удерживать крышку на котле на протяжении Первой Мировой войны. Помогал большой гарнизон, включая подразделения, которые хвастались такими прозвищами, как «Иорданские Хайлендеры», «Королевские Евреи-Фузилеры» и «Ноги Фараона».

Имперская власть установила законы военного времени, жестко контролировала газеты и наложила суровые правила на проведение собраний. Бары и кафе следовало рано закрывать. Ограничения налагались на собрания всех сортов — свадьбы, похороны и праздники в честь местных святых. Власти даже подавляли «заклинателей змей, акробатов, странствующих фокусников и подобных им участников восточных представлений»¹⁸⁵.

Сам конфликт вызвал дополнительные трудности — например, высокие цены и недостаток импорта. «Добровольцев» заставляли принудительно трудиться, что эффективно возродило трудовую повинность и барщину, нарушив британское обещание о том, что Египту не придется взваливать на себя никакой военной груз. Более того, верблюдов забрали на службу, а крестьянам пришлось выращивать зерно, а не более привлекательный хлопок.

1 600 британских чиновников едва ли чувствовали поднимающийся и нарастающий пар. Порой они еще и усиливали политические провокации личными оскорблениями. В британской резиденции, большом и уютном здании с верандами, построенном для Кромера и выходящем на Нил, один высокопоставленный чиновник разговаривал с египетской знатью, сажая собаку себе на плечо. (А собака у мусульман считается нечистым животным). Однако британцы гордились, что обеспечили Египет лучшим правительством после того, как «римский префект сидел на великолепном троне Птолемея»¹⁸⁶.

На самом деле гражданские служащие вроде Рональда Сторрса, эстета, чьи шелковые рыжеватые усы передавали «намек на дилетантство тем, как легко завивались на концах»¹⁸⁷, были неисправимо ленивы.

Сторрс, известный под прозвищем «Восточный Сторрс» (в честь торгового центра в Каире, не заслуживающего доверия), заявлял: он и его коллеги — трудолюбивые и честные работники¹⁸⁸. Но и этот человек признавал, что работают они только до полудня. А остаток дня проводился в клубе «Турф» или спортивном клубе «Гезира», где присутствие любого египтянина являлось основанием для негодования¹⁸⁹.

Еще меньше была вероятность того, что в контакт с местными жителями вступят новобранцы службы, принятые в военное время, часто — «временные джентльмены». В любом случае британцы обманывались насчет возбуждения общественного мнения своей собственной цензурой — пресса, на которую был надет намордник, не ворчала.

Признаки проблем можно было различить в маневрах нового султана Ахмеда Фуада, который в 1917 г. попытался установить свою прерогативу назначать министров. На следующий год, когда заканчивалась война, англо-французская декларация побудила египетских политиков потребовать программы полного самоуправления. Верховный комиссар сэр Реджинальд Уингейт понял: националистические чувства теперь подходят к точке кипения. Толпы людей в белых халатах-галлабиях, вдохновленные «двенадцатой заповедью» Вудро Вильсона, осаждали американское посольство в Каире, словно в поисках какого-то знака.

Уингейт убедил Министерство иностранных дел благосклонно ответить на разумные желания египтян. Но интуиция главы министра иностранных дел, которым теперь стал лорд Хардиндж, подсказывала, что нужно просто задать коричневым политикам «хорошую головоломку»¹⁹⁰.

Министерство игнорировало Уингейта. Да и его собственные чиновники не обращали внимания на недовольство, которое

должно было вот-вот охватить весь Египет. Получив предупреждение о том, что грядет большой пожар, финансовый и юридический советник Уингейта сэр Уильям Брунъят сказал, что «погасит огонь, просто плюнув на него»¹⁹¹.

Сам Уингейт и зажег искру, которая привела к пожару. Сразу же после заключения перемирия он запретил главному националистическому политику Саиду Заглулу возглавить делегацию, которая намеревалась представлять дело о египетской независимости в Лондоне и Париже. После этого Заглул сформировал свою собственную делегацию — Вафд. Это была политическая партия (хотя он сам предпочитал называть ее национальным движением), созданная с целью разрыва связи с империей.

Как де Валера и Фейсал, Заглул являлся сложной и загадочно-непроницаемой фигурой. Это был высокий мужчина с седыми усами, морщинистым монголоидным лицом. Он носил красную феску.

Зажул был юристом, хотя происходил из зажиточной крестьянской семьи. Он являлся министром при Кромере и в дальнейшем хитро и ловко вел свой корабль среди косяков придворных и фракции паши. Теперь британцы рассматривали его в качестве оппортуниста и демагога. В отличие от них, американский посол характеризовал Заглулу, как египетского Теодора Рузвельта.

Зажул обладал упрямством, волей, он был яркой личностью. Безжалостный, обладающий шармом, красноречивый и тщеславный, этот старый больной человек стал доминировать и над Вафдом, и над страной.

Зажул пришел в ярость оттого, что Фейсал присутствует на мирной конференции, где Египет не представлен. Он организовал петиции и начал антибританскую агитацию.

9 марта 1919 г. Заглул вместе с тремя соратниками был арестован за подстрекательство к мятежу и депортирован на Мальту. Это вызвало взрыв гнева. Протесты и демонстрации сотрясли Каир. Студенты распевали: «Свободу Египту!» и «Смерть англичанам!» Они толпами заходили в ворота аль-Азхар, к сияющей мечети, которая считается самым древним местом обучения в мусульманском мире. Впервые женщины участвовали в политической акции, сбросив покрывала и размахивая знаменами, когда шли по улицам. Толпы атаковали европейцев, жгли дома, громили поезда и грабили магазины.

В следующие несколько недель беспорядки, забастовки и убийства усилились. Начальник каирской полиции говорил о столкновениях с тысячами людей, которые несли палки, копья, стамески, тесла и неровные куски железных решеток. «Вся толпа визжала и орала, размахивала своим оружием в воздухе. Если вы можете

представить рисунок Хогарта с изображением ада по описанию Данте, а заодно и Французской революции, прибавьте к этому безумный восточный фанатизм. Тогда у вас получится представление об этой толпе»¹⁹².

Происходили жуткие случаи убийств и нанесения ранений. Чаще всего подобное творили террористы, которым обещался рай в обмен на мученичество. Когда одного британского офицера полиции застрелили перед дворцом Абдина, мужчины и мальчики танцевали в его крови, выкрикивая «Аллах, Аллах!», а женщины мочились на его труп.

Более того, насилие перекинулось в провинции. Феллахи, «пытаемые на земле»¹⁹³, которых не считали политизированными, тоже загорелись идеей. Британцы опасались еще одного восстания сипаев, сражаясь превосходящим огнем. Они использовали самолеты и бронемшины, бомбили и обстреливали толпы из пулеметов, сажали в тюрьмы и пороли деревенских жителей. Имперские солдаты, индийские и австралийские, яростно действовали против нации, к которой испытывали высшую степень презрения. Но, используя карательные меры, британские чиновники понимали: «Принципы национализма и желание независимости глубоко въелись во все классы». Они верили, что имперская политика по отношению к Египту должна измениться и отражать «увеличившееся сочувствие к национальным стремлениям, пока они остаются в рамках закона»¹⁹⁴.

Борьба по определению этих рамок продолжалась более трех десятилетий. Но важное решение было принято «Быком» Алленби, который сменил Уингейта в апреле 1919 г. Эта редкость: генерал, который стяжал славу во время Первой Мировой войны, был назначен верховным комиссаром для восстановления порядка в Египте. Он это и сделал в следующие месяцы, хотя то и дело возникали беспорядки, а недовольство оставалось на высоком уровне среди всех классов — от эфенди до феллахов. Партия Вафд организовала оппозиционные действия — от бойкотов и до заказных убийств. Тайные общества вроде «Черной руки» и «Красного глаза» (некоторые из них родились в аль-Азхаре) практиковали запугивание, саботаж и убийство. Часто убивали при помощи гарроты.

В знакомой британской манере Алленби примешивал умиротворение к суровости. Он выпустил Заглула и позволил ему отправиться в Париж, где делегация мало чего добилась. Президент Вильсон частным образом посоветовал арабам повторить опыт американцев образца 1776 г., но публично признал Египет британским протекторатом.

Алленби тоже принял комиссию для расследования беспорядков. Ее возглавлял лорд Милнер, а задачей комиссии стало состав-

ление конституции, которая обеспечила бы мир и процветание. Вафд подстрекала и провоцировала дальнейшие проявления насилия, подвергнув остракизму миссию Милнера.

Египтяне пикетировали гостиницу «Семирамида», новое чудовищное здание из мрамора и бронзы, где остановились Милнер с коллегами. Поэтому пришлось проводить только тайные консультации. Заглул отказался встречать миссию в Каире даже после наступления темноты.

Несмотря на отказ и собственное прошлое в качестве колониального губернатора, Милнер быстро принял точку зрения Алленби на происходящее. Ничто кроме самоуправления не могло успокоить Египет, который уже стал шипом в боку Великобритании, причем не менее острым, чем Индия, Ирландия и Ирак.

Конечно, это будет тень самоуправления, а не оно само. Разница, как считал Алленби, мало волновала восточных людей. Как сказал Милнер Ллойд-Джорджу, «трудно найти способ сделать так, чтобы отношения Египта и Британии казались более независимыми и наполненными чувством собственного достоинства, без отказа от нынешней степени контроля. А ее, ввиду местной некомпетентности и коррупции, мы вынуждены поддерживать»¹⁹⁵.

Он пытался преодолеть эту трудность, разрабатывая для Египта (но не для Судана) план получения формальной независимости. Но Великобритания сохранила бы контроль над обороной и другими административными вопросами, касающимися финансов и иностранных резидентов. Переговоры по соглашению по этим вопросам осложнились соперничеством и в Каире, и в Лондоне. Политики не хотели получить обвинения в предательстве интересов своих стран. Заглул не шел на компромиссы и был таким неуступчивым, что это привело к стычкам между группами населения по национальному и религиозному вопросу. Уинстон Черчилль, который опасался распада империи на части в то время, когда «красный медведь» неистовствовал, рвал и метал, считал арабов варварами, которые питаются верблюжьим дерьмом. Он тоже выступил против плана Милнера. Так высказался и Ллойд-Джордж, который одновременно пытался утихомирить Ирландию. Но премьер-министр принимал во внимание предупреждение: пока в Египте не достигнуто никакого соглашения, «Заглул начнет создавать панисламское движение по типу «Шин Фейн», которое будет творить зло везде и соединится с турками и индусами по всему миру»¹⁹⁶.

Чтобы сохранить империю, использование силы должно было уступить кооперации. Алленби решил вопрос, отправив Заглула в ссылку на Сейшелы, а затем пригрозил уйти в отставку, если протекторату не будет положен конец. Поэтому ровно через сорок лет после оккупации Британия односторонне объявила Еги-

пет независимым — на ограниченных условиях, приемлемых для Ллойд-Джорджа. Они стали проклятием для Заглула. Придерживающиеся жесткой линии неуступчивые британские империалисты тоже осудили предоставление свободы, которое посчитали капитуляцией перед насилием. В дальнейшем это представлялось, как еще один пример послевоенного «ослабления воли к власти, которое сделало распад Британской империи таким уродливым и гибельным»¹⁹⁷.

Нет сомнений, что уступая и признавая автономию, Великобритания отрезала корень своей позиции в Египте. Но уступка явилась результатом не столько трусости, сколько изменения мнения. Британское правительство признало: ему не хватает военной силы и морального авторитета, чтобы управлять империей в манере старого Кромера или молодого Милнера. Времена изменились. Денег не хватало. Новые идеи витали в воздухе. Возможно, они могли реализоваться, если к власти придет Лейбористская партия Рамси Макдональда. Власть белых над цветными расами переставала быть уважаемой. Как сказал один высокопоставленный чиновник из Уайт-холла, традиционный тип имперского правления «умирал в Индии и разлагался в Египте»¹⁹⁸.

Однако новый тип имперского правления, закамуфлированный либеральным языком и представляемый в форме опекуинства, имел достаточно жизненных сил во время своей короткой и беспокойной жизни. Это происходило из-за того, что расчетливая и хитрая британская практика давала неверное представление о «благородных» заявлениях и заверениях. Верховный комиссар в полной мере пользовался остающейся властью, которую всегда можно было поддержать силой. Как писал один чиновник, вся «амуниция» египетской армии «находится в цитадели, а на ней сидит очень хороший британский батальон»¹⁹⁹.

На тенистой пятнадцатой лунке поля для игры в гольф в Гезире лорд Ллойд, который сменил Алленби в 1925 г., был иногда вынужден пользоваться тяжелой клюшкой. «Когда я вижу, как цветут палисандровые деревья, — сказал он, — я знаю, что пришло время отправлять за линкором!»²⁰⁰

Миссией Ллойда в жизни было продвижение себя и предотвращение имперского отступления. Он осуждал раболепство Милнера перед Египтом и говорил: «Мы все знаем, что случается в империях, когда они начинают уводить свои легионы». Он считал, что дух компромисса ведет к загниванию души партии «тори» на родине. Но лорд опасался медленной добровольной дезинтеграции Британии за границей, предпочитая некий вид имперской «гибели богов», когда сигнал отбоя прозвучит «на горящих крепостных валах мира».

Ллойд одевался с иголки, носил монокль, являлся женоненавистником. Волосы у него были сальные, а цвет лица — смугловатым. Он служил губернатором Бомбея, теперь же страстно желал показать отеческое управление египтянами. Его жена говорила о подопечной нации, как о «подобных детям, наполовину испекшихся на солнце людях»²⁰¹.

Надменность семьи Ллойдов была столь же ярко выраженной, как и враждебность. Он с особым презрением относился к проживающим в городах арабам, которые носили котелки и коричневые сапоги, и жили, «словно паразиты на границах западной цивилизации»²⁰². Так от него отделилось большинство каирских политиков, включая Заглула. В 1929 г. Министерство иностранных дел фактически вело переговоры с националистами за спиной Ллойда, чтобы обеспечить его уход.

Однако Ллойд и два его преемника, сэр Перси Лорен и сэр Майлс Лампсон, были мастерами в столкновении короля (которым Фуад стал в 1922 г.), Вафда и секционных партий друг с другом. Сам Фуад не был ничтожеством, несмотря на семейную слабость к итальянским любовницам и необычную проблему. (У него в шее застряла пуля, которую туда отправил один родственник, и от этого он лаял, словно собака. Когда принц Уэльский Эдуард встретился с ним в 1922 г., то испытал потрясение от «королевского лая»)²⁰³.

Фуад так сильно смазывал усы воском, что они торчали, будто пики, казалось, что у него выросли бивни. Это был монарх в духе Макиавелли. Остин Чемберлен говорил о нем, как о «хитром, строящем козни, коррумпированном автократе»²⁰⁴.

Фуад дергал за веревочки придворных марионеток, как он их называл. Он же использовал новую конституцию для получения как можно большего количества власти и богатств, одновременно осуждая египетских политиков за попытки слишком быстро разбогатеть.

Это не делало монарха популярным. Заглул был прав, говоря: «Хотя Фуад являлся королем египтян, я — король их сердец». Но Вафду противостояли и резиденция, и дворец, а также интересы других влиятельных лиц. Поэтому редко удавалось подолгу удерживать власть, несмотря на подавляющее большинство голосов на выборах. Более того, у организации было плохое руководство после смерти Заглула в 1927 г. Его преемник Мустафа Нахас был ветреным, легкомысленным и беспечным до грани сумасшествия. Его называли «косым альбатросом»²⁰⁵, он председательствовал в партии Вафд, которая стала разделяться на фракции, в ней началась коррупция, косность и консерватизм. Поэтому в годы экономического кризиса, вызванного Великой депрессией, по-

литические интриги и королевские репрессии господствовали на берегах Нила. Британский верховный комиссар сохранял главенство, причем в устрашающей манере: Лорен считал египтян «жалкими тварями»²⁰⁶ и обычно смотрел на тех, кого приглашал к себе в кабинет, «не говоря ни слова, большими глазами, в которых не было блеска или огонька интереса»²⁰⁷. Фуад жаловался в 1935 г., что египетский премьер-министр «не смеет переложить карандаш на своем письменном столе без совета резиденции»²⁰⁸.

Но британские позиции постоянно слабели в Леванте. Это во многом объяснялось подъемом потенциальных противников в Европе и Азии, что растягивало оборонительные ресурсы империи почти до точки разрыва. Вторжение Муссолини в Эфиопию в октябре 1935 г. четко показало слабость Британии. Правительство Стенли Болдуина не смогло подкупить дуче, которого Адмиралтейство считало способным, если ему не помешать, довести до конца это безумное дело «бешеной собаки»²⁰⁹.

Однако правительство не стало закрывать Суэцкий канал для итальянских кораблей. Когда генерал Бадольо вошел в Аддис-Абебу в мае 1936 г., Египет казался еще более уязвимым для фашистской агрессии, ведь он находился между ливийским молотом и эфиопской наковальней. Поэтому в том году был подписан еще один англо-египетский договор, по которому (среди прочего) Египет должен был вступить в Лигу Наций, а британские войска оставили бы гарнизон только в зоне Суэцкого канала.

Престиж Британии серьезно пострадал из-за ее поведения в Палестине. Отрезав арабское государство Трансиорданию от Земли Обетованной и посадив брата Фейсала Абдуллу на трон, Великобритания оскорбила евреев. Назначив сэра Герберта Сэмюэля верховным комиссаром в 1920 г. («первого еврейского правителя в Палестине после Гиркана II, этого последнего вырожденца Маккавейского»²¹⁰, правившего примерно в 40 г. до н.э.), они оскорбили арабов. Когда Сэмюэль открыл двери в еврейские поселения в духе Декларации Бальфура (которую чиновники отказались публиковать в Палестине), арабы отдалились еще больше.

Как окажется дальше, проблемы Палестины были уникальны и трудноразрешимы. Они кратко объяснялись тем, что Иерусалим когда-то был городом Давида, там находились Гроб Господень и место вознесения Мохаммеда на небеса. Поэтому Святая Земля, которую вспахивали римляне после разрушения храма Соломона, всегда оказывалась осквернена присутствием «неверных» и являлась местом конфликта.

Ллойд-Джордж и Болдуин не могли преуспеть там, где провалились Адриан и Тит. В любом случае, они были заняты попыткой создать страну, подходящую для героев, проживающих дома.

Делалось все возможное, чтобы удовлетворить требования демократии, которая теперь давала большинству женщин право на голосование. Более того, Британия оборонялась в других регионах на Ближнем Востоке. Широта ее охвата скрывала слабость захвата. В 1919 г. Афганистан объявил войну, и Британия подписала договор, который позволил эмиру Аманулле изображать из себя освободителя своего народа. Одновременно «сумасшедший мулла» снова атаковал в Британском Сомалиленде.

В 1921 г. новый военный диктатор Персии Реза Хан закрыл традиционную сферу влияния Британии. На следующий год Ллойд-Джордж едва не пролил британскую кровь при Дарданеллах, поддержав Грецию в войне против Турции. Но он получил мало поддержки от доминионов, и коалиционный кабинет был «свергнут» лидером «тори» Бонаром Лоу. Последний объявил: «Мы не можем действовать одни в качестве мирового полицейского»²¹¹.

Вспышки насилия наблюдались в Йемене и Иордании, где под командованием британских офицеров был сформирован Арабский легион. В 1924 г. произошли бунты в Судане. В это же самое время ибн-Сауд из Эр-Рияда нанес поражение зависимому от Великобритании Хусейну Хашимиту. В 1932 г. он создал Королевство Саудовская Аравия.

Послевоенные препятствия, которые возникли у Британской империи (особенно, в Индии и в Ирландии), стали еще более серьезными из-за экономического застоя и положения на международной арене. Британия могла ожидать слишком малой реакции (не считая отдаленных раскатов грома из США, которые теперь отступали в изоляцию). Но она ждала вспышек молний от другой зарождающейся супердержавы — коммунистической России. А та распространяла по миру идеологию, глубоко враждебную колониализму.

Лорд Дабернон произнес пророческие слова о том, что Советский Союз угрожает Британии и ее колоссальным владениям «катаклизмом, который можно сравнить только с крахом Римской империи»²¹².

Глава 11

«Англичанам нравится представляться богами» Запад и Восток

Несмотря на Первую Мировую войну и ее беспокойные последствия, Британская империя продолжала стоять над миром, расставив ноги, словно колосс. Ведь и США, и Советский Союз были заняты своими собственными проблемами (особенно, во время Великой депрессии). Тогда, как казалось, мало что можно выбрать, кроме анемичного капитализма и кровавого коммунизма.

И Великобритания оставалась единственной супердержавой. Она доминировала в Лиге Наций. Через Локарнские договоры (1925 г.) она умирала Европу до подъема нацистской Германии. Ее имперские границы растянулись на самую большую ширину, охватывая, как любили хвастаться географы, «один континент, сто полуостровов, пятьсот мысов, тысячу озер, две тысячи рек, десять тысяч островов»¹.

Империя породила новые методы колониального управления и контроля, больше полагаясь на не прямое управление через местные элиты. Метрополия нашла способ дешево управлять колониями, не просто используя самолеты и бронемашину, но и ограничивая строительство крупных боевых кораблей. Вашингтонский договор о морских вооружениях (1921–22 гг.) привел к тому, что Британия отказалась от альянса с Японией, чтобы разделить «скипетр Нептуна» с США, «единственной страной, с которой, кроме всего прочего, мы хотим жить на условиях дружбы»².

В 1926 г. Бальфур привязал доминионы к метрополии последним куском вербальной паутины: они стали «автономными сообществами в рамках Британской империи, равными по статусу и свободно связанными в качестве членов Британского содружества наций»³. Это ясное определение было подтверждено Вестминстерским статутом 1931 г. После беспорядков в Ирландии, Леванте и Индии наблюдалось затишье. Затем стало возможно поверить в то, что Ирландское Свободное Государство останется в более тесно связанной империи, Британия установит «доктрину Монро» для Ближнего Востока, а Индостан продолжит блистать в королевской диадеме.

В других местах носители бремени белого человека предположительно проявляли «гений колонизации, который делал Британ-

скую империю более великой, чем в какие-либо времена»⁴. Это огромное здание, как заявляли его защитники, являлось памятником высшему типу цивилизации. Это «величайший политический эксперимент из когда-либо предпринимавшихся», как сказал сэр Ивлин Ренч, основатель Заморской лиги. Она могла первой пройти по пути к федерации человечества⁵, как он полагал. Так и Рим, по словам Плиния Старшего, стремился стать общей родиной для всех народов Земли.

Британская империя со своей мощью, величием, властью и силой даже казалась пророкам вроде Леопольда Эмери и Лайонела Кёртиса частью божественного порядка. В «евангелии от Эмери» империя была не просто супердержавой, а «словно Царство Небесное внутри нас»⁶.

Кёртис, который основал ежеквартальный «круглый стол», Чатем-хауз (Королевский институт международных отношений) и другие органы, предназначенные для продвижения имперского союза, собирал «не более 12 учеников»⁷. Он проповедовал, что империя является «царством Божиим на Земле»⁸.

На иностранцев все это производило впечатление, даже против воли. Во время путешествия вокруг света лорд Нортклифф встретил одного американца, который с неохотой признал: «Путешествие по Дальнему Востоку стало открытием в плане величия Британии, и ваши большие владения заставляют Дядю Сэма “принять сидячее положение и обратить внимание на них”»⁹. Сам Адольф Гитлер приковывал взгляд к мировой гегемонии Британии, и в «Майн Кампф» назвал ее «величайшей державой на Земле»¹⁰.

Высокопоставленные чиновники из Уайт-холла только украшали подобное представление. В этом плане они не испытывали сомнений, колебаний и угрызений совести. Ранее они пригласили Сигизмунда Геце сделать серию настенных росписей для Министерства иностранных дел. Вскоре после прекращения военных действий он закончил последнюю панель под названием «*Britannia Pacificatrix*» («Британия-умиротворительница»)¹¹. Эта настенная роспись была предназначена для демонстрации победоносной Великобритании, поддерживающей мир при помощи далеких сыновей и союзников. Она расположена на фоне мраморной колоннады, поверх которой идет надпись на латыни. В центре находилась аллегория Британии, великолепно смотрящаяся в шлеме с плюмажем и красно-бело-золотых свободных одеждах. Она через море жмет руку Америке, фигуре во фригийском колпаке (символе свободы), держащей в руках весы правосудия. По бокам у нее стоят Италия с топором и ликторской связкой (символом законности в древнем Риме) и Франция, которая сжимает короткий меч, показывающий вниз, на обломки военной машины

Германии. Поддерживающая роль отведена доминионам: Ньюфаундленд стоит с трезубцем, Южная Африка — со львиной шкурой, на Канаде венки из колосьев пшеницы и пояс из кленовых листьев, Австралия — в шапочке диггера, а Новая Зеландия — с золотым руном. Индия появилась в броне, Фейсал воплотил эпос Аравии, Греция держит статую, Румыния — сосуд с маслом, а Япония — цветущую сакуру. Чернокожий мальчик с блюдом фруктов на голове означал потенциал Африки.

Под мантией Британии прячутся обнаженные жертвы конфликта, в частности, фигура Бельгии, которая выходит из ужасов войны со сломанным мечом, но незапятнанным флагом. Здесь был представлен победоносный образ послевоенного могущества и великодушия Великобритании, возвеличенный классической иконографией.

Керзон говорил, что картина стала не искусством художника, а мелодрамой.

На самом деле это была пропаганда. Это эмблема попыток усилить престиж Британии, чтобы компенсировать относительный упадок британской мощи. Такие попытки происходили в период между двумя войнами.

Реклама империи оказалась почти такой же старой, как сама империя. Но Нортклифф и другие развили технику манипулирования общественным мнением во время Первой Мировой войны, когда «пропаганда, как гигантское анчарное дерево, капала своим ядом на все страны»¹². В дальнейшем Британия предприняла беспрецедентные усилия для поддержки демократии в рамках имперских норм, причем действовала так активно, что правительства периода между двух мировых войн обвиняли в «играх с человеческой волей»¹³, порождении стадного инстинкта и помещении массового сознания на цепь¹⁴.

Использовались новые средства массовой информации. Кино возбуждало и захватывало гораздо больше, чем шоу с использованием проекционного аппарата. В этом случае было легче использовать цензуру, чем в мюзик-холле.

Кино заняло место театра в зарождении и укреплении имперских чувств. Фильмы варьировались от документальных вроде «Заботы», где показывали британского районного комиссара, «творящего правосудие, строящего дороги и мосты, обучающего местных жителей развивать страну и мирно жить вместе»¹⁵, до эпосов — например, «Жизни бенгальского улана». Гитлер использовал последний фильм для обучения СС тому, как крошечная элита может подчинить низшую расу.

При помощи радио и граммофона образы передавались еще лучше, они ярко оживляли империю в воображении слушателей.

Би-би-си наполнила дома в стране «акустическими живыми картинами» — королевскими церемониями, военными парадами, религиозными службами и т.д.¹⁶ Это придавало вес, наделяло крыльями имперские послания, намекая, что хорошо поставленный акцент правящих кругов — голос объективности.

Традиционные методы британской рекламы, от коробок шоколадных конфет до духовых военных оркестров, от королевских визитов и популярных песен, тоже расцвели в 1920-е гг. Сигаретные вкладыши никогда не были более популярными или более патристическими.

Расцветало движение бойскаутов, а вместе с ним — призывы к молодым людям в шортах цвета хаки «не позориться, как молодые римляне, которые потеряли империю своих предков, будучи слабыми и нерешительными бездельниками без энергии, воодушевления и патриотизма»¹⁷. Комики подбадривали то, что Джордж Оруэлл называл «патриотизмом трушоб». Молодежная литература говорила о Британии, которая будет существовать вечно. Король сидит на троне, фунт стерлингов не хуже золота, а флот стоит в Ла-Манше. Комичные иностранцы что-то лепечут в континентальной Европе, а на аванпостах империи «англичане в моноклях держат негров в страхе, не подпуская к себе»¹⁸.

Пресса распространяла стереотипы, которые едва ли оказывались менее грубыми. Так поступали школы, мужские клубы, женские институты и другие организации.

Но сомнительно, имели ли они большое влияние. Старые колониальные служащие продолжали жаловаться, что никого в родной стране нисколько не интересуют их дела. Один вице-король Индии, лорд Ридинг, заметил: англичане слушают разговоры об Индии только из вежливости. Еще один, лорд Уиллингтон, объявил, что отсутствие понимания вопросов, связанных с Индией, особенно заметно в Вестминстере. «Его поражало незнание Болдуина, а еще больше — то, что он ничего не хочет знать»¹⁹.

Интеллектуалы говорили, что произведения Киплинга, Хаггарда, Генри и им подобных привлекают к культу Индии не больше людей, чем готическая мелодрама вдохновляет веру в привидения²⁰. Эксперты признавали трудность влияния на общественное сознание. Оно не было «*tabula rasa*», чистым листом бумаги, на котором можно написать имперское кредо. Оно казалось палимпсестом отличающихся друг от друга мнений, «фантаσμαгорией конфликтных ценностей»²¹.

Слово «пропаганда» становилось неприличным по мере того, как раскрывалось: рассказы о зверствах военного времени — ложь. Казалось, что она в меньшей степени направляет общественное мнение, чем отражает официальную политику. Однако британс-

кий барабанный бой звучал громче по мере того, как империя слабела.

Ничто не иллюстрировало это лучше, чем Выставка Британской империи на Уэмбли — самое амбициозное шоу из когда-либо устраивавшихся. Георг V нажал на кнопку на золотом глобусе, открывая ее 24 апреля 1924 г. на ослепительной церемонии. Этим он передавал сообщение об имперской мощи по всему миру. За восемьдесят секунд послание облетело весь мир. Зрители приветствовали мальчика, который вручил телеграмму его величеству, подтверждая сей электронный подвиг. Мальчика приветствовали столь же восторженно, как и короля, чей голос, разносимый при помощи усилителей, заставил одного африканского вождя в толпе воскликнуть: «Это колдовство!» (Так сообщала «Дейли мейл»)²².

Комментаторы пребывали в столь же благоговейном трепете. Они приветствовали выставку, как «величайшее всеобщее мирное усилие, которое когда-либо предпринимала Британская империя»²³.

Из пятидесяти восьми стран, входивших в империю с населением в четыреста миллионов человек, охватывающих четырнадцать миллионов квадратных миль территории (в семь раз больше, чем территория Рима в период самого сильного разрастания империи), только две или три страны не внесли свой вклад.

Выставка обошлась в двенадцать миллионов фунтов стерлингов. Имперские территории заполнили 220 акров Уэмбли карликовой версией этого огромного сообщества, такой же богатой деталями, как кукольный домик королевы Мэри (спроектированный Лютенсом), который тоже выставлялся. Стадион с двумя одинаковыми башнями и огромные павильоны вокруг него были воздвигнуты с поразительной скоростью, использовался бетон. Дворец инженерного искусства, занимавший территорию в шесть раз больше Трафальгарской площади, являлся самым большим бетонным зданием на земле. Но, как казалось, ничто в большей степени не превозносило заслуги строителя — сэра Роберта Макалпина, «короля бетона», — чем сам стадион, самый лучший в мире. «Когда древнеримский Тит построил огромный амфитеатр, Колизей, известный благодаря своим размерам, на это потребовалось шестнадцать лет. В его императорскую голову, вероятно, не приходило, что однажды будет построен стадион, размером почти в три раза превышающий Колизей, притом — бесконечно более крепкий. И построят примерно в десять раз быстрее, а сделает это нация, которую он и его предки считали едва ли стоящей покорения»²⁴.

Две одинаковые башни, которые едва ли пережили Британскую империю, были могольским уродливым наростом на римском основании. Они являлись типичными для эклектицизма архитек-

туры Уэмбли. Канада и Австралия предпочитали неоклассицизм. Южная Африка построила традиционный голландский особняк с верандой перед домом, крытым балконом и крышей с желобчатой черепицей. Индийцы объединили свою крупнейшую мечеть и самую прекрасную гробницу, Джами-Масджид и Тадж-Махал, чтобы создать алебастровый дворец. Западная Африка соорудила на трех акрах город, окруженный красными стенами. В них располагался терракотовый форт. Бирма построила старую пагоду Мульмейна, а Цейлон — кандийский храм. Дворец Красоты стал смесью известняка, сиенского мрамора и ляпис лазури.

Эти здания стояли среди озер и садов, связывались «никогда не останавливающейся железной дорогой», освещались после наступления темноты тремя миллионами лампочек. Они казались сундуком с сокровищами империи. Были отражены золотые прииски, алмазные копи, угольные шахты; меха, леса и рыбные места, кофейные, чайные, сахарные и каучуковые плантации, лесопилки, страусовые фермы, овечьи пастбища, рисовые поля, хлопковые поля, пальмовые рощи, нефтяные скважины, шоколадные фабрики. Работники из различных стран, от Индии до Вест-Индии, готовили ткани, обрабатывали кожу, выплавляли металл. Гонконг предложил живописную улицу с магазинами. Египет представил копию гробницы Тутанхамона (а заодно — переводчиков). Бермуды показали, как поднимали государственный флаг США, когда Америка взяла на себя управление половиной судовой верфи во время войны. Англия представила знаменитые военно-морские сражения с макетами кораблей и гигантскую карту мира, сконструированную на воде. Перед своим бледно-серым павильоном Австралия поставила конную статую Аполлона на солнечной колеснице. Вместе с полицейскими из частей Королевской конной полиции Канада сделала вклад в виде статуи принца Уэльского, вырезанного из сливочного масла.

Сам принц Эдуард сказал, что выставка была «магазинной витриной империи»²⁵. Но она способствовала продаже различных экзотических товаров: от канадских хоккейных клюшек до австралийского эвкалиптового масла, от малайской копры до какао с Золотого Берега, от черепаших панцирей с Фиджи до товаров из человеческих волос с Гонконга, от искусственных конечностей из Новой Зеландии до зостеры с Ньюфаундленда. Более того, выставка привела к учреждению Имперского управления по сбыту. Его целью было «продавать идею производства и закупок империи, как кооперативного предприятия»²⁶.

Однако из исторических карнаваловых шествий и живых картин, освещавшихся факелами, слетов бойскаутов, представления татуированных туземцев, музыки Элгара и названий улиц в честь

героев Кипплинга становится ясно: выставка была не просто торговой ярмаркой. Она стала чем-то большим. «Таймс» настаивала, что это даже серьезнее, чем «истинное святилище империи». Цель выставки — сделать так, чтобы вера в империю горела ярче, возобновить общность и связи между всеми подданными короля после войны и этим завоевать мир. Величие оказалось сутью имперской саги, «величие в полностью римском смысле, но более возвышенное и чистое, чем в Риме».

Однако «Таймс» в дальнейшем отмечала: поскольку корона являлась единственной связью империи, «у системы имеются явные слабости и опасности»²⁷. Поэтому, несмотря на помпу и обстоятельства, которые сам Элгар посчитал «безнадежно и непоправимо вульгарными»²⁸, выставка стала невольным символом хрупкости системы. Из-за того, что постоянно возникали проблемы с рабочей силой, ее не завершили вовремя. Отштукатуренные фасады скрывали кучи запутанных проводов, перекрученных труб и сломанных упаковочных ящиков.

Мероприятие привлекло двадцать семь миллионов посетителей, но на нем потеряли 600 000 фунтов стерлингов. Выставка оказалась слишком дорогой для многих рабочих, а официанткам в кафе и ресторанах, которым приходилось много и напряженно трудиться, платили очень мало. Парк развлечений на пятидесяти акрах казался «римским цирком, где население могло уйти от реальности»²⁹.

Выставка подтвердила расовые предрассудки. В последнем приложении к «Таймс», посвященном Уэмбли, говорилось: нанятые европейцами клерки-зулусы «болезненно пытались сочетать уроки взрослых и разум ребенка»³⁰.

Выставка посеяла политические разногласия. Недолго продержавшиеся министры-лейбористы поддержали и ее, и империю, хотя Рамси Макдональд ранее настаивал: имперская экспансия — это только миллионеры на охоте³¹.

Многие социалисты все еще придерживались такой точки зрения. Они отнеслись к затее с пренебрежением и ругали «карнавал на Уэмбли». «Нью стейтсман», газета левого крыла, даже старалась принизить значение события. «Дейли геральд», которая субсидировалась царскими драгоценностями, выдаваемыми большевиками, считавшими колонии «ахиллесовой пятой» британского капитализма³², фактически проигнорировала выставку. Вместо этого газета опубликовала «житие» Ленина. Заодно она предала гласности признание Джорджа Лансбери в том, что лейбористское правительство меньшинства не может ввести по-настоящему социалистическую политику по отношению к империи, «даже если бы кто-то из нас был уверен, какой следует быть этой политике»³³.

Окончание речи герцога Йоркского (будущего короля Георга VI) оказалось смазанным. Он заикался и пришел в смущение. Выставка едва ли восстановила уверенность в способности Британской империи развиваться, а по окончании войны начать «крупнейшую работу по восстановлению, которую когда-либо видела наша планета»³⁴.

Однако британцы верили: «Империя должна расти или прийти в упадок»³⁵. Поэтому, несмотря на всю роскошь и великолепие, которые символизировались шестью львами при входе в павильон британского правительства, выставка показала: структура империи заражена ветхостью и немощностью. Ее разрывали конфликты, она раздувалась от подмандатных территорий и страдала от болезни, которую Беатрис Уэбб назвала «видом старческой гипертрофии»³⁶.

* * *

Что именно поддерживало продолжение существования гигантского предприятия, империи, представляет собой тайну. Ведь чиновников и прочих официальных лиц, которые ею управляли, было поразительно мало. Индийская гражданская служба насчитывала 1 250 человек. В ее малайском эквиваленте трудилось 220 человек, а в цейлонском — 100 человек. Британия правила над сорока тремя миллионами людей на двух миллионах квадратных миль примерно двенадцати африканских колоний при помощи 1 200 администраторов, двухсот судей и сотрудников судов, тысячи полицейских и солдат (и ни один из них не был выше по званию, чем полковник-лейтенант).

Примерно сорок англичан управляли Сараваком. Иногда человек двадцати с небольшим лет мог брать на себя ответственность за участок Африки размером с Йоркшир или, как Леонард Вулф в довоенном Цейлоне, — за покрытый джунглями район размером 400 квадратных миль. Там не было больше ни одного европейца.

Конечно, любой внезапный всплеск насилия мог сбросить эту «тонкую белую линию»³⁷. Поэтому британцы усиливали свою власть, сотрудничая с местными элитами, они поднимали престиж, настаивая на превосходстве белых.

Жизненно важным казалось поддержание видимости. Вероятно, единственным вызывающим воспоминания литературным наброском об империи стал рассказ Джорджа Оруэлла о том, как, будучи полицейским в Бирме, он застрелил слона. Слон пришел в неистовство, но полисмену требовалось поддержать достоинство собственной расы. Животное больше не представляло опасности, однако вооруженный винтовкой Оруэлл должен был сделать то,

что от него ожидалось, чтобы произвести впечатление на местных жителей. Как он написал, «сахиб должен действовать, как сахиб»³⁸.

Что бы ни случилось, слугам империи следовало демонстрировать смелость. Но в действительности на демонстрацию превосходства и главенства тратилось столько усилий, что это часто мешало эффективности.

Солдаты устаивали парады, маршировали четким строем в парадных мундирах, с отполированными до блеска пуговицами и пряжками. Однако армия оставалась чем-то чуть большим, чем имперская жандармерия. Даже после механизации Военное министерство позволяло каждому офицеру кавалерии иметь по два боевых коня бесплатно. Полки, которые получали самоходные орудия, снижали скорость их стрельбы, сохраняя сложные процедуры, которые проводились для контролирования теперь уже несуществующих лошадей. Моряки демонстрировали флаг со шегольством и рисовкой, типичными для Нельсона. Но в период между двумя мировыми войнами сторожевые корабли военно-морских сил были «недостаточно хорошо вооружены и недостаточно мощны»³⁹. Ведь их строили в большей степени ради впечатляющих силуэтов, а не боевых возможностей. Летчики устраивали волшебные шоу, но Королевским ВВС так сильно не хватало наличных, что в Индии они не могли позволить себе шины для некоторых из старых самолетов «Бристоль». (Им приходилось взлетать и садиться на металлические части колес).

Районные комиссары специально одевались на ужин в джунглях, чтобы должным образом поддержать гордость белого человека самим собой, как писал Сомерсет Моэм. Он отмечал дискомфорт и неудобство, вызванные такими формальностями⁴⁰.

Все делалось, чтобы поднять правителей над теми, кем они правили, утвердиться в качестве отдельной ветви высших существ. Каждый, в соответствии со своим местом в имперской иерархии, наслаждался долей божественной власти. (Она, как предполагалось, текла вниз от теократического короля). Слуги короны становились местными божествами. В конце концов, как написал о колониальных чиновниках Э.М.Форстер в своем романе «Путь в Индию» (1924 г.), они «уйдут в отставку в какую-нибудь пригородную виллу, и умрут, отправленные в ссылку из славы». А пока, если процитировать одного из его героев, «англичане любят представляться богами»⁴¹.

Те, кто управляли империей в период между двумя войнами, по крайней мере, получили соответствующее воспитание и учились командовать. Половина из них (те, кто вероятнее всего должен был преуспеть), учились в закрытых частных привилегированных

средних учебных заведениях, гордившихся тем, что выпускают лидеров будущего. К этому времени культ атлетизма углубился, игры явно превосходили по значимости набожность и хорошую учебу, считаясь главными средствами для «тренировки характера»⁴².

Конечно, на колониальную службу шли и специалисты в различных областях знаний, и те, кто изучал классические науки и «ужасно страдал по Риму»⁴³. Но главной рекомендацией для кандидатов для непередаваемого сэра Ральфа Ферса становились черты характера⁴⁴. Он являлся воплощением снобизма и коррупции и давно отвечал за наем на работу в Министерство по делам колоний. Там он когда-то, будучи молодым человеком, играл в крикет в кабинете министра, подавая мяч от огромных дверей и используя камин, как воротца.

Ферс учился в Итоне (который давал четверть тех, кто поступал на службу в Министерство иностранных дел в начале 1930-х гг.) Он гордился сетью старых знакомых и предпочитал людей, которые происходили из «рода, себя уже показавшего». Однако Ферс мог найти место и для более грубых и неотесанных типов, не боявшихся рассказывать истории, которые обычно звучат в курительной комнате, старейшинам племен на самых диких аванпостах империи — например, Золотого Берега.

В период его работы (1910—48 гг.) он использовал простые, вплоть до наивности методы отбора. На самом деле «Руководство по назначению на должность» Министерства по делам колоний иногда кажется эхом «Руководства» для бойскаутов: «Слабость различного рода может таиться в отвисшей губе или отводимом взгляде, а целеустремленность обычно отражается в прямом взгляде и плотно стиснутых губах и челюстях»⁴⁵.

Монокли не мешали твердому и уверенному взгляду, но Ферс не очень хорошо относился к «парням в очках»⁴⁶.

Однако в то время его критерии были широко популярны, а особенно — у сторонников традиций. Последние считали, что будет лучше всего, если империей станут управлять надежные, патриотически настроенные джентльмены, знающие, как следует играть в эту игру. Как писал один из старших администраторов в Малайе, «нам здесь требуются молодые выпускники частых закрытых привилегированных школ (предпочтительно, из Челтнема), которые провалились во всей книжной работе и на экзаменах, но отлично показали себя в спорте»⁴⁷. В целом такие чиновники служили безупречно и надежно, поскольку были честными, смелыми, ответственными и предприимчивыми. Они много сделали, чтобы заслужить только восторженно-хвалебные отзывы. По словам бичевателя имперских дурных дел Э.Д. Морела, они были «сильными в чувстве справедливости, твердыми в чувстве долга»⁴⁸.

В неопубликованных мемуарах один ирландский юрист, который обычно гневно высказывался об англичанах, только хвалил районных комиссаров, которых встретил в Нигерии: «Забота о местных жителях, которыми они управляли, была великолепной». Он добавил, что философ Джордж Сантаяна думал о таких людях, когда говорил, что в мире раньше никогда не было столь «ребячливых и веселых хозяев». Сантаяна добавлял, что будет трагедией их замена «невежами и мужланами»⁴⁹.

С другой стороны, несмотря на сильную местную поддержку, в первую очередь они отвечали не перед жителями колоний, а перед империей. Как сказал один исполняющий обязанности губернатора Нигерии молодому Джеймсу Каллагэну, ему и его коллегам помогло бы, если бы британцы прекратили делать «лицемерный упор на нахождении в Африке ради африканцев» и признали: «Мы остаемся там ради нашего собственного блага». От этого смогут выиграть и местные жители, которые в ином случае вернулись бы к каннибализму в «охваченном болезнями малярийном болоте и джунглях»⁵⁰.

Более того, чиновники часто были не без греха, и в их деятельности наблюдалось много недостатков. Многие оказывались педантичными, грубыми, вели себя по-хамски, холодно и замкнуто и до смешного традиционно.

Леонард Вулф говорил: чиновники на Цейлоне никогда не понимались выше уровня «самой низкой кембриджской псевдокрови» и никто не говорили ни о чем более интересном, чем «служба» или о том, на самом ли деле мистер А. помолвлен с мисс Б⁵¹. Марджори Перхам жаловалась на колониального гражданского служащего, разговоры которого «ограничивались спортом, частными привилегированными школами и полками, включая цвет их галстуков»⁵².

Он и ему подобные зачастую оказывались самодовольными, непереносимыми и реакционными. Получив такую власть и такую свободу, они имели склонность развивать «недостатки безответственных правителей»⁵³. На родине критики вроде Г.Уэллса все больше осуждали частные привилегированные высшие школы за производство кадров «узколобых филистимлян», преданных защите класса и расового престижа. Бернард Шоу объявлял: Итон, Харроу, Винчестер и их более дешевые копии «должны быть стерты с лица земли, а их фундаменты посыпаны солью»⁵⁴. Э.М.Форстер был шокирован обычной грубостью получивших дорогое образование сахибов по отношению к индусам. Он писал в 1922 г.: «Никогда в истории плохое воспитание не делало такого большого вклада в разложение и разрушение империи»⁵⁵.

Такое враждебное мнение могло подтвердиться во время путешествия из британских владений в Азии на борту плавучих

караван-сараев судоходной компании «Пенансьюлар энд Ориентал». Ее флот был безупречен и оформлен в черном и белом цветах. Величественно демонстрировалась эмблема — восходящее солнце.

Этот флот мог служить памятником имперской гордости. Молодые люди, отправляющиеся к месту своего первого назначения, начинали изучать способы и приемы работы, путешествуя в роскоши на судах «Пенансьюлар энд Ориентал». Там всегда настаивали на квази-военно-морском протоколе и должной субординации для пассажиров второго класса⁵⁶.

Киплинг жаловался, что компания навязывала правила поведения, «будто мы группа каторжан, связанных одной цепью». Она действовала так, будто «вам оказывают милость, позволяя взойти на борт»⁵⁷.

Новые юноши выясняли, что должны отвечать на сигналы горна, которые призывали к таким важным событиям, как прием пищи, соревнования по теннису на палубе и танцы под популярные мелодии, которые исполнял судовой оркестр. В ресторане были подвешены опахала, создававшие прохладу. Определение социального уровня⁵⁸ являлось искусством. Молодых чиновников вскоре ставили на место (как сказал Талейран, место за столом никогда не лжет).

В курительной комнате, выложенной зелеными плитками, которая напоминала номер люкс на Тотнем-Корт-роуд⁵⁹, они обнаруживали, что следует говорить о спорте, это считается хорошим тоном. Не следовало говорить о деньгах, как американцы, или о пиве, как немцы.

Вскоре юноши, словно попугаи, повторяли стандартную точку зрения: «Не следует тратить доброту на чернокожих, это абсолютно бессмысленно. Единственное качество, которое требуется представителю Британии в плане этики — это твердость»⁶⁰. В кают-компании их знакомили с процедурой подписания расписок за выпитое, которые оплачивались раз в неделю. На самом деле, они за все писали расписки, включая церковные сборы, поскольку европейцы на Востоке редко имели при себе наличные. Один вице-король Индии, лорд Линлитгоу, признался, что никогда в жизни не видел рупию.

В каютах тоже предопределялось определенное поведение: «Аккуратный, невозмутимый имперский англичанин ложится в постель чистым, в пижаме. Он тщательно бреется каждое утро и тщательно чистит свою одежду»⁶¹.

После Порт-Саида, вероятно, крупнейшего дорожного узла империи, начинающие моряки узнавали: смокинг уступил белому пиджаку для кают-компаний, известному, как «отмораживающий задницу». Его носили с крахмальной белой рубашкой, жестким

воротником и черными брюками. Несмотря на официальность и соблюдение формальностей, иногда случались выходки и бурное веселье. И другие барьеры преступались благодаря разношерстности публики на борту⁶².

Но условности управляли даже совращением. Девушки, отправлявшиеся на поиски мужа («Рыболовный флот»), были запретным плодом, но уже замужние считались «честной игрой». Среди пахнущих специями зефиров Цейлона разрешалось поддаться магии Востока, очарованию прозрачных вод, коралловых рифов, будто усыпанных драгоценными камнями небес, зеленой листвы, бронзовой кожи.

Никто не представлял великолепный Восток более ярко, чем Джозеф Конрад, но он предупреждал: коварная Немезида ждет гордую расу завоевателей⁶³.

Джордж Оруэлл в возрасте девятнадцати лет получил на пути в Рангун порцию таких впечатлений. Это случилось в 1922 г., когда его корабль зашел в Коломбо, сказочное «Королевство Тропических Морей». На причале он к своему ужасе увидел, как сержант полиции пинает одного из кули ногой. Другие пассажиры наблюдали за сценой «совсем без эмоций, если только не со спокойным одобрением. Они были белыми, а кули — «черным». Другими словами, он был недочеловеком»⁶⁴.

По иронии судьбы, будучи полицейским в Бирме, сам Оруэлл применял физическое насилие. Но оно неизбежно провоцировало враждебную реакцию — и в совершивших его, и в жертвах. Будущий автор «1984» стал испытывать такое отвращение к грязной колониальной работе, что, судя по его книге «Дни в Бирме» (1934 г.), он сгорал от ненависти к своим соотечественникам. Автор страстно желал, «чтобы восстание местных жителей потопило империю в крови»⁶⁵.

Лишь немногие его соотечественники разделяли эту надежду. Но те, кто направлялся на Восток, часто обсуждали, сколько продержится империя. Все еще было возможно придерживаться точки зрения, что она будет вечно продолжать существование⁶⁶. Политики на родине заявляли о крепости и незыблемости ее структуры, а наиболее пылко говорил о том Уинстон Черчилль. Он вернулся к «торизму» (консерватизму) и выступал так, словно был «главой ревностного Комитета общественной безопасности»⁶⁷.

Губернаторы колоний за границей продолжали сомневаться, можно ли будет когда-нибудь научить азиатов управлять собой⁶⁸. Колониальные государственные деятели вроде Яна Смэтца объявляли: величайшая политическая организация всех времен, основанная скорее на свободе, чем на силе, прошла через жуткую бурю войны и вышла из нее более сильной, чем раньше⁶⁹.

Британские солдаты заявляли, что сохранят империю при помощи порки и повешения националистов (или, как предлагал полковник Боджер у Оруэлла, кипячения их в масле). Однако викторианская иллюзия постоянства по большей части исчезла в неразберихе и руинах Западного фронта. Точка зрения, которая часто звучала на пароходах судоходной компании «Пенансьюлар энд Ориентал» в период между двумя войнами состояла в том, что индийское господство может продержаться еще двадцать пять лет. Этого достаточно, чтобы новобранцы прослужили положенный срок и получили пенсии.

Привлекательные моменты службы отличались от довоенных. Чтобы компенсировать жару, одиночество, лихорадку, монотонность и трагедию, все еще предлагались «дешевые слуги, дешевые лошади, дешевые дома, дешевый спорт, дешевое социально-культурное и бытовое обслуживание»⁷⁰.

Но кое-кто предупреждал: из-за прогрессирующей индианизации индийской гражданской службы получение должности за пределами субконтинента становилось более надежным делом. Бирма, где беспорядки привели к разделу власти в 1935 г., не являлась привлекательной альтернативой. Не являлись привлекательными и отдаленные острова южных морей (разве что для неизлечимых романтиков). Несмотря на всю их красоту, это были тропические трущобы, которыми управляли на очень скудные средства и в своих собственных интересах. Часто во главе оказывались умные, хитрые и изобретательные типы — например, Джордж Макджи Мердок. Его желание власти «выдавали специально ошетиненные при помощи воска усы, типичные для старшины»⁷¹.

Цейлон имел преимущества, поскольку был мирным, процветающим и политически современным. Но наиболее привлекательной страной в Юго-Восточной Азии считалась Малайя. Например, Пенанг являлся местом, которое англичанин мог фактически выбрать в качестве места проживания, как отмечал много путешествовавший по свету аристократ Патрик Бальфур: «Но идея, что все выберут Индию как место проживания, гротескна»⁷². Малайя была «раем «тори», в котором каждый человек доволен своим положением»⁷³.

На самом деле британцы властвовали и оказывали влияние, поскольку контролировали местные элиты через разнообразные административные системы, поддерживая равновесие между тремя расами — малайцами на рисовых полях, индусами на плантациях и китайцами в магазинах и рудниках. Малайя являлась крупнейшим производителем олова и каучука в мире, причем значительно превышала другие страны в их производстве. Это приносило стране богатство. Более того, правительственная монополия в

производстве и продаже опиума обеспечивала примерно половину дохода страны. Один губернатор объяснял ситуацию министру по делам колоний в терминах, сильно напоминающих лорда Палмерстона: «Курение опиума в Малайе не является жутким бедствием, как считают западные сентименталисты... Это не приносит такого большого вреда, как пьянство в Англии. Его никогда не остановить в Малайе... Контрабанду невозможно предотвратить, а деньги, которые теперь идут в доход государства, могут пойти контрабандистам. Любая попытка перекрыть наши опиумные доходы работой гуманитарных организаций, творящих сверхдолжные добрые дела, приведет к кошмару в наших финансах»⁷⁴.

Если китайцы страдали, то британские чиновники выигрывали от этого щедрого подарка и могли позволить себе отправлять сыновей домой — в частные привилегированные школы. К 1920-м гг. малайская гражданская служба стала высоко профессиональной. Прошли дни патриархов викторианской эпохи, когда Верхним Пераком, например, правил С.Ф.Боззоло, сидя на спине слона в одной шляпе и саронге, не обращая внимания на официальные послания правительства и содержа большой гарем. По общему признанию, его преемник, Хьюберт Беркли, тоже пытался отгородиться от современного мира. Он отказывался строить дороги, приглашал гостей воспользоваться его двухместным туалетом (украшенным изображениями других чиновников, включая губернатора)⁷⁵ и пользовался правом первой ночи в отношении девочек в местном приюте. Этот человек даже получил превосходный спящий словарь⁷⁶ (то есть малайскую учительницу) для одного новобранца службы.

Однако приход белых жен вызвал исход наложниц со смуглым цветом кожи. Когда-то их считали столь важными для здоровья, что в 1890 г. верховный комиссар Бирмы выпустил конфиденциальный циркуляр против местных любовниц, но Рангунский клуб выставил на бега лошадь по кличке Психологическая Необходимость. Теперь наблюдалась только веселая ностальгия по «добрым старым феодальным временам, когда плантатор был всегда метафорически, а иногда (не повезло, сэр!) буквально отцом своего стада»⁷⁷.

А теперь молодые люди поступали на гражданскую службу с «отличительным кастовым духом»⁷⁸. Однако ее чиновники держались более отстраненно от населения. Они учитывали опыт прославленного поборника смешанных браков сэра Хью Клиффорда, губернатора колонии Стрейтс-Сеттлментс на протяжении двух лет перед тем, как его отправили домой в 1929 г. Этот несчастный представлял собой ужасающее предупреждение об опасностях подобного смешения рас. Очевидно, он подцепил сифилис еще мо-

лодым человеком в Малайе, а вернувшись в Англию (перед тем, как его отправили в частную психбольницу), обычно сидел в саронге на ступенях Министерства по делам колоний и давал своим бывшим коллегам советы по имперским проблемам дня, когда они входили в здание и выходили из него.

Роберт Брюс Локхарт, который работал в Малайе молодым плантатором и вернулся в середине 1930-х гг., став журналистом, сообщал: чрезмерная бюрократизация подрывала инициативу и уничтожала эффективность британской имперской администрации. Та же судьба, зловеще отмечал он, захватила и Рим. Локхарт назвал последний раздел своего рассказа «Сумерки белого человека»⁷⁹.

И это — не говоря о том, что кадеты малайской гражданской службы были холостыми. Им не позволялось жениться без разрешения начальства, молодых людей сразу же направляли работать. В следующие несколько лет они осваивали разнообразные обязанности, которые позволяли им продвигаться по службе.

Районный комиссар должен был делать массу вещей. Он собирал налоги, председательствовал в суде, осуществлял надзор за полицией, за общественными работами, усовершенствовал сельское хозяйство, развивал здравоохранение и спорт, инспектировал школы, поддерживал бойскаутов, служил арбитром в спорах и выполнял бесконечные социальные функции — от посещения празднований королевских юбилеев до представлений кукольных театров. Несмотря на экономические колебания и саму Великую депрессию, которая в первую очередь ударила по организаторам, а не по самому производству, относительное процветание Малайи позволило британцам улучшить устройство жизни. Они стали действовать быстро, поскольку каждый резидент был, как выразился один чиновник, «социалистом в своем собственном государстве»⁸⁰. Британцы инвестировали образование, санитарию, ирригационные сооружения и электростанции. Они строили здания и предприятия (в особенности, по обработке олова), шоссейные и железные дороги. Наиболее впечатляющим железнодорожным вокзалом оказалась бело-золотая фантазия в Куала-Лумпуре, предположительно построенная по британским стандартам — чтобы крыша могла выдержать вес трех футов снега. Этот вокзал украсили минаретами, шпилями, куполами, свесами крыши в виде гребешков и арками. Такой архитектурный стиль называли «поздний марципан»⁸¹.

Однако многие из этих достижений помогли расширить разрыв между европейцами и азиатами. Новые средства связи вели к сегрегации. Теперь белые играли между собой, «признаком британской цивилизации на Востоке был мешок с клюшками для гольфа»⁸². Они основали эксклюзивные кварталы в Куала-Лумпуре и

избегали братания, изолировали себя в горной местности на базах, покрытых штукатурной с каменной крошкой и пародирующих замки Тюдоров. Колонизаторы устраивали на Камерунском нагорье резиденции, подобные тем, что имелось во Внутренних графствах. Кроме всего прочего, сахибы общались с мем-сахиб, которые поддерживали менталитет лагерей первопроходцев, окружавшихся повозками для защиты от всех местных жителей. По большей части европейские женщины жили в затворничестве.

Конечно, как утверждали феминистки, женщины во всей империи сталкивались с непреодолимыми трудностями. За малым исключением, у них не имелось существенной работы и независимой роли. Их удерживали от изучения местных языков из-за предполагаемого неприличия этих слов. Им скармливали мрачные и жуткие истории о похоти жителей колоний. Несомненно, целью было увеличить зависимость от белых мужчин, для которых насилие против белых женщин было мощным символом политической мести против правящей группы⁸³.

Британки оказывались в чужеродном, иногда враждебном, но часто — непонятным и непостижимом мире. Как и жена районного комиссара в романе Джойс Кэрри «Мистер Джонсон» (1939 г.), действие которого происходит в Африке, они часто не могли «понять значение» живописных или уродливых сцен вокруг себя⁸⁴.

В районе Тихого океана, по словам одного чиновника, британские женщины знали жителей островов только как слуг и «не могли понять, что может быть какая-то разница в ранге между одним ниггером и другим»⁸⁵.

Их разум на Индостане оставался закрытым. «Индусы! — восклицает миссис Бристу в «Индийских каникулах» (1952 г.) Джозефа Акерли. — Я никогда о них не думаю»⁸⁶.

На самом деле, по словам Айрис Портал, «трагедией британской Индии являлась неподготовленность мем-сахиб»⁸⁷. Даже хорошо подготовленные мем-сахиб могли развить непобедимое отвращение к азиатам. «На самом деле я думаю, что ненавижу женщин больше, чем мужчин!» — писала леди Григг. Она находила их «полуцивилизованными и совершенно отвратительными и отталкивающими». Особое отвращение у нее вызывали отделанные блестками сари и тучные тела, «такие грубые, бесформенные, без корсетов»⁸⁸.

Не нужно говорить, что некоторые европейские женщины выражали к местным симпатию, сочувствие и были бескорыстны. Они с готовностью дружили с женщинами с другим оттенком кожи⁸⁹, предпочитали наводить мосты с местными людьми, а не играть в бридж с себе подобными. В Хартуме одна британка пыталась научить суданских девочек шотландским песням на несколь-

ко голосов. В Лагосе Женская лига учила приготовлению пищи, гигиене и шитью. Но многие из тех, кто называли себя леди, были ленивыми, надменными «мегерами» (это слово использовал Нирад Чоудри)⁹⁰.

«Белая женщина с прямой, как кочерга спиной, вся обернутая китовым усом», — это не просто стереотип, придуманный мужскими предрассудками⁹¹. Она была вездесуща, ей было скучно, у нее не имелось целей. Эта женщина была самодовольна, педантична и назойлива, ей было нечего делать, кроме как проклинать страну, ругать слуг, писать письма домой, играть в теннис и обмениваться сплетнями с подругами за джином или виски. Если вы встречали ее в клубе «Гарден» в Коломбо, то, как сказал Леонард Вулф, она могла «сказать вам, что вы ели на ужин две недели назад в Джафне»⁹². Британка непомерно беспокоилась и суежилась из-за отличительных черт статуса и тонкостей этикета. Говорили, что «появление первого серебряного кофейника изменило лицо Нигерии»⁹³. В Малайе она помогала установить между двумя расами «железный занавес незнания»⁹⁴.

Парадоксально, что культурная гармонизация тоже усиливала расовое отчуждение. Распространение в Малайе западной одежды, образования, кино, спорта и привычек, побудило британцев настаивать на их собственном своеобразии и неповторимости. Это отмечалось различными путями. Правительство следило, чтобы белые никогда не подвергались унижению (как это считалось) службы под началом азиатов. Британцы жаловались, что китайцы недостаточно почтительны, отказываются отступить перед ними в сторону на улицах Куала-Лумпура. Они пытались настоять, чтобы их китайские слуги носили косички — в знак уважения и того, что они не испорчены цивилизацией. Власти депортировали белых машинистов, чистильщиков сапог, проституток и других британцев, занятых на лакейских и неуважаемых работах. Предпринимались спорадические попытки держать расы отдельно друг от друга. Например, не-европейцы могли останавливаться в гостинице «Раффлес» в Сингапуре, но их не пускали в танцевальный зал.

Зарождающееся соперничество давало новые стимулы древней антипатии. Во время кругосветного путешествия лорд Нортклифф яростно выступал против «важничавшего, хвастливого, пьющего виски с содовой, носящего очки в роговой оправе и пишущего авторучкой англазированного туземца. Абориген любит думать, что поскольку обладает инициативой и прекрасной памятью, позволяющей все впитывать, словно промокательная бумага, и сдавать экзамены, то он равен англосаксу. Он знает о своей неполноценности, и поэтому ожесточен и опасен»⁹⁵.

Нортклифф болезненно относился к экзаменам. Говорили, что единственный тест, за который он когда-либо получил положительный результат, была реакция Вассермана на сифилис. Но подобные характерные обличения могли слышаться по всей Юго-Восточной Азии в период между двумя мировыми войнами.

Ничто не отделяло британцев от их подданных в империи более сильно, чем вездесущий клуб. Там, где карта была окрашена в британские цвета, колонизаторы создавали в большей или меньшей степени точные копии дворцов на Пэлл-Мэлл. Целью было кого-то исключить, а кого-то включить, как делалось и в метрополии. Например, в Лондоне в «Праттс» женщин не только не допускали, но и запрещали им звонить в клуб по телефону. Чтобы вступить в «Бифстейк», «требовалось быть в родстве с Богом» (как заявляли участники, еще и в достаточно близком).

Колониальные клубы возникали в виде социальных бастионов. Белых убеждали их посещать для поддержания солидарности, как видно из «Пути в Индию» Форстера. Самые первые могли располагаться в хижинах с соломенной крышей, где мебель состояла из двух скамей и толстой доски. Когда в сезон муссонов земля становилась слишком влажной для игры в поло, участники могли устроить праздничный костер из всего строения вместе со счетами клуба — только ради того, чтобы все начать снова на следующий год.

Вскоре появились более постоянные строения, хотя многие оставались довольно жалкими. Кандийский клуб на Цейлоне был тесным, убогим, мрачным и довольно грязным⁹⁶. Европейский клуб в Аккре выглядел, как «устаревший железнодорожный вокзал» (чем, возможно, и был)⁹⁷. По легенде он изначально служил Балморалом этих мест и был пожертвован Западной Африке, когда королеве Виктории потребовалось более современное и роскошное место для размещения. В клубе «Юнион» в Адене деревянные жалюзи выцвели, железные детали ржавели, вывески, покрытые зеленым сукном, поистрепались, веранды осели. «Клуб дурно пах загнивающей империей»⁹⁸.

Клубы в тропиках были более веселыми, они часто помещались при английских садах. Там росло много петуний, алтея и роз, качали бутонами малиновые гибискусы, которые великолепно разрастались в жарком климате, цвели красный жасмин, алая цезальпиния и пурпурная бугенвилля.

Клубы представляли собой помещения с высоким потолком, походили на казармы. Охлаждались они подвешенными опахалами, а в дальнейшем — потолочными вентиляторами. Там лежали коврики из ротанговой пальмы, стояли бамбуковые столы и

откидывающиеся тростниковые стулья, получившие народное название «бомбейские прелюбодеи». Стены украшали рога и головы животных. (Британская страсть к подобным украшениям сделала таксидермию большим бизнесом).

Женщины оставались в отдельных анклавах, обычно известных, как «курятник» («мугри-ханна»). Правда, в клубе «Синд» в Карачи отведенная им площадь именовалась «мелководьем»⁹⁹, но иногда их вообще не пускали в клубы.

Предложение оснастить клуб в Мадрасе дамским павильоном в 1892 г. посчитали «революционным»¹⁰⁰. В 1930 г. клуб в Гонконге превратил одно лишнее помещение в Дамскую комнату, которую один бенефициар пренебрежительно назвал «уступкой, на которую пошли с очень большой неохотой»¹⁰¹. Однако участники все еще запрещали женщинам пользоваться библиотекой.

Клуб «Хилл» в Нуvara-Элия на Цейлоне налагал различные мелкие ограничения на женщин. Их вещи можно было проносить через главный вход, но сами они должны были пользоваться боковой дверью. Когда заплутавшая женщина вошла на «священную территорию» клуба объединенных родов войск в Симле (это случилось в период между двумя войнами), мажордом пришел в ужас. «Он сорвал со стены объявление и, держа его перед собой, не допустил дальнейшего продвижения дамы, вторгнувшейся на чужую территорию. На объявлении было написано: "Собаки и другие вредные животные в клуб не допускаются"»¹⁰².

Такие учреждения плохо боролись с различными паразитами. В разное время клуб «Хилл» одолевали «чумовые мухи», в мясе «шевелились черви», а в бильярдной были тучи «блох, один член поймал 13 штук за несколько минут»¹⁰³. Другие вредители тоже действовали активно, как можно узнать из неопубликованной «Книги жалоб и предложений» Бомбейского клуба: «Внимание комитета привлечено к ежедневно увеличивающемуся количеству крыс, бандикутов, мышей и других паразитов в клубе. Разве ничего нельзя сделать для улучшения положения вещей в этом плане? Полезность мангуста, очевидно оказалась обманом или провалом. Мы предлагаем кошек и мышеловки. Нижеподписавшиеся сегодня вечером видели, как большая крыса сидела на куске сыра...»

Но все равно клубы были английскими замками. В Бомбейском клубе запрещалось даже пользоваться иностранными языками на его территории. Там раздумывали, «позволить ли шотландцам говорить на шотландском языке»¹⁰⁴.

Клубы были домом вдали от дома. В них подавали напитки. Часто напитки оказывались ужасными, но в меню включались английские блюда — например, пудинг с тапиокой и вареный пудинг с изюмом и заварным кремом. Когда один участник заказал

свежую папайю в Сингапурском клубе, то получил баночные абрикосы, потому что в клубе не подавали местную еду¹⁰⁵.

Делались и исключения. Обед с небольшим количеством бренди мог удовлетворить члена клуба. Иногда эта пища принималась как священнодействие — особенно, в таких убежищах, как клуб Мадраса, который пригласил «опытного художника» в качестве шеф-повара¹⁰⁶.

Клубы обеспечивали отдых. К играм всех сортов относились более чем с религиозным рвением, часто продвижение по службе зависело от достижений в спорте. В одном индийском клубе участники жаловались, что церковные службы проводятся рядом с бильярдной и мешают им сосредоточиваться на ударах. В другом клубе даже придумали свой собственный культ — снукер (род бильярда).

В клубах предлагались развлечения. Проводились вечера Бернса и вечера св. Андрея. Устраивались танцы, маскарады, шоу, на которых показывали диафильмы. Ставились любительские спектакли, копировались такие постановки, как «Лорд Ричард в кладовой» и «Прощание Роттеров». Игра в шарады называлась «Географический чай». В клубе Горакпура один чиновник Индийской гражданской службы «загадал Лакхнау, и только два человека смогли отгадать»¹⁰⁷.

Там имелись библиотеки, полные триллеров Эдгара Уоллеса, потрепанных стопок «Панча» и «Филда», старых номеров «Таймс», которые традиционно служили саваном для коматозных участников. На чтение тратилось мало энергии. Когда Ричард Бертон, как один из основателей, передал клубу «Синд» экземпляр своего полного перевода «Арабских ночей», его поставили среди детских книг в библиотеке. Там книга и оставалась. Очевидно, ее не открывали на протяжении жизни двух поколений.

Более крупные клубы, например, в Малакке, Бангалоре и Момбасе, были немногим более изысканными. А на самом верху списка зарубежных клубов был Афинский.

Большие клубы Калькутты — это «Бенгалия», старейший в Индии, восходящий к 1827 г., и сельский «Толлигунге». Их эквивалентами в Бомбее были Королевский яхт-клуб, который напоминал дворец махараджи в воздухе, и клуб «Джимкана», где мраморные туалеты были «более великолепны, чем Верховный суд»¹⁰⁸.

Роскошный Сингапурский клуб доминировал над гаванью. Киплинг сравнивал Гонконгский клуб, реконструированный в 1860 г., с «маленьким дворцом»¹⁰⁹. Его заново построили в 1897 г., он стал напоминать большой дворец в стиле Фатехпур-Сикри, хотя роскошным входом пожертвовали для размещения не менее четырех дорожек для боулинга на первом этаже.

Клуб объединенных родов войск в Лакхнау казался чудовищно раздутым из-за павильона для крикета. Хотя «территория не соответствовала славе ее занимающих»¹¹⁰, Озерный клуб в Куала-Лумпуре был известен, как «Туанг-Бесар» (клуб старших офицеров). Это название очень соответствовало сути. В таких храмах моды верховными жрецами обычно были «несгибаемые, крайне консервативными реакционеры»¹¹¹. Они сохраняли дух лондонского клуба «Уобл» XVIII века, где существовало правило: «Любой участник, имеющий две мысли, обязан поделиться одной с соседом»¹¹². Они говорили, как в патрицианском клубе «Килдеар-стрит» в Дублине, «на некоем диалекте, мертвом языке, который сохранила глупость клуба, подобная глупости гусеницы»¹¹³. Как ученики закрытых частных средних учебных заведений, эти люди ценили эзотерические предрассудки и тайные обряды. Они устанавливали правила и обязанности со строгостью метрополии.

Консерваторы так почитали традиции, что самые старшие лица в Калькутте сформировали «Клуб без церемоний», чтобы посмеяться над ними. Но его участники не делали ничего более эксцентричного, чем «надевание красного колпака во время игры в теннис и красной мужской домашней куртки на обеды в клубе»¹¹⁴.

Кроме всего прочего, британские клубы определяли набор в соответствии с негибкими социальными и расовыми канонами. Это особенно оскорбляло местные элиты. Мотилал Неру отказался от приглашения подать заявку на вступление в Аллахабадский клуб, потому что не хотел рисковать и подвергаться остракизму. Однако один наказанный чиновник индийской гражданской службы был рад «ради моей собственной расы»¹¹⁵, что индусы не становились свидетелями изысканного снобизма британской клубной жизни.

Известные азиаты получали право доступа в некоторые клубы — например, в «Селангор» в Куала-Лумпуре, здание-пародию на дворцы Тюдоров, которое получило кличку «далматинец». Но лишь немногие британцы вступали в клуб Мохаммеда Али в Каире — роскошное место уединения с коврами с глубоким ворсом, бархатными занавесками, большими диванами и огромными люстрами. Более того, некоторые клубы, к примеру, «Айленд» в Нигерии и «Космополитен» в Индии, формировались ради смешения рас. Лорд Уиллингтон основал клубы, которые носили его имя. Они располагались в Бомбее, Мадрасе и Дели. Это было сделано для побуждения к интеграции Парадоксально, что первый из них оказался последним словом в надменности и высокомерии. Он включал только махараджей и им подобных, одновременно исключив японцев. Клуб в Бомбее санкционировал патрицианскую надменность и высокомерие среди своих участников, кото-

рые могли бесстрастно стоять рядом с душевой, пока не появится слуга, чтобы снять с них штаны.

Более того, леди Уиллингтон внесла свой вклад для саботажа предприятия. В манере королевы Мэри она восхищалась бриллиантами, которые носили особы королевской крови, причем восхищалась так бурно, что магараджи чувствовали себя обязанными сделать ей подарки. Однако было очевидно: такой совет, как секретный меморандум, вручаемый новым чиновникам индийской гражданской службы, о социальных связях с «индийскими джентльменами»¹¹⁶, который содержал приложение, написанное в 1821 г., более не мог поддерживать британское правление.

Везде усиливалось давление по снятию расового барьера для членства в клубах. Это не всегда получалось успешно. Во время Второй Мировой войны цейлонцам даже не разрешали входить в клуб «Коломбо» в качестве гостей, хотя они часто приглашали европейцев в «Восточный клуб». «Хилл» в Нувара-Элия отказывался принимать граждан Шри-Ланки до 1966 г., когда столкнулся с финансовым вымиранием из-за исчезновения европейских участников (тогда он стал известен под прозвищем «Морг») ¹¹⁷. Клуб в Лахоре следовал тем же курсом. Клуб в Аккре, в который принимали турок, но не принимали сирийцев или киприотов, продолжал не допускать африканцев до тех пор, пока Золотой Берег не получил независимость. Один высокопоставленный чиновник в Западной Африке, который пытался продвигать смешение рас, категорически заявил: «Клубы редко в этом помогают»¹¹⁸.

Но перемены были, их иногда радостно принимали. Например, «Хай-Рейдж» в Керала принял первого (очень известного и высокопоставленного) индийского участника в 1934 г. Однако социальная политика клуба оставалась неизменной, туда не допускались сержанты Королевских ВВС даже во время Второй Мировой войны. Однако борьба за допуск вызвала яростные споры по всей империи. Она же стала темой для нескольких романов. (Особенно вспоминаются «Дни в Бирме», где герой предупреждает: «Уступая в малом, мы разрушили империю»)¹¹⁹. Соппротивление иногда становилось яростным. В клубе «Мутайга» в Найроби, где принца Уэльского Эдуарда уронила на пол влюбленная леди Деламер, участники подожгли большой рояль, протестуя против предложения допустить евреев.

Несмотря на весь упор на джентльменство, клубы частенько становились ареной для хулиганства. Участники оскорбляли и били на слуг. Они устраивали шумное и бурное веселье, в ходу были грубые развлечения и шутки. В клубе «Джимкана» в Нью-Дели во время войны один полковник попытался колоть орехи, бросаясь ими в портрет короля-императора, но вместо этого разбил стекло.

Участники кидались друг в друга булочками и рогалями, хотя в отличие от постоянных посетителей «Сент-Джеймс-клуба», похоже, не «поливали друг друга портвейном». Они увлекались яростной враждой и стычками. Ссоры в Гонконгском клубе в 1890-е гг. отравили светскую жизнь всему европейскому сообществу.

Во время спора из-за виста в Бомбейском клубе некий мистер Ашбернер направил поток площадной брани в секретаря, капитана Уолша, которого грозил ударить. Ашбернер повторил «со смаком неприличный оскорбительный термин «барншут» [ненормативное ругательство], добавив к нему грубое английское бранное слово, так приятное для его мерзкого рта — «чертов»¹²⁰.

Очевидно, главной целью учреждений вроде Лагосского клуба было поглощение участниками большого количества крепких спиртных напитков. Этот клуб был известен как «Цистерна джина»¹²¹, а выпитые дозы часто вели к «буйному разрушению собственности».

Клуб «Хай-Рейдж», который украшали не только олени рога, но и головные уборы вышедших в отставку плантаторов, выращивавших чай, которые буквально вешали там свои шляпы, ценил «традицию разбивания стаканов участниками»¹²². Они ломали мебель и уничтожали бильярдные столы. Развлечением в клубе «Скричерс», сформированном офицерами Королевских ВВС в Индии во время войны, был «концерт сталкивающихся в воздухе самолетов, который завершался полным разрушением пианино»¹²³.

Маловероятно, что такое поведение могло убедить жителей колоний в том, что ими правит высшая раса. Это давало возможности и критикам на родине. Бертран Рассел назвал империю «выгребной ямой для британских нравственных отбросов»¹²⁴. Проявления жестокости оказывались типичными. Ее британцы могли использовать для сохранения своей монополии и в микрокосме (на уровне колониального клуба), и на широких просторах империи.

Это очень ярко проявлялось в Шанхае, самой богатой британской цитадели на Дальнем Востоке. Грубо говоря, эта коммерческая столица Китая, многонациональные космополитские ворота во внутреннюю часть страны, расположенные в огромной желтой дельте Янцзы. Шанхай не являлся частью империи. Но британцы, хотя их значительно превышали количественно японцы, контролировали международное поселение порта, открытого по договору для внешней торговли. Это делалось через Шанхайский муниципальный совет.

Британцы вели себя с автократическим высокомерием и надменностью. Например, они запрещали собакам и китайцам заходить в парк Хуанпу — городской сад напротив британского консульства в прибрежной части города, по стилю напоминающей Манхэт-

тен¹²⁵. Они называли себя «шанхайлендеры» и наслаждались поразительно привилегированным образом жизни. Англичане ездили на блестящих «Бьюиках» и покупали вещи по последней моде в освещаемых неоновым светом универмагах вроде «Сан-Сан», незаконно играли в азартные игры в «Колесе» на Норт-Хонан-роуд. Имелась и игра «заяц с собаками», во время которой преследовали егерей, одетых в розовое.

Британцы курили сигары и пили коктейли под отдельно стоящей колокольной в венецианском стиле, относящейся к гостинице «Катай» в стиле ар деко. Эта гостиница стала местом встречи и для квази-империалистов — американцев, которые копировали манеры британцев и громко приветствовали и восхваляли друг друга¹²⁶.

Но тайпаны населяли «небо поверх ада»¹²⁷. Под серыми небоскребами вытянулись нездоровые трущобы, предприятия, на которых существовала потогонная система, базары, бордели, фабрики, склады товаров и опиумные притоны трех миллионов китайцев, проживавших в городе. У них даже имелась колония прокаженных. В лучшем случае большая часть «шанхайлендеров» считала эту преисподнюю мрачным фоном и декорациями к своему ослепительному существованию. В худшем они считали, что изуродованные нищие, больные проститутки, туберкулезные кули, наркоманы и дети-рабы являлись отбросами¹²⁸, которые следует сметать с улиц.

Власти часто сжигали кишашие паразитами, отвратительные и вредоносные поселения китайцев, состоявшие из лачуг. Они ежедневно контролировали преступный мир при помощи муниципальной полиции Шанхая. Полицейские подразделения были более криминальной организацией, чем обычно: по крайней мере, половина офицеров участвовала в торговле опиумом. Во всем другом муниципальная полиция Шанхая напоминала английские карательные отряды в Ирландии, поскольку представители средних рангов являлись британскими сержантами, окрепшими и огрубевшими в траншеях. Гангстеры, с которыми они сталкивались, собирались не только их убить, но и съесть их восточно-европейских овчарок, используемых на службе в полиции. Поэтому сержанты-полисмены без колебаний применяли пытки и убивали, даже не удосуживаясь зарегистрировать убийство кули. В недавно опубликованной биографии одного такого сержанта, Мориса Тинклера, дается подробный отчет о его фашистских наклонностях и отношении к «этим желтым китайским свиньям». В результате полицейской жестокости в начале 1920-х гг., как он сообщал, «они ненавидели иностранцев гораздо сильнее, чем во время Боксерского восстания».

По иным (хотя и схожим) причинам, японцы разделяли эту ненависть к британскому доминированию. В 1939 г. сам Тинклер, к тому времени служивший надзирателем за рабочей силой на хлопкопрядильной фабрике, был убит во время столкновения с силами японцев. В официальном отчете утверждалось, что он «столкнулся» со штыком¹²⁹.

Японским штыкам предстояло на головокружительной скорости нанести смертельной урон британской власти на Востоке. Это происходило из-за того, что белая власть стала пустой оболочкой. Британия все еще оставалась богатой, она владела более чем половиной иностранных инвестиций в Китае стоимостью в 250 миллионов фунтов стерлингов. Но империя уже не была сильной. Во время Эфиопского кризиса 1935—36 гг. один старый крейсер и четыре эсминца были вынуждены устроить шоу, показав, будто бы они являются флотом китайской базы.

На самом-то деле показную, но хрупкую позицию Британии в Азии символизировал Шанхайский клуб. Это великолепное здание имело гранитный фасад с колоннадой, с куполами в итальянском стиле, холл из черного и белого мрамора, обитую дубовыми панелями комнату в яковитинском стиле и, конечно, самый длинный в мире бар. Ноэль Ковард говорил, что если улечься на пол, можно увидеть земной изгиб.

Однако из этого клуба британцы могли только наблюдать (с ликованием в 1932 г., но с опаской в 1937 г.), как Япония бомбила и обстреливала «местный город». Страна Восходящего Солнца, казалось, готовилась затмить империю, в которой никогда не заходит солнце. Без американской поддержки, как сказал один ведущий английский дипломат, «нам придется проглотить любое унижение на Дальнем Востоке»¹³⁰.

Бессилие лишало уверенности в себе, а эта уверенность жизненно важна для престижа. Это усиливало дискомфорт из-за сомнительной обоснованности, справедливости и техники правления белых людей. Некоторые британцы даже отстранились от жизни клуба, который был со своей всеохватывающей системой тотемов и табу воплощением и олицетворением имперского существования. Джордж Оруэлл ни в коей мере не был единственным, кто выступал против «кодекса настоящего сагиба»¹³¹.

В годы между двумя мировыми войнами поразительное количество чиновников империи стали презирать ее, считая формой организованного обмана и притворства. Она душила мысль и подрывала ее целостность, навязывала канон молчания. Оказывалось большое давление, чтобы чиновник соответствовал имперскому образу, поэтому белые часто скрывали свои чувства. Оруэлл говорил о памятном путешествии по железной дороге в Бирме с еще

одним антиимпериалистом, который был ему незнаком: «Полчас осторожных вопросов дали каждому из нас понять, что другой «безопасен». А затем, на протяжении долгих часов, пока поезд, покачиваясь, медленно шел по совершенно черной ночи, мы сидели на наших полках с бутылками пива под рукой и проклинали Британскую империю — проклинали ее изнутри, умно и со знанием дела. Это пошло нам на пользу. Но мы говорили запрещенные вещи, и в тусклом утреннем свете, когда поезд медленно вполз в Мандалей, мы расстались столь же виновато, как могла бы разойтись пара, совершившая прелюбодеяние»¹³².

Несомненно, под влиянием американской и русской риторики некоторые функционеры пришли к выводу: колониальная империя представляла собой «мошенническое предприятие»¹³³. Это был благосклонный «деспотизм, конечной целью которого являлось воровство»¹³⁴. Чиновник держал местного жителя, как сказал Оруэлл, а бизнесмен обшаривал ему карманы. Но либеральные чиновники оказывались в капкане авторитарной системы, служили населению своих районов, однако властвовали над ними. Это порождало вызывающую беспокойство двойственность.

Роджер Пирс, районный комиссар в Синде, должен был действовать от имени британской администрации, хотя считал, что Индия должна быть независимой¹³⁵.

Лишь немногие современники Пирса посочувствовали бы Леонарду Вулфу, ставшему «политическим шизофреником, антиимпериалистом, который наслаждался значными местами империи, любил покоренные народы и их способ жизни, зная изнутри, насколько порочна система»¹³⁶. Путешествуя по Юго-Восточной Азии в 1920-е гг., Сомерсет Моэм встречал «судей, солдат, специальных уполномоченных, которые не верили в себя и поэтому не вдохновляли уважения в тех, над кем они стояли». Их воля к власти была ослаблена. А господин, которого мучает совесть, который постоянно пребывает в беспокойстве, едва ли может быть хозяином долгое время.

Вся ситуация предзнаменовала «упадок и разрушение Британской империи». Моэм даже решил дать совет ее будущему историку (предположительно — мужчине) насчет стиля, который следует выбрать для этой великой работы: «Я предложил бы ему писать ясно и понятно, но с достоинством; я хотел бы, чтобы его время шагало твердым шагом. Хотелось бы, чтобы его фразы звенели, как наковальня, когда по ней ударяет молот»¹³⁷.

Глава 12

«Белые объединяются с черными лишь в редких случаях» Кения и Судан

Голоса британских официальных лиц смело звучали в дальних землях и на Черном континенте. Они могли сильно беспокоиться, но их публичные заявления неизменно звучали самоуверенно. Кажалось, нет никаких сомнений в том, что Европа должна управлять Африкой, а Кения — стать «страной белого человека»¹. Так говорили сэр Гарри Джонстон и сэр Чарльз Элиот, второй комиссар того, что было (с 1895 г., после провала компании, организованной на основании правительственной концессии, до 1920 г., когда страна стала колонией британской короны) Восточноафриканским протекторатом Британии.

Объявление стало мантрой для европейских поселенцев, для которых так много сделал Элиот, знакомя их с возвышенностями, граничащими с долиной реки Рифт к востоку от озера Виктория. Это была прохладная и свободная от комаров зона. Ее опаляло экваториальное солнце, там протекали ручьи со сверкающей на солнце водой, тень создавали можжевельник, мимоза и акация. Элиот думал, что эта здоровая, плодородная страна может стать еще одной Новой Зеландией. Более того, он придерживался мнения: «Колонизация не будет уничтожать какую-то старую или интересную систему, а просто привнесет порядок в тупое, неинтересное, жестокое варварство».

Этой точки зрения наверняка придерживалось сообщество иммигрантов, которому он подчинялся и служил. По словам Элспет Хаксли, которая провела большую часть своего детства среди ярко цветущих деревьев под Найроби, идея о том, что интересы «необразованных представителей племен, обмазанных овечьим жиром, касторовым маслом или тухлым маслом, мужчин, которые обращались к ведьмам, пили теплую кровь из горла еще живого скота и считали, что дождь зависит от того, как разложить внутренности козла, следует ставить выше интересов образованных европейцев, казалась им фантастической»².

Элиот сам был специалистом по морским личинкам и слизнякам. О нем говорили, как о «безвольном и слабохарактерном человеке с ледяной душой»³. Он прямо объявлял: «Европейские инте-

ресы стоят первыми»⁴. Этот комиссар придумал метафору и девиз на основании игры в шахматы: «Белые ставят мат черным за очень малое количество ходов»⁵.

Так получилось, что к началу XX века от природных катаклизмов пострадало ужасающее количество жителей Кении, которых в 1890 г. насчитывалось три миллиона. Оспа, чума рогатого скота, саранча, песчаные блохи, засуха и голод уменьшили население на треть. Они ослабили страну для сопротивления вторжениям. Особенно пострадали чернокожие жители региона, который стал известен под названием Белое нагорье.

Большая часть этого региона представляла собой огромное пастбище для скота кочевников-масаев, которые жили на молоке и мясе. По словам одного путешественника, «там были женщины, худые, словно скелеты. В их глазах горело голодное безумие»⁶.

Но высокие воины с копьями, блестящими телами и длинными волосами, заплетенными в косички, оставались впечатляющей силой. Британцы смотрели на масаев, как на спартанцев Восточной Африки, делали все возможное, чтобы умиротворить и нанять их, даже когда они крали телеграфный провод для украшений своим женщинам. Набор африканских рекрутов позволял белым захватчикам покорить страну путем подавления сопротивления по частям у таких народностей, как кикую, кипсиги, киции, нанди и др. Европейцы вели sporadическую войну на истощение, убивали местных жителей, жгли деревни и захватывали скот.

«Охота на нигтеров»⁷, как ее обычно называли, была очень похожа на налеты масаев. Участники, как заметил один лондонский чиновник, «в полной мере наслаждались собой и получали трофеи»⁸. Возмездие было неизбежным: деревенские жители из числа кикую убили одного поселенца, прибив колышками к земле, все помochились ему в рот.

В виде мести лейтенант Ричард Мейнерцхаген, которому тогда было двадцать четыре года, приказал своим людям не брать в плен взрослых во время атаки на деревню. Они не оставили ни одной живой души, а их командир, как казалось, наслаждался операцией — «кровавым видом спорта»⁹.

Местные власти поощряли такие методы. По словам предшественника Элиота в должности комиссара, сэра Артура Хардинджа, «эти люди должны научиться подчинению при помощи пуль — такова единственная школа»¹⁰. Он говорил, что более современная и гуманная форма образования может быть опробована позднее.

Тем временем люди на месте минимизировали потери в своих отчетах и представляли насилие в качестве «наказания» за «бунт».

Лондон не обманулся. В 1904 г. Министерство иностранных дел (незадолго до того, как оно передало контроль Министерству по

делам колоний) отправило комиссару суровое предупреждение: «Правительство его величества может оправдать свое присутствие в Восточной Африке только путем самого тщательного настаивания на защите прав местных жителей»¹¹.

Это были прекрасные слова, которые с большей или меньшей степенью искренности повторялись до тех пор, пока Кения не стала независимой в 1963 г. Но они противоречили другой заботе правительства — заставить колонию платить. «Безумная ветка», дорогая железная дорога между Момбасой и Кисуму на озере Виктория, открылась в 1901 г. Хотя Томас Кук вскоре продавал билеты из Лондона к истокам Нила, Транскенийская служба железных дорог казалась чуть более чем локомотивным белым слоном. Главная станция, расположенная в месте под названием Найроби, что означало «Холодный Ручей» на языке масаев, служила примером бедности трассы. Первопроходцы не собирались швырять деньги в болото, где рос папирус.

Деревня Найроби просто представляла собой последнее ровное место для сортировочной станции перед эскарпом, который поднимался вверх от петляющей долины Рифт. Они построили деревянную платформу с крышей из рифленого железа и окружили ее стоящими близко друг к другу палатками, лачугами и жестяными сараями. Из этого жалкого ядра разрослось убогое поселение на почве ржавого цвета. Оно сразу же разделилось на районы. К западу располагались бунгало, склады, офисы, магазины, гостиницы и европейский клуб. Они появились вдоль основной магистрали, неизбежно названной «дорога Виктории». К востоку находился индийский базар, полный гниющего мусора, с открытыми сточными канавами и всяческими паразитами. Эта часть выглядела и пахла, как Калькутта. Один миссионер писал: «Это место беспокойное и столь же яркое, как коробка с красками. Здесь ходят арабы в длинных одеждах, величественно передвигаются сикхи в тюрбанах, занзибарцы и китайцы, креолы, солдаты и служащие железной дороги — все они снуют под светом фонарей и в тени, среди множества шелков, поясов, латунных пуговиц и браслетов, пробковых шлемов и рванья».

Одурманенные мужчины, употребляющие бандж или гашиш, ходили, покачиваясь, по «полным порока переулкам, где духи отключают все чувства, глаза блестят от сурьмы и бросают взгляды, приглашающие в объятия проституток».

Британцы предпринимали решительные меры, чтобы подавить всплески бубонной чумы, и однажды сожгли индийский квартал. Первый пожар устроил полковник Дж.Х.Паттерсон, внушительного вида охотник на львов, который отличался «кайзеровскими усами, напояженными и загнутыми. Эти два завитка усов придавали ему высокомерный вид»¹².

В 1902 г. старший офицер медицинской службы снова поднес факел к базару — отчасти, как кажется, оттого, что ему не нравилось, как тот выглядит. Восстановление было быстрым. Столь же быстро шла замена краалей масаев «жилищами местных жителей», пригородными скоплениями (по большей части) хижин кикую, сделанных из упаковочных ящиков и сплюснутых канистр.

Белый Найроби тоже быстро разрастался. Но он долго оставался приграничной деревней, известной, как «Ущелье Мертвой Лошади»¹³ до 1914 г. Один послевоенный губернатор говорил о ней, как о «бизоньей» железнодорожной станции, сильно пахнущей «не-ряшливостью бедных белых»¹⁴.

Это место представляло собой уродливые скопления дерева и металла, которые выступали над решеткой из пыльных улиц, засаженных эвкалиптовыми деревьями. По ночам там ходили гиены, шакалы и леопарды. Имелось несколько хороших каменных зданий, и к 1920-м гг. лучшие из них уже принадлежали железной дороге. Ее процветание, согласно белой догме, было обязано всем колониализму.

С самого начала казалось аксиомой, что только европейские поселенцы могут произвести товары, которые дадут прибыль с железной дороги. Более того, их самих и их капитал могли привлечь только щедрые земельные гранты. Поэтому к 1903 г. Элиот раздавал большие куски территории вокруг озера Найваша в долине Рифта, не учитывая претензии местных жителей или одобрение своих хозяев в Уайт-холле. Установленная цена на дополнительные владения составляла две рупии (2 шиллинга 8 пенсов или 75 американских центов) за акр. Но иногда она опускалась до полпенни или вообще отдавалась бесплатно.

Прибыли сотни желающих. Среди них были английские джентри из центральных районов Англии, а также буры из вельда, скваттеры из чахлого поселения за пределами Найроби, известного, как «Тентфонтейн». Среди вновь прибывших оказался лорд Деламер, который вскоре стал неофициальным главой европейского сообщества Кении. Это был аристократический хулиган, который носил шорты, пистолет, фланелевую рубашку и длинные рыжие волосы под пробковым шлемом, причем шлем оказался таким широким, что почти скрывал его похожий на клюв нос. Он, не раздумывая, ввязывался в уличные драки, стрелял по фонарям и мог запереть менеджера гостиницы «Норфолк» в его собственном мясном погребе.

Деламер жил экстравагантно. Переписку вел по телеграфу, три оператора, знающие азбуку Морзе, работали день и ночь. Он мог «назвать их бабуинами и идиотами», а в следующую минуту дать им щедрые «чаевые наличными»¹⁵.

Экстравагантный лорд приобрел 100 000 акров на западных склонах долины Рифт и сказал Мейнерцхагену, что собирается доказать: «Это — страна белого человека». Мейнерцхаген ответил: «Но это страна черного человека, как вы собираетесь ставить белого над черным?» Деламер заявил: «Черный выиграет и станет сотрудничать».

Несмотря на свою склонность к авторитаризму, Мейнерцхаген не был убежден. Он считал, что захват земли в итоге приведет к расовому конфликту, поскольку не мог представить, как образованные африканцы во фланелевых костюмах «покорно подчиняются власти белых»¹⁶.

Тем временем чернокожих вынудили сотрудничать. Они в самом деле выиграли от «Британского Мира», хотя это просто заменило африканскую анархию (вызванную постоянными набегами) европейской тиранией. Как сообщал заместитель Элиота, Кения была страной «стрелков по ниггерам и дичи»¹⁷. На самом деле, по словам одного высокопоставленного чиновника из Министерства иностранных дел, «в Конго почти не было никаких зверств, за исключением нанесения увечий. Это нельзя сравнивать с нашим протекторатом»¹⁸.

Новые поселенцы постоянно угрожали прихватить больше земли силой и одновременно требовали правительственной защиты против восстания местных жителей, которое ожидали спровоцировать. Выражая с аристократической надменностью предубеждения против темнокожих рас, они были особенно агрессивны по отношению к властям. Капитан Эварт («Грогс») Гроган, авантюрист, который считал, что Кении требуется хорошая порция рабства, бросил властям вызов, выпоров трех предположительно дерзких кикуйю перед зданием суда в Найроби. Его признали виновным... в проведении незаконного собрания, приговорив к месячному заключению в частном доме.

Поселенцы отмечали, насколько они цивилизованы в сравнении с американскими южанами, которые бы линчевали негров. В таком маленьком белом сообществе многие местные чиновники (хотя ни в коем случае не все) опасались критики, как сторонники черные или даже красные. Они подвергались оскорблениям. Один плантатор, выращивавший кофе, определил своего бульдога Сквика на работу в правительстве.

Чиновников подвергали остракизму в клубе «Мутайга». Они были уязвимы для поселенцев, которые могли «дернуть за веревочки в Лондоне и заставить марионеток в Восточной Африке прыгать и бегать»¹⁹.

Часто марионетки автоматически принимали сторону поселенцев, считая своих африканских подопечных «проклятыми негра-

ми»²⁰. Чиновники в Кении имели плохую репутацию, были печально известны в плане сексуальных излишеств, а то и преступлений. Как говорили, один районный комиссар совмещал «сбор налогов с изнасилованием». Помощник районного комиссара по имени Хьюберт Силберрад попал в центр скандала из-за своих наложниц, в результате чего лорд Крюэ выпустил свой знаменитый циркуляр (1909 г.) Он предупреждал администраторов колониальной службы, что их ждет крах карьеры за «безнравственные отношения с местными женщинами»²¹.

Поселенцы высмеивали положение чиновников в стихах, которые стали исполняться на музыку одного церковного гимна:

Жалко нам несчастного чиновника,
Бывшего отличного любовника.
Власти вертикаль стоит при нем,
Только дело, видите ли, в том,
Что любовь теперь уж под запретом,
Он не может рассуждать об этом.
Должен он с мучительной тоской
Власти вертикаль ласкать рукой²².

Мастурбация приносила гораздо меньше вреда, чем другие занятия чиновников. Полковник Монтгомери, комиссар по земельным вопросам, жаловался, что «местные жители наносят невозполнимый ущерб лесам, и если самих местных жителей всегда можно заменить, то деревья — другое дело. Ведь требуется гораздо больше денег, чтобы посадить лес»²³. У таких людей не было никаких угрызений совести при перемещении масаев с самых лучших пастбищ, чтобы освободить место европейским первопроходцам, несущим цивилизацию. Сам Элиот думал, что они и «многие другие племена должны погибнуть»²⁴. Он сравнивал масаев со львами, сильными и красивыми: «Но от них никогда не бывает никакой пользы, а очень часто исходит серьезная опасность»²⁵.

Ко времени Первой Мировой войны масаи стали, по словам баронессы Бликсен, которая владела кофейной плантацией в горах Нгонг, «умирающим львом с обрезанными когтями»²⁶. Ожидания его смерти оказались преждевременными. Не оправдались надежды и на то, что поселенцы смогут закрепиться в качестве главенствующей расы. Их жестокая экспроприация привела к медленно разгорающейся ярости, которая вскоре вспыхнула ярким пламенем.

Другие трудности тоже множились. В основном, они касались рабочей силы. Сами англичане не могли пахать или копать на возвышенностях, не теряя престижа или «не становясь жертвой

нервного срыва». К их счастью, им не приходилось пачкать руки. Кения была не просто страной белого человека, она стала, по словам первопроходца лорда Кранворта, «по сути, страной надсмотрщика»²⁷.

Большинство новых поселенцев (в особенности — из Великобритании) предпочитали роль надсмотрщиков и наблюдателей. Как отмечали африканеры, они были «фермерами на веранде»²⁸. Эти люди всем сердцем приняли немецкую максиму, которую осудил Лугард: «Колонизация Африки — это принуждение негра к работе»²⁹.

Гроган говорил о кикуйю: «Мы украли его землю. Теперь мы должны украсть его конечности»³⁰.

Для этой цели налагались налоги на жилье и подушные налоги, чтобы африканцы (которые изначально предлагали слоновую кость, коз и даже крокодиловые яйца вместо наличных) были вынуждены работать за зарплату. Она требовалась, чтобы эти налоги платить.

Сбор налогов давал дополнительное преимущество, помогая финансировать администрацию, потому что налогообложение белых оставалось непропорционально низким. Однако чернокожие испытывали понятное отвращение к превращению в рабочих-мигрантов в поместьях белых. Там их плохо кормили, селили в дурных условиях, мало платили и вообще скверно относились. В неопубликованных письмах типичного поселенца, Арнольда Пайса, указываются наказания, которым он подвергал своих «боев», которые варьировались от «хорошего избиения» до заковывания в кандалы, прикрепляя те к увеличенным мочкам ушей. В одном случае он прикрепил ухо спящего пастуха к своему седлу. «Затем я стукнул каблуками по бокам пони, и тот побежал кентером. Конечно, негру тоже пришлось бежать кентером, потому что оторвать ухо было бы больно».

Отношения между расами не были всегда враждебными и могли оказаться мирными. Сам Пайс признавал: «Здесь нельзя действительно подружиться с чернокожим, но некоторые из них вполне приличные»³¹.

Однако эксплуатация была типичной для данной местности, а работающие женщины весьма часто подвергались и сексуальному насилию. Африканские мужчины, лишенные семейной жизни, стояли перед выбором — «целибат или сифилис». Часто они сбегали, нарушая закон и оставляя многих нанимателей «в таком возбужденном состоянии, что оно граничило с желанием убить любого с черной кожей, кто только появится в поле зрения»³². Возбужденный побегом «мерзких ниггеров», которых он подверг наказанию, Пайс воскликнул: «Это все чушь насчет рабства! Эти

местные жители должны быть рабами. Конечно, относиться к ним следует гуманно, но не портить недостатком палки»³³.

Хотя поселенцы превозносили пользу трудовой повинности и кибoko (кнута из кожи гиппопотама), они предлагали африканцам и службу, имеющую преимущества. В ответ на работу на белого человека в течение 180 дней в год за номинальную зарплату, им позволяли стать «скваттерами» на его земле и культивировать собственные шамбы (фермы). Это освобождало их от власти вождей в их собственных резервациях и давало возможность использовать свои существенные сельскохозяйственные навыки. На самом деле скваттеры, которыми по большей части были кикуйю (их число в итоге составило более двухсот тысяч человек), стали жертвами собственного успеха. Поселенцы опасались, что «фермерство кафров» может стать «крестьянским троянским конем, угрожающим производству в поместьях»³⁴. Что еще хуже, скваттеры могли получить право на землю. В дальнейшем Верховный суд подавил эту угрозу, определив их в качестве арендаторов, которых можно выселить с занимаемого места. Но всегда наблюдалось острое напряжение из-за земельного вопроса.

Скваттеры страдали с родственниками в резервациях. Они же столкнулись с рядом препятствий, включая отказ в праве на свои владения. Дополнительные пошлины (например, необходимость покупать ежегодную лицензию на выращивание кофе) имели целью не позволить им конкурировать с белыми. Происходили частые столкновения, особенно — из-за скота, пасущегося на открытой местности. После исчезновения восемнадцати овец Пайс выразил чувства людей, подобных ему. Он заявил матери, что застрелит первого вора, которого встретит. «Ты можешь считать это кровожадностью и чушью. Но это не так. Я должен радоваться, стреляя в леопарда (чей природный инстинкт учит его красть). Поэтому я испытаю гораздо большую радость, убивая кикуйю, который знает, что воровать нехорошо»³⁵.

Ряд местных чиновников могли бы посочувствовать поселенцам, но Министерство по делам колоний, сторожевая собака «имперского патернализма», пыталось защитить права местных жителей³⁶.

Уинстон Черчилль проявлял особую бдительность. Он осудил бойню беззащитных кисии³⁷. Он же объявил: управление Великобританией подчиненными народами должно руководствоваться одним принципом, и это — принцип справедливости. Хотя Черчилль считал местных жителей Восточной Африки «неотесанными детьми», которым следует уважать белого человека, он говорил, что для них было бы плохо, если бы их освободили от «бесстрастного и внушающего благоговейный страх правления

короны и отдали на растерзание эгоистичному маленькому белому населению»³⁸.

Белое население составляло менее 5 500 человек к 1914 г. становилось еще более яростным. Перед Первой Мировой войной, как писала Элспет Хаксли, европейцы оказали заметное влияние на фауну и флору, а также на людей в долине реки Рифт. Они прибыли со своими повозками, в которые были впряжены волы, с палатками, ружьями, коробками с продуктами питания, оловянными ваннами и стальными плугами, поставили заборы, изгнали стада зебр, сделали землю темной из-за своих шамба и загонов для скота, которые выделялись, «словно татуировки на щеке воина»³⁹.

Но война в Восточной Африке остановила это развитие и лишила многие поместья мужчин. Среди убитых оказалась пятая часть из десятков тысяч чернокожих рабочих, которых загнали в корпус связи, «словно вернулись дни арабов-работорговцев, которые нападали на племена во внутренней части страны»⁴⁰. Губернатор сэра Генри Белфилд осуждал то, как колония была втянута в войну, не ею начатую. Однако вскоре послевоенный кризис привел в еще более тяжелое состояние финансы белого сообщества. Ситуация значительно ухудшилась во время Великой депрессии, когда некоторые поселенцы были вынуждены перейти на «питание маисовой кашей и снятым молоком»⁴¹. Их автоматическим ответом стало закручивание гаек африканцам.

Между 1919 и 1922 гг. белые провели серию суровых мер, чтобы усилить свой контроль над чернокожими. От них требовали больше трудиться в условиях, которые, по словам одного едкого, но хорошо информированного критика колонии, доктора Нормана Лейса, копировали «часть зла рабства»⁴². Их заработную плату снизили, налоги увеличили, передвижения ограничили. Туземцев заставляли носить при себе удостоверения личности с отпечатками пальцев, причем эти удостоверения помещались в металлическую коробочку, которая именовалась кипанде. Ее носили на шее на веревочке, словно козий колокольчик (мбуги).

Черные основали несколько организаций для согласования сопротивления. Самой эффективной оказалась Ассоциация молодых кикуйю, которую возглавлял Гарри Туку, так называемый «миссионерский бой» — тип, который вызывал такую же злобу у белых, как и англизированные индусы, получившие образование в английской школе. Его арест в 1922 г. привел к демонстрации в Найроби, в ходе которой полиция, как сообщалось, застрелила двадцать пять невооруженных протестующих (хотя истинные цифры на самом деле могли быть гораздо выше). «Шли разговоры о сотнях людей, убитых полицией, а также о застреленных на дорогах европейскими гражданскими лицами с автомобилями и ло-

шадей». Так писал один современник. Он же добавлял: «Несколько моих знакомых белых хвастались этим»⁴³.

В дальнейшем Туку заявлял, что возражал против несправедливого отношения, а не утверждал, что «нам нужно самоуправление»⁴⁴. Но, как написал один бывший чиновник, его движение стало «генезисом революции». Оно провозгласило появление «нации-полиглота»⁴⁵.

Безжалостная эксплуатация африканцев мучила совесть ряда британцев в метрополии, где Кению изображали, как «Синюю Бороду империи».

Тем временем европейцы пытались поставить на место индусов. Прибыв в большом количестве вместе с железной дорогой, индусы теперь количественно превышали белых в пропорции шесть к одному. Они играли самую важную роль в коммерческой жизни Кении, но им отказывали в политических правах, запрещали приобретать собственность на Белом нагорье, где 0,07 процента населения держали пятую часть лучшей земли в стране.

Индусам отказывали в свободном въезде в Кению, которую некоторые из них хотели превратить в колониальное продолжение британского владычества в Индии. Ею бы правил вице-король из Дели. (А некоторые европейцы хотели включить Кению в Южноафриканскую Федерацию с центром в Кейптауне).

Более того, индусам приходилось терпеть ограничения в допуске в общественные места из-за цвета кожи. Эти ограничения налагались на основании их «нравственной порочности и развращенности и неизлечимого отвращения к санитарии и гигиене». Дипломатические инициативы и попытки примирения Министерства по делам Индии, а также яростные протесты с Индостана дали небольшое улучшение их судьбы. Но лорд Деламер и его друзья осудили это, как капитуляцию Индии. Они планировали собственный переворот. В лоялистском духе Белфаста эти колонизаторы сформулировали лозунг: «За короля и Кению!»⁴⁶ В воинственном духе восставших в Бостоне они планировали захватить железную дорогу, телеграф и почту, а также выкрасть губернатора и держать его на одиноко стоящей ферме в шестидесяти милях от Найроби, но недалеко от прекрасного места рыбалки на форель.

Министерство по делам колоний хотело избежать насилия и провело конференцию в 1923 г. Ее посетили делегации кенийских азиатов и белых поселенцев. Последними руководил лорд Деламер, который шокировал лондонское общество, показав на своих сомалийских слуг и объявив: «Мои сыновья»⁴⁷.

Африканцев не пригласили, но они представили новому министру по делам колоний, герцогу Devonширскому, удобный способ нейтрализации двух соперничающих фракций. Он объявил:

Кения в первую очередь является африканской территорией, «интересы африканских местных жителей должны учитываться в первую очередь»⁴⁸.

Это разозлило индусов, хотя герцог Девонширский положил конец сегрегации в городах и поселках и увеличил их представительство в Законодательном совете. Но они едва ли могли возражать против его высокопарного заявления, повторявшего принцип имперской опеки. Деламер понял, что это относится и к тем, кто поддерживал его самого. Они ведь выступали в качестве поборников африканских интересов против вторжения индусов, и в любом случае получили большую часть того, что хотели. Однако декларация герцога Девонширского не позволила поселенцам Кении организовать самоуправляющуюся колонию в рамках Содружества, как сделали поселенцы Родезии в 1923 г., основываясь на правлении белого меньшинства. В конечном счете, это и оказалось фатальным для их целей.

Поэтому в период между войнами они боролись за изменение точки зрения Лондона и установление контроля в Найроби. Министерство по делам колоний ответило, сформулировав серию хитрых, изворотливых и меняющихся положений политики относительно будущего Кении. Оно рассматривало вопрос формирования Восточноафриканской Федерации, состоящей из Кении, Уганды и Танганьики. Министерство обдумывало идею раздела Кении на черный и белый регионы и склонялось к принятию того факта, что африканцы в конце концов будут представлены в Законодательном совете. Это ведомство сопротивлялось более экстремальным требованиям поселенцев, о которых Гарольд Макмиллан, зять герцога Девонширского, говорил, как о «буйных расистах и потенциальных предателях»⁴⁹.

И в самом деле, белые в Кении создавали столько проблем, что Министерство по делам колоний уже подумывало, не выкупить ли их земли и имущество, и не вернуть ли их домой. Это оказалось бы более дешевым вариантом, как говорил Макмиллан, чем гражданская война.

Однако грубая непреклонность поселенцев оказалась более эффективной в Кении, где они держали в страхе почти всех губернаторов и наложили свою печать на колонию. В конечном счете, это принесло больше зла, чем добра. Благодаря необузданному поведению поселенцев, Белое нагорье заработало в мире репутацию упадничества. Рассказывались мрачные и сенсационные истории о сообществе, которое начинало пить на закате и пило до рассвета, использовало кокаин в качестве нюхательного табака, и так часто менялось женами, что никто не помнил последних фамилий дам. Говорили, что река Ванджохи кишит крокодилами.

Предполагалось, что клуб «Мутайга», низкое здание из розового камня, украшенное изображениями сцен охоты, выполненных сэром Альфредом Маннингсом, — это обитель порока, нечто вроде африканского «Мулен-Руж».

До короля Георг V доходили зловещие слухи о вечеринках, на которых гостям предлагали надевать «тиары или пижамы, что вам больше нравится»⁵⁰. Он говорил, что этим людям следует знать, как себя вести, и дал указания покончить с позором сэру Эдварду Григгсу, губернатору в период между 1925 и 1930 гг.

Несомненно, сообщения преувеличивали реально происходившее. Кения рекламировалась, как игровая площадка для богатых мужчин, рай для спортсменов, «офицерская столовая» в противоположность «сержантской столовой» — Родезии. Но многих белых ни в коем случае нельзя было назвать богатыми, не то что аристократами. Некоторые едва сводили концы с концами. После демонстрации пренебрежительного отношения полковником Монтгомери Арнольд Пайс подумал: «Я боюсь, что моя благословенная дочь встретится с диким человеком из леса, который может прийти на ужин в местной одежде»⁵¹.

Казалось, что некоторые солдаты-поселенцы, появившиеся после войны, обречены на провал предприятия. Один планировал «организовать молочную ферму и поселить там пятьдесят быков и пятьдесят коров, которые предположительно разобьются на пары, как куропатки»⁵². В 1929 г. Марджори Перхам была шокирована, обнаружив, что Найроби полон безденежных и нуждающихся молодых белых мужчин с револьверами за поясом, в шортах или брюках гольф из рубчатого вельвета, «зеленых, оранжевых, голубых и пурпурных рубашках и ковбойских шляпах»⁵³.

Однако есть много доказательств, демонстрирующих, что истории о распутстве и расточительности поселенцев далеки от необоснованности. Лорд Деламер давал ужин, на котором 250 человек употребили шестьсот бутылок шампанского. Леди Норти, супруга губернатора, танцевала на столах в клубе «Мутайга». Фрэнк Греволд-Уильямс предлагал наркотики принцу Уэльскому, а в дальнейшем его брат принц Георг получил кокаин от Кики Престон, которая «ловко управлялась с иглой»⁵⁴. Каждый раз, когда Берилл Маркхем (под этим именем она стала известна) заводила нового любовника, одним из которых оказался еще один брат будущего короля, принц Генри, ее первый муж забивал еще один шестидюймовый гвоздь в столб у их входной двери. Вскоре там оказался весьма длинный ряд гвоздей.

Миссионеры католической церкви, судя по всему, поддались всеобщему разложению. Мейнерцхаген сомневался, что некоторые из белых отцов были белыми, но они явно были отцами.

Мать Элспет Хаксли выучила суахили по учебнику, выпущенному Обществом по распространению Евангелия. В нем содержались такие фразы: «Ленивые рабы чешутся»; «шесть пьяных европейцев убили повара»⁵⁵.

Некоторые винили экваториальное солнце, которое действовало на нервы поселенцев, вызывая расстройства в головах. Ллевелин Повис говорил, что все сердца превратились в камень из-за горящей «головы африканской Горгоны»⁵⁶.

Другие считали, что высота способствует прелюбодеянию. Еще некоторые верили, что скандалы у белых способствуют недовольству и неприязни черных.

Но европейцы должны были вызвать антагонизм у африканцев использованием кулака, сапога и кнута. В период между войнами нападения и даже убийства были совсем не редкостью⁵⁷. Поселенцы часто считали: «Если белый убьет черного, значит, достигнута достойная похвалы цель»⁵⁸.

Их поведение в Законодательном совете тоже было агрессивным. Здесь европейцев часто подстрекал на дальнейшие крайности лорд Деламер. Они яростно осуждали врагов белого сообщества. Марджори Перхам, которая стала свидетельницей одного всплеска эмоций, решила, что Кения — патологический случай.

Это происходило отчасти потому, что европейское население было таким малочисленным — 21 000 человек к 1939 г., или 1 к 175 африканцам. В Южной Родезии было 63 000 белых жителей (в пропорции один к двадцати пяти). Кенийские европейцы постоянно жили в неуверенности, они оборонялись. Их мир представлял собой мыльный пузырь, а разреженный воздух, которым они дышали внутри, окрасился паранойей. Например, в 1920-е гг. местная пресса провела истерическую кампанию о сексуальной «черной угрозе» белым женщинам. Однако журналисты едва ли могли привести в качестве примера хотя бы один случай изнасилования, хотя белые дамы часто были склонны рассматривать своих чернокожих слуг, как «кусочек дерева, и звать их в свою неубранную спальню, когда сама дама оставалась практически нагой»⁵⁹.

В следующее десятилетие белое сообщество получило невроз еще и от еврейской угрозы — наблюдался приток беженцев от преследований в Европе. Ранее отправлять их туда предложил, по иронии судьбы, Джозеф Чемберлен. Лорд Эрролл так не любил «грязного иностранца», что выступал за британский фашизм для Кении, находя для него благоприятный климат. Сэр Эдвард Григ настолько восхищался Муссолини, что публично появлялся в черной форме, сделанной по собственному образцу.

Фашизм Эрролла включал «сверхпреданность короне и изолированной империи»⁶⁰. В конце концов, Комитет по переселению

согласился пустить нескольких «евреев нордического типа»⁶¹. Но белые кенийцы смеялись над лордом Пасфилдом, министром по делам колоний, который поддерживал Центральную ассоциацию кикуйю (переименованное движение Туку), называя его лордом Пассовером (немного изменив фамилию и намекая на еврейскую пасху).

Новый лидер Ассоциации, Джомо Кениата, который учился в Советском Союзе, сравнивал отношение к африканцам со стороны британских колониальных фашистов с отношением нацистов к евреям.

Это было обвинение умам, собранным в Министерстве по делам колоний, где старая уверенность в британской мощи и богатстве все больше снижалась в 1930-е гг. На протяжении лет некоторые самые проникательные британские чиновники предупреждали о подъеме национализма в Африке. Иногда они искали аналоги в истории Римской империи, которая тоже ставила целью контролировать и цивилизовать множество конкурирующих племен. Например, Чарльз Хоббли писал: римляне сильно повлияли на своих британских подданных за четыреста лет. Хотя Британия оккупировала Кению только десятую часть этого времени, африканец явно «способен сыграть большую роль в своем собственном правлении»⁶².

Норман Лейс, упоминая восстание членов секты, ожидающей наступления тысячелетнего царства Христа (1915 г., Ньясаленд), которое было вызвано несправедливостью и яростно подавлено, говорил: Великобритания в Африке сталкивается с христианством и исламом, двумя воинствующими вероисповеданиями, которые одержали победу над Римской империей. Какое-то время Рим поддерживал преданность своих подданных, разделяя с ними «такие политические права, которые представлялись важными для эпохи»⁶³. Британии следовало применять принципы опеки и демократии, уничтожать расовую дискриминацию и дать африканцам право представительства. Оставались вопросы о том, как скоро это можно сделать, когда появится многоцветное партнерство или черное главенство. Но в период между войнами стало ясно (по крайней мере, в Министерстве по делам колоний), что белые Кении не смогут вечно удерживать свою монополию. А если африканцы получают образование, оно позволит им разумно использовать право голоса.

К 1944 г. редактором «Кения уинли ньюс» стал первый известный поселенец, который публично признал: «Правление должно осуществляться всеми расами, сотрудничающими друг с другом»⁶⁴. В тот же год первый африканец, Элиуд Мату, стал членом Законодательного совета колонии. Он был сыном «колдуна» кикуйю и окончил университет — Бейлиол-колледж в Оксфорде.

Если англичане с «голубой кровью» вели за собой белых в Кении, то Судан славился тем, что был «землей “черных”, которыми правят “синие”»⁶⁵. [Под «синими» в данном случае имеются в виду выпускники английских университетов. — *Прим. перев.*]

Не менее четверти из четырехсот чиновников, которые составляли Суданскую политическую службу на протяжении пятидесяти лет, завоевывали награды на спортивных соревнованиях в Оксфорде и Кембридже. Более того, десятая часть получила красные дипломы, и мозги англо-египетского кондоминиума ценились столь же высоко, как мускулы. Однако спорт стал жизненно важным элементом при формировании кастового духа Суданской политической службы. Считалось, что тяжелые тренировки в дикую жару дают здоровый дух в здоровом теле, способствуют развитию индивидуализма и командного духа, а также тренируют характер для трудностей жизни вне избитого пути. Научившись играть во что-либо в средней школе и университете, чиновники продолжали играть и в дикой местности. Как сказал один из них, мастерство в гольфе, сквоше, теннисе, регби, гребле или крикете «давало нам уверенность в себе, чтобы справиться с одиночеством и пониманием того, что мы одни отвечаем за большие области и их население»⁶⁶.

Суданская политическая служба, которая превратилась из военной в гражданскую организацию, явно стала соперничать с «рожденной на небе» элитой Индии. Даже Одетт Коун, журналистка левого крыла, которая ненавидела жестокость «устаревшей империи» Британии, говорила о Суданской политической службе, как об «ордене самураев». По ее словам, чиновники (треть из которых составляли сыновья священников) придерживались высоких стандартов чести. Они несли на себе бремя белого человека вместо того, чтобы прилепиться к спине местных жителей и становиться их бременем.

Колонии поселенцев, первым примером которых являлась Кения, рвали ради тех богатств, которые там имелось. Одетт Коун говорила, что они были «счастливыми охотничьими угодьями авантюристов, искателей золота, промышленных и коммерческих разбойников, десять тысяч раз обвиненных концессионеров». Судан, который Китченер спас от хаоса, разграбления, голода и несчастий халифата во время сражения при Омдурмане, к 1930 г. стал образцом хорошего порядка. Суданская политическая служба, которая никогда не превышала 125 человек, управляла областью, в четыре раза превышающей размером Техас. Служба

покончила с рабством, способствовала процветанию, улучшила здравоохранение, продвигала образование и сохраняла мир. На самом деле, сделала вывод Одетт Коун, Судан был поразительно успешным экспериментом колонизации, поскольку центральной являлась «уникальная и невероятная цель — благополучие коренных»⁶⁷.

Естественно, британцы утверждали, что цель всех их колоний — это благополучие местных жителей. Но они были вознаграждены панегириками⁶⁸ своему руководству в Судане из весьма неожиданного источника. Одетт Коун была упрямой и неуступчивой журналисткой. (Взяв интервью у Г.Г.Уэллса, она, очевидно, легла с ним в постель, «чтобы расширить свои впечатления»)⁶⁹.

Другие свидетели, в частности Марджори Перхам, подтвердили ее точку зрения. Но были ли они правы? По крайней мере, Хартум, казалось, отомстил за их суждения. Китченер сразу же взялся за его восстановление, предположительно планируя строить город по образцу «Юнион Джека». Доказательств этому нет, нет и заявлений о том, что он планировал расположение улиц, чтобы было легче стрелять из пулеметов «Максим». Но вскоре город уже пересекали широкие бульвары, затеняемые баньянами и дикими финиковыми деревьями. Они освещались электричеством, по ним ходили трамваи, а назывались они, например, проспект Виктории и т.д.

Китченер собрал деньги на Мемориальный колледж Гордона, и так хотел поскорее отстроить дворец, где Гордон стал мучеником, что отказался направить верблюдов, носивших кирпичи, возить зерно для облегчения голода.

В 1899 г. генерал сэр Реджинальд Уингейт сменил Китченера на посту генерал-губернатора, и в течение своего долгого периода службы возглавлял существенную модернизацию столицы. Нил оградили насыпью, построили каменную набережную, на границе — просторную эспланаду. Красивые бунгало выросли среди лужаек и пальм, они выходили к воде. Появились новые площади, а с ними правительственные учреждения и деловые офисы. Также возникли теннисные корты, поля для игры в сквош и «пятерки». Построили зоопарк, железнодорожный вокзал, верфь, медицинское училище, тир, поля для игры в гольф и поло. Правда там было много песка, а зелень оказалась коричневой.

У англиканского собора появилась статуя генерала Гордона на верблюде. Каждый субботний вечер она освещалась прожекторами и казалась серебристо-белой, излучая какое-то сияние, будто призрак мученика, который умер, чтобы спасти город.

В Суданском клубе, прохладном заведении с верандой, «этой Мекке социальной жизни среди британского высшего класса»,

в окружении садов, спускающихся к реке, с бассейном, официанты в белых одеждах и зеленых камербандах (широких поясах) подавали высшим чиновникам чай или содовую с лимоном и Уингейт жил с королевским размахом во дворце. Дворец походил на карамель цвета сахара, он известен, как «рождественский пирог»⁷⁰, украшенный фонтанами и цветами.

Когда Уингейт передвигался по городу, его сопровождали подчиненные в роскошной форме, а также блестящая кавалькада чернокожих копьеносцев. Это зрелище напомнило одному свидетелю «мелодраму из театра "Друри-Лейн"»⁷¹.

Хартум даже стал современным туристическим центром с магазинами и гостиницами, которыми управляли представители Леванта и Италии. Это была некая африканская Ривьера. Вскоре дошло и до собственного «рыболовного флота». Уингейт жаловался на то, что ему приходится развлекать столько высокопоставленных лиц, и он часто уединялся в Эрковите, на базе в горах у Красного моря, которая претендовала на то, чтобы быть «Суданской Симлой»⁷².

Однако губернатор был закоренелым снобом и действительно ценил влиятельных европейских гостей, приехавших в то, что рекламировалось, как «солнечный Судан». Благодаря им (а в еще большей степени — египетским субсидиям и дотациям) Хартум начал выглядеть, как столица процветающей страны. Однако один влиятельный посетитель, Редьярд Киплинг, заметил обреченность империи в развитии города. Жители получили образование и легкую жизнь. Вскоре они потребуют Судана для суданцев, как объявил Киплинг. «Это жестокий закон, но старый Рим умер. Познавая его, может умереть и наша западная цивилизация. Он заключается в том, что если вы даете какому-то человеку нечто, что он не выстрадал для себя с болью, вы неизбежно делаете его или его потомков своими преданными врагами»⁷³.

Это был характерно резкий взгляд сварливого писателя, который, часто отождествляя британский и римский имперский упадок, однажды признал: «Гиббон был толстой коровой, на которой я пахал»⁷⁴.

Однако Хартум в некотором смысле символизировал хрупкость британского правления, поскольку о здание имперского порядка бились волны местного недовольства и разлада. С другой стороны реки, на берегу которой стояли орудия, была навалена ядровая древесина и шкуры, возвышались серо-коричневые джунгли Омдурмана. То был угрожающий лабиринт узких и пыльных улиц с открытыми сточными канавами. По их сторонам стояли тесные и убогие лавки, где роилось множество мух, и глинобитные хижины, укрепленные кизяком.

За европейским фасадом в самом Хартуме суданцы жили в пыльных рядах домов-коробок, лишенных таких коммунальных удобств, как водопровод. Они значительно уступали самым скромным жилищам чиновников Суданской политической службы, которые в дальнейшем прозвали «бельзены» (по названию концлагеря). Про переправу через реку говорили, что это путешествие назад во времени.

Архитектурный раздел означал социальную пропасть. Кроме случаев решения деловых вопросов, правители редко встречались с теми, кем правили, и считали их не людьми, а скорее, слишком яркими, безвкусными и неприятными на вид компонентами чужеродного пейзажа. Молодой чиновник Гарольд Макмайлк находил женщин Хартума «самыми отвратительными образцами уродства и мерзости, которые я когда-либо видел: они держатся очень прямо, потому что все время носят на головах кувшины или кирпичи, но их лица напоминают горгулий, и они отвратительно пахнут какими-то притираниями»⁷⁵.

Иногда чиновники Суданской политической службы подшучивали над суданцами, один остряк высмеивал их (разумную) привычку ездить на зад у ослов:

Трудно ехать на осляти,
Коли зад все время сзади.
Я ответа не нашел:
Где же зад и где осел...

[И «осел», и «зад» по-английски «ass»,
посему понятны затруднения автора. — *Прим. ред.*]

Поэтому в лучшем случае расовые взаимоотношения были «дружескими, но не очень близкими»⁷⁶. Британцы, как и всегда, держались сами по себе. Дуглас Ньюболд, губернатор Кордофана большую часть 1930-х гг., саркастически заметил: британцы, как казалось, думали, что их имперская миссия включала сбор стадами, будто жирные коровы, на лужайках или верандах друг у друга, распитие убийственных коктейлей и разговоры о полной ерунде с незнакомыми людьми⁷⁷.

Участники Суданской политической службы в целом были такими же чопорными, церемонными и традиционными, как их вечерние наряды. Правда, они могли и расслабиться, иногда напиваясь все сильнее и сильнее за ужином, пока вечер не заканчивался пьяной дракой⁷⁸. Эти люди с презрением относились к классу суданских эфенди, как к полуобразованным и очень сильно загорелым, чуть ли не высушенным на солнце людям, которые подражали им

в ношении брюк и ботинок, но оставались странными и необычными в еде и питье. Эти экзотические пролетарии определенно были слишком самоуверенными и вероятно вели подрывную деятельность, их постоянно следовало держать в повиновении, а иногда просто бить.

Крошечная арабская интеллигенция негодовала из-за того, что приходится жить в состоянии подчиненности, а некоторые просвещенные белые предсказывали, что нежелание британцев иметь дело с местными жителями разрушит их правление. Предназначением этой судьбы стала националистическая Лига белого флага, сформированная в 1923 г. Она проводила демонстрации и агитировала за свободу. Это движение распространилось и на военных, черпало силу из номинально независимого Египта. Когда преемник Уингейта на посту генерал-губернатора Судана, сэр Ли Стак, был убит во время посещения Каира в 1924 г., британцы воспользовались возможностью, чтобы отправить домой египетскую армию вместе со многими египетскими гражданскими служащими, учителями и другими египтянами.

Поддерживая фиктивный «англо-египетский кондоминиум», они превратили Судан фактически в подмандатную территорию. Это привело к восстанию среди суданских войск, которое быстро подавили. Новый генерал-губернатор сэр Джон Маффи пытался изолировать страну от опасных современных влияний. Он нацелился стерилизовать любые политические бактерии, которые плывут вверх по Нилу в Хартум, сделав Судан «безопасным для автократии»⁷⁹.

Британцы стремились не дать преимущественно арабскому мусульманскому северу заразиться желанием свободы по большей части африканский языческий юг. Обширный бассейн Верхнего Нила был провинцией так называемых «баронов болот» — белых чиновников, которые стремились стать местными патриархами, даже самыми главными вождями. Часто они являлись своеобразными и уникальными типами. Один ходил в походы с носовым платком, свисавшим из уголка рта. Другой уходил прочь, если видел белого мужчину, и сбегал при виде белой женщины. Еще один одевал команду своего частного судна, ходившего по Нилу, в форменные свитера с девизом «Апа muzlum» («Меня угнетают»). Следующий держал две папки для сообщений из Хартума, одна была помечена «Вполне разумное», вторая — «Галиматья»⁸⁰.

Еще одна группа была очарована «самыми привлекательными, дружелюбными черными обнаженными язычниками, о которых можно только мечтать», хотя один из них, «Тигр» Уилд, говорил: обнародовать такие связи означало подвести своих⁸¹. Как правило, «бароны болот» были крепкими и привыкшими к трудностям

бывшими солдатами. Иногда их доставляли в столицу для получения инструкций от старших важничающих чиновников Суданской политической службы, как писал один остроумный наблюдатель, в «более высокой культуре, усовершенствованной чистоте и полутрезвости»⁸².

Но «бароны» сталкивались с почти непреодолимыми трудностями в первобытном Судане. Там был мир, который сэр Гарольд Макмайкл, гражданский секретарь (то есть главный чиновник) Хартума, считал «полуобезьяньей дикостью». Это было «болото, в которое втянуты или сброшены все самые низшие расовые элементы, выжившие к северу от экватора, а также огромное количество столь же гниющей растительности»⁸³.

Однако это был дом множества народов — шиллуков, нуэров, ануаков, бари, динка и занде. Они не знали плуга, колеса и пера, часто страдали от голода, насилия и болезней. Большинство ходили голыми. Ритуально покрытые шрамами нуэры мазали тела пеплом и «создавали впечатление живых скелетов»⁸⁴. Они считали одежду ливреей крепостничества. Многие занимались колдовством, поклонялись фетишам и обладали тем, что христиане называли «менталитетом заклинаний»⁸⁵. Некоторые практиковали каннибализм. Племена жили раздробленными группами, часто не имели старост. Они говорили на восьмистах наречиях.

Их было трудно контролировать. На протяжении тридцати лет «бароны болот» концентрировались скорее на подавлении, а не на управлении. Британские карательные экспедиции в Судане были даже более жестокими, чем в Кении, временами доходя почти до геноцида. Наверняка, как признавал один районный комиссар, они дали урожай регулярных зверств в Конго⁸⁶.

Макмайкл добавил к наземным силам самолеты, поскольку Королевские ВВС хотели протестировать «моральное воздействие»⁸⁷ бомбардировки и обстрела с бреющего полета на идеальной для экспериментов местности. Гражданский секретарь явно был готов применять методы Тамерлана или Чингисхана⁸⁸. Он считал, что только те, кто говорит на арабском, восприимчивы к должному управлению. Лучшее, что можно сделать для народов-полиглотов юга — это присмотреть за ними, «заботясь, опекая и поддерживая»⁸⁹.

В этом подходе почти не было места социальному обеспечению. Так, глава медицинской службы отказался отправить военного медика в район Фунг, пока комиссар «не сделает это место достаточно здоровым для него»⁹⁰. Большинство «баронов болот» считали, что они являются зрителями «антропологического зоопарка»⁹¹. Но менее консервативные чиновники отвергали идею организации «человеческого Уипснейда»⁹² — «зоологических садов, где чернокожие люди осторожно отделяются забором, чтобы

они развивались своим путем»⁹³. Они пытались поднять африканцев «до более высокого стандарта жизни и культуры» на основании того, что «нации, колонизованные Римом, все еще проявляют преимущества и прогрессивность по сравнению с теми, которым так не повезло».

Колонизаторы делали отдельные попытки усилить племенные союзы и лидеров. Так, католические и протестантские миссионеры получили разрешение обучать и проповедовать язычникам, используя английский в качестве официального языка. Однако пока господствовал порядок, британцам было легко (и дешево) не обращать внимания на Верхний Нил. На самом-то деле их интерес был в стагнации юга.

Не отвергали они и отсталость севера. Конечно, правительство в Хартуме искало способы развивать страну. Чтобы выращивать хлопок между Белым и Голубым Нилом оно, например, построило дамбу у Сеннара и проводило ирригацию полуострова Гезира. Это были предприятия фараонского размаха, после чего у Судана оказался большой долг. Сельскохозяйственные эксперты следили за прогрессом, как говорится в виршах того времени авторства Джо-на Мейсфилда:

Потный инспектор,
Пропитанный джином насквозь
Едет сквозь хлопок
На пегой старушке-кобыле,
Думая: «Выдали все,
Ничего не забыли?
Фляги, монокли, лосьон...
Пригодится и гвоздь...»⁹⁴

Британцы улучшили коммуникации, прорезали страну шоссейными дорогами, железными дорогами и телеграфными проводами. Они перестроили Омдурман, создали Порт-Судан на Красном море, развивали ветеринарию и медицинские службы. Для получения клерков и технических кадров колонизаторы даже одобрили профессиональное обучение в скромных масштабах. Но, хотя они и говорили об обучении, на самом деле это были пустые слова, так как считалось, что темным людям оно вообще ни к чему. Британцы ставили знак равенства между либеральным образованием и политической подрывной деятельностью, какой-то медик даже считал это причиной африканского безумия.

Колонизаторы предпочитали старомодную культуру страны, не зараженную восточными идеями. Уилфрид Тесиджер, выступавший за университетскую команду Оксфорда по боксу и районный

комиссар в Дарфуре в период между двумя войнами, был типичен в этом плане. Он не одобрял образование представителей племен и «оспаривал правильность попытки навязывания суданцам условностей и ценностей нашей совершенно отличной цивилизации»⁹⁵. В частности, суданцы приняли рабство, его терпело правительство и даже одобряло (через налогообложение) до конца 1920-х гг. Даже тогда оно пыталось, как писал один районный комиссар, постепенно расселить рабов «среди племен их хозяев»⁹⁶, а не освободить их, чтобы те стали ворами и проститутками.

Как в Индии и на других имперских территориях, британцы отождествлялись с самыми консервативными элементами местного общества. Но, как и Бертон, Доути, Лоуренс, Филби и Гертруда Белл, многие участники Суданской политической службы чувствовали сильное родство и привязанность к пасторальным арабам и диким местам, в которых они жили. Дуглас Ньюболд был типичен в квазимистическом преклонении перед пустыней — «местом жительства джиннов, базилика и василиска».

Он говорил, что человеческая душа очищается среди поющих песков и дрожащих миражей. Огромной, молчаливой и чистой пустыни достаточно, чтобы «заставить путника-пигмея ступать столь же мягко, как в пустом соборе»⁹⁷.

Ньюболд и его коллеги восхищались кочевниками — воинами, охотниками, благородными дикарями, природными джентльменами. На сафари британцы наслаждались уединенностью оазиса и товариществом походного костра. Это контрастировало с их сдержанностью в общении с образованными городскими суданцами. Несомненно, некоторые представители Суданской политической службы, например, и Тесиджер, и Ньюболд, чувствовали гомосексуальное влечение к арабам пустыни — обычно возвышенное. Другие ценили жизнь, полную приключений, исследования, стрельбу по крупной дичи, укрощение буйных племен. Другие ценили раннюю ответственность, отеческий надзор за всем — от колодцев до туалетов, от налогов на скот до деревенских петиций, от лицензий на оружие до военных споров, от полчищ саранчи до корабейников, от вырывания зубов до изгнания дьявола. Почти все принимали необходимость непрямого правления, что стало официальной политикой после Первой Мировой войны. А колониальная администрация действовала через местных вождей. В отличие от эфенди, которые поддерживали идею прогресса, шейхи олицетворяли прошлое. Они могли быть дураками или подлецами, разбойниками или фанатиками, но эти люди определенно придерживались традиций. Британцы считали их видом местных джентри, через которых Суданская политическая служба лучше всего может контролировать эту древнюю землю.

На самом деле не прямое правление никогда хорошо не срабатывало, а иногда и вообще не работало. Его недостатки были особенно очевидны в Судане. Систему одолевали противоречия. Она полагалась на согласие и уступчивость вождей, власть и авторитет которых базировались на их независимости от британцев. Она держала колониальные народы в состоянии опеки, однако претендовала на их подготовку к тому, чтобы они сами встали на ноги. Колониализм навязывал архаический порядок обществам, которые нельзя изолировать от современности.

Ньюболд сравнивал разрушение феодальной верности в Северном Судане в 1930-е гг. с «уходом сквайра» на родине, и объяснял и одно, и другое «неумолимым ходом событий»⁹⁸. Среди африканцев юга весь процесс перехода сопровождался неуверенностью насчет того, кто кем правит, если вообще правит. В то время, как у шиллуков был король, у нуэров имелись пророки, а одном районе, как в отчаянии отмечал его комиссар, динка представляли «47 различных лиц, и каждого называли вождем»⁹⁹.

В результате не прямое правление так никогда и не было принято в целом. Более того, как только оно стало традиционным, критики начали ругать его реакционный характер. Сэр Стюарт Симс, который был генерал-губернатором в период с 1934 по 1940 гг., говорил: оно сдерживает образованных суданцев, которые моют бутылки вместо того, чтобы работать старшими чиновниками.

Однако Симс, которые ранее служил адъютантом Уингейта, был более склонен к осторожности, чем к инновациям. Он считал, что суданцы находятся в состоянии политического младенчества, и мало что делал, чтобы вести их к зрелости. Губернатор одобрял скромную «суданизацию» во время Великой депрессии (по большей части, чтобы сохранить деньги). Его образовательные реформы скорее являлись стремлениями, а не достижениями.

На юге едва ли что-то делалось. Народ той части страны ценил («Британский Мир» («*Rex Britannica*»)), господствующий на протяжении четверти века. Но в дальнейшем говорилось: главной ошибкой британцев было то, что «они нас не обучали»¹⁰⁰. Как с неохотой сделал вывод более поздний гражданский секретарь сэр Джеймс Робертсон, его соотечественники в Судане не смогли провести заявленную правительством политику, «то есть продвигать интересы суданцев»¹⁰¹.

Националисты это остро чувствовали, по крайней мере, после 1936 г., когда составители англо-египетского договора привели их в возбуждение, решая судьбу Судана, но не посоветовавшись с его народом. По сути, договор поддерживал статус-кво: египетские чиновники возвращались в Хартум, но британское правление продолжалось. Поэтому в 1938 г. суданская интеллигенция сфор-

мировала Общий конгресс выпускников и пыталась использовать соперничество Лондона и Каира. Они делали это умело, им помогало постепенное уменьшение уверенности внутри Суданской политической службы. Ее чиновники признавали: Египет, о котором Ньюболд говорил, как о «шатающемся в своей блевотине, будто пьяном»¹⁰², может получить контроль над Верхним Нилом. И эта ужасающая перспектива помогла примирить их с независимостью Судана в конечном итоге (хотя они едва ли могли ожидать, что их безупречный клуб в дальнейшем станет базой Суданского социалистического союза).

Когда Конгресс воспользовался преимуществами войны, чтобы потребовать самоопределения, Ньюболд, теперь ставший гражданским секретарем и молниеносно покончивший с итальянской атакой из Эфиопии, выдал публичное замечание. Он объявил: Конгресс допустил ошибки, ему следует отказаться от любых претензий «стать рупором всей страны».

Однако частным образом Ньюболд, которого один коллега сравнивал с «одним из царей-философов Платона»¹⁰³, предпринял шаги для удовлетворения «разумных стремлений просвещенных суданцев»¹⁰⁴.

Он считал, что провал в этом мог привести к таким проблемам, которые ударили по Ирландии и Индии, а Судану не мешали белые поселенцы, как Кении, или вражда общин, как в случае Палестины. Ему следовало вводить имперскую политику Британии военного времени — поддержку «прогрессивной эволюции институтов самоуправления». Поэтому в 1944 г. генерал-губернатор собрал Консультативный совет, который приветствовали как «первое конкретное выражение суданской нации»¹⁰⁵.

Это было и попыткой разделять и властвовать. В Совете, который состоял из двадцати восьми человек, выпускников оказалось меньше, чем вождей племен. Назиры были в белых тогах, муфтии — в пурпурных одеждах, шейхи — в красных и синих, расшитых золотом. Не были представлены ни Южный Судан, ни Египет, что еще больше усилило раскол в самом Конгрессе. Последователи сына Махди, рожденного после смерти отца, Абд аль-Рахмана аль-Махди, хотели «Судана для суданцев». Их оппоненты, которых возглавлял Исмаил аль-Ажари (в дальнейшем — первый премьер-министр Судана) ставили целью изгнание белых хозяев при помощи египтян. Они проводили кампанию за «единство долины Нила».

Эти лозунги были надписью на стене для британцев. Но если разделения, которым способствовала Суданская политическая служба, не могли продлить правление «синих» над «черными», то они помогли разжечь гражданскую войну в Судане после

получения им независимости. Вывод аль-Ажари был резким. Чтобы поддержать свою тиранию, имперская держава, как сказал он, «просто оккупировала землю, распространяя ненависть и расколы между народами»¹⁰⁶.

* * *

Этот вердикт слышали в других частях Африки, выкрашенных на карте в красный цвет. [Как правило, в СССР и России Британия окрашена в зеленый. — Прим. ред.] Казалось, что колонии поселенцев склонны последовать примеру буров. Один вождь племени кева жаловался: жители Южной Родезии не смотрят на чернокожих, как на людей, «они просто относятся к нам, как к собакам»¹⁰⁷.

Джордж Падмор, марксист из Тринидада, в своем бесстрастном рассказе «Как Британия правит Африкой» (1936 г.), говорил, что ее колонии — это «место разведения фашистского менталитета, который сегодня выпущен на свободу в Европе»¹⁰⁸.

Но сделанное Британией в Африке было лучше, чем то, что создали другие европейские государства. В целом, ее ярмо было легко нести (после того, как оно оказывалось на месте). У Великобритании было недостаточно людей, ресурсов и воли, чтобы управлять своими тропическими зависимыми территориями силой, и метрополия правила через местных коллаборационистов, полагаясь на престиж белых. На самом деле, один колониальный судья, отмечая, как один единственный районный комиссар с полудюжиной аскари мог отвечать за 100 000 африканцев, говорил: «Все положение Британии покоится на блефе»¹⁰⁹.

В колониях поселенцев устанавливались ограничения по эксплуатации и принуждению чернокожих. Это делалось из-за бедности и малого количества белых, не говоря про вмешательство Лондона. Да, британцы выжимали что могли и где могли — например, по «медному поясу» Северной Родезии. Там между 1930 и 1940 гг. они собрали 2,4 миллиона фунтов стерлингов налогами, а выдали всего 136 000 фунтов стерлингов грантами на развитие. Так они лишали колониальное правительство фондов на строительство дорог, сельское хозяйство, жилищное строительство, социальные службы, которые оставались «очень отсталыми»¹¹⁰.

Развитие ограничивалось и в других сферах — особенно, в тяжелые времена. В период между войнами Западная Африка, хотя политически вполне прогрессивная, была экономически застойной. Правительство едва ли коснулось Басутоленда. На Ньясаленд тратились такие мизерные суммы, что рабочие эмигрировали в более расово враждебные Родезию и Южную Африку. Губернатор Тан-

ганьики говорил, что его территория «проложена нафталином»¹¹¹. Губернатор Нигерии заявлял, что «большим преимуществом британского правления является то, что его так мало»¹¹².

Только в Южноафриканском Союзе европейское сообщество обладало достаточным количеством людей, богатства и независимости, чтобы навязывать репрессивную политику, основанную на цвете кожи. Оно заложило основы системы апартеида, ограничив проживание двух третей населения (чернокожих) на 13 процентах земли. Проводилась дискриминация африканцев на рабочих местах, их лишали права голоса, вводили другие расистские законы. Это привело к созданию Африканского национального конгресса, который утвердил западающий в память гимн «Нкоси сикелеле Африка!» («Боже, благослови Африку!») в 1925 г.

Однако по всему континенту другие подобные организации появлялись по мере роста сопротивления имперскому правлению и господству. Процесс оказался постепенным, прерывистым и ни в коем случае не predetermined. Не было ничего неизбежного в продвижении к конечной цели — самоуправлению. Опека, которая в любом случае являлась скользкой концепцией, как предполагалось, должна превратиться с партнерство с местными жителями. Затем она приведет к их независимости. Однако, как сказал один поселенец-либерал, «те из нас, кто живет в Центральной Африке, очень хорошо знают, что партнерство между черными и белыми в лучшем случае — лицемерная надежда, а в худшем — извортливый и неискренний миф, придуманный в политических целях»¹¹³.

Среди прочего племенные разделения предполагали, что африканские нации будут развиваться медленно. Сметц считал, что европейцам потребуется целый век, чтобы обучить «народы, которые спали или загнивали с незапамятных времен»¹¹⁴.

Многие британские чиновники с этим соглашались. Сэр Филипп Митчелл, который стал губернатором Уганды в 1935 г., считал, что африканцы образца 1890 г. на века отстали от британцев времен Юлия Цезаря. Их быстрое развитие и продвижение вперед невозможно, потому что на континенте ничего не было между Каменным веком и доктором Ливингстоном — «ни руин, ни гробниц, ни надписей»¹¹⁵. (Митчелл не упоминал железные конструкции и считал, что каменные строения в Зимбабве — это колониальные сооружения).

В любом случае, африканцы, которые «испытывали родовые схватки рождения нации», часто хотели сотрудничать с колониальными правительствами. Национально-демократическая партия в Лагосе заявила губернатору, что хочет сохранить Нигерию «не только как неотъемлемую часть империи, но также и как яркий драгоценный камень в рамках имперской панорамы»¹¹⁶.

Однако, как показывают примеры Кении и Судана, прилив враждебности к колонизации поднимался и в Африке. Под сомнением оставалась только скорость политических перемен, которые происходили в результате.

Везде появлялась местная элита. Ее сознание формировалось школьной доской, кафедрой проповедника и прессой. Уже в 1900 г. в колонии Золотой Берег имелось девятнадцать газет, а в Сьерра-Леоне — тридцать четыре. «Проклятый образованный африканец» испытывал раздражение от ограничения возможностей, доступных ему при белом правлении, злился на усиление расовых предрассудков и испытывал горечь оттого, что его колониальные хозяева рассматривали его в качестве «худшего зла, чем первобытный дикарь»¹¹⁷.

Африканцы, не получившие образования, получали практические уроки от требований к земле, труду и налогам, которые на них налагались самопровозглашенными распространителями цивилизации. Поучительными оказались и методы белых политиков и профсоюзных деятелей. Многие чернокожие просто хотели избавления от конфликтов и обид, восстановления того, что было. Но некоторые требовали большего права голоса в своих делах, никакого налогообложения без представительства. Другие высказывались в пользу того, что лорд Хайли назвал «губительным и многосложным самоопределением»¹¹⁸.

Они становились смелее после потери Британией престижа в результате Первой Мировой войны, которая представила африканцам шокирующее зрелище — европейцы сражались друг с другом. Свыше миллиона африканцев приняли участие в той войне. Великая депрессия еще больше ослабила имперскую мощь, в особенности, когда японские товары вытеснили британскую продукцию с рынков в их собственных колониях. Например, до конца десятилетия Япония поставляла 93 процента хлопчатобумажных тканей в Восточную Африку.

Разочарование и потеря иллюзий в Африке усилились, когда Британия слишком слабо ответила на насилие Муссолини над Эфиопией в 1935 г. и попыталась найти способы умиротворения Гитлера — возможно, путем восстановления колоний Германии. Но надежда выросла из растущего международного принятия идеала расового равенства, из-за чего империя столкнулась с «беспрецедентным кризисом сознания»¹¹⁹.

Многие из тех, кто разделял этот идеал, помогли поддержать африканский национализм при помощи продвижения идеи прав человека, клятвы верности или гордости чернокожих. Его разделял американский социалист У.Э.Б.Дюбуа, который организовывал Панафриканские конференции, атаковавшие колониализм.

Воинственная Всеобщая ассоциация по улучшения жизни негров Маркуса Гарви «заставила увидеть Гарлем по всему миру»¹²⁰. Лозунги его движения: «Назад, в Африку! Африка для африканцев!» Они не только повлияли на таких будущих лидеров, как Кваме Нкрума, но и эхом пронеслись по континенту. Например, дошли до удаленного уголка севера Нигерии, расположенного в четырех днях пути от телеграфа и в восьми днях пути от железной дороги. Там многие никогда не видели белого мужчину, не то что белую женщину. Здесь, как писала Джойс Кари, на деревенских рынках царило возбуждение из-за слухов о черном короле, который приплывет на огромном железном пароходе, полном чернокожих солдат, чтобы изгнать всех белых из Африки¹²¹.

Перед Второй Мировой войной протесты индусов из-за ограничений в правах, с которыми столкнулись их соотечественники в Южной Африке, Кении и других регионах, тоже стимулировали африканское сопротивление власти белых. Ганди подбадривал это, а Индийский национальный конгресс продемонстрировал необходимость политической организации. Неру и другие националисты вроде Субхаса Чандры Боса, проявляли сочувствие.

Неру писал: негры, с которыми он встретился на Международном конгрессе против колониального угнетения и империализма (организованном вездесущим агентом коммунизма Вилли Мюнценбергом в Брюсселе в 1927 г.), несли на себе следы уникального и ужасного мученичества, которое вынесла их раса¹²². Но он считал, что африканцы не получают свободы без всеобщего освобождения от империализма. Так что сварадж и зарождающиеся африканские движения за независимость были частью одной цели, они подпитывались силой друг от друга. Африка многому научилась из индийской кампании за самоуправление. Индия могла помочь африканцам и азиатам завоевать свободу путем победы в борьбе против Британской империи.

Глава 13

«Плетение нити индийской судьбы»

Путь к независимости

В годы после бойни в Амритсаре в борьбе Индии доминировали Мотилал и Джавахарлал Неру, а также махатма Ганди. Иногда их называли Отец, Сын и Дух Святой. В этой националистической троице последний бесспорно был первым. Моральные качества Ганди, достойные бога, которые преобразили его легкое и худое тело, давали ему уникальный авторитет и в самом Конгрессе, и за его пределами. Джавахарлал отмечал спокойную глубину его глаз, чистый и ясный голос и поразительное очарование манер. Он говорил, что в Ганди «есть что-то королевское, что заставляет добровольно ему подчиняться».

Сам Мотилал Неру стал последователем и учеником, несмотря на мирской успех (он был юристом при британском правлении) и сильный характер, который наложил видимый отпечаток на его манеру держаться. «Какой широкий лоб, плотно сжатые губы и волевой подбородок! — писал его сын. — Всем этим он заметно похож на бюсты римских императоров в музеях Италии»¹.

Схожесть Мотилала с цезарями стала еще более ярко выраженной, как отмечали другие, когда он отказался от бархатных домашних курток и вышитой золотом обуви в пользу чаддеров (белых домотканых одежд типа тоги) и сандалий. Джавахарлал был утонченным, светским, прогрессивным, он так сильно поддался влиянию Запада, что говорил на хинди с английским акцентом, представляя еще большую антитезу Ганди.

Привередливый и утонченный эстет сам не понимал тех дружеских чувств и привязанности, которую испытывал к аскету, носившему набедренную повязку, сидевшему на земле, скрестив ноги, и принимавшему пищу руками. Рационалист не мог понять мыслительный процесс садху, которого направлял внутренний голос. Молодой бабник не испытывал симпатий к мудрецу, который стремился стать «божьем евнухом»². Но он пришел к выводу, что личность Ганди имеет «странную власть над душами людей»³.

Несмотря на их различия, Ганди привлек Джавахарлала, в котором тлел идеализм, и тот на протяжении многих лет «был ему покорен и верен, не задавая вопросов»⁴. Его верность проявилась наиболее ярко, когда они с Мотилалом присоединились к махатме

в кампании отказа от сотрудничества и гражданского неповиновения 1920–22 гг. Она предназначалась в качестве умеренного ответа кровопролитию в Джалианвала-Баге. Это была попытка Ганди освободить нацию через величайшую манифестацию силы души из когда-либо виденных в Индии. Оказалось, что он не может победить колониальное господство через бойкоты, прекращение работы и торговли, мирные протесты. Но сатьяграха подорвала претензии империи на законность и ее нравственные основы. Те, кто принимал участие в кампании, предлагали себя в виде добровольных жертв и претерпели много страданий. Никто не нес их с таким искупительным рвением и энтузиазмом, как любимый сын Мотилала Неру.

Преданность Джавахарлала националистической идее оказалась неожиданной, поскольку он давно казался чуть больше, чем дилетантом. Он родился в 1889 г., воспитывался в «Ананд Бхаван» («Обители Блаженства») — самом роскошном особняке в Аллахабаде. Дворец стоял рядом с десятью акрами великолепных садов с теннисными кортами, кругом для верховой езды, закрытым бассейном и фонтаном во дворе, наполненным льдом и цветами. Вода охлаждала и ароматизировала весь дом в жаркую погоду.

Мальчика окружали няньки, слуги, гувернантки и учителя. Мать обожала его и все позволяла, хотя яростно прогрессивный отец пугал его. Мотилал по происхождению был кашмирским брахманом и поставил целью дать мальчику⁵ образование, как английскому джентльмену. Ему следовало войти в нирвану респектабельности — поступить на индийскую гражданскую службу. Поэтому в 1905 г. Джавахарлал отправился в Харроу, где его преследовали отцовские наставления преуспеть (заодно — и в отращивании усов). Мотилал говорил, что он выглядит дураком без усов, а сам в то время носил их в стиле Китченера.

Но Джавахарлал в этом преуспел не больше, чем его коллега по Харроу Уинстон Черчилль. Вскоре пришлось сбрить пушок, заявив: «Вся эта затея неудачна, они портят мне лицо».

Он едва ли еще как-то отличился в школе, а далее отправился в Тринити-колледж Кембриджского университета, где тоже ничем не выделялся. На самом деле Джавахарлал вел жизнь молодого человека, следящего за модой. У него набегали долги за костюмы с Савил-роу и за увеселительные поездки на Монмартр.

Проявлялись признаки политических склонностей. Он восхищался ирландской партией «Шин Фейн», слушал Бернарда Шоу и оспаривал веру своего отца в Джона Булля.

Но Джавахарлал не имел никакой конкретной цели и получил такой плохой диплом, что не мог поступить на работу на индийскую гражданскую службу. Он рассматривал различные варианты и

сказал Мотилалу, что хочет изучать право в приличном Оксфордском колледже, потому что в Кембридже слишком много индусов⁶. В конце концов (без энтузиазма) юноша получил право на занятие юридической практикой во Внутреннем Храме в Лондоне.

Джавахарлал был столь же безразличным, работая юристом по возвращении в Аллахабад, решив, что цель его профессии — эксплуатировать других⁷. Он не хотел жениться, когда Мотилал организовал для него бракосочетание в 1916 г. Церемония была экстравагантной, а семнадцатилетнюю невесту Камалу чуть не прижало к земле весом драгоценностей, которые на нее надели.

Джавахарлал оставался холодным и отстраненным. Хотя он был вспыльчив по природе, но все же культивировал холодность и сдержанность. По его собственному признанию в более поздние годы, это происходило оттого, что он боялся быть охваченным и сметенным страстью. Эта эмоциональная лавина обрушилась после войны, когда Ганди обратил его в свою веру. Джавахарлал стал «ревностным сторонником политики отказа от сотрудничества». Только эта форма протеста покончит с рабством Индии и принесет победу над угнетателями, как он объявлял: «Эта победа может не прийти через день или год, но она должна прийти, даже если рухнет небо»⁸.

Мотилал опасался таких катаклизмов и пытался сдерживать Джавахарлала. Но Амритсар совершил революцию во взглядах Мотилала, и он тоже «почувствовал непреодолимый призыв следовать за махатмой»⁹. Более того, отец знал, что должен последовать за сыном или потерять его, отдав Ганди, к которому Джавахарлал часто обращался, называя «бапу» («вторым отцом»).

Поэтому в 1920 г. Мотилал соединил свою судьбу со свараджистами — сторонниками политики отказа от сотрудничества. Он был столпом закона и поддерживал кампанию гражданского неповиновения, которая привела к примерно тридцати тысячам арестов, сам пережил тюремное заключение. Его, утонченного седого высокопоставленного господина, даже видели на грязных улицах Аллахабада откашливающимся в кхаддар, домотканую материю.

Но Мотилал Неру не полностью отказался от роскоши. Его головной убор, подобный пилотке из грубой ткани, которую носил Ганди, шился из шелка в Лондоне. Он употреблял спиртное, когда хотел, и говорил махатме, что не станет «поддаваться пуританству, которое распространено в Конгрессе».

Мотилал потряс начальника тюрьмы «Йеравда» в Пуне, который привык кормить Ганди козьим молоком, несколькими финиками и время от времени апельсином, попросив «простое» меню, которое мог обеспечить только ресторан «Риц».

Тем временем Джавахарлал испытал новое откровение в сельской местности. Он учился обращаться к крестьянам и обнаружил глубину бедности, которая заставила его устыдиться своих излишеств. «Казалось, что передо мной раскрылась новая картина Индии, — писал он, — обнаженной, голодающей, раздавленной и совершенно несчастной»¹⁰. Он объяснял деградацию людей британским правлением и возглавил подстрекательство к новым забастовкам и протестам. Этот крестовый поход, как он сам его называл, захватил его и возбуждал.

В Конгрессе теперь состояло два миллиона человек. Джавахарлал был уверен, что партия сбрасывает ткань британского правления, и окунулся в блаженство («мокшу») мученичества. Когда Джавахарлал Неру оказался в тюрьме, то написал: «Тюрьма на самом деле стала для нас раем, святым местом паломничества, поскольку наш святой и любимый лидер был осужден»¹¹.

Служба под руководством махатмы Ганди удваивала честь борьбы за свободу Индии.

Поэтому Джавахарлал испытал горькое разочарование, когда Ганди отменил сатьяграху в начале 1922 г., поскольку это вело к кровопролитию. По крайней мере, такова была официальная причина, но на самом деле кампания сходилась на нет. Хотя она была успешной в некоторых регионах, особенно там, где стимулировалась местными проблемами и недовольством, но не смогла мобилизовать всю Индию.

Индостан был невероятно большим и разнообразным, его разрывали глубокие социальные и религиозные проблемы, наблюдался политический разлад, мертвым грузом лежало непробиваемое крестьянство. Поэтому субконтинент противился объединению. В частности, начал разрушаться союз, который Ганди заключил с мусульманами. Их беспокоила судьба исламских святых мест и их защитника-халифа.

Джинну освистали на одном Конгрессе за то, что назвал Ганди мистером, а не махатма.

Джинна выступал против альянса. Теперь его сторонники были встревожены украшениями изображений под мусульманским флагом Ганди, словно Кришны. Начались стычки между общинами или группами населения по национальному или религиозному вопросу. А когда Мустафа Кемаль упразднил халифат в 1924 г., мусульманам больше не требовалась помощь индусов.

Мусульманская лига в тот год собиралась отдельно от Конгресса и начала планировать федеральную Индию с провинциями, которыми могла бы управлять и где господствовала бы. В это же время Конгресс терял силы. Двоевластие сыграло свою роль, но не очень-то хорошо. В 1923 г. пять миллионов индусов выбрали

представителей в расширенные провинциальные советы и национальное Законодательное собрание. Власть этих органов была ограничена, они практически не могли работать в таких масштабах, чтобы, как сказал Субхас Бос, «заняться работой по строительству нации»¹². Но они подтачивали британский контроль по краям, давая индийским политикам ценные уроки — особенно, в искусстве ведения переговоров и обструкции.

Однако вопрос участия в конституционных органах разделил Конгресс. Ганди пошел своим путем, концентрируясь на защите неприкасаемых и кампании хади, «убежденный, что с помощью каждой нити, которую я вытягиваю, я плету судьбу Индии»¹³. Мотилал считал, что партия должна использовать Советы, и говорил Ганди, что вместо повторения программы бойкота скорее уйдет жить в хижину с соломенной крышей на берегу Ганга.

Джавахарлал выступил против отца. Он хотел принять тактику «Шин Фейн» относительно институтов господства. Желание его не исполнилось, возникли преграды, и он отправился в Европу с больной туберкулезом женой (которая умерла в 1936 г.) и их маленькой дочерью Индирой. В Европе он нашел новые причины для несогласия с консервативными старшими товарищами.

Как и многие другие лидеры националистов, Джавахарлал продолжал обучение в тюрьме. В мрачном квадратном бараке в тюрьме Лакхнау он жадно читал книги — например, закончил шесть из семи томов Гиббона. (Его литературный марафон раздражал британского полковника, отвечавшего за тюрьму, который сказал, что сам покончил с чтением в возрасте двенадцати лет, что, несомненно, ему помогло. Джавахарлал сардонически продолжил: «В уходе от проблемных мыслей»)¹⁴.

Теперь, в частности, во время посещения Брюссельского конгресса против колониального угнетения, Джавахарлал поглощал евангелие социализма. Он связался с ленинистами-интеллектуалами, которые считали: «Индийский пролетариат достаточно вырос, чтобы обладать классовым сознанием и вести массовую политическую борьбу против лакеев Британской империи»¹⁵.

Он сделал вывод, что западный капитализм, участвующий во все более яростном грабеже колоний, сам себе копает могилу. Мировая революция против имперской тирании уже готовится и ускоряется Советским Союзом. Джавахарлал даже предсказывал, что для спасения от уничтожения Великобритания станет государством-спутником США, помогая сформировать «мощный англо-саксонский блок для власти над миром»¹⁶.

Неру опасался большевистской России, не доверял британской Лейбористской партии, и никогда не был таким красным, как его обычно представляли. Он определенно проявил доверчивость

к сталинской чистке и судебным процессам. Джавахарлал был наивен, предполагая, что Советский Союз — это новая цивилизация.

Он принял коммунистические мантры и часто говорил, что религия — это опиум для народа. Но его меньше привлекал Карл Маркс, чем Кингси Мартин, ветреный и беспечный редактор лондонской газеты левого крыла «Нью стейтсмен». Кроме всего прочего, он был предан Ганди, чьи утопические планы по подъему масс пытался совместить с фабианскими планами государственного контроля над землей и промышленностью. Попытка включала долгую «умственную борьбу»¹⁷ и случающийся время от времени кризис лояльности, что чуть не привело его в отчаяние.

Хотя новый радикализм Джавахарлала не нравился махатме, а Мотилал его иногда проклинал, все трое объединились против Комиссии Саймона. Она была учреждена в конце 1927 г. для реформирования системы двоевластия. Пьянствующий консервативный госсекретарь лорд Биркенхед, который не мог слишком серьезно воспринимать индийских политиков и считал «немыслимым, что Индия когда-нибудь станет пригодна для самоуправления доминиона»¹⁸, хотел придумать конституционные рамки, которые сохраняют британское главенство. Это было и целью вице-короля Индии лорда Ирвина. Считая, что индийская психология «в равных частях состоит из тщеславия, комплекса неполноценности и страха перед ответственностью», он искал «какой-то фасад, который оставит суть механизма власти в наших руках»¹⁹.

Поэтому, по просьбе Ирвина, Биркенхед назначил Комиссию, в которую не входило ни одного индуса. Это гарантировало сэру Джону Саймону, хладнокровному и коварному юристу, который ее возглавил, тот же самый прием, с которым Милнер столкнулся в Египте. Его и «семерых карликов» встретили черными флагами и криками: «Саймон, убирайся вон!»²⁰ Казалось, крики звучали всю ночь перед гостиницей «Вестерн» в Дели, где разместилась Комиссия, но на самом-то деле это кричали шакалы, которые все еще рыскали по пустынным частям столицы.

Ирвин сравнивал ответ индусов с отказом ребенка съесть ужин, но он подал такое расистское блюдо, что мусульмане присоединились к индусам в презрении. «Джалианвала-Баг был физической бойней. Комиссия Саймона — этой бойней души»²¹.

Такого негодования не наблюдалось со времен Закона Илберта. Происходили яростные демонстрации, особенно — в Лахоре и Лакхнау. Там Джавахарлал пережил атаку полиции с длинными окованными железом бамбуковыми палками. Он отмечал: европейские сержанты были самыми жестокими из всех, на их лицах горела ненависть и жажда крови²². Но, по словам Ладжпата Рая, националис-

та, убитого во время беспорядков, каждый удар такой бамбуковой палкой был «гвоздем, вбитым в гроб Британской империи»²³.

Клемент Эттли, один из двух представителей Лейбористской партии в Комиссии, понял еще одну вещь о природе имперских отношений. Его «отличный носильщик» настаивал на том, чтобы его одевать, но Эттли сказал: «Я скорее запрещу не позволять мне заправлять собственную рубашку»²⁴. Никто в то время не мог представить, что этот скромный человек, которому было в чем проявлять скромность (как незабываемо заметил Черчилль), станет премьер-министром и даст Индии независимость.

Отчет Саймона, который рекомендовал дальнейшую передачу полномочий провинциям (что предпочитали мусульмане), но сохранение британской власти в центре, оказался не востребовавшимся письмом даже до своего появления. Им не воспользовались, потому что Ирвин пытался смягчить враждебность индусов, объявив в 1929 г. от имени нового лейбористского правительства, что естественный результат конституционного прогресса в Индии — это статус доминиона.

Конгресс разделился между теми, кого возглавлял Мотилал (они приняли это, как следующий шаг к свараджу), и теми, кого возглавлял Джавахарлал (эта фракция требовала полной национальной независимости). Ганди нашел компромисс и осадил младшего Неру, назвав его молодым хулиганом.

Вдохновленный социалистическим учением, Джавахарлал стал (как он сам признавал, со значительным преуменьшением) «немного автократом в своем поведении — и чуть-чуть диктатором». Он написал о себе ироничную, но анонимную статью в «Модерн ревью» и заявил: его тщеславие, распаленное людьми, которые называли его «драгоценным камнем Индии» и «воплощением жертвенности»²⁵, следует приструнить. «Нам не нужны никакие Цезари!»²⁶ Это состояние Джавахарлала суммировалось в строках Байрона, которые Неру перефразировал в тюрьме, говоря:

Но преданность — высокая судьба.

От скверны пусть очистит нас борьба...²⁷

Но безудержное честолюбие и эмоциональность Джавахарлала, которые выражались в припадках ярости, напоминающих припадки его отца, иногда заканчивались драками, а сдерживались духом самоотречения. Махатма это понимал и проследил, чтобы младший Неру последовал за отцом, заняв должность председателя Конгресса в 1929 г. «Он чист, как кристалл, правдив и верен, вне подозрений, — сказал Ганди. — Страна будет в безопасности в его руках»²⁸.

Страна разделилась из-за обещания вице-королем статуса доминиона, который, судя по одному британскому отчету, дал «моральное лидерство в индийское политике лорду Ирвину»²⁹.

В попытке сохранить свое положение, если обещание будет когда-то исполнено, представители мусульман, махараджей и других приняли приглашение посетить круглый стол в Лондоне. Конгресс его бойкотировал. Но Ганди требовалась более позитивная и драматическая стратегия и чтобы объединить свое движение, и чтобы бросить вызов Ирвину, чей престиж повысился после бомбовой атаки на его поезд под Дели.

«Патрицианский» вице-король ответил на взрыв со своим обычным хладнокровием. Он сказал другу, что у него «привит навык к таким вещам благодаря кофеварке «Куна», которая все время взрывается»³⁰.

Поэтому Ганди, который укорял Ирвина за то, что тот получал жалованье, в пять тысяч раз превышающее доход среднего индуса, выступал за возврат к мирной политике отказа от сотрудничества в целях получения свободы от иностранного правления. В Лахоре, где Конгресс принял эту политику, Джавахарлал объявил независимость от империи, которая «проходит процесс политического распада»³¹.

В полночь 31 декабря 1929 г. Неру возглавил большую толпу, которая подняла оранжево-бело-зеленый флаг свободы в Ладжпатнагаре. Затем, под порывами холодного ветра, который дул через реку Рави, он первым начал дикий танец вокруг флагштока под крики: «Да здравствует революция!»

Революция Неру, со всеми разговорами о неотделимых правах индийского народа, больше взяла от Джефферсона, чем от Ленина. Революция Ганди была антитезисом терроризма, а Нирад Чоудри определил ее, как «политическое бешенство»³². Она приняла форму мирного паломничества к морю, чтобы собрать соль и не платить налог на «единственную приправу бедных»³³. Это был марш, сравнимый с эпической одиссеей Рамы на Ланку и библейским путешествием Моисея в Ханаан.

В серой предрассветной дымке 12 марта 1930 г. Ганди отправился в путь из своего ашрама — скопления побеленных хижин среди рощи деревьев на песчаных берегах реки Сабармати, расположенного в пределах видимости хлопкопрядильной фабрики и ее дымовых труб в Ахмадабаде. Его целью стало удаленное и уединенное местечко на побережье, Дамди, располагавшееся в 240 милях к югу. Он был одет в дхоти (набедренную повязку) и держал в руке лакированный бамбуковый посох с железным наконечником. Махатму сопровождали семьдесят восемь учеников в одежде из кхаддара (домотканой хлопчатобумажной материи).

Вокруг них собралось «огромное море людей»³⁴, включая журналистов, бригады операторов и военный оркестр, который начал исполнять «Боже, храни короля!» перед тем, как стала понятна неуместность этой мелодии. Оркестранты смутились и быстро прекратили играть.

Некоторые люди взобрались на деревья, чтобы лучше видеть происходящее. Другие размахивали флагами и разбивали кокосы на удачу. Третьи (некоторые в слезах) обрызгивали дорогу перед махатмой водой и посыпали зелеными листьями. Ганди задал высокий темп в страшную жару, вскоре первые зрители остались позади. Но вдоль дороги выстроились еще тысячи, они осыпали участников марша цветами, монетами, купюрами и кумкумом (красным порошком, который означал почтение). В каждой деревне собирались новые толпы, чтобы поприветствовать Ганди с гирляндами, плакатами, дудками и барабанами. Так много людей пыталось стереть пыль с его ног, что их приходилось массировать с вазелином.

По вечерам, при мигающем свете керосиновых ламп, Ганди проповедовал о долге неподчинения сатанинскому правительству. Он убеждал жителей всей Индии, живущих в 700 000 деревень, покончить с «бесчеловечной монополией»³⁵ на соль (которую он сам, по иронии судьбы, уже много лет назад исключил из своего рациона).

Его ученики сами несли свои спальные принадлежности, ночевали по-походному в траве и ели почти столь же мало, как и их гуру. Они соблюдали строгий режим молитв, занимались специальной гимнастикой и ежедневно вели дневник. Несколько человек не смогли продолжать путь сами, их пришлось везти в повозках спряженными волами. Но Ганди в возрасте шестидесяти одного года, хотя и был старше всех, казался наполненным нечеловеческой энергией. После дня, в течение которого он пересекал прибрежную равнину, десять миль по грунтовым дорогам, рисовым полям, болотам и рекам, его иногда можно было увидеть пишущим письма при лунном свете в четыре часа утра. Один из корреспондентов, работающих в газете и хронометрирующих его продвижение вперед, заявлял: Ганди пребывал в опасном гиперактивном нервном состоянии³⁶.

5 апреля махатма добрался до Данди. «Никогда еще не было более уединенной сцены для драмы, чем маленькая, пытающаяся свести концы с концами деревенька, которая стояла на холмах над берегом и видела большие волны Аравийского моря, набегающие на него», — сообщала «Нью-Йорк таймс»³⁷.

На следующее утро Ганди вышел из своей хижины и пошел к прибрежной полосе по черному песку, засыпанному медузами. За ним наблюдала огромная толпа, среди которой было много

женщин в ярких сари малинового, розового и пурпурного цвета. Это были яркие пятна на фоне серых глинобитных хижин и сухого серовато-коричневого берега.

Ганди поднял горсть природной соли. Она символизировала противостояние британскому правлению. Рядом с ним поэтесса Сароджини Найду, первая женщина-председатель Конгресса, воскликнула: «Приветствую тебя, освободитель!»³⁸

Сами британцы попытались принизить роль всей кампании вслед за вице-королем, который отказался арестовывать махатму, поскольку решил, что марш окончится провалом. Лондонская «Таймс», редактором которой был друг Ирвина Джеффри Доусон, высмеивала выступление Ганди в Данди: «Это был фарс, который не удался и оказался неуместным» (мелодрама, лишенная важнейших членов труппы — полисменов).

В дальнейшем «Таймс» отнеслась с презрением и издевалась над «красноречием англизированных индусов» из прессы, выступавшей за махатму: «Это было бы очень забавно читать, если оно не было таким трагичным».

«Таймс» высмеивала председателя Конгресса и «марионетку Ганди» — Джавахарлала Неру: «Причудливый продукт довоенного Харроу и послевоенной Москвы, который предпринял жалкую попытку украсть для себя немного света прожекторов, производя собственную соль». Но даже самые верные и преданные журналисты признавали, что для крестьян Ганди был «больше, чем лидер. Он — легенда»³⁹.

Его сатьяграха возбуждала воображение индусов, которые считали соль подарком бога. Точно таким же зажигательным был призыв Ганди к каждой женщине схватить кусок незаконной соли и держать его, как она держала бы любимого ребенка, которого у нее пытаются вырвать злые люди. По всему Индостану миллионы индусов (и даже некоторые мусульмане) незаконно собирали соль, наслаждаясь ароматом неподчинения и вызова. Пакеты с контрабандной солью продавались открыто, а шепотка с куска, который взял сам Ганди, была продана на аукционе за 525 рупий.

В Бомбее, на арене проявления недовольства, группа сборщиков соли прошла вверх по лестнице Ворот Индии и распевала «Банде Матарам» («Здравствуй, Мать!», гимн Индостана) и другие националистические песни на набережной Аполло-Бундур. Их протест побудил группу молодых американцев в ближайшей гостинице надеть пилотки из грубой ткани, подобные той, что носил Ганди. И это выступление тоже вызвало волны беспокойства по всему полуострову — от яхт-клуба до плавательного клуба «Канди», где его участники защищались от посторонних вывеской «Собаки и индусы не допускаются»⁴⁰.

Правительство ответило на демонстрации яростно, произошла целая серия агрессивных действий. Мятежи в Калькутте и Карачи были подавлены стрельбой из винтовок. Войска гарвалов восстали после подобных беспорядков на северо-западной границе, которые в итоге подавили при помощи бомб, танков и пулеметов. Толпы забрасывали камнями полицию в Пуне. Террористы совершили набег на арсенал в Читтагонге. Ганди осудил насилие, которое сам невольно вызвал. На майдане в Бомбее группа белых бойскаутов стала свидетелем того, какой эффект производило его присутствие: «На удалении, с другой стороны участка, покрытого бурой травой, мы увидели большую толпу местных жителей в белых головных уборах Конгресса. Они слушали мужчину в очках, который стоял на коробке из-под мыла. Еще дальше стояли ряды индийских полицейских в сине-желтой форме, в плоских круглых фуражках. Они держали бамбуковые дубинки в руках. Конная английская полиция в белых пробковых шлемах несла дозор. Об их местоположении можно было судить по небольшим облакам белой пыли. Мы наблюдали молча, не понимая слов выступающего, криков и пения толпы. Внезапно ряды индийской полиции стали наступать, бамбуковые дубинки закружились, словно пропеллеры, проходящие сквозь морские водоросли. Вскоре послышались крики охваченной паникой толпы, поднялись облака пыли. Ужас происходящего леденил нам кровь. Конная полиция бросилась в атаку. Последовал хаос. Толпа разбилась на части, и орды восставших понеслись мимо нас»⁴¹.

В мае Ганди арестовали.

Это привело к новому всплеску гражданского неповиновения — в форме прекращения работы и торговли, забастовок, бойкотов и пикетов. Иногда возбуждение выходило из-под контроля — например, в Бомбее, где какое-то время правила толпа. Но часто власти не встречали никакого сопротивления. Когда участники марша под руководством Сароджини Найду приблизились к солеварням в Дхарасане, расположенном в 150 милях к северу от Бомбея, то даже не подняли руки, чтобы защититься от ударов полиции, которые градом сыпались на их головы, наносимые бамбуковыми палками, окованными железом⁴².

За одно утро один американский репортер насчитал двух мертвых и 320 раненых сатьяграхов, в то время как другой свидетель сказал, что к 10.30 утра почти семьсот человек получили ранения⁴³.

Борьба продолжалась на протяжении многих дней. Вице-король в письме королю-императору сообщил, что он «не мог читать без улыбки отчеты о нескольких сражениях» в Дхарасане, но заверил его: «Те, кто получили ранения, не могут сравниться с теми, кто

хотел все это прекратить, заработав почетную контузию или синяки».

У Ирвина было любопытное чувство юмора: он находил предположение о том, что афганцы живут в деревьях, «восхитительным»⁴⁴. Однако вице-король был добрым человеком (и зашел так далеко, что дал страдающему запором представителю Конгресса, мощному Валлабхе Пателю, собственную бутылку пива) и оценивал ограниченность сил.

К лету 1930 г. правительство объявило Конгресс вне закона. Оно отправило в тюрьмы свыше шестидесяти тысяч самых стойких националистов, среди них оказались оба Неру и несколько сотен женщин, чей выход из домов на улицы означал революцию.

Правительство очень быстро восстановило власть на улицах. Но Ганди завоевал сердца и умы. Ирвин признавал его моральную победу, понимал, что пострадал авторитет и власть британцев. Джавахарлал почувствовал, что Конгресс становится теневой властью. Это был режим ожидания. И сама Индия стала страной в ожидании.

* * *

Традиционная британская стратегия состояла в том, чтобы держать индийскую нацию в страхе и не давать ей ходу, подчеркивая разнообразие индийских народов. Консерваторы вроде лорда Биркенхеда и Уинстона Черчилля продолжали способствовать расколу на Индостане, чтобы продемонстрировать постоянную необходимость в благородном, великодушном, справедливом и беспристрастном Радже. Биркенхед публично преувеличивал, а частным образом приветствовал антагонизм сект и группировок, поскольку это означало, что «мы, и только мы одни можем играть роль авторов»⁴⁵. В дальнейшем Черчилль признавался, что рассматривал «индо-мусульманскую вражду, как защиту и оплот британского правления в Индии»⁴⁶.

Никто так не использовал расколы в Индии, как Черчилль. Он прилагал усилия, чтобы поставить под сомнение претензии Конгресса на выступление от имени нации. Этому помогала перспектива самой независимости. По мере того, как она стала маячить все сильнее и сильнее, различные сегменты индийского общества пытались все сильнее защитить свое положение в предстоящей демократии. В конце концов, как открыто признавал Джавахарлал Неру, демократия «означает обуздание и принуждение меньшинства большинством»⁴⁷. Поэтому шестисот князей, которые получили Консультативную палату в 1921 г., пытались сохранить свои феодальные привилегии. Доктор Б.Р.Амбедкар потребо-

вал отдельных избирательных округов для пятидесяти миллионов неприкасаемых, которых он представлял. Ганди отверг это требование на основании того, что подобное разрушит единство 250 миллионов индуистов Индии. Почти восемьдесят миллионов мусульман и пять миллионов сикхов уже получили зарезервированные за ними привилегии и право участвовать в голосовании. Но оба сообщества пытались получить другие преимущества. Так, Джинна попытался закрепить власть мусульман в провинциях и в будущем Парламенте. Он хотел треть мест плюс право вето на законы, вредящие исламским интересам. Когда Конгресс с презрением отверг его предложение, Джинна объявил о расхождении их путей и отправился в путь, который приведет в Пакистан.

Этот путь был отмечен всплеском насилия и враждой между группами населения по национальному и религиозному вопросу. Частично он стал реакцией на возрождение индуизма, частично — выражением мусульманской воинственности, а отчасти — ответом на местные провокации. Гонги звенели перед мечетями, ритуально приносились в «жертву» коровы, сталкивались религиозные процессии. Такой раздел фактически угрожал ниспровергнуть британское правление, которое, как надеялся Ирвин, завершится обустройством в Индии самого большого доминиона из всех.

Сам он просил объединенными усилиями остановить борьбу, чтобы «строить индийскую нацию». Хотя Ирвин был старомодным «тори», он соглашался с либералом Саймоном, что Индостан обладает «неотъемлемым единством в многообразии»⁴⁸. Если кто-то и воплощал это единство, так это был Ганди, чья духовная власть и влияние превосходило фракционные различия. Он один предлагал выход из индийского тупика.

Поэтому вице-король пытался умиротворить махатму, и безоговорочно, без каких-либо условий выпустил его из тюрьмы в конце января 1931 г. Тем временем Мотилал Неру умирал в характерном стиле. Поскольку его отношения со Всемогушим были сердечными, он ожидал переправиться через реку Вайтарани, индуистский Стикс, в «моторной лодке с мощным двигателем “Роллс-Ройс”»⁴⁹. Его последними словами, обращенными к Ганди, была фраза: «Меня не будет здесь, чтобы увидеть сварадж. Но я знаю, что ты победил, и вскоре все получишь»⁵⁰.

Как горько заметит Черчилль, вначале Ирвин пресмыкался перед Ганди, а потом (как лорд Галифакс) пресмыкался перед Гитлером. «Ирвин? — восклицал он в частной беседе. — Лорд ползающий и извивающийся будет лучшим именем»⁵¹.

Хотя Черчилль ошибался насчет Индии, он был частично прав насчет Ирвина. Вице-король был не только одним из миротворцев по природе, но и настолько оторванным от реальности человеком,

что в дальнейшем сравнивал махатму с фюрером (хотя Гитлер сказал ему, что управлять Индией — это значит первым делом застрелить Ганди, а потом — пачками — перебить его последователей). Аристократ Ирвин был оторван от этих людей социально, вообще обычно держался особняком, чему, например, способствовали физические параметры (его рост составлял шесть футов и пять дюймов).

Он совершенно не понимал ни Ганди, ни Гитлера. У них установилось взаимопонимание с Ганди, поскольку оба строго придерживались религиозных принципов. Один взял своего духовника в свадебное путешествие в медовый месяц, а второй утверждал, что половой акт без желания иметь детей — это преступление. Но во время их первой встречи Ирвин почувствовал, будто «разговаривает с человеком, который появился с другой планеты»⁵². Он ожидал уговорить Ганди, как уговорил бы тщеславную и капризную женщину. Вместо этого пришлось столкнуться с человеком, которого Неру сравнивал с Сократом, образцом нравственности и виртуозом диалектики.

Отдадим должное Ирвину: он продолжал попытки, несмотря на насмешки и сомнения, поступающие с родины. Конечно, Черчилль осудил его тошнотворные переговоры с полуголым «факиром», убежденный, что делать уступки Ганди — это все равно, что кормить кошачьим мясом тигра. Но король тоже выразил обеспокоенность тем, что «бунтующий факир», почти при полном отсутствии одежды, входит в красивый новый дом вице-короля. Но Ирвин пригласил Ганди для восьми встреч. 5 марта 1931 г. они подписали соглашение. Махатма должен был прекратить политику отказа от сотрудничества и посетить второй круглый стол. Вице-король собирался освободить не буйных заключенных, ослабить репрессии и позволить сбор соли в прибрежных районах.

Ирвина обвиняли в том, что он пьет чай, проводя политику государственной измены, но он предложил поднять тост за согласие, притом — этим напитком. Ганди достал шепотку незаконной соли из складок набедренной повязки и сказал, что опустит ее в свой чай, «чтобы напоминала нам о знаменитом бостонском чаепитии»⁵³.

Индийские радикалы, как и британские реакционеры, ругали пакт, считая его предательством. Джавахарлал Неру осудил постыдный компромисс, который снял давление с правительства. Однако он помог убедить Конгресс ратифицировать его из преданности Ганди. Это действительно стало еще одной нравственной победой махатмы. Его престиж никогда не был выше, поскольку, как сказал Черчилль, он на равных условиях заключил договор с представителем короля-императора.

Один из ранних биографов Ганди отмечал неотъемлемую иронию их столкновения. Первый официальный документ, который подписан в доме вице-короля Индии, символе британской власти, отметил «начало конца этой власти»⁵⁴.

Это было именно то, что вызвало такие страдания у Черчилля и его союзников из правого крыла. Они рассматривали Индию как суть империи, их преследовал призрак международного бессилия. Горе и муки лорда Ллойда были ощутимыми: «Видите ли, если мы потеряем Индию, то потеряем все — нашу честь, наше богатство, нашу стратегическую безопасность и наш престиж»⁵⁵. Сам Черчилль был еще более мрачен и пессимистичен. Он говорил о британской политике в отношении Индии, как об «ужасающем акте членовредительства»⁵⁶. Этот политик объявлял, что «ирвинизм заставил загнить душу партии “тори”»⁵⁷. Он хотел, чтобы консерваторы отождествляли себя с «величием Британии, как при лорде Солсбери и лорде Биконсфилде»⁵⁸, и подавляя «гандизм»⁵⁹. «На кон поставлено продолжение нашего существования, как великой державы. Потеря Индии будет означать и доведет до конца крах Британской империи. Этот великий организм одним ударом уйдет из жизни и истории. От такой катастрофы будет не оправиться»⁶⁰.

Черчилль заставил теневой кабинет задуматься над этим вопросом и расшевелил ряды «тори» многочисленными «возбуждающими выступления об империи»⁶¹. В Парламенте он вспомнил рассказ Гиббона о том, как сенатор Дидий Юлиан купил Римскую империю на аукционе, заплатив преторианской гвардии эквивалент 200 фунтов стерлингов за голову. Это дешево по сравнению с условиями, на которых Ганди получал Британскую империю.

Уинстон с сожалением говорил своей жене Клементине о том, что лидер консерваторов Стэнли Болдуин «считает, что времена зашли уже слишком далеко для любого мощного утверждения имперского величия»⁶².

Болдуин заявлял, что Черчилль вернулся к тому времени, когда был младшим гусарским офицером в 1896 г. По индийскому вопросу, как далее отмечал лидер «тори», он напоминал короля Георга III, «одаренного языком Эдмунда Бёрка»⁶³. Используя более современное сравнение, сэр Сэмюэль Гор, новый министр по делам Индии, считал, что Черчилль хотел править Индией, как Муссолини правил Северной Африкой. Биркенхед мог отмахнуться от чопорного и изнеженного Гора, как «последнего в ряду тетушек — старых дев»⁶⁴, но это было справедливое замечание.

В то время Черчилль восхищался дуче и разделял его устаревшую точку зрения на колониальные владения, считая их мерилем национального величия. Он открыто осуждал индийскую политику либеральных «тори» вроде Ирвина, Болдуина и Гора, как слабую и

пораженческую, правильно считая ее дальнейшим шагом (после Ирландии и Египта) в долгом отступлении империи. Они думали (не менее правильно), что прошел тот день, «когда собственнический инстинкт Уинстона можно было применять к империям и им подобному». Как писал Ирвин, «с этой концепцией империи покончено»⁶⁵.

С ней было покончено по разнообразным причинам. Индия менялась различными путями, которые Черчилль не мог понять. Он не был там с викторианской эпохи и не позволял красивой чистоте своей мысли запачкаться разговорами с «каким-либо чертовым индусом», включая Ганди. Беспрецедентный рост населения, с 306 миллионов в 1921 г. до 400 миллионов в 1947 г., увеличил социальное напряжение и снизил британский контроль, особенно — в густонаселенных городах субконтинента. К концу 1930-х гг. 15 процентов населения, по большей части мужчины, умели читать. Это давало им доступ к националистической пропаганде.

Великобритания все еще имела крупные финансовые интересы в Индии, что оказалось особенно ценным во время Великой депрессии. Столь ценным являлся приток золота с Индостана. Крестьяне продавали драгоценный металл, чтобы компенсировать низкие цены за собранный урожай — к радости министра финансов. Как Невилл Чемберлен писал своей сестре в феврале 1932 г., «поразительное золотое дно, которое мы обнаружили в индийских скрытых запасах, позволяет нам жить в роскоши»⁶⁶.

Однако в то время рвались экономические связи между двумя странами. Индийский бизнес развивался независимо от Великобритании, а капитаны коммерции давали все больше денег Конгрессу. Между войнами британцам стало ясно, что несмотря на колебания в получаемых преимуществах и понесенных расходах, Индия представляет собой «уменьшающиеся активы»⁶⁷. В частности, субконтинент производил свои товары из хлопка, а также импортировал дешевую ткань из Японии, и больше не представлял собой большого рынка для продукции Ланкашира.

Более того, Великобритания под угрозой ухода в отставку Исполнительного совета вице-короля, не могла даже не позволить Индии наложить защищающие пошлины на английский текстиль. Тем же самым образом Законодательное собрание Дели не позволило британцам использовать индийскую армию так, как они делали в прошлом. Лондону пришлось оплатить ее переоснащение перед Второй Мировой войной.

Более того, продвижение по службе индийских офицеров вызывало негодование с обеих сторон разделяющей по цвету черты. Один индус, обучавшийся в Сэндхёрсте, сказал: «Меня называли «черным» в офицерской столовой»⁶⁸.

Экспорт рабочей силы на основе кабальных договоров был запрещен в 1917 г., поэтому субконтинент более не представлял собой резервуар имперской рабочей силы. Он не был и богатым полем для занятости белых, поскольку административные посты во всей большей мере переходили к индусам. К 1940 г. они составляли большинство на индийской гражданской службе. Желающих из Соединенного Королевства отговаривали из-за страха перед грядущим концом правления. Наблюдалось ослабление хватки Британии в отношении своих ценных владений, и это нельзя отрицать. Неру использовал другой образ: чужеземное правительство был зубом, все еще крепко сидящим, но уже в сильной стадии загнивания.

Лорд Уиллингтон, который сменил Ирвина на посту вице-короля в апреле 1931 г., намеревался остановить загнивание. Он давно служил в Индии и верил в жесткое и сильное управление. Этот человек не собирался терпеть «всякую чушь» от националистов, обращался с ними при помощи «стремительного наступления бамбуковых палок» на улицах и порки завязанными узлами веревками в камерах⁶⁹.

Он отказывался вести переговоры с Ганди, считая, что святого в нем затмил торговец. Уиллингтон утверждал, что Ганди «сильно напоминает Макиавелли, он является самым большим и вечно торгующимся политическим пустозвоном и мошенником, которого я когда-либо встречал». Таким образом, когда махатма вернулся с пустыми руками со второго круглого стола в Лондоне, где его приветствовал Ист-Энд, хотя король Георг в Букингемском дворце гневно смотрел на его голые колени, Ганди снова арестовали. Были арестованы и восемьдесят тысяч его последователей и приверженцев: участники Конгресса, которые помогали ужасающе обедневшим жителям Объединенных Провинций сопротивляться поборам землевладельцев.

Уиллингтон не только ввел интернирование, но и более жесткую цензуру, удостоверения личности, большие штрафы, запрет на собрания, ограничения на передвижения (например, запрет на велосипеды) и даже постановления по одежде (были запрещены головные уборы, подобные пилотке, которую носил Ганди).

По словам Джавахарлала Неру, власти превратили Индостан в огромную тюрьму человеческого духа. Сам вице-король признавался, что «становится чем-то вроде индийского Муссолини»⁷⁰.

Новое национальное правительство Рамси Макдональда, которое дразнил легион Черчилля и была экономическая буря, поддерживало Уиллингтона. В конце концов, его методы оказались эффективными. Он прикрыл «несогласных». Ганди, который был более склонен перестроиться, чем выступать против и бросать

вызов британцам, вначале ограничил, а потом (в апреле 1934 г.) прекратил гражданское неповиновение.

Это разозлило Неру, который отмечал умение и склонность британцев подстраивать свои нравственные ценности под материальные интересы. Он хотел усилить сопротивление и угрожал порвать с махатмой, который подал в отставку из партии Конгресса (хотя продолжал в ней доминировать).

Так Уиллингтону удалось ослабить и разделить националистов. Однако он сам больше всего напоминал монарха из династии Бурбонов в последние дни старого режима. Это был серый и скучный человек, ленивый и надменный, но при этом учтивый, вкрадчивый, любезный и элегантный. Он любил грандиозные шоу и устраивал праздники, достойные Версаля. На одном из балов-маскарадов вице-король даже появился одетым Людовиком XVI в сопровождении жены, одетой Марией-Антуанеттой.

Уиллингтон с особым изяществом устраивал торжества в новом зале для торжеств с белыми мраморными стенами, красным полом из порфира и желтыми колоннами из яшмы. Его одежда была украшена золотой тесьмой, знаки отличия украшены бриллиантами, а шпага — драгоценными камнями. Всему этому соответствовали блестящие тиары, роскошный жемчуг и лиловые парчовые платья леди Уиллингтон. Она больше всего любила лиловый цвет и переоформила много комнат во дворце вице-короля — к отчаянию Лутьена, который называл это дурновкусием⁷¹, а также говорил, что она может приделать эркер к Парфенону.

Вице-королева даже заставила махараджу Патьялы прислать ей лиловую туалетную бумагу — но краска потекла.

Сочетая хвастовство с репрессиями, режим Уиллингтона вызвал яростную ненависть у националистов. Один из них говорил об этом, как о балах-маскарадах и черном терроре⁷².

Однако, как и обычно, британцы попытались смягчить принуждение примирением — в частности, при помощи Закона об управлении Индией от 1935 г. В соответствии с ним Бирма отделялась от Индии, а одиннадцати провинциям Индии предоставлялось самоуправление. Однако при чрезвычайных обстоятельствах губернаторы все равно могли свести на нет и подавить волю тридцати шести миллионов избирателей. В центре находились два всеобщих индийских Федеральных собрания, места в которых выделялись князьям, мусульманам, сикхам, неприкасаемым, женщинам и другим категориям граждан. Им предстояло контролировать все, за исключением финансов, обороны и международной политики.

На деле схема национальной федерации потерпела неудачу, поскольку князья, настроенные на сохранение привилегий, отказывались от участия. Но даже если бы она и сработала, вице-король

оставлял за собой последнее слово. Он мог налагать вето на законы, увольнять министров и отменять конституцию. Поэтому целью закона стало разделить, обойти и перехитрить индийский национализм, чтобы не стать этапом «медленного бесконечного отступления»⁷³ из владений.

По словам преемника Уиллингтона лорда Линлитгоу, документ был разработан, чтобы «привязать Индию к империи»⁷⁴. Однако крайние консерваторы в Великобритании считали его фатальной капитуляцией, а Черчилль дал ему знаменитое определение, объявив «ужасающим памятником притворству, построенным пигмеями»⁷⁵. Он молился, чтобы к разрушительным приветственным крикам в честь Закона об Индии «не примешался похоронный звон по Британской империи на Востоке»⁷⁶.

Многие британцы в Индии разделяли эту точку зрения, а наиболее ревностным ее сторонником являлся бывший личный секретарь Черчилля сэр Джеймс Григ, в то время — член Совета вице-короля, ответственный за финансовые вопросы. Он говорил, что независимость теперь неизбежна, а «если Англия хочет сохранить Индию, то это придется делать на острие меча. Это будет новое покорение, за которым последует самодержавие»⁷⁷.

Закон был непопулярен в Индии как раз потому, что, как казалось, он изобретает новые способы сохранения навсегда британского правления. Неру называл его хартией рабства. Он опасался, что британцы подрывают единство Индии путем укрепления меньшинства и реакционных интересов, и убеждал других участников Конгресса отказаться от участия в управлении. Но Ганди не соглашался, и Неру получил меньшее количество голосов.

Привлекательность власти, даже разделенной власти, оказалась чрезвычайно сильной. Сопротивляться ей было невозможно. Это же очень часто можно было сказать и о выгоде занимаемых должностей. Во время местных выборов 1937 г. Конгресс сразу же получил контроль над шестью провинциями, а еще над двумя — в течение пары лет. Но хотя Неру поддерживали победы на выборах, его беспокойство о национальном разделении оказалось оправданным. Джинна вернулся к драке и теперь утверждал: Конгресс представляет индуистский фашизм. Он отказался от своего монокла, символа белого сагиба. Лидер мусульман скинул костюмы с Савил-Роу (двести штук), шелковые галстуки (каждый день — новый) и пробковый шлем ради мусульманского шервани (длинного черного сюртука), шальвар (мешковатых штанов) и черного каракулевого головного убора из овчины.

Джинна поднял зеленый флаг с полумесяцем и звездой и собирал представителей своей религии лозунгом: «Ислам в опаснос-

ти!» Однако в частных беседах он с презрением ругал сектантское рвение, любил виски и бутерброды с ветчиной.

Это был высокий, очень худой человек с орлиным носом, выражался он ясно и понятно, отличался неумолимостью и безжалостностью. Лидер мусульман зловеще кашлял от пятидесяти выкуренных в день сигарет.

Он был в состоянии трезво оценить факты. Джинна заявил вице-королю, что если Британия «действительно собирается отказаться от контроля над этой страной, то вполне очевидно, что мусульмане должны пробуждаться к действию и быть готовыми к борьбе»⁷⁸. Те, кто приветствовал Джинну, как своего Каид-и-Азама (Великого Лидера), включили в лозунги удачно сделанный акроним «Пакистан». Он означал Пенджаб, Афганистан, Кашмир и Синд, а последние буквы являлись окончанием слова «Белуджистан», которое на языке урду означает «Земля Чистых». (Критики называли его «Джиннистан»).

Провинциальные правительства, которыми управляли местные политики из Конгресса, тоже разделялись, предпочитая индуистское большинство и восстанавливая против себя Мусульманскую Лигу. Некоторые из тех, кто впервые наслаждался властью, были совсем неконтролируемыми. В Бихаре власти подавили радикальное крестьянское движение. В других местах они даже быстрее британцев расстреливали бунтовщиков. Премьер Мадраса С.Раджагопалачари арестовал участников своей партии из левого крыла. На самом деле он оказался в большей степени «тори», чем британский губернатор, который жаловался, что Раджаджи, как его называли, хочет вернуться на две тысячи лет назад и «управлять Индией так, как ею управляли во время императора Ашоки»⁷⁹.

Однако сам Неру вынужден был согласиться: успешные представительства Конгресса приносили «струю свежего воздуха в помпезную, напыщенную и авторитарную атмосферу Индии». Даже самые бедные встали более прямо, тогда как при британском правлении «у них был загнанный вид тех, на кого идет охота, а из глаз струился страх»⁸⁰.

Более того, соперник Неру по Конгрессу Субхас Бос признавал: престиж партии «поднимается скачками и прыжками»⁸¹. Это можно сказать про членство, которое выросло с 473 000 человек в 1935 г. до 4,5 миллионов человек в 1939 г. Количество сторонников администрации вице-короля тем временем соответственно уменьшилось, а правительство в Лондоне было одновременно дискредитировано политикой умиротворения фашистских диктаторов, проводимой Невиллом Чемберленом. Ко времени начала войны в Европе Конгресс стал «альтернативным правлением»⁸².

Однако 3 сентября 1939 г. Линлитгоу обеспечил жесткое напоминание о британской власти, объявив, что Индия находится в состоянии войны с Германией. Вице-король не проконсультировался ни с кем из партийных лидеров и ни с какими провинциальными правительствами.

Рост Линлитгоу составлял шесть футов пять дюймов, у него было вытянутое лошадиное лицо, которое могло выглядеть «отчаянно непривлекательным»⁸³ на официальных мероприятиях. Он казался скучным, мрачным и недовольным. Из-за перенесенного в детстве полиомиелита вице-король страдал ригидностью затылка и кривошеей, а по натуре был упрямым, высокомерным и чопорным.

Ганди отличался большей гибкостью. Он изначально обеспечил моральную поддержку Британии и был тронут до слез перспективой бомбежки Вестминстерского аббатства. Неру, который заявлял, что фашизм и империализм — близнецы-братья, не выражал сочувствия. Он давно предупреждал, что политика умиротворения, проводившаяся Чемберленом, поддерживает и способствует «международному шантажу и гангстерству самого худшего типа»⁸⁴. Он же сказал, что его страна не поддержит войну за демократию, если только ее народ не получит право самому собой управлять. Абсурдно подчиненной Индии сражаться за свободу Польши. Рабы не станут проливать кровь за то, чтобы оставить свои цепи. Британии, как утверждал Неру, нельзя позволять толкать Индию в конфликт, в котором победа будет также плохой, как поражение.

Конечно, многие индусы внесли вклад в военные усилия. Все князья выступали за войну. Конгресс с ухмылкой говорил, что это самодержавие на стороне свободы.

Князья сменили украшенные бриллиантами сатиновые одежды на форму цвета хаки, украшенную красной тканью. Офицеры в целом сохраняли верность клятвам, и в армию военного времени удалось набрать 2,5 миллиона человек. Джинна занял сомнительную, имеющую двойной смысл позицию и использовал конфликт для продвижения интересов мусульман.

Даже Конгресс разделился. Раджагопалачари жаловался, что скрупулезные британцы ведут войну по правилам Верховного суда. Бос призывал к восстанию, заявляя, что «британские трудности — это возможность Индии»⁸⁵. Ганди выступал против всяческого насилия. Но в споре доминировал Неру. Его престиж усилился после семи тюремных сроков, и он считался преемником махатмы. Сам Тагор восхвалял «великолепный характер» Джава-

харлала, который давал ему «несомненное право на трон молодой Индии»⁸⁶.

Поэтому Неру, вдохновленный великодушием и щедростью по отношению к имперской Британии и враждебностью к нацистской Германии, лично обратился к Линлитгоу. Если вице-король заявит, что Индия сможет определять свою судьбу после войны, то Неру поможет мобилизовать все ее силы на стороне империи.

Линлитгоу, который считал немыслимым покидание Британией Индии «в какой-либо обозримый период времени»⁸⁷, мог только повторять туманные обещания о послевоенной конституционной реформе и статусе доминиона. Он был гордым, не отличался гибкостью и испытывал сильное отвращение к «бегу за Конгрессом»⁸⁸.

Неру был разозлен и разочарован и заклеил этого старомодного британского аристократа, как наименее эмоционального из всех людей. Вице-король был «тучен телом и медленно думал, оказался непробиваем, как скала, и, как у скалы, у него отсутствовала информированность и осведомленность»⁸⁹.

Это едва ли соответствовало вердикту Григга о вице-короле. Григг называл его человеком с «тщеславием Мессии», смягченным «лихорадочными провалами в депрессию и апатию»⁹⁰. Но Неру правдоподобно указывал Линлитгоу на отсутствие проницательности и дальновидности. Только такой слепой человек мог представить, что «современный мир империй, колоний и зависимых территорий переживет катастрофу войны»⁹¹.

Однако на какое-то время война усилила власть Британии. Это произошло из-за того, что члены Конгресса подали в отставку с правительственных постов в качестве протеста против непреклонности Линлитгоу. Многие не хотели оставлять свои должности — частично из-за вознаграждений, а отчасти из-за того, что провинциальные правительства продемонстрировали способность индусов управлять своей страной.

Однако к середине ноября 1939 г. британские губернаторы взяли власть во всех провинциях (кроме контролируемых мусульманами Бенгалии, Синда и Пенджаба). Джинна радовался. Он издал указ о праздновании Дня освобождения (22 декабря) — для празднования освобождения от «тирании, угнетения и несправедливости», которые понесли мусульмане под пятой Конгресса⁹².

Другие группы меньшинств, к примеру, неприкасаемые, радовались вместе с ними.

Неру был в ярости. Джинна считал его социалистом и атеистом, а Неру считал Джинну выразителем интересов феодальных землевладельцев и обскурантных мулл. Лидер Конгресса полагал, что Мусульманская лига жертвует индийским единством, кладя его

на алтарь сектантства и помощи британцам в игре «в ту же самую старую игру»⁹³ — разделяй и властвуй. Он отказывался признавать Лигу в качестве голоса всех мусульман, поскольку это означало бы отвержение и отречение от других мусульманских организаций, отказ и непризнание мусульман в его собственной партии и отказ Конгрессу в роли национального рупора.

Неру не мог оценить, что Лига, которая выступала против введения демократии в Индии, отражает истинные страхи и беспокойство о безопасности мусульманского сообщества. Еще меньше он принимал заявление Джинны о том, что мусульмане — это отдельная нация.

Это Джинна объявил на конференции Лиги, которая проводилась в Лахоре 22 марта 1940 г. Она проходила в огромном амфитатре Минто-парка, перед мечетью падишаха Аурангзеба и среди трогательных реликвий славы великих моголов — ворот Акбара в форте, мраморной гробницы Джихангира, трехсот фонтанов в садах шаха Джахана.

Делегаты поставили свои белые шатры по всему парку. В центре стоял огромный шатер (панда), в котором могло разместиться шестьдесят тысяч человек. Они входили сквозь арочный вход, украшенный различными флагами (в основном — зелеными). Еще сорок тысяч человек ждали снаружи — это были представители Педжаба, Синда, Бенгалии, а также патаны (пуштуны) и белуджи.

Джинна оделся в местный наряд — черный ачкан (кафтан) и свободные брюки, напоминающие пижамные. По бокам от него постоянно находились телохранители в форме зеленого цвета и цвета хаки.

Он говорил сто минут. Хотя громкоговорители усиливали его голос, лишь немногие могли понять, что говорил лидер, поскольку по большей части это была речь на английском языке, а не урду (так он поступил ради прессы). Но даже и при этом аудитория была загипнотизирована его личностью и возбуждена исполнением, поэтому поняла послание.

Джинна объявил, что Индия — это искусственный союз, который поддерживается британскими штыками. То, что ее в корне отличные народы могут вместе находиться под одним ярмом в одном государстве — просто мечта. Он не упоминал Пакистан, а о требованиях говорил туманно, но заявил: когда владению придет конец, Индостан разделится на «автономные национальные государства»⁹⁴.

Джинна плюнул на могилу старого идеала — Индии в образе прекрасной женщины, отчасти индуистки, а отчасти — мусульманки.

Многие мусульмане осуждали атаку Джинны на единство Индии. Индуисты называли его марионеткой вице-короля и заодно

проклинали махараджей, называя их британской «пятой колонной» в Индии.

Но Джинна теперь сделал невозможным выступление Конгресса в роли единственного представителя индийского национализма. Участники Конгресса не могли претендовать и на ведение прямой борьбы с Британской империей. Победы Гитлера в Европе и приход Черчилля к власти в Лондоне усилили их трудности. Неру и его коллеги разрывались между ненавистью к свастике и враждебностью к «Юнион Джеку».

Лео Эмери, новый министр по делам Индии в правительстве Черчилля, воспитанный в «детском саду Милнера», хотел использовать их антифашизм, чтобы добиться больших успехов в войне. Он был маленького роста, многословным, подвижным, энергичным и задорным. Этот человек давил на очень высокого, лаконичного и сонного вице-короля, которого наконец-то оживил немецкий блицкриг, чтобы можно было сделать попытку примирения с Индией. Но в то время, когда это формулировалось, вмешался премьер-министр. Черчилль не изменил своих взглядов на Индию с 1935 года... или 1896 года. Он все еще считал, что это владение делает Великобританию великой державой, и хотел, чтобы «империя сохранялась еще на несколько поколений во всей своей мощи и великолепии»⁹⁵.

Однако его все еще преследовали опасения Гиббона о том, что «берега Истории завалены обломками империй»⁹⁶. Как Первый лорд Адмиралтейства, в 1939 г. он продемонстрировал яростную «целеустремленность для поддержки и удержания самого сильного и ярого британского империализма»⁹⁷. В начале своего премьерства Черчилль сделал знаменитое заявление о том, что цель Великобритании — победа, потому что без победы «не выживет Британская империя»⁹⁸.

Теперь, летом 1940 г., Черчилль столь же яростно говорил о сохранении Индии, как и об обороне метрополии. Он проклинал предлагаемые уступки и заявил Эмери, что «он скорее сразу же откажется от своей политической жизни или отправится в дикую местность и станет сражаться, чем допустит революцию, которая означает конец имперской короны в Индии»⁹⁹.

Эмери сделал вывод, что «Индия или любая форма самоуправления для цветных народов пробуждает в нем совершенно неконтролируемый комплекс»¹⁰⁰. Премьер-министр не контролировал содержание так называемого Августовского предложения Линлитгоу. В нем индусам предлагалось составить собственную конституцию после войны при соблюдении различных условий, включая возможное вето меньшинства — мусульман и махараджей. Также предлагалось назначать несколько представителей-индусов

в Исполнительный совет вице-короля. (Под этим Черчилль определенно имел в виду несколько непредставительных индусов). Неру разгромил это предложение, целью которого являлось продолжение владения путем отказа Индии в демократии. Он писал, что это сигнал о расхождении путей и «конец любой надежды на то, что мы когда-нибудь пойдем вместе»¹⁰¹.

Однако ни одна сторона не хотела выступать против другой. Ганди отказался санкционировать массовую кампанию гражданского неповиновения, говоря, что она недолго останется гражданской, хотя разрешил индивидуально проводить политику отказа от сотрудничества. Пока миллионы индусов делали вклад в ведение войны, а многие из них на этом разбогатели, такие акты демонстративного неповиновения казались просто уколами, и Эмери не позволял Линлитгоу привести в исполнение план «полного уничтожения»¹⁰² Конгресса.

Но вице-король ответил жестко, и к 1941 г. полиция арестовала примерно 26 000 сопротивленцев. Среди них был и Неру, который заявил суду: процесс перед всем миром идет над Британской империей, а не им. Его приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Несмотря на обращение Черчилля, Линлитгоу проследил, чтобы к Неру относились, как к обычному преступнику. До его досрочного освобождения в декабре 1941 г. (на сей раз Черчилль выступал против и заявил, что это будет фатальным для империи) он перенес много мелких придинок. Как Неру писал своей дочери Индире, он отступил на «мощную линию Мажино» своей раковины — читал, писал, мечтал и занимался йогой. Он жил «в своем разуме»¹⁰³ и стоял на голове.

Политическая ситуация оказалась столь же статичной. Бос бежал, чтобы поднять штандарт восстания в Германии, но нацисты еще не знали, что с ним делать. Ганди переживал кризис веры, пытался защищать пацифизм во время войны против фашизма. Конгресс утратил движущую силу и все еще оставался в тупиковой ситуации с Мусульманской лигой. Линлитгоу всегда предпочитал подождать и ничего не делать, хотя включил больше индусов в свой Исполнительный совет. Статус-кво устраивало и Черчилля, но не подходило человеку, на которого Черчилль смотрел, как на вероятного спасителя Британии — Франклина Д. Рузвельту. Президент являлся либералом в стиле Вильсона, он выступал за предоставление свободы колониям, в том числе и Филиппинам.

Когда два лидера встретились в первый раз, в местечке Плацентия-Бей в Ньюфаундленде (это произошло в августе 1941 г.), между ними начались разногласия по этому важному вопросу. Черчилль побагровел и разъярился, когда Рузвельт сказал, ссы-

лаясь на Индию: «Я не могу поверить, что мы ведем войну против фашистского рабства и в то же самое время не работаем ради освобождения народов по всему миру от отсталой колониальной политики»¹⁰⁴. Премьер-министр посчитал «очень большой наглостью» попытку американцев «наставлять нас, будто школьная учительница, в том, как правильно себя вести»¹⁰⁵ по отношению к империи. Но он не позволил этой проблеме омрачить дружбу с президентом, который решил относиться к Черчиллю по вопросу индусов так, как относился к сенаторам из южных штатов по вопросу чернокожих.

Они приняли Атлантическую хартию. Это было громкое подтверждение англо-американских принципов, которые включали обязательство «уважать права всех народов выбирать форму правления, при которой они живут»¹⁰⁶.

Однако по возвращении в Англию Черчилль заявил Палате общин, что обещание самоопределения в Хартии не относится к империи. В дальнейшем, чтобы опровергнуть рассказы о том, что его «реакционный, типичный для Старого Света взгляд» расстроил Рузвельта, Черчилль заявлял: «Хартия составлена моими словами»¹⁰⁷. Но Рузвельт отредактировал проект Черчилля и хотел универсальную Хартию. Президент, который считал британцев приличными, соблюдающими закон и любящими свободу людьми, в частных беседах яростно ругал их правительство. Оно проводило «мировую тиранию, осложненную империализмом, колониализмом и властной политикой, которая нарушает всю политическую мораль, в частности, отрицает элементарные права всех народов на независимость, утвержденные США»¹⁰⁸.

Индийские националисты пришли в ярость из-за выхолащивания Черчиллем Хартии и выступали еще более злобно и оскорбительно. Неру, который переписывался с Рузвельтом и надеялся на его поддержку, сказал, что Америка почти в одиночестве «держала зажженным факел демократии и свободы»¹⁰⁹.

Америка оказалась напрямую связанной с Азией после бомбежки Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Как подчеркнул Рузвельт, этот акт был проведен Японской империей¹¹⁰. Она наступала с невероятной скоростью, разрывая огромные дыры в тонкой ткани западных империй на Востоке. Британцев, все еще склонных отмахиваться от своих восточных противников, как от «кули в форме»¹¹¹, везде заставляли врасплох. Уверенность и престиж белых стремительно падали с каждым поражением. Японцы высадились в Борнео. Они захватили Гонконг. Они буйствовали в Малайе. 15 февраля 1942 г. генерал Ямашита добился капитуляции Сингапура. Последовало покорение Бирмы вместе с атаками на города — от Калькутты и Коломбо до Дарвина.

По мере расширения владений японцев в Азии и вторжения Германии на Кавказ, казалось, что челюсти держав «Оси» нацелены зажать Индию. Поэтому от Америки до Китая влиятельные голоса убеждали Черчилля предоставить Индостану свободу и демократию в такой мере, которая позволит объединить людей для борьбы за эти идеалы в мировом конфликте. Сам Рузвельт во время своего первого выступления об Индии сказал: Атлантическая хартия относится ко всему миру. Члены правительства Черчилля из Лейбористской партии, Клемент Эттли и Эрнст Бевин, заявляли, что «грубый империализм»¹¹² Линлитгоу мешает участию Индии в войне.

Черчилль пытался не сдавать позиций и оставаться до конца верным своим убеждениям. Как Эмери сказал королю Георгу VI, Уинстон «ненавидел мысль о том, чтобы отказаться от всех своих глубоко вьевшихся предрассудков, просто чтобы обеспечить большую поддержку американцев, китайцев и левого крыла. Он переживал все противоречивые эмоции добродетельной девушки, впервые продающей себя за действительно потребовавшиеся наличные»¹¹³.

Но под давлением премьер-министр неохотно согласился на объявление о том, что после войны выборный орган составит новую конституцию для всей Индии (отдельные провинции смогут отказаться от участия). За этим последует «полный переход ответственности из британских в индийские руки»¹¹⁴. Если на это будет получено согласие, вице-король сразу пригласит лидеров главных групп индусов для присоединения к советам, решающим судьбу страны. Черчилль едко написал Макензи Кингу в Оттаву: «Мы смирились с тем, чтобы всеми силами защищать Индию, чтобы в ней сохранялся порядок, а если преуспеем в этом — чтобы нас изгнали»¹¹⁵.

На самом деле Эттли хотел, чтобы Индостан стал доминионом, подобно Канаде. Он надеялся, что сэр Стаффорд Криппс, которого отправили в Дели в марте 1942 г. убедить националистов принять декларацию, станет индийским лордом Даремом.

Криппс, который только что вошел в военный кабинет после посольской работы в Москве, казался идеальным выбором. Он вместе с Неру увлекался коммунизмом в 1930-е гг., был с ним в хороших отношениях. Как барристер, он соответствовал Джинне в красноречии и умении блестяще подать себя.

Криппс был трезвенником, вегетарианцем, носил очки в металлической оправе и имел привычку поджимать губы. Он казался чудачком, человеком с пунктиками, который мог посоревноваться с Ганди — например, поддерживал нудизм, сам вязал наушники для защиты от холода.

Однако Криппсу удалось настроить против себя и британцев, и индусов. Один депутат Парламента, «Чипс» Чаннон, считал его «современным Савонаролой» и говорил: воздух холодеет, когда он проходит мимо, «я почувствовал, словно вдохнул мрачной и зловонной атмосферы из гробницы»¹¹⁶.

Пуританство Криппса раздражало Черчилля. «Он представлял собой все добродетели, которые мне не нравятся, в нем не имелось ничего из пороков, которыми я восхищаюсь», — сказал премьер-министр¹¹⁷. Он же называл его «сэр Стиффорд Краппс» (На английском это звучит похоже на «сэр Высокомерная Чушь»)¹¹⁸.

Ему не верил вице-король, он говорил, что Криппс «ведет себя бесчестно, когда сталкивается с противниками»¹¹⁹. По словам Неру, Саффорд Криппс ничего не знал об Индии, но чем больше информации он получал, тем сильнее путался. На самом деле, несмотря на мастерство юриста и искушенность в судебных делах, Криппс был легкомысленным и ветреным человеком, однако имел золотое сердце. Он был странно наивным и туповатым, считал безукоризненно убранные постели высшим достижением ума и, как говорили, наиболее требовательных просителей принимал только по предварительной записи. В частности, Криппс не понимал атавистическую враждебность Черчилля и Линлитгоу, не желавших передавать значительную власть индийским националистам даже для того, чтобы получить их помощь в войне. Однако вице-король предупреждал Криппса, чтобы тот «не воровал сыр его превосходительства, чтобы положить приманку в свою ловушку»¹²⁰.

Он близко подошел к тому, чтобы сделать как раз это. Криппс растянул дело до краев, предложив Конгрессу индийский Исполнительный совет, который приближался к правящему кабинету. Прошли сложные переговоры, на которых обсуждалось, может ли индус занимать должность министра обороны. После вмешательства посланника Рузвельта полковника Луи Джонстона они вполне могли бы привести к успеху. Но Черчилль обуздал Криппса, и Конгресс отверг британскую декларацию, поскольку она не обеспечивала свободы и объединения Индии.

Ганди протестовал из-за уродования Индостана и отказывался принимать «просроченный чек» (как добавил один журналист) «подкачавшего банка»¹²¹. Однако исключительно важный факт состоял в том, что Криппс подписал этот самый чек, и он должен был быть оплачен после ухода Черчилля. Поэтому независимость стала неизбежной.

Однако какое-то время Криппс не мог предложить Индии достаточно для ее удовлетворения. Поэтому, после взаимных уколов

в спину его миссия провалилась. Эхом повторяя заголовок одной газеты, Линлитгоу заметил: «До свидания, мистер Криппс»¹²².

Эмери говорил, что если бы Конгрессу предложили луну, то он бы ее отверг из-за неровностей на поверхности. Черчилль праздновал разгром, танцуя в кабинете и приговаривая: «Никакого чая с государственной изменой, никаких сделок с американской или британской лейбористской сентиментальностью, а назад к серьезному и возбуждающему военному делу»¹²³.

Рузвельт предпринял запоздалую попытку спасти инициативу, протестуя из-за отказа британцев дать «индусам право на самоопределение». Это привело в ярость Черчилля. По словам посланника президента Гарри Гопкинса, его «поток проклятий длился два часа в середине ночи»¹²⁴.

Более официально премьер-министр предупредил президента, что независимая Индия договорится с японцами и станет угрожать Ближнему Востоку. После того, как генерал Александер отступил из Мандалея, а генерал Роммель захватил Тобрук, это предостережение стало более убедительным. Ганди усилил его, объявив: Индия ничего не имеет против Японии, они не ссорились.

Общественное мнение в США повернулось против партии Конгресса. Американцев особенно возмущали атаки махатмы на расизм на юге, где линчевали чернокожих, индийских офицеров не пускали в рестораны, а на гостиницах висели вывески: «Собаки и евреи не допускаются»¹²⁵.

Трансатлантическое изменение отношений разрушило надежды Неру на прицепление «индийского вагона к американской, а не к британской звезде»¹²⁶. Вместо этого после яростных дебатов Конгресс начал новую массовую кампанию неповиновения. Она была суммирована в лозунге Ганди, который звучал везде: «Бхарат чоро!» («Уходите из Индии!»)

Правительство хорошо подготовилось и 9 августа 1942 г. арестовало лидеров, поместив Неру в заключение до 15 июня 1945 г. Несмотря на обезглавливание Конгресса, его участники пытались нарушить управление, сорвать работу администрации и помешать работе на войну. Они пошли еще дальше, используя не только забастовки и прекращение работы и торговли. К их усилиям часто присоединялись вооруженные бандиты и гундасы (хулиганы). Протестующие устраивали саботаж на железных дорогах, перерезали телеграфные провода, атаковали полицейские участки, почтовые отделения и правительственные учреждения. Крупные беспорядки сотрясли Бомбей, Калькутту и Мадрас. Бенгалия, Бихар и центральные провинции стали свидетелями бунтов, которые оказались хуже, чем те, что происходили в Пенджабе во время бойни в Амритсаре.

17. Офицеры и солдаты-сикхи, 1858 г.

Внушительные союзники британцев, сикхи, сыграли важную роль в подавлении восстания сипаев в 1857 г. Они подтвердили необходимость правления Индией по принципу «разделяй и властвуй».

18. Лакхнау после восстания сипаев

Чаттар Манзил (дворцы с зонтиками) в Лакхнау были разрушены после долгой и кровавой осады. В дальнейшем город реконструировали, чтобы сделать его более пригодным для обороны.

19. Британский лагерь в Афганистане

Британские войска предпринимали спорадические и дорогостоящие попытки закрепиться на северо-западной границе Индии. Но яростное сопротивление афганцев заставляло их постоянно обороняться.

20. Афганские стрелки на Хайберском перевале

Афганские снайперы убили очень много людей, устраивая засады на границе. Как писал Киплинг, «две тысячи фунтов стерлингов, затраченные на образование, падают под пулей из мушкета стоимостью в десять рупий».

21. Ирландские крестьяне в 1880-е гг.

Несмотря на ужасающую бедность, основное недовольство в Ирландии носило политический характер. Как сказал Иейтс, ее народ жил в надежде изгнать английских чужаков из своих домов.

22. Разрушения после восстания

Разрушение Главпочтамта Дублина означало конец Пасхального восстания. Но казнь его руководителей дала новую жизнь движению за независимость Ирландии.

23. Колосс Родс

Эта карикатура не преувеличивает грандиозных амбиций Сесиля Родса. Он стремился к тому, чтобы стать современным Цезарем, желая, чтобы империя, в которой говорят на английском языке, господствовала на Земле.

24. После битвы, 1879 г.

Как и в случае других побед «дикарей» над «цивилизованными людьми», битва при Исандлване стала угрозой «главенству нашей расы — нет, самому нашему существованию» (так писала «Таймс»).

25. Золотоискатели в Де-Каапе, Южная Африка

Обнаружение больших золотых запасов в 1886 г. изменило равновесие сил в Южной Африке в сторону Трансвааля. Британцы сражались с бурами — в первую очередь, за власть.

26. Бурь в Спион-Коп, 1900 г.

Как сказал Конан Дойл, бургеры-кальвинисты «вышли из семнадцатого века, если не считать их стрелковое оружие». Они нанесли унижительное поражение силам империи.

27. Обед во время осады Ледисмита

Несмотря на голод и трудности, гарнизон Ледисмита сдерживал натиск буров. Его командир сэр Джордж Уайт сказал: «Я благодарю Бога за то, что наш флаг продолжал развиваться».

28. Бухта у Галлиполи, где высадились солдаты из АНЗАК в 1915 г.

Длина плацдарма, где стояли солдаты из АНЗАК, располагавшегося к северу от участка, получившего название Дьявольский Плевок, составляла всего 600 ярдов. Он постоянно находился под огнем. Чарльз Бин говорил о блиндажах на Галлиполи, как о смеси пещер и могил.

29. Индийский военный госпиталь, Брайтон

Павильон в Брайтоне стал хорошим госпиталем для индийских солдат, хотя медсестры туда не допускались. Получившие почетные ранения сипаи не хотели, чтобы их отправляли назад в траншеи.

30. Японцы идут на Рангун, 1942 г.

Многие бирманцы смотрели на японских завоевателей, как на освободителей. Хотя азиатское правление оказалось более жестоким, чем западное, победы японцев положили конец Британской империи на Востоке.

31. Нигерийский сержант в Бирме, 1944 г.

Африканские солдаты яростно сражались в Бирме. Японские войска считали их каннибалами и брали в плен очень мало чернокожих. У японцев считалось необходимым похоронить хотя бы по одному пальцу мертвых товарищей.

32. Торговля идет вслед за флагом

Коммерция была в барабан воинствующего империализма, чтобы продать свою продукцию. Но некоторые британцы (к ярости Киплинга) насмехались над солдатами, «что охраняют вас, пока вы спите».

Войска и самолеты помогали полиции их остановить. Несколько тысяч человек были убиты и ранены. Более того, несмотря на искренние попытки ввести в действие на практике либеральные принципы, которые проводились с 1919 г., время от времени случались зверства, напоминая 1857 г. В центральных провинциях один чиновник, занимавший высокий пост, «хвастался в клубе вечером, что очень хорошо повеселился, лично пристрелив двадцать четыре ниггера»¹²⁷.

Шестьдесят тысяч индусов оказались в тюрьме. К осени власти установили мир, используя множество орудий для его удержания. Среди использовавшихся средств были публичные порки, сжигание деревень и жестокая цензура, которая привела к обычному урожаю абсурдностей. Книги авторов из Всеиндийской ассоциации прогрессивных писателей были запрещены, а «Майн Кампф» Гитлера находилась в свободной продаже.

Линлитгоу не колебался перед проведением репрессий, поскольку считал, что это самый серьезный мятеж после восстания сипаев.

Конгресс не смог убрать британцев. Более того, заключение в тюрьму его руководства оставило вакуум власти, который заполнили Коммунистическая партия и конкурирующие индийские организации. Мусульманская лига тоже в полной мере воспользовалась преимуществами.

Но, несмотря на проблемы у Конгресса, индийский вопрос продолжал мучить Черчилля. Размышляя над важным колебанием общественного мнения в Британии, недавно ставшая либеральной «Таймс» утверждала: политическое урегулирование может в десять раз усилить участие Индии в войне. Американцы настаивали, что не сражаются за сохранение британского владычества, а Рузвельт фактически подтвердил мнение своего противника-республиканца Уэнделла Уиллки, что цель войны — покончить с имперской властью.

Черчилль кипел, но не показывал это на публике. Иногда он «приходил в ярость из-за всего унижения, связанного с пинком из Индии самыми мерзкими людьми в мире после немцев»¹²⁸. Однако на публике, после улучшения настроения от победы Монтомери в Эль-Аламейне, премьер сделал знаменитое заявление: «Мы намерены удержать то, что принадлежит нам. Я не стал первым министром короля для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи»¹²⁹.

Это шокировало людей с другой стороны Атлантики, где анализ общественного мнения показал, что 62 процента американцев выступают за независимость Индии (как и 77 процентов британцев, если можно верить опросу Гэллапа в ноябре 1939 г.)

Непреклонность Черчилля разбила надежды на то, что США смогут установить новый мировой порядок после суровых испытаний конфликта. Как писал журнал «Форчун», «Америка обязана дать миру замену Pax Britannica («Британского Мира», который умер»¹³⁰. Что бы ни принес мир, война усилила американский антагонизм к британскому владычеству, особенно по мере того, как все больше солдат и журналистов сами его видели. Например, Эрик Севарейд сообщал, что нравственно больная атмосфера Дели «походила на то, что я испытал в нацистской Германии после еврейского погрома». Он с пренебрежением относился к «второсортным» британским чиновникам и осуждал дом наместника короля, символ моши, «маячащий над убогостью». Журналист сделал вывод, что «никакой компромисс в рамках империализма никогда не сможет поставить эту страну на дорогу к процветанию»¹³¹.

Но сам Черчилль не желал компромисса. В ноябре 1943 г. он заявил на Тегеранской конференции, что Британия будет сопротивляться силой любым потерям колониальной территории после войны, хотя может через какое-то время добровольно отдать куски своей империи. Это напоминало его позицию на протяжении всей войны. «Руки прочь от Британской империи!» — вот наш девиз. И он не должен ослабнуть или быть запятнан в угоду сентиментальным купцам на родине или иностранцам всех мастей»¹³².

Эта звонкая декларация была частью личных набросков, отправленных министру иностранных дел. Но Черчилль написал длинную речь, в которой предлагал оправдать имперскую политику для Палаты общин. В ней он признавал: «Было время жестокой и наглой эксплуатации колоний и завоеваний. Но широкие, светящиеся, освобождающие и либерализующие потоки викторианской эры омывали эту сцену. Эксплуатация более слабых и менее вооруженных народов стала гнусной и отвратительной, как и идея покорения рас».

По крайней мере, восемьдесят лет Британия служила Индии, как считал Черчилль, неся мир, торговлю и прогресс. «Наше руководство и наша миссия может закончиться. Но для Индии это вполне может стать веком Антонинов». [Антонины — династия римских императоров в 92—192 гг., при них окончательно оформилась монархическая власть. — *Прим. перев.*]¹³³ Это была восхитительная эпоха, классически описанная Гиббоном. Тогда императоры убеждали человечество, что римская власть «приводится в движение только любовью к порядку и справедливости»¹³⁴.

Однако Черчилль не произнес эту речь. Возможно, он сомневался, является ли исторический намек разумным или логичным, или опасался, что вызовет в воображении предзнаменование распада

и краха империи. Наверняка премьер осознавал опасность начала споров в Палате общин, если поднять важный вопрос об Индостане¹³⁵. К концу 1942 г. на горизонте встал большой вопрос, который националисты могли правдоподобно представить как ужасающее «завершение британского правления в Индии». Проблема, «созданный человеком голод»¹³⁶, мучила Бенгалию больше года. Голод был гораздо хуже, чем что-либо, пережитое после 1770-х гг., как писал один чиновник индийской гражданской службы Филипп Мейсон. Он сказал, что душераздирающие сцены, свидетелем которых Мейсон был в городах, являлись «позором и укором людям с английской кровью»¹³⁷.

Природные катаклизмы привели к нехватке продуктов в Индии. Но голод в Бенгалии создала алчность. Неудачные муссонные сезоны и плохие урожаи подняли цену на зерно. Импорт риса из Бирмы прекратился, его сменил поток беженцев. Хотя многие индусы процветали во время войны, инфляция поглотила жалкие средства бедных — трети населения, которая всегда находилась на грани голода.

Однако провинциальная администрация была безнадежно неподготовлена к катастрофе. Британский губернатор оказался близорук и отживал свой век. Министры в Бенгалии были коррумпированы и неспособны к действиям. Вместо того чтобы самим запастись продукты питания, власти советовали людям держать запасы на два месяца. Это способствовало затовариванию, росту цен, создало «психоз недостатка»¹³⁸.

Власти очень медленно ввели нормирование, чтобы предотвратить спекуляцию и обеспечить нуждающиеся районы теми продуктами, которые получили и которые хранились под непромокаемым брезентом в ботаническом саду Калькутты.

На самом деле, они даже мешали распределению провизии. Поддавшись панике, власти уничтожили примерно пятьдесят тысяч судов прибрежного плавания и малого каботажного в дельте Ганга, чтобы они не достались японцам и их союзникам.

Союзником являлась Индийская национальная армия в количестве 25 000 человек, нанятых из сипаев, захваченных в Сингапуре. Командовал ею Субхас Чандра Бос. Казалось, он представляет реальную угрозу. Этот политик носил форму и очки, стремился стать фюрером Индии, взял эмблему Типу Султана и девиз восставших 1857 г.: «Дели чало!» («Вперед, к Дели!»)

Тем временем легион отчаявшихся людей шел на дрожащих ногах к Калькутте. В этом городе и в провинциальных городах была доступна хоть какая-то помощь, но она никак не могла удовлетворить потребности голодных масс. Поэтому изможденные мужчины в лохмотьях рылись в помойках и сточных канавах, полных

грязи, пытаясь найти хоть что-нибудь. Они падали в дверных проемах прекративших работу магазинов и офисов. Женщины, напоминая скелеты, прижимали к груди детей — одну кожу и кости. Они кричали на мостовых Чауринги и платформах Хоураха, требуя милостыни. Бездомные и беспризорные дети сражались за отбросы в помойных баках клубов и гостиниц, где богатые индусы и европейцы продолжали есть сытную еду. Эти дети стали дикими и «приобрели привычку жрать, как собаки»¹³⁹.

Каждое утро трупы, разлагающиеся в жарком и влажном климате, часто обкусанные крысами и шакалами, устилали улицы. Газета «Стейтсман» в Калькутте напечатала ужасающие снимки происходящего. Но цензоры заменили слово «голод» на «серьезную нехватку еды»¹⁴⁰. Официальный представитель вице-короля обвинил прессу в драматизации ситуации. Правительство Дели, которое отвечало за благосостояние подчиненных народов, вставило кляпы в рот критикам и умышленно тянуло время, устраивая проволочки. Линлитгоу притворялся обеспокоенным. Но в отличие от своего преемника, фельдмаршала лорда Уэйвелла, который стимулировал общественные работы для безработных, он не посетил Бенгалию. Один бывший участник его Совета сказал: Литлитгоу продемонстрировал бессердечное пренебрежение своими обязанностями»¹⁴¹.

И действительно, вице-король казался менее озабоченным масовым голодом, чем одним голодным бунтом. В начале 1943 г. Ганди начал еще одну голодовку. Беспокойство Линлитгоу отразилось в кодовом слове, избранном для телеграфирования сообщения о возможной смерти голодающего — «РУБИКОН». Чиновники тайно импортировали несколько сот фунтов сандалового дерева, чтобы его кремировали, не привлекая внимания. Это должно было произойти на территории красивого дворца Ага-Хана в Пуне, где содержали Ганди.

Но послужив Богу через смирение плоти, махатма выжил. Линлитгоу подозревал, что врачи добавляли в лимонный сок глюкозу. Это действительно могло быть так, поскольку его вес, который упал со 109 фунтов до 90 фунтов, очевидно поднялся на один фунт к концу трехнедельной голодовки.

Черчилль подготовил выступление по радио, которое так и не пошло в эфир. В нем он описал этот эпизод, как «голодовку или фарс; ведь, насколько я понимаю, имеются сомнения насчет того, соблюдал ли он установленные им самим правила, или же нет»¹⁴².

Такой вид нравственного шантажа привел в ярость премьер-министра. Когда голодовка повторилась, он отправил вице-королю полную раздражения телеграмму, чтобы спросить, почему Ганди пока еще не умер¹⁴³.

Но махатма был мастером анорексии. Он восстанавливался после подобных изматывающих испытаний с поразительной скоростью, напоминая Эмери о том, что Байрон говорил о своей теще — она была «опасно больна; теперь она опасно здорова»¹⁴⁴.

Тем временем условия в Бенгалии ухудшились и достигли ужасающего надира осенью 1943 г. В целом плохое питание и болезни из-за него убили примерно три миллиона человек. Но главный научный советник Черчилля, лорд Червелл, который считал африканцев и индусов недочеловеками, отмахивался от голода, как от статистического изобретения — точно также, как он сравнивал «изменение питания» Ганди с приемом лекарств¹⁴⁵.

Несмотря на просьбы Эмери, премьер-министр отказывался отправить хотя бы редкие суда в Калькутту. Очень мало делалось для облегчения ситуации, когда это требовалось больше всего, хотя позднее поступила американская помощь. Черчилль рассматривал отправку продуктов питания в Индию, как умиротворение Конгресса. Он считал, что «голод в любом случае недостаточно питающихся бенгальцев менее серьезен, чем голод крепких и здоровых греков»¹⁴⁶. Премьер добавлял: несмотря на голод, индусы продолжают плодиться, «как кролики»¹⁴⁷.

Черчилль продолжал рассуждать на эту тему, как раз когда новый губернатор Бенгалии, способный австралийский администратор по имени Ричард Кейси, отправил Уэйвеллу шокирующее обвинение в накопившихся провалах британцев в его провинции: «В Бенгалии практически нет ирригации или дренажа, средневековая система сельского хозяйства, никаких дорог, никакого образования, никаких надомных промыслов, совершенно никуда не годные больницы, никаких эффективных служб здравоохранения. Соответственно не предпринимается никаких реальных попыток справиться с малярией, которая является бичом и убийцей провинции, нет никакой подходящей техники, чтобы ликвидировать страдания и нищету. Нет даже никаких планов по исправлению этих недостатков»¹⁴⁸.

Казалось, премьер-министр считает, что так им и надо. В феврале 1945 г., как записал личный секретарь Черчилля Джок Колвиль, «премьер называл индусов «мерзкой расой, защищенной своим размножением от той судьбы, которая им положена». Он хотел, чтобы маршал ВВС Берт Гаррис отправил часть своих лишних бомбардировщиков для их уничтожения»¹⁴⁹. Один раз Эмери набрался достаточной смелости, чтобы сказать премьер-министру, что его отношение к Индии подобно гитлеровскому. Для нее, по словам Уэйвелла, премьер «приготовил первоклассную ракету»¹⁵⁰.

Черчилль во все большей степени отчаянно хотел удержать Индию, потому что Британия теряла свое положение великой

державы. США и Советский Союз начали доминировать в альянсе военного времени. Черчилль уже давно говорил, что только империя позволяет двум англоговорящим лидерам «встречаться в условиях идеального равенства, которое только и может оказаться основой для еще более высокого синтеза и еще более важной судьбы»¹⁵¹.

Он жаловался, что на Ялтинской конференции маленького британского осла зажали между мощным американским буйволом и огромным русским медведем. Черчилль с негодованием относился к желанию Рузвельта протянуть руку Сталину. Он даже отругал Энтони Идена за использованием термина «Большая Тройка», поскольку «это было напоминанием о римском триумвирате, а Уинстону не нравится, когда на него смотрят, как на Лепида»¹⁵². [Лепид после убийства Цезаря заключил с Антонием и Октавианом 2-й триумvirат, получил в управление Африку, но вскоре был лишен всех званий. — *Прим. перев.*]

Поэтому, как премьер-министр сказал кабинету, солидарность империи жизненно важна.

Уэйвелл, смелый воин, который лишился глаза в Первую Мировую войну, придерживался другой точки зрения. Он считал, что недовольная и настроенная против Британии Индия может стать «незаживающей мозолью, которая будет забирать силу Британской империи»¹⁵³.

Общественное мнение в Великобритании, как говорил Уэйвелл, не позволит ему удерживать Индостан силой. Единственная альтернатива — добиться соглашения, соответствующего реформам, проведенным между войнами, в соответствии с которым Индия может стать дружественным партнером внутри Содружества. Такой совет противоречил лелеемому кредо премьер-министра: «Передача Индии брахманской олигархии откроет шлюзы как коррупции, так и кровавой бойне»¹⁵⁴. Это также продемонстрирует, что «мы — сломленная, обанкротившаяся, отыгравшая свое держава»¹⁵⁵.

Поэтому Черчилль не принял совет вице-короля, хотя все одиннадцать губернаторов индийских провинций его поддержали. Он обычно недооценивал молчаливого, неразговорчивого, романтического Уэйвелла, считая его склонным к «восточной вялости и апатии»¹⁵⁶ в военных вопросах и лучше всего подходящего на должность президента гольф-клуба или ассоциации консерваторов. Черчилль постоянно пытался от него отделаться, а министры Лейбористской партии, охлажденные упрямой враждебностью Конгресса, не оказыва давления, требуя прогресса.

Эттли выступил против инициатив Уэйвелла. Он сказал, что «откровенно пришел в ужас» от перспективы передачи власти

«коричневой олигархии»¹⁵⁷. Но к весне 1945 г. усталой Британии пришлось столкнуться с проблемой решения вопроса Индостана после войны, и Черчиллю требовалось показать британцам перед всеобщими выборами, что он способен преодолевать препятствия. Поэтому премьер дал задание Уэйвеллу созвать конференцию политических лидеров (среди них был и недавно освобожденный Неру) в Симле и «продвигать Индию вперед к ее цели — полному самоуправлению»¹⁵⁸.

Черчилль пошел только на это, поскольку был уверен, что дело закончится ничем. И действительно, Джинна стал настаивать, что только одна Мусульманская лига должна представлять мусульманскую нацию, и это лишило Конгресс возможности выступать за всю Индию, не позволив заключить никакого соглашения.

Однако конференция в Симле стала явным знаком слабости Британии. Тогда же Сароджини Найду заявила: теперь империя блесит «сиянием гниения и распада»¹⁵⁹. Менее чем через две недели, 26 июля 1945 г., Черчиллю пришлось подать в отставку после неожиданной победы лейбористов на выборах. К следующему месяцу он дошел до того, чтобы просить Уэйвелла «сохранить кусочек Индии» для империи¹⁶⁰.

* * *

Парадоксально, что Неру больше уважал Черчилля, которого считал достойным противником, чем «обманщиков и пустозвонов из британской Лейбористской партии»¹⁶¹. Многие из них и на самом деле оказались обманщиками и пустозвонами. Они были стойкими противниками империализма, но, тем не менее (если использовать классическую фразу Герберта Моррисона), «большими друзьями веселой старой империи»¹⁶².

Лейбористы выступали против расовой дискриминации, однако предлагали удерживать превосходство белых в Африке значительное время¹⁶³. Они выступали за самоуправление Индии, но очень туманно говорили о том, каким образом и когда это будет достигнуто.

Тем не менее, если лейбористские политики были более склонны болтать о принципах, чем «тори», они едва ли отличались от них на практике. Социалисты не хотели жертвовать положением Британии в мире ради антиколониальной догмы. По словам Эрнста Бевина, жесткого и практичного министра иностранных дел, «если Британская империя падет, то огромное количество свободных наций окажутся отброшенными в неопределенность прошлого»¹⁶⁴. Индия сделала огромный вклад в войну людьми, материалами и деньгами (теперь Лондон был должен субконтиненту

1 375 миллионов фунтов стерлингов). Ее потеря включала необратимый упадок имперской власти и богатства.

Когда дело дошло до сути, как недовольно заметил Неру, министры Лейбористской партии очень не хотели четко говорить о независимости Индии. Фактически Бевин хотел стоять твердо и объявить призыв более молодых мужчин для удержания Индии. Поэтому Неру не был единственным, кто ожидал (в лучшем случае) еще одного раунда промедления и откладывания со дня на день. Однако, как сказал идеалистичный новый министр по делам Индии лорд Петик-Лоуренс вице-королю, Лейбористская партия связана своими предыдущими заявлениями и должна достичь соглашения с Индией.

Следовало успокоить мнение зарубежных стран (особенно — США), поскольку Британии отчаянно требовались доллары для спасения ее от того, что Майнард Кейнес назвал «финансовым Дюнкерком»¹⁶⁵. Американская помощь должна быть скорее направлена на создание «государства всеобщего благоденствия» в родной стране, а не на увековечивание британского правления в Индии.

Теперь Уэйвелл сожалел, что его соотечественники утратили мужество для управления, он сопротивлялся давлению из Лондона, желавшего быстрого перехода власти. Неру тоже стал давить, и это давление усиливалось угрозами революции. Но по мере того, как вражда между группами населения кипела и вспыхивала, вице-король продолжал стремиться к избеганию соглашения, которое «погрузит Индию в хаос и неразбериху».

Однако, несмотря на желание поддерживать дисциплину, сам Уэйвелл сделал вклад в рост беспорядков. Он одобрил судебный процесс в Красном форте в Дели над наиболее виновными людьми, которые служили в Индийской национальной армии Боса. Первого обвиняли в том, что он индуист, второго — что мусульманин, третьего — что он сикх. Этот выбор жертв объединил против вице-короля все три сообщества, потому что молва превратила бунтовщиков в патриотов.

Преследования стали необоснованной серьезной ошибкой, которые, как кажется, всегда сопровождают гибель империй. Перед тем, как их прекратили делать, они вызвали распространившиеся по большой территории бунты — особенно, в Калькутте, где были убиты дюжины людей.

Беспорядки и недовольство усилились из-за роста цен, отсрочек в демобилизации и других вопросов. Недовольство стало особенно острым во время общенациональных и провинциальных выборов 1945—46 гг. Они стали пробным камнем и лакмусовой бумажкой для Мусульманской лиги. Она обладала выборными преимуще-

твами, как предпочитаемое меньшинство, и очень значительно усилила свои позиции во время войны. Джинна подстегивал своих сподвижников к действиям. Как выразился Уэйвелл, он разжигал сознание «своих впечатлительных последователей идеей Пакистана — нового рая на земле Пророка и их единственного средства защиты от доминирования индуистов»¹⁶⁶. Очевидно, Джинна сказал, что его «нисколько не волнует, станут ли мусульмане голосовать за фонарный столб, при условии, что столб окрашен в цвета Мусульманской лиги»¹⁶⁷.

Так он получил подавляющее большинство мусульманских мест и утвердил Лигу, как не имеющего конкурентов представителя приверженцев ислама. Но в столь же яростной кампании Конгресс получил свыше 90 процентов немусульманских мест в Законодательном собрании, а заодно и контроль над восьмью провинциями. Неру мог продолжать отмахиваться от Пакистана, как фантазии, но теперь Британии явно требовалось достичь соглашения, приемлемого и для мусульман, и для индуистов. Иначе приходилось рисковать гражданской войной.

Задача становилась все более настоятельной по мере ослабления власти Британии над Индией. Все больше чиновников с коричневым цветом кожи сменяли белых. Осталось всего пятьсот британских гражданских служащих и пятьсот полицейских. Процентное соотношение британских и индийских войск значительно уменьшилось. В 1930-е гг. оно составляло 81 000 против 152 000 человек, после войны — 64 000 против 389 000 человек.

Произошло несколько восстаний, наиболее серьезное — в феврале 1946 г., когда моряки начали мятеж в Бомбее. Уэйвелл предупреждал: если Конгресс начнет революцию, то он, вероятно, не сможет ее остановить. Кабинет Эттли решил: поскольку использование силы для подавления беспорядков и принуждение невозможны, необходимы переговоры. Поэтому в конце марта 1946 г. он отправил трех своих министров в Индию. Это были Петик-Лоуренс, Криппс и А.В.Александр, Первый лорд Адмиралтейства. Уэйвелл называл их «магами»¹⁶⁸.

По прибытии Криппс объявил, что они привезли один единственный подарок — независимость. Но кому ее следует получать и как ее надо даровать? Конгресс ответил, что власть следует немедленно передать демократическому правительству, которое, поскольку беспорядки случались из-за британской политики «разделяй и властвуй», с успехом объединит Индию. Мусульманская лига ответила, что такой режим будет индуистской тиранией, которую может предотвратить только автономный Пакистан.

На протяжении трех жарких месяцев трое умных людей занимались мучительным делом, пытаясь удовлетворить всех. Они

так полагались на Ганди и считались с его мнением, что у Уэйвелла возникло желание врезать по лысине неясно мыслящему Петик-Лоуренсу (которого неизбежно прозвали «Жалостливым Лоуренсом») дубинкой с тяжелым набалдашником. Вице-король считал махатму «злым гением» Конгресса, «чрезвычайно умным, проницательным, упрямым, властным, лживым и целеустремленным политиком».

Единственный глаз солдата горел, когда он слушал пророческие заявления мудреца. А действия Ганди, которые, в итоге, уничтожили шанс на достижение согласия, обеспечили оправдание для желчности и раздражительности Уэйвелла. Во время одного интервью, как сказал вице-король, апостол принципа ненасилия ударял кулаком по столу и объявил: «Если Индия хочет кровавую баню, то она ее получит»¹⁶⁹.

Во время переговоров Неру, которого Уэйвелл считал донкихотским фанатиком, приятным, но неуравновешенным, соответствовал своему старому учителю в свирепости и резкости. Лидер Конгресса яростно нападал и клеймил Джинну, который поднял грубость на уровень политического искусства и находил проблему в каждом решении.

Кайд-и-Азам подтвердил точку зрения Конгресса на то, что он Люцифер, падший ангел индийской гармонии. Но именно Джинна принял сложный план миссии кабинета, который давал провинциям фактический суверенитет (кроме обороны, торговли, коммуникаций и международных связей), но удерживал Индостан в качестве единого целого. Это означало, что, как и предполагали и Линлитгоу, и Уэйвелл, Пакистан оказывался только фишкой, по которой можно торговаться. Его истинная ценность оставалась спорной.

Как полностью независимое государство, Пакистан с населением в шестьдесят миллионов человек не сможет защитить сорок миллионов мусульман, оставшихся в Индии. Из-за господства индуистов в Восточном Пенджабе и Западной Бенгалии Джинна опасался, что получит «тень и шелуху — покалеченный, изувеченный и побитый молью Пакистан»¹⁷⁰. Поэтому он выступал за федеральную систему, но при условии, что ее структура не окажется незыблемой.

Однако в июле Неру, которому не нравилось соглашение, поскольку оно лишало Индию сильной центральной власти, сказал: Конгресс не собирается передавать никаких полномочий. Джинна разозлился на то, что посчитал вопиющим предательством, и пришел к выводу: никакой альтернативы разделу нет. Он объявил, что Мусульманская лига прощается с конституционными методами и создаст Пакистан прямыми действиями. Миссия кабинета,

которая продемонстрировала, что британцы теперь намерены покинуть Индию¹⁷¹, не смогла предоставить средства, при помощи которых им удастся это сделать без кровопролития.

Но беспорядки на севере Индии уже разгорались весной и летом 1946 г. Больше всего пострадал Пенджаб. Большие и маленькие города и деревни были разрушены из-за сильнейшей (после войн сикхов за сто лет до того) вспышки насилия. Однако сикхи снова стали мишенью для атаки. Мусульманские толпы, нацеленные на убийства и грабежи, поджигали их бороды и дома. Они нападали и на индуистские анклавы, убивали, насиловали и грабили, встречая только спорадическое сопротивление сил закона. Часто британские чиновники могли полагаться на свою мусульманскую полицию, но иногда она пренебрегала своими обязанностями, цинично отсылая охваченных паникой беженцев-индуистов под защиту Ганди или Неру.

По иронии судьбы, самый шокирующий провал случился в Амритсаре. Здесь поджигатели и грабители уничтожили два основных базара и много других зданий по всему городу, часто резали жильцов, когда они выбегали из огня. Местные жители противопоставляли яростность британцев, защищавших свое владение, тому, как они, как казалось, удовлетворялись отступлением в сторону и ничего не сделали для защиты жертв распада империи¹⁷². «День прямого действия» Джинны, 16 августа 1946 г., увеличил количество жертв. В Бенгалии мусульмане особенно зверствовали. Они начали погром, кричали «джихад!» и убили тысячи людей. Индуисты и сикхи, многие из которых были водителями такси, ответили еще смертоноснее.

Калькутта стала полем брани, напоминающим Сомму. Но бойня получилась более лихорадочной — мужчин, женщин и детей резали на куски. Это была безудержная дикость, как писал один британский генерал: «Одержимые мыслью об убийстве маньяки были выпущены на свободу, чтобы убивать и убивать, калечить и жечь»¹⁷³.

Стервятники пировали на горах трупов, предпочитая человеческую плоть животной. Зачистка была названа «Операция Ужас» и до ее завершения никто не мог избавиться от жуткой вони, исходившей от разлагающихся тел. Когда войска пытались восстановить порядок, в город хлынул поток беженцев. Некоторые были ранены, все они могли рассказать истории о зверствах, которые волновали и возбуждали их братьев в других местах. Жажда крови с поразительной скоростью пронеслась от Дакки до Бомбея, от Ахмадабада до Равалпинди. Самый яростный пожар бушевал в Бихаре, где убили свыше семи тысяч мусульман. «Убийство поджидает и шествует по улицам. Как отдельные люди, так и толпа

совершают поразительные жестокости, — писал Неру. — Это нельзя назвать бунтом или беспорядками — это просто садистское желание убивать»¹⁷⁴.

Теперь Неру стал премьер-министром временного коалиционного правительства, которое сформировал Уэйвелл в тщетной надежде разрешить разногласия различных групп населения. Теперь уже он предложил бомбить бунтовщиков.

Вице-король столкнулся с конфликтом, подобным палестинскому. Он сказал, что теперь на нем лежит ответственность, но нет власти. В конце 1946 г. Уэйвелл предупреждал: британцы больше не могут контролировать события, «нас просто несет вперед движущая сила нашего прошлого престижа»¹⁷⁵. Его два плана эвакуации с Индостана, придуманные для ответа на более или менее серьезную угрозу арьергарду владык, были соответственно названы «Операция Бедлам» и «Операция Сумасшедший Дом».

По мнению Эттли они имели привкус поспешного бегства или отступления в беспорядке, этакое азиатского Дюнкерка. Сам Черчилль быстро обвинил лейбористское правительство, теперь «искренне преданное принципу индийской независимости»¹⁷⁶, в проведении бесславного и позорного отступления империи. Частично для того, чтобы направить его гнев в другую сторону, лейбористский премьер-министр решил уволить Уэйвелла.

Замена оказалась его полной противоположностью — безрасудный, вычурный, эгоистичный, искренний и прямой, располагающий к себе и чарующий, тщеславный, ограниченный, возмутительно красивый и патологически амбициозный адмирал лорд Луи («Дики») Маунтбаттен. У него имелись и другие качества, чтобы стать последним вице-королем Индии и возглавлять, как объявил Эттли в феврале 1947 г., упорядоченный уход Британии с Индостана до июня 1948 г.

В венах Маунтбаттена текла королевская кровь, он был правнуком королевы Виктории, что позволяло вице-королю на равных разговаривать с махараджами. Он обладал потрясающим личным обаянием. Как писал один генерал, если Маунтбаттен захочет, «то может очаровать и стервятника, заставив его покинуть тушу»¹⁷⁷.

Он был героем войны, который относился к своему эсминцу, словно к боевому коню, участвующему в кавалерийских атаках. Несмотря на «одно славное поражение за другим»¹⁷⁸, этот человек завоевал уважение Черчилля.

Маунтбаттен блестяще себя рекламировал, сверкал медалями, отполировал генеалогию и довел до блеска миф о себе за счет фактов. Генерал сэр Джеральд Темплер однажды сказал ему (неоригинально, но справедливо): «Вы такой плут и обманщик, Дики, что если проглотите гвоздь, то выгадите штопор»¹⁷⁹.

Наверняка он пренебрегал своими обязанностями в военное время, чтобы помочь Ноэлю Коварду с фильмом «Где мы служили», восхвалению его собственных морских приключений, который смотрел снова и снова. Маунтбаттен гордился своим щегольством и никогда не боялся рисковать¹⁸⁰. Возглавляя Командование совместными операциями союзников в Европе, он был «готов экспериментировать с жизнями людей»¹⁸¹ при ужасающей атаке на Дьеп. Чтобы ускорить наступление в Бирму, он предложил взять на себя личную ответственность, как глава Командования группой войск в Юго-Восточной Азии, за гибель до 3 000 человек¹⁸².

Однако он был поразительно популярным лидером. Стилвелл насмехался над «гламурным мальчиком», но Маунтбаттен мог поспорничать даже с Монтомгери в действиях напоказ. Он обладал как раз нужным чутьем и динамизмом, чтобы выиграть то, что сам называл «последним таймом Британии в Индии»¹⁸³.

Маунтбаттен постепенно внушил и привил солдатам, воюющим в джунглях против японцев, новый дух. Это Черчилль сравнил с заходом в воду для сражения с акулой. Более того, в командовании группой войск в Юго-Восточной Азии (американцы утверждали, что сокращение для ее обозначения — SEAC — расшифровывается как «Спасите азиатские колонии Англии») Маунтбаттен фактически предпочитал послевоенную независимость колоний.

Это был сторонник эгалитаризма, одурманенный величием. Он привез личного парикмахера из салона «Трамперс» в Мейфере, чтобы его не стриг индус, однако любил вызывать оцепенение и наводить ужас, пожимая руки неприкасаемым. Его привлекательная жена Эдвина, которая по мнению Эттли, должна была стать блестящей вице-королевой Индии, политически тоже оказалась умеренным либералом. Она являлась правнучкой еврейского миллионера сэра Эрнста Касселя, столь близкого друга короля Эдуарда VII, что он получил прозвище «Виндзорский Кассель».

Сама она в меньшей степени являлась социалисткой, чем дамой из общества. Пока леди Маунтбаттен не занялась благотворительностью во время войны, вся ее жизнь была посвящена лихорадочному поиску удовольствий. Она проводила много часов у парикмахеров, маникюрш, кутюрье. Ей переделали мочки ушей. Эдвина собрала мужской гарем, меняла одного любовника-плейбоя на другого и говорила, что ее муж ей сам неверен, известен среди тех, с кем вступал в интимные отношения, как «Гора-задница» и относится к сексу, как «смеси психологии и гидравлики». [Слова «Mountbatten» и Mountbottom («Гора-задница») звучат в английском языке очень схоже. — *Прим. перев.*]¹⁸⁴

Однако Маунтбаттены составляли крепкую, если и не всегда гармоничную пару. Среди всего прочего они установили тесную

связь с Неру, который, судя по всему, влюбился в Эдвину. В дальнейшем он сказал ей, что их притянула друг к другу какая-то неконтролируемая сила...

Джинна отличался лицом, словно высеченным из гранита, холодностью и хладнокровием. Он один оставался непроницаемым для их шарма. Маунтбаттен использовал свои самые искушающие уловки, но потерпев неудачу, сделал вывод, что исламский лидер страдает манией величия. «Стейтсман» из Калькутты добавила ироничный комментарий к сообщению об их встрече: «Другие новости о бунтах и бесчинствах на странице 4»¹⁸⁵.

Каид-и-Азам, идеи которого были «твердыми, как алмазы, четкими и почти ощутимыми»¹⁸⁶, не позволял отвлечь себя от главной цели — Пакистана. Вначале вице-король считал это просто сумасшествием. Но Маунтбаттену поручили передать власть объединенной Индии (согласно федеральному плану миссии кабинета), если это возможно. Однако вскоре он понял, что раздел неизбежен.

На самом деле и британское правительство, и партия Конгресса с этим уже смирились. Индия страдала от гангрены столкновений между группировками по религиозному принципу. Завоевания Лиги в Пенджабе и Северо-Западной Пограничной провинции способствовали ее распространению. Равалпинди и Мултан были заражены, загорелась большая часть Лахора, а Амритсар стал «настоящим адом»¹⁸⁷.

После этого Неру пожаловался Маунтбаттену, что «ужас сменяет ужас, пока наши чувства не притупятся»¹⁸⁸.

Самый стойкий лидер Конгресса Валлабха Патель говорил: разделение — это ампутация больной конечности¹⁸⁹. Как подразумевает метафора, он сомневался, может ли Пакистан выжить сам по себе. Неру соглашался, хотя его собственное представление было медицинской иллюзией — он хотел отрезать голову, чтобы избавиться от головной боли. Задача Маунтбаттена состояла в спасении как можно большей части тела. Столкнувшись с невероятно взрывной ситуацией, он работал, «осознавая ужасающую срочность дела»¹⁹⁰.

Вице-король сильно полагался на преданный штаб («птичек Дики»), который возглавлял генерал «Паг» Исмей, ставший известным во время войны и занимавший высокое положение при Черчилле.

Прибыв в Дели, где напряжение было ощутимо и очевидно, Исмей почувствовал себя так, словно сел на «транспорт боеприпасов, на котором начался пожар»¹⁹¹. Он одевался в традиционную тропическую военную форму, но испытал еще больший шок, когда его в аэропорту приветствовал генерал Охинлек

в берете. «Ты спятил, Клод? — воскликнул он. — Где твой пробковый шлем?»¹⁹²

Исмей с удивлением узнал, что этот головной убор теперь устарел. Отказ от него предзнаменовал более важную перемену. Маунтбаттен, не отличавшийся точностью в мыслях и письме, как выяснил Исмей, вначале рекомендовал радикальный, но непрактичный план, который сделал бы Индию подобной Балканам. Однако в мае, после интенсивных переговоров, он согласился на идею, предложенную блестящим индийским чиновником В.П.Меноном — передать власть двум доминионам, которые останутся в Содружестве, Индии и Пакистану. Каждое государство получит не только провинции, которые решили примкнуть к ним, но и области Бенгалии и Пенджаба.

Этот раздел оказался кровопролитным. В частности, сикхи, которые «испытывали к Пенджабу такие же чувства, как евреи к Палестине»¹⁹³, как сказал их лидер Тара Сингх, оставались, «будто нищие дети в ничейной земле»¹⁹⁴.

Никому не нравился раздел. Ганди заявил, что он произойдет только через его труп, и выступал против «вивисекции родины»¹⁹⁵.

Но родина уже сама рвала себя на части, словно иллюстрируя вердикт Роберта Байрона: у Индии есть «талант к разобщению»¹⁹⁶. Маунтбаттен сказал, что только раздел поможет избежать полномасштабной гражданской войны. Ганди с улыбкой отдал должное его способности к убеждению: «Вы и ваши магические трюки...»¹⁹⁷

Так вице-король объявил, что индусы получают независимость 15 августа 1947 г. Время изменили на полночь более благоприятного 14 августа, чтобы удовлетворить астрологов (те боялись дурного соединения Сатурна, Юпитера и Венеры). Это было такое же историческое отступление, как у Гонория, декадентского императора, любящего «кормить домашнюю птицу»¹⁹⁸, который санкционировал независимость Британии и Арморики. Событие должным образом приветствовали в стихах того времени:

Сними это гордое бремя,
Родных сыновей прими
Со службы тебе подвластным
Народам края земли.

Империя отзывает
Домой легионы свои,
Чтоб подойти к свободе
Теперь индусы смогли.

Четыреста миллионов
Давно дожидаться хотят
Рассвета индийской свободы,
Последней из важных дат¹⁹⁹.

Британское владычество, для создания которого потребовалось двести лет, должно было оказаться разобранным за семьдесят три дня.

Маунтбаттен сказал, что скорость необходима для спасения Индии от «полного развала»²⁰⁰. Но в действительности она помогла ускорить катастрофу. Вице-король пообещал душиТЬ проблемы в зародыше²⁰¹. Он при необходимости хотел использовать танки и самолеты для обеспечения «полного и безжалостного подавления»²⁰² любого насилия между группами.

При сложившихся обстоятельствах сама неизбежность независимости Индии дала повод избежать эффективных действий. Хотя Маунтбаттена предупреждали, что сикхи планируют яростную месть за бойни, которые у них устроили мусульмане, он отправил всего 23 000 человек в виде пограничного подразделения в Пенджаб. Естественно, миссия провалилась и не смогла сохранить мир на территории, превышающей Ирландию, и с населением в пятнадцать миллионов человек.

Британские чиновники, готовые к внезапному отъезду, утратили последние остатки власти. Как писал один из них, «гражданская администрация была к этому времени полностью парализована, и я знал, что бессмысленно пытаться ее восстановить от имени умирающего британского владычества»²⁰³. Как позднее сказал Исмей, «песок высыпался из куклы час за часом»²⁰⁴.

Маунтбаттен потратил много времени на церемониальные аспекты передачи власти, хотя его подчиненные сосредоточились на сложностях раздела активов (грубо говоря, в пропорции четыре к одному) между Индией и Пакистаном. Требовалось разделить все — от подвижных составов на железных дорогах до книг в библиотеках, от оружия в арсеналах до мебели в офисах, от слитков в сейфах до сумасшедших в сумасшедших домах. Армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы также разделялись. Княжества приходилось заставлять угрозами или убеждениями согласиться на привилегированные условия в одной или другой стране.

И снова Маунтбаттен продемонстрировал свою силу убеждения, аннулируя с королевской небрежностью обязательства перед феодальным порядком, который являлся британской «последней надеждой в Индии»²⁰⁵ после восстания сипаев. Как сказал один

чиновник индийской гражданской службы, наместник короля побуждал князей «подписать то, что оказалось их собственными смертными приговорами, заверяя, будто это даст им лучший шанс на выживание»²⁰⁶. Он провалился в Хайдарабаде (который Индия захватила в 1948 г.) и Кашмире, чей индуистский правитель вскоре забрал своих (по большей части, мусульманских) подданных в Индию. Это место является ареной ожесточенного конфликта до сегодняшнего дня.

Маунтбаттена очень обидел отказ Джинны позволить ему стать генерал-губернатором Пакистана (чтобы это соответствовало посту, который он станет занимать в свободной Индии). Как кажется, вице-король внес тайный личный вклад в разлад. В ответ на беспокойство Неру, Маунтбаттен, очевидно, надавил на сэра Сирила Радклиффа и его приграничную комиссию, чтобы она передала Индии ключевые регионы с мусульманским большинством в Пенджабе — в частности район, Ферозепура и Гурдаспура, который является коридором в Кашмир.

Опасаясь бойкота празднования независимости, часа его славы, Маунтбаттен откладывал объявление частностей железной хирургии Радклиффа до следующего дня.

Инаугурация Пакистана стала поразительно тихим событием. Вокруг новой столицы, Карачи, шумного и быстро растущего города между пустыней и океаном, разрослась экзема из временных жилищ, хижин с красными крышами, лачуг песочного цвета и белых шатров. В воздухе витало напряжение, поскольку, как сообщалось, сикхи планировали убить Джинну (возможно, во время продвижения процессии). Лидер должен был ехать вместе с вице-королем в открытой машине. Но никакие бомбы не бросали, а церемонии были неудавшимся развлечением, их приняли с «всеобщей апатией»²⁰⁷.

Маунтбаттен все еще считал Джинну, который теперь страшно похудел, так как умирал от рака, «случаем психопатии»²⁰⁸. Более того, последний вице-король жаловался, что ему требуется присутствовать на приеме, где будут присутствовать 1 500 ведущих граждан Пакистана, «включая несколько людей очень странного вида, заросших волосами».

В отличие от этого, празднования в Дели стали для него «самым памятным и вдохновляющим днем моей жизни»²⁰⁹. С импровизированной высокопарностью, которая была для него так естественна, Неру начал читать по радио свое знаменитое заявление: «Много лет назад мы встретили свою судьбу, а теперь наступает время, когда мы выполним обязательства — не полностью и не в полной мере, но в очень существенной степени. Когда пробьет полночь, пока мир спит, Индия проснется к жизни и свободе. Наступает

момент, который редко приходит в истории, когда мы уходим от старого к новому, когда заканчивается эпоха, когда душа нации, долго подавлявшаяся, находит выход»²¹⁰.

Когда наступил День независимости, «радость Индии была просто безумной»²¹¹.

Множество людей потоком продвигалось в столицу из провинции, деревья и трава позеленели после раннего дождя, принесенного муссонами. Люди шли пешком, ехали на велосипедах, ослах или грузовиках, на готовых развалиться и трещащих легких двухколках и скрипящих повозках, в которые были впряжены волы. Повозки были окрашены в шафрановый, белый и зеленый цвета. Некоторые смеялись, другие плакали, третьи наполняли воздух криками «Джай Хинд!»

Мусульмане, сикхи и индуисты обнимались среди проявлений «сильного энтузиазма общественности»²¹². Приветствовали и самих британцев — как говорили, наконец-то они покорили Индию. В Зале торжеств в резиденции вице-короля Маунтабаттен сидел на троне вместе с женой, на которой было серебристое платье из ламе, длинные белые перчатки и диадема.

Сам Маунтбаттен был в белой адмиральской форме, на которой блестели медали и знаки отличия, она украшалась лентой и шпагой. Он участвовал в церемонии с «максимальной pompой»²¹³. Вице-король сам все спланировал. Он принял клятву как генерал-губернатор, потом принял присягу у Неру, который был в белых бриджах для верховой езды и пилотке по типу той, что носил Ганди. Присягнули и министры Неру. Все это происходило перед пятьюстами лидерами новой Индии.

Затем Маунтбаттен с супругой поехали по Дели в черно-золотой карете, которая изготовлялась для празднования коронации Георга V. В нее были впряжены шесть гнедых коней. Их сопровождали телохранители в синих и золотистых тюрбанах, белой форме, отделанной красным, в высоких черных сапогах. Только такая блестящая кавалькада с горнами, знаменами и копьями могла пробиться сквозь шумную и возбужденную толпу, водоворот шума и цвета. Но все же массы людей едва не раздавили группу генерал-губернатора во время кульминации праздника. Это была церемония поднятия флага у Индийских ворот, которая происходила среди «сцен самого фантастического проявления радости»²¹⁴. Здесь разворачивался триколор нового доминиона с колесом космического порядка императора Ашоки с двадцатью четырьмя спицами в центре (его предпочли прялке Ганди). Одновременно в другом конце Раджпата, среди черных туч, нависших над зданиями секретариата, появилась радуга. Казалось, что она повторяет оттенки индийского флага, подобно какому-то показному спецэффекту, созданному в

Голливуде. Но как заметил пресс-атташе Маунтбаттена, «потребовался бы человек, обладающий железным скептицизмом, чтобы на него не произвело впечатление подобное предзнаменование в такой момент»²¹⁵.

Для индусов небесная арка символизировала благословение свободы, для британцев, которые хотели, чтобы смерть господства поглотилась победой, она означала выполнение соглашения. Судя по мифу, который создавался уже в то время, уход Британии из Индии не был признаком национальной слабости, а в еще меньшей степени он стал предзнаменованием краха империи. Это был триумф искусного управления государственными делами, логическое завершение процесса опеки и обучения и, как предсказывал Маколей в 1833 г., день самой большой гордости для английской истории.

В этой фабрикации имелся элемент правды. Конец империи был в своем начале, и британцы часто говорили, что их цель — колониальное самоуправление. Но миф разработали для сокрытия фатального ущерба, который нанесла война Британии, ее положению великой державы. Целью было скрыть подавляющую силу индийского национализма, перспективу административного провала на Индостане, уменьшающиеся доходы и сломленное желание Великобритании занимать место великих моголов.

Поэтому Лондон преуменьшал отречение от престола последнего императора Индии и одновременно превозносил предоставление свободы пятой части человечества. Метрополия делала меньший упор на урезании имперских обязательств во время экономического кризиса, а не на преимуществах, которые получит Содружество от присоединения двух добровольных участников. «Индийская империя исчезает с политической карты, — вешала «Таймс», — и круг доминионов увеличивается»²¹⁶.

Индийская независимость отмечала конец эры, которая началась благодаря Васко да Гаме, она вдохнула жизнь в националистические движения, которые казались «способными сделать небелого человека Азии хозяином в собственном доме впервые за несколько столетий»²¹⁷. Некоторые люди приходили в ужас от этого великого события. Молодой претендент в вице-короли Энох Пауэлл считал, что «британцы соединены с Индией, как Венеция соединена с морем, они как будто женаты»²¹⁸. При разводе он почувствовал, что его мир «распадается на части», всю ночь гулял по улицам и наконец «сел в дверном проеме, держа голову руками»²¹⁹.

Но в целом британцы купались в отсветах своего самого прекрасного часа, им нравилось думать, что изменилось очень мало. Почти пустая Палата общин клевала носом, пока обсуждались за-

коны, связанные с независимостью Индии. «Дейли мейл» просто сменила на первой странице, где указываются сведения о газете и редакторах, надпись «Для короля и империи» на «Для короля и Содружества». Политики в Вестминстере подчеркивали непрерывность и дружественность отношений с Индией и Пакистаном. Они заявляли: все шло по плану, и ничто лучше не подходит британским властителям, чем уход из Индии.

Тем не менее, даже когда Лондон доставлял себе удовольствие поздравлениями, а Дели наслаждался празднованиями, Пенджаб затопляли «реки крови»²²⁰. Сам Маунтбаттен видел свидетельства бойни, когда летел назад из Карачи. Клубы дыма поднимались вверх с земли, открывалась широкая панорама горящих деревень. Даже когда Неру участвовал в церемонии, которую некоторые рассматривали как его коронацию, нового премьера осаждали сообщениями о том, что в Лахоре идет «самая кровавая оргия насилия и огня за пять месяцев столкновений на религиозной почве».

Новости о распределении провинций, проведенном приграничной комиссией Радклиффа, достигли Пенджаба, где мусульмане осудили это «территориальное убийство». Спорадические атаки превратились в «систематическую войну на уничтожение»²²¹. Везде сообщества большинства атаковали и изгоняли меньшинства. Это был дикий круг репрессий и контррепрессий, который продолжался на протяжении многих недель. Лучшая дисциплина была у сикхов — значительного религиозного меньшинства. Их банды, вооруженные мечами и другим оружием, вели себя со «средневековой яростью»²²². Но мусульмане и индуисты также совершали все возможные зверства, которые были суммированы в гротескном современном эвфемизме «этническая чистка». Они жарили младенцев на вертелах, насаживали маленьких детей на копья, варили детей постарше в котлах с маслом. Они насиловали, увечили, воровали и убивали женщин, иногда отрезали пенисы их мертвых мужей и засовывали женам в рот, подвергали мужчин безумной жестокости, сжигали их заживо в домах, закалывали ножами на улицах, резали в больницах, душили в лагерях беженцев, пытали и насильственно обращали в веру в оскверненных храмах, мечетях и гурдварасах (где молятся сикхи). Они травили своих врагов, поливали кислотой, ослепляли, бросая в глаза молотый красный перец.

Зверства полностью затмили то, что происходило во время восстания сипаев. Возможно, они отражали жестокую окончательность раздела. Но многие свидетели находили насилие объяснимым лишь мистическим злом и безумием. Один чиновник видел, как человека распиливали на несколько кусков в дьявольской манере, которая не поддается пониманию²²³. Соседи, которые друж-

но жили на протяжении многих лет, внезапно обезумели и убивали друг друга.

Самые жуткие боины проходили на железных дорогах, ранее — средстве британского военного контроля, о которых говорилось, как об одной из надежд на индийскую всеобщую гармонию. Воспользовавшись преимуществами системы, которая была уже сильно нарушена, банды гундас задерживали поезда, наполненные людьми, которые пытались сбежать от террора. Часто они не оставляли после себя ничего, кроме вагонов, набитых трупами, которые прибывали к месту назначения. (Машинистами работали европейцы). Из каждого отверстия таких вагонов сочилась кровь. Британские офицеры говорили, что зрелище было «в тысячу раз более ужасным, чем что-либо, виденное нами во время войны»²²⁴. На некоторых передвижных покойничьих мелом было написано «Подарок из Индии» или «Подарок из Пакистана»²²⁵.

Железнодорожный вокзал в Лахоре и другие, подобные ему, когда-то представлявшие собой белые крепости, стали смертельными ловушками. Толпы беженцев путешествовали по обычным дорогам, некоторые колонны растягивались до пятидесяти миль и становились еще лучшей мишенью для грабежа и убийства.

Сам Дели был заражен насилием. Горожане видели, как «весь социальный порядок истекает кровью перед нашими глазами»²²⁶. Нирад Чоудри нашел происходящее неопишущим: «Я взвесил почти все слова и фразы, которые убийственная жестокость и дикость человека, столь отличная от его военной жестокости, внесла в словарь европейских народов: бойня, погром, линчевание, обстрел, казнь через утопление, Варфоломеевская ночь, Сицилийская вечерня, Стокгольмская кровавая баня, Болгарские зверства, убийство армян, Бельзен, геноцид и т.д. Но я нахожу их неподходящими»²²⁷.

Но проблемы в столице едва ли можно сравнить с разрушениями и паникой в приграничном регионе. Там города вроде Амритсара выглядели так, словно их разбомбили. Более мелкие поселения жгли и грабили. Сельская местность представляла собой крематорий, тысячи деревень превратились в пепел. Пограничное подразделение Пенджаба само разрывалось ненавистью на религиозной и национальной почве, и вскоре его пришлось распустить. К тому времени, как волнения и беспорядки прекратились, умер миллион человек, а одиннадцать миллионов покинули свои дома. Это была одна из самых крупных миграций в истории. Один судья из Пенджаба сухо заметил: «Вы, британцы, верите в честную и справедливую игру. Вы оставили Индию в том же состоянии хаоса, в котором ее нашли»²²⁸.

В Бенгалии беспорядков было меньше, по большей части — благодаря Ганди. Он проигнорировал празднования в Дели и

уехал туда, где пользовался поразительным влиянием. Хотя граница Восточного Пакистана была такой же случайной, как и у Западного (экспортирующую джут Калькутту отрезали от внутренних районов, выращивающих джут), там наблюдалось передвижение всего 1,25 миллиона беженцев. А когда столкновения на национальной почве все-таки произошли в городе, махатма начал голодовку ради мира. Большая часть полиции тоже начала сочувственную голодовку. Через несколько дней тысячи мусульман и индуистов уже дружески общались друг с другом на майдане.

Ганди заплатил за свою святость жизнью — фанатик-индуист не смог вынести того, что посчитал его любовью к мусульманам, и застрелил махатму в январе 1948 г. Тем временем генерал-губернатор расхваливал и превозносил Ганди до небес, назвав «пограничным подразделением из одного человека»²²⁹.

Маунтбаттен хотел свести к минимуму ущерб, нанесенный пешным и опрометчивым разделом. Он сказал, что большая часть Индии оставалась спокойной, и «только» 100 000 человек умерли на севере. Исмей пришел в ужас от этой речи, поскольку она скрывала важный факт: «Здесь творятся человеческие страдания в колоссальном масштабе»²³⁰.

Но сами индусы не хотели рассуждать о болезненных родовых схватках самостоятельного государства. Многие говорили, что расставание с бывшими правителями стало печальным.

Чувства были взаимными. Оно демонстрировалось на многих прощальных церемониях, особенно — во время ухода последних полков: «Блэк Уотч» из Карачи 26 февраля 1948 г., шотландцев, которые «плакали, как дети», а также Сомерсетской легкой пехоты из Бомбея двумя днями позже. Тот парад был очень эмоциональным. Выставлялся почетный караул. Солдаты медленно маршировали, отдавали честь, поднимали и опускали флаги, делались официальные представления и произносились речи о «мужской дружбе между солдатами двух стран».

Наконец разноцветная группа и эскорт сомерсетцев, одетых в зеленые береты, рубашки и шорты для строевой подготовки, белые ремни и гетры, пронесла замена сквозь Индийские ворота. Свидетели «могли видеть слезы на глазах у всех»²³¹. Военный оркестр играл «Доброе старое время», а шотландский рефрен подхватили тысячи индийских голосов, когда англичане поднялись на борт «Импресс оф Острейлиа» и навсегда поплыли домой.

Но такие ностальгические прощания стали знакомым делом в течение следующих нескольких лет. Их показывали в кинотеатрах в тысячах новостных роликов. Они не могли скрыть, что британское господство закончилось в крови и слезах.

В этом плане предсказания Черчилля и других подобных ему людей исполнились. На самом деле стало обычным делом предупреждать, как сделал Норман Энджелл: «Когда пала Римская империя, полная недостатков, за ней последовало не нечто лучшее, а нечто худшее — Средневековье. Нечто столь же несчастливое может легко последовать за полным распадом Британской империи»²³².

Однако трудно отрицать, что конец правления провозгласил рассвет свободы на Индостане. Нелегко избежать вывода и о том, что на самих британцах лежит значительная доля ответственности за ужасы раздела. Если говорить в краткосрочном плане, во многом виноват Маунтбаттен, несмотря на попытки оправдаться, которые он предпринимал на протяжении всей жизни. Если бы вице-король придерживался графика Эттли и предпринял должные меры предосторожности, то перестроенная армия смогла бы сохранить относительный мир в Пенджабе.

Наверняка такой точки зрения придерживался и Охинлек, который находился в лучшем положении, чтобы судить о происходящем. Однако если говорить в долгосрочном плане, то вина заключается в самом характере британского империализма. Британцы так влияли на Индию, что с викторианской эпохи и индуисты, и мусульмане были вынуждены «воздвигать ментальную и моральную защиту вокруг себя»²³³. Экономические и образовательные различия помогли кристаллизовать различные отличительные черты, особенности и самобытность групп. Британцы, разделяя, чтобы править, отдавая предпочтение мусульманским воинственным народностям, обостряли растущий религиозный антагонизм. Это привело к кульминации в виде массовых убийств и гибели множества людей в Пенджабе.

Вместо того чтобы уйти из Индии с честью и достоинством, британцы ушли среди убийств и запаха смерти. Личный секретарь Охинлека полковник Шахиб Хамид считал: «Британская империя, которая на протяжении веков пыталась строить Индию, никогда не сможет позабыть эту великую трагедию»²³⁴.

Глава 14

«Это конец Британской империи» Сингапур и Бирма

Пропитанное кровью разделение Индии разрушило надежды на то, что британцы действительно смогут усилить свою империю на Востоке, отпустив страну на свободу. Уэйвелл и другие заявляли, что «Британия не потеряет престиж и мощь, но даже сможет его повысить, передав Индию индусам»¹.

Идея заключалась в том, что партнерство сменит опеку. Станет проводиться сотрудничество в вопросах торговли, финансов и обороны. Оба новых доминиона будут верны короне.

Но ничего из этого не произошло. Раздел привел к отторжению Пакистана и Индии от Великобритании и усилил вражду между двумя новыми государствами. Неру сделал Индию республикой, и она оставалась в Содружестве только потому, что эта организация, призрак империи, могла по желанию менять форму.

Лорд Саймон (в прошлом — сэр Джон) плакался Уинстону Черчиллю в 1949 г., что Неру и Криппс в конце концов выиграли. Неру получил преимущества без ответственности, чем позволил Криппсу воплотить свои честолюбивые стремления в жизнь — «развалить Британскую империю»².

Исламская Республика Пакистан развалилась на две (восточное крыло стало Бангладеш). Их правительства установили связи с другими мусульманскими странами. По мере развития экономики Индии, коммерческие связи нарушались вместе с сентиментальными. Неру сохранял нейтралитет своей страны во время «холодной войны», но казался более враждебным капиталистическому, а не коммунистическому империализму. Важнее всего то, что после раздела индийской армии между Индией и Пакистаном, полуостров более никогда не мог стать английской казармой в восточных морях. Как сказал фельдмаршал лорд Аленбрук, когда правление прекратило существование, «замковый камень арки обороны нашего Содружества был потерян, а наша имперская защита рухнула»³.

Земля содрогнулась. Соседние колониальные здания в Малайе, Бирме и на Цейлоне больше не были безопасными и надежными. В отличие от Римской империи, которая сохранялась на востоке на протяжении тысячи лет после того, как исчезла на западе,

Британская империя в Азии рушилась быстро. Ее скорый крах, который в равной степени стал результатом как войны, так и обветшалости, начался с падения Сингапура. Это событие сравнимо с разграблением Рима Аларихом, королем вестготов.

Сингапур, что означает Город Льва, являлся символом силы. Это была изумрудная подвеска на оконечности полуострова Малакка. Сэр Стэмфорд Раффлс приобрел его из-за стратегического положения. Размер Сингапура примерно соответствует размеру острова Уайт или острова Марта-Уэйнярд. Его защищает Малаккский пролив, основной путь из Индийского океана в Южно-Китайское море. К периоду между двумя мировыми войнами Сингапур стал пятым по величине портом в мире. Его деловое сообщество насчитывало свыше полумиллиона человек. Китайцы, чьи женщины продолжали носить халаты чонсам, а мужчины быстро приняли западную одежду, количественно превышали местных малайцев в саронгах, баджу (блузах) и шапочках-куфи. Пропорция была примерно три к одному. Но город, в котором к небу взмывало множество шпилей, куполов, минаретов и башен, доминирующий на южном берегу, был населен и фактически кишел представителями чужеродных национальностей. Индусы, цейлонцы, яванцы, японцы, армяне, персы, евреи и арабы заполняли улицы какофонией акцентов и множеством цветов. Босоногие кули носили синие хлопчатобумажные пижамы и конические соломенные шляпы. Они толкали повозки под бамбуковыми шестами, увешанными выстиранным бельем. Между велосипедов и повозок с впряженными волами на Орхид-роуд по пути к азиатским рынкам, которые пахли кальмарами и чесноком. Сикхи в тюрбанах сидели в желтых такси марки «Форд» и петляли в них между зеленых трамвайчиков по Серангун-роуд. На мостовых блестели малиновые пятна от сока плодов бетельной пальмы. Сикхи стремились к индийским базарам, где пахло кориандром, тмином и куркумой.

В трущобах царили нищета, плохое питание и болезни. Голодные дети в рванье рыскали по канавам в поисках капустных листьев и рыбьих голов. Британские чиновники во фраках ездили на «Бьюиках» от стоящих в сельской местности бунгалов, окруженных жасмином, к гостинице «Раффлс» с кремовыми стенами и красной крышей. Она стояла среди пальм недалеко от кромки воды, «подобно торту, покрытому сахарной глазурью». Здесь их приветствовал метрдотель «с манерами великого герцога». Тут они ужинали и танцевали среди крутящихся вентиляторов и шуршащих папоротников. Тут они повторяли: «Эй, бой! Виски со льдом!»⁴

Европейские «туанс бесар» (большие боссы) были уверены в себе и носили на себе эту уверенность, словно кирасу. У них имелись для того основания. В Сингапуре они владели «непробивае-

мой и неприступной крепостью»⁵, как повторяли газеты. То была самая крупная военно-морская база в южном полушарии. Они были хозяевами «Гибралтара Востока, ворот на Восток, бастиона британской мощи»⁶.

После окончания альянса с Японией в 1922 г. правительства в Лондоне потратили свыше 60 миллионов фунтов стерлингов на укрепление Сингапура. По общему признанию, деньги поступали крохами. Это происходило из-за послевоенного разоружения, довоенной Великой депрессии и того, что секретарь кабинета министров Морис Хэнки назвал «оргией экстравагантности в социальных реформах»⁷, которая происходила в период между двумя мировыми войнами. Хэнки утверждал то, что станет привычной мудростью: потеря Сингапура будет «катастрофой первой величины. После этого мы вполне можем потерять Индию, а в Австралии и Новой Зеландии перестанут в нас верить»⁸.

Генерал Смэтц предупреждал Министерство по делам доминионов в 1934 г., что если Британия утратит главенство на Востоке, уступив его Японии, то «пойдет по пути, которым пошла Римская империя»⁹.

Но к 1939 г. казалось, что огромная военно-морская база, построенная на северо-восточной стороне острова, выходящая на Джохорский пролив и обеспечивающая двадцать две квадратные мили глубоководных якорных стоянок, способна противодействовать местному превосходству японского флота.

Для ее строительства пришлось изменить русло крупной реки. Вырубили густой мангровый лес. Миллионы тонн земли переместили, выложили тридцать четыре мили бетонного покрытия, в зловонное болото вбили железные столбы — требовалось добраться до скального основания на глубине 100 футов. Внутри базы, которую окружили высокими стенами, железными воротами и колючей проволокой, находились казармы, офисы, магазины, мастерские, котельные, холодильные установки, столовые, церкви, кинотеатры, яхт-клуб, летное поле и семнадцать футбольных полей. Там имелись огромные печи, плавильные тигели и желоба для расплавленного металла, огромные молоты, токарные станки и гидравлические прессы, массивные подземные топливные цистерны, кран, способный поднять орудийную башню с линкора, плавучий док, достаточно большой, чтобы разместить в нем «Куин Мэри».

Этот арсенал демократии был полон боеприпасов, орудийных стволов, пропеллеров, буксирных тросов, радиоаппаратуры, мешков с песком, аэронавигационного оборудования, стальных амбразур для долговременных огневых сооружений и запасных частей всех сортов.

Примерно тридцать батарей защищали это место. Самыми мощными были 15-дюймовые орудия, которые могли разорвать в клочья самые тяжелые японские военные корабли. В противоположность мифу, эти пушки можно было развернуть так, чтобы они смотрели на сушу. (Хотя их снаряды, которые являлись скорее бронебойными, а не фугасными, оказались бы неэффективны против войск). Но предполагалось, что джунгли Малайи непроходимы.

Почти все ожидали, что атака на Сингапур будет проводиться с моря, а посему ее будет легко отразить. В тринадцатизэтажном здании, известном под названием «Пропаганда-хауз», британские радиовещательные станции способствовали развитию презрения общественности к японцам. Радиостанции подбадривало из метрополии Министерство информации, оно убеждало подчеркивать мощь Сингапура. Если японцы придут, то в сампанах и джонках. Их самолеты сделаны из бамбуковых палок и рисовой бумаги. Их солдаты — кривоногие карлики, страдающие миопией, поэтому они неспособны попасть по цели. Если взять все это в целом, что получалось, что японцы всего лишь подражают цивилизации, создав ее фальшивый аналог.

Дальнейшим подтверждением неуязвимости острова стало обязательство британского правительства отправить туда флот в случае начала враждебных действий с Японией. Став Первым лордом Адмиралтейства в 1939 г., Черчилль подчеркивал: Сингапур — это «ступенька лестницы» к Австралии и Новой Зеландии¹⁰. Он также был осью колеса, на котором все держится между доминионами-антиподами и Индией.

Когда война угрожала охватить весь мир, генерал сэр Джон Дилл, начальник Имперского Генерального штаба, сказал: «Сингапур является самой важной стратегической точкой Британской империи»¹¹. Поэтому, хотя Черчилль к тому времени отдавал приоритет Ближнему Востоку, он отклонил предложение Адмиралтейства и отправил на Дальний Восток два крупных боевых корабля — «Принца Уэльского» и «Рипалс» в сопровождении четырех эсминцев. Это флотилия, получившая кодовое название «Подразделение “Z”», прибыла в Сингапур 2 декабря 1941 г. Ее задачей было отбить потенциального противника. Она казалась тем, кто смотрел со стороны набережной, «символом абсолютной надежности»¹².

Мощный новый линкор «Принц Уэльский», который пострадал во время операции против «Бисмарка», был известен, как «корабль его величества “Непотопляемый”».

Прибытие «Подразделения “Z”» ободрило главнокомандующего на Дальнем Востоке, главного маршала авиации сэра Роберта

Брук-Попфэма, и он объявил, что Япония не знает, куда повернуть голову, и «Тодзио чешет голову»¹³.

Однако японский премьер-министр Хидэки Тодзио уже принял фатальное решение. 7 декабря самолеты с авианосцев комбинированного флота адмирала Исороку Ямамото разбомбили Перл-Харбор, а первые части 25-й армии генерала Томоюки Ямашиты высадились на северо-восточном берегу полуострова Малакка. На следующий день лондонская «Таймс» заявила: Великобритания находится в состоянии войны с Японией. Она же опубликовала статью под названием «Сингапур готов».

Гарнизон острова состоял из солдат из многих частей империи. Там были «крепкие британские пехотинцы, шотландские горцы, бронзовые от загара молодые гиганты из Австралии, высокие бородастые сикхи, мусульманские стрелки, только что служившие на северо-западной границе, крепкие маленькие гуркхи, малайцы из Малайского полка». На улицах было полно людей в форме, над головами постоянно гудели самолеты, завывали сирены, сигнализируя об учебных воздушных тревогах. По ночам лучи прожекторов играли на воде. Присутствие Королевского ВМФ подавляло. Все это провозглашало, что Сингапур является «сердцевиной британской мощи на Дальнем Востоке»¹⁴.

Вскоре стало очевидно, что сердцевина-то прогнила. Это частично произошло потому, что британское сообщество в Сингапуре размякло и расслабилось от имперского сибаритства и потакания своим желаниям. Они жили в миру слуг, для второго завтрака требовалась двухчасовая сиеста. Во второй половине дня колонизаторы лениво играли в гольф, крикет или выходили в море на яхте, устраивали коктейли и маскарады. Несмотря на прозвище «Син-галоре» («Грех в изобилии»), город не был так склонен к порокам, как Шанхай. Бордели считались незаконными, кинотеатры оказались гораздо популярнее опиумных притонов. Предпочиталась роскошь, а не распутство. Сингапур был местом «высокого уровня жизни и низких мыслей»¹⁵.

Идея нормирования состояла в том, чтобы подавать дичь в немясные дни. Это был «остров грез»¹⁶, где для женщины казалось совершенно естественным отказаться от помощи в работе на войну, потому что она записалась для участия в теннисном турнире. То был анклав самодовольной инертности, которая суммировалась в малайском термине «тид-апа» («зачем волноваться!»)

Господствующая апатия часто объяснялась очень сильной влажностью. Киплинг говорил, что потеют даже растения, «было слышно, как выпускали пот» папоротники¹⁷. Но Дафф Купер, которого Черчилль отправил в Сингапур министром-резидентом в 1941 г., приписывал подобную нездоровую ситуацию скорее

иллюзии, чем лени и апатии. Как он сообщил, «кажется, что гражданское население спит комфортным сном, уверенное, что японцы не посмеют атаковать. Оно приобрело это ощущение ложной безопасности благодаря уводящим в сторону отчетам об их неприступной крепости, которые выдавала расслабившаяся и неэффективная военная разведка»¹⁸.

На самом деле сам Дафф Купер едва ли осознавал грядущий крах, который висел над островом. Его раздражала собственная относительная беспомощность. Он устраивал вечеринки, грубо и неприлично копируя препиравшихся лидеров Сингапура. Однако Купер не очень ошибся насчет Брук-Пофэма («Старого горлопана»), которого считал «почти ку-ку, черт побери!»¹⁹

Предположительно, главный маршал авиации первым выстрелил с самолета (в 1913 г.) Но сейчас он «сильно устал» (согласно дипломатичному выражению генерала Пауэлла) и «был не у дел со времени обеда и дальше»²⁰.

Дафф Купер с таким же пренебрежением относился к губернатору Стрейтс-Сеттльментс сэру Шентону Томасу, который являлся «рупором последнего человека, с которым разговаривал»²¹. И снова это был справедливый вердикт. Другие считали, что компанейский Томас, любящий выпить и закусить с друзьями, «сангвиник до грани самодовольства»²², лучше всего подходит на должность директора подготовительной школы.

Губернатор Томас настаивал, что нужно получить соответствующие указания для проведения подготовительных мер на случай воздушной тревоги, чтобы не вызывать ненужного беспокойства. Поэтому он проследил, чтобы никакие сирены не звучали и не проводилось мер по светомаскировке. Это продолжалось и в ночь на 8 декабря, когда первые японские бомбардировщики ударили по Сингапуру.

Дафф Купер пережил еще одну вражескую бомбардировку через несколько недель — как раз когда собирался лететь домой. Его миссия в Сингапуре получила очень подходящее завершение — Купера отвели в «бомбоубежище, сделанное полностью из стекла»²³.

«Принц Уэльский» и «Рипалс» точно также могли быть сделаны из фарфора, поскольку отправились на перехват японских транспортов без защиты истребителей против пикирующих бомбардировщиков и бомбардировщиков-торпедоносцев. Командующий «Подразделением “Z”» адмирал сэр Том Филипс был тщедушным, сварливым и любящим подраться моряком, которого Уинстон Черчилль прозвал «Воробей». Он имел так мало морского опыта, что другой адмирал, Эндрю Каннингхэм, сказал: Филипс едва ли отличит нос от кормы.

Более того, Филипс придерживался традиционной для военноморского флота точки зрения (которую разделял и Черчилль) о том, что бронированные левиафаны легко справятся с механическими гарпиями. 10 декабря 1941 г. это мнение стоило ему жизни. Он приказал подать ему его лучшую шляпу, и вместе с ней и своим кораблем отправился на дно. Погибли свыше восьмисот моряков. Японским самолетам не помешали контролируемые радаром «пом-помы», известные, как «чикагские пианино». Они потопили оба больших судна. Их потеря стала самым большим шоком времен войны для Черчилля и наполнила Сингапур «ощущением полной катастрофы»²⁴.

Это была «катастрофа гигантских пропорций», как писал один английский военный служащий: «Мы чувствовали себя полностью открытыми для атаки»²⁵. Моральный дух упал, когда стало ясно, что быстрые и юркие «Мицубиси Зеро» способны превратить в фарш «зверинец» Королевских ВВС из «Буффало» («Буйволов»), «Вайлдбистов» («Антилоп гну») и «Уолрусов» («Моржей»). Эти громоздкие, неповоротливые и устаревшие самолеты, точно названные «летающими гробами», вскоре уступили контроль над малайскими небесами Японии.

Поэтому менее чем через неделю после начала войны на Востоке британцы были вынуждены защищать полуостров силами фактически одного рода войск. Их армия была плохо подготовлена и плохо оснащена для этой цели. В отличие от трех дивизий Ямашиды, которые обучились искусству быстрого маневрирования во время боев с китайцами, защитники имели малый боевой опыт. Многие из зеленых индийских военнослужащих никогда не видели танк, пока не встретились с японскими, которые строились боевым порядком против бронемашин «Роллс-Ройс» времен Первой Мировой войны — настоящих «музейных экспонатов»²⁶.

У британцев было много другого моторного транспорта, но он заставлял их держаться дорог, которые шли сквозь каучуковые поместья, банановые плантации и пальмовые рощи рядом с горным хребтом, поросшим джунглями. Японцы путешествовали налегке, ездили на велосипедах (а если протыкали шины, то двигались и на ободе колеса), носили парусиновую обувь (она не становилась тяжелой при промокании во время муссонов, как английские сапоги). Так завоеватели постоянно обходили по флангам своих разбросанных по территории противников, которые неорганизованно отступали. Как едко заметил один офицер, руководивший отступлением, его задачей было беспокоиться о бегстве.

Кроме 2-го Аргиллского и Сазерлендского хайлендского полка, которые имели опыт военных действий в дикой местности,

британские и имперские подразделения просто не могли остановить наступление. Как сказал один австралийский артиллерист, «в сравнении с японскими ветеранами, мы были младенцами»²⁷.

Контраст между лидерами тоже оказался заметен. Жестокий Ямашита установил «дисциплину, столь же суровую, как осенний мороз»²⁸. Он завоевал прозвище «Малайский Тигр». Британский командующий генерал Артур Персиваль никогда так и не смог должным образом взять под контроль своих подчиненных, которые называли его «Сингапурским Кроликом»²⁹. И в самом деле, его выступающие зубы, покатый подбородок, будто виноватая улыбка, маленькие усы, высокий нервный смех не давали правильного представления о характере. Ведь генерал был и умным, и смелым человеком. Но в отличие от крепкого, грубого и нескладного Ямашиты, который считал, что японцы, ведущие свое происхождение от богов, должны нанести поражение европейцам, ведущим происхождение от обезьян, он был болезненно скромен и удручающе нерешителен. Его призывы к народному сопротивлению скорее приводили в смущение, чем вдохновляли.

Персиваль не являлся яркой личностью, у него не было убежденности и динамизма, поэтому он не смог стимулировать и побуждать к действию Сингапур. Командующий не контролировал упрямых генералов, которые ему подчинялись — например, австралиец Гордона Беннетта. Последний, как говорили, всегда был готов к драке, держался вызывающе и искал повода к ссоре.

Артур Персиваль ничего не сделал со стопками памфлетов о противотанковой обороне, которые нашли нераспечатанными в шкафу у него в штабе — форте Каннинг, прозванном «Замок Неразберихи». Он выступал против подготовки малайцев и китайцев для ведения партизанских операций, поскольку «план, признающий возможность проникновения противника, имел бы ужасающий психологический эффект, отражающийся на восточном разуме»³⁰. Командующий разделял стандартную британскую точку зрения, считая, что малайцы не обладают никакими «боевыми качествами, необходимыми для ведения войны»³¹, а из тамиллов не получатся солдаты³².

Когда японцы захватили Пинанг и Куала-Лумпур, Персиваль не стал проводить эффективную политику выжженной земли, чтобы лишить их поставок. При разговоре по телефону он даже подвергся унижению — оператор прервал связь, как только закончились три положенные минуты. Вначале командующий отказывался установить фиксированные оборонительные сооружения на северном побережье Сингапура, поскольку это плохо скажется на моральном духе гражданских лиц. Затем он объявил, что это будет сделано, открывая секреты, как гневно выразился Черчилля,

словно новообращенный последователь проповедника Бухмана на церемонии «пробуждения».

Премьер-министр все еще был в ужасе, выяснив: Сингапур вовсе не является такой крепостью, как он представлял. Черчилль побуждал Персиваля мобилизовать население и сражаться до конца. Но когда Ямашита готовил окончательный удар, остров все еще пребывал в мечтательности и апатии. Кинотеатры были полны людей, оркестры играли на лужайках перед клубами, в гостинице «Раффлс» продолжались танцы. Цензоры запрещали журналистам использовать слово «осада». Когда один полковник прибыл на интендантский склад за колючей проволокой, то обнаружил, что тот закрыт во второй половине дня, поскольку она отводится для отдыха и развлечений. Когда другой офицер попытался превратить Сингапурский гольф-клуб в опорный пункт, секретарь клуба сказал, что для этого придется созвать совещание специального комитета. Когда архитектор из Управления общественных работ использовал кирпичи из внутреннего двора коллеги для строительства бомбоубежища на случай военной тревоги, то это привело к очень резким обвинениям и ссоре³³. Управление гражданской обороны начало копать траншеи в качестве защиты на случай сильной бомбежки, но администрация выступила с возражениями: эти траншеи станут местами распространения комаров. Некоторые австралийские солдаты сами отказывались рыть траншеи, потому что было слишком жарко...³⁴

Приняли указ, согласно которому работники, отправляющиеся трудиться в опасные зоны, не будут получать дополнительную оплату, поскольку это приведет к инфляции. Поэтому тамилы, которые требовались для строительства береговых редутов, продолжали косить траву на удаленной от берега территории. Британские подразделения требовали детальных карт острова. Они их получили, но выяснилось, что это карты острова Уайт.

Проявлялась настоящая обеспокоенность из-за местной «пятой колонны». Некоторые сомневались в верности султана Джохора, которому запретили появляться в Сингапуре, поскольку в танцзале ярмарки «Счастливый мир» он устроил беспорядки из-за своей любимой фаворитки — филиппинки по имени Анита.. Один военнослужащий «определенно видел ночью огни, исходящие от собственности султана... Эти лучи вполне могли направлять вражеские самолеты»³⁵.

Столь же зловещим в глазах властей было то, что султан подарил леди Диане Купер попугая, который говорил только по-японски. Если учитывать все, то сэр Чарльз Винер Брук, последний наследный белый раджа Саравака, определенно был прав, заклеив чиновников Сингапура — «жеманных, консервативных и некомпетентных»³⁶.

Еще более поразительными были комментарии одного учащегося Раффлс-колледжа, когда Джохорскую насыпную дорогу, связывающую остров с материковой частью, с грохотом уничтожили (но — не полностью). Когда директор школы спросил, что это за взрыв, Ли Куан Ю, будущий премьер-министр Сингапура, ответил: «Это конец Британской империи»³⁷.

Получилось так, что Персиваль настолько неумело отработал план диспозиций, что фактически преподнес победу японцам на блюдецке. Распределив свои войска по берегу, он поставил самые слабые формирования на северо-востоке, где Джохорский пролив сужался до тысячи ярдов. Соответственно, там и были проведены высадки десанта. Командующий не оставил никакого центрального резерва для контратаки. Он не отрядил военную полицию для задержания и сбора дезертиров, отставших солдат и грабителей.

Когда виски из Сингапурского клуба выливали, чтобы напиток не достался врагу, австралийских солдат видели «опустившими лица глубоко в сточную канаву. Они собирали столько виски, сколько получится»³⁸.

Персиваль дал указание артиллерии выпускать только по двадцать снарядов в день, чтобы сохранить боеприпасы для долгой борьбы. А все закончилось коротким столкновением. Когда команды подрывников поджигали военно-морскую базу, наполнив воздух маслянистым дымом, японцы использовали террор для создания паники. Они начали убийственную атаку на военный госпиталь, даже проткнули штыком пациента на операционном столе, после чего отрезали город от резервуаров. Европейцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы сбежать из разгромленной гавани, часто выталкивая азиатов из лодок. Эхом повторяя слова Черчилля, который призывал офицеров умирать вместе со своими подразделениями во имя чести Британской империи, Персиваль объявил: «Мы навечно покроем себя позором, если нам нанесет поражение армия умных гангстеров, которых во много раз меньше количественно, чем наших людей»³⁹.

Если бы Персиваль использовал все ресурсы Сингапура, то, быть может, и оправдал бы свои надежды, поскольку японцам опасно не хватало боеприпасов. Но он капитулировал 15 февраля 1942 г. Джордж Вашингтон поймал 7 200 бойцов в ловушке под Йорктауном. Ямашите удалось захватить в Сингапуре свыше 130 000 человек.

Черчилль, который неохотно дал согласие на капитуляцию, написал знаменитую фразу: «Это была худшая трагедия и крупнейшая капитуляция в британской истории»⁴⁰. Он считал ее особенно позорной при противопоставлении упорному сопротивлению американцев японским силам в Батане на Филиппинах (хотя там

защитники тоже количественно превышали атакующих). Субхас Чандра Бос, который рекрутировал пленных, взятых во время малайского разгрома, в Индийскую национальную армию, говорил о Сингапуре, как о кладбище Британской империи⁴¹.

С военной точки зрения, как всегда уверял Черчилль, приобретение Америки в качестве союзника более чем компенсировало опустошительные набеги враждебной Японии. Кроме того, оккупации Малайи Японией оказалась такой варварской, что в сравнении с ней британская имперская система казалась утонченной. Первым крупным преступлением, которое совершили японцы, была «операция по зачистке» — «очищение путем уничтожения» («сук чин») примерно 25 000 китайцев.

Отношение японцев к белым пленным тоже оказалось очень жестоким. Они специально прилагали усилия для унижения британцев перед их бывшими подданными. Оккупанты заставляли изнуренных и истощенных людей мести улицы перед фотокамерами и кинокамерами хроникеров, демонстрировали обнаженных женщин в витринах магазинов. Такие унижения и оскорбления в большей мере дискредитировали авторов, чем жертвы. Более того, безжалостная эксплуатация японцами малайских ресурсов подорвала всю пропаганду о «Сфере совместного процветания Великой Восточной Азии». «Новый порядок» императора Хирохито характерно платил за резину и олово никчемными и ничего не стоящими бумажными деньгами, выпущенными оккупационными властями. (Они, благодаря центральному орнаменту, получили прозвание «банановых денег»). В Шонане («Свет Юга»), как японцы переименовали Сингапур, оккупанты угрожали обезглавить любого, кто неправильно напишет имя императора. По этим и другим причинам люди в Малайе (особенно китайцы) приветствовали возвращение старого колониального порядка в 1945 г. с «искренней и безудержной радостью»⁴².

Однако ничего больше не могло пойти по-старому. После утраты «Подразделения “Z”» британцы пытались удержать военно-морскую базу Сингапура по большей части по причине имперской гордости. Поэтому ее потеря в первую очередь оказалась потерей лица, ужасным ударом по престижу. Превосходство белых было основой их правления, а Ямашита разгромил его во время кампании, которая длилась всего семьдесят дней. Единственный японский лозунг, который продолжал звучать после падения атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки, был таков: «Азия для азиатов». По словам Ли Куан Ю, который стал премьер-министром независимого Сингапура в 1959 г., «когда война закончилась в 1945 году, не было никакого шанса воссоздания британской колониальной системы старого типа. Шоры упали с наших глаз, и мы сами уви-

дели, что местные жители могут управлять страной»⁴³. Шок от падения Сингапура почувствовали далеко за пределами Востока. Он отдался эхом даже на удаленных участках северо-западной границы, где пуштуны выразили «презрение оттого, что столь серьезное поражение англичане понесли от рук таких противников»⁴⁴.

В Великобритании интеллектуалы теперь винили себя в «подрыве уверенности»⁴⁵ в империи, принимая ее принципы силы, на которых она строилась. Так философы лишали силы старый режим перед Французской революцией. Марджори Перхам призывала в «Таймс» к срочной перестройке колониальных администраций, в особенности — в сфере расовых отношений. Британцы «заслужили укор за то, что отказывали в полном равенстве в рамках империи, хотя винили Гитлера за его политику расы господ»⁴⁶.

Австралийцы чувствовали себя преданными метрополией, как объявил их премьер-министр Джон Кёртин (и его фраза стала хорошо известной). Они теперь ожидали защиты от США, «свободные от любых мук и страданий в связи с нашими традиционными связями или родством с Соединенным Королевством»⁴⁷. Через два дня после падения Сингапура Генри Льюс опубликовал статью «Американское столетие» в журнале «Лайф», в которой утверждалось: США должны занять место, которое однажды занимали великие державы — Римская и Британская империи. Но Америка будет царить доброжелательно, благосклонно, щедро и великодушно, обеспечивая помощь, культуру, технологии, демократию и мир.

Критики отмахнулись от этого утверждения, назвав «мышлением Льюса»⁴⁸, пустословием мессии о новом мировом порядке, который вполне может оказаться хуже старого. Но независимо оттого, был ли Льюс великодушным и надменным, или же путаным и бестолковым, он оказал влияние в формировании мнения. Этот обозреватель помог определить будущую роль Америки в тот самый момент, когда казалось, что Британия вот-вот лишится империи.

* * *

Даже американская помощь в виде китайских армий генерала «Укусного Джо» Стилвелла и «летающих тигров» генерала Клэра Ченнольта не смогла остановить одновременное наступление японцев в Бирме. И вновь британское отступление получило все характеристики разгрома. Как и в Малайе, оно оказало фатальное влияние на положение колониальной державы.

Губернатор сэра Реджинальд Дорман-Смит, которому пришлось бросить свою большую коллекцию цилиндров, сказал: британцам

никогда больше не удастся поднять головы в Бирме. Они не смогли ни защитить себя от вторжения японцев, ни защитить гражданское население от атак на земле и с воздуха. Например, в начале апреля 1942 г. мощный воздушный налет почти стер с лица земли Мандалей. Первый удар уничтожил клуб Верхней Бирмы, где люди собрались на обед. Бомбы убили сотни людей, некоторых отбросило в ров форта Дафферин. Из-за бомбежки начались пожары, которые за несколько секунд уничтожили бамбуковые хижины с соломенными крышами. Рухнули и более крепкие здания — например больница и железнодорожный вокзал. Как заметил в неопубликованных мемуарах один индийский чиновник, Н.С. Тайябджи, подобная бойня «покончила с любым остающимся чувством верности или сочувствия делу Британии среди бирманских и китайских местных жителей».

Тайябджи помог организовать эвакуацию 400 000 индусов и других лиц из Бирмы. Он говорил об ужасающих обстоятельствах, при которых проходило передвижение по суше: промокшие после муссонов джунгли, кишашие пиявками; слякотные и топкие горные тропы, забитые охваченными паникой людьми; грязные лагеря беженцев, где свирепствовали холера, дизентерия и малярия; тучи ярких бабочек, парящих над раздутыми трупами. Автор мемуаров стал свидетелем результатов применения фугасных бомб и снарядов японцами: «Оторванные конечности и куски одежды были разбросаны по территории, представляя собой жуткое зрелище». Он отмечал, что белые имели приоритет даже в бегстве, и жаловался на «вопиющую дискриминацию».

К концу мая японцы оккупировали всю страну. По словам Тайябджи, они «уничтожили миф о западной неуязвимости, а вместе с ним — и те прочные связи, которые могли пережить 100 с лишним лет эксплуатации и бездумной власти»⁴⁹.

Это было справедливое замечание, поскольку бирманцы всегда яростнее, чем другие колонизованные расы, выступали против подчинения Британии. (Словом «бирманцы» обозначается как титульная нация Бирмы, так и все жители страны в целом. «Сингальцы» и «малайцы» — это этнические термины, но «цейлонцы» и «малазийцы» означают все население соответствующих стран).

С самого начала бирманцы чувствовали сильную озлобленность⁵⁰ по отношению к завоевателям. Аннексия 1885 г. наполняла их «жаждой восстания, самой яростью мятежа против узурпаторов-иностранцев»⁵¹. Как правило, против завоевателей их настраивала внезапная атака на социальную, политическую и религиозную систему, которая господствовала в Бирме на протяжении трехсот лет. Она была иерархичной по своей структуре, поддерживалась наследной элитой, руководил страной король. Теократический

монарх царствовал и правил за высокими стенами из красного кирпича, окружавшими его дворец в Мандалее, под изящным рядом шпилей над залом аудиенций. Только он один мог демонстрировать эмблему в виде павлина и носить парчовые и шелковые одежды, бархатные сандалии, драгоценные камни и скрученные в двадцать четыре ряда золотые цепи.

Король организовывал все аспекты жизни, давал займы деньги, развивал торговлю, распределял по группам и рангам монахов, покровительствовал искусству и определял этикет. Он даровал звания, чины и должности, которые обозначались одеждой, украшениями, правильными оттенками зонтиков и должными размерами плевательниц. Предполагалось, что королевский указ действует от перешейка Кра до болот в предгорьях Гималаев, от зеленых долин Бенгалии до пурпурных возвышенностей Страны Шанов. Но последний бирманский король Тибо являлся сюзереном только для кланов каренов, качинов, шанов, чинов и нескольких других народностей в горах, которые окружали засушливые верховья реки Иравади.

Но даже в этой долине правило беззаконие. Поэтому британцы выступали за низложение короля и прямое подчинение, намереваясь удерживать три миллиона своих новых подданных при помощи силы.

Захватчикам потребовалось пять лет, чтобы покончить с противостоянием. Патриоты объединились с бандитами, а борцы за свободу — с террористами. Так возникло сопротивление.

Бирманские вооруженные бандиты с острыми, словно бритва, дахами (длинными ножами) и искренней верой в магические заклинания и то, что татуировки в виде рептилий, великанов-людоедов и чудовищ делали их неуязвимыми, заработали репутацию жестоких людей. Их боялись. Они вполне могли облить женщин керосином и поджечь их, забить младенцев в рисовых ступках до «настоящего желе»⁵². Ответные демонстрации насилия не пугали бирманцев, которые «в ужасном видели комический элемент». Подразделение военно-морской бригады обнаружило это, когда пыталось преподать им урок, казнив двенадцать бандитов одного за другим. «Первого поставили спиной к стене. Коническая пуля ударила его промеж глаз и снесла всю верхнюю часть головы, которая исчезла странным, гротескным, неожиданным образом. Его товарищи, которые стояли рядом, ожидая своей очереди, визжали от хохота при виде этого зрелища. Они смеялись, по очереди направляясь на расстрел, относясь ко всей экзекуции, как к большой и необычной шутке»⁵³.

Даже после того, как британцы получили власть и стали хозяевами, преступность увеличилась в вызывающей тревоги степени.

Несомненно, это часто становилось независимой формой восстания. В любом случае, бирманцы оставались, по мнению сменяющих друг друга наместников короля, не столько жителями провинции Индии, сколько нацией бунтовщиков. Как писал один из них, его офицеры пытались «заменить социальный порядок тюремной дисциплиной»⁵⁴.

Британское правление законности стало более репрессивным, чем бирманское ярмо традиций и обычаев. В основном оттого, что оно сурово навязывалось. В 1930-е гг. каждый ежегодно вешали по сто человек. Это был шокирующе высокий процент при населении менее семнадцати миллионов человек. Джордж Оруэлл классически изобразил ужас таких казней.

Британский подоходный налог был более навязчивым, чем обложение налогами собственности. Новая система местного управления уничтожила старое чувство общины. Традиционные главы уступили назначенным британцами деревенским старостам. Они так никогда и не добились той же верности и преданности, хотя устраивались церемонии по оснащению их дахами с серебряными рукоятками и красными зонтиками с позолоченными ручками. Сами старосты подчинялись новым господам, причем в такой степени, что мальчики на рисовых полях пели: «Негоже, негоже иноземцам править в Золотой Земле!»⁵⁵

Британцы никогда не завоевали сердца и умы бирманцев, их пропаганда часто не имела никакой силы. Например, попытки завоевать верность королю и империи игнорировали бирманскую традицию выбора популярных героев. (Ими были те, кто бросал вызов властям).

Даже позитивные дела британцев — расширение железных дорог, здравоохранения, улучшение сельского хозяйства и т.д. — не дали благосклонности масс. Да, один или два представителя крошечной образованной элиты считали такой прогресс исторической необходимостью⁵⁶. Но они тоже ненавидели резкое навязывание административной системы, которая и рвала с бирманским прошлым, и лишала самых способных сыновей Бирмы надежды стать кем-то выше простых клерков. Как писал один высокопоставленный белый чиновник, неподходящие и чуждые по духу реформы не закрепились в Бирме и не способствовали росту национальной жизни. «Именно поэтому мы остаемся чужестранцами, куда бы мы ни отправились. Именно поэтому наша шаблонная цивилизация не проникает глубоко. Именно поэтому наши программы самоуправления не находят искренней поддержки среди населения Востока. У нас горячие и напряженно работающие головы, но наши сердца холодны, словно лед»⁵⁷.

Везде не хватало сочувствия, симпатии отсутствовали (возможно, за исключением царства футбола). Английская версия сменила бирманскую игру и предположительно стала «главным положительным моментом»⁵⁸ имперского правления. Однако футбол обеспечивал выход озлобленности и яростным анти-европейским чувствам. Как вспоминал сам Оруэлл, «когда маленький бирманец подставил мне подножку на футбольном поле, а судья (еще один бирманец) посмотрел в другую сторону, толпа кричала, заливаясь жутким смехом»⁵⁹.

Другие вопросы вызывали еще более сильные страсти. Британцы безжалостно эксплуатировали тиковые леса, нефтяные месторождения и рубиновые копи. Их предпочтения племенам вроде каренов, которым предоставили некоторую степень автономии и брали в армию, как представителей «воинственной расы», раздражали бирманцев. Их раздражал и приток индусов, ведь это меняло вид страны. Кули с субконтинента помогали отодвинуть джунгли в дельте Иравади, где было много змей и насекомых. Они сажали рис в промышленных масштабах и создали «фабрику без труб».

Рангун стал преимущественно индийским городом, где кули набивались в зловонные бараки или спали на улицах, «так тесно прижавшись друг к другу, что почти не оставалось места для того, чтобы протолкнуть тачку»⁶⁰. Другие индусы стали ростовщиками, обогащались на бирманских долгах и приобрели много земли. Третьи получали хорошие места на железных дорогах, пароходах, в тюрьмах, мельницах и офисах. Они фактически монополизировали коммуникации.

Еще до времен короля Тибо бирманцы установили телеграфную систему и адаптировали азбуку Морзе под свой алфавит. Теперь же стало невозможно пользоваться телефоном без знания хинди. Чужеземное влияние, как казалось, представляло угрозу бирманской религии, символизированной культовым комплексом Швэдагоун. Шпиль пагоды отражался в Королевском озере и пронзал небо над Рангуном, словно «золотая стрела»⁶¹. Светские и миссионерские школы, в которых говорили на английском языке, уже ослабляли влияние буддийского монашеского ордена. Британцы не смогли его поддержать, что подорвало центральный столб бирманской цивилизации. Неслучайно, что Ассоциация молодых буддистов, основанная в 1906 г., обеспечила первый крупный националистический импульс после падения Тибо, последнего «защитника веры»⁶².

Ассоциация молодых буддистов, восточное эхо Ассоциации молодых христиан, зародилась в качестве студенческой организации, занимающейся духовными вопросами. Но вскоре она стала развивать культурные интересы, которые способствовали патри-

отизму. Усилия по возрождению бирманского искусства и литературы привели к повторному утверждению национальной индивидуальности и самобытности.

Во время Первой Мировой войны, которая нанесла урон экономике страны, президент Вильсон возбудил желание самоопределения. В 1919 г. бирманская антипатия к британцам приняла форму требования снимать обувь перед входом в пагоды. Колониальные хозяева заставляли бирманцев входить к себе босыми ногами, а это был «зуб за зуб». Однако, отказываясь унижаться, британцы просто стали игнорировать священные места. Они даже бойкотировали культовый комплекс Швэдагун. «Это святилище надежд нашей нации, — сказал один бирманский лидер. — Оно отражает в своей золотой красоте неустанное стремление смертного за бесконечностью»⁶³.

Когда леди Диана Купер сняла чулки и туфли на высоких каблуках, чтобы посетить этот храм в 1941 г., она отметила, что белые хозяева, которые ее принимали, пришли в ужас: «Такие поступки, очевидно, прогонят нас из Бирмы»⁶⁴. Вопрос о пагоде явно побудил бирманцев присоединиться к волне сопротивления, которая пронеслась по Британской империи после Первой Мировой войны. В Рангуне монахи отвели взоры от небесных видений и посмотрели на перспективы земного спасения. Самым яростным политическим лидером стал У От Тама, революционер в одежде цвета шафрана. Он проповедовал, что души не могут достигнуть нирваны, пока тела не освобождены от рабства.

Его и ему подобных часто заключали в тюрьму за подстрекательство к мятежу. Губернатор сэр Реджинальд Крэддок осуждал их за «жертвование многовековым преклонением ради девяти дней аплодисментов изумленных масс»⁶⁵. Но «люди были возбуждены до мозга костей, слыша такие смелые речи своего храброго лидера»⁶⁶.

По словам одного христианского миссионера того времени, националистическая агитация «позволяет вдохнуть воздух горных вершин и вызывает в воображении яркие картины неопределенного, но прекрасного будущего».

Агитация стала более сфокусированной и более светской, когда британцы, отказавшись от возможности самоуправления по ирландскому типу, не предоставили Бирме даже конституционных авансов, которые предложили Индии. Министерство по делам Индии заявляло: правительство нельзя заставить отвечать перед бирманским народом, поскольку бирманского народа не существует. Это неоднородная сущность.

Такое утверждение вызвало негодование и привело к появлению «Ассоциаций собственной расы» во многих из 11 000 деревень

страны. Их участники давали клятву, заявляя, что будут ей верны или обрекут себя на вечные муки ада: «Я буду трудиться ради самоуправления сердцем и душой и не уклоняться от своих обязанностей, даже если мне будут ломать кости и срывать с меня кожу»⁶⁷.

Атины (участники ассоциаций) сопротивлялись налогообложению, выступали против легализованной продажи алкоголя и опиума и свободно совершали насилие. В 1923 г. британцы их запретили и установили систему двоевластия по индийской модели. Новый Законодательный совет был органом с широким представительством, избираемым домовладельцами, хотя имелись коммунальные и другие ограничения на членство. Несмотря на двух министров, отправляемых в Исполнительный совет губернатора, Законодательный совет имел строго ограниченную власть. Например, сам губернатор управлял племенными регионами и контролировал оборону, финансы, закон и порядок.

Этот привкус демократии едва ли удовлетворял общенациональный аппетит к свободе. Вероятно, главным достижением стало обеспечение нового поля для коррупции. Глубина ее оказалась огромной, а распространение повсеместным — как и в кабинете Авраама Линкольна, чей госсекретарь, по общему мнению, мог украсть все, кроме раскаленной докрасна печки.

Большинство людей с отвращением игнорировали выборы, а политическая агитация продолжалась. В конце 1920-х гг. она нашла выражение в таких органах, как Ассоциация Добама («Добама асайсьон»). Слово «добама» означало «мы — бирманцы». Копируя ирландскую «Шин Фейн», она начала бойкотировать западные сигареты, стиль причесок и одежды. Ее участники расхваливали достоинства манильских сигар. Они восхваляли красоту локонов агатового цвета, украшенных гирляндами ярких цветов — например, орхидей или жасмина. Они пели гимны добродетелям розовых лунги и пасох (видов юбок), пошитых из мандалейского шелка, а также гаунг-баунг из камчатной ткани (шарфов для ношения на голове), украшенных янтарем.

Мировая Великая депрессия вызвала падение цен на рис и поток лишений должников права выкупа заложенного имущества. Это привело к тому, что многие бирманские землевладельцы превратились в арендаторов. Это увеличило напряжение в стране — в частности, между различными группами населения. В мае 1930 г. Рангун сотрясали антииндийские бунты: за людьми на улицах охотились, словно за паразитами, женщин разрывали на куски. В конце года, когда Ганди устраивал марш к морю за солью, националистические страсти перешли в восстание. Лидером стал самопровозглашенный спаситель-король по имени Сая Сан, который взял себе титул галон раджа. Галон — это сказочная птица,

которая при помощи деревенских магов (вейкса) и местных духов (нат) убьет британскую змею (нага).

Хотя галон раджа получил широкую поддержку, он оказался раздавлен мощными кольцами своего противника (змеи). Гонги, заговоры, амулеты и каббалистические знаки произвели мало впечатления на десять тысяч солдат империи, вооруженных пулеметами. Но смелость последователей Сая Сана была заразной, и их призыв оказался побудительным: «Бирма предназначена только для бирманцев. Еретики силой забрали короля Тибо и украли у него Бирму. Они уничтожили нашу расу и религию, а теперь они имеют наглость называть нас бунтовщиками»⁶⁸.

Появились новые лидеры — в частности, два амбициозных юриста, которые защищали Сая Сана (безуспешно) во время судебного процесса, где ему предъявили обвинение в государственной измене. Это были яркий, выделяющийся, вестернизированный Ба Мау, и неотесанный У Сау, имевший гангстерский вид. Они оба стали премьер-министрами при британском правлении и попытались с ним покончить с азиатской помощью.

Старые антагонизмы сделались более ядовитыми. Националисты ругали иностранную надменность и высокомерие, типичным выражением которых были эксклюзивные анклавы вроде клубов «Пегу» и «Гихана». Еще больше раздражала расовая предвзятость закона. Когда пьяный британский офицер нанес серьезные увечья двум бирманским женщинам во время автомобильной аварии, приговор о тюремном заключении был отменен после апелляции. Судью Мориса Коллиса, который его вынес, перевели на другую работу.

Рассказ Коллиса об этом эпизоде вполне мог бы стать сюжетом классического рассказа Юлиана Макларена-Росса «Маленькая авария в Мадрасе». Там повторялся имперский приказ: «Эй, бой, принеси хозяину большую порцию бренди!»⁶⁹

Пока продолжала бушевать экономическая буря, националисты громили иностранный капитализм. Рангун изобиловал примерами его зла, он был чуть лучше Бомбея, Калькутты, Сингапура и Шанхая: «Яркое шоу наверху и сильно воняющий мир — внизу»⁷⁰. В центре города имелись здания в стиле «ар деко» и неоклассические офисы с коринфскими портиками. Однако белые магнаты отправлялись домой в роскошный пригород Золотая Долина, а рабочие с коричневой кожей жили в шумных трущобах рядом с пристанью. В районе дельты, где в сезон дождей Иравади несла больше воды, чем Темза за год, окрашивая океан в кирпично-красный цвет на сто миль, британцы не смогли даже построить должную канализационную систему. Дела даже ухудшились по сравнению с викторианскими временами, когда тысячи людей жили в лачугах

на болотах, а «самая отвратительная грязь собиралась кучами или гнила в лужах у самых их дверей»⁷¹.

Никто не обращал внимание на физическое и нравственное здоровье бирманцев. Образовательная система ухудшилась после правления Тибо, а в Рангуне имелась только одна публичная библиотека, которая тратила на книги в год 10 фунтов стерлингов. Поэтому в начале 1930-х гг. пылкие молодые радикалы различных политических убеждений (некоторые — марксисты) создали движение Такинов. Такин означало «сагиб», и бирманцы приняли титул в виде вызова своим колониальным хозяевам, против которых они проводили забастовки, бойкоты и демонстрации. Выдающимися такинами были У Ну (это самое известное имя первого премьер-министра свободной Бирмы) и Аун Сан, отец Аун Сан Су Чжи, лидера оппозиции, сегодня выступающей против военной хунты в стране.

Аун Сан был горячим революционером, готовым принять почти любой курс, чтобы порвать с империей. Чтобы их не превзошли и не обошли, старшие политики вроде Ба Мау ругали «расовое порабощение» своих соотечественников. Он объявлял, что «наша первая задача — это избавиться от великана-людоеда, который ездит на наших спинах».

«Великан-людоед» держался крепко, меняя захват в зависимости от того, как требовали обстоятельства. Ба Мау присутствовал на круглом столе в Лондоне в 1933 г., который организовало Министерство по делам Индии, чтобы успокоить непокорных и бунтующих бирманцев. Он нашел атмосферу официальной, холодной и даже враждебной, посчитав, что хозяева совершенно циничны в придумывании способов спасения империи: «А она, как они знали в глубине души, исторически обречена». Его рассказ об их тактике был характерно пронизательным: «Колониальная власть столкнулась с повторяющейся время от времени колониальной дилеммой, пытаясь дать, но не давать, брать с видом дающего, двигаться вперед, однако в основных вещах оставаться там, где были. Чтобы разрешить эту дилемму как можно лучше, ей пришлось обратиться к обычным уловкам разделения, чтобы властвовать, и откладывания, чтобы нанести поражение. Власти придумывают поводы возможного отказа и условия, благодаря которым получится удачная сделка из того, что окажется пустышкой, когда будет отдано».

По Закону об управлении Индией от 1935 г. Великобритания давала Бирме величайшую степень самоуправления внутри империи (исключая доминионы). Страну отделили от Индии.

Бирма фактически получила больше, чем Индия, потому что, хотя две конституции были похожи, князья не давали работать Национальному собранию в Дели. В отличие от Индии, Рангун

получил двухпалатный Парламент. А Палата представителей, перед которой отчитывался кабинет, выбиралась четвертью бирманского народа.

Однако националисты голосовали без энтузиазма. Хотя Ба Мау стал премьер-министром в 1936 г., последнее слово все равно оставалось за губернатором. У него в распоряжении находились индийские силы, он сохранял обширное право вето и полный контроль над племенными территориями — 40 процентами территории Бирмы. Ба Мау, который совмещал эгалитарную риторику с тоталитарными претензиями, был известен, как «пролетарский фараон». Но он и продажные и его корыстные преемники вроде У Сау мало чего могли добиться, даже хотя собрали частные армии с экзотическими названиями — например, «Зеленая армия», «Стальная армия» или «Армия ножей».

При усилении нетерпения таины призывали к более смелым мерам, чтобы сбросить британцев с насиженных мест. Аун Сану, который происходил из семьи старост сельских общин в Верхней Бирме, в 1939 г. исполнилось всего лишь двадцать четыре года, но он уже показал себя бескорыстным идеалистом и неподкупным общественным деятелем из этой неясной партии. Это был аскет — суровый, честный и справедливый. Он жил в просто обставленном доме в пригороде, одевался скромно — в белую фуфайку и клетчатую лунги.

Аун Сан был невысокого роста, худым, с коротко подстриженными волосами, голова по форме напоминала пулю. Он отличался очень острым умом и острым языком, его лицо казалось словно бы высеченным из бронзы. Это был человек настроения, иногда угрюмый и угрожающий, иногда заливающийся мальчишеским смехом. На службе национализму он менял направление от коммунизма к нацизму. Аун Сен был готов поднимать знамя с серпом и молотом или со свастикой, но при условии, что таким образом освободит Бирму.

В сентябре 1939 г. Аун Сан объединил силы с Ба Мау для создания Блока свободы — имитации организации Субхаса Чандры Боса. По словам Ба Мау, ее целью было сопротивление участию Бирмы в войне против Германии и борьба с Британией ее же собственным оружием — идеалами свободы, демократии и честной игры.

Но Блок свободы имел скрытую программу, которую Ба Мау не был готов сообщить. Когда сэр Стаффорд Криппс спросил его в 1940 г., что будут делать бирманцы, он ответил: «Бирманцы будут действовать бирманским путем». «Что такое бирманский путь?» — настаивал Криппс. Ба Мау заявил: «Это бирманский секрет»⁷².

Секрет был тесно связан с лозунгом «Вперед, на восток!»⁷³ Ба Мау и другие смотрели на Японию, от которой ожидали вступле-

ния в конфликт. Они считали это средством порвать с империалистической властью. Но когда кампания Блока свободы против военных действий Британии стала более агрессивной, его лидеров арестовали. Новый премьер-министр У Сау был виртуозом фракционной борьбы и получил особое удовольствие от отправки в тюрьму своего старого соперника Ба Мау. Аун Сан ушел в подполье и был унижен и обижен, так как британцы назначили за него награду в размере всего пяти рупий — «цену приличной курицы»⁷⁴.

Им следовало предложить больше. В августе 1940 г. Аун Сан исчез, переодевшись кули. Он отправился в Японию. На следующий год Военное министерство в Токио организовало его тайное возвращение в Рангун. Здесь он собрал группу такинов и других борцов для прохождения сурового курса военной подготовки под руководством японских инструкторов в Китае. «Тридцать товарищей», как их называли, приобрели легендарный статус, сравнимый со статусом Горация и его сотоварищей на мосту, которые спасли Рим от легионов Порсены. [Имеется в виду война с этрусским царем Порсеной. Гораций защищал мост через Тибр. — *Прим. перев.*] В декабре 1941 г. «Товарищи» Аун Сана собрались в Бангкоке, где пригласили других беглецов сформировать Армию независимости Бирмы из тысячи человек. Там они взяли себе экстравагантные титулы: Аун Сана провозгласили «Огненным генералом», Не Вина (будущего военного диктатора Бирмы) — «Солнцем славы». Наконец, все дали древнюю воинскую клятву: «Тридцать товарищей» ритуально разрезали пальцы, собрали кровь в серебряную чашу, выпили из нее и поклялись освободить свою родину.

Тем временем премьер-министр У Сау предложил посетить Черчилля и получить обещание независимости в ответ на полное сотрудничество бирманцев в ведении войны. До отправления в путь он искал духовной помощи, хотя не обычными способами — премьер Бирмы не поднимался босиком по одной из четырех огромных лестниц на пагоду Швэедагоун. Вместо этого У Сау давал «клятвы, молил и просил», летая на своем частном «Тайгер Мот» вокруг блестящего флерона, известного как «зонтик с драгоценными камнями»⁷⁵.

Конечно, он ничего не получил от находящегося в состоянии боевой готовности Черчилля. Рузвельт, которого он посетил следующим, был столь же уклончивым и не взял на себя никаких обязательств. Поэтому, увидев по пути домой остатки Перл-Харбора на следующий день после атаки, У Сау стал зондировать почву с японцами. Однако британцы перехватили его послание и арестовали премьера Бирмы.

Этот эпизод иллюстрирует притяжение восходящего солнца Японии для восточных националистов в колониях Европы. Когда

японцы штурмовали долину Иравади, то, как писал Ба Мау, «сердца бирманцев сильно бились в груди». Каждая азиатская победа казалась еще одним гвоздем в гроб Британской империи. Правда, Бирма, находившаяся в состоянии войны с Японией по британскому указу, была полностью разгромлена во время конфликта. Силы Александра выжгли землю при отступлении, а китайские армии Стилвелла превратились в банды. Армия независимости Бирмы, ряды которой увеличились благодаря бандитам и «политическим паразитам»⁷⁶, грабила всех и способствовала войне на национальной почве с про-британски настроенными каренами в дельте. Японцы убивали, насиловали, грабили, пытали, били, заставляли принудительно работать, оскверняли пагоды, превращали храмы в бордели, а собор в Рангуне — в фабрику по производству соуса и саке.

Через несколько месяцев появилось популярное выражение: «Британцы сосали бирманскую кровь, но японцы добрались до мозга костей»⁷⁷. Однако, в отличие от британцев японцы дали бирманцам то, чего хотели их сердца — свободу.

Не нужно говорить, что это был мираж. Декларация независимости Бирмы, которую Ба Мау обнародовал 1 августа 1943 г., стала политическим эквивалентом «Сферы совместного процветания Великой Восточной Азии» — иллюзией, придуманной, чтобы скрыть реалии японской власти. Сам Ба Мау был просто ложным фасадом для оккупации. Он взял санскритский титул адипади («тот, кто стоит первым») и провозглашал фашистские лозунги: «Одна кровь, один голос, один лидер»⁷⁸. Этот человек даже приобрел манеры, наряды и атрибуты особ королевской крови. Например, он появлялся в «блестящей черной шелковой рубашке с длинными рукавами под кроваво-красной шелковой жилеткой, кроваво-красных свободных штанах, затянутых у талии и на лодыжках, в мягких черных бархатных бирманских тапочках. Странный комплект завершался черным беретом. Обе его щеки были напомажены.

Бирманцы смеялись над женоподобным видом Ба Мау и царственными манерами, они говорили про него: «Если ты великолепен, то ты великолепен; если ты сумасшедший, то ты сумасшедший»⁸⁰.

Японцы проявляли еще большее презрение, они даже не утруждались проконсультироваться с Ба Мау о передаче приграничных областей Бирмы своему союзнику Таиланду. Оккупанты ритуально унижали адипади, ругали его, заставляли ждать, отказывались позволить ему занять Дом правительства — чудовищное сооружение в неоготическом стиле из красного кирпича и белого камня, прозванное британцами «базой Сент-Панкрац». Говорили, что это второе по уродству здание в Рангуне.

Однако Ба Мау упрямо сопротивлялся усилиям японцев, желавших заставить его вести себя, как должна марионетка. По словам его министра иностранных дел У Ну, донкихотской личности, который признавал наличие «штампа “Сделано в Японии”»⁸¹ на собственном лбу, адипади отказывался позволять своим военным начальникам дергать себя за веревочки. Это привело их в такую ярость, что они пытались организовать на него покушение. Ба Мау был смелым, хотя и любил показуху, он продолжал утверждать права своей страны. Бирманский национализм выковывался на наковальне антибританской борьбы, но доводился до нужного состояния в печи антияпонской войны. Если Декларация Ба Мау 1943 г. и была ложной, она оказалась славной. В ней заявлялось, что Бирма восстановила «свое законное место среди свободных и суверенных государств мира»⁸².

В тщетной надежде сделать так, чтобы эти слова что-то значили, Ба Мау отказывался бросать Японию, хотя потворствовал росту тайного Движения Сопротивления, возглавляемого Аун Саном. Довольно любопытно то, что японская военщина больше верила этому ветреному молодому человеку, чем в премьер-министру. Во время ранней встречи их особенно поразила рваная рубашка Аун Сана и ничего не выражающее лицо — фактически маска. Это был признак самурайского духа. Он представил другие доказательства этого духа, используя меч для казни деревенского старосты во время войны. В дальнейшем лидер заявлял, что это был акт настоящей справедливости, поскольку «в таких рабских государствах, как Бирма, нельзя сказать, что соответствие закону является справедливостью»⁸³.

Поэтому, хотя японцы расстроили Аун Сана, разогнав его неуправляемую Армию независимости Бирмы, они сделали его генерал-майором и поставили командовать меньшим, но более дисциплинированным подразделением, именуемым Бирманская национальная армия. Ее солдаты носили японскую военную форму и знаки отличия, однако в их эмблеме присутствовал голубой павлин, символ Бирмы. Бойцы обожали генерала.

Аун Сан также стал министром обороны, император Хирохито вручил ему орден Восходящего Солнца третьего класса. Но ничто из этого не остановило его от сговора с коммунистами, каренами и другими партизанами-антифашистами, как только прилив повернулся против Японии.

27 марта 1945 г. Бирманская национальная армия вышла из Рангуна под музыку, исполняемую японскими военными оркестрами, с целью борьбы против союзников, в чем и присягнула. Затем она исчезла в джунглях и начала убивать японских солдат. Аун Сан объявил: «Теперь мы в состоянии войны»⁸⁴.

Неделей раньше генерал сэр Уильям Слим с 14-й армией взял Мандалей (и в процессе штурма разрушил остатки дворца Тибо). Теперь 14-я армия шла на юг. Командующий считал ее «Золушкой среди всех армий империи». Она пробилась сквозь то, что он называл «худшей местностью в мире с худшим в мире климатом и микробами некоторых из самых худших в мире болезней»⁸⁵.

По мере удлинения линий коммуникаций, силы Слива научились импровизировать, используя джутовые парашюты, покрывая дороги полосами пропитанной битумом мешочной ткани и изготавливая плоты из бревен, напоминавшие Ноев ковчег. Они даже сами себя кормили, разводя уток в китайской манере (они высиживали яйца в неочищенном рисе). Поэтому 14-я армия при минимальной помощи Бирманской национальной армии едва успела к Рангуну до начала сезона муссонов. Когда Слим встретился с Аун Саном через пару недель, на него произвел впечатление искренний патриотизм генерала, все еще носившего японскую форму и меч.

В дальнейшем Слим писал, что Аун Сан мог бы «оказаться бирманским Смэтцом». Но в то время британский командующий не мог удержаться от язвительного замечания и укорил Аун Сана за то, что сменил сторону в конфликте только потому, что союзники выигрывают. Он ответил: «Не было бы толку переходить к вам, если бы вы не выигрывали, не так ли?»⁸⁶

Аун Сан заявлял, что представляет бирманское временное правительство, сформированное теми, кто координирует сопротивление японцам. Слим не признал это правительство и сказал посетителю, что тому повезло, что его не арестовали как предателя и военного преступника. Но стало ясно, что только Аун Сан может стимулировать поддержку союзников в Бирме со стороны общества. Поэтому Маунтбаттан, главнокомандующий в Юго-Восточной Азии, его поддержал. Это стало быстрым и смелым решением. И оно грозило Маунтбаттену острыми разногласиями с отправленным в ссылку губернатором.

Дорман-Смит планировал «сделать Бирму драгоценностью империи», как настаивал Эрнст Бевин, вести ее народ к «полноценному статусу самостоятельного государства»⁸⁷, на что потребовалось бы несколько лет. У Черчилля возникли подозрения, он обвинил Дорман-Смита в желании «раздавать империю»⁸⁸. Нетерпеливые либеральные критики обвиняли губернатора в том, что он «ничему не научился и ничего не забыл»⁸⁹. Но в мае правительственная «Белая книга», составленная мрачным английским правительством⁹⁰, подтвердила эту политику. Поэтому Дорман-Смит утверждал, что чистым безумием является поддержка Аун Сана. Маунтбаттен настаивал, что его поддержка — это военная необхо-

димось, он угрожал военным трибуналом любому, кто попытается саботировать эту стратегию.

Поэтому на Параде Победы, который проводился 15 июня 1945 г., Бирманская национальная армия присоединилась к контингентам союзников и промаршировала сквозь руины Рангуна. Маунтбаттен относился к Аун Сану, все еще носившему японскую форму, как «бывшему бунтовщику, который увидел свет».

На самом деле Аун Сан увидел, что у Маунтбаттена миллион человек с оружием, а сотрудничество с ним необходимо, как и его полная поддержка. Но после внезапной капитуляции Японии в августе силы союзников были быстро демобилизованы, зато Аун Сан усилил свою частную армию. По словам одного британского наблюдателя, она была чем-то средним между Гражданской гвардией и Британским легионом. Но это позволило Аун Сану, который теперь возглавлял политическую коалицию, названную Антифашистская лига народной свободы, оказывать давление на Дорман-Смита, который вернулся в Рангун в октябре 1945 г.

«Мы, бирманцы, уже не те, что были в 1942 году, — объявил Аун Сан. — Мы должны использовать силу, и мы полностью готовы к борьбе». Поэтому, пока Дорман-Смит пытался выполнять положения «Белой книги», народный генерал пытался сделать страну неуправляемой. Утверждая, что нет разницы между британским и японским империализмом, он организовал яростную агитацию за немедленное предоставление независимости.

Болеющий Дорман-Смит был в смятении и крайнем возбуждении и иногда хотел, чтобы Аун Сан входил в его Совет, а иногда желал видеть его в тюрьме. Маунтбаттен считал его «идиотскую и нерешительную политику самой худшей работой, которая когда-либо проводилась в Бирме». В мае 1946 г. Эттли сделал вывод: губернатор утратил контроль над ситуацией. Он отозвал его. Дорман-Смит язвительно заметил: «Я уезжаю без почестей и доброго старого Сана».

К тому времени, как протеже Маунтбаттена генерал-майор сэра Хьюберта Ранса поселился в Доме правительства, беззаконие стало хроническим. Как и обычно, оказалось трудно отделить преступность от терроризма. Для опознания приносили отрезанные головы, а британцы надеялись, что «бандиты были мертвы до обезглавливания»⁹¹.

В сентябре полиция устроила забастовку, протестуя против низких зарплат во время сильнейшей инфляции. Антифашистская лига народной свободы подбадривала бастующих, вскоре их примеру последовали гражданские служащие, работники почты, железной дороги, тюремщики и т.д. Страна была на грани хаоса. Губернатор яростно нападал на Лигу, бранил «злой гений»⁹² Аун Сана, однако становилось ясно: «За ним стоит страна».

Поэтому Ранс смирился с неизбежным. Он достиг соглашения, по которому Аун Сан прекращал забастовки (на условиях, благоприятных для бастующих), а Антифашистская лига народной свободы получала большинство мест в Исполнительном совете. Эта революция в правительстве, как сказал один высокопоставленный чиновник, отмечала «эффективный переход власти от британцев к бирманцам».

Да, британцы медленно осознавали происходящее: в ноябре 1946 г. они отправили двадцать стажеров для пополнения рядов бирманской гражданской службы, а через несколько месяцев им пришлось везти их домой. Но на своей новой должности министра обороны Аун Сан смог потребовать быстрого продвижения к самоопределению, донося свои требования и точку зрения при помощи бронированного кулака.

Ранс не мог больше использовать индийские войска. В Уайтхолле начальники штабов предупреждали: британские силы, уже на пределе используемые в Палестине, Малайе и других регионах, не сумеют поддерживать порядок в Бирме, тем более подавлять восстание. В любом случае, стоимость получится запредельной. Бирма, не обладавшая, как Малайя, жизненно важной способностью к зарабатыванию долларов, больше создавала проблем, чем давала положительных эффектов.

Эттли не хотелось делать уступки диктаторской Антифашистской лиге народной свободы, которая, хотя и была предпочтительнее коммунистов, могла подавлять не-бирманские меньшинства. Но единственным вариантом для него был отказ от «Белой книги» и попытка договориться с Аун Саном. Черчилль ворчал из-за поспешности. Вскоре он составил вариацию своего знаменитого обвинения Ганди: «Я определенно не ожидал увидеть Аун Сана, руки которого окрашены британской кровью и кровью верных бирманцев, шагающим вверх по ступеням Букингемского дворца в качестве полномочного посла бирманского правительства»⁹³.

Другие предзнаменования были неблагоприятными для англичан. На одном ужине министр иностранных дел Эрнст Бевин сказал Аун Сану, громко смеясь, так что трясся его живот: «Значит, мы отдадим Бирму вам, да? Знаете, что говорят о британцах? Они одной рукой дают, но забирают это назад другой»⁹⁴.

Однако в январе 1947 г. было подписано соглашение, устанавливающее процедуру, которая сделает Бирму суверенным государством. Когда Аун Сан вернулся домой, то не стал терпеть никаких отсрочек. На самом деле он управлял правительством, тщетно пытавшимся уничтожить «чудовище Франкенштейна». Аун Сан вдохнул в него новую жизнь, оно до сегодняшнего дня господствует в Мьянме.

Британские чиновники покидали Бирму пачками. Нацменьшинства — шаны, качины и чины — согласились помочь сформировать объединенную Бирму, хотя карены решили сражаться за свою независимость.

В апреле провели всеобщие выборы в Учредительное собрание, и Антифашистская лига народной свободы получила 204 или 210 мест. Но Аун Сану не было суждено собрать урожай после долгой борьбы. 19 июля 1947 г., во время сильнейшего муссонного ливня, несколько человек в армейской форме подъехали на джипах к зданию секретариата, где Аун Сан проводил собрание Совета. Они ворвались в зал, стреляя из пулеметов «Стэн», убили Аун Сана вместе с пятью его коллегами и бежали.

Нацию охватил шок и печаль. Огромные толпы собирались, чтобы увидеть забальзамированное тело Аун Сана, лежавшее в саркофаге со стеклянной крышкой в Зале торжеств. Ба Мау и других оппозиционеров арестовали. Вскоре У Сау предъявили обвинение в убийствах, признали виновным и повесили.

Тем временем Ранс действовал быстро, предложил У Ну, председателю Учредительного собрания, сформировать новый Исполнительный совет.

Этот Совет явно преследовал дух погибшего. Как заметил один британский министр, приехавший с визитом, «мертвый Аун Сан обладает даже большим влиянием в Бирме, чем живой»⁹⁵. Поэтому, несмотря на уговоры и льстивые речи Ранса, У Ну последовал желанию утраченного лидера. Он вывел страну из Содружества. В 4.20 утра 4 января 1948 г. Бирма стала независимой республикой.

Ранс нашел такое время крайне неудобным, но оно предписывалось звездами. (Предполагалось, что набожный У Ну проконсультировался со всеми астрологами в Рангуне). Прошли обычные церемонии, люди радовались и ликовали. Популярные драматические представления показывали «свободных людей, пляшущих под дождем из золота и серебра»⁹⁶.

Глава 15

«Цель лейбористов — спасти империю»

Цейлон и Малайя

Цейлон завоевал свободу совсем другими способами, хотя во многом его колониальная история напоминает историю Бирмы. Чтобы помочь удержать Индию, британцы захватили остров силой. Они разрушили древнее Кандийское королевство, отправив в ссылку на Индостан монарха, украв его трон, скипетр, меч, скамеечку для ног и другие королевские регалии. Колонизаторы превратили его зал для аудиенций в церковь, а позднее — в суд, установив свою собственную систему правления.

Британцы яростно подавляли сопротивление, вызывая отвращение нации к завоевателям. Они дали своим губернаторам квази-королевский статус, причем дошло до того, что один из них, сэр Артур Гордон, близко подошел к имитации привычек Калигулы. Он не мог лично посетить церемонию инаугурации новой провинции, и организовал дело так, что его представлял конь. «На самом мероприятии, которое состояло из большой процессии слонов, барабанщиков с гонгами, вождей племен, танцовщиков, всякого сброда, шушеры и всего населения, торжественно вели пони. Сразу же за ним следовали официальные лица. У пони на спине было седло, на нем лежала подушка, на подушке — серебряный поднос. А на нем — многословное послание сэра Артура Гордона вождям и населению Сабарагамувы, написанное тяжеловесным и нудным языком»¹.

Британцы использовали принудительный труд и уничтожали девственные леса. Они депортировали тамилы, чтобы вначале служить Королю Кофе, а затем — Тирану Чаю. Условия труда оказались равноценными рабству: плантаторы содержали людей в нищете и могли почти полчала избивать кули, нисколько не задумываясь о последствиях².

Колониальные хозяева держались отстраненно и от сингалцев, и от тамилы, редко учили их язык, иногда смотрели на них с презрением или даже с ненавистью. Сэмюэль Бейкер говорил о типичном местном жителе, как об «опасном негодяе, который совершил бы самую большую подлость и низость, если бы ему хватило на это храбрости»³.

Джеймс Боуэс, заместитель начальника полиции в Джафне, обычно ездил по улицам города, по бокам которых росли пальмы,

в двуколке. Он ругал возниц телег, запряженных волами, а заодно и всех остальных, кто попадался ему на пути: «Уйди с дороги, ты, уродливый вонючий чертов сын мерзкой черной суки!»⁴

В дальнейшем Боуэс говорил, что его начальники поддерживали и одобряли «суровое, властное и повелительное отношение к восточным людям». Он также признавал, что думал, будто «черная кровь» гарантирует определенные недостатки, «включая склонность к мегаломании»⁵.

Однако в целом цейлонцы мягко отвечали на расовый антагонизм. И хотя в конце XIX века возрожденный буддизм стимулировал национализм на Цейлоне, как и в Бирме, два народа расходились по вопросу насилия. Если бирманцы искали независимости через конфликт, цейлонцы стремились к той же цели путем сотрудничества.

Им пришлось гораздо дольше, чем народу Бирмы, учиться искусству обслуживания и удовлетворения европейцев. Уже в 1505 г. португальцы, жаждущие корицы, высадились на «самом крайнем острове Индии» (если использовать фразу Овидия). Они захватили прибрежные регионы и обратили многих жителей (например, членов рыболовецкой касты карава) в христианство. Португальцы завоевали репутацию чрезвычайно жестоких людей. Один из них прославился каламбуром во время убийства детей в Галле: «Так кричат молодые gallus»⁶. [Галле — порт на Цейлоне, gallus — петух (лат.) — *Прим. перев.*]

На протяжении веков сингалы представляли первых белых захватчиков дьяволами, которые едят камни и пьют кровь. Голландцы, которые изгнали португальцев из их последней крепости в 1658 г., тоже оказались суровыми правителями. Они преследовали католиков и управляли прибрежными провинциями с безжалостной эффективностью. Британцы подозревали, что голландцы были «опасными, беспокойными или изобретательными якобинцами»⁷. Их изгнали в 1802 г., сделав Цейлон колонией короны.

Однако новые господа оказались не менее неумолимыми и безжалостными, чем старые. Для подавления восстания в Канди в 1818 г. губернатор сэр Роберт Браунригг отправился лично в сопровождении конных драгунов, перед которыми шли слоны с раскачивающимися колокольчиками. Сам он ехал в «том-джоне» — паланкине-кресле с занавесками, которое несли четыре носильщика. Его подразделение убило десять тысяч человек. Это более 1 процента от населения острова, который британцы идеализировали, как «жемчужину на челе Индии»⁸.

После того, как британцы надежно закрепились в стране, губернаторы стали проводить «отеческий деспотизм»⁹. Их целью было посадить зерно западной цивилизации и одновременно сохранить

то, что было священным для Востока. Британцы редко женились на сингалских женщинах в отличие от их предшественников, которые породили кланы Фернанду, Перейра и да Силва, а заодно — целый народ бюргеров.

Но в 1830-е гг. новые правители учредили Законодательный совет, назначив туда местных жителей Цейлона, которым дали и другие мелкие должности. Британцы отменили рабство и принудительный труд. Они установили законность и порядок, время от времени устраивая репрессии. Единственное восстание, достойное так называться, произошло в 1848 г. Тогда не было убито ни одного европейца. Но двести предполагаемых бунтовщиков были повешены или расстреляны, еще большее количество высекли или заключили в тюрьмы. Губернатор учредил военные трибуналы — «инструменты террора и мести»¹⁰.

Колонизаторы, которые могли купить землю, инвестировали труд и наличные в торговлю и сельское хозяйство. Плантаторы являлись единственной оппозицией губернаторам, один из которых, лорд Торрингтон, говорил: они считали его способным человеком, пока цена на кофе росла, и большим дураком, если она падала¹¹.

Власти были уверены, что «кофе не может процветать без риса»¹². Они начали восстанавливать гигантскую ирригационную систему, которая являлась чудом древнего Цейлона. Британцы отвоевали у джунглей огромные резервуары, некоторые — величиной с приличные озера.

В меньшей степени они восстановили жизненно важную сеть каналов — британцы в большей мере рассматривали их, как средство транспортировки, а не систему артерий, вен и капилляров, чтобы дать жизнь засушливому северу и востоку Цейлона. К 1850-м гг. колонизаторы соединили все основные города хорошими дорогами (при голландцах не было ни одной).

Они построили и железные дороги, которые предпочитали плантаторы. Для финансирования в этом случае даже «пошли на отчаянные меры, предлагая взимать налоги со своих». Рабочие на железной дороге платили кровью, потому что «каждая шпала устанавливалась ценой человеческой жизни»¹³. Как признавал один шотландский купец, состояние страны измерялось процветанием восьми тысяч европейцев, «но что касается благосостояния и счастья цейлонцев, то тут стояла тишина, как в полночь на Пидурутадагала» (самой высокой вершине Цейлона, с которой в ясный день можно увидеть всю береговую линию острова, почти девятьсот миль в окружности)¹⁴.

Однако образованная элита научилась жить с британцами, говорить на их языке, играть в их игры, приняла их привычки и извлекала пользу из империи.

Британцы решили, что Цейлоном исключительно легко управлять. Говорили, что морские державы ловили остров в сеть, словно рыбу. На протяжении 150 лет он оставался в рабстве у Королевского ВМФ. Корабли с белым военно-морским стягом безопасно вставали на якорь в великолепной гавани Тринкомали. Там с благоговейным трепетом смотрели на многообразные суда, где матросы и купцы, ведущие торговлю вокруг берега, говорили на множестве языков. Там можно было встретить арабские одномачтовые каботажные корабли, китайские джонки, патмары с Малабарского берега, дау с Коромандельского берега и цейлонские катамараны.

Жемчужные берега к югу от Адамова Моста в Манарском заливе, которые периодически открывали для рыбной ловли, привлекли тридцать тысяч человек со всей Азии. Однако за «операцией» наблюдали два или три британских чиновника с тростями. Один из них, Леонард Вулф, заметил: «Цейлон в 1906 году был полной противоположностью полицейского государства»¹⁵. Порты вроде Коломбо и Галле тоже привлекали живописную смесь рас — европейцев, которые ходили под зонтиками, усатых малайцев, мавров в белых шапочках, чети с серьгами в ушах, парсов в шляпах с изогнутым верхом из травчатого шелка, а также сингальцев, которые носили волосы в пучке, как во времена Птолемея.

Но властям редко требовалось применять силу здесь или в других частях страны, где население тоже было раздробленным. Наблюдалось не только столкновения между сингальцами и тамилами на национальной почве; соперничество шло и внутри каждой общины и сообщества. Например, англизированные сингальцы с низин враждовали с феодальными жителями возвышенностей. Вожди на возвышенностях носили устаревшие церемониальные одежды — большие муслиновые юбки, жесткие куртки из шелка и парчи и «большие четырехугольные шляпы с поднятыми полями, богато обшитые золотым галуном»¹⁶. На верху шляпы возвышалась маленькая пагода, украшенная драгоценными камнями.

Утонченные горожане не имели ничего общего с жителями пещер, которых считали потомками аборигенов страны. Кастовые антипатии были очень сильными. Некоторых (например, тех, кто готовил обезьяньи шкуры для натягивания на барабаны) считали париями, так как они выполняли грязную работу. Соответственно к ним и относились. Однажды, когда полицейским приказали арестовать нескольких изготовителей обезьяньих шкур за убийство, они отказались к ним прикасаться, но предложили застрелить их, оставаясь на удалении¹⁷.

Наблюдалось глубокие религиозные различия. Индуисты выступали против мусульман. В конце XIX века христиане составляли примерно 10 процентов из трех миллионов жителей. Они с него-

дованием отнеслись к раннему обязательству британцев защищать веру большинства. Один губернатор викторианской эпохи снял военную стражу у Зуба, почитаемой реликвию буддистов. Этот Зуб обернут красным шелком и лежал в нескольких великолепных ларцах в храме в Канди, построенном в китайском стиле. Стража была снята, чтобы не санкционировать «поклонение идолам»¹⁸.

Буддисты обвиняли британцев в плохом состоянии священного дерева в Анурадхапуре. Их чувства были особо обострены из-за того, что они смотрели на Цейлон, как на духовный дом своей веры (так католики смотрят на Рим). Но если христианство пыталось обращать в свою веру, привлекать, вербовать новых людей, буддизм являлся спокойной философией. Его целью было уничтожения желаний в блаженстве просветления. Поэтому он не представлял серьезного вызова для британского правления в консервативном Цейлоне. Скорее, «благословенный остров» (если перевести древнее и современное название Шри-Ланка) следовало ценить, как предвкушение nirваны. Христиане считали, что на этом месте Бог создал Сад для Адама и Евы. Мусульмане говорили, что это «новые сады для утешения из-за потери Рая».

Британцы воспевали прелести Цейлона. Все перспективы радовали (и только человек был порочен) в том, что епископ Хебер назвал одним из красивейших мест во вселенной. Покидая эту «дорогую колонию», Раднадипу (Остров Драгоценных Камней), губернатор Стюарт Макензи сожалел о своем переводе на Корфу — «такой же голый остров, как Итака при Улиссе»¹⁹. Прибыв в Галле, сэр Эмерсон Теннент, высокопоставленный чиновник, воспевал воду сапфирового голубого цвета, золотые пески, берег, усыпанный цветами, как драгоценными камнями²⁰, а также зеленые, словно нефрит, джунгли, окружающие природное святилище страны — пик Адама.

Другие приезжавшие на остров люди восхищались необузданным богатством и буйством тропиков, цветочными гирляндами, окружающими белые с красными черепичными крышами дома в Коломбо, малиновыми коврами вьюнков, маленькими бананами, которые считались «райскими финиками»²¹. Те, кто ехали на поезде в Канди, смотрели на захватывающие виды террасированных рисовых полей, пальмовые и бамбуковые роши, покрытые лесами возвышенности, прорезанные скалистыми оврагами, серебристые ручьи и будто воздушные водопады. Не меньше очаровывали летающие по воздуху существа, словно украшенные драгоценными камнями: переливчатые пчелоеды, прозрачные, словно хрусталь, нектарницы, бронзовые дронго (индийские кукушки), лазурные зимородки с красными клювами и лапами, сияющие жуки-светляки, длиной три дюйма, и зеленые стрекозы, которые

носятся над озерами на «крыльях, которые мигают, как кусочки изумруда, обрамленные золотом»²². Если вкратце, то здесь наблюдалась «несравненная пышность красоты и романтики»²³.

Но чем больше чужестранцев восхваляли гениальность этого места, тем большее количество местных жителей утверждало на него свои права. Примерно в 1850 г. один кандийский вождь печалился о судьбе своего края: «Страна поработана — знать попадает в глубокую зависимость, религия подвергается неустанным атакам, открытым и тайным, наши правители ведут себя покровительственно»²⁴. Он и ему подобные не хотели делиться своим раем.

Конечно, в «раю» жили и комары, и змеи — не говоря уже про пиявок, клещей, скорпионов, многоножек, пауков, кусающихся мух и ядовитых гусениц. В 1930-е гг. от малярии умерло 100 000 человек за время одной эпидемии. Именно инфекция помогла уничтожить средневековое сингальское королевство, когда то находилось в золотом веке.

Однако историческое и природное величие, блеск и пышность Цейлона придавали движущую силу национальной гордости. Было невозможно игнорировать развалины дохристианского Тапробана, как греки и римляне называли этот удаленный мир. Они наделяли его мистической чистотой. Разрушенный город Анурадхапура, первая столица, был основан на век раньше покорения Римом Италии. Он представлял собой вызывающий благоговейный трепет монумент исчезнувшего величия. Руины занимали площадь, в два раза превышающую по размеру викторианский Лондон. В 1890 г. Эдвард Карпентер, посетивший этот древний город, сказал, что у него создалось впечатление, «будто Лондон снова превратился в дикую местность»²⁵. Растительность победила камни, корни пробивались сквозь них, все было завешано лианами и похоронено под подлеском. Однако можно было увидеть поразительное количество разбросанных тут и там цоколей, постаментов, мостовых, резервуаров, больших сосудов для охлаждения вина, ступеней, павильонов, лунных камней, колонн с надписью, благородных статуй, а также вырезанных изображений обезьян, лошадей, гусей, змей, драконов, демонов и других существ. Там были огромные блоки гранита, некоторые выдолбленные (для купания слонов), остатки кирпичных буддийских гробниц, уступающих по размеру только пирамидам.

Британские археологи много сделали, чтобы отрыть эти мертвые свидетельства исчезнувшей цивилизации. Они исследовали и другие производящие впечатление достопримечательности — например, дворец-крепость на гнейсе в Сигирийе и болотистую метрополию Поланнарува, где ванна князя наполнялась из пастей каменных крокодилов. Некоторые из самых лучших артефактов

сохранены в Музее Коломбо, созданном на итальянский манер и открытом губернатором сэром Уильямом Грегори в 1872 г. (По приказу губернатора Фиджи он послужил моделью для нового Дома правительства в Суве).

Культурные реликвии возбуждали политические устремления. Старый патриот Поннамбалам Аруначалам написал в дневнике в 1903 г.: «Много думал о печальном положении нашей страны и о том, как славно было бы для Цейлона посоперничать с другими и превзойти свое великое прошлое»²⁶. Молодой лидер националистов и будущий премьер-министр С.У.Р.Д.Бандаранаике посетил разрушенные города Цейлона и сказал, что жители острова теперь напоминают животных в зоопарке, посаженных в клетки и не осознающих свое положение пленных. «Неправильно, — объяснил он, — что поработенная нация населяет то же место, что их предки населяли в силе и славе»²⁷.

Важно то, что предки Бандаранаике были одними из самых известных союзников британцев. Сэр Эмерсон Теннент говорил о его верном деде, как о «благородном представителе местной расы». А отец С.У.Р.Д.Бандаранаике с гордостью повторял этот покровительственный панегирик. Это был сэр Соломон Бандаранаике — богатый патриций, который стал в большей степени англичанином, чем англичане. Он принял англиканскую веру, английскую манеру одеваться, с таким же энтузиазмом относился к лошадям и собакам, превосходил англичан в снобизме. Этот человек выразил симпатию представительнице своего клана, которая отказалась принимать Неру, потому что не ест с кули. И он соглашался с критиком, который сказал: «Колониальное общество Цейлона было мешанством в самом худшем варианте»²⁸.

Сэр Соломон превзошел британцев в преданности их монархии. В его автобиографии, опубликованной в 1929 г., когда ему было шестьдесят семь лет, в мельчайших деталях рассказывается о знакомстве с особами королевской крови на протяжении жизни — обо всех отправленных приглашениях, всех банальностях, которыми обменивались, всех подаренных безделушках. Высшей точкой этой саги низкопоклонства и лести является рассказ о том, как Эдуард, принц Уэльский, подарил ему «красивую булавку для галстука»²⁹. Принц Уэльский выразил удовольствие оттого, что Бандаранаике еще носит запонки, которые его отец, король Георг V, подарил ему двадцать лет назад.

Сэр Соломон получил много других почестей и титулов. Как «маха мудальяр» («великий вождь»), он являлся стойким сторонником сменяющих друг друга губернаторов, полностью их поддерживая. Этот человек даже назвал сына в честь одного из них (Уэста Риджуэя, который стал крестным отцом мальчика) и часто

посещал Куин-хауз — резиденцию с колоннами и верандой в старом голландском форте в Коломбо. Другие образованные цейлонцы понятно считали семью Бандаранаике (или Бандерлогов, как они сами иногда называли себя, выражая почтение Кипплингу) «лакеями британцев и подхалимами губернаторского двора»³⁰.

Но элита также выбирала путь сотрудничества, если и не раболепства и низкопоклонничества. Их дети учились в школах вроде Тринити-колледж в Канди, где учеников наказывали, если они не говорили по-английски. Как писал один из них, там учили «копировать манеры чужестранцев. Так древних британцев романизировали при Агриколе. Этот процесс они считали цивилизацией, когда на самом деле это — рабство»³¹.

Но вестернизированные цейлонцы получали и уроки свободы у таких учителей, как Локк, Берк и Милл. К 1910 г. они получили одну-единственную кроху демократии: один цейлонец был избран в Законодательный совет.

Через пять лет начались столкновения на религиозной и национальной почве в Канди и других регионах. Это было чем угодно, но не восстанием. Один районный судья отнесся к происходящему, как к шутке, и сказал: полиции следует просто выпороть бунтовщиков. Но губернатор сэр Роберт Чалмерс опасался истерии из-за заговора военного времени против империи, придуманного и спланированного «группой подлецов»³², получивших образование в Европе. Он не устоял под мощной «атакой изменщиков на государство». Поэтому, при автоматическом согласии сэра Соломона Бандаранаике, губернатор объявил военное положение.

Судя по последовавшему отчету, это привело к отправке отряда полицейских и «членов комитета бдительности для расправы с головорезами в манере, изображенной в кинофильмах и дешевых романах о Диком Западе»³³. Дюжины людей были застрелены, некоторые из них — хладнокровно, большинство — совершенно без вины. Перед одной казнью британский офицер объявил: «Вы, сингальцы, хотели бороться с маврами (то есть мусульманами), а затем — с нами. Теперь вы видите, что случилось. Этот человек будет застрелен через десять минут, а ваших жен отдадут маврам, чтобы они делали с ними все, что хотят»³⁴.

Другие наказания включали порку, изгнание и коллективные штрафы. Сотни людей были брошены в тюрьмы, среди них — строитель независимости страны Дон Стивен Сенанаяке. Это царство террора³⁵ вызвало среди сингальцев «широко распространившийся ужас, напряжение и чувство мучительной несправедливости, которое не забывается»³⁶.

Преемник Чалмерса пытался восстановить моральную репутацию империи. Он признавал и верность местных жителей,

и «официальную жестокость»³⁷. Удивительно, что в то время, когда пропаганда союзников распространяла мрачные и сенсационные рассказы о немецких зверствах, он сказал: «Часть действий была в стиле немецких варваров по жестокости и несправедливости»³⁸. Однако то, что могло привести к революции в Ирландии или перевороту в Индии, на Цейлоне закончилось призывами провести большее количество реформ.

В 1919 г. Ассоциации реформ, которые появились после репрессий, слились с новым Цейлонским национальным конгрессом. Национальный конгресс не предполагался в качестве копии националистической партии Индии. Он не был агрессивным и представлял собой не массовое движение, а проводник идей англоязычной элиты. Его президент призывал соотечественников «стать вначале британцами, а потом цейлонцами»³⁹.

Цейлонский национальный конгресс также был безнадежно склонен к расколам, которые использовали губернаторы, проводившие политику «разделяй и властвуй»⁴⁰. Тамилы, бюргеры, кандийцы и городские рабочие организовали конкурирующие организации в 1920-е гг., а марксисты и сингалские шовинисты — в 1930-е гг.

Однако участники Цейлонского национального конгресса провели смелую и решительную кампанию за продвижение к независимости внутри империи. Они составляли обращения, представляли петиции, отправляли депутатов. Это вежливое давление дало дивиденды: губернаторы стали включать больше цейлонских представителей в свои советы. Но тогда они обнаружили, что трудно работать с личностями вроде Д.С.Сенанаяке, который сильно подорвал миф о европейском превосходстве. Поэтому система должна была снова измениться. В 1927 г. президент Конгресса объявил, что они достигли границ земли обетованной. В тот год британцы назначили комиссию для определения способов проведения дальнейших конституционных реформ, которую возглавлял лорд Доноугмор. В отличие от Комиссии Саймона в Индии, ее тепло приняли. И отчет был соответственно «революционным»⁴¹, причем в такой степени, что лорда Доноугмора сравнивали с лордом Даремом.

Это произошло не потому, что он рекомендовал форму двоевластия, в соответствии с которой губернатор будет править при помощи Государственного совета, где доминируют цейлонцы. Просто этот Совет должен был создаваться в результате всеобщих выборов. Сама Британия только что предоставила право на голосование всем взрослым, а в 1931 г. Цейлон стал первой азиатской и колониальной страной, где сделали то же самое.

Цейлонские плантаторы пришли в ужас. Один губернатор назвал их лидеров «Рип Ван Виклями», оторвавшимися от реаль-

ности, потому что они продолжали считать людей с коричневой кожей детьми, могли даже сломать зонтик местного чиновника, потому что «для местного неблагоразумно носить зонтик в присутствии европейца».

По иронии судьбы, Конгресс был не менее шокирован новым правом участия в голосовании, предложенным Доноугмором. Оно вводило демократию слишком далеко. Участники партии выступали против, поскольку считали, что самоуправление — это управление ими.

Получилось так, что почтительный народ, почти 90 процентов которого жили в сельской местности и были бедны (60 процентов не умели читать, а менее 30 процентов голосовали), должным образом поддержал на выборах свою элиту. Но губернатор остался на командном посту, имея широкие полномочия и возможность контроля (через трех назначенных министров) над правосудием, финансами, обороной и международной политикой. Однако Государственный совет выбрал семь цейлонских министров, которые отвечали за здравоохранение, образование, сельское хозяйство, связь и т.д. Один из них сказал, что страна таким образом добилась семи десятых самоуправления, и ожидается, что она быстро придет к полной независимости.

Однако британцы сравнивали Цейлон с другими колониями, где конституционный прогресс остановился — Ямайкой, Мальтой, Кипром, Британской Гвианой. Они смотрели на конституцию Доноугмора, как на нечто твердо установленное. На самом-то деле она научила цейлонских министров править и продемонстрировала, что это искусство не является европейской монополией. Никто не освоил его более полно, чем Сенанаяке, министр сельского хозяйства. Он был высоким и тучным землевладельцем с торчащими во все стороны усами, не отличался умом, не получил хорошего образования. Сэр Эндрю Калдекотт, губернатор с 1937 по 1944 гг., писал: «У Сенанаяке кругозор ограничен, как и способность выражать свои мысли». Он говорил о министре, как о «деревенском хулигане и задире», «буйволе из грязи»⁴².

Однако британцы ценили интеллект меньше, чем силу характера, а ею-то Сенанаяке обладал в огромном количестве. Виконт Соулбери сказал, что он напоминал «лучший тип английского сельского джентльмена — способного, проникательного, практичного, добродушного, обладающего чувством юмора и скромностью»⁴³.

Сенанаяке правил в своем департаменте железной рукой, решал проблемы засухи и голода, расширял культивацию в засушливой зоне и обеспечивал сельскую бедноту землями короны за счет британских интересов. Плантаторы, которые гордо назывались

«Парни из Долины Келани» или «Веселые Люди из Увы», страстно ненавидели его, не скрывая этого.

Да, Сенанаяке был амбициозным человеком. Однажды он сказал, что для успеха в цейлонской политике нужно быть буддистом, а это означало, что ему требуется отказаться от двух любимых видов отдыха — охоты и пива. Но он оказался образцом честности и неподкупности в сравнении со своим самым выдающимся конкурентом С.У.Р.Д.Бандаранаике, который фактически стал (по словам Калдекотта) «отступником ради политических целей, перешедшим из христианства в буддизм»⁴⁴.

Бандаранаике любил выставлять напоказ свое духовное освобождение и один раз высказал предложение епископу Коломбо о том, что христианскому Богу следует «отказаться от привилегированного положения английского джентльмена и стать коричневым и простым сингальским деревенским жителем»⁴⁵. На публике он стал одеваться в фальшивый национальный костюм, хотя дома расслаблялся в брюках и рубашках, а его бриджи для верховой езды шили из домотканой материи.

Сэр Соломон осуждал это портновское предательство. На одной забавной фотографии его отец заснят в ярости в визитке с короткими гетрами и серых фетровых перчатках. Сын-бунтарь одет в белую дхоти (набедренную повязку), тогу, шаль и сандалии. Но было ясно, что молодой Бандаранаике, который в свое время считался звездой ораторского искусства в дискуссионном обществе Оксфордского университета, одевался так ради эффекта. Он безгранично верил в собственное величие и рано принял латинский девиз «*Primus aut Nullus*» («Первый или никакой»), однако мнение менял столь же часто, как и одежду. Вначале он исповедовал западные идеалы, затем проповедовал учение Ганди, потом разжигал сингальский антагонизм к тамилам. В 1941 г. он выступал за «кровавую революцию» против британцев⁴⁶, за что его очень эффективно наказал губернатор.

Поэтому, несмотря на все красноречие, властный, деспотичный, деятельный и очень непостоянный и переменчивый Бандаранаике не пользовался доверием. Масса людей не верили ему. Когда началась Вторая Мировая война, именно надежный и непретенциозный Сенанаяке стал бесспорным лидером Конгресса. Хотя он дома носил саронг, а на работе костюм (часто — с орхидеей в петлице), его никогда нельзя было высмеять, как британско-сингальский гибриа, написать сатиру или памфлет, как на Бандаранаике. Наоборот, на Сенанаяке смотрели, как на основателя новой нации.

Война и отсрочила, и закрепила ее основание. Черчилль пытался блокировать прогресс на протяжении войны, и Министерство по делам колоний представляло оттягивание и откладывание со дня на

день, как добродетель. Однако сам Колдекотт настаивал, что следует подбодрить и наградить мужественную и усердную помощь Цейлона в ведении войны. В любом случае, говорил он, национализм страны больше нельзя сдерживать. Это невозможно, как невозможно сдерживать «волны, которые накатили на Канута». Он отмечал, что приливная волна пришла из Англии. Казалось, что одна фраза в брошюре Заморской лиги сэра Нормана Энджелла под названием «Что такое Британская империя», обещает свободу, в которой прежде местным жителям было отказано. Она разбудила страсти по всему Цейлону: «Мы сделали все, что смогли, чтобы наши завоевания перестали быть покоренными, чтобы отсоединить аннексированные территории. Действительно, империя уже давно пришла к концу»⁴⁷.

Имелись признаки, что империя подходит к заключительной стадии на Цейлоне. После 1937 г. ни один европеец не назначался на гражданскую службу, а цейлонцев широко продвигали в других профессиях, что является важной частью «строительства нации»⁴⁸. В 1942 г. министры стали по сути кабинетом губернатора. Это отражало жизненно важную новую стратегическую и экономическую роль страны. После падения Малайи Цейлон оказался на передовой против Японии. Остров производил почти две трети резины для союзников. Делалось слишком много надрезов на деревьях для удовлетворения их потребностей, отчего каучуконосы гибли.

Адмирал сэр Джеффри Лейтон, который стал главнокомандующим на острове в марте 1942 г., был жестким и резким «морским волком» с «грубыми и резкими манерами одного из капитанов Нельсона»⁴⁹. Казалось, что он обязательно должен кого-то оскорбить. И в самом деле, у него сразу же случился жуткий скандал с Сенанаяке. Но они вскоре стали друзьями, и Лейтон быстро подтвердил точку зрения Колдекотта о том, что Цейлон должен получить уступки в ответ на сотрудничество.

В мае 1943 г. после неосознанного затягивания и раскачивания британцы решили ввести полное внутреннее самоуправление после прекращения военных действий.

Еще одна комиссия (под руководством лорда Соулбери) подтвердила это предложение в 1945 г. Оно определенно не удовлетворяло цейлонцев, которые также хотели получить контроль над обороной и международной политикой. Сенанаяке сказал Министерству по делам колоний, что его страна «напоминает корову, привязанную к дереву веревкой. Длинная веревка лучше, чем короткая, но все равно сохраняются ограничения»⁵⁰.

Это был захватывающий образ. Но Сенанаяке использовал заместителя ректора Цейлонского университета Айвора Дженнингса для более сложного, современного и искушенного представления дела. Дженнингс согласился, что Цейлон, в то время самая

процветающая страна в Азии, готов для статуса доминиона, как главнейшая колония Великобритании. Он также составил проект конституции в вестминстерском стиле, которая пыталась защитить цейлонские меньшинства. «Отсутствие ответственности способствует безответственности»⁵¹, — предупреждал Дженнингс. Если вскоре не появится несущее ответственность правительство, Цейлон станет подобным Индии во враждебности к Британии.

Но вместо требований или угроз в манере Аун Сана, Сенанаяке принял программу Соулбери в качестве моста к свободе. Сам Соулбери вместе с новым губернатором сэром Генри Муром помог Цейлону его перейти. Мур сказал Министерству по делам колоний, что ему предоставляется «золотая возможность, используя немного смелости теперь, сделать щедрый и добровольный жест по отношению к Цейлону». Он добавил, что народ Цейлона напоминает ирландцев: «Будет трагедией повторять на Цейлоне колоссальные ошибки, которые мы сделали в Ирландии».

Он верил, что верность Цейлона короне должна быть обеспечена и, как он мудро объявил, «если дать слишком много слишком быстро, то это окажется более мудрым, чем если дать слишком мало слишком поздно»⁵².

На само Министерство по делам колоний произвела впечатление сила характера Сенанаяке, искреннее стремление к цели и враждебность к коммунизму. Официальные лица ожидали скользкого и хитрого политика, и потеплели, увидев «грубого и прямого фермера с чувством юмора»⁵³.

Но всего этого оказалось бы недостаточно, если бы за остров не вступился Аун Сан. Аргумент был очень простым: Великобритания едва ли может предоставить полную независимость Бирме, наградив страну, которая сражалась за Японию, и одновременно отказать Цейлону, наказав страну, которая оставалась верной союзникам.

Лейбористский министр по делам колоний Артур Крич Джонс принял эту логику, но опасался обвинений в том, что он «промаывает империю»⁵⁴. Поэтому министр утверждал: Цейлон, политически стабильный и стратегически жизненно важный, является «особым случаем». Джонс особо подчеркивал, что остров не теряют в результате произвольного принятия решения, он присоединяется к Содружеству, исполняя долгосрочный план развития.

Еще искреннее Джонс заявлял, что членство Цейлона в Содружестве продемонстрирует, что статус доминиона не ограничивается белыми. Как надеялось Министерство по делам колоний, это покажет, что дни Британской империи не сочтены, а Содружество — это «не просто отсвет после заката, заканчивающийся тьмой»⁵⁵. Наоборот, оно становилось средством сохранения британского

присутствия без необходимости нести на себе груз командования. Это был союз сердец, как давно предсказывалось в отчете Дарема.

Министры-социалисты агрессивно оспаривали вопрос. «Если бы Черчилль был у власти, то он бы потерял империю, как Георг III потерял тринадцать колоний. Цель лейбористов — спасти империю. Это будет достигнуто путем предоставления колониям самоуправления»⁵⁶.

Поэтому, проследовав по пути переговоров, усыпанному цветами, Сенанаяке смог повести свою страну к свободе. Как писала одна цейлонская газета, рано утром 4 февраля 1948 г. стали звонить колокола и послышался барабанный бой, чтобы разбудить людей от «сонного рабства»⁵⁷.

* * *

В Малайе народ, который чужеземные хозяева часто считали мягким и ленивым, судя по всему, наслаждался сонливостью до Второй Мировой войны. Здесь, как и на Цейлоне, общество скреплялось почтением. Но британцы находчиво и ловко стали союзниками малайского высшего класса. Колониальные чиновники правили, а местные особы королевской крови царствовали. И одни, и другие лелеяли «миф о том, что султаны все еще независимы». Так они поддерживали традиции верности среди преимущественно сельских малайцев. Зато китайцы (примерно половина пятимиллионного населения) поддерживали имперскую власть, которая их защищала.

Самая крупная малайская националистическая организация между двух войн, Сахабат Пена («Друзья авторучки») начиналась, как колонка на детских страницах газеты, где отвечала на письма. Она оставалась столь же незрелой, как и предполагает ее происхождение. Казалось, благополучие Малайи в основном зависит от игры по английским правилам. Как писал один журналист, «ликвидация футбола подобна уничтожению народной медицины».

Однако давление с целью политических перемен бурлило под поверхностью. Исламские реформаторы, местные учителя и маленькая элита, получившая образование в Англии, вносили вклад в рост «националистических чувств»⁵⁸. Это же делала и новая прослойка профессиональных журналистов и газетчиков. Они привлекали внимание к наступлению английского языка и уничтожению малайской культуры: «Кровати сменяют циновки; у людей больше нет традиции сидеть, скрестив ноги, многие берут в аренду столы и стулья»⁵⁹.

Радикальное влияние шло из Китая. Оно распространялось, и китайские коммунисты в Малайе сформировали Лигу

против империализма. Экономическая конкуренция между крестьянами-малайцами и предприимчивыми китайцами подпитывала антагонизм по национальному признаку между группами населения.

Затем японская пехота на велосипедах покорила Малайю в 1941–42 гг. Так немецкие танки покорили Францию в 1940 г., одним ударом разбив легенду о европейском превосходстве. Солдаты Японии дали несравненный стимул азиатской гордости — не только своей смелостью и энергией, но и несравненной способностью к самопожертвованию. Один малаец писал: «Британцы сражались, чтобы жить, японцы — чтобы умереть»⁶⁰.

Размышляя об огромном влиянии Японии на Британскую империю, Франклин Д. Рузвельт заявлял: «Почти кажется, что японцы были необходимым злом, чтобы сломать старую колониальную систему»⁶¹.

Однако, хотя японцы фатально подорвали положение британцев в Азии, они мало что сделали для продвижения Малайи к независимости, кроме недолгого покровительства Союзу молодых малайцев Ибрахима Якоба — грубого эквивалента Бирманской независимой армии Аун Сана. В действительности, основным достижением захватчиков, которые предсказуемо выставляли себя освободителями, оказалось уничтожение и разрушение. Они разрушили малайскую экономику, отрезали ее экспортные рынки и уничтожили валюту. Японцы монополизировали урожай риса, вызвав недоедание и болезни у большого числа людей. Оккупанты вели себя так жестоко по отношению к людям, которых заставляли принудительно трудиться, что почти треть из них умерла.

Захватчики разделили расы, относясь к малайцам и индусам менее жестоко, чем к китайцам, которых часто пытали и обезглавливали. Они украшали мосты через реку Сингапур отрубленными головами. Большинство представителей всех народов сотрудничали с новыми хозяевами под угрозой смерти, но большинство участников Сопrotивления оказались китайцами. Оружие им поставляли союзники, а вдохновлялись они коммунистическими идеями. Им помогали горные племена аборигенов (оранг асли).

Сопrotивление сформировало Антияпонскую армию малайского народа. Она вела яростную партизанскую войну в джунглях. Предвидя последующую британскую тактику, японцы пытались изолировать партизан от тех, кто мог им помочь. Они сгоняли китайских скваттеров — безработных рабочих и городских беженцев, пытавшихся раздобыть пропитание у кромки леса — в «деревни-крепости»⁶².

С поразительной внезапностью 15 августа 1945 г. император Хирохито объявил о капитуляции своей страны, сказав, что война

«развивалась не в пользу Японии»⁶³. Поскольку Япония капитулировала до того, как в Малайю смогли вторгнуться силы Маунт-баттена, коммунисты заявляли, что это они одержали победу. Они подняли флаг Антияпонской армии малайского народа с тремя звездами рядом с серпом и молотом.

В последовавшие за окончанием войны недели партизаны, изможденные и смертельно бледные после проведенных в джунглях нескольких лет, вышли, чтобы купаться в славе, наслаждаться победой и отомстить тем, кто помогал их врагам. Они казнили тысячи людей. Некоторым приговоры выносились в подобию суда, других, недолго думая, линчевали. А вообще без разбора убили еще большее количество людей. Борцы с оккупацией резали и рубили мужчин, насиловали женщин и протыкали штыками младенцев.

Сингапур содрогался от «шепчущего ужаса». Тихо произнесенные слова лишали жизни многих предполагаемых предателей, информаторов и коллаборационистов. Полицейских признали «собаками на побегушках у фашизма», их ждала особая жестокость — им выкалывали глаза и увечили тела.

Как сказал один сержант, «это был сошедший с ума мир, мир, перевернутый с ног на голову»⁶⁴.

Малайцы, основные жертвы зверств, должным образом ответили. Они устроили боины в деревнях, соответствуя своим преследователям в жестокости. Священные воины ислама с красными широкими поясами присоединялись к боине, резали неверных пожирателей свинины — китайцев. Они использовали длинные ножи — крисы, лембинги, педанги и томбаки.

Во время ухудшения положения с продуктами питания, которое в некоторых районах привело к голоду, начались грабежи и спекуляция. Это еще больше усилило социальные проблемы страны, чьи этнические сообщества разделились. Началась борьба внутри них и между группами. Их разрывало соперничество за лидерство и идеологическая борьба, в ней участвовали гангстеры триад, воинственные суфии и столь же воинственно настроенные рабочие. Чтобы сдержать эту анархию, британцам вначале пришлось нанимать японские войска, откладывая их репатриацию. Это была огромная операция, включающая шесть миллионов человек по всей Юго-Восточной Азии, мудро названная «Удаление»⁶⁵.

Однако британцы предложили восстановление империи. Разгром в Сингапуре ни в коей мере не пошатнул их уверенности. Опасаясь, что японцы расплавят малайские монеты на металл во время войны, они фактически произвели замену в Лондоне. По иронии судьбы, именно Малайя являлась источником поставок для Королевского монетного двора. Но в пятидесяти миллионах одноцентовых монет содержалось «лишь очень малое количество олова»⁶⁶.

Во время войны Министерство по делам колоний разрабатывало планы будущей малайской конституции, совершенно не зная текущей ситуации. Планировалось учредить Малайский Союз с долгосрочной целью — объединенные государства (а также Малакка и Пинанг, но не Сингапур, который стал бы колонией короны и свободным портом) должны превратиться в доминион Юго-Восточной Азии. Ближайшей целью британцев было навязывание прямого правления, чтобы проводить двойную политику — резко противоречивую. Во-первых, в духе социалистического правительства Эттли, они пытались ввести прогрессивную форму империализма. Улучшая образование, здравоохранение и социальное обеспечение, колонизаторы надеялись завоевать верность объединенного народа и убедить другие страны (особенно, Америку), что империя — это сила, которая будет всегда. Во-вторых, британцы надеялись эксплуатировать Малайю во время послевоенного кризиса платежных балансов. Малайя была, как выразился Крич Джонс, «самым важным к этому времени источником долларов в колониальной империи»⁶⁷. Только одна ее резина давала больше твердой валюты, чем весь британский домашний экспорт в Америку.

Перспектива банкротства усилила намерение Великобритании получать прибыль из империи. Учитывалась и грядущая потеря Индии, Бирмы и Цейлона. Правда, как написал один историк, «колониализм и капитализм никогда не сочетались законным браком». Тем не менее, они иногда совершали прелюбодеяние, и самым ярким примером этого может служить «вторая колониальная оккупация» Малайи⁶⁸. Поэтому относительный экономический упадок Британии отложил ее имперский крах на Востоке.

Однако противоречия британской политики окончательно подорвали ее режим в Малайе. Либеральные принципы неизменно уступали необходимости принуждения и обуздания. Например, воинствующие профсоюзы терпели только в теории, а на практике их лидеров депортировали. Послевоенная британская военная администрация говорила на языке свободы, но была не только неумелой, неспособной и коррумпированной (получив прозвище Администрации «черного рынка»). Она оказалась настолько властной и повелительной, что вызывала у малайцев всеобщий антагонизм.

Чиновником, отправленным закладывать фундамент для сильного центрального правительства, которое появится в 1946 г., стал сэр Гарольд Макмайл. Он сделался еще более надменным и высокомерным после пребывания в Судане. Как и остальные старые слуги империи, этот человек пытался возвысить свое положение на основании того, что он таким образом может произвести большее впечатление на местных жителей. Перед отъездом губернатор

потребовал оказания почестей, громкий титул, военный корабль в виде транспорта («чем больше, тем лучше») и большой автомобиль с закрытым кузовом, чтобы возить его по стране⁶⁹.

Оказавшись на месте, он запугиванием и угрозами заставил девяти султанов письменно отказаться от суверенитета, чтобы их государства можно было консолидировать в Союз. Султан Кедах оказался особенно упрямым, хотя Макмайкл относился к нему пренебрежительно и называл «маленьким, робким, уходящим в отставку типом из тех, кто не стал бакалавром, провалившись на экзаменах»⁷⁰.

Посланник использовал методы, которые сам султан сравнивал со «знакомой японской техникой давления»⁷¹. Вопрос с угрозой обеспечил королевское согласие: «Может, ваше величество предпочтет вернуться к друзьям в Сиаме?»⁷² Малайцы, которые почитали султанов как квази-божественных существ, протестовали против их недобровольного отречения. Они также выступали против предоставления гражданства китайцам, индусам и представителям других национальностей. Вместо введения новой просвещенной администрации, Макмайкл, как казалось, погрузился в старый империализм приказов и подчинения. Более того, он привел в ярость традиционных союзников Великобритании — малайских подданных султанов. В мае 1946 г.а Дато Онн Бен Джафар, главный министр Джохора, основал Национальную организацию объединенных малайцев. Это было первое в стране крупное политическое движение. Онн был харизматичным, но колеблющимся и сумасбродным аристократом, смелым, проницательным, умным, ярким и амбициозным. Никто не сыграл более важной роли в принуждении британцев задушить Малайский Союз при рождении.

Дато Онн мобилизовал малайцев, как мужчин, так и женщин, притом — всех слоев общества. Он убедил султанов бойкотировать инаугурацию нового губернатора сэра Эдварда Джента. Это было «беспрецедентное неуважение»⁷³, которое стало еще более оскорбительным, когда султаны приветствовали кричащих им слова поддержки сторонников перед гостиницей «Куала-Лумпур». Многие из малайцев пришли в церемониальной траурной одежде.

Онн использовал страхи и опасения из-за китайского господства. Эти страхи побудили десятки тысяч малайцев объявить, что «это — наша страна»⁷⁴.

Но борьба из-за Малайского Союза являлась только одним элементом в продолжающихся беспорядках и смятении. Преступность, болезни и голод все еще бушевали. Дети десяти лет выглядели, словно им шесть, некоторые взрослые напоминали жертвы концлагеря Бельзен. Продолжалась борьба между фракциями внутри сообществ, а особенно — между последователями Мао Цзэ-

дуна и Чан Кайши. Попытки правительства контролировать сельскохозяйственное хозяйство и сохранить леса дали яростную реакцию. В 1946 г. было потеряно два миллиона рабочих дней во время забастовок, которые стали результатом официальных попыток удержать рост заработной платы при быстром росте цен.

Малайцы в целом сопротивлялись растущей интервенции. Они протестовали из-за ограничений в использовании воды и электричества, регулирования печатников, типографов, уличных торговцев и лоточников, развозящих свои товары на тележке, а также против новых поборов — например, подоходного налога, налога на развлечения, лицензионного сбора на разведение собак. Если взять все вместе, то британцы вмешивались в их жизнь, как заявляла одна газета, «даже более всеобъемлюще и ежеминутно, чем майор Одате из города Сёнан»⁷⁵.

Джент вскоре решил, что наблюдается «большая вероятность организованного и широко распространенного нежелания сотрудничать и беспорядков»⁷⁶. Страна, судя по всему, становилась неуправляемой. Поэтому, хотя губернатор был одним из «родителей» Малайского Союза, теперь он выступал за его ликвидацию.

Союз в 1948 г. сменила Федерация Малайи, которая дала Онну, с коим на этот раз проконсультировались, большую часть того, что он хотел. Султаны вернулись на свои троны. Предоставление гражданства китайцам урезали. Джент превратился из губернатора в верховного комиссара. Его примирение с Национальной организацией объединенных малайцев оказалось понятным.

Правда и то, что Онн эксплуатировал склонность своих соотечественников к ксенофобии, воплощавшейся в лозунге «Малайя для малайцев». Он ругал британцев-хищников, которых местные жители называли «линтах путех» («белые пиявки»). Однако он был консерватором, который мог с ними сотрудничать.

Однако многие китайцы рассматривали Федерацию, как ужасное и вопиющее предательство. Особенно разъярились коммунисты — ведь они сражались с Японией, а после этого шли более по пути агитации, чем революции. На самом деле послевоенная прирученность и покорность по большей части объяснялись тем, что лидер Малайской коммунистической партии Лай Тек оказался серийным предателем, который продался британцам. Верные давно почитали его, как «таинственного героя и человека со сверхчеловеческими способностями»⁷⁷, который мог управлять самолетами, танками, а заодно — избегать ареста. Поэтому раскрытие его, как двойного агента (который добавил оскорбление к ущербу, скрывшись с партийными фондами), дискредитировало мирную политику коммунистов. В 1948 г. Малайская коммунистическая партия с новым лидером, маоистом Чин Пенем, решила сбросить

«фашистских империалистов, совершающих такое же насилие, как японцы»⁷⁸. Нацеливаясь захватить власть, маоисты начали вооруженную борьбу.

Чин Пен был молод и неопытен. Он мог мобилизовать только четыре тысячи партизан, и лишь немногие из них хорошо знали методы ведения войны в джунглях. Некоторые из них даже отправились туда в башмаках на деревянной подошве, а не в сапогах. Поэтому кампания началась плохо — со sporadических атак на шахты и плантации в отдаленных от центра районах, где с времен войны «ружье и нож держали власть»⁷⁹.

Когда в июне 1948 г. убили трех белых плантаторов, Джент объявил чрезвычайное положение. Оно дало полиции широкие полномочия. Полисмены могли обыскивать, арестовывать, задерживать, депортировать и конфисковать.

Европейцы, особенно, живущие на пограничных территориях, не были удовлетворены. Многие хотели ввода военного положения, а некоторые выступали за публичное повешение. Их жалобы на Джента суммированы в знаменитом газетном заголовке: «Управляй или убирайся!»⁸⁰ Решил исход дела Малькольм Макдональд, сын первого лейбористского премьер-министра и кочующий с места на месте генеральный комиссар в Юго-Восточной Азии от Министерства по делам колоний. Он был «аккуратным и опрятным маленьким человеком, который одевался довольно ярко»⁸¹. Он сидел в своем «Роллс-Ройсе», походя на орхидею, обернутую в целлофан.

Генеральный комиссар увидел коммунистическую угрозу. Он посчитал, что она требует более решительного оппонента. Поэтому Джента отозвали домой (он по пути погиб в авиакатастрофе). Его сменил учтивый и холодный сэр Генри Гурни. Это был дипломат старой школы. Но он, судя по всему, научился новым хитростям, когда сражался с террористами в Святой Земле, где его непоколебимое спокойствие в середине кризиса приводило в ярость еврейских лидеров вроде Голды Меир.

Новый верховный комиссар получил подкрепление, включая полицейских из Палестины и свежие войска. Многие из солдат были новобранцами, которые еще не участвовали ни в каких операциях. Они помогли превратить «стремительные наступления» военных (которым помогали бесполезные бомбовые атаки Королевских ВВС), начавшиеся до прибытия Гурни, в яростную и обреченную на провал кампанию контртеррора.

Силы безопасности нашли сложным захватить или убить так называемых «бандитов», которые вскоре стали мастерами тактики «убей и беги». Их маленькие подразделения «крови и стали» было особенно трудно поймать. Эти мобильные подразделения убийц

совершали ужасающие зверства — например, вспарывали животы своим жертвам, а затем исчезали в лагерях в джунглях, построенных из бамбука и крытых пальмовыми листьями.

Поэтому армейские патрули вымещали ярость на китайских общинах скваттеров, подозреваемых в подкармливании партизан. Многие это делали — иногда под давлением, иногда добровольно. Таков был ответ на обращения десяти тысяч одетых в гражданскую одежду помощников коммунистов. Эти вспомогательные подразделения были известны, как «Минь юэнь» («Народное движение»).

Полицейские, которые служили в Палестине, действовали по образцу английских карательных отрядов в Ирландии. Солдаты империи допрашивали подозреваемых с применением пыток. Они стреляли и линчевали признанных виновными, жгли деревни и насильно выселяли жителей. В декабре 1948 г. шотландские гвардейцы убили, по крайней мере, двадцать четыре китайца в Батанг-Кали в Селангоре, заявив, что те пытались сбежать. Гурни смог скрыть инцидент, но он всплыл два десятилетия спустя — в прессе говорилось, что это «собственная британская бойня Май-Лай» (британцев сравнили с американцами, убивавшими местных жителей в Май-Лай во Вьетнаме).

Но верховный комиссар частным образом признавал: «Полиция и армия каждый день нарушают закон». Очевидно, его это не волновало, поскольку Гурни считал: «Китайцы склоняются к той стороне, которая пугает их больше. А в настоящее время этой стороной кажется правительство».

Он ошибался. Многие китайцы считали, что британцы вели себя хуже, чем японцы. И это склоняло их к поддержке и даже к присоединению к революционно настроенным соотечественникам, которые предположительно предпочитали «скорее уговаривать, чем убивать»⁸².

К 1950 г. казалось, что коммунисты побеждают. Но Малайя нашла спасение благодаря Корее. Боевые действия начались в июне. В это же время генерал Гарольд Бриггс инициировал кампанию, чтобы партизаны Чин Пена перестали получать помощь: он переселил сотни тысяч китайцев в укрепленные деревни. Генерал сравнивал этот метод нанесения поражения коммунистам с уничтожением малярии путем лишения комаров мест разведения.

Два азиатских конфликта были тесно связаны. Корейская война сильно подняла цены на резину и олово, позволив британцам заплатить за это огромное достижение социальной инженерии. Оказалось возможным выселить китайцев без лишних трудностей. Они ненавидели, когда их отрывали от дома, маленьких наделов земли, озер, где они удили рыбу, от птицы и свиней. Китайцы не-

навидели новые поселения, которые (за исключением нескольких образцовых деревень) представляли собой нездоровые трущобы, расположенные на пустоши, ненавидели колючую проволоку и прожекторы, комендантский час и осмотр продуктов питания, продолжающуюся неуверенность, плохие школы и здравоохранение. Вынужденные переселенцы негодовали из-за различных мелких указов и придинок — например насчет ношения удостоверений личности. Все это давало массу возможностей для вымогательства коррумпированным полицейским и чиновникам. Однако благодаря экономическому подъему, условия жизни постепенно улучшались. Еще важнее то, что китайцы нашли компенсацию в высокой заработной плате и полной занятости. Они также поняли, что им все труднее осуществлять поставки «бандитам», которых теперь переименовали в «коммунистических террористов».

Термин получил международный резонанс. Лондон беспокоило, посчитает ли Вашингтон, что это «ведение доблестной борьбы против коммунизма, а не грязной маленькой колониальной войны, спланированной для удержания стерлинговых балансов»⁸³. Эттли шокировал трансатлантическое мнение, признав красный Китай. Но он пообещал самоуправление Малайе и потратил много крови и сокровищ на убеждение Америки в том, что Великобритания — надежный союзник в «холодной войне».

1951 г. стал самым худшим годом чрезвычайного положения. Было убито свыше тысячи гражданских лиц и представителей сил безопасности. Среди жертв оказался сам Гурни — его застрелили из засады. Это был последний британский колониальный губернатор, убитый на посту. Однако политика сосредоточения на скваттерах начала работать. Она распространилась на переселение многих из восьмидесяти тысяч оранг асли, захваченных при конфликте, который уничтожил примерно 10 процентов этих «поставленных в тупик и травмированных людей»⁸⁴. Большинство из них пострадали от болезни, вызванной заключением.

Партизаны столкнулись с голодом. Они охотились на все — от дикого кабана до обезьян, от крыс до слонов. Они ели траву, тростник, бамбук и вареные листья каучука. Они даже изучали возможность сделать съедобным получаемый каучук, но Пекин заверил Чин Пена, что тот содержит не выводимый из организма токсин. Чин Пен сделал вывод, что еда была «нашей ахиллесовой пятой»⁸⁵.

Коммунисты отступали чаще, чем наступали, прятались все дальше в джунглях и все больше сосредотачивались на саботаже и проникновении в профсоюзы. Хотя британцы знали про эти перемены в стратегии, они не понимали ненадежность и рискованность положения Чин Пена. Уинстон Черчилль, который теперь

вернулся на Даунинг-стрит, был намерен избежать еще одного поражения по образцу 1942 г. Он лично назначил генерала сэра Джеральда Темплера на смену Гурни. «У вас должна быть власть — абсолютная власть, гражданская и военная власть, — сказал ему премьер-министр. — А когда вы ее получите, хватайтесь за нее и крепко держите. А затем никогда ею не пользуйтесь. Будьте хитрым — очень хитрым. Вот таким вы должны быть»⁸⁶.

Обычно Темплера считают буквально подчинившимся указаниям Черчилля. Он нанес поражение коммунистам, выиграв битву за малайские «сердца и умы» (это выражение приписывается ему). Говорят, что в процессе он построил страну, готовую к самоуправлению в рамках Содружества. Это теперь была политика тори, как объяснил новый министр по делам колоний Оливер Литтлтон: «Пятьдесят миллионов жителей острова, лишённые огромного количества своей экономической силы, не могут ожидать сами по себе удержать власть над пальмами и соснами по модели девятнадцатого века, которая сделала нас величайшей нацией в мире. Мы можем вернуться на вершину славы и власти, проводя эту новую политику»⁸⁷.

Темплер явно шокировал европейцев, относясь к малайцам с новым уважением. Вопреки официальному совету, он пожимал руки слугам в своей официальной резиденции в Куала-Лумпуре — в Кингс-хаузе. Высокий чиновник оскорбил городских бизнесменов и буржуа, заявив: китайские коммунисты редко устраивают коктейли или ходят на скачки, они не играют в гольф⁸⁸. Когда клуб «Лейк» не пустил султана Селангора на одно мероприятие, Темплер заставил клуб избрать новый комитет, который допускал азиатов в качестве гостей. (Правда, они не могли полноправно войти в клуб до получения страной независимости).

Темплер даже стал есть дурианы в гараже вместе со своим малайским адъютантом. Он очень любил этот экзотический фрукт, но жена не позволяла приносить его в дом, поскольку дуриан пахнет, как «гнилая дыня и лук или жидкий заварной крем, который пропустили по газопроводу»⁸⁹.

Однако Темплер был консерватором в душе. Он придерживался общепринятых норм, хотя (как и его учитель фельдмаршал Монтгомери) производил потрясающее впечатление. Представитель метрополии выглядел, как старший офицер, был стройным, спину держал прямо, лицо у него было узким, а усы — в стиле последних лет империи, «настолько тонкие, что их едва ли можно было заметить»⁹⁰. (Они являлись полной противоположностью пышным усам, которые все еще предпочитали султаны, их усы напоминали рога черного буйвола, «вывернутые и смотревшие вниз, подобно ручкам гоночного велосипеда»)⁹¹.

Но Темплер не боялся своих начальников, а в дальнейшем буквально подрался с министром обороны Дунканом Сэндисом. Он выводил из себя и заводил подчиненных — например, привычкой тушить сигареты в их стаканах с шерри. Высоким голосом Темплер произносил фразы в ритме стаккато, полные сквернословия, чтобы они лучше усваивались. А еще он тыкал офицерской тросточкой в тех, к кому обращался.

Это был динамичный человек, хотя и казался поразительно понятливым и сообразительным. Как сказал его начальник полиции, «почему-то ожидаешь, что солдат будет тупым»⁹². Темплер фактически перевернул страну, уволил некомпетентных чиновников, улучшил разведку и поднял моральный дух. Он улучшил условия в китайских «областях переселения», изменил их названия на «новые деревни». В результате одну или две из них стали сравнивать с лагерями отдыха, а не с концентрационными лагерями.

Он давал большие награды информаторам и перебежчикам, использовал больше бронемашин, чтобы избежать засад, и вертолетов, чтобы проводить молниеносные рейды. Темплер начал пропагандистскую войну, используя радио, мобильные кинотеатры и самолеты с громкоговорителями. Жители Куала-Лумпура были поражены, услышав женский голосок из облаков, напоминающий звон серебряного колокольчика, объявляющий на китайском: «Мировой коммунизм обречен»⁹³.

Темплер раздал миллионы брошюр и листовок, среди них — девяносто тысяч фотографий с коронации королевы Елизаветы II. Хотя он и поддерживал малайскую культуру, казалось, представитель метрополии считал, что нацию можно спасти распространением женских институтов и молодежных движений. Он с энтузиазмом относился к слетам бойскаутов, восторгался ими и часто сам носил форму скаутов. Верховный комиссар пытался барабанным боем усилить верность и преданность, используя оркестр Колдстримской гвардии, хотя ему говорили, что китайцы «скорее предпочитают шум, а не гармонию»⁹⁴.

Темплер был грубым и неутонченным, энергичным и безжалостным. Он презирал все академическое, не доверяя мужчинам, которые используют масло для волос. В Кингс-хаузе, который представлял собой некую пародию на павильон для игры в крикет у Тюдоров (даже с флагштоком), он любил танцевать латиноамериканский танец конгу. Но каждый раз, когда он вел за собой танцующих, часовой отдавал салют, а само здание было окружено колючей проволокой. В связи с этим пресса язвительно шутила: «Верховный комиссар переселился».

Колючая проволока могла стать символом правления Темплера, потому что завоевание им малайских сердец и умов — это миф.

Да, он успешно использовал убеждение, но в большей мере полагался на принуждение и использование силы. Даже те, кто им восхищался, признавали: этот человек руководил полицейским государством⁹⁵. Критики заявляли, что не было «никакой человеческой деятельности от колыбели до могилы, за которой не надзирала бы полиция».

Темплер наложил тоталитарные ограничения на новые деревни. Он яростно ругал сообщества и общины, коллективно их наказывая, призывал китайцев на службу в полицию. Это стало таким оскорблением, что в результате больше новобранцев получила Малайская коммунистическая партия, а не полиция. Как считалось, ситуация в его тюрьмах оказалась «хуже, чем то, что пережили задержанные при японском режиме»⁹⁶.

Он не испытывал никаких угрызений совести насчет тактики, используемой во время ведения военных действий в джунглях, даже применял химическое оружие — дефолианты. По словам Чин Пена, «если кто-то и использовал методы террористов, так это он»⁹⁷. Наверняка Темплер предоставлял свободу действий своим силам, среди которых были гуркхи, охотники за головами из народа дьяков и жители Фиджи, происходящие от каннибалов. Некоторые из них заявляли, что стали шотландцами «путем поглощения»⁹⁸.

Весной 1952 г. это привело к скандалу. «Дейли уоркер» опубликовала серию фотографий с трофеями, на самой печально известной был изображен улыбающийся командир Королевской морской пехоты, который держал две отрубленных головы китайцев, причем одна из них была женской. Правительство вначале заявило, что фотографии поддельные, но потом признало их подлинность. Уайт-холл тоже частным образом признал, что снимки стали бы доказательством военных преступлений, если бы малайский конфликт не считался просто чрезвычайным происшествием. (И это была одна из причин оставить его именно таковым).

Но Темплера не смутили и не запугали откровения. Он сказал, что партизанская борьба была неприятным делом, а обезглавливание необходимо для идентификации. Практика прекратилась, однако суровые меры продолжались. В 1956 г. начальник оперативного штаба заявил: «Несмотря на угрюмое и враждебное население, мы очень хорошо продвигаемся вперед, выжимая людей самыми мощными и суровыми методами»⁹⁹.

К тому времени коммунисты уже ждали поражения. Сотни сдались, расширялись так называемые «белые территории», очищенные от мятежников и освобожденные от ограничений. Плантаторы, 7 процентов которых лишились жизни, теперь могли свободно перемещаться по большей части трех тысяч каучуковых поместий

страны. Чин Пен отступил в Таиланд и даже предлагал заключить мирное соглашение, хотя его условия были отвергнуты (в частности — легализация Малайской коммунистической партии).

Но, хотя Малайя стала свидетельницей одного из самых крупных имперских сражений, предпринятых метрополией, к краху восстания привела не столько сила британцев, сколько слабость партизан. Чин Пен получил поддержку лишь меньшинства китайцев, которые сами были разделены на конкурирующие сообщества. Их часть, например, давно утвердившиеся и говорящие на английском языке иммигранты, оставались верными короне. Почти все малайцы враждебно относились к коммунистам — не в меньшей мере потому, что их собственные кампонги (поселки) чахли и томились в бедности, а государство тратило деньги на китайские «новые деревни». Малайские крестьяне и рыбаки иногда убивали вооруженных партизан, которые заходили на их территорию.

Тем временем политический альянс между малайцами, китайцами и индусами, похоже, был готов мирным образом привести Малайю к «мердеке» (независимости), делая революцию ненужной. Это межрасовое согласие удивляло. Дато Онн не только не смог превратить Национальную организацию объединенных малайцев в национальную партию, которая сменит британцев, но уйдя с поста руководителя, не сумел сам создать такую партию. Однако его преемник на посту главы Национальной организации объединенных малайцев, туанку Абдул Рахман, брат султана Кедаха, обладал большей гибкостью, остротой ума и наблюдательностью. Вначале он настаивал, что Национальная организация объединенных малайцев — это малайская и мусульманская организация. Так этот политик достиг сближения и взаимопонимания с Малайской китайской ассоциацией и Малайским индийским конгрессом. Альянс строился на успехе организации на местных выборах, а в 1955 г. была достигнута победа на выборах в Федеральный Законодательный совет с подавляющим большинством голосов.

Демонстрация национального единства оказалась непреодолимой, хотя всех она не убедила. Когда прибывшего с визитом депутата Парламента от партии «тори» Роберта Вутби спросили, как долго Британия останется в Малайе, он ответил: «Тысячу лет»¹⁰⁰.

На самом деле британцам пришлось поспешить, предоставив «мердеку» уже в 1957 г. Они объявили о своем намерении уйти, когда чрезвычайное положение закончилось (а это произошло только в 1960 г.) Метрополия не хотела передавать управление туанку (правителю), считая его яркой комбинацией западного плейбоя и восточного деспота. Абдул Рахман был известен танцами, скачками на лошадях, быстрой ездой на автомобилях и

попаданием в щекотливые ситуации с безнравственными женщинами. Этот человек был настолько англоизирован, что не мог бегло говорить на малайском языке, а на официальных мероприятиях появлялся «слегка пьяным»¹⁰¹.

Однако он создавал впечатление человека, нацелившегося на «старомодное мусульманское диктаторство»¹⁰². Британцы опасались, что тогда туанку жестоко расправится с другими участниками альянса, особенно, с китайцами, чей лидер был «в незавидном положении»¹⁰³.

Но получилось так, что туанку оказался умеренным политиком, который понимал необходимость всеобщей гармонии. В любом случае, британцы были связаны своими принципами, следовало вести себя демократично. Более того, передача власти правителью вполне могла послужить их интересам. Они сохраняли доминирующую долю в малайской экономике. Сама экономика этой страны не стала ключевой, поскольку синтетическая резина производилась и в Британии, где капитал мог быть инвестирован с большей прибылью.

Британцы сохранили и военное присутствие в регионе. Лондон взял на себя ответственность за оборону Малайи, а затем Малайзии — федерации бывших колоний Малайи, Сингапура, Саравака и Северного Борнео (Сабаха), созданной в начале 1960-х гг.

Однако даже при помощи американцев Великобритания не могла долго поддерживать эту роль. Ее дни восточной державы оказались сочтены. После ухода из Индии она покинула Бирму под угрозой одной силы. Британия покинула и Цейлон, когда это продиктовала либеральная логика. Империя с грустью ушла из Малайи, неохотно и в некотором беспорядке. Скорость определяли отступление Чин Пена и наступление туанку Абдула Рахмана.

Великобритания стремилась уйти достойно не только для того, чтобы противопоставить это поражению французов при Дьенбьенфу в 1954 г. Этим еще и компенсировалось провальное вторжение в Суэц в 1956 г. — событие, которое американцы рассматривали, как победу коммунистов. Британцы использовали Дальний Восток для восстановления морального престижа, который потеряли на Ближнем Востоке. Это оказалось очень успешной пропагандистской уловкой и тактическим ходом — особенно, заявление о том, что техника контрмер против мятежников, которую использовал Темплер, завоевала умы и сердца. Это повлияло и на действия Америки во Вьетнаме. Но ничто не могло скрыть факт: конец империи оказался, как говорил Гиббон, сценой запустения и отчаяния.

Глава 16

«Золотая чаша, полная скорпионов» Святая Земля

Когда имперские легионы отступали из Индии, Бирмы и Цейлона после войны, Британия пыталась укрепить своей плацдарм на Ближнем Востоке. В апреле 1945 г. Энтони Иден объявил: защита востока Средиземноморья — это вопрос жизни и смерти для Британской империи¹. Премьер-министр от лейбористов Клемент Эттли испытывал сомнения по этому поводу. Однако преемник Идена на посту министра иностранных дел Эрнст Бевин согласился. (Говорили, что он практически полностью принял политику Идена).

Бевин рассматривал регион как богатую нефтью цитадель, защищающую африканские колонии. Нуждающаяся Британия могла это использовать на протяжении многих лет. Левант, которому предстояло оставаться в сфере влияния Великобритании благодаря новым договорам, оказался жизненно важным «для нашего положения великой державы»².

Конечно, к этому времени коммунизм представлял собой самую серьезную угрозу этому положению. Ведь Красная Армия пробилась к сердцу Европы. Советский Джаггернаут теперь угрожал покатиться на юг — к Греции, Турции и Персии. По иронии судьбы, первым государственным деятелем, который собрал и сплотил антикоммунистические силы, стал новый лидер верной оппозиции его величества. В 1945 г. Уинстон Черчилль выступал за Соединенные Штаты Европы. В таком случае континентальная Европа соединилась бы «в манере, неизвестной после падения Римской империи»³.

Об этом проекте памятно высказался Бевин: «Если вы откроете ящик Пандоры, то никогда не узнаете, какие оттуда выпрыгнут троянские кони»⁴.

На следующий год в речи о «железном занавесе» в Фултоне (штат Миссури) Черчилль призвал к «особым отношениям между Британским Содружеством, империей и США»⁵. По мере усиления холодной войны Америка действительно предоставила молчаливую поддержку Британской империи, дав ей короткий новый срок жизни. В марте 1947 г. президент Трумэн взял на себя роль Британии в поддержке Греции и Турции против ударов Сталина.

Эта историческая инициатива, сформулированная в «доктрине Трумэна», помогла Бевину в оказании имперского влияния в других регионах Средиземноморья и Ближнего Востока. Но такое предприятие вызвало разочарование, особенно, в Палестине. Там конфликт между евреями и арабами привел к разрыву между Лондоном и Вашингтоном. Дальнейший исход Британии из Святой Земли стал еще одним этапом (особенно бесславным) в распаде империи.

Конечно, со времен Первой Мировой войны противоречивые обязательства Британии запутали и испортили ситуацию в Палестине. Страна была объявлена местом национального дома для евреев. Но арабов заверяли: они получают право на самоуправление.

Землю обетованную обещали слишком много раз. Казалось, что британцы сдержат слово, данное евреям. Лига Наций включила Декларацию Бальфура в британский мандат 1923 г. на управление Палестиной.

Бальфур и Ллойд-Джордж частным образом сказали Хаиму Вейцману: под национальным домом они всегда имели в виду еврейское государство⁶. В то же самое время Уинстон Черчилль тайно одобрил незаконный контрабандный ввоз оружия евреями, при помощи которого оснащалась подпольная армия Хагана (что означает «оборона»): «Мы не будем против, но не говорите об этом»⁷.

Казалось, что даже космос на стороне евреев, наука явно соединялась с религией, чтобы обеспечить выживание самых достойных. Светские сионисты любили оправдывать свои убеждения на дарвинистской основе. Например, Артур Кестлер сказал: палестинские арабы живут «первобытным, анахроничным образом, что само по себе ведет к краху. Бессмысленно спрашивать, является ли эта посылка «правильной» или «неправильной». История держит в руке кнут. А в данном случае евреи, ее традиционные жертвы, стали кнутом»⁸.

Ветхий Завет обеспечивал санкцию для окончания второго вавилонского изгнания и строительства Нового Иерусалима. Некоторые христиане действительно предсказывали второе пришествие Христа после возвращения избранного народа в Святую Землю. Наверняка их тронул вид евреев, прибывающих со слезами радости, хвалебными песнями и криками: «Сион!» Один британский полицейский писал: «Над этой волочащей ноги нестройной процессии грязных людей с бледными лицами витала какая-то странная слава. В их глазах светилось величие»⁹.

Они великолепным образом выполняли пророчество из главы 11 Книги пророка Исаии:

И будет в тот день: Господь снова прострет руку Свою, чтобы вернуть Себе остаток народа Своего...

И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли. (Ис. 11:11–12)

Неудивительно, что Давид Бен-Гурион, социалист-сионист, который стал первым премьер-министром Израиля, объявил: «Мандат не является нашей библией. Скорее уж, Библия является нашим мандатом»¹⁰. Не вызывает удивления и то, что евреи смотрели на арабов, как Моисей на хананеев — как просто на инструменты в плане Господа для детей Израилевых.

Арабы интерпретировали эту мессианскую программу, как вызов своей вере, на который можно ответить только упорным сопротивлением — возможно, джихадом. Они были убеждены, что евреи намерены единолично завладеть Святой Землей. Избранный народ мог войти в свое библейское наследие только за счет притязаний мусульман. Поэтому звезда Давида должна победить и полумесяц, и крест.

Так, думали арабы, поток еврейских иммигрантов заставит переселиться местное крестьянство, вынужденное покинуть свои владения.

Хотя право арабов на землю представлялось юридически туманным, это были притязания реального мира, а не следующего. Они основывались на долгой оккупации и глубокой привязанности. Если процитировать их самого способного защитника, христианина Джорджа Энтони, «нет места для второй нации в стране, которая уже населена».

Лига Наций не имела права класть груз облегчения бед еврейской диаспоры на арабскую Палестину. «Ни один моральный кодекс не может оправдать преследование одного народа в попытке облегчить преследование другого»¹¹.

В 1918 г. евреи составляли 8 процентов населения. Арабы заявляли, что Палестина «ни в коем случае не соглашается на то, чтобы ее горы превратились в вулканы, изрыгающие огонь, а воды Иордана превратились в кровь»¹². Любая попытка значительно увеличить еврейскую иммиграцию приведет к «непредсказуемой катастрофе и потере арабских, еврейских и британских жизней»¹³.

Первый британский верховный комиссар сэр Герберт Сэмюэль вскоре обнаружил: его соотечественники полностью недооценили степень арабского противостояния еврейскому присутствию. Как он писал, «это сравнимо с раздражающим эффектом инородного тела в живом организме»¹⁴.

Сионизм разжег арабский национализм. Он угрожал «воспроизвести в Палестине»¹⁵, как отмечали другие, условия Ирландии: «Два народа живут в маленькой стране и чертовски ненавидят друг друга»¹⁶. Евреи из Европы часто относились к «местным» с евро-

пейской надменностью и высокомерием, быстро переняв отношение поселенцев.

Однако новое сионистское управление отличалось от старого колониального порядка. Если предполагалось, что британская оккупации Палестины будет временной, еврейская экспроприация обещала стать постоянной. Сэмюэль делал все возможное, чтобы примирить непримиримые сообщества. Он был либералом, учился в Оксфорде и считал, что жизнь — это «один выпускник Бейллиола за другим»¹⁷. Этот человек был благородным и великодушным до наивности. Более того, он с утонченным отвращением относился к автократии и не хотел управлять страной, «где льется лицензированное молоко и зарегистрированный мед».

Но арабы могли видеть в нем только еврея-сиониста, чьи аккуратно подстриженные черные усы «распространяли вокруг себя некую милитаристскую энергию, непоколебимость и холодность»¹⁸.

В 1921 г. арабы разбили его смягчающую политику мятежами и беспорядками. После этого Сэмюэль ограничил иммиграцию и начал первую из серии британских попыток разбавить Декларацию Бальфура (стараясь не предавать тех, кто выступал за нее). По словам одного британского офицера, тоже еврея, их целью было «удерживать равновесие так, чтобы не оскорбить мусульманское мнение, которое поставит под угрозу всю империю, а также еврейское мнение, что вызовет трудности по всему миру»¹⁹. Евреи пришли в ярость оттого, что посчитали предательством и вероломством верховного комиссара. Они стали звать Самюэля «Иудой».

Действительно, большинство британских солдат и чиновников сочувствовали тем, кого считали жертвами несправедливости или обделенными. Предполагалось, что армия нейтральна, как говорил ее командующий на Ближнем Востоке генерал Конгрев. Но арабы были «жертвами несправедливой политики, навязанной им британским правительством»²⁰. Военная точка зрения суммировалась в куплете, который войска хором распевали в Иерусалиме:

Они продали Землю Святую
Сионистскому комитету.

Гражданские лица старшего возраста эхом вторили чувствам, если не куплету, отмечая: «Древним обитателям этой земли придется уступить сионистам, которых поддерживают финансовые концерны»²¹.

Что находилось за этими мнениями? Про-сионистский полковник Мейнерцхаген обвинил других офицеров в «гербафобии»²². Несомненно, что многие в большей или меньшей степени были

антисемитами, включая самого Мейнерцхагена. Г.К.Честертон резюмировал это отвращение атакой на ортодоксальных евреев в подбитых мехом шляпах и «великолепных, но грязных одеждах бронзового или пурпурного цвета». Их пейсы побудили его говорить о Иерусалиме, как о «рае для парикмахеров»²³.

Но если католики были британцами, то британцы оказались католиками в своих предрассудках. Палестинские арабы, особенно, горожане, гневно осуждаемые как левантские осколки Оттоманской империи, тоже подвергались дискриминации. Расистские администраторы оскорбляли людей: «Надоедливое стадо «черных» и евреев»²⁴.

По словам Лео Эмери, второсортный чиновник оскорблял больше всего — по расовым, религиозным или этническим соображениям. Это «клерк с телеграфа, который стоит, вперив руки в боки, в дверях клуба «Мальта», чтобы показать, что он — английский белый джентльмен с правом входа»²⁵. Однако в глазах властей наименьшее предпочтение отдавалось евреям-иммигрантам. Они были «аборигенами-прислужниками», «миссионерскими мальчиками» Святой Земли. Большинство евреев были грамотными и привыкли к городскому образу жизни, только примерно 10 процентов работали в кибуцах. Многие обладали практичными или профессиональными навыками, говорили на двух или более языках, носили западную одежду и ценили европейскую культуру.

Образование делало евреев нежелающими подчиняться колониальной дисциплине. Это было основное обвинение, выдвинутое лордом Нортклиффом против беженцев, которые испытывали омерзение к крепостной зависимости гетто. Очевидно, «у него была навязчивая идея, его преследовал кошмар, в котором он видел кривые пальцы, сжимающие ятаганы в защите Святой Земли»²⁶. Нортклифф осуждал «слишком большую предприимчивость и напористость сионистов»²⁷.

В отличие от них арабы были приучены к гнету, притеснениям и тирании, этот народ не испорчен цивилизацией. «Когда араб грязный, он живописен, — сказала жена одного британского чиновника. — А когда еврей грязен, он мерзок»²⁸. В своих 850 деревнях арабы вели образ жизни, свято чтимый веками. Хотя они поклонялись Аллаху, а не Иегове, их образ жизни навеивал в сознании яркие сцены из Ветхого Завета. Патриархальная форма существования привлекала воображение и нравилась романтическим и религиозным британцам. Таковой же оказалась и живая картина восточной жизни, представленная в Старом Городе Иерусалима. То был лабиринт мелового цвета, пахнувший навозом и дымом от горящего дерева. Стоял шум, в котором смешивались крики петухов, лай собак, рев ослов. Этот шум соревновался с криками

торговцев и муэдзинов. Бедуины в бурнусах и плащах из верблюжьих шкур, феллахи в тюрбанах, плащах из овечьей шкуры и бело-голубых полосатых галлабиях в огромных количествах появлялись из узких переулков, крытых переходов и крутых спусков. Везде можно было пройти только узкой колонной. Люди шли плечом к плечу с курдами-носильщиками, которые несли огромные мешки, с господами в малиновых фесках и дервишами в высоких шляпах цилиндрической формы. Дамы в черных муслиновых вуалях и больших белых покрывалах покупали огурцы у сельских женщин в бархатных жакетах и плащах. У крестьянок на подбородках и губах выделялись татуировки, на них звенело много серебряных украшений. Маленькие арабские мальчики с корзинками, прикрепленными ремнями к плечам, бегали между лавками, полными шелка, и киосками, где горами лежали специи. Купцы в файсальехах (коричневых фуражках) вели торговлю среди лоточников, развозивших свои товары на тележках, нищих, любителей засахаренных фруктов, курящих кальян и «продавцов кофе, которые позвякивали медными блюдами»²⁹.

Это был мир сказок Шехерезады. Но британцы предвидели его разрушение и еврейское воскрешение. Если сионисты заново отстроят стены Иерусалима, то они охватят и руины того, что все еще было «городом сарацинов»³⁰.

Но реликвии других вероисповеданий и цивилизаций были похоронены в ткани Иерусалима, словно окаменелые ископаемые в скалах. Древний город, стоящий на неровном Иудейском плато и выходящий на глубокое голубое Мертвое море, пережил «сорок осад и разрушений»³¹. По очереди приходили Навуходоносор и Александр Македонский, Птолемей I и Иуда Маккавей, Помпей и Ирод, халиф Омар и император из Фридрих II Гогенштауфен. Последний тешил себя «богохульной мыслью о том, что если бы Иегова увидел Неаполитанское королевство, то никогда не выбрал бы Палестину наследием своего избранного народа».

Многое из прошлого было погребено в гротах, склепах, подземных часовнях, пещерах с костями и катакомбах. От Голгофы до Гефсимании, осколки каждой эпохи над «священной землей тайн и чудес»³² свидетельствовали о «быстротечности и мимолетности религий и империй»³³. Там имелся иудейский известняк, римский мрамор и сарацинский порфир. Там были греческие арки, персидские плитки и византийские столбы. Каждый победоносный правитель, каждый добившийся триумфа священнослужитель пытался уничтожить или предать забвению монументы своих предшественников. Так Тит приказал уничтожить Храм Соломона — реконструированное чудо белого цвета, которое еврейский историк Иосиф Флавий сравнивал с «горой снега»³⁴. Адриан по-

строил новый город, святилище Юпитера выросло на месте Голгофы, а храм Венеры — над гробницей Христа.

Через какое-то время Константин заменил его храмом Гроба Господня, который сам стал предметом соперничества между греческой, римской, армянской, коптской и другими ветвями христианства. Соперничество было таким, что казалось, будто каждая из ветвей почитает какое-то местное божество. А потом там, где молились Иегове и Иову, сарацинские халифы воздвигли исламские святыни, как мечеть Аль-Акса и величественный «Купол Скалы» (или мечеть Омара).

Крестоносцы, которые проехали по городу так, что «кровь доходила им до колен и до вожжей»³⁵, сделали из мечети дворец и превратили блестящий драгоценный камень мечети Омара в часовню. Однако «Купол скалы» был спасен Саладином (Салах-ад-Дином), который сам превратил церковь Святой Анны в медресе. Изменения провел и Сулейман Великолепный. Они и им подобные оставили мусульманский Иерусалиме.

Во времена Герберта Сэмюэля город оставался средневековой мозаикой башен, куполов, минаретов, бельведеров и парапетных стенок с бойницами. Но глубокие геологические слои, наложение храма на синагогу и мечети на церковь, рассказывали свою собственную историю. Город был притчей в камне. Арабы убедились, что евреи намерены воссоздать Храм Соломона на развалинах «Купола скалы». И, как провозгласил главный раввин ашкеназских евреев в 1928 г., «святилище навсегда свяшенно для Израиля и должно вернуться Израилю, а Храм отстроят заново — великий и великолепный, как и обещал пророк Иезекииль»³⁶. После того, как Ковчег Завета вернется на алтарь, он сотрет отпечаток ступни Мохаммеда...

До подъема Гитлера арабы и евреи в Святой Земле в целом сдерживали огонь. Иммиграция шла лишь тонким ручейком, и в конце 1920-х гг. уезжало больше евреев, чем приезжало. Ни одно сообщество не было объединенным. Многие евреи, как светские, так и религиозные, выступали против сионизма. Борьба внутри сельских кланов и городских фракций мешала развитию арабского национализма.

Британцы относились к Палестине, как колонии, и управляли ею при помощи маленького гарнизона. У армии не имелось артиллерии, чтобы провести салют в день памяти погибших в Первую Мировую войну 11 ноября 1925 г., и они позаимствовали древнюю пушку, из которой исламские власти стреляли, чтобы дать сигнал к началу Рамадана. Верховные комиссары торжественно и пышно председательствовали надо всем происходящим. Вначале они жили в «замке» в вагнеровском стиле³⁷ на Масличной горе,

а в дальнейшем — в специально построенном Доме правительства с квадратными башнями. Там имелся танцевальный зал и музыкальная галерея, располагалось все это в том месте, где раньше проходил синедрион. Как и обычно, британцы держались сами по себе и преследовали собственные цели. Они устраивали пирушки и междусобойчики в эксклюзивном спортивном клубе Иерусалима.

Британцы охотились на шакалов, устраивали пикники в Галилее, где воздух был прозрачным и чистым, а земля покрыта дикими цветами — анемонами, нарциссами, цикламенами, златоцветником. Рядом с Мертвым морем, с поднимающимся за ним, будто латунная стена, Моавом они играли на очень соленом, песчаном поле с девятью лунками гольф-клуба «Содом и Гоморра», ежегодно соревнуясь за главный приз — мраморную статуэтку, известную под названием «Жена Лота».

Колонизаторы поддерживали мир и подавляли беспорядки. (Самые кровавые случились из-за спора по поводу Западной стены («Стены Плача») в 1929 г.) Они занимались вопросами правосудия, здравоохранения и образования, развивали сельское хозяйство, помогая евреям сделать пустыню «цветущей, как роза»³⁸. Британцы также помогали арабам, которые все еще собирали урожай при помощи серпа и использовали ослов для растаптывания зерна. Их вдохновил Нью-Дели Лутъенса, планировалось даже построить свой собственный Нью-Иерусалим. Но если британцы делали Палестину «чище, богаче и скучнее», они не делали ее счастливее, как сказал сэр Рональд Сторрс, губернатор Иерусалима и Иудеи: «Вы увеличили урожай, но не умножили радость, и это моя эпитафия Британской империи»³⁹.

Сменяющие друг друга губернаторы колонии не смогли добиться политического сотрудничества между евреями и арабами, у которых имелись параллельные администрации. Еврейское агентство консолидировалось в стратегических областях, особенно — на прибрежной равнине и в Галилее, где евреи покупали землю (которую отсутствующие владельцы продавали, даже хотя при этом изгонялись тысячи арабских арендаторов). Вейцман управлял Еврейским агентством издалека и делал это мастерски и виртуозно, но даже и он мог вести себя провокационно. Например, он написал, что «единственным рациональным ответом» на разногласия по поводу Стены Плача будет «пустить евреев потоком в Палестину»⁴⁰.

Верховный мусульманский совет возглавлял Хаджи Амин аль-Хуссейни, назначенный Сэмюэлем муфтием Иерусалима. Совет являлся главнейшим религиозным и законодательным учреждением. Муфтий был спокойным человеком, говорил тихим

и мягким голосом, у него была рыжая борода, носил он черные одежды и белый тюрбан поверх малиновой фески.

Муфтий обладал редким даром неподвижности. Но его бесстрастный и достойный внешний вид скрывал горячее стремление удерживать мусульманское большинство в Палестине. Амин считал, что Декларация Бальфура возникла благодаря козням и махинациям евреев с британцами, и напомнил одному верховному комиссару, что козни и махинации евреев с римлянами привели к убийству Христа. Сам аль-Хуссейни не был подлым интриганом, но пытался уничтожить еврейский национальный дом, вначале заключив договор с британцами, а потом принимая воинственных мусульман. Изначально он избегал любых советов или конгрессов, которые могли бы дать законность еврейскому присутствию. В начале 1930-х гг. ему пришлось пойти на компромисс и обсуждать условия. Он понял, что арабы будут доминировать в избранном собрании количественно. Именно поэтому Вейцман и его союзники отвергли предложения по формированию такого органа.

По всему миру евреи сталкивались с враждебностью большинства в странах, где жили. Главная цель сионизма состояла в том, чтобы евреи в Палестине «по крайней мере, прекратили вести жизнь меньшинства»⁴¹.

* * *

К этой цели предстояло прийти после самой жуткой трагедии в истории еврейского народа. Пока антисемитизм становился более яростным в Германии, Польше и других странах Восточной Европы в годы перед холокостом, гораздо большее число его жертв пыталось добраться до земли обетованной. После мятежей 1929 г. британцы предприняли дальнейшие усилия по ограничению иммиграции евреев и приобретению ими земли. Но эти усилия прекратились из-за протестов сионистов в Лондоне, сочувствия Лейбористской партии евреям и мнения Министерства иностранных дел о том, что отречение от Декларации Бальфура повредит престижу империи. Поэтому между 1933 и 1936 гг. 166 000 евреев прибыли в Палестину. Теперь евреи составляли более четверти населения. Соответственно усилилось напряжение. Один английский археолог заметил симптомы во время показа фильма «Бен-Гур» в Иерихоне. «Конечно под «римлянами» все подразумевали англичан», — написал он. Когда римский офицер Мессала сказал Бен-Гуру, что тот — «распускающий нюни подлый и трусливый еврей», чью расу всегда будут топтать в грязи, арабы среди зрителей закричали и затопали ногами от радости и восторга. В свою очередь евреи «издали громкий, подстрекательский и бунтарский

радостный клич» после ответа Бен-Гура: «Мой приведенный в отчаяние народ раньше свергал и других преследователей. Будьте уверены, придет тот день, когда он поднимется и стряхнет с себя римское ярмо»⁴².

Те, кто теперь сидели на месте Понтия Пилата, столкнулись с ужасающей дилеммой. Не пускать евреев означило обречь их на преследования, если не на уничтожение. За несколько лет до того, как начать окончательное решение, сам Адольф Эйхман сказал одному известному английскому еврею: «Сионизм — единственное рациональное решение еврейского вопроса»⁴³. Пускать евреев означало угрожать существованию арабского сообщества, вызвать антагонизм всего мусульманского мира. Как писал Джордж Энтони, для арабов стоял вопрос о самосохранении⁴⁴. Такой же вопрос стоял и перед евреями, которым отказали в убежище в Великобритании, Америке и других местах. В 1936 г. их приток в Палестину выкристаллизовал арабское сопротивление. Оно приняло форму атак и на британцев, так и евреев. Усилились и множились арабские забастовки, бойкоты, мятежи, наемные убийства и бомбометания. На них отвечали коллективным наказанием и актами контртеррора, которые усилили ненависть к правительству.

Британцы взорвали большую часть старой Яффы в попытке избавиться от партизан, они добавили оскорбление к разрушению, заявив, что оно является частью программы городского планирования. Святую Землю охватила злобная и ужасная борьба, конституционное соглашение стало невозможным. «Мы и они хотим одного и того же, — сказал Давид Бен-Гурион. — Мы и они хотим Палестину. И это фундаментальный конфликт»⁴⁵. В результате, как заметил один чиновник, на одной квадратной миле Палестины было больше ненависти, чем в любой другой стране на Земле. Один арабский демагог, «заглядывающий в помойные ямы истории»⁴⁶, даже продемонстрировал британское варварство, помянув тасманский геноцид. Христиане сравнивали атмосферу в Иерусалиме с той, которой царила во время распятия Христа.

Сионистская стратегия заключалась в сохранении благосклонности мандатной власти. Бен-Гурион заверял верховного комиссара, что «евреи хотят, чтобы Палестина стала частью Британской империи; только в этом одном заключается безопасность»⁴⁷.

Бен-Гурион был невысоким человеком с большой угловатой головой, резкими чертами лица, пышной шевелюрой из вьющихся седых волос и пронзительными зеленовато-кариими глазами. Лидер сионистов оказался безжалостным политиком, который вместо того, чтобы говорить, «лаял и ворчал»⁴⁸. Но он знал, когда затаиться и притвориться: во время первой израильской переписи населения Бен-Гурион указал свое занятие — «сельскохозяйственный

рабочий»⁴⁹. Его уверенность воплотила в жизнь наивные амбиции британских сионистов вроде Джосайи Веджвуда, который хотел, чтобы евреи «гордились тем, что они англичане. Целью должен быть седьмой доминион»⁵⁰.

Но Бен-Гурион имел в виду, что евреи останутся на вспомогательных ролях в империи, пока не наберутся силы, чтобы выковать собственное государство. Поэтому, как он сказал, вместо того, чтобы брать око за око, они должны ответить на арабские провокации сдержанностью. Вейцман успокаивал Великобританию, утверждая, что арабское восстание было частью вековой борьбы между цивилизацией и пустыней. «Арабы — это разрушительный элемент, — объявил он. — Мы строим!»⁵¹

Из прагматических соображений сионисты даже приняли вывод королевской комиссии, которую возглавлял лорд Пил, исследовавшей причины восстания. Среди других людей, которые тайно давали Пилу советы, был поборник Декларации Бальфура Лео Эмери. Он предложил «вырезать из Палестины «Ольстер», полностью арабскую территорию, в которой следует или учредить отдельную администрацию, или присоединить ее к Иордании»⁵². В 1937 г. комиссия решила, что примирить евреев и арабов невозможно, и соответственно рекомендовала разделение. Вейцман и в еще большей степени Бен-Гурион испытывали сомнения насчет подобного решения. Они особенно были недовольны маленькими размерами своего возможного государства, хотя Пил выделил евреям треть Палестины при владении ими только примерно 5 процентами земли. Он же позволил изгнать арабское население, которое составляло 49 процентов от общего.

Однако, по крайней мере, это будет государство. Оно может вырасти от Дана до Беэр-Шевы. Оно даже расширилось бы, как представляли евреи-«ревизионисты» вроде Владимира Жаботинского и Менахема Бегина, от Нила до Евфрата⁵³. «Пустыня Негев не убежит, — язвительно замечал Вейцман. — Значение имеет первый шаг». Как сказал Бен-Гурион, это не конец, а начало.

Именно по этой причине арабы сразу же отвергли раздел. В отчаянии они пришли к выводу, что с планом Пила нужно бороться. Осенью 1937 г. их восстание, которое практически закончилось в предыдущем году и унесло пятьсот жизней, снова началось. Муфтий (который сбежал в Лондон) вдохновлял восставших, им помогали из Ирака и Сирии.

По сути оно было стихийным и низовым восстанием деревень, где более пятой части арабов теперь стали безземельными и почти всем евреям отказывали в найме на работу. В первых рядах оказалось примерно три тысячи человек, которые атаковали автобусы, поезда, мосты, апельсиновые рощи, телефонные станции, поли-

цейские участки, правительственные учреждения, нефтепровод от Ирака в Хайфу, даже новый аэропорт в Лидде. Они грабили банки и арсеналы. Засады, взрывы и убийства стали каждодневными событиями.

Насилие было безудержным и ничем не сдерживалось. Арабы убивали тех, кого считали предателями на своей стороне, а также евреев и британцев. Еврейские милитаристы, участники организаций, которые стали известны, как «Иргун» и группа Штерна, тоже убивали тех, кого считали предателями, а заодно творили террористические зверства. Они сознательно действовали в духе сикариев времен Ирода, названных так, поскольку древние террористы носили кинжалы («сика») под плащами и закалывали тех, кто сотрудничал с Римом. Милитаристы бросали бомбы на арабских рынках в Хайфе, Старом Городе Иерусалима и других местах. Молодой поэт Яков Коэн суммировал их веру: «В крови и огне иудейская восстанет из пепла страна»⁵⁴.

Как костер, от которого во все стороны отлетают искры, гражданская война способствовала новым сражениям и вылазкам по всей Палестине.

Британцы пытались затушить каждый пожар по отдельности. Но их разведка работала плохо, несмотря на появление «Арабских следственных центров», где полиция, часть которой была набрана из английских карательных отрядов в Ирландии, пыталась подозреваемых. Пришлось понять, что партизанской тактике трудно противостоять, после чего усилить репрессии. После взрыва в кофе-баре, куда часто ходили его коллеги, один полицейский написал: «Мы тогда спустились к трусам и лупили каждого араба, которого только видели, мы разгромили все магазины и кафе, неся разорение и разрушение, кругом лилась кровь... Переехать через араба — это то же самое, что сбить собаку в Англии, только мы это не регистрируем»⁵⁵.

Не нужно говорить, что итальянская и немецкая пропаганда усиливали степень использования британцами силы для подавления беспорядков, которое по нацистским и фашистским стандартам было скромным. Но когда англиканский епископ в Иерусалиме пожаловался на зверства, которые творит армия в северной деревне Баса, Бернард Монтгомери, генерал, командовавший 8-й дивизией, шокировал его, отвечая на каждый вопрос: «Я их пристрелю»⁵⁶.

Министр по делам колоний Уильям Ормсби-Гор пришел в отчаяние от стычек между группами населения по национальному и религиозному вопросу. В конце концов, он проклял и тех, и других, заявив: «Арабы вероломны, им нельзя доверять. Евреи жадные, а когда освобождаются от преследования, становятся агрес-

сивными»⁵⁷. Новый верховный комиссар сэра Гарольда Макмайкла, безупречно одевавшийся в костюмы из туссора бледных цветов, с жилеткой и золотыми карманными часами на цепочке, дела не улучшил. Он творил правосудие не дрожащей рукой, «никогда не колебался, никогда не прощал»⁵⁸. Это была концепция закона, взятая у римлян, которая, по его мнению, являлась непостижимой для восточных людей и женщин.

Верховный комиссар был абсолютно хладнокровным и циничным, он держался так отстраненно от столкновений, что получил прозвище «Симеон-столпник». К лету и осени 1938 г. его полномочия прекратились в большей части Галилеи и Иудее. Какое-то время восставшие фактически контролировали крупные города, включая Вифлеем и Иерусалим. Поэтому в октябре Макмайкл передал гражданскую власть военным, введя в Палестине законы военного времени. Можно было считать, что там введено военное положение, хотя оно и не объявлено официально.

Британская армия первой использовала технику, которую Государство Израиль в дальнейшем применяло против арабов. Людей размещали в загонах, окруженных заборами и долговременными огневыми сооружениями. Происходили атаки с воздуха, набеги на деревни, взрывы домов. Налеты, обыски и аресты привели к задержанию многих тысяч людей, направленных в концентрационные лагеря. Свыше ста человек были повешены.

Однако маленькие банды арабов, которые передвигались после наступления темноты, оказалось трудно ловить. Они ускользали. Чтобы избавиться от них, британцы увеличили тайное привлечение добровольцев из незаконной Хаганы. Многие из них служили в особых ночных отрядах, которыми командовал так называемый «Лоуренс Иудейский»⁵⁹. Это был капитан Орд Уингейт, племянник сэра Реджинальда, один из последних в длинном ряду героев-неконформистов, которые сделали своеобразный вклад в имперскую сагу Британии.

Это был стройный человек с бледно-голубыми глазами, худым лицом и большим носом, похожим на клюв. Он немного заикался. Уингейт обратился в сионизм со всем пылом человека, выросшего среди Плимутской братии. Казалось, новое вероисповедание поглотило его, словно внутренний огонь. На это можно было смотреть, как на причуду или пунктик, поскольку этот яростный, язвительный и неухоженный солдат отличался множеством эксцентричностей и чудачеств. Он мог массировать голые большие пальцы ног карандашом во время ужина и разговаривать с кем-то, лежа обнаженным на кровати, расчесывая волосы на теле зубной щеткой. Уингейт подолгу не ел ничего, кроме лука. Однажды он потребовал трубы из бараньих рогов, чтобы трубить в них у стен

вражеской деревни, подобно тому, как делал Иисус Навин против Иерихона и Геден против Мадана.

Однако сами странности Уингейта помогли сделать его харизматичным лидером. Он часто вместе со своими патрулями побеждал партизан в их собственной самоубийственной игре. Вес людей и металла подавлял их. К 1939 г., после гибели свыше трех тысяч человек, стало ясно: арабы проиграли войну. Но в мае казалось, что они нацелены выиграть мир.

Это произошло потому, что британское правительство, ожидающее грядущий взрыв в Европе, снова изменило направление политики по отношению к Святой Земле. Оно выпустило «Белую книгу», полностью изменив политику разделения и налагая суровые ограничения на еврейскую иммиграцию и покупку земли. Британия обещала в течение десяти лет провозгласить независимую Палестину, в которой доминируют арабы.

Сионисты взбунтовались, обвиняя нового министра по делам колоний Малкольма Макдональда, о котором они говорили, как о «почти что сумасшедшем антисемите»⁶⁰.

Сам Вейцман обвинял Макдональда в предательстве, презрительно отмечая: «Ты можешь плюнуть ему в лицо, а он скажет, что это идет дождь»⁶¹. Сионисты-не-евреи вроде Черчилля осудили «Белую книгу», как фатальную капитуляцию силе.

Политика умиротворения распространилась на Ближний Восток. Пожертвовав еще одним малым народом нацистской Германии, Невилл Чемберлен, как сказал Бен-Гурион, породил «новую редакцию Мюнхенского соглашения»⁶². Более того, она последовала за более ранней редакцией «еврейского Мюнхенского соглашения»⁶³ в Эвиан-ле-Бен предыдущим летом. Тогда международная конференция закрыла почти все двери в мире жертвам погромов.

Возбудив арабов, Британская империя вызвала антагонизм евреев. Они оказались более непримиримым и безжалостным противником. Само арабское восстание сделало их сильнее и целеустремленнее⁶⁴. «Белая книга» учредила фактическое гетто в Палестине, как сказал Бен-Гурион. Поэтому евреи намеревались против него бороться, «даже если для этого прольется их кровь»⁶⁵.

Теперь пришел черед евреев утверждать (как это делали арабы в 1936 г.), что их единственный вариант выбора — это использование террора против мандатной власти. Фанатики взорвали суды в Тель-Авиве и офисы Палестинской радиовещательной службы. Нелегальная иммиграция сильно увеличилась, поддерживая кампанию насилия. Гестапо инициировало исход евреев из Европы, а Хагана нелегально ввозила их в Палестину на борту ветхих грузовых судов, имеющих течь пароходов и вонючих кораблях для

перевозки скота. На попытки британцев остановить их они отвечали бомбами и пулями.

В августе 1939 г. конгресс сионистов в Женеве одобрил еврейскую воинственность. Но когда в Европе началась война, наступило затишье в борьбе за Святую Землю. И арабы, и евреи выступили против Гитлера, хотя и муфтий, и группа Штерна выступали за альянс с Третьим рейхом против Британской империи. Муфтий, чье убийство Черчилль одобрил в 1940 г., пытался предотвратить переправу еврейских детей из Европы в Палестину во время холокоста. По его мнению, это было «частью борьбы против мирового еврейства»⁶⁶. Абрахам Штерн хотел, чтобы евреи вели войну против Британии и «кричали «Хайль, Гитлер!» в Иерусалиме»⁶⁷.

Бен-Гурион осудил «еврейских нацистов» (в их числе — и участников «Иргун»), назвав «бубонной чумой»⁶⁸. Он выступил со знаменитым заявлением, что евреи будут «сражаться в войне на стороне Британии, словно не было никакой «Белой книги», и сражаться с «Белой книгой», как если бы не было войны».

Предписание Бен-Гуриона оказалось таким же противоречивым, как Декларация Бальфура. Как выразился один из его коллег, это была эпиграмма, а не программа. Она усилила эмоциональное смятение среди евреев Палестины во время войны. С одной стороны, они очень хотели ударить по нацистской Германии. С другой, они желали атаковать Британию за то, что не пускала в Сион то страшно малое количество евреев, которым удалось вырваться из рук Гитлера.

Евреи поднимали мятеж против так называемых «Нюрнбергских законов»⁶⁹, которые контролировали покупку земли евреями. Сама Хагана тоже разделилась. Многие ее борцы служили вместе с союзниками, некоторые помогали незаконным иммигрантам, а немногие занимались и тем, и другим. Время от времени они действовали с молчаливого согласия и при попустительстве британцев. Например, 25 ноября 1940 г. агенты Хаганы взорвали «Патрию» в гавани Хайфы, чтобы британцы не депортировали 1 800 еврейских беженцев на Маврикий. Взрыв, судя по всему, предназначался, чтобы только повредить судно водоизмещением в 12 000 тонн. Но в результате погибло примерно 260 евреев и около дюжины британских полицейских. Еврейское агентство объяснило инцидент, как акт отчаяния и массового самоубийства. Это казалось правдоподобным из-за тяжелого положения европейского еврейства. Это еще обострило неприятную дилемму, перед которой стояла Великобритания.

Черчилль и другие члены его правительства хотели отказаться от «Белой книги» по причине обыкновенной гуманности. Дафф Купер сказал в Нью-Йорке, что нацистские зверства наложили

моральные обязательства на Великобританию «делать для евреев скорее больше, нежели меньше того, что она когда-либо обещала или намеревалась»⁷⁰. Однако генерал Уэйвелл, который командовал британскими силами на Ближнем Востоке, предупреждал: любая уступка евреям распалит арабов и подвергнет опасности его и так рискованное положение. Этот аргумент приведенный в боевую готовность Черчилль не мог игнорировать. Он стал еще более убедительным в 1941 г., когда Уэйвеллу пришлось подавлять восстание в Ираке. Более того, Макмайкл, деморализованный официальными колебаниями и непостоянством, заявил своим начальникам: Еврейское агентство использует трагедию в Европе для создания государства в Палестине. Поэтому правительство в Лондоне ожесточилось. Например, оно отказалось принять 769 румынских евреев, набитых в клетки на узкой палубе «Штрумы». После затянувшейся дипломатической борьбы ржавый корабль затопили в Черном море 24 февраля 1942 г. Погибли все, за исключением двух человек. Вскоре в Палестине появился плакат, объявлявший что Макмайкл «разыскивается в связи с совершением убийства».

Сам Макмайкл избежал нескольких попыток покушения, после чего решил, что создание еврейского государства желательно. По мере накопления доказательств нацистского геноцида и другие пришли к выводу, что евреи никогда не будут в безопасности в чужеродном обществе. В Америке, где Рузвельт позволил евреям занимать высокие посты, конференция сионистов, проводившаяся в гостинице «Балтимор» в Нью-Йорке в мае 1942 г., подтвердила резолюцию Бен-Гуриона о том, что «Палестина должна стать еврейским содружеством»⁷¹.

В Великобритании вопрос ассимиляции евреев среди не-евреев, представленный Дизраэли, который служил примером, был отвергнут его преемниками. В 1943 г. Ллойд-Джордж заявил: «Отвратительное отношение к евреям со стороны нацистов сделало любое решение, кроме создания еврейского государства в Палестине, невыносимым». В декабре следующего года Клемент Эттли принял ту же точку зрения. Но лейбористская резолюция еще показательнее. Утверждалось, что для стабильного поселения требуется перевозка людей. «Пусть арабов побуждают выехать, — говорилось в ней, — по мере того, как евреи въезжают в Палестину, которая может расшириться за Иордан»⁷².

Это было слишком подстрекательским для самого Бен-Гуриона, поскольку Эттли, как казалось, подтвердил худшие опасения арабов. Им придется заплатить долг европейцев перед евреями за пережитые теми страдания. Мусульмане будут наказаны за христианские грехи, а евреи используют свой моральный капитал для

приобретения жизненного пространства в Палестине от людей, к которым они относились, как к недочеловекам. Государство Израиль будет расплатой и компенсацией за холокост, Ближним Востоком пожертвуют, положив его на алтарь империализма, чтобы успокоить нечистую совесть Запада.

Более того, казалось, что Эттли сгибается под натиском силы. Почти на протяжении года «Иргун» под руководством Менахема Бегина атаковал британские установки. В это же время остатки группы Штерна убивали британцев. Их самой известной жертвой стал британский министр-резидент на Ближнем Востоке лорд Мойн, близкий друг Черчилля. Последний разочаровался в сионизме после этого убийства и позволил сойти со сцены своему плану раздела Палестины. Сам Абрахам Штерн, известный, как «Иллюминатор», или «Яир», героический враг римских репрессий, был к этому времени застрелен. Но его мятежный дух продолжал жить в экстремистах вроде Ицхака Шамира, который планировал убийство Мойна (в дальнейшем Шамир стал премьер-министром Израиля). Он считал Германию врагом, а Британию — самым заклятым врагом. Нацисты убивали евреев, но мандатная власть, словно император Тит, уничтожала еврейский суверенитет. Современные фанатики считали, что «Великобритания играет роль Тита нашей эпохи»⁷³.

Бегин прославлял роль бунтаря: «Выступать против сегодняшнего Рима, Британской империи — это самая большая революционность, которой человек может достичь»⁷⁴.

Однако смерть Мойна вызвала такое отвращение в Палестине, что Еврейское агентство демонстративно стало сотрудничать с британскими властями до окончания войны. Хагана даже помогала ловить еврейских террористов. Нескольких они сами схватили, поместили в заключение и обращались с ними грубо и жестоко. Других передавали детективам.

Бегин ругал эту политику, как братоубийство. Хагана была Каином, подвергающим своих братьев «пыткам в стиле гестапо в апельсиновых рощах перед тем, как передать их нацистско-британской тайной полиции, руки которой «запачканы кровью миллионов, выброшенных с родных берегов в литейные цеха Майданека».⁷⁵

На самом деле Хагана часто сводила личные и политические счета, а ее помощь британцам была в лучшем случае двусмысленной и сомнительной. После поражения Германии она сосредоточилась на организации незаконной иммиграции как можно большего количества из миллиона евреев, остающихся в Европе. Большинство тех, кто избежал газовых камер, часто все еще оставались за колючей проволокой в лагерях для перемещенных лиц. Они считали этот континент «одним большим крематорием»⁷⁶. Они

мечтали добраться до земли обетованной, несмотря на суровые слова Бен-Гуриона, обращенные к ним. Он сказал, что их война только начинается, а в борьбе за еврейское государство им придется действовать в качестве «политического фактора»⁷⁷. Они должны были стать его моральной преторианской гвардией.

* * *

Хагана продолжала борьбу еще яростнее и энергичнее, когда новое лейбористское правительство вначале колебалось из-за сионистских требований, а затем отступило от своих предыдущих обязательств. Эрнст Бевин, бывший профсоюзный деятель, на мнение которого Эттли часто полагался в вопросах внешней политики, в основном и нес ответственность за поворот на сто восемьдесят градусов. Это был крупный человек в очках с толстыми стеклами, за которыми проглядывали проницательные глаза. Казалось, он источает энергию каждой клеточкой своего тела.

В своем министерстве Бевин стимулировал вкрадчивых и учтивых дипломатов и генерировал «наэлектризованную атмосферу»⁷⁸. Он выглядел внушительно и надежно в любом настроении, переходя от слоновей веселости к тигриной ярости. Министр сочувствовал многим, но его знания едва ли распространялись за пределы Англии. Когда его спросили, признает ли он, что шотландцы создали империю, он ответил: «Я слышал, что они построили ипподром. И это все»⁷⁹.

Однако министр иностранных дел учился у своего министерства. Он убедился, что создание еврейского государства станет несправедливостью по отношению к арабам, чья нефть была жизненно важна для Британии. Кроме того, оно окажется опасным в роли возможного коммунистического плацдарма для Ближнего Востока.

Бевин отдавал предпочтение федеральному союзу Палестины и Трансиордании (которая сама получила номинальную независимость в 1946 г.) Министр ограничил еврейскую иммиграцию. Из-за этого у него возник конфликт с президентом Гарри С. Трумэном.

Президент был в ужасе от холокоста, поэтому проигнорировал обязательства Госдепартамента и Рузвельта, данные арабам. Вместо этого, не имея арабских избирателей (как он признавал) и заботясь об избирателях, которые желают успеха сионизму⁸⁰, он потребовал, чтобы 100 000 европейским евреям позволили прибыть в Палестину. Бевин пришел в ярость, его жесткие высказывания привели к обвинению в расовых предрассудках. Чтобы успокоить Трумэна, министр согласился отправить англо-американскую следственную комиссию в Палестину. Но единственным обраще-

нием к одному из участников, Ричарду Кроссману, был вопрос, обрезан ли он⁸¹.

Когда Трумэн подтвердил рекомендации комиссии по приему 100 000 беженцев, но проигнорировал ее мнение о том, что Палестина должна стать совместным израильско-арабским государством, Бевин допустил свою самую печально известную оплошность. Он сказал: «Американское требование иммиграции сделано на основании чистейшего из мотивов. Они не хотят слишком много евреев в Нью-Йорке»⁸².

Бевин считал, что сионизм часто появляется из антисемитизма. Но ни одно замечание не было бы столь эффективным, чтобы усилить поддержку американцами Хаганы. А она теперь тайно сотрудничала с группой Штерна и «Иргун» в атаке на Британскую империю.

Атаки стали более яростными весной 1946 г., когда Эттли отказал во въезде более чем 100 000 беженцам, пока «незаконные армии»⁸³ Палестины не будут распущены. Кроме ввоза евреев контрабандным путем, сионистские силы способствовали и поддерживали забастовки, мятежи, демонстрации и атаки. Теперь они усилили наступления на корабли, поезда, казармы, учреждения, офицеров и чиновников мандатной власти. На каждого еврея приходилось по одному солдату. Британцы проводили широкомасштабные операции по поиску оружия и поимке террористов. Несколько тысяч подозреваемых произвольно арестовали из-за драконовских постановлений, принятых в чрезвычайных обстоятельствах.

Эти постановления были настолько драконовскими, что наблюдатели считали Палестину полицейским государством⁸⁴. Евреи ясно показывали свою ярость и гнев. Они учили своих детей плевать в британских солдат и кричать «нацисты» и «гестапо». Криками «Анемон» приветствовали солдат 6-й воздушно-десантной дивизии. Это был намек на их отличительные красные береты и предположительно черные сердца.

Солдаты должным образом отвечали, иногда кричали «Хайль, Гитлер!» и рисовали свастики на стенах еврейских домов.

Цикл провокаций и репрессий стал более злобным и яростным. Артур Кестлер сказал: Великобритания создает вторую Ирландию в Леванте⁸⁵.

Самое жуткое зверство произошло 22 июля 1946 г., когда участники «Иргун» взорвали гостиницу «Царь Давид» в Иерусалиме. Это было такое роскошное заведение, что один турист посчитал ее восстановленным храмом Соломона. Взрыв оказался таким мощным, что угол здания рухнул, а Джеральда Кеннеди, министра почт, отбросило через Джулианс-Вей в Ассоциацию молодых христиан. Его тело пришлось соскребать со стены зала отдыха.

Среди погибших оказались сорок один араб, двадцать восемь британцев и семнадцать евреев. Тогда и в дальнейшем боевики «Иргун» утверждали, что они борцы за свободу и самые высокие нравственные стандарты⁸⁶. Но Хагана публично осудила бомбометание (хотя и одобрила частным образом). Взломав коды Еврейского агентства, британцы узнали, что оно вовлечено в терроризм, несмотря на отрицания Вейцмана, Бен-Гуриона и других.

Однако Хагана оставалась двойственной. Иногда она помогала силам безопасности и осуждала террористические организации за поддержку гангстерства, контрабанды, широкомасштабного трафика наркотиков, вооруженных ограблений, организацию черного рынка и краж⁸⁷. В любом случае, взрыв «Царя Давида» должен был вызвать мировое сочувствие к Великобритании. Вместо этого кампания стала пропагандистским провалом, особенности, в Америке. Это произошло из-за вспышки гнева командующего армией. Генерал сэр Ивлин Баркер приказал солдатам избегать евреев и «наказать их так, как этой расе неприятнее всего, ударив по их карманам и показав им наше презрение»⁸⁸.

Когда мандатная власть вошла в последнюю фазу борьбы по урегулированию вопроса Палестины, она была деморализована и обыграна более искусной тактикой. Пока армия порола евреев, боевики «Иргуна» крали солдат и отвечали им тем же, предотвращая дальнейшее применение такого унижительного наказания.

Когда британцы забаррикадировали своих граждан на участках, огороженных колючей проволокой, известных под названием «Бевинграды», над ними смеялись за то, что взяли в окружение своих. Они столкнулись с электрически детонирующими минами, которые выкладывали у обочин дорог, с минами-ловушками в виде стальных шлемов. Поэтому англичане эвакуировали гражданских лиц в начале 1947 г. После этого их только обвинили в трусости.

Даже превратив Иерусалим в крепость, британцы не могли остановить бомбометание. В марте 1947 г. люди Бегина врезались на грузовике, полном взрывчатых веществ, в офицерский клуб. В результате погибло двадцать человек. Несмотря на кордоны, комендантский час, пропуска, обыски и коллективные наказания, генерал Бейкер нашел невозможным парализовать «ячейки зла»⁸⁹. Но вся тактика, от крутых мер по наведению порядка, осуществляемых военными, до спонтанных актов бдительности раздраженных солдат, приводила к обвинениям в тирании. Все это также использовалось для оправдания широко распространенного саботажа и кровавой мести.

Когда власти казнили террористов, организация «Иргун» повесила двух британских сержантов и установила мины-ловушки,

прикрепив к их телам. Эта акция привела в ярость Еврейское агентство почти в такой же степени, как общественность в Британии, где на синагогах рисовали свастики. Когда Королевский ВМФ перехватил корабли, перевозившие незаконных иммигрантов, и большинство из них отправили на Кипр, Бен-Гурион заявил: «Терроризм подпитывается отчаянием». Он выступил с обвинением, которое эхом повторили в США, что Великобритания объявила войну сионизму, а ее политика заключается в «ликвидации евреев как народа»⁹⁰.

Казалось, ничто не драматизировало имперскую жестокость лучше, чем сага «Исхода 1947». Это название переделанного речного парохода, арестованного тем летом с 4 500 еврейскими пассажирами на борту. Затем их переправили в Гамбург. Говорили, что британский конвой — это «плавающий Аушвиц»⁹¹. На этом обвинении сионисты строили различные вариации пропаганды. «Мерзкие нацистско-британские убийцы задушили невинные жертвы газом». Как они признавали вполголоса, эта «сатанинская ложь»⁹² (как назвал ее один британский офицер) была нацелена не на захватчиков, а на мировую прессу.

Такие язвительные и полные яда уколы ослабляли решительность мандатной власти. Бен-Гурион правильно решил, что его самые сильные союзники — это «беженцы из ада»⁹³.

Поэтому, пока британцы использовали основные силы для подавления арабского восстания в конце 1930-х гг., теперь у них не было сил и желания участвовать в широкомасштабном конфликте против евреев. Другие сдерживающие моменты мешали Бевину и его коллегам. Их собственная страна была в тяжелом положении. Оно было вызвано финансовым кризисом, нормированием хлеба и нехваткой топлива. Ограничения в подаче электроэнергии даже вынудили проводить англо-еврейские переговоры в первые месяцы 1947 г. без света. Это привело к одной из тяжеловесных шуток Бевина: «Не было необходимости в свечах, поскольку там были израе-литы» (на английском последняя часть слова звучит, как «зажженный»)⁹⁴.

Но Британия платила 40 миллионов фунтов стерлингов в год, чтобы держать 100 000 человек в Палестине. Министр финансов Хью Далтон в письме в Эттли убедительно призывал страну урезать расходы: «Уверен, что почти наступило время, когда мы должны полностью вывести наши войска из Палестины. Нынешнее состояние дел не только дорого нам обходится в плане человеческих ресурсов и денег, но и, как мы соглашаемся, не имеет реальной ценности со стратегической точки зрения. В любом случае, нельзя иметь надежную базу в осинном гнезде. Наши молодые мужчины, не имея достойных целей, сталкиваются с ужасающим опытом.

Это способствует росту антисемитизма с самой шокирующей скоростью»⁹⁵.

Аргументы в пользу ухода из Индии и Бирмы в той же мере подерживали уход Британии из Палестины.

Выпутывание оттуда и вывод вооруженных сил был даже более желательным, поскольку Палестина отдаляла Британию от Америки, когда им требовалось объединиться против России в начале «холодной войны». Более того, после бесконечных планов и переговоров Бевин сделал вывод: он не может решить палестинскую проблему, хотя поставил свое политическое будущее на это решение. Арабы были слабыми, разделенными и имели плохое руководство (муфтий оказался международно дискредитированным, поскольку пытался получить поддержку у стран «Оси»). Однако они отказывались уступать. Евреи были столь же непримиримыми и непреклонными, особенно по мере того, как власть Вейцмана уменьшалась, а власть Бен-Гуриона росла. Имелись и зловещие указания на то, что еврейские террористы принесут войну домой к своим врагам — например, взорвут по Министерству по делам колоний. Фабрики «Иргун» по производству взрывчатых веществ обнаружились в Лондоне. В Америке евреи даже атаковали своего лучшего друга президента Трумэна, который воскликнул, обращаясь к своим министрам: «Иисус Христос не мог их удовлетворить, когда был здесь на Земле. Так разве кто-нибудь может ожидать, что мне так повезет?»⁹⁶

На протяжении 1947 г. удача отвернулась от Британии. В начале года Бевин сожалел, что его соотечественники утратили волю и навыки, чтобы жить, соответствуя своим имперским обязанностям. Без ресурсов Ближнего Востока он не видел «никаких надежд на способность достичь стандартов жизни, к которым мы стремимся в Британии»⁹⁷. Поскольку он не смог достичь согласия ни с евреями, ни с арабами, пришлось передать вопрос о Палестине на рассмотрение в ООН, которая сменила Лигу Наций, ранее контролировавшую подмандатные территории. «Бевин сдается и признает себя побежденным», — написал Дин Ачесон, заместитель американского госсекретаря⁹⁸. На самом деле Бевин считал, что ООН создаст в Палестине одно государство, а Великобритания станет действовать там в качестве третейского судьи.

Но министр явно уступил инициативу. Результат его удивил. Казалось, что Сталин хочет сломать слабое звено⁹⁹ в цепи имперской обороны Британии, поскольку Россия неожиданно взяла сторону Америки и проголосовала за раздел Палестины. Так поступил и ряд стран меньшего размера, ответив на сильное еврейское и американское давление. Поэтому 29 ноября 1947 г., несмотря на арабскую оппозицию и британское воздержание при голосо-

вании, Генеральная ассамблея большинством голосов приняла резолюцию, разделяющую Святую Землю на два государства. Евреи получили Восточную Галилею, большую часть плодородной прибрежной равнины и пустыню Негев, а также порт на Красном море. Арабам выделили Иудею, Самарию, большую часть Галилеи, Газу и регион вокруг Акры. Иерусалим должен был стать центром анклава ООН.

Бевин считал, что раздел очень несправедлив по отношению к арабам, поэтому отказался его навязывать. 11 декабря Великобритания подтвердила свое решение, объявленное ранее (которому почти никто не верил): она покинет Палестину. Более того, по настоянию Эттли, который имел в виду индийскую модель, была установлена дата ухода. Будь то хаос или кровопролитие, британцы сдадут мандат 15 мая 1948 г. Когда Бевин услышал, что Королевские ВВС хотят остаться и удерживать мир, он ответил резко: «Если они хотят остаться, то им придется остаться в воздухе в вертолетах»¹⁰⁰.

Исход отметил новую стадию в дезинтеграции Британской империи. Главный судья Палестины сожалел: «Это определенно новая техника в нашей имперской миссии — уходить и оставлять чайник, который мы поставили закипать на огне... Индия, Бирма, а теперь Палестина! Можно ли сомневаться в уроке? Социалистический сентиментализм в Англии вызвал больше смертей и несчастий среди простых людей, чем все проявления нашей так называемой империалистической экспансии с тех пор, как древний британец впервые спустил сделанную из шкур лодку на воды Ла-Манша»¹⁰¹.

Последние шесть месяцев мандата оказались особенно разрушительными для морального духа и престижа Великобритании. Когда усилились враждебные действия между евреями и арабами, последний верховный комиссар сэр Алан Каннингхэм умыл руки, не желая хоть как-то участвовать в конфликте. Он тайно симпатизировал сионистам, но должен был оставаться нейтральным¹⁰² и использовать силу только в случае угрозы жизням британцев.

Каннингхэму требовалось управлять Палестиной до конца, не передавая полномочия никакой другой власти. Представителей ООН не пускали, поскольку британцам в таком случае пришлось бы их защищать. Они подействовали бы, как повивальная бабка разделения, которое арабы нацеливались не допустить. Главный секретарь министра финансов сэр Генри Гурни сравнил задачу с обрубанием ветки, на которой сидишь. Сам Каннингхэм жалобно спросил у Крич-Джонса: «Должен ли последний солдат, который провожает последний локомотив в паровозное депо, запереть дверь и оставить ключ у себя?»¹⁰³

Верховный комиссар и его штаб пытались поддерживать иллюзию непрерывности, они то открывали британский спортивный клуб в Иерусалиме, то запрещали открытие танцплощадок рядом с Галилейским морем. Но когда все подверглось атаке — железные дороги, суды, газеты, больницы, резервуары, скотобойни, — стало ясно: у британцев есть ответственность, но нет власти. Как отметили и американцы, и евреи, в руках социалистов Эттли империя, судя по всему, теряла хватку.

Это положение дел было особенно отвратительным для армии и полиции. Они передали контроль над Тель-Авивом и Яффой соответственно евреям и арабам. Британцы повсюду вмешивались все меньше и меньше, за исключением случаев самообороны. Например, когда арабы сожгли еврейский коммерческий центр в Иерусалиме, британские солдаты стояли вокруг своих зеленых бронемашин, курили и снимали происходящее на фотопленку.

Однако они оказывались в перекрестном огне, а иногда на них преднамеренно нападали ради их оружия. Обычно британцы отвечали молча. Солдаты пели «Бе-бе, черная овца» на мелодию еврейского национального гимна «Хатиква» («Надежда»). Под еврейской надписью, сделанной граффити («Томми, иди домой!») один солдат написал: «Мне бы очень хотелось, чтобы я смог это сделать, черт побери!»¹⁰⁴

Однако преступные элементы в армии, как отмечал один высокопоставленный чиновник, «открыто одобряли политику Гитлера»¹⁰⁵. Они проводили жестокие контртеррористические акции, самой худшей из которых стала детонация бомбы в грузовике на улице Бен-Йехуда в Иерусалиме. В результате погибло более пятидесяти человек. Столь же отвратительной оказалась арабская привычка уродовать еврейские трупы — например, выставлять напоказ отрубленные пальцы, носить головы по священному городу. Но евреи, как отмечал Каннингхэм, в настроении которых «смешивались истерия и бахвальство, передавали в сообщениях по радио, поразительно напоминавших новости нацистской Германии, что у арабов гораздо больше жертв, чем у них самих»¹⁰⁶.

Самое ужасающее зверство, которое ярко продемонстрировало крах мандатного режима, произошло рядом с Иерусалимом. В деревне Дейр-Ясин 9 апреля 1948 г. «Иргун» и группа Штерна убили свыше 250 арабов, много женщин и детей. По словам одного израильского историка, эта и другие бои «нацелены на обеспечение того, чтобы вся Палестина была для евреев»¹⁰⁷. Наверняка Бен-Гурион говорил об «этнической чистке»¹⁰⁸, когда организованное сопротивление Хагане распалось. В целом 750 000 арабов бежали или были изгнаны из нового Государства Израиль, провозглашенного 14 мая и сразу же признанного Трумэном.

Тем временем британцы ушли среди унижения и путаницы. В Англии старый участник «детского сада» Милнера, Лео Эмери, который читал Гиббона в возрасте пятнадцати лет, оплакивал этот новый признак упадка империи. «Я не могу уважать то, что мы просто выбрасываем вон работу 30 лет, отдавая ее на разрушение, умываем руки ото всей ответственности и за евреев, и за арабов... Это выглядит так, словно наше моральное состояние, как и материальное положение на Ближнем Востоке, ужасающим образом ослабли. Мы не получим из-за этого никаких одолжений или помощи от арабов. В конце концов, их страстное негодование и непринятие евреев — это только часть более общей ксенофобии. И мы найдем, что нам стало гораздо труднее с ними в Египте и Ираке, чем когда-либо»¹⁰⁹.

В Палестине в последние дни действия мандата армия запуталась, одновременно эвакуируя войска и призывая подкрепление. Администрация жила в вакууме и оставляла после себя вакуум. Она ничего не могла сделать, да и делать ей оказалось нечего. К концу правления Гурни много играл в теннис и рассуждал о контрасте между естественной славой и созданными человеком ужасами в священном городе. Его поразили ослепительный блеск «солнечного света на каждом камне и дереве, от чего все они кажутся драгоценными камнями, а город — золотым Иерусалимом... Или как выразился Иосиф, золотой чашей, полной скорпионов».

На закате башни города и глубокие, непонятные очертания долин приобретают расцветки японской гравюры¹¹⁰. Красные трассирующие снаряды оставляли полосы на бледно-голубом небе. Большинство гражданских лиц ходили с опущенными головами. У них украли автомобили. Верховный комиссар был исключением. Проинспектировав почетный караул, собранный из Хайлендерского легкого пехотного полка, Каннингхэм проехал сквозь Дамасские ворота и выехал из города в бронированном «Даймлере», толщина стекла в котором составляла один дюйм. Эту машину ему дал в аренду король Георг VI, для которого ее собрали во время сильных бомбежек в начале войны.

Но, даже несмотря на такой автомобиль, Каннингхэма останавливали и на еврейском, и на арабском контрольно-пропускных пунктах. Роскошная машина едва ли компенсировала позор и унижение его отъезда.

Глава 17

«Уничтожение национальной воли»

Вторжение в Суэц и эвакуация Адена

Как только британцы покинули Палестину, туда вошли арабские соседи, готовые задушить Государство Израиль при рождении. Египет, Иордания, Сирия, Ливан и Ирак ожидали легкой победы. Король Фарук, который унаследовал корону Египта от отца Фуада в апреле 1936 г., поставил ее на окончание войны в мае 1948 г. Он отправил свои силы в бой, даже не посоветовавшись с премьер-министром. Это оказалось одной из самых поспешных азартных игр в его распутной карьере. Хагана с пушками, танками и даже истребителями «Мессершмитт», купленными у Чехословакии, разбила всех, кроме Арабского легиона Иордании. Под командованием Джона Глубба (известного, как Глубб-паша) а также кадровых британских офицеров, он захватил Старый Город в Иерусалиме. Король Абдулла смог включить Западный берег реки Иордан в свое королевство. Израиль предпочел это созданию Палестинского государства.

Триумф «маленького короля мистера Бевина»¹ подчеркивал трагедию, которая постигла его соперника королевской крови за лидерство в арабском мире. Фарук показал не только свою неспособность и неумелость, но и недостатки египетской армии.

Никто не наблюдал за ними более острым взглядом, чем капитан Гамаль Абдель Насер — горячий молодой патриот, который был ранен во время боев. Он отмечал, что верховное командование пыталось скрыть свою некомпетентность, создавая фантастические мифы о противнике. Говорили, что у того имеются электрически управляемые башни, которые поднимаются из земли и стреляют во всех направлениях. Однако на его стороне, как писал Насер, не было «никакой концентрации сил, никакого скопления амуниции и оснащения. Не было разведки, рекогносцировки, никаких планов»².

Не оставалось военных секретов: газеты Каира публиковали приказы о выступлении до того, как у Насера было время получить их и выполнить. Поэтому в конце Израиль захватил пустыню Негев, которую сравнивался с кинжалом, разделяющим арабский мир.

Азиатские мусульмане отделялись от африканских. И если бы только Трумэн не сдержал Хагану, она угрожала бы самой земле у Нила.

Насер приписывал испорченность египтян скорее британским захватчикам, а не израильским. Во время перемирия он даже спрашивал одного израильтянина, занимавшего примерно такой же пост, что и он сам, о том, как сионисты преуспели в борьбе с англичанами. Насер сделал вывод: Египет, так долго деморализованный колониальным гнетом, стал дичью для коррумпированного и декадентского правления. Он был оставлен на милость монстров³.

Наиболее нечестивым из этих монстров являлся сам король Фарук, который служил воплощением беспомощности египетского правительства под руководством британцев. В теории договор 1936 г. подтвердил независимость Египта, убрав привилегии для иностранцев и ограничив британский гарнизон из десяти тысяч человек зоной вокруг Суэцкого канала. На практике имперские силы всегда превышали этот лимит и раздулись до огромных количеств во время Второй Мировой войны. Так и сэр Майлз Лампсон был понижен в должности с верховного комиссара до посла в 1936 г., но министр иностранных дел Энтони Иден говорил ему, чтобы тот воспринимал новую роль «фактически, пусть и не по внешним проявлениям»⁴, как столь же эффективную.

Не имея ничего против, Лампсон продолжал господствовать на земле у Нила в духе лорда Кромера. «Юнион Джек» и дальше реял над резиденцией, Лампсон путешествовал по стране на специальном поезде, ездил по Каиру на «Роллс-Ройсе», перед которым следовали два мотоциклиста со свистками. Он считал себя слишком высокопоставленным, чтобы носить при себе наличные деньги, и содержал «исключительно грандиозное учреждение». У него даже имелся клерк, который вел учет застреленной им дичи.

Лампсон был без ума от кровавого спорта, стрелял по коршунам над полем для гольфа, а заодно и по уткам в дельте. Он забавлял свой напряженно работающий персонал словами: «Я люблю лысух. Их так легко убивать!»⁵ Это был крупный мужчина с носом картошкой, стремительный, горячий. Он часто раздражался и впадал в гнев. Лампсон пугал и издевался над египетскими политиками, читал лекции королю. Фарук прозвал его «Профессором» и «Буйволом». Лампсон называл Фарука мальчиком и говорил, что его величество «становится настоящим озорником»⁶.

Он имел в виду, что монарх являлся гротескным сластолюбцем, который, как римский император Гелиогабал, «забылся в самых больших удовольствиях с ничем не управляемой яростью»⁷.

Фарук был гурманом, распутником, клептоманом, торговцем наркотиками и фигляр. Он окружил себя камарильей нигерийских лакеев и подхалимов, итальянскими приживалами и лизоблюдами, сутенерами из Леванта. Он мог жестоко пошутить. Король продавал титулы и покупал модные машины, на которых ездил на огромной скорости. Он был неутолимым коллекционером и собирал все от пресс-папье до порнографии, от яиц Фаберже до наклеек на спичечные коробки, от часов с кукушкой до картин с изображением совокупающихся слонов.

А заодно Фарук любил собирать ключи от комнат достигших брачного возраста молодых женщин. Он выкидывал такие номера в сексуальной жизни, что вызывал скандалы даже в городе, имеющем международную репутацию обители порока. (Во время войны на одном каирском борделе висела надпись: «Здесь говорят на эсперанто»)⁸.

Фарук был рабом капризов и сопротивлялся всем формам контроля. В феврале 1942 г. он пытался бросить вызов самому Лампсону как раз в тот момент, когда немецкие танки шли по Ливийской (Западной) пустыне, а толпы в Каире кричали: «Вперед, Роммель! Да здравствует Роммель!»⁹

Шутники говорили, что единственное, что может задержать Роммеля — это медленное обслуживание в гостинице «Шефердс».

Посол потребовал, чтобы король пригласил пробритански настроенного Мустафу Нахаса, лидера «Вафд», для формирования правительства. Когда Фарук начал тянуть время, Лампсон окружил дворец Абдин войсками, танками и бронемашинами, после чего ворвался внутрь с текстом заявления об отречении от престола, предлагая Фаруку его подписать. По злорадному сообщению Лампсона, король «почти трагически, без какой-либо предыдущей бравады попросил меня дать ему еще один шанс»¹⁰.

Посол неохотно согласился, убежденный, что «у нас на троне — подлец», который воспользуется любой возможностью, чтобы «воткнуть нам нож в спину»¹¹.

То была очень проницательная оценка. Фарук фантазировал о том, как застрелит Лампсона и выгонит британцев. Горечь унижения портила ему жизнь и, судя по всему, привела к мании преследования.

Несмотря на строгую цензуру, переворот во дворце нельзя было долго держать в тайне. Новости о нем особенно разъярили египетских солдат. Генерал Мохаммед Нагиб предложил подать в отставку, поскольку ему было стыдно носить эту форму. Насер думал, что армия опозорена тем, что не смогла вмешаться. «Если бы она посмела, то англичане отступили бы, как гомосексуалисты»¹². Он и другие молодые офицеры начали замышлять месть. То же самое

делали политики, писатели, студенты, рабочие и националисты всех сортов, когда сняли военные ограничения. Их вдохновляли учения от ислама до марксизма, они агитировали за радикальные программы. Наиболее воинственные устраивали массовые демонстрации, которые приводили к кровавым столкновениям с полицией и войсками. Террористы убивали египетских коллаборационистов и бросали бомбы в британские казармы и клубы. За беспорядками стояло общее требование завершить вывод всех иностранных военнослужащих, без чего независимость — обман и притворство.

Бевин хотел равного альянса и надеялся на аренду базы в Суэцком канале. В начале 1946 г. в виде залога своих добрых намерений он отозвал Лампсона (который теперь стал лордом Киллираном). Прощальным выстрелом посла стали заверения Министерства иностранных дел (эхо Кромера) в том, что египтяне во многом похожи на детей: «Им нужна справедливая и помогающая рука, чтобы их направлять».

То, что Киллиран руку убрал, обрадовало многих в Египте, но больше всех — монарха. Однако другие думали, что новый посол просто проводил старую «колониальную политику руками в шелковых перчатках»¹³.

Это было не вполне справедливо. В мае 1946 г. Эттли объявил, что все британские войска покинут Египет. А когда Черчилль осудил это решение, Бевин с раздутым после удаления трех зубов ртом, который из-за этого выглядел, словно английский бульдог, открыто осудил его¹⁴.

Однако никакого соглашения не было достигнуто. Это произошло из-за того, что Бевин отрицал претензии Египта на Судан. Он тоже, как настаивал министр, должен получить самоуправление.

Фарук завоевал быстро проходящую популярность, нося короны двух стран и заявляя о воплощении в своем все более тучневшем теле единства долины Нила. Но когда дело дошло до разрешения тупиковой ситуации, возникшей между Англией и Египтом, король оказался заложником. Более того, он безнадежно дискредитировал себя в 1948 г. разводом с популярной в народе женой Фаридой («единственной») и появляясь в казино во время войны против Израиля одетым в форму фельдмаршала. После поражения монарх принимал парад победы. Как и английский принц-регент, который иногда заявлял о том, что героически сражался при Ватерлоо, Фарук в дальнейшем хвастался, что лично вел свои войска в битву.

Такая экстравагантность способствовала возрождению дремлющего заговора Насера. Многие из тех, кто присоединился к рядам его «Свободных офицеров», имели скромное происхождение (как и сам лидер). Они сожалели об униженном и жалком положении

феллахов, а Насер цитировал Мустафу Кемалья: «Жить в отчаянии — это значит не жить вообще»¹⁵.

Эти люди противопоставляли ужасающую бедность многих показному богатству немногих. Это знакомый рефрен, сам Уинстон Черчилль убеждал Фарука заняться вопросами социального обеспечения: «Ведь нигде в мире так сильно не противопоставлены крайности — большое богатство и бедность»¹⁶. Но с его стороны это была дерзкая критика, поскольку во время войны собственное правительство Черчилля очень сильно выжимало средства из Египта. В результате получился долг в размере 350 миллионов фунтов стерлингов.

«Свободные офицеры» винили Великобританию не только за сильную эксплуатацию, но и за неподходящую военную подготовку и недостаток оружия, в результате чего они оказались отданными на милость Хаганы в 1948 г.

Скандал с вооружением тоже стал отражением коррупции в высших кругах египетского правительства. Жена Мустафы Нахаса, который сам вел Вафд к победе во время выборов 1950 г., была сильно завязана в этом деле. Более того, премьер-министр, вечно наряженный, напудренный и политый духами, с сияющим кольцом с неограниченным изумрудом, которое он носил поверх серых лайковых перчаток, казался образцом упадничества. Он мог соперничать с самим королем.

На «Свободных офицеров» не произвело впечатления то, что Нахас теперь стал более радикальным политически, поборником социальных реформ. Он отвергал договор об альянсе с Британией, который сам же и подписал в 1936 г. А египетский народ, борьба за выживание которого осложнилась после падения цен на хлопок, не был умиротворен тем фактом, что британские силы отошли (в 1947 г.) в зону Суэцкого канала. Это стало оскорбительным символом подбострастия и подчинения Египта, этакое «государство внутри государства»¹⁷.

Зона затмила Сингапур, а также расширяющийся архипелаг американских баз в арабских государствах (Марокко, Ливия, Саудовская Аравия и Бахрейн). Она стала самой сложной зарубежной военной базой в мире.

Зона Суэцкого канала состояла из 750 квадратных миль пустыни между Суэцем и дельтой Нила. Она была оснащена портами, причалами для самолетов-амфибий, десятью аэродромами, железнодорожной системой для девяти сот вагонов и сетью шоссе для дорог для тысяч машин. В ней располагались казармы, больницы, фабрики, заводы, пекарни, электростанции, угольные бункеры, нефтяные цистерны, склады различных товаров, полевые оружейные склады, канализационные системы, водоочистительные уста-

новки и места отдыха. К концу 1951 г. гарнизон, целью которого являлась защита «яремной вены империи», столкнулся с необходимостью защищать самого себя. 38 000 военнослужащих (вскоре их количество удвоилось) сталкивались с египетскими мятежниками, саботажниками и так называемыми «освободителями-коммандос» (федаинами). По большей части, это были крестьяне, рабочие, студенты и члены организации «Братья-мусульмане», которые действовали с молчаливого согласия правительства.

Вернувшийся к власти и подзаряжаемый виски Черчилль ответил, как младший офицер кавалерии в Омдурмане. Наступая на Идена со сжатыми кулаками, он ворчал: «Скажите им, что если мы еще увидим их дерзости, то направим на них евреев и загоним их в канаву! Оттуда им вообще никогда не следовало вылезать»¹⁸.

Партизанские налеты привели к регулярному возмездию. 25 января 1952 г. британские солдаты использовали танки и артиллерию, чтобы разгромить полицейские казармы в Исмаилии. Погибло пятьдесят человек. На следующий день «Таймс» с негодованием сообщила: «Обезумевшие толпы повергли Каир в анархию, устроили разрушения, пожары и грабежи». В результате улицы стали выглядеть, «словно их атаковала эскадрилья бомбардировщиков»¹⁹.

Главными целями «Черной субботы» стали британские бастионы — например, агентство путешествий Томаса Кука, «Барклис-банк», гостиница «Шефердс», клуб «Тёрф». Но толпа сожгла здания, которые находились под покровительством пашей и беев — современные универмаги, роскошные кинотеатры, модные ночные клубы типа «У мадам Бадии» (там обитала любимая танцовщица Фарука, исполняющая танец живота, Тахия Кариока, известная британцам как «египетский живот»). Восставшие даже угрожали дворцу Абдин, где король проводил огромный банкет в честь дня рождения кронпринца, на котором еду подавали на золотых блюдах.

Власти очень медленно наводили порядок. Министр внутренних дел был занят покупкой дома, а премьер-министр Нахас — «удалением мозолей»²⁰. На самом деле беспорядки сигнализировали о начале революции против старого режима, находившегося на последних этапах обветшалости. В конечном счете свалился он из-за того, что не смог избавиться от британцев.

В июле 1952 г. «Свободные офицеры» завершили работу толпы. Они устроили путч и заставили короля отречься от престола. Фарук в адмиральской форме под салют из двадцати одного орудия отплыл из Александрии на борту «Махруссы». Это была королевская яхта, которую снова загрузили золотыми слитками. Она же увозила в ссылку его деда, хедива Исмаила, что произошло в 1879 г.

«Свободные офицеры» под командованием генерала Нагиба, но под властью полковника Насера, побороли искушение казнить короля. «История приговорит его к смерти», — сказал Насер²¹. Сам он был нацелен на ликвидацию двойного зла — колонизации и феодализма.

Несмотря на борьбу за власть, которая продолжалась два года, Насер добился продвижения на обоих фронтах. Вначале новый режим раздавил внешних противников, включая Вафд и «Братьев-мусульман». Затем Насер избавился от соперников внутри хунты — в частности, от курителя трубки Нагиба, который продвигал либерально-демократическую политику, известную под названием «мартовских идей»²².

Новый диктатор оказался изначально неловким и непопулярным, он был сыном почтового клерка, узурпировавшим власть монарха. Этот человек признавал, что в душе остается революционером-заговорщиком, который «подозревает всех»²³. Но Насер являлся образцом честности и неподкупности на фоне Фарука. Он скромно жил с семьей в пригороде Гелиополиса, пристраивая дополнительные комнаты к дому, когда в них возникала необходимость. ЦРУ просто продемонстрировало свое неумение, предложив ему взятку в размере трех миллионов долларов. Однако Насер использовал часть огромной суммы, переданной Нагибу Кермитом Рузвельтом, вездесущим оперативником ЦРУ, для строительства каирской башни — гранитного архитектурного памятника, который называли «эрекцией Рузвельта»²⁴.

Худшим пороком Насера было курение сигарет «Крейвен-А» и выпускание дыма кольцами. В отличие от короля, он источал энергию. Это был высокий и мускулистый человек с кожей оливкового цвета, двигавшийся, словно пантера. Белые зубы блестели над орлиным носом, челюсть выступала вперед. Он очаровывал и был очень экспрессивен. Что бы этот человек ни делал — строил ли он заговоры, впадал ли в ярость, шутил, сплетничал или ораторствовал, — он вел себя, как воплощение национальной воли.

Не откладывая, Насер пошел в атаку на старый порядок, положил конец институту пашей Оттоманской империи. Он основал республику и начал аграрную реформу в то время, когда безземельные рабочие получали десять пиастров (десять пенсов) в день.

Лидер начал восстанавливать чувство собственного достоинства Египта, которое пострадало от «иностранных демонов». Жизненно важным шагом стал отказ от претензий Египта на Судан на основании того, что народ Судана тоже имел право определять свою собственную судьбу. Одним ударом долина Нила, хотя и сама по себе разделенная, объединилась против имперской державы.

Великобритания посчитала делом чести выполнить обязательства и предоставить Судану независимость, что произошло в 1956 г. Энтони Иден отвечал за эти действия, спланированные для обеспечения сэттльмента в Египте.

Ирония судьбы заключалась в его дальнейшей дипломатии канонерок. Но пока министр иностранных дел заявил кабинету: «Невозможно удерживать наше положение на Ближнем Востоке методами прошлого века»²⁵. В дальнейшем Иден преуспел в заключении соглашения, по которому британские силы покинут зону Суэцкого канала в течение двадцати месяцев, к июню 1956 г., хотя будут иметь право вернуться, если Египет подвергнется атаке.

Под давлением неповоротливого госсекретаря при президенте Эйзенхауэре, Джона Фостера Даллеса, Черчилля убедили с неохотой это принять. Премьер-министр яростно нападал, ругал «скудного Даллеса»²⁶. Он регулярно выступал на вечную тему — закат британской власти из-за США. Его врач, лорд Моран, говорил: «Это была язва у него в сознании. Он сожалел, что Англия в своем упадническом состоянии больше не может обращаться к Америке, как к равной, но должна приходить с просьбами, держа шляпу в руке»²⁷. Черчилль опечалился бы еще больше, если бы знал, что Насер называет американцев и британцев соответственно «приходящими» и «уходящими»²⁸.

Однако Черчилль оставался яростным противником поспешного бегства²⁹ из Египта. Головой он понимал, что зона Суэцкого канала удерживается лишь огромной ценой — свыше 50 миллионов фунтов стерлингов в год. Этот счет становилось все труднее оплачивать с тех пор, как Британия, которая производила более четверти (по стоимости) мирового экспорта в 1950 г., теперь быстро уступала европейским соперникам, которые восстанавливались от разрушений мировой войны. Более того, предстояли и дополнительные расходы крови и денег, если египтяне начнут еще одну партизанскую кампанию.

Хотя треть кораблей, проходящих по Суэцкому каналу, все еще оставались британскими, канал больше не являлся жизненно важной артерией империи, каким был в дни британского владычества в Индии. Его важность еще больше снизилась из-за появления водородной бомбы. Это означало, что стратегия Великобритании в мировом масштабе должна опираться на Гибралтар. Если договориться с Насером, то это может перетянуть Египет на сторону Запада в «холодной войне» и улучшит судьбу людей, которые в среднем рассчитывают в жизни на половину того, на что рассчитывают британцы.

Однако в душе Черчилль ненавидел любую сдачу британской власти. Он осудил отказ Эттли бросить вызов Мохаммеду Мос-

садыку («взъерошенной утке», согласно выражению Черчилля), «премьер-министру в пижаме», который национализировал иранскую нефть, включая крупнейший нефтеперерабатывающий завод в мире в Абадане. Черчилль поддерживал тайный американский переворот и смену режима в 1953 г., в результате чего шах оказался на павлиньем троне, а Даллес «мурлыкал, словно гигантский кот»³⁰.

Теперь Черчилль ворчал из-за «политики умиротворения» в отношении военных диктаторов в Египте. Он хотел лягнуть Нагиба и говорил: «Никогда раньше не знал, что Мюнхен находится на Ниле»³¹. Капитуляция там привела бы к краху колониальных позиций Британии от Нигера до Лимпопо.

То, что Черчилль чувствовал нутром, было лучше всего выражено «Суэцкой группой» консерваторов правого крыла, преданных исчезающему и эфемерному культу империи. Они считали, что для страны, которая выиграла «крупнейшую войну в истории», позорно отступать перед лицом египетского «терроризма». Эвакуация из зоны Суэцкого канала, как писал твердолобый и несгибаемый сын Лео Эмери Джулиан, «будет означать конец Содружества — независимой силы в мире». Если давление окажется слишком сильным, Черчиллю советовали предпринять решительные действия, не обращая внимания на противостояние тех политиков из США и ООН, кто стремится вершить судьбы и определять международное поведение. По мнению правых «тори», Британии следовало «оккупировать Каир и поставить новое и более дружественное египетское правительство»³².

Когда Черчилля пригласили на собрание рядовых депутатов Парламента из Консервативной партии для обсуждения политики правительства, он сказал: «Не уверен, что я на нашей стороне!»³³

Черчилль не был уверен и в способности Энтони Идена возглавлять страну. Он сам хотел оставаться премьер-министром и не скрывал своих сомнений в наследнике-«тори» (или, как он злобно называл его, «моей принцессе Элизабет»), который мог оказаться неудачником и просто никчемным политиком. В частности, Черчилль подозревал, что у холеного и обладающего вкрадчивыми манерами Идена, запоминающегося внешне из-за выступающих зубов, не хватает моральной силы для защиты британских интересов за рубежом. «Меня беспокоит этот миксоматоз, — сказал Черчилль министру сельского хозяйства в кабинете. — Вы не думаете, что Энтони мог его подхватить?»³⁴ [Миксоматоз — инфекционное заболевание кроликов. — *Прим. перев.*]

Иден явно не отличался хорошим здоровьем, его постоянно мучило воспаление желчного протока в результате плохо сделанной операции на желчном пузыре. Он был подвержен вспышкам раз-

дражения и нервным срывам. Когда они проходили, этот человек обычно долго извинялся, признаваясь, что вел себя, как «чертова примадонна»³⁵.

Иден был сыном наполовину безумного барона и чрезвычайно красивой женщины. Говорили, что он кое-что взял от обоих родителей. Этот политик менял направления между всепоглощающим тщеславием и разрушительными сомнениями в себе. Обычно Иден выступал за разумную колониальную политику и всегда отличался смелостью, о которой говорил избитыми фразами. Бевин однажды сказал (и эту фразу многократно цитировали), что Иден выдает «клише за клише за клише»³⁶.

Но насчет Мюнхена у Идена имелись сомнения. Несмотря на прогрессивные взгляды и интуицию, он опасался взять любой курс, который может быть назван умиротворением. После того, как он сменил восьмидесятилетнего Черчилля в апреле 1955 г., новый премьер очень остро переживал обвинения в том, что склонен дрожать, метаться, избегать опасности и стремительно сбегать, но неспособен руководить уверенным в своих действиях и твердо стоящим на своих позициях правительством.

После того, как Иден один раз многозначительно ударил кулаком по ладони, один журналист написал, что не было слышно никакого звука. Еще один говорил, что его приказы имеют динамизм «радиопередачи о месте картофеля в английском фольклоре»³⁷.

Психологически Иден стал пленником «Суэцкой группы», которая сама по себе отражала беспокойство общества из-за упадка Британии и наступления американского империализма³⁸. Участники «Суэцкой группы» не оставались равнодушными к ослепительному шарму Идена, который, как говорили, делал его «лучшей хозяйкой в Лондоне»³⁹. Но они обычно были нетерпимы к его неспособности к действию, изнеженности и избалованности, а также двубортным жилеткам и привычке обращаться к мужчинам «дорогой мой». Особенно оскорбительной казалась его манера «завивать кончики усов кверху»⁴⁰. Один молодой депутат Парламента из числа «тори» говорил: «Идену требовалось доказать, что у него настоящие усы»⁴¹.

Кларисса Иден делала все возможное, чтобы помочь ему. За несколько мгновений до выступления ее мужа по телевидению в канун вторжения 3 ноября 1956 г. она увидела на телеэкране, что его усы практически невидны, быстро намазав щетинки своей тушью.

Символом целеустремленности Идена поддерживать главенствующее положение Великобритании на Ближнем Востоке, несмотря на уход из Египта, стал Багдадский пакт. Этот договор в 1955 г. подписали Турция, Ирак, Великобритания, Пакистан и

Иран. Он объявлял о целях по защите региона от любой советской угрозы.

Но пакт являлся и формой дипломатического империализма. Хотя Эйзенхауэр имел склонность путать националистов с коммунистами, он отказался подписывать его именно по этой причине, хотя и поддержал. По радио Насер яростно осудил документ из-за раздела арабского мира (которым он сам стремился руководить).

Иден посчитал Насера непреклонным и даже обозленным из-за этого во время их единственной личной встречи, которая произошла в посольстве Британии в Каире 20 февраля 1955 г. Премьер выглядел безупречно в своем фраке, он перешеголял Насера, одетого в форму цвета хаки, когда обратился к нему на арабском. (Иден учил язык в Оксфорде, где курс лекций по истории Востока заканчивался Средними веками).

Когда Насер сказал, что ему интересно посмотреть внутреннее убранство здания, из которого управляют Египтом, Иден, который ранее инструктировал Лампсона копировать Кромера, мягко его поправил. «Лучше сказать, не управляют, — ответил он. — Скорее, советуют»⁴².

Существует несколько различных версий того, как прошел вечер. По одной Иден покровительственно относился к Насеру, вел себя, как «принц, имеющий дело с бродягами»⁴³. Он в той же манере вел себя и с Муссолини, создавая впечатление, что считает: «Кули начинаются с Кале»⁴⁴.

Насер стал более агрессивным и воинственным через несколько дней после встречи с Иденом, когда тлеющий конфликт Египта с Израилем снова разгорелся. По приказу Бен-Гуриона один молодой офицер по имени Ариэль Шарон возглавил яростную атаку на три египетских лагеря в секторе Газа. Силы Насера были слишком слабыми, чтобы достойно ответить, поэтому он тут же принялся за поиски оружия. Египетский лидер пребывал в раздражении после нескольких месяцев бесполезных переговоров с Западом. Пришлось договориться о поставках оружия в обмен на хлопок с Советским Союзом.

Все старые страхи о наступлении русского медведя, которые теперь трансформировались большевизмом, а также о предстоящей борьбе за Суэц, вернулись и стали преследовать британцев. Один высокопоставленный чиновник в Министерстве иностранных дел сделал вывод: «Мы должны первым делом попытаться испугать Насера, затем дать ему взятку. А если ни то, ни другое не сработает, от него надо избавиться»⁴⁵.

Насер склонялся к политике неприсоединения к военным блокам, в этом на него, в частности, повлиял Неру, хотя и не только он. Его нельзя было запугать. Поэтому Иден и Даллес попыта-

лись дать больше, чем СССР, предложив помощь в строительстве Асуанской плотины. Она должна была обуздать Нил, трансформировать экономику Египта через гидроэлектрификацию и кормить его быстро растущее население благодаря ирригации. Это был крупнейший проект гражданского строительства в мире, в результате которого планировалось строение, в семнадцать раз превышавшее самую большую пирамиду. На самом деле «красный фараон»⁴⁶, как американцы прозвали Насера, называл гидроэлектростанцию своей пирамидой. Но он оставался непреклонным в вопросе об Израиле и продолжал атаковать Багдадский пакт. Иден винил его в отказе Иордании присоединиться, сравнивал с Муссолини и говорил: «Его цель — стать Цезарем от Персидского залива до Атлантики, полностью выгнав нас отсюда»⁴⁷.

1 марта 1956 г. молодой иорданский король Хусейн, нацеленный быть хозяином в своем доме, уволил Глубб-пашу с поста командующего Арабским легионом. Оклеветанный и поносимый египетской пропагандой в качестве «империалистического скорпиона»⁴⁸, Глубб являлся воплощением британского господства и влияния на Ближнем Востоке. Для Идена его увольнение стало невыносимым «ударом по уменьшающемуся британскому престижу, как имперской державы»⁴⁹.

Премьер-министр еще больше мучился из-за реакции «Суэцкой группы». Джулиан Эмери сказал «Таймс», что увольнение Глубба, которое последовало за отступлениями из Палестины, Абадана, Судана и Суэцкого канала, свидетельствовало о полном «банкротстве политики умиротворения»⁵⁰. Премьер-министра изводили в Палате общин, и он выплеснул ярость на Насера. По открытой телефонной линии Иден сказал заместителю министра иностранных дел, Энтони Наттингу: «Я хочу, чтобы его убили»⁵¹.

По приказу премьер-министра (что несомненно) секретная разведывательная служба готовила планы по убийству Насера и свержению его правительства. Ее агенты, которые предлагали запустить нервно-паралитический газ в кабинет Насера через систему вентиляции, ни в коей мере не соблюдали секретности. Они разговаривали с офицерами ЦРУ без использования эвфемизмов типа «ликвидация», сотрудничали с израильянами, которых называли «обрезанными членами»⁵². Британские министры и дипломаты были шокированы их планами, которые никогда не воплотились.

Но позднее в том же году президент Эйзенхауэр, который сам иногда приказывал провести тайную операцию такого рода, не санкционировал вовлеченность американцев в убийство Насера. Он придерживался более здоровой точки зрения на имперские прерогативы: «Я просто не могу понять, почему британцы не

избавились от Насера. Они делали подобное много лет, а тут сплеховали»⁵³.

Даллес тоже сплеховал. Вначале он согласился с британцами позволить займу на Асуанскую плотину «зачахнуть как лозе»⁵⁴, чтобы наказать Насера за продолжающиеся связи с коммунизмом — в мае 1956 г. Египет признал «красный Китай». Но в виду растущего американского противостояния предложению Даллас резко отменил его, а за ним последовали британцы.

Насер ожидал отказа, но пришел в ярость от той оскорбительной манеры, в которой он был подан. Он посчитал, что пренебрежение и унижение Далласом египетской экономики являлось преднамеренной пощечиной⁵⁵. Лидер революции был только что избран президентом и стал первым настоящим египтянином, который правил страной за 2 600 лет. Он не собирался подставлять вторую щеку, но тщательно строил планы.

26 июля 1956 г., в день четвертой годовщины отречения Фарука от престола, Насер обратился к 250 000 людей с балкона, выходящего на площадь Освобождения в Александрии. Речь передавалась всему арабскому миру и показала, что он наконец-то освоил черное искусство демагогии. Президент поносил Запад за попытки вернуть Египет в финансовую зависимость и рабство. Это он называл «империализмом без солдат». Насер сказал, что у этого империализма есть кодовое имя — Фердинанд де Лессепс. Именно из-за него оккупационные отряды Насера вступили в действие.

Лидер объявил (и это заявление было встречено с диким энтузиазмом), что «часть ваших египетских братьев прямо сейчас прибирает к рукам “Всеобщую компанию Суэцкого канала”»⁵⁶. Эта компания заплатит за дамбу, а контроль над ней восстановит гордость страны.

Соответственно была унижена Британия. Заодно оказался униженным и ее премьер, который стал неуравновешенным после оскорбления Насером его самолюбия. По мере развития кризиса Иден впадал во все большую ярость. Он никогда раньше не позволял себе подобного с помощниками, а тут словно хотел подчеркнуть едкое замечание личного секретаря Черчилля, который сообщил им: «Я работаю на великую историческую фигуру, а вы работаете на истерическую»⁵⁷.

Иден обратился к помощи препаратов с наркотическим содержанием, принимал морфий, чтобы успокоиться, а бензедрин — чтобы взбодриться. Он винул в ярком свете ламп в телевизионной студии коммунистов из Би-би-си. Премьер стал сумасбродным, странным и предвещающим гибель. Он говорил, что вместо того, чтобы смотреть, как от империи откусывают по кусочку, он предпочел бы увидеть, как она «рушиться сразу же, одним ударом»⁵⁸.

Но реакция Идена была не просто вопросом ущемленного тщеславия и ухудшившихся способностей. Он искренне оплакивал крушение имперской власти, соглашаясь с Гарольдом Макмилланом, изначально драчливым и сварливым министром финансов, что если они не ответят на вызов Насера, то «Британия станет еще одними Нидерландами»⁵⁹. Как и многие другие, он видел Насера наследником европейских диктаторов 1930-х гг.

Иден сравнивал слегка идеалистическую книгу Насера «Философия революции» с «Майн Кампф», считая, что экспроприация им «Всеобщей компании Суэцкого канала» напоминает вторжение Гитлера в Рейнланд. Премьер предупреждал: аппетит Насера будет расти во время еды, египетский лидер начнет совершать другие акты агрессии, возможно, даже остановит поток нефти из Персидского залива.

2 августа 1956 г. британский кабинет одобрил военную подготовку к свержению Насера и захвату канала. Это стало антитезой для политики умиротворения, которую осуждало большинство британских газет. С наибольшим напором писала «Таймс», желая компенсировать свое малодушие и трусость в отношении нацистской Германии: «Страны живут, яростно защищая собственные интересы... Несомненно, хорошо иметь процветающий туристический бизнес, выигрывать международные матчи по крикету, радовать взгляд изображениями мисс Дианы Дорс, которую стаскивают в бассейн. Но страны не живут одним цирком. Люди, которые молчат, знают это лучше, чем критики. Они все еще хотят британского величия»⁶⁰.

Иден льстил себе, что «обладает выдающимся качеством — способностью оценивать общественное мнение»⁶¹. Но только треть населения поддержала использование силы (хотя эта цифра выросла до чуть больше половины после окончания конфликта). А некоторые знающие люди типа сэра Дермота Бойла, начальника штаба ВВС, быстро сделали вывод: «Иден рехнулся»⁶².

Душевное состояние Идена не улучшилось в следующие три месяца. Ему пришлось иметь дело с Даллесом, которого премьер некрасиво сравнивал с Риббентропом. Тяжелые манеры госсекретаря и без того утомляли. Как отмечал Макмиллан, он говорил медленно, но такая речь успевала за мыслями. Однако еще больше раздражали уклончивые высказывания и аморальные взгляды. По просьбе Эйзенхауэра Даллес заявил: Великобритании не следует «ломать Насера силой». Но в этом заявлении было достаточно двусмысленности, чтобы у Идена появилась иллюзия, будто он может получить согласие американцев, а то и поддержку.

Изначальный ответ Даллеса состоял в том, что Насера необходимо заставить «отрыгнуть украденное»⁶³, чтобы канал стал

интернациональным, а поставки нефти обеспечивались. После первой встречи с Иденом в начале кризиса Даллес сделал вывод, что Британия и Франция (намеренная покончить с египетской помощью алжирским мятежникам) вторгнутся в зону канала. Он сообщил Эйзенхауэру: «Я не (повторяю — не) уверен, что с этой точки зрения их можно винить». Но Даллес добавил с характерной противоречивостью: «Думаю, что убедил их: такой шаг окажется опрометчивым»⁶⁴.

Сам Эйзенхауэр был привычен «шарахаться из стороны в сторону»⁶⁵ и не любил делать категорических заявлений. Президент в дальнейшем заявлял, что говорил Идену о «нашем яростном возращении против использования силы»⁶⁶. Но он не выражал никакой горечи и ожесточенности.

Эйзенхауэр считал, что сила оправдана в качестве последнего средства. Будучи душой клуба «Ротари», он с типичным дружелюбием никогда не угрожал враждебным ответом Америки на британскую агрессию в Египте. Более того, встретившись с ним в сентябре, Макмиллан подтвердил мягкую линию президента. Они были товарищами на Средиземноморском театре военных действий, где Макмиллан научился «своему собственному странному языку»⁶⁷, на котором говорил Эйзенхауэр.

Макмиллан **выучил** и более важный урок после того, как едва не погиб во время **авиакатастрофы** в Алжире. Он выбрался из под обломков с усами, «горящими ярким синим пламенем»⁶⁸. В больнице будущий премьер прочитал «Упадок и разрушение» Гиббона, сделав вывод, что британцы являются греками в новой американской Римской империи. Они должны украдкой направлять своих нахальных и дерзких господ, как «греческие рабы вели дела императора Клавдия»⁶⁹.

Поэтому Макмиллан своевольно и преднамеренно исказил значение слов президента. Он сообщил, что тот «действительно намерен одним или другим способом свергнуть Насера»⁷⁰.

После такого ободрения Иден содействовал различным попыткам Даллеса найти мирное решение. Происходили встречи и переговоры заинтересованных сторон, были обращения в ООН. Сформировали Ассоциацию пользователей канала, австралийского премьер-министра сэра Роберт Мензиса отправили посланником в Каир. Там он решил, что «эти мошенники — опасная банда отсталых юнцов»⁷¹.

Из этих усилий ничего не вышло. Насер стоял твердо, ободряемый тем, что невзирая на западные предсказания, египетские лощманы оказались в состоянии сами ходить по каналу. Поэтому англо-французские военные приготовления продолжались, наталкиваясь на предсказуемые препятствия. Вторжение вначале

получило кодовое название «Hamilcar» («Гамилькар»). Но лишь после того, как британские солдаты нарисовали большие буквы «Н» на своих машинах для опознания их с самолетов, они поняли: французы пишут название операции по-другому — «Amilcar», без первой «Н».

Хотя британские силы были оснащены для сражения с партизанами на Кипре, в Малайе и Кении (куда радио Каира передавало пропаганду в пользу «мау-мау» на суахили), они были плохо подготовлены для проведения крупного вторжения с моря. Армии пришлось нанимать гражданские грузовики, например, для перевозки продукции компании «Кока-кола», а также мебельные фургоны «Пикфорд». Их использовали для транспортировки вооружений. Более того, старые ружья, заряжающиеся с казенной части, уступали чешским полуавтоматам египтян.

Королевские ВВС сталкивались с техническими проблемами, им остро не хватало транспортных самолетов. Рядом с французскими самолетами, их собственные выглядели «почти викторианскими»⁷². Королевскому ВМФ пришлось реквизировать грузовые и пассажирские суда, а заодно вернуть на службу старые десантные корабли времен Второй Мировой войны, которые уже давно списали и использовали в качестве паромов. Один американский адмирал посчитал британскую способность к амфибийной операции «очень жалкой»⁷³. В дни правления Лондон ожидал бы от Индии восполнения каких-то военных недостатков. Внимательные наблюдатели считали, что британцы могут нанять израильтян для выполнения роли сипаев.

Посланник французского премьер-министра Ги Молле предложил тайный англо-французский пакт с Бен-Гурионом во время встречи с Иденом 14 октября 1956 г. Предложение привлекло Идена. Оно позволяло покончить с бесконечными переговорами с Даллесом и сразу же давало Великобритании и Франции повод вторгнуться в Египет. Пока Израиль наносил удар по Синайской пустыне, имея главной целью пробить блокаду Насером залива Акаба и получить постоянный доступ в Красное море, две европейские державы получали оправдание для «защиты» Суэцкого канала, отделяющего сражающихся. Так можно было вытеснить Насера.

Иден встал на фатальный курс. Его подгоняла и подстрекала «Суэцкая группа», он отчаянно хотел утвердиться политически, показав свое мужество. Премьер уверился, что империя исчезнет, если только не будет стоять твердо. Поэтому он сметал с пути все препятствия, отмахивался от политических и военных сомнений.

Иден добился постановления от пытающегося услужить лорда-канцлера о том, что конфискация Насером «Всеобщей компании

Суэцкого канала» была незаконной, а «нарушение международных владений эквивалентно нападению на национальную собственность, и дает право на самооборону»⁷⁴. Премьер-министр преодолел некоторые сомнения и колебания своего министра иностранных дел Селвина Ллойда, которого один английский дипломат назвал «мальчиком на побегушках» у Идена⁷⁵, а американский дипломат — «бесчестным уэльским юристом»⁷⁶. Отдавая должное его лоску и гибкости, Черчилль называть этого человека «мистер Целлулоид»⁷⁷.

Ллойда тайно отправили на виллу в Севр под Парижем. Ему был дан приказ продвинуться в решении вопроса с Молле и Бен-Гурионом. Министр иностранных дел не любил иностранцев (есть предположение, будто Черчилль сказал ему, что это — явное преимущество в такой работе). Более того, в дальнейшем Ллойд писал, что Франция и Израиль были «двумя странами мира, которым я не доверяю больше всего»⁷⁸.

Он ясно продемонстрировал свои чувства после открытия тайного совещания шуткой, которая прозвучала неуместно. Ллойд заявил, что ему следовало прилепить фальшивые усы. По словам генерала Моше Даяна, британский министр создавал впечатление «торгующегося с купцами-вымогателями» и демонстрировал свою неприязнь к месту, компании и теме⁷⁹.

Однако наблюдался прогресс, на следующей встрече произошла ратификация. Французы были циничны и забавлялись, израильтяне злились из-за того, что больше всего Министерство иностранных дел волновал один вопрос: о вероломстве Альбиона никто никогда не должен узнать. Наверняка это больше всего беспокоило Идена, о чем свидетельствуют его усилия по уничтожению письменных протоколов. Он ничего не сообщал официальным лицам (или сообщал, но очень мало). О Севрских протоколах премьер информировал лишь нескольких министров, просто заставив кабинет принять как факт: «В случае израильской атаки Великобритании присоединится к Франции, чтобы разделить воюющих»⁸⁰. Он ввел в заблуждение Парламент и прессу, хотя доверился джентльменам из «Таймс», правильно думая, что они считают осторожность лучшей частью журналистики.

Премьер держал Эйзенхауэра в неведении. Иден даже не доверился верховному командованию. Генерал сэр Хью Стоквелл, командующий наземным экспедиционным корпусом, узнал от французов всего за три дня до события, что Израиль атакует Египет. Британский флот вторжения не мог отплыть с Мальты до окончания англо-французского ультиматума, который требовал ухода Насера из зоны канала. Если вкратце, то все предприятие оказалось испорченным лицемерием.

Поэтому военная операция Великобритании, в отличие от операций ее союзников, была изначально подпорчена (имела подрезанные крылья). В конечном счете, возникла необходимость скрывать истинные цели. Израильтяне штурмовали Синайский полуостров 29 октября и после нескольких яростных сражений вскоре заставили египтян отступать, чтобы охранять сам канал. Франция не стала ждать окончания ультиматума, требующего ухода обеих сторон. Она едва ли пыталась скрыть тот факт, что сражается на стороне Израиля (к сильному смущению Идена). Но Королевские ВВС, которые находились на перегруженной базе в Акротири на Кипре, колебались и не отправляли «Канберры» и «Валианты» против египетских военных целей, что заставило Бен-Гуриона оспорить добродетель Британии: «Старая шлюха!»⁸¹

Более того, британская армада из 130 военных кораблей отплыла из глубоководной гавани Валетты на Мальте со скоростью самого тихоходного десантного катера. Она смогла добраться до Порт-Саида только 6 ноября. В ту неделю военным мешали противоречивые и непродуманные приказы их политических хозяев, которые хотели, чтобы они выиграли войну, одновременно притворяясь, что сохраняют мир. Тем временем для оппозиции дома и за границей оказалось достаточно времени для объединения.

Все началось в рядах самих «тори». Энтони Наттинг подал в отставку, не желая раскрывать свои мотивы в то время. Он не смог переварить то, что в дальнейшем назвал «этим грязным примером коллизии»⁸².

Другие последовали его примеру. Высокопоставленные чиновники из Министерства иностранных дел протестовали против заговора, который один заместитель министра назвал «самой ужасающей комбинацией того, что не срабатывает, и того, во что невозможно поверить»⁸³.

Пресс-секретарь Идена уволился, очевидно считая, что боги решили уничтожить его беспокойного босса, который теперь стал «сумасшедшим, буквально сумасшедшим»⁸⁴. Наблюдалось и недовольство правительством в различных родах войск. Маутбаттен просил Идена «повернуть назад атакующий конвой, пока еще не слишком поздно»⁸⁵.

Лейбористская партия, возглавляемая Хью Гайтскеллом, убедительно выступила против так называемой «полицейской акции», которая на самом деле являлось необъявленной войной и нарушением устава ООН и других документов. Более того, ультиматум, судя по всему, оказался абсурдным. Ведь если бы каждая сторона на десять миль отодвинулась от канала, то силам Насера пришлось бы отступать, а силы Бен-Гуриона продвинулись бы на территорию Египта. Бомбежка Египта, жертвы агрессии, а не

Израиля, нарушителя границ, означала: роль Великобритании, как хранительницы мира — это притворство и обман. Использование своего права вето на отклонение предложения по прекращению огня в Совете безопасности ООН показало, что истинная цель Великобритании — захватить канал. Иден с серым лицом, красными глазами и охрипшим голосом был вынужден защищаться в Парламенте. А Селвину Ллойд пришлось заверять Палату общин: «Не было никакого предварительного соглашения с Израилем»⁸⁶. Эта ложь не помешала ему в дальнейшем стать спикером уважаемой палаты.

Мнимые патриоты всех классов и политических убеждений собрались за приведенным в боевую готовность правительством, рассматривая атаку Гайтскелла в качестве государственной измены. Лорд Хоум, сторонник политики умиротворения в Мюнхене, но агрессор в Суэце, заверял Идена: «Если наша страна заново найдет свою душу и вдохновение, то это чудо будет достигнуто вашими спокойствием и смелостью»⁸⁷.

«Суэцкая группа» приветствовала подтверждение имперской власти. Один из ее членов заявлял, что область вокруг канала «в некотором важном смысле является частью Соединенного Королевства»⁸⁸. Часть прессы тоже стояла решительно и непоколебимо. «Дейли экспресс» лорда Бивербрука объявила: Иден действует ради защиты жизни Британской империи⁸⁹. Однако было сказано (очень кстати), что ни одно дело не бывает на самом деле проигранным, пока оно не получило поддержку «Экспресс». Еще более значимым, чем поддержка, стало отступничество «Таймс», недавняя история которой, как писал Бивербрук, «была историей упадка Британской империи»⁹⁰. «Громовержец», как называют «Таймс», грохотал об уроне, нанесенном англо-американским отношениям обманом Эйзенхауэра. Великобритания не попутчик США, а союзник, упорно утверждала газета: «Этот союз не сможет выдержать отсутствие искренности и прямоты»⁹¹.

Эйзенхауэр тоже считал, что «ничто не оправдывает обмана»⁹². В реальности и он, и Даллес приняли бы даже двуличие, если бы Британия и Франция представили им быстрый свершившийся факт. Но вышло так, что президенту пришлось столкнуться с полным провалом, за время которого Россия подавила восстание в Венгрии (2 ноября). Даллес лег в больницу для удаления раковой опухоли (3 ноября), а сам президент боролся за перевыборы (6 ноября). Во время этой критической недели он подавлял свою ярость и отлично показал себя в роли мирового государственного деятеля. Эйзенхауэр «вымораживал» Идена политически, но утверждал: их личные отношения остаются дружескими и теплыми. Он даже заявил, что понимает, почему премьер-министр ответил

на оскорбление Насера «в стиле середины викторианской эпохи», одновременно задумавшись, «не стоит ли за этим рука Черчилля?»⁹³

Президент выступил против интервенции России на Ближнем Востоке и отверг предложение Москвы о том, что Советский Союз и США должны вместе выступить против Великобритании и Франции. Чтобы навязать свою волю, он развернул подавляющую экономическую мощь Америки, мгновенно превратив Гарольда Макмиллана из ястреба в голубя. «Мы должны остановиться, мы должны остановиться, — восклицал министр финансов, — или у нас не останется долларов к концу недели!»⁹⁴

Эйзенхауэр не только отказался поддержать фунт, но и настаивал: «Целям мира и стабильности следует служить, не проявляя поспешности в попытке оказать чрезвычайную помощь Великобритании в поставках нефти»⁹⁵. Он воспользовался враждебностью к операции в Суэце в странах Содружества — Канаде, Индии и Пакистане. США мобилизовали поддержку в ООН, ставшей не только форумом мирового мнения, но и органом, способным наложить санкции на государства-парии.

Под этим давлением Иден сломался. Он провел собрание кабинета 6 ноября, на котором предупреждение Макмиллана о падении курса фунта стерлингов оказалось решающим. Поэтому Иден позвонил Молле и сказал, что не может продолжать. Один французский чиновник записал этот безумный выплеск отчаяния: «Мне конец. Я не могу больше держаться. Весь мир осыпает меня бранью... Я даже не могу полагаться на всех консерваторов. Архиепископ Кентерберийский, церковь, нефтяники — все против меня. Содружество разрывается на части. Неру хочет разорвать связи. Канада и Австралия больше за нами не идут. Я не могу выкопать могилу короне... Я не могу сделать Англию единственной защитницей»⁹⁶.

Так что о прекращении огня объявили в тот самый день, когда в Порт-Саиде произошло вторжение с моря. Иден считал египтян трусами, но они упорно сопротивлялись. Силы союзников смогли только лишь занять северную оконечность канала, который теперь был заблокирован судами, затопленными Насером. Враждебные действия прекратились так резко, что первые британские подразделения оттягивали назад как раз в тот момент, когда высаживались прибывшие позднее части. Генерал Стоквелл сухо информировал Военное министерство: «Теперь мы достигли невозможного. Мы идем в обе стороны одновременно»⁹⁷.

Эйзенхауэр упрямо следовал своим курсом, намереваясь восстановить статус-кво. Он давил на израильтян и уговаривал их, пока они не ушли с Синайского полуострова. Президент США отказался поставлять финансовый «фиговый листок»⁹⁸, чтобы скрыть

англо-французскую обнаженность, пока Суэц не передадут силам ООН. Договоренности об этом достигли через месяц. Британское правительство делало все возможное, чтобы представить отступление, как победу, даже заявляло, что интервенция спасла положение на Ближнем Востоке, введя в дело ООН. Тщеславие было разбито будущим лейбористским министром финансов Денисом Хили, который сказал: «Это подобно Аль-Капоне, берущему кредит для улучшения эффективности работы чикагской полиции»⁹⁹.

На самом деле Насер впустил миротворцев ООН из милости. Его престиж поднялся, а престиж Идена упал. Премьер-министр, как выразился один депутат Парламента от лейбористов, совершил самое зрелищное отступление из Суэца со времен Моисея. «Суэцкая группа» испытывала одно лишь презрение к его слабости. Вердикт Черчилля широко цитировался: «Я сомневаюсь, что осмелился бы начать. Я никогда не осмелился бы остановиться»¹⁰⁰. Как сказал министр обороны, начать вторжение, а потом, практически сразу же, прекратить его «подобно использованию всех предварительных ласк без получения оргазма»¹⁰¹.

Иден и дальше демонстрировал свое бессилие, улетев на Ямайку, чтобы прийти в себя, несмотря на предупреждение друга, что там «все врачи черные»¹⁰².

По возвращении все консерваторы приготовили для него кинжалы, а самым острым запасся Макмиллан. Но прошло достаточно времени, как пророчески высказался радикальный бунтовщик Энеурин Беван, «чтобы позволить прелести политического убийства. Даже малый Цезарь имеет право на то, чтобы уйти с надлежащим декором»¹⁰³.

Плохое состояние здоровья явилось оправданным поводом для подачи Иденом в отставку. Консерваторы предпочли Макмиллана Р.А.Батлеру на место преемника. Эйзенхауэр тоже предпочел Макмиллана, превознося его прямоу, но не увидел двуликости Януса. В тот самый день, 10 января 1957 г., когда королева Елизавета попросила Макмиллана сформировать правительство, президент задумался. Он сказал, что с Батлером было бы проще работать, потому что «Макмиллан и Иден похожи в том, что оба не могут видеть умирание Британии как колониальной державы»¹⁰⁴.

Хотя французы были в гневе от дезертирства союзника и думали иначе, сам Эйзенхауэр считал: пост-имперская судьба ждет Великобританию в Европе. Возможное «благословение» может прийти от Суэца, сказал он, «в форме принуждения принять Общий Рынок»¹⁰⁵. Президент США считал, что следствием станет то, что Америке придется заполнить вакуум, оставленный Британией (и Францией) между Средиземным морем и Персидским заливом, пока его не заполнила Россия¹⁰⁶.

Поэтому в начале 1957 г. была провозглашена так называемая «доктрина Эйзенхауэра». Она утверждала: во имя глобальной борьбы против коммунизма Америка будет оказывать экономическую помощь, а если ее попросят, то и военную помощь странам Ближнего Востока.

Лишь немногим понравились эти неокOLONиальные инициативы. Насер осудил такую неофициальную версию Багдадского пакта. Арабский мир в целом опасался (и имел основания опасаться) навязывания нового господина — Дяди Сэма вместо Джона Булля.

* * *

Отступление Британии из Суэца был «позорным и вредоносным событием», сравнимым с изгнанием Византии из Александрии в 640 г. н.э., когда сарацины установили штандарт Мухаммеда на стенах столицы Египта¹⁰⁷. Многие критики Идена в то время думали, что фиаско означает конец империи. Энтони Наттинг говорил о Суэце, как о «конвульсии умирающего британского империализма»¹⁰⁸. Заместитель секретаря кабинета министров по имени Бёрк Тренд решил: кризис 1956 г. был «психологическим водоразделом, переломным моментом, когда стало ясно, что Великобритания больше не способна быть великой имперской державой»¹⁰⁹. Даже «тори» правого крыла были опечалены. Джулиан Эмери считал: «Разрушение национальной воли стало самой большой потерей Суэца». В дальнейшем он писал, что это означало конец Содружества как «военного или экономического блока», крушение надежд на то, что такая добровольная ассоциация может послужить неофициальной заменой империи.

Суэц дал свежий импульс «нашим врагам» в Адене, на Кипре, Мальте и «зависимых африканских территориях»¹⁰⁹.

Насер дал такой же вердикт, заявляя: это поможет африканским странам «настаивать на своей независимости». Он с надеждой добавил, что случившееся исключает использование в дальнейшем колониальных «методов девятнадцатого века»¹¹¹. Король Иордании Хусейн, который теперь смотрел на Вашингтон, воскликнул: «Какая трагедия! Настал день, когда Британия в конце концов упала с пьедестала, причем в этих местах»¹¹².

Американцы тоже почувствовали, что тектонические плиты истории сместились в Суэце. Читая модного Арнольда Тойнби, а не старомодного Эдварда Гиббона, он считали: британская цивилизация ощутимо уступает их собственной, а Насер, судя по всему, является мужественным и энергичным новым азиатским Цезарем, который ответил на вызов супердержав.

Такие выводы стали для кое для кого катастрофическими. Дункан Сэндис, который стал министром обороны в правительстве Макмиллана, зашел так далеко, что сказал: «Фундаментально Суэцкий кризис ничего не изменил». Какое-то время, несомненно, он «печально вредил престижу Британии», но она не сделалась внезапно «державой второго класса». Сэндис ожидал быстрого «изменения мирового мнения в нашу пользу»¹¹³.

В начале 1957 г. «Экономист» высказал более умеренное предупреждение против тех, кто в то время представлял апокалипсис: «Осталось лишь немного сомневающихся в том, что Великобритания пытается играть большую роль, чем может поддерживать своими ресурсами — политическими, военными и финансовыми. На самом деле имеются признаки того, что упадок зашел слишком далеко. Кажется, есть люди, которые думают, что нашей империи, над которой никогда не садится солнце, осталось всего несколько шагов до судьбы Ниневии или Византии»¹¹⁴.

Тем, что британцы сразу же не разделили судьбу древних империй, они более всего обязаны Америке. Подозревая, что США намерены «сменить Британскую империю», Иден совершил большую ошибку с Суэцем — «не посоветовался с американцами»¹¹⁵, как намекал Черчилль. Его преемники, понимая статус своей страны, как спутника, не повторяли той ошибки — скорее, поступали наоборот. Со своей стороны Эйзенхауэр нацеливался использовать британского льва, хотя тот и был ранен, в борьбе против русского медведя. Это означало восстановление поврежденного альянса, поддержку и укрепление позиции Великобритании на Ближнем Востоке.

Поэтому (в отличие от мифа) британские легионы не отправились домой в 1956 г. Конечно, свобода действий Лондона была урезана Вашингтоном. Суровые экономические ограничения привели к сокращению размера Королевского ВМФ (который потерял четыре последних линкора) и окончанию призыва на военную службу. Но в 1957 г. правительство Макмиллана обеспечило мощное воздушно-десантное подразделение.

Хотя Суэц подвел Содружество «на грань распада»¹¹⁶, по словам канадского министра иностранных дел Лестера ПEARсона, оно оставалось глобальной единицей. И Великобритания, имевшая других союзников, как и ядерное оружие, все еще стремилась быть великой державой. После Суэца с помощью американцев она сохранила Багдадский пакт, но под другим названием — Организация центрального договора. Метрополия удержала таких друзей, как король Иордании и султан Маската. Она сохранила влияние в Ираке и Ливии до националистических переворотов в 1958 и 1969 гг. соответственно. Когда Кувейт стал независимым в 1961 г., его

правитель подписал договор о дружбе с Британией для защиты против воссоединяющегося Ирака. В 1967 г. в Персидском заливе находилось свыше десяти тысяч британских военнослужащих. До того, как финансовое и антиимпериалистическое давление соединились в период между 1968 и 1971 гг., Британия властвовала в феодальных эмиратах на границе Аравийского полуострова, которые сами когда-то были стражами ворот к индийскому драгоценному камню, а затем стали стражами «черного золота» Персидского залива.

Более того, сменяющие друг друга правительства в Лондоне вступили в кровавую схватку, чтобы сохранить базу в Адене. Это было одно из самых яростных и запутанных сражений за независимость. Оно показало, что Великобритания все еще имеет намерение и возможности остаться на Ближнем Востоке. С другой стороны, Суэц послужил явным уведомлением о том, что пора уходить.

Разгром стимулировал арабский национализм. Он вдохновил народное презрение и ненависть к Британии, которые лучше всего были выражены «Голосом арабов» на радио Каира. Даже представители англофилов, интеллигенции Ближнего Востока, отделились из-за полной неуместности авантюры Идена. Как сказал один египетский юрист английскому другу в Адене, «вы дали нам Шекспира, Оскара Уайльда, Диккенса... И все это испорчено, это оплевано Суэцем, союзом с израильянами. Как, как вы могли это сделать?!»¹¹⁷

Таким же относящимся к делу вопросом был и другой: почему, почему британцы оставались в Адене до 1967 г., когда база утратила свой смысл? Крошечная колония всегда являлась аванпостом Индии, ценилась за прекрасную природную гавань, окруженную двумя красноватыми вулканическими полуостровами, выходящими «в море, как клешни омара, закопанного в песке»¹¹⁸.

Аден был захвачен в качестве угольного порта и бастиона в 1839 г. Почти на протяжении века им управляли из Бомбея. По общему признанию Калькутта, Дели и Лондон тоже вмешивались. Какое-то время между войнами Королевские ВВС отвечали за оборону Адена. А когда Министерство по делам колоний взяло его под контроль в 1937 г. (в год последней кампании имперских завоеваний Великобритании в районе Хадрамаут на юге Йемена), то приписало колонию короны своему Центральноафриканскому отделу.

Однако город, который разросся с разрушающегося скопления лачуг до процветающего свободного порта, все еще казался пригородом индийского субконтинента. Многие здания, в особенности, белый анклав недалеко от паромных причалов, напоминали

индо-сарацинские здания в Бомбее. Пыльные военные городки, построенные на золе и шлаках, вдохновили Киплинга на знаменитое сравнение: Аден был «словно печь, которую никто не разжигал много лет»¹¹⁹. В роскошных открытых для всех садах стояла бронзовая статуя королевы Виктории весом две тонны. Королева восседала на белом мраморном троне, глядя на свое первое колониальное приобретение. Процветали торговые дома парсов. В старом городе-космополите дхоти встречались почти столь же часто, как футы (йеменские юбки). Здесь канавы были полны чарпоев (деревянных кроватей на веревках, чтобы спать на улице), потому что «ни одно дуновение ветерка не нарушает неподвижности жаркого воздуха, а голый круг унылых серых скал заставляет взгляд остановиться и ловит в капкан солнце, превращая город в печь»¹²⁰. На базарах, построенных из кирпича, паслись коровы и козы, пахло карри и прочими специями. Полицейские в форме цвета хаки носили малиновые тюрбаны, как в Пенджабе.

Более того, кроме восстановления древних укреплений и цистерн с водой, которые поддерживали город трехсот пятидесяти мечетей во времена Марко Поло, Аденом, как округом Бомбея, пренебрегали. Он оставался покрытым лавой чистилищем и местом страдания для совершивших прелюбодеяние офицеров или опозорившихся индийских полков. Но в 1947 г. Аден утратил свою жизненно важную стратегическую роль — связь с Индией. Ко времени Суэцкого кризиса он стал колониальной тихой заводью, которая в большей мере поддерживалась прошлыми пустыми комплиментами, а не нынешней целью. Старшие британские важные лица все еще продолжали устраивать парады в пышных париках или шлемах, украшенных красными и белыми петушиными перьями. Парады проходили под нещадно палящим солнцем. Казалось, оно било, словно ятаган. Даже простые гражданские служащие были вынуждены появляться в белой тунике для строевой подготовки — с золотыми пуговицами, высоким воротом и нагрудными знаками в виде дубовых листьев, вышитых золотом, с медалями, в лайковых перчатках, ботинках из бычьей кожи и с украшенным кисточками палашом. Один из них жаловался, что это одеяние напоминало «полные возбуждения дни Омдурмана и аннексии Синда»¹²¹.

Новый губернатор сэр Уильям Льюс считал античную старомодность «такой же удручающей, как застоявшийся табачный дым»¹²². Он пытался оживить Дом правительства, где доминировала еще одна статуя королевы Виктории. Там играми в поло на велосипедах, а матчи проводились на террасе с колоннами.

Но имперский Аден отживал свой век. После ликвидации индийского владения, как один посол писал Селвину Ллойд в де-

кабре 1956 г.а, британские базы вокруг Аравийского полуострова стали «базами на пути в никуда»¹²³.

Более того, внутри Адена выкристаллизовывалась враждебность к британскому присутствию. Это частично происходило оттого, что было предпринято мало усилий по улучшению социальных условий. Закон о развитии колоний и улучшению быта (1940 г.) давал ничтожную помощь, поскольку, как признавал один министр, это был «всего лишь жест»¹²⁴.

Местные жители мало получали от полумиллиона фунтов стерлингов, которые ежегодно собирались в виде налога на импортируемый кат — наркотический лист, который погружал тех, кто его жевал, в состояние апатии и оцепенения¹²⁵. (Люди словно бы впадали в транс, а лица пристрастившихся к кату зеленели).

Состояние общественного благополучия можно измерить условиями в тюрьме в Кратере, в которой даже в 1967 г. одновременно содержались преступники и сумасшедшие. [Кратер — достопримечательность Адена, это действительно кратер потухшего вулкана в центре старого города. — *Прим. перев.*] Посетивший ее английский юрист пришел в ужас оттого, как находящиеся в здравом уме мужчины-христиане относились к сумасшедшим женщинам-мусульманкам: «Их кормили, как животных, их еду проталкивали между решеток. Словно животных, их время от времени поливали из шланга вместе с камерами. Вся сцена под ярким голубым небом казалась кошмаром»¹²⁶.

Трудовые отношения были столь же отсталыми. Но, с одобрения британцев, в 1956 г. был сформирован Конгресс профсоюзов Адена. Он начал с организации забастовок. Поскольку политический прогресс был ограничен, вскоре Конгресс стал центром противостояния имперскому правлению.

Суэцкий кризис показал, что Великобритания уязвима. Блокирование канала усилило враждебность, поскольку повлияло на процветание одного из самых загруженных нефтяных портов мира. Радио Каира выливалось потоки пропаганды в Кратер. Британцы не могли выдать ничего, способного соревноваться с «обращениями к арабскому братству и обвинениями колониализма»¹²⁷. Изображения Насера улыбались с каждой стены, а дети смеялись над европейцами, выкрикивая его имя. Националистическая враждебность была суммирована в письме, отправленном одному из самых сочувствующих (хотя и старомодных) британских чиновников. Им оказался будущий верховный комиссар Адена сэр Кеннеди Тревакис, который давно стремился избавиться от расовых предрассудков — «раковой опухоли нашего имперского правления». В письме к Тревакису обращались, как к «неверному хозяину рабов»¹²⁸.

Ситуация в Адене ухудшилась после Второй Мировой войны, потому что его внутренние районы стали базой для осады, а не опорным пунктом или оплотом. С незапамятных времен, как писал Гиббон, «*Agabia Felix*» («Аравия Счастливая») почти не подвергалась завоеваниям с суши. В древности это был центр торговли благовониями и представлял собой естественную крепость из неровных ступеней от красновато-коричневого берега до янтарного массива. Яростные сыновья Исмаила, которых защищали дикая местность и пустыня, не только не подпустили Помпея и Траяна, но и отказали турецкому султану, получившему лишь «тень юрисдикции»¹²⁹. Да, силы Оттоманской империи добрались до пригородов Адена, известного, как «Глаз Йемена». Это случилось во время Первой Мировой войны. По легенде, огонь из их минометов помешал игре в гольф на Хормаксаре, что привело к тому, что комитет клуба «Юньон», самой сильной организации в Адене, приказал военным «начать контрнаступление, которое уже давно пора было организовать»¹³⁰.

Разбросанные по засушливой пустыне эмираты обратили внимание на слабость Британии. Но арабы не могли ее использовать, поскольку жили в «системе анархии»¹³¹. Владения феодалов состояли чуть более чем из оазиса, проезда, святилища или форта на возвышенности, расположенных среди высохшей акации и тамариска. Более широкая власть сюзеренов ограничивалась интригами, предательством и кровной враждой. Так и местная власть всегда ограничивалась «внутренней лицензией на грабеж, убийство и месть»¹³².

Британия воспользовалась этим состоянием, чтобы обеспечить свою базу в Адене. Она подписала дюжины договоров с соседями-разрушителями, ведущими подрывную деятельность, предлагая субсидии и защиту в ответ на сотрудничество. В противном случае британцы выбирали «господскую бездеятельность в арабской политике»¹³³.

Между двумя мировыми войнами распространение современного оружия и претензии жестокого имама Йемена на расширение его средневековой теократии к Аденскому заливу усилили мятежность племен. Бомбардировщики Королевских ВВС на какое-то время ее успокоили, британцы достигли соглашения с имамом. Оно оказалось нечетким, допускающим двоякое толкование, позволило вносить разлад и вызывать волнения в южных протекторатах. К 1950-м гг. вооруженные набеги из Йемена участились. В то же самое время, с другого края политического спектра, победоносный Насер подстрекал к революции на территории, которую радио Каира провокационно называло «оккупированный Южный Йемен». В 1956 г. британский главнокомандующий

не смог понять, что назревает гражданская война. Он отмахнулся от стычек — «военных игр в блошки»¹³⁴.

Так британцы удерживали Аден, поскольку могли это сделать, раз это обусловлено прошлым. На самом деле ни «смерть» правления в Индии, ни провал Суэца не привели к фундаментальной переоценке имперской политики Великобритании. По официальному мнению, Соединенное Королевство оставалось «слишком важной частью свободного мира»¹³⁵, чтобы позволить себе опуститься до пассивной роли вроде той, которую играли Швеция или Швейцария. Никто в Вестминстере или Уайт-холле не учитывал пророчества лорда Керзона, сделанное полстолетия назад, о том, что после ухода Индия и других крупных колоний, за ними последуют более мелкие зависимые территории: «Ваши порты и угольные порты, ваши крепости и верфи, колонии и протектораты вашей короны тоже уйдут. В них или пропадет необходимость из-за исчезновения застав, шлагбаумов и барбаканов империи, или же их захватит противник, более сильный, чем вы».

Бывший военный министр лейбористов Джон Страчи призывал к пересмотру британской мировой стратегии: «Надо прекратить вести себя, словно мы все еще остаемся ведущей мировой империей»¹³⁶. Но всеобъемлющие планы уступили частностям. Создавалось впечатление, будто, приобретая империю в припадке помутнения разума и в дальнейшем мало ею интересуясь, Британия отказывалась видеть ее потерю. Однако высказывались страхи: отказ от имперских обязательств может дать катастрофический эффект домино. Передача территории снизит военный радиус действия, поставит под угрозу контроль за сырьем, испортит антикоммунистический альянс с Америкой, повредит престижу, ослабит фунт стерлингов, навредит торговле (особенно, «невидимому экспорту»), подорвет уровень жизни в стране.

Поэтому британские политики и гражданские служащие имели основания, убедительные в краткосрочном плане, но отражающие нежелание признавать изменившееся международное положение страны в долгосрочном плане, отказывать Адenu в независимости.

В то время, когда Кипр угрожал стать «второй Палестиной»¹³⁷, Аден называли жизненно важным звеном в цепи опорных пунктов, которые тянулись от Гибралтара до Гонконга. С одобрения Вашингтона он охранял и обслуживал Персидский залив. Он давал Британии прочную позицию на Ближнем Востоке. Внутренние районы Адена могли даже содержать нефть. Как цинично заметил Гарольд Макмиллан, эта возможность означала, что метрополии следует продолжать разделять и властвовать. Премьер думал, что «будет лучше оставить местных шейхов и правителей в состоянии простого соперничества и разобщенности, при котором они раду-

ются нашей защите. Их можно, где необходимо, стравливать друг с другом, а не сплачивать в нечто единое. Последнее с наибольшей вероятностью приведет к требованию независимости и самоопределения (а на самом деле как раз планируется для такой цели)»¹³⁸.

Однако в 1958 г. было объявлено чрезвычайное положение после большого количества беспорядков, вдохновленных йеменцами. Лондон с неохотой пришел к выводу: Аден лучше всего сохранять путем дальнейших скромных шагов к демократии и объединению арабских государств-протекторатов для формирования «санитарного кордона». (Но, как писал один чиновник, он «оказался скорее поясом целомудрия — неудобным, но не защищающим от беременности»)»¹³⁹.

Слияние отпраздновали в 1959 г. Главным на празднике был очень высокий министр по делам колоний Ален Леннокс-Бойд. Он пережил приветственный салют из ружей, пули из которых пролетели опасно близко от его головы. Этот человек «источал шарм, как щедрые дары»¹⁴⁰.

В 1963 г., после большого количества споров и обещаний самоуправления, которые разбавлялись намерением Великобритании постоянно держать войска в Адене, сама колония присоединилась к союзу. Теперь ее губернатора станут называть верховным комиссаром Адена и протектората Южной Аравии. Он печально заметил: «Это напоминало замену классического римского титула, краткого, лапидарного и четкого, поздним византийским — длинным, почетным и совершенно двусмысленным»¹⁴¹. Как ясно из его жалобы, Федерация Южной Аравии была обречена. Как и Федерации Малайи, Вест-Индии и Центральной Африки, то была форма без содержания, бесполезное наследие старой империи.

Федерация Южной Аравии не могла объединить свои разрозненные элементы. Но ее крах был обеспечен полковником Абдуллой Саллялем, который в 1962 г. возглавил военный переворот в Йемене. Путч, в свою очередь, привел к ожесточенной гражданской войне, которая пересекла южную границу. Каир и Москва поддержали Салляля, а Лондон и Эр-Рияд — его монархических противников. Британская империя снова взяла сторону феодальных реакционеров против националистов-революционеров.

Аден разрывался из-за племенной вражды и личной вендетты, но его националисты-революционеры тоже дали ответ. В частности, новая воинственно настроенная группа под названием Национально-освободительный фронт, не оправдала упорной веры британцев в то, что «жители колонии Аден, как и большинство арабов в других странах, — это политики, занимающиеся пустой болтовней и сплетнями. Взгляды которых меняются в соответствии с настроением часа»¹⁴².

Национально-освободительный фронт нес ответственность за растущее количество забастовок, мятежей и убийств в городе, в котором теперь жило 250 000 человек. Многие из горожан были рабочими-мигрантами из Йемена. Верховный комиссар Тревас-ки был ранен гранатой, при этом взрыве погиб его помощник.

В октябре 1963 г. Национально-освободительный фронт организовал полномасштабное восстание в дикой местности Радфан — горном районе рядом с границей Йемена. Бедные жители этого района имели давние традиции разбоя и бандитизма, а также являлись опытными партизанами. Они не клялись в верности никакому господину, называя себя «Волками Радфана»¹⁴³. Против них британцы использовали одни из самых современных видов вооружений, включая танки «Центурион», вертолеты «Уэссекс» и самолеты «Хантер» для штурмовых атак. Дункан Сэндис, который теперь стал министром по делам колоний, выбрал для себя обмундирование в виде рубашки изумрудного цвета, свободных брюк и соломенной шляпы. Одетый таким образом, он наблюдал за их атаками во время визита в тот район.

Королевские ВВС не только обстреливали и бомбили деревни, но и обрызгивали посевы ядом, надеясь заставить восставших покориться. Секретарь Сэндиса в дальнейшем вспоминал: «Это была очень мерзкая политика, настоящий шаг назад в колониальные времена. И она не сработала»¹⁴⁴.

Ничто не сработало, а меньше всего — награда в два ружья, которые армия вручала за каждую мину, сданную представителями племен. (Они могли получить мину в Йемене за одно ружье). Оказалось невозможным уничтожить сопротивление в Радфана, где, по крайней мере, восемь тысяч человек лишились домов. Тем временем репрессивные чрезвычайные меры в Адене оказались неэффективными против снайперов, бомб, базук и мин-ловушек.

Во время этой кампании саботажа и убийств любимыми целями Национально-освободительного фронта стали нефтепровод, ведущий к нефтеперегонному заводу «Бритиш Петролеум», и местные «собаки на побегушках у империализма» (особенно — дикторы и агенты разведки). В конце концов, они перебили всех из арабско-го специального подразделения.

В 1965 г. британцы отменили конституцию и установили прямое управление. Для противостояния террору и получения информации армия отправляла подозреваемых в Центр ведения допросов в форте Морбут. Здесь использовались стандартные формы жестокости, как в дальнейшем показало официальное расследование. Но тайно разрабатывались и более научные методы пыток. Эта техника использовалась в Кении, на Кипре, в Брунее, Британском Камеруне, Персидском заливе, Северной Ирландии и в дру-

гих местах. Она включала дезориентацию, электрические разряды, выставление у стен с запрещением сидеть и лежать, надевание колпаков на голову, шум, содержание на хлебе и воде, лишение сна. Крики жертв Адена можно было услышать в соседнем Клубе капралов, что вызывало там шутки и комментарии типа: «Вот трахают еще одну п...»¹⁴⁵

В ответ на давление со стороны президента Линдона Джонсона, который запутывался в войне с Вьетнамом, лейбористское правительство Гарольда Уилсона выразило свое намерение держаться за Аден. Вашингтон хотел, чтобы его трансатлантический союзник оставался к востоку от Суэца, чтобы ослабить опасения и успокоить людей, считавших, что США намерены «доминировать в мире, пытаясь стать еще одним Римом»¹⁴⁶.

Сам Уилсон испытывал романтические чувства к империи. Школьником он считал настоящим героем Баден-Пауэлла. Став бряцающим оружием политиком, он по большей части не реагировал на тайные попытки Дункана Сэндиса отождествлять его «с самым ненавистным человеком в Великобритании» — полковником Насером¹⁴⁷.

Уилсон ценил помощь американцев в поддержке фунта стерлингов. Он сам и более старшие коллеги во все большей степени считали: фунт стерлингов можно только спасти жестким урезанием обязательств. Они лицемерили и притворялись, а больше всех — министр обороны Дэнис Хили. Он и на самом деле хотел уйти из Адена «с самого начала»¹⁴⁸.

2 февраля 1966 г. Хили сказал: Великобритания не намерена предавать свои имперские обязательства на Ближнем Востоке и в полной мере намеревается «оставаться в военном смысле мировой державой»¹⁴⁹. Через три недели в «Белой книге» Министерства обороны Хили было объявлено о резком сокращении британских вооруженных сил к востоку от Суэца. Будет оставлена вся Южная Аравия, включая базу в Адене.

Это решение подтвердилось еще одним финансовым кризисом, который заставил всех присмиреть. В будущем, например, никакие базы не будут удерживаться при местном сопротивлении. (Это положение было исполнено в случае с островом Диего-Гарсия в Индийском океане благодаря депортации всего населения, что еще более опозорило Британию).

Более того, Уилсон надеялся переориентировать британскую международную политику путем присоединения к Общему Рынку Европы. Наконец-то стало ясно: база в Адене в меньшей степени представляет собой щит, чем цель. Это стало определенностью после появления «Белой книги». Теперь друзья из Федерации не могли ничего получить от иностранной державы, зато противни-

ков подбадривала уверенность в победе. Британский гарнизон в Адене не мог получить поддержку местных жителей и чувствовал себя преданным.

По словам последнего верховного комиссара сэра Хамфри Тре-вельяна, «когда колониальная держава поворачивается спиной, она подставляет задницу, чтобы под нее поддали»¹⁵⁰. Национально-освободительный фронт начал новые атаки на британскую армию, которая понесла 369 потерь в 1967 г. (сорок четыре человека было убито)¹⁵¹. Повстанцы нанесли удар и по главному сопернику, Фронту Освобождения Южного Йемена, основанному в январе 1966 г. Три представителя ООН, которые приехали с визитом и о которых «Санди телеграф» говорила, как «о трех шумных и недовольных наглецах»¹⁵², ничего не сделали для сохранения мира. Зато они сильно дискредитировали роль Британии в колониальном конфликте, который становился все более яростным с каждой минутой. Расовая ненависть накаляла атмосферу Адена, словно перед грозой. Она была почти «ошущима, просачивалась в кожу, пытаясь завладеть вашим разумом»¹⁵³.

Победа Израиля над Египтом в Шестидневной войне в июне 1967 г. еще более усилила антагонизм. Арабы Адена распевали лозунг: «Пуля против Англии — пуля для Израиля!» Силы безопасности подвергались атакам ракет, минометов, гранат и бомб, а также стрелкового оружия. Один рядовой едва избежал смерти, когда пуля вошла в ствол его винтовки, «сняв его, как банановую кожуру, и перебросив его самого через всю комнату»¹⁵⁴. Перед пикетом, окруженным колючей проволокой, Ланкастерские Фузилеры установили плакат с надписью: «Пожалуйста, не стреляйте ракетами по этому строению, которое небезопасно»¹⁵⁵. Это предписание проигнорировали. Бойцы Национально-освободительного фронта захватили Кратер, грабили, жгли и убивали, как хотели. Аргильский и Сазерлендский Хайлендерские полки под командованием полковника Колина Митчелла, желавшего возвращения к империи и прозванного «Сумасшедший Митч», заново взяли Кратер. Полковник с подчиненными вошел под звуки оркестра волынщиков, который играл «Голые скалы Адена», и устроил «великолепное шоу, черт побери!»¹⁵⁶ Но шотландцы наступали только для того, чтобы прикрыть отступление Британии. Национально-освободительный фронт закреплялся везде. Он был настроен завоевывать власть с оружием в руках. Поэтому пока в Женеве шли переговоры, перестрелки все еще продолжались на улицах Адена. Лидеры Федерации сбежали в Саудовскую Аравию и другие места, отправив свои лимузины морем.

Британцы уходили с достоинством — насколько это было возможно Темным вечером 14 ноября 1967 г., когда небо было затя-

нуто тучами, двести экспатриантов присутствовали на последнем коктейле в Доме правительства. Председательствовал Тревельян, крепкий маленький мужчина с огромными ушами, которые шевелились, когда он говорил. Все сжимали свои стаканы и разговаривали «с особым напряжением, лихорадочностью и безумием, которые можно увидеть только на таких мероприятиях»¹⁵⁷. Лихорадочное, безумное состояние смягчалось ностальгией, которая лучше всего выражена в официальной подделке под «Элегию» Грея:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Вдали взрываются граната или две.
Усталый бедуин медлительной стопою
Идет, задумавшись и жизнь отдав судьбе.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
И спущен флаг, и не взлетит он вновь.
Лишь изредка, жужжа, здесь пуля пролетает,
Лишь слышится вдали предсмертный тихий стон.

Лишь слава прежняя — вот все, что нам осталось,
Увы, не ново то, что под луной.
Рим рухнул. Римская наследница сломалась,
Ее владычества закончился покой¹⁵⁸.

Через две недели Тревельян инспектировал почетную стражу, которую собрали из всех родов войск. Отказавшись от «Доброго старого времени», оркестр Королевского ВМФ с корабля ее величества «Игл» играл: «Ее пальцы не те, что были раньше». Советник по безопасности верховного комиссара был последним, кто взшел на борт самолета Королевских ВВС, который стоял с работающими двигателями на аэродроме Хормаксар. Он поднимался по трапу спиной вперед и держал в руке «Вальтер».

Тревельян не радовался передаче власти революционерам-марксистам. Но он говорил: по крайней мере, британцы не были вынуждены пробиваться из Адена с боем, оставив позади себя анархию, как в Палестине.

Некоторые его коллеги были столь же оптимистичны. Будущий министр иностранных дел Дэвид Оуэн зашел так далеко, что превозносил «наши славные достижения деколонизации». Но старый чиновник империи сэр Брайан Кроуи резко напомнил Оуэну: «Имеется маленький вопрос Адена и Южной Аравии, которые мы передали неизвестной банде яростных головорезов, единственной верительной грамотой которых стало то, что они победили еще одну банду головорезов в гражданской войне»¹⁵⁹.

Другие из числа служивших в Адене видели участие Британии в делах региона, как нравственно ущербное от начала и до конца. В своих неопубликованных мемуарах Реджинальд Хиклинг, советник по юридическим вопросам верховного комиссара, осуждал беспринципную власть, которую британцы имели над арабами, не испытывая к ним никаких симпатий и сочувствия. Он раздумывал о том, «какое представление историк будущего составит о последних днях колониальной политики Британии на Аравийском полуострове? Я думаю, что он увидит все наше предприятие, с 1799 по 1968 гг., как политику эгоистичной державы, которую во время упадка застиг врасплох интерес к самоуправлению. Если он окажется философом, то сделает вывод, что страна не может успешно управлять людьми, которых не любит»¹⁶⁰. Под конец, как жаловался предшественники Тревельяна, колониальная власть осуществляла деятельность в Адене с чувством вины. Как показывают комментарии Хиклинга, это чувство сохранялось в Британии после эвакуации и усиливало атмосферу антиимпериализма.

Уход из Адена произошел во время острого беспокойства из-за упадка Великобритании. В течение двух недель между прощальным коктейлем Тревельяна и его побегом из Хормаксара произошло обесценивание фунта стерлингов на 14,3 процента. Гарольд Уилсон делал все возможное, чтобы представить это как патриотический триумф, особенно, когда говорил перед компанией прирученных журналистов, известных как «Белое Содружество»¹⁶¹. «Теперь мы сами по себе, — сказал он стране в тщетной попытке создать дух Дюнкерка. — Это означает: первым делом — Британия»¹⁶².

Это означало и конец напыщенных речей премьер-министра о том, что нужно быть мировой державой или ничем. По общему признанию, он пытался сохранить престиж страны, держась за ядерное оружие. Но авианосцами придется пожертвовать, чтобы сохранить подводные лодки «Поларис». И больше не шло разговоров о том, что границы Соединенного Королевства проходят в Гималаях. Перемены были не просто вопросом урезания обязательств Великобритании, чтобы те соответствовали ее возможностям. Саудовская Аравия и государства Персидского залива предлагали субсидировать продолжение британского присутствия к востоку от Суэца. Уилсон был теперь убежден: несмотря на вето французов, будущее его страны лежит в Европе. А это включает избавление от имперских сложностей. В январе 1968 г. он сделал очень важное заявление о том, что Великобритания уйдет с Дальнего Востока (кроме Гонконга) и района Персидского залива в течение трех лет.

Многие считали, что Уилсон подписал смертный приговор Британской империи. Он вызвал шок и разочарование от Аммана до

Бахрейна, от Сингапура до Канберры, от Веллингтона до Вашингтона. Когда Джордж Браун, британский министр иностранных дел, пересек Атлантику с первоочередной новостью об отступлении его страны, американский госсекретарь Дин Раск вел себя «крайне неприятно».

Раск, который всегда говорил тихим голосом, сильно негодовал из-за «едкого запаха свершившегося факта», но сказал, что оставляет на усмотрение Брауна, который всегда говорил громко и любил выпить, возможность добавить несколько децибел, когда будет передавать его комментарии в Лондоне.

Раск «не мог поверить, что бесплатный аспирин и вставные зубы гораздо важнее, чем роль Британии в мире». Он осуждал ее отступление в изоляционизм «маленькой Англии» и настаивал: «Ради Бога, будьте Великобританией». По иронии судьбы, именно США, которые когда-то отвергали и осуждали Британскую империю, официально рассматривали ее происходящее сокращение, как катастрофическую потерю для человеческого общества¹⁶³.

Госсекретарь опасался, что США придется взять на себя стоимость принятия роли мирового полицейского, поскольку для Британии окажется невозможным эффективно играть свою роль с европейской базы.

Он был прав. Власть Великобритании исчезла с ее орлами. Однако Америка давно считала процесс неизбежным и быстро смирились с тем, что ей нужно заполнить вакуум. Линдон Джонсон даже музыкально посмеялся над Гарольдом Уилсоном, проследив, чтобы его гостю-попрошайке спели серенаду «Приятель, а ты можешь поделиться десятицентовой монетой?» Но Уилсон был счастлив, что единственным упоминанием об отступлении Британии с территории к востоку от Суэца во время его визита в Белый дом в феврале 1968 г., стало исполнение баритоном Робертом Меррилом «Дороги на Мандалей» после обеда.

Глава 18

«Возрождающаяся Африка» Золотой Берег и Нигерия

Британцы предвидели беспорядки в Азии после Второй Мировой войны, но с оптимизмом смотрели на стабильность своих владений в Африке. На самом деле они видели в самих себе в Африке отличительные и характерные черты нового раджа, рассчитывали на ось Вольта — Нил — Лимпопо. Это будет еще одна казарма в чужеземном море, огромная тропическая плантация, бездонная яма природных богатств. В конце концов, Африка обеспечила миллион человек для сражений для стороне союзников. Многие из них записались в армию из таких отдаленных областей, что «пораженные смотрели на легковые автомобили и грузовики»¹.

Компенсируя потери, вызванные японскими завоеваниями, семнадцать африканских зависимых территорий Британии поставляли материальные средства для ведения войны. Они в огромных количествах отправляли в метрополию хлопок, сизаль, чай, какао, пальмовое масло, бокситы, олово, медь, резину и многое другое. Более того, колониальные власти смогли получить невероятное количество рабочих рук. Часто использовался принудительный труд. Наибольшую печальную известность получили карьеры на плато Джос в северной Нигерии, где добыча олова велась открытым способом. Там к 200 000 крестьян относились, как к крепостным. Такая эксплуатация основывалась на продолжающемся предположении, что африканцы — это одна из самых примитивных рас империи, возможно, даже «не достигший человеческого уровня вид»². Как таковые, они станут подчиняться своим хозяевам с собачьей преданностью.

Раздумывая относительно своего следующего поста губернатора колонии, сэр Рональд Сторрс писал в 1930 г.: «Более 26 лет службы среди древней, часто враждебной, всегда коррумпированной, но всегда интересной цивилизации Ближнего и Среднего Востока совершенно не подготовили меня к собачьей верности преданных чернокожих»³.

Между двумя мировыми войнами даже вполне просвещенный районный комиссар вроде Чарльза Арден-Кларка ожидал униженного и смиренного подчинения от нигерийских «дикарей», для которых он был «чем-то типа судьи, императора и Папы в одном

лице». Он писал: «Любой местный житель, если вы его встречаете, сбрасывает сандалии, если они на нем обуты, сходит с пути, садится на корточки и касается земли правой рукой или обеими руками. При этом он бормочет: «О, лев!» Если он испытывает к вам очень большое уважение, он говорит: «О, король-лев всего мира!» Иногда мы проезжали через деревенскую рыночную площадь. Все тут же опускались на землю и общий громкий вздох поднимался к небу»⁴.

Такое коленопреклонение было понятно ввиду склонности Арден-Кларка к наведению порядка путем кнута, факела и петли. Как он сам признавал, они усиливали мнение англичан о собственной важности в плане созидания. Ведь в Лондоне обычно думали, что африканцы являются настолько отсталыми, что должно пройти много поколений⁵ или веков⁶, даже бесконечное количество времени⁷, после чего аборигены смогут сами собой управлять. Герберт Моррисон говорил: предоставление им самоуправления будет подобно выдаче десятилетнему ребенку «ключа от входной двери, банковского счета и ружья»⁸.

С другой стороны, было ясно даже на расстоянии, что Вторая Мировая война расшевелила Африку даже больше, чем первая. Да, к югу от Сахары почти не велось боев. Но одна кампания фактически сигнализировала об изменении колониального прилива сразу же после того, как он стал наиболее полноводным. Когда итальянцы капитулировали в Эфиопии в 1941 г., император Хайле Селассие был восстановлен на троне, хотя и с британским поводом. В других местах влияние войны получилось менее прямым, но более глубоким. Атлантическая Хартия вдохновила образованную элиту от гор Атлас до Дракенсберга. Разговоры о независимости Индии стимулировали и возбуждали африканских националистов. Война расширила горизонты, развивала мастерство, усилила уверенность многих, кто в ней участвовал. Тот факт, что «цивилизованные» европейцы убивали друг друга (а их убивали азиаты), помог разбить «разрушающееся здание белого превосходства»⁹. О превосходстве не думали и многие европейские и американские солдаты из рабочего класса, которые работали руками и общались с африканцами в танцевальных залах, барах и борделях.

Прибывающие войска инструктировали следующим образом: «Во всех контактах с местными жителями пусть вашей первой мыслью будет идея о сохранении собственного достоинства. Местные привыкли иметь дело с очень малым количеством белых людей, а те, с кем они встречаются, занимают важные посты, дающие власть. На британцев смотрят, как на образец во всем. Поэтому нужно держать очень высокий уровень. Не опускайте планку до ненужной фамильярности»¹⁰.

Власти тоже способствовали верности африканцев, хотя их усилия иногда срабатывали бумерангом. На одном плакате изображались чернокожие солдаты в модной форме цвета хаки, но у них были оскорбительно «ярко-красные губы, как у негритянского музыканта на Брайтон-бич»¹¹. Еще на одном плакате противопоставлялись молодой человек с ружьем из полка Муссолини и веселые британские бойскауты в потрепанной одежде. Африканцы восхищались первым, как могли предположить читатели «Черной беды» Ивлина Во, в которой в сатирической форме представлена подобная пропагандистская кампания.

Взгляд африканцев на мир изменила экономическая революция, начавшаяся из-за мирового конфликта. Бизнес процветал. Появлялись новые фабрики для заполнения пробелов импорта (например, производящие пиво и сигареты) и обработки сырья — хлопка, рыбы и пальмового масла. Города заполнялись рабочими, которые трудились по найму за зарплату и были склонны к радикальным идеям.

Однако государственный контроль вызывал серьезное недовольство. Многих африканцев систематически эксплуатировали из-за их политического бессилия. Инфляция поднимала стоимость импортируемых товаров, а цена на экспорт была фиксированной, чтобы позволить колониальным администрациям продавать товары с прибылью на мировом рынке, помогая Британии оплатить войну и поддержать фунт стерлингов. В Аккре, Лагосе, Найроби и Солсбери интеллектуалы мечтали об африканском Возрождении¹².

Хотя Министерство по делам колоний надеялось, что Африка может стать третьей империей Великобритании (большей, чем Америка или Индия), его волновало пробуждение колосса. Уже в 1942 г. Министерство признавало: послевоенная изможденная маленькая Британия не может найти новый подход к африканским владениям. «Концепции империи XIX столетия умерли. Высвобожденные войной силы собираются с большой скоростью... Население в Африке все еще ищет более широкого контроля над собственными делами. Чтобы преодолеть эту опасность, требуется умелое государственное руководство. Иначе мы потеряем Африку, как потеряли Америку в XVIII веке»¹³.

Прогрессивные официальные лица начали в меньшей степени думать в терминах опекунов с устаревшими понятиями, а в большей мере — о партнерстве с африканцами. Они нацелились заменить систему непрямого управления Лагарда через вождей племен формой местной демократии. Через какое-то время ожила идея о том, что империя — это самоликвидирующаяся сущность. Утверждалось, что деколонизация является «кульми-

нацией эволюционного процесса, который можно проследить к концу XVIII столетия»¹⁴.

Это было не только оправдывающее само себя заявление, но обманное. Ведь предполагалось, будто все предприятие — результат грандиозного плана. Чиновники искали прямого доступа к влиянию через упорядоченный переход власти. В регионах вроде Кении и Родезии присутствие общин белых поселенцев делало это невозможным. Но для большинства стран (все они находились в Западной Африке) ключевой вопрос состоял не в том, может ли быть дано самоуправление, а когда оно будет предоставлено. Скорость перемен оказалась крайне важна, поскольку любой неправильный расчет мог привести к коммунистическому мятежу или националистическому восстанию.

Министерство по делам колоний было уверено, что может удержать инициативу, несмотря на фундаментальные противоречия. Критики указывали: поскольку британцы интерпретировали «бремя белого человека» как обучение своих подопечных опыту свободы и демократии, то они будили силы, которые заставят колонизаторов сложить с себя это бремя раньше времени¹⁵.

Пятый Панафриканский Конгресс, который проводился в ратуше Чорлтон в Манчестере в 1945 г., предупредил: в будущем могут оказаться как пули, так и избирательные бюллетени. Конгресс объявил, что африканцам, возможно, «потребуется использовать силу в попытке добиться свободы»¹⁶. Будущие лидеры — Кваме Нкрума, Джомо Кениата и другие — присутствовали на этом конгрессе. Выделялись и идеологи вроде В.Э.Б.Дюбуа и Джорджа Падмора. Последний заявил, что если Рим не смог себя спасти, отказавшись от колоний, Британия может преуспеть, сделав собственные освобожденные колонии основой для нового Содружества¹⁷.

Впервые присутствовали и профсоюзы, и представители рабочих людей. Как сказал Нкрума, требуя свободы, они «выстрелили в неопределенность стремлений сторонников постепенного проведения реформ из нашего африканского среднего класса и интеллигентов»¹⁸. Рабочий класс заострил проблему, стоящую перед Министерством по делам колоний. Как быстро следовало британским африканским колониям стать независимыми участницами Содружества?

* * *

Золотой Берег (теперь — Гана) обеспечил первый ответ на этот вопрос. Его рассматривали в качестве «образцовой колонии»¹⁹, прекрасно расположенной для первопроходческого процесса в Африке. После многих столетий торговли с Европой Золотой

Берег достиг высокой стадии развития. Он процветал благодаря золоту, затем — рабам, затем — пальмовому маслу, а уж после — какао. Это было полностью местное предприятие. К началу Второй Мировой войны из отличных бобов с Золотого Берега делали половину мирового шоколада.

Богатство позволяло получать образование. В XIX веке увеличилось количество миссий, а к 1881 г. пять тысяч детей обучались в 139 начальных школах. Все они были расположены на юге. Африканский рабочий класс появился, когда незначительный контроль британских купцов превратился в колониальную администрацию. Она покорила воинственных ашанти и определила национальные границы.

К 1901 г. страна состояла из трех частей. Четвертая, Западный Тоголенд — подмандатная территория, которая была добавлена после 1918 г.

Во-первых, существовала Береговая колония — расположенный в низине пояс засушливых кустарников, прорезаемых высокими шерстяными деревьями и кокосовыми пальмами. Во-вторых, имелись внутренние районы ашанти в глубине страны. Они состояли из густых тропических влажных джунглей. Король этой местности назывался Ашантен. В-третьих, имелись северные территории — выжженная саванна, по которой протекали реки Черная Белая Вольта. Эту местность высушивал харматтан — холодный и пыльный «ветер белых всадников»²⁰. Он укрывал налетчиков в пустыне и придавал земле или тускло-серый цвет, или огненно-красный. Население было неграмотным, лишенным руководства, по большей части это были язычники. Часто у них на лицах имелись изощренные шрамы. Ашанти называли их одонкос (рабы), а британцы, отметив, что аборигены любят есть вареных (но не потрошенных и не освежеванных) собак и крыс, жаловались: «От этого зрелища выворачивает наизнанку»²¹.

Южная часть Золотого берега была гораздо более развитой. Отчасти это связано с лучшими коммуникациями. К 1903 г. железная дорога ушла далеко на север и достигла Кумаси, расположенного в жаркой и влажной части западно-африканских джунглей. Одновременно стали строиться первые дороги, ведущие во внутреннюю часть страны. В нескольких случаях даже провели эксперименты с гудроновым покрытием. Когда из-за этого у носильщиков возникли проблемы со ступнями, пытались мазать дегтем ступни чернокожих.

Губернаторы приветствовали и другие признаки прогресса. Главный вождь сахов сформировал оркестр из барабанщиков и дудочников, показывая «общее желание аборигенов отказаться от ужасных звуков тамтамов, гонгов и местных рожков в пользу музыки

более цивилизованного характера». Король Мате Коле отказался от традиционных одежд и попросил разрешения носить европейский костюм. Министерство по делам колоний это одобрило, но надменно добавило: «Если король будет носить эту форму, которая кажется чем-то средним между мундирами турецкого генерала и старшего почтового служащего, то ему определенно следует иметь и латунные шпоры на сшитых на заказ кожаных сапогах»²².

Уайт-холл мог быть снисходительным, но при смене столетий недавно сформированное Общество по защите прав аборигенов, зерно националистического движения, сорвало попытку британцев приписать незаселенную землю на Золотом Берегу короне. У населения развивалось западно-африканское сознание и, по словам Мэри Кингсли, тенденция «мыслить, как чернокожие».

Более того, африканцы продолжали занимать высокие должности на государственной службе, как происходило уже с давних пор: в 1850 г. один губернатор провинции оказался наполовину африканцем. Да, белые чиновники во все большей степени сменяли чернокожих по мере того, как достижения медицины делали Западную Африку безопаснее (но ни в коей мере не полностью безопасной). Старуха с косой действовала так активно в 1898 г., что «Стандарт» из Лагоса попросила прислать сменщиков для перетрудившихся могильщиков. Участник клуба из Аккры пожаловался в 1939 г., что единственными физическими упражнениями, которыми он занимался, было «ношение гробов на похоронных процессиях моих друзей. Люди здесь умирают вроде бы без всякой причины»²³. Но к тому времени было достаточно африканских юристов, врачей, священников, журналистов и учителей, чтобы во все большей степени бросать вызов британцам и традиционному порядку с вождями племен. Однако между войнами общество все еще оставалось относительно целостным.

В отличие от Нигерии, Золотой Берег представлялся нацией в процессе создания. Различные этнические группы имели культурное сходство. Основные языки, на которых говорили четыре миллиона человек страны, были связаны, а английский становился «лингва франка» — языком межнационального общения. В расширяющихся прибрежных городах фанти, в старом королевстве ашанти, в разбросанных северных поселениях фрафра имелось общее уважение к предкам, обычаи и обязательства перед родственниками. Наблюдалось всеобщее почтение к владыкам, особенно — к Золотому Трону Ашанти со всеми атрибутами из «золотых колец для ношения на пальцах, серебряным ожерельям, сандалиям-талисманам, зонтикам с гербом, слоновьему хвосту, подушкам для паланкина и т.д.»²⁴ Судя по мифу, этот Трон был доставлен с неба в черной туче и воплощал душу народа ашанти.

Но вожди никогда не становились богами. На самом деле их могли низложить, или «снять с трона» по требованию народа. Так зарождался демократический процесс.

Британцы, которые вначале ослабили местных правителей, стали поддерживали их. Никто не делал этого более рьяно, чем самый популярный губернатор периода между двух мировых войн, сэр Гордон Хаггисберг. Он был высоким и худым, походил одновременно на библейского патриарха, инженера и командира бойскаутов.

Губернатор намеревался вести население Золотого Берега по широкой дороге к прогрессу. Под его руководством они должны были продвигаться вперед «мягко и постепенно, перебираясь через Хребты Трудностей и обходя Болота Сомнений и Предрассудков, к далеким Городам Обещания — Городам Окончательного Развития, Богатства и Счастья»²⁵.

Хаггисберг получал больше вдохновения от Баден-Пауэлла, чем от Беньона. Он начал профессиональную подготовку, а заодно и добился практических улучшений. Губернатор построил глубоководную гавань в Такоради, и это был большой шаг вперед для страны, которая полагалась на прибойные шлюпки. Он же основал колледж для подготовки учителей в Ачимоте, завершил строительство больницы в Корле-Бу, расширил сеть шоссе и железных дорог.

Хаггисберг был евреем, которого белые враги называли «другим ниггеров»²⁶. Он верил в продвижение африканцев на ответственные посты. Но губернатор последовал за Лагардом, предпочитая умудренных опытом старых вождей, а не толковых молодых людей или так называемых «мальчиков с веранды» — бедных юношей, которые спали на верандах городских богачей. Хаггисберг признавал, что является сторонником «бабушкиной администрации», и говорил: «Ее цель — не дать ребенку бегать, пока он не научился ходить»²⁷.

Это клише вызывало гнев и распаляло образованных африканцев. Все большее местных жителей рассматривало колониальное правление в качестве благопристойного фасада, едва ли скрывающего гниль угнетения и притеснения. Типичной в этом смысле была Аккра, где «огромные, вульгарно показательные правительственные здания, с балюстрадами, фронтонами и каменными показными украшениями»²⁸ затеняли муравейник бетонных коробок с крышами из рифленого железа, хижины с соломенными крышами и глинобитные домики, стоявшие среди колдобин и развалин. Несмотря на всю европейскую архитектурную пышность и размах, там не имелось современной системы канализации. Трущобы чернокожих вокруг форта Ушсер перемежались открытыми

сточными канавами, которыми пользовались свиньи и собаки. В бунгало белых в Викториабурге имелись баки со стоячей водой, песчаная почва вокруг сильно загрязнялась. Рабочие, выделенные городским советом (танкас) собирали загрязненную испражнениями почву, после чего ее на поездах перевозили к морю. К отчаянию сэра Алана Бёрнса, который стал губернатором в 1941 г., в его собственном штабе, замке Кристиансбург, имелись только «ночные горшки».

Губернатор быстро установил ватерклозеты, и это стало одной из многих модификаций укрепленного торгового поста, построенного голландцами в XVII веке из камней, доставленных с родины в качестве балласта на рабовладельческих кораблях. Кристиансбург часто менял владельцев, время от времени страдал от землетрясений и даже короткое время служил сумасшедшим домом. Теперь он состоял из группы белых деревянных зданий, расположенных на массивной вершине горы, окруженной крепостным валом, усыпанным ржавыми пушками, где зимородки вили гнезда. Предполагалось, что там живут привидения.

В этом месте было постоянно влажно, поскольку долетали брызги от огромных волн с Атлантики. Кроме строительства птичьего двора тучный, но деятельный Бёрнс сделал мало улучшений. Он ранее работал секретарем и у Лагарда, и у сэра Хью Клиффорда, и ни в коей мере не считался твердым поборником прогресса. Например, этот чиновник терпеть не мог неудачное пристрастие африканцев к европейским танцам, особенно — к «джитгербаг», известному, как «Веселая жизнь»²⁹.

Бёрнсу приходилось справляться с большим количеством волнений и беспорядков среди рабочих в период войны, однако он заметил националистический дух за рубежом. Губернатор отреагировал на это, одновременно пытаясь сохранить инициативу. «Секрет хорошей администрации заключается в том, что всегда нужно быть на один шаг впереди народа, — говорил он. — Дайте им то, что они хотят, но до того, как они поймут, что именно хотят»³⁰. Поэтому Бёрнс убедил осторожное Министерство по делам колоний, все еще «уверенное, что мы располагаем неограниченным временем для работы в Африке»³¹, продвигать аборигенов Золотого Берега в местные и центральную администрации. И в 1946 г. он обеспечил новую конституцию, позволившую выбрать восемнадцать членов его Законодательного совета из тридцати человек. (Правда, большинство этих новых депутатов выбирались не напрямую, а назначались вождями).

У губернатора оставалось достаточно резервной власти. Однако африканцы теперь оказались в большинстве, они сделали значительный шаг к самоуправлению. Бёрнс надеялся предупредить

проблемы, которые может создать образованная элита. Он признавал: «Они менее сговорчивы, менее охотно соглашаются на наши предложения, менее дружелюбны и в меньшей мере хотят считать нас суперменами»³².

«Люди на самом деле счастливы, — хвастался Бернс. — Они счастливы и удовлетворены новой конституцией»³³. Он рассматривал ее в качестве результата своего напряженного труда. Конечно, Министерство по делам колоний продолжит «показательную работу строительства нации»³⁴. Африканцев будут постепенно обучать, чтобы они могли заполнить государственные должности. Белые администраторы во все большей и большей степени станут играть роль советников, а не исполнителей. Но это будет существенная и трудная роль.

Цитируя Гиббона, Бёрнс сравнивал британцев с римским чиновником, честность и неподкупность которого гарантировалась исключением его из провинций, где «он имел интересы или какие-то привязанности».

Золотой Берег не мог легко отделаться от диктаторства. В 1947 г., вернувшись в Лондон, Бернс отверг предположения, что «наша империя идет к концу, а колонии хотят жить сами по себе»³⁵. Но ложность этого заявления показали растущие беспорядки на Золотом Берегу. Причин было много, в основном, инфляция, высокие цены на продукты питания, обязательная вырубка деревьев какао при появлении набухших пораженных участков в целях контроля за распространением болезни, безработица среди семидесяти тысяч демобилизованных. Более того, интеллигенция опасалась, что новая конституция станет препятствием, а не мостом к независимости.

Под предводительством либерала-юриста Джозефа Данкуа они сформировали Объединенный конвент Золотого Берега — движение, которое требовало предоставления самоуправления в самые короткие сроки³⁶. Это едва ли звучало в виде призыва на баррикады. Но новый секретарь стимулировал и оживил Объединенный конвент. У этого человека отдыхом являлась работа, его мечтой было (как сказала Элпет Хаксли) основать великую Африканскую империю, в которой он сам станет Цезарем³⁷.

Его звали Кваме Нкрума. Он был сыном золотых дел мастера из Кот-д'Ивуара, ходил в колледж в Ачимоте и говорил своим друзьям: «Если мне не удастся освободить свою страну, похороните мне заживо»³⁸. Нкрума учился в университете Линкольна в Пенсильвании, зарабатывая на обучение мойщиком посуды, посыльным в гостинице, производителем мыла и торговцем рыбой. Из-за того, что ему было негде ночевать, он иногда спал в поездах метро, катаясь между Гарлемом и Бруклином.

Среди прочих предметов Нкрума изучал теологию. Он читал проповеди в негритянских церквях, улучшил дикцию путем замены редких передних зубов на искусственные. Когда мать снова увидела его, то не узнала.

В 1945 г. в возрасте тридцати шести лет Нкрума уехал из США в Соединенное Королевство, чтобы вести крестовый поход против империализма в сердце Европы. Он носил серые костюмы, отличался спокойствием, но был революционером. Романист Ричард Уайт говорил о нем, как о «худощавом, черном, словно уголь; с крупным лицом, с задумчивыми, почти что испуганными глазами, полными, мягкими губами. На его голове выделялись густые курчавые волосы. Руки этого человека двигались медленно, но беспокойно, отражая сдерживаемое напряжение».

Когда он вернулся в Золотой Берег в 1947 г., ничто не могло скрыть тот факт, что Нкрума возложил на себя миссию по изгнанию европейцев из Африки³⁹.

Его пыл и энтузиазм беспокоили юристов из среднего класса и процветающих бизнесменов из Объединенного конвента Золотого Берега — особенно, когда он обращался к ним как к «товарищам». Они хотели представителя, который станет продвигать их претензии на то, чтобы стать правителями Золотого Берега, а Нкрума, судя по всему, нацелился сделаться еще одним Лениным. Британцы думали, что он скорее напоминает Сталина, организуя диктаторство секретариата, хотя они обвиняли этого политика в «обезьяньем подражании Гитлеру»⁴⁰.

Он, несомненно, был марксистом. Нкрума считал, что империализм — это последняя стадия капитализма, жестокая форма экономической эксплуатации, против которой должны восстать колонии. И он надеялся использовать интеллигенцию Объединенного конвента Золотого Берега в качестве авангарда в борьбе против чужеземного влияния⁴¹.

Но он был христианским марксистом. На собраниях его сторонники пели «Вперед идут христианские солдаты». На Нкруму повлиял Ганди, он отказывался от яростной революции. Вместо этого лидер выступал за политику политического образования, организации, а через какое-то время — за мирный отказ от сотрудничества. Используя Объединенный конвент Золотого Берега в качестве своей базы, он обращался к широкому кругу избирателей — клерков, фермеров, занимающихся выращиванием какао-бобов, учителей начальных школ, рыночных торговцев, ремесленников, бывших солдат, молодых мужчин и женщин. Но даже когда Нкрума пытался мобилизовать эти недовольные классы и ездил по стране на ветхом автомобиле, они выплеснули свое недовольство в бойкоте слишком дорогих европейских товаров. Это привело к спонтанным мятежам.

28 февраля 1948 г. две тысячи человек пошли маршем к губернатору в замок Кристинсбург. Среди них оказались и бывшие солдаты. Люди хотели представить петицию губернатору, но столкнулись с полицией. Когда приказ старшего полицейского Имрая стрелять в бросающую камни толпу проигнорировали, он сам схватил винтовку, убил двоих человек и ранил еще нескольких. В дальнейшем комиссар похвалил его за «очень хорошее шоу». Однако выстрелы обратили демонстрантов в бегство. Некоторые из них фактически пробежали по овальному крикетному полю во время европейского матча — как записал старший полицейский, «к ужасу и отвращению игроков, судей и болельщиков»⁴².

Тем временем беспорядки в центре Аккры быстро перешли в «дичайшие эксцессы насилия толпы, кровопролитие, грабежи и поджоги». Десятки тысяч людей носились по улицам. Они напивались украденными спиртными напитками из магазинов на Кингсвей, атаковали европейцев, переворачивали и поджигали машины, разбили ворота тюрьмы Ушер-форт и освободили некоторых заключенных. Когда насилие перекинулось на другие города и количество смертей выросло до двадцати девяти, губернатор запаниковал, опасаясь коммунистического переворота. Он объявил чрезвычайное положение, призвал подкрепление и арестовал лидеров Объединенного конвента Золотого Берега. Среди них оказались Данква и Нкрума. Их вскоре освободили, чтобы они дали показания проводившей расследование комиссии, которую возглавлял барристер Айкен Уотсон.

Комиссия сообщила: цель Нкрумы — создать Союз Западно-Африканских Советских Социалистических Республик. Обвинение было фальшивым, но оно подтвердило: Нкрума — самый радикальный националистический лидер Золотого Берега. Более того, комиссия Уотсона заявила: конституция Бёрнса, задуманная как высшая точка просвещения два года назад, «устарела с момента появления»⁴³. Ее следовало пересмотреть, чтобы предоставить способным африканцам должную роль в управлении страной, которой плохо служило колониальное правительство, полагающееся на феодальных вождей племен.

Министерство по делам колоний жалила критика, его шокировали предложения таких безрассудных перемен. Но беспорядки вызывали лихорадочное беспокойство: Золотой Берег может обернуться еще одной Бирмой или Палестиной. В 1949 г. министр по делам колоний Крич Джонс назначил нового губернатора — сэра Чарльза Арден-Кларка. Очевидно, он хорошо подходил для этой должности. Этот чиновник начинал службу в Западной Африке и только что вернулся из диких местностей Саравака, где ему требовались «мощная голова, асбестовый желудок и железная задница».

Крич Джонс предупредил его: «Золотой берег находится на грани революции. Мы можем его потерять»⁴⁴.

Казалось, Нкрума нацелен играть Робеспьера при Мирабо — Данкве. Идеалист-секретарь Объединенного конвента Золотого Берега стал более агрессивным. Он публиковал зажигательные газетные статьи и проводил собрания, где его магнетическая личность и театральное представление производили впечатление даже на тех, кто не мог понять, что этот человек говорит. Он приукрашивал миф Данквы об идиллическом государстве Гана, которое тянулось от Тимбукту к Атлантике в Средневековье, а теперь порабощено европейскими империалистами. Нкрума убеждал молодежь требовать «самоуправления сейчас»⁴⁵. Демонстранты выкрикивали две буквы (первые буквы указанных выше слов) в лицо полицейским в Аккре и районным комиссарам в сельской местности.

В июне 1949 г. Объединенный конвент Золотого Берега уволил Нкруму с занимаемой должности. Он ответил на это учреждением конкурирующей организации — Народной партии конвента. Она критиковала бесхребетность политики Объединенного конвента, а его участников называла марионетками. Данква, невысокий и толстый, надменный и умеющий хорошо выражать свои мысли, поносил Нкруму — выскочку, ренегата и мелкого тирана.

Британцы были столь же враждебны, считая Нкруму «холодным, скучным, напряженным индивидуалистом, оскорбительно циничным и повторно виновным в обмане собственных благодетелей и союзников»⁴⁶. Но Народная партия конвента стала магнитом для милитаристов — и для «санкюлотов» с начальным образованием, которые восстали против племенного «старого режима», и для говорящего на английском плебса, восстающий против нового класса патрициев, представляемых Данквой.

Такие уважаемые лидеры были как раз теми, кого Арден-Кларк пытался поддержать после приезда. Он попытался остановить подъем Народной партией конвента. Но Нкрума резко отреагировал, когда африканская комиссия, включающая Данкву, предложила новую конституцию, которая даст должности большему количеству чернокожих, но оставит белых у власти. Он отверг этот план, как мошеннический и фальшивый⁴⁷, призвав к гражданскому неповиновению. «Попомни мои слова, мой дорогой человек, — предупреждал его один британский чиновник, — в течение трех дней люди тебя подведут»⁴⁸. Чиновник говорил, что африканцы никогда не станут поддерживать Нкруму, как индусы поддержали Ганди.

Но в январе 1950 г. началась всеобщая забастовка, которая поддерживалась запугиванием, призывами и убеждениями. В резуль-

тате остановились поезда, закрылись магазины, был парализован бизнес, правительственные службы прекратили деятельность. При помощи комендантского часа и других чрезвычайных мер Арден-Кларк вскоре подавил последовавшие беспорядки. Более того, полиция подчинилась его приказу: «Должны быть дубинки, но никаких пуль, окровавленные пиджоны, но никаких трупов»⁴⁹. Они арестовали большую часть лидеров Народной партии конвента, включая самого Нкруму. Им быстро вынесли приговор и отправили в Джеймс-форт в Аккре. Там к ним относились как к обычным преступникам, кормили маисовой кашей, кукурузой и вареной маниоккой. Однако Нкрума придерживался своей привычки голодать по два дня в неделю. Он и десять его товарищей делили одну камеру, в которой кроме них находились только тараканы, спальные матрасы и вонючее ведро. Черный якобинец удерживал контроль над своей организацией, контрабандным путем передавая послания, написанные на туалетной бумаге.

Многочисленные подразделения Народной партии конвента активно действовали по всей стране, разбив надежды Арден-Кларка на то, что партия умеренных взглядов сможет «никуда не допускать этих мерзавцев»⁵⁰. Кандидаты Нкрумы с большим преимуществом победили на муниципальных выборах в 1950 г. Вот тогда некоторые британцы увидели «красную тень над Золотым Берегом». Это было название известной статьи в лондонской «Дейли Телеграф», где партия Нкрумы изображалась в виде порождения зловещего альянса между Политбюро и заклинателями Черной Африки⁵¹.

Но Народная партия конвента, которая проводила кампанию во время всеобщих выборов, организованных в соответствии с новой конституцией, в действительности больше напоминала конгрегацию евангелистов. Эти люди проводили «праздники урожая»⁵², чтобы собрать денег, молились, чтобы участники партии были освящены через истину, повторяли максимуму Нкрумы: «Вначале ищите политическое царство, а тогда все остальное прибавится вам»⁵³. Сторонники произносили нараспев «Си-Пи-Пи» (аббревиатуру Народной партии конвента) и «свобода». Они салютовали поднятыми руками с выставленными вперед ладонями. Они демонстрировали цвета партии — красный, белый и зеленый. Эти цвета появлялись на флагах и шелковых одеждах. Участники движения проводили сложные ритуалы. Некоторые носили на головных уборах буквы «PG», что означало «выпускники тюрем» (о том открыто объявлялось всем).

Ораторы обещали рай на земле: бесплатные школы, дешевый керосин, больше больниц, ровные дороги, механизированное сельское хозяйство, изобилие картофеля и бананов, государство всеобщего благоденствия, самоуправление сейчас. Они говорили:

если люди проголосуют мудро, то Господь спасет Гану от империалистов. В феврале 1951 г. Народная партия конвента получила тридцать пять из тридцати восьми мест в результате всеобщего голосования. Нкрума одержал сокрушительную победу в Аккре. Арден-Кларк быстро выпустил его из тюрьмы, опасаясь, что в противном случае Золотой Берег охватят беспорядки, насилие и кровопролитие⁵⁴.

Новый «выпускник тюрьмы» рассказал, как его несло, словно корабль по морю, мимо смотрящих вверх людей, когда он проводил традиционную искупительную церемонию. Нкрума семь раз вступил в кровь жертвенной овцы, чтобы очиститься от «загрязнения тюрьмой»⁵⁵. В замке Кристиансбург он впервые встретился с Арден-Кларком и, не держа зла за свое заключение в тюрьму, принял должность лидера правительства (в 1952 г. титул поменяли на премьер-министра). У этих людей сразу же установилось взаимопонимание. Прагматичный чиновник проникся идеализмом живого и деятельного политика. Но в действительности демократическая победа Нкрумы на выборах произвела революцию в уме губернатора. Он понял: вождь Народной партии конвента был, как выразился Арденн-Кларк, единственной собакой в своей конуре.

Нкрума повлиял на своих соотечественников даже с точки зрения внешности. «Они стали ходить по-другому, стояли прямо, стали выше держать головы, выглядели гордыми, независимыми людьми»⁵⁶. Поэтому Арден-Кларку пришлось приспосабливаться к живости Нкрумы. Правда, хозяева в Лондоне думали, что он «заходит слишком далеко и движется слишком быстро»⁵⁷. Но у них имелось мало вариантов для выбора.

Арден-Кларка считали «одним из тузов в колоде Министерства по делам колоний». И он заявлял, что операцию по предоставлении Гане независимости нельзя проводить поспешно, более того, назвал операцию «Кунктатор»⁵⁸ в честь римского полководца Фабия Максима, который получил свою кличку из-за тактики отсрочивания, примененной против Ганнибала. [*«Cunctator»* – медлительный, осмотрительный, осторожный человек (лат.) – *Прим. перев.*] Выяснилось, что целеустремленный человек на месте может сыграть решающую роль в ликвидации империи, как раньше делал это при ее расширении империи. Между 1951 и 1957 гг. Арден-Кларк стал главным поборником «творческого отречения»⁵⁹ среди губернаторов колоний. «Гана Ивнинг Ньюс» называла его «человеком, который пришел, увидел... и пошел на компромисс»⁶⁰.

Творческое принятие власти, как выяснил Нкрума, оказалось точно столь же трудным и щекотливым, оно требовало осторожности. Народная партия конвента боролась за немедленную не-

зависимость, а ее лидеру теперь приходилось добиваться свободы путем переговоров. Они потребовали такта и тактики. Лидер опасался империалистического зла, пытался запретить братание, чтобы его сторонников, которые сопротивлялись британским «методам сильной руки», не совратили «вечеринки и коктейли»⁶¹. Пришлось ему полагаться на белых гражданских служащих, некоторые из которых демонстрировали недовольство и неприязнь, другие хотели пораньше уйти в отставку, и все прежде всего оказывались верны короне. Его собственная партия привыкла к культуре «Даши» — взятки и изъятие. Она опустилась до свирепствующего взяточничества. Как выяснила «Ми-5», сам Нкрума собирал деньги благодаря контрабанде алмазов⁶².

Экономика все еще оставалась по большей части в руках европейцев, и ни одни из них не оказывались более загребушими, чем руки генерала сэра Эдварда Спирса, руководившего золотыми приисками ашанти. Он заявлял, что любит Нкруму и восхищается им, говорил об африканском лидере, как об обладающем творческим воображением, энергичном, восприимчивом и умном человеке⁶³. Но когда генерал посещал премьер-министра, он всегда приносил заводные игрушки — обезьяну, которая била в цимбалы, клоуна, выдувавшего мыльные пузыри, льва, который мигал глазами и рычал⁶⁴. Очевидно, Нкрума смеялся над этими игрушками, чтобы позабавить Спирса. А тот показал свою истинную сущность, отдавая должное представителям Западной Африки, которых внезапно бросили в современный мир: «После первого ощущения удивления, когда они прекратили поражаться, проявления цивилизации стали обычным делом. На самом-то деле удивление уже сменялось желанием творить чудеса, пусть даже и на одно мгновение. Какое-то время это желание напоминает стремление ребенка, который требует поразительную машинку, не осознавая опасностей и не понимая ее механизм»⁶⁵.

Спирс был раздражительным и капризным реакционером и старым другом Уинстона Черчилля. Он особенно настаивал на том, чтобы ни одного африканца не подпускали к рычагам власти на золотых приисках ашанти. И генерал был нацелен на то, чтобы как можно меньше их прибыли шло Золотому Берегу, а поэтому пытался разделить правление традиционным образом. Нкруму ничто не пугало, и он старался создать современное государство. Лидер работал так, словно в него вселились фурии.

В стране, где распространены тропические болезни, он до 1957 г. построил девять новых больниц, хотя привел в ярость жителей Кумаси тем, что попытался назвать одну из них в честь себя самого. В стране, где 80 процентов населения было неграмотным, Нкрума удвоил количество учеников начальных школ. В стране, где сель-

ское хозяйство оказалось ослабленным из-за долгов, он ссудил фермерам 1 миллион фунтов стерлингов под низкие проценты. В стране, мучимой тем, что британский районный комиссар называл «колдовством, мерзким, словно слизь в мангровом болоте»⁶⁶, лидер даже попытался избавиться от предрассудков. Это были сомнительные усилия, потому что он сам, когда-то ставший кандидатом в иезуиты, изучал оккультизм, консультировался с оракулами и почитал духи своих предков. Но съёмочная бригада колониальных войск показала деятельность жреца, проводившего магические обряды. Они сделали поразительные кадры. Им помогал сын жреца, которому заплатили. Молодой человек больше не верил во всех этих идолов, заклинания и колдовство, поскольку стал католиком, ему требовались деньги, чтобы доставить больную жену в Лурдес.

Зато Нкрума позволил культу его собственной личности принять характер национальной веры. Его приветствовали словами «Солнце Ганы», «Звезда Африки», «Человек Судьбы», «Чудесный Юноша», хотя обычным титулом был «Осагьефо» — «Победитель» или «Избавитель»⁶⁷. Выйдя из «Кадиллака» или «Ягуара», он садился в белый паланкин под большим зонтиком, выполненным из бархата государственных цветов — красного, белого и зеленого. Так его и несли. Как говорил Данква, он представлялся «священным ангелом нации и святым самоуправления»⁶⁸. Элспет Хаксли заметила: похоже, Нкрума играл роль мученика-спасителя. Она же отмечала «сладострастное, чувственное выражение лица и следы недовольства, а также обидчивости “примадонны”»⁶⁹.

Возможно, Нкрума стал верить собственной пропаганде. В частных беседах он сравнивал себя с Христом и говорил о неизбежности обожествления⁷⁰. На граммофоне он проигрывал только «Аллилуйю» из «Мессия» Генделя. Но лидер наделил себя и духовной властью, чтобы бросать вызов вождям племен. Так он получил голоса на выборах и осложнил для Британии сопротивление продвижению к независимости. Это лучше всего отражено в его «Движении Судьбы», предложенном Законодательному собранию 10 июля 1953 г.: «Старые концепции империи, покорение, доминирование, эксплуатация быстро отмирают в пробуждающемся мире. Среди колониальных народов имеется обширный резервуар миролюбия и доброй воли по отношению к Великобритании. Он открыт, если она сбросит с себя вышедшие из моды, проеденные молью наряды двухвековой давности, представ перед своими колониальными народами в новом и сияющем одеянии, если она протянет нам направляющую руку в разработке наших судеб»⁷¹.

Эта рука уже была протянута. Министерство по делам колоний не собиралось рисковать крупным столкновением с Нкрумой. Оно

примирилось с кабинетом, состоящим из одних африканцев, если Народная партия конвента выиграет всеобщие выборы. Партия выиграла. Министерство по делам колоний выдало любопытную метафору, которая, как кажется, очень понравилась чиновникам. Оно одобрило «выбрасывание почти всего волкам — но до того, как они схватят политические сани, несущие полное самоуправление»⁷².

Отложило эту развязку не столько британское нежелание, сколько свирепость и резкость ашанти. После того, как красный петушок Народной партии конвента показал себя самым сильным символом на участках для голосования, отреагировала тропическая центральная часть Золотого Берега — самое сердце страны. Вожди протестовали против разбойничьего диктаторства Аккры, они присоединились к крестьянам, которым все еще отказывали в справедливой цене за их какао. В результате сформировали Национально-освободительное движение, которое ставило своей целью утверждение власти ашанти.

Инаугурация прошла 19 сентября 1954 г. Примерно сорок тысяч человек собралось в парке Принца Уэльского в роскошном саду Кумаси, где приятную тень создавали деревья окуме. Люди били в барабаны, стреляли из мушкетов и выкрикивали воинские кличи. Флаг ашанти (зеленый — символизировал леса, золотой — природные богатства, черный — троны) был украшен бобом какао и дикобразом — эмблемой военной машины страны. Иголками дикобраза готовы были стать молодые люди, жаждущие пролить кровь Народной партии конвента. Они были легкомысленны и одновременно агрессивны, жевали орехи кола, а не плоды бетельной пальмы. Эти африканцы любили одеваться в «киношную версию костюмов американских ковбоев, черный сатин с белой окантовкой, носили черные техасские сапоги на высоких каблуках, с яркими заклепками, которые формировали буквы «NLM» и слова «Король Сила»⁷³. [«NLM» — аббревиатура от «Народно-освободительное движение». — *Прим. перев.*]

Новые воины ашанти расстреливали оппонентов, жгли их машины и взрывали их дома, чем раздули серьезный гражданский конфликт. Они даже бросали камни в губернатора, на которого справедливо смотрели, как на союзника Нкрумы. Это случилось, когда он прибыл в Кумаси. Но в начале они, судя по всему, держали плакат со словами: «Мы ничего не имеем против королевы, пусть ее благословит Господь»⁷⁴. Возможно, Арден-Кларк приукрасил этот рассказ ради своей монархии, потому что относился к британскому трону с таким же почтением, как ашанти — к Золотому Трону. Нкрума определенно не воспринял беспорядки всерьез, хотя они больше походили на национальное восстание, а не на

волнения племен или партийную борьбу. Его газеты отмахивались от насилия, называя его чикагским гангстерством, ругали лидеров Национально-освободительного движения — феодальных реакционеров и инфантильных какао-политиков. Сам «Осагье-фо» призвал молодых людей сделать Золотой Берег раем: «Чтобы, когда святой Петр откроет жемчужные врата, мы сидели в раю и смотрели, как наши дети летают на своих самолетах и командуют собственными армиями»⁷⁵.

В отличие от него министр по делам колоний Алан Леннокс-Бойд был обеспокоен кампанией Национально-освободительного движения и внимательно отнесся к его требованию федеральной конституции, которая остановит рост автократии Нкрумы. Леннокс-Бойд всю жизнь относился к «тори» правого крыла. Представитель левого крыла Майкл Фут говорил о нем, как о «младшем бесенке, который так никогда и не вырос — этакий Питер Пэн из «Лиги подснежника»»⁷⁶. [Питер Пэн — герой пьесы Джеймса Барри, «вечный ребенок»; «Лига подснежника» — консервативный союз, основанный в 1883 г. в честь Дизраэли. — *Прим. перев.*]

Леннокс-Бойд инстинктивно склонялся к откладыванию отступления империи. Несмотря на склонность поддерживать губернатора, он выбрал традиционную мудрость Уайт-холла: мол, Золотой Берег не более готов к независимости, чем его дочь-подросток готова получить вошедший в поговорку ключ от дома⁷⁷. Поэтому он воспринял проблемы ашанти, как возможность настоять на еще одних выборах в 1956 г.

Нкрума, который искал компромисс с непреклонным и непримиримым Национально-освободительным движением, гневно подчинился. Он опасался результата. Но Национально-освободительное движение не могло распространить свое влияние значительно дальше региона ашанти. И даже там Народная партия конвента показала поразительно хорошие результаты, завоевав в целом 71 из 104 мест в Законодательном собрании. Леннокс-Бойду пришлось принять рекомендации Арден-Кларка о том, что ему следует назначить дату окончания британского правления. Иначе придется столкнуться с бойней.

Министру по делам колоний удалось достигнуть слабой степени региональной автономии, и это должно было удовлетворить народ ашанти, который ожидал от него спасения от Нкрумы. Во время визита в Кумаси министр испытывал смешанное чувство гордости и позора. Там его встретили 100 000 печальных людей. Леннокс-Бойд прочитал их плакаты. Люди просили: «Британцы, не уходите!» Они говорили: «Мы не хотим независимости»⁷⁸.

В полночь 5 марта 1957 г. они получили независимость. На празднованиях лидировала Аккра. Арден-Кларк сказал: благо-

даря роскоши декораций и появлению принцессы Александры, город приобрел «магические качества волшебной сказки»⁷⁹. Среди присутствующих иностранных высокопоставленных лиц были два американца очень разных убеждений — Мартин Лютер Кинг-младший и вице-президент Ричард М. Никсон. Личным гостем Нкрумы стал Кинг, который выступил с убедительной речью, осуждая расовое насилие на юге США. Эхом повторяя эйфорию хозяев, пригласивших его в Гану, Никсон похлопал одного человека по плечу и спросил, как он себя чувствует на свободе. «Я не знаю, сэр, — прозвучал знаменитый ответ. — Я из Алабамы»⁸⁰.

Золотой Берег получил свободу, поскольку сильный лидер возглавлял партию, которая, очевидно, выражала национальную волю. Но, придя к власти, Нкрума полностью использовал свободу, которая (как он часто говорил) происходила из независимости — свободу совершать ошибки. Он быстро отказался от демократических практик и подорвал гражданские свободы, провел репрессивные меры, давил оппозицию, контролировал прессу и радио, подрывал правление закона. В конце концов, лидер превратил Гану в коррумпированную деспотию. При этом страна дошла до грани банкротства, как писал генерал Спирс: «В основном, это произошло из-за неоправданных экстравагантностей и программы повышения личного престижа, которые проводил доктор Нкрума»⁸¹.

Это справедливое замечание. Как отмечали жители Ганы, мегаломания Осагьефо росла по мере того, как уменьшалась его харизма. Он основал свою собственную идеологию — нкрумаизм. Его статуя стояла перед парламентом, а имя светилось неоновым светом. Его профиль украшал марки и банкноты. На монетах красовалась голова Нкрумы в ореоле из надписи на латыни: «*Kwame Nkrumah, civitatis Ghanensis conditor*» («Квама Нкрума, основатель государства Гана»).

Вскоре другие самопровозглашенные основатели новых африканских государств начали соответствовать Нкруме в диктаторстве или даже превзошли его, обеспечив Спирса и иже с ним ретроспективным доказательством в защиту имперского правления. Но, если вспомнить работорговлю и апартеид, это правление всегда было авторитарным, а часто — жестоким. При бельгийском короле Леопольде, если процитировать худший пример, Конго потеряло, вероятно, десять миллионов человек — половину населения. Это превзошло все, совершенное Жозефом Мобуту — так называемым «заирским Калигулой»⁸². Более того, строители империи прорезали искусственные границы на поверхности континента, уже страдающего от засухи, голода, изоляции, необразованности, бедности и болезней. Они навязали геометрические схемы белых

аморфным пейзажам черных, проведя границы, которые разрезали племенные сообщества, этнические союзы и лингвистические единства.

Вводя чужеземную власть, религию, образование и торговлю, белые подрывали старые культурные и социальные структуры. Конечно, африканцы не стали беспомощными пленниками своего колониального прошлого, они оказались хозяевами своей собственной судьбы. Но к середине XX века их государства были готовы к внутренней борьбе. После того, как прекратился европейский контроль, они колебались между анархией и тиранией, редко находя демократическое равновесие. Даже в Гане район ашанти и северные территории агитировали за отделение, народ эве хотел собственную родину, другие группы вроде иммигрантов-мусульман (зонго) сопротивлялись интеграции.

Другие страны, тоже созданные имперскими державами, оказались гораздо менее компактными и гораздо сильнее разделенными. Там отсутствовали многие дополнительные преимущества Ганы. Но Золотой Берег таким быстрым шагом двинулся к независимости, что Британия была вынуждена сдерживать темпы в других регионах на континенте.

* * *

Западная Африка, свободная от белых поселенцев, двигалась вперед быстрее. В течение трех лет Нигерия последовала по стопам Ганы, хотя представляла собой чуть больше, чем географический термин. Самая большая страна в тропической Африке обладала истинным внутренним единством. Как Галлия (или Гана) она была разделена на три части. Тридцать миллионов граждан, которые к началу 1950-х гг. составляли треть оставшихся подданных империи, были неравно разделены в три главные группы. На огромной холмистой равнине мусульманского севера жили пасторальные фулани. Это были захватчики из Сахары, которые теперь перемешались с покоренными хауса. Они отличались бронзовой кожей и орлиными носами. В болотах и лесах на юго-востоке, где муха цеце убивала скот и лошадей, жили ибо, разделенные на бесчисленные деревенские общины. Наконец на юго-западе были владения йоруба, где города вроде Ибадана, Иво и Бенина являлись свидетелями былой мощи королевств, уничтоженных столкновениями с жаждавшей рабов Европой.

Но простое описание трех частей не дает представления о сбивающем с толку разнообразии страны. Северные территории были столь же чужеродными для южных, как Китай для Европы. По словам Джулиана Хаксли, культуры различались от «уровня

неолита до чего-то, примерно соответствующего нашему Средневековью»⁸³.

На самом деле Нигерия являлась самой разнообразной страной в Африке. Это была этническая мозаика, культурное лоскутное одеяло и «лингвистический перекресток»⁸⁴. Войны и миграции тщательно перемешали население севера, где сосуществовали канури, нупе, тив и множество других племен. Многие из них были язычниками. Когда один окружной комиссар, пытаясь получить клятву, спросил свидетеля, во что он верит, тот ответил: «Все зависит от того, где я нахожусь»⁸⁵.

Юг был в большей мере христианским, но едва ли более единым. Церкви соревновались с лавками заклинателей с амулетами и фетишами, которые шокировали белых посетителей. Там предлагались овечьи мускульные желудки, змеиные зубы, крылья летучих мышей, собачьи лапы, кишки попугаев, высушенные пенисы обезьян. Элспет Хаксли нашла характерный образ для выражения ее ужаса от своеобразного изобилия Лагоса: «Совершенно обнаженная человеческая жизнь, просто человеческое существование, которое кишит, разрастается и размножается с пугающей плодотворностью бактерий»⁸⁶.

Но лучшей мерой для состояния «постоянно размножающейся» Нигерии были 250 языков, на некоторых из которых говорило менее тысячи человек. Когда губернатор выступал с речью в одном городе, то с удивлением обнаружил, что его три переводчика переводят его слова на шесть языков.

В теории британское правление гармонизировало нигерийские разногласия. Оно установило закон и порядок, ввело свободную торговлю, создало сеть шоссе и железных дорог, ввело общую валюту вместо джина, кусков железа, раковин каури или талеров Марии Терезии. По словам Марджори Перхам, строители империи установили надстройку, подобную «огромной стальной решетке над аморфной целлюлозной тканью племенной Африки. Сотни независимых и часто враждебных сообществ удерживались внутри ее ячеек в мире»⁸⁷.

На самом-то деле британцы приобрели Нигерию силой, установили ее границы, продвигаясь вперед, и поддерживали ее целостность, разделив на части. Великобритания захватила Лагос после тяжелых боев в 1851 г. и установила протекторат в дельте в 1885 г. А пятнадцать лет спустя она прибрала к рукам права «Королевской нигерийской компании» на обширные внутренние районы.

Несмотря на усилия Лагарда, колониальные администрации принимали много форм. Британцы никогда не отличались четко сформулированными положениями конституции. Они просто подрывали существующие структуры власти. В этом процессе

помогали торговцы, деморализуя население крепкими спиртными напитками, которые обеспечивали половину налоговых поступлений государства. Заодно пособничали и миссионеры, атакуя полигинию (которая объединяла семьи), поклонение предкам (что цементировало сообщества), церемонии инициации (что обучало молодежь) и другие творческие изобретения. Особенно проклинались танцы — «смесь крестьянских плясок с картин Брейгеля и безумия»⁸⁸. Наиболее известный роман Чинуа Ачебе — это оплакивание разрушения клана его героя. Белые люди «ножом резали то, что удерживало нас вместе, мы отделились друг от друга»⁸⁹.

Колониальные чиновники отражали взаимный антагонизм своих регионов и часто враждовали или просто не ладили друг с другом. Говорили, что если всех нигерийцев изгнать из страны, то британские администраторы на севере пойдут войной на тех, что на юге.

Поэтому национализм прорастал и выкристаллизовывался медленно, а верность людей по сути носила местный характер. Она была направлена на семью, клан и район. Миллионы жили и умирали, не зная, что они нигерийцы, тем более — что они являются подданными Британской империи. Они редко, если вообще когда-либо видели белое лицо, даже когда европейцы начали путешествовать на велосипедах и «Фордах» вместо того, чтобы качаться в гамаке и плавать на каноэ. Когда появились районные комиссары, они нашли, что сложно установить отношения и добиться взаимопонимания с настолько различными лингвистически людьми. Одному удалось это сделать, только проигрывая на портативном граммофоне пластинку «Смеющийся полицейский»⁹⁰.

Нигерийцы проводили всю жизнь, пытаясь получить от земли средства к существованию, борясь с землей, которая, как казалось, порождала библейскую чуму (в стране насчитывалось 750 000 прокаженных). В 1952 г. менее 10 процентов населения было грамотным. Этот показатель снижался до 2 процентов на севере.

Здесь колониальные власти удерживали феодальное владычество в «окаменелом» состоянии, «герметично запаянном»⁹¹ от остальной страны. Южане, по большей части мигранты ибо, которые выполняли работу, требующую квалификации (становились клерками, владельцами магазинов, железнодорожными служащими и т.д.) изолировались в кварталах для чужеземцев, перед красными стенами городов типа Кано и Сокото. Христианские миссионеры туда не допускались. Исламские традиции уважали, в том числе и затворничество женщин, которое соблюдалось очень строго. Не было женщин-учительниц и медсестер, и только проститутки могли претендовать на профессиональную деятельность. До 1930-х гг. британские чиновники даже заставляли своих жен закрывать лица на публичных мероприятиях.

Эмиры, властелины с украшениями из драгоценных камней, благоухающие ароматическими маслами, одетые в вышитые белые наряды и большие тюрбаны цвета индиго (которые чистили, отбивая, после чего они светились металлическим блеском), отвечали на уважение в обществе и хорошее обращение политической преданностью. Как индийские принцы, они подчинялись советам. В ответ британцы предотвращали убийства, которые в прежние времена примешивались к их деспотизму. Как бы плохо эти правители ни относились к собственному народу, они обычно могли рассчитывать на поддержку местных чиновников. «Что?! — воскликнул один старший комиссар, обращаясь к подчиненному, который хотел убрать одного мелкого тирана в провинции. — Низложить вождя второго класса? Боже упаси!»⁹²

Объединив Нигерию, британцы разделили ее, чтобы цементировать свое правление. Они нашли консервативный север наиболее уступчивым, подходящим, податливым и даже родственным. Колонизаторы чувствовали природное родство с игравшими в поло аристократами-фулани, близость к их доминирующим качествам — мусульманскому чувству собственного достоинства, вежливости и смелости»⁹³.

Но едва ли менее податливыми между двух войн были амбициозные ибо и гордые йоруба с юга. Правда, время от времени беспорядки мешали спокойствию. Особенно это касается выступлений членов секты, ожидающей наступления тысячелетнего царства Христа, а также протестов женщин из-за налогообложения, которые стоили более тридцати жизней в 1929 г.

Но у нигерийцев не было оснований для недовольства и жалоб, как у пришедших в упадок африканских колоний с белыми европейскими поселенцами. Не имелось открытого конфликта между белым капиталом и черной рабочей силой, что определенно произошло бы, если бы мыльному магнату лорду Леверхулму, который предпочитал относиться к африканцам, как к детям, позволили бы приобрести плантации масляничных пальм.

Не было и организованного сопротивления британскому правлению, которое мало оскорбляло достоинство нигерийцев. Посетители из Найроби или Кейптауна удивлялись, обнаружив: «Гордые, уверенные в себе люди с черной кожей и негроидными лицами ходят по улицам в ярких свободных одеждах, словно Лагос и его окрестности, рынки и здания официальных учреждений — это полностью их город, будто они не являются подданными никакого суверена»⁹⁴.

Это не было полностью превратным пониманием: белым пришлось прекратить играть в поло на ипподроме, который они построили и содержали на общественной земле, поскольку «это

мешало чернокожим мальчикам играть в футбол»⁹⁵. Один умный британский чиновник, который сам пренебрежительно называл европеизированных африканцев «вогами», мог даже похвастаться: «В Нигерии практически нет расовых предрассудков»⁹⁶.

Он был бы прав, сказав, что существовала небольшая и установленная законом дискриминация (правительство полностью признало ее вне закона в 1948 г.) Однако наблюдалось мало неформального братания. Как отмечал один районный комиссар, «вы можете спать с чернокожими женщинами, если делаете это очень осторожно, не привлекая к себе внимания. Но вы не можете пить с чернокожими мужчинами»⁹⁷.

Более того, ничто не могло скрыть знакомый контраст между европейскими дворцами и африканскими лачугами. Рядом с вымощенной и хорошо освещенной набережной поднимались внушительные памятники британской политической и торговой власти. Больше всего среди них выделялся Дом правительства — белый трехэтажный дворец в викторианском стиле, с верандами, сводчатыми нишами в стенах, зелеными жалюзи и огромными воротами под навесом из тумбергии, «белые цветы которой, напоминающие орхидеи, нежно покачивались на стеблях»⁹⁸. Столь же изысканным был отделенный от других пригород на острове Икойи, где находились роскошные виллы с гаражами и паркетными полами. Зеленые лужайки располагались среди бамбука, бананов и пальмовых рощ, они спускались к лагуне.

За этим ярким фасадом африканцы были втиснуты в «гнилые, грязные катакомбы»⁹⁹ рядом с мостом Картера. Джон Гюнтер думал, что это худшие трущобы в Африке, если не считать Йоханнесбурга. Он говорил, что днем их даже избегают мухи. По ночам они «темны, словно царство теней Эреба»¹⁰⁰.

Такие резкие, бросающиеся в глаза различия вызывали горечь и недовольство. Как иронично заметил один чиновник, граждане Лагоса не демонстрировали «собачью преданность правительству и его сотрудникам, которая ожидается от всех хороших чернокожих людей»¹⁰¹. Но получилось так, что губернатор, который работал дольше всех, сэр Бернард Бурдильон (1935–43), оказался и самым популярным. Он был сочувствующим и понимающим, признавая: будущее страны находится в руках образованных молодых националистов, на которых он отказывался смотреть, как на просто создающих проблемы людей¹⁰². Они, в свою очередь, приветствовали его, как спортсмена и джентльмена¹⁰³. Африканцы даже дошли до того, что стали носить мягкую шляпу с плоской круглой тульей и загнутыми вверх полями. Она стала модной в Лагосе, ее даже стали называть «бурдильон».

Губернатор пытался покончить с изоляционизмом севера, говоря: «Он должен выйти из-за толстого листового стекла, сквозь которое презрительно рассматривает гримасы своего плебейского соседа, закатать длинные рукава и присоединиться к свалке». Однако Бурдильон не являлся особенно динамичным или прогрессивным губернатором колонии. Он был высоким, красивым и тщеславным, любил шутки, клал глаз на симпатичных жен подчиненных и (если процитировать симпатизировавшего ему биографа) «хорошо умел расслабляться».

Бурдильон нашел, что климат Лагоса значительно лучше климата Коломбо. Он наслаждался ездой верхом, охотой, «хорошим теннисом, посредственным гольфом, посредственным (но дешевым и забавным) поло, а также исключительно хорошей рыбной ловлей тарпона». Для дальнейшего отдыха этот администратор основал базу на горе на плато Джос.

Губернатор много путешествовал, осматривал страну с кресла, прикрепленного к передней части паровоза, который тянул его поезд, и из комфортабельного колесного парохода «Валиант», на котором на верхней палубе имелась площадка для игры в кегли. Он также ездил на спортивном автомобиле «Райлтон» вокруг Лагоса, причем так быстро, что один раз сбил насмерть молодого нигерийца.

Но на официальных мероприятиях губернатор являлся воплощением чувства собственного достоинства. Он установил очень строгий протокол в Доме правительства, где невероятная жара несколько облегчалась подвешенным опахалом из шести листов, которое приводилось в движение двумя слугами. Бурдильона даже прозвали «Микадо». Когда губернатор вернулся домой, министр по делам колоний посчитал, что он страдает от мании величия.

Нигерийцы критиковали его «щегольское и чванливое»¹⁰⁴ управление, которое подчеркивало огромный разрыв между белыми правителями и чернокожими подданными. Больше всех по этому поводу негодовал Герберт Маколей, самопровозглашенный «Ганди из Нигерии». Он был злобным стариком в белом костюме, с седыми усами, которые торчали, словно кошачьи. Маколей являлся внуком первого африканца, который стал англиканским епископом. Он руководил зажигательной газетой «Лагос Дейли Ньюс», которая являлась «ультрарадикальной, сильно националистической, опасно и непримиримо анти-белой»¹⁰⁵. Она агитировала против экономических видов зла, например, контроля за «пулом какао» (90 процентами торговли). Политическая линия газеты была еще более мощной и убедительной: «Теперь африканец достиг возраста зрелости и требует права носить взрослую одежду»¹⁰⁶.

Однако это было скорее выражение расистского, а не территориального национализма. Маколей и его последователи (почти все они проживали в Лагосе) поддерживали и отстаивали единство Западной Африки, а не Нигерии. Один губернатор, сэр Хью Клиффорд, отмахнулся от их цели, как явно абсурдной, сравнимой с поиском общеевропейской нации. Но между двумя мировыми войнами они считали, что «местная верность» мешает развитию более широкой, panaфриканской солидарности. Такой точки зрения определенно придерживался политический наследник Маколея Ннамди Азикве, который в 1937 г. вернулся из США после образовательной одиссеи, которая послужила источником вдохновения для Нкруме.

Его знали, как Зика. Он поменял имя Бенджамин в 1934 г., когда возражение Южной Африки не позволило ему выступить за свою страну в играх Британской империи. Азикве был сильным, словно вол¹⁰⁷. Он считал, что способен пробежать милью за четыре с половиной минуты.

Примерно в то же самое время он поклялся посвятить свою жизнь «освобождению африканского континента от кандалов империализма». Зик был очень идеалистичен, беспринципно пекся о собственных интересах и вернулся домой, чтобы «впрыснуть в коренное население Африки дух конституционного сопротивления иностранному правлению»¹⁰⁸. Это была основная идея его книги «Возрождающаяся Африка» (1937), о которой говорилось, что она стала «Библией для западноафриканской молодежи»¹⁰⁹.

Идея возрождения стала основной для основанной им сети газет, смоделированной по типу американской «желтой прессы». Журнал «Тайм» назвал его «Берти Маккормиком из дельты Нигера», а также «Джорджем Вашингтоном из джунглей»¹¹⁰. Как и «Чикаго Трибьюн» Маккормика, «Вест Африкан Пайлот» Зика представляла собой печатную демагогию.

Зик не был удовлетворен грубыми, непристойными, оскорбительными и обличительными речами, направленными против нескольких тысяч европейцев в Нигерии. Поэтому газеты представляли соперников-африканцев в качестве «империалистических марионеток» и «дядей Томов». Читатели возбуждались и наэлектризовывались¹¹¹. Но война со всеми перемещениями, путаницей, возможностями, трудностями и надеждами изменила политическое направление Зика. Она перевела континентальный патриотизм в нигерийский национализм. Британцы нацеливались вынуть его жало, но вместо этого увеличили количество яда. В 1942 г. они назначили первых нигерийцев в Исполнительный совет, обещая перспективу дальнейшего конституционного прогресса. Но это просто побудило националистов сплотить свои ряды. В 1944 г.

Маколей и Зик основали Национальный совет Нигерии и Камеруна, чтобы «сплотить разнородные массы Нигерии в единый блок»¹¹². (Британский Камерун был подмандатной территорией, которой управляли как частью Нигерии).

Это оказалось невозможно. Ведь Национальный совет Нигерии и Камеруна сам по себе был ослаблен трайбализмом, племенным обособлением. Зик стремился к тому, чтобы создать национальное движение, которое приведет Нигерию к свободе, поэтому не мог отдавать предпочтение собственному народу, ибо. Он даже утверждал, что их божественная миссия — спасти Африку. Поэтому пока ибо провозглашали Зика новым мессией, йоруба окрестили его старым дьяволом. Северные лидеры, опасаясь постколониальной власти южной «банды агитаторов»¹¹³, угрожали продолжить марш фулани к морю.

Однако Национальный Совет Нигерии и Камеруна стал первой партией, которая привлекла широкую поддержку в Нигерии. Зик умело использовал трудовые споры (включая всеобщую забастовку) и другие проблемы, вызванные высокой стоимостью жизни в конце войны. Новое лейбористское правительство в Вестминстере невольно помогло ему. Поддерживая государство всеобщего благоденствия за границей, а также у себя на родине, оно отправило новые когорты чиновников для проведения разнообразных авторитарных мер в Африке — в особенности, в сельском хозяйстве и общественных работах. По словам одного историка, это «представляло собой второй колониальный захват»¹¹⁴.

Такое заявление едва ли преувеличено. Между 1945 и 1947 гг. количество людей, поступивших на колониальную службу, равнялось числу чиновников, которых ранее нанимали за одиннадцать лет. В последующем десятилетии прирост увеличился на 50 процентов. Нельзя отрицать обиду африканцев на приток европейцев, настроенных на введение террасирования для противодействия эрозии, прививок скоту и современных методов культивации. О подготовке таких администраторов писал сэр Ральф Ферс. Он размышлял: «Не слишком ли точно Министерство по делам колоний следует римской модели?» Возможно, оно слишком сильно сосредоточилось на достижении материального процветания, ему следовало бы найти место для «греческого духа». Он предлагал обучать новобранцев «в большей мере художественному и духовному прошлому людей, среди которых они будут жить»¹¹⁵.

Это был толчок. Более того, обучение не отражало суровых требований послевоенного мира. Социализм, как и цезаризм, поднимал силу государства для очень практических целей.

Когда государство оказывалось иностранным, его вторжение должно было оскорблять еще больше. Особенно провокационный

случай произошел в 1945 г., когда колониальные власти передали нигерийские полезные ископаемые и общие земли британской короне путем «оскорбительных указов»¹¹⁶, как выразился Зик. Они предназначались для достижения некой формы защитной национализации. Но чем больше говорилось, что эти меры принимаются для блага нигерийцев, тем больше нигерийцы протестовали. Они опасались британцев, несущих дары. А вдобавок ненавидели их за извлечение прибыли. На самом деле, извлечение выгоды (жатва) становилось следствием и неизбежным итогом имперского посева.

Столкнувшись с собственным финансовым кризисом, правительство Эттли соответствовало правительству Черчилля в эксплуатации зарубежных зависимых территорий, которые держали в своей «экономической клетке»¹¹⁷. Оно дешево покупало колониальные товары и удерживало зарабатываемые доллары, размещая нигерийские деньги в Лондоне на вкладах с очень низкими процентными ставками. Африканцы сделали вклад в войну — «принудительный заем»¹¹⁸. Теперь же они помогали Великобритании финансировать план социального благополучия мирного времени Бевериджа.

Зик объявил, что его соотечественникам такой план требуется в большей степени, чем британцам.

Да, Британия выделила своим колониям примерно 40 миллионов фунтов стерлингов в период между 1946 и 1951 гг. Но это скорее были инвестиции, а не благотворительность. Наличные предназначались для развития поставок сырья — хлопка, какао, кофе, пальмового масла и арахиса. Они использовались для внутреннего рынка и как товары, за которые можно получить доллары. Финансы шли и для стимулирования заказов на производимые в Британии товары — цемент, сталь, машины, железнодорожное оборудование и другие товары того же рода.

Более того, пока лейбористы находились у власти, колониальные стерлинговые балансы в Лондоне значительно выросли и составили свыше миллиарда фунтов стерлингов. Великобритания получила примерно 140 миллионов фунтов стерлингов с зарубежных территорий. Тем не менее, как заметил один британский чиновник, экономические беды Нигерии едва ли имели значение на фоне ее политического недовольства.

Имела значение «не бедность, а страсть, ярость из-за колониальных отношений»¹¹⁹. Образованные нигерийцы восстали против униженного состояния образования. Они призывали к самосознанию черного населения, восхваляли «африканскую личность»¹²⁰, вспоминали славное прошлое. Те, кто «строил пирамиды, сражался с батальонами Цезаря и доминировал на Пире-

неях», знали, что могут «снова стать великими и больше не быть рабами»¹²¹. Как говорил Зик, они больше не в состоянии жить полноценной жизнью без свободы. Поэтому нигерийцы объединили свое горящее негодование против чужеземного правления.

Конечно, они были далеки от объединения, что прекрасно знало Министерство по делам колоний. Но оно хотело успокоить Национальный совет Нигерии и Камеруна, осторожно продвигаясь вперед к независимости.

Однако режим в Лагосе изменился. Зик был в весьма неплохих отношениях с Бурдильоном, играл в теннис в Доме правительства и называл губернатора дальновидным государственным деятелем. Когда жена Бурдильона спросила, почему газеты Зика все же атакуют ее мужа, Зик лаконично ответил: «Политика, ма»¹²². (Это не сокращение от «мадам», а уважительное обращение к женщине, слово которой окончательно, принятое у народности эфик).

Преемник Бурдильона, сэр Артур Ричардс, был менее приветлив и любезен. Он оказался более консервативен. Его целью являлось не примирение, а доминирование над Национальным советом Нигерии и Камеруна. Более того, его начальники в Уайт-холле мучили этого чиновника требованиями придумать новую конституцию, которая соответствовала бы конституции Бернса для Золотого Берега. По общему признанию, его задача получалась более трудной. Ведь Ричардсу требовалось уравновешивать национальное единство против большего регионального разнообразия, а также предоставить нигерийцам большее право голоса в правительстве. Но он ввел свой план со многими недостатками после очень малого количества консультаций с другими. Это вызвало критику даже ушедшего в отставку Бурдильона, вдохновило на едкую и злобную кампанию в прессе Зика.

Ричардс запретил две из его газет и высмеивал заявление о том, что британцы планируют убить Зика. Губернатор сказал, что Зику «нечего бояться, кроме темных теней его собственного воображения»¹²³. Лондонская «Таймс» отмахнулась от намека, как еще одного истеричного рекламного трюка для привлечения внимания общественности. Она заявила, что хотя Зик представляет себя оратором, выступающим за подвергающуюся эксплуатации Африку, он «антиимпериалист, временами — антибританец и анти-белый»¹²⁴.

Но Зик вернул политику к жизни во время первого предвыборного турне, когда-либо совершенного нигерийцем. Он путешествовал поездом, автомобилем, грузовиком и на лошади, выступал у огороженных бараков для рабочих, в школах, кинотеатрах, церквях, под аккомпанемент флейты, коровьего рожка и медных духовых оркестров. Этот лидер был умен, хорошо выражал свои

мысли, слыл вежливым, культурным, выдержанным, хотя, в конечном счете, непостижимым. Он пробуждал, оживлял и стимулировал своих соотечественников.

Национальный Совет Нигерии и Камеруна рос с «электрической скоростью»¹²⁵. Более воинственные молодые последователи Зика стали призывать к революции, несомненно учитывая его напоминание о том, что дерево свободы поливают кровью тиранов¹²⁶. Межрегиональное напряжение росло, волнения наблюдались даже на священном севере. Тем временем конституция Ричардса, подтвержденная после дебатов в Вестминстере, которые длились всего двадцать девять минут, умирала при родах. Ничто не могло ее спасти, даже крупные вливания британской наличности для строительства школ, больниц, резервуаров и других объектов социально-культурного и бытового обслуживания.

Ричардс, как и Бернс в колонии Золотой Берег, не смог ответить на стремления образованных африканцев. В 1948 г. его сменил менее старомодный губернатор сэр Джон Макферсон. «Нигериан Истерн Мейл» приветствовала его, как «предвестника новой политической эры». Его приход был знаком того, что Министерство по делам колоний «восстало против старых обычаев леопардов и волков — сильных, пожирающих слабых»¹²⁷.

На самом деле опасность состояла в том, что сильные нигерийцы сожрут более слабых. Это могло произойти через появление образованной олигархии или региональной тирании. Вероятно, одно могло смешаться с другим или прийти к компромиссу. Министерство по делам колоний все еще уважало принцип Лугарда о том, что власть не должна попасть в руки меньшинства из «европеизированных местных жителей»¹²⁸. Но они-то и наиболее громко требовали ее, и были лучше всего подготовлены для ее применения. Поскольку «миссионерские мальчики» сегодняшнего дня будут государственными деятелями завтра, британские власти думали, что их следует готовить к этой роли. Между 1947 и 1951 гг. количество нигерийцев на высоких постах увеличилось с 182 до 628. Однако почти все новые чиновники были или йоруба, или ибо, которые казались готовыми занять место британских администраторов на севере. Один из этих администраторов говорил за многих, осуждая перспективу «передачи наших милых, ленивых северян на милость южных «обезьян в штанах» через несколько лет»¹²⁹.

Лидер сопротивления на севере Абубакар Тафава Балева предупреждал: «Нигерийская независимость будет означать передачу одних регионов другим»¹³⁰. Задача Макферсона состояла в придумывании конституции, которая предотвратит подобное строительство империи местными жителями. От него требовалось обеспе-

чить уравнивание севером юга. Традиционным правителям и их народу требовалось останавливать вестернизированную элиту.

Макферсон очень хотел избежать ошибки своего предшественника. Он провел несколько лет, консультируясь со всеми партиями, а также регулярно приглашая Зика выпить или поужинать. Но дискуссионный процесс побудил все три основные группы напрячь мускулы и заострить оружие.

Самые большие экстремисты из сторонников Зика, от которых он отступился, считая «нежизнеспособными и неуживчивых последователями», занимались подстрекательством к мятежу. Эти «зикисты» призывали людей не платить налоги: «Они говорили британцам, чтобы те шли ко всем чертям со своим Днем Империи, во время которого они празднуют наше порабощение»¹³¹. Из-за них начались беспорядки в каменноугольных шахтах в Энугу. Полиция немедленно отреагировала и в панике застрелила двадцать одного шахтера. Расстрел вызвал беспорядки в других местах и «большое политическое пробуждение»¹³². В 1950 г. один воинственно настроенный зикист попытался убить старшего секретаря сэра Хью Фуа, после чего начались репрессии зикистов.

Тем временем юрист-радикал Обафеми Аволово создавал Группу действия, как выражение политических устремлений йоруба. Главной целью было сбросить британское ярмо, которое Аволово считал «невероятно вредоносным»¹³³. Группа действия тоже требовала объединения через федерацию — возможно с тридцатью или сорока провинциальными домами собраний. Аволово надеялся таким образом не дать Зику стать диктатором во главе титульной нации. Чтобы защитить свой регион от фашистских, а что еще хуже, от христианских вторжений, Абубакар реформировал Партию северного народа. Южане называли ее представителей «бездумными рупорами старших белых чиновников»¹³⁴.

Конституция Макферсона, нескладный и обременительный компромисс между британской властью и нигерийским регрессом, не могла спаять вместе отличные друг от друга элементы. В 1953 г. общинные и политические противостояния достигли пика в Кано. Тысячи ибо и йоруба жили в квартале чужестранцев (Сабон Гари) перед окруженным стенами городом. Сам он представлял собой грязный лабиринт глинобитных хижин цвета ржавчины, кожевенных мастерских, которые воняли козлиной кожей, древних рынков, на которых продавалось практически все: сафьян, крашеная ткань, слоновая кость, зубы гиппопотамов, копья, ножи, патроны, красный перец, арахис, выложенный зелеными пирамидками, сурьма для глаз. Южане часто использовали свои бюрократические посты, чтобы покровительственно эксплуатировать неграмотных хауса и фелани. Когда Группа действия и

Национальный совет Нигерии и Камеруна пригрозили крестовым походом за свободу на севере, Кано взорвался. Во время беспорядков тысячи людей лишились жизни, некоторых кастрировали или изувечили каким-то другим образом. Конституция Макферсона тоже пострадала, причем уже не подлежала восстановлению. Одному вождю казалось, что Нигерия добьется независимости «не в мире, а кусками»¹³⁵.

Децентрализация была единственным способом избежать распада. Поэтому в 1954 г. Нигерия получила третью конституцию за семь лет. Эту назвали в честь министра по делам колоний Оливера Литтлтона. Она давала регионам большую степень автономии, оставляя федеральный парламент в Лагосе. Он отвечал только за такие вопросы, как таможня, валюта, иммиграция, полиция, оборона и международные отношения. Разделение власти обеспечило базу для статуса самостоятельного государства, и Зик радовался, что Литтлтон предложил Нигерии «самоуправление на золотой тарелке». Но только через шесть лет его подали стране.

Еще больше раскола происходило в регионах и партиях, которые боролись за консолидацию своей позиции. Национальный совет Нигерии и Камеруна разрывался между местными и общенациональными интересами и был особенно склонен к восстанию. Зик жаловался, что ему «не повезло возглавлять недисциплинированную армию»¹³⁶. Но его собственное командование подверглось атаке, когда лидера обвинили в отправке общественных денег в сундуки партии через банк, который он основал. Преемник Литтлтона, Алан Леннокс-Бойд, осудил то, что назвал коррупцией, а нигерийцы — «платотриотизмом» (от слова «платить»). Однако новый министр мало что мог сделать, кроме как сурово поговорить с Зиком, опасаясь, что любая форма санкции может превратить Нигерию в еще одну Малайю или Кению.

Зик негодовал из-за «оскорбительной властности» Леннокс-Бойда, чем опроверг расистскую точку зрения Министерства по делам колоний о том, что «чернокожий любит сильное слово». Он нанес ответный удар, превратив эпизод в обвинение дьявольской колониальной системы, которая поддерживала европейскую банковскую монополию, а также подчиняла африканцев губернаторам колоний, которые вели себя «хуже Нерона»¹³⁷.

Зик обвинил министра по делам колоний за то, что тот «хотел назначить испанскую инквизицию для меня, когда я все еще находился в животе у матери»¹³⁸. Более того, как он сообщил, сам Леннокс-Бойд имел деловые интересы в Нигерии. Его семейная фирма, «Гиннес», должна была вскоре строить пивоваренный завод в Лагосе. Стаут (крепкий портер) в Западной Африке считался афродизиак. Казалось, что это дело олицетворяло пробле-

му Министерства по делам колоний. «Нужно смотреть фактам в лицо, — писал один высокопоставленный чиновник. — Западно-африканский негр не способен на честное демократическое самоуправление в этом поколении. Вероятно, не будет он на такое способен и в следующем. Если предоставить независимость, то это будет означать обман и хаос, оправдание системы апартеида Южной Африки, дискредитацию британской колониальной политики. Все, что мы можем сделать теперь — это пытаться выиграть столько времени, сколько удастся получить»¹³⁹.

Леннокс-Бойд согласился. Диспут с Зиком подтвердил его недоверие к радикальным южным политикам и предпочтение феодалных северных аристократов — например сардауна из Соко-то. Этот титул означал «капитан телохранителей» (фактически премьер-министр), а его обладатель напоминал Гарольду Макмиллану (как он сказал королеве) герцога Омниума у Троллопа. Ради таких приятных личностей Леннокс-Бойд пытался отложить окончание имперского правления.

При превознесении империи и для облегчения ее перехода в Содружество козырной картой в британской колоде стала молодая королева Елизавета II. Ничто не могло быть лучше рассчитано для вдохновения верности нигерийцев короне, чем королевский визит. Поэтому в 1956 г. начались сложные приготовления для представления Елизаветы II ее нигерийским подданным. Дома правительства обставляли новой дорогой мебелью, только одни новые ковры обошлись стране в 1 500 фунтов стерлингов. Северная арена для проведения праздника была превращена из пыльной чаши в зеленое поле. Лагос преображали, словно это маскировочная операция гигантских масштабов¹⁴⁰. Полуразрушенный рынок спрятали за металлическими заборами, а муниципальную свалку резины засыпали черным шлаком, имитируя насыпи угля.

Королеву и герцога Эдинбургского, который, как говорили, выглядел мужественно в новенькой военно-морской форме, принимали восторженно и с энтузиазмом. На пути из аэропорта в Лагос, который составлял дюжину миль, как написал один британский журналист, «черные лица Нигерии слились в одну белозубую улыбку»¹⁴¹. Люди в толпе стояли так плотно друг к другу, что полицейским приходилось передвигаться по их плечам. Зрители выражали свои затаенные чувства к ее величеству «растянутым звуком а-а-а-ах»¹⁴². Энтузиазм в Кадуне был так велик, что возвышение для королевы, прикрытое переносным навесом, который спроектировал Норман Хартнелл, чуть не рухнуло во время показательного выступления кавалерии.

Это была высшая точка пышного и дорогостоящего зрелища, на котором, если процитировать еще одного присутствовавшего

го журналиста, «эмиры и великие вожди племен, копыеносцы и лучники, клоуны и акробаты, а также полуголые язычники собрались, наряженные в свои лучшие варварские одежды, чтобы отдать честь своей правительнице»¹⁴³. Некоторые сомневались, сможет ли королева предстать достаточно царственной фигурой, чтобы удовлетворить нигерийцев, которые привыкли видеть своих «мелких царьков и вождей, передвигающихся в средневековых пышных одеждах и обвешанных золотом так, что он разбухли от него»¹⁴⁴. Однако на протяжении изматывающего ряда церемоний, смотров, собраний, банкетов и вечеринок в саду, королева милостиво удовлетворяла официальные просьбы надеть самые яркие и лучшие одежды. Она унаследовала огромное количество имперских драгоценностей, затмить ее было нельзя. В Палате представителей в Лагосе Елизавета II появилась в «сатиновом платье цвета слоновой кости, расшитом золотом и жемчугами. На ней также была ослепительная тиара, которая когда-то принадлежала королеве Марии»¹⁴⁵. В Лугард-холле в Кадуне, как писал сардауна из Сокото, «бриллианты и прочие драгоценные камни королевы мерцали в свете ламп, словно молнии над озером, а ее красивое платье ниспадало, будто великолепный водопад»¹⁴⁶.

Эйфория в связи с королевским визитом была так велика, что преступность и партийные конфликты фактически сошли на нет. Но настроение, которое надеялись использовать британские власти, не было ни всеохватывающим, ни долговременным. Это частично объяснялось поведением самой королевы. На протяжении тура, как пожаловался один вождь, она не сделала ни одного случайного или импровизированного жеста на публике. Если бы она только смогла, например, ответить на пульсирующие танцы ицекири, не как монархиня, а как женщина и мать, это принесло бы большую пользу. Вместо этого она всегда вела себя, как автомат, с «полной предсказуемостью, когда мы предпочитаем теплую спонтанность»¹⁴⁷.

Несомненно, королева была заторможенной, замкнутой и неискушенной. В 1948 г. она сопровождала своего отца в Южную Африку, где, на местной инвеституре он передавал медали чиновнику, «чтобы чистые белые руки короля никогда не касались чернокожего человека»¹⁴⁸. И она в дальнейшем признавала, что среди ее любимых телевизионных программ было «Шоу черных и белых менестрелей». В любом случае, в Нигерии господствовал строгий протокол.

Более того, британские официальные лица имели склонность монополизировать королеву и ее свиту из тридцати человек. Один нигериец выразил протест в стихах:

Они не видят настоящий север,
Они не слышат слов простых людей.
Удерживать дежурные улыбки —
Одна из самых глупых их идей.
Пиры, приемы, марши и парады...
Но видит Бог, все это — не страна.
Но, видимо, правительства приказом
Улыбка безразличья им дана¹⁴⁹.

Замкнутость была оправдана беспокойством за безопасность королевы среди людей, которые, как говорили, «славятся своей возбудимостью»¹⁵⁰. Зик заявлял: полиция запугивала граждан, а временами применялись такие суровые меры безопасности, что королевская процессия следовала по «улицам, почти совершенно освобожденным от зрителей»¹⁵¹. Однако белые гражданские служащие страстно желали престижа, который давала близость к ее величеству. С центра улья они также ограничивали поток королевского меда — большое количество белых получили награды, но только один африканец удостоился медали за свою службу.

Это оскорбило ряд известных нигерийцев, но гораздо большее их число выступало против грубых стереотипов, в соответствии с которыми их изображала британская пресса. Чернокожие журналисты ругали Флит-стрит за плевки «в африканскую расу Нигерии» во время тура и призывали к карательным мерам, чтобы остановить мерзкий поток яда¹⁵². Они добавляли: если подобное неправильное представление продолжится, то Нигерия может решить стать республикой. Так и на самом деле и случилось в 1963 г., через три года после получения независимости. Еще через три года один из немногих африканцев, которые видели королеву вблизи, пока она находилась в стране, майор ПВО Иронси, стал первым нигерийским военным диктатором.

В общем и целом, с учетом всего, визит королевы оказал малое позитивное влияние, и Леннокс-Бойд не смог удерживать имперское правление долгое время, несмотря на глубокий разрыв в самой Нигерии, что давало Ленноксу-Бойду достаточно оправданий для оттягивания. У Министерства по делам колоний все еще оставалось место для маневрирования. Оно проводило конференции. Оно отправляло комиссии, придумывало компромиссы. Оно же поддерживало скромного, красноречивого и поддающегося влиянию Абубакара, который стал первым премьер-министром страны в 1957 г. Эта поддержка включала попытку дискредитировать Аволово, как опасную «горячую голову», а Зика — как «трусливого обманщика, окруженного гиенами-помощниками»¹⁵³. Последний губернатор, сэр Джеймс Робертсон, который сохранял высший

контроль, свободно использовал грязные трюки. Коммуникации Зика перехватывались, а старшие британские служащие организовали сложную и хитрую «регулировку выборов»¹⁵⁴. Они использовали и племенные антипатии. Зик, который стал первым президентом страны, в дальнейшем писал: «Нигерийскими лидерами двигали имперские интересы, чтобы их энергия рассеялась, и они повернулись против собственного народа»¹⁵⁵.

Однако появление свободной Ганы в 1957 г. отправило «шоковую волну»¹⁵⁶ эмоций сквозь националистические круги Нигерии. Начался эффект домино, который освобождал одну зависимую территорию Западной Африки за другой. Сам Абубакар, представляя консервативный север, добавил движущей силы, и ей стало невозможно противостоять. Позиция Великобритании ослабла от ухода колониальных чиновников, которые увидели библейские письма на стене. Она еще более ухудшилась от прихода генерала де Голля, который в 1958 г. дал французским территориям в Западной Африке, полностью окружавшим Нигерию, право решать собственную судьбу.

Поэтому Робертсон рекомендовал Министерству по делам колоний забыть про аргументы о необходимости подождать и посмотреть, смогут ли районы сами собой управлять. Он решил четко установить дату предоставления национальной независимости. Робертсон заявлял, что это нужно сделать добровольно, а не доводить до того, что Нигерию вырвут у Великобритании после антиимпериалистической агитационной кампании, которую с радостью возглавят Зик и Авоолово.

Леннокс-Бойд с неохотой согласился, желая сохранить интересы Британии, как военные, так и коммерческие, в новой дружественной стране Содружества. Кабинет решил, что Нигерия должна поднять собственный флаг 1 октября 1960 г.

Леннокс-Бойда беспокоили опасности раскола и взяточничества, и он сомневался, будет ли самоуправление в Нигерии хорошим управлением¹⁵⁷. Гиббон мог бы ответить, что независимость — это первое из земных благословений, а коррупция — «самый верный симптом конституционной свободы»¹⁵⁸.

* * *

Соседние фишки домино упали с еще большей скоростью. В 1959 г. Айан Маклауд, который превратился из плейбоя в политика, сменил Леннокс-Бойда на посту министра по делам колоний. Он был настроен быстро действовать в Африке. Новый министр признавал, что это опасно, оценивая шансы взглядом азартного игрока. Но еще опаснее было бы сдерживать поток национализма.

Это особенно верно в случае колоний поселенцев, где Маклауд стал «белой надеждой черных и «черным животным» для белых»¹⁵⁹.

Поэтому министр начал «преднамеренное ускорение движения к независимости»¹⁶⁰. В Западной Африке Сьерра-Леоне получила свободу в 1961 г., а маленькая Гамбия, которая едва ли могла себя обеспечивать, последовала за ней в 1965 г. Так Великобритания полностью лишилась своего положения в регионе в течение восьми лет. Но процесс оказался менее прямым, чем предполагает образ домино.

Падение ускорилось не только благодаря националистическому давлению, но и из-за международных импульсов и внутренних проблем. От Зика и ему подобных можно было ожидать высказываний о том, что империализм — это «преступление против человечества»¹⁶¹. Однако после Суэцкого кризиса подобное ощущение стало глобальным заклинанием. Оно звучало в США. Его повторяли в Канаде, где обнаружение имперской вины Британии, как говорили, напоминало «выяснение того, что любимый дядя арестован за изнасилование»¹⁶². Эти слова эхом прокатились по Азии, отдались и в Африке, когда де Голль вывел Францию из кровавой гражданской войны в Алжире, а Бельгия, опасаясь подобной катастрофы в Конго, тоже вырвалась и сбежала.

Слово «империя» стало ругательным во многих языках, а «колониализм», как сказала Марджори Перхам, был универсальным термином для «насилия»¹⁶³.

Объединенная враждебность отразилась в ООН, которая в декабре 1960 г. приняла резолюцию (№ 1514) с требованием «быстрого и безоговорочного окончания колониализма». Вскоре после этого глава Советского Союза, Никита Хрущев, объявил: если империалистические державы проигнорируют эту резолюцию, то подчиненным ими народам придется снести все препятствия к независимости. Более чем просто намекая на угрозу, он пообещал: «Они не будут одиноки в этой борьбе»¹⁶⁴.

То была кульминация перемен мирового мнения, что серьезно повлияло на самоуверенность Британии.

Одним из ответов на перемены в конце 1950-х гг. стала кампания по лингвистическому очищению. Конечно, пропаганда является неотъемлемой частью политики. Император Август не был единственным, кто признавал, что «человечеством управляют имена»¹⁶⁵.

На протяжении многих лет британские империалисты провели много опытов с эвфемизмами. Используя термин «Содружество» вместо «империя» в разговоре с сенатором Артуром Ванденбергом во время войны, Черчилль хитро заметил: «Мы сохраняем торговые лейблы, чтобы они удовлетворяли все вкусы»¹⁶⁶.

В колонии Золотой Берег Арден-Кларк обнаружил, насколько эффективным может быть способ изменения имен. Когда он превратил «главного комиссара» в «регионального чиновника», а «районного комиссара» в «правительственного агента», показалось, что все они «гораздо приятнее пахнут для носа общественности»¹⁶⁷.

Теперь другие названия тоже очищались, придумывались новые. Британская колониальная служба стала Зарубежной гражданской службой Ее Величества. В 1958 г. День империи, который министр образования считал отмершим и невозможным для восстановления¹⁶⁸, был переименован в День Содружества. (А «Объединенная империя» стала «Журналом Королевского общества Содружества»). Говорили о включении Министерства по делам колоний, название которого считали серьезной помехой¹⁶⁹, в Министерство по делам Содружества. Два департамента действительно слились в 1966 г., а потом, два года спустя, их включили в Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

Традиционалисты сопротивлялись вербальной политике умиротворения. Австралийский премьер-министр, сэр Роберт Мензис осудил идею, «будто бы нам следует извиняться за слово “империя”»¹⁷⁰.

Империя обозначала викторианскую славу, елизаветинскую доблесть и миссию, которая являлась «римской в своем благородстве»¹⁷¹. Британская империя, как сказал один лоялист, была «мостом, через который промаршировала цивилизация». По словам еще одного, это была «самая лучшая организация, которую когда-либо видел и когда-либо увидит мир»¹⁷². В сравнении с ней термин «Содружество» имеет привкус республиканства и отступления. Это напоминание о знаменитой ремарке сэра Томаса Мора, которую цитирует Дж.А.Хобсон: «Я везде вижу определенный заговор богатых людей, которые ищут преимуществ для себя под названием и предлогом содружества»¹⁷³.

У британцев были другие причины для умаления достоинства собственного Содружества. Оно все сильнее расшатывалось, в нем появлялось все больше аномалий. Его единственный объединяющий элемент, корона, подвергался унижениям и презрению со стороны республик. Некоторые государства с полностью выборными органами управления называли ее символом колониальных репрессий¹⁷⁴.

Как правило, Содружество определялось негативными терминами. Там не было ни расового, ни культурного единства. К 1962 г. не имелось и общего гражданства. Оно не отличалось ни религиозной, ни лингвистической четкостью. Это не военная коалиция, не дипломатический альянс, не таможенный союз. Оно ожидало

от США защиты и даже лидерства. В 1960 г., во время острого кризиса с платежным балансом, который Гарольд Макмиллан надеялся решить, присоединившись к ЕС, люди «открыто насмехались и презрительно выражались о неадекватности Содружества, как ассоциации, которая не может дать Британии экономические и политические преимущества»¹⁷⁵.

Торговля со странами Содружества быстро сокращалась. Британский экспорт в них упал с почти половины всего экспорта в 1950 г. до чуть менее четверти в 1970 г. Пропорционально уменьшился и импорт. А когда всемогущий доллар стал мировой резервной валютой, зона фунта стерлингов, которая по большей части состояла из стран Содружества, привязанных к фунту, сократилась. В 1972 г. она рухнула. Более того, многие люди в Британии не любили расовую смесь Содружества, среди них — и сам премьер-министр. В характерном покровительственном тоне Макмиллан говорил: афро-азиатское включение означает, что вступление в члены Содружества больше не является подобным допуску в аристократические клубы «Брукс» или «Будлз», а напоминает доступ в Королевский автомобильный клуб. Несмотря на все эти укусы, британские правительства настойчиво продвигали то, что Макмиллан назвал «Клубом Содружества»¹⁷⁶. Всем бывшим колониям следовало стать его участниками, сделав «клуб» многорасовым братством, из которого преимущества должны литься, словно молоко и мед.

Однако в Вестминстере и Уайт-холле своекорыстие и эгоизм значили гораздо больше, чем альтруизм в том, что касалось Содружества. Основным мотивом за официальными попытками «продать»¹⁷⁷ это туманное образование была поддержка британского престижа путем сокрытия упадка британской власти и мощи. Как и папство — призрак Римской империи Гоббса, сидящий с короной на могиле, — Содружество являлось фантомом былой славы. Это была тень имперского бессмертия, знак жизненно важного влияния, которое Британия может иметь на земле, несмотря на уничтожение ее мировой власти.

Как и Уинстон Черчилль в своей первой публичной речи, Гарольд Макмиллан публично осудил «ворчунов, пессимистов, стонущих, теряющих сознание и циников» за обнаружение упадка и разрушение Британской империи. Он настаивал, что на самом деле они видят «возрождение — империю, преобразующуюся в свободную семью Содружества»¹⁷⁸. Как надеялся Лео Эмери, Содружество может даже стать ядром, вокруг которого в конечном счете объединится мировой порядок¹⁷⁹.

Другие «тори» были более реалистичны. Энох Пауэлл выступал против Содружества — «липкого пластыря на рану, оставленную

ампутацией империи»¹⁸⁰. Сам Макмиллан в частных беседах признавал: «Когда начнется дезинтеграция Содружества, я почувствую, что ему на самом деле пришел конец». Он очень не хотел «играть роль лорда Норта». Макмиллан считал, что для этого больше подходит Гайтскелл — «и темпераментом, и внешностью»¹⁸¹.

Театральное мастерство Макмиллана было посвящено сохранению иллюзии величия Британии. Временами он, судя по всему, видел себя Цезарем позднего времени, скрывающим искусность под плащом «спокойного достоинства»¹⁸², держащим варваров в страхе и не подпускающим их к себе достаточно долго, чтобы добиться окончательной победы. «Это эпоха Диоклетиана, — говорил он. — Это конец империи»¹⁸³.

Гарольд Макмиллан прошел трудный, но извилистый путь к Даунинг-стрит, 10. Он был робким, занимался самоанализом и издательской деятельностью. На него давила властная мать-американка и унижала любвеобильная английская жена леди Дороти, дочь герцога Devonshire. У нее обнаружилась долгая и едва ли скрываемая любовная связь с одним из коллег мужа, консерватором и депутатом Парламента, беспутным и бисексуальным Робертом Батби. Макмиллана один раз видели быющимся головой в окно железнодорожного вагона от чистого отчаяния.

В 1930-е гг. он принадлежал к левому крылу, посему и не мог получить высокое положение. Даже его старая нянька объявляла: «Мистер Гарольд — опасный умеренный либерал»¹⁸⁴.

Он был суетлив, руки у него всегда оставались влажными, и он казался другим людям занудой, педантом и хлыщом. Однако Макмиллан смело выступил против политики умиротворения и в 1938 г. сжег чучело Невилла Чемберлена в Ночь Гая Фокса.

Черчилль стал продвигать Макмиллана во время войны, когда тот отбросил радикальные симпатии и начал говорить о «славе будущей империи»¹⁸⁵. Именно агрессивность Макмиллана в этом деле в начале Суэцкого кризиса обеспечила ему поддержку коллег. Ему удалось скрыть свою панику, не говоря уже про ум, поскольку проявления ума были печально известным недостатком в партии «тори». В январе 1957 г. в возрасте шестидесяти двух лет Макмиллан сменил Идена. Он был последним британским премьер-министром, который носил усы, реликвию доблестной службы во время Первой Мировой войны и залог имперской ортодоксальности. (У Дороти Макмиллан тоже были маленькие усики. Увидев их на фотографии, один родственник заметил: «Наконец-то я узнал, что в ней нашел Боб Батби»).

На самом деле, как и многое другое в Макмиллане, усы были формой маскировки. Премьер-министр скрывал свою раненую психику за фасадом эдвардианской беззаботности. Очень скры-

ный, любящий уединение человек носил яркие и вычурные шляпы в манере Черчилля. Интеллектуальный буржуа притворялся античным вельможей, расхваливая преимущества жареного гуся, когда на самом деле предпочитал холодную курицу. Он всегда развлекал слушателей, консультировался с комиком Бадом Фланаганом о том, как говорить, нанимал спичрайтера по имени Христос. Но ему часто становилось физически плохо перед выступлением в Палате общин. Кроме всего прочего, консерваторы не имели сомнений насчет отступления из империи.

Макмиллан был прагматиком, который уже в 1955 г. признавал: мировой прилив повернул в направлении национальной автономии и самоопределения¹⁸⁶. Став премьер-министром, он задумывался, предназначено ли ему судьбой ликвидировать или пере моделировать империю. Публично он, естественно, брал линию Черчилля, отрицая любое «намерение председательствовать при ликвидации Британской империи»¹⁸⁷. За кулисами премьер инициировал серию обзоров, чтобы взвесить ее преимущества. Были сделаны выводы: преимущества империи и расходы на нее примерно равны. Такие аудиты должны были быть гипотетическими, поскольку содержали массу непредсказуемых факторов. Например, представлялось невозможным рассчитать, ослабит ли фунт стерлингов сохранение колоний путем истощения британских ресурсов, или укрепит его, усилив британский престиж.

Этот вопрос был тесно связан с англо-американскими «особыми отношениями», от которых один американский посол в Лондоне отмахнулся, как от чуть более чем сентиментальной терминологии¹⁸⁸. Макмиллан пытался оживить эти отношения после Суэца, чтобы поддержать фунт, а заодно и Британию (особенно — в сферах разведки и ядерного вооружения). Премьер относился к американцам с аристократическим презрением, утверждая, что все они выглядят одинаково, словно японцы, китайцы или дантисты. Но он продолжал думать, что они новые римляне — «эти большие, вульгарные, шумные люди, более энергичные, чем мы, но и более ленивые»¹⁸⁹. И он все еще верил, что британцам следует играть роль греков, направляя Америку при помощи умного совета более старой цивилизации. Несмотря на дружбу с Эйзенхауэром и Джоном Ф.Кеннеди, Макмиллан получил мало реального веса в Вашингтоне. Напротив, слабость Великобритании означала, что она больше подвержена американскому влиянию, особенно — в колониальной сфере.

Отвечая на трансатлантическое, националистическое и другое давление, Макмиллан с колебаниями неохотно соглашался на «прогрессирующее разрушение»¹⁹⁰ империи. Он отвергал «вульгарную и лживую насмешку, будто британцы серией жестов, уникаль-

ных в истории, бросили свою империю в приступе легкомыслия и нетерпения»¹⁹¹. Вместо этого он выдвигал знакомый аргумент: они давно уже готовятся дать свободу своим колониям внутри Содружества. Премьер даже цитировал знаменитый разгром Маклелем поговорки о том, что ни один народ не должен становиться свободным до того, как сможет использовать свою свободу. (Это похоже на историю дурака из старой сказки, который решил не заходить в воду, пока не научится плавать).

У Макмиллана было вполне справедливое мнение относительно Западной Африки. На самом деле он думал, что Нигерия и соседние зависимые территории не готовы к самоуправлению. Но премьер верил, что оно должно быть даровано, поскольку Британия ничего не теряет. Мало того, она получит влияние, а альтернативой могли бы стать восстание и репрессии. Однако к концу 1950-х гг., когда отступление французов и бельгийцев оставило британские колонии поселенцев открытыми, Макмиллан столкнулся с острой дилеммой в Восточной и Центральной Африке. Он не хотел приносить в жертву даже «нездоровых родственников» в Кении, Родезии и других регионах местным «варварам»¹⁹². Премьер частным образом проклинал предательство европейских интеллектуалов, которые атаковали белых в Африке и защищали черных¹⁹³.

Однако в знаменитой речи, которую Макмиллан произнес в парламенте Южной Африки в Кейптауне 3 февраля 1960 г., утверждалось: ветер перемен дует по континенту. «Со времен распада Римской империи, — сказал он, — одним из постоянных факторов политической жизни в Европе было появление независимых стран»¹⁹⁴. Они появились в Азии пятнадцатью годами раньше, а теперь национальное сознание пробуждалось и в Африке.

Макмиллан шокировал аудиторию, пропитанную принципами апартеида, лицо премьер-министра Фервурда потемнело от гнева¹⁹⁵. Судя по его словам, британец был готов смело встретить бурю и сразиться с ней. На самом деле он надеялся удержаться на плаву, лавировать и приспособиться к изменившимся условиям под легким ветерком зефира. В отличие от Маклауда, этот политик предпочитал консервативную уклончивость и двусмысленность, а не радикальные решения. Заявленной целью Макмиллана было найти средства, при помощи которых каждое расово смешанное общество «сможет стать в большей мере сообществом, и тогда зародится дружба между его различными частями»¹⁹⁶. Но даже когда он произносил эту успокаивающую формулу, премьер-министр наверняка осознавал: она не решит проблему собственных белых аванпостов Британии в Африке.

Глава 19

«Ухуру — свобода»

Кения и «мау-мау»

Африканское сопротивление колониальному владычеству в Кении теплилось со времени прихода европейских поселенцев, но по-настоящему разгорелось после Второй Мировой войны. Самым животрепещущим вопросом всегда была экспроприация земли захватчиками. «Когда кто-то крадет вашего вола, — сказал старейшина племени кикуйю Феннеру Броквею, депутату Парламента от Лейбористской партии, — то его убивают, зажаривают и едят. О нем можно забыть. Когда кто-то крадет вашу землю, особенно, если вы живете рядом, то это нельзя забыть никогда. Она всегда там — деревья, которые были добрыми друзьями, маленькие ручейки. Это горькое присутствие»¹.

А если процитировать одного менее образованного африканца, «нет ничего лучше почвы, земли. Все хорошее принадлежит земле — молоко, жир, мясо, фрукты, золотые украшения, алмазы, серебряные монеты, бензин, растительное масло, хлеб»².

Земля являлась хлебом для кикуйю, как отмечал Броквей. А ее захват стал классическим примером несправедливости колониализма³. Потеря получалась еще более ужасающей из-за огромного несоответствия между владениями белых и чернокожих. Примерно три тысячи европейских фермеров владели 12 000 квадратными милями пригодной для культивации земли. Но свыше миллиона кикуйю выделили только 2 000 квадратных миль. Власти даже уменьшили и эту площадь, строя миссии, дороги, спортивные площадки и другие общественные сооружения.

По мере увеличения африканского населения в период между двумя войнами, голод к земле вызвал настоящий голод. 90 процентов новобранцев из кикуйю были отвергнуты армией, поскольку страдали от плохого питания. Давление на почву усиливалось, ее плодородность уменьшалась, эрозия была такой ужасающей, что краснозем с гор Кикуйю, уносимый рекой Тана, оставил пятна в Индийском океане на расстоянии двадцати пяти миль от берега. Поселенцы обвиняли 200 000 скваттеров на своих фермах за то, что едят «сердце нашей земли»⁴. С молчаливого согласия правительства они все больше усложняли условия жизни скваттеров, добавляя им работ, уничтожая их скот и превращая их из арендаторов в крепостных.

Во имя охраны природы и рационального природопользования администрация Найроби тоже использовала принудительные меры и физическое давление на «местные резервы». Например, в 1938 г. она попыталась снизить выбивание пастбищ скотом в районе Мачакос, к югу от столицы, путем вынужденной продажи 22 500 голов скота камбы. Много скота купили белые поселенцы по сниженным ценам. Это привело к яростным протестам. Поэтому боевые ряды уже выстроились для внутренней борьбы перед началом мирового конфликта. А он сам по себе усилил этнические разногласия в Кении.

Это произошло из-за того, что поселенцы стали гораздо сильнее во время войны. Ранее Великая депрессия ударила по ним. Многие полагались на государственные субсидии, чтобы продолжать заниматься своим бизнесом — выращиванием экспортных культур, кофе, чая и сизаля. В отличие от них у африканских крестьян и скваттеров дела шли хорошо. Они использовали современные плуги и мотыги для обработки большего количества земли, поставляли дешевые товары типа маиса на внутренний рынок.

Война изменила это положение вещей. Поселенцы могли выгодно продать все, что производили. Поэтому они выкупили свои закладные, пытались улучшить и механизировать поместья. Часто это налагало дополнительные расходы на скваттеров. Колонизаторы образовали соединения индивидуалистов, а то и эксцентриков, которые могли завтракать розовым джином или подать гостям обед из яичницы-болтуны и гадюки обыкновенной. Как писал один чиновник, они составляли «ряд европейских племен»⁵, столь же отличных друг от друга, как африканские.

Колонизаторы принадлежали к разным клубам, охотились с конкурирующими стаями. Поселенцы преследовали противоречащие друг другу цели. Например, фермеры, занимающиеся земледелием, полагались на скваттеров. А те, кто разводил на ранчо скот, хотели от них избавиться. Однако всех объединяла примитивная нацеленность контролировать «неотесанных дикарей», которые могли превратить Кению во «вторую Либерию»⁶.

Им это удавалось через местные советы (которые получили власть над скваттерами в 1937 г.) Административные посты, которые освободились из-за недостатка мужчин в военное время, заполнялось колонистами. Поэтому правительство в Найроби, которое ранее представлялось внешне бесстрастным, в гораздо большей степени стало отождествляться с интересами поселенцев. Оно назначало «местных вождей», которые с готовностью сотрудничали с ним. Африканцы отделялись от своих номинальных лидеров, причем так резко, что это подстрекало к гражданской войне.

Администрация обеспечивала систему налогообложения и регулирования торговли, отдававшую предпочтение белым. Она сильно давило на чернокожих фермеров, указывая, что сажать, как выращивать и где продавать. По словам главного комиссара по делам местного населения, организация продажи маиса в Кении была «самой явной, бесстыдной и основательной попыткой эксплуатации народа Африки из известных с тех самых пор, как Иосиф собрал всю пшеницу в Египте»⁷.

Правительство поддерживало выселения. Во время войны применялись различные схемы — например, перемещение 11 000 скваттеров, которых изгнали из долины реки Рифт в суровую и унылую местность с вертикальными обнажениями породы, прилегавшей к бамбуковому лесу. Эти места известны под названием Оленгуруне. Скваттеры тут же заявили о собственности на это место. Они отказались от указов бюрократов и начали долгую, ожесточенную и обреченную на провал борьбу с целью утвердиться там и заставить принять их претензии на землю. В 1944 году африканцы дали первые кровные клятвы в солидарности.

Примерно в то же самое время Джордж Найтингейл из Министерства сельского хозяйства (но не сидевший в самом Министерстве, а работавший на местах) возглавлял менее известную, но столь же неудачную программу в Килифи, к северу от Момбасы. Предлагалось выделить бывшим скваттерам участки земли в размере двенадцати акров для выращивания кокосов, орехов кешью, масличных пальм, бананов, апельсинов, лимонов, грейпфрутов и маниоки. Судя по отпечатанным на машинке мемуарам Найтингейла, губернатор лично заверял африканцев: «Через три года они получают сертификат о праве собственности на их участки, если выполняют указания Министерства и во всем другом докажут свою пригодность. Поскольку я был единственным чиновником, с которым они имели дело, от меня и ожидали выполнения правительственной части сделки. Это никогда не было выполнено. И то, что администрация перевела все поселение на производство хлопка после войны, стало причиной моего ухода в отставку из Министерства сельского хозяйства. Конечно, можно говорить о долгой истории обещаний африканцам, которые нарушались правительством»⁸.

Указания государства могли бы быть более терпимыми, если бы не имели такого непостоянного характера. Они не только менялись, но и ставили в тупик. Во время войны на африканцев давили, чтобы они использовали каждый клочок земли, причем так интенсивно, как только возможно. Их заставляли отказаться от оставления земли под паром, игнорировали опасности эрозии или истощения почвы. В конце войны толстый маленький губернатор

сэр Филипп Митчелл предупредил: «Местные ресурсы, если честно, просто уходят ко всем чертям»⁹.

Поэтому он одобрил программу повышения плодородности почвы и предупреждения «на самом деле шокирующей трагедии»¹⁰. Эта программа включала огромное количество трудной, неоплачиваемой работы, которая навязывалась белыми людьми и по большей части выполнялась чернокожими женщинами. Землю террасировали, мульчировали и пытались сохранить другими способами. Ограничили подготовку почвы к посевам и запретили культивацию таких прибыльных культур, как кофе, чай, сизаль и пиретрум в африканских заповедниках, а также сократили поголовье скота. Обязательное требование было завуалировано, как забота о благополучии. Тем временем европейцы, количество которых значительно выросло после еще одного, послевоенного притока солдат-поселенцев, увеличили скорость выселения с собственных ферм. Между 1946 и 1952 гг. сто тысяч скваттеров лишились скота без компенсации (в виде оправдания говорилось, что его перемещение будет способствовать распространению болезней). Они были насильственно «репатрированы»¹¹ на так называемые «родные земли», которые лишь немногие из них когда-либо видели. Здесь эти люди оказались дополнительным грузом на земле.

Такая противоречивая и репрессивная политика посеяла зерна революции, в особенности среди наиболее бедных кикую. Требования «земли и свободы» сопровождались более яростными церемониями, на которых давались клятвы. Целью было объединенное сопротивление тому, что виделось как белая тирания. Одна женщина сказала: «Я дала клятву, чтобы моих детей не поработали так, как меня»¹².

Покорение и подчинение африканцев было столь же очевидно и в городских джунглях — например, в Найроби. Это особенно ощутили 97 000 африканских военнослужащих, которые вернулись с войны. За морем они сражались за свободу рядом с белыми солдатами, а дома столкнулись с репрессиями из-за черного цвета кожи. Расовые предрассудки были включены в законы. Например, если белый мужчина совершал половой акт с чернокожей женщиной, его не ждало наказание. Если же чернокожий мужчина занимался сексом с белой женщиной, его следовало вешать.

В отличие от Танганьики, подмандатной территории, где различные расы свободно общались, Кения наложила запреты по цвету кожи. Были разделены почты, больницы, школы, церкви, кинотеатры, железные дороги и туалеты. Африканцев и азиатов не пускали в гостиницы, бары, рестораны и ряд других мест, включая кабинки для голосования. Конечно, клубы «были строго для европейцев, причем не для всех европейцев»¹³. Жокейский клуб

даже отказал в просьбе одному губернатору сделать Ага-хана временным членом.

Найроби к 1950 г. стал процветающим городом с населением почти в 150 000 человек, но он являлся памятником развития «по расовым линиям»¹⁴. Дом правительства сэра Герберга Бейкера на вершине горы представлял собой огромный особняк с дендрарием и большими винными погребами. Он выходил на роскошные западные пригороды с теннисными кортами и бассейнами на каждом углу. В квартале, где располагались различные учреждения, стояли бунгало с колонами и портиками среди георгинов и гладиолусов. Коммерческий центр, построенный примерно тогда же, был сделан из бетона и стекла.

Азиатские кварталы выглядели убогими в сравнении с европейскими. Восточный базар состоял из ветхих и засиженных мухами лавок. Там пахло потом, дымом, навозом, дешевой рыбой и всякими отбросами. Более того, места проживания африканцев оказались самыми шумными из тех, которые Марджерии Перхам назвала «тропическими Ист-Эндами»¹⁵.

Во время визита в Найроби в 1950 г. Феннер Брокви вызвал негодование поселенцев, разместившись у африканцев. Он сообщил министру по делам колоний о четком разделении участков между тремя расами. «Меня везли по жилому району Мутайга — долине, по обеим сторонам которой растут деревья. Среди них можно увидеть вызывающие очарование глубокие спуски к петляющей реке. Там стоят красивые дома, в окружении больших садов, где ярко цветут цветы... Ни одному африканцу не позволено иметь дом среди красот Мутайги. На следующий день я отправился в жилые кварталы Найроби, которые отданы африканцам... Деревьев там нет, земля голая и плоская, покрыта грубой коричневой травой. Посещая эту унылую местность, я смог понять горечь африканцев, которые сопровождали меня. И, показывая на покрытые лесом возвышенности, где живут европейцы, они спрашивали, почему их обрекли на жизнь среди этой пустоши...»¹⁶

Брокви стал предшественником Франца Фанона, который отмечал в своем классическом обвинении колониализма, «Несчастные на этой Земле» (1961): «Взгляд, который местный житель обращает на город поселенцев, полон вожделения и зависти. Он выражает мечту о владении всем этим»¹⁷.

Такие мечты отражали кошмар африканских поселков из бараков и лачуг.

В темных городских массивах Найроби из камня, бамбука, дерева, олова, картона, пропитанной смолой мешковины и рифленого железа, люди могли спать по четырнадцать человек в комнате. Веранды, ящики и прочие пустые упаковки, брошенные,

сломанные автобусы тоже использовались для сна. Они были переполнены. Вода поставлялась в недостаточных количествах, длинные очереди выстраивались перед закатом у водонапорных труб. Санитарное состояние оказалось ужасающим, на тысячу человек имелся, возможно, один общественный туалет. Процветали болезни.

Лишь немногим удавалось вырваться из нищеты, хотя большинство горожан были кикуйю — трудолюбивыми и предприимчивыми людьми, которых белые называли «кенийскими евреями». (Такое описание не считалось лестью этой национальности). Безработица была очень сильной, заработная плата — самой низкой в империи. Африканцы за равную работу с европейцами получали лишь одну пятую часть европейского заработка. Детский труд был распространен повсеместно, поскольку ходить в школу для африканцев считалось необязательным, а детям требовалась еда.

Стоимость жизни все время увеличивалась. Между 1939 и 1953 гг. цена на маисовую муку поднялась на 700 процентов, а к 1948 г. лишь немногие африканцы в Найроби ели больше одного раза в день¹⁸. Только меньшинство могло себе позволить приличную одежду, большинство оборачивалось одеялами или носило рваную и ношеную одежду европейцев.

Африканцев часто терроризировали преступники, которые орудовали на улицах вооруженными бандами. Им не давали покоя и силы охраны закона. Полицейские проверяли пропуска, квитанции об уплате налогов, осуществляли выселение, обеспечивали соблюдение различных указов — например, по продаже спиртного, которое было запрещено для африканцев. Часто вымогались взятки, которые заменяли штраф или порку. К женщинам относились как к проституткам, а к мужчинам — как к бродягам. Тех, кого подозревали в наличии венерических болезней, публично осматривали на Бахати-роуд. Белые редко заходили в «черный зоопарк»¹⁹, что они иногда объясняли, замечая: «Рим строился не один день»²⁰.

На самом деле африканцы оставались в целом невидимыми для европейцев. На них обращали внимание, чтобы унижить, чтобы заставить прекратить смеяться, сбить с головы головные уборы и заставить склонить головы. Иногда, как писал глава профсоюза луо Том Мбойя, белые миссионеры даже настаивали, чтобы чернокожие, отправляющиеся в церковь, ерошили волосы и приходили босыми. Африканцы отвечали на расовую дискриминацию в таких масштабах, повторяя одно слово: «ухуру» — «свобода»²¹.

Вскоре стало очевидно, что Национальный союз африканцев Кении, основанный в качестве партии умеренных националистов в 1944 г., чтобы занять место запрещенной Центральной ассоциа-

ции кикуйю Гарри Тхуку, не может завоевать «ухуру». Этой цели противились сверху.

Сэр Филипп Митчелл, губернатор с 1944 по 1952 гг., верил: Британии не следует давать незрелому африканцу «излишнюю степень свободы от контроля, пока он не будет готов к этой свободе»²². Митчелл был консерватором с репутацией либерала, приобретенной, когда он выступал за создание многорасового общества в Восточной Африке. Но даже это было реакционной концепцией в том виде, в котором он его представлял. Ведь губернатор считал, что у различных этнических групп должна быть «доля и жизненно важный интерес в соответствии с их нуждами и способностями»²³. Поэтому только европейские поселенцы могли улучшить землю и направлять местное население Кении на путь истинный «из состояния первобытной необразованности и дерзости»²⁴. Митчелл считал, что в этой задаче им должны помогать назначенные британцами вожди в резервациях, а не городские политики, которых он считал агитаторами, создающими различные проблемы.

Губернатор был умен, ясно и четко формулировал свои мысли, был резким человеком и обладал яростным боевым духом соперничества. Он хотел закончить свою карьеру пэром, женившись на той, которая стала первой женщиной, победившей его в игре в гольф. Митчелл утверждал, что прогресс идет благодаря сельскохозяйственным мерам и другим мерам, улучшающим быт. Поэтому он часто применял в Кении старомодную колониальную политику.

Губернатор наложил ограничения на собрания Национального союза африканцев Кении. Он препятствовал сбору партийных фондов. Митчелл ограничил свободу прессы и деятельность профсоюзов, подавлял спорадические беспорядки, отвечал на протесты, забастовки, бунты, порчу скота и поджоги более сильными репрессиями, которые проводили белые.

Но он не увеличивал представительство чернокожих. Губернатор исключил африканцев из своего Исполнительного Совета (до 1952 г.) и отказывался назначать нового лидера Национального союза в свой Законодательный совет. Лидером был Джомо Кениата, которого Митчелл считал опасным подстрекателем.

На самом деле Кениата был сторонником умеренности. Это понял и сам Митчелл, когда они впервые встретились в 1931 г. К тому времени Кениата, который родился в крестьянской семье и получил образование у шотландских миссионеров, стал секретарем Центральной ассоциации кикуйю и издателем ее журнала «Муигвитания», что означает «примиренец». Его вклад был по большей части смягчающим: он хвалил Британскую империю за сохранение свободы и справедливости.

Кениата был в меньшей мере радикалом, чем повесой и распутником. Он любил носить брюки гольф, пил крепкий нубийский джин и так активно удовлетворял свой сексуальный аппетит, что его исключили из состава прихожан. Он столь же богемно жил в Англии, которая стала его базой после 1931 г. Этот человек находился там якобы для представления дел африканцев при британском правительстве. Но его миссия стала более туманной на протяжении лет, хотя отсутствие помогло репутации на родине, раздувая популярность. Кениата много путешествовал, вел переговоры и предпринимал различные меры, чтобы выжить. Он искал сочувствующих и выжимал их, словно губку, обманывал хозяйку дома, уклоняясь от уплаты, брал деньги у Москвы во время заигрывания с коммунизмом. Национальный лидер время от времени брался за разные работы, даже сыграл в массовке в фильме Александра Корды (с Полом Робинсоном в главной роли) на основе романа Эдгара Уоллеса «Сандерс с реки», прославляющем строительство империи. (В дальнейшем он предпочел забыть про эту роль).

Кениата помогал в научных исследованиях фонетики языка кикуйю, хотя не позволял записывать свой голос из-за опасения неприятных последствий²⁵. Он сделал вклад в авангардную работу Нэнси Кунард «Негр» (1943), объявив, что конфискация родовых земель в Кении ударила по африканской душе, похоронив ее. Теперь лидер африканцев поносил британскую «империалистическую систему рабства, сбора налогов, выдачи удостоверений личности и принудительного труда»²⁶.

Еще хуже были издевательства Муссолини над Эфиопией. Кениата не только осудил итальянцев в печати, но и отрастил копию знаменитой бороды императора Хайле Селассие. Элспет Хаксли считала, что именно из-за этого «он стал похожим на Мефистофеля»²⁷.

Кениата также изучал антропологию под руководством Ма-линовского, что привело к появлению очень важной книги под названием «Глядя на гору Кению» (1938). Это была месь органических традиций кикуйю, которые подрывал колониализм. Но в результате получилось, что национальный лидер стал смотреть в обе стороны одновременно. Если социальный консерватор Кениата оглядывался назад, на племенной золотой век, то политически прогрессивный Кениата смотрел вперед — на современное демократическое государство. Однако он верил: «Полное самоуправление должно достигаться скорее через реформы, а не революцию». Выступая против сути решения пятого Пан-Африканского Конгресса, он объявил, что будет невозможно заставить британцев уйти с его родины, и отрекся от «кровавого восстания»²⁸.

К этому времени Кениата вырос из блудного сына до отправленного в ссылку отца своего народа. Он проявил благодатное сочетание качеств государственного деятеля и шоумена, обладающего чувством собственного достоинства и красноречивым, но веселого и яркого. Когда он вернулся в Кению в 1946 г., оставив английскую жену с ребенком, то только этот лидер мог претендовать на преодоление племенных различий и стать национальным патриархом. Один британский журналист говорил о нем в следующем году: «Крупный мужчина с животиком, с бородой, с немного налитыми кровью глазами. Театрально носит чудовищную эбонитовую трость с головой слона наверху, перстень-печатку из сердолика, обрамленного золотом размером с кольцо для салфеток, золотые наручные часы слишком большого размера, которые держатся на толстой руке при помощи золотого ремешка. Одет в европейский твидовый пиджак и фланелевые свободные брюки. Имеет приятные и располагающие к себе манеры, но осторожничаешь больше, чем кто-либо, кого вы когда-нибудь встречали».

В дальнейшем, после ареста, трость и перстень Кениаты были конфискованы. Заключение сардонически задумывался, не считают ли британцы, что забрали его амулеты. В то время чернокожий лидер проявлял большую осторожность, ничего не давая никаким белым незнакомцам, и разговаривал лишь серией восклицаний и криканий²⁹.

В следующие несколько лет Кениата был вынужден освоить несколько видов двойственности. Кикуйю называли его Спасителем, а ему приходилось обращаться через их головы к другим двумя третям «цветного» населения Кении. Ему приходилось собирать безразличных масаи и луо, примирять удаленных сомалийцев и робких индусов. При попытках продвигать Национальный союз африканцев Кении в качестве средства национального освобождения, требовалось избегать подстрекательств к бунту.

Он вел крестовый поход против очевидных недостатков, как например, ограничения для «цветных» граждан, принудительный труд женщин по террасированию земли и тирания кипанде. Как Зик в Нигерии, Кениата говорил, что дерево свободы должно быть полито кровью. Он даже обещал удерживать открытой львиную пасть, если его народ «сможет выдержать его лапы»³⁰. Однако лидер осознавал присутствие специальной службы, поэтому обычно говорил на дельфийском языке.

Кениата проповедовал патриотизм и нравственный подъем. Он рекомендовал образование и помощь самим себе. Он повторял пословицу кикуйю: «То, что вас кусает, находится в вашей одежде»³¹. Однако его слова были окрашены силой «огненной личности»³².

Именно эта пламенность, горячность и яркость делала Кениату, несмотря на его жадность, амбициозность и тщеславие, естественным лидером. Казалось, что его сила передается через глаза, горящие, словно раскаленные красные угольки.

Европейцам он представлялся Сатаной, африканцам — мессией. И это заставляло всех изучать его высказывания, словно их произнес оракул. Услышав довольно банальное объяснение Кениатой значения флага Национального союза африканцев Кении, один сторонник написал: «Сказанное им должно означать, что наши плодородные земли (зеленый) можно только вернуть назад кровью (красный) африканцев (черный). Вот это было объяснение!»³³

Когда Кениата согласился в 1952 г. осудить воинствующих африканцев, известных под названием «мау-мау», британцы интерпретировали его брань, как завуалированное благословение. На самом-то деле подъем этих лишенных собственности экстремистов в рядах буржуазии Национального союза африканцев Кении застал лидера врасплох. Пока он медленно строил национальную коалицию, они тайно брали клятвы у масс, собирали оружие и готовились сражаться за землю и свободу.

Хотя террористы чтили Кениату, но эти молодые люди, готовые на насилие и уже убивавшие вождей кикуйю, верных правительству, угрожали убить и его, если лидер продолжит выступать против «мау-мау». Если говорить мягче, то он сравнивал себя с «языком между верхними и нижними зубами»³⁴.

* * *

Название «мау-мау» столь же туманно по своему происхождению, как структура и стратегия того движения. Очевидно, то была произвольная смесь изгнанных и переселенных скваттеров, лишенных земли фермеров и городской бедноты. Казалось, что участники движения отчасти являлись заговорщиками-кикуйю, частично — восставшими крестьянами, но во многом — криминальной бандой. По словам одного африканца, «“мау-мау” — это ничто, кроме голода на земле Кении»³⁵.

Белый чиновник говорил о них, как о «форме движения Спартак из безработных и безземельных кикуйю»³⁶. В любом случае, они были связаны друг с другом ритуалами черной магии, кроме того, поддерживали революционный террор.

В таком виде движение было запрещено в 1950 г. Но сэр Филипп Митчелл, который хотел завершить свое губернаторство в ауре многорасовой гармонии, отказался почтить «мау-мау» более серьезными действиями. Он заверил своего преемника, сэра Ивлина Баринга, что хотя в Найроби живет много подонков общества,

а крестьян в сельской местности легко сбить с пути, «африканцы в своей массе аполитичны».

Казалось, Митчелла более интересовали проблемы ведения домашнего хозяйства. Он дал Барингу много советов о том, как управлять «местными слугами» и разведенными белыми. Последних следовало не допускать на обеды и ужины в Доме правительства, но их оказалось можно приглашать на вечеринки в саду и коктейль с большим количеством приглашенных — «конечно, если только не было открытого скандала»³⁷. Однако по мере усиления атак «мау-мау» на фермы белых и увеличение числа черных коллаборационистов в 1952 г., несколько активистов, например, Варагуи Итоте («Генерал Китай»), присоединились к бывшим солдатам в лесу. И новый губернатор ощутил сильное давление европейцев, которые требовали подавления африканцев.

Баринг был сыном лорда Кромера, держал потрет отца у себя в кабинете, заставлял министров остановиться перед ним и спрашивал, что, по их мнению, он сделал бы при сложившихся обстоятельствах. Это показывает, что новый губернатор был слаб в вопросах, которые волновали его соотечественников. На самом-то деле «высокий, худой, седеющий, безупречный»³⁸ и чисто выбритый высший чиновник казался поселенцам изнеженным и неспособным к решительным действиям. Многие из колонистов все еще носили «большие усы в гвардейской манере, волосинки завивались вверх, попадая в ноздри»³⁹.

Баринг увлекался теологией и классической литературой, любил играть в шарады и фанты в Доме правительства, увлекался экзотическими птицами и дикими цветами. Он поклялся уничтожить буржуазную герань там, где ее увидит (вместе с тесным кругом лиц, таких же утонченных современников из Оксфорда, включая будущего премьер-министра лорда Хоума). Губернатор позволил себя убедить: Кениата является главным лицом, стоящим за дьявольским заговором. Эту точку зрения подтвердил внешний вид председателя Национального союза африканцев Кении. Баринг видел его с другой стороны могилы убитого вождя и почувствовал «демоническую силу личности Кениаты».

Письменно обращаясь к министру по делам колоний Оливеру Литтлону, Баринг отрицал, что «поддался панике возбужденных европейцев». Но он рекомендовал арест Кениаты и его приверженцев, а также объявление чрезвычайного положения. Все это было сделано 20 октября 1952 г. Операция и ее последствия показали, что губернатору была свойственна отеческая безжалостность при столкновении с «низшими расами». По словам симпатизировавшему ему биографа, он не был особенно разборчив в применении сил империи⁴⁰. По мнению более позднего критика, высший ад-

министратор закладывал основы одного из самых жестоких и ограничительных полицейских государств в имперской истории⁴¹.

По иронии судьбы чрезвычайное положение создало чрезвычайную ситуацию. Именно оно превратило «мау-мау» из разрозненных крестьянских отрядов в партизанскую армию. Баринг с самого начала действовал резко и жестко, надеясь одним ударом уничтожить «гидру»⁴². Кроме обезглавливания Национального союза африканцев Кении и проведения облав на множество наиболее образованных националистов, он устроил парад Ланкаширского Фузилерного полка по трущобам Найроби. Там солдат приветствовали угрюмыми и враждебными взглядами. (Королевский ВМФ устроил более павлинью, но менее уместную демонстрацию силы, отправив крейсер в Момбасу).

По стомильной дуге к северу от столицы, протянувшейся от поросших кедрами флангов горной цепи Абердаре к покрытой снегом вершине горы Кения, власти задерживали и допрашивали десятки тысяч кикуйю. Они собрали тысячи скваттеров с Белого нагорья и отправили назад в резервации, многих — через ужасающие транзитные лагеря. Людей лишили домов, имущества и скота.

Эта крупная операция социальной инженерии, то есть попытки перестроить общество, привела к значительному увеличению рядов «мау-мау». В течение года примерно 15 000 человек отправились в леса. В основном, это были кикуйю, но за ними последовали многие меру и эмбу, а также некоторое количество камба и масаев. Там они начали организовываться и устраивать ответные акции.

Первого белого поселенца убили в октябре 1952 г. Последовали сотни ужасающих убийств — как правило, «иуд» из числа кикуйю⁴³. Простым африканцам приходилось платить за эти атаки (совершив акт возмездия, партизаны быстро сбежали) удвоенным налогообложением, коллективными наказаниями — конфискацией скота и закрытием школ. Устраивались и спорадические репрессии, официальные и неофициальные. Европейские поселенцы и раньше часто брали правосудие в свои руки. А теперь они действовали в качестве «свободных художников» из Комитета бдительности, солдат Кенийского полка или полицейского резерва, который очень удачно сравнивали с английскими карательными отрядами в Ирландии. Колонисты восприняли чрезвычайное положение в виде выдачи лицензии на убийство. Они охотились на «нарушителей спокойствия из кикуйю»⁴⁴, как на диких животных. Они пытали их по желанию, иногда кастрировали мужчин и насиловали женщин. Африканцев безжалостно их уничтожали. По словам одного фермера, «мы просто достаем наши пулеметы «Стэн» и — та-та-та, та-та-та, эти чертовы паразиты получают по заслугам!»⁴⁵

Поселенцы в силах безопасности действовали более систематически. Они формировали «ударные отряды»⁴⁶ для проведения заказных убийств, хладнокровно убивали гражданских лиц и уничтожали невинных вместе с виновными. Их называли «маленькими Гитлерами с возвышенностей», «кенийскими ковбоями» или даже «белыми “мау-мау”»⁴⁷. Эти «ковбои» часто хвалились своими подвигами. Самым избитым их девизом был: «Единственный хороший кикую — это мертвый кикую»⁴⁸.

Некоторые поселенцы выступали за геноцид, предлагая использовать атомную бомбу против кикую или вспоминая, как американцы обычно отравляли колодцы краснокожих индейцев и заражали их одеяла оспой⁴⁹.

Все это привело к отчуждению либералов в Великобритании и США, а одновременно — к обеспечению оружием и боеприпасами антиимпериалистов вроде Насера и Неру. Указывая на это, одна белая женщина сказала: «Зло, нанесенное жестокостью, нельзя вычислить. Оно может привести к краху нашей страны»⁵⁰. Более того, как говорили умные и чувствующие ситуацию окружные комиссары вроде Томаса Кэшмора, те, кто совершают зверства, являются лучшими агентами по набору новобранцев в ряды «мау-мау».

Кэшмор расстроился при виде коллеги, доставившего мертвых, после чего спросил, много ли пленных взяли: «Он рассмеялся и спросил меня, чего я ожидал. А может, я струсил? Когда я ответил, что если мы не будем брать пленных, это приведет к увеличению количества более отчаянных террористов, он просто заметил, что мое «образование», вероятно, задержалось на несколько месяцев. Но реальности сложившегося положения в конце концов до меня дойдут... Конечно, мне не нравилось, что меня считали трусом. Но я считал, что подобная акция не только неправильна с нравственной точки зрения, но и откровенно глупа»⁵¹.

Определенно считалось глупым (с колониальной точки зрения) придерживаться мнения о том, что у «мау-мау» имеются настоящие обиды и недовольства. Британцы полагали, что это не национальное освободительное движение, а отвратительное возвращение к дикости. Кениата являлся злым гением. Колдуны практиковали извращенные формы черной магии. Воины, по словам ведущего поселенца Майкла Блунделла, представляли собой «испорченных лесных существ»⁵². По словам Элспет Хаксли, «мау-мау» были вполне из болота⁵³.

Самые зловещие доказательства этого вердикта заключались в церемониях «мау-мау», которые, судя по одному полицейскому отчету, «заставляли кикую становиться примитивными животными, которые в конечном счете убьют всех европейцев в Кении»⁵⁴. Под угрозой смерти воинственные участники восстания заставля-

ли большинство кикуйю поклясться в верности их делу. До произнесения клятвы посвящаемых заставляли раздеться догола и семь раз пройти под аркой из банановых стеблей. Они семь раз кусали сердце и легкие козла, пили смесь, содержащую кровь.

Мужчины и женщины, дававшие смертельную присягу, должны были или вставить пенис в козлиное мясо, или вставить козлиное мясо себе в вагину. Бывали и более отталкивающие вариации, а в исключительных случаях лесные бойцы давали «усовершенствованную клятву, включавшую пожирание человеческой крови и плоти»⁵⁵. Использование таких запрещенных субстанций, судя по всему, являлось отчаянной мерой перед лицом поражения. Оно шокировало даже самих африканцев. Но обычные клятвы являлись просто адаптацией традиционных ритуалов кикуйю. Образованные африканцы сравнивали их с клятвами масонов и говорили об опыте, сходном с обращением в веру евангелистов. «Я чувствовал восторг и подъем от нового духа, придававшего мне силу и мощь, — писал Дж.М.Кариуки. — Я вновь родился»⁵⁶.

Но европейцы (в отличие от африканцев) говорили об оргиях ужасов. По их отчетам, сумасшедшие фанатики пили сперму и менструальную кровь, ели человеческие фекалии и младенцев, вырванных из животов матерей, участвовали в диких и зверских оргиях. Некоторые белые объясняли это поведение, как патологическую реакцию, вызванную внешним воздействием цивилизации на варварство, которое впервые увидело эту цивилизацию. Другие, включая и ставшего консерватором Гарри Туку, считали это манифестацией чистого зла. Ушедший в отставку сэр Филипп Митчелл проклинал «мау-мау», называя их «поедающими падаль рептилиями», которые в духе концлагеря Бельзен творят «ужасающее, вызывающее тошноту зло»⁵⁷.

В знаменитом обличении Оливер Литтлтон говорил еще более истерично о дьявольском характере «мау-мау», отождествляя Кениату с Люцифером. Этот министр заявлял: «Во время написания меморандума о Кении я внезапно увидел, как на страницу падает тень — тень с рогами самого Дьявола»⁵⁸.

Конечно, имелись настоящие доказательства порочности «мау-мау»: восемьсот африканских гражданских лиц были убиты, пленных пытали до смерти, семьи чернокожих сжигали в их хижинах, белых поселенцев рубили большими тяжелыми ножами (панга). Но демонизируя движение, британские власти пытались отомстить за контратаку, которая оказалась более яростной, чем что-либо, придуманное в джунглях.

Поселенцы продемонстрировали, какие меры они требуют, когда кампания «мау-мау» против их ферм началась по-настоящему в 1953 г. 25 января того года, после того, как верные слуги зарубили

до смерти известную молодую семью, сотни белых мужчин и женщин отправились к Дому правительства. Они хорошо оделись — в светлые костюмы со шляпами и галстуками, или в набивные платья. Колонисты собрались на траве перед белым портиком в честь Афины Паллады. Они выкрикивали оскорбления и непристойности, требовали применения закона Линча. Некоторые размахивали пистолетами, другие орал с пеной у рта. Третьи, в состоянии, которое Майкл Бланделл назвал неизменным предисловием к какой-то отчаянной демонстрации презрения правлению Министерства по делам колоний, пели «Боже, храни королеву»⁵⁹.

В ярости от сдерживания кордоном африканской полиции, они кричали «мерзкие негры!»⁶⁰, тушили сигареты о голые переплетенные руки аскари. Затем колонисты попытались штурмовать забаррикадированные десятифутовые входные двери Баринга, которые клонились и сотрясались под атакой. Но двери не поддавались. Бланделл убедил толпу разойтись. Поселенцы достигли своей цели: несмотря на отказ губернатора появиться, он понял, что до него хотели донести.

Баринг быстро призвал генерала В.Р.Э.Хинда («Чокнутого») для реорганизации сил безопасности и перехватывания инициативы у лесных банд. «Мау-мау» заставили серьезно заплатить за каждую атаку. 26 марта, например, восставшие убили почти сто лоялистов-кикуйю в деревне Лари. Правительственные подразделения, включая африканские войска местной обороны, отомстили сразу же — ужасающе, но скрытно. Они убили вдвое больше сочувствующих «мау-мау» и обвинили во всех смертях «террористов с неутолимой жадой крови»⁶¹.

Это усилило враждебные действия между так называемыми «черными европейцами» (процветающими и привилегированными кикуйю, которые сотрудничали с британцами) и бедными (обычно — неграмотными) милитаристами. Баринг безжалостно поддерживал сторону лоялистов в этой развивающейся гражданской войне. Он превратил войска местной обороны в вооруженное ополчение. 25 000 человек заняли позиции в цепи опорных пунктов с траншеями, напоминающих «дни Цезаря и укрепленные лагеря Галльских войн»⁶².

Губернатор проводил тайную политику контр-террора. Он приговаривал к смертной казни за преступления от дачи клятв «мау-мау» до владения единственной пулей. Министерство по делам колоний опасалось, что это быстро приведет к «несправедливости»⁶³. Массовые казни и в самом деле вскоре последовали. Между 1952 и 1958 гг. были повешены тысяча девяносто африканцев, некоторые — на перевозных виселицах, построенных по приказу губернатора.

Баринг пожертвовал справедливостью и правосудием ради срочности. Самым печально известным случаем стал подстроенный судебный процесс над Кениатой и пятью его коллегами. Губернатор был нацелен убрать лидеров Национального союза африканцев Кении, хотя даже силы безопасности сомневались, может ли Кениата контролировать «мау-мау». Говорилось, что он выступал против насилия⁶⁴. Соответственно, свидетели получили взятки, адвокатам защиты не давали покоя, а судье заплатили 20 000 фунтов стерлингов. Этого оказалось достаточно для получения вердикта о виновности, чтобы убрать Кениату из активной политики до 1961 г. По иронии судьбы, поборник конституционного прогресса, которому и самому угрожали «мау-мау», оказался в тюрьме за то, что был его творцом. Мученичество Кениаты обеспечило его правление Кенией в дальнейшем. Но в то время подобная мера обрекла страну на дальнейшее насилие.

Великобритания продемонстрировала свою решительность разгромить «мау-мау», заменив «Чокнутого» Хинда, которому давались указания просто «помочь разругать ситуацию»⁶⁵. Его сменил генерал сэр Джордж Эрскин («Бобби»). Это был раздражительный, вспыльчивый, тучный и неопрятный мужчина, который прибыл с орденом от своего друга Уинстона Черчилля. Последний дал ему полномочия в случае необходимости объявить военное положение и взять под контроль правительство.

Генерал держал этот документ в очечнике, который открывал и громко захлопывал, чтобы подчеркнуть свои слова. Эрскин старался подбодрить губернатора, которого «ужасно шатало»⁶⁶. Он едва ли пытался скрыть свое пренебрежение к поселенцам. Они были «шлюхами среднего класса», а Кения, если повторить часто цитировавшееся неоригинальное генеральское замечание, являлась «солнечным местом для теневых людей»⁶⁷.

Эрскин винил колонистов и их гнилую администрацию за произошедшее восстание. Он предлагал положить ему конец при помощи военной силы, которую может собрать только империя, обеспечив решение судьбы Кении в Лондоне, а не в Найроби. К осени 1953 г. генерал развернул двенадцать британских батальонов, поддерживаемых бронемашинами, артиллерией и двумя эскадрильями Королевских ВВС, состоявшими из устаревших бомбардировщиков «Гарвард» и «Линкольн» (в дальнейшем к ним добавились и реактивные «Вампайры»).

Вместе с местными подразделениями эти силы осуществляли патрулирование, налеты и засады, чтобы выманить и разгромить лесные банды. Однако вначале «улов» оказывался мелким, хотя выплачивались награды наличными за убитых, пока Эрскин не положил этому конец. Несмотря на подавляющее преимущество в

вооружении, его войскам требовалось многое узнать о партизанской войне. Они транспортировали излишние предметы комфорта в лесную местность на мулах, среди них — железные остовы кроватей. Солдаты выдавали себя, беспокоя диких животных и источая запахи мыла, сигарет и бриллиантина. Возможно, в большинстве потерь в своих рядах они виноваты сами. Один батальон даже убил собственного полковника. Призывая удары с воздуха, которые получились ужасающими, но неэффективными, солдаты указывали области, временно свободные от наземных атак.

Неудивительно, что африканские командиры над ними смеялись. Один из них сообщил Эрскину, что «мау-мау» строят консервную фабрику, чтобы есть консервированное белое мясо.

Это была шутка, но она предполагала очень серьезную слабость самозванной Освободительной армии. Как и другие партизанские силы, «мау-мау» полагались на окружающее население в плане поставок еды, одежды, боеприпасов, информации и другой помощи. С самого начала Эрскин пытался отсечь эти источники поставок. Он отрезал места проживания африканцев в Найроби. Командующий создал санитарный кордон, расчистив банановые плантации и плантации сахарного тростника между лесами и резервациями кикуйю. Был создан барьер, достойный императора Адриана — ров протяженностью в сто миль, идущий вдоль оконечности леса.

Те, кто все еще пытался помочь мятежникам, столкнулись с дальнейшими коллективными наказаниями и систематическим насилием со стороны войск местной обороны. Наиболее эффективным стало заключение в тюрьму подозреваемых в поддержке «мау-мау».

В апреле 1954 г. Эрскин нанес решающий удар. Операция называлась «Наковальня». Это была полная блокада Найроби двадцатью тысячами солдат. Они хватали чернокожих для допросов или «проверки», и отправили примерно 24 000 мужчин и женщин (почти половину населения города из числа кикуйю) в быстро организованные лагеря для задержанных.

Не стесняясь в выражениях, британцы беспощадно бранили «мау-мау» во время этой гигантской облавы, которая уничтожила центральную организацию партизан и нанесла сокрушительный удар по восстанию.

* * *

По мере увеличения числа пленных в Кении было построено более пятидесяти лагерей для их размещения. К концу 1954 г. около семидесяти тысяч африканцев задержали или поместили

в тюрьмы, примерно половину от этого количества держали в лагерях в период чрезвычайного положения. Но Эрскин начал еще более амбициозные действия по ограничению свободы почти для всего народа кикую. Он следовал скорее примеру Темплара в Малайе, а не Китченера в Южной Африке. Генерал наметил депортацию более миллиона человек из разбросанных ферм и крестьянских дворов, многие из которых затем разграбили и сожгли войска местной обороны. Африканцев переселили в 850 тюрем-деревень. Здесь, в окружении ключей проволоки, за ними наблюдали со сторожевых башен. Лоялистов защищали, а подрывные элементы наказывали — подвергали обыскам, устанавливали комендантский час и ограничения. Они получали мало еды, их заставляли принудительно работать. Так лесных «мау-мау» заставили голодать, продолжая охотиться на них.

Партизаны все больше приходили в отчаяние. Им пришлось носить обезьяньи шкуры и сражаться луками и стрелами. «Мау-мау» встали на гибельный путь охоты на тех, кто их поддерживал. «С этих пор, — писал один из этих сторонников, — все стали относиться к борцам за свободу, как к диким животным»⁶⁸.

«Мау-мау» шатались и отступали под ударами молота Эрскина. Многие партизаны дезертировали, другие прятались глубже в джунгли. Баринг в это время попытался перетянуть на свою сторону африканские сердца и умы. Но его усилия, хотя их и поддерживал Черчилль, оказались слабыми. Все, что только пахло примирением, приводило в ярость белых поселенцев, которые «все еще считали себя единственными и естественными наследниками колониального правления». Поэтому, когда губернатор в 1954 г. предложил провести переговоры по заключению соглашения, его обвинили в том, что он жмет руки убийцам. Бланделл даже обвинил Баринга в том, что тот давал клятву «мау-мау», хотя после быстро извинился.

Тем временем, как цинично писал Томас Кэшмор, государство пыталось придать своему правлению «немного силы через радость»⁶⁹. Оно спонсировало социальные программы, развивало образование для взрослых и профессиональное обучение. Администрация поддерживала бойскаутов, спортивные клубы и танцевальные труппы. Она продвигала футбол, хотя некоторые опасались, что игра «стала преемником племенной войны»⁷⁰. Кэшмор, который отмечал, что «большинство холостых молодых офицеров, вероятно, время от времени спали с африканками», обнаруживал к своему смущению, что одна из этих дам, дочь бывшего вождя, несколько раз оказывалась вместе с ним в жюри местных конкурсов шитья. Чиновники нанимали колдунов и прорицателей, известных, как «знахари Ее Величества» или «волшебники из страны Оз» для «очищения»⁷¹ тех, кто насильно дал клятву.

Гораздо более важными стали попытки улучшить условия жизни африканцев. Разрешили развиваться профсоюзам, они стали вести переговоры об увеличении заработной платы в новых видах промышленности — например, в пивоварении и нефтепереработке. Последовала сельскохозяйственная революция, земельные наделы были консолидированы, африканцам позволили культивировать культуры, приносящие реальную прибыль — например, кофе.

Стремление опекать и непрошенное вмешательство оставались сильными. Это раздражало Джорджа Найтингейла, который теперь стал окружным комиссаром. Ему не нравилось, что правительство пытается учить кикую, как выращивать кофе, когда, как говорили сами африканцы, «мы выращивали кофейные деревья в Кении для европейцев, всегда занимаясь сбором урожая»⁷².

Британским солдатам рекомендовали быть дружелюбнее (хотя это и вело к распространению венерических болезней). Более того, общеупотребительными стали английские ругательства, а африканские дети приветствовали пораженного Оливера Литтлтона фразой: «Fuck off!»⁷³ [Прямой аналог русскоязычного ненормативного ругательства. — Прим. ред.] Министр по делам колоний продолжал требовать большего политического прогресса в Кении. Он дал ясно понять: если белые не согласятся на выборы большего количества представителей в Законодательный совет, то придется лишить их власти. Как и другие министры по делам колоний, он не любил этих «паразитов в раю»⁷⁴. Литтлтон с особым негодованием относился к их готовности определять в качестве наказания внесудебные убийство и один раз отругал Бланделла за предложение администрации выстроить в ряд 50 человек и расстрелять их⁷⁵.

На протяжении своей имперской истории британцы всегда лицемерно говорили о легальности и законности, но к середине 1950-х гг. уже ни для кого не было секретом: Кения стала полицейским государством, проводящим расовый террор. В конце концов, доктор Малан, националист, ставший премьер-министром Южной Африки, сделал его моделью для режима апартеида. Частые сообщения о воспитательной жестокости достигали внешнего мира, некоторые из них напоминали о худших режимах. Когда те, кто проводил допросы в Кении, начинали работу с подозреваемыми, то обычно начинали с серии сильных ударов по лицу. Это стандартная шоковая тактика, которая использовалась в отношении заключенных сталинской Лубянской. В большинстве случаев следовали дальнейшие избиения, некоторые приводили к фатальным результатам. Это отношение неизменно оправдывалось: «мау-мау» ниже людей, такое обращение очистит их от «политических болезней» или грехов. Но те, кто применял насилие, «демонстрировали сильную склонность к садизму.. Их глаза будто застигали кровавый

туман»⁷⁶. Это стало еще очевиднее во время дальнейших мучений, которым подвергали мужчин и женщин (по большей части, кикуйю) следователи. Применялись электрические разряды, ожоги, утопление со спасением в последний момент, нанесение увечий и сексуальное насилие.

Специальная служба, известная, как «кенийская СС», владела особым мастерством в причинении боли. Но нештатные следователи могли оказаться еще более злобными и яростными. По словам одного современного историка, некий поселенец в долине реки Рифт получил прозвище «кенийского доктора Менгеле» за подвиги, которые включали «поджигание кожи на живых подозреваемых «мау-мау», принуждение их съесть собственные гениталии»⁷⁷.

Сотрудники служб безопасности знали, что такие зверства происходят. В этом участвовали многие подразделения, которые печально прославились зверствами. Но всеми прилагались усилия, чтобы это скрыть в интересах имперской солидарности. Майкл Севард, чиновник, ответственный за гуманитарное развитие общин в Меру, очень расстраивался из-за деятельности своих соотечественников: «Мне велели быть «хорошим парнем», продолжать выполнять свою работу и держать рот на замке»⁷⁸. Когда кто-то выступал с протестом, сам Литтлтон прикидывался глухим и слепым. Как выразилась славящаяся честной и откровенной критикой Парламента Барбара Касл, Баринг «очень гладко, будто смазывая мылом, самодовольно все прикрывал»⁷⁹.

Солдаты беспокоились о своих. Кэшмор рассказывает о рядовом из Кенийского полка, который предстал перед военным трибуналом, потому что при допросе молодой женщины-кикуйю он «вставил в нее бутылку из-под пива, и не только причинил ей боль, но и нанес травмы». Рядового оправдали. «Решение посчитали хорошим для морального духа, его приветствовали многие в полку».

Даже Кэшмор считал правильным подавлять собственную брезгливость в этих вопросах, «потому что невозможно навязать любезность, вежливость и воспитанность Челтенхэма в предгорьях Чуки»⁸⁰. Не нужно говорить, что эпизоды подобного рода укрепляли оппозицию (как мировую, так и местную). Они настраивали против колониального порядка.

Но процесс «допроса» был просто прологом к невероятному количеству страданий, которые выносили африканцы в том, что преувеличенно называли британским «ГУЛАГом»⁸¹. Заявленной целью лагерного комплекса являлась реабилитация. Закоренелых и отчаянных подозреваемых «мау-мау» (которых многозначительно называли «черными», в то время как тех, в чьей причастности сомневались, именовали «серыми», а невинных — «белыми»)

должны были вылечить от «болезни». Ее европейцы продолжали диагностировать различными путями. Некоторые считали, что лесные борцы страдают от «общего психоза», другие настаивали, что они заражены аравизмом и стали «примитивными животными»⁸².

Но многочисленные споры велись насчет лекарства. «Мау-мау» правили при помощи страха. Поэтому, по словам одного сомнительного эксперта, «надо создать больший страх перед нашим лагерем»⁸³. Это означало, что наказание, придуманное для получения признания и принуждения к покорности, стало почти конечной целью само по себе. Встречались и гуманные коменданты. Но в большинстве случаев использовались пытки, чтобы сломить дух задержанных. Так что по прибытии в лагерь вроде Маньяни людям приходилось пробежать сквозь строй охранников с дубинками. (Это же практиковалось и в Дахау).

К труду принуждали незаконно, часто — насилием и голодом. Надпись над воротами Агути была нацистским лозунгом «Arbeit Macht Frei» — «Труд освобождает»⁸⁴.

Избиения были достаточно жестокими, чтобы оставить Кению с сотнями «нищих калек»⁸⁵. Вечера и ночи в лагере Южная Ятта были «праздником и отдыхом от боли», как писал Дж. М. Кариуки. Но каждый день оказывался одной долгой агонией⁸⁶.

В других местах заключенные так привыкли к избиениям кнутом и дубинками, что дергались и отпрыгивали от охранников, как марионетки. Насилие принимало многочисленные формы, сексуальные зверства стали обычным делом. Пленных часто убивали, иногда выпускали в местности, где свирепствовали львы. В дальнейшем один охранник признался: он сам и другие служащие Кенийского полка регулярно ликвидировали «закоренелое дерьмо»: «Никогда не думал, что у кикуюю столько мозгов, пока мы не разбили несколько голов»⁸⁷. Более двадцати тысяч бойцов «мау-мау» лишились жизни во время чрезвычайного положения, но сколько умерло в лагерях, неизвестно. Однако эта цифра значительно превышала количество смертей белых гражданских лиц (их погибло всего тридцать два человека). Ясно одно: кенийский «архипелаг» оказался одним из самых худших позорных пятен на репутации Британской империи. Заместитель комиссара полиции Дункан Макферсон рассказал Барбаре Касл, все еще ведущей атаку на насилие и зверства, что условия в некоторых лагерях «хуже, чем что-либо, что я испытал в течение четырех с половиной лет заключения у японцев»⁸⁸.

Однако к 1956 г. Баринг стал чувствовать себя более уверенно в Кении. Со стальной решимостью ему удалось скрыть самые худшие крайности колониального режима. Он эффективно

легализовал пытки, одоббив ложное разделение, предложенное генеральным атторнеем, между «карательной силой», официально запрещенной, и «обязующей силой», которая была разрешена.

Губернатор определил, что чрезвычайное положение введено в связи с гражданскими беспорядками, а поэтому лишил задержанных прав военнопленных. Он прилагал усилия, чтобы урегулировать дела с Красным Крестом, подавить церковь и увести в сторону враждебно настроенных членов Парламента вроде Барбары Касл — «этой зубастой суки»⁸⁹.

Губернатор получил решительную и стойкую поддержку от Алана Леннокс-Бойда, прозванного «Бвана Килиманджаро» в Восточной Африке. Барбара Касл говорила о нем, как о «гвардейском типаже»⁹⁰. Такие люди были убеждены, что правящий класс Британии не может сделать ничего неправильного. Под его управлением Министерство по делам колоний продолжало использовать все способы для защиты Баринга. Оно отрицало более серьезные обвинения, выдвигаемые против его администрации, скрывало доказательства, дискредитировало свидетелей и плело паутину обмана, достойную Альбиона в самом вероломном и предательском варианте.

Скрывая плохие новости, Леннокс-Бойд рекламировал реальный прогресс в Кении. Улучшенные меры по подавлению восстаний фактически уничтожили «мау-мау». Постепенно лагеря для задержанных закрывались. Все, за исключением черных заключенных, постепенно получали свободу. Офицеры, занимающиеся реабилитацией (например, майор и миссис Брекенридж), добились настоящего успеха в подавлении восстания добротой. Если верить массе неопубликованных писем, которые они получили от задержанных, то Брекенриджи убедили многих кикуйю осудить зло, которое принесли «мау-мау», перейти на сторону хороших граждан. Учитель по имени Сайрус Каруга хвалил майора за его работу в «реформировании самых стойких и сложных заключенных, одним из которых был я... Я очень благодарен вам за битву, которую вы ведете за сценой, чтобы нас могли снова принять дома»⁹¹.

Лоялисты-кикуйю процветали. В 1957 г. первые африканцы были избраны в Законодательный совет, среди них — Том Мбойя и его давний соперник Огинга Одинга. Последний приводил в негодование белых депутатов, появляясь на собраниях, «заворачиваясь в звериную шкуру, в «пиджаке» из длинных хвостов животных, сандалиях с морскими раковинами, чулках, воротнике и головном уборе с бусинами, с метелкой из коровьего хвоста в руке»⁹².

Одинга с презрением относился к Мбойе, динамичному прагматику, который сам иногда одевался в свободные одежды луо и пояса

из козлиной шкуры. Он считал Мбойю «бешеной черной собакой, которая яростно лает и кусает всех на своем пути»⁹³. Баринг тоже оказался враждебно настроенным. Он говорил о Мбойе, как о «подстрекателе»⁹⁴, «бывшем католике с нравственностью обезьяны»⁹⁵.

Но на какое-то время Леннокс-Бойд надеялся убедить таких анти-«мау-мау» (националистов не из кикуйю) поддержать конституцию, основанную на разделе власти между многими расами. Умеренное меньшинство поселенцев, возглавляемых Бланделлом, который тоже считал Мбойю «безжалостным и амбициозным головорезом»⁹⁶, примирилось с таким компромиссом. К 1959 г. чернокожие получили право приобретать землю на Белом нагорье, а в некоторых районах наблюдалось сближение рас. Социальные взаимоотношения стали «гораздо более расслабленными», как писал Кэшмор. «Ведь молодые поселенцы сражались рядом с африканскими лоялистами, привыкли доверять им, и это отношение им понравилось».

Несмотря на глубоко въевшиеся «подозрения и предрассудки», Кэшмор сам был «полностью очарован самым настоящим шармом Мбойи». Однако он отмечал, что старое отношение умирало с трудом. Когда несколько участников предложили пригласить африканцев и индусов в клуб «Меру», то столкнулись с «жестоким противостоянием большинства белых официальных лиц. Похоже, последние опасались, что гости могут начать танцевать с женами официальных лиц».

Более того, когда чрезвычайное положение подходило к концу, ничто не делалось для примирения с черными заключенными. Наоборот, им «угрожали, их пороли и брили, охранники указывали им путь «дополнительными тяжелыми ударами и пинками». Кэшмор считал это прощальное насилие безумием: «Оно должно было сделать ответный выстрел в результате какого-нибудь случая, выходящего за все рамки»⁹⁷.

3 марта 1959 года это пророчество реализовалось в лагере Хола, где одиннадцать заключенных забили до смерти.

Лагерь Хола располагался в жаркой тропической дикой местности, недалеко от побережья. Там было очень много комаров. Это место выбрали для содержания последних черных заключенных. Баринг называл их «политическими головорезами»⁹⁸. Лондонская «Таймс» сообщила: «Это внутреннее ядро самой крепкой организации «мау-мау», деградировавшие и фанатичные негодяи и убийцы, которых заставляют работать в надежде на спасение и искупление вины посредством суровой дисциплины»⁹⁹.

Предшествовало бойне внезапное введение плана по принуждению самых упрямых и стойких из заключенных к работе. Этот план, который в дальнейшем посчитали незаконным, был при-

думал старшим тюремным надзирателем Джоном Кованом, считавшим, что принуждение в лагерях «полностью справедливо, как хорошая потасовка в регби»¹⁰⁰. Но пытаясь заставить заключенных копать ирригационную канаву в Холе, охранники под командованием неопытного бывшего морского офицера Дж.М.Салливана вышли из-под контроля. Салливан заявлял: смерти вызваны потреблением зараженной воды. После поверхностного расследования Баринг подтвердил эту версию. Однако новое расследование вскоре вскрыло его фальшивость, а заодно показало, что у многих заключенных имеются серьезные травмы.

Весь эпизод, как сказал лидер лейбористов, «шокировал и привел в смятение цивилизованных граждан по всему миру»¹⁰¹. Негодование усилилось, когда выяснилось, что никому не будет предъявлено обвинение в этом преступлении. И действительно, Ковану вручили медаль Британской империи. Леннокс-Бойд сделал вывод, что Британскую империю можно лучше всего поддержать и сохранить, объявив, что она не станет сдавать власть в Кении в обозримом будущем, но проведет амнистию тем, кто принес зло с обеих сторон. Заодно решили изменить название Хола.

Критики продолжали громко кричать. Самым красноречивым из них оказался Энох Пауэлл, пылкий «тори» и радикал, которого Макмиллан пересадил со стула напротив себя в кабинете, поскольку не смог видеть его дикие, неотрывно смотрящие глаза.

В речи, которая привела Палату общин в невероятное возбуждение, Пауэлл говорил о Холе, как об «огромном управленческом провале». Он утверждал: поскольку Великобритания не взяла на себя ответственность за случившееся, это подорвало ее попытки посадить ответственное правительство на зависимых территориях. «Все правление, все влияние человека на человека основывается на мнении. То, что мы еще можем сделать в Африке, зависит от мнения, которое поддерживается относительно пути, каким действует наша страна и мы, англичане. Мы не можем, мы не смеем пасть в Африке ниже самых высоких стандартов в принятии на себя ответственности»¹⁰².

Пауэлл, в частности, оправдал Леннокс-Бойда. Это не понравилось тем, кто поздравлял его за речь «обо всем лучшем в британских традициях — вещах, которые будут существовать дольше любой империи»¹⁰³. Например, леди Вайолет Картер, дочь Эсквита и приятельница Черчилля, выступила с протестом из-за того, что Леннокс-Бойд снова и снова отказывал в общественном расследовании условий в лагерях: «Ведь один только факт, что содержащиеся там заключенные гниют от цинги, требует расследования». Цепь ответственности, как сказала она Пауэллу, «идет прямо наверх»¹⁰⁴.

Леннокс-Бойд предлагал уйти в отставку. Но в канун всеобщих выборов, когда в отчете Девлина было выдвинуто обвинение в том, что Британия превратила Ньясаленд в полицейское государство, Макмиллан решил оставить всех своих министров. Поэтому министр по делам колоний выразил полную уверенность в Баринге и отмахнулся от фантастических и странных обвинений лейбористов в официальной попытке обелить и скрыть недостатки.

Однако перед своим преемником Леннокс-Бойд оправдал тактику железного кулака, применявшуюся в Кении. Он посоветовал Айану Маклауду, который был назначен после победы «тори» в октябре 1959 г., «применять пушки в живущей племенным строем Африке»¹⁰⁵. Маклауд пришел в ужас от этих рекомендаций, как и от убийств в Холе. Он скрупулезно провел перекрестный допрос Бланделла об этом. Министр видел острые муки совести у своих соотечественников, значительная часть которых теперь была убеждена: империализм обязательно включает нарушение прав человека. Люди думали, что «лучше ускорить предоставление независимости колониальным народам, чем нести ответственность за такие ужасающие события, как случившееся в лагере Хола»¹⁰⁶.

Министр учитывал слова Эноха Пауэлла. В дальнейшем Маклауд сказал: «Решающим моментом для меня был тот, когда стало ясно, что мы больше не можем продолжать применять старые методы управления в Африке. Это означало неумолимое продвижение к независимости Африки»¹⁰⁷.

* * *

Практически сразу же Маклауд решил покончить с чрезвычайным положением и освободить почти всех остававшихся в заключении «мау-мау». Он действовал быстро, потому что внутреннее напряжение в Кении росло, возрождался терроризм, приходилось опасаться ужасного кровопролития¹⁰⁸. В целом министр отвечал на давление, которое создала речь Макмиллана о ветре перемен.

Маклауд особо прислушивался к международному мнению, высказанному в ООН и США. Просьба Тома Мбойи о «неразбавленной демократии»¹⁰⁹ привлекла сочувствующую аудиторию в Америке, где на него смотрели, как на чернокожего Джорджа Вашингтона, нацелившегося заставить британцев, которые дрались за Африку, убраться с континента¹¹⁰. Многие американцы думали, что западным интересам в «холодной войне» теперь лучше всего послужит быстрый распад реакционных европейских империй.

Маклауд был особо обеспокоен тем, что Франция и Бельгия выиграют гонку за деколонизацию Африки, а Великобритания останется позади с Португалией, которой все еще правил

квази-фашистский диктатор Антонио Салазар. Министра беспокоила стоимость чрезвычайного положения, которое обошлось в 60 миллионов фунтов стерлингов, а также окончание всеобщей воинской обязанности. Он сделал вывод: во многих смыслах Кению становится невозможно защитить. Поэтому в январе 1960 г. пришлось собрать совещание белых и черных лидеров страны (за исключением Кении) в Лондоне.

Оно проводилось в Ланкастер-хаус — массивном квадратном здании цвета меда, построенном из камней, привезенных из Бата. Это строение появилось между Грин-парком и Сент-Джеймс-парком в 1895 г., оно выстроено для герцога Йоркского. Королева Виктория, переходя дорогу, чтобы посетить этот особняк, сказала, что оставила свой дом ради дворца. Теперь он восстановлен, напоминая всем, кто живет в эпоху новой Елизаветы, о величии викторианской эры. В нем проводились многие совещания по вопросам колоний.

Ланкастер-хаус предназначался для создания благоговейного трепета у представителей, приехавших из дальних уголков сокращающейся империи. Так Септизоний вызывал благоговейный трепет у варваров, приближающихся к Риму по Аппиевой дороге. Как писал Алан Леннокс-Бойд, на протяжении всех его переговоров с лидерами колоний, «достоинство и великолепие здания оказывало сильное влияние, которое помогало»¹¹¹.

Взгляды прибывших падали на портик в коринфском стиле, атриум в стиле барокко, черных кариатид, каминные рококо, хрустальные люстры, итальянские картины, гигантскую мраморную лестницу, украшенную Чарльзом Барри, большую галерею с расписным потолком, поддерживаемым позолоченными колоннами в форме пальмирских пальм. Однако критики ругали демонстративный эклектицизм, который тянулся от Августа до Людовика XV. Они считали Ланкастер-хаус сооружением, более подходящим для казино. Бланделла шокировал театральный контраст между голубыми столами и красным бархатом обивки в зале для ведения переговоров, а также линолеумные полы, лифты-клетки и фанерные перегородки в укромных местах. Здесь проводилась большая часть работы, но заодно демонстрировалась поношенность британского имперского одеяния.

Об этом же упомянул и Маклауд в первой речи, которой он открывал совещание. Он признавал неизбежность правления большинства в Кении и, по словам популярной прессы, пообещал независимость¹¹².

Это была уступка исключительной важности, которая вскоре привела к тому, что в Законодательном совете стали доминировать африканцы. Но, хотя демократический принцип победил,

а переход власти не представлялось возможным повернуть вспять, он не стал прямым. Различные партии, которые не могли найти единства в своих рядах, имели разногласия друг с другом. Не прекращалась личная вражда (например, Бланделл находил особенно сложным иметь дело с Маклаудом): «Он агрессивен, груб и безжалостен; очень амбициозен, с первоклассным умом. Он действительно близок к премьер-министру. Его личность не вызывает симпатий, его нельзя назвать прямым и честным человеком. Мы несколько раз ловили министра на лжи во время переговоров... Я не стал бы ему доверять даже в малом»¹¹³.

Определение времени перемен было проблематичным. Маклауд представлял, что передача власти займет примерно десять лет, а его конституционные ограничения (например, губернатор сохранял право выбирать собственных министров) имели целью задержать процесс. Более того, министр по делам колоний с неохотой поддерживал преемника Баринга сэра Патрика Ренисона, когда тот объявил, что суды установили вину Кениаты — «африканского лидера тьмы и смерти»¹¹⁴.

Ренисон пытался успокоить твердолобых поселенцев, которые кипели из-за того, что умеренные сторонники Бланделла передали победу «мау-мау» в Ланкастер-хаусе. Сам Бланделл признавал: обещание независимости оказалось огромным шоком для европейцев в Кении. Но он утверждал: в стране с шестью миллионами все более воинственных африканцев, «60 000 европейцев на самом-то деле не являются крепкой базой для самоуправления»¹¹⁵. «Бешеные» продолжали настаивать на главенстве белых, утверждая: если бы не это, то потенциальные чернокожие лидеры Кении до сих пор «бегали бы по кустам с копьем в руке, одетые так, какими их в этот мир выпустил Небесный Портной»¹¹⁶.

Когда Бланделл вернулся в Найроби, один из поселенцев бросил к его ногам мешок с тридцатью серебряными монетами по шесть пенсов и крикнул: «Иуда!»¹¹⁷ Ренисон, гражданский служащий, не обладавший воображением, находился под влиянием своего сообщества, и не мог понять: от Кениаты, назначенного президентом нового Национального союза африканцев Кении (ставшего преемником предыдущего), невозможно убежать. В 1961 г. губернатор прочитал районным комиссарам сорокаминутную лекцию о политической ситуации и ни разу не упомянул имя Кениаты. Когда его спросили, почему, Ренисон ответил: «Он — битая карта»¹¹⁸.

В августе того года губернатор был вынужден выпустить Кениату. Ведь только он один мог обеспечить сотрудничество с Национальным союзом африканцев Кении — партией большинства. Его возвращение радовало африканцев, но вызывало отвращение у европейцев. Последние боялись, что континент охватит расовая

война. Беспорядки возникали в Алжире, Анголе, Конго, самой Кении, а особенно — в Южной Африке. Она вышла из Содружества через год после того, как полиция убила шестьдесят семь чернокожих в Шарпевилле, и за три месяца до освобождения Кении.

Министру по делам колоний требовалось достичь с Кенией понимания. Великобритания собиралась дистанцироваться от государства апартеида и избежать столь же кровавых столкновений в Кении. Несмотря на долгое тюремное заключение в суровых условиях, Кениата остался сторонником примирения и соглашения. Очевидно, он не таил зла и убежал белых, что они будут в безопасности в стране чернокожих. Однако многие белые бранили Бланделла и ему подобных за «виляние хвостом у ног этого злобного существа»¹¹⁹. Один так переживал, что осудил подобных расовых предателей в стихах:

Теперь вы молитесь:
«Простите наш цвет кожи!»
А за плечом
Сам дьявол корчит рожи.
Вы опозорили родню,
И плоть, и кровь;
Лишь только к дикости
Живет в душе любовь¹²⁰.

Белые, придерживавшиеся таких убеждений, не могли вынести того, что «жизнь в раю меняется»¹²¹.

Шесть тысяч таких белых (десятая часть европейского населения) уехали в 1961 г. Британское правительство (использував доллары, предоставленные Всемирным банком) дало гранты на выкуп имущества европейцев и оплату обратного переселения африканцев. Это немного выпустило пар из котла¹²².

Выкуп имущества ускорил продвижение Кении к независимости, поскольку Казначейство хотело минимизировать дальнейшие претензии. Тем временем Кениата снова и снова повторял свой новый пароль «харамби»¹²³ («стягивайтесь вместе»). Он пытался объединить конкурирующие африканские племена во время схватки за землю и свободу, но ни в коей мере не добился успеха. Племенные и прочие меньшинства опасались доминирования контролируемого кикуйю Национального союза африканцев Кении. Они требовали федеральной конституции.

Когда Реджинальд Молдинг, преемник Маклауда на посту министра по делам колоний, посетил Кению, представители племен каленьин приветствовали его плакатами, призывая: «Свое правление — в регионы»¹²⁴. Несмотря на возражения «тори» на

родине, Молдинг стал продвигать дело к независимости (Макмиллан считал, что он был «чернее, чем негры»¹²⁵). Кениата возглавлял делегацию Национального союза африканцев Кении на второй конференции в Ланкастер-хаусе в 1962 г. Он уступил многим требованиям о передаче функций и полномочий, справедливо уверившись, что сможет трансформировать Кению в сильное унитарное государство, когда получит власть. Но власть должна стать результатом компромисса. В июне 1963 г., после победы Национального союза африканцев Кении на выборах, Кениата стал премьер-министром. Через шесть месяцев он повел свою страну к «ухуру».

Во время церемонии объявления независимости, устроенной на залитом светом прожекторов стадионе в окрестностях Найроби, Кениата снял значок в виде петушка со своего лацкана и прикрепил к белой форме герцога Эдинбургского, который представлял королеву. Этот символ включили и в национальный герб Кении, он отражал намерение Кениаты превратить многорасовую страну в однопартийное государство. Герб должен был стать аватарой лидера, это стало ясно по развитию культа его личности.

Вскоре в каждом магазине требовалось выставлять портрет Кениаты. Его лицо появилось на марках и купюрах. Он доминировал на радиоволнах и в новостных программах по телевизору. Съёмочная бригада сопровождала его повсюду.

Кроме монополизации власти Кениата занялся тем, что один критик назвал «бессмысленной аккумуляцией собственности»¹²⁶. Пока имперский порядок характеризовался алчностью и плохим управлением, Кениата выглядел естественным. Как и белые поселенцы, он даже говорил об Англии, как о «доме»¹²⁷. Однако угрожающая и галопирующая коррупция независимого режима была новым делом, и это обеспечило еще одно оправдание империи, но лишь в ретроспективе.

Даже когда «Юнион Джек» спускали в Найроби, Марджори Перхам подтвердила достоинства колониализма: «Большая часть этого наследия — это терпеливое, спокойное строительство сотнями британских чиновников; миссионерами, которые принесли западное образование и открыли дверь в христианство; азиатами, которые вложили свою коммерческую предприимчивость и мастерство рук. Лишенным наследства, оскорбляемым и поносимым поселенцам Кения обязана богатством сельского хозяйства и экономическими достижениями, завоеванными в результате долгого и дорогого эксперимента»¹²⁸.

Другие представители империи еще более расширили этот аргумент. Они подчеркивали преимущества британского правления: отмену рабства и племенных войн, контроль за голодом и болезня-

ми, рост благосостояния и населения, стремление «привести африканцев к цивилизации»¹²⁹. Конечно, ради собственной гордости многие чиновники, которые работали в Кении, считали себя обязанными верить, что сделали вклад в прогрессивное предприятие. Один из них оценивал британские достижения в Кении так: «Я не хотел бы, чтобы что-то из всего этого не было сделано. Это было абсолютно жизненно необходимо для продвижения вперед»¹³⁰.

По своим собственным причинам политики-лейбористы и историки-консерваторы эхом повторяют эту точку зрения сегодня, убеждая своих соотечественников, как сделал Гордон Браун в 2004 г., гордиться империей¹³¹. Но задумчивые либералы вроде Томаса Кэшмора, который оглядывался назад, на свой опыт в Кении, сомневаются. Он надеялся, что прошлое и репутация Британии не без добродетелей, оно определено лучше, чем у всех других европейских стран в Африке. Однако, обдумывая многочисленные ошибки и несправедливости, Кэшмор опасался, что будущие поколения станут «судить нас более сурово за то, что не оправдали доверия; поскольку мы должным образом не подготовили наших преемников для трудностей независимости, уйдя слишком быстро». Или же они будут «проклинать нас за то, что мы не ушли раньше, или даже за то, что вообще пришли»¹³². Если окончательный вердикт был справедлив в отношении Кении, то он столь же справедлив и в случае Центральной Африки — месте самой последней и наиболее растянувшейся колониальной борьбы Британии на континенте.

Глава 20

«Вся родня»

Родезия и Центральноафриканская Федерация

Родезия могла находиться далеко от Бога, но определенно располагалась недалеко от Южной Африки, главного источника своих проблем на протяжении почти целого столетия. Первопроходцы, которые отправились на север в 1890 г., поддерживаемые ресурсами британской «Южноафриканской компании», распространяли расовую отраву по неровному плато между Лимпопо и Замбези. После набега на Лобенгулу в 1893 г. подчиненные Сесила Родса вели себя грубо, причем эта грубость была достойной буров.

Доктор Джеймсон распределял большие участки земли, отдавая особые предпочтения «то тому лорду, то тому достопочтенному». Их владения часто оказывались в итоге в руках спекулянтов, а бывшим обитателям оставались голые остатки, которые они рассматривали «как кладбища, а не дома»¹. Под угрозой станкового пулемета «Максим» африканцы были доведены до статуса рабов. Их облагали налогом на недвижимое имущество. Они были вынуждены обеспечивать дешевую рабочую силу, что сами находили «раздражающим и унижительным вмешательством в личную свободу»². «Комитет по грабёжам»³ забирал большую часть их скота, рубил на корню их общинную жизнь и угрожал самому существованию. Приспешники законности и порядка могли насилловать африканских женщин в вельде, а главный комиссар по местному населению пришел в такую ярость при виде «неотесанного местного жителя в сапогах»⁴, что приказал его высечь. Как признавал сам Милнер, использование чернокожих стало скандальным, а «защитить их было нельзя»⁵.

Как и Бенгалия после Плесси, Родезия стала добычей белых гарпий. Их подбадривал Джеймсон, который чрезмерно и незаслуженно расхваливал «очень прибыльную землю», которой управлял, называя ее «счастливым сочетанием Ханаана, Офира и страны чернокожих»⁶.

Вскоре белые стали подозревать, что это обещание иллюзорно. Они находили мало богатства и много расходов — виски, которое стоило полукрону за бутылку в Лондоне, продавалось в Солсбери по десяти шиллингов за маленькую рюмку. Котята, которые требовались для того, чтобы справляться с полчищами крыс, продава-

лись по пяти фунтов стерлингов. Первопроходцы все еще мечтали о мраморных дворцах и паровых яхтах, если и не о «яйце птицы Рух Синдбада или золотой долине Рассела»⁷. Они не скрывали своей жадности от Колосса. «Я хочу, чтобы вы знали, мистер Родс, что мы приехали сюда не ради потомков», — сказал один угрюмый шотландский торговец⁸. Родс тут же должным образом ответил, придумав золотые видения великой Зимбабве, вызывающих благоговение африканских руин у форта Виктория, которые он опознал, ссылаясь на Священное Писание, как «старую финикийскую резиденцию».

Родс писал в своем обычном стиле (как попало, на скорую руку), что «слово «павлины» в Библии можно читать как «попугаи», а среди каменных орнаментов в Зимбабве имеются зеленые попугаи, обычный вид для этого региона. Доказательством являются золото и слоновая кость, а еще — тот факт, что Зимбабве построена из разрубленных камней без известкового раствора»⁹.

Родс превратил древность в прибыль, основал компанию «Африканские руины Родезии Лтд». с эксклюзивными правами на разработку таких мест в поисках сокровищ.

Хотя его первопроходцы могли проклинать немецкие и бельгийские методы, они не испытывали сомнений или угрызений совести относительно эксплуатации континента ради всего, что там имелось. Более того, англичане приняли идеи африканеров (буров) об отношении к африканцам. Они подтвердили: предрасудки из-за цвета кожи были «мудрой мерой предосторожности природы, чтобы сохранить высшую расу»¹⁰. Эти люди вводили и навязывали римско-голландское право, чернокожих судили белые присяжные. Они были так уверены в себе, что даже создали, вооружили и подготовили африканскую полицию. (Многие рекруты дезертировали в марте 1896 г., когда доведенные до почти самоубийственного отчаяния матабеле, а потом и машона подняли восстание).

Главный администратор лорд Грей, который ездил на работу на красном велосипеде с толстыми шинами и золотой короной, выгравированной на крыле, восхищался смелостью африканских полицейских. Он также винил компанию за то, что нанимала их в собственных районах: «Правильным принципом являлся тот, которому следовал Цезарь. Он сохранял спокойствие в Англии при помощи легиона, собранного на Дунае, а спокойствие на Дунае — при помощи британского легиона»¹¹.

Восстание началось внезапно, из-за спонтанной вспышки гнева, оно было плохо скоординировано. Но бунт разгорелся в ужасный момент, когда британцы были ослаблены и отвлечены на набег Джеймсона. Более того, воины железного века из королевства

копий Лобенгулы выучили уроки своего поражения в 1893 г. Тогда они атаковали, бросаясь в атаку на открытой местности, словно воплощения наступательного духа, и полагались на холодную сталь (во многом походя на батальоны Хейга на Сомме). Матабеле тоже не смогли толком освоить огнестрельное оружие, они поднимали прицелы на винтовках, чтобы добавить силы пулям, а иногда стреляли по взрывающимся снарядам. Теперь их «Мартини-Генри» (подарок Родса Лобенгуле) были лучше прицелены, а тактика стала более искусной.

Восставшие атаковали небольшими группами на пересеченной местности, убили почти 150 человек за два месяца и загнали остальных в укрепленные лагеря в Булавайо, Гвело и других местах. Колонны с подмогой из Солсбери и Мафекинга прибывали медленно – отчасти из-за ужасающей эпидемии чумы рогатого скота. Она убивала волов, которых впрягали в фургоны, хотя стада матабеле редели еще больше. И войска империи ни в коем случае не могли быть уверены в победе после того, как ввязались в то, что Баден-Пауэлл назвал «дракой с неграми»¹².

Матабеле воспользовались преимуществами местности, в особенности горами Матопос к югу от Булавайо. Они представляли собой хребет на хребте, состоявшие из гранитных холмиков. В тех местах гигантские валуны на возвышенностях кренились под дикими углами. Некоторые скалы, где проглядывал кварц, считались священными для матабеле. Они выглядели, как «руины старых замков, стоящих на раздробленных обломках породы, недоступных ни для кого, кроме времени»¹³. Другие напоминали фантастических животных или монументальные обелиски, а иной раз, как ни странно, королеву Викторию. Все это охраняли густые колючие кусты, местность прорезали расщелины, пещеры и каньоны.

Горы Матопос представляли собой природный опорный пункт. Говорили, что они более надежны, чем Гималаи. Здесь британские солдаты осознали одну неприятную вещь. Несмотря на имеющиеся у них взрывчатые вещества, пулеметы и винтовки «Ли-Метфорд» дальнего радиуса действия, они могли только «брать жизнь за жизнь, столкнувшись с ордой обнаженных дикарей»¹⁴.

Однако матабеле не удалось остановить наступление большего количества людей и металла. К июню 1896 г. они уже оборонялись. Один лейтенант жаловался, что его патруль «постоянно находился на грани схватки, но негры всегда исчезали, когда мы близко подходили к ним. Это были переходы, сплошные переходы, день за днем, сквозь кусты, без всякой дороги... Произошло несколько стычек с небольшими группами противника. Мы убили несколько человек и взяли пленных (которых всегда сразу же расстреливали). Мы сожгли дюжину краалей, захватили много скота и женщин»¹⁵.

Затем, до того, как матабеле разбили на юге, машона устроили восстание на севере, терроризируя огромную территорию вокруг Солсбери, которую по большей части лишили гарнизона. Африканцы убили свыше 370 европейцев (примерно 10 процентов белого населения). Такого истребления не совершили даже сипаи во время восстания в Индии, не говоря уже о «мау-мау». Но вторая фаза восстания («чимуренга») получилась еще более шокирующей, поскольку поселенцы защищали предположительно «ручных» машона от воинственных матабеле. Один первопроходец, который приехал из США, говорил, что члены племени машона хуже, чем «жестокие и вероломные американские индейцы, убивающие ненавистных бледнолицых»¹⁶.

Белым угрожала смертельная опасность. У них возникли ярость и желание убивать, подобные тем, что были вызваны восстанием сипаев в Индии. Безжалостная бойня женщин и детей, как писал знаменитый охотник Ф.С.Селоус, «кажется колонисту не просто преступлением, а святотатством, она вызывает всю латентную ярость более цивилизованной расы».

Это разбудило «спящего демона»¹⁷ в душе строителя империи. Как один волонтер сказал своей матери, «после этих хладнокровных убийств ты можешь не сомневаться, что не будет никакой пощады и снисхождения, и все черное будет вынуждено умереть, потому что у наших людей разыгралась кровь»¹⁸. Сам лорд Грей, названный «рыцарем империи», горел ненавистью вместе с лучшими из колонизаторов. «Он ездит по вельду в поисках, кого бы пристрелить, — писал его личный секретарь, — и его требуется удерживать от совершения самых непростительных убийств»¹⁹.

Даже миссионеры призывали к возмездию. Один католический священник думал, что единственный шанс на будущее дьявольских машона — это «уничтожение всего народа, как мужчин, так и женщин, старше 14 лет»²⁰.

Самым печально известным символом мести и главным инструментом закона Линча являлось дерево в Булавайо, служившее виселицей. Здесь избавлялись от африканских подозреваемых после быстрого судебного процесса. Они свисали с веток на веревках, которые закручивали вокруг шеи. Один молодой торговец заметил: «Великолепно подстреливать негров, словно дичь на обед, и смотреть, как они падают, словно кегли в кегельбане». Мертвые результаты этого развлечения он считал «очень приятным зрелищем»²¹.

Однако Олив Шрейнер опубликовала фотографию зрелища — свисающие с дерева черные трупы и наблюдающая за ними группа белых — на обложке своей знаменитой книги, ставшей атакой на Родса, «Солдат Питер Халкет из Машоналенда» (1897). Это помог-

ло крестовому походу Генри Лабушера против жадности. британской «Южноафриканской компании». Его журнал «Трут» («Правда») яростно осуждался в Родезии, в частности, Баден-Пауэллом. Последний оправдывал слепую ярость первопроходцев, проводивших ответные меры. Он высмеивал мягкость «богатой, сонной, послеобеденной старой Англии». Очарованный казнями, этот военный даже сам провел одну, незаконно организовав военный трибунал и застрелив «прекрасного старого дикаря»²² по имени Увини. Баден-Пауэлл раздобыл фотографию, сделанную Олив Шрейнер, поместил ее в записную книжку, где вел записи о кампании, и назвал «Рождественское дерево»²³.

В этих частях сельской местности, охваченной восстанием, которое совсем не являлось всеобщим, представители британской регулярной армии и волонтеры британской «Южноафриканской компании» проводили политику выжженной земли. Они сжигали краали и подрывали динамитом пещеры, наказывали сам вельд, иногда уничтожая друзей, как и врагов, и время от времени собирали трофейные уши или куски черной кожи, чтобы делать мешочки для хранения табака. Колонизаторы «стреляли невоинственных женщин, их нисколько не беспокоило убийство детей»²⁴. Они уничтожали посевы и запасы зерна, реквизировали скот и не давали собирать урожай.

Британская «Южноафриканская компания» создала настоящий голод. К августу 1896 г. восставшие были вынуждены есть обезьян, коренья, ягоды и сердцевину пальм, а также шкуры мертвого скота. В следующие несколько месяцев большое количество людей умерло от голода и болезней. Выжившие сражались друг с другом за еду и сдавались пачками. Булавайо, связанный с Южной Африкой железной дорогой в 1897 г., наполнился чернокожими беженцами, напоминающими скелеты. «Посмотрите на мое тело, мои руки, мои ноги, — говорил один из них. — Я напоминаю неровный холмик, я состою из одних углов»²⁵.

Родс организовал и финансировал раздачу маиса, но для многих еда поступила слишком поздно. Лидера колонизаторов волновали большие затраты из казны британской «Южноафриканской компании», вызванные растянувшейся партизанской войной. Поэтому он урегулировал вопрос с матабеле.

Это был крупный мужчина, тяжело дышавший, задышавшийся и преждевременно состарившийся. Его голос во все большей степени срывался на фальцет, рукопожатие стало вялым. Но Родс демонстрировал впечатляющее хладнокровие, присутствие духа и самообладание. Как предполагал один друг, он, возможно, думал, что ему не предначертано судьбой «быть убитым проклятым ниггером»²⁶.

В любом случае, Родс отправился к индунам (государственным чиновникам) матабеле всего с несколькими сопровождающими, которых даже отругал в характерной для него манере за то, что пришли на «индабу» (совещание) вооруженными: «Вы со всеми этими револьверами напоминаете фаршированных куропаток».

Родс провел много неофициальных встреч, проехал по горам Матопос и обнаружил массивный гранитный купол Малиндудзуми — «одну из мировых достопримечательностей». Он решил сделать его своим мавзолеем. Этот человек также обещал решить африканские проблемы, прекратить существование властной местной полиции и дать власть индунам, наделив зарплатой и лошадьми, обеспечить матабеле больше места для проживания. «Вы собираетесь давать нам землю в нашей собственной стране! — воскликнул один молодой вождь. — Это очень мило с вашей стороны»²⁷. Родс выступал в роли миротворца и хотел добиться примирения. Он убедил голодных воинов сложить оружие и взяться за плуги. Он завоевал прозвище «Умламуланмкунзи», или «Бык, который разводит в стороны двух дерущихся быков»²⁸.

Однако Родс не мог допустить, чтобы первая колониальная «война за независимость»²⁹ в Африке закончилась вничью, а тем более — победой чернокожих. На самом деле, когда его обвиняли в «излишней мягкости к кабрам»³⁰, он заверил поселенцев: белым судьбой предназначено управлять Родезией. Его видение реализовалось между 1898 г., когда так называемые «баловни»³¹ британской «Южноафриканской компании» стали доминировать в новом Законодательном совете, и 1923 г., когда белые жители получили фактическое самоуправление. За эту четверть столетия британцы Родезии два раза брались за оружие, выступая за империю во время Англо-бурской войны и Первой Мировой войны. Они действовали в качестве бастиона против экспансии африканеров. Генерал Сметц, который стал премьер-министром Южной Африки в 1919 г. и безуспешно пытался расширить Союз до Замбези и далее, называл их «маленькими джингоистами»³².

Бесспорно, белые жители Родезии отвергали политическую ассимиляцию, причем в такой мере, что король Георг V (среди других) говорил об их стране, как об «Ольстере Южной Африки»³³. Но они все еще полагались на своего сильного южного соседа, который оказывал значительное влияние на их культуру. На нее влияли травматические воспоминания о восстании 1896 г., героические мифы о сопротивлении первопроходцев «ордам неразумных варваров», постоянные страхи того, что в будущем черная приливная волна может утопить маленькие островки белых.

В конечном счете во время конфликта африканцы доказали свои способности и возможности. В дальнейшем, по мнению

лорда Грея, они демонстрировали свои способности к обучению, научившись петь «Боже, храни королеву!» Так заклинание буров постоянно повторялось к северу от Лимпопо — местные жители должны знать свое место, где их и следует держать. Их следует лелеять или подвергать наказанию, как «взрослых детей». Их надо учить работе в промышленности, возможно, сделав «учениками в зависимом состоянии»³⁴. Местных явно нельзя баловать. «Нынешнего отношения к молодежи, которой дают арахис и бекон, достаточно, чтобы разбить сердце и разорвать карман нанимателя, — писал один из белых граждан. — На следующем этапе они захотят пуховых постелей»³⁵.

Просто не было никакого либерального способа ведения дел с «грязными, измазанными жиром, курчавыми и обнаженными неотесанными машона, отличающимися плоскостопием и толстыми губами». В своей массе африканцы представляли угрозу. Белым следовало твердо придерживаться политики «разделяй и властвуй»³⁶.

На самом деле машона и матабеле уже были затравлены и измучены голодом, поэтому готовы подчиняться. Их патриархальная система развалилась, индуну стали младшими чиновниками, которых можно по желанию увольнять. Народы оказались сведены до жалкого и унижительного состояния в тени плетки. Чтобы получить немедленное подчинение и сговорчивость чернокожих рабочих, сопровождаемое «болезненной улыбкой», белым требовалось только упомянуть стандартное количество ударов плетью: «Двадцать пять»³⁷.

Африканские горняки и рудокопы терпели особенно ужасающие условия. Смертность соответствовала смертности в армии во время войны. Африканские крестьяне, которые поддерживали страну во время десятилетия после восстания, страдали от арендной платы, пошлин, сборов, взносов и других навязанных платежей. Был даже налог на собак в размере пяти шиллингов, который мешал их усилиям по борьбе с паразитами. Это приводило к жалобам о том, что землевладельцы «станут следующим этапом брать деньги с мух в наших краях; лучше умереть, чем оплачивать такие требования».

Еще хуже была эрозия все более сокращавшихся земель чернокожих. Земли не только уменьшались количественно, но и ухудшались качественно. Европейцы завладели «богатými красноземными почвами», отправив их жителей в негостеприимные регионы со множеством бабуинов, комаров и мух цеце. Поселенцы хотели проводить «сельскохозяйственную политику белых», которая, сохраняя труд черных мигрантов, полностью исключит из их областей то, что они называли «кафрским фермерством»³⁸.

Африканцы были так подавлены, что некоторые утратили веру в собственную силу и духов, приняв веру завоевателей. Ранние миссионеры не производили особого впечатления, и их попыткам едва ли помогал первый епископ Машоналенда, который обычно отсутствовал и рассматривал африканцев, как «вызывающую отвращение деградацию рода человеческого»³⁹. Воины Лобенгулы использовали страницы евангелия, которое недавно перевели, для украшения своих головных уборов с перьями страуса. Но после 1896 г. зерно упало на менее каменистую почву. Священники часто находили, что им легче обратить в веру черных язычников, чем белых христиан. Последние, когда не занимались спортом (катанием на велосипеде, стрельбой, скачками, охотой на шакалов, игрой на бильярде, в крикет, регби и т.д.), имели склонность к поклонению Бахусу. Удачливые старатели купались в шампанском. После одних скачек, когда все горожане перепились, Умтали напоминал морг. Однако к 1920-м гг. почти десятая часть миллионного населения африканцев Родезии была обращена в христианство. Некоторые ходили в миссионерские школы, что стало единственной формой образования, доступной для них до 1920 г.

Как и обычно, увеличение количества «миссионерских мальчиков» усугубило и обострило этническое напряжение. Типичный поселенец жаловался, что миссионеры «уделяют слишком много внимания теории «люди — братья» и упускают необходимость начинать снизу и постепенно внушать идеи дисциплины, гигиены и бережливости. В результате чернокожему дали понять, что он может рассматривать себя, как равного белому, стать высокомерным, дерзким и причиняющим беспокойство»⁴⁰.

Такие поселенцы особенно возражали против обучения языку. Сами они обращались к африканцам на кухонном кафири или фанаголо — вульгарной смеси языка африкаанс, зулусского и английского. При этом они выражались в повелительном тоне, считая «знаком неуважения, если кафры разговаривали с ними на английском языке»⁴¹. Правители Родезии испытывали тревогу от появления «образованных местных жителей»⁴², которые знали о собственной цивилизации и жаловались на то, что живут при «прикрытой форме рабства»⁴³. Поэтому колонизаторы искали способы закрепить белое превосходство через расовую сегрегацию.

В теории, после введения внутреннего самоуправления в 1923 г., имперское правительство оставалось опекуном черного большинства Родезии. Оно только на словах признавало и поддерживало особую ответственность Британии за африканские интересы, и это прямо проводилось на находящихся под протекторатом территориях — Басутоленд, Бечуаналенд и Свазиленд. На самом деле Министерство по делам колоний вероятно согласилось бы с по-

следним главным администратором британской «Южноафриканской компании», который говорил: «Местные белые не больше подходят для управления местными жителями, чем большевики подходили для управления русскими»⁴⁴.

Поэтому Лондон ограничивал власть нового Законодательного собрания в Солсбери, чтобы защитить права африканцев. Однако на практике британское правительство никогда не вмешивалось позитивно и редко пользовалось своим правом наложения вето. Министерство взяло на себя ответственность за Родезию и относилось к ней, как к доминиону. Лишь немногие африканцы имели право на голосование. Поселенцы управляли страной в собственных интересах. В дальнейшем они выкупили оставшиеся доли британской «Южноафриканской компании» в месторождениях минералов и железных дорогах.

Правление белых включало контроль над вооруженными силами, а также над гражданской службой. Так поселенцы Родезии оказывались в «совсем отличном положении»⁴⁵ в сравнении с положением поселенцев в Кении. Но, хотя они и стали сильнее, они были беднее: как утверждалось, настоящим родезийцем делался только тот, кто не мог себе позволить уехать.

Предпринимались попытки привлечь богатых иммигрантов, долго находившийся на посту премьер-министр Годфри Хаггинс сказал, что стране требуются молодые люди, которые «в школе гоняли младших учеников по поручениям, которых в школе пороли»⁴⁶.

Но страна по большей части получала поселенцев, у которых все было заложено. Их сопровождало внушительное и вызывающее беспокойство количество «любителей посидеть в баре и просто лодырей и бездельников»⁴⁷. В 1920-е гг. большинство белых фермеров жили в ужасающей нужде. Как писала Дорис Лессинг, они «использовали накидки из звериных шкур вместо одежды, ящики и канистры из-под бензина в виде мебели, мешки из-под муки в виде занавесок»⁴⁸. Многие верили в табак, только потом обнаружив, что перепроизводство девальвирует «золотой лист».

Великая депрессия еще больше погрузила их в долги, одновременно побуждая обладающих определенными навыками и опытных африканских рабочих подорвать положение европейских ремесленников. Когда белые оказались в неблагоприятных условиях и понесли убытки, то проследили, чтобы главный удар и основная тяжесть экономических бурь и кризиса упала на чернокожих. Как писал главный комиссар по делам аборигенов, «местный житель всегда являлся амортизатором в государственной машине»⁴⁹.

Самой печально известной мерой, которую долго обдумывали и ввели в действие в 1930 г., был Закон о пропорциональном рас-

пределении земли, который стал «Великой хартией вольностей» белых⁵⁰. В соответствии с ним страна разделялась на кантоны в зависимости от цвета кожи. Проживание миллиона африканцев ограничили двадцатью восьмью миллионами акров (включая резервации), а сорок восемь миллионов акров (включая муниципалитеты) отдали пятидесяти тысячам европейцев.

Закон представлялся в виде защиты прав местных жителей на землю, которая могла быть куплена более богатыми иммигрантами, то есть средство защиты через сегрегацию. В таком виде он получил широкое одобрение в Великобритании и Родезии. Однако его явно разработали ради усиления белого превосходства на основе южноафриканской модели отдельного, но неравного развития.

Закон приводил к невыносимому давлению на землю в сельских областях чернокожих, куда в итоге переселили примерно 425 000 человек. Африканцы лишались постоянного места жительства, а большие и малые города окружала полоса из убогих жилищ. Крестьяне превращались в пролетариев. Территориальный раздел и обман стали прелюдией к дальнейшим репрессиям. В 1931 г. Закон о контроле за маисом навязал сложную рыночную систему, которая отдавала предпочтение пытающимся преуспеть белым фермерам за счет чернокожих. В том же самом году Закон о государственной службе исключил африканцев со всех должностей на государственной службе, кроме самых незначительных. «Клерк из местных» обозначало «посыльный»⁵¹. В 1934 г. Закон о промышленном примирении положил конец их соперничеству с европейцами при получении рабочих мест, требующих навыков, а заодно и в других сферах. Через два года Закон о регистрации местных жителей ужесточил законы о передвижениях, наложив особые ограничения на передвижение африканских женщин⁵².

Некоторые воспользовались новыми возможностями, но у многих оказалось мало альтернатив проституции. Так называемые «чаепития» Солсбери стали печально известны: выстраивались длинные очереди к проституткам, и «половой акт, судя по всему, совершался на глазах следующего в очереди».

Некоторые из этих женщин стали «королевами притонов». Они получали большую прибыль от запрета на потребление чернокожими спиртного, предназначенного для белых, продавая незаконный напиток под названием «скокиаан». Он состоял из дрожжей, сахара и маиса. Крепость усиливалась такими ингредиентами, как табак, метиловый спирт и крем для обуви.

Наконец, Закон о мятежах и подстрекательстве к бунту (1936) пытался предотвратить распространение подрывной литературы, большая часть которой выступала против расовой дискримина-

ции. Разделение по цвету кожи действовало в школах, больницах, кабаках и т.д. Но выходили и другие неприятные и унижительные постановления. Например, африканцам долго запрещали ходить по городским мостовым. Тем временем черные городские гетто, построенные из травы, канистр, банок, мешков и дагги (глины и коровьего навоза, смешанных с бычьей кровью) являлись инкубаторами болезней. Количество случаев туберкулеза, пневмонии, бильгарзии, анкилостомы и недоедания увеличивалось особенно быстро в вонючем, почерневшем от дыма поселке из бараков и временок перед промышленной зоной Булавайо. Территорию терроризировали банды в коротких куртках и широких штанах. Поселок мог претендовать на звание «худшей трущобы в мире»⁵³. Однако белые утверждали, что они держат африканцев на расстоянии ради сохранения здоровья и поддержания гигиены.

Премьер-министр выражал общую точку зрения: «Нельзя ожидать, что европейцы выстроятся в общую очередь с грязными людьми, возможно со старой умфazi (африканской женщиной) с младенцем на спине, который хнычет и блюет»⁵⁴.

Хаггинс был убежденным сторонником сегрегации. Он однажды выступал за отправку всех «продвинутых местных жителей»⁵⁵ на другую сторону Замбези. Это предложение отклонили в Лондоне. Африканцы в дальнейшем опишут своего премьер-министра, как «родезийского доктора Малана»⁵⁶. Диссидент Том Драйберг, депутат Парламента от лейбористской партии, заявлял: говорить с Хаггинсом о чернокожих — это все равно, что говорить со Штрейхером о евреях.

Это было оскорбительное клеветническое обвинение. Хаггинс был эдвардианским врачом, рецепты которого устарели. Он выступал за партнерство между черными и белыми, но за вид партнерства, который существует между конем и наездником.

Хотя фактически Хаггинс оставался глухим к африканскому голосу, он являлся старомодным патерналистом. Этот политик даже основал бесплатные клиники для чернокожих (оправданные, как профилактика для белых), в то время как один британский губернатор отвергал предложения об африканском госпитале на основании того, что «в стране и так уже слишком много местных жителей»⁵⁷.

Однако Хаггинс попытался прекратить рождение нации, задушить то, что один ведущий миссионер назвал «рассветом расового сознания банту». Эта глубокая психологическая революция⁵⁸, вдохновленная воспоминаниями о восстании 1896 г., являлась реакцией на правление белых.

Политика Хаггинса вызвала новую враждебность африканцев к колониальному государству. Иногда она принимала странные

формы — с пророчествами о том, как американские самолеты с неграми за штурвалами уничтожат «европейский контроль», как Армагеддон взорвет «работы Цезаря»⁵⁹. Часто сопротивление чернокожих было местным и индивидуальным — от насилия до отказа сотрудничать. Как заметила одна женщина-законодатель, местные придумывали способы бойкотирования плохого работодателя, «который вскоре обнаруживает, что привилегия сильных ударов по собственным неграм обходится слишком дорого»⁶⁰.

Часто случались и всеобщие протесты. Несколько сот человек в одной резервации бросили вызов сельскохозяйственным указам Хаггинса: «Даже собаки белых фермеров могут ездить в автомобилях, и к ним правительство относится лучше, чем к нам»⁶¹. Кроме проведения массовых собраний, африканцы организовывали подачу петиций, отправляли делегации, выпускали пропагандистские материалы и распевали лозунги, как например «Африка для африканцев»⁶².

Они создавали профсоюзы, самыми известным из которых стал воинственный Промышленный и коммерческий союз, где к 1932 г. состояло почти пять тысяч человек. Закон о мятежах и подстрекательстве к бунту запретил его, но Промышленный и коммерческий союз снова возродился, когда профсоюзы стали быстро размножаться после войны. К тому времени большие надежды, появившиеся после провозглашения Атлантической Хартии, разрушились ужасающими последствиями конфликта. Среди них были принудительный труд, проживание в стесненных условиях, истощенная, ставшая неплодородной земля в резервациях, более крепкие связи с Южной Африкой (Хаггинс и Смэтц являлись тесными имперскими союзниками). В октябре 1945 г. чернокожие железнодорожники устроили забастовку в Родезии, которая началась из-за серии трудовых конфликтов. Железнодорожники добились частичной победы, что привело к тому, что один журналист провозгласил окончание эксплуатации белыми представителей чернокожих племен: «Забастовка железнодорожников доказала рождение африканцев»⁶³.

* * *

Заявление оказалось преждевременным. Африканские лидеры, подавленные и уничтоженные после «чимуренги» 1896 г., оставались разрозненными. На самом деле им приходилось следовать за более воинственными обыкновенными, рядовыми людьми. Простые африканцы испытывали горькое разочарование от того, что не получили никакой награды за жертвы военного времени, кроме как грубых замечаний о «кафра» в форме. Они приходили

в ярость и распалялись от более строгого контроля за населением готовых лопнуть гетто в городах. А оно достигло 100 000 человек в 1946 г. и удвоилось в следующем десятилетии.

Африканцы негодовали из-за послевоенного притока белых иммигрантов, особенно — неквалифицированных рабочих из метрополии. Последние приняли родезийскую доктрину главенствующей расы, и «просто купались в ее опьяняющей славе, практически доходя до открытой ненависти к африканцам»⁶⁴.

Они страдали из-за резкого повышения стоимости жизни. Заработная плата оставалась ужасающе низкой, но между июлем и декабрем 1947 г. цены поднялись более чем на 20 процентов. Кроме того, африканцев вдохновляли шаги колоний к независимости от Индии до Золотого Берега.

Так что давление снизу вынудило колеблющихся профсоюзных боссов одобрить всеобщую забастовку в 1946 г. Это был пик недовольства рабочих масс. Но судная труба выдавала лишь неуверенные звуки: африканцы разделились из-за соперничества племен, личных амбиций и взаимной ревности. Они остро осознавали ограниченность власти чернокожих, искали способы работать «в рамках существующей системы»⁶⁵. Джошуа Нкомо, секретарь профсоюза железнодорожников, стремящийся к тому, чтобы стать национальным лидером, оказался типичным сторонником компромисса. Он был полным, добродушным и всегда потакающим своим желаниям, пытаясь быть всем для всех людей. Более того, он старался умиловить Господа, как и мамону, успешно принимая то конгрегационализм, то методизм, то становясь католиком, но одновременно почитая божества своих предков под священными деревьями святилища в Дуле. «Нкомо» означает «бык», но он-то являлся уликой с рогами.

Поэтому, хотя единственную всеобщую забастовку в Родезии поддержали даже чернокожие слуги, работающие в домах, которые смеялись над своими нанимателями, опорожняющими помойные ведра, она быстро закончилась, словно затухающая влажная петарда. Войска белых подавляли проявления насилия, а Хаггинс говорил о мире. Наконец он бросил кусок деморализованным противникам, изменив ради расположения местных жителей ненавистное название Солсбери, на «африканский город Хараре».

Северная Родезия предложила Хаггинсу более существенные способы поддержания и укрепления белого превосходства в Южной Родезии. Этот протекторат протянулся от Замбези и озера Танганьика и имел форму бабочки.

Предполагалось, что Министерство по делам колоний обеспечивает в Северной Родезии главенство африканских интересов. Там проживало мало европейцев, но имелись богатые месторождения

меди. Хаггинс, который нацелился на использование природных богатств и подавление черного национализма, давно выступал за слияние двух Родезий. (Южная Родезия ныне называется Зимбабве, Северная — Замбией. Однако иногда говорится просто «Родезия», при этом подразумевается Южная).

За слияние же выступал и Рой Веленски, хотя лидер поселенцев в Лусаке, в этом «необработанном алмазе Кохинур»⁶⁶, кардинально отличался от лощеного премьер-министра в Солсбери. Едва ли можно было найти двух более резко отличающихся людей.

Веленски был сыном женщины из африканеров и пьющего польского еврея, содержателя ночлежки. Он ходил в начальную школу босым, до шестнадцати лет ни разу не спал на постельном белье и, как губернатор позднее с гордостью говорил, «купался с голым задом в Макабуси с многочисленными негритятами». (Эта фраза стала знаменитой). В дальнейшем он добился успехов, как боксер-тяжеловес, потом машинист паровоза и выдающийся профсоюзный деятель. Он называл себя «социалистом-консерватором»⁶⁷ и хотел создать широкий британский доминион в центре Африки, где на протяжении следующего столетия чернокожий будет играть свою роль младшего партнера.

Таким планам давно сопротивлялись в Лондоне. Министерство по делам колоний считало, что политика сегрегации из Южной Родезии распространится на север, где даже прогрессивные белые отдавали предпочтение определенному количеству «используемых рабов».⁶⁸ Но после победы доктора Малане в 1948 г. правительство Эттли опасалось, что Хаггинс может сформировать союз с режимом апартеида Южной Африки. Пока Британия пыталась справиться с другими колониальными проблемами, это сделало бы лживыми ее либеральные заявления, которые передавались по региону местной радиослужбой в Лусаке (их ловили дешевые радиоприемники, известные, как «специальные сковородки»). Союз Хаггинса и Малане обрек бы миллионы африканцев на угнетение и притеснение, как отмечалось в одном из документов кабинета: «Могут даже начаться ужасающие войны между управляемой белыми Восточной Африкой и управляемой черными Западной Африкой»⁶⁹.

Поэтому в 1953 г., после растянувшихся переговоров и пяти важных развернутых конференций, две Родезии и (по настоянию Великобритании) Ньясаленд сформировали Центральноафриканскую Федерацию (более известную под названием Федерация Родезии и Ньясаленда). Это было фатальной ошибкой с самого начала.

Предназначением Федерации Родезии и Ньясаленда было сохранение привилегий белого меньшинства и интересов черного

33. Привлекательность империи

Хорошо известная, но незнакомая империя обладала романтической и патриотической привлекательностью. Леди Керзон сказала, что Индия большинству британцев кажется более далекой, чем Луна.

34. Соляной марш Ганди, 1930 г.

С марта того года началась большая гражданская кампания неповиновения. Ганди считал, что его направляет «Божья рука». Он мобилизовал все нравственные силы против владычества британцев, которые были уверены, что «сила всегда права».

35. Неру и Джинна, 1946 г.

К сожалению, блестящие, вдохновляющие других красноречивые лидеры конкурирующих политических движений не смогли найти способов объединения независимой Индии.

36. Последний вице-король Индии вместе с вице-королевой Маунтбаттен открыто заявлял о приверженности демократии, но ни один из вице-королей не прославился так проведением церемоний и показным величием.

37. Беженцы после раздела Индии в 1947 г.

Британское владычество закончилось большим кровопролитием и массовой миграцией беженцев между Индией и Пакистаном. Самые ужасные бои происходили на железной дороге.

38. Еврейские беженцы прибывают в Хайфу, 1946 г.

Пережившие Катастрофу причаливают в Хайфе. Они прибыли на борту корабля «Дов Хоз» (названного в честь основателя Хаганы) благодаря американской помощи, оказанной без оглядки на сопротивление британцев.

39. Исход палестинских беженцев в сектор Газа

После окончания британского правления в Святой Земле начался еврейско-арабский конфликт. В результате были вынуждены бежать сотни тысяч палестинцев. Многие из них отправились в сектора Газа.

40. Столкновение британских войск с киприотами в Никосии, 1955 г.

Во время яростной борьбы с целью удержания в империи Кипра британские войска столкнулись с враждебностью гражданского населения, особенно — школьников. Происходили и теракты.

41. Транспорт для перевозки войск «Эмпайр Кен» в Порт-Саиде, ноябрь 1956 г.

Даже когда британские войска высаживались в Египте, их соотечественники дома яростно разделились в отношении к вторжению, которое вскоре было прекращено. Многие посчитали фиаско в Суэце концом империи.

42. Задержание подозреваемых «мау-мау» в Кении, 1952 г.

Подавление восстания «мау-мау», которое включало зверства с двух сторон, в 1950-е гг. стало одним из самых ужасающих эпизодов в истории империи.

43. Джомо Кениату провозглашают премьер-министром, 1963 г.

Как и других лидеров националистов, Кениату вначале демонизировали и сделали мучеником британцы. А потом он был канонизирован собственным народом.

44. Королева Елизавета II во время путешествия по Нигерии, 1956 г.

Королева строго придерживалась официального протокола, принятого у белых, во время путешествия по Нигерии. Но черное население приветствовало ее непосредственно, тепло и с симпатией.

45. Кваме Нкрума ведет Гану к независимости, 1957 г.

Нкрума получил известность благодаря бескомпромиссному требованию: «Самоуправление – СЕЙЧАС!» Гана стала первой африканской колонией Британии из расположенных южнее Сахары, получившей независимость.

46. Конец эпохи, 1997 г.

«Юнион Джек» спускают в Гонконге. Солнце садится для величайшей империи в истории. Она исчезла гораздо быстрее, чем Римская империя.

большинства. С самого начала в администрации царил хаос и путаница. Власть разделилась между пятью правительствами — двумя в Солсбери (федеральным и территориальным), в также в Лусаке, Зомбе и Вестминстере. Сам Хаггинс, как писал один британский чиновник, «никогда, ни в коей мере не собирался делать федерацию успешной»⁷⁰. Он рассматривал ее просто, как способ поглощения Северной Родезии.

Еще хуже то, что с африканцами едва ли проконсультировались. Веленски предупредил, что чернокожих, которые отказываются от сотрудничества, «ждет судьба краснокожих индейцев США», сказав, что они не понимают остроту проблем. На самом-то деле все они прекрасно понимали, и этому помог один европейский гражданский служащий, который выписался из гостиницы «Водопад Виктория», когда прибыли чернокожие делегаты, заявив, что для него «не подходит проживание с африканцами. Это противоречит его идеям»⁷¹.

Африканцы объявили, что Федерация Родезии и Ньясаленда «будет садом, полным цветов для европейских поселенцев, и глубокой могилой — для местных жителей»⁷². Они осудили Джошуа Нкомо за то, что тот радикально не противостоял этому плану, а заодно обвинили Великобританию в «трезвом, просчитанном, жестоком и циничном предательстве»⁷³.

По словам Хаггинса, «6 000 000 первобытных людей были переданы Парламенту, в котором доминировали местные европейцы»⁷⁴. Перед большой толпой в Лусаке президент нового Национального конгресса Северной Родезии торжественно сжег «Белую книгу» Британии по вопросу Федерации (Сборник официальных документов правительства). Антибританская борьба в то время, когда Нкрума вел Золотой Берег к независимости, вдохновила массовый национализм на всех трех территориях. Вскоре африканцы, которые отмечали, что первый федеральный бюджет берет полукрону с бутылки виски и налагает пять шиллингов на мешок маиса, снова пели патриотические песни «чимурунги».

Однако первые перспективы Федерации Родезии и Ньясаленда казались светлыми, словно она будет существовать, соответствуя девизу на своем гербе: «Magnum Esse Mereamur» («Заслужим быть великими»). Активно развивалась добыча меди, а табак из родезийской Вирджинии мог конкурировать с американским. Поток шли инвестиции, финансировалось строительство дорог и амбициозные проекты вроде дамбы у Карибы, которая обеспечила не только дешевое электричество, но и, как выразился Веленски, бетонное обручальное кольцо, соединившее две Родезии. (В действительности «самое крупное созданное человеком озеро в мире» вынудило переселиться тридцать тысяч африканцев на северный

берег Замбези, а электростанцию строили на южном берегу, «символизируя главенство интересов Южной Родезии»⁷⁵.

Наблюдался поток белых поселенцев, среди них — экспатрианты из независимой Индии, те, кто приехал из Бенгалии искать своего счастья. Это были «авантюристы и искатели приключений», которые предположительно превратили Умтали в Пунафонтейн. Пригороды с садами возникли вокруг деловых кварталов Солсбери — федеральной столицы, которую африканцы с севера прозвали «Бамба Зонки» («Забираю Все»). Небоскребы выросли вдоль бульваров Булавайо, отличавшихся спусками и подъемами, которые делали улицы достаточно широкими, чтобы на них мог развернуться фургон с впряженными волами.

Африканцы получили скромную долю растущего богатства, хотя все еще менее одной десятой дохода белых. В надежде создать ручной черный средний класс, Гарфилд Тодд, харизматичный миссионер, который сменил Хаггинса в роли премьер-министра Южной Родезии, даже начал ослаблять разделение по цвету кожи и запреты. После протестов африканцы получили доступ в некоторые гостиницы Солсбери. После пикетирования они получили равное отношение с белыми в магазинах Лусаки — например, у мясников, где белые покупатели бесстыдно отказывались от мяса для своих собак, потому что «оно подходит только для кафров»⁷⁶. Им разрешили пить европейское пиво и вино (но не крепкие спиртные напитки). Местных жителей официально стали называть «мистер» вместо обычного «этот самый...»⁷⁷. Казалось, появилась реальная надежда на то, что Веленски называл «партнерством между африканцем и его европейским хозяином»⁷⁸. Первые несколько лет существования Федерация Родезии и Ньясаленда действительно стали «золотым веком участия»⁷⁹.

Золото превратилось в пыль после 1956 г., когда обвалился рынок меди. Многие африканцы потеряли работу, а вместе с ней — и свои дома. По мере того, как упали реальные заработки и поднялась стоимость жизни, увеличилось количество забастовок, беспорядков и волнений. Власти предпринимали срочные меры, проводили массовые аресты. Пока африканские рабочие тратили треть доходов на транспорт, высокая стоимость проезда в автобусах в Солсбери привела к бойкоту и насилию. Молодых женщин, которые проигнорировали бойкот, изнасиловали.

Недовольство было сильнее в сельской местности, где сохранялся ряд обязательных мер — например, выбраковка скота. Это привело к тому, что «значительное количество более богатых крестьян примкнуло к националистической политике»⁸⁰.

Одновременно проживающие в городах африканцы озлобились, когда изменения в условиях владения землей лишили их

общих прав на ресурсы. Гарфилд Тодд никогда не уходил от принуждения и использования силы для подавления. Он не только устранял проблемы с рабочими при помощи силы, но и в годы, когда проповедовал и учил, рекомендовал христианство чернокожим и ради самого христианства, и «потому что оно делает людей более послушными и сговорчивыми при управлении ими»⁸¹. (Он также бил палкой по ягодицам непокорных учениц). Однако теперь премьер пытался немного умерить негодование африканцев небольшим расширением права голоса. Великобритания это одобрила, как и другие либеральные инициативы вроде улучшения образования чернокожих. Но им не доверяли белые жители Родезии, которые выгнали Тодда в 1958 г., предпочтя сэра Эдгара Уайтхеда — одинокого, любящего выпить эксцентрика, умного, но почти слепого и глухого, который по слухам (не соответствующим действительности) приглашал быка в свою гостиную.

Однако Веленски, федеральный премьер-министр, пытался убедить правительство «тори» в Лондоне дать Федерации Родезии и Ньясаленда статус доминиона на основании увеличившегося черного представительства. При этом лейбористская оппозиция теперь поддерживала лозунг «Никакой независимости до правления большинства»⁸².

К северу и югу от Замбези националистическая оппозиция выкристаллизовалась вокруг демократического принципа. В Солсбери ее возглавлял Джошуа Нкомо, в Лусаке — Кеннет Каунда, а в Ньясаленде — Гастингс Банда. Последний вернулся домой в 1958 г. после работы врачом в Англии на протяжении такого долгого времени, что почти забыл родной язык. Но его приветствовали, как «нашего махатму, нашего мессию, нашего Спасителя»⁸³. Его переведенные речи, экстравагантное ораторство, предназначенное для толпы и направленное против «глупой и дьявольской Федерации»⁸⁴, вызывало дикий энтузиазм. Банда произносил речи, надев фетровую шляпу и костюм-тройку.

Беспорядки распространялись, как пожар по вельду. Сопrotивление Федерации Родезии и Ньясаленда всегда было более яростным на двух северных территориях. Теперь же Ньясаленд, как казалось, находится на грани восстания. Более того, ходили слухи, что Банда планирует отравить восемь тысяч белых, проживающих в стране, при помощи сорока тонн мышьяка.

Про организацию Каунды говорили, что она напоминает банду из Чикаго, известную, как «Убийство Инкорпорейтед». В начале 1959 г. на всех трех территориях было объявлено чрезвычайное положение. Лидеров чернокожих арестовали, включая Каунду и Банду (которого отправили в Южную Родезию в пижаме). Нкомо

(а он, как обычно, находился за границей) не арестовали, в отличие от сотен поддерживающих этих лидеров людей.

Националистические партии были запрещены. Войска помогали подавить последовавшие беспорядки. Пятьдесят участников демонстрации убили после задержания Банды и его помощников. Операция имела кодовое название «Восход солнца» — словно ответный укол обещанному лидером восходу свободы (квача). Белые на юге угрожали «все сделать сами»⁸⁵, и Уайтхед принял ряд мер, дав своему правительству диктаторскую власть и ужасающе урезав свободу слова и собраний. В конце концов, сэр Роберт Тредголд, главный федеральный судья, подал в отставку, выразив протест и утверждая: несмотря на прекрасный ум, Уайтхед страдает от «умственной близорукости». Его законодательство перечеркнуло положения Декларации прав человека одно за другим, создавалось «полицейское государство»⁸⁶. По крайней мере, одна газета белых согласилась с этим, заявляя: новые законы означают тоталитарную Родезию⁸⁷. Англиканский архиепископ нашел в них эхо гитлеровского режима.

Хотя Уайтхед мог таким образом сдерживать чернокожих националистов на юге, сопротивление белому правлению усилилось на северных территориях. Когда губернатор Ньясаленда сэр Роберт Армитедж надеялся, что заключение Банды в Гвело обеспечит политическое затишье на два года, «Гардиан» ответила: «В таком случае вполне можно просить Замбези прекратить течь на два года»⁸⁸.

Наблюдалось смятение и в Лондоне, где Леннокс-Бойд считал: крутые меры в Ньясаленде привели к заговору с целью устроить бойню белых. В тщетной попытке навести порядок и успокоить людей британское правительство назначило комиссию для расследования чрезвычайного положения. Ее возглавил лорд Девлин. В дальнейшем Макмиллан оспаривал выбор этого судьи высокого суда и спрашивал: «Разве он не является ирландцем, отошедшим от церкви, некогда исповедовавшим католичество, а также калеккой?»⁸⁹ Конечно, Девлин представил отчет, который премьер-министру было неприятно читать, хотя там и одобрялись действия вместо сложения полномочий в Ньясаленде. В нем отвергался «заговор с целью убийства», как удобная «обложка» для рассказа, придуманного в оправдание репрессий. Отчет подтверждал: службы безопасности обычно запугивали, били и другими способами демонстрировали плохое отношение к африканцам. Сожжение домов и другие коллективные наказания, налагавшиеся по веским административным причинам, по словам колониального правительства, считались прямым нарушением закона. В отчете делался ужасающий вывод о том, что «Ньясаленд — это

полицейское государство (несомненно, временное), где для любого человека небезопасно выражать одобрение политики партии Конгресса»⁹⁰.

Летом 1959 г. британские министры провели срочное обсуждение вопроса о том, как «события в Ньясаленде можно сравнить с восстанием «мау-мау» или, что поразительно, с восстанием сипаев в Индии»⁹¹. В итоге они отвергли отчет Девлина.

Макмиллан поздравил свой «мужественный кабинет»⁹², а Аневрин Беван осудил «отвратительный и подлый Парламент». Веленски тоже отверг Девлина, обвинив его в сильной враждебности к Федерации Родезии и Ньясаленда. Один журналист сравнил Веленски с римским губернатором Светонием, отказавшимся принять вердикт комиссии Нерона, которая нашла, что Британия понесла достаточно наказаний после восстания Боадикки.

Несомненно, Девлин мобилизовал боевой дух Веленски, но, что еще важнее, он склонил Макмиллана к политике умиротворения в Африке. Макмиллан оценил вес враждебности чернокожих к Федерации Родезии и Ньясаленда. Он опасался, что северные территории могут стать кровавым британским Алжиром. Премьер признавал, что южные поселенцы обдумывают «чаепитие в Солсбери», включающее скорее отделение, чем объединение.

Трудности Макмиллана еще больше осложнялись тем, что он был обязан и поддерживать Федерацию Родезии и Ньясаленда в качестве многорасового партнерства, и двигаться к самоуправлению в Северной Родезии и Ньясаленде как можно быстрее⁹³.

Имелись и внешние осложнения — например, скандал с Маргарет Редклифф Холл. Чтобы сбежать из этого лабиринта, премьер-министр придумал еще одну комиссию. Ее возглавил учтивый и подчеркнуто вежливый придворный, лорд Монктон, известный по прозвищу «Банка с маслом». Задачей комиссии было дать совет относительно будущего Федерации.

У Веленски возникли серьезные подозрения, он всеми силами боролся с комиссией. Это же делали и поселенцы, которые окрестили ее «Обезьяньей комиссией», посоветовав ей отправляться ко всем чертям⁹⁴. Их беспокоила речь Макмиллана о «ветре перемен», злило решительное намерение Айана Маклауда добиться «конституционных шагов вперед» в Ньясаленде. А это намерение усилилось, когда он открывал Выставку Содружества в Лидсе, где демонстранты размахивали плакатами: «Смело выступайте против Веленски», «Нет тюрьме без суда!» и «Держите слово, данное Африке»⁹⁵.

Министр по делам колоний решил, что прогресс в Африке может начаться только после освобождения Банды, которого он называл «белой надеждой для черных и «черным зверем» белых»⁹⁵.

Перед лицом оппозиции в лице Веленски и колебаний Макмиллана Маклауду пришлось угрожать подать в отставку, чтобы сделать так, как он хотел.

1 апреля 1960 г., через десять дней после бойни в Шарпевиле, Банду освободили. Он заявил, что не чувствует озлобленности после заключения, так как Нкрума, де Валера, Ганди и Неру пережили то же самое. После этого «черный зверь» отправился домой, намереваясь завоевать независимость для своей страны. Зомба приветствовала его спокойно, сбив с толку наблюдателей, которые предсказывали бурную встречу. Но в Доме правительства министр по делам колоний, который нанес туда визит, пришел в ярость. Он бросался «подушками через комнату в стиле регбиста, а несчастный губернатор их подбирал»⁹⁷.

К середине трудного года, во время которого шла гражданская война в Алжире, белые беженцы из разгромленного Конго прибывали в Солсбери, а протесты в Южной Родезии становились все более яростными, для Ньясаленда разработали новую конституцию. Она ориентировалась на африканское большинство, указывая путь к самоуправлению. Комиссия Монтонна, которая опубликовала свои выводы в октябре 1960 г., позволила Северной Родезии следовать тем же курсом. Отчет, как и опасался Веленски, был «ужасающим куском взрывчатки», рассчитанным на то, чтобы взорвать Федерацию и полностью ее разрушить. Он санкционировал отделение стран от Федерации и рекомендовал демократическую реформу. Правительство Макмиллана не могло не почувствовать ветра перемен, вначале предложив правление большинства. Затем оно уступило Веленски и, наконец, подчинилось Каунде, который сказал Маклауду: если он (Каунда) примет отсутствие насилия, «то вполне может совершить политическое самоубийство»⁹⁸.

Теперь Кеннет Каунда вышел из тюрьмы и организовал кампанию по гражданскому неповиновению, доходя до саботажа, поджогов и убийств. Он предупреждал, что вскоре восстание «мау-мау» будет выглядеть, словно детский пикник⁹⁹.

Поэтому по пересмотренной конституции Каунда выиграл выборы в 1962 г., а два года спустя его поддержали на других выборах, основанных на всеобщем праве на голосование. И этот политик повел Северную Родезию к полной независимости. Она превратилась в Замбию.

Однако задолго до первой победы Каунды стало ясно, что Великобритания покинет Федерацию. Маркиз Солсбери, реакционный внук премьер-министра, который дал свое имя столице Родезии, осуждал циничную передачу власти африканцам, «о которых можно сказать, как о безответственных и злобных детях»¹⁰⁰.

Он считал Маклауда «самодовольным капитулянтом»¹⁰¹. В Парламенте Солсбери заклеил его, как «шибко умного» (в ироническом смысле). Фраза стала знаменитой, и маркиз добавил к ней, что Маклауд использует свое умение играть в бридж, чтобы перехитрить белых «оппонентов» от имени черных «партнеров». Если это было «ораторством с целью оплевывания, или красноречием в сточной канаве», как заявил один коллега из лейбористов, то оно не ограничилось Вестминстером¹⁰².

Веленски заявил, что атака Маклауда напоминает «укус овцы»¹⁰³. Он назвал Дункана Сэндиса «белым человеком в поленнице (теперь не следовало бы употреблять термин «ниггер»)»¹⁰⁴. Этот политик отказался пожать руку Р.А.Батлеру, робкому и бесхарактерному, «перьевой подушке»¹⁰⁵. Он отклонил предложение пообедать с Макмилланом, чья ужасная политика «состояла в ликвидации того, что осталось от Британской империи, и как можно скорее»¹⁰⁶, заявив, что иначе подавится едой.

Старый борец был прижат к канатам, и наносил удары только для видимости. Он яростно выступал против слабого, вероломного и предательского Альбиона. По его мнению, Великобритания бросала Содружество ради Европейского Союза. Она продавалась, гнила изнутри, направляясь в адский огонь¹⁰⁷. Британия утратила «волю к власти»¹⁰⁸. Веленски объяснял это американским давлением и заявлял, что у него от всего этого начинается сильная мигрень. «Британское правительство покинуло нас, как крыса — тонущий корабль. Они отказались от торжественных обещаний, достигнутого взаимопонимания и намерений. Они сломали фундамент, на котором сами строили Федерацию... Британия совершенно не обеспокоена судьбой жителей, включая нашу родню»¹⁰⁹.

Эта «вся родня», ожесточенная тем, что считала предательством метрополии, хотела править.

Уайтхед бросал пробные шары и демонстрировал либеральные попытки примирения — например, десегрегацию почтовых отделений и обещание земельной реформы. Он хотел умиротворить африканцев среднего класса и убедить Лондон, что Родезия становится многорасовым государством, подходящим для автономии.

Уловка почти сработала. Великобритания дала новую конституцию, отказавшись от своего права вето в отношении дискриминационных законов в ответ на расширение привилегий и льгот. Но они были далеки от правления большинства. Более того, Нкомо вначале согласился на сделку, но потом, когда его атаковали более воинственные националисты, отказался. Среди последних оказался его начинающий соперник Роберт Мугабе, «Ленин Родезии», который разделял презрение Каунды к таким «трусливым воинам»¹¹⁰.

А в Солсбери появилась новая партия, Родезийский фронт. В 1962 г. она нанесла полное поражение Уайтхеду, который к тому времени, как отмечал Веленски, «имел столько же шансов быть выбранным, как снежок в Бейре»¹¹¹.

Фронт непримиримо выступал за превосходство белых. Его поддерживали табачные магнаты и говяжьи бароны вроде «Босса» Лиффорда. Он отличался продолговатым лицом с выступающими скулами и резко очерченным носом, любил «возить гостей на охоту на браконьеров, которые, в свою очередь, охотятся на африканскую дичь в «лендроверах», с фонариками и ружьями»¹¹².

Хаггинс когда-то высказывал надежду, что Родезии не придется использовать свои оборонительные силы, как «северо-американским колониям пришлось использовать свои, поскольку нам приходится иметь дело с глупым правительством в Соединенном Королевстве»¹¹³. Теперь Родезийский фронт был готов рискнуть внутренним насилием и внешней враждебностью, чтобы добиться цели — независимости.

Для Фронта, который пользовался постоянной поддержкой большинства белых, ненавистным казалось то, что Родезия все еще оставалась привязанной к Великобритании, когда черные страны получали независимость. Так, в 1961 г. Министерство по делам колоний, опасаясь восстания в стиле Конго, передало власть в Танганьике выдающемуся националисту Джулиусу Ньерере. На следующий год британцы вышли из Уганды, устав от локальных трудностей, которые варьировались от любви короля «Фредди» Мутесы к различным «блондинистым куколкам»¹¹⁴, до неуправляемости теми, кого один губернатор называл «этими излишне самоуверенными, наглыми, жадно и много пьющими пиво, драчливыми, издевающимися и хвастливыми буганда»¹¹⁵.

После официального расформирования Федерации Родезии и Ньясаленда в 1964 г. Ньясаленд (теперь — Малави) стал самоуправляемым государством вместе с Замбией. Менее жизнеспособные государства тоже стали готовить к независимости — Басутоленд (Лесото, 1966 г.), Бечуаналенд (Ботсвана, 1966 г.) и Свазиленд (1968 г.).

Еще больше досаждало Родезийскому фронту то, что растущее количество черных стран в Содружестве, из которого Южная Африка вышла в 1961 г., давило на Лондон, чтобы тот принял жесткую позицию в отношении Солсбери. На самом деле они во многом действовали в стиле Объединенных Наций. И этот орган во все большей степени рассматривал британцев, как друзей Веленски, Салазара и Фервурда, «соучастников в политике репрессий в Южной Родезии».

На самом деле сэр Хью Фут, британский представитель в ООН, подал в отставку в 1962 году, поскольку считал, что его страна становится «не на ту сторону в проигрываемом сражении» между черным «национализмом и белым доминированием в Африке»¹¹⁶.

При таком общественном мнении Великобритания не могла просто передать Родезию белому меньшинству. Но министры намекали, что будут содействовать Родезийскому фронту, если смогут это делать, не вызвав международного посрамления. Лорд Хоум, который, будучи сэром Алеком Дугласом-Хоумом сменил Макмиллана по адресу Даунинг-стрит, 10 в 1963 г. (хотя ему не хватало дерзости и он не носил усы), заявил: статус-кво можно поддержать, если скрыть его под выборным фасадом. Р.А.Батлер «намекал, что Британия окажется в неловком положении, если предоставит Родезии независимость. Но если Родезия сама ее возьмет, то Британия может соскочить с крючка»¹¹⁷. Ян Смит, который стал лидером Родезийского фронта и страны в 1964 г., намек понял. Как он написал в дальнейшем, «время нерешительности закончилось»¹¹⁸.

Лишь немногие видели в Смите признаки белого рыцаря. Хоум отмахивался от него, как от крестьянина. Хаггинс (теперь — лорд Малверн) говорил, что он — «крестьянский мальчик из Селукве, хитрый, ограниченный и подозрительный»¹¹⁹. Веленски считал, что он не может говорить ни о чем, кроме скота и использовании светлого времени дня: «Он такой же сильный человек, как я — король Сиама»¹²⁰.

В возрасте сорока пяти лет Смит казался таким же прозаичным, как и его имя. Он был угрюмым, скучным и мрачным, как его мешковатые серые двубортные костюмы. Лидер говорил безразлично, немного в нос, и иногда путал похожие по звучанию слова — например, мог сказать “factual situation”, когда имел в виду “actual situation”¹²¹.

Ян Смит обладал незрелым чувством юмора и мало чем интересовался, кроме спорта. У него имелся лишь малый политический опыт, а еще меньше — технических склонностей. Когда он был министром финансов правительства Фронта, то один раз его заметили тупо смотрящим на колонки официальных цифр, словно они имели для него такой же смысл, как в случае, «если бы он перевернул страницу вверх тормашками»¹²².

Однако Ян Дуглас Смит, сын шотландского мясника и первый премьер-министр Родезии, который родился в этой стране, оказался осторожным, практичным, упрямым и популярным руководителем. Он имел прекрасный послужной список на войне, был пилотом истребителя. Следы доблести и мужества остались на его лице — он серьезно пострадал во время одного столкновения, на

правой щеке делалась пересадка кожи. В результате глаз смотрел вниз, нос был искривлен. Это придавало его внешности смущающую неподвижность.

Смит был непреклонен в плане невозможности правления чернокожих, пока он будет жив, или будут живы его дети. Такой непреклонности этот человек больше ни в чем не проявлял. Более того, он быстро продемонстрировал свои намерения самым серьезным образом, задержав африканских лидеров во главе с Мугабе и разгромив их организации. Вместе со своим «ковбойским кабинетом»¹²³ Смит восстановил дух 1896 года. Он являлся воплощением менталитета поселенцев, которые разбивали лагеря, окруженные повозками. Лидер усилил привилегии белых. Он получал вдохновение, а также помощь и утешение из Южной Африки. Один чернокожий националист заявил: «Смит — расист. Он — человек апартеида. Он не лучше Фервурда»¹²⁴. На одном политическом собрании, где его забросали вопросами африканские студенты, Смит исполнил песню африканеров: «Бабуин, залезай на гору»¹²⁵.

В течение полутора лет перед тем, как выдать одностороннее провозглашение независимости, Смит применял двойную стратегию подготовки и переговоров. Он консолидировал поддержку в судебных кругах, полиции, вооруженных силах и среди гражданских служащих, продвигая собственных людей там, где было необходимо. Он пытался формировать и обрабатывать общественное мнение, проводил собрания и митинги, осуществлял цензуру газет, контролировал радио и телевидение, выдавая то, что его собственный глава разведки называл «пропагандой в стиле Геббельса»¹²⁶.

Смит давал взятки, угрожал, сажал в тюрьмы и изгонял некорренных журналистов. В качестве начальника пресс-службы он нанял человека, открыто признававшегося в том, что он фашист, который когда-то поддерживал сэра Освальда Мосли. Лидер запугивал других оппонентов — и белых либералов, и черных милитаристов. Один поселенец сказал Дункану Сэндису, что «противостояние Смицу очень сильно, много людей входят в оппозицию. Но это — маленькая страна, и каждый так называемый интеллигентный человек страшно боится честно заявить о своих взглядах и выступить против него из-за страха ограничений или давления на бизнес»¹²⁷.

Смит провел мощную предвыборную кампанию, заявляя, что выступает за национальное единство, но на самом деле продвигая дело одностороннего провозглашения независимости. Когда Веленски стал бороться против этого предложения на дополнительных выборах, то не только потерпел поражение, но его осыпали бранью и оскорбляли как «проклятого еврея, коммуниста, предателя и труса»¹²⁸.

Тем временем Смит пытался убедить сочувствующего, но скептически настроенного Дугласа-Хоума, что родезийцы всех оттенков кожи поддержат независимость, чтобы сохранить цивилизацию в первобытной стране. Чтобы доказать это утверждение, он собирал голоса и выяснял мнения вождей племен, которые, как предполагалось, выступают от имени своих народов. Но поскольку «индаба» проводилась в условиях строгой секретности, а место ее проведения было окружено войсками, которые никого не пропускали, неудивительно, что вожди (на самом деле — сельские жители и зависимые от правительства люди) дали Смиту тот ответ, который он хотел получить. Лорд Малверн справедливо назвал все это дело «мошенничеством»¹²⁹.

Гарольд Уилсон, который стал премьер-министром после победы с небольшим перевесом над Дугласом-Хоумом на всеобщих выборах в октябре 1964 г., не был одурачен. Он сразу же предупредил Смита об ужасающих экономических и политических последствиях, которые следует ждать после незаконного разрыва связей Родезии с Британией. Но во власти Уилсон уступил. Он на какое-то время забыл про лозунг «никакой независимости до правления большинства», санкционировал независимость с гарантией «ничем не нарушаемого продвижения вперед к правлению большинства». Однако было выставлено условие: «Это должно быть приемлемо для народа Родезии в целом».

Смит, которого поддерживали его собственные избиратели, отверг эти условия. Дальнейшие переговоры оказались бесполезными — особенно, во время одиннадцатичасового путешествия Уилсона в Солсбери, которое один член его кабинета, Ричард Кроссман, сравнил с полетом Чемберлена в Мюнхен.

Уилсон пришел в такую ярость от плохого отношения к Нкомо и другим задержанным чернокожим лидерам, которых держали в душном полицейском фургоне без еды и воды на протяжении многих часов перед встречей с ним, что буквально увидел «красные вспышки перед глазами». Более того, в доме Смита Уилсон продемонстрировал свое отвращение, когда один родезийский министр, герцог Монтроз, спародировал непристойные движения одной американской танцовщицы, «обученной искусству демонстрации своих прелестей»¹³⁰. Герцог проскакал вокруг стола, зажав монету между ягодиц.

Уилсон не дал этой демонстрации колониальной культуры вовлечь себя в конфликт. Напротив, он хотел избежать атаки «тори» на Вестминстер, поэтому отказался от использования силы против Родезии. Премьер сказал: «Не будет никакого удара грома небесного со стороны Королевских ВВС»¹³¹.

Этим премьер Уилсон разочаровал не только ООН и Содружество, но и многих британских врагов расизма. Среди них были сторонница левых взглядов, смутьянка и зачинщица Барбара Касл, косматый и праведный доктор Майкл Рамси, архиепископ Кентерберийский, который шокировал белых родезийцев своей воинственностью. Они пригрозили послать премьеру пепел своих сожженных Библий и предложили англиканской церкви петь новый гимн: «Вперед, вперед, христианские солдаты! Вперед, вперед — убивать свою родню»¹³².

Однако публичный отказ Уилсона сражаться окончательно уверил Смита в необходимости пойти на чрезвычайные меры и воплотить в жизнь свои планы. Вернувшись в Лондон, Уилсон тщетно просил его по телефону, и нашел, что он уходит от темы, но «поразительно спокоен и почти дружелюбен. Смит был спокоен, словно безумец»¹³³.

Поэтому в одиннадцатый день одиннадцатого месяца 1965 года Смит прочитал прокламацию на красных, зеленых и золотистых свитках, объявив о независимости Родезии. День был сильно наполнен лишним и ненужным символизмом. Язык прокламации эхом повторял последних восставших британских колонистов, выпустивших Декларацию независимости. Однако в отличие от Томаса Джефферсона, Ян Смит продолжал заявлять об атавистической верности короне. Он завершил объявление исполнением гимна «Боже, храни королеву!»¹³⁴ Когда играли национальный гимн, белые родезийцы стояли по стойке смирно в магазинах, офисах и на других рабочих местах...

* * *

Представитель королевы в Солсбери сэр Хэмфри Гиббс уже освободил Смита от работы. Премьер-министр заглянул в Дом правительства, симпатичный особняк с белой остроконечной крышей в голландском стиле и длинной верандой перед домом с колоннами, расположенный в уединенных садах с птичником и прудами с рыбами. И губернатор заявил ему: декларация лишает его и его министров всей законной власти. Но разбойничий режим имел то, что имеет большее значение — силу. Смит изолировал Гиббса, перерезав его телефонный провод и прекратив перечисление жалованья, отобрал у губернатора служебную машину и полицейскую охрану. Высший британский чиновник фактически стал пленником, просто видимостью королевского превосходства. Он был марионеткой в белом мундире с медалями — таким символом утраченной имперской мощи Британии в перьях и пробковом шлеме.

Тем временем Гарольд Уилсон столкнулся с разделившимся мнением на родине. Оно лучше всего было представлено на наклейках на машины. На них писали или «Поддержи Родезию!», или «Родезия: один человек, один голос». Под давлением он оказался анти-тезой лорду Палмерстону. Пришлось предпринимать все действия против Смита, за исключением тех, которые имели бы какой-то эффект, усиливая жалобы от оппонентов Фронта на то, что они не получили «даже самой маленькой крошки поддержки из Лондона»¹³⁵. Уилсон наложил экономические санкции на Родезию, заморозив ее резервы, сдерживая торговлю и в конце концов наложив запрет на импорт нефти. Но как Смит неправильно предсказывал, что Одностороннее провозглашение независимости будет «трехдневным чудом»¹³⁶, Уилсон ошибочно предсказал, что его меры могут положить конец восстанию «скорее в течение недель, чем месяцев»¹³⁷. На самом деле Родезия процветала по крайней мере семь лет, привлекая туристов и новые тысячи белых иммигрантов. Самой большой трудностью, с которой им пришлось столкнуться, стал недостаток шотландского виски. Также впервые после основания в 1893 году в клубе Солсбери закончился портвейн.

Хотя ни одна страна не признала правительство Смита, оно получило помощь от португальского Мозамбика и Южно-Африканской Республики. Они составляли две зияющие дыры в блокаде, которые Уилсон не мог и не хотел закрыть. Южная Африка представляла наибольшую проблему. Это был союзник Запада в «холодной войне» против коммунизма, источник золота и урана, жизненно важный торговый партнер. Сама Барбара Касл признавала: прекращение британского экспорта в Кейптаун, который составил 265 миллионов фунтов стерлингов в 1965 г. (почти в восемь раз больше, чем в Родезию), «навверняка обвалит фунт стерлингов»¹³⁸. Смит пытался поддерживать вызывающую беспокойство ненадежную дружбу с Фервурдом и его преемником Йоханнесом Форстером. Он усилил социальные и коммерческие связи между Солсбери и Преторией, укрепил спортивные отношения. (Говорили, что в плане крикета и регби «Родезия и Южная Африка стали одним и тем же»)¹³⁹.

В 1967 г. Смит принял военную помощь от Форстера. Многим либеральным родезийцам не нравилась «политика нашего соседа на юге», как не нравилось и репрессивное законодательство, которое превратило их страну в фашистское государство¹⁴⁰. Но даже они выступали против быстрого наступления правления африканцев, поэтому Смит сохранял поддержку примерно 80 процентов белых. Те, кто его поддерживал, верили, что альтернатива Родезийскому фронту — черная диктатура. Они много рассуждали об убийствах и изнасилованиях, которые последуют за предостав-

лением гражданских и политических прав африканцу: «Независимо от его образования, уровня, до которого он поднимется, он навсегда останется дикарем и варваром»¹⁴¹.

Но националистическое движение было безнадежно разделено и деморализовано, и родезийские вооруженные силы легко сдерживали маломасштабную партизанскую деятельность. Однако угроза оставалась достаточно реальной, особенно — для незаконного режима. Как сказал восьмидесятидвухлетний лорд Малверн после одностороннего провозглашения независимости, даже тоталитарное правительство Смита должно понимать: «То, что может сделать восставшее меньшинство, восставшее большинство сумеет сделать гораздо лучше»¹⁴². Так белые родезийцы сплотили ряды в ответ на внутренние ужасы и внешние угрозы.

Когда торговое эмбарго провалилось, Британия показывала себя все более бессильной. Поэтому Уилсон изменил своему слову не вести переговоров с совершившими государственную измену. В 1966 г. он встретился со Смитом на борту военного корабля «Тигр» недалеко от Гибралтара. Смит и другие страдали от морской болезни, пока крейсер ходил кругами. Сам Уилсон пошел на попятный. В ответ на расширение прав африканцев он согласился, что правление большинства отложат до следующего тысячелетия.

Вернувшись домой, Смит решил, что может позволить себе отклонить предложение. Родезия переживала подъем. Экономика становилась более разнообразной и самодостаточной. Несмотря на одобрение и поддержку ООН, санкции оказалось возможным обойти в международном масштабе. Родезия получила помощь от Греции и Японии, от Ватикана и Кремля, от полиграфических фирм Германии и британских нефтяных компаний (с согласия собственного правительства Уилсона). Замбия, закрытая со всех сторон от моря и обедневшая, едва ли могла избежать торговли с Родезией (и через нее). Франция де Голля служила своим собственным интересам, как и приведенный в боевую готовность Израиль.

Другие нарушали санкции из расистских мотивов. Опасный сторонник сегрегации, сенатор от Миссисипи Джим Истланд, посетил Солсбери с бизнесменами из самого сердца Юга, которые хотели помочь Смигу «поставить негров на то место, где они должны находиться»¹⁴³. В дальнейшем, застряв во Вьетнаме, США открыто выражали презрение эмбарго, сняв запрет на импорт родезийского хрома, никеля и других стратегических материалов. Тем временем Уилсон настаивал, что санкции кусаются. На это Каунда ответил, что «даже блохи кусаются»¹⁴⁴.

Уилсон тут же инициировал следующий раунд переговоров в 1968 г. Их снова проводили в Средиземноморье, на этот раз —

на борту британского военного корабля «Фирлесс». Они оказались столь же бесполезными. Уилсон был, как написал один лейбористский министр, «абсолютно нацелен урегулировать вопросы с Яном Смитом»¹⁴⁵. Но Смит оставался упрямым, несмотря на определенный отказ Великобритании от «независимости до правления большинства». На следующий год он ввел новую конституцию для Родезии, которую одобрил референдум. Она установила белую республику на обозримое будущее. Сэр Хэмфри Гиббс, призрак величия, был рад исчезнуть.

К 1970 г. Британия была занята новыми проблемами в Северной Ирландии, еще одним заляпанным кровью наследием империи. Но Алек Дуглас-Хоум, министр иностранных дел в новом консервативном правительстве Эдварда Хита, предпринял последнюю попытку разрубить родезийский узел. Он признал, что у Великобритании «очень мало влияния и нет никакой власти»¹⁴⁶. Но сам министр был популярен у родезийских лидеров. Дуглас-Хоум обладал шармом, хотя был несколько изнежен и избалован. Он окончил Итон, но в школе казался «неспособным для борьбы за жизнь»¹⁴⁷.

Этот человек оставался обаятельным дилетантом, остроумно признавая, что решает финансовые проблемы при помощи спичек. Он любил сельскую жизнь и сельские развлечения, на столе в Министерстве иностранных дел держал «Путеводитель по ипподромам» Раффа, а Веленски отправлял в подарок лосося, которого сам поймал. Это был настоящий шотландский аристократ, владелец большого количества акров земли. Он четко рассматривал Родезию, как загородного поместье, которым управляют белые управляющие, а работают черные крестьяне. Несмотря на различия, их можно примирить.

В конце 1930-х гг. Дуглас-Хоум являлся ревностным миротворцем, причем в такой степени, что уничтожил самые сильные доказательства, которые могли бы быть ему инкриминированы, когда Уинстон Черчилль пришел к власти. Дуглас-Хоум пытался убедить Айана Маклауда, что Южная Родезия является «важным ядром нации, преданной высшей степени сотрудничества между расами»¹⁴⁸. Теперь он искал другого решения, подобного Мюнхенскому соглашению. После долгих обсуждений Дуглас-Хоум достиг соглашения со Смитом, которое являлось «чуть больше, чем дымовой завесой»¹⁴⁹, чтобы скрыть капитуляцию Британии.

Многие из условий были двойственными, словно подтверждая родезийскую точку зрения о том, что Дуглас-Хоум «честно бесчестен»¹⁵⁰. Но договоренность явно гарантировала правление белых на протяжении многих поколений. Однако Дуглас-Хоум посчитал обязательным оговорить в качестве особого условия то,

что большинство родезийцев должно посчитать такое правление приемлемым. И он, и Смит были уверены: комиссия по изучению мнения африканцев, которую возглавлял вышедший в отставку судья лорд Пирс, получит положительный ответ, если побудить его искать.

На самом деле Смит похвастался (и это хвастовство стало знаменитым), что в Родезии «живут самые счастливые африканцы в мире»¹⁵¹. Но они в целом не были счастливы из-за вступления в соглашение Хоума и Смита, считая «злым и искусным планом» позволение Британии принять одностороннее провозглашение независимости. Это поставит печать и на другое государство апартеида. Епископ-методист Авель Музорева возглавил оппозицию, спросив и получив у черных родезийцев «определенное “нет”». Отчет Пирса по вердикту, как говорил Музорева, напоминал «вспышку молнии и раскат грома в конце сильной летней грозы»¹⁵². Великобритания выстрелила имперской стрелой. Впредь другим придется решать то, что ЦРУ США назвало «проблемой деколонизации с самым большим количеством шипов»¹⁵³.

К переговорам Смита побудило сочетание ослабления военной силы и усиления политического диктата, которому было невозможно противостоять. С 1972 г. партизанская война усилилась, став более яростной «чимуренгой», чем что-либо, виденное после 1896 г. Конечно, мятежникам мешали убийственные стычки внутри националистических фракций и между ними. Города вроде Солсбери и Булавайо, в которых проживало большинство европейцев, едва ли пострадали от кровопролития. Но партизаны пересекли границу из Мозамбика и Замбии, чтобы атаковать удаленные фермы, железные и шоссейные дороги. Часть мятежников поддерживал Китай, а часть — Россия. Белые, проживающие в сельской местности, превратили свои дома в крепости, защищенные мешками с песком, прожекторами, колючей проволокой и сторожевыми собаками.

Партизаны пытались подключить местное население, используя тактику террора против любого, кто сопротивлялся. Вождей племен часто пытали и убивали, школьных учительниц насиловали, деревни грабили и сжигали.

Меры против мятежников были не менее жестокими и дикими. Они включали коллективные наказания, закрытие школ и клиник, учреждение зон, свободных от огня, и «укрепленных деревень», похожих на концентрационные лагеря. Скот африканцев захватывали и преднамеренно заражали антраксом. Захваченных мятежников били электрическим током, тянули сквозь кусты, привязав к «ленд-роверам», вешали вниз головой на деревьях и били. Один районный комиссар топтал их ногами и заявил, что

«никогда в жизни он так не веселился»¹⁵⁴. Разведчики Селоуса совершали самые худшие зверства, особенно во время рейдов через границу и преследований по пятам. Иногда под видом партизан они занимались браконьерством в целях получения слоновой кости, контрабандой оружия. Они же печально прославились жестоким обращением с гражданскими лицами и убийствами.

Такое насилие и хитрости портили расовые взаимоотношения. Но Смит, который расширил сегрегацию, больше верил в принуждение, чем примирение. Несомненно, он мог бы подписаться под белым клише: «Зачем беспокоиться из-за завоевания сердца и ума африканца? Если удержишь его за яйца, то сердце и ум последуют...»¹⁵⁵

Однако к 1974 г. количество рекрутируемых мятежников стало превышать количество убитых. Положение Смита становилось опасным. Весной военный переворот, устроенный офицерами в Лиссабоне, ускорил конец португальской империи и дал независимость Мозамбику. Через несколько месяцев на восточной границе Родезии протяженностью в 764 мили уже доминировало враждебное государство. Более того, его руководитель Самора Машел считал честью для себя помочь другому революционеру-марксисту Роберту Мугабе. Он контролировал порты, через которые шло 80 процентов родезийского экспорта.

Смит остался только с одним дружественным соседом. Но Южная Африка, ранее злой гений Родезии, теперь стала ее Немезидой. Политики в Претории предпочитали стабильный черный режим на своем северном фланге, а не нестабильный белый. Поэтому Форстер поставил Смита в трудное положение, и тому пришлось ответить объявлением о прекращении огня. Он выпустил Нкомо, Мугабе и других задержанных и готовился обсуждать компромиссную конституцию.

Роль Британии в сложной и запутанной ситуации в Родезии символизировал бесполезный визит, который нанес в регион министр иностранных дел Джеймс Каллагэн в январе 1975 г. Один журналист назвал его замечания «напыщенными и претенциозными»¹⁵⁶. Каллагэн явно не имел никакого влияния на Смита, который в один прекрасный день удалился с переговоров с воюющими националистическими лидерами, проводившихся в железнодорожных вагонах на мосту над водопадом Виктория. (Это «инженерное чудо»¹⁵⁷ зрелищно символизировало покорение природы империей). Как заметил американский госсекретарь Генри Киссинджер, у Родезии имелась сила без законности, тогда как у Великобритании была законность без силы.

На самом деле, как писал Киссинджер, провал сменяющих друг друга правительств в Лондоне и невозможность подавить режим

восставших являлись болезненным напоминанием об упадке страны. Поэтому Британия «отдала США свою традиционную роль лидерства в Южной Африке»¹⁵⁸.

Госсекретарь не славился скромностью. Но в 1976 году он воспользовался американским влиянием на Форстера и Смита. Наконец, как говорили, Киссинджер «открыл Африку»¹⁵⁹.

Открытие произошло в результате растущих страхов из-за того, что континент должен был вот-вот стать полем брани в «холодной войне». Ранее Киссинджер предполагал, что белые останутся там, а черные «не смогут получить политические права, которых хотят, используя насилие»¹⁶⁰. Теперь, когда рушились старые империи, русские и китайские коммунисты помогали национально-освободительным движениям изменить политический цвет и характер Африки. Еще более зловещим оказалось то, что в Анголе кубинские силы с советскими танками «Т-54» и истребителями «Миг» разгромили Францию, которую поддерживали Южная Африка и США.

Госсекретарь, словно Валтасар, читал письма на стене. Как говорит один из его биографов, Киссинджер являлся исполнителем максимы Талейрана о том, что «искусство управления государством — это предвидеть неизбежное и ускорить его исполнение»¹⁶¹. Поэтому он изменил свою предыдущую политику и попытался завоевать на свою сторону государства чернокожих, выступив против белых режимов меньшинства. Мотаясь взад и вперед, госсекретарь встречался с руководителями так называемых «прифронтовых государств», которые прямо выступали против Родезии. Они произвели впечатление на Киссинджера. Машел, который только что закрыл Мозамбик для прохода родезийских товаров, был энергичным и стойким. Ньерере оказался стройным, элегантным, отличался грациозностью движений, он носил усы в стиле Гитлера, но выглядел очень умным и образованным, а его владение английским языком вызывало благоговейный трепет (он перевел шекспировского «Юлия Цезаря» на суахили). Каунду отличали седые волосы, сверкающие глаза, он был постоянно готов улыбаться и «источал властность»¹⁶².

Киссинджер произвел впечатление не на всех африканских лидеров. Нкомо сравнивал его с бизнесменом, который заключает быструю сделку, и чувствовал себя так, словно разговаривал с роботом. Тем не менее, в Лусаке, в конце апреля 1976 г., Киссинджер произнес речь, которая звучала, словно погребальная песня по последней британской колонии в Африке.

Он обещал поддержку Америкой правления большинства, равные права и признание человеческого достоинства всех народов Южной Африки. Киссинджер пообещал, что Родезия «столкнется

с нашим тотальным и безжалостным противодействием, пока не будут проведены переговоры до достижения соглашения»¹⁶³.

После этого Киссинджер убедил Форстера сильнее надавить на Смита. Южная Африка оттянула еще большее количество своих войск, не поставляла в Родезию боеприпасы, душила ее торговлю. 19 сентября в Претории Киссинджер наконец-то встретился со Смитом лицом к лицу.

Госсекретарь постоянно менял взгляды. Он начал с укора: «Ваша репутация коварного и хитрого лгуна еще хуже моей. Но позвольте мне предупредить вас не пытаться ничего провернуть со мной. Ведь на этот раз вы встретили достойного вас противника».

Далее Киссинджер указал на безнадежность военного и экономического положения Родезии. Единственным вариантом для нее было принятие урегулирования, по большей части придуманного британцами. Это обеспечит правление большинства в течение двух лет, но не станет ни санкций, ни партизанской войны. Смит ответил: «Вы хотите, чтобы я подписал записку о своем самоубийстве»¹⁶⁴.

Киссинджер сохранял каменное молчание. Но он смягчился, когда Смит, поторговавшись насчет гарантий белым и обязав госсекретаря сжульничать (как он выразился, заняться «конструктивной двойственностью»)¹⁶⁵, принял его предложения. Киссинджер продемонстрировал сочувствие при их расставании и пролил крокодиловы слезы.

Когда Смит объявил условия сделки, казалось, что госсекретарь совершил еще одна дипломатическое чудо. Америка, судя по всему, опустила занавес в последнем акте имперской драмы Британии на африканской сцене. Некоторые политики из Вестминстера с негодованием отнеслись к тому, что это был трансатлантический триумф, а их собственное правительство оказалось инертным и бездейственным в плане Родезии. Оно просто предоставило официальное лицо из Уайт-холла в качестве части «багажа» Киссинджера. Белые граждане Солсбери, где полным ходом шел праздник Джакаранда, сожалели о капитуляции Смита. На площади Сеси-ла, в том месте, где первопроходцы Родса подняли «Юнион Джек» в 1890 г., они подняли белый флаг до середины флагштока.

На самом деле у Смита ни в коей мере не истощилась типичная для Гладстона способность к увиливанию. Как он сказал во время квази-черчиллевского выступления по радио, это «был не конец и даже не начало конца — возможно, конец начала»¹⁶⁶.

Сильно расхваливаемый прорыв Киссинджера оставил Сми-ту достаточно места для маневров. Он подчеркнул свою преданность ответственному правлению большинства. Больше не было препятствий для развития.

Лидеры националистов не одобрили сделку. На самом-то деле Мугабе и Нкомо, которые сформировали беспокойный альянс под названием Патриотический фронт, в октябре 1976 г. отказались отдать приказ о прекращении огня, пока не получат контроль над временным правительством. Так что конференция, которая проводилась под эгидой британцев в Женеве с целью введения в действие предложений Киссинджера, не решила ничего. Закончились ничем и дальнейшие усилия нового министра иностранных дел, Дэвида Оуэна, который, судя по всему, видел себя инспектором манежа в странном дипломатическом зверинце. Он характеризовал Смита как шакала, Форстера — как гиппопотама, Нкомо сравнил со слоном, а Мугабе — с пантерой. Для осложнения метафоры американский орел кружил над головами, и Оуэн не был уверен, не зарычит ли британский лев.

Мугабе считал, что нельзя ничего решить без «яростной и кровавой войны», чем обеспечил ответ. Он заявил репортерам: «Доктор Оуэн не смог убедить нас, что Британия находится в положении, позволяющем произвести переход власти к народу Зимбабве»¹⁶⁷.

Смит с таким же пренебрежением говорил о британском «странствующем цирке». Он сосредоточился на разделе африканской оппозиции, достиг соглашения с ее самым сговорчивым представителем, епископом Музорекой. Так был создан черный марионеточный режим, что требовало кое-каких уступок и большого количества убеждения. В 1977 г. задача Смита стала сложнее из-за «распространения терроризма по всей стране»¹⁶⁸. Партизаны тысячами бушевали в провинциях, атаковали города и даже угрожали небесам — в конце концов, они сбили два самолета «Виконт» при помощи ракет «SAM-7». Война обходилась по 500 000 фунтов стерлингов в день (четверть всех трат правительства), экономика лежала в руинах. Несмотря на строгий контроль за эмиграцией и обменом, 1 500 белых в месяц шли «желтым путем» или «куриной тропой». Поэтому Смит испытал облегчение, когда в марте 1978 г. Музорека подписал так называемое Солсберийское соглашение. В теории по нему вводилось правление большинства, открывая Родезию тому, что Гиббон называл «неудобствами дикой демократии»¹⁶⁹. На практике белые сохраняли скрытый контроль. Смит отступил, чтобы оставаться на своем месте.

Обман становился все более очевидным в течение следующего года. Смит мало что делал для облегчения расовой дискриминации. Партизанская война усилилась, а он тем временем углубил недоверие между черными лидерами, попытавшись (что не удалось) отсоединить Нкомо от Мугабе. Наконец Смит одобрил новую конституцию, которая дала африканцам большинство в парламенте (хотя один чернокожий получал один голос, а один

белый — два голоса). Но удержалась власть европейцев над судебной системой, полицией, гражданской службой и вооруженными силами.

Музорева, который считал себя африканским Джорджем Вашингтоном, был проклят собственными сторонниками за принятие такого положения вещей. Мугабе назвал епископа «Бее-Бее — черной овцой», поскольку он постоянно следовал за своим белым хозяином. Однако во время всеобщих выборов, на которых разгорелась ожесточенная борьба, Музорева получил две трети голосов и пятьдесят одно из девяноста двух мест в парламенте. Так что 1 июня 1979 г. он стал премьер-министром нового государства Зимбабве-Родезия.

Афро-английское имя поносили почти все. Смит написал в своем дневнике: когда Музорева прибыл в свою официальную резиденцию, он выглядел, «словно пестрый петух, драчун-коротышка. Он сидел на фургоне со впряженными волами — копии тех, которые использовала колонна первопроходцев, когда они оккупировали страну в 1890 г. Я сжался и закрыл глаза. Музорева и его предки даже не изобрели колесо ко времени появления белого человека!»¹⁷⁰

Новый британский премьер-министр, Маргарет Тэтчер, относилась к правому крылу «тори», которые инстинктивно предпочитали белую Родезию. Поэтому она вполне могла симпатизировать этим чувствам. Железная Леди определенно не доверяла черным националистам и их требовательным приспешникам из Содружества. Она любила говорить, что аббревиатура «СНОГМ» (встреча глав правительств стран Содружества) на самом деле расшифровывается иначе и означает «обязательные подачки жадным попрошайкам»¹⁷¹.

Однако министр иностранных дел при миссис Тэтчер, лорд Каррингтон, который нацелился отказать в признании правительству Музорева, обратил ее в свою веру, хотя премьер сделала это неохотно. Каррингтон заявлял: это правительство ложное и незаконное, оно гарантирует лишь продолжение гражданской войны, которая уже стоила двадцать тысяч жизней. Великобритании следует придерживаться той же линии, что и США. Американский президент Джимми Картер, выступал за достижение расовой справедливости.

Однако Каррингтон предложил премьер-министру шанс для деколонизации без американской помощи, шанс найти собственный путь из Африки. Пресса Замбии клеймила Тэтчер, называя ее расисткой. Она прибыла на августовскую конференцию стран Содружества в Лусаке в черных очках, уверенная, что ей в лицо плеснут кислотой. Но на самом деле ее приветствовали радост-

ными возгласами, и изменение позиции Маргарет Тэтчер стало триумфом. Миссис Тэтчер объявила, что «полностью выступает за настоящее правление чернокожего большинства в Родезии»¹⁷². Она танцевала с Каундой, называя его «дорогим и милым человеком»¹⁷³. Замбийский президент объявил: «Железная Леди принесла луч надежды на темный горизонт».

Жители Замбии стали свидетелями «апофеоза благословенной Маргарет», как сообщал репортер «Дейли телеграф». Он сказал, что они не удивились бы, если бы увидели, как ее самолет, направляющийся домой, «тянет в небо херувим»¹⁷⁴.

Так осенью 1979 г. в Ланкастер-хаусе произошла последняя встреча всех заинтересованных сторон. Мугабе участвовал только потому, что Машел угрожал закрыть базы его партизан в Мозамбике. Но он заставил обратить на себя внимание, поскольку был очень хорошо образован, безжалостно умен и неприятно несносен.

Мугабе мог вызывать обиды и разногласия. «Именно мы освободили Родезию, — заявил он лорду Каррингтону. — Вы сейчас просто вмешиваетесь, чтобы воспользоваться нашей победой»¹⁷⁵.

Этот укол оказался болезненно близким к истине. Но Мугабе сделал вывод, что может обеспечить долгую власть через урны для голосования. Бросая вызов плакатам с надписями «Повесить Каррингтона», которыми размахивали лоялисты-«тори», поддерживавшие режим восставших, министр иностранных дел потратил много недель на обеспечение соглашения. Он изолировал Смита, который считал себя преданным участниками собственной делегации, готовыми пойти на компромисс, и с горечью (но без иронии) рассуждал об афоризме Цицерона: «Страна не может пережить предательства изнутри»¹⁷⁶.

Каррингтон добился прекращения огня от Нкомо и Мугабе, хотя его никогда не соблюдали в полной мере (даже несмотря на прибытие английских войск). Он заставил Музореvu, ослабленного диетой из моркови и картофельно-лукового супа, единственной еды, которую он посчитал съедобной в своей гостинице, уступить британскому губернатору. «Правда? — спросил Нкомо. — А у него будет плюмаж и конь?»¹⁷⁷

На самом деле лорд Сомс, зять Уинстона Черчилля, который согласился занять этот пост, обеспечил сочетание дипломатической учтивости и светскости с военной прямоотой и грубоватостью. Его задачей было наблюдение за выборами, которые решат судьбу Зимбабве. Он признавал в своей неподражаемой манере, что они едва ли пройдут без насилия. Африканцы, говорил Сомс, не ведут себя, как жители маленького Пэддлетона-он-Марш: «Они, не задумываясь, вставят палки друг другу в одно место, и будут делать друг другу гадости и мерзости»¹⁷⁸.

Как жаловались Смит и Нкомо, произошло достаточно случаев запугивания и даже террора. Но Сомс отказался отменить выборы, на них победил Мугабе, притом — с большим отрывом. Он собрал 63 процента голосов жителей страны. Сомнений в результатах не оставалось. Поэтому 17 апреля 1980 г. африканцы праздновали то, что их новый лидер назвал «днем рождения великого Зимбабве». Британия теперь навсегда ушла из Африки, причем менее дискредитированная, чем Португалия в Анголе, не говоря уже про Францию в Алжире. Страна испытывала ощутимое облегчение.

Через девяносто лет колониальная мечта Родса, давно ставшая ночным кошмаром, испарилась. Хорошо это или плохо, но чернокожие Родезии стали теперь хозяевами собственной судьбы. Белые Родезии едва ли показали хороший пример демократии. Южная Африка осталась последним бастионом апартеида.

Как выразилась лондонская «Таймс» (эхом повторяя знаменитое прощальное слово Ричарда Никсона), у мира «больше не осталось лежащейся имперской и расистской Британии»¹⁷⁹. Но многие британцы испытывали острую ностальгию по погибшей империи, а некоторые страстно желали восстановить ее славу, как Карл Великий возродил величие Рима. В кабинете премьер-министра в Палате общин царило настроение меланхолического негодования, когда он с коллегами-консерваторами собрались у телевизора, чтобы посмотреть, как «Юнион Джек» спускают на Доме правительства в Солсбери, и услышать последние аккорды сигнала горна «вечерний отбой». «Бедная королева! — воскликнула миссис Тэтчер. — Вы осознаете, какое количество колоний отсоединилось от Британской империи с тех пор, как она взошла на трон?»¹⁸⁰ Железная Леди заплакала.

Глава 21

«Скалы и острова»

Вест-Индия и Кипр

Если вспомнить Рим, то там колесо фортуны поворачивалось медленно. Но, как говорил Гиббон, его ужасающее вращение увело город и империю с высоты величия, «похоронив их в общей могиле»¹. Великобритания выжила, но ее империя, хотя и не разрушилась полностью, исчезла с поразительной скоростью. Между 1945 и 1965 гг. количество людей, находившихся под колониальным правлением Британии, уменьшилось с семисот миллионов до пяти. За время жизни одного поколения примерно двадцать шесть стран, составлявших основную часть Британской империи, стали независимыми.

Несколько факторов, которые уже упоминались, помогли ускорить этот крах. Это потеря престижа в Азии, сопровождавшаяся послевоенной милитаристской слабостью, появляющийся национализм в колониях, мировое противостояние империализму и его отступление на почти всех фронтах, такие провалы, как Суэц, скандалы вроде того, что связан с лагерем Холла, возвращающийся в Соединенное Королевство экономический кризис, его сближение с Европой, демократические предпочтения благополучия у себя в стране, а не подъема за рубежом. Но какими бы ни были причины, многие патриотично настроенные британцы сожалели, что с карты мира так быстро уходят такие большие куски, окрашенные в красный цвет. [Как правило, в СССР Британия и ее владения помечались зеленым. — *Прим. ред.*] Они оплакивали потери, считая их серьезным национальным унижением. Патриоты осуждали это, как мерзкое пятно на своей мужественной и сильной нации. Они проклинали это, как бесславное предательство очевидной судьбы Альбиона.

Министры и чиновники делали все возможное, чтобы заклеить каркающих пессимистов, обвиняя их в анахронизме и реакционности. Те, кто жаловались, что «мы продаем империю», отрекаясь от наших обязанностей, что «мы увлекаясь политической стремления избежать трудностей», являлись, как правило, пожилыми джентльменами с колючими седыми усами, сидевшими в удобных креслах в клубах. Так выразился бывший

глава Министерства по делам колоний сэр Джон Макферсон в 1960 г.²

Это было очень меткое замечание, ведь усы исчезали столь же быстро, как и империя. Они не считались обязательными в армии уже в 1916 г., когда король издал указ, позволяющий брить верхнюю губу. Есть предположение, что эти изменения ввели ради принца Уэльского, у которого плохо росли волосы на лице³. Но, судя по словам его секретаря, генерал сэр Невилл Макреди отдал этот приказ, поскольку сам очень не любил свои усы, которые «торчали во все стороны, напоминая небольшие щетки, используемые кухарками и другими людьми для чистки сковородок». Как бы то ни было, усы определенно вышли из моды к 1950-м. Они стали темой шуток благодаря Чарли Чаплину и Граучо Марксу. Они же стали международным символом «злодейства»⁴ благодаря усам-«щеточкам» у Гитлера, и «большим смеющимся тараканам» под носом Сталина. В Британии их рассматривали, как признак полковника Блимпа, знак определенного склада ума. [Полковник Блимп, всегда готовый к прошедшей войне, был персонажем политических карикатур в 1930-е годы. — *Прим. перев.*] Например, в романе П.Г.Вудхауса, написанном в 1954 г., говорилось о «легком дымке растительности»⁵, который культивировал Берти Вустер, чтобы приобрести «колдовской» вид. Но усы заклеил Дживс, безупречный арбитр моды, назвав их «темным пятном, напоминающим густой индийский острый суп с пряностями»⁶.

Если серьезно, то сэр Джон Макферсон повторил принятую защиту «эволюции империи в Содружество»⁷. Британия просто завершала (несколько ускоренным темпом) преднамеренный процесс опекуна, а ее колонии развивались от состояния опеки к свободе. Если Макферсон правильно говорил о «большой Британии», как о самоликвидирующейся сущности, то добавил чрезвычайно благоприятный блеск к тому, что называлось «паническим бегством из империи»⁸. В конце 1950-х, когда он был ведущим чиновником Министерства по делам колоний, этот человек в частных беседах выражал отчаяние от грядущей перспективы превращения своего ведомства в «департамент скал и островов»⁹.

Казалось, Соединенному Королевству самой судьбой предназначено сохранить примерно двести разбросанных по всему миру маленьких зависимых территорий. Внутри страны и за границей враждебно настроенные обозреватели считали их кусками дискредитировавшего себя мирового порядка, пылью после взрыва системы. Они являлись (особенно — для американцев) остаточными символами четырех столетий стяжательства и наживы. Франклин Д.Рузвельт укорял из-за этого Черчилля в 1944 г., сказав:

премьер-министру придется приспособливаться к новому периоду, который начался в истории планеты. Президент предупредил своего госсекретаря, что «британцы будут захватывать землю в любом месте в мире, даже если это просто скала или песчаная отмель»¹⁰.

Некоторые британцы действительно ценили стратегически ценные или привлекательные из-за чего-то иного остатки имперской власти. Ведь даже атомные частицы бывшей славы могли стать гранулами фундамента будущей мощи. Вскоре после своей речи о «ветре перемен» Гарольд Макмиллан решил: «Нам нужны только наши Гибралтары»¹¹. Цепь плацдармов, соединенных по воздуху и морю, становилась современным способом поддержания влияния Британии в мире. Их можно легко охранять. Ими окажется дешево управлять. С местным населением возможны лишь мелкие осложнения.

Ссылаясь на вынужденное переселение людей с Диего-Гарсии, атолла в архипелаге Чагос (вскоре переданного в аренду США), глава Министерства иностранных дел написал в 1966 г.: «Цель — получить какие-то скалы, которые останутся нашими. Там не будет никакого местного населения, кроме чаек». Высокопоставленный чиновник прокомментировал: «К сожалению, вместе с птицами уходят и немногочисленные Тарзаны или Пятницы, происхождение которых неясно. Надо надеяться, что они желают перебраться на Маврикий и т.д.»¹² Такие острова, покинутые людьми или же населенные, давали власть без ответственности — то, к чему стремились империалисты на протяжении веков.

Обеспечивая это преимущество, они напоминали пояс баз в Карибском море, которые Британия передала США в обмен на пятьдесят старых эсминцев. Та сделка считалась целесообразной и выгодной в военное время, благодаря ей Черчилль надеялся скрепить трансатлантические связи. Это не было хитростью или тактическим ходом Рузвельта с целью вытеснить британцев с восточных подходов к Панамскому каналу и материковой части Америки. Но сделка стала признанием снижения необходимости для Великобритании стратегических позиций в регионе, который все больше становился сферой интересов Америки. Более того, передача баз, совершенная без каких-либо консультаций на местах, отражала давнее равнодушие, неуважение и пренебрежение Британии к бедным, дорогостоящим и излишним островам. Когда сахар все еще оставался продуктом-королем, острова Вест-Индии считались «самыми дорогими драгоценными камнями в короне Британии»¹³. Но после того, как сахар сбросили с трона, острова стали, по выражению Джозефа Чемберлена, «самой мрачной трушбой империи»¹⁴.

История британской Вест-Индии в викторианскую эру стала историей стагнации, оттененной несчастьями. После отмены рабства в 1833 г. старая система плантаций начала разрушаться. Вместо труда свободных людей владельцы получили свободную торговлю. Вначале они пережили уничтожение защищавших их тарифов, потом пришлось столкнуться с конкуренцией зарубежного сахара, выращиваемого рабами, а также сахарной свеклы. Между 1805 и 1850 гг. цены на сахар снизились на 75 процентов. Некоторые владельцы остались платежеспособными. На Барбадосе, фактически монополизированном крупными поместьями и населенном, словно муравейник¹⁵, у бывших рабов не оказалось иного выбора, кроме как стать оплачиваемыми работниками. Но на большинстве островов, особенно, на Ямайке, начался колоссальный упадок — «с разрушениями и руинами, отчаянием и пренебрежением»¹⁶. Кингстон казался брошенным за негодностью, полным запустения и апатичным в крайней степени. Энтони Троллоп сравнил его с городом мертвых. В сельской местности дороги и мосты находились в хроническом состоянии упадка. Они только разрушались. Поля, на которых выращивали тростник, покрылись кустарником. Джунгли выдавливали особняки и сахарные фабрики столь же безжалостно, как паразитическая растительность душит огромное шерстяное дерево. (Это явление известно, как «шотландец, душащий креолку»).

Тем, кто мучился из-за кусающих или жалящих насекомых, фауна казалась такой же чудовищной, как и флора. Путешественники, приезжавшие на острова Карибского моря, рассказывали о «москитах размером с индюков»¹⁷, «жуков-светляков размером с майских жуков», бабочек «размером с английских летучих мышей»¹⁸. Злобность и недоброжелательность природы, судя по всему, лишь подтверждалась такими явлениями, как засухи, землетрясения, эпидемии и ураганы.

Между 1848 и 1910 гг. количество плантаций на Ямайке сократилось с 513 до семидесяти семи. Многие из них продавали по цене котлов, в которых варили сахар. Поместья разбивали на небольшие владения, а трудились там бывшие рабы, ставшие теперь крестьянами. Подобное происходило, как правило, на Сент-Люсии, Сент-Винсенте, Гренаде, Тобаго и других островах. Белое население уменьшалось, а американское влияние усиливалось. В 1860-е годы говорили, что Барбадос полон американских часов, американских повозок и американских долларов — более предпочтительных, чем хаотически начеканенные эскудо, пистолы и дуб-

лоны. Черное население развивало отличительную креольскую культуру, оставалось бедным, поскольку платило высокие налоги. Британия практически ничего не делала для жителей в плане инвестиций и мелиорации. Во время поездки на острова Карибского моря в 1859 г. Троллоп сказал: «Британцам следует снять шляпы и попрощаться с нашей Вест-Индией. Прощание не запятнает наш патриотизм»¹⁹. Почти тридцать лет спустя Дж.А.Фроуд написал, что произошла «безмолвная революция»²⁰, поэтому его соотечественники ослабили хватку на регионе. Он сказал, что Англия на Антильских островах вскоре станет не более, чем просто названием.

На самом деле Британия была далека от того, чтобы бросить или сдать свои владения в Карибском море. Ей удалось совмещать безразличие и вмешательство. Даже те острова, в которых имелись представительские учреждения, стали колониями короны к концу царствования королевы Виктории. Им посылались указы из Уайт-холла, чтобы охранить их от белых олигархов, «маленьких групп местных Пу Ба»²¹. [Пу Ба — персонаж комической оперы Гилберта «Микадо», имя стало нарицательным для тех, кто занимает несколько должностей и старается произвести впечатление влиятельного человека. — *Прим. перев.*]

Исключением оказался Барбадос. Там осталось выборное собрание, ведущее свою историю с 1639 г. Оно проводило заседания в зале с готическими витражами с изображением британских монархов (включая Кромвеля). Колония имела свой герб, председательствовал в парламенте спикер в напудренном завитом парике, сидевший на троне под геральдическим львом и единорогом. Однако какой бы ни оказалась форма правления, белые продолжали доминировать в Вест-Индии. Губернатор обычно брал сторону своих. Говорили, что в Британской Гвиане после посещения модного клуба в Джорджауне он «продался местной знати»²². Поэтому расовая дискриминация часто вызывала недовольство и время от времени приводила к взрывам и насилию.

Иногда просвещенный губернатор мог провести какие-то улучшения. Например, общественная жизнь на Сент-Люсии традиционно являлась «смешением фарса, скандала и трагедии»²³. Ее население составляло 35 000 человек, почти все были чернокожими. Они говорили на местном диалекте французского языка, подчинялись законам Квебека и терпели трудовую повинность — неоплачиваемый принудительный труд вассалов. В 1869 г. Уильям де Вое стал губернатором и воспользовался своей самодержавной и диктаторской властью — «крайне опасной»²⁴ не в тех руках — чтобы сделать свое правление популярным. Среди других мероприятий он обвинил и привлек к суду председателя суда за коррупцию,

долги и пьянство. Вынося человеку обвинение в краже, председатель суда «обращался к нему так, словно тот совершил изнасилование»²⁵.

Де Вое отменил принудительный труд. Он основал первую централизованную фабрику для производства сахара в Вест-Индии. Губернатор даже провел успешную кампанию против смертоносных ямкоголовых гадюк. Вначале он платил шестипенсовую монету за каждую убитую змею (и в целом выплатил 1 200 за семь месяцев), а затем привез мангустов.

Скромные улучшения происходили и в других местах, они особенно касались здравоохранения и образования. Но болезни, нищета, запущенность и плохое питание все еще продолжались. Большая часть населения Вест-Индии оставалась неграмотной, даже в 1930-е годы начальное обучение на островах Карибского моря оказалось самым отсталым в империи. Каждая из территорий представляла собой сложную и противоречивую расовую и социальную мозаику. Они боролись за выживание различными путями. Некоторые одобряли и поддерживали эмиграцию, Панамский канал давал достаточно рабочих мест. Другие продвигали туризм. Багамы предлагали американцам, как выразился Уинстон Черчилль, «мягкий бриз и крепкие напитки»²⁶. Незаконная торговля спиртным и контрабанда наркотиков считались обычным делом. В большинстве стран культивировались одна или несколько культур, такие как кофе, хлопок, рис, табак, индиго и кокосы. На Ямайке выращивали бананы и разводили коров. На Сент-Винсенте производили аррорут, на Гранаде — мускатный орех и зеленые лимоны. [Аррорут — мука из подземных побегов или корневищ маранты. — *Прим. перев.*] На Каймановых островах собирали губки, черепах и витые морские раковины.

До того, как трафик прекратился в 1917 г., для работы на сахарных плантациях на Тринидаде и в Британской Гвиане наняли на основе кабальных договоров почти 400 000 работников с Индостана. Это только добавило этнической напряженности.

Территории занимались и добычей полезных ископаемых, например, нефти, битума и бокситов. В 1890-е гг. там поймали в ловушки, сделали чучела и продали изготовителям шляп и портным в Европе десятки тысяч колибри. Такие приемы и уловки едва ли облегчали положение дел в Вест-Индии, о котором королевская комиссия в 1897 г. заявила, как «о печальном и достойном сожаления, а иногда и отчаянном». Джозеф Чемберлен хотел, чтобы Британия предоставила гранты, дабы зависимые территории не впали в анархию и разруху²⁷.

Даже в период заката промышленности сахар поддерживал Карибы. Цены росли во время Первой Мировой войны. Несмотря

на их дальнейшее снижение, в сахародобывающей промышленности к концу 1920-х гг. было занято 175 000 жителей Вест-Индии (примерно одна десятая часть). Их безжалостно эксплуатировали. Профсоюзы были запрещены, оплата ничтожна, а рабство еще отбрасывало длинную тень. Большинство белых нанимателей считали, что «цветные работники — животные, или даже хуже животных»²⁸. Относились к ним соответствующим образом. Некоторые плантаторы срубали хлебные деревья, чтобы «попытаться заставить работать ленивого негра»²⁹.

Но появлялся и небольшой средний класс мулатов, чья более светлая кожа часто давала социальные преимущества. При вступлении в брак большинство людей мечтали, как они сами говорили, добавить немного сливок в кофе.

Однако британцы делали мало уступок демократии. Карибский бассейн оставался болотом и тихой заводью. Эти территории были даже отрезаны друг от друга. Не имелось прямой связи между Британским Гондурасом и Антигуа, Гренадой или Тобаго, даже между островами, расположенными в пределах видимости — например, Сент-Винсентом и Сент-Люсией. Письма, отправленные с Ямайки на Барбадос, шли через Галифакс, Нью-Йорк или Лондон. Высшим местным чиновникам разрешалось отпрапляться в отпуск домой вместо того, чтобы поездить по региону. Большинство британцев считали, что «Вест-Индия как-то связана с Индией»³⁰, а заинтересовались ею только после того, как Лири Константин показал себя мастером крикета.

Когда великая депрессия вызвала большую безработицу и серьезные трудности, не существовало никаких конституционных каналов, чтобы народ мог выпустить злость. Поэтому, когда цена на сахар достигла самой низкой отметки за все времена (пяти фунтов стерлингов за тонну), а заработная плата на некоторых островах упала до 1 шиллинга 3 пенсов в день (такой уровень едва ли превышал расценки 1830-х гг.), Карибы сотрясла серия в большей или меньшей степени кровавых выступлений. В 1933 г. безработные протестовали на Тринидаде. На следующий год восстания сотрясли Британский Гондурас. Сент-Китс, где отсутствующим белым принадлежала большая часть земли, взорвался в 1935 г. После этого местом действия снова стал Тринидад. Забастовки парализовали судоремонтные заводы и причалы на Ямайке, угольный порт на Сент-Люсии. Беспорядки происходили в Британской Гвиане, на Барбадосе, Сент-Винсенте и в других местах.

Как сказал будущий премьер-министр Ямайки Норман Мэнли, простой человек больше не будет терпеть нечеловеческие условия: «Он готов поднять шум своими средствами, чтобы привлечь внимание к своим проблемам»³¹.

Национализм в Вест-Индии родился из этой гражданской борьбы. И раньше имелись признаки созревания, особенно, в период Первой Мировой войны. Тогда Вест-Индийский полк стал источником гордости на Карибах. Последовали шаги в развитии самоуправления — особенно, на Ямайке, в Британской Гвиане и на Тринидаде. Но именно долгий экономический кризис привел к рождению и разрастанию профсоюзов, кооперативных обществ, реформаторских лиг и других организаций, которые часто перерождались в политические партии. Появились и националистические лидеры — например, Роберт Брэдшоу на Сент-Киттсе и Альберт Гомес в Тринидаде. На многих повлиял социализм. Тедди Джаган поддерживал марксистские идеи в Гвиане. И даже консервативный Грантли Адамс пел «Красный флаг», размахивал серпом и молотом и продолжал «социальную революцию»³², которая закончила с властью белых и имперским правлением на Барбадосе. Такие руководители, как блестящий юрист Норман Мэнли и влиятельный историк Эрик Уильямс, интеллектуально соответствовали лучшим колониальным чиновникам, если только не превосходили их. В Оксфорде Уильямс принизил белого сокурсника, который удивился, что житель Тринидада может говорить на английском языке. Он стал отличником по классическим дисциплинам и объяснил: «Видите, мы на своем Тринидаде и на латыни говорим»³³.

Однако некоторые лидеры были мошенниками, колеблющимися и неустойчивыми. Эти жаждали власти. Вере Берд с Антигуа оказался вовлечен в мелкомасштабные финансовые скандалы, как и шумный, похотливый и суеверный Эрик Гейри, лидер Лейбористской партии Гренады. Последнего оштрафовали за непристойное поведение и лишили избирательных прав за то, что он привел на собрание соперников шумовой оркестр, играющий на канистрах, бочках и т.д. Уильям Брамбл, основатель профсоюза на Монтсеррате, был найден виновным в коррупции, прожектерстве и неспособности к действию³⁴.

Но ни один будущий премьер-министр Вест-Индии не был более ветреным, непостоянным и ярким, чем Александр Бустаманте, которого часто называли «некоронованным королем» Ямайки. Этот кондотьер, ходивший с пистолетом, обычно окутывал свое происхождение таинственностью, но заявлял: «Я из сточной канавы бедности»³⁵. Он был смелым человеком, соединив в себе вероломство, хитрость и шарм. Его сравнивали с героем ямайского фольклора, искусным и находчивым человеком-пауком Ананси. «Буста» обладал острым и практичным умом, часто ударялся в демагогию, специализировался на приземленности и саркастических речах, хвалился, что его последователи «станут голосовать

за собаку», если он так скажет³⁶. На самом-то деле он был менее радикален, чем его соперник и родственник Норман Мэнли. Но Бустаманте «проповедовал умеренный курс с позитивной зажигательной яростью»³⁷. Он стал «Мессией лишенных прав, безработных, угнетаемых и мало оплачиваемых». И он объединил их, обещая «лучшую жизнь здесь и сейчас, в стране, в которой они составляют большинство, хотя общество их пока активно исключают»³⁸. Сами британцы признавали: возникшие проблемы вызваны прошлым пренебрежением, а королевская комиссия под председательством лорда Мойна, плутократа, склонного к отеческой заботе, рекомендовала большее количество субсидий для улучшения социальных условий. Однако к 1939 г. выдающиеся представители Вест-Индии, имевшие поддержку масс, уже искали пути уничтожения самого колониального порядка.

Во время и после войны Британия пыталась выполнить свои обязательства и ответить на вызов националистов путем социального обеспечения и грантов на развитие. Платежи являлись признанием новой стратегической и экономической ценности Вест-Индии, а также ее моральной поддержки. Точки на карте гордо собирались за спиной Британской империи. В одной телеграмме в Лондон было написано: «Не беспокойтесь. Барбадос с вами»³⁹. Более того, Министерство по делам колоний одобряло расширение гражданских прав (в том числе на голосование), льгот и привилегий, начиная с Барбадоса, Ямайки и Тринидада. Однако с 1943 г. Британия считала, что развитие институтов самоуправления в рамках империи должно быть связано с вопросом создания Федерации Вест-Индии⁴⁰.

Идея «более тесного союза» между британскими владениями в Карибском море давно обсуждалась, а иногда даже опробовалась⁴¹. Многие радикальные представители Вест-Индии выступали за федерацию, как альтернативу дезинтеграции. Они видели ее в качестве средство приобретения независимости и статуса доминиона целиком. Отдельные острова были слишком малы и слишком слабы, чтобы добиться этого самим по себе.

Другие политики отвергали подобные предложения. Бустаманте был таким непостоянным, что голосовал против решений собственного министерства и говорил: для удержания колоний в зависимости Британия планирует создать «федерацию нищих»⁴². На самом деле, как заявляли другие лидеры Вест-Индии, обвиняя метрополию, ее целью являлось усиление карибской экономики и модернизация, упрощение администрации. Она хотела сбросить финансовые обязательства и сформировать структуру, которой легче управлять в краткосрочном плане. В конце концов, она сама должна встать на ноги. Как в дальнейшем написал один чинов-

ник из Министерства по делам колоний, «основной целью Соединенного Королевства в этом регионе с 1945 г. было политическое разъединение»⁴³.

Переговоры между Британией и Вест-Индией и самих карибских территорий по поводу предлагаемого союза продолжались более десяти лет. Эта «нерешительность, покашливание и невнятное бормотание», как выразился Эрик Уильямс, могло бы дать понять Министерству по делам колоний: федерация быстро развалится на куски. Но Уайт-холл продолжал дело. Он хотел произвести еще один «аккуратный пакет, который будет приемлемым для Вест-минстера или для ООН»⁴⁴.

Две материковые британские территории в районе Карибского бассейна, удаленный Британский Гондурас (в дальнейшем Белиз) и Британская Гвиана (в дальнейшем Гвиана), которые надеялись процветать в качестве южноамериканских государств, отказались быть частью пакета. Но в 1958 году десять островов (Ямайка, Сент-Китс, Антигуа, Монтсеррат, Доминика, Сент-Люсия, Барбадос, Сент-Винсент, Гренада и Тринидад), а также некоторые сопутствующие мелкие островки слились для формирования Федерации Вест-Индии.

Это был бессмысленный выдох умирающей империи. С самого начала Федерация свела на нет и сорвала то, что Вест-Индия считала своей главной целью — получение независимости. Это частично произошло потому, что Великобритания сохранила контроль над внешней политикой Вест-Индии, а ее генерал-губернатор лорд Хайлс, бывший «главный кнут» (организатор парламентской фракции) «тори», обладал большой дискреционной властью. Он мог и отклонять законопроекты, и распускать федеративный Парламент.

Частично срыв произошел из-за того, что местная автономия оказалась сильнее федеральной власти. На островах оставалась своя валюта, тарифные барьеры или пошлины. Два гиганта, Ямайка и Тринидад, которые добились внутреннего самоуправления в 1959 г., составляли 83 процента территории, 77 процентов населения и 75 процентов богатств. Они отказались подчиняться Грантли Адамсу, федеральному премьер-министру. Он не пользовался авторитетом и влиянием, не мог даже поднять налоги. Казалось, что он предпочитает лилипутов, ущемляя крупные острова. Личное соперничество, конституционные диспуты, религиозные различия, ограниченность и предрассудки еще больше ослабили его позицию. В конце концов, Бустаманте выдвинул лозунг для разделения: «Ямайка должна лидировать — или отколоться».

Разделение из-за несовместимости казалось неизбежным. Но Министерство по делам колоний боролось за сохранение союза.

Оно пыталось «обеспечить сохранение в группе как можно большего количества федеральных территорий вместе с Ямайкой или Тринидадом. У крупных островов достаточно ресурсов и искушенного правительственного аппарата, чтобы держать другие территории в виде спутников»⁴⁵.

Однако Британия не могла особо рассчитывать на добрую волю, особенно со стороны Ямайки и Тринидада. Националистические лидеры, такие, как Эрик Уильямс, жестко отвергали колониализм во всех его формах. «Времена господ закончились, — объявлял он, добавляя: «Господа в Вест-Индии составляли самый отсталый правящий класс в истории»⁴⁶. Черный прайд двигался вдоль помпезной Парадайс-стрит Кингстона. Расовая сегрегация подвергалась атаке в Бриджтауне, где в бары, рестораны и танцевальные залы не пускали негров, маскируя их под клубы. Среди убогих жилищ барачного типа в Порт-оф-Спейне исполнители народных песен в стиле «калипсо» провозглашали революцию:

Судя по тому, как получается,
Ущемление быстро прекращается.
А потом в Вест-Индии всегда
Белый скажет неграм: «Господа!...»⁴⁷

Когда Британия предложила присоединиться к европейскому Общему Рынку и ограничить иммиграцию в Содружество, Вест-Индия понятным образом предположила, что у метрополии имеются эгоистичные мотивы, чтобы пытаться сохранить навсегда структуру, которую Бустаманте называл «Федерацией-фарсом». Поэтому в 1961 г. на Ямайке провели референдум на фоне слухов о прибытии корабля Федерации с цепями, чтобы заново установить рабство. Люди проголосовали за выход из федерации.

Предпринимались тщетные попытки, чтобы сохранить живым изуверенное тело федерации. Но в 1962 г. она была официально ликвидирована. Эрик Уильямс объяснил политическую арифметику: «При вычитании одного из десяти не осталось ничего, а не девять субъектов федерации»⁴⁸.

Ямайка и Тринидад сразу же стали суверенными государствами, как и Барбадос четыре года спустя. Более мелкие острова, которые само Министерство по делам колоний считало «музейными экспонатами»⁴⁹, едва ли могли выжить сами по себе. Их сделали внутренне самоуправляемыми «дочерними государствами» до тех пор, пока нельзя будет отправить в свободное плавание эти обломки кораблекрушения в экваториальной штилевой полосе.

Британская Гвиана представляла собой более сложную проблему, и не только для Соединенного королевства, но и для США.

«Колосс Севера» уже давно относился к Карибскому морю, как своему заднему двору — недостаточно развитой зоне, в которую следует проводить экономическое проникновение, политическую интервенцию и военное давление. Генерал-майор Смедли Д. Батлер, имеющий много наград, ярко рассказал об американской политике — и ведущейся при помощи большой палки, и «добрососедской». Он хвастался между войнами: «Я помогал сделать Мексику, а в особенности Тампико, безопасными для американских нефтяных интересов. Я помогал сделать Гаити и Кубу приличным местом, чтобы Национальный банк собирал доходы. Я помогал успокоить Никарагуа для международного банкирского дома «Браун Бразерс». Я принес свет в Доминиканскую Республику ради американских сахарных интересов. Я помогал сделать Гондурас «правильным» для американских фруктовых компаний»⁵⁰.

Теперь, когда успеха добился Фидель Кастро, на пике «холодной войны», которая так близко подвела коммунизм к домам американцев, США еще больше хотели навязать свою волю региону. В 1962 г. Дин Раск, госсекретарь президента Кеннеди, сказал британскому министру иностранных дел, лорду Хоуму: «США на самом деле боятся еще одной Кубы на своем континенте»⁵¹.

После некоторого периода сдерживания и колебаний правительство Кеннеди решило, что премьер Британской Гвианы, дантист Тедди Джаган, получивший образование в Америке, представляет собой серьезную угрозу. По словам английского министра, он являлся не антиколониальным радикалом, как Томас Джефферсон, а «красным» диктатором, «сделанным из того же теста, что и премьер Фидель Кастро»⁵².

Раск сказал Хоуму: «Для нас невозможно мириться с независимой Британской Гвианой под Джаганом, который не должен снова подняться к власти». Заметив, что США преследуют ту же политику, в ведении которой обвиняли Британию в ООН, Макмиллан высказал сожаление из-за «цинизма» Раска, который казался особенно удивительным для человека, «который не является ирландцем, политиком и миллионером».

Отвечая Раску, Хоум рассуждал об исторической роли Америки, которая считается «первым крестоносцем и главным двигателем в колониальном освобождении». Он сказал, что невозможно остановить Британскую Гвиану от получения свободы. Британия едва ли будет вводить там прямое правление, одновременно отказываясь от вмешательства в Родезии. Она не может помешать Джагану быть избранным, не подрывая демократию. Это бессмысленно.

После дополнительных переговоров на высшем уровне, во время которых британцы заявляли, что Гвиана в настоящее вре-

мя в первую очередь является американской ответственностью, Лондон уступил Вашингтону. Министерство по делам колоний отложило предоставление независимости и навязало новую выборную систему, разработанную для достижения того, что Кеннеди назвал «хорошим результатом»⁵³. А ЦРУ помогло подорвать авторитет Джагана, «подстрекая к мятежам, устраивая поджоги и забастовки (включая самую длинную всеобщую забастовку в истории — десять недель)»⁵⁴. Во время выборов 1964 г. Джаган проиграл коалиции, которая привела Гвиану к независимости и установила режим репрессий. До самого окончания «холодной войны» «Белый дом» не позволял ему занимать государственные должности.

Эволюция Вест-Индии иллюстрирует то, как США не только вытеснили Британскую империю, но и, что замечали многие современники, продолжили дело Рима. «Решение Америки принять на себя роль Рима было преднамеренным», — заявил Арнольд Тойнби. В серии лекций, которые он прочитал в 1960 г., он проводил параллели между древностью и современностью, большим и малым. США, как и Рим, были «лидером всемирного антиреволюционного движения в защиту своих интересов и капиталовложений». Подобно Риму «Американская империя» обустроивала базы на иностранных территориях, но передала некоторые из них Вест-Индии «милостивым жестом». Это можно сравнить с эвакуацией Римом трех македонских крепостей, известных под названием «оковы Греции»⁵⁵.

Тойнби справедливо критиковали за проведение поверхностных аналогий между различными цивилизациями и слишком схематичное представление их подъема и краха. Один американский ученый сказал: его двенадцатитомное «Изучение истории» содержит все, что угодно, кроме истории⁵⁶.

Тойнби действительно признавал уникальность непризнанной Американской империи. Например, он отмечал, что она стала первой, кто заплатил за свое доминирующее положение благодаря добровольной помощи. Эту технику Эдди Стивенсон назвал «золотыми кандалами» для союзников⁵⁷.

Тойнби отмечал, что во времена советского экспансионизма США не желали терпеть пустоту, вызванную схлопыванием Британской империи. Хотя Вашингтон относился к колониализму болезненно амбивалентно, он ценил стабильность, которую давало британское присутствие в Карибском бассейне после 1945 г. Сменяющие друг друга американские правительства приветствовали Федерацию и сожалели о ее распаде на ненадежные миниатюрные государства. Гренада стала независимой в 1974 г., Доминика — в 1978 г., Сент-Люсия и Сент-Винсент — в 1979 г., Антигуа —

в 1981 г., Сент-Китс — в 1983 г. Вашингтон опасался, что британцы «могут полностью уйти из региона и оставить после себя опасный вакуум»⁵⁸.

Как и Джон Ф. Кеннеди, президент Рональд Рейган смотрел на «большой американский архипелаг»⁵⁹ банановых республик и зависимых государств, как на область, вызывающую наибольшее беспокойство. В особенности он опасался, что одна за другой фишки «карибского домино» могут стать жертвами дьявольского альянса между Кастро и Кремлем. Некоторые американцы считали это примитивными предрассудками. «В американской внешней политике есть что-то от магии вуду, — писал сенатор Уильям Фулбрайт. — Нужно регулярно бить в определенные барабаны, чтобы отгонять злых духов»⁶⁰.

Но Рейган продолжал «бить в барабаны». Он постарался изгнать злой дух коммунизма с Гренады — суверенного государства с населением чуть более 100 000 человек. В 1979 г. там произошла революция. Ею руководил пламенный юрист Морис Бишоп, основатель радикального движения «Джуэл». Он оскорбил Америку и своей независимостью, и склонностью к социалистическим идеям, объявив: «Мы не находимся ни в чьем заднем дворе, и мы определенно не выставляемся на продажу»⁶¹.

Поэтому, когда яростная ленинская фракция убила Бишопа и его помощников в октябре 1983 г., Рейган начал операцию против нее, которая получила название «Вспышка гнева». Это было вторжение на остров военно-морской армады вместе с пятью тысячами десантников, дюжинами артиллерийских кораблей, с которых взлетали вертолеты, с арсеналом сложного оборудования и тяжелого вооружения. Американцы вскоре подавили легковооруженное сопротивление, хотя кампания была омрачена обычным сопровождением колониальных (и других) завоеваний. Во время запрета на передачу новостей официальные представители заявляли, что наступление проведено с хирургической точностью. Однако американские солдаты убили тридцать больных, проведя ошибочную атаку на сумасшедший дом.

Рейган заверял, что на Гренаде развернута огромная советско-кубинская военная машина, готовая экспортировать террор и уничтожать демократию. Но там почти не нашли никакого современного вооружения. Хотя вторжение проводилось во имя свободы, оно превратилось в оккупацию.

Установился марионеточный режим. Подозреваемых коммунистов посадили в тюрьмы и пытали. США прилагали усилия, чтобы расширить и использовать экономику Гренады в интересах капитализма. Об этом процессе говорилось, как о «долларовом

колониализме или кокосовой колонизации»⁶². Большая помощь была предоставлена частным предприятиям, но коммунальные услуги урезали, а свободные профсоюзы ослабили. Понятно, что после протестов в Конгрессе относительно «канонерской дипломатии» и введении «демократии на кончике штыка»⁶³, американцам следовало радоваться легким триумфам Рейгана на Карибах. Гневные протесты во всем мире тоже были предсказуемы, хотя обвинения Советского Союза частично утратили силу из-за того, что его телевизионные службы изначально предположили, будто Гренада является провинцией на юге Испании. [Заявление остается на совести автора и действительности не соответствует. В СССР существовала хорошая служба уточнения информации. Что касается Гренады, то информация о движении армады сообщалась и до начала операции. — *Прим. ред.*]

Однако довольно сильно удивило невыразительное принятие случившегося Британией. Маргарет Тэтчер, которая являлась личным другом и идеологическим единомышленником Рейгана, узнала о планируемом вторжении всего за несколько часов и позвонила ему по «горячей линии» для выражения протеста. «Вы вторглись на территорию Ее Величества, даже не сказав мне об этом ни слова»⁶⁴. Но президент нацелился самоутвердиться после террористической атаки в Ливане, в результате которой погиб 241 американский морской пехотинец. Он вежливо отмахнулся от ее возражений. У Тэтчер все кипело внутри, и в дальнейшем она продемонстрировала свое раздражение. Однако же премьер смирилась с акцией Рейгана, а ее правительство не осудило публично атаку на государство Содружества. Оно также не поддержало резолюцию ООН с заявлением о том, что атака была вопиющим нарушением международного права и с требованием ухода американцев.

Лейбористская оппозиция воспользовалась удобным случаем. Денис Хили сказал: агрессия Рейгана в Вест-Индии представляет собой «непростительное уничтожение союзника». Пришло время премьер-министру встать с колен, на которых она стоит перед США⁶⁵.

Нехарактерное отношение «Железной Леди» стало молчаливым признанием вспомогательного статуса Британии, что оказалось еще более унижительно очевидным во время премьерства Тони Блэра. Британская уступчивость и согласие отражали растущую уверенность Америки, как и ее силу. Поднялся колосс, который затмил мощь Великобритании и соответствовал претензиям Рима. Как предполагает один ведущий карибский историк, Гиббон интерпретировал бы вторжение Рейгана в Гренаду, как «то, что происходит между империей и варварскими провинциями»⁶⁶.

Кипр тоже стал жертвой следующих одна за другой империй. Среди тех, кто его оккупировал, можно назвать египтян, микенян, финикийцев, ассирийцев и персов. Остров, который добывал медь («*kurros*») для фараона Ахетатона и отправлял корабли для осады Трои, пал под ударами Ксеркса и Александра Македонского. Он стал важным перекрестком между Востоком и Западом. Он являлся источником кукурузы, вина, растительного масла и соли, а также складом для золота, серебра, слоновой кости, шелка и других ценных товаров. Через него шла транзитная торговля. По словам Гиббона, название Кипр «наводит на мысль об элегантности и удовольствии»⁶⁷.

Кипр вызывал разногласия и споры. Рим превратил его в провинцию, которую Марк Антоний отдал Клеопатре в знак любви. Но ее забрал назад Август. Святой Павел обратил Кипр в христианство, потом на него напали восставшие иудеи, которые разрушили богатый город Саламин. Во время семисотлетнего правления византийских императоров сарацины атаковали и захватили остров. В 1191 г. его заняли английские крестоносцы Ричарда Львиное Сердце, который продал территорию рыцарям-тамплиерам. Франки, генуэзцы и венецианцы, от которых в Никосии и Фамагусте до сих пор остались массивные каменные крепости и опорные пункты, поддерживали крест — сохраняли господствующее влияние христианства (хотя и римско-католического). Но полумесяц снова появился в XVI веке, когда турки отвоевали остров, превратив готические соборы в мечети. Несмотря на выдавливание пота и крови из своих подданных, мусульманские султаны терпели православное христианство и эллинистическую культуру. Поэтому в то время, когда Кипр со своими низкорослыми оливковыми рощами и выжженными долинами географически принадлежал Малой Азии, он сохранял духовную связь и с удаленной Грецией. Самая высокая вершина в горах Тродос, покрытых сосной, называлась Олимп. Большинство киприотов говорили на языке Гомера и почитали цивилизацию Платона. После греческой войны за независимость в 1821 г. они настояли на том, что их прародителями были греки до Сократа.

На острове, на протяжении тысячи лет раздираемом имперскими конфликтами, увеличивался разрыв между теми, кто носил ермолки и идентифицировал себя с Акрополем, и теми, кто носил тюрбаны и почитал Блистательную Порту. В такой ситуации Османская империя передала контроль над Кипром Британской империи в 1878 г. Остров был подарком или наградой Дизраэли за поддержку султана Абдул-Гамида «Проклятого» против царя

Александра II, чьи силы подошли так близко к Константинополю, что солдаты видели минареты Айя Софии и силуэты британских броненосцев в бухте Золотой Рог.

Премьер-министр высоко оценил эту награду, диадему темного, как вино, моря, и «розовое царство Венеры»⁶⁸. С конгресса в Берлине он привез домой «почетный мир». (Это выражение Невилл Чемберлен необдуманно повторил шестьдесят лет спустя, из того же самого окна на Даунинг-стрит, когда он возвратился из Мюнхена). Соотечественники Дизраэли приветствовали его пышно и радостно. Премьер чувствовал сильное недомогание, ему пришлось облачиться в длинное белое пальто. На празднике выделялась триумфальная арка, поверх которой «Юнион Джек» переплетался с лавровыми листьями, как знак бескровной победы.

Теперь Дизраэли, который был графом Биконсфилдским, именовали «герцогом Кипрским»⁶⁹. В письме королеве Виктории он говорил об острове, как о ключе к Азии.

Этот образ лучше подходил Суэцу, который открывал путь в Индию и на Восток. Когда Британия закрепилась в канале, захватив Египет в 1882 г., Кипр стал в лучшем случае запасным ключом, а в худшем — ржавым висячим замком к тупику Средиземного моря. Владая Гибралтаром, Мальтой и Александрией, британцы даже не удосужились углубить илистую гавань Фамагусты, что оказалось фатальным в 1956 г., поскольку ею не смог воспользоваться военно-морской флот.

Мерцание «имперского оптимизма»⁷⁰, разбуженного Дизраэли, быстро потускнело, а Кипр, как правило, считали «самым белым из белых слонов»⁷¹. Новые хозяева воспользовались старым принципом спасительного пренебрежения. Они ввели Законодательный совет, но он оказался таким бессильным, что один кипрский депутат назвал его «тыквой»⁷². Они позволили эллинистическое образование, поскольку оно частично финансировалось Грецией. Они дали религиозную свободу, но не признавали мирской силы церкви. Ее автокефальный характер и теократические претензии шли от Зенона, первого императора, который в одиночестве правил на Востоке после того, как Римская империя превратила существовать на Западе. Зенон наделил архиепископа Кипрского тенью своего могущества. По словам Гиббона, император был «наименее презренным и недостойным»⁷³ в церковных и духовных вопросах. Он разрешил старшему священнослужителю острова (этнарху) иметь в своем распоряжении скипетр (а не пасторский посох), носить пурпурные одежды и подписывать документы имперской киноварью. Британцы от всего этого отказались, как от очковтирательства. Но они признали преданность, которую большинство киприотов испытывали к греческой «родине».

Уже в 1907 г. Уинстон Черчилль сказал: следует уважать права мусульман, но для православных киприотов только естественным является желание лелеять идеалы союза с Грецией «честно, преданно и ревностно»⁷⁴.

Первая Мировая война чуть не привела к этому союзу. Великобритания официально аннексировала остров, когда Турция взяла сторону коалиции Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Но в 1915 г. правительство Эсквита предложило остров Греции, как побудительный мотив для присоединения к союзникам. Предложение отклонили, больше оно не делалось. Но казалось, что эта идея узаконила предстоящее объединение Кипра с Грецией. Она дала надежду, что британцы будут действовать в стиле Байрона и соответствовать своему греко-кипрскому прозвищу «филелефтери» — «любители свободы».

Одним из условий мирного договора стало признание Турцией британской власти над островом. В 1925 г. Кипр, который был цивилизованным (как любили говорить патриоты), пока британцы все еще прыгали с дерева на дерево⁷⁵, стал колонией короны. На следующий год, словно для того, чтобы смягчить удар, он получил губернатора, которого считали проэллинским до кончиков рыжих усов. Им стал сэр Рональд Сторрс, который ранее работал в Каире и Иерусалиме. Он был обходителен, вежлив, умудрен опытом, обладал изысканным и утонченным вкусом, мог выдать цитату из античной или классической литературы на все случаи жизни. Говорили, что губернатор обучается очень легко, но напоказ.

Однако Сторрс с женой были неприятно поражены примитивными условиями жизни на Кипре, где даже не имелось телефонной системы. Когда они приехали в официальную резиденцию в Никосии, леди Сторрс приблизилась к длинному и низкому зданию, похожему на хлев, заметив: «В любом случае, конюшни хорошие»⁷⁶. Но она смотрела на сам Дом правительства. Это было деревянное строение, собранное из готовых блоков, изначально предназначавшееся для штаба главнокомандующего на Цейлоне (который сразу же нашел себе каменный дворец). Его перевезли на Кипр, по частям доставили из Ларнаки на верблюдах, а потом королевские инженеры собрали здание, словно домик из детских кубиков.

Обещание Уайт-холла предоставить более подходящее, постоянное жилище оказалось «нереализуемым, как новое явление Афродиты из соседнего моря»⁷⁷. Поэтому, по прошествии почти половины столетия, полы в Доме правительства прогнили, крыша текла, а белые деревянные стены пропускали зимнюю стужу. Несмотря на эти неподходящие условия, Сторрс печально заявил, что строение «не без привлекательности»⁷⁸. То, что он смог про-

известии впечатление на местное население, несмотря на такие недостатки в доме, новый губернатор приписывал неожиданной способности к гипнозу.

На самом деле Сторрс пытался обхаживать, а не очаровывать граждан Кипра. Он свободно общался с ними, пытался убедить своих соотечественников делать то же самое. Однако на смешанных чаепитиях в Доме правительства создавалась такая же напряженная атмосфера, как и на танцах у подростков. Все чувствовали себя неловко. Он назначал киприотов на официальные должности, в особенности, когда обнаружил, что британские чиновники «не подходят для них, поскольку некомпетентны». Это происходило потому, что Кипр мог позволить себе платить чиновникам только относительно низкие зарплаты (между 500 и 1 500 фунтов стерлингов в год), а Министерство по делам колоний относилось к острову, как «санаторию» для инвалидов из тропиков⁷⁹.

Считая, что мелочные и безразличные британцы «несоответствующе и неправильно относятся»⁸⁰ к населению острова, Сторрс попытался улучшить ужасающе бедственное положение киприотов (у которых средний доход составлял десять фунтов стерлингов в год). Губернатор развивал сельское хозяйство и общественные работы. Он улучшил дороги, школы и здравоохранение. Удалось даже победить малярию. Сторрс с женой заинтересовались социальными проблемами, условиями жизни слепых, лечением прокаженных. Тем не менее, их вскоре начали ненавидеть. Несмотря на шарм губернатора, ум и блестящее образование (или как раз из-за этого), он казался неискренним. Киприоты всех мастей презирали его за ношение в подобающих случаях зеленых веточек в петлице (исламского символа) или бело-голубого галстука (цветов Греции). Заявления губернатора считали надменными и самодовольными, а замечания — покровительственными.

Когда началась Великая депрессия, Сторрс выступил против урезания зарплаты чиновников и увеличил налоги. Экономическое недовольство предсказуемо вылилось в политическое сопротивление. Налогообложение без должного представительства привело к тому, что киприоты стали проклинать чужеземное правление, как «самое худшее зло». Они хотели национального освобождения через энозис — присоединение к Греции. Считалось, что объединение необходимо даже в том случае, если бы остров купался в золоте». В открытом письме Сторрсу епископ Никодимос из Китиона писал: «Вы гордитесь тем, что Свобода и Справедливость царят в Англии, но вы хотите, чтобы тирания и несправедливость продолжали царствовать на Кипре». Епископ и другие его сторонники подали в отставку из Законодательного совета, что привело к беспорядкам.

Поздно вечером 21 октября 1931 г. несколько тысяч демонстрантов направились к Дому правительства. Вооруженные знаменами, факелами, палками и камнями, они наступали, священники в толпе выбрали свои длинные одежды. Демонстранты кричали «Энозис!» и пели национальный гимн Греции. Толпа заняла круглую террасу у главного входа.

Губернатор отправил послание, заявляя, что примет одного или двух лидеров, если остальные отступят «на приличное расстояние»⁸¹. Вместо этого демонстранты стали бить окна, подавили полицию и подожгли здание. Языки пламени пронзали тьму, и деревянное строение быстро превратилось в пепел.

Хотя это выступление и другие беспорядки вскоре подавили, колониальное правление на Кипре больше никогда не было прежним. Причина в том, что британцы, как и обычно, отреагировали несоизмеренно случившемуся. Они отнеслись к спонтанному выступлению, в котором погибли не более шести человек (все — киприоты), как к заранее подготовленной революции. В самой метрополии министр по делам колоний пришел в бешенство и предвещал чуть ли не конец света. «Киприоты присоединились к международным врагам Британской империи, — сказал он. — А если Британия падет, то конец придет и всему миру»⁸². Поэтому на острове расквартировали войска, появились суда Королевского ВМФ, а «Викерс Викториос» Королевских ВВС патрулировали небо. В Никосии губернатор говорил: британцам следует вести себя диктаторски. Он заявил королю: «Любое колебание на этом этапе будет безнадежным. Необходимо нанести удар, ударить сильно»⁸³.

Сторрс приостановил действие конституции, распустил Законодательный совет и муниципальные советы, назначил собственных местных старост. Он депортировал епископа Никодимоса, которого называли «кипрским Ганди», а также других известных «агитаторов». Британцы запретили носить оружие и проводить собрания, они ограничили вывешивание греческих флагов и перезвон церковных колоколов. Губернатор наложил коллективный штраф в размере почти 35 000 фунтов стерлингов и лично потребовал примерно в два раза больше истинной стоимости своих сгоревших картин, книг, марок, нефрита, греческих скульптур, вышивок и других предметов искусства. После их потери он вспомнил об уничтожении Александрийской библиотеки, разграблении Византии и Рима и других подобных шагах назад в прогрессе цивилизации⁸⁴.

После беспорядков несколько тысяч человек арестовали. Состоялись суды, люди получили сроки. По словам многих жителей, сам остров превратился в тюрьму. Ко времени отъезда Сторрса в 1932 г. они могли только биться о решетки. Сам он заявил, что его

тошнит и от острова, и от населяющего его народа. Режим подавлял всю оппозицию, была запрещена Коммунистическая партия, стеснена церковь.

В любом случае, в период Великой депрессии большинство киприотов были заняты выживанием. Как писал один националист, «вместе с введенными в действие нелиберальными мерами и молчанием, которое длится более восьми лет, на острове свирепствуют засуха и безработица»⁸⁵.

Правители и те, кем они правили, временно примирились на период Второй Мировой войны, когда подобный Дон Кихоту Черчилль пришел на помощь Греции. Но местная вражда возобновилась после того воцарения мира. По мере ослабления позиций Британии в Палестине и Египте, Кипр снова стал стратегически жизненно важным. Поэтому хотя правительство Эттли инициировало реформы, оно отказало в требовании «энозиса и только энозиса». Этот призыв послужил предупреждением о том, что грекам и киприотам следует остерегаться британцев. Тех, кто сотрудничал с ними, называли «сэры предатели»⁸⁶.

Для утверждения имперской власти в 1949 г. губернатором назначили сэра Эндрю Райта. Когда-то он был помощником у Сторрса. О нем говорили, как о «прекрасном человеке викторианского типа, которых теперь почти не встретишь на британской колониальной службе». Райт «смотрел на киприотов, как на детей, которым требуется твердая рука, а иногда и порка»⁸⁷.

Казалось, что почти сразу же они заслужили наказание и эту самую порку. В 1950 г. церковь провела плебисцит, на котором 215 108 киприотов греческого происхождения, то есть 96 процентов взрослых греков-киприотов, проголосовали за энозис. Многие из них преклоняли колена перед документом, словно это была икона. Объявив, что вопрос суверенитета закрыт, Райт попросил дополнительной власти, чтобы отправить в тюрьму подрывные элементы. В Уайт-холле и за его пределами высказывались сомнения, люди задумывались, имеет ли Британия какое-то право только для собственного удобства удерживать колониальное правление над «цивилизованным и образованным населением»⁸⁸. Но Министерство по делам колоний четко заявило, что у губернатора и так достаточно власти. Ему нельзя позволить «начинать политику репрессий в надежде, что никто не заметит»⁸⁹.

Поэтому Райт мог только ударить по мятежу там, где он начинался. Он попытался стереть самые очевидные проявления — граффити, которые появились на каждой доступной поверхности. Типичный лозунг гласил: «Греки, свободу добывают кровью! Энозис!»⁹⁰ Менее видимым, но более зловещим оказался альянс, заключенный между этнархией и террористами.

В 1950 г. Макариос III был избран архиепископом Кипрским. Этот сын козопаса горячо верил в энозис со времен послушания в монастыре Киккос. На стене монастырской кухни он даже нацарапал призыв «Да здравствует союз», а в дальнейшем говорил об этом, как о своем первом политическом заявлении⁹¹. Макариос учился в Греции и Америке, быстро поднимался в церковной иерархии. Теперь, в возрасте тридцати семи лет, он намеревался использовать свое положение этнарха, чтобы избавить Кипр от чужеземного ярма. «Я не позволю своим глазам закрываться во сне, — объявил он, занимая трон святого Варнавы, — пока золотые крылья солнца не поднимутся, чтобы объявить о долгожданном дне национального освобождения»⁹².

Макариос представлял собой впечатляющую фигуру — черная борода, клобук, длинные одежды. Он проповедовал энозис с пылкостью и фанатичностью. Его проповеди, политические и религиозные, являлись смесью музыки и поэзии, а мягкий и приятный голос звучал ритмично и мерно, словно епископ читал стихи. Макариос, окруженный сигаретным дымом в своей обветшалой резиденции, преднамеренно пытался напоминать дельфийского оракула. Он был откровенным и искренним, но двусмысленным, динамичным, но загадочным, вдохновляющим, но хитрым. Ему удавалось передавать благожелательность сквозь слегка прикрытые глаза, улыбаться, но, тем не менее, оставаться бесстрастным. Видевший его американский обозреватель назвал Макариоса «благочестиво выглядевшей копией Иисуса Христа», а заодно — «самым хитрым из греков»⁹³.

Зато полковник Джордж Гривас был неприкрашенным, открытым и откровенным фанатиком — прямым, жестоким и безжалостным. Он по старинке свято верил в дисциплину, имел жесткие, торчащие во все стороны усы. Со времени обучения в школе в Никосии этот человек верил в «крестовый поход ради более великой Греции»⁹⁴. Во время войны он основал роялистское движение сопротивления в материковой части Греции, хотя оно уделяло больше времени убийству коммунистов, чем борьбе с немцами. В дальнейшем он решил, в духе Ирландской республиканской армии, что британцев можно удалить только силой. Полковник встретился с этнархом, они договорились о цели энозиса, и дали священную клятву ее добиться. Но освободители не соглашались в методах. Макариос надеялся сопротивляться насилию саботажем, а Гривас с помощью греческого правительства готовился к яростной партизанской войне. Но какой бы ни была тактика, киприоты к 1954 г. знали: восстание неизбежно, оно скоро начнется. Этнарх так и не определился насчет кровопролития. Но он объявил: «Мы примем помощь даже из нечистых рук»⁹⁵.

Несмотря на зловещие знаки, лишь немногие британцы понимали, что Кипр находится на грани восстания. Это частично происходило потому, что они отделялись от местного сообщества. Губернатор жил на удалении от всего. В жаркий период он перебирался в горы Тродос, в серое каменное здание, построенное в 1880 г. под руководством Артура Римбуда и напоминавшее «шотландский охотничий домик»⁹⁶. В остальное время он уединялся в новом Доме правительства — внушительном здании, спроектированном так, чтобы напоминать местную французско-готическую и греческую православную архитектуру. Там имелся купол, башня и винтовая лестница, а также горгульи из песчаника и камин из известняка. В здании были кованые железные балюстрады, деревянные галереи, материалы для которых привозились со всей империи — например, бирманский тик, канадский клен и колумбийская сосна добавлялись к местному эвкалипту, можжевельнику, рожковому дереву, казуарине и кипарису. Занавески украшала вышивка ручной работы с геральдическими знаками, также бросался в глаза вытесанный из камня герб.

Губернаторы жили довольно скромно, если говорить о частной жизни. Их тяжелая мебель «была расставлена, словно на складе для хранения», а в спальне стояли «две уродливые простые кровати и ужасные маленькие прикроватные тумбочки, очень высокие. В них имелось место для горшка»⁹⁷. Вскоре высшие представители Британии станут пленниками в собственном доме, окруженные стражниками, фонарями и колючей проволокой.

Британские чиновники были почти такими же недоступными. Они стали лучше по сравнению со временем, о котором вспоминает один путешественник: «Я никогда не забуду ужас английского клуба, бугорки колен гражданских служащих средних лет в шортах, их омерзительные разговоры о местных жителях». Но администраторы оставались отдельной кастой. Лишь немногие из них могли говорить на современном греческом языке. Еще меньшее количество встречалось с киприотами, «кроме как в процессе выполнения обязанностей»⁹⁸.

Британские гражданские экспатрианты тоже держались сами по себе. Многие из них приехали с аванпостов империи, добившихся независимости. Их существование представляло собой «безупречную монотонность, в атмосфере душащей инертности». Они жили в ужасающих виллах, которые напоминали дома в Уимблдоне, а на старости лет — в отеле «Доум». «Создавалось впечатление, будто все забытые пенсионеры между Фолклендскими островами и Скарборо отправили по представителю на всемирную конференцию по долгожительству». Они выходили к морю, играли в различные игры. Они ездили в церковь в Моррис-Майнорс. Они

пили в яхт-клубе. Во второй половине дня по воскресеньям они слушали военный оркестр, который играл выборочные куски из «Оклахомы» в английском клубе, где на самом почетном месте висел портрет королевы работы Аннигони. Они «страдали в агонии, опасаясь мысли, что их не пригласят в Дом правительства на день рождения монарха».

Понятно, что романисту Лоуренсу Дюрреллу, автору вышеприведенных насмешек, не нравилось, что его соотечественники называют жителей острова «сворой кипов». Выбранное ими сокращение очень напоминало по звучанию слово «chimpanzee» – шимпанзе. По словам автора, отношение не менялось с 1878 г., когда один британский обозреватель говорил о киприотах, как о праздных, ленивых, беззаботных людях, любящих кому-то подражать, но не обладающих даже искрой турецкого огня, без капли греческого вкуса... «Они живут будто бы в первобытном состоянии, как существа более низких типов, держатся за жизнь ради самой жизни. Это сластолюбцы, обожающие солнце и море. Благодаря простой животной цепкости они выжили во время бурь, которые сотрясали более благородные человеческие расы».

Сам Дюррелл был сластолюбцем и поздним добавлением к группе романтических ссыльных, которых вдохновили средиземноморские страсти. С периода Байрона до времени Нормана Дугласа многие из них были писателями. Их тянула на юг классическая культура, дешевая или простая жизнь, возможности чувственных удовольствий. Говорили, что некоторые британцы покинули дом под облаком, не превышающим детскую ладошку. Лишь немногие из этих литературных эмигрантов оказывались более претенциозными, чем Лоуренс Дюррелл. Тем не менее, презирая своих соотечественников-мещан, Дюррелл частично разделял их взгляды. Он покровительственно относился к кипрским «туземцам», ценил неиспорченных крестьян и купался в иллюзии, что они все любят Англию. Автор думал, что ничто не может заставить их сражаться. По вопросу энозиса Министерство иностранных дел «установит срок после недолгих споров, и мы все будем спокойно жить, купаясь в лучах солнца»⁹⁹.

Такой была и официальная точка зрения. Существовало клише, будто из киприотов получаются очень хорошие официанты. Их «племенной темперамент», по словам представителя отдела информации Министерства по делам колоний, состоял из «добродушия, апатичности и простого отсутствия ума»¹⁰⁰.

Поэтому британцы были абсолютно уверены, что смогут сохранить Кипр, как опорный пункт на Ближнем Востоке. Энтони Иден резко заявил греческому премьер-министру фельдмаршалу Папагосу, что вопрос суверенитета над островом закрыт.

Папагос был таким же тщеславным и вспыльчивым, как и сам Идеен. Греческий премьер в дальнейшем сетовал: «Он заявил мне “никогда”, даже не сказав “мы посмотрим”!»¹⁰¹ 28 июля 1954 г. министр по делам колоний Генри Хопкинсон подтвердил: правительство думает об энозисе в смысле «до греческих календ». Он сообщил Палате общин, что некоторые колониальные территории никогда не смогут ожидать полной независимости. Среди них, напомним он, числится Кипр, который может надеяться на самоуправление под эгидой Великобритании, но не на самоопределение, ведущее к слиянию с Грецией.

Слово «никогда» привело в ярость лейбористскую оппозицию. Эневрин Беван убеждал «тори» принять, что народами можно управлять только с их согласия. «Британия зародила проблемы на Кипре в тот же самый день, когда поспешно сбежала из Египта, — сказал Ричард Кроссман. — Люди узнали, что британский империализм не дает им ничего, пока они не окажутся в состоянии взять права силой».

Другие предсказывали, что заявление Хопкинсона «зажжет дух национализма на Кипре»¹⁰². Протесты на самом деле имели место, а нерешительный новый губернатор сэр Роберт Армитедж подавил их в духе своего предшественника.

Его хозяева из Уайт-холла меньше беспокоились из-за неспокойного положения в Никосии, чем из-за ООН, где Греция подала апелляцию относительно того, что Кипру следует позволить самому решать свою судьбу. Эйзенхауэр не сочувствовал Британии, потому что Иден неблагосклонно отнесся к контрреволюционному перевороту, организованному американцами в Гватемале. О перевороте говорилось, как об «одной из самых омерзительных, грязных и безумных операций по обеспечению безопасности в американской истории»¹⁰³. Чтобы завоевать поддержку президента и его госсекретаря, требовалась редкостная дипломатическая хитрость. Иден показал, что готов пойти на компромисс в вопросе Гватемалы, и ему удалось превратить Кипр из колониальной в международную проблему. Он утверждал, что поражение британцев на острове будет победой коммунизма в холодной войне. Премьер очень просто представлял дело: энозис приведет к конфликту между Грецией и Турцией, двумя старыми врагами, которые странным образом являлись членами НАТО. Турция занимала важную стратегическую позицию на фланге Советской России, а ее роль западного союзника будет подорвана, если она вяжется в борьбу по защите мусульман Кипра.

Но Стамбул без энтузиазма подошел к делу, а вероломному Альбиону ради своих локальных целей пришлось побуждать его к более выраженной реакции. Министры вроде Гарольда Макмиллана

убеждали агентов на Кипре «заводить контакты с турками, чтобы нейтрализовать греческую агитацию»¹⁰⁴. Британцы стали в еще большей мере надеяться на бедную пятую часть населения. Они набирали больше полицейских из этого источника, фактически создали турецко-кипрского лидера Рауфа Денкташа, воспитывали верность турок создававшемуся положению.

Все это поляризовало два сообщества. Конечно, имелась глубоко укоренившаяся враждебность между ними, их отношения подчеркивались вспышками насилия. Но после 1878 г. оба народа жили в мире. Поэтому здесь, если говорить вкратце, имел место классический пример британской политики «разделяй и властвуй». Это сравнимо с тем, что в большем масштабе было сделано в Индии. Существовал тот же риск гражданской войны и раскола.

В конце 1954 г. ООН отложила дискуссию о Кипре. В Афинах и Никосии начались беспорядки. Еще до Макмиллана, прославившегося своей метафорой, Макариос объявил: «Ветер свободы дует везде, снося колониальный режимы»¹⁰⁵. Гривас собрал оружие и людей. Захват одной партии оружия не остановил его, хотя и стал предупреждением Армitedжу, по мнению которого вся проблему энзозиса напоминала «густую черноту кошмара»¹⁰⁶.

1 апреля 1955 г. началось восстание. Бомбы взрывались в правительственных зданиях, которые не охранялись, в Никосии, Лимасоле и Ларнаке. И в этих местах, и в других был нанесен малый урон, хотя Кипрская радиовещательная служба прекратила работу из-за повреждения передатчиков. Но Гривас, который взял себе псевдоним Дигениса, византийского героя, создал ЭОКА — Национальную организацию кипрских борцов. Через некоторое время она стала побудительным мотивом для формирования Турецких оборонительных сил. Британцы совсем не были нейтральными арбитрами, они сознательно позволяли Турецким оборонительным силам противодействовать Национальной организации кипрских борцов¹⁰⁷.

Началась кампания Гриваса. Его бойцы были плохо вооружены, дисциплина оставляла желать лучшего, поэтому он сконцентрировался на захвате оружия в полицейских участках. Изначально Национальная организация кипрских борцов носила дилетантский характер, но и полиция была такой же. Она почти не изменилась с начала британского правления. Полицейским мало платили, их плохо готовили, у них имелось лишь минимальное оснащение — не было раций, фонарей, почти никакого транспорта. Полицейские были завалены делами о набегах с последующим быстрым отходом, протестах с бросанием камней, в которых школьники играли роль молодых спартанцев.

Однако полицию быстро усилили турецкими наемниками и британскими солдатами. Гривас знал, что не может свергнуть колониальный режим, но нацеливался связать руки армии, разжечь патриотические чувства и выиграть в пропагандистской войне. Иден, который только что сменил Черчилля на посту премьер-министра, невольно помогал с последней частью этой стратегии, отказываясь от любого решения, от которого пахло политикой умиротворения. Когда министр по делам колоний посетил Кипр, где его приветствовали бомбами, то не смог обсуждать вопрос самоопределения. Точно также ни к чему не привела конференция с участием Великобритании, Греции и Турции в августе 1955 г. Ее целью было дать всем трем странам долю в Кипре через партнерство, известное, как «тридоминиум» — «тройная власть». Они чиновник назвал это «пандемониумом»¹⁰⁸.

Греция предсказуемо отвергла схему, а турецкое правительство попустительствовало разрушительным анти-греческим восстаниям в Стамбуле. Британцы их не осудили, потому что они были выгодны для их положения в Греции.

Затем взорвалась Никосия. Яростные демонстрации прошли на площади Метаксаса, которая обычно служила местом вечерних прогулок под неоновыми фонарями. Там греко-кипрская толпа сожгла Британский институт. Спорадически насилие происходило по всему острову, подтверждая решение Идена сменить Армитеджа на сурового, лишенного воображения фельдмаршала сэра Джона Хардинга. Как сказал Гривас, его прибытие означало, что «на Кипре будет править железный кулак»¹⁰⁹.

У Гриваса определенно имелись все основания считать, что новый губернатор обеспечит силу для подавления беспорядков, которые планировала Национальная организация кипрских борцов. Но Хардинг вначале попытался провести переговоры с Макариосом. У фельдмаршала было мало места для маневров, и архиепископ изменил свою позицию с блаженной улыбкой, самообладанием и хладнокровием. Макариос объявил, что является священнослужителем, далеким от мирских дел. Он привел в ярость Хардинга, который заявлял, что является простым солдатом. Когда их переговоры провалились, Национальная организация кипрских борцов усилила бомбометания и стрельбу. Столкновения произошли во многих местах, проводилась подготовка к всеобщей забастовке.

Хардинг нацелился не допустить того, чтобы Кипр пошел по пути Ирландии и Палестины. 25 ноября 1955 г. он объявил чрезвычайное положение. Это дало губернатору дополнительный арсенал для использования против террористов: аресты без ордера, содержание под стражей без суда, пожизненное заключение за са-

ботаж, смертная казнь за ношение оружия. Другие меры включали цензуру, депортацию, порку, комендантский час, коллективные штрафы, запрет собраний и забастовок.

Хардинг реорганизовал и увеличил свои силы. К 1956 г. он имел в своем распоряжении 12 000 солдат и 2 000 полицейских, чтобы разбираться с тысячей человек из Национальной организации кипрских борцов. Губернатор требовал энергичных действий.

Его подчиненные занимались патрулированием, устраивали засады на дорогах, дежурили на дорожных контрольно-пропускных пунктах, вторгались в монастыри, собирали разведывательные данные и стирали граффити, иногда заменяя их собственными: «Греки — трусы», «Платон — сорт картошки». Они запирали непослушных учеников, застигнутых за пределами школы, где были запрещены голубые ручки, а также бело-голубые флаги. Войска грубо и часто с жестокостью проводили обыски. Солдаты обычно окружали деревню и при помощи штыков и прикладов загоняли мужчин в поспешно сооруженные клетки из колючей проволоки. Пока дома людей обыскивали, грабили или просто крушили, «проклятые местные» (как их называли английские солдаты) были вынуждены часами стоять на жарком солнце, подняв руки вверх. После допросов их внимательнейшим образом рассматривали информаторы, которых службы безопасности называли «цепными жабами»¹¹⁰. Тех, кого опознавали в качестве членов Национальной организации кипрских борцов, увозили на грузовиках.

Но, пытаясь разгромить Гриваса, Хардинг одновременно продолжал обхаживать Макариоса. Он делал уступки, признавая, что «никогда» Хопкинсона означало «когда-нибудь». В конце февраля 1956 г. министр по делам колоний снова посетил Никосию, чтобы встретиться с архиепископом, которого нашел утонченным и дружелюбным. Леннокс-Бойда особенно очаровали его руки, которые были «очень красивы и безупречно чисты»¹¹¹. Министр по делам колоний хотел немного приукрасить действительность для архиепископа¹¹². Но его сдержал Иден, который все еще рассматривал Кипр в качестве проверки своей политической силы и зрелости. Не было достигнуто никакого соглашения. Когда он покинул помещение, Леннокс-Бойд мог сказать Макарию: «Пусть Бог спасет ваш народ»¹¹³.

Это оказалось своевременной молитвой. Через несколько дней Хардинг отправил Макариоса в ссылку на Сейшелы. Британцы проклинали архиепископа, как Распутина нового времени, а греки называли его современным Севастьяном, который имел одно неопределимое преимущество — он не был мертв.

Через несколько месяцев неприятный маленький колониальный конфликт достиг пика. В 1956 г. произошло 2 500 насильственных

действий, которые привели к 250 смертям. Борьба обострилась после повешения первых осужденных террористов, за этим последовала казнь Гривасом двух захваченных британских сержантов. Но убийства происходили повсеместно — они были даже «почетными»¹¹⁴, по словам Гарольда Макмиллана, который сказал: пока британцы внесли изменения в десять заповедей, чтобы санкционировать прелюбодеяние, киприоты сделали то же самое, чтобы позволить убийство.

Гривас безжалостно уничтожал греков-предателей. Борьба захватила всех. Когда Национальная организация кипрских борцов убила полицейского-мусульманина в мае 1956 г., Гривас записал: «Турецкие орды врывались в греческий квартал Никосии, совершали набеги, жгли, грабили, убивали и вели себя скорее как дикие звери, а не люди». К этому времени у Хардинга насчитывалось уже двадцать тысяч солдат, которые проводили зачистки в горах Троодос и Кирении. Им помогали вертолеты и собаки-ищейки, они добились многих побед над партизанами, которых бомбардировали посланиями из громкоговорителя, установленного на самолете: «Игра закончена»¹¹⁵.

Хардинг выигрывал благодаря лучше поставленной разведке, часть данных добывалось под пытками. Это было стандартной практикой допросов подозреваемых, которых били в живот плоскими досками, ударяли в яички, частично душили мокрыми тряпками, издевались другими способами. По крайней мере шесть человек умерли во время допросов, других застрелили «при попытке к бегству»¹¹⁶. Однако некоторые офицеры оправдывали пытки, считая их «способом нанесения поражения терроризму и спасения человеческих жизней». Более того, это терпело и покрывало высшее руководство.

Жестокости и зверства творились в тюрьмах и лагерях, в которых содержались многие сотни киприотов. Несмотря на многочисленные официальные отрицания, имелось достаточно доказательств, чтобы поддержать серьезные обвинения против британских империалистов. К счастью для них, греки просто организовали «клеветническую кампанию». Например, они говорили, что замок в Кирении — это «второй Дахау», в котором работает «новое гестапо с мясником Хардингом во главе». Британцы легко отбивались от таких утверждений, которые были такими же абсурдными, как их собственные пропагандистские заявления о том, будто известная своим пуританством Национальная организация кипрских борцов заставляет заниматься проституцией двенадцатилетних девочек.

На самом-то деле Хардинг вполне мог поражаться собственной умеренности. «Но его меры были слишком суровыми для слабых, и слишком слабыми для сильных»¹¹⁷. Другими словами, они на-

страивали против него греческое население, не уничтожая Национальной организации кипрских борцов. Контртерроризм оказался контрпродуктивным. Он кристаллизовал народную поддержку Гриваса. Как объявил мэр Никосии, «теперь мы все — Национальная организация кипрских борцов!»¹¹⁸

В дальнейшем Гривас говорил, что грекам следует поставить памятник Хардингу, поскольку он сделал больше чем кто-либо другой для поддержки духа эллинистического сопротивления на Кипре. Но правда состоит в том, что фельдмаршал близко подошел к нанесению поражения полковнику. Гривасу пришлось объявить о прекращении военных действий в августе 1956 г. Хотя он с презрением отверг глупое требование Хардинга о капитуляции, Гривасу удалось вернуть себе инициативу только в результате Суэцкого кризиса. Но после «черного ноября», во время которого произошло самое жуткое кровопролитие за время конфликта, британские силы опять одержали верх.

В марте 1957 г. Гривас объявил перемирие. Это привело к окончанию его длительной кампании, хотя вспышки насилия продолжались еще двадцать один месяц. На самом деле полковник стал еще более драчливым и неуживчивым, когда это было возможным. Он обдумывал погром всего турецкого сообщества, но его сдержал Макариос. Священнослужитель считал: «Нам следует бросить гранату или парочку с какой-нибудь крыши, чтобы преподать урок, и чтобы они в будущем не смели собираться толпами»¹¹⁹. Гривас хотел запустить мышьяк в определенные акведуки, пытался заполучить тифозные палочки для использования против британцев. Его армия отказалась подчиняться ему в этом, потому что такая тактика уничтожит освободительную борьбу¹²⁰. С другой стороны, в это время в ежегодном отчете по кипрским тюрьмам отмечалось: «Виселицу, которая довольно сильно устарела, следует модернизировать»¹²¹.

Трагедия Хардинга состояла в том, что он не мог перевоплотить военные репрессии в политическое примирение. После унижительного отступления из Суэца правительство «тори» должно было крепко удерживаться на Кипре. Ведь казалось, что силы безопасности вот-вот добьются победы. Лорд Радклифф, которому поручили составить проект кипрской конституции, должен был отразить в ней масштаб власти Британии. С другой стороны, Макмиллан горел желанием сбежать из кипрского лабиринта, и не в меньшей степени оттого, что произошло множество выступлений против британского империализма и в ООН, и в США.

Еще более смущали шаги Греции по предъявлению обвинений Великобритании в Европейском суде в Страсбурге в связи с нарушением прав человека. Министерство иностранных дел было шокировано тоталитарными зверствами и стало продвигать Евро-

пейскую конвенцию, которая вступила в силу в 1953 г. Но Министерство неправильно предполагало, что «права человека предназначены для иностранцев». Вместо этого конвенция бумерангом ударила по тем, кто ее продвигал, вызвав ярость в Доме правительства в Никосии и беспокойство в Уайт-холле.

Министр иностранных дел Селвин Ллойд был особенно обеспокоен. Когда европейских комиссаров собрались отправить для расследования ситуации на Кипре, он выразил «тревогу и неверие из-за того, что благодаря конвенции мы оказались в этом затруднительном положении, а еще большее неверие — из-за того, что ее можно применить к такому большому количеству колоний»¹²².

Тем временем в апреле 1957 г. Макмиллан сделал миролюбивый жест. Он приказал выпустить Макариоса с Сейшельских островов, где тот жил в летней резиденции губернатора Сан-Суси. (Его перевезли туда, когда Леннокс-Бойд выяснил, что архиепископа собираются размещать в доме, именуемом Бастилия). Министерство по делам колоний продолжало нервничать из-за названий. Оно не позволило Макариосу сесть на корабль под названием «Мировая Гармония» (хотя заменивший его «Олимпийский Громовержец» оказался немногим лучше). Министерство также беспокоило, что интервьюер Би-би-си может обратиться к архиепископу «Ваше блаженство»¹²³. Макариосу запретили возвращаться на Кипр, ему пришлось высадиться в Афинах, где он разместился в гостинице «Гранд-Бретань». Хардинг не доверял ему больше, чем когда-либо. Причиной тому стали откровения Гриваса, обнаруженные в его захваченных дневниках. Там говорилось о связях Макариоса с Национальной организации кипрских борцов.

Хардинг пытался дискредитировать беспокойного священнослужителя при помощи памфлета под названием «Церковь и терроризм» (изначально он назывался «Пламенный поп»). Определенно фельдмаршал был не тем человеком, который способен вести переговоры или выступать против архиепископа. Поэтому, в большей степени испытывающий раздражение от британских политиков, чем от греческих террористов, он уехал. Макмиллан выбрал его преемником либерально настроенного идеалиста сэра Хью Фута. Прибыв на Кипр 3 декабря 1957 г., новый губернатор скоро получил кличку «человек с кошачьей походной».

Это произошло потому, что Фут излучал благодушие и выступал за демократическую развязку. Он попросил дать ему «медовый месяц» и осудил насилие, как «слугу тирании»¹²⁴.

Он гулял по Ледра-стрит («Миле убийств») в Никосии, ездил по острову на лошади, пожимая руки всем. Губернатор выпустил из тюрьмы задержанных, снял ограничения, лично пытался успокоить бастующих школьников. В дальнейшем, по собственной инициа-

тиве, Фут даже попытался организовать тайную встречу с Гривасом, который проигнорировал заигрывания «хитрого и опасного дипломата»¹²⁵.

Гривас был прав в одном: Фут не мог предложить ничего нового, кроме показного примирения. У гражданского губернатора было меньше свободы действий, чем у его военного предшественника. Когда Леннокс-Бойд узнал о его попытках выйти на Гриваса, что привело в ужас британских командующих на острове, он велел губернатору больше этого не делать.

Премьер-министр был столь же суров. Макмиллан оказался уязвимым для атак главных реакционеров вроде лорда Солсбери, который подал в отставку из кабинета министров после освобождения Макариоса. Он, как Идеен, хотел избежать «ближневосточного Мюнхена». Поэтому Фут мог только идти вперед с пересмотренным планом партнерства — вторым «тридоминиумом». Но это едва ли могло сработать перед лицом греческой оппозиции. Губернатор не видел выхода из лабиринта противоречивых интересов. На самом деле он любил повторять, что «любой, кто понимал ситуацию на Кипре, был неправильно информирован»¹²⁶.

Ситуация стала еще более запутанной весной 1958 г. Террористические кампании, возглавляемые возрожденной Национальной организацией кипрских борцов, все еще стремились к энтозису, а Турецкие оборонительные силы теперь действовали под лозунгом «разделение или смерть»¹²⁷. Они были готовы начать гражданскую войну.

Когда Гривас начал бойкотировать британские товары, бомбить британские цели и убивать британских солдат, Фут осторожно и благоразумно взял сторону турок, что его не радовало. Ведь они были ответственны за большую часть насилия. Во время кровавых действий по очищения их анклавов от греков турки переходили к бесчинствам, поджогам, грабежам, мародерству и убийствам. Национальная организация кипрских борцов отвечала тем же самым. Но, как и обычно, Гривас сражался на нескольких фронтах — не только против турок, но и против британцев, коммунистов, предателей и прочих.

Вскоре Фут начал кампанию репрессий, достойную Хардинга, которая противоречила его великодушию и всем инстинктам. В июле 1958 г., когда этническая борьба достигла высшей точки, примерно тридцать тысяч солдат арестовали две тысячи подозреваемых в связях с Национальной организацией кипрских борцов во время операции, названной «Удачная зачистка»¹²⁸. Это удвоило количество содержащихся в лагерях.

После затишья в августе силы безопасности более сурово, чем когда-либо, отвечали на атаки Национальной организации кипр-

ских борцов. Солдаты бульдозерами сносили дома, взрывали здания спортивных залов и кинотеатров, если их могли связать с терроризмом. Они протыкали штыками крестьян и поджигали бороды у священников. Они заставляли киприотов греческого происхождения ездить в их машинах, чтобы предотвратить дестонацию бомб у обочин дорог. Когда одну британскую женщину застрелили, а еще одну тяжело ранили в Фамагусте 3 октября, выведенные из себя солдаты пришли в ярость, рвали и метали. Они собрали тысячу греко-киприотов и так сильно их избили, что два человека умерли, а сотни получили тяжелые травмы. В «черном октябре» 1958 г. сорок пять человек были убиты.

Кипр оказался на верхней строчке политической повестки дня для Британии. Это был худший месяц после «черного ноября» двумя годами раньше.

Но в борьбе, которая одновременно велась на политической арене, появилась новая надежда. Правительство в Афинах, которое снова выдвигало обвинения в ООН, надавило на Гриваса, чтобы он прекратил военные действия. Стамбул на Рождество продемонстрировал желание пойти на примирение. Это заставило Фута помиловать двух убийц из Национальной организации кипрских борцов за несколько минут перед тем, как их должны были казнить. Затем он посетил тюрьму, чтобы лично сообщить им хорошую весть, и взял с собой сына Пола, который потом рассказал об этом полуночном приключении. В то время Пол учился на последнем курсе Оксфордского университета. Он отметил несоответствие фраков пришедших с холодными мрачными коридорами тюрьмы. Этот человек слышал плач мужчин, содержащихся там, который только подчеркивался мрачным хором завывающих женщин. «Большинство их них — это безработные оперные сопрано», — сказал толстый английский стражник.

Пол кратко описал свои впечатления от увиденного: «Внезапный свет; два палача стоят, вытянувшись по стойке «смирно». Их работа, запланированная на этот вечер, отменена. Священник в истерике. Два недавно приговоренных к смерти убийцы принимают новость со спокойными улыбками, выражающими сомнения. Они держатся холодно и отстраненно, кажутся красивыми в простой одежде. Благодарное начальство. Солдаты, присутствие которых неизбежно, отдают честь. Наконец, оглушительные аплодисменты от «политических» (очевидно, что новости в тюрьме распространяются быстро)».

Назад, в Дом правительства, Пол ехал молча, в пуленепробиваемом автомобиле отца. Ему пришла в голову мысль, что «убийца может быть патриотом»¹²⁹. Для сэра Хью Фута отмена приведения приговора в исполнение представляла собой драматическую

перемену отношения и настроений у тех, кого беспокоила судьба Кипра. Это означало перспективу мира для острова, сотрясаемого столкновениями тектонических пластов трех империй — Византийской, Османской и Британской. Все они в большей или меньшей степени уже исчезли, если не считать гордости и предрассудков.

Греция попыталась уладить дело миром, ее заставил на этой пойти провал в ООН, где не удалось добиться продвижения дела вперед. Правительство Константиноса Караманлиса опасалось, что Макмиллан будет проталкивать свой план партнерства, который закончится разделением. Чтобы предотвратить это, сам Макариос был готов пожертвовать энозисом, положив его на алтарь независимости.

Турцию сдержать своих «янычар» заставило националистическое восстание в Ираке, которое лишило Багдад Багдадского пакта. Турция теперь оказалась открыта как на южном, так и на западном фланге. Поэтому правительство Аднана Мендереса пыталось усилить альянс с НАТО. Турция нацеливалась обеспечивать новое сближение с Великобританией и добиться ослабления напряженности с Грецией, убрав кипрское яблоко раздора с общего стола.

Поэтому в феврале 1959 г. Караманлис и Мендерес встретились в Цюрихе. На тайной встрече в скромной гостинице «Долдер» они согласились на конституцию, которая обеспечит защиту меньшинства в новом суверенном государстве Кипр. Это соглашение было ратифицировано в Лондоне. Макариос подписал его, демонстрируя мучения и нежелание. Гривас, несмотря на «минуты агонии», принял свершившийся факт. Он теперь не мог полагаться на греческую или даже кипрскую поддержку, а если стал бы сражаться в одиночку, то результатом оказался бы «раздел нации, во время которого мы потеряем все»¹³⁰.

Полковник обеспечил амнистию для большинства членов Национальной организации кипрских борцов и покинул Кипр в марте 1959 г., все еще с пистолетом. Британская армия не собиралась ему салютовать. Наблюдать за его отъездом был отряжен высокий офицер аристократического происхождения, который лишился правой руки, и поэтому не мог отдать честь Гривасу.

Британская империя прекратила свое существование столь же случайно и беспорядочно, как начинала. Различные территории приобретали независимость различными путями. Некоторые сражались за свободу, другие сочетали минимум силы и жесткие переговоры, третьи сотрудничали с колониальными властями для достижения упорядоченного перехода власти. Разнообразие было особенно очевидно в Средиземноморье. Великобритания сохранила (и сохраняет до сих пор) Гибралтар, анахронизм и аномалию.

Мальта добилась самоуправления в 1964 г., но только после провала плана политического союза с Соединенным Королевством. Этот план скорее был не британским (поскольку имперская федерация всегда являлась фантазией), а французским или римским «в видении одной республики и общего гражданства»¹³¹.

Дело Кипра, который стал республикой под руководством президента Макариоса в августе 1960 года, получилось самым странным. Британия поддерживала стремления Турции, чтобы защитить свои имперские позиции. Так она сеяла драконовы зубы от Пафоса до Фамагусты, после чего собирала урожай беспорядков до декабря 1959 г. Но уже в марте 1957 года Макмиллан сделал вывод, что Великобритании на острове «нужен только аэродром». Однако премьер-министр так боялся ответа «тори» на его «продажу Кипра»¹³², что продолжал настаивать на военной победе. По меньшей мере, он хотел иметь какой-то символ своего успеха¹³³. Иными словами, британские силы на острове сражались за престиж.

Футу приходилось спасать лицо. В конечном счете, не Макмиллан, а Караманлис и Мендерес разрубили «кипрский узел»¹³⁴. Британцев не допустили на греко-турецкие переговоры в Швейцарии. Макмиллан смог заполучить суверенные базы, достаточные для удовлетворения национальной гордости и представить Лондону соглашение в виде триумфа. Но, формируя прошлое острова ему во вред, Британия не получила шанса формировать его будущее во благо. На Кипре, как и в других местах, конфликт сделался наследием империи.

Глава 22

«Вся наша вчерашняя помпезность» Фолклендские острова и Гонконг

Еще один островной конфликт обеспечил любопытный эпилог истории Британской империи. Парадоксально, что он был вызван продолжающимся желанием правительства в Лондоне отделаться от обременительных зависимых территорий. Процесс обычно облегчался, поскольку колонии страшно желали нового рождения — рождения нации. Но жители Фолклендских островов, 1 800 человек британского происхождения, хотели оставаться в безопасной имперской зоне. Кроме всего прочего, они опасались поглощения другим государством — Аргентиной.

Южноамериканская страна располагалась всего в трехстах милях. Она давно претендовала на власть над островами, которые по-испански назывались Мальвинскими, а также на их ледяные пустые спутники — Южную Георгию, Южный Туле, а также Шэг-Рокс и Кларк-Рокс.

Кто открыл Фолклендские острова и кому они принадлежат, оставалось предметом споров со времен Тюдоров. Британия едва не вступила в войну с Испанией из-за них в 1770 г., когда Адмиралтейство придерживалось мнения, что острова — это ключ ко всему Тихому океану¹ (еще один ключ, но на сей раз — на удалении от предполагаемого держателя). Доктор Джонсон разоблачал ошибку такого конфликта в лапидарной прозе, которая все еще была актуальной два века спустя. «Рубикон был облагорожен прохождением Цезаря, — писал он. — Теперь же пришло время, когда своего историка требуют Фолклендские острова».

К сожалению, сказать было нечего, поскольку там ничего не происходило (за исключением случайного появления время от времени странствующих навигаторов, которые проходили мимо них в поисках лучших мест обитания). Здесь, в холодном океане, прилегающем к Огненной Земле, царило «холодное, унылое и мрачное одиночество... Люди словно оттолкнули от себя эти острова, штормовые зимой и голые летом, которые даже южные дикари не удостоили своим обитанием. Гарнизон тут живет в таких условиях, что завидует ссыльным в Сибири. Тратиться на острова придется постоянно, а использовать — только время от времени»².

Джонсон преувеличивал проблемы. Климат Фолклендских островов — умеренный. Для постоянного проживания британцы появились здесь в 1833 г. Острова обеспечивали рабочие места небольшой колонии пастухов и так называемых «келперов» — собирателей морских водорослей. Порт-Стэнли доказал свою значимость в качестве заправочной угольной гавани до победоносного морского сражения адмирала Стёрди в декабре 1914 г. Однако протесты «Великого Хана Литературы» Джонсона звенели на протяжении веков, они эхом отдавались в коридорах Уайт-холла и залах Вестминстера. Не было смысла сражаться, чтобы стать неоспоримыми властителями и хозяевами дикой местности, разрываемой бурями.

Определенно к 1960-м гг. Лондон разочаровался в этой южноамериканской реликвии империи. Она не имела никакой стратегической ценности, но имелись политические обязательства. Острова обладали слабыми экономическими перспективами. Они очень бедны. Самым большим источником дохода Фолклендских островов после полумиллиона овец, которые паслись на лишенной деревьев кочковатой торфяной почве, являлись почтовые марки. Правительственная типография представляла собой работающий музей.

Другие организации, необходимые для обеспечения комфортной жизни, отсутствовали. Как в отчаянии воскликнул один губернатор, «не было ни банкира, ни адвоката, ни бухгалтера, ни агента по недвижимости, ни сапожника, ни бакалейщика, ни химчистки, ни парикмахера, ни автослесаря, ни каменщика, ни строителя, ни гробовщика. Кто работает на островах?!»³

Ответ заключается в том, что островитяне едва ли работали вообще. Как говорил Джонсон, у них не было ресурсов, чтобы стать независимыми, но требовалась постоянная поддержка метрополии. Однако метрополия не торопилась инвестировать и субсидировать фолклендцев.

Коммуникации оказались особенно дороги. На острове имелся крошечный аэродром и только семь миль дорог. Британцы мало верили в коммерческую жилку или дух первопроходцев у островитян. В любом случае большинство из них работали на «Фолклендскую компанию», которой принадлежала половина земли. Она и вела на островах большую часть дел. Как написал один английский путешественник, которому действительно понравились жители острова, за пугающе малым исключением рабочая сила представляет собой «сборище пьяниц, нездоровых, аморальных и наглых деклассированных личностей, сознательно поставивших себя вне общества»⁴. Как сказал другой путешественник, Фолклендские острова могут создать впечатление романтического одиночества.

Но реальностью оказывалась «бесконечная диета, состоящая из баранины, пива и рома, а развлечения ограничивались пьянством и прелюбодеянием, приправляемыми иногда инцестом».

Правда это или нет, но население, которое уже было меньше среднего английского прихода, несомненно старело и сокращалось. Однако после того как ООН в 1965 г. приняла резолюцию о том, что Великобритании и Аргентине следует достигнуть мирного соглашения по поводу вопроса, который большинство стран считали колониальным, министры от Лейбористской партии и партии «тори» объявили: в первую очередь следует учитывать желание жителей острова. Британцы настаивали на принципе свободы решения людьми своей политической судьбы — того принципа, который подорвал основы империи. К своей большой досаде, они теперь обнаружили, что он навязывает им ответственность за территорию, которую они бы с радостью уступили мощному соседу, претендовавшему на острова с такой алчностью.

Поэтому на протяжении 1970-х гг. Великобритания советовала колонистам вступить в какую-то ассоциацию с Аргентиной. Она говорила о пользе и преимуществах совместного правления, предлагала передать власть над островами на долгий срок на условиях аренды. Метрополия подчеркивала преимущества, которые появятся от сотрудничества с Аргентиной.

Лорд Шеклтон, сын исследователя Антарктиды, сказал: «Фолкленды — это острова, полностью окруженные советами». Министерство иностранных дел испытывало все большее раздражение от отказа Аргентины их взять.

Посол Великобритании в Буэнос-Айресе даже предложил отправиться в Порт-Стэнли и вызвать мурашки на коже советников «при помощи советов экспертов о потенциальном ужасе Аргентины»⁵. Он же и подобные ему типы увещевали правительства Аргентины, которые к концу десятилетия стали печально известны нарушениями прав собственных граждан, по-доброму относиться к жителям островов. Как любил говорить дипломат, ответственный за зависимые от Британии территории, «насиловать Фолкленды нельзя, совращать — надо обязательно»⁶.

Но военная хунта в Буэнос-Айресе стала еще более возбужденной. Толпы пели со все нарастающим рвением: «Las Malvinas son Argentinas» («Мальвины — аргентинские!») Пока Британия тянула время, Аргентина устраивала провокации. Ее самолеты летали над Фолклендскими островами, а военно-морской флот тревожил иностранные суда вокруг островов. Ее транспортная связь с Порт-Стэнли стала беспорядочной, а солдаты высадились на Южном Туле. В 1977 г. правительство Джеймса Каллагэна было настолько обеспокоено перспективой аргентинской агрессии, что

тайно отправило небольшое подразделение в Южную Атлантику. Это была временная «страховка»⁷, потому что считалось слишком дорогим удовольствием сохранять острова на постоянной основе, создавая «Фолклендскую крепость».

Другие варианты оказывались столь же неприемлемыми. Лондон отклонил предложения лорда Шеклтона о крупных инвестициях, включая дальнейшую модернизацию аэропорта Стэнли и продление взлетно-посадочной полосы. Переселение белых жителей Фолклендских островов было бы политически невозможно (в отличие от переселения темнокожих жителей архипелага Чагос). Поэтому министры Маргарет Тэтчер продолжали переговоры в надежде каким-то образом примирить право жителей острова на самоопределение и право жителей континента на территориальную целостность. Понимание было достигнуто между аргентинским министром иностранных дел и Николасом Ридли, очень резким сторонником Тэтчер, который предложил жителям Фолклендов принять или его, или последствия⁸. Это было соглашение о продаже с получением обратно в аренду.

Вместо принятия жители островов стали еще более упрямыми, опасаясь, что их продадут, утопив в Ла-Плате. Британцы могли только продолжать переговоры с аргентинцами, хотя им было нечего сказать. По словам их посла в Буэнос-Айресе, «не имелось никакой стратегии, кроме неунывающего оптимизма»⁹.

Тем временем миссис Тэтчер боролась с сильным спадом у себя в стране. Три миллиона человек оказались без работы, банкротство достигло рекордных уровней, а инфляция составляла 15 процентов. В Лондоне, Ливерпуле и Манчестере начались беспорядки.

Во время беспорядков в Токстете дочь бакалейщика произнесла знаменитую фразу: «О, несчастные владельцы магазинов!» Лейбористская оппозиция была настроена резко, обвиняя в самых массовых проявлениях гражданского неповиновения безжалостное применение монетаристской политики «тори». Премьер-министр объясняла беспорядки человеческими пороками и злобой, а ее рейтинг упал на беспрецедентно низкий уровень.

Занятая кризисом внутри страны, Тэтчер преодолела свое нежелание пожертвовать суверенитетом Фолклендских островов. Более того, она создала такое положение, которое, как казалось, способствовало вторжению Аргентины и подтверждало конец Британской империи. Самым важным был план по сокращению оборонительных расходов — «бомба»¹⁰, которая сильнее всего ударила по Королевскому ВМФ. Министр обороны Джон Нотт убедительно доказывал: сторонники военно-морского флота, способного достигнуть любой точки земного шара, являются жертвами ностальгии по временам империи¹¹. Но он забыл, что остат-

ки империи еще существовали. Когда агрессия Аргентины оказалась неизбежной, ему пришлось искать Фолклендские острова на большом глобусе в своем кабинете.

Сокращение флота должно было повлиять на оборонительную способность Великобритании. Адмирал сэр Генри Лич, Первый Морской Лорд, сказал: попытка Нотта притвориться, что все не так, — это «мошенничество века»¹². Как утверждал Лич, предлагаемые сокращения ослабят¹³ военно-морской флот. Они включали превращение в лом двух десантных кораблей и потерю двух авианосцев. (Американцы смеялись, что их разрезают на бритвенные лезвия)¹⁴. Эти меры привели бы к урезанию в два раза флота из шестидесяти фрегатов и эсминцев — «хребта ВМФ»¹⁵.

Однако премьер-министр горячо поддержала экономию. Она даже заявила Нотту, что тот слишком робок, после чего потребовала прекратить траты на «Красную сливу» Антарктики. Это был окрашенный в красный цвет патрульный ледокол Ее Величества «Эндыюранс», под командованием грозного, внушающего уважение и восхищение капитана Ника Баркера. Его содержание обходилось в 3 миллиона фунтов стерлингов в год. Миссис Тэтчер, которая оставила королевскую яхту «Британия» из соображений престижа, заявила, что «Эндыюранс» — это «военная ненужность»¹⁶.

Но гидрографическое судно являлось «ключевым активом разведки»¹⁷. Кроме того, «Эндыюранс» был мощным символом обязательств Британии перед Фолклендскими островами. Новость о его грядущем отходе «приветствовалась с неподдельной радостью в аргентинской прессе»¹⁸.

И другие сигналы дошли до генерала Леопольдо Гальтиери, который стал лидером аргентинской хунты в 1981 г. Они говорили о том, что миссис Тэтчер умыла руки относительно Фолклендских островов. Ничто не было яснее «Закона о национальностях», разработанного ее правительством.

Закон был создан, чтобы отказать в любом праве на проживание в Великобритании китайцам из Гонконга. Исключались все, кроме имеющих родителей, бабушек или дедушек, рожденных в Соединенном Королевстве. Исключались и восемьсот жителей Фолклендских островов, хотя гибралтарцы получили особое разрешение на отступление от норм.

В Южной Атлантике этот закон посчитали возмутительным отказом от выполнения имперских обязательств, сравнимых с тем, что миссис Тэтчер бросила белых в Южной Родезии.

Гальтиери, который искал способ отвлечь внимание от внутреннего кризиса (гораздо худшего, чем в Британии), сделал вывод, что можно безнаказанно захватить Мальвинские острова.

В конце концов, британцы проводили политику умиротворения без устрашения и сдерживания. Очень мало они выполнили даже тогда, когда миссис Тэтчер позднее приказала подготовить планы для ответа на враждебные действия и непредвиденные обстоятельства.

Ее министров острова не интересовали. Ридли язвительно замечал: единственная чужеземная территория, на которую ему хотелось бы предъявить претензии — это Бордо. Британцы пытались сбросить с себя груз, который представляли собой жители островов. Казалось невероятным, что они пойдут на кровопролитие, чтобы противостоять свершенному аргентинцами. Поэтому после долгой подготовки и предварительной вылазки на Южную Георгию, что вызвало тревогу в Лондоне, где игнорировали более ранние предупреждения журналистов и дипломатов, хунта начала вторжение.

Разведка перехватила сигналы в Британии, где шифровальщикам удалось взломать аргентинские коды. Расшифровка показала, что вражеские силы высадятся на Фолклендских островах 2 апреля 1982 г. Министерство иностранных дел отправило тщедушному и малозначимому губернатору Рексу Ханту телеграмму в помощь. В ней говорилось: «Вы захотите соответствующим образом расположить свои силы».

Хант имел в своем распоряжении несколько дюжин морских пехотинцев, которых и мог расставлять по местам. А еще он мог разорвать секретные документы и выступить с предостережениями для всех через радиовещательную службу Фолклендских островов. С горечью размышляя о том, что мягкие ответы не смогли отразить аргентинский гнев, губернатор заявил: «Похоже, эти типы действительно решили на этот раз добраться до цели»¹⁹.

Маргарет Тэтчер пришла к такому же выводу и нацелилась заполучить острова назад — если будет необходимо, то при помощи силы. Раньше она подражала Чемберлену в попытке достигнуть договоренности с диктатором, находясь в слабой позиции. Теперь она надела мантию Черчилля и вознамерилась защищать честь нашей нации²⁰. Такая риторика скрывала абсурдность и неуместность борьбы за сохранение микро-колонии, которую следующие одно за другим правительства пытались ликвидировать. Более того, начиналась борьба против режима, оснащенного оружием, часто покупаемым у Британии. Но Железная Леди оказалась решительной и целеустремленной, а фортуна предпочитает смелых. Пресса возмущалась не Даунинг-стрит, 10, а Министерством иностранных дел, «прогнившим до основания благодаря собственному самодовольству, настоящему презрению и пренебрежению к интересам Великобритании»²¹.

Урезание расходов на оборону еще не нанесло серьезного урона. Поэтому в течение семидесяти двух часов адмирал Лич смог отправить мощное оперативное соединение. Незнание военного дела премьер-министром стало преимуществом. К тому же, это невежество оказалось поразительно всеобъемлющим, возможно, то была «телевизионная точка зрения на войну»²². Когда Лич сказал, что армаде потребуется три недели, чтобы добраться до Фолклендских островов, миссис Тэтчер уточнила: «Три недели? Вы хотели сказать, три дня?»²³ Адмирал указал, что расстояние составляет 8 000 морских миль.

Однако премьер слушала мужчин в форме с любезностью и благосклонностью, которую редко видели министры и гражданские служащие. Их она жутко запугивала, и благодаря этому получила кличку «Аттила женского пола».

Но они часто заслуживали лучшего. Лорд Каррингтон подал в отставку с поста министра иностранных дел, взяв на себя вину за «неправильное просчитывание ситуации, ибо полагал, что аргентинцы не пойдут на вторжение»²⁴. Хотя Джон Нотт «был напуган и распух от слез», его обуревала навязчивая идея о фиаско в Суэце, преследовал дух предка, пойманного будто в капкан катастрофой первой Афганской войны. Он все еще хотел нести ответственность без власти²⁵.

Представитель Великобритании в ООН сэр Энтони Парсонс ловко получил резолюцию Совета безопасности с требованием отступления Аргентины. Но столь же необходимой оказалась и помощь США. Она включала разрешение использовать построенную американцами взлетно-посадочную полосу на жизненно важном промежуточном аэродроме на острове Вознесения, который принадлежал Британии (но сегодня службы безопасности отказывают коренному населению этого острова в «праве на проживание»²⁶, которым пользуются олуши и черные морские крачки). Каспар Уайнбергер, министр обороны у Рональда Рейгана, обеспечил безграничную помощь, несмотря на дипломатические и лингвистические увертки и отступничество госсекретаря генерала Александра Хейга. В конце концов, президент решил, что его южноамериканский союзник, несмотря на стойкий антикоммунизм, менее важен, чем союзник европейский. Но Рейган все же не мог понять, зачем миссис Тэтчер этот «маленький, покрытый льдами кусок земли там, внизу»²⁷.

Она сказала Хейгу, что это, по сути, вопрос борьбы диктатуры против демократии²⁸. И Фолклендский конфликт был представлен в качестве борьбы за свободу. К счастью для премьер-министра, большинство британцев разделяли эту точку зрения. Пресса и общественное мнение отдавали предпочтение возмездии и мас-

сированному ответному удару, предполагая, что он не приведет к многочисленным жертвам. Лидер левого крыла лейбористской оппозиции Майкл Фут выступил против фашистской агрессии: «Борьба с диктатурой — нравственный долг, политический долг и любой другой вид долга»²⁹. Либералы превозносили правление закона и осуждали зло, сотворенное хунтой (хотя министры-«тори» это не поддерживали и даже пытались смягчить зло, поскольку опасались контробвинений в нарушении прав человека в Ольстере). Думающие офицеры, отправляясь на юг, считали: несмотря на абсурдность отправки 28 000 человек для борьбы за острова, которые Великобритании не нужны, «идеал заслуживает самой высокой похвалы»³⁰.

Но идеалы оказались приглушены крещендо неоколониального шовинизма. Когда корабли отплывали, оркестры играли «Правь, Британия!» и «Земля надежды и славы». Люди размахивали британскими флагами и футболками с надписями «Не плачь обо мне, Аргентина, тебе отобьем мы ...!»³¹ Шли разговоры о прекращении позорного упадка нации и новом превращении Британии в настоящую великую державу. Как писал радикальный историк Э.П.Томпсон, это был «момент имперского атавизма, пропитанный ностальгией людей средних лет и старше»³².

Никто не был более атавистичным, чем Руперт Мердок, чья бульварная газета «Сан» отмахивалась от мирных предложений заголовками вроде «Засунь это себе в хунту». Она также радовалась затоплению аргентинского крейсера «Хенераль Бельграно», выразив эту радость печально известным заголовком, написанным с ошибкой: «По делом».

Сатирический журнал «Прайват ай» насмехался над жалким кривляньем «Сан» и предлагал устроить соревнование: «Убей аргентинца и выиграй метрополию». Биограф Мердока признавал: люди, входившие в экспедиционный корпус, были оскорблены тривиальным и омерзительным ура-патриотизмом газеты³³. Однако их собственные старшие офицеры считали, что победа должна принадлежать «породе бульдогов»³⁴. Командующий адмирал Сэнди Вудворд выразил презрение к «работе латиноамериканцев, которые летают на старых “Канберрах”». А после того, как морские пехотинцы заново взяли Южную Георгию, он предсказывал легкую победу³⁵. По словам лейтенанта Дэвида Тинкера, который погиб во время кампании, «на флоте чувствовали, что мы — британцы, а противники — люди с темной кожей. Это и будет решающим различием»³⁶. Что касается специальных подразделений армии, то их иногда считали суперменами. Командующий Джереми Мур подозревал: «Глупые и бессмысленные ожидания того, чего спецназ может добиться, происходят из жадного прочтения при-

ключенческих романов и комиксов для мальчиков, а также просмотра “Беано”³⁷.

На самом-то деле самоуверенность Британии получила несколько сильных ударов за несколько недель войны. Разведка оказалась не отвечающей требованиям и неполноценной. Лейтенант Тинкер сказал: она состояла из офицера по воспитательной работе, «который знал, где находятся Фолклендские острова, поскольку у него имелся атлас и справочник «Боевые корабли», чтобы сообщать нам, какие суда включает военно-морской флот Аргентины»³⁸.

Происходили смехотворные случаи неправильного опознавания. Суды сбрасывали глубинные бомбы на китов, а войска обстреливали из пулеметов гигантских тюленей. Несмотря на тяжелые потери, аргентинские ВВС сражались смело и умело. Они летали на современных «Миражах» и «Супер-Этандарах» со скользящими по поверхности моря ракетами «Экзосет».

Авиация нанесла тяжелые поражения британскому флоту. В целом пятнадцать судов получили повреждения, а семь были затоплены, включая транспортный корабль «Атлантик Конвейор» с жизненно важным грузом вертолетов «Чинук» и судно обеспечения «Сэр Галахад», с которого очень медленно выгружались солдаты (в результате погибли сорок восемь человек). Адмиралу Вудворду пришлось держать свои авианосцы так далеко к востоку от Фолклендских островов, что его прозвали «южноафриканцем»³⁹. Это означало, что реактивные самолеты «Харриер», оснащенные смертоносными американскими ракетами «Сайдуиндер», могли проводить над островами всего по несколько минут. Поэтому основные амфибийные операции в Сан-Карлосе 21 мая 1982 г. проводились без обещанного прикрытия с воздуха. Британцам повезло с погодой и отсутствием сопротивления. Но они вскоре обнаружили, что их собственные ракеты («Си Дарт», «Си Вулф», «Рапьер» и «Блоупайп») не обеспечивают должного щита против атак с воздуха на малых высотах.

Атаки оказались бы гораздо более ужасающими и разрушительными, если бы взорвались все аргентинские бомбы. Но многие не сработали. Аргентинским пилотам мешало и устаревшее вооружение. Легкие ручные пулеметы «Брен» и пушки «Бофорс», а также стрелковое оружие не подходили для этой операции. Как сказал один свидетель, «все это годилось разве что для ковбоев»⁴⁰.

Политическое давление вынудило провести дорогостоящую атаку на Гус-Грин. Об этом просочилась предварительная информация — предположительно, в результате инструктажа, проводившегося самим Джоном Ноттом. Ситуация стала самым серьезным нарушением секретности за время войны. Нотт утверждал, что «Бельграно» наступал и очень сильно приблизился⁴¹ к оператив-

ному соединению, когда был торпедирован. Однако на самом деле он уходил прочь.

Ложь повторила миссис Тэтчер, что привело к появлению теорий о заговоре. В подходе к связям с общественностью Министерство обороны напоминало Кремль. Оно назначило «мозговую полицию»⁴², которая проводила странную цензуру репортеров. Ее собственный представитель, гражданский служащий по имени Айан Макдональд, выступавший с заявлениями подобно «говорящим весам, которые объявляют ваш вес», стал национальным посмешищем. У аргентинских снайперов были лучшие винтовки и приборы ночного видения, чем у британских войск. Некоторые их подразделения оказали яростное сопротивление. Но многие состояли из неопытных призывников, которыми плохо командовали, плохо кормили и плохо одели. Эти вскоре капитулировали.

Генерал Менендес, который мало что делал, кроме сидения за установленными оборонительными сооружениями, капитулировал 14 июня 1982 г. Журналист Макс Гастингс, который сопровождал отряд освободителей в Порт-Стэнли, написал: «Это напоминало освобождение пригородного английского гольф-клуба»⁴³. Однако у некоторых освободителей остались лишь последние комплекты боеприпасов. Борьба шла почти на равных. Сэнди Вудворд сказал: «Если бы аргентинцы могли только дыхнуть на нас, мы бы упали!»⁴⁴

Большинство сомнений, возражений и неодобрений исчезли в эйфории победы. «Мы выиграли, — написал Нотт премьер-министру. — Этого достаточно для подавляющего числа британцев». Имел значение героизм военнослужащих, которые сражались при ужасающе малых шансах. Они превзошли себя, фашистская агрессия получила заслуженное. Национальная гордость, которая получила сокрушительный удар в Суэце, была восстановлена чудесным образом. Цена оказалась явно чрезмерной — 253 британца погибли, свыше 750 получили ранения. Пришлось потратить почти 2 миллиарда фунтов стерлингов на освободительную экспедицию, а еще больше — на защиту Фолклендских островов от будущих атак. Но лишь немногие были готовы сказать, что кровь пролита зря.

А когда главный секретарь Министерства финансов, еврей Леон Бриттон, попытался выжать плату за кампанию из существующего оборонительного бюджета, Нотт обвинил его в том, что он ведет себя, словно «пакистанский бухгалтер»⁴⁵. Кабинет министров опасался, что его будет критиковать комиссия под руководством лорда Фрэнкса, созданная для оценки того, насколько хорошо правительства с 1965 г. решали вопрос Фолклендских островов. Но, как и многих других подобных председателей, Фрэнкса вы-

брали потому, что он являлся столпом ортодоксальности и важным членом правящих кругов. Экономист Рой Харрод злобно назвал его «достойным порицания распространителем прошлогодних банальностей со лживым лицом»⁴⁶. Самое худшее, что утверждалось в его отчете, — это объявление о том, что отступление «Эндьюранс» было нецелесообразно⁴⁷. Во всем остальном Фрэнкс выдал классическое обеление, в котором — все несут ответственность, а виновных нет.

Миссис Тэтчер не требовалось никакого подобного официального подтверждения и защиты. В тот момент она опять оказалась в фаворе у общественности на волне националистических чувств. В состоянии личного возвеличивания и возбуждения, граничащего с опьянением, Железная Леди много сделала, чтобы развить триумфальное настроение. Она играла роль Боадикки, нестигаемой правительницы времен борьбы с Римом, на параде победы в лондонском Сити. Туда не был приглашен никто из королевской семьи. Премьер лично принимала салют. Она объявила, что славная новая глава вписана в историю свободы, призвала «дух Южной Атлантики — истинный дух Британии».

Тэтчер объявила, что война развеяла тайные страхи ее соотечественников, будто британцы больше не являются нацией, которая построила империю и правила четвертью мира⁴⁸.

Отклик получился радостным. Иллюзия пережила реальность, а прошлое управляло настоящим. Империя исчезла, но связанные с ней эмоции выжили, словно фантомные боли после ампутации. Это оказалось плохо для будущего Британии, поскольку последующим лидерам придется столкнуться с искушением эксплуатировать имперские желания и умонастроения. Они готовы поддерживать всеобщую ностальгию и одновременно выборочную амнезию, чтобы оправдать интервенцию за рубежом.

Конечно, Великобритания могла участвовать в существенных конфликтах в качестве младшего партнера США. Но, как выразилась историк Линда Колли, имелась «склонность навязывать свои имперские порядки, бесцеремонно цепляясь за голову американского орла»⁴⁹. Министры вроде Дугласа Хёрда пытались завуалировать подчиненную роль Британии, заявляя: «Она из всех сил наносит удары во всем мире, показывая свой вес»⁵⁰.

Хотя миссис Тэтчер провела Великобританию сквозь то, что, судя по всему, являлось ее последней колониальной войной (правда, в 2006 г. Аргентина возобновила попытки заполучить острова)⁵¹, сама госпожа премьер стала более воинственной. Это стало очевидно во время ее путешествия на Дальний Восток через три месяца после победы. В Китае она проигнорировала совет Министерства иностранных дел о смягчении тона. Вместо этого Тэтчер

выразила желание сохранить контроль над последней крупной колонией Британии, Гонконгом. Кстати, его верный Исполнительный совет проголосовал за внесение 10 миллионов фунтов стерлингов на Фолклендскую войну..

* * *

Последний эпизод в истории Британской империи был в некотором роде самым странным. Гонконг не развивался по стандартной схеме от зависимой колонии к самоуправлению. Он двигался в обратном направлении — от относительной свободы, которую позволяло капиталистическое невмешательство, к подчинению и зависимости под тенью коммунистического колосса.

В отличие от других британских владений, Гонконг не вскормил и не лелеял националистическое движение, намеренное сбросить империалистическое ярмо. После того, как красный Китай начал настаивать, что Гонконг является внутренним вопросом, он не сделался фокусом международного антиколониального давления. Территория никогда не могла надеяться стать независимым суверенным государством, не говоря уж о вступлении в Содружество. Вместо этого она отошла Китаю в виде особого административного района.

Переход власти можно было откладывать, но от него нельзя было уйти, поскольку в 1997 г. закончилось право аренды Великобритании (продолжительностью девяносто девять лет) на Новые Территории, окружавшие колонию короны. По воспоминаниям министра иностранных дел Джеффри Хау, Маргарет Тэтчер «продолжала лелеять мысль об альтернативе, к которой склонялась всем сердцем. Она раздумывала о способе, который позволит нам получить что-то более постоянное»⁵².

Но это было только мечтой, неоимпериалистической бесплодной фантазией, иллюзией, самообманом. По выражению Ричарда Хьюза, Гонконг являлся «заимствованным местом, живущим в заимствованном времени»⁵³. В этом «самом великолепном и оптимистичном из мировых складов и транзитных портов»⁵⁴, как отмечал Айан Моррис, срок всех имущественных договоров закончился до конца тысячелетия. Блестящий «торговый центр Азии» являлся, как любили повторять рекламные брошюры для путешественников, «жемчужиной во рту дракона». Ее могли проглотить одним глотком. Но почему Китаю потребовалось так много времени, чтобы поглотить Гонконг? И как прошел прием пищи, когда наступило время?

Конечно, распадающаяся Маньчжурская империя не могла захватить Гонконг. Наоборот, к концу XIX века Британия и другие

имперские державы доминировали на Востоке. И они начали (по словам Ленина) «грабить Китай, как кладбищенские воры грабят трупы»⁵⁵. Но даже если викторианский Гонконг мог опасаться атаки с материка, он едва ли представлял собой достойный приз. Да, территория оказалась стратегически ценной для Великобритании, как конечный пункт в ряду военно-морских постов от Плимута через Гибралтар, Валетту, Александрию, Аден, Тринкомали и Сингапур.

Колония была восхитительным живописным владением, превозносившимся путешественниками викторианской эпохи вроде Изабеллы Бёрд. Как она отмечала, каждый восточный костюм, часто подчеркнутый блеском «варварского золота», казалось, плыл по улицам острова. «Парсы в безупречно белых одеждах; евреи и арабы в темных богатых шелках; клинги в красном и белом; купцы из Бомбея в красных и белых тюрбанах, широких штанах и свободных белых накидках, перетянутых малиновыми шелковыми поясами; малайцы в красных саронгах; сикхи в чисто-белом муслине из Мадраса, и китайцы всех классов — от разнорабочего в синем или коричневом хлопчатобумажном одеянии до богатого купца в легких шелковых тканях и богатой парче. Все они составляют чарующую смесь, от которой не отвести взгляд»⁵⁶.

Поколение спустя еще одна путешествующая писательница, Стелла Бенсон, испытала такое же возбуждение от «поразительной экзотичности и разнообразия толпы в Гонконге». Наблюдая за пассажирами, которые сходили с парома в Коулуне и мелькали перед ней, словно кадры в кино, она восхищалась «вежливыми молодыми солдатами в юбках; индийской полицией с крашеными в красный цвет бородами»; стариками с желтой, напоминающей пергамент кожей, «красивыми худошавыми китайскими девушками в... аккуратных и элегантных наполовину иностранных платьях»⁵⁷. Однако если отбросить местные краски, то Гонконг был серой и скучной заводью.

Он был коммерчески бездействующим, политически малозначимым и социально стагнационным. После 1860 г. основная часть британских торговых интересов концентрировалась в порту Шанхая, открытом по договору для внешней торговли. Он находился в устье реки Янцзы. Гонконг никогда не являлся чем-то большим, чем залогом в большой игре китайско-британских отношений. Белые люди, ограниченные, но с претензиями, создали то, что один полковник называл «салфеточной цивилизацией»⁵⁸.

Положение колонии наиболее ярко иллюстрировалось личностью губернатора. Хотя он являлся автократом, «следующим за Богом»⁵⁹, у него иногда мало дел. Порой, как сэр Артур Кеннеди в 1870-е гг., он делал «так мало, как только было возможно»⁶⁰.

Сэр Уильям де Воу обнаружил, что его работа гораздо легче, чем была на Сент-Люсии. Он сказал, что Гонконг — это «рай для человека, склонного к лени». У большинства губернаторов имелось время для игры в гольф и теннис, для плаваний за границу на роскошной яхте или отправки на паровозе по первой железной дороге в Азии в место летнего отдыха — домик в горах, где полы были выложены красно-желтой плиткой. Больше всего их занимали церемонии, в которых они были обязаны участвовать. Это прилагалось к роли малых наместников короля. Фактически губернаторы служили украшением, словно декоративные деревца. В Доме правительства, квадратном, гранитном здании в стиле неоклассицизма, выходившем на ботанический сад, они давали великолепные балы и устраивали развлечения. Домом очень умело управляли китайцы в длинных голубых одеждах и с косичками. Губернаторы путешествовали с большой помпой, носильщиков губернаторского паланкина одевали в «ярко-красные ливреи, белые штаны и шапочки-«пирожки» с красными кисточками»⁶¹. Они приветствовали приезжающих с визитом высокопоставленных лиц и тратили большие деньги на салют из многочисленных орудий (от этих салютов содрогались плавучие трушобы в гавани Виктории).

Губернаторы председательствовали на общественных мероприятиях — юбилеях, регатах, лошадиных бегах, парадах и банкетах. Сэр Фредерик Лугард ворчал из-за того, что ему приходилось присутствовать на бесконечном количестве мероприятий, «стоять вначале на одной ноге, потом на другой, кланяться, как китайский божок на камине, чья голова качается час, если коснуться ее под подбородком»⁶².

Везде губернаторы очень строго относились к протоколу. Сэр Мэтью Натан жаловался, что жены из Гонконга были «энергичными и предприимчивыми, которым хотелось "попасть в общество"»⁶³. И они устанавливали высокие стандарты официальности в уже искусственном сообществе. Говорили, что если человек забудет «прикрепить цветок к пиджаку или завить концы усов, то он умирает для общества»⁶⁴.

Наверняка возникали противоречия, которые требовали вмешательства Лондона — например, лицензии на азартные игры, проституция и незаконная торговля наркотиками. Губернаторы пытались справиться с преступностью, пиратством, работоторговлей, детоубийством, ввести контрольное протыкание зондом тюков с мягким грузом при таможенном досмотре, пресечь бинтование ног у китайских девочек (Изабелла Бёрд говорила, что у китайских женщин не ноги, а копыта). Им приходилось отвечать на требования нескольких тысяч европейцев, которых возглавляли богатые и ненасытные «тайпаны».

Белые настаивали на своем превосходстве. Они использовали англо-китайский гибридный язык, потому что он «легче для китайского интеллекта»⁶⁵. Считалось, что «язычники-китайцы» нравственно ущербны из-за «плотского сознания»⁶⁶. В «Путеводителе по Гонконгу» за 1893 г. отмечалось: «Китайский пони напоминает своего соотечественника-человека вероломством»⁶⁷. На улицах европейцы обычно били китайцев палками и зонтиками. Они требовали от губернаторов такой же суровости, «требовали Цезаря»⁶⁸.

Поэтому на протяжении многих лет китайцы подвергались множеству дискриминационных указов, включая сегрегацию, ночной комендантский час, законы об обязательной паспортизации. Триста тысяч китайцев (ко времени Лугарда) ютились в шумных домах на побережье, часто деля жилище со свиньями и птицами, но с видом на европейский город и благополучие. Дома европейцев стояли на склонах горы Виктория, их обитатели смотрели на китайцев сверху вниз в прямом смысле.

Китайцы подвергались суровым наказаниям, в том числе публичной порке и повешению. Губернаторов, которые проявляли мягкость, например, сэра Джона Поупа Хеннесси, называли «неженками» и «бабами»⁶⁹.

Поуп Хеннесси, при котором вводился однообразный механический труд, был более эксцентричен, чем прогрессивен. Он предпочитал испражняться на хорошую землю, испытывая нездоровое отвращение к ватерклозетам, а поэтому говорил о «зле спуска в канализационную систему»⁷⁰. Поэтому губернатор отложил реформу коммунальной службы, из-за чего началась эпидемия холеры. Отсрочка могла помочь и распространению бубонной чумы, с которой едва справился представитель Министерства здравоохранения, считавший «более вероятным, что крысы заразились чумой от человека, а не люди заразились от крыс»⁷¹.

Вот таким нездоровым и даже гибельным был остров, где здоровьем регулярно жертвовали ради богатства. В результате первым выборным учреждением в Гонконге (в 1888 г.) стала Санитарная комиссия. На протяжении почти столетия не имелось практически никакого дальнейшего продвижения в сторону демократии. По крайней мере, как остроумно замечает историк Джон Дарвин, «Гонконг признавал принцип: никаких коммунальных служб без представительства в них»⁷².

Как показало Боксерское (Ихэтуаньское) восстание («кулак во имя справедливости и согласия»), китайцы с процентами отплатили британцам за ксенофобию. Они никогда не преодолели отвращения к «иностранным дьяволам», с негодованием относились к западному вмешательству в восточные обычаи. Аборигены не

верили европейской медицине, подозревая, что британские врачи использовали глаза китайских младенцев для лечения жертв чумы. Они предпочитали травы и другие лекарства, включая змеиный яд, кожу дикобраза, сушеную ящерицу и майских жуков. Китайцы боролись с колониальной дисциплиной — каждый год примерно 10 процентов населения Гонконга оказывалось перед английским магистратом. На улицах Виктории китайские мужчины часто толкали белых, ругались на них, проклинали и плевались. Ненависть к чужестранцам усилилась после Первой Мировой войны. Рабочие Гонконга бастовали из-за низких зарплат, на которые можно было разве что не умереть с голода, против растущей инфляции и ужасающих условий жизни. В «Гонконгском клубе» стали подавать только «второй завтрак, как в кафетерии»⁷³. Проблемы с рабочей силой привели к насилию, которое ухудшилось в 1925 г., когда протесты перекинулись на Шанхай и Кантон (Гуанчжоу), где полиция и войска под командованием британцев застрелили дюжины демонстрантов.

В Гонконге враждебность к империалистам достигла небывалого уровня. Люди пребывали в крайнем возбуждении. Всеобщая забастовка парализовала остров, и 250 000 забастовщиков скрылись в Кантоне, где сочувствующие предоставили им еду и убежище. Кантон также объявил бойкот торговле Гонконга, что привело к большому урону. Вместо силового ответа, которого хотел губернатор сэра Сесил Клементи, Британия «предпочитала терпеть почти непригодные условия»⁷⁴. Какое-то время казалось, что безжалостный и упрямый лидер националистической Революционной партии (Гоминьдана) генерал Чан Кайши может аннулировать неравные договоры и уничтожить все поселения иностранцев. Вместо этого, отождествляя большевизм с «красным империализмом»⁷⁵, он повернулся против своих коммунистических союзников. В 1926 г. генерал начал гражданскую войну, в дальнейшем осложненную японской агрессией. Она продлилась до победы Мао Цзэдуна в 1949 г.

Чан Кайши быстро снял бойкот, а британцы восстановили порядок в Гонконге. В дальнейшем он стал важным пунктом на «линии связи красного подполья»⁷⁶. Взяв власть, коммунисты продолжали смотреть на Гонконг, как на центр подрывной деятельности. Он стал ключевым проводником для оружия и других товаров, необходимых для Гоминьдана. В 1930 г. Чан Кайши добился принципиального соглашения об уничтожении анахроничных портов, открытых по договору для внешней торговли. Но Гонконг не стал кивался ни с какой угрозой до восхода кроваво-красного солнца с шестнадцатью огненными лучами — символа имперской Японии.

Несмотря на Великую депрессию, Гонконг значительно развивался для обеспечения сотрудничества с его китайским населе-

нием, которое к 1937 г. составляло почти миллион человек. Они пассивно согласились на колониальное правительство, которое было отстраненным, покровительственным, признавая правление закона. Оно уже давно отказалось от самых ужасающих форм дискриминации. Обязательной паспортизации, например, не стало уже в 1897 г. В 1922 г. ввели первое трудовое законодательство в колонии, запретив работу на производстве детям младше десяти лет. В дальнейшем реформаторы предпринимали новые попытки улучшения социальных условий, некоторые из них — неумелые, глупые и абсурдные. Они были шокированы тем, что правительство терпит систему, которая «делает порабощение девушек более суровым»⁷⁷, признав бордели вне закона в 1932 г. Но это увеличило количество венерических заболеваний, особенно — среди британских солдат. Им негде было искать утешения, кроме как у проституток, которые «были отвергнутыми своим обществом, как и мы» (так написал один солдат). И никакой закон не смог уничтожить древнейшую профессию, представительницы которой продолжали активно трудиться в Гонконге.

Узкоглазых китайянок
Вижу я повсюду здесь,
Всюду слышится их возглас:
«Эй, солдатик, деньги есть?»⁷⁸

Однако даже в один из своих периодических приступов нравственности Британская империя казалась предпочтительнее, чем упадочнический и деспотический маньчжурский режим. На отца Китайской Республики Сунь Ятсена произвело большое впечатление хорошее правление. Он говорил, что его «идеи революции полностью пришли из Гонконга»⁷⁹.

Британцы были менее жестокими и авторитарными, чем Чан Кайши. Его квазифашистское движение «Новая жизнь» запрещало плевать, курить, пить, попусту тратить время, пользоваться помадой и запускать фейерверки. Чан Кайши заявлял, что он положил конец торговле опиумом. На самом-то деле он попытался монополизировать этот жизненно важный источник фондов Гоминьдана, завуалировав свои действия терминологией, похожей на новояз Оруэлла. Так что «Бюро по подавлению опиумной торговли» руководило наркобизнесом, а «клиники по излечению от зависимости» продавали наркотики под этикеткой «лекарства против опиума».

В Гонконге британцы были менее циничны и более лицемерны. С конца викторианской эпохи в самой Великобритании росла борьба против роли Гонконга в качестве транзитного порта,

через который идет торговля опиумом. Один депутат Парламента сказал: «На каждую душу, которую наши миссионеры отправляю в Рай из Китая, британское правительство отправляет десятерых в Ад из-за этого трафика»⁸⁰.

Такие чувства эхом повторялись за границей. Америка особенно сильно давила на Великобританию. Поэтому в 1913 г. Индия официально прекратила продавать опиум в Китай, а Гонконг официально внес ограничения по его использованию.

Но губернаторы хотели отложить запрет. Это происходило из-за того, что «финансы правительства Гонконга стали зависеть от опиума, как любой наркоман, подсевший на этот наркотик»⁸¹. В 1918 г. половина доходов колонии поступала от мака. Поэтому между двумя мировыми войнами сменяющие друг друга губернаторы, поощряемые Министерством по делам колоний, проводили сложные (а иногда — тайные) операции для защиты товара, который был смыслом существования Гонконга. Однако они пытались соответствовать благородным заверениям о социальном обеспечении. Поэтому чиновники находили другие источники дохода, и к началу Второй Мировой войны опиум давал только 5 процентов дохода. К ее окончанию наркоторговля наконец-то была признана незаконной.

Перед началом Второй Мировой войны, когда Китай разрывали гражданская война и вторжение чужеземцев (силы императора Хирохито наступали быстрее, чем силы Чингисхана), жизнь под «Юнион Джеком» казалась очень сладкой. Конечно, она была гораздо приятнее для европейцев, контраст между существованием белых и желтых в Гонконге был разительным. Стелла Бенсон язвительно высказывалась об ограниченности, мешанстве и заикленности на играх у ее соотечественников: «В Гонконге не имеет значения, кто вы на самом деле, но важно то, во что вы играете».

Но она и сама предавалась бесконечным развлечениям. Устраивались вечеринки на пляже, пикники на лодках и встречи дам для игры в бридж во второй половине дня. В яхт-клубе проходили показательные выступления фехтовальщиков, в клубе на горе — танцы, а в гольф-клубе Фанлинга устраивали чаепития. Сам этот клуб был «запятнан правилами и окружен запретами». В жокей-клубе устраивались коктейли, ранние вечеринки проводились в гостинице «Рипалс Бей», а ужины — в «Пенансьюла». Устраивались выходы в кино, куда европейцы надевали вечерние костюмы и сидели на бельэтаже (китайцы располагались в партере). В Доме правительства проводились восхитительные приемы. «Сам губернатор выглядит, как истинный джентльмен»⁸².

Немногих выдающихся или известных китайцев приглашали на отдельные мероприятия. Однако даже при встречах со своими

колониальными хозяевами они с ними не смешивались, держась отдельно. Но, несмотря на социальную напряженность и расовые предрассудки, а также неравное распределение богатства и привилегий, восточное отношение к британцам ни в коем случае нельзя назвать полностью воинственным и односторонним⁸³. Некоторые китайцы восхищались западными достижениями, имитировали британскую моду, даже перенимали западные вкусы в сексе, предпочитая женщин с широкими бедрами и большой грудью. Кроме всего прочего, китайцы выиграли от системы свободного предпринимательства во все более протекционистском мире. Гонконг являлся ярким примером. Благодаря навыкам, мастерству и упорству его жители развили многие виды промышленности. Крупнейшей стала текстильная отрасль, которая вместе с торговлей и финансовыми услугами сделала Гонконг «чудом драконовских методов в восточноазиатской экономике»⁸⁴.

Конечно, до этого колония непреднамеренно стала частью более крупной восточноазиатской сферы интересов Японии. Гонконг был едва ли лучше подготовлен к войне, чем Фиджи, которые получили два 4,7-дюймовых орудия из Новой Зеландии в сентябре 1939 г., после чего выяснилось, что они бутафорские. Черчилль давно предполагал: если Япония объявит войну, то о всех интересах Великобритании в Желтом море придется временно забыть⁸⁵. В отличие от Сингапура, Гонконг нельзя удержать, сказал он, добавив в январе 1941 г. Поэтому гарнизон колонии следовало уменьшить до символического количества⁸⁶. На самом деле его усилили двумя плохо подготовленными батальонами канадской пехоты, солдаты которых говорили в основном на французском языке. К ним добавился контингент пожилых волонтеров, которых называли по имени основателя — «хьюсельеры»⁸⁷. Но все равно людей не хватало для защиты очень подходяще названной «линии пьющих джин». Она, словно змея, петляла на протяжении дюжины миль сквозь Новые Территории. Власти отказались вооружать китайцев, что вызвало «ужасающие недовольство»⁸⁸ среди местного населения. Начальник отдела информации даже заявил: главной причиной падения Гонконга стал провал в использовании «огромного резервуара человеческих ресурсов на территории за нашими собственными воротами». «В Гонконге находилось примерно 300 000 физически крепких мужчин. Если вычесть всех возможных представителей «пятой колонны», экспатриантов, бесхарактерных и мягкотелых типов, которые тихо переходят на побеждающую сторону, не могло оказаться меньше 75 000 китайцев, которые с радостью бы взяли оружие в руки и сражались бы — не за Британскую империю, а против ненавистных обезьян из Японии»⁸⁹.

Колониальное общество в Гонконге опустилось до состояния апатии и безразличия, которое поразило Сингапур. «Это не было глупым и бессмысленным самодовольством, — сказал один офицер, — а скорее целенаправленным нежеланием нарушения приятной рутины их жизни этими «низкозадыми желтыми ублюдками», которые захватывали Китай»⁹⁰.

Японцы, которые контролировали воздух и море, быстро прогнали своих противников с материка. 18 декабря 1941 г. их закаленные войска начали амфибийную атаку на остров Гонконг. Хотя их было значительно меньше, они быстро добились прорыва. В надежде, что этот «далекий аванпост»⁹¹ может продержаться много недель или даже месяцев, Черчилль прислал телеграмму: «Мы ожидаем, что вы будете сопротивляться до конца. Честь империи в ваших руках»⁹².

Японцы справились со всем сопротивлением безжалостной силой. Они расстреливали пленных, убивали штыками пациентов госпиталей, насиловали медсестер и совершали другие зверства в отношении гражданского населения. В Рождество сэр Марк Янг капитулировал. Этого до него не делал ни один британский колониальный губернатор. Тем временем его адъютант капитан Бати-Смит перемещался среди людей, собравшихся в Доме правительства. Он требовал не сбрасывать пепел на губернаторский ковер.

Потеря Гонконга за семнадцать дней стала первым крупным ударом по престижу белых империалистов в Азии. Он усилился от унижения взятых в плен европейцев, которых плохо кормили, заставляли работать и подвергали ужасающей жестокости. Доктор, который лечил выживших, говорил, что у него разрывалось сердце, когда он узнал: «Пожилой истощенный джентльмен перед вашими глазами — это на самом деле парень двадцати с небольшим лет»⁹³. Некоторые превратились в скелеты и стали неузнаваемыми. Это вызвало невероятную ярость у одного британского полицейского начальника: «Какие же несносные свиньи эти желтые собаки!»⁹⁴ Однако завоеватели еще более ужасающе отнеслись к китайцам, которых били по лицу, грабили, отправляли в ссылку, пытали, морили голодом и казнили в невероятном количестве. Японцы говорили, что китайцы могут есть траву, которой много растет на улицах. Некоторые дошли до каннибализма и покупали человеческое мясо на ночных рынках. Полная зла и коррупция «сфера интересов и процветания Японии» стала отличной рекламой Британской империи.

Однако по мере продолжения войны казалось, что империя может отказаться от прав на Гонконг. В 1943 г. Великобритания и США подписали соглашения с Китаем, отменяющие все экс-

территориальные концессии. По этим соглашениям передавались порты, открытые по договору для внешней торговли — например, Шанхай. (Это делалось после изгнания японцев).

Получив одобрение и поддержку президента Рузвельта, Чан Кайши ожидал и возвращения Гонконга. Министерство иностранных дел склонялось к примирению. Когда китайцы начали давить на Энтони Идена по поводу аренды Новых Территорий, он заявил, что Британии следует обсудить их передачу после войны⁹⁵. Но исполняющий обязанности главы Дальневосточного департамента сэр Морис Питерсон взял более жесткий курс. Он сказал: «Из-за позорных и унижительных условий, при которых нас изгнали из Гонконга, мы обязаны сами себе вернуться туда. И я лично не верю, что мы когда-либо восстановим уважение Востока к себе, пока этого не сделаем»⁹⁶.

Не нужно и говорить, что это мнение разделял Черчилль. Он едко критиковал «людей, которые просыпаются каждое утро, спрашивая себя, что еще из империи они могут отдать»⁹⁷. И в марте 1945 г. он столкнулся с послом Рузвельта в Китае, Патриком Хёрли, грубовато-добродушным американо-ирландцем, который разделял враждебность президента к британскому колониализму на Дальнем Востоке. «Черчилль яростно набросился на него из-за Гонконга и сказал, что никогда не отдаст ни дюйма территории под британским флагом»⁹⁸.

Президент Трумэн не был готов раздувать шум из-за этого прыща на спине Китая, тем более, что Бевин оказался столь же упрямым, как Черчилль. Таким же непреклонным был и старший британский чиновник в Гонконге Франклин Джимсон. Его выпустили из лагеря военнопленных после капитуляции Китая 14 августа 1945 г., и он взял власть в колонии от имени правительства его величества. Одной силой воли Джимсон заставил японцев себе подчиняться до прибытия Королевского ВМФ в конце того месяца. Адмирал сэр Сесил Харкорт принял капитуляцию японцев от имени Китая и Великобритании. Он был облачен властью для действия в чрезвычайной ситуации, начав наводить порядок среди хаоса. Харкорт прекратил убийства из мести, обеспечил помощь продуктами, восстановил работу коммунальных служб и вдохнул новую жизнь в экономику. Вместо полиции он нанял семьсот китайских гангстеров.

Положение Гонконга все еще оставалось ненадежным, когда сэр Марк Янг вернулся в роли губернатора в 1946 г. Поэтому в дополнение к проведению физической реконструкции он предложил политическую реформу. Янг выступал за некий вид диархии (двоевластия), что передаст контроль над местными делами избранному народным представителям. Он надеялся, что это вызовет

желание у жителей Гонконга оставаться под властью Британии и сопротивляться поглощению Китаем⁹⁹.

Во время бурного послевоенного периода предоставлялась реальная возможность ввести демократические элементы в конституцию. Но высокопоставленные чиновники из Министерства по делам колоний не смогли этим воспользоваться, что стало основополагающей ошибкой¹⁰⁰. Они обосновывали это тем, что Гонконг будет неизбежно снова поглощен Китаем после окончания срока аренды Новых Территорий. Так высказался преемник Янга сэр Александр Грантам (губернатор с 1947 по 1957 гг.) Губернатор провинции Гуандун от гоминьдановского правительства Т.В.Сун лично сказал Грантаму: «В свое время Китай попросит вернуть Гонконг назад, и мы будем ожидать его получения»¹⁰¹. Не было смысла сеять демократическое зерно, поскольку оно не породит независимости, как случилось в других колониях.

Конечно, Гонконг мог бы в некоторой степени воспользоваться самоуправлением на протяжении половины века. Это было бы хорошо само по себе и лучше, чем символ, который он получил в последнюю минуту. Но у британцев имелась еще одна причина для поддержания статус-кво. Любая перемена могла вызвать антагонизм китайских диктаторов, вначале — Чан Кайши, а после 1949 г. — Мао Цзэдуна. Да, избирателей в Соединенном Королевстве «совершенно не интересовал Гонконг, который они ни в грош не ставили»¹⁰². Но он определенно начал бы их волновать, если бы его захватил Китай. Поэтому Лондон, не желая проводить политику умиротворения, не мог себе позволить провоцировать Пекин. Пришлось послать мощное подкрепление, чтобы не дать победоносной освободительной армии коммунистов пересечь границу. К радости американцев, Грантам даже говорил о том, как сделать Гонконг «Берлином Востока». Но, как повторяли наблюдатели в Китае на протяжении следующих двадцати пяти лет, Мао мог взять город-государство при помощи одного телефонного звонка.

Под покровительством Грантама колония испытала политический и экономический застой. Губернатор оставался благожелательным деспотом, убежденным, что китайцы политически апатичны. Пока они имеют законность, порядок и низкие налоги, они рады оставить дело управления профессионалам¹⁰³.

Но у китайцев имелось лишь малое поле для деятельности, и их Ассоциация реформ, которая выступала за всеобщее избирательное право, находилась под наблюдением полиции¹⁰⁴. А губернатор гораздо больше был занят декоративными функциями. Он заявил в одном интервью, что сейчас в Гонконге «нет помпезности эры тайпанов»: «Когда мы были молоды, нам всегда приходилось пятиться, покидая старших по рангу»¹⁰⁵.

Но (и это всплывает в самодовольных мемуарах Грантама, опубликованных в 1965 г.), они с женой проводили бесконечное количество времени, занимаясь различными мелочами и деталями, связанными с их миниатюрным двором. «К счастью, у нас были очень хорошие слуги, которыми командовал Ах Яу, первоклассный парень, добрый и вызывавший восхищение. Но даже и при таком положении вещей требовался постоянный присмотр... Повара (их работало трое) должны были держать марку, за этим приходилось следить. А если не проследить за мальчиками, прислуживавшими за столом, они могли появиться в грязной форме во время обеда или ужина. Или же они стояли и мечтали, не замечая, что требуется долить воды или вина... Для поддержания высоких стандартов требовалось постоянно быть начеку».

Грантам тревожился из-за правильного рассаживания и обеспечения всего необходимо при приеме особ королевской крови. Губернатор пригласил кронпринца Ирака, который оказался агрессивным антисемитом, и посчитал себя обязанным сказать другому гостю — кинозвезде-еврею Майклу Тодду, — что на вечер он «должен стать шотландцем или кем угодно, только не евреем»¹⁰⁶.

Обращая такое внимание на приличия, Грантам сохранял общество Гонконга в замороженном состоянии. Новый гражданский служащий, Остин Коутс, которому было приказано приобрести белую форму с латунными пуговицами и украшенную золотой тесьмой, аксельбанты, пробковый шлем и меч, сделал вывод, что правительство Грантама все еще живет в викторианскую эру.

Но, когда Коутс приехал в 1949 г., его в равной мере удивили неистовая человеческая энергия в улье Гонконга, и консервативный колониальный панцирь черепахи. Беженцы от коммунистического режима заполняли это ограниченное пространство, присоединяясь к тем, кто бежал от гоминьдана. Они быстро увеличили население с двух до трех миллионов. Коутс писал: «Везде на скалистых склонах рядом с территорией города, днем и ночью появляются десятки тысяч ветхих маленьких хижин, построенных из упаковочной тары, мешков, цистерн из-под керосина, протертых резиновых шин — из всего, до чего удалось добраться. Все это связывалось кусками проволоки или даже рисовой соломой»¹⁰⁷.

В долинах Коулуна (Цзюлуна), где развивалось фермерство, росли, словно грибы, целые города из лачуг. Крестьяне, рабочие, нищие и раненые солдаты перебирались через границу, которую закрыли в мае 1950 г. Одновременно прибыли «Роллс-Ройсы» и «Кадиллаки», их рессоры стонали под весом эвакуируемого золота. После 1945 г. Гонконг фактически остался последним портом, открытым по договору для внешней торговли. И Шанхай, со всем

своим профессиональным мастерством, промышленной энергией и напористостью и предпринимательской жилкой, «физически перебрался сюда»¹⁰⁸.

Рабочая сила и капитал соединились, чтобы сделать экономику Гонконга поразительно прогрессивной в то время, когда его колониальный режим все больше устаревал. Контраст между новым динамизмом и старомодной консервативностью поражал некоторых путешественников. Он же нравился другим. Среди местного бума 1950-х гг. Айан Моррис отмечал: британцы обычно запугивали китайцев и издевались над ними. Они на самом деле так их оскорбляли, что их лексикон иногда состоял только из фраз «пошел к черту», «ублюдок», «сукин сын»¹⁰⁹.

Но Ян Флеминг, создатель Джеймса Бонда, радовался, что Гонконг оставался «последним оплотом феодальной роскоши в мире»¹¹⁰.

* * *

«Холодная война» очень помогла Гонконгу. Ничто не способствовало его процветанию в большей степени, чем торговое эмбарго, которое ООН наложила на Китай в результате его вмешательства в корейский конфликт в ноябре 1950 г. Правда, роль колонии, как транзитного порта, которая сильно возросла в первые месяцы войны, в дальнейшем уменьшилась из-за запретов. Но контрабанда всегда являлась источником жизненной силы Гонконга. Важные партии стратегических материалов контрабандным путем завозились в Китай, который получал практически половину своих доходов от торговли за рубежом, отправляя экспорт через свободный порт. Этот поток уменьшился до ручейка из-за полного запрета США торговли с Китаем. Санкции выполнили, чтобы остановить, как выразился журнал «Тайм», «красный прилив, который угрожает захлестнуть мир»¹¹¹.

Американская истерия, усиленная сенатором Джозефом Маккарти, проявилась в Гонконге в маниакальном расследовании экспорта в США (такого, как утки, креветки и лесоматериалы), который мог иметь коммунистическое происхождение. Однако такие ограничения обладали неоценимой пользой, стимулируя разнообразие. Промышленность заняла место торговли, став двигателем экономического прогресса в Гонконге. Текстиль оставался главным продуктом, производимом в этом регионе. Но теперь маленькие фабрики производили игрушки, пластиковые товары, базовое электронное оборудование и другие предметы. Рост был феноменальным — за пятнадцать лет Гонконг вместо производства десятой части своего экспорта стал производить три четверти.

Растущая прибыль зависела от продолжающейся стабильности. Гонконгу повезло, что все заинтересованные стороны понимали: его статусу в ближайшее время не следует меняться. Китай был занят тем, чтобы «дать расцвести сотне цветов» (1956), «большим скачком» вперед (1958) и началом «культурной революции» (1966). Он наконец-то понял, что выгодно подождать.

Точку зрения китайцев в Гонконге хорошо выразил один из них, входивших в Законодательный совет: «Гонконг — это спасательная шлюпка. Китай — это море. Те, кто забрался в спасательную шлюпку, естественно, не захотят ее раскачивать»¹¹². США, которые относились к Гонконгу, как к части собственной неофициальной империи, оценили его в качестве центра дипломатии, пропаганды, журналистики, шпионажа, отдыха, развлечений и беспощинной торговли. Для Британии Гонконг был политическим и стратегическим обязательством, не являясь финансовым активом. Но территория (как теперь назывался Гонконг, хотя слово «колония» оставалось на банкнотах до 1985 г.) оказалась ценной с точки зрения престижа. Великобритания приходила в упадок на Западе, и ценила высокое положение на Востоке. Вестминстер и Уайт-холл предпочитали сохранить Гонконг, а не потерять лицо.

Несмотря на конституционную инертность, территория стала демонстрационным залом, которым могли гордиться колониальные хозяева. Конечно, смущало то, что китайцев не допускали к высшим должностям на гражданской службе, а также в правительство. Они играли малую роль (или вообще никакой роли) в управлении огромными иностранными предприятиями — например, «Джардин, Матесон». Было неприятно слышать обвинения, что Гонконг является мировым предприятием, на котором существует потогонная система. Однако его авторитарному режиму все же удалось вырастить эмбрион «государства всеобщего благосостояния» на викторианской системе неограниченного свободного предпринимательства. В начале 1950-х гг., после того, как пожары в лагерях скваттеров оставили бездомными десятки тысяч человек, Грантам начал амбициозную строительную программу. Первые жилища напоминали «бараки»¹¹³. Они были без удобств, кроме коммунальных кухонь и туалетов. Некоторые жильцы предпочли вернуться в свои картонные дома. Но стандарты постепенно повышались. Через сорок лет три миллиона людей жили в домах. Преемник Гранта сэр Роберт Блэк превозносил и расхваливал «великолепное партнерство» между британскими администраторами и местными жителями: «Это был творческий опыт в том, что касалось меня, и без сомнения вдохновение для народа Гонконга»¹¹⁴.

Последующие губернаторы могли себе позволить большие инвестиции в здравоохранение, образование, транспорт и другие

услуги. Даже появились законы об улучшении условий работы на фабриках. На самом-то деле государство не колебалось перед тем, как вмешаться. Оно произвольно задерживало или депортировало «нарушителей спокойствия». Оно запрещало фильмы и устраивало судебное преследование газет, которые считало подстрекательскими, подавляло беспорядки, которые переливались через границу с Китаем. Администрация даже пыталась справиться с коррупцией в полиции, хотя это явление оказалось настолько повальным, что губернатор, который этим занялся, сэр Мюррей Маклехоуз, объявил амнистию. Он подтвердил подозрения китайцев, что английские чиновники станут «бить мух, но не ловить тигров»¹¹⁵.

После нового сближения с Китаем, которое последовало за историческим визитом президента Ричарда Никсона в 1972 г. и признания Америкой Китайской Народной Республики, британцы даже сотрудничали с Пекином, чтобы остановить поток незаконных иммигрантов в Гонконг. Однако «змеиные головы» (контрабандисты, переправляющие людей) продолжали активно действовать. Ранее коммунисты изображали белых империалистов в виде свиней, а китайских коллаборационистов — как «желтых беговых собак»¹¹⁶. Теперь, когда британский министр иностранных дел сэр Алек Дуглас-Хоум последовал примеру Никсона, военный оркестр в Большом народном дворце играл гимн гребцов Итона.

Хорошие отношения частично возникали из-за признания Пекином (особенно — после смерти Мао в 1976 г.), того, какую пользу получает Китай от имеющей огромную важность машины, делающей деньги у него на пороге. В том, что касалось колониальной экономики, британцы фактически позволили свободу для всех. Регулирование бросалось в глаза своим отсутствием. Налогообложение и государственные расходы сводились к минимуму. Зарплаты сами выходили на определенный уровень, а прибыли росли. За два десятилетия после 1960 г. валовой национальный продукт Гонконга увеличивался почти на 10 процентов в год в реальных величинах.

К 1980-м гг. Гонконг стал крупнейшим торговым партнером Китая и обеспечивал 70 процентов его иностранных инвестиций. Он экспортировал больше Китая и в четыре раза больше Индии. Но территория переместила много фабрик в провинцию Гуандун, где имелась дешевая рабочая сила. Так трансформировалась местная экономика. Развивался финансовый сектор и сектор услуг, они могли соперничать с западными.

Восточные магнаты множились, угрожая власти западных «тайпанов». Например, судоходный магнат сэр Я.К.Пао, который начинал в качестве торговца утиными перьями, фасолью и веревками из растительного сырья, захватил столь важные институты коло-

нии, как «Пик Трам» — железную дорогу, по которой трамвайчик ходил на гору, универмаг «Лейн Кройфорд» («Харродс Востока») и паромную службу «Стар-Феррис». Ее тупоносые зелено-белые суда соединяли остров с материковой частью. Новое богатство Гонконга отражалось в его архитектуре и растущем количестве домов, которые мерцали в «неоновых вспышках»¹¹⁷. С безудержной скоростью башни из стекла и бетона поднимались к небу, а потом их превосходили еще более мощные конструкции. Даже «Гонконгский клуб» изменил место дислокации, пожертвовав дворцом моголов ради высотного монолита. То, что размер имел значение, иллюстрировалось стальным угловатым небоскребом Банка Китая. Его специально проектировали не только для того, чтобы направлять волны плохого фэн-шуй в направлении Дома правительства, но и затенить Банк Гонконга и Шанхая. Британские львы перед «Хонкерс и Шаггерс» уступали место другим — белые каменные львы, которые стояли по бокам входа в Банк Китая, копировали львов из «Запретного города». Они выглядели грозно и устрашающе.

Никто не мог ошибиться в символизме. Китай был на подъеме. Он мог выиграть у империалистов в их собственной игре. Гонконг, если им правильно управлять, сумел бы точно также, если не лучше, послужить китайским экономическим целям под контролем Пекина. Политически восстановление суверенитета становилось необходимым для самоуважения родины. Исходя из аналогий, официальные лица Уайт-холла давно это признали. Даже если бы китайские завоеватели превратили остров Уайт в покрытый пагодами «рай на земле», Британия все равно хотела бы его назад, говорили они¹¹⁸.

Для самого Китая возвращение Гонконга являлось «священной миссией»¹¹⁹. Ничто иное не могло смыть невыносимую боль и позор, от которых страна страдала в руках империалистов-варваров. Ничто не могло облегчить положение, которое прокитайские демонстранты в Гонконге называли «агонией наших предков»¹²⁰. Один опытный журналист даже отметил «слабо скрываемое желание со стороны китайских лидеров унижить Британию каким-то образом, чтобы очистить страницу истории девятнадцатого века»¹²¹.

Наверняка было бы идеально справедливым для возрождающегося Китая навязать Великобритании, из последних сил хватающейся за колониальную власть, неравный договор.

Едва ли Маргарет Тэтчер имела в виду это, когда посетила Пекин в сентябре 1982 г., чтобы решить будущее Гонконга. Она находилась на подъеме после вдохновенной победы над аргентинцами, посему не собиралась позволять китайцам что-то ей диктовать.

Более того, Тэтчер для обозначения китайцев использовала слово «чайнамен» вместо «чайниз», хотя ее и убедили отказаться от использования этого термина.

На самом деле она четко видела схожесть между Фолклендскими островами и Гонконгом. Оба владения — далекие колонии, которым угрожали соседние тоталитарные государства. Претензии Великобритании на обе территории были обоснованы. Однако Министерство иностранных дел детально обсуждало вопросы упреждающей капитуляции.

Премьер-министр жестко выступала против пораженческих настроений в отношении Гонконга. Против дипломатов, которые высказывались за политику умиротворения (вроде сэра Перси Крэдока, посла Великобритании в Пекине), она вела «некий вид партизанской войны». Тэтчер даже склонялась к тому, чтобы удержать Гонконг силой, до тех пор, пока ее не убедили, что Китай — это не Аргентина, а остров не защитить войсками¹²². Без Новых Территорий, которые составляли 92 процента колонии, Гонконг был невыгоден и несостоятелен. Поэтому Железная Леди сделала предложение китайским лидерам — Парламент откажется от суверенитета над Гонконгом в ответ на продолжающееся британское управление. И это сохранит процветание.

«Достопочтенная Маргарет Тэтчер», как ее называл переводчик, испытывала отвращение при виде Дэна Сяопина и его очевидной жестокости. Он был глухим, маленьким, приземистым, смотрел на собеседницу стеклянными глазами, словно китайский болванчик. Дэн курил, кашлял и все время пользовался белой эмалированной плевательницей. Но премьер твердо стояла на своем и даже настаивала на действительности викторианских договоров.

Дэн пришел в такую ярость, что сказанное им оказалось нельзя перевести. (Наиболее печатным высказыванием было то, что он не может разговаривать с этой «вонючей женщиной»). Премьер-министр была простужена, не смогла договориться с Дэном, повернула ногу, выходя из Большого Народного Дворца, упала на четвереньки... Злобные китайские журналисты заявили, что она наконец-то решила отвесить земной поклон.

Они ошиблись. Хотя миссис Тэтчер настаивала на тайных соглашениях, к которым приходят тайным же образом, сама Железная Леди перешла к мегафонной дипломатии. На пресс-конференции в Гонконге она повторила, что верит в святость «неравных договоров», четко указав: страна, которая отказывается выполнять одно соглашение, вполне может отказаться выполнять другое.

Пекин отреагировал яростно, снимая оболочку с агрессивности британского империализма. Из-за страха перед столкновением индекс Хан-Сен на Фондовой бирже Гонконга опустился на

25 процентов в течение недели. Цены на недвижимость пошли вниз, гонконгский доллар начал обесцениваться, и его падение остановилось только в 1983 г., когда местную валюту искусственно поддерживали американским долларом. Корреспондент «Таймс» Дэвид Бонавиа объявил: «Редко в колониальной истории Британской империи столь сильный урон наносился интересам такого количества людей, за столь короткое время и одним человеком»¹²³. Но все, что на самом деле выполнила Маргарет Тэтчер, касалось только переговоров о неизбежной передаче Гонконга. Она сделала их более трудными и растянутыми. Премьер продолжала работать над этим вопросом, предлагая создание демократических структур в Гонконге и проведение референдума под надзором ООН о предоставлении независимости колонии.

Однако вскоре, как заметил сэр Джеффри Хау, логика победила эмоции. Несмотря на дальнейшие колебания и увивания, она теперь «согласилась, что нужно заключать какую-то сделку, потому что китайцы в любом случае получают все что хотят в 1997 г.»¹²⁴

Сэр Перси Крэддок, мастер политического анализа, был отряжен для заключения соглашения. Ему не удалось продвинуться вперед. На самом деле он сравнил переговоры с твердыми и не сдающимися китайцами с прохождением по грязи на Западном фронте. Но это едва ли была уместная и подходящая аналогия. Больше подходил показ нового фильма в Пекине под названием «Сожжение летнего дворца», в котором меньший упор был сделан на варварстве европейцев, чем на унижении китайцев. В конце концов, посол, который нашел опыт в Китае схожим с опытом лорда Маккартни в XVIII веке, должен был уступить по ключевым вопросам продолжающегося британского суверенитета и администрации.

Крэддок был очень опытным и умелым дипломатом и изящно¹²⁵ завуалировал каждое отступление. Он сохранил лицо, но не мог спасти дело. Как выразился один гонконгский политик, британские участники переговоров могли только «менять местами карты в китайской руке, поскольку их все держали китайцы»¹²⁶. Тем не менее, соглашение, которое Хау заключил в 1984 г., оказалось поразительно благоприятным. Попав в брюхо коммунистического дракона, Гонконг не переварят. По крайней мере, на протяжении пятидесяти лет после 1997 года он сохранит капиталистическое лицо. За исключением вопросов обороны и международной политики, территория будет пользоваться высокой степенью автономии. Там создадут избираемую законодательную власть, перед которой будет отвечать исполнительная. (Правда, наблюдалась двойственность мнений относительно того, как станет работать эта машина). Гонконг сохранит свой образ жизни, свою образовательную систему, свои законы, валюту и ставку налогообложения.

Не будет никакого вмешательства в свободу слова и собраний. Не будет цензуры прессы. Новый особый административный район даже получит свой флаг.

Если вкратце, то Гонконг должен был воплотить давнишнюю формулу Дэн Сяопина: «Одна страна, две системы». Эта концепция, как сказала ему Маргарет Тэтчер, вернувшись в Пекин в декабре 1984 г. для подписания совместной декларации, гениальна¹²⁷.

Народ Гонконга, в интересах которого (по ее словам) выступала миссис Тэтчер, не был проинформирован о достигнутой китайско-британской договоренности. С ним вообще никто не советовался. Опросы общественного мнения показали, что местные жители предпочли бы сохранить статус-кво. Но поняв, что передачи не избежать, люди радостно приветствовали условия. Казалось, можно быть уверенными в стабильности и процветании.

Не наблюдалось сильного негодования даже из-за непревзойденного творения парламентской глупости — паспорта жителя британских зависимых территорий. Он идентифицировал граждан Гонконга, как британских граждан за рубежом, не давая им права жить в Соединенном Королевстве или в Гонконге. Это оптимистическое настроение сохранялось в 1986 г., когда королева Елизавета стала первым британским монархом, который нанес государственный визит в материковый Китай. Герцог Эдинбургский во время тура выступал с неуместными замечаниями, характерными для него. Он не только хмыкал из-за загрязнения окружающей среды, вызываемого китайскими фабриками, но и отметил, встречаясь с английским студентом, приехавшим надолго в КНР: «Боже, если вы останетесь здесь дольше, то у вас глаза станут узкими»¹²⁸.

Но когда Хау официально извинился, китайцы не стали раздувать оскорбление. Это предшествовало более обдуманному королевскому вкладу в китайско-британские отношения. Таково было несчастливое прощальное слово Гонконгу принца Чарльза. Вначале его слова распространились среди друзей, а затем неизбежно просочились в прессу. Чарльз говорил о китайских лидерах, как об «ужасающих старых восковых фигурах»¹²⁹.

Однако в конце 1980-х гг. уже наблюдалось скрытое напряжение между Лондоном и Пекином. Дэн Сяопин рассматривал претензии Маргарет Тэтчер по скармливанью нравственной ответственности народу Гонконга, как одновременно дерзкие и неискренние. По его мнению, империалисты всегда были нацелены на эксплуатацию. Дэн опасался, что к 1997 г. они опустошат Гонконг. «Следите за этими британцами, чтобы они не сбежали с капиталом», — говорил он¹³⁰.

Великобритания, в свою очередь, не доверяла Китаю, который представлял в неразрешимой форме самую острую проблему деколонизации: как предотвратить превращение империалистской гегемонии в националистическую автократию. До того, как покинуть другие колонии, британцы пытались заложить основы демократии. В Гонконге они едва ли это начали. И едва ли это могло быть продолжено без препятствий и помех со стороны «Красной империи».

Первые выборы в Законодательный совет состоялись только в 1985 г. Голосовать могли всего семьдесят тысяч граждан (из населения почти в шесть миллионов). Когда либералы на этой территории проводили кампанию в пользу более широкого, быстрого и прямого права на голосование, они вызвали противостояние нервных капиталистов в Гонконге, а также твердокаменных коммунистов в Пекине. Дэн Сяопин прямо заявил: «Мы не можем принять людей, которые хотят использовать демократию для превращения Гонконга в антикоммунистическую базу»¹³¹.

Британцы хотели двигаться к конвергенции систем «на поезде-экспрессе, следующем без остановок». Поэтому они капитулировали и стали скрываться, лицемерить и притворяться. Правительство тайно согласилось отложить дальнейшие конституционные перемены и провело ложный опрос общественного мнения для подтверждения, что этого же хотят китайцы из Гонконга. На самом-то деле, они хотели противоположного. Миллион местных жителей доказал это, когда демонстранты вышли на улицы весной 1989 г., протестуя против убийства сотен сторонников демократии в Пекине на площади Тяньаньмэнь.

Никто не пришел в больший ужас от этого зверства, чем Маргарет Тэтчер. По словам ее друга Вудро Вьятта, «она была очень расстроена из-за того, что мы можем передать Гонконг этим ужасным людям, которые совершают подобное со своими подданными»¹³². Ее ответом было разрешение пятидесяти тысячам главных администраторов и бизнесменов колонии поселиться в Соединенном Королевстве. «Тори» правого крыла выступили против этой меры. Но новый министр иностранных дел Дуглас Хёрд убедительно заявил: «Последняя важная глава в истории империи не должна заканчиваться жалким образом»¹³³.

Конечно, имелись границы и у британской щедрости. И премьер-министр признала: единственный способ защитить народ Гонконга — это сотрудничество с Китаем. Посему Великобритания не отреклась от совместной декларации. В действительности Хёрд обменялся конфиденциальными письмами с китайцами и позволил им кодифицировать уступки в Основном законе, обнародованном в 1990 г. В частности, он согласился, что Гонконгу

следует получать только постепенное приращение демократии. В 1991 г. будет восемнадцать прямо избираемых депутатов Законодательного совета, в 1997 г. — двадцать, а в 2003 г. — тридцать (половина от общего количества).

Но произошло ужасающее упущение, последнему губернатору не сообщили об этом соглашении.

Губернатора назначил новый премьер-министр, его друг Джон Мейджор. Крис Паттен был успешным бывшим министром и председателем Консервативной партии. Он потерял свое место во время всеобщих выборов 1992 г., для победы на которых многое сделал. Паттен — динамичный политик, обладающий напористостью, шармом, чувством юмора и щедростью. Он чувствовал необходимость прикрыть жителей Гонконга от так называемых «мясников из Пекина». Он намеревался успокаивать страхи колонии и отвечать надеждам, быстрее расширяя право на голосование и сильнее укрепляя права человека.

Его поддерживали Мейджор и Хёрд (который изменил курс из уважения к премьер-министру). Посему Паттен объявил о своих планах без консультации с китайскими лидерами. Но он сам правильно предсказал их реакцию: «Я думаю, некоторые из них подозревают, что мы в Гонконге, придя к демократии довольно поздно, пытаемся построить какую-то демократическую часовую бомбу, чтобы взорвать их систему, разбив ее вдребезги».

Китайцы ответили в стиле Мао, объявив Паттена «змеей», «наемным убийцей», «клоуном», «грязным обманщиком», «танцором танго», «напыщенной проституткой» и «нарушителем в тройном размере»¹³⁴.

Британские критики, особенно, те из них, что давно занимались Китаем, выступали столь же оскорбительно. Сэр Перси Крэддок осудил опасную и безрассудную политику¹³⁵, сказав: Паттен преследует честолюбивые замыслы, «занимает «героическую позу»¹³⁶ и успокаивает свою совесть за счет жителей Гонконга.

Несомненно, последний губернатор руководствовался более чистыми мотивами, пытаясь оставить свой след. Он был горячим сторонником системы Вестминстера и пытался компенсировать прошлый конституционный провал Британии и удовлетворить стремления людей, которых ждет поглощение тиранией с красными зубами и когтями. Но Паттен, который не имел опыта в Китае, неправильно оценил ситуацию. Он не понимал, насколько крах коммунизма в Европе усилил паранойю в Пекине, не оценил горечь китайцев из-за того, что представлялось последним примером империалистического сутяжничества.

Заместитель премьер-министра Майкл Хеселтин, который увеличил торговлю в Китае, не был единственным среди коллег Пат-

тена, признавших это. «Как можно ожидать от китайцев признания такого одностороннего подхода настолько близко к 1997 г.? Мы управляли Гонконгом достаточно долго, чтобы ввести демократическую конституцию, если бы считали ее необходимой или желательной. Возможно, нас дискредитировало то, что мы этого не сделали. Но покаяние на смертном одре, независимо от того, насколько оно искренне, казалось очень отличным при взгляде из Пекина... Причина этого изменения отношения в последнюю минуту может заключаться только в том, что мы хотели создать ограничения для правительства на материке, от которых мы сами не пострадали»¹³⁷.

Подозрения китайцев были понятны, поскольку британское лицемерие, связанное с Гонконгом, восходило к опиумным войнам. Теперь казалось, что Паттен устраивает парад либерализма, чтобы поставить в неловкое положение или даже подорвать и свергнуть коммунизм. Так он мог смягчить вину своей страны за грехи колонизации и придумать, как можно ухитриться осуществить почетный уход.

У китайцев имелись реальные основания для сомнений в искренности Паттена. Хотя он старательно избегал церемониальной формы и палок в колеса¹³⁸, чем отличался от предыдущих губернаторов, этот чиновник показал себя не меньшим мастером. Он безжалостно отменял решения своего Законодательного совета. Прилагая запоздалые усилия по снисканию расположения и умиротворения Пекина, губернатор не только запретил пребывание в Гонконге диссидентов-антикоммунистов, но и выступил против создания Комиссии по правам человека. Более того, его пропаганда была искусной, политика химерической.

Паттен создал блестящую иллюзию демократии, которую нельзя реализовать. После семнадцати бессмысленных раундов переговоров он ввел новые репрезентативные структуры в 1994 г. Всего через три года китайцы выполнили свое обещание по их роспуску. В это время губернатор достиг соглашения по таким важным вопросам, как строительство нового аэропорта. Но политическая стерильность его власти стала еще очевиднее по мере того, как секунды отсчитывались на электронном табло на площади Тяньаньмэнь, показывая, что суверенитет Китая — только вопрос времени.

Расчетливый и практичный Крэдок был прав, говоря, что единственный шанс Великобритании (и это на самом деле был только шанс) предохранить народ Гонконга — это сотрудничество с Китаем по вопросу введения в действие совместной декларации. Благородный и гордый Паттен выбрал конфронтацию. Но у китайцев не имелось оснований отступать. Британская империя, слабая

даже в период расцвета (хотя более чем достойная противостоять упадочнической маньчжурской), теперь умирала, отжив свой век. Она могла убеждать, но не могла заставить. Поэтому в 1997 г. Китай подчинил Гонконг политическому контролю Пекина, одновременно побуждая его стать особой экономической единицей.

Создавалось впечатление, что новый китайский лидер Цзян Цзэминь придумал новую формулу: одна система, две страны.

Итак, занавес опустился, а свет был погашен в большом театре Британской империи. Грандиозная заключительная сцена произошла 30 июня 1997 г. Церемония проводилась в новом Выставочном центре, прозванном «Летающий таракан»¹³⁹.

Как написала «Таймс», церемония была «взята без изменений из учебников по выходу из империи»¹⁴⁰. Другие смотрели на это, как на праздник сентиментальщины. Были хоры и оркестры, парады и маскарады, выступления ораторов и пиротехника. Зрелищность не развеяла опасения в Гонконге, особенно — среди демонстрантов, выступающих за демократию.

Однако даже крах империи обеспечивал возможности для маркетинга. Уличные торговцы продавали светлое пиво, названное «Красный рассвет», на футболках значилось «Великий китайский захват». Продавались баллончики с освежителем воздуха, именовавшиеся «Колониальный воздух» или «Остатки империи». Настроение британцев, уже печальное, еще сильнее ухудшилось из-за муссона. Лоялисты говорили, что это плачут небеса.

Паттен определенно плакал. Он кусал губу и утирал слезы носовым платком. Однако губернатор попытался добавить позитивную ноту в свое прощальное выступление. Он сказал, что Великобритания обеспечила лестницу, позволяющую жителям Гонконга подняться. Это правление законности — незапятнанное, умелое и тактичное правительство, привитые ценности свободного общества¹⁴¹.

Паттен напряженно пожал руку Цзян Цзэминю. Но было ясно, что китайцы, которые бойкотировали более ранний банкет, все еще считали губернатора «последним колониальным агрессором». Маргарет Тэтчер стояла напротив массы коммунистов и выглядела яростной и не прощающей¹⁴². Ее мужу наскучило разочаровывающее окончание драмы, он с трудом сдерживал зевки. Принц Уэльский в белом мундире, выступивший с утешительной речью от имени своей матери, на самом деле сожалел о смехотворной формалистике и пустой болтовне, а также об «ужасном показе китайских войск в советском стиле, шагающих гусиным шагом». Ему не понравилась и пропагандистская речь Цзян Цзэминя, которую громко приветствовали привезенные на автобусах верные сторонники партии¹⁴³.

Когда часы пробили полночь, «Юнион Джек» спустили, подняв флаг с желтыми звездами. Полиция Гонконга сорвала королевские знаки отличия с формы, сменив их на коммунистические значки. Группа сопровождения губернатора поднялась на борт «Британии», где оркестр Королевской морской пехоты играл «Правь, Британия!» и «Земля надежды и славы».

Королевская яхта, которая теперь выглядела старой и хрупкой, отправилась в свое последнее плавание. Для большинства британцев это был символ исчезнувшей эпохи¹⁴⁴. Но для принца Чарльза яхта считалась любимой эмблемой британского престижа. Ее кончина, которая добавлялась к потере «последнего драгоценного камня в британской короне»¹⁴⁵, а также распад имперской монархии наполняли его раздражением и грустью¹⁴⁶.

«Британия» исчезла во мгле через сто лет после празднования бриллиантового юбилея (шестидесяти лет на троне) королевы Виктории. На этом апогее империи, каким его считали многие, Киплинг предупреждал: власть и пальма первенства уходят от Британии в отдельных районах. Он же убеждал американцев возложить на себя «бремя белого человека». Размышляя над теперешней кончиной Британской империи (если не считать разбросанные в разных местах скалы и маленькие острова с населением менее 200 000 человек), и становлением США в качестве наследника Рима, «Нью-Йорк Таймс» процитировала знаменитые строчки Киплинга:

...Вся наша вчерашняя помпезность —
Там, где Вавилон и Ниневия!

Множились эпитафии и некрологи. Для некоторых комментаторов передача Гонконга с 37 миллиардами фунтов стерлингов в резервах и населением с более высоким доходом на душу населения, чем в Соединенном Королевстве, стала завершающей местью за британское колониальное правление. Другие считали: никакой другой конец не походил бы для империи лучше, чем лицемерная сдача шести миллионов человек на милость самой чудовишной деспотии на Земле.

Появившиеся сразу же суждения историков, как и более позднее, были разнообразны в расстановке акцентов. Некоторые окрасивались ностальгией по имперской славе, другие негодовали из-за имперских преступлений. Третьи отражали влияние империи на послевоенное британское общество. Например, мнения сталкивались из-за иммиграции в Содружество. Либералы вроде Ральфа Дарендорфа верили, что современная Британия, «как и древний Рим», обогащалась вливанием новой крови. Но многие

выступали против чужеродного притока, а кое-кто разделял видение Эноха Пауэлла о «кровавой пене на Тибре»¹⁴⁷.

Некоторые историки сразу же приписывали многое заслугам Британской империи: автотрассы, железные дороги, культуру, язык, свободу слова, хорошее управление, демократические институты, правление закона, спорт и идеал честной игры, веру в прогресс, либерализм и христианство, а также относительно бескровный конец империи, который можно считать «триумфом всего, что было лучшим в британской жизни»¹⁴⁸. По словам одного ученого, Британская империя была «силой добра, с которой никто не может сравниться в современном мире»¹⁴⁹. Западная Европа жила на наследие Рима, сказал он, а «наша империя оставляет после себя, по крайней мере, такое же богатое наследство всему миру».

Критики считали, что баланс империи сильно окрашен красным. С дебитной стороны стояли высокомерие, надменность, насилие, эксплуатация, шовинизм, расизм и авторитарность. В самом сердце находилось предательство цивилизованных ценностей, которые, по заявлениям британцев, они пытались поддерживать. Имперцы проповедовали свободу, но практиковали владычество, подчиняя чужие земли во имя все той же свободы. По словам одного не одобряющего Британскую империю журналиста, «большая часть мира, включая Гонконг, все же помнит нас, как вероломный и предательский Альбион, таково наследие империи, которая переживет нас всех»¹⁵⁰.

Несомненно, лицемерие являлось неотъемлемой частью Британской империи, которая произносила красивые слова, чтобы скрыть то, что она все же полагается на использование силы. Как сказал Гиббон, в то время, как «поток варваров может пройти по земле, обширную империю может поддерживать утонченная и отлаженная система политики и подавления». В любом случае, одно верно: британская система, существовавшая более двух столетий, исчезла.

Она была продуктом временных обстоятельств, которые возникли после потери американских колоний — превосходства Королевского ВМФ, превращения мира в свою рабочую мастерскую, относительной слабости конкурирующих государств. Когда эти обстоятельства изменились, империя оказалась обречена. В любом случае, в ней жила бактерия ее собственного разрушения в форме преданности Бёрка борьбе за свободу личности, мысли и деятельности.

Ее уход был благом для новых независимых стран, поскольку, если повторить важнейший аргумент Гиббона, нет ничего «более противоречащего природе и разуму, чем удержание в подчинении удаленных стир и иностранных народов против их склонностей и интересов»¹⁵¹.

Это было хорошо и для Британии, которой недоставало силы для выполнения своих заморских обязательств после 1945 г. Ей требовалось адаптироваться к своему заметно ослабевшему положению в мире. Но в Великобритании и в других местах на Земле эта империя — нечто большее, чем романтическое воспоминание. Она была воплощением реальных амбиций.

Страны жаждут территориального расширения. Страстное желание власти и богатства — атавистический инстинкт. Жажда завоеваний — часть человеческой природы. Дух империализма не умер, он преследует современный мир и его проявлений — легион.

Библиография

Рукописи

Биддесден (благотворительный траст-фонд Уолтера Гиннеса):
Papers of Walter Guinness.

Музей Британской империи и стран Содружества:
Breckenridge Papers, 2002/218;
De Heveningham Baekeland Papers, 2003/208;
Kendall Papers, 2001/299;
Diary of Godfrey Twiss, 1999/054.

Британская библиотека:
Balfour Papers, Add 49740;
Warren Hastings Papers, Add 29176 и 29181;
Sir Charles Napier's India Journal, Add 49140;
Sir Charles Napier's Letters, Add 49115.

Библиотека Кембриджского университета:
British and Foreign Bible Society Foreign Correspondence;
Stella Benson Papers, Add 6799–6801;
Crewe Papers;
Hardinge Papers;
Jardine, Matheson Papers (JMP);
Mayo Papers, Add 7490;
Richard Cornwallis Neville, «Diary of Military Life in Canada», Add 9556;
Parkes Papers;
Society for the Propagation of Christian Knowledge (SPCK) Papers;
Sir James Stephen's Journal, Add 7888;
Sir James Fitzjames Stephen Papers, Add 7349.

Библиотека Кембриджского университета, рукописи Королевского общества стран Содружества:
B.Azikiwe, «Military Revolution in Nigeria», 136/31;
Bombay Club Records, 78;
British Association of Malaya (BAM) Addenda, Mic. 8239;
Thomas Cashmore, «Kenya Days», 175;
Memoirs of Thomas and Florence Edgar, 318/1/3;
Gordon Letters, 113/11;

H.M.Hull, «The Aborigines of Tasmania 1873», 278/40;
A.Kirk-Greene, «Scrapbooks of News Cuttings of Royal Visit to Nigeria 1956», 133/1–3;
Jack Moore, «From Aden to... Quetta», 57;
George Nightingale Memoirs, 113/44;
Col. Luke Norman Diary, 25;
Arnold Paice Letters, 178;
Harold Smith, «A Squalid End to Empire», 113/23;
Thornhill Family Letters, 304;
G.E.Wheeler, «The Pathography of a Cuckoo», 52;
G.F.Young, «Letters to Colonists», 278/55.

Центр изучения Южной Азии, Кембридж:

Brendon Papers;
Campbell/Metcalf Papers;
Darling Papers;
Macpherson Papers;
Mill Papers;
Portal Papers;
Sampson Papers;
Shaw Stewart Papers;
Tayabji Papers.

Центральный архив Черчилля при Кембриджском университете:

Julian Amery Papers, AMEJ;
Leo Amery Papers, AMEL;
British Diplomatic Oral History Programme (BDOHP), Denis Doble,
Sir Brian Crowe;
Fenner Brockway Papers, February Churchill Papers, CHAR;
Esher Papers, ESHR;
Journal of Sir Godfrey-Faussett, BGGF;
Grigg Papers, PJGG;
Hickling Papers, HICK;
Jacob Papers, JACB, Treherne Journal;
Kilmuir Papers, KLMR;
Nott Papers, NOTT;
O'Connor Papers, OCON;
Enoch Powell Papers, POLL;
Duncan Sandys Papers, DSND;
Selwyn Lloyd Papers, SELO;
Stead Papers, STED;
Spears Papers, SPRS.

Библиотека Даремского университета:

Baring Papers, GRE;

MacMichael Papers, Sudan Archive.

Библиотека Эйзенхауэра, Абилин (Канзас):
Anne Whitman File (AWF), Eisenhower Diary Series;
Anne Whitman File (AWF), Dulles-Herter Series;
Bernard Shanley Diaries.

Эльведен (коллекция архива Суффолка):
Gwendolen Guinness Diary and Correspondence;
Rupert Guinness, «Boer War Diary».

Клуб «Хилл Клуб», Нувара-Элия:
Книга жалоб.

Имперский военный музей:
Diary of Brigadier-General G. Napier Jonston, 01/12/1;
Diary of Major Edison F. Lynn, 65/55/1;
Letters of Brigadier J.M. Prower, 01/51/1.

Институт изучения стран Содружества, Лондон:
Papers of Sir Ivor Jennings, JENN/125.

Библиотека Митчелла, государственная библиотека Нового
Южного Уэльса:
Letters of David Blackburn, CY Reel 1301.

Музей национальной армии:
Military Journal of Captain Frederick Aylmer, 2000—12—632;
Diary of Lieutenant Edward Leary, 1999—07—20.

Коллекция управления по делам Востока и Индии:
Journal of William Anderson, MSS Eur C703;
Cracklow Papers, MSS Eur C910;
Hutchinson Papers, Journal of Lt Christopher Codrington, MSS Eur
D634;
Indian Letters from the Western Front, L/MIL/5/825;
Macnabb Papers, MSS Eur F206;
Sir Henry Thoby Princep, «Three Generations in India», MSS Eur
C97;
Willian Princep, «Memoir» (1870), MSS Eur D1160;
Munshi Qasim, «Tippoo Sooltan's Court», MSS Eur C10;
Talbot Letters, MSS Eur C860;
John Taylor Papers, H/436;
Vellore Mutiny Correspondence, H/MISC/507.

Документы Пембертона:
F.W.Pemberton Papers, 7/5/1–109;
F.Pemberton Campbell Papers, 7/18/28.

Пембрук-Колледж, Кембридж:
Papers of Sir Ronald Storrs.

Личные документы:
«Account of Mrs Waller's Experiences in the Afghan War of 1842 and
as a Prisoner» (G.Wooley, n e Waller)

Государственный архив:
Ardagh Papers, 30/40/9;
Cornwallis Papers, 30/11;
Kitchener Papers, 30/57.

Родс-Хаус, Оксфорд:
Blundell Papers, MSS Afr. S.746;
Interview with Sir Robert Brown Black, MSS Ind Oc. S.348;
Papers of D.M. MacDougall, MSS Ind Oc. S.300;
Interview with Sir Alexander Grantham, MSS Brit Emp. S.288;
Diary of L.A. Searle, MSS Ind Oc. S.73;
Welensky Papers, части 6 и 7.

Школа изучения Востока и Африки, Лондон:
Papers of Sir Charles Arden-Clarke, MS 380596.

Национальный архив Шри-Ланки:
Governor's Secret Diary, 7/39-45;
S. C. Fernando/Woolf Papers, 25/7/1;
Stewart Mackenzie Collection, 25/5.

Сент-Энтони-колледж, Оксфорд:
Sir Henry Gurney Collection, GB 165–0128;
MacMichael Papers, GB 165–0196.

Опубликованные работы

Раздел примечаний представляет детальную библиографию. Там указывается литература, на которой основана эта книга, предлагаются другие источники для чтения и исследований. Ниже приводится краткий выборочный список наиболее полезных книг по теме. Если место публикации не указано, то это Лондон.

- Allen C., «Plain Tales from the Raj» (изд. 1976).
- Allen C., «Tales from the Dark Continent» (изд. 1986).
- Anderson D., «Histories of the Hanged» (2005).
- Anstey R., «The Atlantic Slave Trade and British Abolition, 1760–1810» (1975).
- Antonius G., «The Arab Awakening» (изд. 2000).
- Ashton S.R., Killingray D. (ред.), BDEEP, серия «А», т. VI, «The West Indies» (1999).
- Ashton S.R., Louis W.R. (ред.), BDEEP, серия «А», т. V, «East of Suez and the Commonwealth 1964–71», ч. I, «East of Suez» (2004).
- Ashton S.R., Stockwell S.E. (ред.) BDEEP, серия «А», т. I, Imperial Policy and Colonial Practice 1925–45», ч. II (1996).
- Austin D., «Malta and the End of Empire» (1971).
- Austin D., «Politics in Ghana 1946–60» (Oxford, 1970).
- Ba Maw, «Breakthrough in Burma» (1968).
- Balfour-Paul G., «The End of Empire in the Middle East» (Cambridge, 1991).
- Ballhatchet K., «Race, Sex and Class under the Raj» (1980).
- Barnes J., Nicholson D. (ред.), «The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries 1929–45» (1988).
- Barnett D.L., Njama K., «Mau Mau from Within» (1966).
- Bayly C.A., «Imperial Meridian: The British Empire and the World 1780–1830» (1989).
- Bayly C.A., «The Birth of the Modern World 1780–1914» (Oxford, 2004).
- Bayly C., Harper T., «Forgotten Armies: The Fall of British Asia 1941–45» (2005).
- Bayly C., Harper T., «Forgotten Wars: The End of Britain's Asian Empire» (2007).
- Belich J., «Making Peoples: A History of the New Zealanders from the Polynesian Settlement to the End of the Nineteenth Century» (1996).
- Belich J., «Paradise Reforged: A History of the New Zealanders from the 1880s to the Year 2000» (2001).
- Berman B., «Control & Crisis in Colonial Kenya» (1990).
- Bethell N., «The Palestine Triangle» (1979).
- Blake R., «A History of Rhodesia» (1977).
- Bodelsen C.A., «Studies in Mid-Victorian Imperialism» (1960).
- Bourne K., «The Foreign Policy of Victorian England» (Oxford, 1970).
- Bowle J., «The Imperial Achievement» (1974).
- Brogan H., «Longman History of the United States of America» (1985).
- Brown J.M., «Gandhi's Rise to Power» (Cambridge, 1972).
- Brown J.M., «Modern India: The Origins of an Asian Democracy» (Oxford, изд. 1994).

- Burn W.L., «Emancipation and Apprenticeship in the British West Indies» (1937).
- Cady J.F., «A History of Modern Burma» (Ithaca, NY, 1958).
- Cain P.J., Hopkins A.G., «British Imperialism» в 2 томах (1993).
- Cairns H.A.C., «Prelude to Imperialism» (1965).
- Calder A., «Revolutionary Empire: The Rise of the English-Speaking Empire from the Fifteenth Century to the 1780s» (1981).
- Callahan R., «The Worst Disaster: The Fall of Singapore» (Newark, NJ, 1977).
- Cannadine D., «Ornamentalism: How the British Saw Their Empire» (2001).
- Clark C.M.H., «A History of Australia» в 6 томах (1962–87).
- Clayton A., «The British Empire as a Superpower, 1919–39» (1989).
- Clifford N.R., «Spoilt Children of Empire» (Hanover, NH, 1991).
- Collingham E.M., «Imperial Bodies» (2001).
- Cottrell R., «The End of Hong Kong: The Secret Diplomacy of Imperial Retreat» (1993).
- Coupland R., «The American Revolution and the British Empire» (1930).
- Crocker W.R., «Nigeria: A Critique of British Administration» (1936).
- Crouzet F., «Le Conflit de Chypre» в 2 томах (Brussels, 1973).
- Crowder M., «The Story of Nigeria» (изд. 1973).
- Crowder M., «West Africa under Colonial Rule» (1968).
- Curtin P.D., «Disease and Empire» (Cambridge, 1988).
- Curtin P.D., «Africa Remembered» (1967).
- Daly M.W., «Empire on the Nile» (Cambridge, 1986).
- Daly M.W., «Imperial Sudan» (Cambridge, 1991).
- Darwin J., «The End of the British Empire: The Historical Debate» (Oxford, 1991).
- Davis M., «Late Victorian Holocausts» (2001).
- De Kiewiet C.W., «The Imperial Factor in South Africa» (изд. 1965).
- De Silva K.M. (ред.), BDEEP, серия «Е», т. II, «Sri Lanka», ч. I–II (1997).
- Driver F., Gilbert D., «Imperial Cities: Landscape, Display and Identity» (Manchester, 1999).
- Durrell L., «Bitter Lemons» (1957).
- Edwards C., «Roman Presences: Reception of Rome in European Cultures, 1789–1945» (Cambridge, 1999).
- Elkins C., «Britain's Gulag: the Brutal End of Empire in Kenya» (2005).
- Page J.D., Oliver R. (ред.), «The Cambridge History of Africa» в 8 томах (Cambridge, 1975–86).
- Farnie D.A., «East and West of Suez: The Suez Canal in History, 1854–1956» (Oxford, 1969).

- Fay P.W., «The Opium War 1840–42» (Chapel Hill, NC, 1975).
- Ferguson N., «Empire» (2003).
- Fieldhouse D.K., «Economics and Empire 1830–1914» (1973).
- Foley C. (ред.), «The Memoirs of General Grivas» (1964).
- Foster R.F., «Modern Ireland 1600–1972» (1988).
- Fraser C., «Ambivalent Anti-Colonialism: the United States and the Genesis of West Indian Independence, 1940–64» (Westport, CT, 1994).
- Freedman L., «The Official History of the Falklands Campaign» в 2 томах (2005).
- Furnivall J.S., «Colonial Policy and Practice» (New York, 1956).
- Furse R., «Aucuparius» (1962).
- Gallagher J., «The Decline, Revival and Fall of the British Empire» (Cambridge, 1982).
- Gibbon E., «The History of the Decline and Fall of the Roman Empire» в 3 томах под редакцией D. Womersley (Harmondsworth, изд. 1994).
- Gifford P., Louis W.R. (ред.), «The Transfer of Power in Africa: Decolonization 1940–60» (New Haven, CT, 1982).
- Gilmour D., «Curzon» (1994).
- Gilmour D., «The Ruling Caste: Imperial Lives in the Victorian Raj» (2005).
- Goldsworthy D. (ред.), BDEEP, серия «А», т. III, «The Conservative Government and the End of Empire 1951–57», ч. I (1994).
- Gollin A.M., «Proconsul in Politics» (1964).
- Gopal S., «British Policy in India 1858–1905» (Cambridge, 1965).
- Gregory R.G., «India and East Africa» (Oxford, 1971).
- Grimal H., «Decolonization» (изд. 1978).
- Hamid S.S., «Disastrous Twilight» (изд. 1986).
- Hancock W.K., «Smuts» в 2 томах (Cambridge 1962–68).
- Hargreaves J.D., «The End of Colonial Rule in West Africa» (1979).
- Harlow V., Chilver E.M. (ред.), «History of East Africa», т. II (Oxford, 1965).
- Harlow V.T., «The Founding of the Second British Empire 1763–93» в 2 томах (1952–64).
- Harper T.N., «The End of Empire and the Making of Malaya» (Cambridge, 1999).
- Headrick D.R., «The Tools of Empire» (New York, 1981).
- Heinlein F., «British Government Policy and Decolonization 1945–63» (2002).
- Heussler R., «Completing a Stewardship: the Malayan Civil Service 1942–57» (Westport, CT, 1983).
- Hibbert C., «The Great Mutiny India 1857» (изд. 1980).
- Hillmer N., Granatstein J.L., «Empire to Umpire: Canada and the World to the 1990s» (Toronto, 1994).
- Hobsbawm E.J., «Industry and Empire» (изд. 1969).
- Hobson J.A., «Imperialism» (изд. 1948).

Holland R., «Britain and the Revolt in Cyprus 1954–59» (Oxford, 1998).

Holland R., «European Decolonization 1918–81: An Introductory Survey» (Basingstoke, 1985).

Holland Rose J., Newton A.P., Benians E.A. (ред.), «The Cambridge History of the British Empire» в 8 томах (Cambridge, 1925–59).

Hopkirk P., «The Great Game» (1990).

Howe S., «Anticolonialism in British Politics» (Oxford, 1993).

Hoyos F.A., «Grantley Adams and the Social Revolution» (1974).

Hughes R., «The Fatal Shore» (изд. 1996).

Huxley E., «White Man's Country: Lord Delamere and the Making of Kenya» в 2 томах (1935).

Hyam R., Henshaw P., «The Lion and the Springbok» (Cambridge, 2003).

Hyam R., Louis W.R. (ред.), BDEEP, серия «А», т. IV, «The Conservative Government and the End of Empire 1957–64», ч. I, «High Policy, Political and Constitutional Change» (2000).

Hyam R., «Britain's Declining Empire: The Road to Decolonisation, 1918–68» (Cambridge, 2006).

Hyam R., «Britain's Imperial Century» (изд. 1993).

Hyam R., «Empire and Sexuality: The British Experience» (Manchester, 1990).

Iliffe J., «Africans: The History of a Continent» (Cambridge, 1995).

Irving R.G., «Indian Summer: Lutyens, Baker and Imperial Delhi» (1981).

James L., «The Rise and Fall of the British Empire» (1994).

Judd D., Surridge K., «The Boer War» (2002).

Judd D., «Balfour and the British Empire» (1968).

Keay J., «Last Post: The End of Empire in the Far East» (1997).

Kennedy D., «Islands of White» (Durham, NC, 1987).

Kennedy P.M., «The Rise and Fall of British Naval Mastery» (изд. 1983).

Kiernan V., «The Lords of Human Kind» (изд. 1995).

Kirk-Greene A.H.M., «Africa in the Colonial Period», ч. III: «The Transfer of Power» (Oxford, 1979).

Kirk-Greene A., «On Crown Service» (1999).

Kirkman W.P., «Unscrambling the Empire» (1966).

Koebner K., «Empire» (Cambridge, 1961).

Krebs P.M., «Gender, Race and the Writing of Empire» (Cambridge, 1999).

Kyle K., «Suez» (1991).

Landes D., «The Unbound Prometheus» (Cambridge, 1969).

Lapping B., «End of Empire» (1985).

Longford E., «Queen Victoria» (1964).

Louis W.R. (гл. ред.), «The Oxford History of the British Empire» в 5 томах (Oxford, 1998–99).

- Louis W.R., «Ends of British Imperialism» (2006).
- Louis W.R., «Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire 1941–45» (Oxford, 1977).
- Louis W.R., «In The Name of God, Go!» (1992).
- Low D.A., «Britain and Indian Nationalism» (Cambridge, 1997).
- Lycett A., «Rudyard Kipling» (1999).
- Lynn M. (ред.), BDEEP, серия «В», т. VII, «Nigeria: Managing Political Reform 1943–53», ч. I (2001).
- MacKenzie J.M., «Propaganda and Empire» (Manchester, 1984).
- Madden F. (ред.), «The End of Empire: Dependencies since 1948 Select Documents... VIII» (Westport, CT, 2000).
- Magnus P., «Kitchener: Portrait of an Imperialist» (изд. 1968).
- Mangan J.A., «The Games Ethic and Imperialism» (1986).
- Manning H.T., «British Colonial Government after the American Revolution 1782–1820» (1933).
- Mansergh N. и др. (ред.), «The Transfer of Power 1942–47» в 12 томах (1970–83).
- Mansergh N., «The Commonwealth Experience» (1969).
- Marais J.S., «The Fall of Kruger's Republic» (Oxford, 1961).
- Martin G., «Britain and the Origins of Canadian Confederation, 1837–67» (1995).
- Mason P., «The Men Who Ruled India» (1985).
- Mayes S., «Makarios» (1981).
- McNaught K., «The History of Canada» (1970).
- Moon P. (ред.), «Wavell: The Viceroy's Journal» (1973).
- Moon P., «Divide and Quit» (Delhi, изд. 1998).
- Moore R.J., «Endgames of Empire» (Delhi, 1988).
- Moore R.J., «Escape from Empire» (1984).
- Moorehead A., «The Blue Nile» (изд. 1974).
- Moorehouse G., «India Britannica» (изд. 1986).
- Morris J., «Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat» (1978).
- Morris J., «Heaven's Command: An Imperial Progress» (1973).
- Morris J., «Pax Britannica: The Climax of Empire» (1975).
- Morrow J.H., «The Great War in Imperial History» (2004).
- Mungeam G.H., «British Rule in Kenya 1895–1912» (Oxford, 1966).
- Murphy P., «Alan Lennox-Boyd» (1999).
- Murphy P. (ред.), BDEEP, серия «В», т. IX, «Central Africa», ч. I, 1945–58, и ч. II, 1959–65 (2005).
- Murray-Brown J., «Kenyatta» (1972).
- Nehru J., «The Discovery of India» (1946).
- Nkomo J., «Nkomo: The Story of My Life» (1984).
- Nkrumah K., «Ghana: The Autobiography of Kwame Nkrumah» (1957).
- Oliver R., «Sir Harry Johnston and the Scramble for Africa» (1957).
- Ovendale R., «Britain, The United States and the Transfer of Power in the Middle East, 1945–62» (1996).

- Pakenham T., «The Scramble for Africa» (1991).
- Parry J.H., Sherlock P.M., Maingot A.P., «A Short History of the West Indies» (1987).
- Perham M., «The Colonial Reckoning: The End of Imperial Rule in Africa in the Light of Experience» (1961).
- Pieragostini K., «Britain, Aden and South Arabia: Abandoning Empire» (1991).
- Platt D.C.M., «Latin America and British Trade 1806–1914» (1972).
- Port M.H., «Imperial London» (1995).
- Porter B., «Crisis of Empire» (1968).
- Porter B., «The Lion's Share: A Short History of Imperialism 1850–1983» (изд. 1984).
- Qureshi S., «Jinnah» (Karachi, 1999).
- Ranger T.O., «Revolt in Southern Rhodesia 1896–97» (1967).
- Rapson E.J. и др. (ред.) «The Cambridge History of India» в 6 томах (Cambridge, 1922–32).
- Rathbone R. (ред.), BDEEP, серия «В», т. I, «Ghana», ч. I, 1945–52 (1992).
- Reeve W.P., «The Long White Cloud» (изд. 1950).
- Reynolds D., «Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century» (1991).
- Roberti M., «The Fall of Hong Kong» (New York, 1996).
- Roberts A., «A History of Zambia» (1976).
- Robertson J., «Anzac and Empire» (1990).
- Robinson R., Gallagher J., «Africa and the Victorians» (1965).
- Rodney W., «How Europe Underdeveloped Africa» (Washington, DC, 1982).
- Rosberg C.G., Nottingham J., «The Myth of 'Mau Mau': Nationalism in Kenya» (New York, 1966).
- Rotberg R.I., «The Founder: Cecil Rhodes and the Pursuit of Power» (Oxford, 1988).
- Rotberg R.I., «The Rise of Nationalism in Central Africa» (Cambridge, MA, 1966).
- Ryan J.R., «Picturing the Empire: Photography and the Visualization of the British Empire» (1997).
- Said E.W., «Orientalism» (Harmondsworth, 1978).
- Sanger C., «Malcolm MacDonald: Bringing the End to Empire» (Liverpool, 1995).
- Seal A., «The Emergence of Indian Nationalism» (Cambridge, 1968).
- Searle G.R., «The Quest for National Efficiency» (Oxford, 1971).
- Short P., «Banda» (1974).
- Semmel B., «Imperialism and Social Reform 1895–1914» (1960).
- Sewell G., «The Ordeal of Free Labour in the British West Indies» (1862).

- Shuckburgh E., «Descent to Suez» (1986).
- Simpson A.W.B., «Human Rights and the End of Empire» (Oxford, 2001).
- Souter G., «Lion and Kangaroo» (1976).
- Springhall J., «Youth, Empire and Society» (1977).
- Stephens R., «Nasser» (1971).
- Stockwell A.J. (ред.), BDEEP, серия «B», т. III, «Malaya», ч. II (1995).
- Tarling N., «The Fall of Imperial Britain in South-East Asia» (New York, 1993).
- Taylor S. и др. (ред.), «Hanoverian Britain and Empire» (Woodbridge, 1998).
- Teveth S., «Ben-Gurion: The Burning Ground 1886–1948» (Boston, 1987).
- Thornton A.P., «The Imperial Idea and its Enemies» (1959).
- Tidrick K., «Empire and the English Character» (1990).
- Tinker H., (ред.) «Burma: The Struggle for Independence 1944–48», т. I (1983).
- Vance N., «The Victorians and Ancient Rome» (Oxford, 1997).
- Vatikiotis P.J., «The Modern History of Egypt» (1969).
- Wallace E., «The British Caribbean: From the Decline of Colonialism to the End of Federation» (Toronto, 1977).
- Wasserstein B., «The British in Palestine» (1978).
- Welensky R., «Welensky's 4 000 Days» (1964).
- Welsh F., «A History of Hong Kong» (1993).
- Whelan F.G., «Edmund Burke and India» (Pittsburg, PA, 1996).
- White D.W., «The American Century» (1996).
- Williams E., «Inward Hunger: The Education of a Prime Minister» (1969).
- Wolpert S., «A New History of India» (New York, 1977).
- Wood J.R.T., «The Welensky Papers» (Durban, 1983).
- Wolpert S., «Jinnah of Pakistan» (New York, 1984).
- Woodcock G., «A Social History of Canada» (New York, 1988).
- Woodham-Smith C., «The Great Hunger» (изд. 1964).
- Ziegler P., «Mountbatten» (изд. 1986).

Сокращения, использованные в примечаниях

- AA — «African Affairs».
AHS — «African Historical Studies».
AHR — «American Historical Review».
AHS — «Australian Historical Studies».
BDEEP — «British Documents on the End of Empire Project».
BIHR — «Bulletin of the Institute of Historical Research».
CBH — «Contemporary British History».
CHA — «The Cambridge History of Africa» в 8 томах (Cambridge, 1975–86), под редакцией J.D.Fage, R.Oliver.
CHI — «The Cambridge History of India» в 6 томах (Cambridge, 1922–32), под редакцией E.J.Rapson и др.
CHBE — «The Cambridge History of the British Empire» в 8 томах (Cambridge, 1925–59), под редакцией J.Holland Rose, A.P.Newton, E.A.Benians.
CHJ — «Ceylon Historical Journal».
CJHSS — «Ceylon Journal of Historical and Social Studies».
CQ — «China Quarterly».
CSJ — «Commonwealth Society Journal».
CSSH — «Comparative Studies in Society and History».
DNB — «Dictionary of National Biography».
EAH — «East Asian History».
EconHR — «Economic History Review».
EEH — «Explorations in Economic History».
HER — «English Historical Review».
HJ — «Historical Journal».
HMC — Материалы Комиссии по историческим рукописям.
HRNSW — «Historical Records of New South Wales».
HSANZ — «Historical Studies Australia and New Zealand».
HT — «History Today».
IA — «Internacional Affairs».
IndHR — «Indian Historical Review».
IJAH — «Internacional Journal of African Historical Studies».
HIS — «Irish Historical Studies».
JAH — «Journal of African History».
JBS — «Journal of British Studies».
JCH — «Journal of Contemporary History».
JEH — «Journal of Economic History».
JHSN — «Journal of the Historical Society of Nigeria».

JICH – «Journal of Imperial and Commonwealth History».
JMAS – «Journal of Modern African Studies».
JMH – «Journal of Modern History».
JPS – «Journal of Palestine Studies».
JRAS – «Journal of Royal African Society».
JSeAS – «Journal of Southeast Asian Studies».
JSAS – «Journal of Southern African Studies».
LRB – «London Review of Books».
MAS – «Modern Asian Studies».
MES – «Middle Eastern Studies».
NZJH – «New Zealand Journal of History».
ODNB – «Oxford Dictionary of National Biography».
OHBE – «The Oxford History of the British Empire» в 5 томах (Oxford 1998–99), под редакцией W.R.Louis.
PA – «Pacific Affairs».
PP – «Past and Present».
SA – «South Asia».
SAHJ – «South African Historical Journal».
SWJN – «Selected Works of Jawaharlal Nehru» в 15 томах (Delhi, 1972–82), под редакцией S.Gopal.
TOPI – «The Transfer of Power 1942–47» в 12 томах (1970–83), под редакцией N.Mansergh и др.

Примечания

Введение

Если место публикации не указано, то это Лондон.

1. J.W.Burrow, «Gibbon» (Oxford, 1985), 3.
2. G.A.Bonnard (ред.), «Edward Gibbon: Memoirs of My Life» (1960), 3.
3. F.M.Turner, «Contrasting Cultural History» (1993), 248.
4. E.Gibbon, «The History of the Decline and Fall of the Roman Empire», III, ред. D.Womersley (Harmondsworth, 1994), 139. Я цитирую эту работу во всей книге, это отличное и доступное издание.
5. L.S.Amery, «The Forward View» (1935), 434.
6. S.Freud, «Civilization and its Discontents» в J.Strachey (ред.), «The Complete Psychological Works of Sigmund Freud», XXI (1981), 70.
7. C.Edwards, «Roman Pretences: Receptions of Rome in European Cultures, 1789–1945» (Cambridge, 1999), 224.
8. A.Quiller-Couch, «On the Art of Writing» (Fowey, 1995), 25. Q. был назначен преподавателем английского языка в Кембриджском университете в 1912 г. и сделал это заявление во время вступительной лекции.
9. J.A.Froude, «Caesar» (1879), I.
10. J.Bryce, «The Ancient Roman Empire and the British Empire in India» (1914), 54.
11. C.Lucas, «Greater Rome and Greater Britain» (1912), 154.
12. Gibbon, «Decline and Fall», II, 186.
13. Lord Cromer, «Ancient and Modern Imperialism» (1910), 74.
14. R.Symonds, «Oxford and Empire» (1986), 33.
15. «Edinburgh Review», № 135 (1872), 307.
16. J.West, «History of Tasmania», II (1852), 347.
17. A.Sampson, «Macmillan: A Study in Ambiguity» (1967), 137.
18. ODNB.
19. Gibbon, «Decline and Fall», III, 652.
20. N.Mansergh, «The Commonwealth Experience» (1969), 158.
21. «The Times» за 21 ноября 1942 г.
22. S.Walpole, «A History of England», V (1886), 146.
23. P.Craddock (ред.), «Gibbon's English Essays» (Oxford, 1972), 507.

24. R.Porter, «Gibbon Making History» (1995), 124. Джейкоб Бёркхардт тоже говорил о философии истории, сравнивая ее с кентавром.

25. R.McKitterick, R.Quinault (ред.), «Edward Gibbon and Empire» (Cambridge, 1997), 296.

26. Gibbon, «Decline and Fall», II, 666.

27. J.Morris, «The Spectacle of Empire» (1982), 95.

Глава 1

«Мир, перевернутый вверх тормашками»

1. H.P.Johnston, «The Yorktown Campaign and the Surrender of Cornwallis», 1781 (1881), 167.

2. D.Jackson (ред.), «The Diaries of George Washington», III (Charlottesville, VA, 1978), 432.

3. J.Bowle, «The Imperial Achievement» (1974), 158.

4. E.Wright (ред.), «The Fire of Liberty» (1984), 236.

5. D.S.Freeman, «George Washington», V (1952), 388. Рассказ подозрительно пришедшийся к месту, но кажется вероятным, что эта популярная современная мелодия была среди исполнявшихся.

6. J.C.Fizpartick (ред.), «The Writings of George Washington», 6 (Washington, DC, 1931–44), III.

7. B.Mitchell, «The Price of Independence» (New York, 1974), 118.

8. R. Harvey, «A Few Bloody Noses» (2001), 306.

9. R.W.Clark, «Benjamin Franklin» (1983), 270. Фраза принадлежит Эмерсону.

10. Harvey, «Bloody Noses», 156.

11. CHBE, I, 704.

12. PRO 30/11/68/11–13. Документы Корнуоллиса, письмо Клинтона Корнуоллису от 2 марта 1781 г.

13. P.Toynbee (ред.), «The Letters of Horace Walpole», XII (Oxford, 1904), 176.

14. Wright (ред.), «Fire of Liberty», 178.

15. Fizpatrick (ред.), «Writings of George Washington», 21, 439.

16. T.J.Fleming, «Beat the Last Drum» (New York, 1963), 138.

17. M.Cunliffe, «George Washington» (1959), 99.

18. H.S.Commager, R.B.Morris (ред.), «The Spirit of 'Seventy-Six» (1967), 1219.

19. Johnston, «Yorktown Campaign», 95.

20. J.C.Dann (ред.), «The Revolution Remembered» (Chicago, 1980), 240.

21. PRO 30/11/68/11–13, письмо Клинтона Корнуоллису от 30 сентября 1781 г.

22. N.A.M.Roger, «The Insatiable Earl» (1993), 164. Научная защита Сэндвича Роджером не совсем убедительна.

23. CHBE, I, 742.
24. Toynbee (ред.), «Letters of Walpole», X, 240.
25. N.W.Wraxall, «Historical Memoirs of My Own Time» (в ред. 1904), 398.
26. P.J.Marshall, «Burke and Empire» в S.Taylor и др. (ред.), «Hanoverian Britain and Empire» (Woodbridge, 1998), 290.
27. V.T.Harlow, «The Founding of the Second British Empire 1763–93», I (1952), 227.
28. Lord Fitzmaurice, «Life of William, Earl of Shelburne», II (1912), 83.
29. A.Calder, «Revolutionary Empire: the Rise of the English-Speaking Empire from the Fifteenth Century to the 1780s» (1981), 172.
30. Harlow, «Second British Empire», I, 158.
31. J.C.Miller, «Origins of the American Revolution» (Boston, 1943), 33.
32. CHBE, I, 625.
33. R.Hofstadter, «Great Issues in American History» (New York, 1959), 61.
34. L.H.Gipson, «The British Empire Before the American Revolution», XIII (New York, 1967), 204.
35. CHBE, I, 763.
36. R.R.Palmer, «The Age of Democratic Revolution», I (Princeton, NJ, 1959), 190.
37. A.Pagden, «The Struggle for Legitimacy and the Image of the Empire in the Atlantic to c. 1700», в OHBE, I, 54.
38. P.Burke, «Tradition and Experience: The Idea of Decline from Bruno to Gibbon» в G.W.Bowerstock, J.Clive, S.R.Grauberd (ред.), «Edward Gibbon and the Decline and Fall of the Roman Empire» (1977), 95.
39. F.Bacon, «Of Plantations» в «Essays» (изд. 1903), 139. Т. Hobbes, Leviathan (Oxford, изд. 1960), 161.
40. A.A.Luce, Т.Е.Jessop (ред.), «The Works of George Berkeley Bishop of Cloyne», VI (1955), 373. Cf R. Koenber, «Empire» (Cambridge, 1961), 96, где говорится, что слова Беркли – это скорее утопия, чем пророчество, и противоречат самодовольной точке зрения Мэттью Приора, считавшего, что Великобритания выполняет пророчество о том, что «искусство и империя учатся перемещаться на Запад». Какими бы ни были намерения Беркли, казалось, что он признавал классический образец случайного движения империй.
41. R.Dixon, «The Course of Empire» (Melbourne, 1986), 104.
42. L.Baritz, «The Idea of the West», AHR 66 (апрель 1961 года), 640.
43. B.Bailyn, «Voyages to the West» (New York, 1987), 41.
44. Toynbee (ред.), «Letters of Walpole», IX, 100–101.

45. Гиббон оправдывал использование Сикстом V камней Септизония в «славном здании Святого Петра», хотя не зарегистрировано то, что он думал об украшении колонны Траяна статуей святого. (P.B.Craddock, «Edward Gibbon and the 'Ruins of the Capitol'» в A.Patterson (ред.), «Roman Images» [Baltimore, 1984], и далее).

46. Gibbon, «Decline and Fall», III, 1063. Это фраза ученого периода Возрождения Поджио, но во время своего большого путешествия в 1765 году Босвелл был поражен, обнаружив, что части Колизея «полны навоза», хотя то, что осталось от Рима, произвело на него такое впечатление, что он «начал говорить на латыни». F.Brady, F.A.Pottle, «Boswell on Grand Tour: Italy, Corsica, France, 1765–66» (1955), 61–62.

47. Gibbon, «Decline and Fall», III, 1073.

48. A.J.Toynbee, «A Study in History», IX (1954), 426. Враждебность Тойнби несомненно объясняется тем фактом, что он ощущал ритмы в истории, в то время как Гиббон показывал, что люди и вся их работа подвержена «превратностям фортуны» («Decline and Fall», III, 1062).

49. Gibbon, «Decline and Fall», II, 512.

50. Там же, 356.

51. E.H.Gould, «American Independence and Britain's Counter-Revolution», PP, 154 (февраль 1997 г.), 114.

52. Toynbee (ред.), «Letters of Walpole», XII, 73.

53. P.B.Craddock, Edward Gibbon, «Luminous Historian 1772–94» (1989), 97.

54. Koebner, «Empire», III.

55. Wraxall, «Memoirs», 388.

56. J.Fortescue (ред.), «The Correspondence of King George the Third», IV (1928), 351.

57. B.W.Tuchman, «The March of Folly» (1984), 219.

58. R.Coupland, «The American Revolution and the British Empire» (1930), 149.

59. T.Pocock, «Horatio Nelson» (1987), 72.

60. H.T.Manning, «British Colonial Government After the American Revolution 1782–1820» (1933), 290. Похоже, Фокс говорит о том, что фраза была «подчеркнуто стилизована» Генри Дундасом («Parliamentary History», XXII, col. 1285). Уильям Коупер применил тот же образ к тринадцати колониям, а Уильям Бекфорд применил его к Ямайке.

61. C.C.O'Brien, «The Great Melody: A Thematic Biography and Commented Anthology of Edmund Burke» (1992), 329.

62. R.E.Prothero (ред.), «Private Letters of Edward Gibbon», II (1896), 251.

63. «Edinburgh Review», II (1803), 32–33.

64. Bonnard (ред.), «Gibbon: Memoirs», 192.

65. A.Smith, «An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (Chicago, изд. 1952), 256, 266 и 270.

66. J.Ross (ред.), «Contemporary Responses to Adam Smith» (Bristol, 1998), xiii.

67. DNB. Cf.C.Hobhouse, «Fox» (изд. 1964), 227 и 168, где говорится, что Фокс на самом деле читал Смита, но презирал политическую экономию, как «абракадабру».

68. J.Bowring (ред.), «The Works of Jeremy Bentham», IV (1843), 417. Бентам написал эти слова в 1793 г., побуждая французов сделать «декларацию прав вашей направляющей». Он добавил любопытное послесловие в 1829 г., говоря, что, как граждан Великобритании, придерживается своих мнений, но как гражданин Британской империи, он их изменил. Частично это объясняется тем, что он ожидал освобождения австралийских поселений от короны до конца столетия и превращения их в «репрезентативную демократию».

69. H.M.Scott, «British Foreign Policy in the Age of the American Revolution» (Oxford, 1990), 339.

70. D.B.Davis, «The Problem of Slavery in the Age of Revolution 1770–1823» (1975), 175.

71. B.Bailyn, «The Ideological Origins of the American Revolution» (Cambridge, MA, 1971), 240.

72. Smith, «Wealth of Nations», 254.

73. Harvey, «Bloody Noses», 184.

74. T.Clarkson, «The History... of the Abolition of the African Slave Trade», I (изд. 1968), 95.

75. «Gould in Past and Present» (февраль 1997 г.), 137.

76. Koebner, «Empire», 225.

77. W.E.H.Lacky, «A History of England in the Eighteenth Century», VII (1892), 362.

78. S.Mintz, «Sweetness and Power» (1985), 120. Цитируется E.Ayrton, «The Cookery of England» (1974), 429–30.

79. G.F.Dow, «Slave Ships and Slaving» (New York, изд. 1970), 92.

80. M.Daunton, «Britain's Imperial Economy», JEH, 61, № 2 (июнь 2001 г.), 479.

81. J.Newton, «Thoughts upon the African Slave Trade» (1788), 1.

82. Смертность во время морских переходов рабовладельческих судов упала до примерно 10 процентов в XVIII веке и примерно равнялась смертности на судах, в которых перевозили осужденных. К 1820-м гг. они сами поразительно улучшили свои показатели (менее 1 процента). Недавний статистический анализ см. в H.S.Klein, «The African Slave Trade» (Cambridge, 1999), 136 ff.

83. J.H.Parry, P.M.Sherlock, A.P.Maingot, «A Short History of the West Indies» (1987), 88.

84. Baron Dupin, «The Commercial Power of Great Britain», II (1825), 271.

85. J.W.Krutch, «Samuel Johnson» (New York, изд. 1963), 243.
86. Klein, «Slave Trade», 214.
87. R.Anstey, «The Atlantic Slave Trade and British Abolition, 1760–1810» (1975), 31. Энсти говорит, что современники принимали необходимость того, что «возможно, и тогда, но ныне — совершенно определенно воспринимается как жестокость». Но, остерегаясь анахронических суждений об этике работорговли, он определенно не принимает в расчет нравственность и чувствительность того, что было веком веры, а также веком разума.
88. Dow, «Slave Ships», 156.
89. J.Conrad, «Heart of Darkness» (изд. 1995), 69.
90. M.Park, «Travels in the Interior of Africa» (изд. 1984), xv.
91. R.Law, «Human Sacrifice in Pre-Colonial West Africa», AA, 84 (январь 1985 г.), 55, 67 и далее.
92. R.Law, «"Me Head Belongs to the King": on the Political and Ritual Significance of Decapitation in Pre-Colonial Dahomey», JAH, 30 (1989), 406. Размышляя о кровопролитии, чтобы умиловить богов Египта, Рима и Карфагена, Гиббон писал: «Жизнь человека — это самое драгоценное, что можно принести в жертву в знак протеста против бедствия народа». (Gibbon, Decline and Fall, III, 169).
93. A.W.Lawrence, «Fortified Trade-Posts» (1963, 166.
94. H.Thomas, «The Slave Trade» (изд. 1998), 354.
95. M.Perham, «Lugard: The Years of Adventure 1858–98» (1956), 497.
96. J.Matthews, «A Voyage to the River Sierra-Leone» (1791), 4.
97. Dow, «Slave Ships», 251.
98. Отрывок из свидетельских показаний и доказательств, представленных специальной комиссией Палаты Общин... по отмене работорговли (1791), 52.
99. F.Cundall (ред.), «Lady Nugent's Journal» (1934), 132.
100. Edwards, West Indies, IV, 312.
101. E.Long, «The History of Jamaica», II (изд. 1970), 354, 352 и 365. Отождествление африканцев с орангутангами, предложенное Джефферсоном среди других, было опровергнуто в «The European Magazine & London Review», XIII (1788), 75ff.
102. Dow, «Slave Ships», 61.
103. A.Benezet, «Some Historical Account of Guinea» (1788), 9 и 101.
104. Matthews, «Sierra-Leone», 152.
105. Edwards, «West Indies», II, 150.
106. P.D.Curtin, «Africa Remembered» (1967), 92.
107. Отрывок... об отмене работорговли, 35.
108. A.Falconbridge, «An Account of the Slave Trade» (1788), 29 и 46.
109. Newton, «Slave Trade», 11 и 20.

110. Dow, «Slave Ships», 241.
111. R.Gray (ред.), США, IV, 606.
112. Falconbridge, «Slave Trade», 23.
113. Отрывок... об отмене работорговли, 41.
114. О.Сугоано, «Thoughts and Sentiments on the Evil of Slavery» (1787), 29.
115. Falconbridge, «Slave Trade», 32.
116. Edwards, «West Indies», I, 27.
117. J.M.Cohen (ред.), «The Four Voyages of Christopher Columbus» (изд. 1969), 171.
118. W.Beckford, «A Descriptive Account of... Jamaica», I (1790), 32.
119. T.Roughley, «The Jamaica's Planter's Guide» (1823), 220.
120. M.Scott, «Tom Cringle's Log» (1895), 50.
121. Long, «Jamaica», II, 286.
122. Scott, «Cringle's Log», 44.
123. T.Clarkson, «An Essay on the Impolicy of the Slave Trade» (1788), 57.
124. J.Walvin, «Black Ivory» (изд. 1993), 69.
125. Long, «Jamaica», I, 363.
126. L.G.Ragatz, «The Fall of the Planter Class in the British Caribbean 1763–1833» (1928), 71ff.
127. R.B.Sheridan, «Doctors and Slaves» (Cambridge, 1985), 164.
128. Cundall (ред.), «Nugent's Journal», 108.
129. D.Hall, «In Miserable Slavery: Thomas Thistlewood in Jamaica, 1750–86» (1989), 309.
130. Long, «Jamaica», II, 328 и 288–89.
131. N.A.M.Roger, The Command of the Ocean (2004), 493–4. Роджер утверждает, что хирурги обычно прекращали такие наказания «после примерно ста ударов».
132. Anstey, «Slave Trade», 289.
133. Hall, «Miserable Slavery», 72–73.
134. Edwards, «West Indies», II, 74.
135. T.F.Buxton, «The African Slave Trade and its Remedy» (изд. 1967), 189.
136. Gibbon, «Decline and Fall», I, 68.
137. «Supplement to Mr. Cooper's Letters on the Slave Trade» (Warrington, 1788), 24.
138. Hall, «Miserable Slavery», 204.
139. Anstey, «Slave Trade», 36–37 и 310.
140. B.Edwards, «The History... of the West Indies», III (изд. 1819), 340.
141. J.R.Ward, «British West Indian Slavery, 1750–1834» (Oxford, 1988), 2.
142. Edwards, «West Indies», II, 168.
143. Beckford, «Jamaica», II, 281.

144. B.Martin, M.Spurrell (ред.), «The Journal of a Slave Trader» (1962), xii.
145. Newton, «Slave Trade», 1.
146. «Edinburgh Review», XI (1808), 342.
147. G.Smith, «History of Wesleyan Methodism», I (изд. 1862), 683.
148. Clarkson, «Abolition of the African Slave Trade», I, 54.
149. W.Doyle, «The Oxford History of the French Revolution» (Oxford, 1989), 412.
150. R.Reilly, «Josiah Wedgwood 1730–95» (1992), 286.
151. Чашка в собственности автора.
152. A.Bell, «Sydney Smith» (Oxford, 1980), 72.
153. I.Bradley, «The Call to Seriousness» (1976), 136.
154. T.Paulin, «The Day-Star of Liberty» (1998), 246.
155. F.K.Brown, «Fathers of the Victorians» (Cambridge, 1961), 3.
156. C.Lawson, «The Private Life of Warren Hastings» (1905), 121.
157. W.S.Hathaway (ред.), «The Speeches of... William Pitt», II (1806), 70 и 51.
158. J.Ehrman, «The Younger Pitt, I (изд. 1984), 400.
159. Hathaway (ред.), «Speeches of... Pitt», II, 80 и 82–83.
160. B. Spiller (ред.), «Cowper: Poetry and Prose» (1968), 987.
161. C.L.R.James, «The Black Jacobins» (изд. 1963), 55.
162. Davis, «Slavery in the Age of Revolution», 194.
163. J. Keane, «Tom Paine» (1995), 341.
164. R.I., S.Wilberforce, «The Life of William Wilberforce», I (1838), 344.
165. R.Coupland, «Wilberforce» (1945), 144.
166. R.I., S.Wilberforce, «Wilberforce», I, 343.
167. R.Hyam, «The Primacy of Geopolitics: The Dynamics of British Imperial Policy, 1763–1963», JICH, XXVII (май 1999 г.), 31.
168. S.Shama, «Citizens (1989), 173.
169. L.Colley, «Britons» (изд. 1994), 169–70.
170. «The Poetical Works of William Cowper» (Edinburgh, 1864), 400.
171. L.Colley, «Captives: Britain, Empire and the World 1600–1850» (2002), 10.
172. G.F.Lechie, «An Historical Survey of the Foreign Affairs of Great Britain» (1808), 143.
173. H.Brogan, «Longman History of the United States of America» (1985), 201.
174. J.T.Flexner, «George Washington», III (1970), 149.
175. L.Hönninghausen, A.Falke, «Washington D.C.» (Tübingen, 1993), 196. Фраза приписывается Джексону.
176. J.W.Reps, «Monumental Washington» (Princeton, NJ, 1967), 9.
177. G.R.Mellor, «British Imperial Trusteeship 1783–1850» (1951), 22.
178. R.A.Austin, W.D. Smith, «Images of Africa and British Slave-Trade Abolition: The Transition of an Imperialist Ideology, 1787–1807», AHS, II (1969), 83.

1. «Calcutta Gazette» за 26 апреля 1792 г.
2. Bryce, «Ancient Roman Empire», 12.
3. S. Wolpert, «A New History of India» (New York, 1977), 134.
4. «Lord Macaulay's Essays» (1886), 502.
5. CHI, V, 151.
6. P.J. Marshall, «East Indian Fortunes» (Oxford, 1976), 15.
7. J.W. Kaye, «Lives of Indian Officers», I (1889), 94.
8. P.J. Cain and A.G. Hopkins, «British Imperialism: Innovation and Expansion 1688–1914» (1993), 92.
9. «Macaulay's Essays», 527.
10. B. Russell, «Freedom and Organization 1814–1914» (1934), 415.
11. P.J. Marshall, «Problems of Empire: Britain and India 1757–1813» (1968), 30–31.
12. R.K. Ray, «Colonial Penetration and the Initial Resistance: The Mughal Ruling Class, the English East India Company and the Struggle for Bengal 1756–1800», IndHR, XII (1986), 2.
13. P. Spear, «Master of Bengal» (1975), 34.
14. Marshall, «East Indian Fortunes», 206.
15. «Pemberton Papers» 7/5/1–6, 31 октября 1770 г.
16. K. Feiling, «Warren Hastings» (1954), 236.
17. J.L. Brockington, «Warren Hastings and Orientalism» в G. Carnall, C. Nicholson (ред.), «The Impeachment of Warren Hastings» (Edinburgh, 1989), 97.
18. G.R. Gleig, «Memoirs of the Life of the Right Hon. Warren Hastings», II (1844), 149–50.
19. Feiling, «Hastings», 248–49.
20. E. Fay, «Original Letters from India» (1927), 196.
21. A. Spencer (ред.), «Memoirs of William Hickey», III (1918), 359.
22. S.C. Grier (ред.), «The Letters of Warren Hastings to his Wife» (1905), 32.
23. P.J. Marshall, «The Personal Fortune of Warren Hastings», EconHR, XVII (1964), 285.
24. Prothero (ред.), «Letters of Edward Gibbon», II, 172. Сомнительно, что Шеридан на самом деле так сказал, но Гиббону «очень нравился» комплимент.
25. Lawson, «Hastings» (1905), 108, 110 и 115.
26. «Calcutta Gazette» за 9 августа 1792 г.
27. Spencer (ред.), «Hickey», III, 155.
28. CHI, V, 195.
29. T.R. Metcalf, «The New Cambridge History of India», III. 4 (Cambridge, 1995), 13. Имея гораздо больше оснований, на титул претендовал сэр Уильям Джоунс. Cf. DNB.

30. G.Cannon (ред.), «The Letters of Sir William Jones», II (Oxford, 1970), 712-13.
31. P.Marshall, «The New Cambridge History of India», II. 2 (1987), 134.
32. «Calcutta Gazette» за 4 октября 1792 г.
33. F., M.Wickwire, «Cornwallis: The Imperial Years» (Chapel Hill, NC, 1980), 72.
34. PRO 30/11/172, письмо Корнуоллиса Чарльзу Стюарту от 2 декабря 1791 г.
35. C.Ross (ред.), «Correspondence of Charles, First Marquess of Cornwallis», I (1859), 280, 383 and 233.
36. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 128.
37. «Calcutta Gazette» за 21 августа 1788 года.
38. W.S.Seton-Karr, «Cornwallis» (Oxford, 1890), 102.
39. G.Forrest, «Lord Cornwallis» (1926), 27.
40. A.Embree, «Charles Grant and British Rule in India» (1962), 52, 274 и 78.
41. H.E.Busteed, «Echoes from Old Calcutta» (1908), 177.
42. P.Quennell (ред.), «Memoirs of William Hickey» (изд. 1975), 272.
43. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 79 и 87.
44. Spencer (ред.), «Hickey», II, 322.
45. PRO, 30/11/172, письмо Корнуоллиса Чарльзу Стюарту от 17 апреля 1792 г.
46. PRO, 30/11/182, письмо Корнуоллиса Роберту Адэру от 10 августа 1789 г.
47. Ross (ред.), «Cornwallis», I, 401 и 292.
48. PRO, 30/11/151, письмо Корнуоллиса Дандасу от 9 августа 1790 г.
49. Pemberton Papers, 7/5/76, 22 мая 1792 г.
50. K.Ballhatchet, «Race, Sex and Class under the Raj» (1980), 2.
51. Ross, «Cornwallis», II, 20 и 87.
52. G.Forrest (ред.), «Selections of the State Papers of the Governors-General of India: Lord Cornwallis», I (1926), 178.
53. I PRO, 30/11/172, письмо Корнуоллиса Чарльзу Стюарту от 11 июня 1792 г.
54. «Calcutta Gazette», 5 июля 1792 г.
55. A.Dirom, «A Narrative of the Campaign in India...» (1793), 229.
56. D.Forrest, «Tiger of Mysore» (1970), 187.
57. PRO, 30/11/152, письмо Корнуоллиса Гренвиллу, 4 марта 1792 г.
58. P.J.Marshall, «"Cornwallis Triumphant": War in India and the British Public in the Late Eighteenth Century» в Marshall, «Trade and Conquest» (Aldershot, 1993), XIV, 71.
59. R.Holmes, «Shelly the Pursuit» (1974), 346.
60. OIOC H/436, John Taylor Papers, 132.

61. I. Butler, «The Eldest Brother: The Marquess Wellesley, the Duke of Wellington's Eldest Brother» (1973), 352.
62. Embree, «Grant», 226.
63. K. Brittlebank, «Tipu Sultan's Search for Legitimacy» (Delhi, 1997), 27.
64. PRO 30/11/208/2, «Abstract of the State of Political Affairs in India...»
65. M. Martin (ред.), «The Despatches... of the Marquess Wellesley», I (1836), 460.
66. A. Chatterjee, «Representations of India 1740–1840» (1998), 177 и 179.
67. M. Wilks, «Historical Sketches of South India», III (1810), 269.
68. OIOC, H/436, 134.
69. OIOC, MSS Eur C10, Mushi Qasim, «Tippoo Sooltan's Court», 204.
70. A. Beatson, «A View of the Origins and Conduct of the War with Tippoo Sultan» (1800), 153–54.
71. OIOC, MSS Eur F206, Macnabb Papers. Письмо Джеймса Мунро Макнабба своей бабушке от 30 июля 1800 г.
72. OIOC, H/436, 141 и 144.
73. OIOC, MSS Eur C10, 205 и 204.
74. PRO 30/11/209. Рассказ об операциях во время осады и взятия Серингатама... лорда Морнингтона, 7 июня 1799 г.
75. Dirom, «Narrative», 188.
76. Brittlebank, «Tipu», 136.
77. Wilks, «Sketches of South India», III, 20.
78. Martin (ред.), «Despatches», I, 369; IV, 155.
79. PRO 30/11/209. Рассказ лорда Морнингтона, 7 июня 1799 г.
80. W. Trousdale (ред.), «War in Afghanistan 1878–9: The Personal Diary of Major-General Sir Charles Metcalfe MacGregor» (Detroit, 1985), 156.
81. P. Magnus, «Kitchener» (изд. 1968), 183.
82. PRO 30/11/209. Рассказ... лорда Морнингтона, 7 июня 1799 года.
83. H. Dodwell, «The Nabobs of Madras» (1926), 65.
84. E. Longford, «Wellington: The Years of the Sword» (1969), 82.
85. Butler, «Eldest Brother», 229, 225 и 193.
86. M. S. Renick, «Lord Wellesley and the Indian States» (Agra, 1987), 220.
87. Lord Valentia, «Voyages and Travels», I (1809), 253.
88. J. W. Kaye, «The Life and Correspondence of Major-General Sir John Malcolm», I (1856), 305.
89. Martin (ред.), «Despatches», V, 326; III, 382.
90. Spencer (ред.), «Hickey», IV, 278.
91. Martin (ред.), «Despatches», V, 156 и 154.

92. «Edinburgh Review», XII (1805), 469–70.
93. E. Ingram (ред.), «Two Views of British India» (1970), 166.
94. Martin (ред.), «Despatches», V, 314 и 317.
95. W.M. Torrens, «Marquess Wellesley» (1880), 218.
96. P.E. Roberts, «India under Wellesley» (1929), 299.
97. Embree, Grant, 209 и 216.
98. Spencer (ред.), «Hickey», IV, 236.
99. Lord Curzon, «British Government in India», II (1925), 8.
100. M. Graham, «Journal of a Residence in India» (1813), 137.
101. Curzon, «India», I, 80.
102. Butler, «Eldest Brother», 386 и 245.
103. Valentia, «Voyages», 235–36.
104. H. Morris, «The Life of Charles Grant», (1904), 254.
105. Lord Lindsay, «The Lives of the Lindsays», III (1849), 406.
106. Butler, «Eldest Brother», 272.
107. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 551.
108. E. Roberts, «Scenes and Characteristics of Hindostan», III (1835), 70.
109. OIOC, MSS Eur F206, 1 сентября 1806 г.
110. HMC, «Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore», IV (1905), 474 и 383.
111. C.C. Coffin, «Our New Way Round the World» (изд. 1883), 222.
112. OIOC, MSS Eur C97, Sir Henry Thoby Prinsep, «Three Generations in India, 1771–1904», 2–3.
113. Valentia, «Voyages», 236.
114. Graham, «Journal», 132.
115. J.P. Losty, «Calcutta: City of Palaces» (1990), 49.
116. M. Archer, «Early Views of India» (1980), 3.
117. T. Williamson, «The East-Indian Vade-Mecum», II (1810), 4.
118. Lord Roberts, «Forty-one Years in India», I (1897), 5.
119. M. Fowler, «Below the Peacock Fan: First Ladies of the Raj» (1987), 120 и 183.
120. Roberts, «Hindostan», I, 3.
121. J.D. Collet, «The Life and Letters of Raja Rammohun Roy» (Calcutta, изд. 1962), 170–71.
122. OIOC, MSS Eur C97, 3.
123. Martin (ред.), «Despatches», IV, 672.
124. C.A. Bayly, «Imperial Meridian: The British Empire and the World 1780–1830» (1989), 148.
125. Spencer (ред.), «Hickey», III, 213–14.
126. Roberts, «Hindostan», III, 82.
127. OIOC, MSS Eur D1160, William Prinsep, «Memoir», II (1870), 16.
128. OIOC, MSS Eur C97, 263.
129. CUL, SPCK Papers. Письмо от секретаря миссии в Тинни-вали от 18 сентября 1818 г.

130. R.G. Collingwood, «Roman Britain» (1932), 8.
131. Valentia, «Voyages», 241.
132. J.Malcolm, «The Political History of India», II (New Delhi, изд. 1970), 143.
133. Roberts, «Hindustan», III, 75.
134. V.Jacquemont, «Voyage dans l'Inde...» (Paris, 1841), 459.
135. M.A.Laird (ред.), «Bishop Heber in Northern India: Selections from Heber's Journal» (Cambridge, 1971), 45.
136. BL, Add 29178, письмо Дж.Палмера Гастингсу от 10 октября 1802 г.
137. Roberts, «Hindustan», I, 187.
138. Spencer (ред.), «Hickey», IV, 318.
139. Ross (ред.), «Cornwallis», III, 542, 548 и 546.
140. OIOC, H/MISC/507, «Vellore Mutiny Correspondence», 235.
141. M.Gupta, «Lord William Bentinck in Madras and the Vellore Mutiny, 1803–07» (New Delhi, 1986), 192.
142. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 240.
143. OIOC, H/MISC/507, 238.
144. Там же, 149, письмо Крэддока Бентинку от 4 июля 1806 г.
145. BL, Add 29181, письмо С.Туне Гастингсу от 20 января 1808 г.
146. E.D.Potts, «British Baptist Missionaries in India, 1793–1837» (Cambridge, 1967), 220.
147. OIOC, H/MISC/507, 532.
148. DNB.
149. OIOC, H/MISC/507, 406.
150. Там же, 532.
151. P.Spear, «The Nabobs» (1932), 59.
152. G.Moorhouse, «India Britannica» (изд. 1986), 63.
153. Embree, «Grant», 246.
154. Bryce, «Ancient Roman Empire», 57.
155. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 623–24.
156. Butler, «Eldest Brother», 237.
157. OHBE, III, 404.
158. R.Robinson, J. Gallagher, «Africa and the Victorians» (1965), 12.
159. Bayly, «Imperial Meridian», 126.
160. H.Martineau, «British Rule in India» (1857), 161.
161. Collet, «Roy», 336.
162. T.H.Beaglehole, «Thomas Munro and the Development of Administrative Policy in Madras 1792–1818» (Cambridge, 1966), 121–22.
163. Jacquemont, «Letters from India 1829–32» (1936), xxv.
164. Collet, «Roy», 387–88.
165. Bayly, «Imperial Meridian», 163.
166. An Indian Officer, «How I Spent My Two Years' Leave» (1875), 97–98.

167. Kaye, «Lives of Indian Officers», I, 366.
168. D. Gilmour, «The Ruling Caste: Imperial lives in the Victorian Raj» (2005), 42.
169. Harlow, «Second British Empire», II (1964), 140.
170. A. Roberts, «Salisbury: Victorian Titan» (1999), 532.
171. A. Frost, «Convicts and Empire» (Melbourne, 1980), 65.
172. Leckie, «Foreign Affairs of Great Britain», 121.
173. Pocock, «Nelson», 293.
174. J. Rosselli, «Lord William Bentinck» (1974), 147.
175. J. E. Tennent, «Ceylon», II (изд. 1860), 486.
176. R. Coupland, «Raffles» (1934), 7.
177. S. Raffles, «Memoir of the Life and Public Services of Sir Thomas Stamford Raffles» (Singapore, изд. 1991), 399 и 422–28.
178. Там же, 462 и 460.
179. D. C. Bougler, «Life of Sir Stamford Raffles» (изд. 1973), 162.
180. J. C. Beaglehole, «The Exploration of the Pacific» (1947), 343.
181. G. Martin (ред.), «The Founding of Australia» (Sydney, 1978), 230 and 263.
182. G. Blainey, «The Tyranny of Distance» (Melbourne, 1966), 72.
183. R. Hyam, «Britain's Imperial Century» (изд. 1993), 68.
184. A. G. Stapleton, «George Canning and His Times» (1859), 411.
185. B. Smith, «European Vision and the South Pacific 1786–1850» (Oxford, 1969), 133.

Глава 3

«Исключенные из катастрофической кастовой системы»

1. «The Works of the Rev. Sydney Smith (1839), 49 и 50. 2 октября 1807 г. «Таймс» зашла дальше Смита, заявив, что Австралии, как и Риму, может быть суждено стать «хозяйкой мира».
2. HRNSW, I, ii (Sydney, 1892), 53.
3. D. Collins, «An Account of the English Colony in New South Wales» (1798), 74.
4. Martin (ред.), «Founding of Australia», 176.
5. CHBE, VII, 63.
6. T. Delamothe, C. Bridge, «Interpreting Australia» (1988), 41.
7. HRNSW, II, 666.
8. HRNSW, II, 758.
9. Collins, «New South Wales», 5.
10. T. Kenneally, «The Commonwealth of Thieves» (2006), 240 and 76.
11. HRNSW, II, 392–93.
12. W. Trench, «1788» (Melbourne, 1996), 47.
13. ML, Microfilm CY Reel 1301, 12 июля 1788 г.

14. Collins, «New South Wales», 72.
15. R.Southey, «Life and Works of William Cowper», VII (1835–37), 85.
16. CHBE, VII, 68.
17. «St. James's Chronicle» за 16–18 января 1787 г.
18. G.Williams, A.Frost (ред.), «Terra Australis to Australia» (Melbourne, 1988), 192.
19. HRNSW, I, ii, 212.
20. Williams, Frost, «Australia», 202–3.
21. Tench, 1788, 75.
22. Smith, «European Vision», 170.
23. Collins, «New South Wales», 3.
24. CHBE, VII, 89.
25. Tench, 1788, 264, 71, 142, 91, 122 и 119.
26. C.Bateson, «The Convict Ships» (1956), 112.
27. Collins, «New South Wales», 123.
28. HRNSW, II, 791.
29. Bateson, «Convict Ships», 113.
30. HRNSW, II, 768. Ни одного из капитанов не призвали к ответственности, хотя система платежей была изменена, чтобы вознаграждать за доставку осужденных в целости и сохранности. Это улучшило положение вещей, но не избавило полностью от зверств в будущем.
31. Watling, «Letters from an Exile at Botany-Bay» (Penrith, ок. 1794), 8.
32. HRNSW, III, 65.
33. L.Macquarie, «A Letter to the Right Honourable Viscount Sidmouth...» (1821), 12.
34. L.L.Robson, «The Convict Settlers of Australia» (Melbourne, 1965), 128.
35. J.Clay, «Maconochie's Experiment» (2001), 35–36.
36. Baron C. von Hügel, «New Holland Journal», ред. D. Clark (Melbourne, 1994), 222.
37. T.C.Crocker, «Memoirs of Joseph Holt», II (1838), 219 и 270.
38. С.М.Н.Слэк (ред.), «Select Documents in Australian History 1788–1850» (Sydney, 1950), 133.
39. С.М.Н.Слэк, «A History of Australia» (1962), 224.
40. J.Damoussi, «Depraved and Disorderly: Female Convicts, Sexuality and Gender in Colonial Australia» (Cambridge, 1997), 46.
41. «A Confidential Despatch from Sir John Franklin on Female Convicts in Van Diemen's Land» (Sullivan's Cove, 1886), 55 и 36.
42. R.Hughes, «The Fatal Shore» (изд. 1996), 487 и 383.
43. Слэк (ред.), «Select Documents», 123 и 140.
44. CUL, RCMS 278/40, Н.М.Халл, «The Aborigines of Tasmania 1873». Вероятно, количество аборигенов Тасмании составляло около четырех тысяч человек перед вторжением европейцев.

45. P.H.Barrett, R.B.Freeman (ред.), «The Works of Charles Darwin», III, «Journal of Researches», ч. II (1986), 417.
46. A.McGrath, «Contested Ground» (Sydney, 1995), 332.
47. Hughes, «Fatal Shore», 120.
48. J.Frost, «A Letter... on Transportation» (год издания не указан), 17.
49. «Historical Records of Australia», I (Sydney, 1914), 272.
50. Hughes, «Fatal Shore», 293.
51. M.H.Ellis, «Lachlan Macquarie: His Life, Adventures and Times» (Sydney, изд. 1952), 176 и 492.
52. «Works of Smith», II, 171.
53. J.Ritchie, «The Evidence of the Bigge Reports», I (Melbourne, 1971), 199.
54. «Sydney Gazette» за 18 августа 1821 г.
55. P.Cunningham, «Two Years in New South Wales» (изд. 1966), 215, 186 и xxxvi.
56. «Blackwood's Edinburgh Magazine», 22 (ноябрь 1827 г.), 603.
57. Цитируется R. White, «Inventing Australia» (1981), 68.
58. Ellis, «Macquarie», 316 и 318.
59. V.A.C.Gatrell, «The Hanging Tree» (Oxford, 1994), 578.
60. White, «Inventing Australia», 24, 50 и 53.
61. Dixon, «Course of Empire», 105 и 164.
62. L.Woodward, «The Age of Reform 1815–70» (Oxford, изд. 1987), 387.
63. P.Fitzgerald (ред.), «The Works of Charles Lamb», III (1895), 300.
64. W.J.Lines, «Taming the Great South Land» (Berkeley, CA, 1991), 49.
65. D.Pike, «Paradise of Dissent: South Australia 1829–57» (1957), 7.
66. J.Morris, «Heaven's Command» (1973), 146. На самом деле австралийцы не были свободны от классовых различий, но по общему мнению европейцев, выраженному Теккереем, после последнего реверанса эмигрантки на английской земле, «она не станет прогибать спину, если только во время работы». Cf.M.Forster (ред.), «Drawn from Life: The Journalism of William Makepeace Thackeray» (1984), 29.
67. C.A.Bayly, «The Birth of the Modern World 1780–1914» (Oxford, 2004), 101.
68. A.J.P.Taylor, «From Napoleon to the Second International» (1993), 374.
69. C.A. Bodelsen, «Studies in Mid-Victorian Imperialism» (1960), 44.
70. CUL, Add 7888, Sir James Stephen's Journal II/119, 4 марта 1846 г.
71. «The Autobiography of Henry Taylor», II (1885), 34.
72. H.L.Hall, «The Colonial Office» (1937), 49.

73. E.T.Williams, «The Colonial Office in the Thirties», HSAZ, II (1942–43), 144.
74. W.A.Baillie Hamilton, «Forty-four Years at the Colonial Office», «The Nineteenth Century and After», LXV (1909), 603.
75. R.C.Snelling, T.J.Barron, «The Colonial Office and its Permanent Officials 1801–1914» в G.Sutherland (ред.), «Studies in the Growth of Nineteenth-century Government» (1972), 153.
76. Hall, «Colonial Office», 112 и 17–18.
77. W.L.Burn, «Emancipation and Apprenticeship in the British West Indies» (1937), 128.
78. CUL, Add 7888, II/119, 19 января 1846 г.
79. L.Stephen, «The Life of Sir James Fitzjames Stephen» (1895), 63.
80. CUL, Add 7888, II/119, 4 марта 1846 г.
81. Stephen, Life of Fitzjames Stephen, 64.
82. «The Autobiography of Henry Taylor, II 91885), 304.
83. CUL, Add 7888, II/19, 31 марта и 13 января 1846 г.
84. Stephen, «Life of Fitzjames Stephen», 50.
85. CUL, Add 7888, II/119, 4 марта 1846 г.
86. G.E.Marindin (ред.), «Letters of Frederic Lord Blachford» (1896), 299.
87. OHBE, III, 104.
88. D.Read, «Cobden and Bright» (1967), 238.
89. J.R.McCulloch, «A Statistical Account of the British Empire» (1837), 597.
90. P.Colquhoun, «Treatise on the Wealth, Power, and Resources of the British Empire» (1815), 314.
91. G.Martin, «Britain and the Origins of Canadian Confederation, 1837–67» (1995), 63.
92. Colquhoun, «Treatise», 311.
93. W.Cobbett, «The Emigrant's Guide...! (1829), 41.
94. D.G.Creighton, «Dominion of the North» (1958), 239.
95. J.Pickering, «Emigration or No Emigration» (1830), 69.
96. E.W. Watkin, «A Trip to the United States and Canada» (1852), 28 и 32.
97. «The Report of the Earl of Durham» (изд. 1902), 132.
98. J.Morley, «Life of Richard Cobden», I (1881), 31.
99. A.Greer, «The Patriots and the People» (Toronto, 1993), 123, цитирует «Quebec Mercury» за 27 октября 1806 г.
100. CUL, Add 9556, Richard Cornwallis Neville, «Diary of Military Life in Canada 1838–40», 14 ноября 1838 г.
101. «Report of the Earl of Durham», 56.
102. P.A.Buckner, «The Transition to Responsible Government» (Westport, CT, 1985), 222.
103. CBHE, VI, 243.

104. F.Ouellet, «Lower Canada 1791–1842» (Toronto, 1980), 216.
105. Greer, «Patriots», 191.
106. F.Bradshaw, «Self-Government in Canada» (1903), 80.
107. S.J.Reid, «Life and Letters of the First Earl of Durham 1792–1840», II (1906), 179.
108. CUL, Add 9556, 9 и 12 ноября 1838 г.
109. Goldwin Smith, «Canada and the Canadian Question» (Toronto, изд. 1971), 81.
110. C.Lindsey, «William Lyon Mackenzie» (Toronto, 1938), 263 и 346–47.
111. J.Marlow, «The Tolpuddle Martyrs» (изд. 1974), 253.
112. L.F.Gates, «After the Rebellion» (Toronto, 1988), 338.
113. H.SANZ, II, 152.
114. Reid, «Durham», II, 137–38.
115. E.M. Wrong, «Charles Buller and Responsible Government» (Oxford, 1926), 26.
116. M. Francis, «Governors and Settlers: Images of Authority in the British Colonies 1820–60» (1992), 85.
117. Reid, «Durham», I, 319.
118. Morris, «Heaven's Command», 132.
119. H.Reeve (ред.), «The Greville Memoirs», III (1888), 232.
120. Reid, «Durham», II, 165.
121. Bradshaw, «Self-Government», 23.
122. Reid, «Durham», II, 277.
123. J. Richardson, «Eight Years in Canada» (изд. 1967), 53.
124. Reid, «Durham», II, 320 и 339.
125. «Report of the Earl of Durham», xxvi.
126. [J.S.Mill], «Lord Durham's Return», «Westminster Review», XXXII 91838–90, 260.
127. Bradshaw, «Self-Government», 23.
128. J.A.Roeback, «The Colonies of England» (1849), 188.
129. E.W.Watkin, «Canada and the States: Recollections» (1887), 16.
130. Creighton, «Dominion», 313.
131. R.S.Thompson, «Empires on the Pacific» (2001), 45.
132. «The Times» за 23 марта 1849 г.
133. «The Economist» за 8 марта 1851 г.
134. J.Pope (ред.), «Memoirs of... Sir John Alexander Macdonald...», I (1894), 313.
135. Martin, Canadian Confederation, 171.
136. Smith, Canada, 125.
137. «Annual Register 1839 (1840), 177.
138. G.Martin, «Edward Gibbon Wakefield» (Edinburgh, 1997), 12.
139. C.Woodham Smith, «Florence Nightingale» (изд. 1964), 375.
140. H.T.Manning, «Lord Durham and the New Zealand Company», NZJH, 6 (апрель 1972 г.), 5.

141. T.Carlyle, «Chartism», in *English and Other Essays* (издание для всех, год выпуска не указан), 235, 238 и 211.
142. W.Gisborne, «New Zealand Rulers and Statesmen 1840–97» (1897), 63.
143. P.Adams, «Fatal Necessity: British Intervention in New Zealand 1830–47» (Auckland, 1977), 96, 101 и 110.
144. F.E.Maning, «Old New Zealand» (изд. 1956), 109, 176 и 8.
145. W.P.Reeve, «The Long White Cloud» (изд. 1950), 108.
146. C.Hursthouse, «New Zealand or Zealandia, The Britain of the South», I (1857), 32.
147. A.S.Thomson, «The Story of New Zealand», I (1859), 303.
148. Ellis, «Macquarie», 318.
149. R.McNab (ред.), «Historical Records of New Zealand» I (Wellington, 1908), 321.
150. CHBE, VII, ii, 35.
151. A.T.Yarwood, «Samuel Marsden» (Melbourne, 1977), 173.
152. A.Lycett, «Rudyard Kipling» (1999), 483.
153. J.Belich, *Making Peoples: A History of New Zealanders from Polynesian Settlement to the End of the Nineteenth Century* (1996), 136.
154. J.R.Elder (ред.), «The Letters and Journals of Samuel Marsden, 1765–1838» (Dunedin, 1932), 415, 403 и 219.
155. «The Works of the Rev. Sydney Smith», I (1839), 173. Маколей был еще более красноречив по вопросу религиозных импульсов, перед которыми не могли устоять ремесленники: «Lord Macaulay's Essays» (1886), 556.
156. N.Gunson, «Messengers of Grace» (Melbourne, 1978), 31.
157. Годовой отчет Британского и зарубежного общества по распространению Библии (1835), lxxiv.
158. E.Dieffenbach, «Travels in New Zealand», II (1843), 41.
159. E.T.Williams, «The Treaty of Waitangi», «History», 25 (1940–41), 242.
160. A.Earle, «Narrative of a Residence in New Zealand» (Oxford, изд. 1966), 57–59.
161. Dieffenbach, «Travels», II, 20 и 128–30.
162. Barrett and Freeman (ред.), «Works of Charles Darwin», III, 397 и 398.
163. F.Darwin (ред.), «The Life and Letters of Charles Darwin», I (1887), 264.
164. CUL, Зарубежная переписка Британского и зарубежного общества по распространению Библии, 10 мая 1842 года.
165. Adams, «Fatal Necessity», 140.
166. E.J.Wakefield, «Adventure in New Zealand» (Christchurch, изд. 1908), 62 и 148.
167. Belich, «Making Peoples», 338.

168. J.C.Beaglehole, «Captain Hobson and the New Zealand Company» (Northampton, MA, 1927), 108.
169. Thomson, «Story of New Zealand», II, 22.
170. CUL, RCMS 278/55. Письма колонистов Г.Ф.Янга; письмо Янга Артуру Уэйкфилду от 13 ноября 1842 г.
171. CUL, Add 7888, II/119, 18–19 марта 1846 г.
172. Adams, «Fatal Necessity», 240.
173. Reeves, «White Cloud», 142. Когда эта книга была опубликована в 1898 г., численность маори достигла самого низкого уровня – чуть больше сорока тысяч человек. Но в дальнейшем их число начало возрастать, а общее мнение об обреченности этого народа оказалось опровергнутым.
174. Mansergh, «Commonwealth Experience», 103.
175. Hursthouse, «New Zealand», I, 97 и 11.
176. B. Porter, «The Lion's Share: A Short History of Imperialism 1850–1983» (изд. 1984), 22.
177. J.Belich, «The New Zealand Wars» (Auckland, 1986), 23.
178. A.Trollope, «Australia and New Zealand», II (1873), 457.
179. E.G.Wakefield, «A View of the Art of Colonization» (1849), 221.
180. Hursthouse, «New Zealand», II, 640.
181. T.Cholmondeley, «Ultima Thule» (1854), 324.
182. CUL RCMS 304. Письма семьи Торнхиллов; письмо Джорджа Мини Торнхилл от 1 января 1890 г.
183. OHBE, III, 582.
184. R.Taylor, «New Zealand and Its Inhabitants» (1853), 269.
185. S.Butler, «A First Year in Canterbury Settlement» (изд. 1964), 33.
186. Reeves, «White Cloud», 179.
187. Thomson, «Story of New Zealand», II, 213.
188. Hursthouse, «New Zealand», II, 631.
189. Thomson, «Story of New Zealand», II, 307.
190. P.Raby, «Samuel Butler» (1991), 66.
191. HSA NZ, II, 158.
192. Цитируется в Belich, «Making Peoples», 302.
193. «Macaulay's Essays», 542.
194. G.O.Trevelyan, «The Life and Letters of Lord Macaulay» (1895), 359.
195. «Review of Reviews», II (сентябрь 1890 года), 252.
196. P.Knaplund, «James Stephen and the British Colonial System 1813–47» (Madison, WI, 1953), 278.

Глава 4

«Останавливаться опасно, отступать губительно»

1. E.T.Williams, «James Stephen and British Intervention in New Zealand, 1838–40», JMH, 13 (1941), 33.

2. «Asiatic Journal», IV, 3-й вып. (1845), 489.
3. Hyam, «Imperial Century», 7.
4. Hall, «Colonial Office», 177 и 145.
5. Sutherland (ред.), «Studies in... Government», 195 и 164.
6. D.K.Fieldhouse, «Economics and Empire 1830–1914» (1973), 81.
7. N.Mostert, «Frontiers» (1992), 932.
8. B.Gardner, «The East India Company» (1971), 203.
9. OHBE, III, 191.
10. Bayly, «Imperial Meridian», 104.
11. S.Lane Poole, «The Life of Lord Stratford de Redcliffe» (1890), 180 и 190.
12. Morris, «Pax Britannica», 28.
13. О ранней критике концепции см. D.C.M.Platt, «Imperialism of Free Trade: some reservations», EconHR, 21 (1968), 300.
14. S.Winchester, «Outposts» (1985), 115.
15. Kaye, «Metcalfe», I, 320.
16. «Blackwood's Edinburgh Magazine», LIII (январь 1843 г.), 1–2.
17. Hall, «Colonial Office», 195.
18. R. Hyam, G.Martin, «Reappraisals in British Imperial History» (1975), 115.
19. E.Stokes, «The English Utilitarians and India» (Oxford, 1959), 44.
20. E.Asgley, «Life of Viscount Palmerston», I (1879), 346.
21. D.Cecil, «Melbourne» (изд. 1954), 346.
22. Woodward, «Age of Reform», 300.
23. J.Ridley, «Lord Palmerston» (изд. 1972), 676.
24. «Punch» за 26 сентября 1857 г.
25. Ridley, «Palmerston», 526.
26. W.Baring Pemberton, «Lord Palmerston» (1954), 181 и 213.
27. Ridley, «Palmerston», 524.
28. Trevelyan, «Macauley», 391.
29. J.Morley, «The Life of William Ewart Gladstone», I (изд. 1908), 168.
30. Ridley, «Palmerston», 350.
31. J.K.Fairbank, «Trade and Diplomacy on the China Coast», I (Cambridge, MA, 1953), 19.
32. A.Peyrefitte, «The Collision of Two Civilizations» (1993), 538.
33. «Annual Register», 1840, 83.
34. W.C.Hunter, «Bits of Old China» (1911), 19.
35. Quennell (ред.), «Hickey», 121.
36. H.B.Morse, «The International Relations of the Chinese Empire» (1910), 545.
37. P.W.Fay, «The Opium War 1840–42» (Chapel Hill, NC, 1975), 49.
38. J.Spence, «Opium Smoking in Ch'ing China» (изд. 2000), 162.
39. F.Wakeman, «Strangers at the Gate» (Berkeley, CA, изд. 1997), 25.
40. J.Heria, «Cherishing Men from Afar» (1995), 68.

41. S.Warren, «The Opium Question» (1840), 125.
42. T.De Quincey, «Confessions of an English Opium Eater», ред. А.Найтер (изд. 1971), 71.
43. Warren, «Opium», 75.
44. G.O.Trevelyan, «The Competition Wallah» (1864), 65.
45. F.G.Whelan, «Edmund Burke and India» (Pittsburgh, PA, 1996), 96.
46. A.P.Stanley, «The Life and Correspondence of Thomas Arnold» (изд. 1846), 515.
47. Fay, «Opium War», 117.
48. De Quincey, «Confessions», 114.
49. A.Waley, «The Opium War Through Chinese Eyes» (1953), 29–30.
50. CUL, JMP, C5/4, письмо Джеймса Матесона Уильяму Жардину от 30 мая 1839 г.
51. G.Graham, «The China Station: War and Diplomacy 1830–60» (Oxford, 1978), 105.
52. CUL, JMP, B1/10, 35, письмо У.Кроуфорда Р. Кроуфорду от 8 августа 1839 г.
53. Там же, 41, письмо У.Жардина Дж.Джиджибою от 5 октября 1839 г.
54. M.Greenberg, «British Trade and the Opening of China 1800–42» (изд. 2000), 104.
55. D.R.Headrick, «The Tools of Empire» (New York, 1981), 50 и 52.
56. Graham, «China Station», 234.
57. S.Hoe, «The Private Life of Old Hong Kong» (Hong Kong, 1991), 77.
58. A.Cunynghame, «An Aide-de-Camp's Recollections of Service in China...» (1844), 96.
59. CUL, JMP, C6/3, Александр Матесон Дж.Адаму Смиту, 13 февраля 1843 г.
60. F.Welsh, «A History of Hong Kong» (1993), 122 и 197.
61. CUL, JMP, C6/3, 10 сентября 1843 г.
62. Там же, письмо Матесона Джону Пурвису, 21 апреля 1843 г.
63. E.J.Eitel, «Europe in China» (Hong Kong, изд. 1983), 290 и 246.
64. Morris, «Heaven's Command», 90.
65. Ashley, «Palmerston», I, 361.
66. Fairbank, «Trade and Diplomacy», I, 380.
67. CUL, Parkes Papers, H1, письмо Гарри Паркеса Э. Хаммонду от 14 ноября 1856 г.
68. Pemberton, «Palmerston», 249.
69. D.Hurd, «The Arrow War» (1967), 228.
70. G.R.Barmé, «The Garden of Perfect Brightness, a Life in Ruins», ЕАН, 11 (июнь 1996 г.), 113.
71. Peyrefitte, «Two Civilizations», 529.
72. J.Lehmann, «All Sir Garnet» (1964), 106–07.

73. Gibbon, «Decline and Fall», III, 966.
74. Graham, «China Station», 182.
75. CUL, JMP, C6/4, письмо А.Матесон Дж.Абелю Смиту от 31 декабря 1845 г.
76. Hurd, «Arrow War», 237.
77. Ashley, «Palmerston», II, 32.
78. Welsh, «Hong Kong», 158.
79. CUL, JMP, C6/4, письмо А.Матесон Дж.Абелю Смиту от 31 декабря 1845 г.
80. Fairbank, «Trade and Diplomacy», I, 160—61.
81. L.Oliphant, «Elgin's Mission to China and Japan», II (Hong Kong, изд. 1970), 268.
82. R.Bickers, «Shanghaianders: The Formation and Identity of the British Settler Community in Shanghai 1843—1947», PP, 159 (май 1998 г.), 193.
83. P.D.Coates, «The China Consuls» (Hong Kong, 1988), 265.
84. A.Moorehead, «The Blue Nile» (изд. 1974), 237.
85. CUL, Crew Papers, C/19—24, письмо Крюе Хардинджу от 5 сентября 1912 г.
86. Fairbank, «Trade and Diplomacy», I, 462.
87. N.R.Clifford, «Spoilt Children of Empire» (Hanover, NH, 1991), 34.
88. R.Pares, «The Economic Factors in the History of Empire», EconHR, 7, № 2 (май 1937 г.), 144.
89. H.W.C.Davis, «The Great Game in Asia» (1926), 4 и далее.
90. E.O'Balance, «Afghan Wars 1839—1992» (1993), 7.
91. J.A.Norris, «The First Afghan War 1832—42» (Cambridge, 1987), 30.
92. K.Bourne, «The Foreign Policy of Victorian England» (Oxford, 1970), 36.
93. OIOC, MSS Eur, D634, Hutchinson Family Papers. Дневник лейтенанта Кристофера Кодрингтона, 8 февраля 1841 г.
94. Trousdale (ред.), «War in Afghanistan», 78.
95. P.Macrory, «Signal Catastrophe» (1966), 159.
96. «Blackwood's Magazine», LIII (январь 1843 г.), 258.
97. «The Times» за 5 апреля 1842 г.
98. Macrory, «Signal Catastrophe», 86.
99. «Account of Mrs Waller's Experiences in the Afghan War of 1842 and as a Prisoner», машинописный текст в собственности С.И.Дж.Вулли.
100. OIOC, MSS Eur C703. Дневник капитана Уильяма Андерсона, 8 января 1842 г.
101. J.W.Kaye, «History of the War in Afghanistan», II (1857), 371.
102. OIOC, MSS Eur C703, 12 января 1842 г.
103. Lady Sale, «The First Afghan War», ред. P.Macrory (1969), 162.
104. Kaye, «War in Afghanistan», II, 359.

105. «The Times» за 20 апреля 1842 г.
106. H. Lushington, «A Great Country's Little Wars» (1844), 144.
107. «Blackwood's Magazine», LIII (1843), 144.
108. Stanley, «Thomas Arnold», 601.
109. «Blackwood's Magazine», LIII, 540.
110. Norris, «First Afghan War», 396–97 и 451.
111. G.W. Forrest, «Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain» (1909), 146.
112. C. Allen, «Soldier Sahibs» (2000), 52.
113. Curzon, «British Government in India», 199.
114. DNB.
115. Kaye, «War in Afghanistan», III, 381.
116. P. Hopkirk, «The Great Game» (1990), 282.
117. A. Law (ред.), «India under Lord Ellenborough» (1926), 53.
118. R. Lawrence, «Charles Napier» (1952), 179 (выражение принадлежит Теккерею) и 170.
119. BL, Add 49140, Индийский дневник сэра Чарльза Напьера, 1 и 21 января 1846 г.
120. S.G. Baird (ред.), «Private Letters of the Marquess of Dalhousie» (Shannon, Ireland, 1972), vii.
121. T.R.E. Holmes, «Four Famous Soldiers» (1889), 46.
122. BL, Add 49115, письмо Напьера капитану Портеусу от 9 октября 1842 г. Оно помечено: «Не отправлено. Я недостаточно хорошо знаю капитана Портеуса».
123. Lawrence, «Napier», 201.
124. См. W. Doniger, «"I Have Scinde": Flogging a Dead (White Male Orientalist) Horse», JAS 58 (ноябрь 1999 года), 940 ff.
125. Holmes, «Famous Soldiers», 67.
126. «Edinburgh Review», LXXIX (1844), 559.

Глава 5

«Священный гнев»

1. R. Dudley Edwards, «The Pursuit of Reason: The Economist 1843–1993» (1993), 53 и 52.
2. J. Mokyr and C.O. Gr da, «Height and Health in the United Kingdom, 1815–60: Evidence from the East India Company Army», EEN, 33 (1996), 152.
3. Mr and Mrs S.C. Hall, «Ireland», I (1841), 7.
4. W.H. Dunn, «James Anthony Froude», I (Oxford, 1961), 68.
5. L. Perry Curtis, «Apes and Angels» (Newton Abbot, 1971), 1.
6. Dunn, «Froude», I, 69.
7. «Charles Kingsley: His Letters and Memories of His Life, edited by his wife» (1888), 236.

8. C.Hall, «Cultures of Empire» (Manchester, 2000), 209.
9. C.O.Grada, «Black'47 and Beyond» (Princeton, NJ, 1999), 160.
10. J.Prunty, «Dublin Slums, 1800–1925» (Dublin, 1999), 69.
11. P.Brendon, «Head of Guinness» (1979), ix.
12. D.Knight (ред.), «Cobbett in Ireland» (1984), 44.
13. D.Thomson, M.McGusty (ред.), «The Irish Journals of Elizabeth Smith 1840–50» (Oxford, 1980), 308.
14. C.E.Trevelyan, «The Irish Crisis» (1848), 184.
15. «The Times» за 22 сентября 1846 г., цитируется P.Gray, «Famine, Land and Politics» (Dublin, 1999), 227.
16. O.Grada, «Black'47», 41.
17. C.Woodham-Smith, «The Great Hunger» (изд. 1964), 149.
18. O.Grada, «Black'47», 203.
19. P.Bishop, «The Irish Empire» (1999), 90.
20. S.Kierse, «The Famine Years in the Parish of Killaloe 1845–51» (Killaloe, 1984), 59.
21. NAM, 2000–12–632. Дневник капитана Фредерика Чарльза Эйлмера, 15 мая 1849 г.
22. A.Trollope, «The Irish Famine», ред. L.O.Tingay (1967), 13.
23. R.F.Foster, «Modern Ireland 1600–1972» (1988), 363.
24. T.Coleman, «Passage to America» (1972), 130.
25. E.Laxton, «The Famine Ships» (изд. 1997), 35.
26. P.Gray, «The Irish Famine» (1995), 178–79.
27. C.C.O'Brien, «The Siege» (1986), 330.
28. Lord Macaulay, «The History of England», I (1889), 390. Предположительно, римский поэт — Гораций. Horace, «Odes», 2, I, 7–8.
29. M.Davis, «Late Victorian Holocausts» (2001), 37.
30. Trevelyan, «Irish Crisis», 201.
31. L.Cazamian, «The Social Novel in England» (изд. 1973), 88.
32. Gray, Famine, «Land and Politics», 315.
33. J.O'Rourke, «The Great Irish Famine» (изд. 1969), 266.
34. A.Nicholson, «The Bible in Ireland», ред. A.T.Shepherd (1926), 16.
35. Woodham-Smith, «Great Hunger», 357.
36. J.Mitchel, «The Last Conquest of Ireland (Perhaps)» (New York, 1873), 266, 243, 322, 313 и 325.
37. G.F.Lewis (ред.), «Letters of Sir George Cornwall Lewis» (1870), 190.
38. Rosselli, «Bentinck», 108.
39. P.Brendon, «Thomas Cook: 150 Years of Popular Tourism» (1991), 147.
40. R.Singha, «'Providential Circumstances': The Thuggee Campaign of the 1830s and Legal Innovation», MAS, 27, 1 (1993), 107.
41. C.A.Bayly, «Empire and Information» (Cambridge, 1996), 218.
42. M.E.Chamberlain, «Britain and India» (Newton Abbot, 1974), 105.

43. Rosselli, «Bentinck», 129.
44. Gupta, «Bentinck», 1.
45. Rosselli, «Bentinck», 105–6.
46. H.R.Puckridge, «A Short History of the Bengal Club» (Calcutta, 1927), 13.
47. «Voyage dans l'Inde par Victor Jacquemont...», I (1841), 212.
48. Morris, «Heaven's Command», 179.
49. P.Stanley, «White Mutiny: British Military Culture in India, 1825–75» (1998), 93.
50. E.M.Collingham, «Imperial Bodies» (2001), 106.
51. J., R.Godden, «Two Under the Indian Sun» (1968), 13.
52. J.Lawrence, A.Woodiwiss (ред.), «The Journals of Honoria Lawrence» (1980), 149.
53. J.K.Fairbank и др. (ред.), «Entering China's Service: Robert Hart's Journals, 1854–63» (1986), 61.
54. «Nores & Queries», 127 (3 апреля 1853 г.), 331.
55. Schama, «Citizens», 776.
56. F.Parkes, «Wanderings of a Pilgrim in Search of the Picturesque» (изд. 1975), 22 и 320.
57. Davis, «Great Game», 30. Виктор Джекмонт отмечал, что его собственные «длинные усы» «очень впечатляли жителей Гималаев с жидкими бородаенками». (Jacquemont, «Letters», I, 213.)
58. «Blackwood's Magazine», 53 (февраль 1843 г.), 234.
59. Baird (ред.), «Dalhousie», 43.
60. «The Times» за 18 апреля 1959 г.
61. N.Mansergh, «The Irish Question» (изд. 1975), 126.
62. R.Reynolds, «Beards» (1950), 270.
63. «Royal Automobile Club Journal» (28 марта 1907 г.), 391.
64. Jacquemont, «Letters», 23 и 92.
65. Trevelyan, «Competition Wallah», 447.
66. C.C.Coffin, «Our New Way Round the World» (1883), 186.
67. R.S.S.Baden-Powell, «Indian Memories» (1915), 17.
68. Lawrence, Woodiwiss (ред.), «Journals of Honoria Lawrence», 67 и 97.
69. Allen, «Soldier Sahibs», 107.
70. V.Dickinson (ред.), «Miss Eden's Letters» (1919), 281–82.
71. Bell, «Smith», 96.
72. T.Pinney (ред.), «The Letters of Thomas Babington Macaulay», III (Cambridge, 1976), 64, 35 и 37.
73. J.Clive, «Thomas Babington Macaulay» (1973), 295.
74. LRB (11 мая 2006 г.)
75. Trevelyan, «Macaulay», 553, 304, 305 и 323.
76. C.Allen, «The Buddha and the Sahibs: The Men Who Discovered India's Lost Religion» (2002), 165.
77. Trevelyan, «Macaulay», 291.

78. «The Works of Lord Macaulay», XI (1898), 586.
79. Lawrence, «Napier», 136.
80. S.Wolpert, «A New History of India» (New York, 1977), 228.
81. C.Hibbert, «The Great Mutiny India 1857» (изд. 1980), 51.
82. T.R.Metcalf, «The Aftermath of the Revolt: India 1857–70» (Princeton, NJ, 1965), 40.
83. Baird (ред.), «Dalhousie, 62, 225 и 283.
84. S. David, «The Indian Mutiny 1857» (2002), 62 и 77.
85. CSAS, «Sampson Papers» за 18 июня 1857 г.
86. W.G.Broehl Jr., «Crisis of the Raj» (Hanover, NH, 1986), 49.
87. S.Gopal, «British Policy in India 1858–1905» (Cambridge, 1965), 1.
88. CSAS, «Mill Papers», 12, 48, 23 и 7.
89. Broehl Jr., «Crisis», 154.
90. R.M.Martin, «The Indian Empire», II (изд. ок. 1860), 394.
91. J.W.Kaye, «A History of the Sepoy War in India», II (1876), 677.
92. Allen, «Soldier Sahibs», 293.
93. W.H.Russell, «My Indian Mutiny Diary», ред. M. Edwardes (1957), 45.
94. CSAS, Campbell/Metcalf Papers, Box IV, Капитан Эдвардс Джорджине Кэмпбелл, 26 и 13 июля 1857 года.
95. A.N.Wilson, «The Victorians» (2002), 223.
96. OIOC, MSS Eur C910, Cracklow Papers, письмо Джорджа Краклоу своей матери от 28 октября 1857 г.
97. Hibbert, «Great Mutiny», 212 и 317.
98. V.D. Majendie, «Up Among the Pandies» (1859), 223.
99. A.Taylor, «Laurence Oliphant» (Oxford, 1982), 50.
100. A.Ward, «Our Bones are Scattered» (1996), 447.
101. R.Mukherjee, «"Satan Let Loose upon Earth": The Kanpur Massacres in India in the Revolt of 1857», PP, 128 (август 1990 г.), 92.
102. Metcalf, «Aftermath», 303.
103. Kaye, «Sepoy War», II, 491.
104. OIOC, MSS Eur C860, Письма Толбота. Письмо Дж.Р.Блока Джеральду Толботу (секретарю Кэннинга).
105. Martin, «Indian Empire», II, 409.
106. «Punch» за 22 августа 1857 г.
107. Trevelyan, «Macaulay», 656.
108. H.H.Greathed, «Letters Written during the Siege of Delhi» (1858), 31.
109. Broehl, Jr., «Crisis», 97.
110. Greathed, «Letters», 176.
111. OIOC, MSS Eur C910, письмо Джорджа Краклоу своей матери от 22 сентября 1857 г.
112. Roberts, «Forty-one Years in India», I, 258–59.
113. CSAS, Campbell/Metcalf Papers, Box IV, письмо Джорджини капитану Эдварду Кэмпбеллу от 1 октября 1857 г.

114. Allen, «Soldier Sahibs», 335.

115. Pemberton Papers, 7/18/28, письмо Фрэнсиса Пембертона Кэмпбелла своей матери от 18 января 1859 г.

116. Russell, «Mutiny Diary», 114. Рассел цитировал стихотворение Томаса Кэмпбелла «Удовольствия надежды» (1899), I, 1. 376. Я благодарен доктору Ричарду Дункан-Джоунсу за то, что нашел эти строки, которые так трудно отыскать.

117. Gopal, «British Policy in India», 57. Сам Дизраэли считал, что привычка называть индусов «ниггерами» отвратительна, свидетельствует о невежестве, жестокости и злонамеренности (M. Bentley, «Lord Salisbury's World» [Cambridge, 2001], 223–24). Несмотря на плохую репутацию, исследователь Генри Мортон Стэнли тоже осуждал термин. В 1933 г. герой политической пьесы Бернарда Шоу «На мели» говорит: «Одно это слово, ниггер, будет стоить нам Индии». И только во время Второй Мировой войны, под давлением Джорджа Падмора из Вест-Индии, которого МИ5 описала, как одного из «самых выдающихся негров левого крыла» в стране, Би-би-си перестала использовать слово «ниггер».

118. Metcalf, «Aftermath», 154.

119. I. Klein, «Materialism, Mutiny and Modernization in British India», MAS, 34, 3 (2000), 561.

120. «The Times» за 4 января 1878 г.

121. «Rudyard Kipling's Verse» (New York, 1938), 233.

122. C. Trevelyan, «On the Education of the People of India» (1838), 190. Тревелиян не только писал в духе Маколея, но и вслед за Гиббоном сожалел о том, что мусульмане лишают себя классического образования. Оно могло бы «отпереть кандалы восточного деспотизма, распространить либеральный дух исследований и терпимости и побудить арабских мудрецов подозревать, что их халиф — тиран, а пророк — самозванец». (Там же, 45.)

123. «Daily Telegraph» за 3 сентября 1897 г. Оскорбительное прилагательное часто присоединялось к существительному, в этом случае — молодым Уинстоном Черчиллем.

124. C. Hibbert, «Queen Victoria» (2000), 251.

125. «Englishman» за 5 ноября 1858 г.

126. G. Ritchie, «The Ritchies in India» (1920), 204.

127. Majendie, «Pandies», 358.

Глава 6

«Благая Весть плывет над миром, Но пулемет «Максим» стучит»

1. J. Lord, «The Maharajahs» (1972), 56.

2. Hibbert, «Queen Victoria», 365.

3. M.Alexander, S.Anand, «Queen Victoria's Maharajah» (1980), 45 и 49.
4. E.Longford, «Queen Victoria» (1964), 427.
5. «Annual Register» (1876), 12.
6. N.Vance, «The Victorians and Ancient Rome» (Oxford, 1997), 225.
7. R.Blake, «Disraeli» (изд. 1974), 563.
8. B.S.Cohn, «Representing Authority in Victorian India» в Е.Hobsbawn, Т.Ranger (ред.), «The Invention of Tradition» (1983), 200.
9. N.Parsons, «King Khama, Emperor Joe and the Great White Queen» (1998), 221.
10. Morris, «Pax Britannica», 44.
11. D.R.Morris, «The Washing of the Spears» (изд. 1994), 296.
12. J.E.Flint, «Sir George Goldie and the Making of Nigeria» (1960), 209.
13. D.Gilmour, «Curson» (1994), 234.
14. Morris, «Spectacle of Empire», 185.
15. A.Draper, «The Amristar Massacre» (1985), 64.
16. S.Bolt, «Pseudo Sahib» (Aylesbeare, 2007), 208.
17. P.Gillingham, «At the Peak: Hong Kong between the Wars» (Hong Kong, 1983), 25. В Индии после получения независимости было мало иконоборства. Некоторые статуи королевы Виктории передали в некий вид некрополя, созданный за пределами Дели и Лакхнау. Другие продали в Вест-Индию. Я нашел одну в конце коридора в государственной библиотеке Удайпура. Даже в Аллахабаде, цитадели партии Индийский национальный конгресс, почитали королеву. Там, как отмечает Сидни Болт, «снятие ее статуи проводилось украдкой, ночью, а рядом стояли войска на случай беспорядков». («Pseudo Sahib», 209.)
18. G.Lamming, «In the Castle of My Skin» (изд. 1970), 56.
19. C.Dunn, «Central African Witness» (1959), 100.
20. D.Cannadine, «Ornamentalism: How the British Saw Their Empire» (2001), 105.
21. O.Anderson, «The Growth of Christian Militarism», HRE, 86 (1971), 49.
22. J.Ellis, «The Social History of Machine Gun» (1975), 99.
23. «The Times» за 6 октября 1873 г.
24. A.Allfrey, «Man of Arms: The Life and Legend of Sir Basil Zaharoff» (1989), 67.
25. J.A.Hobson, «Imperialism» (изд. 1948), 126.
26. R.Baden-Powell, «The Matabele Campaign 1896» (1897), 398, 64 и 155.
27. OHBE, III, 248.
28. D.C.M.Platt, «Latin America and British Trade 1806–1914» (1972), 222.

29. R.Burton, «Wanderings in West Africa», II (1863), 213.
30. H.T.Bernstein, «Steamboats on the Ganges» (изд. 1987), 74.
31. J.H.Clapham, «An Economic History of Modern Britain», II (Cambridge, 1926), 5.
32. Coffin, «Round the World», 507.
33. Busteed, «Calcutta», 66.
34. R.E.B.Duff, «100 Years of Suez Canal» (1969), 55.
35. «Punch» за 18 мая 1861 г.
36. A.Moorehead, «The White Nile» (1976), 147.
37. Blake, «Disraeli», 584.
38. D.A.Farnie, «East and West of Suez: The Suez Canal in History, 1854–1956» (Oxford, 1969), 235.
39. W.Hepworth Dixon, «British Cyprus» (1879), 10.
40. Farnie, «Suez», 233.
41. Название книги Дж.Р.Джеффериса (1876) с подзаголовком «Как мисс Британия купила грязную лужу и потеряла сливы в сахаре».
42. Gibbon, «Decline and Fall», I, 77.
43. Bryce, «Ancient Roman Empire», 13.
44. «Quarterly Review», 125 (1868), 55 и 65.
45. C.O.Burge, «The Adventures of a Civil Engineer» (1909), 120.
46. R.MacLeod, D.Kumar (ред.), «Technology and the Raj» (1995), 178.
47. J.Richards, J.M.McKenzie, «The Railway Station: A Social History» (Oxford, 1986), 68.
48. I.J.Kerr, «Building the Railways of the Raj 1850–1900» (Delhi, 1995), 141.
49. D.Arnold, «The New Cambridge History of India», III.5, «Science, Technology and Medicine in Colonial India» (Cambridge, 2000), 122.
50. H.Perkin, «The Railway Age» (1970), 119.
51. Davis, «Late Victorian Holocausts», 26.
52. T.Pinney (ред.), «Kipling's India: Uncollected Sketches 1884–8» (1986), 33.
53. Mansergh, «Commonwealth Experience», 50.
54. «Quarterly Review», 125, 77.
55. Seeley, «Expansion», 61.
56. CSAS, Macpherson Papers, reel 9, section 74. Письмо д-ра Уильяма Дика Уильяму Макферсону от 25 ноября 1801 г. Эта профилактика, вероятно, была известна инкам, но европейцы принимали ее очень медленно.
57. J.R.Ryan, «Picturing the Empire: Photography and the Visualization of the British Empire» (1977), 72.
58. G.Geary, «Burma, After the Conquest» (1886), 241.
59. Eldridge, «England's Mission», 45.
60. M.Kingsley, «West African Studies» (1899), 386.

61. M. Adas, «Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance» (Ithaca, NY, 1989), 300.
62. J. Hunt, «On the Negro's Place in Nature» (1863), 27, 45, 18, 21, 20 и 46.
63. J. A. B. Horton, «West African Countries and Peoples... a Vindication of the African Race» (1868), 34 и 30. Книга Хортонэ эхом повторяет чувства и фразы из знаменитой книги Армистеда: W. Armistead, «Tribute for the Negro» (Manchester, 1848).
64. J. C. Nott, «The Negro Race», «Popular Magazine of Anthropology», III (июль 1866 г.), 117.
65. J. C. Greene, «The Death of Adam» (Ames, IA, 1959), 318.
66. H. Spencer, «An Autobiography», I (1904), 363.
67. P. Knaplund (ред.), «Gordon-Gladstone Correspondence, 1851–96», «Transactions of the American Philosophical Society», 51 (1961), 89.
68. Dilke, «Greater Britain», 85.
69. W. Reade, «The Martyrdom of Man» (изд. 1968), 412.
70. W. Reade, «Savage Africa» (1863), 587.
71. «Popular Magazine of Anthropology», I (январь 1866 г.), 10.
72. G. Himmelfarb, «Darwin and the Darwinian Revolution» (1959), 213.
73. P. Appleman (ред.), «Darwin» (New York, 1970), 646.
74. Reade, «Savage Africa», 509.
75. «The Times» за 18 ноября 1865 г.
76. L. Huxley, «Life and Letters of Thomas Henry Huxley», I (1900), 280–81.
77. B. Porter, «The Absent-Minded Imperialists» (2004), 48.
78. J. A. Froude, «Carlyle's Life in London», II (1891), 351 и 390.
79. T. Carlyle, «The Nigger Question» в «English and Other Critical Essays» (Everyman, год издания не указан), 310.
80. «The Autobiography of John Stuart Mill» (изд. 1958), 254.
81. «Westminster Review», 84 (1865), 489.
82. Wilson, «Victorians», 272.
83. P. A. Brunt, «Reflections on British and Roman Imperialism», CSSH, VII (1965), 282.
84. «Contemporary Review, XXXIV (декабрь 1878 г.), 6.
85. S. W. Baker, «Albert N'Yanza», I (1866), 63.
86. F. Driver, «Geography Militant: Cultures of Exploration» (2001), 45.
87. H. M. Stanley, «How I Found Livingstone» (1872), 112.
88. R. I. Rotberg (ред.), «Africa and its Explorers» (Cambridge, MA, 1970), 301.
89. T. Pocock, «Rider Haggard and the Lost Empire» (1993), 6 и 110.
90. Conrad, «Heart of Darkness», 52, 51 и 69.
91. Baker, «Albert N'yanza», I, 67; и II, 94, 25–26.
92. S. W. Baker, «Eight Years in Ceylon» (1874), 62.
93. Baker, «Albert N'yanza», II, 51.

94. Baker, «Ceylon», 316.
95. Baker, «Albert N'yanza, I, xxii.
96. Baker, «Ceylon», 313.
97. Burton, «Wanderings, II, 58.
98. T.Jeal, «Livingstone (1973), 131.
99. D.Livingstone, «Missionary Travels» (1857), 551.
100. W.S.Blunt, «My Diaries», I, «1888–1900» (1919), 94.
101. E.Huxley, «White Man's Country: Lord Delamere and the Making of Kenya», I (1935), 83.
102. R.Burton, «The Lake Regions of Central Africa», I (1860), 389.
103. Burton, «Wanderings», II, 93, 86 и 72.
104. «Blackwood's Magazine», 82 (март 1858 г.), 282.
105. W.S.Blunt, «My Diaries», II, «1900–14» (1920), 134.
106. E.W.Said, «Orientalism» (Harmondsworth, 1978), 195. Осудив превратное понимание Западом Востока, самого — продукта имперской гегемонии, Саид характерно осуждает знания Бертона, как средство доминирования.
107. R.Burton, «The Sotadic Zone» (New York, n.d.), 18.
108. Burton, «Wanderings», I, 65–66 и 51.
109. F.McLynn, «Burton: Snow upon the Desert» (1990), 118.
110. R.Coupland, «The Exploitation of East Africa 1856–90» (1939), 327.
111. T.Jeal, «Stanley» (2007), 178.
112. Stanley, «Livingstone», 140.
113. H.M.Stanley, «In Darkest Africa», I (1890), 301.
114. «Saturday Review, 42, 2 сентября и 26 августа 1876 года.
115. F.McLynn, «Stanley, Stanley: The Making of the African Explorer» (1989), 215.
116. Hall, «Stanley», 228.
117. B.Bond (ред.), «Victorian Military Campaigns» (1967), 10–11.
118. F.Harcourt, «Disraeli's Imperialism, 1866–68: A Question of Timing», HJ, 31, 1 (1980), 99.
119. Gibbon, «Decline and Fall», II, 999.
120. D.Cumming, «The Gentleman Savage: The Life of Mansfield Parkyns 1823–94» (1987), 156.
121. BECM, 1999/054. Дневник Годфри Твисса, 1 марта 1868 г.
122. H.M.Stanley, «Coomassie and Magdala» (1874), 338.
123. BECM, 1999/054, 29 февраля и 5 марта 1868 г.
124. Stanley, «Coomassie and Magdala», 419 и 457–59.
125. BECM, 1999/054, 17 мая 1868 г.
126. P.D.Curtin, «Disease and Empire» (Cambridge, 1988), 30.
127. H.A.C.Cairns, «Prelude to Imperialism» (1965), 27. Это было мнение Лугарда.
128. Blackwood's Magazine, 83 (февраль-май 1858 г.), 203. Это было описание Бертона.

129. D.Stanley (ред.), «The Autobiography of Sir Henry Morton Stanley» (1909), 296.
130. Stanley, «Livingstone», 411. Тим Джил (Stanley, 117) подвергает знаменитое приветствие тщательному анализу и сомневается насчет его подлинности.
131. Stanley (ред.), «Autobiography of Stanley», 272.
132. Stanley, «Livingstone», 434–35.
133. CUL RCMS. Дневник полковника Люка Норманна, 27 декабря 1868 г.
134. D.O.Helly, «Livingstone's Legacy» (Athens, OH, 1987), 234.
135. Jeal, «Livingstone», 206 и 208.
136. J.P.R.Wallis (ред.), «The Zambesi Journal of James Stewart 1863» (1952), 190.
137. Coupland, «Exploitation of East Africa», 131.
138. I.Schapera (ред.), «Livingstone's African Journal 1853–56» I (1963), 32.
139. J.Thompson, «The Results of European Intercourse with the African», «Contemporary Review», LVII (март 1890 г.), 343.
140. C.Dickens, «Bleak House» (New York, изд. 1962), 49.
141. C.Bolt, «Victorian Attitudes to Race» (1971), 8.
142. Helly, «Livingstone's Legacy», 215.
143. «British Quarterly Review», 61 (1875), 397.
144. Symonds, «Oxford and Empire», 221.
145. F.Jackson, «Early Days in East Africa» (изд. 1930), 77.
146. Jeal, «Livingstone», 356.
146. Hall, «Stanley», 199.
148. Stanley (ред.), «Autobiography of Stanley», 328, 324 и 327.
149. R.Stanley, A.Neame (ред.), «The Exploration Diaries of H.M.Stanley» (1961), 163 и 165.
150. F.Driver, «Henry Morton Stanley and His Critics: Geography, Exploration and Empire», PP, 133 (ноябрь 1991 г.), 135.
151. Stanley (ред.), «Autobiography of Stanley», 352.
152. V.Kiernan, «The Lords of Human Kind» (изд. 1995), 244.
153. T.Youngs, «Travellers in Africa» (Manchester, 1994), 194.
154. Jeal, «Livingstone», 382.
155. «Edinburgh Review», 159 (1884), 591.
156. CHBE, III, 61.
157. Eldridge, «England's Mission», 152.
158. W.D.Rubinstein, «Capitalism, Culture and Decline in Britain 1750–1990» (1993), 136.
159. M.J.Wiener, «English Culture and the Decline of the Industrial Spirit 1850–1980» (Cambridge, изд. 1985), 18 и 22.
160. «The Times» за 30 августа 1944 г.
161. E.J.Hobsbawm, «Industry and Empire» (изд. 1969), 186.

162. E.C.Mack, «Public Schools and British Opinion since 1860» (New York, 1941), 242.
163. T.Hughes, «Tom Brown at Oxford» (изд. 1889), 48.
164. D.Landes, «The Unbound Prometheus» (Cambridge, 1969), 285.
165. Cain, Hopkins, «British Imperialism», 172–73. Министром финансов был Джордж Гошен.
166. L.Edel (ред.), «Henry James Letter», II (1975), 145.
167. P.Magnus, «Gladstone» (изд. 1970), 262.
168. R.T.Harrison, «Gladstone's Imperialism in Egypt» (Westport, CT, 1995), 160.
169. W.E.Gladstone, «Aggression on Egypt and Freedom in the East', Nineteenth Century», II (август 1877 г.), 158–59.
170. E.Dicey, «Mr Gladstone and Our Empire», «Nineteenth Century», II (сентябрь 1877 г.), 307.
171. P.Gifford, W.R.Louis, «France and Britain in Africa» (1971), 73.
172. Magnus, «Gladstone», 261.
173. E.Stokes, «Milnerism», HJ, VI (1962), 47.
174. J.Morley, «The Life of William Ewart Gladstone», II (1903), 595.
175. W.E.Gladstone, «Midlothian Speeches 1879» (Leicester, 1971), 128.
176. PRO, 30/40/9, Ardagh Papers.
177. Robinson, Gallagher, Africa, 96–97.
178. A.G.Hopkins, «The Victorians and Africa: A Reconsideration of the Occupation of Egypt, 1882», JAH, 27 (1986), 384.
179. DNB.
180. Dilke, «Greater Britain», 560.
181. H.W.Wilson, «Ironclads in Action», I (1897), 353.
182. W.S.Blunt, «A Secret History of the British Occupation of Egypt» (1907), 14.
183. Lehmann, «All Sir Garnet», 312.
184. G.Arthur (ред.), «The Letters of Lord and Lady Wolseley 1870–1911» (1922), 74 и 72.
185. A.Preston, «Wolseley, the Khartoum Relief Expedition and the Defence of India, 1885–1900», JICH, VI (май 1978 г.), 257.
186. W.Butler, «An Autobiography» (1913), 240.
187. R.Churchill, «The Rise and Fall of Sir Anthony Eden» (1959), 298.
188. Blunt, «Secret History», 428.
189. CUL RCMS 113/11. Письмо Гордона Бейкеру от 21 июля 1882 г.
190. Butler, «Autobiography», 248–49.
191. W.E.H.Lecky, «Democracy and Liberty», I (1899), xxviii и xxvi.
192. «Edinburgh Review», 154 (1881), 549.

193. A.Moore- Harell, «Gordon and the Sudan» (2001), 51.
194. CAC, ESHR 13/7, декабрь 1880 г.
195. C.Chenevix Trench, «Charley Gordon: An Eminent Victorian Reassessed» (1978), 157.
196. Butler, «Autobiography», 191.
197. PRO, 30/40/9.
198. Magnus, «Gladstone», 309.
199. R.L.Schults, «Crusader in Babylon» (Lincoln, NB, 1972), 66.
200. R.Jemkins, «Sir Charles Dilke» (изд. 1968), 181.
201. J.Pollock, «Gordon: The Man Behind the Legend» (1993), 303.
202. Earl of Cromer, «Modern Egypt», I (1908), 448.
203. Lord Elton (ред.), «General Gordon's Khartoum Journal» (1961), 56.
204. O.Woods, J.Bishop, «The Story of the Times» (1983), 130.
205. Lehmann, «All Sir Garnet», 341.
206. [Edwarda Gibbon], «The History of the Decline and Fall of the British Empire» (1884), 12, 4 и 32.
207. Elton (ред.), «Khartoum Journal», 49 и 73.
208. W.F.Butler, «The Campaign of the Cataracts» (1887), 119.
209. C.Knox, «It Might Have Been You» (1938), 223.
210. R.Kipling, «Selected Verse» (изд. 1983), 163.
211. Cromer, «Modern Egypt», II, 11.
212. A.Preson (ред.), «In Relief of Gordon: Lord Wolseley's Campaign of the Khartoum Relief Expedition 1884–85» (1967), 136.
213. Cromer, «Modern Egypt», II, 364 и 128.
214. J.Marlowe, «Cromer in Egypt» (1970), 109 и 142.
215. P.Mansfield, «The British in Egypt» (1971), 58.
216. R.Kipling, «Letters of Travel (1892–1913), год издания неизвестен, 232.
217. [M.Bell], «Khedives and Pashas» (1884), 245.
218. Earl of Cromer, «Modern Egypt», I (1908), 7.
219. CAC, OCON, 2 апреля 1892 г.
220. Lord d'Abernon, «Portraits and Appreciations» (1931), 14.
221. A.Lutfi al-Sayyid, «Egypt and Cromer» (1968), 78.
222. Hobson, «Imperialism», 207–11.
223. L.Strachey, «Eminent Victorians» (изд. 1934), 301.
224. R.Kipling, «Letters of Travel» (1920), 254.
225. Al-Sayyid, «Egypt and Cromer», 63.
226. Cromer, «Modern Egypt», II, 476.
227. «Review of Reviews», XXI (апрель 1900 г.), 324.
228. R.Owen, «Lord Cromer (2004), 306.
229. G.W.Steevens, «From Capetown to Ladysmith and Egypt in 1898» (1900), 240 и 233.
230. D.Sladen, «Egypt and the English» (1908), 73.
231. Blunt, «Diaries», II, 198.

232. Brendon, «Cook», 231, 201, 232 и 223.
233. W.M.Fullerton, «In Cairo» (1891), 6–7.
234. Cumming, «Gentleman Savage», 17.
235. D.Landes, «Bankers and Pashas» (1958), 318.
236. M.Rodenbeck, «Cairo: The City Victorious» (1998), xi.
237. Fullerton, «Cairo», 16.
238. A.Edwards, «A Thousand Miles up the Nile» (изд. 1982), 151.
239. F.Nightingale, «Letters from Egypt», ред. A.Sattin (1987), 63 и 74.
240. Cromer, «Modern Egypt», II, 571.
241. M.E.Chamberlain, «LordCromer's «Ancient Modern Imperialism»» JBS, XII (ноябрь 1972 г.), 66.
242. Cromer, «Ancient and Modern Imperialism», 118.

Глава 7

«Великолепная империя под британским флагом»

1. Mostert, «Frontiers», 174 и 781.
2. R.W.F.Drooglever, «The Road to Isandhlwana» (1992), 153.
3. Morris, «Spears», 148.
4. «Edinburgh Review», 145 (апрель 1877 г.), 469.
5. T.Keegan, «Colonial South Africa and the Origins of the Racial Order» (Leicester, 1996), 288.
6. Froude, «Short Studies», III, 493 и 499.
7. P.Lewsen (ред.), «Selections from the Correspondence of J.X. Merriman 1879–90» (Cape Town, 1960), 24.
8. Pocock, «Haggard», 21.
9. B.Worsfold, «Sir Bartle Frere» (1923), 225.
10. DNB.
11. «Edinburgh Review», 182 (июль 1895 года), 163.
12. A.Preston (ред.), «The South African Journal of Sir Garnet Wolseley 1879–80» (Cape Town, 1973), 39.
13. Worsfold, Frere, 137.
14. R.L.Cope, «Written in Characters of Blood? The Reign of King Cetshwayo Ka Mpande 1872–79», JAH, 36 (1995), 247.
15. W.R.Haggard, «Cetywayo and His White Neighbours» (1888), 215.
16. C.W.De Kiewiet, «The Imperial Factor in South Africa» (изд. 1965), 230.
17. Morris, «Spears», 400.
18. I.Knight, «The Anatomy of the Zulu Army from Shaka to Cetshwayo» (1993), 219.
19. Morris, «Spears», 387.

20. Pakenham, «Scramble», 70.
21. S.Taylor, «Shaka's Children» (1994), 249.
22. R.B.Edgerton, «Like Lions They Fought» (1988), 14.
23. J.Meintjes, «President Paul Kruger» (1974), 93.
24. D.M.Schreuder, «Gladstone and Kruger» (1969), 63 and 88.
25. CHBE, VIII (1963), 494.
26. Schreuder, «Gladstone and Kruger», 123.
27. W.F.Butler, «The Life of Sir George Pomeroy-Colley» (1899), 400.
28. O.Ransford, «The Battle of Majuba Hill» (1967), 114.
29. B.Bond, «The Disaster at Majuba Hill 1881», НТ (июль 1985 г.), 493.
30. H.C.G.Matthew (ред.), «The Gladstone Diaries», X (1990), 25.
31. Schreuder, «Gladstone and Kruger», 207 и 97.
32. L.Woolf, «Empire and Commonwealth in Africa» (1920), 34.
33. P.Gifford, W.R.Louis, «Britain and Germany in Africa» (1967), 4 и 340.
34. Robinson and Gallagher, «Africa», 204.
35. Schreuder, «Gladstone and Kruger», 440.
36. Robinson and Gallagher, «Africa», 178.
37. Lwesen (ред.), «Merriman», 266 и 245.
38. «Review of Reviews», XX (июль 1899 г.), 35.
39. W.T.Stead, «The Last Will and Testament of Cecil John Rhodes» (1902), 58—59 и 73.
40. H.Kingsmill, «After Puritanism» (1929), 200.
41. D.M.Reid, «Cromer and the Classics: Imperialism, Nationalism and the Greco-Roman Past in Modern Egypt», MES, 32 (январь 1996 г.), 7.
42. R.I.Rotberg, «The Founder: Cecil Rhodes and the Pursuit of Power» (Oxford, 1988), 8.
43. O.Spengler, «The Decline of the West» (изд. 1926), 37.
44. E.Rosenthal, «Gold! Gold! Gold!» (New York, 1970), 34.
45. A.Trollope, «South Africa» (Cape Town, изд. 1973), 362.
46. Rotberg, «Rhodes», 190.
47. A.Nutting, «Scramble for Africa» (1970), 121.
48. M.Tamarkin, «Cecil Rhodes and the Afrikaners» (1996), 139.
49. Hobson, «Imperialism», 59.
50. S.D.Chapman, «Rhodes and the City of London: Another View of Imperialism», HJ, 28, 3 (1985), 657 и 653.
51. Rotberg, Rhodes, 233.
52. W.A.Wills, L.T.Collingridge, «The Downfall of Lobengula» (Булавайо, изд. 1971), 32.
53. I.Colvin, «Life of Jameson», I (1922), 140.
54. F.Welsh, «A History of South Africa» (1998), 315.
55. «The Memoirs of Paul Kruger», I (1902), 216.

56. T.L.Makhura, «Another Road to the Raid: The Neglected Role of the Boer-Bagananwa War as a Factor in the Coming of the Jameson Raid, 1894–95», JSAS, 21, 2 (июнь 1995 г.), 264.
57. Chapman, HJ, 28, 660.
58. J.L.Garvin, «The Life of Joseph Chamberlain», III (1934), 42.
59. J. van der Poel, «The Jameson Raid» (Cape Town, 1951), 56 и 71.
60. «Westminster Budget» за 17 ноября 1893 г.
61. H.M.Hole, «Old Rhodesian Days» (1928), 33.
62. NAM, 1999–07–20. Дневник лейтенанта Эдварда Лири, июль 1897 г.
63. Poel, «Jameson Raid», 75, 85 и 104.
64. Blunt, «Diaries», I, 262.
65. Gilmour, «Recessional», 134.
66. W.O.Baylen, «W.T.Stead's History of the Mystery of the Jameson Raid», JBS, 4 (ноябрь 1964 г.), 108.
67. Введение М.Фридмана к O.Schreiner, «Trooper Peter Halket of Mashonaland» (Johannesburg, изд. 2001), 10.
68. САС, ESHR 5/6, письмо Чемберлена Р.Бретту от 3 января 1896 г.
69. V.Harlow, «Sir Frederic Hamilton's Narrative of Events Relative to the Jameson Raid», HER, 72 (апрель 1957 г.), 301.
70. САС, STED 5/1, письмо Б.Ф.Хоксли Родсу от 9 апреля 1897 г.
71. E.Longford, «Jameson's Raid» (изд. 1982), 264. Эта фраза, очевидно, придумана У.Т.Стедом.
72. W.S.Churchill, «The World Crisis» (изд. 1938), 14.
73. Robinson, Gallagher, «Africa», 335.
74. R.Coupland, «The World Crisis» (изд. 1938), 14.
75. CHA, VI, 107.
76. Pakenham, «Scramble», 13.
77. L.H.Gann, P.Duignan, «Rulers of British Africa 1870–1914» (1978), 22.
78. «Fortnightly Review», 37 (январь 1885 г.), 193.
79. Gifford, Louis, «Britain and Germany», 341.
80. G.M.Tuckwell, «The Life of Sir Charles Dilke», II (1917), 256.
81. P.French, «Younghusband» (1994), 95.
82. Woolf, «Empire and Commerce», 45.
83. K.Rose, «The Later Cecils» (1975), 34.
84. P.Smith (ред.), «Lord Salisbury on Politics» (Cambridge, 1972), 48.
85. Roberts, «Salisbury», 43 и 169.
86. P.A.Baran, «The Political Economy of Growth» (1957), 145.
87. Roberts, «Salisbury», 722.
88. Rose, «Later Cecils», 23.
89. [Lord Salisbury], «Disintegration», «Quarterly Review», 156 (1883), 562.
90. Roberts, «Salisbury», 43.

91. D.Kimble, «A Political History of Ghana» (Oxford, 1967), 13.
92. R.Oliver, «Sir Harry Johnston and the Scramble for Africa» (1957), 121–22 и 175.
93. H.H. Johnston, «British Central Africa» (1897), 183–84.
94. D.Wellesley, «Sir George Goldie» (1934), 80, 94 и 91.
95. M.Perham, M.Bull, «The Diaries of Lord Lugard», IV (1963), 82.
96. B.Porter, «Critics of Empire» (1968), 62.
97. Wellesley, «Goldie», 62.
98. J.S.Galbraith, «Mackinnon and East Africa 1878–95: A Study in the 'New Imperialism'» (Cambridge, 1972), 228.
99. «Review of Reviews», II (июль 1890 г.), 8.
100. «Robinson and Gallagher», Africa, 301.
101. W.R.Louis, «Sir Percy Anderson's Grand African Strategy 1883–96», HER, 81 (апрель 1966 г.), 305.
102. Lady G.Cecil, «Life of Robert, Marquis of Salisbury», IV (1933), 323.
103. M.Perham, «Lugard; The Years of Adventure 1858–98» (1956), 513 и 499.
104. Flint, «Goldie», 263.
105. Wellesley, «Goldie», 70.
106. T.Falola, «The History of Nigeria» (Westport, CT, 1999), 70.
107. Lord Lugard, «The Dual Mandate in Tropical Africa», ред. M.Perham (1965), 618–19, xlvii и 80–81.
108. M.Perham, «Lugard: The Years of Authority 1898–1945» (1960), 199 и 201.
109. P.J.Crozier, «Five Years Hard» (1932), 161–63 и 149–50.
110. R.Hyam, «Elgin and Churchill at the Colonial Office» (1968), 208.
111. B.Semmel, «Imperialism and Social Reform 1895–1914» (1960), 14.
112. Gann, Duignan, «Rulers of British Africa», 36.
113. P.Fraser, «Joseph Chamberlain» (1966), 206.
114. Blunt, «Diaries», I, 346.
115. F.Balfour, «Ne Obliviscaris», II (1930), 332.
116. J.Mordaunt Crook, «The Rise of the Nouveaux Riches» (1999), 30
117. K.Muggeridge, R.Adam, «Beatrice Webb: A Life 1858–1943» (1967), 89.
118. J.Amery, «The Life of Joseph Chamberlain», III (1934), 16.
119. J.L.Garvin, «The Life of Joseph Chamberlain», III (1934), 16.
120. Balfour, «Ne Obliviscaris», II, 270.
121. Blunt, «Diaries», I, 262.
122. Jackson, «East Africa», 321.
123. Oliver, «Johnston», 293.
124. G.W.Steevens, «With Kitchener to Khartoum» (изд. 1990), 4.
125. W.Churchill, «The River War», I (изд. 1899), 276.

126. W.Storrs, «Orientations» (изд. 1945), 105.
127. PRO, 30/57/10, Kitchener Papers, письмо Китченера сэру Эдварду Баррингтону от 21 мая 1896 г.
128. Там же, письмо Уолсли Китченеру от 14 апреля 1898 г.
129. P.Warner, «Kitchener» (1985), 13.
130. P.Magnus, «Kitchener: Portrait of an Imperialist» (изд. 1968), 175.
131. J.Pollock, «Kitchener» (2001), 101.
132. French, «Younghusband», 152.
133. Storrs, «Orientation», 105.
134. J.Lees-Milne, «The Enigmatic Edwardian» (1986), 215.
135. Lycett, «Kipling», 426.
136. P.Brendon, «Winston Churchill: A Brief Life» (изд. 2001), 26.
137. Magnus, «Kitchener», 158.
138. Stevens, «Kitchener», 266.
139. R.S.Churchill, «Winston S.Churchill», I (1966), 425.
140. L.James, «The Savage Wars» (1985), 4.
141. H., M.Cecil, «Imperial Marriage» (2002), 90.
142. M.W. Daly, «Empire on the Nile» (Cambridge, 1986), 6.
143. D.Scott (ред.), «Douglas Haig: The Preparatory Prologue 1861–1914» (Barnsley, 2006), 102–3.
144. Частная информация: полковник Морис Уиллоуби.
145. D.L.Lewis, «The Race to Fashoda» (1988), 220.
146. Blunt, «Diaries», I, 367.
147. E.N.Bennett, «After Omdurman», «Contemporary Review», LXXV (январь 1899 г.), 23.
148. Churchill, «River War», II, 196.
149. R. Wallace, «The Seamy Side of Imperialism», «Contemporary Review», LXXV (июнь 1899 г.), 783.
150. W. Churchill, «The Story of the Malakand Field Force» (изд. 1974), 95.
151. W. Churchill, «Savrola» (изд. 1990), 78. Черчилль считал (78–79), что британцы имеют моральное превосходство. На их стороне сила, в то время как у римлян «были только мечи... а когда те пришли в негодность, римляне больше не смогли их использовать».
152. CAC, CHAR 8/2/7.
153. R.Kipling, «Stalky and Co.» (изд. 1982), 214.
154. W.S.Churchill (ред.), «Never Give In!» (2003), 4.
155. R.Hyam, «Empire and Sexuality: The British Experience» (Manchester, 1990), 78.
156. P.Brendon, «Eminent Edwardians» (изд. 2003), 215.
157. T.Hodgkin, «The Fall of the Roman Empire and its Lessons for Us», «Fortnightly Review», LXXIII (январь 1898 г.), 70.

158. A.Lyall, «The Rise and Expansion of the British Dominion in India» (изд. 1907), 346.
159. M.G.Jessett, «The Bond of Empire» (1902), xi.
160. «Review of Reviews», XVI (июль 1897 г.), 83–84.
161. M.Twain, «Europe and Elsewhere» (1923), 206 и 207.
162. «Illustrated London News» за 12 июня 1897 г.
163. Gibbon, «Decline and Fall», I, 211.
164. Garvin, «Chamberlain», III, 195.
165. F.Driver, D.Gilbert, «Imperial Cities: Landscape, Display and Identity» (Manchester, 1999), 96.
166. «Illustrated London News» за 12 июня 1897 г.
167. C.Hibbert, «Queen Victoria in her Letters and Journals» (1984), 335.
168. G.W.Steevens, «Things Seen» (1900), 193–94.
169. Twain, «Europe», 290.
170. Hibbert, «Letters and Journals», 335.
171. «Review of Reviews», XVI (июль 1897 г.), 85.
172. R.Shannon, «Gladstone: Heroic Minister 1865–98» (1999), 588.
173. C.Hibbert, «Queen Victoria» (2000), 458.
174. Roberts, «Salisbury», 663.
175. F.Harrison, «The Monarchy», Fortnightly Review», LXVI (июнь 1872 года), 624.
176. J.A.S.Grenville, «Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century» (изд. 1970), 4.
177. A.Wilson, «The Strange Ride of Rudyard Kipling» (1977), 202.
178. Kipling, «Verse», 130.
179. W.Clarke, «The Social Future of England», «Contemporary Review», 78 (декабрь 1900 г.), 860.
180. Ritortus, «The Imperialism of British Trade», «Contemporary Review», 67 (август 1899 г.), 296.
181. Steevens, «Things Seen», 23, 28, 30 и 36.
182. A.M.Gollin, «Proconsul in Politics» (1964), 17. Фраза принадлежит Розбери.
183. J.Springhall, Youth, «Empire and Society» (1977), 42.
184. D.Judd, «Balfour and the British Empire» (1968), 44.
185. «Review of Reviews», XVI (август 1897 года), 153.
186. Thompson, «Empires on the Pacific», 45. (Исправлена пунктуация).
187. H.Brogan, «Longman History of the United States of America» (1985), 453.
188. Garvin, «Chamberlain», III, 302.
189. C.S.Campbell, «Anglo-American Understanding 1898–1903» (Baltimore, 1957), 45–46.

190. J.Keay, «Last Post: The End of Empire in the Far East» (1997), 117, 104 и 115–16.

191. Goldwin Smith, «Commonwealth or Empire: A Bystander's View of the Question» (1902), 48, 60, 31 и 52.

Глава 8

«Варвары шумят на границах»

1. W.K.Hancock, «Smuts», I (Cambridge, 1962), 109.

2. F.Wheen, «Karl Marx» (1999), 370.

3. D.Judd, K.Surridge, «The Boer War» (2002), 241 и 243.

4. D.Sreele, «Salisbury and the Soldiers» в J.Gooch (ред.), «The Boer War» (2000), 14.

5. J.Wilson, «CB: A Life of Sir Henry Campbell-Bannermann» (1973), 349.

6. C.Headlam (ред.), «The Milner Papers», I (1931), 234.

7. Garvin, «Chamberlain», III, 405.

8. A.Porter, «The South Africa War (1899–1902): Context and Motive Reconsidered», JAH, 31 (1990), 46.

9. R.Hyam, P.Henshaw, «The Lion and the Springbok» (Cambridge, 2003), 44.

10. J.S.Marais, «The Fall of Kruger's Republic» (Oxford, 1961), 172.

11. DNB.

12. T.Pakenham, «The Boer War» (1979), 79.

13. «Review of Reviews», XX (июль 1899 г.), 19.

14. A.G.Gardiner, «Pillars of Society» (1913), 326.

15. По словам Бланта (Diaries, I, 412–13), Милнер сказал леди Коупер перед тем, как отправиться в путь: «Если я вернусь, не поучаствовав в войне, то буду считать, что моя миссия провалилась».

16. J.Benyon, «"Intermediate" imperialism and the test of Empire: Milner's «excentric» High Commission in South Africa» в D.Lowry (ред.), «The South African War Reappraised» (Manchester, 2000), 94.

17. «Review of Reviews», XX (сентябрь 1899 г.), 277.

18. Hyam, Henshaw, «Lion and Springbok», 45.

19. Headlam (ред.), «Milner Papers», I, 58.

20. Butler, «Autobiography», 403.

21. Pakenham, «Boer War», 65.

22. E.Drus, «Select Documents from the Chamberlain Papers concerning Anglo-Transvaal relations 1896–99», BIHR, 27 (1954), 189.

23. Roberts, «Salisbury», 725.

24. Marais, «Kruger's Republic», 318.

25. B.Farwell, «Great Boer War» (1977), 126.

26. Biddesden MSS, Уолтер Гиннес, 8 сентября 1900 г.
27. L.S.Amery, «The Times History of the War in South Africa (1900–06)», II, 26.
28. J.B.Atkins, «The Relief of Ladysmith» (1900), 131.
29. Pakenham, «Boer War», 204.
30. Amery, «The Times History», II, 350.
31. H.Kochanski, «Wolseley and the South African War» в Gooch (ред.), «Boer War», 68.
32. E.R., J.Pennell, «The Life of James McNeill Whistler» (1908), 395. Очевидно, Уистлер не впервые слышал эту шутку. См. J., E.Pennell (ред.), «The Whistler Journal» (1921), 240. Там она приписывается Харрисону Моррису.
33. «Fortnightly Review, LXVII (январь 1900 г.), 8.
34. «Review of Reviews», XXI (январь 1900 г.), 3.
35. Amery, «The Times History», II, 460.
36. Королевская комиссия по народному ополчению и волонтерам (1904), Cd. 2061, 28 и Butler, Autobiography, 207. Кажется ясным, что Батлер ссылаясь на Буллера, хотя он и не упоминает его фамилию.
37. Farwell, Great Boer War, 151.
38. Цитируется J. Montgomery, 1900: The End of an Era (1968), 68. Оригинал катрена см. L.S. Amery, My «Political Life», I (1953), 135.
39. Sread, «Last Will», 180.
40. Biddesden MSS, Уолтер Гиннес, 2 августа 1900 г.
41. H.W.Nevinson, «Ladysmith: The Diary of a Siege» (1900), 267.
42. Lycett, «Kipling», 324.
43. F.Saunders, «Mafeking Memories», ред. P.T.Smith (1996), 10.
44. P.M.Krebs, «Gender, Race, and the Writing of Empire» (Cambridge, 1999), 13.
45. Viscountess Milner, «My Picture Gallery» (1951), 122.
46. R.Price, «An Imperial War and the British Working Class» (1972), 175. Это было обвинение Халеви.
47. Biddesden MSS, Уолтер Гиннес, 15 июня 1900 г.
48. Pollock, «Kitchener», 181 и 176.
49. S.B.Spies, «Methods of Barbarism?» (Cape Town, 1977), 44.
50. «The Times» за 25 февраля 1902 г.
51. E.Hobhouse, «The Brunt of War» (1902), 255.
52. «Review of Reviews», XXII (июль 1901 г.), 9.
53. Pakenham, «Boer War», 508–09.
54. R. van Reenen (ред.), «Emily Hobhouse: Boer War Letters» (Cape Town, 1984), 101.
55. CAC, JACD 957, «Treherne Journal», 167.
56. «Daily News» за 31 января 1902 г.
57. K.Jeffry, «The Irish Soldier in the Boer War» в Gooch (ред.), «Boer War», 141.

58. Elveden MSS, R.Guinness, «Boer War Diary», 21 сентября 1900 г.
59. Цитируется название книги Дж.Ф.С.Фуллера (1937).
60. C.Carribgton, «Rudyard Kipling: His Life and Work» (1955), 327.
61. Spies, «Methods of Barbarism?», 126, 80 и 299.
62. Stead, «Last Will», 184.
63. I.R.Smith, «The Origins of the South African War, 1899–1902» (1996), 10.
64. Pakenham, «Boer War», 563 и 119.
65. R.Hyam, «British Imperial Policy and South Africa 1901–10» в P.Warwick (ред.), «The South African War» (1980), 376.
66. G.H.L.Le May, «British Supremacy in South Africa 1899–1907» (Oxford, 1965), 29.
67. R.Kruger, «Good-bye Dolly Gray» (1959), 371.
68. W.N.Tilchin, «The United States and the Boer War» в «The International Impact of the Boer War», ред. K.Wilson (Chesham, 2001), 110.
69. «National Review», 203 (январь 1900 г.), 670.
70. «Review of Reviews», XXI (январь 1900 г.), 11.
71. J.A.Smith, «John Buchan» (1965), 110.
72. G.B. Pyrah, «Imperial Policy and South Africa 1902–1910» (Oxford, 1955), 249.
73. I.Hexham, «Afrikaner Nationalism 1902–14» в Warwick (ред.), «South African War», 391.
74. Porter, «Critics of Empire», 293.
75. A.P.Thornton, «The Imperial Idea and its Enemies» (1959), 108–09.
76. D.Lowry, «"The Boers were the beginning of the end?": the wider impact of the South African War» в Lowry (ред.), «South African War», 224.
77. P.M.Kennedy, «The Rise and Fall of British Naval Mastery» (изд. 1983), 217.
78. G.Searle, «"National Efficiency" and the "Lessons" of the War» в D.Omissi, A.S.Thompson (ред.), «The Impact of the South African War» (Basingstoke, 2002), 199.
79. Kennedy, «British Naval Mastery», 205.
80. Цитируется A.L.Friedberg, «The Weary Titan» (Princeton, NJ, 1988), 21.
81. J.Amery, «Chamberlain», VI, 461.
82. M.Gilbert, «Churchill» (1991), 146.
83. R.S.S.Baden-Powell, «Scouting for Boys» (1908), 337.
84. G.R.Searle, «The Quest for National Efficiency» (Oxford, 1971), 60.
85. Montgomery, 1900, 78.
86. N.Mackenzie (ред.), «The Letters of Sydney and Beatrice Webb», II (1978), 72.

87. «The Decline and Fall of the British Empire» (1905), 50. Истинный автор неизвестен.
88. F.G.Hutchins, «The Illusion of Permanence: British Imperialism in India» (Princeton, NJ, 1967), 145.
89. D.Omissi, «India: Some Perceptions of Race and Empire» в Omissi, Thompson (ред.), «South African War», 224.
90. M.K.Gandhi, «An Autobiography» (Ahmedabad, изд. 1958), 78.
91. J.M.Brown, «Gandhi – A Victorian Gentleman: An Essay in Imperial Encounter», JICH, XXVII (май 1999 г.), 69.
92. Chaudhuri, «Thy Hand», 436.
93. D.G.Tendulkar, «Mahatma», II (Delhi, 1951), 113.
94. C.Tsuzuki, «Edward Carpenter 1844–1929: Prophet of Human Fellowship» (Cambridge, 1980), 115 и 64.
95. Y.Chadha, «Rediscovering Gandhi» (1997), 189, 82 and 87.
96. Hancock, «Smuts», I, 328.
97. W.Denison, «Varieties of Vice-Regal Life», II (1870), 83.
98. Bence-Jones, «Viceroys», 44.
99. Gopal, «British Policy in India», 59.
100. CUL, Add 7490, Mayo Papers, папка 149, письмо Майо Аргиллу от 19 апреля 1869 г.
101. A.Seal, «The Emergence of Indian Nationalism» (Cambridge, 1968), 152.
102. P.Mason, «The Men Who Ruled India» (1985), 207.
103. G.Pottinger, «Mayo» (1990), 132.
104. Woodham Smith, «Nightingale», 370.
105. CUL, Add 7490, папка 149, письмо Майо Дизраэли от 2 мая 1869 г.
106. Там же, папка 153, письмо Майо Аргиллу от 6 апреля 1870 г.
107. Там же, письмо Майо лорду Напьеру от 15 мая 1870 г.
108. Там же, письмо Майо Аргиллу от 26 августа 1870 г.
109. Там же, письмо Майо Напьеру от 6 августа 1870 г.
110. Там же, папка 149, письмо Майо Аргиллу от 17 октября 1869 г.
111. Там же, от 30 ноября 1869 г.
112. Там же, папка 153, письмо Майо Аргиллу от 9 ноября 1870 г.
113. L.Stephen, «The Life of Sir James Fitzjames Stephen» (1895), 293.
114. CUL, Add 7490, папка 153 от 15 мая 1870 г.
115. B.Balfour, «Lord Lytton's Indian Administration» (1899), 108 and 110.
116. N.Gradia, «Lord Curzon» (Delhi, 1993), 135. Фраза принадлежит Мэри Керзон.
117. Seal, «Indian Nationalism», 247.
118. Balfour, «Lytton's Indian Administration», 110.
119. V.Prinsep, «Imperial India» (год издания не указан), 36.
120. Gibbon, «Decline and Fall», I, 389.

121. W.W.Hunter, «The India of the Queen» (1903), 150.
122. W.S.Blunt, «India under Ripon» (1909), 237.
123. Davis, «Late Victorian Holocausts», 31.
124. P.Moon, «The British Conquest and Dominion of India» (1989), 843.
125. M.lutyens, «The Lyttons in India» (1979), 61.
126. Davis, «Late Victorian Holocausts», 54.
127. M.Cowling, «Lytton, the Cabinet and the Russians, August to November 1878», HER, 76 (январь 1961 г.), 70.
128. CUL, Add 7349, «Sir James Fitzjames Stephen Papers», Box 2, Литтон Стивену, 28 января 1878 г.
129. Gopal, «British Policy in India», 86.
130. Blunt, «Secret History», 60.
131. Trousdale, «War in Afghanistan», 101 и 124.
132. CUL, Add 7349, Box 2, письмо Литтона Стивену, 20 января 1880 г.
133. S.Gopal, «The Viceroyalty of Lord Ripon 1880–84» (Oxford, 1953), 84.
134. R.R.Choudhury, «Calcutta A Hundred Years Ago» (Calcutta, год издания не указан), 159.
135. Blunt, «India Under Ripon», 18.
136. Pinney (ред.), «Kipling's India», 83–84.
137. Gopal, «Ripon», 143.
138. A.Pollen, «John Hungerford Pollen» (1912), 342.
139. Seal, «Indian Nationalism», 291.
140. B.Martin, «New India, 1885» (Berkeley, CA, 1969), 56.
141. M.Cumpston, «Some Early Indian Nationalists and Their Allies in the British Parliament, 1851–1906», EHR, 76 (апрель 1961 г.), 290.
142. Thant Myint-U, «The Making of Modern Burma» (Cambridge, 2001), 191.
143. H.T.White, «A Civil Servant in Burma» (1913), 105.
144. Thant Myint-U, «Modern Burma», 53.
145. A.T.Q.Stewart, «The Pagoda War» (1972), 105.
146. Geary, «Burma», 244–45.
147. Seal, «Indian Nationalism», 190.
148. R.Guha, «A Corner of a Foreign Field» (2002), 51 и 35.
149. R.N.Cust, «Pictures of Indian Life» (1881), 272.
150. W.S.Churchill, «India» (1931), 136.
151. B.M.Bhatia, «Famines in India» (Delhi, изд. 1967), 271.
152. Seal, «Indian Nationalism», 196.
153. N.C.Chaudhuri, «The Autobiography of an Unknown Indian» (1951), 223.
154. S.A.Wolpert, «Tilak and Gokhale» (Berkeley, CA, 1962), 253.
155. R.J.Moore, «Curzon and Indian Reform», MAS, 27, 4 (1993), 722.

156. Gilmour, «Curzon», 30, 104, 102.
157. H. Nicolson, «Curzon: The Last Phase» (New York, изд. 1974), 12.
158. D'Abernon, «Portraits», 25 и 28.
159. Gibbon, «Decline and Fall», III, 836.
160. D. Dilks, «Curzon in India», I (1969), 95 and 237.
161. Earl of Ronaldshay, «The Life of Lord Curzon», II (1928), 143.
162. «The Times» за 31 января 1921 г.
163. D. Dilks, «Curzon in India», II (1970), 39.
164. Ronaldshay, «Curzon», II, 229.
165. D. Cannadine, «Lord Curzon as Ceremonial Impresario» в Cannadine, «Aspects of Aristocracy» (1994), 85.
166. Omissi, «India: Some Perceptions of Race and Empire» в Omissi, Thompson (ред.), «South African War», 221.
167. Curzon, «British Government in India», II, 123.
168. CSAS, Iris Portal, неопубликованные мемуары, 33.
169. P. Kanwar, «Imperial Simla: The Political Culture of the Raj» (New Delhi, изд. 2003), 69.
170. P. H. Hansen, «Vertical Boundaries, National Identities: British Mountaineering on the Frontiers of Europe and the Empire, 1868–1914», JICH, XXIV (январь 1996 г.), 63.
171. Bence-Jones, «Viceroys», 93.
172. CSAS, Campbell/Metcalf Papers, Box IX, письмо Эмили (Энни) Меткалф Джорджиане, 22 июля 1849 г.
173. French, «Young husband», 193.
174. Dilks, «Curzon», II, 24.
175. C. Allen, «Raj» (изд. 1979), 19.
176. S. A. Wolpert, «Morley and India 1906–10» (Berkeley, CA, 1967), 47.
177. A. M. Zaidi и др. (ред.), «The Encyclopaedia of India National Congress», V (Delhi, 1978), 211.
178. S. E. Koss, «John Morley at the India Office 1905–10» (1969), 184.
179. Zaidi и др. (ред.), «India National Congress», V, 215.
180. «National Review», 203 (февраль 1900 г.), 842.
181. M. Gilbert, «Servant of India» (1966), 119.
182. J. W. Robertson Scott, «The Life and Death of a Newspaper» (1952), 42.
183. V. Chirol, «Indian Unrest» (1910), 55.
184. Wolpert, «Morley and India», 127.
185. Hyam, «Britain's Imperial Century» (изд. 1976), 241.
186. R. Coupland, «The Empire in These Days» (1935), 122.
187. J. Morley, «Recollections», I (1917), 181.
188. CUL, Crewe Papers, C/19–24, письмо Крюе Хардинджу, 18 июля 1912 г.
189. SAC, BGGF, I/64. Дневник сэра Б. Годфри-Фоссетта, 12 декабря 1911 г.

190. P.Greenhalgh, «Ephemeral Vistas» (Manchester, 1988), 58.
191. САС, BGGE, 1/62, 5 января 1912 года.
192. CUL, Crewe Papers, C/19-24, письма Крюе Хардинджу, 2 и 24 февраля 1911 г.
193. САС, BGGE, 1/62, 15 декабря 1911 г.
194. В.С.Busch, «Hardinge of Penshurst» (Hamden, CT, 1980), 207.
195. CUL, Crewe Papers, C/19-24, письмо Крюе Хардинджу, 14 мая 1914 г.
196. CUL, Hardinge Papers, File 82, письмо Хардинджа Кармайклу, 2 августа 1912 г.
197. CUL, Crewe Papers, C/19-24, письмо Крюе Хардинджу, 6 декабря 1912 г.
198. «The Letters of Gertrude Bell» (изд. 1987), 301.
199. Busch, «Hardinge», 213.
200. A.Davidson, «Edward Lear» (изд. 1950), 210.
201. W.Dalrymple, «City of Djinn» (1993), 84.
202. САС, PJGG 6, письмо леди Григ Дороти Хаммонд, 21 октября 1934 г.
203. R.G.Irving, «Indian Summer: Lutyens, Baker and Imperial Delhi» (1981), 340.
204. CSAS, Portal. Мемуары, 25.
205. Irving, «Indian Summer», 355 и 350.

Глава 9

«Империя, справедливая или несправедливая»

1. A.G.S.Butler, «The Architecture of Sir Edwin Lutyens», III (1950), 37. Фраза принадлежит Ллойд Джорджу.
2. М.Н.Port, «Imperial London» (1995), 21.
3. «East London Observer» (от 6 января 1906 г.), цитируется J.A.Garrard, «The English and Immigration 1880—1910» (1971), 49.
4. М.Trevelyan, «Britain's Greatness Foretold» (1900), xi.
5. D.Olsen, «The Growth of Victorian London» (изд. 1979), 335 и 333.
6. Н.G.Wells, «Tono-Bungay» (изд. 1972), 73.
7. Port, «Imperial London», 205 и 209.
8. I.Toplis, The Foreign Office: An Architectural History» (1987), 164.
9. S.Goetze, «Mural Decorations at the Foreign Office» (1936), 5.
10. Driver, Gilbert (ред.), «Imperial Cities», 42 и 35.
11. «The Times» за 17 мая 1911 г.
12. R.J.B.Bosworth, «Mussolini's Italy» (2005), 12 и 13.
13. «Illustrated London News» за 20 мая 1911 г.
14. «The Times» за 5 мая 1911 г.

15. «Standard of Empire» за 26 марта 1911 г.
16. R. Rhodes James (ред.), «Winston S. Churchill: His Complete Speeches», VII (1974), 6920.
17. «United Empire», I (1910), 119. Автором был Артур Беннетт.
18. Driver, Gilbert (ред.), «Imperial Cities», 127.
19. A.B.Keith (ред.), «Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy 1763–1917», II (изд. 1933), 358. Лорье повторял то, что говорил в 1910 г.
20. J.Buchan, «A History of the Great War», I (1921), 113.
21. Gilbert, «Churchill», IV, 158.
22. N.Ferguson, «The Pity of War» (1998), 294.
23. W.Hughes, «The Splendid Adventure» (1929), 271.
24. M.Howard, «Continental Commitment» (1972), 60.
25. T.E.Lawrence, «Seven Pillars of Wisdom» (изд. 1976), 4.
26. J.M.Brown, «Gandhi's Rise to Power» (Cambridge, 1972), 126.
27. OHBE, IV, 121.
28. «United Empire», VI (1915), 56.
29. D.Oliver, «A Canadian Armistice» в H.Cecil, P.H.Liddle (ред.), «At the Eleventh Hour» (1998), 186.
30. Gibbon, «Decline and Fall», I, 624.
31. Hobson, «Imperialism», 223.
32. Gibbon, «Decline and Fall», II, 509.
33. Hardinge, Penshurst, «My Indian Years 1910–16» (1948), 34.
34. D.C.Ellinwood, S.D.Prahan (ред.), «India and World War», I (Manchester, 1978), 199.
35. Mulk Raj Anand, «Across the Black Water» (1940), 142.
36. OIOC, L/MIL/5/825, ff. 112, 270 и 242.
37. J.W.B.Merewether, F.Smith, «The Indian Corps in France» (1919), 8.
38. L.Macdonald, «1915: The Death of Innocence» (1993), 96.
39. OIOC, L/MIL/5/825, f. 236.
40. Там же, f. 250.
41. R.Grimshaw, «Indian Cavalry Officer 1914–15» (1986), 39.
42. J.Willcocks, «With the Indians in France» (1920), 31.
43. OIOC, L/MIL/5/825, f. 245.
44. J.Keegan, «The First World War» (1998), 213.
45. S.Cowasjee, «So May Freedom» (Delhi, 1977), 111.
46. C.Chenevix Trench, «The Indian Army and the King's Enemies 1900–47» (1988), 42.
47. OIOC, L/MIL/5/825, f. 233.
48. J.Collins, «Dr Brighton's Indian Patients» (Brighton, 1997), 23.
49. D.Omissi, «The Sepoy and the Raj» (1994), 161.
50. J.Greenhut, «The Imperial Reserve: The Indian Corps on the Western Front, 1914–15», JICH, XII (октябрь 1983 г.), 56.
51. Brown, «Gandhi's Rise to Power», 150.
52. B.Farwell, «Armies of the Raj» (1989), 253.

53. Chenevix Trench, «Indian Army», 82.
54. E.Candler, «The Long Road to Baghdad» (1919), 231.
55. A.J.Barker, «The Neglected War: Mesopotamia 1916–18» (1967), 18.
56. D.L.Neave, «Remembering Kut» (1937), 158.
57. S.Bhattacharya, «Anxious Celebrations: British India and the Armistice» в Cecil, Liddle (ред.), «Eleventh Hour», 195.
58. J.M.Brown, «War and the Colonial Relationship: Britain, India and the War of 1914–18», в Ellinwood, Prahan (ред.), «India and World War», I, 22.
59. DNB.
60. S.A.Wolpert, «Congress Leadership in Transition: Jinnah to Gandhi, 1914–20» в Ellinwood, Prahan (ред.), «India and World War», I, 132.
61. R. von Albertini, «The Impact of Two World Wars on the Decline of Colonialism», JCH, 4.1 (январь 1969 г.), 21.
62. M.O'Dwyer, «India as I Know It 1885–1925» (1925), 369. Педантом был Лайонел Кёртис из «детского сада» Милнера.
63. R.J.Moore, «Curzon and Indian Reform», MAS, 27.4 (1993), 738.
64. E.S.Montagu, «An Indian Diary» (1930), 58 и 185.
65. S.Wolpert, «Jinnah of Pakistan» (New York, 1984), 67 и 62.
66. Brown, «Gandhi's Rise to Power», 161 и 174.
67. «Amritsar' Blackwood's Magazine», CCVII (апрель 1920 г.), 445.
68. O'Dwyer, «India», 274.
69. CSAS, Darling Papers, письмо Малкольма Дарлинга своей сестре Ирен от 30 апреля 1919 г.
70. «Daily Mail» за 4 мая 1920 г.
71. D.Sayer, «British Reaction to the Amritsar Massacre», PP, 131 (май 1991 г.), 140.
72. CSAS, Darling Papers, письмо Дарлинга своей сестре Ирен от 30 апреля 1919 г. Дарлинг растерял все амбиции после этого эпизода и посвятил себя написанию книг о крестьянах. «Профессиональный тупик оставил его принципы нетронутыми». (C.Dewey, «Anglo-Indian Attitudes» (1993), 163.)
73. P.N.Furbank, «E.M.Forster: A Life», II (1978), 61.
74. Gilbert, «Churchill», 422.
75. A.Rumbold, «Watershed in India 1914–22» (1979), 202.
76. «The Times» за 9 июля 1920 г.
77. A.Fitzroy, «Memoirs», II (год издания не указан), 734.
78. Draper, «Amritsar», 178.
79. J.Adams, P.Whitehead, «The Dynasty: The Nehru-Gandhi Story» (New York, 1997), 48.
80. R.Tagore, «Letters to a Friend» (1928), 88.

81. Zaidi и др. (ред.), India National Congress, VII, 457 and 475.
82. J.Nehru, «A Bunch of Old Letters» (1960), 16.
83. S.M.Rai, «The Jallianwala Bagh Tragedy: Its Impact on Political Awakening and Thinking in India» в V.N.Datta, S.Setta (ред.), «Jallianwala Bagh Massacre» (Delhi, 2000), 32.
84. S.R.Bakshi, «Indian National Movement and the Raj», III (Delhi, 1989), 71.
85. S.D.Waley, «Edwin Montagu» (Bombay, 1964), 262.
86. Duke of Windsor, «A King's Story» (изд. 1998), 178.
87. G.Souter, «Lion and Kangaroo» (1976), 21.
88. R.Jebb, «Studies in Colonial Nationalism» (1905), 192 и 199.
89. Clark, «History of Australia», V (1981), 5.
90. E.M.Andrews, «The Anzac Illusion» (Cambridge, 1993), 38.
91. «United Empire», I (1910), 283.
92. Строки Лоусона цитирует R.Ward, «The Australian Legend» (Melbourne, 1958), 228.
93. J.Masefield, «Gallipoli» (1916), 19.
94. C.E.W.Bean, «Official History of Australia in the War of 1914–18», I (Sydney, 1933), 6 и 605.
95. Bean, «Official History», VI (1942), 1095.
96. A.Thomson, «"Steadfast until Death"? C.W.E. Bean and the Representation of Australian Military Manhood», AHS, 23 (октябрь 1989 г.), 477.
97. J.Ross, «The Myth of the Digger» (Sydney, 1985), 110.
98. J.Barrett, «No Straw Man: C.E.W.Bean and Some Critics», AHS, 23 (апрель 1988 г.), 111.
99. Souter, «Lion and Kangaroo», 118, 64 и 164.
100. Gibbon, «Decline and Fall», I, 595.
101. T.Higgins, «Winston Churchill and the Dardanelles» (1963), 106 и 134.
102. J.Winter, B.Baggett, «The Great War and the Shaping of the Twentieth Century» (1996), 110.
103. L.Hamilton, «Gallipoli Diary», I (1920), 122.
104. C.Pugsley, «Gallipoli: The New Zealand Story» (изд. 2001), 75.
105. Clark, «History of Australia», V, 394.
106. J.Robertson, «Anzac and Empire» (1990), 44.
107. A.Herbert, «Mons, Anzac & Kut» (1930), 115.
108. D.Craven, Peninsula of Death (год издания не указан), 27.
109. Robertson, «Anzac», 68 и 76.
110. L.A.Carlyon, «Gallipoli» (2002), 45.
111. J.H.Morrow, «The Great War in Imperial History» (2004), 73.
112. C.F.Aspinall-Oglander, «Gallipoli», I (изд. 1992), 197.
113. A.Thompson, «"The vilest libel of the war"?: imperial politics and the official histories of Gallipoli», AHS, 25 (октябрь 1993 г.), 629.
114. Aspinall-Oglander, «Gallipoli», I, 268.

115. Masfield, «Gallipoli», 52.
116. B.Carman, J.McPherson (ред.), «Bimbashi McPherson» (1983), 144.
117. E.Ashmead-Bartlett, «The Uncensored Dardanelles» (год издания не указан), 57.
118. J.Murray, «Gallipoli as I Saw it» (1965), 76.
119. C.Mackenzie, «Gallipoli Memoirs» (1929), 82.
120. K.Fewster (ред.), «Gallipoli Correspondent: The Frontline Diary of C.E.W.Bean» (Sydney, 1983), 157 и 39.
121. IWM, 01/121, Дневник бригадира Дж.Напьера Джонсона, 24 августа и 4 сентября 1915 г., 12 января 1916 г. и 14 октября 1915 г. Джонстон командовал новозеландскими артиллеристами и, как можно предположить из этих отрывков, его дневники, которые не редактировались, отражают чувства, которые различались день ото дня из-за стресса сражения. Я исправил пунктуацию.
122. Bean, «Official History», I, 547—48.
123. B.Gammage, «The Broken Years: Australian Soldiers in the Great War» (Canberra, 1974), 89.
124. Andrews, «Anzac Illusion», 154.
125. Ashmead-Bartlett, «Dardanelles», 107.
126. R.Rhodes James, «Gallipoli» (1965), 154.
127. K.Sinclair, «A Destiny Apart» (Wellington, NZ, 1986), 144.
128. Hamilton, «Gallipoli Diary», I, 184—85.
129. Rhodes James, «Gallipoli», 142.
130. Mackenzie, «Gallipoli», 152.
131. A.B.Facey, «A Fortunate Life» (изд. 1986), 262.
132. Andrews, «Anzac Illusion», 54.
133. M.B.Tyquin, «Gallipoli: The Medical War» (Kensington, NSW, 1993), 180.
134. S.Roskill, «Hankey: Man of Secrets», I (1970), 220.
135. Fewster (ред.), «Gallipoli Correspondent», 163.
136. B.Page, «The Murdoch Archipelago» (2003), 41.
137. R.Owen, «Lord Cromer» (Oxford, 2004), 387.
138. N.Steel, P.Hart, «Defeat at Gallipoli» (изд. 1995), 420.
139. Bean, «Official History», III (Sydney, 1934), 600.
140. C.E.W.Bean, «Letters from France» (1917), 108.
141. Souter, «Lion and Kangaroo», 238.
142. Gammage, «Broken Years», 165.
143. Andrews, «Anzac Illusion», 98.
144. J.Thompson, «On Lips of Living Men» (1962), 124.
145. L.F.Fitzhardinge, «The Little Digger», II (1979), 48.
146. N.Cowper, «Sir Galahad, the Dauntless Imp and Others», Australian Quarterly», XXIII (июнь 1951 г.), 51.
147. Clark, «History of Australia», VI, 112.
148. M.MacMillan, «Peacemakers» (изд. 2003), 56.

149. W.M.Hughes, «Policies and Potentates» (Sydney, 1950), 242.
150. Fitzhardinge, «Little Digger», II, 318 and 292.
151. Clark, «History of Australia», VI, 17.
152. P.White, «Flaws in the Glass» (1981), 232.
153. K.S.Inglis, «World War One Memorials in Australia» в «Guerres Mondiales et Conflits Contemporains», 167 (июль 1992 г.), 58.
154. J.Phillips, «Was the Great War New Zealand's War?» в С.Wilcox (ред.), «The Great War» (Canberra, 1995), 67.
155. Robertson, «Anzac and Empire», 247.
156. Sinclair, «Destiny Apart», 172.
157. Souter, «Lion and Kangaroo», 205.
158. Bean, «Official History», VI, 1086.
159. Hughes, «Splendid Adventure», 437—38.
160. C.P.Stacey, «Canada and the Age of Conflict», I (Toronto, 1977), 49—50.
161. Gibbon, «Decline and Fall», I, 232.
162. W.F.Butler, «The Great Lone Land» (1872), 331.
163. P.Berton, «The National Dream» (Toronto, 1972), 10.
164. S.Zeller, «Inventing Canada: Early Victorian Science and the Idea of a Transcontinental Nation» (Toronto, 1987), 73.
165. W.K.Lamb, «History of the Canadian Pacific Railway» (New York, 1977), 14.
166. J.McNaughton, «Lord Strathcona» (Toronto, 1926), 294.
167. O.Lavallée, «Van Horne's Road» (Don Mills, Ont., 1974), 204.
168. P. Berton, «The Last Spike» (Toronto, 1973), 111.
169. W.Vaughan, «Sir William Van Horne» (Toronto, 1926), 109 и 91.
170. Butler, «Lone Land», 276.
171. Lavallée, «Van Horne's Road», 220.
172. Lamb, «Canadian Pacific», 1.
173. J.A.Eagle, «The Canadian Pacific Railway and the Development of Western Canada» (Kingston, Ont., 1989), 150.
174. Berton, «National Dream», 295.
175. Elveden MSS, Gwendolen Guinness Diary (1910), 70.
176. Berton, «Last Spike», 118.
177. Elveden MSS, «G.Guinness Diary», 81 и 77.
178. D.Creighton, «John A.MacDonald: The Old Chieftain» (Toronto, 1955), 254.
179. H.Dempsey (ред.), «The CPR West: The Iron Road and the Making of a Nation» (Vancouver, 1984), 151 и 273.
180. K.McNaught, «The History of Canada» (1970), 193.
181. D.Woodcock, «A Social History of Canada» (New York, 1988), 281.
182. L.G.Reynolds, «The British Immigrant» (Toronto, 1935), 269.
183. W.Booth, «In Darkest England and the Way Out» (изд. 1970), 93.

184. Zeller, «Inventing Canada», 260.
185. C.Berger, «The Sense of Power: Studies in the Ideas of Canadian Imperialism 1867–1914» (Toronto, 1970), 132.
186. Gibbon, «Decline and Fall», I, 233.
187. G.Smith, «The Political Destiny of Canada» (1878), 24 и 36.
188. H.B.Neatby, «Laurier and Imperialism» в C.Berger (ред.), «Imperial Relations in the Age of Laurier» (Toronto, 1969), 1.
189. J.Schull, «Laurier: The First Canadian» (Toronto, 1965), 410.
190. Carrington, «Kipling», 398.
191. C.Brown, «Goldwin Smith and Anti-Imperialism» в Berger (ред.), «Imperial Relations», 22.
192. C.Murrow, «Henri Bourassa and French-Canadian Nationalism» (Montreal, 1968), 35.
193. Schull, «Laurier», 531.
194. Stacey, «Canada», 176.
195. M.G.McGowan, «The Waning of the Green» (Montreal, 1999), 278 и 253.
196. Elveden MSS, письмо Г.Гиннес Х.Онслоу от 27 июня 1916 г.
197. M.Wade, The French Canadians, II (Toronto, 1968), 658.
198. H.P.Grundy, «Sir Wilfrid Laurier and Lord Minto» в Berger (ред.), «Imperial Relations», 31.
199. W.S.Churchill, «The World Crisis 1911–18», II (изд. 1938), 1155.
200. IWM, 65/55/1. Дневник майора Эдисона Ф.Линна, 1 января 1916 г.
201. IWM, 01/51/1. Письма бригадира Дж.М. Проуера, от 13 июля 1915 г.
202. D.Morton, «Canada and War» (Toronto, 1981), 65.
203. P.J.Haythornthwaite, «The World War One Source Book» (изд. 1997), 267.
204. D.Morton and J.L. Granatstein, «Marching to Armageddon: Canadians and the Great War 1914–19» (Toronto, 1989), 114.
205. T.Travers, «The Killing Ground: The British Army of the Western Front and the Emergence of Modern Warfare» (1987), 20.
206. A.McKee, «Vimy Ridge» (1966), 65.
207. B. Rawling, «Surviving Trench Warfare: Technology and the Canadian Corps 1914–18» (Toronto, 1992), 89.
208. G.W.L.Nicholson, «Canadian Expeditionary Force 1914–19» (Ottawa, 1962), 244.
209. IWM, 65/55/1, 25 апреля и 5 мая 1917 г.
210. D.Morton, «When Your Number's Up» (Toronto, 1993), 168.
211. McKee, «Vimy Ridge», 91.
212. IWM, 65/55/1, 9 апреля 1917 г.
213. McKee, «Vimy Ridge», 126.
214. K.Macksey, «The Shadow of Vimy Ridge» (1965), 77.

215. «War Memoirs of David Lloyd George», II (изд. 1938), 2007.
216. Morton and Granatstein, «Marching to Armageddon», 197.
217. Stacey, «Canada», 211 и 239.
218. J.F.Vance, «Death So Noble: Memory, Meaning and the First World War» (Vancouver, 1997), 228.
219. Wade, «French Canadians», II, 712.
220. Elveden MSS, письмо Г.Гиннес Х.Онслоу, 7 июня 1916 г.
221. R.Craig Brown, R.Cook, «Canada 1896-1921» (Toronto, 1976), 305.
222. D.G.Dancocks, «Spearhead to Victory: Canada and the Great War» (Edmonton, 1987), 237.
223. E.J.Leed, «No Man's Land» (Cambridge, 1979), 193.

Глава 10

«Горящие надеждой освобождения»

1. K.Jeffery, «Irish Culture and the Great War», Bullán, I, № 2 (1994), 89.
2. J.Leonard, «Lest We Forget» в D.Fitzpatrick (ред.), «Ireland and the First World War» (Westmeath, 1988), 67.
3. P.Berton, «Vimy» (Toronto, 1986), 301. Только в конце XX века, после установления мира в Ирландии, была отдана дань тридцати тысячам человек с юга, которые пали во время Мировой войны. Памятник в форме 100-футовой кельтской круглой башни в Мессинесе построен из камней, привезенных из тридцати двух стран.
4. K.B.Nowlan (ред.), «The Making of 1916» (Dublin, 1969), viii.
5. D.H.Akenson, «The Irish in Ontario» (Montreal, 1984), 41.
6. Magnus, «Gladstone», 300.
7. Цитируется Т.Р.О'Коннор, «The Parnell Movement» (1886), 202.
8. Foster, «Modern Ireland», 375.
9. F.S.L.Lyons, «Ireland since the Famine» (изд. 1967), 130.
10. F.S.L.Lyons, «Charles Stewart Parnell» (1977), 92.
11. D.G.Boyce, «"The portrait of the King is the King": The Biographers of Charles Stewart Parnell» в D.G.Boyce, A.O'Day (ред.), «Parnell in Perspective» (1991), 294.
12. R.B.O'Brien, «The Life of Charles Stewart Parnell I» (изд. 1899), 73 и 146.
13. «Magdalene College Magazine and Record» № 36 (октябрь 1992 г.), 37.
14. C.C.O'Brien, «Parnell and His Party 1880–90» (1959), 10.
15. R.F.Forster, «Charles Stewart Parnell» (Hassocks, Suffolk, 1976), 290. Термин использовал брат Парнелла Джон.
16. T.M.Healy, «Letters and Leaders of My Day», I (1928), 89.
17. R.B.O'Brien, «Parnell», I, 145.

18. Healy, «Letters», I, 83.
19. C.Townshend, «Political Violence in Ireland» (Oxford, 1983), 7 and 106.
20. R.V.Comerford, «The Fenians in Context» (Dublin, 1985), 226.
21. W.O'Brien, D.Ryan (ред.), «Devoy's Postbag, 1871–1928», I (Dublin, 1948), 16.
22. K.O'Shea, «Charles Stewart Parnell», I (1914), 172.
23. W.S.Blunt, «The Land War in Ireland» (1912), 400.
24. G.Moore, «Parnell and his Island» (1887), 250.
25. Brendon, «Eminent Edwardians», 91.
26. J.L.Hammond, «Gladstone and the Irish Nation» (1938), 284.
27. S.Gwynn, G.M.Tuckwell, «Life of Sir Charles Dilke», I (1917), 441.
28. E.D.Steele, «Gladstone and Ireland», HIS, XVII, № 65 (март 1970 г.), 74.
29. Hammond, «Gladstone», 710.
30. R.B.O'Brien, «Parnell», II, 42.
31. Mansergh, «Irish Questions», 213.
32. S.B.Cook, «Imperial Affinities» (New Delhi, 1993), 30.
33. L.P.Curtis, «Coercion and Conciliation in Ireland 1880–92» (1963), 33.
34. Rose, «Superior Person», 134.
35. «Edinburgh Review», 165 (1887), 585.
36. S.H.Zebel, «Balfour» (1973), 67.
37. Curtis, «Coercion and Conciliation», 223.
38. B.Alderson, «Arthur James Balfour» (1903), 72.
39. Moore, «Parnell», 252.
40. R.Ellmann, «Yeats» (Oxford, изд. 1979), 100.
41. J.Joyce, «Dubliners» (изд. 1996), 151.
42. M.Brown, «The Politics of Irish Literature» (1972), 324.
43. V.S.Pritchett, «Dublin» (изд. 1991), 36.
44. S.O'Grady, «The Story of Ireland» (1894), 211.
45. E.Norman, «A History of Modern Ireland» (1971), 224.
46. Gibbon, «Decline and Fall», I, 999.
47. A.Bairner, «Ireland, sport and empire» в K.Jeffery (ред.), «An Irish Empire?» (Manchester, 1996), 68.
48. T.Fishlock, «Conquerors of Time» (2004), 410.
49. G.Moore, «Hail and Farewell» (Gerrards Cross, изд. 1976), 290, 26 и 238.
50. D.McCartney, «Hyde, D.P. Moran and Irish Ireland» в F.X.Martin (ред.), «Leaders and Men of the Easter Rising: Dublin 1916» (1967), 46.
51. S.O'Casey, «Autobiographies», I (изд. 1963), 428 и 456.
52. J.Lee, «The Modernisation of Irish Society 1848–1918» (Dublin, 1973), 138.

53. Moore, «Hail and Farewell», 223.
54. D.McCartney, «Gaelic Ideological Origins of 1916» в O.Dudley Edwards, F.Pyle (ред.), «1916: The Easter Rising» (1968), 46.
55. Brown, «Politics of Irish Literature», 355.
56. L.MacNeice, «Selected Poems» (1958), 62.
57. T.Jones, «Whitehall Diary», III (Oxford, 1969), xxiii.
58. R.Blake, «The Unknown Prime Minister» (1955), 129.
59. Brendon, «Churchill», 66.
60. P.H.Pearse, «Three Lectures on Gaelic Topics» (Dublin, 1898), 49.
61. R.Dudley Edwards, «Patrick Pearse: The Triumph of Failure» (1977), 179, 335 и 245.
62. D.Ryan, «The Rising» (Dublin, изд. 1957), 16.
63. Townshend, «Political Violence», 283.
64. O'Casey, «Autobiographies», I, 626.
65. F.Shaw, «The Canon of Irish History – A Challenge», «Studies» (1972), 126.
66. Lyons, «Ireland since the Famine», 360.
67. Edwards, «Pearse», 277.
68. Ryan, «Rising», 128.
69. J.Good, «Enchanted by Dreams» (Dublin, 1996), 32.
70. Ryan, «Rising», 130.
71. R.Dudley Edwards, «James Connolly» (Dublin, 1981), 139.
72. S.O'Casey, «Three Plays» (изд. 1980), 194.
73. G.Githens-Mazer, «Myths and Memoirs of the Easter Rising» (Dublin, 2006), 126.
74. O'Casey, «Autobiographies», I, 660.
75. M.Foy and B.Barton, «The Easter Rising» (Guildford, 1999), 140.
76. K.O'Brien, «My Ireland» (1962), 114.
77. Good, «Enchanted», 77.
78. J.Stephens, «The Insurrection in Dublin» (Dublin, 1916), 73.
79. K.Jeffery, «The GPO and the Easter Rising» (Dublin, 2006), 174.
80. E.O'Halpin, «The Decline of the Union» (Dublin, 1987), 120.
81. C.Townshend, «The Suppression of the Easter Rising», Bull n, I, № 1 (весна 1994 г.), 30.
82. Dudley Edwards and Pyle (ред.), 1916, 67.
83. BL, Add 49740, Balfour Papers, письмо сэра С.Спринг-Райса Бальфуру от 5 декабря 1916 г.
84. «G.B.Shaw, the Complete Prefaces», I, ред. D.H.Laurence, D.J.Leary (1993), 239.
85. Porter, «Critics of Empire», 267.
86. D.Ryan, «The Man Called Pearse» (Dublin, 1919), 1–2.
87. «The Collected Poems of W.B.Yeats (1950), 205.
88. Dudley Edwards, «Connolly», 120.
89. Dudley Edwards, Pyle (ред.), 1916, 194.
90. D.Kiberd, «Inventing Ireland» (1995), 259.

91. Townshend, «Political Violence», 323.
92. J. Augusteijn, «From Public Defiance to Guerilla Warfare» (Dublin, 1996), 57.
93. G. Dangerfield, «The Damnable Question» (1977), 259.
94. T. Ryle Dwyer, «De Valera: The Man & the Myths» (Swords, Co. Dublin, 1991), 40.
95. R. Kee, «The Green Flag», III (изд. 1972), 30.
96. M. Laffan, «The Resurrection of Ireland» (Cambridge, 1999), 53.
97. A. T. Q. Stewart, «Michael Collins: The Secret File» (Belfast, 1997), 29.
98. D. Ryan, «Remembering Sion» (1934), 235 и 251.
99. T. P. Coogan, «De Valera: Long Fellow, Long Shadow» (1993), 121 и 122.
100. S. Milne, «"Britain: Imperial Nostalgia", Global Policy Forum» (май 2005 г.)
101. A. J. Ward, «Ireland and Anglo-American Relations» (1969), 229 и 166.
102. Rhodes James (ред.), «Churchill: His Complete Speeches», III, 3022.
103. J. Campbell, «F. E. Smith First Earl of Birkenhead» (1983), 552.
104. Stewart, «Collins», 6.
105. Kee, «Green Flag», III, 112.
106. D. Duff, «Sword for Hire» (1934), 64.
107. F. S. L. Lyons, «John Dillon» (1968), 467.
108. F. Pakenham, «Peace by Ordeal» (изд. 1992), 49.
109. F. Owen, «Tempestuous Journey» (1954), 572.
110. D. Macardle, «The Irish Republic» (Dublin, изд. 1951), 416.
111. «Irish Times» за 14 марта 1921 г.
112. H. Martin, «Ireland in Insurrection» (1921), 11.
113. Jones, «Whitehall Diary», III, 65.
114. P. S. O'Hegarty, «A History of Ireland under the Union» (1952), 781.
115. Hancock, «Smuts», II, 61.
116. Lyons, «Ireland since the Famine», 444.
117. N. C. Johnson, «Ireland, the Great War and the Geography of Remembrance» (Cambridge, 2003), 149.
118. Dwyer, «De Valera», 285.
119. Lawrence, «Seven Pillars», 42.
120. P. Knightley, C. Simpson, «The Secret Lives of Lawrence of Arabia» (1969), 215.
121. J. Buchan, «Memory Hold-the-Door» (изд. 1945), 226.
122. M. FitzHerbert, «The Man who was Greenmantle» (1983), 144.
123. Lawrence, «Seven Pillars», 368, 272 и 450.
124. R. Meinertzhagen, Middle East Diary (1959), 30 and 32.
125. J. E. Mack, «A Prince of Our Disorder» (1976), 501. Автором

был Малкольм Маггеридж, который писал в «New York Times Book Review» 10 мая 1964 г.

126. E.Kedouri, «Islam and the Modern World» (1980), 273 и 270.

127. J.Wilson, «Lawrence of Arabia» (1979), 339.

128. Lawrence, «Seven Pillars», 450.

129. Gibbon, «Decline and Fall», III, 189.

131. Wilson, «Lawrence», 349.

132. L.James, «The Golden Warrior: The Life and Legend of Lawrence of Arabia» (1990), 163.

133. C.M.Andrew, «France, Britain and the Peace Settlements: A Reconsideration» в U.Dann (ред.), «The Great Powers and the Middle East 1919–39» (1988), 164.

134. R.Sanders, «The High Walls of Jerusalem» (1983), 243, цитирует Gibbon, «Decline and Fall», III, 608.

135. E.Kedourie, «The Chatham House Version and Other Middle Eastern Studies» (1984), 17.

136. James, «Golden Warrior», 170.

137. Wilson, «Lawrence», 414.

138. R.A.Adelson, «Mark Sykes» (1975), 226.

139. C.Weizmann, «Trial and Error» (1950), 223.

140. Storrs, «Orientations», 415.

141. L.Stein, «The Balfour Declaration» (1961), 154 и 163.

142. M.Ergemont, «The Cousins» (1977), 270. Термин, который использовал Солженицын, использовался в эдвардианской Англии.

143. J.C.Hurewitz, «Diplomacy in the Near and Middle East: A Documentary Record», II (Princeton, NJ, 1956), 26.

144. Zebel, «Balfour», 247–48.

145. W.Laqueur, «A History of Zionism» (1972), 187.

146. Cocker, «Meinertzhagen», 129.

147. H.S.Gullett, «The Australian Imperial Force in Sinai and Palestine» (Sydney, 1923), 755 и 708.

148. D.Garnett (ред.), «The Letters of T.E.Lawrence» (1938), 196.

149. W.T.Massey, «Allenby's Final Triumph» (1920), 234.

150. H.M.Sachar, «The Emergence of the Middle East» (New York, 1969), 240.

151. J.C.Hill, «Chauvel of the Light Horse» (Melbourne, 1978), 178.

152. Gullett, «Australian Imperial Force», 755.

153. Цитируется M.Glenney, «The Balkans, 1804–1999: Nationalism, War and the Great Powers» (изд. 2000), 363.

154. E.Monroe, «Britain's Moment in the Middle East 1914–71» (изд. 1981), 46.

155. ОНБЕ, IV, 11.

156. J.Morris, «Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat» (1978), 208.

157. J.Darwin, «Britain, Egypt and the Middle East» (1981), 155.

158. H.Mejcher, «Imperial Quest for Oil: Iraq 1910–28» (1976), 177.
159. Letters of Gertrude Bell, 404.
160. J.Vincent (ред.), «The Crawford Papers» (1084), 397.
161. J.Kimche, «The Unromantics» (1968), 74.
162. T.Dodge, «Inventing Iraq» (2003), 74.
163. Candler, «Baghdad», I, 232.
164. Darwin, «Middle East», 194.
165. H.St.-J.B.Philby, «Arabian Days» (1948), 184.
166. Letters of Gertrude Bell, 397.
167. A.T.Wilson, «Mesopotamia, 1917–20» (1931), 319.
168. A.L.Haldane, «The Insurrection in Mesopotamia, 1920» (1922), 261 и 256.
169. W.Thesiger, «A Life of My Choice» (1987), 171.
170. P.Graves, «The Life of Sir Percy Cox» (1941), 19.
171. Letters of Gertrude Bell, 428.
172. C.Catherwood, «Winston's Folly: Imperialism and the Creation of Modern Iraq» (2004), 165.
173. Fitzherbert, «Greenmantle», 239.
174. R.Lansing, «The Big Four and Others of the Peace Conference» (1922), 169.
175. E.Burgoyne, «Gertrude Bell 1914–26» (1961), 279.
176. P.Sluglett, «Britain in Iraq 1914–32» (1976), 77.
177. Graves, «Cox», 231.
178. Sluglett, «Britain in Iraq», 281–82.
179. T.Royle, «Glubb Pasha» (1992), 98.
180. D.Omissi, «Air Power and Colonial Control» (Manchester, 1990), 160.
181. «The Times» за 29 ноября 1998 года. Директор по исследовательской работе Королевских ВВС сказал, что если иприт (горчичный газ) может быть принят для использования в «дикой войне, то он окажется более эффективной, чем какая-либо из других известных форм запугивания». D. Killingray, «'A Swift Agent of Government': Air Power in British Colonial Africa, 1916-1939», JAH, 25 (1984), 432.
182. C.Townshend, «Civilization and «Frightfulness»: Air Control in the Middle East Between the Wars» в C.Wrigley (ред.), «Warfare, Diplomacy and Politics» (1986), 150.
183. Sluglett, «Britain in Iraq», 264 (цитирует George Lansbury).
184. Darwin, «Middle East», 87.
185. Carman, McPherson (ред.), «Bimbashi McPherson», 222.
186. Gibbon, «Decline and Fall», I, 53.
187. Sanders, «High Walls», 221.
188. Storrs, «Orientations», 79.
189. Lord Lloyd, «Egypt since Cromer», I (1933), 283.
190. J.J.Terry, «The Wafd 1919–52» (1982), 95.

191. J.Berque, «Egypt: Imperialism and Revolution» (1972), 270.
192. R.Seth, «Russell Pasha» (1966), 144.
193. A.L. al-Sayyid-Marsot, «Egypt's Liberal Experiment: 1922–36» (Los Angeles, 1977), 21.
194. Kedourie, «Chatham House», 113.
195. Gollin, «Proconsul», 593.
196. Darwin, «Middle East», 123.
197. Kedourie, «Chatham House», 121.
198. Darwin, «Middle East», 267.
199. Marsot, «Egypt's Liberal Experiment», 69.
200. L.Grafftey-Smith, «Bright Levant» (1970), 102.
201. J.Charmley, «Lord Lloyd and the Decline of the British Empire» (1987), 95, 194 и 152.
202. Lloyd, «Egypt since Cromer», II (1934), 359.
203. P.Ziegler (ред.), «The Diaries of Lord Louis Mountbatten 1920–22» (1987), 306.
204. C.Petrie, «Life and Letters of Sir Austen Chamberlain», II (1940), 341.
205. Marsot, «Egypt's Liberal Experiment», 75 и 152.
206. Charmley, «Lloyd», 118.
207. G.Waterfield, «Professional Diplomat» (1973), 167.
208. Darwin, «Middle East», 269.
209. R.A.C.Parker, «Great Britain, France and the Ethiopian Crisis 1935–36», HER, 89 (1974), 310.
210. J.Bowle, «Viscount Samuel» (1957), 195.
211. «The Times» за 7 октября 1922 г.
212. Lord D'Abernon, «An Ambassador of Peace», I (1929), 20.

Глава 11

«Англичанам нравится представляться богами»

1. ОНБЕ, IV, 48.
2. W.R.Louis, «In the Name of God, Go!» (1992), 86.
3. A.J.P.Taylor, «English History 1914–45» (изд. 1967), 253.
4. J.McLaren, «Gentlemen of the Empire» (1940), 9.
5. «Spectator» за 8 мая 1924 г.
6. Amery, «Forward View», 187.
7. J.R.M.Butler, «Lord Lothian» (1960), 52.
8. S.Gopal, «All Souls and India, 1921–47», JICH, XXVII (май 1999 г.), 87.
9. Lord Northcliffe, «My Journey Round the World 1921–22» (1923), 159.
10. Цитируется James, «British Empire», 451.

11. Goetze, «Mural Decorations», 5 ff. Н.Фергюсон («Empire», 312) воспроизводит части картины, хотя его интерпретация существенно отличается от интерпретации художника.
12. G.S.Viereck, «Spreading Germs of Hate» (New York, 1930), 277.
13. M.Grant, «Propaganda and the Role of the State in Inter-War Britain» (Oxford, 1994), 11.
14. V.Cunningham, «British Writers of the Thirties» (Oxford, 1988), 93.
15. С.Дей-Льюис использовал фразу в виде названия книги.
16. J.M.MacKenzie, «Propaganda and Empire» (Manchester, 1984), 82.
17. P.Brendon, P.Whitehead, The Windsors» (изд. 2000), 52.
18. R.Baden-Powell, «Scouting for Boys» (изд. 2004), 278.
19. S.Orwell, I.Angus (ред.), «The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell», I (Harmondsworth, 1971), 530 и 518.
20. САС, PJGG 6, письмо леди Григ Дороти Хаммонд от 30 августа 1934 г.
21. MacKenzie, «Propaganda», 253.
22. W.Albig, «Public Opinion» (1939), 290.
23. «Daily Mail» за 24 апреля 1924 г.
24. «Spectator» за 26 апреля 1924 г.
25. A.N.Wilson, «After the Victorians» (2005), 274–75.
26. «United Empire» XV (1924), 581.
27. P.M.Taylor, «The Projection of Britain» (Cambridge, 1981), 104.
28. «The Times» за 20 сентября и 23 апреля 1924 г.
29. M.Kennedy, «Portrait of Elgar» (1982), 300.
30. K.Walthew, «The British Empire Exhibition of 1924», НТ, 31 (август 1981 г.), 39.
31. «The Times» за 30 сентября 1924 г.
32. D.Marquand, «Ramsay MacDonald» (1977), 65.
33. S.White, «Britain and the Bolshevik Revolution» (1979), 121.
- Выражение Радека.
34. «Daily Herald» за 1 июля 1924 г.
35. «United Empire» XIV (1923), 544.
36. «The Times» за 23 апреля 1924 г.
37. N. and J.MacKenzie (ред.), «The Diary of Beatrice Webb» (1985), 198.
38. A.Kirk-Greene, «On Crown Service» (1999), 36.
39. Orwell, «Angus» (ред.), «Orwell», I, 269.
40. A.Clayton, «The British Empire as a Superpower, 1919–39» (1986), 12.
41. W.Somerset Maugham, «The Outstation» в «Collected Short Stories», IV (Harmondsworth, в ред. 1967), 340. Эту формальность постепенно ослабили перед Второй Мировой войной — к отчаянию тех, кто считал, что престиж важнее комфорта.
42. E.M.Forster, «A Passage to India» (Harmondsworth, в ред. 1959), 29 и 49.

42. Mack, «Public Schools», 238.
43. Dewey, «Anglo-Saxon Attitudes», 120. Фраза Малкольма Дарлинга.
44. R.Furse, «Aucuparius» (1962), 241.
45. Kirk-Greene, «Crown Service», 194.
46. R.Heussler, «Yesterday's Rulers» (1963), 116.
47. J.G.Butcher, «The British in Malaya 1880–1941» (Kuala Lumpur, 1979), 41.
48. E.D.Morel, «Nigeria» (изд. 1912), 7.
49. Я благодарен автору, Манусу Нунану, за то, что отправил мне машинописный текст.
50. J.Callaghan, «Time and Chance» (1983), 120.
51. C.Ondaatje, «Woolf in Ceylon» (2005), 39.
52. M.Perham, «West African Passage» (1983), 54.
53. J.Nehru, «An Autobiography» (1936), 442.
54. Mack, «Public Schools», 267.
55. A.J.Greenberger, «The British Image of India» (1969), 89.
56. D., H.Howarth, «The Story of P&O» (1986), 59. Роскошные новые лайнеры 1930-х гг. были белыми со светло-желтыми трубами.
57. R.Kipling, «From Sea to Sea», I (1924), 261.
58. G.Biliankin, «Hail, Penang» (1932), 1.
59. Morris, «Pax Britannica», 54.
60. J.H.Harris, «Dawn in Darkest Africa» (1982), 96.
61. Steevens, «Capetown to Ladysmith», 167.
62. Maugham, «"P.&O."», in Short Stories», IV, 88.
63. «Youth» в «The Complete Short Stories of Joseph Conrad» (год издания не указан), 89.
64. G.Bowker, «George Orwell» (2003), 77. Предполагалось, что этот эпизод был притчей, «почти полностью реализованной». (D.J.Taylor, «Orwell» [2003], 64). На самом деле такие случаи оказывались обычным делом. Как вспоминает свидетель Джек Мур о том, что происходило до войны, «полуголое коричневое тело местного жителя лежало в канаве перед магазином [Коуасги Диншоу в Адене], а белый моряк яростно пинал его ногами. Насколько я помню, ни у кого не хватило гуманности или смелости вмешаться». (CUL RCMS 57, Jack Moore, «From Aden to... Quetta», 15). И по прибытии в Калькутту в 1945 г.будущий киноактер Дирк Богард увидел, как носильщика избивает «рыжеволосый, усатый, краснолицый маленький коренастый майор из транспортной службы». (Цитируется по С.Bayly, T.Harper, «Forgotten Wars: The End of Britain's Asian Empire» [2007], 138.)
65. G.Orwell, «Burmese Days» (изд. 2001), 70.
66. M.Muggeridge, «Chronicles of Wasted Time, I The Green Stick» (1972), 96. Маггеридж предполагал, что этой точки зрения придержи-

живались «почти все» на кораблях судоходной компании «Пенин-сьюлар энд Ориентал» в 1920-е гг.

67. «New Statesman» за 27 сентября 1924 г.

68. K.Tidrick, «Empire and the English Character» (1990), 90.

69. J. van der Poel (ред.), «Selections from Smuts Papers», V (Cambridge, 1973), 194.

70. R.Craddock, «Should Englishmen enter the Indian Services?», «Nineteenth Century and After» 97 (февраль 1925 г.), 260.

71. A.Grimble, «A Pattern of Islands» (1952), 174.

72. P.Balfour, «Grand Tour» (год издания не указан), 217.

73. Butcher, «British in Malaya», 22.

74. CAC, AMEL 2/4/15 (папка 5), письмо сэра Л.Гиллемарда Л.Эмери от 20 ноября 1924 г.

75. V.Purcell, «The Memoirs of a Malayan Official» (1965), 268.

76. Hyam, «Empire and Sexuality», 109.

77. T.N.Harper, «The End of Empire and the Making of Malaya» (Cambridge, 1999), 130, цитирует «The Planter» (9 сентября 1947 г.), 235.

78. J.de V.Allen, «Malayan Civil Service, 1874—1941: Colonial Bureaucracy/Malayan Elite», CSSH, 12 (1970), 149.

79. R.H.Bruce Lockhart, «Return to Malaya» (1936), 413 и 333.

80. Harper, «End of Empire», 23.

81. C.Allen (ред.), «Tales from the South Seas» (1983), 64.

82. Lockhart, «Malaya», 113.

83. H.Callaway, «Gender, Culture and Empire: European Women in Colonial Nigeria» (1987), 237.

84. J.Cary, «Mister Johnson» (Harmondsworth, изд. 1983), 103.

85. B.Thomson, «The Scene Changes» (1939), 74.

86. J.R.Ackerley, «Hindoo Holiday» (1952), 79.

87. CSAS, «Portal Memoir», 58.

88. CAC, PJGG, письмо леди Григ Дороти Хаммонд от 17 июля 1934 г.

89. Цитируется из Malaysia Messenger (июнь 1911 г.), J.N.Brown-foot, «Sisters under the skin: imperialism and the emancipation of woman in Malaya, c. 1891—1941» в J.A.Mangan (ред.), «Making Imperial Mentalities» (Manchester, 1990), 51.

90. Chaudhuri, «Thy Hand», 61.

91. C.Knapman, «White Women in Fiji 1835—1930» (1986), 9, цитирует из романа Geoffrey Dawson, «Queen Emma of the South Seas».

92. Ondaatje, «Woolf in Ceylon», 41.

93. S.Leith-Ross, «Stepping Stones: Memoirs of Colonial Nigeria 1907—60» (1983), 84.

94. Allen, CSSH, 12, 169.

95. Northcliffe, «Journey», 244.

96. L.Woolf, «Growing» (1967), 135.

97. G.Byng, «Reap the Whirlwind» (1968), 55.
98. D.Foster, «Landscape with Arabs» (Brighton, 1969), 166.
99. Частная информация от Сидни Болт.
100. CSAS, Shaw Stewart Papers, Box 1, H.D. Love, «Short History of the Madras Club» (1902), 10.
101. CUL, Add 6799–6801. Дневники Стеллы Бенсон, 5 ноября 1930 г.
102. H.Sharp, «Good-bye India» (1946), 138, цитируется M.Sinha, «Britishness, Clubbability, and the Colonial Public Sphere: The Genealogy of an Imperial Institution in India», JBS, 40 (октябрь 2001 г.), 502.
103. Книга жалоб клуба «Хилл», 25 мая 1913 г., 23 апреля 1901 г. и 4 мая 1900 г.
104. CUL, RCMS, архивы Бомбейского клуба, «Жалобы и предложения», 19 февраля и 15 ноября 1882 г.
105. J.Wyett, «Staff Wallah» (St Leonards, NSW, 1996), 19.
106. Love, «Madras Club», 11.
107. BECM, 2001/299, Kendall Papers, индийские письма С.Х.Б.Кендалла, 15 февраля 1903 г.
108. P.J.Rich, «Chains of Empire» (1991), 166.
109. Kihling, «From Sea to Sea», 288.
110. D.J.M.Tate, «The Lake Club 1890–1990» (Singapore, 1990), 111.
111. Clifford, «Children of Empire», 75.
112. V.Gatrell, «City of Laughter» (2006), 110.
113. Moore, «Parnell», 31.
114. Gilmour, «Ruling Caste», 79.
115. E.Wakefield, «Past Imperative» (1966), 4.
116. R.Hunt, J.Harrison, «The District Officer in India 1930–47» (1980), 34.
117. D.J.N.Banks, «The History of the Hill Club» (Nuwara Eliya, 1988), 34.
118. H.Kuklick, «The Imperial Bureaucrat» (Stanford, CA, 1979), 125.
119. Orwell, «Burmese Days», 29.
120. CUL RCMS 78, «Minutes Book 1867–76», 19 октября 1870 г.
121. A.Burns, «Colonial Civil Servant» (1949), 57.
122. T.Kuruvilla, «Fairy Dell: Story of the High Range Club 1909–93» (Calcutta, 1993), 53.
123. N.Ferguson, «The War of the World» (2006), 523.
124. Russell, «Freedom and Organization», 415.
125. R.A.Bickers, J.N.Wasserton, «Shanghai's «Dogs and Chinese Not Admitted» Sign: Legend, History and Contemporary Symbol», CQ, 142 (июнь 1995 г.), 447. Собак и китайцев не пускали, хотя это никогда не указывалось ни в каком официальном уведомлении.
126. Clifford, «Children of Empire», 75.

127. F.Wakeman, «Policing Shanghai 1927–3»7 (1995), 214.
128. «North-China Herald» за 19 января 1932 г.
129. R.Bickers, «Empire Made Me: An Englishman Adrift in Shanghai» (2003), 122, 126 и 291.
130. I.Nish (ред.), «Anglo-Japanese Alienation 1919–52» (Cambridge, 1982), 39–40.
131. Orwell, «Burmese Days», 69.
132. G. Orwell, «The Road to Wigan Pier» (Harmondsworth, изд. 1962), 127.
133. Taylor, «Orwell», 76.
134. Orwell, «Burmese Days», 68.
135. R.Pearce, «Once A Happy Valley: Memoirs of an ICS Officer in Sindh, 1938–48» (Oxford, 2001), 17.
136. Woolf, «Growing», 158–59.
137. S.Maugham, «The Gentleman in the Parlour»[1930] в «The Travel Books of W.Somerset Maugham» (1955), 10–11.

Глава 12

«Белые объединяются с черными лишь в редких случаях»

1. W.M.Ross, «Kenya from Within» (1927), 47; C.Eliot, «The East Africa Protectorate» (1905), 302.
2. Huxley, «Delamere», 81.
3. R.Meinertzhagen, «Kenya Diary 1902–06» (1957), 59.
4. Eliot, «East Africa», 310.
5. G.Bennett, «Kenya: A Political History» (1963), 14.
6. J.Iliffe, «The African Poor» (Cambridge, 1987), 156.
7. Lord Hindlip, «British East Africa» (1905), 48.
8. G.H.Mingeam, «British Rule in Kenya 1895–1912» (Oxford, 1966), 177.
9. Cocker, «Meinertzhagen», 48.
10. B.Berman, J.Lonsdale, «Unhappy Valley» (1992), 19.
11. V.Harlow, E.M.Chilver (ред.), «History of East Africa» (Oxford, 1965), 32 и 55.
12. R.Hardy, «The Iron Snake» (1965), 242–43 и 247.
13. C.Chenevix Trench, «Men Who Ruled Kenya» (1993), 17.
14. Lord Altrincham, «Kenya's Opportunity» (1955), 224.
15. CUL, RCMS 113/44. Мемуары Джорджа Найтингейла, гл. 5, 5.
16. Meinertzhagen, «Kenya Diary», 78 и 60.
17. Harlow, Chilver, «East Africa», 268.
18. Mungeam, «British Rule in Kenya», 195.
19. «The Case of the Masai», «Empire Review» № 35 (октябрь 1921 г.), 389.
20. Meinertzhagen, «Kenya Diary», 153.

21. Hyam, «Empire and Sexuality», 160 и 168.
22. C.S.Nichols, «Red Strangers» (2005), 72.
23. OHBE, IV, 267.
24. E.Bradlow, «The Evolution of «Trusteeship» in Kenya», SAHJ, IV (1972), 60.
25. Eliot, «East Africa», 143.
26. K.Blixen, «Out of Africa» (Harmondsworth, изд. 1954), 124.
27. Lord Cranworth, «A Colony in the Making or Sport and Profit in East Africa» (1912), 11.
28. D.Kennedy, «Islands of White» (Durham, NC, 1987), 48.
29. Ross, «Kenya», 103. Личное мнение Лугарда заключалось в том, что «требования поселенцев, если выразиться прямо, несовместимы с интересами и прогрессом сельскохозяйственных племен. И они могут только выражать нетерпение из-за развития местных жителей, как конкурентов в выращивании кофе, льна и сизаля... Британских иммигрантов следует в полной мере предупреждать о нехватке местной рабочей силы и отговаривать приезжать в страну, если только они не готовы без нее обходиться». (Dual Mandate, 397).
30. W.Rodney, «How Europe Underdeveloped Africa (Washington DC, 1982), 165.
31. CUL, RCMS 178, письма Арнольда Пейсас, Box 1, от 3 июля 1907 г., 29 мая 1910 г. и 15 декабря 1907 г.
32. Ross, «Kenya», 95 и 94.
33. CUL, RCMS 178, Box 1, 26 августа 1911 г.
34. B.Berman, «Control & Crisis in Colonial Kenya» (1990), 62.
35. CUL, RCMS 178, Box 1, 9 сентября 1907 г.
36. Berman, «Control & Crisis», 184.
37. Hyam, «Elgin and Churchill», 215.
38. W.S.Churchill, «My African Journey» (изд. 1968), 25.
39. E.Huxley, «Red Strangers» (изд. 1999), 268.
40. E.Paice, «Tip & Run: The Untold Tragedy of the Great War in Africa» (2007), 288.
41. Kennedy, «Islands of White», 78.
42. J.W.Cell, «By Kenya Possessed» (Chicago, 1976), 92.
43. CUL, RCMS 113/44, глава о Килтаноне, 2.
44. «Harry Thuku: An Autobiography» (Nairobi, 1970), 18.
45. Ross, «Kenya», 226 и 228.
46. Huxley, «Delamere», II, 67, 113 и 138.
47. N.Best, «Happy Valley» (1970), 109.
48. J.G.Kamoche, «Imperial Trusteeship and Political Evolution in Kenya, 1923–63» (Washington DC, 1981), 51.
49. S.Ball, «The Guardsmen» (2004), 96.
50. A.Buxton, «Kenya Days» (1927), 15.
51. CUL, RCMS 178 178, Box 1, от 9 октября 1907 г.

52. E. Bache, «The Youngest Lion» (1934), 14.
53. M. Perham, «East African Journey» (1976), 25.
54. M. S. Lovell, «Straight on Till Morning» (1987), 129.
55. E. Huxley, «The Flame Trees of Thika» (1959), 14.
56. L. Powys, «Ebony and Ivory» (New York, 1923), 19.
57. N. Leys, «Kenya» (изд. 1973), 182.
58. R. L. Tignor, «The Colonial Transformation of Kenya» (Princeton, NJ, 1976), 156.
59. «The «Black Peril» in British East Africa» в «Empire Review» № 35 (июнь 1921 г.), 199 и 197.
60. J. Fox, «White Mischief» (1982), 46.
61. Kennedy, «Islands of White», 87.
62. Mungeam, «British Rule in Kenya», 279.
63. Cell (ред.), «Kenya Possessed», 114.
64. Harlow, Chiver (ред.), «East Africa», 331.
65. A. H. M. Kirk-Greene, «The Sudan Political Service: A Profile in the Sociology of Imperialism», *JAHS*, 15 (1982), 22.
66. J. A. Mangan, «The Games Ethic and Imperialism» (1986), 87.
67. O. Keun, «A Foreigner Looks at the Sudan» (1930), 5, 52–3 и 13.
68. «Sudan Notes & Records XIV (1931), ч. I, 99.
69. D. C. Smith, H. G. Wells, «Desperately Mortal» (1986), 408.
70. BECM 2001/299, Brian Kendall, «Memories of Sudan Service».
71. Daly, «Empire on the Nile», 95.
72. «United Empire», I (1910), 191.
73. Kipling, «Letters of Travel», 284.
74. Lycett, «Kipling», 381.
75. DUL, 578/4/1–76, MacMichael Papers. Письмо Макмайкла своим родителям от 14 октября 1905 г.
76. BECM, 2001/299, 1943.
77. K. D. D. Henderson, «The Making of the Modern Sudan» (1953), 109.
78. DUL, MacMichael Papers 585/4/1–383, Дневник, 30 ноября 1906 г.
79. Daly, «Empire on the Nile», 366.
80. M. W. Day, «Imperial Sudan» (Cambridge, 1991), 67 и 152.
81. BECM, 2001–299, 1946 и 1947.
82. Rameses [C. S. Jarvis], «Oriental Spotlight» (1937), 120.
83. Daly, «Empire on the Nile», 399–400.
84. H. C. Jackson, «Sudan Days and Ways» (1954), 161.
85. C. Allen, «Tales from the Dark Continent» (изд. 1986), 107.
86. Daly, «Empire on the Nile», 400 и 142.
87. R. O. Collins, «Shadows in the Grass» (New Haven, CT, 1983), 138.
88. Daly, «Empire on the Nile», 415.
89. R. O. Collins, F. M. Deng (ред.), «The British in the Sudan, 1898–1956» (1984), 52.

90. BECM, 2001/299, 1946.
91. D.H.Johnson (ред.), «The Upper Nile Province Handbook 1931» (1995), 28.
92. D.Cameron, «My Tanganyika Service and Some Nigeria» (1939), 103.
93. P.Mitchell, «African Afterthoughts» (1954), 129.
94. Collins and Deng (ред.), «British in the Sudan», 107 и 169.
95. Thesiger, Life of My Choice, 202.
96. C.A.E.Lea, «On Trek in Kordofan» ред. M.W.Daly (Oxford, 1994), 43.
97. Henderson, «Modern Sudan», 11–12.
98. P.Woodward, «Condominium and Sudanese Nationalism» (1979), 32.
99. Daly, «Imperial Sudan», 42.
100. F.M.Deng, «Africans of Two Worlds» (1978), 156.
101. Collins, Deng (ред.), «British in the Sudan», 85.
102. F.M.Deng, M.W.Daly, «Bonds of Silk» (East Lansing, MI, 1989), 75.
103. C.H.Johnston, «The View from Steamer Point» (1964), 192.
104. Henderson, «Modern Sudan», 172, 542, 555 and 558.
105. «The Times» за 17 мая 1944 г.
106. Deng, Daly, «Bonds of Silk», 97.
107. R.I.Rotberg, «The Rise of Nationalism in Central Africa» (Cambridge, MA, 1966), 111.
108. G.Padmore, «How Britain Rules Africa» (1936), 4.
109. I.Henderson, «The Origins of Nationalism in East and Central Africa: The Zambian Case», JAH, XI, 4 (1970), 598.
110. A.Roberts, «A History of Zambia» (1976), 193.
111. Porter, «Lion's Share», 282.
112. J.Cary, «The Case for Africa and Other Writings on Africa» (Austin, TX, 1962), 17.
113. R.I.Rotberg, «Black Heart: Gore-Browne and the Politics of Multiracial Zambia» (Berkeley, CA, 1977), 300.
114. CHA, VII, 64.
115. Mitchell, «Afterthoughts», 18.
116. M.Crowder, «West Africa under Colonial Rule» (1968), 460–61.
117. Harris, «Darkest Africa», 107.
118. Lord Hailey, «Nationalism in Africa», JRAS, 36 (апрель 1937 года), 138.
119. R.Robinson, «The Moral Disarmament of the African Empire 1919–47», JICH, VIII (октябрь 1979 г.), 99.
120. G.Shepperson, «Notes on Negro American Influences on the Emergence of African Nationalism», JAH, I, 2 (1960), 300.
121. Cary, «Case for Africa», 20–21.
122. R.G.Gregory, «India and East Africa» (Oxford, 1971), 417.

Глава 13

«Плетение нити индийской судьбы»

1. Nehru, «Autobiography», 129–30.
2. Chadha, «Gandhi», 425.
3. Nehru, «Autobiography», 254.
4. Nehru, «Old Letters», 59.
5. S.P., P.Chablani (ред.), «Motilal Nehru» (Delhi, 1961), 205.
6. SWJN, I, 4 и 76–7.
7. S.Gandhi (ред.), «Freedom's Daughter» (1989), 77.
8. SWJN, I, 167.
9. S.P., P.Chablani (ред.), «Motilal Nehru», 32.
10. Nehru, «Autobiography», 230 и 52.
11. SWJN, I, 257.
12. S.C.Bose, «The Indian Struggle 1920–42» (Delhi, изд. 1997), 110.
13. Chanha, «Gandhi», 272.
14. Nehru, «Autobiography», 95. Неру, несомненно, читал семитомное издание «Истории упадка и разрушения» (1-е издание, 1896) Дж.Б.Бёри.
15. H.Pollitt (ред.), «Lenin on Britain» (1934), 52.
16. S.Gopal, «Jawaharlal Nehru», I (1975), 103.
17. Nehru, «Autobiography», 506.
18. J.Campbell, «F.E.Smith First Earl of Birkenhead» (1983), 756 и 733.
19. J.Barnes, D.Nicholson (ред.), «The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries 1929–45» (1988), 48.
20. S.Wolpert, «Nehru» (New York, 1996), 76.
21. S.Gopal, «The Viceroyalty of Lord Irwin 1926–31» (Oxford, 1957), 23.
22. Nehru, «Autobiography», 180.
23. J.N. Sahni, «Fifty Years of Indian Politics 1921–71» (Delhi, 1971), 52.
24. K. Harris, «Attlee» (1982), 78.
25. Nehru, «Autobiography», 204 и 207.
26. K.N.Hutheesing, A.Hatch, «We Nehrus» (New York, 1967), 126.
27. SWJN, I, 311. «From Marino Faliero», акт II, сцена 2.
28. Tendulkar, «Mahatma», II, 372.
29. «The Times» за 15 апреля 1930 г.
30. A.Roberts, «The Holy Fox» (1991), 31.
31. Bakshi, «Indian Nation Movement», III, 44.
32. Chaudhuri, «Thy Hand», 292.
33. D.Keer, «Mahatma Gandhi» (Bombay, 1973), 519.
34. T. Weber, On the Salt March (Delhi, 1997), 133.

35. «The Collected Works of Mahatma Gandhi, XLII (Ahmedabad, 1970), 500.
36. «The Times» за 11 апреля 1930 г.
37. «New York Times» за 6 апреля 1930 г.
38. Keer, Gandhi, 524.
39. «The Times» за 10, 14, 12 и 10 апреля 1930 г.
40. Частная информация, миссис Морвит Сили.
41. CUL RCMS 52, G.E.Wheeler, «The Pathography of a Cuckoo», 68.
42. S.M.Burke, S.A.Quraishi, «The British Raj in India» (Karachi, 1995), 280.
43. B.R. Nanda, In Gandhi's footsteps (Delhi, 1990), 187.
44. Lord Birkenhead, «Halifax» (1965), 284 и 248.
45. Campbell, «Smith», 734.
46. P.Addison, «The Road to 1945» (1975), 84.
47. Nehru, «Autobiography», 543.
48. F. Younghusband, «Dawn in India» (1930), 151 и 29.
49. Vijaya Lakshmi Pandit, «The Scope of Happiness» (1979), 39.
50. Wolpert, «Nehru», 122.
51. P.Murphy, «Alan Lennox-Boyd» (1999), 30.
52. Birkenhead, «Halifax», 247.
53. Tendulkar, «Mahatma», III, 56.
54. L.Fischer, «The Life of Mahatma Gandhi» (изд. 1982), 348.
55. Louis, «In the Name of God», 119.
56. S.Gopal, «Churchill and India» в R.Blake, W.R.Louis (ред.), «Churchill» (Oxford, 1992), 460.
57. Gilbert, «Churchill», V, 467.
58. W.S.Churchill, «The Second World War», I (в 6 томах, 1948–54), 26.
59. Gilbert, «Churchill», V, 467.
60. «Answers» за 21 июля 1934 г.
61. CAC, CHAR 2/169/60, письмо сэра Эйба Бейли Черчиллю от 17 сентября 1930 г.
62. R.A.Callahan, «Churchill: Retreat from Empire» (1984), 35.
63. H.Pelling, «Winston Churchill» (1974), 352.
64. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 326.
65. G.Best, «Churchill: A Study in Greatness» (2001), 135.
66. C.Bridge, «Holding India to the Empire» (1986), 73.
67. B.R.Tomlinson, «The Political Economy of the Raj 1914–47» (1979), 141.
68. S.P.Cohen, «The Indian Army» (Berkeley, CA, 1971), 122.
69. Sahni, «Fifty Years», 102–3.
70. Gopal, «Nehru», I, 170.
71. Bence-Jones, «Viceroys», 272.
72. Sahni, «Fifty Years», 95.

73. J. Darwin, «Imperialism in Decline? Tendencies in British Imperial Policy between the Wars», HJ, 23, 3 (1980), 677.

74. A. Read, D. Fisher, «The Proudest Day» (изд. 1998), 255.

75. Mansergh, «Commonwealth Experience», 267. Черчилль дал ясно понять, что сказал «sham» (подделка, обман, притворство), а не «shame» (стыд, позор), как часто цитируется.

76. CAC, CHAR 9/113.

77. CAC, PJGG 6, письмо леди Григ Тому Джонсу от 13 апреля 1935 г.

78. J. Glendevon, «The Viceroy at Bay: Lord Linlithgow in India, 1936–43» (1971), 119.

79. Gopal, «Nehru», I, 231.

80. J. Nehru, «The Unity of India» (изд. 1948), 65, 181 и 196.

81. Bose, «Indian Struggle», 368.

82. J. M. Brown, «Modern India: The Origins of an Asian Democracy» (Oxford, изд. 1994), 300.

83. CSAS, Darling Papers, Вох 27, письмо Эйприл Ирэн Дарлинг от 7 марта 1939 г.

84. Nehru, «Unity of India», 36.

85. G. Rizvi, «Linlithgow and India» (1978), 135.

86. Nehru, «Old Letters», 178.

87. D. A. Low, «Britain and Indian Nationalism» (Cambridge, 1997), 300.

88. R. J. Moore, «Endgames of Empire» (Delhi, 1988), 83.

89. J. Nehru, «The Discovery of India» (1946), 374.

90. CAC, PJGG 2, письмо Грига сэру Филиппу Червоуду от 1 8 июля 1936 г.

91. SWJN, X, 191.

92. A. S. Ahmed, «Jinnah, Pakistan and Islamic Identity» (1997), 81.

93. Nehru, «Old Letters», 427.

94. S. S. Pirzada, «Foundations of Pakistan» (Karachi, 1970), 337.

95. Gilbert, «Churchill», V, 886.

96. «News of the World» за 22 мая 1938 г.

97. Clarke, «Cripps», 111.

98. M. Gilbert, «Churchill» (1991), 646.

99. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 637.

100. Louis, «Name of God», 20.

101. Nehru, «Unity of India», 418.

102. Rizvi, «Linlithgow», 166.

103. S. Gandhi, «Two Alone, Two Together: Letters between Indira Gandhi and Jawaharlal Nehru 1940–61» (1992), 101 и 9.

104. E. Roosevelt, «As He Saw It» (1946), 37.

105. R. Hyam, «Churchill and the British Empire» в Blake, Louis (ред.), «Churchill», 180.

106. Gilbert, «Churchill», VI, 1163.

107. Churchill, «Second World War», II, 386. На самом деле текст был подготовлен для Черчилля сэром Александром Кадоганом, возглавлявшим Министерство иностранных дел.

108. N. Angell, «A Re-Interpretation of Empire» в «United Empire» № 43 (сентябрь-октябрь 1952 г.), 255.

109. Gopal, «Nehru», I, 260.

110. W.F. Kimball, «The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman» (Princeton, NJ, 1991), 133.

111. M., S. Harries, «Soldiers of the Sun» (1991), 93.

112. Low, «Britain and Indian Nationalism», 335.

113. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 783.

114. Rizvi, «Linlithgow», 183.

115. TOPI, I, 440.

116. R. Rhodes James (ред.), Chips: The Diaries of Sir Henry Channon (1967), 423 and 446.

117. Clarke, Cripps, 335.

118. A.M. Browne, Long Sunset (1995), 76. Линлитгоу также использовал эту кличку, поэтому возможно Черчилль ее и не придумал. Cf. P. French, Liberty or Death (1997), 142.

119. P. Moon (ред.), «Wavell: The Viceroy's Journal» (1973), 33.

120. Moore, «Endgames», 92.

121. Clarke, «Cripps», 305.

122. TOPI, I, 634.

123. W.F. Kimball, «Forged in War: Churchill, Roosevelt and the Second World War» (1997), 140.

124. W.F. Kimball (ред.), «Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence», I (1984), 446-7.

125. Частная информация: Мей Бергер.

126. TOPI, I, 665.

127. French, «Liberty or Death», 159.

128. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 842.

129. «Churchill by His Contemporaries» – «An Observer Appreciation» (1965), 97.

130. Цитируется S. Wolton, «Lord Hailey, the Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War» (Basingstoke, 2000), 101.

131. E. Severeid, «Not so Wild a Dream» (1946), 239 и 241.

132. W.R. Louis, «Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire 1941–45» (Oxford, 1977), 433.

133. CAC, CHAR 9/191A/3–12.

134. Gibbon, «Decline and Fall», I, 37–8.

135. TOPI, III, 35.

136. Nehru, «Discovery of India», 426.

137. Mason, «Men who Ruled India», 333.

138. Bhatia, «Famines», 324.

139. P.S.Gupta (ред.), «Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India», ч. II (Delhi, 1997), 1890.
140. J.Connell, «Auchinleck» (1959), 736.
141. Bhatia, «Famines», 339.
142. CAC, CHAR 9/191/33 ff.
143. Moon (ред.), «Wavell», 78.
144. Wolpert, «Nehru», 335.
145. CAC, CHAR 9/191/33 ff.
146. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 943.
147. Louis, «Name of God», 173.
148. Lord Casey, «Personal Experience 1939–46» (1962), 210.
149. J.Colville, «The Fringes of Powe» (1985), 563.
150. Moon (ред.), «Wavell», 89.
151. «The Times» за 3 ноября 1921 г.
152. K.Young (ред.), «The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart», II (1980), 390.
153. Moon (ред.), «Wavell», 165.
154. «Daily Mail» за 6 сентября 1932 г.
155. «Answers» за 21 июля 1934 г.
156. Young (ред.), «Lockhart», II, 243.
157. TOPI, V, 765.
158. Read, Fisher, «Proudest Day», 354.
159. W.Wyatt, «Confessions of an Optimist» (1985), 154.
160. Moon (ред.), «Wavell», 168.
161. Wolpert, «Nehru», 333.
162. «The Times» за 12 января 1942 г.
163. S.Howe, «Anticolonialism in British Politics» (Oxford, 1994), 139.
164. A.Bullock, «Ernest Bevin: Foreign Secretary 1945–51» (1983), 234.
165. Taylor, «English History», 599.
166. Moon (ред.), «Wavell», 165 и 387.
167. A.Jalal, «The Sole Spokesman» (Cambridge, 1985), 137.
168. R.J.Moore, «Escape from Empire» (1984), 76.
169. Moon (ред.), «Wavell», 295, 314 и 341.
170. S.Bose, A.Jalal, «Modern South Asia» (1998), 179.
171. S.Ghosh, «Gandhi's Emissary» (1967), 105.
172. P.Moon, «Divide and Quit» (Delhi, изд. 1998), 81.
173. F.Tuker, «While Memory Serves» (1950), 160.
174. Gopal, «Nehru», I, 337.
175. Moon (ред.), «Wavell», 402.
176. H.V.Brasted, C.Bridge, «The Transfer of Power in South Asia: An Historiographical Review», SA, XVII, 1 (1994), 108.
177. B.Fergusson, «The Trumpet in the Hall 1930–58» (1970), 176.
178. A.Roberts, «Eminent Churchillians» (1994), 60.

179. Ahmed, «Jinnah», 168.
180. H.V.Hodson, «The Great Divide» (Karachi, изд. 1997), 531.
181. B.Loring Vila, «Unauthorized Action: Mountbatten and the Dieppe Raid 1942» (Oxford, 1990), 256.
182. P.Ziegler (ред.), «Personal Diary of Admiral the Lord Louis Mountbatten 1943–46» (1988), 204.
183. TOPI, IX, 453.
184. J.Morgan, «Edwina Mountbatten: A Life of Her Own» (1991), 298.
185. P.Ziegler, «Mountbatten» (изд. 1986), 475 и 368.
186. S.Qureshi, «Jinnah» (Karachi, 1999), 37.
187. G.D.Khosla, «Stern Reckoning» (изд. 1989), 102.
188. M.N.Das, «End of the British-Indian Empire», I (Cuttack, 1983), 290.
189. I.Copland, «India 1885–1947» (2001), 74.
190. TOPI, XI, 826 и 39.
191. «United Empire», XXXIX (июль–август 1948 г.), 195.
192. «The Memoirs of General the Lord Ismay» (1960), 416.
193. «The Times» за 27 августа 1947 г.
194. L.Mosley, «The Last Days of the Raj» (1961), 57.
195. «Times of India» за 30 мая 1947 г.
196. R.Hudson (ред.), «The Raj: An Eyewitness History of the British in India» (1999), 580.
197. TOPI, XI, 131.
198. Gibbon, Decline and Fall, II, 120.
199. Цитируется из «Statesman», Калькутта, Toker, While Memory Serves, 588.
200. TOPI, XII, 444.
201. A.K.Azad, «India Wins Freedom» (1960), 190.
202. L.A.Sherwani, «The Partition of India and Mountbatten» (Karachi, 1986), 183.
203. CSAS, Patrick Brendon, «Disaster in Gurgaon», 60.
204. Hodson, «Great Divide», 534.
205. I.Copland, «The Princes of India in the Endgame of Empire 1917–47» (Cambridge, 1997), 269.
206. Moon, «Divide and Quit», 107.
207. «The Times» за 15 августа 1947 г.
208. L.Collins, D.Lapierre, «Freedom at Midnight» (изд. 1982), 125.
209. TOPI, XII, 770–71.
210. V.P.Menon, «The Transfer of Power in India» (1957), 413.
211. Azad, «India Wins Freedom», 209.
212. «The Times» за 16 августа 1947 г.
213. Collins and Lapierre, «Freedom at Midnight», 309.
214. TOPI, XII, 773.
215. A.Campbell-Johnson, «Mission with Mountbatten» (1951), 161.

216. «The Times» за 15 августа 1947 г.
217. «New York Times» за 24 августа 1947 г.
218. S.Heffer, «Like the Roman» (1998), 98.
219. P.Hennessy, «Never Again: Britain 1945–51» (1992), 235.
220. Azad, «India Wins Freedom», 190. Азад предупреждал об этом Маунтбаттена и говорил, что «британцы понесут ответственность за бойню».
221. «New York Times» за 15, 20 и 21 августа 1947 г.
222. S.S.Hamid, «Disastrous Twilight, (изд. 1986), 225.
223. Khosla, «Stern Reckoning», 123.
224. «The Times» за 25 августа 1947 г.
225. Read, Fisher, «Proudest Day», 498.
226. P.Singh, «Of Dreams and Demons» (1994), 26.
227. Chaudhuri, «Thy Hand», 837.
228. R.Symonds, «In the Margins of Independence» (Oxford, 2001), 3.
229. Menon, «Transfer of Power», 434.
230. Ziegler, «Mountbatten», 437.
231. T.Royle, «The Last Days of the Raj» (изд. 1997), 218, 213 и 214.
232. «Angell in United Empire», XLIII (сентябрь-октябрь 1952 г.), 255.
233. Khosla, «Stern Reckoning», 296.
234. Hamid, «Disastrous Twilight», 238.

Глава 14

«Это конец Британской империи»

1. Brown, «India», 320.
2. Gopal, JICH, XXVII (май 1999 г.), 107.
3. J.Gallagher, «The Decline, Revival and Fall of the British Empire» (Cambridge, 1982), 145.
4. R.C.H.McKie, «This Was Singapore» (без указания года издания), 19 и 101.
5. O.D.Gallagher, «Retreat in the East» (1942), 68.
6. «Sydney Morning Herald» за 14 февраля 1938 г.; цитируется C.M.Turnbull, «A History of Singapore» (Kuala Lumpur, 1977), 163.
7. S.Roskill, «Hankey», II (1973), 544.
8. R.Douglas, «Liquidation of Empire» (2002), 37.
9. W.R.Louis, «Ends of British Imperialism» (2006), 308.
10. R.Callahan, «The Worst Disaster: The Fall of Singapore» (Newark, NJ, 1977), 31.
11. A.Warren, «Singapore 1942» (2002), 26.
12. P.S.Chapman, «The Jungle is Neutral» (1949), 17.
13. K.Attiwill, «The Singapore Story» (1959), 19.

14. «The Times» за 8 декабря 1941 г.
15. Turnbull, «Singapore», 141.
16. Attiwill, «Singapore», 66.
17. Kipling, «Sea to Sea», I, 258.
18. Wyett, «Staff Wallah», 87.
19. Warren, «Singapore», 43.
20. B. Bond (ред.), «Chief of Staff», II (1974), 67.
21. P. Elphick, «Singapore: The Pregnable Fortress» (1995), 153.
22. I. Morrison, «Malayan Postscript» (1942), 157.
23. D. Cooper, «Old Men Forget» (1953), 305.
24. Chapman, «Jungle», 18.
25. CUL, RCMS, BAM Addenda, Mic. 8239, K.A. Brundle, «Escape from Singapore 1942», 3 в «An Architect's Memoirs of Malaya».
26. Gallagher, «Retreat», 65.
27. Elphick, «Singapore», 257.
28. M. Tsuji, «Singapore 1941–42: The Japanese Version of the Malayan Campaign of World War», II (Oxford, 1988), 68.
29. H.P. Willmott, «Empires in the Balance» (1982), 241 и 247.
30. Chapman, «Jungle», 15.
31. L. Allen, «Singapore 1941–42» (1977), 255.
32. W.D. McIntyre, «The Rise and Fall of the Singapore Naval Base, 1919–42» (1979), 226.
33. CUL, RCMS, BAM Addenda, Mic. 8239, 6.
34. Elphick, «Singapore», 285.
35. CUL, RCMS, BAM Addenda, Mic. 8239, 3.
36. E.M. Glover, «In 70 Days» (1946), 122.
37. C. Bayly, T. Harper, «Forgotten Armies: The Fall of British Asia 1941–45» (2005), 130.
38. CUL, RCMS, BAM Addenda, Mic. 8239, 10.
39. Warren, «Singapore», 278.
40. Churchill, «Second World War», IV, 81.
41. Turnbull, «Singapore», 215.
42. Glover, «70 Days», 239.
43. E.C.T. Chew, E. Lee (ред.), «A History of Singapore» (Singapore, 1991), 117.
44. James, «Rise and Fall», 453.
45. H. Nicolson, «Diaries and Letters 1939–45» (1967), 214.
46. «The Times» за 14 марта 1942 г.
47. «Melbourne Herald» за 27 декабря 1941 г.
48. R.E. Herzstein, «Henry R. Luce» (1994), 177.
49. CSAS, Tayabji Papers, «The Burma Story», 20, 36, 21 и 3.
50. Thant Myint-Y, «Modern Burma», 102.
51. H.F. Hall, «The Soul of the People» (1905), 53.
52. D.M. Smeaton, «The Loyal Karens of Burma» (1887), 26.
53. Geary, «Burma», 245.

54. J.S.Furnivall, «An Introduction to the Political Economy of Burma» (Rangoon, 1931), xii.
55. J.S.Furnivall, «Colonial Policy and Practice» (New York, 1956), 162.
56. Ba Maw, «Breakthrough in Burma» (1968), xxii.
57. Smeaton, «Loyal Karens», 26 и 216–17.
58. Furnivall, «Colonial Policy», 108.
59. Orwell, Calder (ред.), «Collected Orwell», I, 265.
60. Furnivall, «Colonial Policy», 90 и 150.
61. White, «Civil Servant», 11.
62. Smeaton, «Loyal Karens», 4.
63. H.Tinker (ред.), «Burma: The Struggle for Independence 1944–48», I (1983), 608.
64. Cooper, «Old Men Forget», 295.
65. J.F.Cady, «A History of Modern Burma» (Ithaca, NY, 1958), 231.
66. J.Silverstein (ред.), «The Political Legacy of Augn San» (Ithaca, NY, 1993), 81.
67. Cady, «Modern Burma», 218 и 252.
68. M.Collis, «Trials in Burma» (1945), 213.
69. C.Connolly (ред.), «Horizon Stories» (2953), 93.
70. R.Slater, «Guns Through Arcady: Burma and the Burma Road» (Sydney, 1941), 12.
71. Furnivall, «Colonial Policy», 175 и 149.
72. Ba Maw, «Breakthrough», 24, 21, 20 и 89.
73. Cady, «Modern Burma», 418.
74. Ba Maw, «Breakthrough», 65.
75. M. Collis, «Last and First in Burma» (1946), 32–3.
76. Ba Maw, «Breakthrough», 174 и 206.
77. Cady, «Modern Burma», 442.
78. R. Butwell, «U Nu of Burma» (Stanford, CA, 1969), 42.
79. C.Bayly, «Rangoon (Yangon) 1939–49; the death of a colonial metropolis», CSAS, Occasional Paper № 3 (2003), 16.
80. Tinker (ред.), «Burma», I, 65.
81. Thakin Nu, «Burma under the Japanese» (1954), 77.
82. F.N. Trager (ред.), «Burma: Japanese Military Administration, Selected Documents, 1941–45» (Philadelphia, 1971), 164.
83. Tinker (ред.), «Burma», I, 65.
84. H.Tinker, «The Union of Burma» (1967), 14.
85. «United Empire», XXXVII (март 1946 г.), 81 и 84.
86. Viscount Slim, «Defeat into Victory» (1956), 520 и 518.
87. N.Tarling, «The Fourth Anglo-Burmese War» (Gaya, Bihar, 1987), 42 и 47.
88. Collis, «First in Burma», 210.
89. J.S.Furnivall, «Twilight in Burma: Reconquest and Crisis», PA, XXII (1949), 9.

90. N.Tarling, «The Fall of Imperial Britain in South-East Asia» (New York, 1993), 161.
91. Tinker, «Burma», I, 284, 1018, 1034, 934, 938 и 910.
92. Tinker, «Burma», II, 13.
93. Tarling, «Anglo-Burmese War», 342, 244 и 338.
94. Tinker, «Burma», II, 877.
95. Tarling, «Anglo-Burmese War», 329.
96. Bayly, Harper, «Forgotten Wars», 374.

Глава 15

«Цель лейбористов — спасти империю»

1. F.Lewis, «Sixty-Four Years in Ceylon» (Colombo, 1926), 217—18.
2. R.Moxham, «Tea: Addiction, Exploitation and Empire» (2003), 180.
3. Baker, «Ceylon», 47.
4. Woolf, «Growing», 48.
5. C.S.Blackton, «The Europeans of the Ceylon Civil Service in the Nineteen Twenties: The View from the Kachcheri», CJHSS, NS, VIII (1978), 38.
6. C.M.Enriquez, «Ceylon Past and Present» (1927), 35 и 116.
7. Национальный архив Шри-Ланки, 7. Тайный дневник губернатора (1978), 2.
8. W.Knighton, «Forest Life in Ceylon», I (1854), 97.
9. Tennent, «Ceylon», II, 167.
10. R.W.Kostal, «A Jurisprudence of Power: Martial Law and the Ceylon Controversy of 1848—51», JICH, 28 (январь 2000 года), 6.
11. K.M. de Silva (ред.), «Letters on Ceylon 1846—50» (Colombo, 1965), 137.
12. A.C.M.Ameer Ali, «Rice and Irrigation in 19th Century Sri Lanka», CHJ XXV (октябрь 1978 г.), 259.
13. G.F.Perera, «The Ceylon Railway» (1925), 44 и 86.
14. H.A.J. Hulugalle, «British Governors of Ceylon» (Colombo, 1963), 85.
15. Woolf, «Growing», 92.
16. R.K. de Silva (ред.), «19th-Century Newspaper Engravings of Ceylon-Sri Lanka» (1998), 159.
17. Tennent, «Ceylon», II, 189.
18. Hulugalle, «British Governors», 73.
19. Национальный архив Шри-Ланки, 25/5, собрание Стюарта Макензи. Письмо Макензи Джеймсу Стивену за 14 марта 1841 г.
20. Tennent, «Ceylon», I, 3 и II, 99.
21. E.Jaeckel, «A Visit to Ceylon», CHJ, 23 (1975), 59.
22. Tennent, «Ceylon», II, 255.

23. H. Williams, «Ceylon: Pearls of the East» (1950), 17.
24. Knighton, «Forest Life», I, 150.
25. Tsuzuki, «Carpenter», 105.
26. M. Roberts, «Stimulants and Ingredients in the Awakening of Latter-Day Nationalism» в M. Roberts (ред.), «Collective Identities: Nationalism and Protest in Modern Sri Lanka» (Colombo, 1979), 226.
27. J. Manor, «The Expedient Utopian: Bandaranaike and Ceylon» (Cambridge, 1989), 63.
28. S. A. Pakeman, «Ceylon» (1964), 108.
29. S. Bandaranaike, «Remembered Yesterdays» (1929), 16, 273 and 224.
30. K. M. de Silva, H. Wriggins, «J. R. Jayewardene», I (1988), 17.
31. C. T. Blackton, «The Empire at Bay: British Attitudes and the Growth of Nationalism in the Early Twentieth Century» в Roberts (ред.), «Collective Identities», 381.
32. H. A. J. Hulugalle, «The Life and Times of Don Stephen Senanayake» (Colombo, 1975), 25.
33. Hulugalle, «British Governors», 159 и 164.
34. Национальный архив Шри-Ланки, 25/7/1. Документы С. С. Фернандо/Вулфа, Э. В. Перейры и Д. Э. Джайтитаки для министра по делам колоний, 18 сентября 1917 г. Авторы утверждали, что генеральный атторней скрыл это замечание от комиссии, потому что иностранные критики «могли бы им воспользоваться, и потому что оно было позорным». Перейра обвинял атторнея в письме Леонарду Вулфу (26 октября 1917 г.) за попытки «очернить характер застреленных людей».
35. «Manchester Guardian» за 28 августа 1917 г.
36. Национальный архив Шри-Ланки, 25/7/1, документы Перейра и Джайтитаки, 18 сентября 1917 г.
37. C. S. Blackton, «The 1915 Riots in Ceylon», CJHSS, X (1967), 62
38. M. Vythilingam, «The Life of Sir Ponnambalam Ramathan», II (Chunnakam, 1977), 234.
39. K. M. de Silva, «The Formation and Character of the Ceylon National Congress 1917–19», CJHSS, X (1967), 100.
40. K. M. de Silva, «The Ceylon National Congress in Disarray II: The Triumph of Sir William Manning», CJHSS, NS III (1973), 17.
41. C. Jeffries, «Ceylon – The Path to Independence» (1962), 51.
42. K. M. de Silva (ред.), BDEEP, серия «Е», т. II, «Sri Lanka», ч. I (1997), 107, 156, 11 и 44.
43. Viscount Soulbury, «D. S. Senanayake the Man», CHJ, V (1955–6), 64.
44. De Silva (ред.), «Sri Lanka», ч. I, 132.
45. Blackton, «Empire at Bay» в Roberts (ред.), «Collective Identities», 381.
46. Manor, «Expedient Utopian», 152.
47. De Silva (ред.), «Sri Lanka», ч. I, 133 и 135.

48. K.M. de Silva (ред.), «University of Ceylon History of Ceylon», III (Colombo, 1973), 419.
49. Hullugalle, «Senanayake», 136.
50. De Silva (ред.), «Sri Lanka», ч. II, 92.
51. ICS, JENN/125, Papers of Sir Ivor Jennings, C/14/1, «Road to Peradeniya», 131.
52. De Silva (ред.), «Sri Lanka», ч. II, 96, 113 и 112.
53. ICS, JENN/125, C/14/1, 139.
54. De Silva (ред.), «Sri Lanka», ч. II, 284.
55. K.M. de Silva, «The Transfer of Power in Sri Lanka – A Review of British Perspectives», CJHSS, NS IV (1974), 19.
56. H.Grimal, «Decolonization» (изд. 1978), 135. Выступал Патрик Гордон Уолкер, младший советник Министерства по делам Содружества.
57. Ludowyk, «Ceylon», 204.
58. W.R.Roff, «The Origins of Malay Nationalism» (Kuala Lumpur, изд. 1994), 235, 183 and 232.
59. A.Milner, «The Invention of Politics in Colonial Malaya» (Cambridge, 1995), 264.
60. P.H.Kratosha, «The Japanese Occupation of Malaya» (Cambridge, 1998), 349.
61. Thorne, «Allies», 728.
62. Chin Peng, «My Side of History» (Singapore, 20003), 267.
63. «The Times» за 16 августа 1945 г.
64. Cheah Boon Kheng, «Red Star over Malaya» (Singapore, 1983), 138 и 133.
65. Bayly, Harper, «Forgotten Wars», 270.
66. D. Mackay, «The Malayan Emergency, 1948–60» (1997), 157.
67. A.J.Stockwell (ред.), BDEEP, серия «В», т. 3, «Malaya», ч. II (1995), 37.
68. N.J.White, «Business, Government and the End of Empire» (Kuala Lumpur, 1996), 275 and 8.
69. A.Lau, «The Malayan Union Controversy 1942–48» (Singapore, 1991), 101.
70. S.C.Smith, «The Rise, Decline and Survival of the Malay Rulers during the Colonial Period, 1874–1957», JICH, 22 (январь 1994 г.), 97.
71. A.J.Stockwell, «British Policy and Malay Politics during the Malayan Union Experiment, 1942–48» (Kuala Lumpur, 1979), 57.
72. Kheng, «Red Star», 277.
73. R.Heussler, «Completing a Stewardship: The Malayan Civil Service 1942–57» (Westport, CT, 1983), 97.
74. M.Shennan, «Out in the Midday Sun: The British in Malaya 1880–1960» (2000), 304.
75. T.Harper, «The Politics of Disease and Disorder in Post-War Malaya», JSeAS, 21 (март 1990 г.), 99.

76. R.B.Smith, «Some Contrasts between Burma and Malaya in British Policy towards South-East Asia, 1942–46» в R.B.Smith, A.J.Stockwell (ред.), «British Policy and the Transfer of Power in Asia: Documentary Perspectives» (1988), 63.

77. R.Stubbs, «Hearts and Minds in Guerilla Warfare» (Singapore, 1989), 55.

78. A.Short, «The Communist Insurrection in Malaya 1948–60» (1975), 61.

79. Stockwell (ред.), «Malaya», ч. II, 21.

80. «Straits Times» за 17 июня 1948 г.

81. Shennan, «Midday Sun», 318.

82. Stubbs, «Hearts and Minds», 75 и 90.

83. P.Deery, «The Terminology of Terrorism: Malaya, 1948–52», JSeAS, 34 (2003), 241.

84. J.D.Leary, «Violence and the Dream People» (Athens, OH, 1995), 42.

85. Chin Peng, «History», 270.

86. J.Cloake, «Templer, Tiger of Malaya» (1985), 204.

87. Stockwell (ред.), «Malaya», ч. II, 330.

88. Cloake, «Templer», 263.

89. M.R.Henderson, «Malayan Journal» (1987), 13.

90. Muggerridge, «Chronicles of Wasted Time», II, 116.

91. Purcell, «Malayan Official», 272.

92. K.Ramakrishna, «"Transmogrifying" Malaya: The Impact of Sir Gerald Templer», JSeAS, 32 (февраль 2001 г.), 84.

93. Cloake, «Templer», 220 и 239.

94. Harper, «End of Empire», 281.

95. Cloake, «Templer», 214 и 230.

96. Short, «Communist Insurrection», 380, 292 и 193.

97. Chin Peng, «History», 301.

98. M.C.A.Henniker, «Red Shadow over Malaya» (1955), 112.

99. K.Hack, «"Oron Claws on Malaya": The Historiography of the Malayan Emergency», JSeAS, 30 (март 1999 г.), 118.

100. A.Burgess, «Little Wilson and Big God» (1978), 395.

101. K.Ramakrishna, «Emergency Propaganda» (Richmond, 2002), 165.

102. Harper, «End of Empire», 355.

103. Stockwell (ред.), «Malaya», ч. II, 455.

Глава 16

«Золотая чаша, полная скорпионов»

1. D.Reynolds, «Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century» (1991), 167.

2. W.R.Louis, «The British Empire in the Middle East» (Oxford, 1984), 31.
3. Gilbert, «Churchill», VIII, 171.
4. Bullock, «Bevin: Foreign Secretary», 659.
5. D.Reynolds, «In Command of History» (2005), 43.
6. B.Wasserstein, «The British in Palestine» (1978), 111.
7. C.Sykes, «Cross Roads to Israel» (1965), 88.
8. A.Koestler, «Promise and Fulfilment: Palestine 1917–49» (1949), 33.
9. D.Duff, «Bailing with a Teaspoon» (1953), 76.
10. A.Shapira, «Ben-Gurion and the Bible: The Forging of a Historical Narrative», MES, 33 (октябрь 1997 г.), 651.
11. G.Antonius, «The Arab Awakening» (изд. 2000), 409 и 411.
12. Wasserstein, «British in Palestine», 60.
13. Antonius, «Arab Awakening», 411.
14. Wasserstein, «British in Palestine», 79.
15. D.Ingrams (ред.), «Palestine Papers 1917–22» (New York, 1973), 171.
16. T.Segev, «One Palestine, Complete» (2000), 147.
17. N.Rose, «Harold Nicolson» (2005), 20.
18. Segev, «One Palestine», 160 и 155.
19. Sherman, «Mandate Days», 45.
20. Wasserstein, «British in Palestine», 107.
21. J.M.N.Jeffries, «Palestine: The Reality» (1939), 279 и 333.
22. Meinertzhagen, «Middle East Diary», 48.
23. G.K.Chesterton, «The New Jerusalem» (1920), 93–4.
24. Sykes, «Cross Roads», 39.
25. CAC, AMEL 1/5/46, «Secret and Confidential: Josiah Wedgwood's Recollections After a Dinner 26–7–1928».
26. Pembroke College, Cambridge, Storrs Papers, Reel 8. Письмо Сторрса неизвестному адресату от 9 февраля 1922 г. Сторрс говорил, что Нортклифф «прибыл в Палестину все еще с репутацией сиониста, но это исходило не от сердца, а выражалось скорее на словах».
27. Pound, Harmsworth, «Northcliffe», 845.
28. B.Pimlott (ред.), «The Political Diary of Hugh Dalton» (1986), 207.
29. E.Reith-Roach, «Pasha in Jerusalem» (1994), 56.
30. P.Loti, «Jerusalem and the Holy Land» (изд. 2002), 58.
31. Storrs, «Orientations», 439.
32. Gibbon, «Decline and Fall», III, 648 и 564.
33. Loti, «Jerusalem», 62.
34. H.C.Luke (ред.), «The Traveller's Guide for Palestine and Syria» (1924), 145.
35. R.Andrews, «Blood on the Mountain» (1999), 198.

36. Keith-Roach, «Pasha», 119.
37. S.Perowne, «The One Remains» (1954), 82.
38. G.A.Smith, «The Historical Geography of the Holy Land» (изд. 1966), 212.
39. Pembroke College, Cambridge, Storrs Papers, Reel 8. Письмо Сторрса Джорджу Ллойд от 1 сентября 1922 г.
40. P.Mattar, «The Mufti of Jerusalem» (New York, 1988), 38.
41. J.C.Hurewitz, «The Struggle for Palestine» (New York, в ред. 1976), 74.
42. E.C.Hodgkin (ред.), «Thomas Hodgkin: Leyyers from Palestine 1932–36» (1986), 22.
43. N.Bentwich, «My 77 Years» (1962), 163.
44. Antonius, «Arab Awakening», 408.
45. S.Teveth, «Ben-Gurion and the Palestinian Arabs» (New York, 1985), 166.
46. D.Duff, «Palestine Picture» (1936), 68.
47. A.M.Kayyali, «Palestine: A Modern History» (1978), 175.
48. A.Eban, «An Autobiography» (1977), 43.
49. S.Teveth, «Ben-Gurion: The Burning Ground 1886–1948» (Boston, 1987), 437.
50. CAC, AMEL 1/5/46, «Wedgwood's Recollections After a Dinner 26–7–1928».
51. B.Litvinoff (ред.), «The Letters and Papers of Chaim Weizmann», XVII, Series A (Jerusalem, 1979), 268.
52. CAC, AMEL 1/5/46, «Secret Note of Conversation on 23 Feb. 1937».
53. Segev, «One Palestine», 456.
54. A.Perlmutter, «The Life and Times of Menachem Begin» (New York, 1987), 67.
55. Sherman, «Mandate Days», 109.
56. Keith-Roach, «Pasha», 194.
57. M.J.Cohen, «Palestine: Retreat from the Mandate» (1978), 49.
58. SAC, GB 165–0196, MacMichael Papers, папка 6. Записи для речи 16 июня 1944 г.
59. C.Sykes, «Orde Wingate» (1959), 133.
60. Cohen, «Retreat», 85.
61. C.Sanger, «Malcolm MacDonald: Bringing an End to Empire» (Liverpool, 1995), 171.
62. Teveth, «Ben-Gurion», 194.
63. L.Baker, «Days of Sorrow and Pain: Leo Baeck and the Berlin Jews» (New York, 1978), 227.
64. A.M.Lesch, «Arab Politics in Palestine, 1917–39» (1979), 227.
65. A.J.Toynbee (ред.), «Survey of International Affairs 1938», I (1941), 468.
66. Mattar, «Mufti», 105.

67. J.Heller, «The Stern Gang» (1995), 46.
68. Segev, «One Palestine», 471–72.
69. N.Bethel, «The Palestine Triangle» (1979), 74 и 83.
71. «New York Times», 12 мая 1942 г.
72. Kirk, «Middle East», 317.
73. Bethel, «Palestine Triangle», 145 и 126.
74. Perlmutter, «Begin», 71.
75. Bethel, «Palestine Triangle», 190.
76. R.Crossman, «Palestine Mission» (1947), 90.
77. Teveth, «Burning Ground», 872.
78. C. Mayhew, «British Foreign Policy since 1945», IA, 26 (1950), 484.
79. M.Jebb (ред.), «The Diaries of Cynthia Gladwyn» (1995), 24.
80. R.Ovendale, «The Palestine Policy of the British Labour Government 1945–46», IA, 55 (июль 1979 года), 413.
81. A.Howard, «Crossman» (1990), 116.
82. Louis, «British Empire in the Middle East», 428.
83. «New Statesman», 11 мая 1946 г.
84. Crossman, «Palestine Mission», 138.
85. Koestler, «Promise and Fulfilment», 117.
86. «The Jewish WAR», Би-би-си 2, 26 ноября 2004 г. Но в то время участники банды Штерна считались террористами.
87. G.Kirk, «The Middle East 1945–50» (1954), 229.
88. Louis, «British Empire in the Middle East», 446.
89. «The Times» за 3 марта 1947 г.
90. «Zionist Review» (11 апреля 1947 г.), 3.
91. Bethel, «Palestine Triangle», 336. Фразу придумала французская коммунистическая газета «L'Humanité».
92. R.D.Wilson, «Cordon and Search» (1949), 110.
93. A. Gill, «The Journey Back from Hell» (1988), 269.
94. J., D.Kimche, «Both Sides of the Hill» (1960), 22.
95. M.J.Cohen, «Palestine and the Great Powers, 1945–48» (Princeton, NJ, 1982), 268.
96. Louis, «British Empire in the Middle East», 435.
97. Bullock, «Bevin: Foreign Secretary», 359.
98. D.Acheson, «Present at the Creation» (1969), 180.
99. W.R.Louis, R.W.Stookey (ред.), «The End of the Palestine Mandate» (1982), 66.
100. Pimlott (ред.), «Diary of Hugh Dalton», 414.
101. SAC, GB 165–0196, папка 4, письмо У.И.Фицджеральда Макмайклу от 8 ноября 1947 г.
102. N.Shepherd, «Ploughing Sand: British Rule in Palestine 1917–48» (1999), 232.
103. P.Gifford, W.R.Louis (ред.), «Decolonization and African Independence: The Transfer of Power, 1960–80» (New Haven, CT, 1988), x.

104. T.Clarke, «By Blood and Fire» (1981), 165.
105. R.M.Graves, «Experiment in Anarchy» (1949), 147.
106. W.R.Louis, «Sir Alan Cunningham and the End of British Rule in Palestine», JICH XVI (май 1988 г.), 134 и 142.
107. S.Flapan, «The Birth of Israel» (1987), 95.
108. Segev, «One Palestine», 509.
109. SAC, AMEL 1/5/47, письмо Эмери лорду Солсбери от 21 мая 1948 г.
110. SAC, GB 165—0128, Sir Henry Gurney Collection, папка 2. Дневник, записи от 20 марта и 6 апреля 1948 г.

Глава 17

«Уничтожение национальной воли»

1. Louis, «British Empire in the Middle East», 378.
2. W.Khalidi, «Nasser's Memoirs of the First Palestine War», JPS, II (зима 1973 г.), 10.
3. J.Lacouture, «Nasser» (1973), 265 и 65.
4. H.G.A.Nasser, «Britain and the Egyptian Nationalist Movement» (Reading, 1994), 100.
5. E.Shuckburgh, «Descent to Suez» (1986), 4 и 6.
6. T.E.Evans (ред.), «The Killearn Diaries 1934—46» (1972), 101.
7. Gibbon, «Decline and Fall», I, 167.
8. A.Cooper, «Cairo in the War 1939—45» (1989), 115.
9. P.J.Vatikiotis, «The Modern History of Egypt» (1969), 348.
10. Evans (ред.), «Killearn Diaries», 214.
11. W. Stadien, «Too Rich» (1992), 205.
12. Lacouture, «Nasser», 48.
13. Nasser, «Egyptian Nationalist Movement», 296 и 132.
14. Louis, «British Empire in the Middle East», 241.
15. Lacouture, «Nasser», 32.
16. Evans (ред.), «Killearn Diaries», 329.
17. Farnie, «Suez», 632.
18. Shuckburgh, «Descent to Suez», 29.
19. «The Times» за 28 и 29 января 1952 г.
20. R.Stephens, «Nasser» (1971), 101.
21. A.Nutting, «Nasser» (1972), 41.
22. Lacouture, «Nasser», 135.
23. H.Trevelyan, «The Middle East in Revolution» (1970), 86.
24. J.Ranelagh, «The Agency: The Rise and Decline of the CIA» (1986), 301. С этим зданием связано много фольклора. Американцы, как утверждают, отомстили, назвав Тауэр «половым членом Насера».
25. W.R.Louis, R.Owen (ред.), «Suez 1956» (Oxford, 1989), 53.

26. Brendon, «Churchill», 213.
27. Lord Moran, «Churchill: The Struggle for Survival 1940–65» (1966), 357.
28. M.H. Heikal, «Cutting the Lion's Tail» (1986), 41.
29. Gilbert, «Churchill», VIII, 897.
30. K.Roosevelt, «Countercoup: The Struggle for the Control of Iran» (1979), 210.
31. Blake and Louis (ред.), «Churchill», 479.
32. САС, АМЕЖ 679. Меморандумы от 20 июля 1954 г. и 20 марта 1953 г.
33. САС, АМЕЖ 483/2. Рукописный меморандум по Ближнему Востоку, 9.
34. D.R.Thorpe, «Selwyn Lloyd» (1989), 173.
35. R. Rhodes James, «Anthony Eden» (1986), 334.
36. D.Carlton, «Anthony Eden» (изд. 1986), 292.
37. W.Scott Lucas, «Divided We Stand» (1991), 98.
38. Фраза принадлежит Еноху Пауэллу. САС, POLL 3/1/12.
39. W.Clark, «From Three Worlds» (1986), 146.
40. Ball, «Guardsmen», 144.
41. H.Thomas, «The Suez Affair» (изд. 1986), 46.
42. Heikal, «Lion's Tail», 62.
43. M.Heikal, «Nasser: The Cairo Documents» (1972), 81.
44. V.Mussolini, «Vita con mio padre» (Rome, 1957), 62.
45. Shuckburgh, «Descent to Suez», 281.
46. Lacouture, «Nasser», 163.
47. Shuckburgh, «Descent to Suez», 327.
48. Royle, «Glubb», 439.
49. A.Nutting, «No end of a lesson» (1967), 17.
50. R.S.Churchill, «The Rise and Fall of Sir Anthony Eden» (1959), 225.
51. B. Lapping, «End of Empire» (1985), 262.
52. Andrew, «Secret Service», 495.
53. EL, дневники Бернарда Шанли, 2239, 4 сентября 1956 г.
54. P.L.Hahn, «Discord of Partnership? British and American policy toward Egypt, 1942–56» в M.J.Cohen, M.Kolinsky (ред.), «Demise of the British Empire in the Middle East» (1998), 175.
55. K.Love, «Suez: The Twice-Fought War» (1969), 333.
56. N.Frankland (ред.), «Documents on International Affairs 1956» (1959), 88, 109 и 113.
57. Browne, «Long Sunset», 132.
58. H.Finer, «Dulles over Suez» (1964), 192.
59. A.Horne, «Macmillan 1984–56» (1988), 397.
60. I.McDonald, «The History of the Times», V (1984), 266.
61. САС, SELO 6/71. Запись разговора Селвина Ллойда и лорда Эйвона, 30 мая 1958 г.

62. K.Kyle, «Suez» (1991), 137.
63. EL, AWF, серия дневников Эйзенхауэра, Вох 15, 30 июля 1956 г. Cf.A.Eden, «Full Circle» (1960), 437.
64. EL, AWF, серия переписки Даллеса и Хёртера, Вох 5, 2 августа 1956 г.
65. P.Brendon, «Ike: The Life and Times of Dwight D.Eisenhower» (1987), 233.
66. P.G. Boyce (ред.), «The Eden-Eisenhower Correspondence 1955–57» (Chapel Hill, NC, 2005), 203.
67. H.Macmillan, «War Diaries 1943–45» (1984), 285.
68. Loed Egremont, «Wyndham and Children First» (1968), 84.
69. R.Davenport-Hines, «The Macmillans» (1992), 223.
70. Horne, Macmillan, «1894–56», 422.
71. R.Ovendale, «The English-Speaking Alliance: Britain, the United States, the Dominions and the Cold War 1945–51» (1985), 124.
72. Lucas, «Divided We Stand», 270.
73. Brendon, «Ike», 328.
74. CAC, KLMR 6/9. Заметки о Суэце.
75. Ball, «Guardsmen», 319.
76. Thorpe, «Lloyd», 2.
77. C.Foley, «Island in Revolt» (1962), 64.
78. CAC, SELO 6/65. Переписка.
79. M.Dayan, «Story of My Life» (1976), 231.
80. Rhodes James, «Eden», 536.
81. Kyle, «Suez», 370.
82. Nutting, «No end of a lesson», 107.
83. D.Dodds-Parker, «Political Eunuch» (1986), 105.
84. Clark, «Three Worlds», 209. Кларк также говорил, что Иден был «преступником и сумасшедшим». Тони Бенн, который записал это в своем дневнике, добавил: «И зная, каким умеренным, центристским, слабым и нерешительным человеком является Кларк, я очень удивился, услышав такие слова». E.Pearce, «Denis Healey» (2002), 180.
85. Ziegler, «Mountbatten», 545.
86. G.Warner, «"Collision" and the Suez Crisis in 1956», IA, 55 (апрель 1979 г.), 229.
87. D.R.Thorpe, «Alec Douglas-Home» (1996), 181.
88. Farnie, «Suez», 707.
89. «Daily Express» за 1 ноября 1956 г.
90. A.Chisholm, M.Davie, «Lord Beaverbrook: A Life» (New York, 1993), 495.
91. «The Times» за 2 ноября 1956 г.
92. EL, AWF, серия дневников Эйзенхауэра, 29 октября 1956 г.
93. Там же, 30 октября 1956 г.
94. Dodds-Parker, «Eunuch», 112.

95. EL, AWF, серия дневников Эйзенхауэра, 5 ноября 1956 г.
96. J.B.Tournoux, «Secrets d'Etat» (Paris, 1960), 169.
97. Love, «Suez», 630.
98. EL, AWF, серия дневников Эйзенхауэра, 20 ноября 1956 г.
99. T.Hoopes, «The Devil and John Foster Dulles» (1974), 405.
100. CAC, AMEJ 483/2, 21.
101. Horne, «Macmillan 1894–1956», 441.
102. M.Amory (ред.), «The Letters of Ann Fleming» (1985), 188.
103. M.Foot, «Aneurin Bevan», т. II «1945–69» (1973), 521.
104. EL, AWF, Box 8, серия дневников Эйзенхауэра, 10 января 1957 г.
105. Там же, Box 20, 20 ноября 1956 г.
106. D.D.Eisenhower, «Waging Peace» (1965), 178.
107. Gibbon, «Decline and Fall», III, 283.
108. Nutting, «No end of a lesson», 12.
109. P.Hennessy, «Whitehall» (1989), 214.
110. CAC, AMEJ 483/2, 21 и 18.
111. Stephens, «Nasser», 247.
112. Clark, «Three Worlds», 214.
113. CAC, DSND 6/29. Отчеты об операции в Суэце, 1956–57 гг., недатированный и неподписанный документ.
114. «The Economist» за 10 января 1957 г., цитируется G.Parmentier, «The British Press in the Suez Crisis», HJ, 23 (1980), 446.
115. D.Reynolds, «Eden the Diplomatist, 1931–56: The Suezide of a Statesman?», «History», 74 (февраль 1989 г.), 71 и 84.
116. J.Eayes (ред.), «The Commonwealth and Suez: A Documentary Survey» (Oxford, 1964), 194. По словам двух авторитетных канадских историков, действия Луи Сен-Лорана по объединению его страны с ООН, а не с Соединенным Королевством, «де-факто отмечало конец Британской империи в Канаде». (N.Hillmer, J.L.Granatstein, «Empire to Umpire» [Toronto, 1994], 226.)
117. CAC, HICK 2. Личные мемуары Р.Х.Хиклинга, 138.
118. Johnston, «Steamer Point», 26.
119. J.Cochrane (ред.), «Kipling» (изд. 1983), 209.
120. Том Стэйси в «Sunday Times» за 17 мая 1964 г.
121. Foster, «Landscape with Arabs», 164.
122. G.Balfour-Paul, «The End of Empire in the Middle East» (Cambridge, 1991), 69.
123. R.Ovendale, «Britain, the United States and the transfer of power in the Middle East, 1945–62» (1996), 178.
124. S.R.Ashton, S.E.Stockwell (ред.), BDEEP, серия «А», т. 1, «Imperial Policy and Colonial Practice 1925–45», ч. II (1996), 204.
125. F.Halliday, «Arabia Without Sultans» (Harmondsworth, 1974), 89.
126. CAC, HICK 2, 95.
127. R.J.Gavin, «Aden under British Rule 1839–1967» (1975), 333.

128. K.Trevaskis, «Shades of Amber» (1968), xii и 80.
129. Gibbon, «Decline and Fall», III, 159.
130. D.Ledger, «Shifting Sands» (1983), 200.
131. Trevaskis, «Amber», 9.
132. Gibbon, «Decline and Fall», III, 162.
133. Balfour-Paul, «End of Empire», 56.
134. D.Holden, «Farewell to Arabia» (1966), 49.
135. F.Heinlein, «British Government Policy and Decolonisation 1945–63» (2002), 172.
136. P.Darby, «British Defence Policy East of Suez 1947–68» (1973), 1 и 49.
137. R.Hyam, W.R.Louis (ред.), BDEEP, серия «А», т. 4, «The Conservative Government and End of Empire 1957–64», ч. I, «High Policy, Political and Constitutional Change» (2000), xlix.
138. Murphy, «Lennox-Boyd», 192.
139. S.R.Ashton, W.R.Louis (ред.), BDEEP серия «А», т. 5, «East of Suez and the Commonwealth 1964–71», ч. I, «East of Suez» (2004), 277.
140. Trevaskis, «Amber», 143.
141. Johnston, «Steamer Point», 194 и 117.
142. Hyam, Louis (ред.), «Conservative Government», 619.
143. J.Paget, «Last Post: Aden 1964–67» (1969), 39
144. CAC, BDOHP, Denis Doble, 9.
145. Halliday, «Arabia», 206 и 204. По словам Реджинальда Хиклинга (CAC, HICK 2, 119 and 279), имелось «достаточно доказательств», что задержанных пытали в тюрьме Эль-Мансура. Однако он делает вывод, что «не будучи елейно бесчестным, я думаю, что никакие другие войска, столкнувшись с напряжением, озлобленностью и яростью Южной Аравии, не могли бы вести себя с такой сдержанностью».
146. M.Jones, «A Decision delayed: Britain's withdrawal from South-East Asia reconsidered 1961–68», HER, CXVII (июнь 2002 года), 582–83. Джордж Болл, заместитель госсекретаря США, сообщил это Гарольду Уилсону 8 сентября 1965 г. Два дня спустя министр финансов Джеймс Каллагэн объявил, что Великобритания получила краткосрочный стабилизационный заем в размере одного миллиарда долларов.
147. CAC, DSND, 8/16, письмо Джулиана Эмери Сандису от 7 мая 1964 г.
148. K.Pieragostini, Britain, «Aden and South Arabia: Abandoning Empire» (1991), 114.
149. «The Times» за 3 февраля 1966 г.
150. Ashton, Louis (ред.), «East of Suez», 248.
151. Судя по недатированному листу с цифрами в бумагах Дункана Сэндиса (CAC, DSND 14/1, папка I), британские потери от терроризма в Адене составляли 111 человек в месяц в 1967 г.

152. Paget, «Last Post», 194.
153. CAC, HICK 2, 282.
154. Paget, «Last Post», 202 и 205.
155. Leger, «Shifting Sands», 180.
156. BСЕМ 2003/208, de Heveningham Baekeland Papers, 20.
157. CAC, HICK 2, 276.
158. M.Crouch, «An Element of Luck: To South Arabia and Beyond» (1993), 5–6.
159. CAC, BDOHP, сэр Брайан Кроуи, 17.
160. CAC, HICK 2, введение (которое Хиклинг поспешно написал, покинув Аден, «пока есть сильные эмоции относительно многих вопросов». В дальнейшем оно было стерто.
161. B. Pimlott, «Harold Wilson» (1997), 482.
162. DDC TV (аудиопленка), 19 ноября 1967 г.
163. A.R.Ashton, W.R.Louis (ред.), «East of Suez», 132 и 131.

Глава 18

«Возрождающаяся Африка»

1. D.Killingray, «Soldiers, Ex-Servicemen, and Politics in the Gold Coast, 1939–50», JMAS, 21 (1983), 525.
2. A.E.Ekoko, «Conscript Labour and Tin Mining in Nigeria during the Second World War», JHSN XI (декабрь 1982 г.), 76.
3. Pembroke College, Cambridge Storrs Papers, Reel 11, письмо Стоппса Э.Маршу от 17 декабря 1930 г.
4. D.Rooney, «Sir Charles Arden-Clarke» (1982), 5.
5. Gallagher, Decline, «Revival and Fall», 142.
6. Albertini, JCH (январь 1969 г.), 33.
7. D.Fieldhouse, «Decolonization. Development and Dependence: A Survey of Changing Attitudes» в P.Gifford, W.R. Louis (ред.), «The Transfer of Power in Africa: Decolonization 1940–60» (New Haven, CT, 1982), 489.
8. Hyam, «Labour Government», I, xxxv.
9. Leith-Ross, «Stepping-Stones», 114.
10. J.S.Coleman, «Nigeria: Background to Nationalism» (Berkeley, CA, 1971), 152.
11. Leith-Ross, «Stepping-Stones», 111.
12. N.Azikiwe, «My Odyssey» (1970), 254.
13. R.Robinson, «Andrew Cohen and the Transfer of Power in Tropical Africa, 1940–57» в W.H.Morris-Jones, G. Fisher (ред.), «Decolonization and After» (1980), 54.
14. A.H.M.Kirk-Greene, «Africa in the Colonial Period», III: «The Transfer of Power» (Oxford, 1979), 15. Слова принадлежат сэру Хилтону Пойнтону, который в дальнейшем добавил, что он не любит

слово «деколонизация», потому что «в нем имеется чесночная приправа вины». (Там же, 65).

15. A.Creech-Jones, «British Colonial Policy with Particular Reference to Africa», IA, 27 (апрель 1951 г.), 177.

16. Grimal, «Decolonization», 121.

17. J.R.Hooker, «Black Revolutionary» (1967), 66.

18. J.A.Langley, «Pan-Africanism and Nationalism in West Africa» (Oxford, 1973), 353.

19. R. Rathbone (ред.), BDEEP, серия «В», т. 1, Ghana, ч. I, «1945—52» (1992), xxxv.

20. Perham, «West African Passage», 62.

21. A.W.Cardinall, «The Natives of the Northern Territories of the Gold Coast» (1921), 82.

22. Kimble, «Ghana», 132 и 134.

23. N.Farson, «Behind God's Back» (1940), 447.

24. D.Austin, «Politics in Ghana 1946—60» (Oxford, 1970), 97. В 1874 г. генерал Уолсли похитил многие другие предметы из числа священных регалий, включая «самое большое из известных золотое изделие Ашанти». (R.Chamberlain, «Loot: The Heritage of Plunder» [1983], 93.)

25. R.E.Wraith, «Guggisberg» (1967), 100.

26. Kimble, «Ghana», 548.

27. Wraith, «Guggisberg», 216.

28. Farson, «God's Back», 443.

29. Burns, «Civil Servant», 216.

30. K.Bradley, «Once a District Officer» (1966), 146.

31. M.Perham, «The Colonial Reckoning: the End of Imperial Rule in Africa in the Light of Experience» (1961), 114.

32. Burns, «Civil Servant», 322.

33. Bing, «Whirlwind», 48.

34. J.D.Hargreaves, «The End of Colonial Rule in West Africa» (1979), 43.

35. Burns, «Civil Servant», 298 и 318.

36. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, xlii.

37. E. Huxley, «Four Guineas» (1954), 85.

38. J.Gunther, «Inside Africa» (1955), 784.

39. B.Davidson, «Black Star» (1973), 46 и 39.

40. Rooney, «Arden-Clarke», 91.

41. «Ghana: The Autobiography of Kwame Nkrumah» (1957), 91.

42. C.Imray, «Policeman in Africa» (1997), 129 and 130.

43. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, 385 и xliv.

44. Rooney, «Arden-Clarke», 67 и 88.

45. P.Dennis, «Goodbye to Pith Helmets» (Bishop Auckland, 2000), 133.

46. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, 391, 121 и 122.

47. Austin, «Ghana», 87.

48. Nkrumah, «Autobiography», 116.
49. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, 403.
50. Rooney, «Arden-Clarke», 212.
51. «Daily Telegraph» за 17 октября 1950 г. В статье партия обвиняется в проведении яростного устрашения и делается вывод: «Нам следует дать ясно понять Золотому Берегу и миру, что британская миссия еще не закончена. Ни при каких обстоятельствах мы не позволим стране снова погрузиться в хаос или стать русским аванпостом на экваторе».
52. CHA, 8, 52.
53. Austin, «Ghana», 126.
54. AA, 57 (январь 1958 г.), 33.
55. Nkrumah, «Autobiography», 136.
56. «Scotsman» за 15 октября 1999 года. Джулиус Ньерере наблюдал этот феномен среди студентов из Ганы за границей.
57. Lapping, «End of Empire», 382.
58. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, 373, ч. II, 4.
59. Gunther, «Inside Africa», 801.
60. «Ghana Evening News» за 1 мая 1957 г.
61. Nkrumah, «Autobiography», 142.
62. C. Walton, «British intelligence and threats to national security, c. 1941–52» (тезисы диссертации в Кембриджском университете, 2006), 694.
63. CAC, SPRS, 1048, Box I, R, 31 января 1953 г.
64. E. Powell, «Private Secretary (Female)/Gold Coast» (1984), 74.
65. CAC, SPRS, 1048, Box I, R, 17 января 1953 г.
66. Bradley, «District Officer», 145.
67. Austin, «Ghana», 219.
68. H.K. Akyeampong (ред.), «Journey to Independence and After», II (Accra, 1971), 96.
69. Huxley, «Four Guineas», 81.
70. T.P. Omari, «Kwame Nkrumah» (1970), 144.
71. Nkrumah, «Autobiography», 197.
72. Rathbone (ред.), «Ghana», ч. I, 35.
73. J.-M. Allman, «The Youngmen and the Porcupine: Class, Nationalism and Asante's Struggle for Self-Determination», JAH, 31 (1990), 275.
74. Rooney, «Arden-Clarke», 175.
75. Austin, «Ghana», 334.
76. Murphy, «Lennox-Boyd», viii.
77. D. Goldsworthy (ред.), BDEEP, серия «А», т. 3, «The Conservative Government and the End of Empire 1951–57», ч. I (1994), liv.
78. Lapping, «End of Empire», 387.
79. SOAS, MS 380596, Papers of Sir Charles Arden-Clarke, папка 1. Речь была произнесена в полночь 5 марта 1957 г.

80. Purcell, «Private Secretary», 106.
81. CAC, SPRS, Box I, T, 9 марта 1966 г.
82. M.Meredith, «The State of Africa» (2005), 96 и 307.
83. «The Times» за 10 июня 1944 г.
84. Coleman, «Nigeria», 15.
85. J.Morley, «Colonial Postscript: Diary of a District Officer 1935–56» (1992), 75.
86. Huxley, «Four Guineas», 167.
87. J.Wheare, «The Nigerian Legislative Council» (1950), x.
88. G.Gorer, «Africa Dances» (1935), opposite 129.
89. C.Achebe, «Things Fall Apart» (изд. 1965), 160.
90. J.Smith, «Colonial Cadet in Nigeria» (Durham, NC, 1968), 22.
91. O.Awolowo, «The People's Republic» (Ibadan, 1968), 65.
92. B. Sharwood Smith, «But Always As Friends» (1970), 150.
93. H. Foot, «A Start in Freedom» (1964), 108.
94. Perham, «West African Passage», 25.
95. H.L.Ward Price, «Dark Subjects» (1939), 199.
96. W.R.Crocker, «Nigeria: A Critique of British Administration» (1936), 206–7.
97. I.Brook, «The One-Eyed Man is Kung» (1966), 90.
98. A.Grantham, «Via Ports» (Hong Kong, 1965), 50.
99. Gunther, «Inside Africa», 740.
100. Coleman, «Nigeria», 151.
101. Ward Price, «Dark Subjects», 230.
102. M.Lynn (ред.), BDEEP, Series B, Vol. 7, Nigeria: Managing Political Reform 1943-1953, Pt I (2001), xlvii.
103. J.E.Flint, «Managing Nationalism: The Colonial Office and Nnamde Azikiwe, 1932–43» в R.D.King, R.W. Wilson (ред.), «The Statecraft of British Imperialism» (1999), 148.
104. R.D.Pearce, «Sir Bernard Bourdillon» (Oxford, 1987), 338, 309, 198, 313, 351 и 345.
105. O.Awolowo, «Awo» (Cambridge, 1960), 69.
106. Gorer, «Africa Dances», 274.
107. R.L.Sklar, «Nigerian Political Parties» (Princeton, NJ, 1963), 50.
108. Azikiwe, «Odyssey», 174 и 253.
109. P.S.Zachernuk, «Colonial Subjects: An African Intelligentsia and Atlantic Ideas» (Charlottesville, VA, 2000), 110.
110. W.R.Crocker, «Self-Government for the Colonies» (1949), 47.
111. Awolowo, «Awo», 141 и 137.
112. Coleman, «Nigeria», 264.
113. T.Clark, «A Right Honourable Gentleman: Abubakar From the Black Rock» (1991), 97.
114. A.Low, «The End of the British Empire in Africa» в Gifford, Louis (ред.), «Decolonization and African Independence», 45–6.
115. «The Times» за 30 мая 1946 г.

116. M.Crowder, «The Story of Nigeria» (изд. 1973), 275.
117. D.K.Fieldhouse, «Black Africa 1945–80» (1986), 7.
118. A.G.Hopkins, «An Economic History of West Africa» (1973), 266.
119. Crocker, «Self-Government», vi.
120. T.Falola, «British Imperialism: Roger Louis and the West African Case» в King, Wilson (ред.), «Statecraft», 135.
121. Gunther, «Inside Africa», 736.
122. Pearce, «Bourdillon», 274.
123. Coleman, «Nigeria», 286.
124. «The Times» за 20 августа 1946 г.
125. C.U.Uwanaka, «Zik & Awo in Political Storm» (Lagos, 1982), 8.
126. N.Azikiwe, «Zik: A Selection of the Speeches of Nnamde Azikiwe» (Cambridge, 1961), 165.
127. Zachernuk, «Colonial Subjects», 156.
128. Crowder, «Story of Nigeria», 268.
129. R.Pearce (ред.), «Then the Wind Changed: Nigerian Letters of Robert Hepburn Wright, 1936–49» (1992), 124.
130. Clark, «Abubakar», 182.
131. M.S.O.Olisa, O.M.Ikejiani-Clark (ред.), «Azikiwe and the African Revolution» (Onitsha, 1989), 224.
132. S.O.Jaja, «The Enugu Colliery Massacre in Retrospect: An Episode in British Administration of Nigeria», JHSN, XI (декабрь 1982 г.), 88.
133. Awolowo, «People's Republic», 62.
134. Sharwood Smith, «But Always», 276.
135. Zachernuk, «Colonial Subjects», 164.
136. Sklar, «Nigerian Political Parties», 144 и 195.
137. Lynn (ред.), «Nigeria», ч. II, 259, 184, 333 и 334.
138. Sklar, «Nigerian Political Parties», 173.
139. Lynn, «Nigeria», ч. II, 183.
140. CUL RCMS 133/1, A.Kirk-Greene, «Scrapbooks of News Cuttings of Royal Visit to Nigeria 1956».
141. Там же, 133/2.
142. «United Empire», XLVII (май-июнь 1956 г.), 78.
143. CUL RCMS 133/2.
144. Там же.
145. «United Empire», XLVII (май-июнь 1956 г.), 78.
146. A.Bello, «My Life» (1960), 182.
147. A.Enahoro, «Fugitive Offender» (1965), 152.
148. C. Douglas-Home, «Evelyn Baring: The Last Proconsul» (1978), 153.
149. CUL RCMS 133/1. Я стандартизировал пунктуацию и заглавные буквы.
150. Sharwood Smith, «But Always», 317.

151. Bello, «My Life», 180.
152. CUL RCMS 133/3.
153. Lynn, «Nigeria», ч. II, 80, 184 и 3.
154. CUL RCMS 113/23. H.Smith, «A Squalid End to Empire», «Ruskin Record» (август 1992 г.), 2.
155. CUL RCMS 136/31, B.Azikiwe, «Military Revolution in Nigeria» (гл. 30), 32.
156. Sharwood Smith, «But Always», 362.
157. Lynn (ред.), «Nigeria», ч. II, 567.
158. Gibbon, «Decline and Fall», I, 805.
159. R.Blake, «A History of Rhodesia» (1977), 328.
160. R.Shepherd, «Iain Macleod» (изд. 1995), 162.
161. Azikiwe, «Speeches», 158.
162. Mansergh, «Commonwealth Experience», 347.
163. Perham, «Colonial Reckoning», 9.
164. «The Times» от 28 декабря 1960 г.
165. Gibbon, «Decline and Fall», I, 96.
166. Lord Halifax, «Fulness of Days» (1957), 273.
167. «United Empire», XLIX (март-апрель 1958 г.), 65.
168. J.English, «Empire Day in Britain 1904–58», HJ, 49 (март 2006 г.), 274.
169. Heinlein, «British Government Policy», 107.
170. «United Empire», XLVII (июль-август 1956 г.), 119.
171. N.Annan, «Our Age» (изд. 1990), 43.
172. «United Empire», XLVIII (июль-август 1956 г.), 179.
173. Hobson, «Imperialism», 46. P.E.Hallett (ред.), «Utopia» (изд. 1937), 224–25 (перевод несколько отличается).
174. P.Brendon, «Our Own Dear Queen» (1986), 230.
175. J.Darwin, «The End of the British Empire: The Historical Debate» (Oxford, 1991), 80–81.
176. H.Macmillan, «Riding the Storm 1956–59» (1971), 383.
177. «United Empire», XLVIII (июль-август 1956 г.), 179.
178. «The Times» за 27 февраля 1961 г.
179. Heinlein, «British Government Policy», 144.
180. ODNB.
181. A.Horne, «Harold Macmillan 1957–86», II (1989), 204.
182. Gibbon, «Decline and Fall», I, 376.
183. Davenport-Hines, «Macmillans», 277.
184. Horne, «Macmillan», I, 109.
185. P.Brendon, «An Anachronism in His Own Time» в «New York Times Book Review» (26 ноября 1989 г.), 11.
186. Hyam, Louis (ред.), «Conservative Governments», ч. I, xxvii.
187. Clarke, Trebilcock (ред.), «Understanding Decline», 238.
188. C.Ponting, «Breach of Promise: Labour in Power 1964–70» (1989), 43.

189. Horne, «Macmillan 1984–56», 160.
190. Macmillan, «Storm», 378.
191. H. Macmillan, «Pointing the Way 1959–61» (1972), 116.
192. Ball, «Guardsmen», 345.
193. S.J. Ball, «Macmillan, the Second World War and the Empire» в R. Aldous, S. Lee (ред.), «Harold Macmillan: Aspects of a Political Life» (1999), 172.
194. Macmillan, «Pointing», 475.
195. «Daily Herald» от 4 февраля 1960 г.
196. Macmillan, «Pointing», 477.

Глава 19

«Ухуру – свобода»

1. F. Brockway, African Journeys (1955), 87–8.
2. RH, MSS Afr.s.746, Blundell Papers, ящ. 12, папка 1, письмо И.В.Идакхо Блунделлу от 24 января 1953 г.
3. CAC, FEBR 22/9, Брокви цитирует «Дейли Кроникл» (Найроби) за 9 сентября 1950 г.
4. T. Kanogo, «Squatters and the Roots of Mau Mau 1905–63» (1987), 59.
5. CUL RCMC 318/1/3, Мемуары Томаса и Флоренс Эдгар, 24.
6. Bache, «Young Lion», 66 и 279.
7. J. Iliffe, «Africans: The History of a Continent» (Cambridge, 1995), 217.
8. CUL RCMS 113/44, глава XIII, 1.
9. Berman, «Control & Crisis», 274.
10. Throup, «Origins of Mau Mau», 68.
11. D. Anderson, «Histories of the Hanged» (2005), 26.
12. Kanogo, «Squatters», 127.
13. CUL RCMS 113/44, гл. XI, 1. Однако многонациональный Клуб объединенной Кении был основан в 1946 г.
14. A. Hake, «African Metropolis» (1977), 57.
15. J. Lewis, «Empire State-Building: War & Welfare in Kenya 1925–52» (Oxford, 2000), 99.
16. CAC, FEBR 3/48k, Brockway's «Report to the Secretary of State for Colonial Affairs».
17. F. Fanon, The «Wretched of the Earth» (Harmondsworth, изд. 1967), 30.
18. H. H. Werlin, «Governing an African City: A Study of Nairobi» (New York, 1974), 61.
19. M. Gicaru, «Land of Sunshine» (1958), 133.
20. R. M. Gatheru, «Child of Two Worlds» (1964), 75.

21. B.A.Ogor, W.R.Ochiang, «Decolonization & Independence in Kenya 1940–93» (1995), 33.
22. R.Frost, «Enigmatic Proconsul: Sir Philip Mitchell and the Twilight of Empire» (1992), 181.
23. P.Mitchell, «African Afterthoughts» (1954), 273.
24. Lewis, «Empire State-Building», 272.
25. J.Murray-Brown, «Kenyatta» (1972), 190.
26. N.Cunard (ред.), «Negro» (изд. 1970), 454.
27. E.Huxley, «The Sorcerer's Apprentice» (1948), 60.
28. B.Berman, J.M.Longsdale, «The Labours of Muigwithania: Jomo Kenyatta as Author, 1928–45», «Research in African Literatures», 29 (весна 1998), 38 и 37.
29. N.Farson, «Last Chance in Africa» (1953), 113.
30. D.L.Barnett, K.Njama, «Mau Mau from Within» (1966), 75.
31. H.Muoria, «I, The Gikuyu and the White Fury» (Nairobi, 1994), 17.
32. J.M.Kariuki, «"Mau Mau" Detainee» (1963), 12.
33. Barnett, Njama, «Mau Mau», 75.
34. Lapping, «End of Empire», 411.
35. RH, MSS Afr.s.746, Blundell Papers, ящ. 12, папка 1, письмо И.В.Идакхо Блунделлу от 24 января 1953 г.
36. T. Askwith, From Mau Mau to Harambee (Cambridge, 1995), 112.
37. DUL, Baring Papers, GRE/1/18/1 и 29, письмо Митчелла Барингу от 25 марта и 16 июня 1952 г.
38. «East African Standard» за 10 апреля 1952 г.
39. R.Ruark, «Something of Value» (1955), 177.
40. Douglas-Home, «Baring», 231, 229 и 230.
41. C.Elkins, «Britain's Gulag: The Brutal End of Empire in Kenya» (2005), 61.
42. DUL, Baring Papers, GRE 1/19/150, «Баринг Литтелтону» от 9 октября 1952 г.
43. Gicaru, «Land of Sunshine», 17.
44. CUL RCMS 175, T.H.R.Cashmore, «Kenya Days», 35.
45. R.B.Edgerton, «Mau Mau» (1990), 152.
46. Anderson, «Histories of the Hanged», 85.
47. Gicaru, «Land of Sunshine», 115. Грэм Грин тоже считал поселенцев «в некотором роде белыми мау-мау». [N.Sherry, «The Life of Graham Greene», II (1994), 462].
48. Barnett, Njama, «Mau Mau», 208.
49. Ruark, «Something of Value», 406.
50. RH, MSS Afr.s.746, Blundell Papers, ящ. 12, папка 1, письмо Нини Лангмед Блунделлу от 4 марта 1953 г.
51. CUL RCMS 175, 26.
52. M.Blundell, «So Rough a Wind» (1964), 145.
53. Anderson, «Histories of the Hanged», 1.

54. ВЕСМ, 2001/299, Недатированный полицейский отчет о «церемониях мау-мау согласно описанию участников».

55. M.S.Clough, «Mau Mau Memoirs» (Boulder, CO, 1998), 120.

56. Kariuki, «Detainee», 18 и 27.

57. Mitchell, «African Afterthoughts», xvii-xviii и 220.

58. O.Lyttelton, «The Memoirs of Lord Chandos» (1962), 394–95.

59. M.Blundell, «A Love Affair with the Sun» (Nairobi, 1994), 139.

60. Douglas-Home, «Baring», 237.

61. Edgerton, «Mau Mau», 80.

62. Blundell, «Rough a Wind», 133.

63. Anderson, «Histories of the Hanged», 152.

64. H.Cuss, «British Intelligence and the Leaders of Colonial Independence Movements: the Cases of Kwane Nkrumah and Jomo Kenyatta» (Cambridge, M.Phil., 2006), 54.

65. A.Clayton, «Counter-Insurgency in Kenya 1952–60» (Yuma, KA, 1984), 5.

66. Douglas-Home, «Baring», 243 и 256.

67. Clayton, «Counter-Insurgency», 11.

68. R. Buijtenhuijs, «Mau Mau: Twenty Years After» (The Hague, 1973), 107.

69. CUL RCMS 175, 11 и 16.

70. L.White, «The Comforts of Home: Prostitution in Colonial Nairobi» (Chicago, 1990), 185.

71. CUL RCMS 175, 68–9 и 26.

72. CUL RCMS 113/44, гл. XXI, 3.

73. Lyttelton, «Memoirs», 405.

74. Anderson, «Histories of the Hanged», 79. Фраза принадлежит Нгуги ва Тионго.

75. Edgerton, «Mau Mau», 143.

76. CUL RCMS 175, 28.

77. Elkins, «Britain's Gulag», 67.

78. CUL RCMS 175, приложение 5.

79. B.Castle, «Fighting All the Way» (1993), 271 и 273.

80. CUL RCMS 175, 33 и 26.

81. Каролин Элкинс использует это выражение, как заглавие своей книги, а Дэвид Андерсон описывает сравнение с советским «архипелагом», сделанное М.Клоугом (M.Clough, «Mau Mau», 205), как «эффектное и точное» («Histories of the Hanged», 315). Но Рональд Ям справедливо критикует это «неправильное употребление слов», заявляя, что у нас должны остаться выражения «для разоблачения худших видов зла из всех» («Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918–68» (Cambridge, 2007), 192.)

82. C.G.Rosberg, J.Nottingham, «The Myth of «Mau Mau»: Nationalism in Kenya» (New York, 1966), 334, 346 и 378.

83. Blundell, «Rough a Wind», 198.
84. W.Itote, «Mau Mau General» (Nairobi, изд. 1974), 125.
85. Barnett, Njama, «Mau Mau», 209.
86. Kariuki, «Detainee», 89.
87. Elkins, «Britain's Gulag», 193.
88. «The Times» за 16 июня 1959 г.
89. Elkins, «Britain's Gulag», 283. Эта фраза была придумана уступчивым генеральным атторнеем Баринга, Эриком Гриффит-Джоунсом.
90. Castle, Fighting, 262.
91. BECM 2002/218 Breckenridge Papers, письмо Бернарда Мвай Гатуга от 24 марта 1956 г., письмо Дж.В.Мвату от 22 октября 1954 г., письмо Кируса Гакуа Каруга от 18 февраля 1957 г. Все они адресованы миссис Брекенридж.
92. O.Odinga, «Not Yet Uhuru» (изд. 1968), 141.
93. D.Golsworthy, «Tom Mboya» (New York, 1982), 74.
94. DUL, Baring Papers GRE/1/98/1–29, Kenya Notebook 1959.
95. Douglas-Home, Baring, 279.
96. RH, Welensky Papers, 592/2, письмо Бланделла Веленски от 3 января 1960 г.
97. CUL RCMS 175, 71, 34, 68, 71 и 62.
98. DUL, Baring Papers GRE/1/98/1–29, Kenya Notebook 1959.
99. «The Times» за 7 мая 1959 г.
100. Edgerton, «Mau Mau», 194.
101. «The Times» за 16 июня 1959 г.
102. «The Times» за 28 июля 1959 г.
103. SAC, POLL 3/1/18, письмо Дж.Маклауда Пауэллу, не публиковалось.
104. Там же, письмо В.Бонхэм Картер Пауэллу от 31 июля 1959 г.
105. Heinlein, «British Government Policy», 195.
106. A.W.B.Simpson, «Human Rights and the End of Empire» (Oxford, 2001), 1057.
107. Shepherd, «Macleod», 159.
108. «Spectator» за 31 января 1964 г.
109. «New York Times» за 17 июля 1959 г.
110. Murray-Brown, «Kenyatta», 298.
111. J.Yorke, «Lancaster House» (2001), 171.
112. «Daily Herald» и «Daily Mail» за 21 января 1960 г.
113. RH, Welensky Papers, 592/2, письмо Блунделла Веленски от 29 февраля 1960 г.
114. Bennett, «Kenya», 153.
115. RH, Welensky Papers, 592/2, письмо Блунделла Веленски от 29 февраля 1960 г.
116. Edgerton, «Mau Mau», 208.
117. Blundell, «Rough a Wind», 283.

118. CUL RCMS 175, 95.
119. RH, Welensky Papers, 592/8, письмо Веленски лорду Солс-
бери от 18 августа 1961 г.
120. Nicholls, «Red Strangers», 273.
121. BCEM, 2003/208, 16.
122. G.Wasserman, «Politics of Decolonization: Kenya Europeans
and the Land Issue 1960–65» (Cambridge, 1976), 162.
123. Murray-Brown, «Kenyatta», 309.
124. Sanger, «MacDonald», 390.
125. Heinlein, «British Government Policy», 257.
126. N. wa Thiong'o, «Writers in Politics» (Oxford, 1997), 106.
127. Murray-Brown, «Kenyatta», 320.
128. «The Times» за 12 декабря 1963 г.
129. Askwith, «Mau Mau to Harambee», 101.
130. CUL RCMS 175, 103.
131. Milne, «Global Policy Forum» (май 2005 года).
132. CUL RCMS 175, 103.

Глава 20

«Вся родня»

1. T.O.Ranger, «Revolt in Southern Rhodesia 1896–7» (1967), 104 и
319.
2. W.H.Brown, «On the South African Frontier» (1899), 322.
3. N.Jones, «Rhodesian Genesis» (Bulawayo, 1953), 113.
4. A.Keppel-Jones, «Rhodes and Rhodesia» (Kingston, Ont., 1983),
401.
5. Headlam (ред.), «Milner Papers», I, 141.
6. «The Times» за 29 января 1895 г.
7. I.Phimister, «An Economic and Social History of Zimbabwe,
1890–1948» (1988), 8 и 7.
8. Colvin, «Jameson», I, 214.
9. M.Hall, «The Legend of the Lost City: Or, the Man with Golden
Balls», JSAS, 21 (июнь 1995 г.), 188. Эта птица символизирует связь,
которую Родс пытался создать между Северной и Южной Афри-
кой. Она же присутствует в оформлении «Родс-Хауза».
10. Brown, «South African Frontier», 400. Сам Родс подписал эту
книгу.
11. Ranger, «Revolt», 119.
12. Baden-Powell, «Matabele Campaign», 329.
13. T.Ranger, «Voices from the Rocks» (Bloomington, IN, 1999), 14.
14. F.W.Sykes, «With Plumer in Matabeleland» (1897), 168.
15. NAM, 1999–07–20, 5 июня 1897 г., ff.
16. Brown, «South African Frontier», 369.

17. F.C.Selous, «Sunshine and Storm in Rhodesia» (1896), 30 и 193.
18. Ranger, «Revolt», 131.
19. G.Sims, «Paladin of Empire: Earl Grey and Rhodesia» (Salisbury, 1970), 3 и 45.
20. Ranger, «Revolt», 14.
21. Selous, «Sunshine and Storm», 137.
22. Baden-Powell, «Matabele Campaign», 131–32 и 290.
23. T.Jeal, «Baden-Powell» (1989), 175.
24. C.Summers, «From Civilization to Segregation» (Athens, OH, 1994), 52.
25. J.Illiffe, «Famine in Zimbabwe 1890–1960» (Gweru, 1990), 26.
26. Rotberg, «Rhodes», 561.
27. Keppel-Jones, «Rhodes and Rhodesia», 503–4.
28. Rotberg, «Rhodes», 568.
29. Pakenham, «Scramble for Africa», 500.
30. Blake, «Rhodesia», 145.
31. L.H.Gann, «A History of Southern Rhodesia» (1965), 209.
32. Hancock, «Smuts», II, 154.
33. E.Tawse Jollie, «The Real Rhodesia» (1924), 85.
34. Brown, «South African Frontier», 384, 394 и 391.
35. I.Henderson, «White Populism in Southern Rhodesia», CSSH, 14 (сентябрь 1972 г.), 390.
36. Ranger, «Revolt», 323 и 376.
37. P.Mason, «The Birth of Dilemma» (1958), 204.
38. R.Palmer, «Land and Racial Domination in Rhodesia» (1977), 97, 118, 71 и 89.
39. T.Burke, «Lifebuoy Men, Lux Women» (1996), 19.
40. Hole, «Rhodesian Days», 98.
41. Kennedy, «Islands of White», 158–9.
42. Summers, «Civilization to Segregation», 139.
43. Palmer, «Land and Racial Domination», 152.
44. Gann, «Southern Rhodesia», 229.
45. K.Good, «Settler Colonialism in Rhodesia», AA (1974), 11.
46. L.H.Gann, M.Gelfand, «Huggins of Rhodesia» (1964), 70.
47. «Southern Rhodesia: Information for Settlers» (1905), 35.
48. D.Lessing, «Under My Skin» (1994), 160.
49. Phimister, «Zimbabwe», 183.
50. Palmer, «Land and Racial Domination», 178.
51. R.Gray, «The Two Nations» (1960), 103.
52. E.Schmidt, «Negotiated Spaces and Contest Terrain: Men, Women and the Law in Colonial Zimbabwe», 1890–1939», JSAS, 16, 4 (1990), 646.
53. Gray, «Two Nations», 261 и 255.
54. A.DeRoche, «Black, White and Chrome: the United States and Zimbabwe 1953–98» (Trenton, NJ, 2001), 16.

55. Phimister, «Zimbabwe», 196.
56. Gann, Gelfand, «Huggins», 266.
57. L.Vambe, «From Rhodesia to Zimbabwe» (1976), 73.
58. T.O.Ranger, «The African Voice in Southern Rhodesia 1898–1930» (1970), 224.
59. Phimister, «Zimbabwe», 156 и 198.
60. Tawse Jollie, «Real Rhodesia», 243.
61. Phimister, «Zimbabwe», 187.
62. Gann, «Southern Rhodesia», 314.
63. Gray, «Two Nations», 319.
64. Vambe, «Rhodesia to Zimbabwe», 159.
65. J.Parker, «Rhodesia: Little White Island» (1972), 62.
66. Dunn, «Central African Witness», 177.
67. ODNB.
68. Rotberg, «Black Heart», 260 и 188.
69. R.Hyam, «Africa and the Labour Government, 1945–51», JICH, 16 (май 1988 г.), 168.
70. P.Murphy (ред.), BDEEP, серия «В», т. 9, «Central Africa», Pt I (2005), 331.
71. A.Cousins, «State Ideology and Power in Rhodesia, 1958–72», JAHs, 24, 1 (1991), 39.
72. H.Franklin, «Unholy Wedlock» (1963), 49 и 87.
73. Rotberg, «Nationalism in Central Africa», 248. Фраза принадлежит Банде.
74. L.W.Bowman, «Politics in Rhodesia» (Cambridge, MA, 1973), 19–20.
75. Roberts, «History of Zambia», 213.
76. Rotberg, «Nationalism in Central Africa», 265.
77. N.M.Shamuyarira, «Crisis in Rhodesia» (New York, 1966), 33.
78. Franklin, «Unholy Wedlock», 82.
79. T.O.Ranger (ред.), «Aspects of Central African History» (1968), 238.
80. I.Phimister, «Rethinking the Reserves: Southern Rhodesia's Land Husbandry Act Reviewed», JSAS, 19 (июнь 1993 г.), 239.
81. Nkomo, «The Story of My Life» (1984), 53.
82. J.R.T.Wood, «The Welensky Papers» (Durban, 1983), 535.
83. R.Welensky, «Welensky's 4 000 Days» (1964), 98.
84. P.Short, «Banda» (1974), 104.
85. Wood, «Welensky Papers», 663.
86. R.C.Tredgold, «The Rhodesia That Was My Life» (1968), 227, 229 и 230.
87. «Rhodesia Herald» за 27 октября 1960 г.
88. C.Sanger, «Central African Emergency» (1960), 262 и 286.
89. Lapping, «End of Empire», 482.
90. «The Times» за 24 июля 1959 г.

91. J.Darwin, «The Central African Emergency, 1959», JICH, 21 (сентябрь 1993 г.), 230.
92. Horne, «Macmillan», II, 182.
93. «The Times» за 29 и 22 июля 1959 г.
94. Franklin, «Unholy Wedlock», 155.
95. «The Times» за 8 января 1960 г.
96. Blake, «Rhodesia», 327.
97. Shepherd, «MacLeod», 203.
98. Murphy (ред.), «Central Africa», Pt II, 141.
99. Welensky, «4 000 Days», 270 и 299.
100. RH, Welensky Papers, 665/5, письмо лорда Солсбери Веленски от 7 августа 1963 г.
101. Там же, 592/8, 592/8, письмо лорда Солсбери Веленски от 5 февраля 1961 г.
102. «The Times» за 8 марта 1961 г.
103. R.Maudling, «Memoirs» (1978), 96.
104. RH, Welensky Papers, 770/3, письмо Веленски лорду Солсбери от 3 марта 1964 г.
105. Там же, 665/5, письмо Веленски лорду Солсбери от 25 января 1963 г.
106. Там же, 592/8, письмо Веленски лорду Солсбери от 7 октября 1961 г.
107. Там же, от 25 мая 1961 г.
108. L.J.Butler, «Britain, the United States, and the Demise of the Central African Federation, 1959–63», JICH, 28 (сентябрь 2000 г.), 132.
109. Bowman, «Politics in Rhodesia», 28.
110. Parker, «Rhodesia», 94.
111. Lord Butler, «The Art of the Possible» (1971), 220.
112. Parker, «Rhodesia», 100.
113. D.Lowry, «"Shame upon «Little England» while «Greater England» Stands!" Southern Rhodesia and the Imperial Idea» в A.Bosco, A.May (ред.), «The Round Table and British Foreign Policy» (1997), 306.
114. P.Allen, «Interesting Things: Uganda Diaries 1955–86» (Lewes, 2000), 29.
115. Hyam, Louis (ред.), «Conservative Government and the End of Empire», xlviii.
116. Foot, «Start in Freedom», 219–20.
117. A.Megahey, «Humphrey Gibbs: Beleaguered Governor» (1998), 88.
118. I.D.Smith, «Bitter Harvest» (2001), 67.
119. Blake, «Rhodesia», 361.
120. RH, Welensky Papers, 770/3, письмо Веленски лорду Солсбери от 4 мая 1964 г.
121. D.Caute, «Under the Skin» (1983), 89.

122. Megahey, «Gibbs», 81.
123. Shamuyarira, «Crisis in Rhodesia», 210.
124. K.Young, «Rhodesia and Independence» (1969), 109.
125. M.Meredith, «Past is Another Country» (1979), 64–5.
126. K.Flower, «Serving Secretly» (1987), 36.
127. CAC, DSND 14/25/1, письмо А.Ф.Хопкинсона Сэндису от 13 июля 1966 г.
128. Bowman, «Politics in Rhodesia», 71.
129. Young, «Rhodesia and Independence», 174.
130. H.Wilson, «The Labour Government 1964–70: A Personal Record» (1971), 143, 159 и 163.
131. Pimlott, «Wilson», 371.
132. Smith, «Bitter Harvest», 96.
133. B.Castle, «The Castle Diaries» (1984), 67.
143. Smith, «Bitter Harvest», 105.
135. CAC, DSND 14/25/1, письмо Веры Бромли Сэндису от 14 октября 1965 г.
136. Bowman, «Politics in Rhodesia», 89.
137. Young, «Rhodesia and Independence», 370.
138. Castle, «Castle Diaries», 162.
139. Nyam, «South African Expansion», 185.
140. CAC, DSND 14/25/1, письмо Веры Бромли Сэндису от 14 октября 1965 г.
141. CAC, DSND 14/25/1, письмо И.Колльера Сэндису от 12 июля 1966 г.
142. «The Times» за 15 ноября 1965 г.
143. Flower, «Serving Secretly», 73.
144. R.Hall, «My Life with Tiny: A Biography of Tiny Rowland» (1987), 116.
145. T.Benn, «Office without Power: Diaries 1968–72» (1988), 115.
146. H.R.Strack, «Sanctions: The Case of Rhodesia» (Syracuse, 1978), 29.
147. ODNB. Автор статьи о Хоуме, Дуглас Херд, цитирует «Cyril Connolly's Enemies of Promise».
148. RH, Welensky Papers, 624/10, письмо А. Дуглас-Хоума Веленски от 29 февраля 1960 г.
149. Bowman, «Politics in Rhodesia», 123.
150. RH, Welensky Papers, 770/3, письмо Веленски лорду Солсбери от 3 марта 1964 г. Фразу придумал Уинстон Филд, премьер-министр Родезии.
151. Meredith, Past is Another Country, 79.
152. A.T.Muzorewa, «Rise up and Walk» (1978), 95 и 117.
153. DeRoche, «Black, White & Chrome», 99.
154. J.Alexander, J.McGregor, T.Ranger, «Violence & Memory» (Oxford, 2000), 122–3.

155. Flower, «Serving Secretly», 134.
156. Meredith, «Past is Another Country», 171.
157. J.McGregor, «The Victoria Falls 1900–40: Landscape, Tourism and the Geographical Imagination», JSAS, 29 (сентябрь 2003 г.), 728.
158. H.Kissinger, «Years of Renewal» (1999), 917.
159. K.O.Morgan, «Callaghan: A Life» (Oxford, 1997), 595.
160. «The Kissinger Study on Southern Africa» (Nottingham, 1975), 11.
161. W.Isaacson, «Kissinger» (1992), 686.
162. Kissinger, «Years of Renewal», 937.
163. «The Times» за 28 апреля 1976 г.
164. Meredith, «Past is Another Country», 52 и 254.
165. G.R.Berridge, A.James, «A Dictionary of Diplomacy» (Basingstoke, 2001).
166. «The Times» за 18 и 24 сентября 1976 г.
167. D.Owen, «Time to Declare» (1992), 301.
168. Flower, «Serving Secretly», 185 и 194.
169. Gibbon, «Decline and Fall», I, 92.
170. Smith, «Bitter Harvest», 309.
171. Brendon, Whitehead, «The Windsors», 208.
172. M.Thatcher, «Downing Street Years» (1993), 75.
173. M.Charlton, «The Last Colony in Africa» (1990), 58.
174. H.Young, «One of Us» (1989), 179.
175. M.Meredith, «Our Votes, Our Guns» (New York, 2002), 8.
176. Smith, Bitter Harvest, 320.
177. Lord Carrington, «Reflect on Things Past» (1988), 298 и 302.
178. Meredith, «Our Votes», 9.
179. «The Times» за 18 апреля 1980 г.
180. J.Campbell, «Margaret Thatcher», II (2003), 74-5.

Глава 21

Скалы и острова

1. Gibbon, «Decline and Fall», III, 1062.
2. CSJ, 3 (1960), 125.
3. Reynolds, «Beards», 282.
4. «The Times» за 10 апреля 1950 г. и 25 августа 1947 г.
5. O.Mandelstam, «Selected Poems» в переводе C.Brown, W.S.Merwin (Harmondsworth, 1977), 98.
6. P.G.Wodehouse, «Jeeves and the Feudal Spirit» (изд. 1963), 12. К 1963 г. «частный детектив» не только представлял рассказ с пародией на Гиббона о «сумерках Британской империи», но и безжалостно щипал «смехотворные усы» Макмиллана. (D.Sandbrook, «Never Had It So Good» [2005], 667). Конечно, усы вернутся – в качестве знака мужской силы.

7. CSJ, 3 (1960), 126.
8. F.Madden (ред.), «The End of Empire: Dependencies since 1948 Select Documents...» VIII (Westport, CT, 2000), xiv.
9. Hyam, Louis (ред.), «Conservative Government and the End of Empire», xxxii.
10. T.M.Campbell, G.C.Herring (ред.), «The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr, 1943–1946», I (New York, 1975), 40.
11. OHBE, IV, 344.
12. «Guardian» за 29 мая 2006 г.
13. Beckford, «Jamaica», I, xiii.
14. S.R.Ashton, D.Killingray (ред.), BDEEP, серия «А», т. 6, The West Indies (1999), xi.
15. J.A.Froude, «The English in the West Indies» (1888), 37.
16. G.Sewell, «The Ordeal of Free Labour in the British West Indies» (1862), 174 и 172.
17. A.Trollope, «The West Indies and the Spanish Main» (1860), 31 и 169.
18. Froude, «West Indies», 247 и 70.
19. Trollope, «West Indies», 84.
20. Froude, «West Indies», 121.
21. Parry и др., «West Indies», 132.
22. G.K.Lewis, «The Growth of the Modern West Indies» (1968), 105.
23. Burn, «Emancipation and Apprenticeship», 69.
24. J.Brown, «William Des Voeux: a Portrait of a Crown Colony Governor», «Chronicle of the West India Committee», LXXXIX (январь 1964 г.), 23.
25. G.W.Des Voeux, «My Colonial Service» I (1903), 157.
26. C.Cross, «The Fall of the British Empire» (1968), 126.
27. E.Wallace, «The British Caribbean: From the Decline of Colonialism to the End of Federation» (Toronto, 1977), 17.
28. A.Calder-Marshall, «Glory Dead» (1939), 117.
29. W.M.Macmillan, «Warning from the West Indies» (1936), 136.
30. C.L.R.James, «Beyond a Boundary» (изд. 1983), 120.
31. Wallace, «British Caribbean», 32.
32. F.A.Hoyos, «Grantley Adams and the Social Revolution» (1974), 245.
33. E.Williams, «Inward Hunger: The Education of a Prime Minister» (1969), 35.
34. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», 367 и 522.
35. ODNB.
36. W.Bell, «Jamaican Leaders», 17.
39. A.Jackson, «The British Empire and the Second World War» (2006), 1.
40. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», xlv.

41. J. Mordecai, «The West Indies: The Federal Negotiations» (1968), 28.
42. Wallace, «British Caribbean», 99.
43. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», 400.
44. W.P. Kirkman, «Unscrambling the Empire» (1966), 203.
45. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», lxiv и 400.
46. S.R. Cudjoe (ред.), «Eric E. Williams Speaks» (Wellesley, MA, 1993), 238 и 245.
47. V.S. Naipaul, «The Middle Passage» (1962), 78.
48. Wallace, «British Caribbean», 169 и 198.
49. Madden (ред.), «End of Empire», 134.
50. J. Gerassi, «The United States and Revolution in Latin America» в N.D. Houghton (ред.), «Struggle Against History» (New York, 1968), 166.
51. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», 489.
52. C. Fraser, «Ambivalent Anti-Colonialism: The United States and the Genesis of west Indian Independence, 1940–1964» (Westport, CT, 1994), 192.
53. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», 487, 488 и 597.
54. Ranelagh, «The Agency», 390.
55. A. Toynbee, «America and the World Revolution» (1962), 17, 32 и 31.
56. D.W. White, «The American Century» (1996), 121. Художественный критик Бернард Беренсон назвал работу Тойнби «романтической, философской, теологической — всем, чем угодно, но только не историей». (R. Davenport-Hines (ред.), Letters from Oxford (2006), 36).
57. Julien, «America's Empire», 369.
58. Ashton, Killingray (ред.), «West Indies», 718.
59. G.K. Lewis, «Grenada: The Jewel Despoiled» (1987), 115.
60. J.W. Fulbright, «The Arrogance of Power» (1967), 32.
61. A. Payne и др., «Grenada: Revolution and Invasion» (1984), 49.
62. Thornton, «File on Empire», 324.
63. Payne, «Grenada», 165 и 164.
64. Campbell, «Thatcher», II, 274.
65. Payne, «Grenada», 170.
66. Lewis, «Grenada», 1.
67. Gibbon, «Decline and Fall», III, 663.
68. Lehmann, «All Sir Garnet», 241.
69. «The Times» за 17 июля 1878 г.
70. M. Roussou-Sinclair, «Victorian Travellers in Cyprus: A Garden of Their Own» (Nicosia, 2002), 82.
71. J. Reddaway, «Burdened with Cyprus» (1986), 10. Фраза принадлежит сэру Чарльзу Дилке.
72. G.S. Georghallides, «Cyprus and the Governorship of Sir Ronald Storrs: The Causes of the 1931 Crisis» (Nicosia, 1985), 676.

73. Gibbon, «Decline and Fall», II, 964.
74. N.Crawshaw, «The Cyprus Revolt» (1978), 23.
75. I.D.Stefanides, «Isle of Discord» (1999), 292.
76. Storrs, «Orientations», 457.
79. Georghallides, «Cyprus», 143.
80. «Pembroke College, Cambridge, Storrs Papers», Reel II, письмо Стоппса Маршу, 1927 г.
81. Georghallides, «Cyprus», 700, 612, 614, 689 и 698.
82. «The Times» за 26 октября 1931 г.
83. «Pembroke College, Cambridge, Storrs Papers», Reel II, письмо Стоппса Георгу V от 17 ноября 1931 г.
84. Там же, Reel 13, письмо Стоппса В.Д.Кейну от 25 октября 1931 г.
85. A.Azinas, «50 Years of Silence», т. «А» (Nicosia, 2002), 28.
86. Reddaway, «Burdened with Cyprus», 40 и 41.
87. R.Holland, «Britain and the Revolt in Cyprus 1954–1959» (Oxford, 1998), 16.
88. Stefanides, «Isle of Discord», 116.
89. R.Holland, «Never, Never Land: British Colonial Policy and the Roots of Violence in Cyprus, 1950–54», JICH, XXI (сентябрь 1993 г.), 151.
90. Holland, «Revolt in Cyprus», 27.
91. S.Mayes, «Makarios» (1981), 18.
92. Azinas, «50 Years», т. «А», 146.
93. A.James, «Keeping the Peace in the Cyprus Crisis of 1963–64» (Basingstoke, 2002), 8. Американским обозревателем был Джордж Болл.
94. C.Foley (ред.), «The Memoirs of General Grivas» (1964), 3.
95. Azinas, «50 Years», т. «А», 257.
96. C.Thubron, «Journey into Cyprus» (1975), 110.
97. S.Foot, «Emergency Exit» (1960), 20.
98. P.Balfour, «The Orphaned Realm» (1951), 198–99.
99. L.Durrell, «Bitter Lemons» (1957), 35, 136, 36, 168 и 118.
100. Stefanides, «Isle of Discord», 156.
101. C.Hitchens, «Hostage to History» (изд. 1997), 37.
102. «The Times» за 29 июля 1954 г.
103. S.Schlesinger, «How Dulles Worked the Coup d'Etat» в «Nation» (28 октября 1978 г.), 439.
104. C.M.Woodhouse, «Something Ventured» (1982), 134.
105. Holland, «Revolt in Cyprus», 52.
106. C.Baker, «Retreat from Empire: Sir Robert Armitage in Africa and Cyprus» (1998), 109.
107. D.M.Anderson, «Policing and Communal Conflict: The Cyprus Emergency, 1954–60», JICH XXI (сентябрь 1993 г.), 192.
108. Holland, «Revolt in Cyprus», 64.

109. Foley (ред.), «Memoirs of Grivas», 46.
110. Foley, «Island in Revolt», 158 and 186.
111. Murphy, «Lennox-Boyd», 117.
112. Holland, «Revolt in Cyprus», 112–13.
113. D.W.Markides, «Britain's «New Look» Policy for Cyprus and the Makarios-Harding Talks, January 1955 – March 1956», JICH, XXIII (сентябрь 1995 г.), 497.
114. S.L.Carruthers, «Winning Hearts and Minds» (1995), 196.
115. Foley (ред.), «Memoirs of Grivas», 73 и 82.
116. Foley, «Island in Revolt», 119.
117. F.Crouzet, «Le Conflit de Chypre», II (Brussels, 1973), 620, 602, 561 and 626.
118. J.B.Bell, «On Revolt» (Cambridge, MA, 1976), 124.
119. Mayes, «Makarios», 114.
120. Azinas, «Fifty Years», т. «В», 658.
121. Foley, «Island in Revolt», 85.
122. Simpson, «Human Rights and the End of Empire», 347 и 982.
123. Carruthers, «Winning Hearts», 227.
124. Crawshaw, «Cyprus Revolt», 264.
125. Foley (ред.), «Memoirs of Grivas», 131.
126. Foot, «Start in Freedom», 167.
127. Crawshaw, «Cyprus Revolt», 287.
128. Holland, «Revolt in Cyprus», 266.
129. «Oxford Opinion» за 31 января 1959 г.
130. Azinas, «Fifty Years», т. «В», 761 и 764.
131. D.Austin, «Malta and the End of Empire» (1971), 106.
132. Macmillan, «Riding the Storm», 226 и 657.
133. Holland, «Revolt in Cyprus», 302.
134. Macmillan, «Riding the Storm», 657.

Глава 22

«Вся наша вчерашняя помпезность»

1. Freedman, «The Official History of the Falklands Campaign», I (2005), 5.
2. D.J.Greene (ред.), «The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson», X (1977), 350 и 369.
3. R.Hunt, «My Falklands Days» (1992), 53 и 31.
4. M.Hastings, S.Jenkins, «The Battle for the Falklands» (изд. 1992), 24.
5. Freedman, «Falklands Campaign», I, 47, 46 и 134.
6. Hastings, Jenkins, «Falklands», 23.
7. N.West, «The Secret War for the Falklands» (1997), 220.

8. Freedman, «Falklands Campaign», I, 127.
9. «The Franks Report» (1983), 37.
10. A.Dorman, «John Nott and the Royal Navy: The 1981 Defence Review Revisited», CBN, 15 (Spring 2001), 103.
11. CAC, NOTT, 1/2/5.
12. Young, One of Us, 239 и 275.
13. «The Times», 13 ноября 1986 г.
14. «The Economist» за 3 марта 1984 г.
15. H.Leach, «Endure No Makeshifts» (1993), 198.
16. Thatcher, «Downing Street Years», 177.
17. West, «Secret War», 57.
18. D.K.Gilbran, «The Falklands War» (Jefferson, NC, 1998), 34.
19. Hunt, «Falkland Days», 202–3.
20. Thatcher, «Downing Street Years», 173.
21. «Daily Mail» за 5 апреля 1982 г.
22. Campbell, «Thatcher», II, 139.
23. Leach, «Makeshifts», 221.
24. Lord Carrington, «Reflect on Things Past» (1988), 370.
25. J. Nott, «Here Today, Gone Tomorrow» (2003), 269 и 246.
26. «Guardian» за 18 января 2006 г.
27. «The Economist» за 3 марта 1984 г.
28. Thatcher, «Downing Street Years», 196.
29. A.Barnett, «Iron Britannia» (1982), 31.
30. D.Tinker, «A Message from the Falklands» (Harmondsworth, 1983), 169.
31. R.Fox, «Eyewitness Falklands» (1982), 1.
32. «The Times» за 29 апреля 1982 г.
33. W.Shawcross, «Rupert Murdoch» (1992), 257–59.
34. Fox, «Eyewitness», 58.
35. Freedman, «Falklands Campaign», II, 302 и 403.
36. Tinker, «Message», 187.
37. Freedman, «Falklands Campaign», II, 729.
38. Tinker, «Message», 172.
39. West, «Secret War», 2.
40. M.Middlebrook, «The Falklands War», 1982 (изд. 2001), 225.
41. «The Times», 5 мая 1982 г.
42. Fox, «Eyewitness», 9.
43. Hastings, Jenkins, «Falklands», 309.
44. S.Woodward, «One Hundred Days: The Memoirs of the Falklands Battle Group» (1992), 331.
45. Nott, «Here Today», 319 и 242.
46. Davenport-Hines (ред.), «Letters from Oxford», 290.
47. «Franks Report», 86.
48. Сайт Фонда Маргарет Тэтчер: речь в Челтенхэме 3 июля 1982 г.
49. Colley, «Captives», 376.

50. «The Times», 15 января 1993 г.
51. «Guardian», 1 июля 2006 г.
52. J.Dimbleby, «The Last Governor» (1997), 48.
53. R. Hughes, «Hong Kong» (1968), 9.
54. J.Morris, «Among the Cities (Harmondsworth, изд. 1987), 151.
55. V.I.Lenin, «Collected Works», IV (Moscow, 1960), 374.
56. I.Bird, «The Golden Chersonese» (1883), 114.
57. CUL, Add 6799–6801. Дневник Стеллы Бенсон, 12 ноября 1930 г.
58. J.Grant, «Stella Benson» (1987), 275.
59. Grantham, «Via Ports», 107.
60. Eitel, «Europe in China», 573.
61. Des Voeux, «Colonial Service», II, 244 и 205.
62. Perham, «Lugard», II, 290.
63. A.P.Haydon, «Sir Matthew Nathan» (St. Lucia, Queensland, 1976), 110.
64. Welsh, «Hong Kong», 326.
65. J.Pope Hennessy, «Half-Crown Colony» (1969), 69.
66. C.Mun, «The Criminal Trial under Early Colonial Rule» в Tak-Wing Ngo (ред.), «Hong Kong's History» (1999), 53.
67. «The Hong Kong Guide 1893» (Hong Kong, изд. 1982), 92.
68. Eitel, «Europe in China», 411.
69. J.Pope Hennessy, «Verandah» (1964), 194.
70. Welsh, «Hong Kong», 257.
71. G.B.Endacott, «A History of Hong Kong» (Hong Kong, изд. 1973), 278.
72. J.Darwin, «Hong Kong in British Decolonization» в J.M.Brown, R.Foot (ред.), «Hong Kong's Transitions, 1842-1997» (Basingstoke, 1997), 20.
73. Gillingham, «At the Peak», 31.
74. Chan Lau Kit-ching, «China, Britain and Hong Kong 1895–1945» (Hong Kong, 1990), 226.
75. K.Furuya, «Chiang Kai-shek: His Life and Times» (New York, 1981), 196.
76. Chan Lau Kit-ching, «From Nothing to Nothing: The Chinese Communist Movement and Hong Kong, 1921–36» (1999), 200.
77. CUL, Add 6799–6801, 4 марта 1931 г.
78. Gillingham, «At the Peak», 114.
79. S.Tang, «Government and Politics in Hong Kong: A Colonial Paradox» в Brown, Foot (ред.), «Hong Kong's Transition», 64.
80. Perham, «Lugard», II, 320.
81. N.Miners, «Hong Kong under Imperial Rule 1912–41» (Hong Kong, 1987), 256 и 240.
82. CUL, Add 6799–6801, 17 августа 1931 г., 19 августа 1930 г. и 3 ноября 1931 г.

83. Virgil Kit-yin Ho, «The Limits of Hatred: Popular Attitudes towards the West in Republican Canton», ЕАН, II (декабрь 1991 г.), 104.

84. Tak-Wing Ngo, «Industrial History and the Artifice of *l'assez-faire* Colonialism» в Tak-Wing Ngo (ред.), «Hong Kong's History», 120.

85. Reynolds, «Command of History», 115.

86. Churchill, «Second World War», III, 157.

87. Jackson, «British Empire and the Second World War», 455.

88. A. Birch, «Hong Kong: The colony that Never Was» (Hong Kong, 1991), 63.

89. RH, MSS Ind Oc. s. 300, D. MacDougall Papers. В блокноте говорится о днях после 8 декабря 1941 г.

90. O. Lindsay, «The Lasting Honour» (1978), 20.

91. M. Gilbert, «Road to Victory» (1986), 19.

92. Welsh, «Hong Kong», 415.

93. Lindsay, «Lasting Honour», 197.

94. RH, MSS Ind Oc. s. 73. Дневник Л.А. Сирла, 17 мая 1942 г.

95. Barnes, Nicholson (ред.), «Empire at Bay», 851.

96. Chan Lau Kit-ching, «China, Britain and Hong Kong», 303.

97. D. Inving, «Churchill's War», II (2001), 564.

98. L. Woodward, «British Foreign Policy in the Second World War», IV (1975), 539–40.

99. S. Tang, «Government and Politics in Hong Kong: A Colonial Paradox» в Brown, Foot (ред.), «Hong Kong's Transitions», 72.

100. S. Yui-San Tsang, «Democracy Shelved: Great Britain, China and Attempts at Constitutional Reform in Hong Kong, 1945–52» (Hong Kong, 1988), 74.

101. Grantham, «Via Ports», 138.

102. RH, MSS Brit Emp. s. 288. Интервью с сэром Александром Грантэмом (1968), 12.

103. Grantham, «Via Ports», 171 и 112.

104. RH, MSS Ind Oc. s. 348. Интервью с сэром Робертом Блэком (1987), 13.

105. RH, MSS Brit. Emp. s. 288, 9 и 6.

106. Grantham, Via Ports, 122 и 124.

107. A. Coates, «Myself a Mandarin» (1968), 2 и 5–6.

108. R. A. Bickers, «The Colony's Shifting Position in the British Informal Empire in China», в Brown, Foot (ред.), «Hong Kong's Transitions», 53.

109. «Independent», 30 июня 1997 г.

110. I. Fleming, «Thrilling Cities» (1963), 19.

111. «Time», 20 июня 1949 г.

112. N. Miners, «The Government and Politics of Hong Kong» (Hong Kong, изд. 1998), 22.

113. RH, MSS Brit. Emp. s. 288, 17.

114. RH, MSS Ind Oc. s. 348, 123.
115. S.Tang в Brown, Foot (ред.), «Hong Kong s Transitions», 75.
116. D.Bonavia, «Hong Kong, 1997» (Bromley, 1984), 56.
117. Hughes, «Hong Kong», 73.
118. Louis, «Ends of British Imperialism», 341.
119. Bonavia, «Hong Kong», 119.
120. M. Roberti, «The Fall of Hong Kong» (New York, 1996), 51.
121. Bonavia, «Hong Kong», 107–8.
122. P. Cradock, «Experiences in China» (изд. 1999), 175, 176 и 177.
123. R. Cottrell, «The End of Hong Kong: The Secret Diplomacy of Imperial Retreat» (1993), 92, 90 и 94.
124. Howe, «Conflict of Interest» (1994), 368.
125. Cradock, «Experiences», 231, 184 и 188.
126. Howe, «Conflict», 373.
127. Thatcher, «Downing Street Years», 493.
128. Howe, «Conflict», 373.
129. «Independent», 18 ноября 2005 г.
130. M.Yahuda, «Hong Kong: China Challenge» (1996), 14.
131. Roberti, Hong Kong, 192.
132. S.Curtis (ред.), «The Journals of Woodrow Wyatt», II (1999), 104.
133. M.Stuart, «Douglas Hurd: The Public Servant» (1998), 351.
134. Dimpleby, «Last Governor», 96 и 156.
135. Stuart, «Hurd», 361.
136. «The Times», 1 июля 1997 г. и 1 декабря 1992 г.
137. M.Heseltine, «Life in the Jungle» (2000), 459.
138. «Daily Telegraph» за 1 июля 1997 г.
139. «Daily Mail» за 1 июля 1997 г.
140. «The Times» за 1 июля 1997 г.
141. «New York Times» за 1 июля 1997 г.
142. «Daily Mail» за 1 июля 1997 г.
143. «Guardian» за 19 ноября 2005 г.
144. «Daily Telegraph» за 1 июля 1997 г.
145. «Daily Mail» за 1 июля 1997 г.
146. «Guardian» за 19 ноября 2005 г.
147. R.Winder, «Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain» (2004), 295 и 291.
148. K.O.Morgan, «Imperialists at Bay: British Labour and Decolonization» в R.D.King, R.K.Wilson (ред.), «The Statecraft of British Imperialism» (1999), 253.
149. «Daily Mail» за 1 июля 1997 г.; автор — Алан Масси.
150. «Independent» за 30 июня 1997 г.; автор — Эндрю Маршалл.
151. Gibbon, «Decline and Fall», III, 142.

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Научно-популярное издание

**Брендон Пирс
Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997**

**Редактор Т. Малашин
Компьютерная верстка: Н. Круглов
Корректор М. Миронова**

**Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippss.ru, e-mail: zakaz@ippss.ru**

Книга Пирса Брендона и по названию, и по содержанию перекликается с эпохальным трудом Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». И это не случайно: британцы, стремясь к завоеванию мира, всегда оглядывались на Древний Рим.

Они нашли ключ к обретению истинного могущества на руинах Рима. Но там же следует искать и причины падения Британской империи.

Об этом и многом другом автор размышляет на страницах данной книги и рисует многоплановую картину упадка и разрушения Британской империи между 1781 и 1997 годом.